Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Ln 27877.5 d. 80

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ

НА 1842 ГОДЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.
1842.

Digitized by Google

BODLEIAN
P
16 OCT 1956
LIBRARY

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 30 апрѣля 1841.

Цензоры *А. Никитенко.*
С. Куторга.

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА ВЕЛИКАНА.

—

Въ шапкѣ золота литова
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другова
Изъ далёкихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужь гремѣлъ объ немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ:
Посмотрѣлъ — тряхнулъ главою...
Ахнулъ дерзкій — и упалъ.

Digitized by Google

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

1836.

И З Б А.

—

Небо въ часъ дозора
Обходя луна,
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.
Вечеръ зимній длится,
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится
И ужь спитъ себѣ.
Помолясь Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.
Только за работой
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь;
И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ,
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ;
Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

Н. ОГАРЕВЪ.

Digitized by Google

ЯМЩИКЪ

ИЛИ

ШАЛОСТЬ ГУСАРСКАГО ОФИЦЕРА.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.)

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Генералъ Сѣверинъ, человѣкъ лѣтъ 50, серьёзной наружности, одѣтъ по-дорожному.
Савва Савичъ Гречниковскій, помѣщикъ въ смѣшномъ охотничьемъ нарядѣ; ему около 30 лѣтъ.
Ларька, казачокъ, 13 лѣтъ.
Митька, ямщикъ, 24 лѣтъ.
Станціонный смотритель, пьяная рожа въ зеленомъ сюртукѣ, 45 лѣтъ.
Церковный староста, почтенный старецъ изъ крестьянъ, 60 лѣтъ.
Терентьевна, старуха.
Маша, дочь ея, 18 лѣтъ.
Ямской голова.
Ямщики, крестьяне, бабы и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Сцена представляетъ русское селеніе; на-лѣво выдается изба; вдали видѣнъ станціонный дворъ и шестъ съ соломеннымъ плетенымъ кругомъ. Въ углубленіи лежатъ на землѣ ямщики, завернувшись въ кафтаны и тулупы, и спятъ, въ-ожиданіи проѣзжающихъ Вдали слышенъ стукъ сторожа объ желѣзную доску. Начинаетъ свѣтать).

Митька *(пробирается тихонько между избами, осторожно оглядывается на всѣ стороны. Наконецъ подходитъ къ избѣ, что налѣво, и тихонько стучится въ окно)*.—Маша!.. а-тсъ... тсъ. Маша!..

Маша *(изъ окна)*. — Кто тамъ?... *(Вскрикиваетъ)*. Ахъ!... что это ты, въ эту пору... спозоранку.

Митька. — Терентьевна спитъ, что ли?

Маша.—Спитъ, родная... да того гляди проснется. Поди прочь... Христа ради.. Прочь поди, прочь!.. Тутъ, вишь, народъ спитъ. Коли проснется кто. Бѣда. Увидятъ, глазъ нельзя будетъ показать.

Митька. — Не бось, и увидятъ, да языкъ закусятъ. Не то я имъ такъ ребра пересчитаю, что будутъ вѣкъ помнить. Да не въ первый вѣдь разъ. Давай-ка, кто посмѣетъ?...

Маша. — Полно, полно, что это? Матушка узнаетъ, хуже будетъ.

Digitized by Google

Митька. — Ну, ладно, ладно. Слышь, выдь-ка сюда.

Маша. — Ахъ, какъ можно!

Митька. — Аль боишься меня, что ли?

Маша. — Нѣтъ... да сосѣди вить увидятъ. Матрена-солдатка и понесетъ нѣвѣсть что.—Нѣтъ, приходи лучше послѣ вечеренъ на сѣнокосъ. Прощай, Митя, не пеняй, не серчай на меня. Не смѣю. Богъ видитъ, не смѣю.

Митька.—А, вотъ что, нѣлюбъ видно я тебѣ.

Маша.—Грѣхъ тебѣ, Митя.

Митька.—А я такъ тебѣ вѣсть недобрую принесъ, чуть ли не проститься пришелъ.

Маша.—Что это... что ты это нехорошее баешь? Нѣтъ, ты, чай, шутишь?

Митька.—Плохая тутъ шутка. Нынче ѣдутъ въ городъ, некрутовъ ставить. Того гляди, что нашего брата схватятъ, скрутятъ, знашь, — и поминай какъ звали.

Маша. — Ахъ! ты Господи Владыко! Постой, Митя... сейчасъ выйду. *(Окно опускается).*

Митька *(одинъ)*. А сказать правду, куда я не люблю этихъ бабьихъ проводовъ, да поминокъ за живо. Служить, такъ служить! Взялъ ружье, да и запѣлъ пѣсню... Ради стараться, ваше благородіе. Будемъ служить охотою и усердіемъ нашимъ. Эхъ-ма!

Маша. — *(выходитъ изъ калитки)*. Ну, вотъ я и вышла... Митя, вотъ я и вышла... Ну, признайся-ка теперь, что ты пошутилъ... Дѣло вѣдь сдѣланное. Да, ты не на очереди. Извѣстно...

Митька *(хочетъ обнять ее)*. —Ахъ, ты солнце мое ненаглядное!

Маша. — Перестань, дастъ Богъ—буду твоей хозяйкой, обнимай какъ знашь. А теперь, смотри, не приставай. Не то хлопну дверью, и не видать тебѣ меня вѣкъ цѣлый. Наше дѣло дѣвичье... неразумное. А давать воли не велѣно. Грѣхъ...

Митька. — Какой тутъ грѣхъ! Маша!... говорю я тебѣ, плохо приходится.

Маша.—Да какъ же это?

Митька. — Да вотъ что. Голова на меня взъѣлся, хочетъ лобъ забрить... Вотъ-те все тутъ.

Маша. — Да быть не можетъ... Да зачѣмъ же это?

Митька. — А Богъ его знаетъ зачѣмъ... Вѣдь голова-то, ты, чай, знаешь, хмѣлемъ зашибатъ.

Маша.—Слыхала.

Митька.— Ну, а тутъ ужь не ожидай добраго. Запивать, такъ уже мало совѣсти. Кто побогаче, знашь, и поднесетъ ему то чаю фунтъ, то голову сахару, а иной разъ и сотенную—давай только. Ну,

Digitized by Google

и долой съ очереди. А нашему брату, бобылю, безъ рода и племени, и забриваютъ лобъ.

Маша. — Помилуй Господи!

Митька.—Да вотъ, Маша, еще что. За тобой онамнясь вздумалъ ухаживать молодчикъ изъ сосѣдства, Савва Саввичъ,—чортовъ племянникъ. Ужь попадется онъ ко мнѣ въ лапы.

Маша.—Полно, что ты! Да я и въ лицо его порядкомъ не видала. Онъ и не пригожой такой.

Митька.—А тотъ, что въ полѣ за тобой бѣжалъ. Забыла, что ли?

Маша.—Такъ что же? Я ушла таки-себѣ...

Митька.—Это-то ладно... Да онъ вотъ какъ узнаетъ... какъ бы это тебѣ сказать: что пока я здѣсь... я не дамъ ему подойдти на сажень къ твоей избѣ, вотъ онъ и захочетъ спровадить меня подальше... Понимаешь ли ты, голова-то ему другъ и пріятель. Чаи вмѣстѣ распиваютъ, а иногда и чего другаго выпьютъ. А какъ меня не будетъ здѣсь... *(Сквозь зубы)*. Чортовъ братъ, тварь эта-ка поганая! Ужь бы я тебя поподчивалъ!

Маша. —Да какъ узналъ ты это?..

Митька.—Что тутъ за мудрость.—Калякать-то вездѣ много охотниковъ.—Узналъ по бабьимъ сплетнямъ, отъ пріятелей.—Машка-то, говорятъ, тебѣ больно сподручна.—Да не бось, не бывать ей за тобой.—Гдѣ тебѣ съ бариномъ тягаться... ты голышъ, нищій, бобыль безъ рода и племени... Вотъ, Маша, что баютъ пріятели.

Маша.—Не слушай ихъ.—Митя, али мнѣ повѣрить не хочешь?

Митька.—Да и впрямъ... Гдѣ мнѣ на тебѣ свататься, изба вишь у васъ какая. А я весь тутъ. Отца, говорятъ, не бывало. Матушка померла. Сиротой родился, сиротой и помру. Буду-себѣ маяться, а тебя выдадутъ за мужика богатаго, пожалуй, и буду я только посматривать ночью въ окно, какъ ты съ хозяиномъ будешь сидѣть на крайнемъ углѣ подъ образами... да чаекъ вмѣстѣ будете попивать!.. *(плачетъ)*.

Маша *(плачетъ)*.—Нѣтъ, не выйду я замужъ. Никогда не выйду, никогда, никогда!

Митька. — Полно. Силою отдадутъ. Развѣ васъ спрашиваютъ? Ну, да что тутъ кручиниться. Счастливо вамъ оставаться съ хозяиномъ... а я пойду своей стороной. Служить стану... и право-ну... лихое вѣдь дѣло. Чай на коня посадятъ. А?.. посадятъ, что ли? ну, а кони-то мнѣ други-пріятели, знакомы давно: а тамъ пойдутъ подъ Турку, иль подъ Француза... а тамъ и убьютъ, пожалуй, дай бы Богъ!.. а пушки-то, барабаны-то, солдаты-то, а пѣсни-то, эхъ-ма! Гуляй себѣ да и только! Бей басурмана. Знай нашихъ! *(молчаніе)*.

Маша.—И впрямъ. Ступай съ Богомъ, коль тебѣ не жаль никого по селѣ...

Digitized by Google

Митька.—Нѣтъ... Маша. Какъ не жаль. Сердце разрывается. Да что дѣлать, не быть мнѣ твоимъ суженымъ, не быть тебѣ моей невѣстой.

Маша.—Бѣдная я, горемычная!

Митька.—Ненаглядная радость моя!

Маша.—На кого ты меня покинешь? Лучше бы лечь въ мать сыру-землю. Я сгину, пропаду безъ тебя.

Митька.—Красное мое солнышко. Золотая моя, распрекрасная. Не забудь меня, горемычнаго.

Маша.—Ахъ! какъ-то мнѣ забыть тебя, въ тебѣ я и сердце только свое слышу... *(Слышенъ голосъ за кулисой «вотъ я тебя!». Маша вскрикиваетъ и убѣгаетъ въ избу).*

явленіе II.

Митька, Савва Саввичъ Гребчиковскій и Ларька.

Савва Саввичъ.—Ба, ба, ба! Ларька, гляди-ка, на что напали; ай-да прекрасно. Что лихо, то лихо, ай-да смиренницы. Вотъ то и дѣвичья скромность.

Митька *(сердито)*.— Ну, что это ты загорланилъ, баринъ? ступай своей дорогой. Не твое здѣсь дѣло!

Савва Саввичъ.—Хорошо, хорошо, Ларька, хорошо, что ли? чувствительно! Эге ге... вотъ ты, братъ, чѣмъ промышляешь. Скажи: намедняшная что ли, или другая? Ты плутъ вѣдь большой руки.

Митька.—Другая!..

Савва Саввичъ.—Хорошенькая?..

Митька.—Самая дрянная... отойдите только прочь до грѣха.

Савва Саввичъ.—Эге, братъ, расхорохорился, очень важенъ, велика птица.

Митька.—Не велика птица, да ноготокъ остеръ.

Савва Саввичъ.—Что, что, забылся, каналья! А ты знаешь ли, съ кѣмъ ты говоришь, не съ своимъ братомъ связался, почище тебя, голубчикъ, гораздо почище, я тебя скручу, знаешь какъ; я упеку тебя куда воронъ костей не заносилъ, я тебѣ...

Митька.—Ну, ладно... а я отучу тебя подсматривать за честными дѣвками.

Савва Саввичъ.—Увидимъ!

Митька.—Увидимъ!

Савва Саввичъ.—Да что ты въ-самомъ-дѣлѣ, бездѣльникъ! Вотъ я тебя...

Митька.—Берегись, не трогай.

Савва Саввичъ.—А что будетъ?

Digitized by Google

Митька.—Да не хорошо будетъ.

(*Стоятъ въ позиціи; Маша, которая украдкой выглядывала изъ окна, вскрикиваетъ: «Господи! что-то будетъ!»*)

Савва Саввичъ.—Ларька! а Ларька! Вѣдь онъ пожалуй... знаешь?

Ларька.—Таковскій, сударь.

Савва Саввичъ.—Ахъ, мерзавецъ этакой, вотъ постой-ка, ужь я съ тобой справлюсь. Ларька, ступай къ головѣ, попроси ко мнѣ пуншику выпить. Нѣтъ, постой, самъ уже пойду. А... а... вотъ увидимъ... чья возьметъ, посмотримъ, будешь ли меня помнить (*На дворѣ совершенно свѣтло; ямщики просыпаются и встаютъ*).

Митька.—Никакъ народъ встаетъ, спросятъ зачѣмъ я здѣсь шатаюсь; пойду лошадокъ покормить. Счастливо оставаться, ваше благородіе, (*смѣется*) а драться не извольте (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Савва Саввичъ и Ларька. — (*Ларька одѣтъ казачкомъ, черезъ плечо нагайка и фляжка съ водкой, въ рукахъ барская трубка*).

Савва Саввичъ.—Смѣйся, смѣйся... надѣнутъ на тебя бѣлую ленту черезъ плечо, будешь ты у меня смѣяться... тьфу пропасть! и охота таковская была, что стыдно сказать. Хоть бы голубь попался, хоть бы пигалица... Ларька, водки!

Ларька.—Вотъ, сударь!..

Савва Саввичъ (*пьетъ, и остальнымъ въ стаканчикъ брызгаетъ въ лицо Ларьки. Ларька глупо смѣется*). А все ты виноватъ!..

Ларька.—Я-съ?.. (*смѣется*).

Савва Саввичъ.—Вотъ, смѣйся, я тебя нагайкой разсмѣшу, мошенника.

Ларька.—Да чѣмъ же я, сударь, виноватъ?

Савва Саввичъ.—А забылъ, что ли, я у тебя спрашивалъ вчера, какую на счастье запречь въ бѣговыя, саврасую или иноходца... ты и говоришь: «прикажите, сударь, потѣшнаго запречь. Охота отличная будетъ». Я съ-дуру и послушался. Что жь, мошенникъ? Вѣдь ничего не нашли. Какъ нарочно. Всѣ ноги исходилъ по болотамъ, измокъ, какъ карась (*Ларька хочетъ удержаться отъ смѣха*), проголодался какъ собака... (*Ларька опять смѣется*); а хоть бы въ курицу выстрѣлилъ (*Ларька продолжаетъ смѣяться*). Что жь ты смѣешься, бездѣльникъ?..

Ларька.—Я-съ-пф-я-съ-ничего-съ.

Савва Саввичъ.—Вотъ я научу тебя надъ бариномъ смѣяться! (*деретъ Ларьку за ухо. Ларька визжитъ и плачетъ*).

Digitized by Google

Ларька.—Ай, ай, сударь, не буду!.. ей-Богу, не буду...

Савва Саввичъ.—Ну, то-то же, смотри. Что, фрыштыкъ есть въ сумкѣ?

Ларька.—Никакъ нѣтъ-съ, вы не приказывали брать.

Савва Саввичъ.—Экой мошенникъ! Вѣдь нѣтъ этого, чтобъ подумать о баринѣ! Ну, да постой... вотъ доберемся до дому, такъ ужъ тамъ разсчитаемся.

Ларька *(плаксиво)*.—Да чѣмъ же я виноватъ, сами изволите говорить: настрѣляю дичи къ фрыштыку и поѣду фрыштыкать на станцію къ Николаю Иванычу, смотрителю... я ему обѣщалъ-де дупелей.

Савва Саввичъ.—Вотъ разсуждай-ка еще, я тебя!.. *(стучится въ избу)*. Эй вы, олухи, бороды, спите, что ли? оглохли! Что это? Чортъ бы васъ подралъ, не достучишься!..

Маша *(изъ избы)*.—Кто тамъ?

Савва Саввичъ.—Эй,баба, пошевеливайся. Не-то непристойное слово скажу. Ей, ей, ну.

Маша *(у окна)*.—Что вамъ надо?..

Савва Саввичъ.—Ба, ба, это намедняшняя. Ларька, какова канарейка? Знай нашихъ! *(снимаетъ картузъ, поправляетъ виски и любезничаетъ)* Здорова, моя красотка. Давно не видались... не спознала, что ли?

Маша.—Нѣтъ-съ, не спознала. *(Про себя)* Экой лѣшій!

Савва Саввичъ.—Какъ, а намедни ты отъ меня убѣжала, помнишь ли?

Маша.—Гдѣ мнѣ помнить? Наше дѣло дѣвичье, неразумное. Я и со двора никуда не хожу.

Савва Саввичъ *(хохочетъ)*.—Пф, пф, ха, ха ха, а давиче-то я засталъ здѣсь тебя съ молодчикомъ? Ха, ха, дѣло самое дѣвичье.

Маша.—Вы зачѣмъ стучались?

Савва Саввичъ.—Ну, не сердись, красавица!.. Параша, что ли?

Маша.—Нѣтъ!

Савва Саввичъ.—Авдотья?

Маша.—Нѣтъ.

Савва Саввичъ.—Арина?

Маша.—И, нѣтъ. Да вамъ на что, чего вамъ надобно?

Савва Саввичъ.—Да нѣтъ ли закусить чего? Хоть хлѣбца ржаного, проголодался совсѣмъ.

Маша.—Сейчасъ подамъ.

Савва Саввичъ.—Ларька, хороша что ли птица?

Ларька.—Прекрасная!!

Савва Саввичъ.—Ахъ ты мошенникъ! *(хочетъ взять его за ухо, Ларька вывертывается и глупо смѣется)*.

Digitized by Google

Маша *(подаетъ изъ окна ломоть хлѣба)*.—Вотъ тебѣ, баринъ! кушай на здоровье.

Савва Саввичъ.—Ай-да спасибо. Ей ей, ну, право, раскрасавица. Да чортъ ли тебѣ въ этомъ ямщикѣ? Кажется, вѣдь я его непохуже... не упрямься, ягода моя. Дай-ка поблагодарить тебя отъ чистаго сердца. *(Лѣзетъ на завалину, Маша опускаетъ окно на пальцы Саввы Саввича)* Ой, ой... тьфу ты пропасть, опять пуделя далъ, а все этотъ проклятый ямщикъ! Ужь я его! Ларька!

Ларька.—Что, сударь?

Савва Саввичъ.—А какъ ямщика-то не будетъ, вѣдь дѣвка будетъ по посговорчивѣе?

Ларька.—Какъ прикажете-съ.

Савва Саввичъ.—Болванъ! Вѣдь они чужіе, что станешь тутъ дѣлать?.. А... водки...

Ларька.—Вотъ-съ, сударь. *(Савва Саввичъ пьетъ и брызгаетъ въ лицо Ларьки; Ларька вмѣется; около станціи суматоха. Слышенъ стукъ экипажа)*.

Савва Саввичъ.—Эге, кто-то подъѣхалъ. Сбѣгай-ка, Ларька, посмотри. Въ тарантасѣ что ли?

Ларька *(бѣжитъ за кулису и возвращается)*.—Нѣтъ-съ, въ каретѣ.

Савва Саввичъ.—А, въ каретѣ *(Поправляетъ виски)*. Гляди-ка, кто вышелъ.

Ларька *(опять бѣжитъ за кулису и возвращается)*.—Господинъ какой-то.

Савва Саввичъ.—Одинъ, что ли?

Ларька.—Одинъ-съ.

Савва Саввичъ.—Съ крестомъ на шеѣ?

Ларька.—Нѣтъ-съ, со звѣздой.

Савва Саввичъ.—А, со звѣздой *(застегиваетъ кафтанъ)*. Видно, генералъ. Ступай-ка, узнай, какъ фамилія.

Ларька.—Сейчасъ узнаю. *(Бѣжитъ. Савва Саввичъ бѣжитъ за нимъ)*.

Савва Саввичъ.—Постой, мошенникъ! куда ты?

Ларька.—Да вѣдь вы послали.

Савва Саввичъ.—Постой, говорятъ тебѣ! Надо быть по-осторожнѣе. Вѣдь генералъ... Да никакъ сюда идутъ. Послушай, проводи-ка задами потѣшнаго къ головѣ... шагомъ, слышишь ли... Да скажи, что мнѣ надо съ нимъ переговорить нынѣ же. Ну, живо. Маршъ!

(Ларька бѣжитъ черезъ всю сцену, свиститъ, прыгаетъ и кувыркается).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IV.

Савва Саввичъ, Сѣверинъ, Смотритель *(идутъ и говорятъ)*.

Сѣверинъ. — Такъ нѣтъ лошадей?

Смотритель. — Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство. Ей Богу, никакъ нѣтъ-съ... не угодно ли будетъ въ книгу взглянуть? *(въ-сторону)* Ну, будетъ сейчасъ гроза. Сейчасъ начнется!

Сѣверинъ.—Много, видно, проѣзжающихъ?

Смотритель. — Много, ваше превосходительство, чрезвычайно много, почта прошла утромъ. Два эстафета, а всего три тройки по положенію. Сами изволите знать... *(въ сторону)* Ну, вотъ сейчасъ разсердится. Какъ бы не сробѣть только...

Сѣверинъ.—Долго прійдется мнѣ здѣсь ждать?

Смотритель. — Часа 4, ваше превосходительство, небольше. Только прійдутъ лошади, некормя велю закладывать *(въ-сторону)*. Странный человѣкъ! не сердится. Не бранится! Что́ бы это значило? Не понимаю.

Сѣверинъ. — Не безпокойся, любезный, я и подождать могу. Мнѣ не къ спѣху.

Смотритель *(въ сторону)*. — Фу ты пропасть! страшно становится. Что же онъ не кричитъ? *(Въ слухъ)* Да ваше превосходительство не прикажете ли изъ обывательскихъ? Здѣсь вольныя нанимаются. Лишку немного приплатить изволите. А кони хорошіе.

Сѣверинъ.—Нѣтъ! я подождать могу.

Смотритель *(въ-сторону)*. — Ну, бѣда... бѣда!... *(Въ-слухъ)* Не погубите, ваше превосходительство, право, лошадей у меня нѣтъ. Ну, посмѣлъ ли бы я отказать такой особѣ, какъ ваше превосходительство? Вотъ-те ну, вотъ право нѣтъ.

Сѣверинъ.—Будь покоенъ, братецъ.

Смотритель *(въ-сторону)*. — Ну! пропалъ.

Савва Саввичъ *(который все это время вертѣлся около Сѣверина, не смѣя къ нему подойдти, на цыпочкахъ подкрадывается къ смотрителю.)* Тсъ-тсъ, Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ!...

Смотритель.—Отойдите прочь! Не до васъ теперь.

Савва Саввичъ. — Какъ фамилія?

Смотритель.—Послѣ скажу.

Савва Саввичъ.—Министръ, что ли?

Смотритель.—Ахъ! да отвяжитесь, ради Бога.

Сѣверинъ.—А какъ называется ваша станція?

Смотритель *(въ-сторону)*. — Ну, такъ и есть; записать хочетъ! *(Въ слухъ)* Ваше превосходительство, семейство. Отецъ, 8 дѣтей ма-

Digitized by Google

лотыхъ. Весь въ разгонѣ. Чѣмъ же я виноватъ. Почта, эстафеты, извольте въ книгѣ посмотрѣть *(плаксиво)*. Ваше превосходительство!

Северинъ.—Будь покоенъ *(смотритъ кругомъ, какъ-будто узнаетъ мѣсто)*.. Но эта станція...эти дома..Когда я былъ еще молодъ.. Какъ зовутъ это село?

Савва Саввичъ — *(подбѣгаетъ и кланяется.)* Село Завьялово, ваше превосходительство.

Северинъ. — Какъ?...

Савва Саввичъ. Село Завьялово, Овращкино тожь.

Северинъ *(въ-сторону)*.—Да, да; такъ точно. *(Въ-слухъ)* Скажите, здѣсь зимовалъ однажды гусарскій полкъ лѣтъ двадцать-пять тому назадъ?

Савва Саввичъ. — Не могу доложить-съ. Николай Иванычъ, стоялъ здѣсь гусарскій полкъ?

Смотритель.—Такъ точно, ваше превосходительство. Когда я опредѣлился сюда изъ курьеровъ Московскаго Почтамта станціоннымъ смотрителемъ, въ народѣ только и было разговоровъ о гусарахъ. *(Подчуваетъ)* Весело-съ погуливали. Офицеры были-съ съ капиталомъ, и молодцы молодцами-съ! До-сихъ-поръ поминаютъ... Усы вотъ этакіе, ментики на распашку...

Савва Саввичъ *(щелкая по воротнику)*.—И подъ шефе, чай?

Смотритель. — Да-съ, извѣстное дѣло. Люди молодые. Всяко бывало. Очень весело живали-съ. Красивымъ дѣвушкамъ прохода не бывало по улицѣ.

Северинъ.—Здѣсь была одна... дѣвушка... кажется, Аннушка, дочь старосты? *(Припоминаетъ)*.

Смотритель.—Петра Коршунова, что ли?

Северинъ.—Да, такъ точно. Что, она жива?

Савва Саввичъ.—А-га! видно, охотникъ...

Смотритель.—А! ваше превосходительство изволили объ этомъ слышать? Курьозная исторія! Красавица, говорятъ, была. Вы изволили ее видѣть?

Северинъ. — Нѣтъ... нѣтъ... я слыхалъ о ней отъ одного пріятеля. Что же, она жива?

Смотритель.—И, нѣтъ-съ, давно померла-съ.

Северинъ *(съ смущеніемъ)*.—Право?.. А какая же это исторія, о которой ты говорилъ?

Смотритель.—Не могу обстоятельно доложить, а люди вотъ что говорятъ. Былъ здѣсь старикъ староста, жилъ съ своей старухой. Люди были съ достаткомъ, то-есть, ваше превосходительство изволите знать достатокъ деревенскій: были свои коровушки, да лошадки, да дочь была одна всего-на-все. Парней не было. Вотъ-съ, пришелъ полкъ. Имъ въ избу и поставили офицера, такъ-бишь его звали...

Digitized by Google

забылъ, виноватъ; ну, да все равно. Какъ поставили офицера въ избу,—а изба у нихъ была такая чистая, — офицеръ, извѣстное дѣло, ваше превосходительство, человѣкъ молодой *(подшучиваетъ)*, жилъ въ столицахъ, зналъ какъ обращаться... Дѣвка молодая, собой красавица-съ... Старикамъ гдѣ усмотрѣть: ну, и загуляла.

Савва Саввичъ *(хохочетъ)*.—Ай-да молодецъ!

Сѣверинъ.—Ну, а потомъ?

Смотритель.—Потомъ-съ полкъ вышелъ. Офицера, какъ водится, поминай какъ звали, да правду сказать, чѣмъ же онъ и виноватъ? Человѣкъ молодой-съ...

Сѣверинъ.—А она что?

Смотритель. — Ну, ваше превосходительство, ужь деревенское извѣстное дѣло. Ей-то на улицахъ прохода не бывало: всѣ мальчишки пальцами указывали, дѣвки въ хороводы не пущали... И странно-съ: народъ, кажется, неделикатный, а года не прожила.

(Молчаніе).

Сѣверинъ.—А старики?

Смотритель.—Да что жь имъ дѣлать-съ? Простили, промаялись немного,—съ полгода, что ли; достатокъ распустили, сиротами померли.

Сѣверинъ.—Съ горя, съ печали?

Смотритель.—Должно быть такъ-съ.

Сѣверинъ.—Съ печали! И никого не осталось?

Смотритель. — Нѣтъ-съ, у Аннушки той остался сынъ, то-есть не совсѣмъ, изволите видѣть, правильный, а парень, впрочемъ, хорошій. Хмѣлькомъ иногда зашибаетъ: ну, да это дѣло молодое... А какую хотите тройку вспаритъ.

Сѣверинъ.—Онъ здѣсь?

Смотритель.—Да-съ, около станціи.

Сѣверинъ.—Да чѣмъ же онъ?

Смотритель.—Какъ чѣмъ-съ? ямщикомъ. Да онъ никакъ съ вами поѣдетъ.

Сѣверинъ.—Ямщикъ,—а они всѣ померли... *(Садится на скамейку и впадаетъ въ глубокую задумчивость)*.

Савва Саввичъ *(на ухо смотрителю)*.—Министръ, что ли?

Смотритель.—Отставной генералъ.

Савва Саввичъ.—Но въ службѣ?

Смотритель.—Я вамъ говорю, отставной.

Савва Саввичъ.—А! нашъ братъ помѣщикъ. Кажется, проказникъ?

Смотритель. — Какой, не знаю, что съ нимъ дѣлать. Какъ вы думаете, не предложить ли ему чайку?

Савва Саввичъ.—Съ ромомъ.

Digitized by Google

Смотритель. — А что, въ-самомъ-дѣлѣ? велю самоваръ поставить. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ Смотрителя.

Савва Саввичъ *(развязно подходитъ къ Сѣверину, который, задумавшись, его не слышитъ).*—Генералъ! вы, какъ кажется, любите хорошенькихъ, чортъ побери! Да, знаете, генералъ, я и самъ большой охотникъ... Вотъ изволите видѣть это окно? Тутъ такая красотка, что у васъ въ глазахъ зарябитъ. Только ужь чуръ не отнимать... Вы вѣдь, генералъ, я вижу... Впрочемъ, если вы намѣрены здѣсь немного остаться, милости просимъ ко мнѣ; честь имѣю рекомендоваться: *(кланяется)* отставной поручикъ Савва Саввичъ Гренчиковскій. Я живу въ своей усадьбѣ, въ трехъ верстахъ отсюда. Коли охоту, генералъ, жалуете,—не люблю хвастаться, а надо сказать правду,—у меня собаки первыя въ уѣздѣ. Если любите, генералъ, выпить, я васъ такимъ ромчикомъ уважу, что̀ прямо изъ Питера отъ перваго мастера, и знаете, въ карточки, генералъ, можемъ срѣзаться, да тамъ еще прочаго другаго не такъ для единой единственности, какъ совершеннаго компанства, ха! ха! ха!

Сѣверинъ. — Съ горя, съ печали... сѣдые волосы, стыдъ и смерть...

Савва Саввичъ. — А вѣдь правду сказать, въ деревнѣ чѣмъ не житье? право-ну. Дѣлать нѣчего?—велишь заложить себѣ тройку, да самъ сядешь править: эхъ, тарарахъ, тахъ, тахъ, пыль столбомъ!

Сѣверинъ. — А! вы тоже ямщикъ?

Савва Саввичъ. — Помилуйте, генералъ! Что̀ это значитъ? Вы меня обижаете: я не какой-нибудь ямщикъ, я поручикъ въ отставкѣ. Служилъ бы, былъ бы теперь штабс-капитаномъ. Что вы думаете?.. Да что это отъ него слоҍа порядочнаго не добьешься? А-га, генералъ! видно, на окно поглядываете? Да поздно пожаловали: тутъ ужь ямщикъ проклятый завладѣлъ крѣпостью. Да мы его спровадимъ; уладимъ дѣло съ головой; хоть сто рублей подарить, а ужь я его выживу; надѣнемъ на него лямку, а тамъ миролюбиво сдѣлаемся. Пойду похлопотать... чья возьметъ; только чуръ, генералъ, не обманывать, не обманывать *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сѣверинъ *(одинъ).* Обмануть, обольстить, презирать самого-себя, погубить невинную дѣвушку, зарѣзать старика, бросить сироту на бѣдность и поруганіе,—хорошія, добрыя дѣла! сладкое утѣшеніе въ

Digitized by Google

старости! *(Садится)*. Молодость, бурная молодость! зачѣмъ ты не слушаешь совѣтовъ опыта? Много печалей ты не узнала бы никогда, много бы грѣховъ не тяготили твою совѣсть! Да! не хорошо тратить жизнь и совѣсть по пустому. Не хорошо хвалиться своимъ развратомъ и жить только для соблазна и обмана. Скоро проходятъ минуты шумнаго самозабвенія, а тамъ что? Старость, болѣзнь, одиночество, скука, раскаяніе... *(Впадаетъ въ задумчивость.)* Бѣдная Аннушка! какъ она меня любила, какъ просто, какъ сильно и безкорыстно! Люди, испорченные свѣтомъ, не поймутъ всей неограниченности чувства въ душѣ первобытной. А мы смѣялись тогда съ товарищами надъ этимъ чувствомъ, которое было бы теперь лучшимъ сокровищемъ моей жизни. Совѣсть проснулась наконецъ. Грѣхъ во всемъ безобразіи, какъ тѣнь, возставшая изъ могилы, неподвижно стоитъ передо мною и грозитъ мнѣ таинственно неумолимымъ упрекомъ. Умерла въ горѣ, въ нищетѣ, въ посрамленіи, и тамъ, на предвѣчномъ судилищѣ, она обвиняетъ меня теперь, а съ нею рядомъ, отворотившись отъ нея, стоятъ убитые мною старики и шепчутъ мнѣ проклятье; а когда и я предстану съ ними... что же буду отвѣчать? А?..

Но казнь моя уже здѣсь, ужь на землѣ началась для меня. Буйные товарищи всѣ лежатъ въ могилѣ, я одинъ, вѣчно одинъ, безъ привязанности, безъ подпоры. Съ недугомъ въ груди, съ камнемъ на совѣсти, и никто не согрѣетъ душу пламенемъ участья. Никто не закроетъ мнѣ глазъ, никто не пойдетъ со слезами за моимъ гробомъ. Тяжело умирать одному! одному!.. Да, въ цѣломъ свѣтѣ и есть у меня только одинъ сынъ. И тотъ меня не знаетъ... и тотъ для меня вѣчный укоръ, и тотъ ямщикъ, простой ямщикъ! *(Утираетъ слезы.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сѣверинъ и Маша.

Маша *(боязливо посматриваетъ на Сѣверина и робко къ нему подходитъ.)* — Баринъ!..

Сѣверинъ. — А что тебѣ надобно?

Маша. — До вашей милости...

Сѣверинъ *(сурово)*. — Ну!..

Маша *(испугавшись)*. — Нѣтъ-съ! такъ ничего... я не стану безпокоить. *(Хочетъ уйдти)*.

Сѣверинъ *(ласково)*. — Не бойся, дѣвушка, говори, что могу я для тебя сдѣлать?

Маша. — Да не знаю какъ и молвить, баринъ. Вѣдь наше дѣло дѣвичье, неразумное, никуда не выходимъ, не смѣю, право.

Digitized by Google

Севринъ.—Ну, будь смѣлѣе.

Маша. — Да никакъ дѣвушкѣ нельзя о такихъ дѣлахъ баить... Вы не скажете матушкѣ?

Севринъ. — Не скажу, будь покойна.

Маша. — Право не скажете?

Севринъ. — Право.

Маша. — А то вѣдь мнѣ глазъ нельзя будетъ домой показать.

Севринъ. — Да говори же, въ чемъ дѣло?

Маша. — Да вотъ-съ не смѣю, право... стыдно... вотъ что... Дмитрія хотятъ въ некруты везти.

Севринъ. — А кто это Дмитрій?

Маша. — Здѣшній ящикъ. Онъ поспорилъ съ Саввой Саввичемъ; Савва Саввичъ, негодной такой, пошелъ къ головѣ жаловаться, и того гляди будетъ бѣда.

Севринъ. — А за что онъ поссорился?

Маша. — Да изволишь видѣть, баринъ-то, не смѣю молвить... ухаживать любитъ за дѣвушками, вздумалъ, такъ сказать...

Севринъ. — И за тобой ухаживать?

Маша. — Такъ точно.

Севринъ. — А... а... и Дмитрію это не нравится?

Маша. — Такъ точно... Можетъ ли это ему быть по сердцу?

Севринъ. — Этотъ Дмитрій тебѣ родня?

Маша. — Нѣтъ.

Севринъ. — Женихъ?

Маша (*краснѣя*). — Нѣтъ-съ.

Севринъ. — Ты его любишь?

Маша. — Ахъ, какъ можно, матушка не позволитъ, онъ нашъ, такъ, знакомый, бѣдный сирота. Жалко его, безъ защиты, даромъ пропадетъ.

Севринъ. — Сирота, говоришь ты. Да что же я могу тутъ сдѣлать? (*Ямщикъ Савва Саввичъ и Ларька проходятъ въ углубленіи и смѣются*).

Маша. — Да вы, я слышала, баринъ, анералъ. Какъ прикажете, такъ и будетъ. Голова противъ васъ не посмѣетъ. Не откажите, ваше благородіе. Заступитесь за сироту безроднаго. Ни отца, ни матери. Вся надежда на добрыхъ людей...

Севринъ (*тронутъ*). Хорошо, хорошо, увидимъ... Все, что смогу, я сдѣлаю, чтобъ помочь твоему горю...

(*Голосъ старухи изъ окошка*). —Маша, а, Маша, гдѣ это ты? полно по порядку шататься.

Маша. — Слышите, баринъ, не говорите матушкѣ о чемъ я васъ просила.

Севринъ. — Хорошо, хорошо.

Digitized by Google

Маша. — Не то я пропаду совсѣмъ. Матушка грозная такая. Умру со страху.

Сѣверинъ. — Будь покойна.

Маша. — Ну, ладно... не забудьте же... (*Ласкательно*) Знаете... пожалуйста, баринъ!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сѣверинъ, Савва Саввич (Ларька).

Савва Саввичъ (*подтрунивая*). — Ей, ха, ха, ха!.. Ваше превосходительство... времени тратить не изволите... а въ уговорѣ не было. Грѣшно вамъ у насъ, бѣдныхъ людей, хлѣбъ отнимать.

Сѣверинъ. — Что это значитъ?

Савва Саввичъ. — Да значитъ, что, видно, генералъ, вы не промахъ. И ѣхать не хотите... Да и занятіе себѣ нашли. (*Въ-полголоса*) Скажите-ка по правдѣ,—что, она съ вами по-сговорчивѣе?..

Сѣверинъ. — Кто?

Савва Саввичъ. — Ну, да... вотъ... что отъ меня спряталась... Экая продувная!

Сѣверинъ. — Какъ вы смѣете думать?

Савва Саввичъ. — Та, та, та... Не сердитесь, ваше превосходительство. Дѣло вѣдь явно... что не барахтается... полюбовно кончили... или поплатиться изволили? Ха, ха, ха...

Сѣверинъ. — Перестаньте, пожалуйста; я не люблю такихъ шутокъ...

Савва Саввичъ. — Перестать... мнѣ... нѣтъ, какъ угодно, а ужь не перестану... Я и самъ за нею ухаживаю. Посмотримъ еще, чья возьметъ?.. Благо, что не приступная; мы и сами, изволите видѣть, похлопотать съумѣемъ о собственной надобности.

Сѣверинъ. — Негодяй!

Савва Саввичъ. — Браниться? Что же вы думаете? что вы генералъ? Да вѣдь въ отставкѣ! насъ не проведешь! Мы не такіе деревенскіе... кое-что сами знаемъ.

Сѣверинъ. — Отойдете ли вы отъ меня?

Савва Саввичъ. — Ларька!.. а, Ларька!

Ларька. — Что, сударь?

Савва Саввичъ. — Бранится, кажется?

Ларька. — Бранится, сударь!..

Савва Саввичъ. — Ай-да хватъ!.. Забираетъ чужое, да еще пикнуть не смѣй... Ларька!..

Ларька. — Что, сударь?

Савва Саввичъ. — Съиграемъ-ка штуку...

Digitized by Google

Ларька. — Какъ прикажете?

Савва Саввичъ. — Болванъ! Извѣстно, какъ прикажу... Слышь-ка... (*Говоритъ ему на ухо, Ларька хохочетъ*) Да не смѣйся же, болванъ, догадается. (*Вслухъ*) Не угодно же вамъ быть за одно, ваше превосходительство, такъ ужь не взыщите... одни распорядимся... (*Сьверинъ бросаетъ на него презрительный взглядъ*) Вишь, какой грозной... Пойдемъ-ка, Ларька. На водку дамъ.

Ларька. — Ой-ли?.. Что же пожалуете?

Савва Саввичъ. — Прянникъ...

Ларька. — Лошадка... что ли?

Савва Саввичъ. — Хоть лошадку... Ну, маршъ... (*Грозитъ Сьверину и уходитъ, смѣясь и шушукая съ Ларькой*).

Сьверинъ (*одинъ*). — Да, у Аннушки остался сынъ. Какъ-бы увидѣть его... Какъ-бы обнять... его... Кто знаетъ, я быть можетъ могу его взять къ себѣ... Могу воспитать его, и онъ въ одинокой и болѣзненной старости будетъ мнѣ утѣшеніемъ и опорой. А, что это?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Издали идетъ Митька, *немного подгулявши и поетъ держась за ухо:* «*Во лузяхъ, ахъ то во лузяхъ, зеленыхъ то моихъ*».

Митька.—Баринъ, ты что ли прогоны отдаешь? Прикажи-ка шестерикъ запречи. Полно скупиться. Лихо прокачу. Ей-Богу съ горки на горку. Валяй себѣ. Эй вы соколики. Глядь-ка, полтинникъ самъ дашь на водку. Право, ну, прикажи-ка, ваша милость.

Сьверинъ (*разсматриваетъ его*).—Ты со мной ѣдешь?

Митька.—Да, кажись такъ. Дядя Семенъ взялъ пяти алтынный, сзаду барина-то продалъ. Баринъ, говоритъ, хорошій, не лаетъ и не дерется и на водку далъ четвертакъ.

Сьверинъ (*разсѣянно*).—А развѣ проѣзжающіе шумятъ съ вами?

Митька.—Да еще какъ. Иной разъ проѣзжающій такъ саиснетъ по уху, что и оглянуться не успѣешь... Да что тутъ! не гоняться знать за этимъ. Да братъ-то нашъ знаетъ отъ кого и стерпѣть. Не всякій суйся. Намедни везъ я какого-то Нѣмца на парѣ (*смѣется*)... Какъ вздумалъ Нѣмецъ погрозить мнѣ пальцемъ, а я покажи ему кнутъ, не бось, присмирѣлъ.

Сьверинъ. — Въ его чертахъ, въ его голосѣ что-то знакомое — странно! не-уже-ли? — Другъ мой, скажи мнѣ... ты чей сынъ?..

Митька.—А тебѣ, баринъ, на что?

Сьверинъ.—Такъ ничего, мнѣ разсказывалъ смотритель про дочь Петра Коршунова.

Митька.—Про мою матушку?

Сьверинъ.—Такъ она точно твоя мать? Ты сынъ ея?

Digitized by Google

Митька.—Вестимо, что сынъ.

Сѣверинъ.—Какъ! Боже мой... ты... я...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Смотритель.

Смотритель.—Что это ты, негодяй, здѣсь дѣлаешь? Вотъ я велю съ тебя всю шкуру содрать. Въ кабакѣ чай сидѣлъ, мерррзавецъ. Напляшешься же ты у меня, сотъ пять горячихъ влѣплю, чтобъ помнилъ свое дѣло, каналья. Извините, ваше превосходительство, человѣкъ глупый. Выпивши немного, самъ не знаетъ что мелетъ. Ну, пошелъ же въ ямъ, выводи лошадей (*Указывая на Сѣверина*). Вѣдь ты ихъ превосходительство заставляешь дожидаться, а потомъ на мнѣ и взыскиваютъ, бѣдномъ человѣкѣ... Ну, проваливай, бездѣльникъ. Ахъ, ты Господи Боже мой, что это за народъ...

Сѣверинъ.—Не смѣй его трогать!..

Смотритель. — Ничего, ваше превосходительство (*На ухо*). Это такъ для острастки. Драться намъ не велѣно... Такъ хоть бы словами ихъ попугать, а то, право, ваше превосходительство, просто не знаешь какъ съ ними сладить.

Сѣверинъ.—Ну, ступай же прочь...

Смотритель.—Какъ, я... Ваше превосходительство, послушайте, я пришелъ доложить, что самоваръ готовъ.

Сѣверинъ.—Оставь меня съ нимъ.

Смотритель.—Ваше превосходительство шутить изволите. Онъ вѣдь и не знаетъ, какъ говорить съ такой особой... Ну, проваливай, дрянь этакая.

Сѣверинъ.—Ну, полно же!..

Смотритель.—Мерзавецъ, ваше превосходительство, мерзавецъ, горлопай такой. Словно важный человѣкъ — а у самого-то ни кола, ни двора. Отца не видать, а мать-то... я докладывалъ давича, что съ офицерами-то гуляла.

Сѣверинъ.—Молчи, бездѣльникъ!

Смотритель (*въ-сторону*).—А! начинаетъ сердиться. Когда-то онъ отправится (*въ-слухъ*).—Ваше превосходительство, не прикажете ли закладывать? Вотъ ей-Богу, курьерскихъ приказалъ дать послѣднихъ. Пріѣдетъ курьеръ—бѣда будетъ. Ну, да ужь я увѣренъ, ваше превосходительство меня не забудете. Заступитесь за бѣднаго человѣка.

Сѣверинъ.—Не нужно... я здѣсь останусь.

Смотритель.—Знатныя лошади, самыя фельд-егерскія.

Сѣверинъ (*съ бѣшенствомъ*).—Я здѣсь останусь! —Говорятъ тебѣ, что я здѣсь останусь!

Digitized by Google

Смотритель (*въ-сторону*).—Ну, слава Богу, разсердился. Теперь покричитъ, да уѣдетъ... Велю все-таки закладывать... уйдешь ли ты, мошенникъ?

Сѣверинъ. (*Беретъ ямщика за руку и указываетъ смотрителю, чтобъ онъ ушелъ. Смотритель низко кланяется и уходитъ, пожимая плечами.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сѣверинъ и Митька—(*стоятъ нѣсколько времени въ молчаніи*).

Сѣверинъ.—Какъ тебя зовутъ?..

Митька.—Митькой.

Сѣверинъ.—А по отчеству?

Митька. — Да у меня нѣтъ отчества!.. Велѣли называться Петровичемъ... по мнѣ пожалуй.

Сѣверинъ.—Кто же тебѣ велѣлъ?

Митька.—Да вотъ староста церковный.

Сѣверинъ.—А какъ твое прозвище?

Митька. —Да какое прозвище. Митька бобыль... такъ и зовутъ.

Сѣверинъ. — Такъ у тебя нѣтъ отца?

Митька. — Вѣстимо, что нѣтъ.

Сѣверинъ. — Скажи... а тебѣ жаль... ты грустишь о томъ, что у тебя нѣтъ роднаго?

Митька (*смѣется*). — Вотъ пустяки. Нѣтъ батьки, такъ нѣтъ. Вотъ-те и все.

Сѣверинъ. — А мать свою ты помнишь?

Митька. — Нѣтъ, не помню... А слыхалъ такъ слыхалъ.

Сѣверинъ. — Отъ кого же?

Митька. — Да отъ церковнаго старосты. И молиться за душу приказалъ... (*Съ чувствомъ.*) Бѣдная, баетъ, горемычная была.

Сѣверинъ. — И ты за нее молишься?

Митька. — Каждодневно утромъ и вечеромъ. Какъ не молиться!

Сѣверинъ. — И за отца тоже?

Митька. — За отца... зачѣмъ... я объ немъ только и слышалъ, что матушка отъ него ушла въ могилу... Богъ съ нимъ... я не хочу за него молиться. (*Молчаніе.*)

Сѣверинъ. — Скажи-ка, Дмитрій...

Митька. — Митька!

Сѣверинъ. — Все равно. Ты бы хотѣлъ сдѣлаться богатымъ?

Митька. — Ась?

Сѣверинъ. — Чтобъ было много у тебя денегъ и жить на своей волѣ?

Digitized by Google

Митька *(смѣется)*. — Вѣстимо хотѣлъ бы. Какъ не хотѣть!

Сѣверинъ *(въ сторону)*. — Такъ я не ошибся... я не буду болѣе одинъ. Я съ собой его возьму, я заставлю его любить себя... *(Вслухъ)* Такъ ты радъ будешь выйдти изъ твоего состоянія?

Митька. — Коли не радъ.

Сѣверинъ *(въ-сторону)*. — Ну, слава Богу, я найду себѣ сына... *(Вслухъ)* А скажи-ка, Дмитрій...

Митька. — Митька!

Сѣверинъ. — Скажи, на что тебѣ деньги?

Митька. — Мало ли на что? Да вотъ хоть третью лошадь прикупить. Пара-то есть, да и та, признательно сказать, съ грѣхомъ пополамъ. Ну, да еще живетъ, а третьяго-то коня не хватило. Что хошь дѣлай. Ну, а ты, баринъ, самъ знаешь, что за ямщикъ безъ тройки, и приплачивать-то надо на третью... да и слава извѣстно ужь какая.

Сѣверинъ. — А учиться ты хотѣлъ бы?

Митька. — Чему учиться?..

Сѣверинъ. — Книги читать, душу возвысить, узнать людей и свѣтъ.

Митька *(не понимая)*. — Такъ-съ... вотъ... что.

Сѣверинъ. — Ты грамоту знаешь?

Митька. — Учился-было у церковнаго старосты... Да не лѣзетъ, проклятая, въ голову. Азъ, буки, да и обчелся. Такъ и бросилъ. Не наше видно подъяческое дѣло. Вотъ около коней, такъ ужь статья другая. Всѣ жилки затрепещутъ. Были бы лошадки только добрыя... Какъ поѣдешь, знаете, по селу, заберешь возжи, шапку на бокъ, привстанешь, да принаклонишься, да какъ махнешь кнутомъ, да какъ гаркнешь: «Эй вы, соколики!» По всѣмъ по тремъ, коренной не тронь—да еще пригрозишь: ударю! Эхъ-ма. Сердце такъ и заиграетъ.

Сѣверинъ. — Такъ ты не хочешь перемѣнить жизни?

Митька. — Что?..

Сѣверинъ. — Сдѣлаться господиномъ... перемѣнить платье.

Митька. — Вишь съ чѣмъ подъѣхалъ. Нѣмецкій мнѣ кафтанъ напялить, кургузой, что ли? Нѣтъ, ужь воля твоя... перестань глумиться. На меня ребятишки будутъ пальцами указывать... Не по насъ это.

Сѣверинъ. — Такъ ты не хочешь быть самъ бариномъ?

Митька *(смѣется)*. — Эка веселый какой. Чѣмъ тѣшиться изволитъ. Мужика Нѣмцемъ нарядить хочетъ. Чай, лучше ужь всякому при своихъ оставаться.

Сѣверинъ. — Такъ ты доволенъ своей судьбой?

Митька. — Какой доволенъ... Коня не хватаетъ. Ну, да вотъ еще... *(Вздыхаетъ)* кручинушка тяжкая... Машку не отдаютъ...

Digitized by Google

Сѣверинъ. — А кто это Маша?

Митька. — Да вотъ Терентьевны дочь.

Сѣверинъ. — А, такъ это ты... Такъ объ тебѣ она?..

Митька. — Что я?.. что она?..

Сѣверинъ.—Нѣтъ, ничего... Я хотѣлъ спросить, ты ее любишь...

Митька. — Коли не любить! Дѣвка хорошая, надо сказать правду. Незбалованная. Могла бы мыть и стряпать у меня. Ну, да Терентьевна слышать не хочетъ. Эва, говоритъ, чего захотѣлъ. Дочь моя не бобылка какая. Отецъ въ старостахъ былъ, да и мать изъ богатаго дома. Всякаго платья на приданое, и шуба-то заячья, да самоваръ еще въ придачу. Не подъ шерсть вишь конь.

Сѣверинъ. — Ну, такъ что же? Ты можешь перейдти въ другое мѣсто, забыть Машу.

Митька. — Нѣтъ, ужь этого отъ меня не будетъ... Не уйду отселѣ. Да вотъ я тебѣ скажу на ухо, баринъ. Машка-то отъ меня не прочь. Право-ну. Съ ней бы ладно. Да вотъ Терентьевну не знаешь какъ уломать. Ономнясь ходилъ-было еще церковный староста свататъ. У меня-де купецъ, у васъ-де товаръ, а Терентьевна въ отвѣтъ: Рада бы радехонька, да товаръ-то не по купцу. Вотъ-те баста... *(Вдали показывается церковный староста съ книгою и чашкой подаянія; слышенъ голосъ ямщика)*: Митюха, а Митюха, ступай закладывать, смотритель лается.

Митька. — Ай-да и впрямъ закалякался. Ужь не прогнѣвайся, баринъ... шестерикъ запрягу... А ужь уважу. Будешь доволенъ. Въ часы, пожалуй, доставлю... Экой веселый какой!.. Ну, ну, ну, соколикъ! ну, ну... Эх-ма!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сѣверинъ и церковный староста.

Церковный староста.—На построеніе храма Господня во имя угодника Божія святителя чудотворца Николая будьте вкладчики... *(Сѣверинъ кладетъ разсѣянно мелкую монету.)* Съ чистою ли ты совѣстью это подаешь, Петръ Александровичъ?

Сѣверинъ.—А! ты меня знаешь?

Церковный староста. — Давно, баринъ, не видались. Да и вѣкъ не хотѣлъ бы видѣться... Спасибо за подаяніе *(хочетъ идти; Сѣверинъ его останавливаетъ)*.

Сѣверинъ.—Постой, постой... ты кто?

Церковный староста. — Смиренный грѣшникъ, староста церковный.

Сѣверинъ.—Ты зналъ старика Коршунова?

Церковный староста. — Роднымъ братомъ мнѣ приходился.

Digitized by Google

Северинъ.—И дочь его?

Церковный староста. — Племянницей мнѣ была. Прости ей Господь ея согрѣшенія....

(Молчаніе. Северинъ кладетъ свой кошелекъ въ чашку.)

Северинъ.—На, старикъ... вели отслужить по нихъ паннихиду.

Церковный староста. — А-га! покаялся, видно, баринъ. Пришло свое время.

Северинъ. — Послушай, старикъ. Вини меня какъ хочешь. Но знаешь ли, все, что есть у меня на свѣтѣ, послѣднюю рубашку съ тѣла я готовъ отдать, чтобъ загладить свою вину...

Церковный староста.—Помолись, баринъ, авось Господь тебя и успокоитъ.

Северинъ.—Послушай, старикъ, у тебя есть жена, дѣти?

Церковный староста.—Благословилъ Господь.

Северинъ.—Ты ихъ любишь?

Церковный староста.—Слава Богу, ладно живемъ.

Северинъ.—А я одинъ. Ни жены, ни дѣтей, ни друга... собаки нѣтъ, которая бы меня любила. Я одинъ, въ болѣзни, въ старости, въ горѣ... И здѣсь я нашолъ сына, нашолъ сына, который былъ бы мнѣ утѣшеніемъ въ моей болѣзненной судьбѣ... Я нашолъ его—и не смѣю открыться ему; я боюсь увезти его, признать его. Быть можетъ, въ другомъ состояніи онъ будетъ несчастливъ... а у меня и безъ того много грѣха на совѣсти.

Церковный староста. — Да, вѣстимо... Нелегко тебѣ, а дозволь вымолвить слово. Барниомъ быть—надо бариномъ и родиться. Сдѣлай барина мужикомъ, мужика бариномъ — обоимъ не сладить.

Северинъ.—Да, я объ этомъ то же думалъ.

Церковный староста. — Вѣдь даромъ, батюшка, что мы народъ безъ мудрости, однакоже свой разумъ, каковскій бы онъ ни былъ, все-таки есть. Вѣдь мы, не бось, видимъ, что за разность между настоящимъ помѣщикомъ и вотъ эдакимъ, Савва Саввичемъ, что здѣсь шатается. Потому-что отецъ-подъячій наворовалъ въ судѣ, деньжонки-то у него еще будутъ водиться. А куда-то ужь онъ баринъ плоховатый. Да и богатство-то такое, говорятъ, впрокъ не йдетъ.

Северинъ.—Такъ ты совѣтуешь мнѣ оставить сына ямщикомъ?

Церковный староста.—Извѣстно, батюшка, ямщикомъ взросъ, ямщикомъ и умирай. И что жь? вѣдь ваши-то хитрости не по его прійдутся разуму; станетъ по харчевнямъ бѣгать, да обижать добрыхъ людей, а тамъ, пожалуй, охотиться, да за дѣвками, да хмѣлемъ заниматься, а порядкамъ-то никакимъ не захочетъ выучиться. Право такъ. А въ селѣ ему не невидальщина какая. Парень онъ добрый, горячь что ли. Старѣ будетъ — возьметъ себѣ бабу. Станетъ

Digitized by Google

сѣно косить, да за лошадками ухаживать. Вѣдь вамъ только, барамъ, мужичковъ жалко. А русскому мужику чѣмъ не житье? Земли вдоволь, слава Богу, не занимать-стать. Живи-себѣ, да благословляй Господа, что еще милуетъ.

Сѣверинъ. — Въ твоей рѣчи много истины, старикъ... Да подуй обо мнѣ. Я говорилъ тебѣ, старость близится, ужасная старость. Вѣдь мнѣ нѣ съ кѣмъ будемъ проститься. Нѣ кому будетъ панихиды по мнѣ отслужить... а у меня сынъ,—сынъ добрый, которому я все отдать готовъ, чтобъ только разъ прижать его къ груди и назвать его сыномъ.

Церковный староста.—Жаль, баринъ, а нельзя.

Сѣверинъ.—А кто... не дастъ?

Церковный староста.—Я, грѣшникъ.

Сѣверинъ.—Съ какого права?

Церковный староста. — Не прогнѣвайся, баринъ. Когда померла Аннушка, я стоялъ у изголовья. Горько ей было. Старики не бранились, а плакали. Да что имъ было дѣлать? Послали за священникомъ. Передъ исповѣдью она говоритъ: «Дяденька, возьмите вы сироту. Пойте, кормите его. Богъ васъ не оставитъ; а если отецъ захочетъ вытребовать къ себѣ, не отдавайте. Пусть будетъ онъ простой человѣкъ. А то его тамъ избалуютъ и обманутъ, какъ меня грѣшную обманули».

Сѣверинъ *(въ волненіи внутренней борьбы)*. — Ну... такъ... будетъ же по-твоему. Богъ видитъ, до какой степени намучено, истерзано мое сердце... Послѣднее утѣшеніе свое я отдаю для искупленія грѣха. Прощай!.. Изъ перваго города я пришлю тебѣ повѣреннаго; онъ съ тобой сговорится... Я хочу упрочить хоть въ вашемъ бытѣ состояніе моего... да нѣтъ, у меня нѣтъ сына... Лошадей! лошадей!...

Смотритель *(вбѣгаетъ въ торопяхъ)*. — Готово, ваше превосходительство. Ямщикъ на козлахъ.

Сѣверинъ *(подходитъ къ церковному старостѣ)*. — Но ты ему скажешь, не правда ли, ты скажешь ему... что... да нѣтъ, ничего, никогда... Прощай... Лошадей! *(Поспѣшно уходитъ; слышенъ стукъ экипажа.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Церковный староста, Савва Саввичъ и Ларька.

Церковный староста.— Жаль барина, а дѣлать нѣчего... Ахъ, спять этотъ негодный; уйдти, видно, поскорѣй отъ него... На эти деньги можно цѣлый придѣлъ выстроить. Помяну тамъ усопшихъ,

Digitized by Google

да и грѣшнаго боярина Петра кстати... Пойду-ка, отнесу отцу Іоанну.

Савва Саввичъ.—Все ли ты понялъ?

Ларька.—Все, сударь-съ; какъ не понять?

Савва Саввичъ.—А, постой-ка, что я еще хотѣлъ сказать?.. Дай-ка водки. *(Пьетъ и брызжетъ въ лицо Ларькѣ.)* Скажи-ка, помнишь, что я тебѣ приказывалъ?

Ларька.—Помню, помню.

Савва Саввичъ.—Ну, вотъ увидимъ. Ну, скажи-ка.

Ларька.—Вотъ что. Когда Терентьевна пойдетъ въ городъ, Машка останется одна...

Савва Саввичъ.—Хорошо, хорошо, молодецъ!

Ларька.—Я ее и кликну.

Савва Саввичъ. — Врешь, бестія. Не то, если кликнешь, я всѣ волосы тебѣ выщипаю.

Ларька. — Не буду, не буду! Я влѣзу въ калитку. Всѣ двери на запоръ, самъ стану сторожить, а васъ и кликну.

Савва Саввичъ.—А какъ ты кликнешь?

Ларька.—Вотъ такъ. *(Свищетъ.)*

Савва Саввичъ. — Какъ? *(Ларька опять свищетъ.)* Хорошо; на тебѣ на водку *(Ларька протягиваетъ руку)*. А ты пьешь, что ли, водку?

Ларька.—Пью, баринъ.

Савва Саввичъ.—Ахъ, ты мошенникъ! Вотъ я велю розогъ тебѣ дать! *(За кулисой слышенъ шумъ.)* А-га! никакъ молодца моего хватаютъ. Знаешь, Митьку голова-то мнѣ обѣщался... Сладили дѣло! Нынче же везутъ въ присутствіе, а пріемщикъ-то свой человѣкъ. А? каково обдѣлалъ? Недурно, что ли? Ха, ха, ха!

Ларька.—Ха, ха, ха!

Савва Саввичъ.—Что жь ты, дуракъ, смѣешься?

Ларька. — Да смѣшно, сударь... Никакъ въ-самомъ-дѣлѣ его ловятъ. *(Крикъ за кулисой: «Ловите его!»)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Митька *бѣжитъ съ топоромъ, за нимъ толпа ямщиковъ.*

Митька.—Что это! разбой, разбой! Не троньте; перваго, кто подойдетъ, я такъ хвачу, что сдачи не попроситъ. Грѣхъ вамъ, православные! отняли у меня очередь съ добрымъ бариномъ, да желѣза хотите надѣть. Что же я, въ-самомъ-дѣлѣ, воръ, что ли? разбойникъ? Говорите порядкомъ.

Ямщикъ.—Не серчай, Митюха. Для смѣха только, а тамъ бы въ питейный, да и все тутъ.

Digitized by Google

Митька. — Вотъ больно хитеръ! меня не проведешь. Ну, да что тутъ. Надо служить, такъ надо; я не прочь... Что же вы думаете? Нате, не бойтесь! (*Кидаетъ имъ подъ ноги топоръ.*) Ахъ, ребята, стыдно вамъ! Каторжника, что ли нашли? Не трогайте, я волею пойду...

Церковный староста (*вбѣгаетъ*). — Постойте, православные! Не ему чередъ... Боже мой, а Петръ Александровичъ уѣхалъ... Постойте... повремените... онъ поставитъ за себя человѣка.

1-й ямщикъ (*почесываясь*). — Человѣка, ой ли? изъ какого комплекта?

2-й ямщикъ.—Разбогатѣлъ видно больно... откуда же?

Савва Саввичъ.—А вотъ, православные, откуда — отъ Машки.

Митька.—Что?

Савва Саввичъ.—А развѣ вы не знаете, что Машка-то съ барином связалась, вотъ что проѣзжалъ? Что ужъ тамъ у нихъ было, а я самъ видѣлъ... Ну, вѣрно порядкомъ наградилъ Машку. Баринъ-то генералъ и щедрый такой...

(*Голоса между ямщиками:*)

— А, вотъ что, ой-ли, лихо, такъ эва...

Митька (*про себя*). — Да и въ-самомъ-дѣлѣ, баринъ все тутъ шатался, да еще подтрунивалъ надо мной. (*Вслухъ.*) Иду, ребята, хоть въ очередь, хоть не въ очередь. За другаго пойду. Ахъ, Машка, Машка!.. (*Стучится въ окно*) Эй, видно плохимъ ремесломъ начала заниматься? Маша, Богъ тебѣ судья... Скажи-ка Терентьевнѣ, чтобъ она Митьки не боялась. Митька-де въ солдаты идетъ. Да попроси-ка ее, чтобъ она выдала тебя за парня смирнаго, чтобъ не билъ тебя больно и баловаться не давалъ. Живите себѣ въ совѣтѣ, да не поминайте меня лихомъ. Просимъ прощенья; Богъ-вѣсть, прійдется ли намъ свидѣться. (*Плачетъ*).

Ну, довольно; идемъ что ли, ребята. Да полно вамъ хныкать. Вѣдь дѣло хорошее, ради послужить Осударю... Съ пѣснями, слышите ли, пойдемъ. Затягивай-ка, Сидорка. Да повеселѣе. Ну, съ Богомъ. (*Подхватываютъ его подъ руки; запѣваютъ хоромъ пѣснь и проходятъ черезъ всю сцену веселой гурьбой. Церковный староста печально на нихъ глядя, идетъ за ними въ слѣдъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Савва Саввичъ и Ларька (*хохочутъ*).

Савва Саввичъ. — Вотъ и сыграли штуку.

Ларька. — Ай-да лихо!

Савва Саввичъ. — Будетъ теперь знать, что значитъ не съ своимъ братомъ связаться.

Digitized by Google

Ларька. — Идти теперь, что ли?..

Савва Саввичъ. — Постой, надо старуху подкараулить. Тсъ... тсъ... *(Прячутся).*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Старуха Терентьевна.

Старуха Терентьевна *(выходитъ изъ калитки).* Ну, перестанешь ли, перестанешь ли ты хныкать, срамница? Ахти, грѣхъ какой. Въ стары годы въ гробъ бы слегли отъ этакаго поношенія. Дѣвка по парнѣ плачетъ. Виданое ли дѣло?.. Да что православные скажутъ... а Матрена-то... а Зотиха, а просвирня? Срамъ да и только. Ну, перестань же, да сиди въ избѣ, смотри. Всѣ на работѣ... а меня дожидайся... Ахти, грѣхъ какой. *(Уходитъ).*

Савва Саввичъ.—Ну, ну... вотъ посмотримъ, чья взяла. Ларька, отправляйся на мѣсто. Что же ты смѣешься?

Ларька. — Ха, ха, ха, да смѣшно, баринъ.

Савва Саввичъ. — Вотъ я тебя... ну, маршъ... *(Ларька пробирается въ калитку и свищетъ)* А молодецъ этотъ Ларька. Просто чертенокъ. *(Входитъ въ калитку).*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Сѣверинъ.

Сѣверинъ *(разстроенный).* — Да зачѣмъ же его смѣнили? Вѣдь ему надо со мною ѣхать, и странное дѣло, поднимался на гору, — у самаго кладбища лошади мои стали. Тамъ лежитъ она, бѣдная моя жертва, и мнѣ казалось, что изъ каждой могилы выходилъ голосъ, и что каждый голосъ шепталъ мнѣ: «Не проходи мимо насъ, оглашенный.» Я побѣжалъ назадъ... чтобъ вздохнуть свободнѣе, чтобъ хоть разъ еще взглянуть на сына.

(Ларька выходитъ изъ калитки.) Что ты здѣсь дѣлаешь?

Ларька. — Ши! ши! шиш!

Сѣверинъ. — Что это значитъ?

Ларька. — Хи, хи, хи! Не мѣшайте, баринъ мой здѣсь.

Сѣверинъ. — Здѣсь, у кого?

Ларька *(смѣется).* — Да у Машки, знать. Вы не видали Митьку, повели въ рекруты, лихо такъ, съ пѣснями.

Сѣверинъ. — Въ рекруты... моего... въ солдаты. Побѣгу... да нѣтъ. Сперва надо раздѣлаться съ этимъ негодяемъ. А, послушай! *(Вырываетъ изъ бумажника листокъ и пишетъ наскоро записку).* Вотъ, тонеси эту записку къ головѣ...

Digitized by Google

Ларька. — Вотъ что̀ выдумалъ. А баринъ, а розги?

Северинъ. — На, на.

Ларька. — Золотой, и розги непочемъ! (*Убѣгаетъ, Северинъ входитъ въ калитку*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Смотритель (*бѣжитъ въ попыхахъ*). Ахъ, Боже ты мой, что̀ станешь тутъ дѣлать; лошади стали. Будетъ жаловаться, напишетъ, пропалъ совсѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Северинъ выбѣгаетъ, держа Савву Саввича за шиворотъ и отбрасываетъ его въ сторону.

Северинъ. — Прочь, мерзавецъ!

Савва Саввичъ. — Помилуйте, генералъ, что̀ это значитъ; я вамъ показываю красотку, а вы у меня ее силою отнимаете; не честно, генералъ, между дворянами такъ не поступаютъ.

Северинъ. — Не смѣй говорить о чести, негодяй, ты и въ дворянствѣ холопъ.

Савва Саввичъ. — Да помилуйте, пожалуйста, да это ни на что непохоже. Добро бы еще, если бъ вы мнѣ просто сказали: «Уступи, братецъ, я человѣкъ старый», ну, ну, я бы уступилъ... А то просто схватилъ за шиворотъ, да и тащитъ... Тутъ личное оскорбленіе; я подамъ бумагу въ судъ, въ Сенатъ, что вы думаете... У меня есть пріятеля чиновники. Увидимъ, кто будетъ правъ.

ЯВЛЕНІЕ XX и послѣднее.

Тѣ же и церковный староста, Ларька, Голова, Терентьевна, Маша, а потомъ Митька и всѣ ямщики.

Церковный староста. — Бѣда, Петръ Александровичъ, помогите, Митьку увозятъ!

Ларька. — Голова сказалъ, будетъ исполнено.

Терентьевна. — Что это за шумъ... Опять напроказила, что ли, неугомонная?

Маша. — Разскажу послѣ, матушка. Богъ помиловалъ.

Митька. — Да что же это въ-самомъ-дѣлѣ? То везутъ, то не везутъ. Вѣдь я по своему желанію... Кто жь не пущаетъ.

Северинъ.—Я, Дмитрій, просилъ о томъ.

Digitized by Google

Митька.—Ты, вотъ что, а кто тебя проситъ отпрашивать, старый грѣшникъ... я съ тобой и знаться-то не хочу.

Сѣверинъ.—Что?...

Митька. — Смѣяться надо мною что ли хочешь. Да вѣдь смѣхъ-то небольно великъ со мною, Ужь за одно—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, а даромъ тебѣ не пройдетъ, ну, что еще...

Сѣверинъ.—Не продолжай, ради Бога.

Митька.— *(шопотомъ)* Стыдно, баринъ, не хорошо за красными дѣвками ухаживать въ чужомъ селѣ.. Вамъ пошутить, да и бросить, а имъ вѣкъ вѣчный горевать да иной разъ и въ могилу съ тѣмъ идти. Стыдно баринъ! *(Сѣверинъ грустно слушаетъ и глядитъ въ землю.)*

Церковный староста. — Вотъ дѣло каковское. Баринъ этотъ наговорилъ Митькѣ, что вы будто съ Машкой сошлись, Митька взъерошился и пошелъ въ солдаты.

Сѣверинъ.—Ложь... она приходила меня просить объ немъ.

Митька. — Ой-ли ?

Сѣверинъ.—Она открылась мнѣ, что она его любитъ.

Терентьевна.—Ахти грѣхъ какой!...

Митька.—Такъ господинъ-то выдумалъ?

Сѣверинъ. — Разумѣется, выдумалъ, иначе удерживалъ ли бы я тебя отъ солдатства?

Митька. — Ай-да и впрямь. Виноватъ, съ горяча-то не обсудилъ; ну, проваливай-на во свояси, прощелыжникъ, пока я тебя не поподчивалъ.

Савва Саввичъ. — Эной грубіанъ какой. Грубіанъ, что ли, Ларька?

Ларька.—Грубіянъ, сударь...

Савва Саввичъ.—Ну, такъ пойдемъ пообѣдать. А все ты виноватъ. Да дома раздѣлаемся. *(Шопотомъ)* Голова, что же это ты надулъ меня, полсотенную взялъ, да и ничего не сдѣлалъ?

Голова. — Да, братъ, баринъ-то награждаетъ не по-твоему, берите свою ассигнацію назадъ... *(Наухо Сѣверину)* Ваше высокосіятельство, когда прикажете... знаете, того...

Сѣверинъ.—Отъ церковнаго старосты получишь, а теперь погоди немного. Поди-ка сюда, Дмитрій.

Митька.—Здѣсь...

Сѣверинъ.—Хочешь, я тебя буду сватать?

Митька.—Шутить опять изволишь.

Сѣверинъ. — Нѣтъ, Богъ видитъ. Хочешь, я тебя буду сватать?

Маша.—Коли не хотѣть? Да не бывать тому.

Сѣверинъ. — Кто знаетъ. *(Терентьевнѣ)* Позвольте мнѣ быть у васъ сватомъ. Отдайте дочь вашу Дмитрію.

Digitized by Google

Терентьевна.—Рано, батюшка, дѣвкѣ объ женихѣ помышлять.

Сѣверинъ.—А если женихъ ея достоинъ?

Терентьевна.—Ни что, батюшка, парень смирный, тутъ и говорить нечего... Хоть куда бы хозяинъ, ну, да сами посудите, родства никакого, лошадокъ пара дрянная, а за душой ни гроша... рада бы... да не взъищите.

Митька *(съ горемъ)*. — Зналъ я это... *(Маша отворачивается и плачетъ)*.

Сѣверинъ.—А если Дмитрій васъ всѣхъ богаче?

Терентьевна.—Да откуда же, батюшка?

Сѣверинъ.—Да по наслѣдству отъ отца своего.

Терентьевна.—Въ такомъ случаѣ... да не вѣрится что-то... почему жь и не отдать...

Сѣверинъ.—И ты будешь согласна?

Терентьевна.—Согласна, пожалуй. *(Въ-сторону)* Благо дѣвка по Митькѣ уже плакала.

Сѣверинъ.—Ну, Дмитрій, обними свою невѣсту.

Митька.—Да можно ли?

Терентьевна.—Да правда ли?

Церковный староста. — Вѣрь... тетка. Я барину порука, ты меня знаешь. До красныхъ словъ не охотникъ.

Митька.—Въ-самомъ-дѣлѣ. Ахъ, Маша!...

Маша.—Митя, на яву ли это? *(Обнимаются. Картина)*.

Терентьевна *(дергаетъ дочь за сарафанъ)*.—Полно же радоваться, безстыдная этакая... Что народъ скажетъ! Благослови Господь? *(Цалуетъ Дмитрія)*.

Ямщики *(между собой)*. — Вишь. Эва. Ай-да Митька, вишь, счастіе.

(Маша стыдливо отворачивается. Митька бросается въ ноги Сѣверину).

Митька.—Ахъ, ты, батюшка... Отецъ родной.

Сѣверинъ.—Отецъ. Нѣтъ. Нѣтъ, не говори этого слова.

Митька.—Да кто же ты въ-самомъ-дѣлѣ? Ты и отца моего зналъ. Да скажи, гдѣ же онъ, онъ живъ еще?...

Сѣверинъ *(съ волненіемъ)*.—Отецъ твой...

Церковный староста *(важно)*. — Онъ померъ.

Сѣверинъ *(тихо)*.—Да, отецъ твой умеръ... Но передъ смертью онъ завѣщалъ мнѣ сказать тебѣ... Будь честнымъ, хорошимъ ямщикомъ! Каждый долженъ оставаться въ кругу, въ которомъ онъ родился, и свято исполнять свои обязанности. Но болѣе всего береги совѣсть, не дай и пятнышку завестись на ней, не то для тебя не будетъ ни покоя, ни счастья... Ну, прощайте. Старикъ, проводи ме-

Digitized by Google

ня до станціи.. Мы поговоримъ, какъ бы упрочить ихъ счастье... Дмитрій... поди-ка сюда.

Митька.—Милостивецъ, благодѣтель мой!...

Северинъ. — Знаешь... Дмитрій... что... какъ ты станешь молиться за мать... молись-ка и за отца.

(Митька цалуетъ его руку... Онъ выдергиваетъ ее и уходитъ медленными шагами къ станціи. Вяльво, старуха, Маша, Митька и ямщики образуютъ группу съ выраженіемъ удивленія и радости. Занавѣсъ опускается).

гр. В. СОЛЛОГУБЪ.

С. Петербургъ.
1840.

Digitized by Google

МАСКА.

—

Въ пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья,
Уже взоромъ скользя безъ вниманья,
Злою скукой томимый давно
У колонны встрѣтилъ я домино.

Протянувъ свою ручку-малютку,
Она сжала мою не-нашутку.
На лицѣ моемъ жаръ заигралъ;
Но я милой моей не узналъ.

Изъ-подъ шолковой розовой маски
Какъ двѣ звѣздочки теплились глазки,
И на мнѣ остановленный взоръ
Выражалъ и любовь и укоръ.

Наконецъ она тихо сказала:
«Я давно, я вездѣ васъ искала».
Измѣнилъ рѣчи трепетный звукъ:
Я узналъ трепетъ милыхъ мнѣ рукъ...

О, стяни жь крѣпче узелъ завязки,
Прикрѣпленной къ спасительной маскѣ! —
Я боюсь, милый ангелъ! любя,
Въ этотъ мигъ я боюсь за тебя!..

Въ пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья
Пусть пройдетъ клевета безъ вниманья,
И любви откровенной слова
Не подслушаетъ злая молва.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

—

Наша жизнь — жаркій день;
Наша смерть — ночи тѣнь,
И къ покою отъ дня
Сонъ склонилъ ужь меня.

А въ саду, межь вѣтвей,
Такъ поётъ соловей;
Я дремлю, и сквозь сонъ
Все мнѣ слышится онъ.

А. КУЛЬЧИЦКІЙ.

Digitized by Google

БЭРНЕБИ РОДЖЪ.

Романъ *Чарльза Диккинса* (Boz).

(Продолженіе.)

—

ГЛАВА XVIII.

Разбойникъ, только-что оставившій жилище вдовы, прокрадываясь по темнымъ улицамъ и избирая самыя мрачныя и безлюдныя части ихъ, пошелъ черезъ Лондонскій Мостъ. Пришедъ въ Старый Городъ, онъ бросился въ переулки, проходы и дворы между Корнгиллемъ и Смитфильдомъ, имѣя, по-видимому, только одно намѣреніе — потеряться въ ихъ извилинахъ и скрыться отъ съищиковъ, которые могли бы подстерегать его.

Кругомъ царствовало мертвое молчаніе. Кое-когда раздавались по мостовой шаги соннаго сторожа, или фонарщика, который, обходя свое отдѣленіе, несъ факелъ, оставлявшій за собою небольшую струю дыма. Онъ прятался даже отъ этихъ товарищей своего уединенія то подъ воротами, то подъ аркой, и лишь тогда, когда они минуютъ, выходилъ на улицу и шелъ далѣе.

Быть одному безъ крова, безъ пристанища въ открытомъ полѣ, гдѣ слышенъ только вой вѣтра, и во всю долгую ночь ждать разсвѣта, прислушиваться къ шуму дождя и искать тепла и крова подъ стогами сѣна или въ дуплѣ деревьевъ, — грустно, но не столько, однакожь, грустно, какъ скитаться изгнанникомъ, отверженцемъ общества, безъ пріюта, тамъ, гдѣ есть и кровъ и пріютъ, гдѣ есть даже тысячи теплыхъ постелей. Слушать всю ночь отзвукъ собственныхъ шаговъ на каменьяхъ, считать глухіе удары башенныхъ часовъ, смотрѣть на свѣчи, которыя блестятъ сквозь ставни спаленъ, думать, какое блаженное самозабвеніе объемлетъ обитателей каждаго дома: тамъ дѣти лежатъ въ теплыхъ своихъ постелькахъ; здѣсь юность, тамъ старость, здѣсь бѣдность, тамъ богатство — всѣ одинаково спятъ и покоятся; не имѣть ничего общаго съ этими блаженными существами, ни даже сна, — этого дара Божія, общаго всѣмъ тварямъ, не быть въ родствѣ ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ, кромѣ отча-

нія, и притомъ, отъ ужаснаго противорѣчія со всѣмъ окружающимъ, чувствовать себя еще болѣе уединеннымъ и отверженнымъ, нежели живя въ пустынѣ, — это такого рода бѣдствіе, которое извѣстно только въ большихъ городахъ и которое одно дѣлаетъ возможнымъ уединеніе между тысячами.

Несчастный ходилъ взадъ и впередъ по улицамъ,—которыя были такъ длинны, такъ утомительны, такъ однообразны,—и часто съ жадностью посматривалъ на востокъ, чтобъ увидѣть первые, слабые лучи раждающагося дня. Но упорная ночь все-еще покрывала небесный сводъ и онъ все-еще не находилъ отдыха отъ своего безцѣльнаго, неутомимаго странствованія.

Одинъ только домъ въ какомъ-то закоулкѣ былъ еще освѣщенъ; въ немъ раздавались звуки музыки, шумъ танцующихъ, веселый говоръ и громкій смѣхъ. Къ этому дому возвращался онъ безпрестанно, чтобъ быть, по-крайней-мѣрѣ, подлѣ оживленнаго и веселаго мѣста. Не у одного изъ выходившихъ оттуда, видъ этого человѣка, скользившаго взадъ и впередъ, подобно тревожному духу, отнималъ веселое расположеніе. Наконецъ разошлись всѣ гости; домъ заперли, и онъ сталъ такъ же теменъ и молчаливъ, какъ и всѣ домы, его окружавшіе.

Разъ, во время этой ночи, подошелъ несчастный къ городской тюрьмѣ. Вмѣсто того, чтобъ скорѣй бѣжать отъ нея, какъ отъ мѣста, котораго избѣгать имѣлъ онъ основательныя причины, онъ сѣлъ на одну изъ ступеней лѣстницы ближняго дома и, опершись подбородкомъ на руку, началъ смотрѣть на почернѣлыя, мрачныя стѣны тюрьмы, какъ-будто онѣ могли быть пріятнымъ убѣжищемъ для усталыхъ глазъ его. Обошедъ тюрьму кругомъ, онъ воротился на прежнее мѣсто и опять сѣлъ. Эту прогулку повторилъ онъ нѣсколько разъ; одинъ разъ подошелъ даже быстро къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько сторожей сидѣло въ караульной, и ужь поставилъ ногу на крыльцо, какъ бы рѣшившись обратиться къ нимъ; но когда, оглянувшись, увидѣлъ, что начинало свѣтать, онъ оставилъ это намѣреніе, повернулся назадъ и убѣжалъ.

Скоро очутился онъ опять въ томъ кварталѣ, гдѣ былъ недавно, и по прежнему сталъ ходить взадъ и впередъ. Между-тѣмъ, какъ онъ проходилъ по бѣдному переулку, изъ ближняго коридора раздался крикъ ночныхъ гулякъ и около дюжины сорванцовъ, выходя оттуда поодиначкѣ, и громко называя другъ друга по имени, наконецъ простились и разсѣялись по разнымъ направленіямъ.

Надѣясь, что тутъ было какое-нибудь заведеніе, которое доставитъ ему безопасный пріютъ, онъ повернулъ во дворъ, ища полураствореннои двери, освѣщеннаго окна, или какого-нибудь другаго слѣда того мѣста, откуда вышли молодые люди. Но кругомъ царствовала

Digitized by Google

глубокая темнота и вся наружность строенія имѣла отвратительный видъ, заставившій его подумать, что молодые люди случайно зашли на этотъ дворъ и, обманувшись, выбѣжали вонъ. Въ этомъ предположеніи и не видя другаго выхода, кромѣ того, чрезъ который вошелъ самъ, онъ уже намѣревался повернуть назадъ, какъ вдругъ у ногъ его показался свѣтъ сквозь рѣшетку и раздался звукъ голосовъ. Бродяга отступилъ подъ ворота, чтобъ посмотрѣть, кто были говорящіе, и въ то же время чтобъ подслушать ихъ.

Между-тѣмъ, свѣтъ поднялся до мостовой, и на нее вышелъ человѣкъ съ факеломъ въ рукѣ. Онъ отперъ рѣшетку, и держалъ ее въ такомъ положеніи какъ бы для того, чтобъ пропустить другаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, вслѣдъ за нимъ явился молодой человѣкъ маленькаго роста съ необыкновенно-гордымъ видомъ. На немъ было старомодное, до невѣроятности испещренное лентами и цвѣтами платье.

— Покойной ночи, благородный атаманъ! сказалъ мужчина, державшій факелъ.— Счастливый путь. Дай Богъ вамъ всякаго благополучія, знаменитый генералъ!

Въ отвѣтъ на эти комплименты, тотъ, къ кому относились они, приказалъ ему молчать, не шумѣть, и надавалъ ему съ большимъ велерѣчіемъ и важнымъ видомъ множество другихъ подобныхъ приказаній.

— Засвидѣтельствуйте, атаманъ, мое всенижайшее почтеніе подстрѣленной миссъ Меггсъ, сказалъ факелоносецъ тихо.—Мой атаманъ паритъ выше, и не спустится для ловли какихъ-нибудь Меггсъ. Ха, ха, ха! Мой атаманъ орелъ, какъ взглядомъ, такъ и могучими крыльями. Атаманъ разбиваетъ сердца, какъ другіе молодые люди разбиваютъ за завтракомъ яйца.

— Ты дуракъ, Стэггъ! сказалъ мастеръ Тэппертейтъ, ступивъ на мостовую и стряхая пыль, приставшую къ ногамъ его на лѣстницѣ.

— Какіе драгоцѣнные, атлетическіе члены! воскликнулъ Стэггъ, схвативъ его за ногу. — Куда какой-нибудь Меггсъ тянуться къ такимъ формамъ! Нѣтъ, нѣтъ, атаманъ! Мы пріймемся за прелестныхъ дамъ и женимся на нихъ въ нашей потайной пещерѣ. Мы сочетаемся съ цвѣтущими красотами, атаманъ!

— Вотъ что, мой нѣжный козелъ, сказалъ мастеръ Тэппертейтъ, освобождая свою ногу: — прошу васъ, сэръ, не вольничать слишкомъ и не выпускать наружу нѣкоторыхъ вопросовъ, если вамъ не предлагаютъ ихъ. Отвѣчайте только тогда, когда съ вами говорятъ объ извѣстныхъ предметахъ, не иначе. Держите факелъ выше, пока я не дойду до выхода изъ этого двора, а потомъ ступайте въ свою собачью конуру, слышишь?

— Слышу, благородный атаманъ!

— Ну, такъ повинуйся же! сказалъ мастеръ Тэппертейтъ съ высо-

Digitized by Google

комѣріемъ. — Джентльмены, впередъ! — Съ этими словами, обращенными къ воображаемому генеральному штабу, онъ сложилъ руки и съ величайшею важностью пошелъ черезъ дворъ.

Послушный провожатый его стоялъ, высоко поднявъ факелъ, и тутъ уже бродяга, выглянувъ изъ-подъ воротъ, замѣтилъ, что онъ слѣпъ. Невольное движеніе его достигло до чуткаго слуха слѣпца и онъ вдругъ вскричалъ: «Кто тамъ?»

— Человѣкъ, отвѣчалъ другой, подошедъ ближе. — Другъ.

— Чужой! возразилъ слѣпецъ. — Чужіе мнѣ не друзья. Что вамъ здѣсь нужно?

— Я видѣлъ, какъ выходили ваши гости, и подождалъ, пока они удалятся. Мнѣ нуженъ ночлегъ.

— Ночлегъ въ эту пору! сказалъ Стэггъ, указывая на утреннюю зорю, какъ-будто-бы видѣлъ ее. — Знаете ли вы, что уже свѣтаетъ?

— Знаю, отвѣчалъ другой: — къ несчастію. Я всю ночь ходилъ по этому городу между его жестокихъ обитателей.

— Лучше вамъ приняться еще разъ за то же хожденіе, сказалъ слѣпецъ, намѣреваясь сойдти внизъ: — пока найдете пріютъ, сообразный съ вашимъ вкусомъ. Я никого не впущу сюда.

— Стой! воскликнулъ другой, схвативъ слѣпца за руку.

— Я ударю тебя факеломъ по твоей разбойничьей рожѣ (твоя рожа должна быть разбойничья, если похожа на твой голосъ) и разбужу сосѣдей, если ты будешь удерживать меня, сказалъ слѣпецъ. — Пустите меня, слышите ли?

— Слышишь ли ты? отвѣчалъ другой, брянча парою шиллинговъ и поспѣшно всунувъ ихъ ему въ руку. — Я ничего не требую отъ васъ даромъ. Я плачу вамъ за пріютъ. Клянусь смертію! Развѣ я требую много отъ такого человѣка, какъ ты! Я пріѣхалъ издалека и хотѣлъ бы отдохнуть тамъ, гдѣ никто не надоѣлъ бы мнѣ вопросами. Я усталъ, ослабъ, полумертвъ. Позволь мнѣ, какъ собакѣ, прилечь у огня, ничего больше не нужно мнѣ. А если хочешь отвязаться отъ меня, я уйду завтра же.

— Если съ джентльменомъ случилось несчастіе на улицѣ, бормоталъ Стэггъ, уступая незнакомцу, который принуждалъ его спѣшить и уже сталъ на лѣстницу: — и если онъ можетъ заплатить за услуги...

— Заплачу всѣмъ, что имѣю. Я недавно утолилъ свой голодъ, и — Богу извѣстно, какъ хочу купить теперь себѣ только ночлегъ. Кто живетъ съ вами внизу?

— Никто.

— Такъ заприте рѣшетку и покажите мнѣ дорогу. Скорѣй!

Слѣпецъ медлилъ съ минуту, потомъ исполнилъ требованіе бродяги, и они вмѣстѣ сошли внизъ. Переговоры эти производились такъ

Digitized by Google

скоро, что оба переговаривавшіе очутились въ бѣдной конуркѣ слѣпца прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться отъ своего изумленія.

— Можно ли посмотрѣть, куда ведетъ эта дверь и что́ скрывается за нею? спросилъ бродяга, озираясь.—Вы позволите мнѣ это?

— Я самъ покажу вамъ все. Ступайте впередъ или слѣдуйте за мною, какъ угодно.

Бродяга приказалъ слѣпцу идти впередъ и при свѣтѣ факела осмотрѣлъ всѣ три погреба. Увѣрившись въ справедливости словъ слѣпца, что онъ живетъ одинъ-одинёшенекъ, гость возвратился съ нимъ въ первый подвалъ и съ глубокимъ вздохомъ бросился на полъ передъ огнемъ.

Хозяинъ принялся за свои обыкновенныя занятія, не заботясь, повидимому, нисколько о своемъ гостѣ. Но какъ скоро тотъ заснулъ—и хозяинъ замѣтилъ это такъ же вѣрно, какъ человѣкъ съ самымъ лучшимъ зрѣніемъ—сталъ подлѣ него на колѣни, и слегка, но внимательно провелъ рукою по лицу и всему тѣлу спящаго.

Сонъ спящаго былъ прерываемъ восклицаніями ужаса и стонами; иногда онъ прошептывалъ одно, или два слова. Руки его были сжаты, лобъ сморщенъ и губы судорожно стиснуты. Слѣпецъ очень хорошо замѣтилъ все это; и какъ-будто совершенно удовлетворивъ своему любопытству, узнавъ часть тайны незнакомца, сидѣлъ, наблюдая за спящимъ, до-тѣхъ-поръ, пока разсвѣло совершенно.

ГЛАВА XIX.

Хорошенькая головка Долли Уарденъ была исключительно занята разнообразными воспоминаніями о вечеринкѣ, и ея блестящіе глазки были еще ослѣплены видѣнными ею картинами и образами, которые предстали теперь передъ нею какъ пылинки въ лучѣ солнечномъ. Между ними образъ одного гостя, бывшаго на этой вечеринкѣ, игралъ главную роль,—образъ молодаго каретника и вѣчно-цѣховаго каретнаго мастера. Усаживая ее, на прощанье, въ носилки, онъ далъ ей понять, что твердо рѣшился совершенно пренебречь своимъ ремесломъ и чахнуть мало-по-малу отъ любви. Головка, глазки, мысли, словомъ, всѣ пять чувствъ Долли были въ полномъ обаяніи и смѣшеніи, хотя съ того знаменитаго вечера прошло уже три дня. Сидя беззаботно за завтракомъ и читая на днѣ чайнаго блюдечка всѣ роды счастія (то-есть, любовнаго и супружескаго), вдругъ услышала она въ мастерской чьи-то шаги, и за стеклянною дверью показался мастеръ Честеръ, стоя между заржавленными замка́ми и ключа́ми, какъ амуръ между розами. Историкъ отнюдь не намѣренъ присвоивать себѣ честь этого удачнаго сравненія, потому-что оно было изобрѣтено дѣвственною, почтенною миссъ Меггсъ, которая, замѣтивъ,

Digitized by Google

въ своихъ сантиментальныхъ мечтаніяхъ, мэстера Эдварда съ ступеней, которыя мыла въ это время, произнесла это сравненіе.

Слѣсарь бесѣдовалъ тогда очень прилежно съ своимъ Тоби, воздѣвъ глаза кверху и опрокинувъ голову назадъ, и потому не замѣтилъ бы своего гостя, еслибъ мистриссъ Уарденъ, бывъ внимательнѣе своего мужа, не приказала Симу Тэппертейту отворить стеклянную дверь и впустить его. Но добрая женщина тотчасъ заключила изъ этого непріятнаго обстоятельства (потому-что она изъ малѣйшаго обстоятельства умѣла извлекать удивительныя моральныя наставленія), что пить пиво поутру—пагубная, противо-религіозная, языческая привычка, которую должно было бы предоставить лишь свиньямъ, или сатанѣ; честные же люди должны были бы избѣгать этого зла, какъ исчадія грѣха и ада. Вѣроятно, она растянула бы гораздо длиннѣе свое наставленіе, основывая на немъ безконечный рядъ безподобныхъ нравственныхъ сентенцій, еслибъ молодой джентльменъ, слушавшій ихъ съ небольшой досадой, не принудилъ ея къ скорому окончанію проповѣди, которую читала она своему супругу.

— Вы вѣрно извините меня, сэръ, сказала мистриссъ Уарденъ, вставъ и кланяясь мэстеру Эдварду: — мужъ мой такъ разсѣянъ... ему такъ часто надо напоминать... Симъ, подай стулъ.

Мэстеръ Тэппертейтъ повиновался, но съ физіономіей, которая говорила ясно:—повинуюсь, но протестую...

— Ты можешь идти, Симъ, прибавилъ слѣсарь.

Мэстеръ Тэппертейтъ опять повиновался, но все еще протестуя, и, пришедъ въ мастерскую, сталъ не шутя опасаться, что будетъ принужденъ отравить своего хозяина прежде, чѣмъ минетъ срокъ его ученической жизни.

Между-тѣмъ, мэстеръ Эдвардъ отвѣчалъ очень вѣжливо на комплименты мистриссъ Уарденъ, что очень ей нравилось, такъ что, когда онъ принялъ изъ прелестныхъ ручекъ Долли чашку чаю, она очень развеселилась.

— Повѣрьте, если мы, то-есть, Уарденъ, я, или Долли, можемъ чѣмъ-нибудь услужить вамъ, то скажите одно слово — и все будетъ исполнено, сказала мистриссъ Уарденъ.

— Покорнѣйше благодарю, отвѣчалъ Эдвардъ.—Вы придаете мнѣ смѣлости признаться, что я пришелъ теперь сюда именно за тѣмъ, чтобъ попросить васъ объ одолженіи.

Мистриссъ Уарденъ была въ невыразимомъ восхищеніи.

— Мнѣ пришло на память, что ваша прелестная дочка отправится, можетъ-быть, сегодня или завтра въ Кроличью-Засѣку, сказалъ Эдвардъ, смотря на Долли: — и если это предположеніе справедливо и если вы, мистриссъ, позволите ей взять съ собой это письмо, то не-

Digitized by Google

выразимо обяжете меня. Правду сказать, мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ оно дошло по адресу; я имѣю особенныя причины не ввѣрять его никому другому, такъ-что безъ вашей помощи буду въ большомъ затрудненіи.

— Признаться, сэръ, она, такъ-сказать, не поѣдетъ въ Кроличью-Засѣку ни сегодня, ни завтра, ни во всю эту недѣлю, отвѣчала мистриссъ Уарденъ милостиво: — но намъ будетъ очень пріятно услужить вамъ, и если вамъ угодно, сэръ, то можете быть увѣрены, что письмо будетъ доставлено сегодня же. Вы могли бы подумать, продолжала мистриссъ Уарденъ, грозно смотря на мужа:—что, судя по молчаливому и угрюмому виду мэстера Уардена, онъ имѣетъ что-нибудь сказать противъ этого; но прошу васъ, сэръ, не обращать на него вниманія. Такова ужь его всегдашняя манера, когда онъ дома. Въ-людяхъ онъ умѣетъ быть и веселъ и разговорчивъ!..

Между-тѣмъ, несчастный слѣсарь, благодаря Бога, что супруга его въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, съ сіяющимъ лицомъ и невыразимою радостію прислушивался къ разговору. Это внезапное нападеніе тѣмъ сильнѣе поразило его.

— Милая Марта... сказалъ онъ.

— О, да, прервала мистриссъ Уарденъ, съ полунасмѣшливой, съ полушутливой улыбкой:—очень милая. Это всѣмъ извѣстно...

— Душа моя, сказалъ Габріель: — ты ошибаешься. Право, ошибаешься. Я восхищался тѣмъ, что ты такъ мила и такъ готова услужить джентльмену. Я, моя милая, ждалъ только, что ты скажешь, —увѣряю тебя.

— Ты ждалъ? повторила мистриссъ Уарденъ.—Да, спасибо тебѣ, Уарденъ. Ты ждалъ, какъ и всегда ждешь, чтобъ въ случаѣ, если дѣло кончится худо, всю вину свалить на меня. Но я ужь привыкла къ этому, прибавила она съ какимъ-то торжественнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ:—и все мое утѣшеніе въ томъ...

— Даю тебѣ честное слово, Марта... сказалъ Габріель.

— Позволь мнѣ дать тебѣ тоже честное слово, мой милый, прервала жена его съ христіанскою улыбкой: — и сказать, что женатымъ людямъ гораздо приличнѣе не вступать въ подобные споры. Итакъ, если тебѣ угодно, оставимъ этотъ разговоръ. Я не хочу продолжать его. Я могла бы... я имѣла бы сказать много кое-чего... Но ужь лучше буду молчать... Пожалуйста, ни слова болѣе объ этомъ.

— Мнѣ нѣчего сказать больше, отвѣчалъ раздраженный слѣсарь.

— Ну, такъ и не говори! вскричала мистриссъ Уарденъ.

— Да и не я началъ первый, Марта, прибавилъ слѣсарь, шутя.— Это я могу сказать.

— Не ты началъ, Уарденъ! воскликнула жена его, сдѣлавъ ужасно большіе глаза и озираясь кругомъ, какъ-будто желая сказать:

Digitized by Google

«Слышите ли, что̀ онъ говоритъ?»—Но пусть же ты не скажешь, что я была не въ духѣ. Нѣтъ, не ты началъ, ей-Богу, не ты, право, не ты, мой милый!

— Хорошо, хорошо, сказалъ слѣсарь.—Итакъ, дѣло кончено?

— Да, да, отвѣчала жена его:—совершенно кончено. Если ты хочешь сказать, мой милый, что начала Долли, такъ я и въ этомъ нисколько не буду противорѣчить тебѣ. Я знаю долгъ свой. Я обязана знать его, увѣряю тебя. Я часто принуждена вспоминать о немъ, когда природа моя, противъ моей воли, можетъ-быть, обязываетъ меня забывать о немъ хоть на минуту. Спасибо, Уарденъ!.. Мистриссъ Уарденъ съ величайшей покорностью и смиреніемъ сложила руки и осмотрѣлась опять, съ улыбкой, которая говорила ясно: «Если вы хотите видѣть величайшую на землѣ мученицу, взгляните на меня.»

Какъ ни ясно свидѣтельствовало это небольшое приключеніе о чрезвычайной любезности и кротости мистриссъ Уарденъ, однакожь оно остановило разговоръ и такъ смутило всѣхъ, исключая ея-самой, что до ухода Эдварда произнесено было не болѣе пары односложныхъ словъ. Эдвардъ поблагодарилъ нѣсколько разъ хозяйку за ея снисхожденіе и шепнулъ Долли на ухо, что прійдетъ навѣдаться завтра, не будетъ ли отвѣта на письмо его: впрочемъ, она знала это и безъ него, потому-что Бэрнеби и другъ его Грейфъ приходили наканунѣ предупредить ее объ этомъ посѣщеніи.

Габріель, проводивъ Эдварда до улицы, возвратился съ руками въ карманахъ; прошедшись нѣсколько разъ съ безпокойнымъ видомъ взадъ и впередъ по комнатѣ и бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ на мистриссъ Уарденъ (которая съ самымъ спокойнымъ видомъ погрузилась на пять сажень глубины въ чтеніе протестантскаго молитвенника), онъ спросилъ Долли, какимъ образомъ она думаетъ пробраться въ Кроличью-Засѣку? Долли полагала, что лучше всего ѣхать въ омнибусѣ и взглянула на мать, которая, замѣтивъ этотъ нѣмой вопросъ, нырнула по-крайней-мѣрѣ еще на сажень въ молитвенникъ и забыла о всѣхъ мірскихъ дѣлахъ.

— Марта!.. сказалъ слѣсарь.

— Я слушаю тебя, Уарденъ, сказала жена его, не выплывая изъ глубины на поверхность.

— Мнѣ жаль, милая, что ты питаешь такое непреодолимое отвращеніе къ Майскому-Дереву и старому Джону; вотъ что̀ можно было бы сдѣлать: погода сегодня прекрасная; по субботамъ же у насъ всегда мало дѣла; мы всѣ трое могли бы отправиться въ Чигуэлль и провести тамъ день очень весело.

Мистриссъ Уарденъ закрыла молитвенникъ и, залившись слезами, потребовала, чтобъ ей помогли пройдти вверхъ.

— Что̀ съ тобой, Марта? спросилъ слѣсарь.

Digitized by Google

Марта отвѣчала: — О, не говори со мной! — и увѣряла среди ужасныхъ судорогъ, что еслибъ кто-нибудь предсказалъ ей ато, она не повѣрила бы во всю жизнь.

— Помилуй, Марта, сказалъ Габріель и заслонилъ ей дорогу, когда, опираясь на плечо Долли, она хотѣла уйдти: — чему бы ты не повѣрила? Скажи, на милость, что тутъ опять не по-твоему? Ей-Богу, не понимаю. Не знаешь ли хоть ты, Долли? А! воскликнулъ слѣсарь, въ какомъ-то вступленіи теребя свой парикъ: — я думаю, никто, кромѣ Меггсъ, не пойметъ этого!

— Меггсъ? произнесла слабо мистриссъ Уарденъ и съ признаками приближающагося обморока: —Меггсъ привязана ко мнѣ, и этого достаточно ей, чтобъ навлечь на себя ненависть всего дома. Для меня —она утѣшеніе; для другихъ—пусть будетъ чѣмъ угодно.

— Для меня она не утѣшеніе, воскликнулъ Габріель, которому отчаяніе придало смѣлости. — Она несчастіе моей жизни. Она — то, что всѣ бѣдствія египетскія вмѣстѣ.

— Вы считаете ее своимъ несчастіемъ, я увѣрена въ томъ, сказала мистриссъ Уарденъ. — Я ждала этого; это очень натурально; это очень похоже на все прочее. Если ты ужь позоришь меня въ глаза, то могу ли удивляться, что ее позоришь за глаза?

Тутъ она начала приходить въ сильное отчаяніе, плакать и смѣяться, всхлипывать и содрогаться, икать и давиться; наконецъ сказала, что сама знаетъ, какъ это глупо, но не можетъ поступать иначе, и если умретъ и будетъ отпѣта и похоронена, то они будутъ жалѣть о ней (впрочемъ, въ подобномъ положеніи дѣлъ, все это было, кажется, не такъ достовѣрно, какъ она думала), и многое тому подобное. Словомъ, она очень ловко исполнила всѣ церемоніи, принадлежащія къ подобнымъ приключеніямъ, потомъ велѣла отвести себя вверхъ и положить въ постель при ужасиѣйшихъ судорогахъ. Скоро Меггсъ бросилась на трупъ ея.

Дѣло было въ томъ, что мистриссъ Уарденъ хотѣлось ѣхать въ Чигуэлль; но она не хотѣла уступать или объясняться; она хотѣла, чтобъ ее просили, умоляли, и иначе никакъ не намѣревалась исполнить это. Такимъ образомъ, послѣ значительной порціи стоновъ и плача; послѣ многихъ примочекъ къ головѣ, многихъ вспрыскиваній уксусомъ и понюхиваній оленьяго рога; послѣ чрезвычайно-патетическихъ заклинаній со стороны Меггсъ, подкрѣпляемыхъ не слишкомъ слабыми пріемами горячей водки съ водой и другихъ сердцеукрѣпляющихъ средствъ, принадлежавшихъ также къ возбудительнымъ средствамъ, которыя даются сперва по чайной ложечкѣ, а потомъ увеличиваются въ возрастающей пропорціи и которыя миссъ Меггсъ принимала сама, какъ предохранительное средство (потому что обмороки заразительны); послѣ употребленія всѣхъ этихъ и дру-

Digitized by Google

гихъ лекарствъ и послѣ множества моральныхъ и всяческихъ утѣшеній, слѣсарь покорился—и дѣло начало приходить къ концу.

— Чтобъ только сохранить спокойствіе въ домѣ, папенька, сказала Долли: — подите наверхъ.

— О, Долли, Долли, сказалъ добродушный отецъ: — если у тебя будетъ когда-нибудь мужъ...

Долли посмотрѣлась въ зеркало.

— Да, если у тебя будетъ мужъ, продолжалъ слѣсарь: — никогда не падай въ обморокъ. Отъ легкаго паденія въ обморокъ произошло болѣе домашнихъ несчастій, чѣмъ отъ всѣхъ страстей вмѣстѣ. Замѣть это, милая Долли, если хочешь быть истинно-счастливою; ты никогда не будешь счастлива, если мужъ твой несчастливъ. И—еще словечко на ухо, дитя мое, не терпи никогда около себя какой-нибудь Меггсъ!

Давъ этотъ добрый совѣтъ, онъ поцаловалъ Долли и медленно пошелъ въ комнату мистриссъ Уарденъ, между-тѣмъ, какъ эта добрая женщина, лежа въ постели, блѣдная, едва-дышущая, утѣшалась созерцаніемъ новаго своего чепчика, который Меггсъ расположила въ самомъ выгодномъ свѣтѣ у постели, чтобъ успокоить жизненныя силы своей хозяйки.

— Вотъ мэстеръ, мистриссъ, сказала Меггсъ. — О, какое благополучіе, когда мужъ и жена въ дружбѣ. О, Боже, страшно подумать, что они могутъ иногда ссориться!.. Сила чувствъ, высказанныхъ въ этомъ восклицаніи и обращеніи ко всѣмъ семи небесамъ безъ разбору, заставила миссъ Меггсъ надѣть чепчикъ и, сложивъ руки, заплакать.

— Не могу удержаться, воскликнула Меггсъ. — Не могу, хоть бы мнѣ пришлось утонуть въ собственныхъ слезахъ своихъ. У нея такое прощающее сердце! Она забываетъ все случившееся и поѣдетъ съ вами, сэръ... О, еслибъ вамъ вздумалось отправиться на край свѣта, она и туда пошла бы съ вами!

Мистриссъ Уарденъ, нѣжно улыбаясь, осуждала свою служанку за такой энтузіазмъ и въ то же время напомнила ей о своемъ нездоровьѣ, которое помѣшаетъ ей выѣзжать сегодня.

—О, нѣтъ, нѣтъ, мистриссъ, право, нѣтъ, сказала Меггсъ:—спрошу мэстера: мэстеръ знаетъ, что это неправда. Воздухъ и движеніе въ колескѣ будутъ вамъ полезны; вы не должны поддаваться болѣзни, право, не должны. Неправда ли, сэръ, она должна поддерживать себя для всѣхъ насъ. Я сейчасъ говорила объ этомъ. Она должна думать объ насъ, еслибъ и рѣшилась забыть о самой-себѣ... Ужь мэстеръ уговоритъ васъ, я увѣрена. Вы поѣдете съ миссъ Долли, съ мэстеромъ; всѣ будутъ такъ счастливы, веселы. О!... воскликнула Меггсъ, и снова заплакала:—я никогда еще не видывала такого до-

Digitized by Google

браго сердца, никогда, никогда! Да и мэстеръ вѣрно тоже никогда еще не видывалъ!.. Послѣ этого патетическаго восклицанія, она вышла изъ комнаты.

Около пяти минутъ мистриссъ Уарденъ тихо противилась всѣмъ просьбамъ мужа; но наконецъ уступила и смягчилась до того, что простила его совершенно, сказавъ, что это было заслуга ея молитвенника, а не ея собственная, и позвала Меггсъ, чтобъ она помогла ей одѣваться. Горничная явилась тотчасъ же, и мы только отдадимъ справедливость ихъ соединеннымъ усиліямъ, если скажемъ, что добрая женщина, сходя потомъ съ лѣстницы, имѣла такой свѣжій и здоровый видъ, какъ-будто съ нею ничего не случилось.

Явилась и Долли, идеалъ свѣжести, въ хорошенькомъ салопѣ вишневаго цвѣта, съ такимъ же капюшономъ, въ маленькой соломенной шляпкѣ, надѣтой немножко на-бекрень. Кромѣ этого, на ней была пара такихъ неизъяснимо-маленькихъ башмаковъ, что мэстеръ Тэппертейтъ, державшій подъ уздцы лошадь, и увидѣвшій какъ миссъ Долли одна выходила изъ дому, почувствовалъ смертную охоту заманить ее въ коляску и ускакать съ ней куда глаза глядятъ, и сдѣлалъ бы это непремѣнно, еслибъ въ умѣ его не родились нѣкоторыя непріятныя сомнѣнія о ближайшей дорогѣ въ Гретна-Гринъ: онъ не зналъ куда надо ѣхать, вверхъ, или внизъ по улицѣ, направо, или налѣво, и наконецъ, если даже предположить, что буря опрокинетъ всѣ домы сборщиковъ пошлины за шоссе — согласится ли кузнецъ обвѣнчать ихъ въ долгъ. Послѣднее предположеніе показалось растревоженной фантазіи Сима столь невѣроятнымъ, что онъ медлилъ. А пока онъ медлилъ и металъ на Долли изъ глазъ цѣлыя почтовыя кареты, запряженныя шестернями, вышелъ изъ дому мэстеръ Уарденъ, за нимъ вышла мистриссъ Уарденъ и дѣвственница Меггсъ; удобный случай для Сима погибъ невозвратно. Заскрипѣли рессоры колясочки, и мистриссъ Уарденъ усѣлась; потомъ рессоры заскрипѣли сильнѣе прежняго—усѣлся слѣсарь; наконецъ прыгнула въ коляску Долли, радостная, веселая... И вотъ они уѣхали; мѣсто, на которомъ стояла *она*, опустѣло, и Тэппертейтъ остался на улицѣ одинъ съ ужасною миссъ Меггсъ.

Добрый слѣсарь былъ веселъ, какъ-будто съ нимъ цѣлый годъ не случилось ничего непріятнаго; Долли была вся улыбка и прелесть, а мистриссъ Уарденъ особенно любезна. Пока они тряслись по мостовой, разговаривая о томъ и о другомъ, — по троттуару прошелъ упомянутый уже нами каретникъ, и прошелъ съ такою важною осанкою, какъ-будто онъ во всю жизнь свою не имѣлъ другаго дѣла съ каретами, кромѣ ѣзды въ нихъ. Онъ поклонился такъ, какъ можетъ поклониться только джентльменъ. Долли смутилась, отвѣчая на поклонъ его; ленты ея салопа затряслись немного, когда встрѣ-

Digitized by Google

тила его печальный взглядъ, который, казалось, говорилъ: «Я сдержалъ слово; работа пошла къ чорту, а во всемъ виноваты вы!». Дотѣхъ-поръ, пока она не поворотила за уголъ, онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ статуя — по выраженію Долли, какъ насосъ — по выраженію мистриссъ Уарденъ, и когда слѣсарь замѣтилъ, что это безсовѣстно, а мать спросила, что онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ, Долли покраснѣла опять такъ сильно, что салопъ ея казался блѣднымъ въ сравненіи съ лицомъ ея.

Однакожь это не мѣшало имъ быть веселыми, и слѣсарь, въ радости, останавливался поминутно, обнаруживая весьма близкое знакомство свое со всѣми шинками, со всѣми хозяевами и хозяйками ихъ, съ которыми была очень дружна и маленькая его лошадка, потому-что она сама останавливалась у каждаго подобнаго заведенія. Никогда на этомъ свѣтѣ не бывало людей веселѣе этихъ хозяевъ и хозяекъ, при встрѣчѣ съ мэстеромъ Уарденомъ, мистриссъ Уарденъ и миссъ Уарденъ: одни не хотѣли пускать ихъ далѣе; другіе просили, чтобъ они непремѣнно вошли въ бель-этажъ; третьи говорили, что обидятся и обвинятъ ихъ въ гордости, если они не скушаютъ чего-нибудь, такъ что поѣздка слѣсаря и его семейства казалась тріумфальнымъ шествіемъ, не простою прогулкою. Дѣйствительно, пріятно видѣть себя предметами такого почета, не говоря уже о разныхъ лакомствахъ, бывшихъ его слѣдствіемъ; поэтому-то и мистриссъ Уарденъ молчала до поры до времени и была вся восхищеніе; но такое количество очевидныхъ доказательствъ, какое собрала она въ этотъ день противъ несчастнаго слѣсаря, чтобъ позже воспользоваться ими при удобномъ случаѣ, никогда еще не было собираемо вдругъ супружескою нѣжностью.

По прошествіи довольно-долгаго времени, — потому-что всѣ эти пріятныя остановки отняли его немало, достигли они опушки лѣса, а вскорѣ и Майскаго-Дерева, гдѣ веселый возгласъ слѣсаря: «гого!» вызвалъ немедленно на подъѣздъ стараго Джона и молодаго Джона. И тотъ и другой, увидѣвъ дамъ, были изумлены до такой степени, что съ минуту не могли даже поклониться.

Впрочемъ, Джой опомнился очень скоро, отодвинулъ своего соннаго отца въ сторону — къ крайней и невыразимой досадѣ мэстера Уиллита — и подскочилъ къ колискѣ, чтобъ помочь дамамъ выйдти. Долли вышла прежде всѣхъ. Джой держалъ ее въ своихъ объятіяхъ,—правда, не больше мгновенія,—но все-таки держалъ же. Вѣдь и въ этомъ есть хоть маленькій проблескъ счастія!

Трудно было бы описать, что за пошлая и обыкновенная исторія было высаживаніе изъ коляски мистриссъ Уарденъ; но Джой сдѣлалъ это, и притомъ съ самымъ вѣжливымъ, предупредительнымъ видомъ. Старый же Джонъ, въ какомъ-то туманномъ предчувствіи,

Digitized by Google

что мистриссъ Уарденъ не можетъ его терпѣть и не зная, не пріѣхала ли она, чтобъ напасть на него и поколотить добрымъ порядкомъ, — собралъ все свое мужество, пожелалъ ей добраго дня, и предложилъ руку, чтобъ проводить въ домъ. Предложеніе было принято очень благосклонно, и они отправились; за ними пошли Джой и Долли, также рука-объ-руку (опять счастіе!), а мэстеръ Уарденъ составлялъ аррьергардъ.

Старый Джонъ пригласилъ ихъ въ общую комнату; всѣ согласились на это. Общія комнаты въ гостинницахъ пріятны, но общая комната въ Майскомъ-Деревѣ была самою наипріятнѣйшею и совершеннѣйшею комнатою въ этомъ родѣ, когда-либо придуманною умомъ человѣческимъ. Какія были тутъ удивительныя бутыли въ старыхъ, плетеныхъ чехлахъ, какія блестящія кружки, качавшіяся на крючкахъ, почти въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онѣ находятся, когда люди, томимые жаждою, подносятъ ихъ ко рту; какіе крѣпкіе дубовые боченки, поставленные рядами на карнизахъ; сколько было лимоновъ, висѣвшихъ въ сѣткахъ и составлявшихъ вмѣстѣ съ сахарными пирамидами пуншъ, превосходящій понятія самаго геніальнаго человѣка; какіе были тутъ шкапики, ящички съ трубками, подносики,—и все это набито биткомъ съѣстнымъ и питѣйнымъ, или вкусными пряностями; наконецъ, вѣнецъ всего, доказательство богатыхъ запасовъ гостинницы, огромнѣйшій сыръ!

Бѣдно то сердце, которое не можетъ никогда радоваться, но то сердце было бы бѣднѣйшимъ, слабѣйшимъ и несчастнѣйшимъ, которое не забилось бы сильнѣе при видѣ столовой Майскаго-Дерева. Сердце мистриссъ Уарденъ тотчасъ начало биться сильнѣе. Она теперь была такъ же мало въ состояніи упрекать Джона Уиллита посреди его пенатовъ—боченковъ, бутылокъ, лимоновъ, трубокъ и сыра, какъ и заколоть его собственнымъ ножомъ его. Притомъ же, манера его заказывать кушанье могла бы смягчить самаго жестокаго дикаря. «Крошку рыбы» сказалъ Джонъ кухаркѣ: «и нѣсколько кусковъ баранины, хорошій салатъ и жаренаго молодаго цыпленка, съ тарелочкой сосисекъ или чего-нибудь въ родѣ этого». «Чего-нибудь въ родѣ этого!» что за огромные запасы въ этихъ гостинницахъ! Говорить такъ небрежно о кушаньяхъ, которыя сами-по-себѣ составляютъ уже праздничныя блюда, говорить о нихъ: «чего-нибудь въ родѣ этого!», то-есть, если не можешь достать цыпленка, такъ возьми какую-нибудь другую птицу—на-примѣръ индѣйскаго пѣтуха! А тутъ еще кухня, съ огромнымъ каминомъ,—кухня, въ которой можно было варить все, при видѣ которой можно было ожидать навѣрное, что все заказанное къ обѣду явится непремѣнно. Мистриссъ Уарденъ возвратилась изъ обозрѣнія всѣхъ этихъ чудесъ совершенно смущенная и встревоженная. Ея хозяйственный геній былъ не такъ

обширенъ, чтобъ постичь все это. Она была принуждена лечь. Быть наяву между такими удивительными вещами—слишкомъ мучительно.

Долли, которой голова была занята совсѣмъ другимъ, вышла изъ садовой калитки и, оглядываясь по временамъ (разумѣется, не заботясь о томъ, видитъ ли ее Джой), побѣжала черезъ поля, которыя знала очень хорошо, чтобъ исполнить порученіе, данное ей въ Кроличью-Засѣку.

ГЛАВА XX.

Гордое сознаніе важности возложеннаго на нее порученія измѣнило бы ея намѣренію, еслибъ она вздумала пройдти, такъ сказать, сквозь строй передъ всѣми обитателями Кроличьей-Засѣки; но такъ какъ Долли не разъ, еще ребенкомъ, играла во всѣхъ залахъ и корридорахъ стараго дома, а позже всегда оставалась скромною подругою молочной сестры своей, миссъ Гэрдаль, то знала домъ такъ же хорошо, какъ и его обитателей. Удержавая дыханіе, проскользнула она на цыпочкахъ мимо библіотеки, и очутилась въ комнатѣ миссъ Эммы.

Это была самая веселая комната во всемъ домѣ. Правда, она имѣла такой же мрачный видъ, какъ и всѣ другія, но присутствіе молодости и красоты оживляетъ даже темницу и удѣляетъ часть своихъ прелестей самымъ мрачнымъ мѣстамъ. Птицы, цвѣты, книги, рисунки, ноты, и сотня подобныхъ признаковъ женской любви и прихоти, наполняли комнату. Въ ней царствовала любовь, а кто изъ людей, одаренныхъ сердцемъ, не узнаетъ присутствія любви въ другомъ.

У Долли, безъ всякаго сомнѣнія, было сердце, и притомъ не холодное, хоть оно и было окружено небольшимъ туманомъ кокетства, какой иногда поутру окружаетъ солнце жизни, затемняя нѣсколько блескъ его. По-этому, когда Эмма встала, чтобъ привѣтствовать Долли, ласково поцаловала ее въ щеку и разсказала, что чувствовала себя очень несчастливою, на глазахъ Долли навернулись слезы, и она сдѣлалась необыкновенно-печальною. Однакожь, минуту спустя, она взглянула нечаянно въ зеркало, и это было ей такъ пріятно, что она улыбнулась, хоть слезы все еще дрожали на рѣсницахъ, и почувствовала себя совершенно-утѣшенною.

— Я слышала объ этомъ, миссъ, сказала Долли:—это очень грустно; но когда несчастіе дойдетъ до высшей степени, тогда, говорятъ, и помощь недалеко.

— Но развѣ ты навѣрное знаешь, что несчастіе достигло высшей степени? спросила улыбаясь Эмма.

Digitized by Google

Ну, я по-крайней-мѣрѣ не вижу, чтобъ оно могло быть еще сильнѣе, сказала Долли. — Я принесла кое-что для начала.

— Ужь не отъ Эдварда ли?

Долли кивнула головой, улыбнулась, и стала шарить въ карманахъ (тогда носили еще карманы), какъ-будто не могла найдти искомаго,—что значительно увеличивало важность ея,—наконецъ вытащила письмо. Между-тѣмъ, какъ Эмма поспѣшно сломала печать и погрузилась въ чтеніе, глаза Долли, по какому-то странному случаю, опять направились на зеркало. Она размышляла о томъ, сильно ли страдаетъ каретникъ и рѣшительно сожалѣла о бѣдняжкѣ.

Письмо было длинно—очень-длинно, листъ бумаги мелко исписанный и тщательно сложенный; но въ то же время оно не было утѣшительно, потому-что, читая его, Эмма по временамъ останавливалась, чтобъ отереть на глазахъ слезы. Долли была очень удивлена, видя такую горесть: по ея понятіямъ, любовь была самою лучшею шуткою, самымъ пріятнымъ, самымъ смѣшнымъ дѣломъ. Она внутренно была увѣрена, что все это происходило единственно отъ излишняго постоянства миссъ Гэрдаль, и что, еслибъ она захотѣла полюбить другаго молодаго человѣка—хоть на столько, чтобъ первый любовникъ струсилъ — то все пошло бы гораздо лучше.

— Я непремѣнно поступила бы такъ, думала Долли. — Опечалить своего поклонника—этого довольно; но сдѣлаться самой несчастною—это ужь слишкомъ.

Однакожь, неловко было бы обнаружить эти мысли, и потому Долли сидѣла молча, посматривая на миссъ Эмму; а для этого необходимъ былъ порядочный запасъ терпѣнія, потому-что, когда письмо было прочтено разъ, миссъ Эмма начала читать его снова; прочитавъ же его два раза, миссъ Эмма начала читать его снова. Въ-продолженіе этой скучной исторіи, Долли старалась обмануть время самымъ выгоднымъ образомъ, дѣлая себѣ, при помощи упомянутаго зеркала, нѣсколько убійственныхъ локоновъ.

Однакожь всему есть конецъ. Даже влюбленные не могутъ вѣчно читать письма. По прошествіи нѣкотораго времени, письмо было опять сложено; оставалось написать отвѣтъ.

Но такъ-какъ это было также дѣло не минутное, то Эмма сказала, что не будетъ отвѣчать до послѣ обѣда и пригласила Долли отобѣдать съ нею. Долли еще прежде рѣшилась на это, и потому не заставила долго просить себя, и обѣ подруги, въ ожиданіи обѣда, пошли въ садъ.

Онѣ бродили взадъ и впередъ по аллеямъ, болтая безъ-умолку;— по-крайней-мѣрѣ Долли не переставала говорить ни на минуту—такъ, что эта часть мрачнаго, печальнаго дома совершенно развеселилась. Нельзя сказать, чтобъ онѣ болтали слишкомъ громко, или смѣялись

Digitized by Google

много, но онѣ были такъ милы, день былъ такъ хорошъ, ихъ легкія платья и темные локоны развѣвались такъ свободно, такъ весело и игриво; Эмма была такъ прелестна, Долли такъ мила и румяна, Эмма съ такими нѣжными формами, Долли такъ полна, что, повѣрьте, ни въ одномъ саду въ мірѣ не росли еще такіе цвѣтки, и домъ и садъ, казалось, радовались этому.

Потомъ настало время обѣдать; за-тѣмъ надо было писать письмо, тамъ поболтать немножко, при чемъ миссъ Гэрдаль воспользовалась случаемъ упрекнуть Долли въ небольшой склонности къ непостоянству и кокетству. Но Долли, по-видимому, приняла эти обвиненія за настоящіе комплименты и чрезвычайно утѣшалась ими. Эмма, находя Долли неисправимою по этой части, отпустила ее наконецъ, ввѣривъ ей «важное» письмо и подаривъ красивую браслетку. Надѣвая ей на руку браслетку и еще разъ, полушутя, полусерьозно, посовѣтовавъ исправиться (Эмма знала, что Долли внутренно любила Джоя, хоть и отнѣкивалась очень упорно, увѣряя съ смѣшнымъ высокомѣріемъ, что надѣется найдти себѣ какое-нибудь лучшее занятіе и т. п.), Эмма простилась съ нею; потомъ воротила ее еще разъ, чтобъ дать ей къ Эдварду столько порученій, сколько не могла бы припомнить даже вдесятеро серьознѣйшая голова, и наконецъ окончательно отпустила ее.

Долли спрыгнула съ лѣстницы; подошедъ къ страшной двери библіотеки, она намѣревалась уже прокрасться мимо ея на цыпочкахъ, какъ вдругъ дверь растворилась и мэстеръ Гэрдаль предсталъ предъ ней. Надобно замѣтить, что Долли съ-издѣтства соединяла всегда съ видомъ этого джентльмена мысль о чемъ-то страшномъ, ужасномъ; а такъ какъ въ эту минуту совѣсть ея была не совсѣмъ чиста, то видъ мэстера Гэрдаля такъ испугалъ ее, что она не могла ни поклониться ему, ни убѣжать, но, сдѣлавъ большой скачекъ, остановилась, дрожа всѣмъ тѣломъ и опустивъ глаза.

— Поди сюда, сказалъ мэстеръ Гэрдаль, взявъ ее за руку. — Мнѣ нужно поговорить съ тобой.

— Если позволите, сэръ, мнѣ нѣкогда, бормотала Долли: — и... вы такъ испугали меня, такъ внезапно очутились предо мною, сэръ... Я охотнѣе ушла бы, сэръ, если будетъ ваша милость отпустить меня.

— Сейчасъ, сказалъ мэстеръ Гердаль, введя ее между-тѣмъ въ комнату и запирая дверь. — Ты сейчасъ можешь уйдти... Ты была у Эммы?

— Да, сэръ, сію минуту... Батюшка ждетъ меня, сэръ, если будетъ ваша милость...

— Знаю, знаю, сказалъ мэстеръ Гэрдаль.—Отвѣчай мнѣ на одинъ только вопросъ: что принесла ты сюда сегодня?

— Что я принесла сюда, сэръ? сказала Долли.

Digitized by Google

— Я увѣренъ, что ты скажешь правду. Не такъ ли?

Долли колебалась съ минуту, но ободренная его обращеніемъ, сказала наконецъ:

— Ну, да, сэръ, я принесла письмо.

— Отъ Эдварда Честера, разумѣется. И тебѣ поручено передать ему отвѣтъ?

Долли опять колебалась и, не зная на что рѣшиться, заплакала.

— Ты пугаешься безъ причины, сказалъ мэстеръ Гэрдаль. — Какой ты ребенокъ! Почему бы тебѣ не отвѣчать просто? Вѣдь ты знаешь, мнѣ стоитъ только спросить Эмму, чтобъ узнать всю правду. Отвѣтъ у тебя?

Долли, попавшись въ тиски, старалась защищаться какъ-можно-храбрѣе.

— Да, сэръ, отвѣчала она блѣднѣя. — Да, сэръ, письмо при мнѣ. Вы можете убить меня, сэръ, если угодно, но я не отдамъ вамъ этого письма. Мнѣ очень жаль... но я не отдамъ... Да, сэръ.

— Мнѣ нравится твоя твердость и откровенность, сказалъ мэстеръ Гэрдаль.—Будь увѣрена, я такъ же не хочу отнимать у тебя это письмо, какъ и жизнь. Ты вѣрный посланникъ и добрая дѣвушка.

Долли, не считая себя совершенно безопасною, какъ признавалась въ-послѣдствіи, держалась какъ-можно-далѣе отъ мэстера Гэрдаля и, плача, рѣшилась защищать до послѣдней крайности карманъ, въ которомъ лежало письмо.

— Мнѣ очень хочется, сказалъ мэстеръ Гэрдаль, помолчавъ немного, между-тѣмъ, какъ улыбка освѣтила его обыкновенно угрюмое, меланхолическое лицо: — мнѣ очень хочется дать племянницѣ компаньйонку, потому-что жизнь, которую она ведетъ здѣсь, слишкомъ скучна и однообразна. Согласилась ли бы ты принять на себя эту должность? Ты давнишняя подруга Эммы и имѣешь полное право на это мѣсто.

— Не знаю, сэръ, отвѣчала Долли, подозрѣвая, что онъ хочетъ подшутить надъ нею:—я не могу отвѣчать на это. Не знаю, что скажутъ объ этомъ мои родители... Я не имѣю голоса въ этомъ дѣлѣ, сэръ.

— А еслибъ твои родители были согласны, развѣ ты не захотѣла бы исполнить моего желанія? Ну, полно, дитя; это простой вопросъ, — на него отвѣчать нетрудно.

— Я нисколько не противилась бы, сэръ, отвѣчала Долли. — Мнѣ было бы весьма пріятно... мнѣ всегда пріятно быть вмѣстѣ съ миссъ Эммой.

— Это очень мило съ твоей стороны, сказалъ мэстеръ Гэрдаль. — Вотъ все, о чемъ я желалъ поговорить съ тобою. Ты хочешь уйдти... Я не буду тебя удерживать. Йди съ Богомъ!

Digitized by Google

Едва были произнесены послѣднія слова, какъ Долли выбѣжала изъ библіотеки, пустилась бѣгомъ изъ дома и очутилась на свободѣ.

Когда она опомнилась, первымъ дѣломъ ея было — заплакать снова; вторымъ, когда вспомнила, какъ дешево отдѣлалась,—засмѣяться. Слезы уступили мѣсто смѣху и наконецъ она начала хохотать такъ сильно, что принуждена была прислониться къ дереву. Переставъ смѣяться, она привела въ порядокъ головной уборъ свой, отерла слезы и, съ торжествомъ оглянувшись на Кроличью-Засѣку, отправилась къ Майскому-Дереву.

Наступили уже сумерки и становилось темно, но Долли знала дорогу такъ хорошо, что не испугалась этого и нисколько не заботилась о своемъ одиночествѣ. Притомъ же, ей надо было полюбоваться браслетомъ; она потерла его и держала въ протянутой рукѣ; онъ блестѣлъ такъ мило, что она совершенно погрузилась въ это занятіе. Тутъ было еще письмо, и оно имѣло такой таинственный и скрытный видъ, когда было вынуто изъ кармана, въ немъ содержалось столько важнаго, что перевертываніе его въ разныя стороны и размышленіе о томъ, какъ оно начиналось, и какъ оканчивалось, и что въ немъ написано, составило второе, не менѣе продолжительное занятіе. Кромѣ браслета и письма, было еще много другихъ предметовъ думъ, при которыхъ не надо было думать ни о чемъ другомъ, и Долли шла далѣе, то любуясь на браслетъ, то посматривая на письмо.

Вышедъ, черезъ калитку, на маленькую тропинку, обсаженную по обѣ стороны деревьями и кустарниками, Долли услышала шумъ и вдругъ остановилась; стала прислушиваться — все смолкло. Не слишкомъ испуганная этимъ, она пошла далѣе, ускоривъ однако походку свою.

Едва прошла она нѣсколько шаговъ, какъ послышался опять тотъ же шумъ, какъ-будто кто-нибудь крадется черезъ лѣсъ и кустарники. Когда она взглянула въ ту сторону, откуда слышенъ былъ шорохъ, ей показалось, что кто-то присѣлъ за деревомъ. Она снова остановилась. Все смолкло по прежнему. Она опять пошла далѣе и гораздо скорѣе прежняго, стараясь потихоньку пѣть, увѣренная, что ее напугалъ вѣтеръ.

Но отъ-чего же вѣтеръ шумѣлъ только тогда, когда она шла, и умолкалъ, когда она останавливалась? При этой мысли, она невольно остановилась, и шорохъ опять прекратился. Тутъ уже страхъ объялъ ее, и пока она колебалась еще, не зная на что рѣшиться, кустарникъ раздался въ обѣ стороны: изъ него выскочилъ мужчина.

Digitized by Google

ГЛАВА XXI.

Долли несказанно обрадовалась, узнавъ въ человѣкѣ, представшемъ такъ внезапно предъ нею, Гога, слугу изъ Майскаго-Дерева, и ея произнесла имя его съ выраженіемъ радости.

—Такъ это были вы? сказала она.—Какъ я рада васъ видѣть! Не стыдно ли такъ напугать меня!

Онъ не отвѣчалъ ни слова, но, не сходя съ мѣста, смотрѣлъ на нее.

— Вы пришли ко мнѣ на встрѣчу? спросила Долли.

Гогъ кивнулъ головою, пробормотавъ, что онъ ждалъ ее и надѣялся, что она прійдетъ раньше.

— Я такъ и думала, что они пошлютъ встрѣчать меня, сказала Долли, успокоившись совершенно.

— Меня никто не посылалъ, отвѣчалъ онъ сердито: — я пришолъ по собственной охотѣ.

Грубые пріемы Гога и дикій, отвратительный видъ, часто, даже въ-присутствіи постороннихъ, наводили на Долли какой-то неизъяснимый страхъ; теперь же она невольно отступила назадъ. Ужасъ ея усилился еще мыслію, что онъ вздумалъ быть ея незваннымъ проводникомъ въ темнотѣ наступавшей ночи.

Еслибъ обращеніе его было только дико и сурово, какъ бывало обыкновенно, Долли не почувствовала бы слишкомъ сильнаго отвращенія отъ его сообщества — можетъ-быть даже была бы рада ему. Но въ глазахъ его выражалось какое-то дикое, безстыдное движеніе. Она смотрѣла на него въ нерѣшимости, не зная, впередъ ли ей идти, или назадъ, и онъ остановился, любуясь ею, какъ молодой сатиръ. Такъ простояли они съ-минуту, не говоря ни слова. Наконецъ Долли собрала все свое мужество, пробѣжала мимо его и пустилась изъ всѣхъ силъ къ Майскому-Дереву.

— Зачѣмъ вы такъ стараетесь бѣжать отъ меня? сказалъ Гогъ, не отставая отъ Долли.

— Я хотѣла бы быть какъ-можно-скорѣе у монхъ въ Майскомъ-Деревѣ, и притомъ вы подходите ко мнѣ слишкомъ близко, отвѣчала Долли.

— Слишкомъ близко! сказалъ Гогъ и нагнулся надъ нею, такъ-что она чувствовала его дыханіе. — Отъ-чего же слишкомъ близко? Вы всегда горды со мной, лэди.

— Я ни съ кѣмъ не горда, вы ошибаетесь, отвѣчала Долли.—Сдѣлайте одолженіе, идите либо впереди, либо позади.

— Нѣтъ, лэди, возразилъ онъ, стараясь взять ее подъ руку: — я хочу идти рядомъ съ вами.

Долли вырвала свою руку, согнула пальцы въ кулакъ и замахну-

Digitized by Google

лась на Гога. Гогъ захохоталъ во все горло, обвилъ станъ ея рукою и удерживалъ ее съ такою легкостью, какъ-будто держалъ въ рукахъ птичку.

— Ха, ха, ха! Вотъ такъ-то, лэди! Ну, ударьте хорошенько. Бейте меня по лицу, деритe за волосы, царапайте сколько-угодно. Мнѣ это очень пріятно. Ну, ударьте еще разъ, лэди. Ха, ха, ха!

— Пустите меня! вскричала Долли, стараясь оттолкнуть его: — пустите!

— Вы поступили бы лучше, еслибъ обходились со мной поласковѣе, душенька, сказалъ Гогъ.—Право! Ну, скажите-ка, отъ-чего вы всегда такъ горды? Конечно, я не сержусь на васъ за это. Мнѣ пріятно видѣть, что вы горды. Ха, ха, ха! Какъ ни гордитесь, а красоты своей все-таки не скроете отъ бѣднаго Гога—вотъ мое утѣшеніе!

Она не отвѣчала, но пустилась опять бѣжать изъ всѣхъ силъ. Наконецъ борьба, испугъ и сила, съ которою Гогъ обнималъ ее, до того ослабили Долли, что она не могла идти далѣе.

— Гогъ, воскликнула Долли, задыхаясь:— добрый Гогъ, пустите меня, я отдамъ вамъ все, — все, что имѣю, — и не скажу ничего ни одному живому существу.

— Вотъ такъ-то лучше, отвѣчалъ Гогъ.—Послушайте-ка, голубушка, вамъ лучше всего молчать. Меня знаютъ во всемъ околодкѣ, знаютъ, что я могу сдѣлать, лишь только захочу. Если вамъ когда-нибудь вздумается проболтаться—замолчите на первомъ же словѣ, и подумайте о несчастіи, которое, въ противномъ случаѣ, навлечете на многихъ невинныхъ людей. Только досадите мнѣ — такъ я самъ не только досажу многимъ, которые вамъ нравятся, но и сдѣлаю еще кой-что другое. Я забочусь о нихъ столько же, сколько объ нашей дворной собакѣ, да и что въ нихъ? Скорѣе соглашусь убить человѣка, чѣмъ собаку. Во всю жизнь свою не горевалъ я ни объ одномъ человѣкѣ, а о собакѣ плакивалъ.

Въ голосѣ, взорахъ, движеніяхъ Гога было столько дикаго, что ужасъ придалъ Долли новыя силы; неожиданно вырвалась она отъ него и побѣжала. Но Гогъ былъ такъ прытокъ, силенъ и ловокъ, какъ едва ли кто бывалъ въ старой Англіи, и Долли напрасно старалась уйдти отъ него: лишь только отбѣжала она на сто шаговъ, какъ онъ уже держалъ ее опять въ своихъ объятіяхъ.

— Тише, душенька, тише; развѣ вы хотите убѣжать отъ грубаго Гога, который любитъ васъ не менѣе любаго джентльмена?

— Хочу, отвѣчала она, стараясь освободиться. — Хочу. Эй! Помогите!

— Наказаніе за крикъ. Ха, ха, ха! Наказаніе и прехорошенькое, вашимъ губкамъ. Я самъ беру плату. Ха, ха, ха!

— Помогите, помогите! Между-тѣмъ, какъ она кричала во все гор-

Digitized by Google

ле, въ отдаленіи послышался отвѣтный крикъ, потомъ второй и третій.

— Слава Богу! воскликнула Долли въ ужасѣ. — Джой, милый Джой, сюда! помогите!

Тотъ съ минуту былъ въ нерѣшимости, что дѣлать; но какъ крикъ быстро приближался, ему надобно было рѣшиться на что-нибудь. Выпустивъ Долли изъ своихъ объятій, онъ шепнулъ ей: «Скажите ему одно только слово, и вы увидите послѣдствія!», потомъ прыгнулъ въ кусты и исчезъ во мракѣ. Долли бросилась впередъ и попала прямехонько въ распростертыя объятія Джон Уиллита.

— Что такое? Не ушиблись ли вы? Что тутъ было? Кто? Гдѣ онъ? Каковъ онъ собой?—это, вмѣстѣ съ разными утѣшеніями и успокоеніями, были первыя слова Джоя. Но бѣдная дѣвушка была такъ испугана, что долго не могла отвѣчать; она только всхлипывала и висѣла на шеѣ Джоя, какъ будто хотѣла выплакать передъ нимъ все свое сердце.

Джою нисколько не было противно, что она повисла ему на шею, хоть отъ этого и измялись вишневаго цвѣта ленты ея и шляпка. Но онъ не могъ видѣть ея слезъ; старался утѣшать ее, наклонялся надъ ней, шепталъ ей на ухо—иные говорятъ даже, что цаловалъ ее,—но это вздоръ, сказка. Во всякомъ случаѣ, однакожъ, онъ насказалъ ей множество нѣжностей, и Долли не мѣшала ему, не прерывала его ни разу, и прошло минутъ съ десять прежде, нежели она была въ состояніи приподнять головку и поблагодарить его.

— Что же такъ испугало васъ? спросилъ Джой.

Она отвѣчала, что ее преслѣдовалъ незнакомый мужчина; сначала употреблялъ просьбы, потомъ угрозы, которыя уже былъ готовъ привести въ исполненіе, когда Джой помѣшалъ ему. Джой приписывалъ смущеніе Долли при этомъ разсказѣ испугу и вовсе не подозрѣвалъ истины.

«Замолчите при первомъ же словѣ!» Сто разъ въ этотъ вечеръ и позже вспоминала Долли эти слова, когда была готова сказать правду. Глубоко-запавшій въ душу страхъ, увѣренность, что гнѣвъ Гога, однажды воспламененный, ужъ не остановится, и что, когда она назоветъ его имя, вся месть Гога падетъ на ея спасителя Джоя, все это отнимало у Долли мужество открыть истину и заставляло молчать.

Джой, съ своей стороны, былъ такъ счастливъ, что не могъ подробно разспрашивать о случившемся, а какъ Долли была еще очень слаба, то они шли медленно, рука-объ-руку, пока изъ-за деревьевъ не показался свѣтъ въ окнахъ Майскаго-Дерева. Тутъ Долли остановилась и сказала въ-полголоса:

— А письмо!

— Какое письмо? спросилъ Джой.

Digitized by Google

— Письмо, которое было со мной—я держала его въ рукѣ. И браслетъ также, сказала она, ощупывая руку.—Я потеряла все.

— Недавно?

— Или я потеряла ихъ давича, или у меня отняли ихъ, отвѣчала Долли, тщетно шаря въ карманахъ. — Нѣтъ! О, какъ я несчастна! При этихъ словахъ, бѣдная Долли, столь же опечаленная потерею письма, какъ потерею браслета, снова заплакала.

Джой старался успокоить Долли увѣреніемъ, что, проводивъ ее въ Майское-Дерево, тотчасъ отправится съ фонаремъ искать потерянныя вещи, надѣясь навѣрное найдти ихъ, потому-что послѣ нихъ никто не могъ проходить по тропинкѣ, да притомъ она не могла сказать достовѣрно, чтобъ вещи были отняты у нея насильно. Долли искренно благодарила за обѣщаніе, хотя не слишкомъ надѣялась на успѣхъ. Такимъ образомъ, при жалобахъ съ ея и обнадеживаніяхъ съ его стороны, при большой слабости со стороны Долли и нѣжной помощи со стороны Джоя, пришли они наконецъ въ Майское-Дерево, гдѣ слесарь, жена его и старый Джонъ все еще сидѣли да пировали.

Мэстеръ Уиллитъ услышалъ о приключеніяхъ Долли съ тѣмъ удивительнымъ присутствіемъ духа и тою говорливостію, которыми такъ ярко отличался онъ отъ всѣхъ другихъ людей. Мистриссъ Уарденъ выразила свое участіе тѣмъ, что разбранила дочь за то, что она просидѣла такъ долго въ Кроличьей-Засѣкѣ, а честный слесарь то жалѣлъ о Долли и цаловалъ ее, то искренно пожималъ руку добраго Джоя, разсыпаясь передъ нимъ въ похвалахъ и благодарности.

Въ-отношеніи къ послѣднему пункту, старый Джонъ не соглашался съ своимъ пріятелемъ, ибо, кромѣ того, что онъ не любилъ подобныя опасныя приключенія вообще, онъ вспомнилъ еще, что еслибъ сынъ и наслѣдникъ его былъ опасно раненъ въ дракѣ, это не только было бы непріятно и стоило большихъ издержекъ, но еще повредило бы ходу дѣлъ въ Майскомъ-Деревѣ. Отъ-этого, и еще отъ-того, что Джонъ смотрѣлъ вообще на молодыхъ дѣвушекъ неблагосклонно, считая ихъ и весь женскій полъ какимъ-то страннымъ промахомъ въ твореніи, онъ воспользовался случаемъ, чтобъ отретироваться въ уголокъ къ камину и кивать головой мѣдному котлу. По внушенію этого нѣмаго оракула, онъ далъ Джою скрытно нѣсколько толчковъ въ бокъ, въ видѣ отеческаго увѣщанія, чтобъ онъ заботился болѣе о собственныхъ дѣлахъ и не разъигрывалъ роли дурака.

Джой, напротивъ, взялъ фонарь и засвѣтилъ его; потомъ вооружился огромною дубиной и спросилъ гдѣ Гогъ.

— Спитъ въ кухнѣ, сказалъ мэстеръ Уиллитъ.—На что онъ тебѣ?

— Онъ долженъ идти со мною, чтобъ отъискать письмо и браслетъ, отвѣчалъ Джой.—Эй, Гогъ!

Digitized by Google

Долли побледнѣла какъ полотно, и ей показалось, что она упадетъ непремѣнно въ обморокъ. Черезъ нѣсколько минутъ Гогъ ввалился въ комнату со всѣми признаками человѣка сейчасъ только проснувшагося.

— На, соня, сказалъ Джой, подавая ему фонарь.—Неси, да кликни собаку. Возьми также свою дубинку. Горе мошеннику, если мы встрѣтимъ его!

— Какому мошеннику? проворчалъ Гогъ, протирая глаза.

— Какому мошеннику! отвѣчалъ Джой: — такому, котораго ты долженъ знать и за которымъ долженъ бы присматривать получше. Ты, лѣнтай, валяешься въ кухнѣ и спишь, между-тѣмъ, какъ дочери честныхъ людей не могутъ пройдти вечеромъ по нашимъ полямъ, чтобъ не напали воры и не напугали до смерти.

— Меня никто не ограбитъ! вскричалъ Гогъ смѣясь.—Мнѣ терять нечего. Но я такъ же охотно проломаю имъ голову, какъ и всякому другому. Сколько ихъ?

— Всего одинъ, сказала Долли слабымъ голосомъ, потому-что всѣ смотрѣли на нее.

— А каковъ онъ собой, лэди? сказалъ Гогъ, взглянувъ скоса на Джоя, но такъ быстро, что никто не замѣтилъ этого. — Будетъ ли онъ съ меня ростомъ?

— Нѣтъ... поменьше, отвѣчала Долли, едва сознавая, что говоритъ.

— А какое на немъ платье? спросилъ опять Гогъ, пристально смотря на нее.—Не былъ ли онъ одѣтъ... какъ на-примѣръ кто-нибудь изъ насъ? Я знаю всѣхъ въ околодкѣ и можетъ-быть угадаю, кто это былъ, если вы только наведете меня на слѣдъ.

Долли побледнѣла еще сильнѣе и отвѣчала, что на немъ широкій сюртукъ, лицо обвязано платкомъ, а впрочемъ она не можетъ описать его.

— Можетъ-быть, вы не узнаете его, если онъ опять увидите? спросилъ Гогъ, злобно усмѣхаясь.

— Нѣтъ, отвѣчала Долли, снова заплакавъ: — я не хочу его видѣть. Не могу даже подумать о немъ безъ ужаса. Не могу говорить о немъ. Не ходите искать потерянныхъ вещей, мистеръ Джой, прошу васъ, не ходите. Умоляю васъ, не ходите съ этимъ человѣкомъ.

— Не ходите съ этимъ человѣкомъ! воскликнулъ Гогъ. — Я имъ всѣмъ кажусь слишкомъ-грубъ. Они всѣ боятся меня, а между-тѣмъ, клянусь, лэди, у меня самое нѣжное сердце... Я люблю всѣхъ женщинъ, мистриссъ, прибавилъ Гогъ, обратясь къ женѣ слесаря.

Мистриссъ Уарденъ сказала, что въ такомъ случаѣ онъ долженъ стыдиться самого-себя; что такія чувства гораздо приличнѣе бродя-

Digitized by Google

щему бо нравъ мусульманину, или дикому островитянину Южнаго-Океана, нежели доброму протестанту. Изъ этого развращеннаго состоянія его нравственности вывела мистриссъ Уарденъ заключеніе, что онъ никогда еще не читалъ никакой назидательной книги. Такъ какъ Гогъ согласился съ этимъ и даже признался, что не умѣетъ читать, то мистриссъ Уарденъ объявила очень строго, что въ такомъ случаѣ онъ долженъ стыдиться еще болѣе и совѣтовала ему сберегать часть своего жалованья, чтобъ купить книгу и научиться понимать ее. Она была еще въ самомъ жару декламаціи, когда Гогъ оставилъ ее довольно-непочтительно и вышелъ за своимъ молодымъ хозяиномъ, предоставляя ей поучать остальныя лица общества. Мистриссъ Уарденъ дѣйствительно приготовлялась къ этому и, замѣтивъ, что глаза мэстера Уиллита были обращены на нее съ блескомъ глубокаго вниманія, обратилась къ нему со всею своею диссертаціею и проговорила значительно-длинную лекцію богословско-моральнаго содержанія, надѣясь произвесть на него большое впечатлѣніе. Дѣло, однакожъ, въ томъ, что мэстеръ Уиллитъ, хотя глаза его и были раскрыты, хоть они и видѣли женщину, которой голова, казалось, увеличивалась болѣе и болѣе, пока не наполнила всей комнаты, — заснулъ крѣпко, и проснулся съ глубокимъ вздохомъ уже при возвращеніи сына, сохранивъ притомъ темное воспоминаніе о видѣнной имъ во снѣ свининѣ и зелени...

Розыски Джоя были совершенно-безполезны. Джой разъ двѣнадцать прошелъ всю дорогу, ища въ травѣ, въ канавахъ, въ кустахъ, — все было напрасно. Долли, неутѣшная о своей потерѣ, написала записку къ миссъ Гэрдаль, увѣдомляя ее о случившемся такъ, какъ разсказала въ Майскомъ-Деревѣ, и Джой обѣщалъ отнести эту записку на другой же день на разсвѣтѣ; потомъ всѣ сѣли пить чай...

Нельзя сказать, чтобъ мистриссъ Уарденъ слишкомъ-строго соблюдала правила строгаго протестантизма въ отношеніи къ кушаньямъ, исключая развѣ тѣхъ случаевъ, когда ихъ было слишкомъ-много, или слишкомъ-мало, или когда она была вообще не въ духѣ. Теперь же, жизненныя силы ея возрасли значительно при видѣ превосходныхъ прибавленій къ чаю, состоявшихъ въ прекрасныхъ булкахъ, свѣжемъ маслѣ, порядочныхъ кускахъ ветчины, ростбифа и прочихъ бездѣлокъ. Она съ большою легкостью перешла отъ ничтожества человѣческихъ добродѣтелей къ важности ветчины и ростбифа. Подъ вліяніемъ этихъ спасительныхъ средствъ, она стала строго выговаривать Долли за ея трусость и отчаяніе, и замѣтила, подставляя тарелку для втораго пріема, какъ хорошо поступила бы Долли, еслибъ, вмѣсто того, чтобъ печалиться о потерѣ игрушки и листа бумаги, помышляла о добровольномъ самопожертвованіи бѣдныхъ миссіонеровъ

Digitized by Google

въ дальнихъ странахъ, гдѣ они питаются исключительно однимъ салатомъ.

Приключенія подобнаго дня производятъ разныя колебанія въ человѣческомъ термометрѣ, особливо же въ такомъ чувствительномъ и нѣжно-устроенномъ физическомъ инструментѣ, какимъ была мистриссъ Уарденъ. За обѣдомъ, она стояла на точкѣ лѣтняго жара, была весела, восхитительна и безпрестанно улыбалась. Послѣ обѣда, въ солнечномъ свѣтѣ вина, она поднялась по-крайней-мѣрѣ еще на полдюжину градусовъ выше и сдѣлалась совершенно-очаровательною. Когда же дѣйствіе вина ослабло, она быстро стала упадать, спала около часа въ умѣренной температурѣ и проснулась немного ниже точки замерзанія. Теперь она стояла опять на точкѣ лѣтняго жара, въ тѣни; и когда, послѣ чаю, старый Джонъ, доставъ бутылку «сердцекрѣпительнаго», принудилъ ее выпить два стакана до капельки, она въ-продолженіи пяти четвертей часа стояла все еще на девяноста градусахъ. Опытный слѣсарь воспользовался этою прекрасною погодой, чтобъ выкурить въ сѣняхъ трубочку, и въ-слѣдствіе этого разсчетливаго поступка, былъ готовъ, при новомъ паденіи термометра, ѣхать домой.

Колясочку запрягли и подвезли къ подъѣзду. Джой, не слушая увѣщаній отца, рѣшительно объявилъ, что проводитъ ихъ по самой скучной части дороги, вывелъ для этого изъ конюшни сѣраго мерина, подсадилъ Долли въ коляску (опять частица блаженства!) и весело вспрыгнулъ въ сѣдло. Послѣ многихъ «покойныхъ ночей», многихъ совѣтовъ закутаться хорошенько, неоднократнаго посвѣчиванія факелами и свѣчами, послѣ нагруженія экипажа множествомъ салоповъ и платковъ, колясочка покатилась; Джой ѣхалъ подлѣ нея... то-есть подлѣ Долли, у самыхъ колесъ.

ГЛАВА XXII.

Ночь была прелестная, свѣтлая, и Долли, не смотря на печаль свою, поглядывала на звѣзды такъ очаровательно, что Джой выходилъ изъ себя. Дорога была очень-хороша, ровна и нетряска; однакожь, Долли, въ-продолженіе всего пути, держалась одной ручкой за край коляски; и еслибъ палачъ поднялъ за Джоемъ сѣкиру, чтобъ тотчасъ отрубить ему голову за прикосновеніе къ этой ручкѣ, Джой никакъ не утерпѣлъ бы оставить ее въ покоѣ. Сначала, онъ будто случайно положилъ свою руку на ея ручку и отнялъ минуту спустя; но потомъ ѣхалъ далѣе и далѣе, не оставляя прекрасной ручки, какъ будто нарочно былъ приставленъ къ этой должности. Странно при этомъ было, что Долли, повидимому, ничего не замѣчала. Она смотрѣла такъ невинно и простодушно, когда обращала глаза на Джоя,

Digitized by Google

что взгляды ея были очаровательны и формально вызывали на подобную смѣлость.

Она также и говорила—говорила о своемъ испугѣ и избавленіи, о своей благодарности и объ опасеніи, что не поблагодарила Джоя достаточно, и о томъ, какъ они впередъ всегда останутся друзьями, и пр. и пр. А когда Джой сказалъ: «надѣюсь, что не друзьями», Долли была очень удивлена, и полагала, что ужъ вѣрно не «врагами»; когда же Джой спросилъ, не могутъ ли они быть другъ для друга болѣе, чѣмъ друзьями, она нечаянно увидѣла звѣзду, блиставшую ярче другихъ, и попросила его взглянуть на нее, при чемъ казалась въ десять тысячь разъ невиннѣе прежняго.

Такъ ѣхали они далѣе и далѣе, тихо перешоптываясь и желая, чтобъ дорога растянулась на дюжину дюжинъ миль; — по-крайней-мѣрѣ Джой желалъ этого. Выѣхавъ изъ лѣса на открытое мѣсто, они услышали за собою стукъ лошадиныхъ копытъ. Мистриссъ Уарденъ вскрикнула, ѣздокъ же сказалъ «другъ!» и подъѣхалъ къ коляскѣ.

— Опять этотъ человѣкъ! воскликнула Долли, содрогнувшись.

— Гогъ! сказалъ Джой.—Какія вѣсти привезъ ты?

— Мнѣ велѣно воротить васъ, отвѣчалъ Гогъ, украдкой поглядывая на дочь слѣсаря.—Онъ прислалъ меня.

— Батюшка? сказалъ бѣдный Джой и прибавилъ тихо:—Не-ужели онъ вѣчно будетъ считать меня такимъ ребенкомъ, что не позволитъ и часу пробыть безъ няньки!

— Да! отвѣчалъ Гогъ на первую часть вопроса. — Дороги теперь не слишкомъ-то безопасны, и онъ говоритъ, что вамъ лучше имѣть провожатаго.

— Такъ поѣзжай впередъ, сказалъ Джой. — Я еще не намѣренъ вернуться домой.

Гогъ былъ доволенъ этимъ, и они поѣхали далѣе. Ему вздумалось ѣхать непосредственно передъ коляскою и безпрестанно оглядываться. Долли чувствовала, что онъ смотрѣлъ на нее, но отворачивалась и боялась хоть одинъ разъ взглянуть на него: такъ великъ былъ страхъ, имъ внушенный.

Переговоры вполголоса прекратились отъ пріѣзда Гога и бдительности мистриссъ Уарденъ. До-тѣхъ-поръ, она дремала, покачиваясь, и только проснулась минуты на три побранить слѣсаря за дерзость, съ какою онъ обхватывалъ ее, отъ опасенія, что она выкачнется изъ коляски. Проѣхавъ съ милю, Габріель, по приказанію жены, остановилъ лошадку, и добрая женщина увѣряла, что Джой ни за что не долженъ ѣхать далѣе. Напрасно Джой увѣрялъ, что вовсе не усталъ, что поѣдетъ тотчасъ назадъ, проводивъ ихъ до такого-то и такого-то мѣста: мистриссъ Уарденъ упорно стояла на своемъ, и никакая человѣческая сила не могла побѣдить ея.

Digitized by Google

— И такъ, желаю вамъ спокойной ночи, если ужь я непремѣнно долженъ вернуться, сказалъ печально Джой.

— Покойной ночи, сказала Долли. Она охотно прибавила бы: «Берегитесь этого человѣка и ради Бога не вѣрайтесь ему», но Гогъ повернулъ лошадь и стоялъ подлѣ самой коляски. Она могла только пожать Джою руку. Коляска отъѣхала уже далеко, а Джой все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, махая рукой; подлѣ него стояла высокая, темная фигура Гога.

О чемъ думала Долли до пріѣзда домой, и занималъ ли еще каретникъ въ сердцѣ ея то выгодное мѣстечко, какое имѣлъ по утру—неизвѣстно. Исторія говоритъ только, что они пріѣхали наконецъ домой; — да, «наконецъ», потому-что дорога была длинна, а ворчанье мистриссъ Уарденъ не могло сократить ее. Услышавъ стукъ колесъ, Меггсъ мигомъ очутилась у подъѣзда.

—Вотъ они, Симмунъ! Вотъ они! кричала Меггсъ, хлопая въ ладоши, и подскочила къ колоскѣ, чтобъ высадить свою госпожу.—Принесите стулъ, Симмонъ. Ну, мистриссъ, лучше ли вамъ теперь? Чувствуете ли вы себя лучше? О, небо, какъ вы холодны! Боже мой, сэръ, да она холодна, какъ ледъ!

— Что жь мнѣ дѣлать, добрая дѣвушка? Не лучше ли проводить ее къ камину? сказалъ слѣсарь.

— Мэстеръ кажется безчувственнымъ, сказала Меггсъ голосомъ, въ которомъ слышалось сожалѣніе:—но онъ только кажется такимъ. Я никогда не повѣрю, чтобъ онъ могъ быть такъ золъ послѣ того, что видѣлъ отъ васъ сегодня утромъ. Войдите, сядьте у огня; я какъ-нарочно развела славный огонь; пойдемте!

Мистриссъ Уарденъ согласилась. Слѣсарь послѣдовалъ за ними, засунувъ руки въ карманы, а мэстеръ Тэппертейтъ отправился съ колясочкой въ сосѣднюю конюшню.

— Милая Марта, сказалъ слѣсарь, войдя въ комнату жены: — думаю, ты поступила бы только сообразно съ долгомъ, еслибъ сама посмотрѣла за Долли, или послала кого-нибудь къ ней. Ты знаешь, что она перепугалась и нездорова.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Долли, не обращая вниманія на нарядъ свой, которымъ такъ гордилась по утру, бросилась на диванъ и, закрывъ лицо руками, навзрыдъ плакала.

При первомъ взглядѣ на это явленіе (Долли не привыкла къ такому положенію, научась, напротивъ, изъ примѣра матери избѣгать его), мистриссъ Уарденъ объявила, что, по ея мнѣнію, никогда не было такой несчастной женщины, какъ она; что жизнь ея безпрерывное испытаніе; что какъ-скоро она сдѣлается немного способною повеселиться или быть здоровою, кто-нибудь изъ окружающихъ ужь навѣрное окатитъ ее холодной водой, что она должна уже нести

Digitized by Google

казнь за сегодняшній веселый день, а между-тѣмъ Богу извѣстно, какъ мало у нея такихъ дней въ жизни. Меггсъ поддакивала всѣмъ этимъ изліяніямъ сердца мистриссъ Уарденъ. Бѣдной же Долли отъ такихъ лекарствъ нисколько не становилось лучше. Когда же обнаружилось, что она дѣйствительно нездорова, мистриссъ Уарденъ и Меггсъ, движимыя состраданіемъ, принялись наконецъ за нею ухаживать.

Но и тутъ добродушіе закутывалось въ нарядъ ихъ обыкновенной политики, и хотя въ обморокѣ была Долли, но простодушному человѣку показалось бы, что страдаетъ не она, а мистриссъ Уарденъ. Какъ-скоро Долли стала немного оправляться и приходить въ ту степень болѣзненности, когда педанткѣ находятъ опять полезнымъ употреблять укоризны и выговоры, мать, со слезами на глазахъ, представляла ей, что если сегодня пугали и стращали ее, то должно вспомнить, что это общая участь человѣчества, и преимущественно женской его половины, которая во всю жизнь не должна ожидать ничего лучшаго, и обязана приготовляться къ терпѣнію, покоряться судьбѣ. Мистриссъ Уарденъ просила дочь вспомнить, что, по всей вѣроятности, она скоро будетъ принуждена сдѣлать насиліе своимъ чувствамъ и выйдти замужъ; что супружество, какъ она могла видѣть каждый день (и точно, она видѣла это), требуетъ большаго мужества и терпѣнія. Живыми красками изображала она, какъ, безъ глубокаго сознанія долга, которое одно еще поддерживало ее въ странствіи по юдоли плача, она сама давно уже лежала бы въ землѣ, и потомъ желала знать, что сталось бы въ такомъ случаѣ съ блуждающимъ во мракѣ духомъ (слѣсаремъ), котораго истинною зѣницею ока, свѣтомъ и путеводною звѣздою въ жизни такъ-сказать была она сама.

Миссъ Меггсъ также произнесла нѣсколько словъ въ томъ же духѣ. Она говорила, что Долли дѣйствительно должна взять себѣ въ образецъ свою благородную мать, которая,—какъ она всегда говорила и говорить будетъ, хоть-бы сейчасъ за это ее повѣсили, четвертили и выпотрошили,—самая нѣжная, любящая, миролюбивая и терпѣливая жена, какую когда-либо считала она возможною; что одно исчисленіе ея добродѣтелей произвело такую благодѣтельную перемѣну въ ея собственной свояченицѣ, что эта свояченица и мужъ ея, жившіе прежде какъ кошка съ собакой и переговаривавшіеся обыкновенно при посредствѣ подсвѣчниковъ, горшечныхъ крышекъ, утюговъ и тому подобныхъ летучихъ вѣстниковъ гнѣва, теперь составляли самую благополучную и милую чету, въ чемъ всякій можетъ убѣдиться ежедневно на дворѣ Золотаго Льва, въ нумерѣ двадцать-седьмомъ, вторая дверь съ правой руки. Разсмотрѣвъ потомъ самое себя, какъ относительно безцѣнный, но нѣкоторымъ образомъ годный со-

Digitized by Google

судъ, она попросила Долли немедленно, что вышеупомянутая, драгоцѣнная, единственная матушка ея, слабая сложеніемъ и раздражительнаго темперамента, безпрерывно подвержена домашнимъ безпокойствамъ, въ сравненіи съ которыми воры и разбойники — совершенная дрянь; но что она все-таки не приходила никогда въ отчаяніе, или гнѣвъ, никогда не поддавалась, но всегда поддерживала свое достоинство и побѣдоносно выходила изъ битвы. Когда Меггсъ кончила свое соло, хозяйка присоединилась къ ней, и обѣ онѣ исполнили дуэтъ, содержаніемъ котораго было то, что мистриссъ Уарденъ—угнетенная добродѣтель, а мастеръ Уарденъ, какъ представитель мужескаго рода въ домѣ — существо, исполненное злобныхъ и грубыхъ привычекъ, совершенно-нечувствительное къ благодати, сошедшей на него въ образѣ жены его... Наконецъ, приходъ слѣсаря прервалъ разглагольствія двухъ утѣшительницъ.

Но величайшею радостію Меггсъ было то, что она не только узнала обо всемъ случившемся, но могла еще имѣть неоцѣненное удовольствіе передать все слышанное мастеру Тэппертейту, къ увеличенію его мученій и ревности, потому-что этого джентльмена пригласили, по случаю нездоровья миссъ Долли, поужинать въ мастерской, куда Меггсъ собственноручно благоволила принести ему кушанье.

— О, Симмунъ, Симмунъ, сказала добродѣтельная дѣвица: — что не было сегодня! О, Боже, помоги мнѣ! О, Симмунъ!

Мастеръ Тэппертейтъ былъ не слишкомъ въ духѣ и особенно не терпѣлъ Меггсъ, когда она клала руку на сердце и силилась вздохнуть, потому-что тогда необыкновенно рѣзко выставлялись всѣ недостатки контуровъ ея тѣла; онъ бросалъ въ нее самымъ высокомѣрнымъ взглядомъ и не удостоивалъ ни малѣйшимъ любопытствомъ.

— Такихъ вещей я никогда не слыхивала, да никто никогда не могъ слышать, продолжала Меггсъ. — Что за мысль занималъ *его*? И что такое находятъ въ ней люди, что бъ стоило вниманья... Вотъ что мнѣ особенно забавно. Ха, ха, ха!

Мастеръ Тэппертейтъ, видя, что тутъ замѣшана дама, гордо попросилъ свою прелестную пріятельницу говорить яснѣе и сказать ему, кого разумѣла она подъ своимъ «ею».

— Ну, эту Долли, сказала Меггсъ, сдѣлавъ удареніе на имени. — Клянусь честью, молодой Джозефъ Уиллетъ молодецъ и достоинъ получить ея руку; право!

— Женщина! вскричалъ мастеръ Тэппертейтъ, соскочивъ съ верстака, на которомъ сидѣлъ: — берегись!

— Ахъ, Боже мой, Симмунъ! сказалъ Меггсъ съ поддѣльнымъ удареніемъ: — вы перепугали меня до смерти. Что съ вами?

— Есть стружки... отвѣчалъ Тэппертейтъ, махая по воздуху но-

Digitized by Google

жомъ: — есть струны въ сердцѣ человѣческомъ, въ которыя лучше не ударять. Вотъ, что! Понимаешь?

— Понимаю; вы объѣлись бѣлены! воскликнула Мегтсъ и хотѣла удалиться.

— Бѣленъ ли, другаго ли чего, сказалъ мастеръ Тэппертейтъ торжественно, удерживая ее за руку. — Что значатъ слова твои, Іезавель? Что ты хотѣла разсказать мнѣ? Отвѣчай!

Не смотря на грубое обращеніе, Мегтсъ охотно согласилась исполнить желаніе мастера Тэппертейта и разсказала ему, какъ на Долли, когда она одна-одинёхонька въ темнотѣ переходила черезъ лугъ, напали три или четыре рослые разбойника, которые навѣрно увели, и можетъ-быть даже убили бы ее, еслибъ Джозефъ Уиллитъ не явился во-время къ ней на помощь и не разбилъ одними кулаками всей шайки разбойниковъ, къ удивленію своихъ собратій и къ вѣчной благодарности и любви Долли Уарденъ.

— Очень-хорошо, сказалъ мастеръ Тэппертейтъ, вздохнувъ глубоко и взъерошивая волосы до-тѣхъ-поръ, пока они стали на головѣ его какъ щетина. — Дни его жизни сочтены!

— О, Симмунъ!

— Говорю вамъ, продолжалъ онъ: — дни его жизни сочтены! Оставьте меня! Убирайтесь!

Мегтсъ ушла, но не столько изъ повиновенія приказанію, сколько для того, чтобъ посмѣяться на свободѣ. Успокоившись немного, она возвратилась въ столовую, гдѣ слѣсарь, ободренный безвѣтріемъ и знакомствомъ съ «Тоби», сдѣлался очень разговорчивъ и имѣлъ большую охоту поговорить еще разъ о всѣхъ происшествіяхъ этого дня. Но мистриссъ Уарденъ, которой практическое благочестіе, какъ нерѣдко случается, имѣло только обратное дѣйствіе, остановила его на первомъ словѣ, начавъ декламировать о грѣховности такихъ наслажденій и сказавъ, что пора идти спать. Въ-самомъ-дѣлѣ, она отправилась спать съ такимъ страшнымъ и мрачнымъ видомъ, какой представляла парадная постель въ Майскомъ-Деревѣ. Скоро и всѣ прочіе обитатели дома Габріеля Уардена отправились на покой.

ГЛАВА XXIII.

Ночь давно уже смѣнила сумерки и время обѣда наступило въ тѣхъ кварталахъ города, которые большой свѣтъ, составлявшій тогда, какъ и нынѣ, особый кругъ, избралъ себѣ жилищемъ, а мастеръ Честеръ преспокойно лежалъ на диванѣ въ своей уборной и читалъ какую-то книгу.

Казалось, онъ не спѣшилъ своимъ туалетомъ, потому-что, одѣвшись въ половину, предался опять довольно-продолжительному от-

Digitized by Google

дыху. Хотя вся нижняя часть его туловища была одѣта по самой послѣдней модѣ, но остальная половина туалета была еще не кончена; кастанъ его висѣлъ на вѣшалкѣ, жилетъ также, а всѣ мелочныя принадлежности наряда лежали на столѣ, разложенныя въ систематическомъ порядкѣ; самъ же онъ, развалившись на диванѣ, углубился въ чтеніе книги.

—Клянусь честью! сказалъ онъ съ видомъ человѣка, размышляющаго серьёзно о томъ, что онъ прочелъ.—Клянусь честью! книга эта настоящее сокровище; это лучшій нравственный кодексъ, напитанный настоящими джентльменовскими чувствами. О! Недъ, Недъ! еслибъ ты захотѣлъ только образовать свой умъ по тѣмъ правиламъ, какія изложены здѣсь, то у насъ на счетъ всего былъ бы одинаковый образъ мыслей, и мы никогда не стали бы спорить другъ съ другомъ.

Рѣчь эта была сказана на вѣтеръ, потому-что Эдварда не было въ комнатѣ.

— О, любезный мой лордъ Честерфильдъ! сказалъ онъ, закрывъ книгу: — еслибъ я прежде познакомился съ тобою и еслибъ образовалъ сына по твоимъ урокамъ, теперь мы оба были бы богаты. Шекспиръ безъ сомнѣнія прекрасенъ въ своемъ родѣ; Мильтонъ хорошъ, хотя немного скученъ; лордъ Бекенъ глубокъ и ученъ; но лордъ Честерфильдъ лучше и выше ихъ всѣхъ; только имъ однимъ нѣтъ мы полное право гордиться.

Онъ опять погрузился въ размышленіе и сталъ искать свою зубочистку.

— Я считалъ себя совершеннымъ свѣтскимъ человѣкомъ, продолжалъ онъ:—я думалъ, что обладаю всѣми тонкостями обхожденія, которыя отличаютъ человѣка порядочнаго отъ черни, и нахожу здѣсь столько вещей, мнѣ совершенно неизвѣстныхъ, столько лицемѣрства, столько утонченнаго эгоизма, что, право, краснѣю за самого себя... Удивительный человѣкъ этотъ Честерфильдъ! настоящій джентльменъ! Каждый король и каждая королева могутъ сдѣлать столько лордовъ, сколько имъ угодно, но развѣ только одинъ дьяволъ и граціи могутъ создать другаго Честерфильда.

Возвеличивъ такимъ образомъ своего любимаго писателя, мистеръ Честеръ взялъ опять книгу, какъ вдругъ шорохъ, раздавшійся за наружною дверью, помѣшалъ ему предаться чтенію; казалось, будто его лакей старался отдѣлаться отъ какого-то незваного гостя, котораго онъ хотѣлъ выпроводить вонъ.

— Это немного поздно для кредитора, сказалъ Честеръ такъ равнодушно, какъ-будто дѣло касалось не до него.—Вѣрно опять обыкновенный предлогъ, что надобно завтра платить значительную сумму. Бѣдный человѣкъ! онъ только напрасно теряетъ время, а время

Digitized by Google

все равно, что деньги, говорятъ старинныя пословицы.—Ну, что тамъ такое? вѣдь ты знаешь, что меня нѣтъ дома!

— Какой-то человѣкъ принесъ вамъ хлыстъ, который вы недавно потеряли, сказалъ слуга, бывшій, въ свою очередь, такъ же хладнокровнымъ и такъ же безпечнымъ, какъ и господинъ его. — Я сказалъ ему, что васъ нѣтъ дома; но онъ отвѣчалъ, что будетъ дожидаться, и не уйдетъ до-тѣхъ-поръ, пока я не отдамъ вамъ хлыста.

— Онъ совершенно правъ, а ты сущій оселъ, возразилъ Честеръ: — позови его сюда, да смотри, чтобъ онъ хорошенько вытеръ ноги— слышишь?

Слуга положилъ хлыстъ на стулъ и вышелъ. Честеръ отвѣчалъ, не взглянувъ даже на него, и услыхавъ, что онъ удалился, вынулъ табакерку, понюхалъ табаку и погрузился опять въ прежнія свои размышленія.

— Еслибъ время и деньги были дѣйствительно одно и то же, продолжалъ онъ: — я славно бы раздѣлался съ своими кредиторами; я отдалъ бы имъ... А сколько бы напримѣръ въ день?.. Часъ предъ обѣдомъ, когда я отдыхаю; часъ утромъ, между завтракомъ и чтеніемъ газетъ; часъ вечеромъ,—три часа въ сутки!.. Въ одинъ годъ они получили бы и капиталъ и проценты!.. Не сдѣлать ли мнѣ имъ такое предложеніе?.. Право, это было бы не худо... А, любезный, ты здѣсь!

— Да, здѣсь, отвѣчалъ Гогъ, войдя въ комнату въ сопровожденіи собаки, которая была такъ же дика и угрюма, какъ онъ самъ:— и мнѣ стоило не малаго труда добраться до васъ. Зачѣмъ же приказываете вы приходить, когда не хотите впускать къ себѣ?

— Любезный другъ, отвѣчалъ Честеръ, приподнявшись немного съ подушки и окинувъ его глазами съ головы до ногъ:—я очень радъ тебя видѣть, и лучшимъ доказательствомъ того, что тебя впустили, служитъ то, что ты здѣсь.—Ну, какъ ты поживаешь?

— Порядочно, сказалъ Гогъ съ нетерпѣніемъ.

— Судя по твоему виду, ты долженъ быть чрезвычайно здоровъ. Садись-ка!

— Я лучше постою.

— Какъ хочешь, любезнѣйшій, сказалъ Честеръ, вставъ съ дивана и сбросивъ широкій шлафрокъ, который былъ на немъ. — Впрочемъ, прошу не церемониться, прибавилъ онъ и сѣлъ къ зеркалу.

Сказавъ это самымъ ласковымъ тономъ, онъ продолжалъ одѣваться, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своего гостя, который, не зная, что начать, стоялъ за нимъ и время отъ времени посматривалъ на него съ удивленіемъ.

— Хотите ли вы говорить со мною, мистеръ? спросилъ онъ наконецъ послѣ продолжительнаго молчанія.

Digitized by Google

— Ты, кажется, не въ духѣ, любезнѣйшій, отвѣчалъ Честеръ:—я подожду, когда ты развеселишься; мнѣ нѣкуда торопиться...

Слова эти имѣли желаемое дѣйствіе: они пристыдили Гогя и сдѣлали его еще болѣе нерѣшительнымъ. На грубость отвѣчалъ бы онъ грубостью, на запальчивость запальчивостью; но этотъ холодный, ласковый и вмѣстѣ съ тѣмъ полный презрѣнія пріемъ заставилъ его, лучше чѣмъ что-нибудь, почувствовать то разстояніе, которое было между нимъ и мэстеромъ Честеромъ. Онъ подошелъ еще ближе къ стулу, на которомъ сидѣлъ Честеръ и, посмотрѣвъ черезъ его плечо въ зеркало, какъ-будто для того, чтобъ поймать на лицѣ его благосклонную улыбку, сказалъ наконецъ тихимъ голосомъ:

—Угодно ли вамъ говорить со мною, мэстеръ, или мнѣ надо уйдти?

— Говори, любезнѣйшій, говори, отвѣчалъ Честеръ.

— Вотъ видите ли, сэръ, началъ Гогъ съ примѣтнымъ смущеніемъ: —я тотъ самый, кому вы оставили свой хлыстъ, уѣзжая изъ Майского-Дерева; вы хотѣли, чтобъ я принесъ его къ вамъ, для того, чтобъ поговорить со мною...

— Да, вижу, это ты, если только у тебя нѣтъ брата-двойника; а это, кажется, подвержено сомнѣнію, сказалъ Честеръ, взглянувъ черезъ зеркало на его смущенное лицо.

— Вотъ я и пришолъ, сэръ, продолжалъ Гогъ:—принесъ хлыстъ, да и еще кой-что... Письмецо, сэръ, отнятое мною у той, которая должна была доставить его по адресу.

Сказавъ это, положилъ онъ на туалетъ письмо, потерянное Долли, то самое, которое надѣлало ей столько безпокойства.

— И ты досталъ это письмо силою, любезнѣйшій? спросилъ мэстеръ Честеръ, взглянувъ на письмо и не обнаруживъ ни малѣйшей радости или удовольствія.

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ Гогъ.

— А кто была та, у которой ты взялъ его?

— Дѣвушка, дочь Уардена.

— Право! воскликнулъ Честеръ съ усмѣшкою.—Что жь взялъ ты у ней еще?

— Какъ, что?

— Да, то-есть что ты взялъ у ней еще кромѣ письма, сказалъ Честеръ протяжно, наклеивая между-тѣмъ кусочикъ англійскаго пластыря на небольшой прыщикъ, вскочившій у него на щекѣ.

— Одинъ поцалуй, отвѣчалъ Гогъ послѣ минутной нерѣшительности.

— А еще что?

— Ничего больше...

— Я думалъ, продолжалъ Честеръ съ тою же улыбкой и нагнувшись ближе къ зеркалу, чтобъ удостовѣриться, хорошо ли прикле-

Digitized by Google

илъ пластырь:—я думалъ, что ты попользовался еще чѣмъ-нибудь... Я какъ-то слышалъ, что это была какая-то бездѣлка, о которой ты, можетъ-быть, забылъ... Вспомни-ка хорошенько... что-то въ родѣ браслета.

Гогъ, пробормотавъ какое-то проклятіе, засунулъ руку за пазуху и вытащилъ оттуда браслетъ, завернутый въ сѣно; онъ хотѣлъ уже положить его на столъ, но Честеръ остановилъ его...

—Ты взялъ этотъ браслетъ собственно для себя, другъ мой, и можешь у себя оставить его, сказалъ онъ.— Я не воръ, я не хочу присвоивать себѣ ничего чужаго; спрячь его, любезнѣйшій, спрячь; я даже не хочу и видѣть его.

— Вы не присвоиваете себѣ ничего чужаго! воскликнулъ Гогъ, не смотря на невольный страхъ, который внушалъ ему Честеръ, и ударивъ тяжелою рукою своею по письму.—А какъ же назовете вы это?

— Это совсѣмъ другое дѣло, отвѣчалъ Честеръ хладнокровно:—и я сію минуту докажу тебѣ.—Ты усталъ и вѣрно хочешь пить?..

Гогъ отеръ рукавомъ ротъ и пробормоталъ глухо:—Да.

— Подойди жь къ этому шкафу и достань оттуда бутылку съ стаканомъ

Гогъ повиновался. Честеръ слѣдилъ за нимъ глазами и разсмѣялся. Когда Гогъ принесъ бутылку, Честеръ налилъ ему полный стаканъ и когда тотъ выпилъ его, налилъ ему другой, потомъ третій.

— Сколько можешь ты выпить? спросилъ онъ, наливая четвертый стаканъ.

— Сколько вамъ угодно... Только полнѣе лейте, лейте больше, и я буду готовъ рѣшиться даже на убійство, если вы потребуете его отъ меня.

— Такъ-какъ я не намѣренъ требовать у тебя этого и такъ-какъ ты, пожалуй, и безъ требованія пустишься на такой подвигъ, если станешь пить еще, то мы остановимся на этомъ стаканѣ, сказалъ Честеръ съ величайшею важностью:—ты, любезный другъ, вѣрно ужь выпилъ прежде, чѣмъ пришолъ сюда?

— Я готовъ пить всегда и вездѣ, было бъ только вино! воскликнулъ Гогъ довольно-громко, опрокинувъ пустой стаканъ себѣ на голову. — Всегда и вездѣ... Почему жь бы не такъ? Ха, ха, ха!.. Что можетъ быть лучше вина?.. Что помогало мнѣ переносить стужу холодныя ночи, и голодъ, когда у меня не было куска хлѣба? Вино!.. Что придало мнѣ силы и мужества; что поддержало меня, когда я былъ еще ребенкомъ и когда люди обращались со мною как[illegible]но... Да, мэстеръ! Да здравствуетъ вино!.. Ха, ха

[illegible] веселый! сказалъ мэстеръ Честеръ

Digitized by Google

зая очень серьозно галстухъ и повертывая голову то въ ту, то въ другую сторону, чтобъ приладить какъ должно свой подбородокъ: — очень веселый малой!

— Видите ли вы эту руку, мэстеръ, сказалъ Гогъ, вздернувъ рукавъ свой до локтя. — Прежде были здѣсь кожа да кости, и еслибъ не вино, то рука эта давно бы уже вмѣстѣ со мною валилась на какомъ-нибудь кладбищѣ.

—Ты напрасно трудился обнажать ее, сказалъ Честеръ:—и сквозь рукавъ видно, что она довольно-сильна и крѣпка.

— Безъ вина, мэстеръ, у меня никогда не достало бы смѣлости поцаловать дѣвушку! воскликнулъ Гогъ. — А что это былъ за поцалуй! Ха, ха, ха... Сладокъ, какъ медъ!.. А кому за него спасибо?.. Вину... Да здравствуетъ вино!.. Налейте-ка еще стаканчикъ; еще одинъ!

—Ты такой славный малой, сказалъ Честеръ, надѣвая жилетъ и не обращая вниманія на просьбу Гога:—что я долженъ поберечь тебя и посовѣтовать не такъ много пить; а не то, пожалуй, ты прежде времени попадешь на висѣлицу. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю.

— Во всякомъ случаѣ, ты еще довольно-молодъ и до натуральной смерти, по всей вѣроятности, осталось тебѣ еще много лѣтъ... Какъ же можешь ты, не зная меня коротко, предаваться мнѣ въ руки съ веревкою на шеѣ... Ты слишкомъ-довѣрчивъ, любезнѣйшій!..

Гогъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ и смотрѣлъ на него глазами, въ которыхъ выражался испугъ, страхъ и удивленіе, между-тѣмъ, какъ Честеръ продолжалъ поглядывать въ зеркало съ прежнимъ спокойствіемъ и прежнею ласковою улыбкой. — Насиліе на большой королевской дорогѣ вещь очень щекотливая, любезный другъ. Конечно, занятіе это очень пріятно; но оно, какъ и всякое наслажденіе въ этомъ мірѣ, непродолжительно. И если ты, въ простотѣ сердца, всегда будешь такъ откровененъ, то, признаюсь, я почти увѣренъ, что тебѣ до висѣлицы недалеко.

—Что это значитъ, мэстеръ? воскликнулъ Гогъ.—Кто же подбилъ меня на это?

— Кто? возразилъ мэстеръ Честеръ, повернувшись проворно къ нему и взглянувъ на него гордо. — Я не вслушался, кто?..

Гогъ запнулся и пробормоталъ какія-то несвязныя слова.

— Кто же соблазнилъ тебя? мнѣ бы любопытно узнать это, продолжалъ Честеръ ласковымъ тономъ. — Какая-нибудь деревенская красотка?.. Будь остороженъ, другъ мой; женщины вообще очень опасны... Право, я говорю это для твоей же пользы...

Съ этими словами повернулся онъ опять къ зеркалу и продолжалъ одѣваться.

Digitized by Google

Гогу очень хотѣлось сказать, что онъ же самъ, предостерегавшій его теперь, подбилъ его на это дѣло; но языкъ какъ-то не повиновался... Хитрое искусство, съ какимъ Честеръ, ведя во все время разговоръ съ нимъ, дошелъ наконецъ до этого пункта, совершенно его озадачило. Онъ не сомнѣвался, что еслибъ отвѣтилъ Честеру то, что хотѣлъ сказать, когда тотъ такъ быстро повернулся къ нему, то немедленно отправилъ бы его вмѣстѣ съ украденною вещью къ мирному судьѣ, и что тогда ему не миновать бы висѣлицы. Власть, которую Честеръ хотѣлъ пріобрѣсть себѣ надъ этимъ грубымъ человѣкомъ, была съ этой минуты упрочена; Гогъ сдѣлался совершенно ему покоренъ. Онъ смертельно боялся его и чувствовалъ, что случай и хитрость до того опутали его своими сѣтями, что, при малѣйшемъ движеніи, рука мастера, державшаго ихъ, могла удавить его.

Преданный этимъ мыслямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленный, что этотъ человѣкъ, къ которому онъ пришолъ съ такою полною довѣренностью, могъ такъ скоро поработить его себѣ, стоялъ Гогъ съ опущенною на грудь головою и время-отъ-времени посматривалъ съ безпокойствомъ на Честера, продолжавшаго одѣваться. Наконецъ, Честеръ взялъ письмо, разломалъ печать и, развалившись въ креслахъ, сталъ читать его.

— Прекрасно написано, клянусь честью, прекрасно! Настоящее женское письмо, полное того, что люди называютъ нѣжностью, чувствомъ, увлеченіемъ, и прочее...

Сказавъ это, онъ свернулъ письмо въ трубочку и зажегъ его на свѣчкѣ, взглянувъ между-тѣмъ на Гога, какъ-будто для того, чтобъ сказать: «видишь?» Когда пламя обхватито бумагу, бросилъ онъ ее въ каминъ, гдѣ она скоро и превратилась въ пепелъ.

— Письмо это было назначено моему сыну, сказалъ онъ, обращаясь къ Гогу: — и ты сдѣлалъ очень хорошо, что принесъ его ко мнѣ. Вотъ тебѣ за труды.

Гогъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и Честеръ, сунувъ ему въ руку монету, прибавилъ:

— Если ты когда-нибудь случайно опять что-нибудь услышишь, или увидишь, приходи опять ко мнѣ, другъ мой; я буду всегда радъ тебѣ.

Это было сказано съ ласковою улыбкой, которую Гогъ растолковалъ себѣ слѣдующимъ образомъ: «если этого не сдѣлаешь, то тебѣ будетъ плохо», — онъ поторопился отвѣчать, что прійдетъ непремѣнно.

— И, прибавилъ Честеръ благосклонно: — тебѣ нисколько не надобно безпокоиться на счетъ извѣстной вещи; шея твоя въ моихъ ру-

Digitized by Google

какъ такъ же безопасна, какъ въ рукахъ ребенка, увѣряю тебя. Ну, выпей еще стаканчикъ; теперь ты отдохнулъ.

Гогъ взялъ стаканъ и выпилъ его медленно, посматривая на улыбающагося Честера.

— Что жъ, теперь ты не пьешь уже во славу вина?.. сказалъ Честеръ засмѣявшись.

— Я пью за ваше здоровье, сэръ, отвѣчалъ Гогъ мрачно.

— Покорно благодарю. Кстати, любезный другъ, какъ твое настоящее имя? Тебя зовутъ всѣ Гогомъ, я знаю это; но нѣтъ ли у тебя еще другаго имени?

— Никакого.

— Удивительный человѣкъ! Но ты, можетъ-быть, не хочешь сказать мнѣ это имя?

— Я сказалъ бы, еслибъ имѣлъ его, отвѣчалъ Гогъ поспѣшно: — но у меня нѣтъ его; я всегда назывался Гогомъ, не зналъ никогда отца своего, не думалъ о немъ, и мнѣ было лѣтъ шесть, когда мать мою повѣсили въ Тибурнѣ, въ присутствіи тысячи зѣвакъ. А, право, они могли бы оставить ей жизнь: она была такъ бѣдна!..

— Какъ жаль! воскликнулъ Честеръ. — Она вѣрно была хороша собою?

— Видите ли вы мою собаку?.. сказалъ вдругъ Гогъ.

— Славное животное, и конечно очень вѣрное, отвѣчалъ Честеръ, разсматривая собаку въ лорнетъ.

—Такая собака, какъ эта, и такой точно породы, была единственное живое существо, кромѣ меня, которое было въ тотъ день, сказалъ Гогъ. — Въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, а можетъ-быть и болѣе, собравшихся туда, чтобъ посмотрѣть, какъ станутъ вѣшать бѣдную женщину, только собака и я жалѣли и горевали о ней... Люди радовались, видя страданія несчастной, а собака, которая часто голодала съ нею, выла и стонала, — ей было жаль бѣдняжки!

— Да, она поступила совершенно по-собачьи, замѣтилъ Честеръ равнодушно.

Гогъ не отвѣчалъ ни слова, но свиснулъ своей собакѣ, которая, въ ту же минуту подбѣжавъ, стала ласкаться къ нему; погладивъ ее, онъ пожелалъ своему патрону доброй ночи.

— Прощай! сказалъ Честеръ: — помни, что со мною тебѣ нѣчего бояться, и что ты всегда найдешь во мнѣ друга и покровителя, на скромность котораго можешь положиться. Но повторяю, будь остороженъ и не забывай, какой опасности ты подвергнулъ бы себя, еслибъ имѣлъ дѣло съ кѣмъ-нибудь другимъ. Прощай! Да сохранитъ тебя Богъ!

Гогъ такъ былъ встревоженъ смысломъ этихъ словъ, что вышелъ съ чрезвычайно-озабоченнымъ видомъ, поклонившись принизко сво-

Digitized by Google

ему страшному патрону, который, посматривая на него, лукаво улыбался.

— А все-таки, сказалъ Честеръ, понюхавъ табаку: — мнѣ очень досадно, что они повѣсили эту женщину. У этого негодяя такіе прекрасные глаза, и я увѣренъ, мать его была очень недурна собою. Но она вѣрно была груба, неопрятна, съ краснымъ носомъ и съ огромными ногами, — вѣрно такъ! Слѣдовательно, все къ лучшему!

Утѣшась этою мыслію, надѣлъ онъ свой фракъ, взглянулъ еще разъ въ зеркало, и кликнулъ своего каммердинера, который явился съ двумя носильщиками.

— Пфай! какой запахъ оставилъ послѣ себя этотъ мерзавецъ... Здѣсь воняетъ конюшней!.. Возьми одеколону и опрыскай то мѣсто, гдѣ стоялъ онъ... Подай мнѣ духовъ,—я задыхаюсь...

Каммердинеръ исполнилъ приказаніе своего господина, который, надѣвъ шляпу, прыгнулъ въ носилки, и, велѣвъ нести себя куда было нужно, запѣлъ какой-то модный мотивъ.

ГЛАВА XXIV.

Какимъ образомъ нашъ джентльменъ провелъ вечеръ, какъ всѣ восхищались его умомъ, любезностью, какъ ухаживали за нимъ, — все это такія вещи, о которыхъ мы не будемъ распространяться и которыя весьма обыкновенны. Обратимся къ разсказу.

Утромъ слѣдующаго дня, мэстеръ Честеръ сидѣлъ на своей постели и, распивая кофе, съ удовольствіемъ припоминалъ всѣ подробности минувшаго вечера, столь много льстившаго его самолюбію, какъ вдругъ каммердинеръ подалъ ему запачканную записку, запечатанную на-глухо съ обоихъ концовъ и заключавшую въ себѣ слѣдующія слова, писанныя самымъ крупнымъ почеркомъ: «Одинъ другъ «желаетъ повидаться съ вами наединѣ; сожгите эту записку.»

— Откуда выкопалъ ты эту записку? воскликнулъ Честеръ.

— Мнѣ подалъ ее какой-то человѣкъ, оставшійся тамъ, за дверью, отвѣчалъ каммердинеръ.

— Въ плащѣ и съ кинжаломъ? спросилъ Честеръ.

— Нѣтъ, въ кожаномъ передникѣ и съ запачканнымъ лицомъ.

— Впусти его.

Симъ Тэппертейтъ вошолъ въ комнату съ растрепанными, всклоченными волосами и съ огромнымъ замкомъ въ рукѣ, который онъ положилъ на полъ посрединѣ комнаты.

— Сэръ, сказалъ Тэппертейтъ съ низкимъ поклономъ: — благодарю васъ за снисхожденіе и радуюсь душевно, что вижу васъ. Простите мнѣ низкую работу, къ которой я принужденъ, и удостойте

Digitized by Google

обратить вниманіе на человѣка, который, при всей ничтожной своей наружности, гораздо выше своего ремесла.

Мэстеръ Честеръ отдернулъ занавѣски своей кровати и смотрѣлъ на Тэппертейта какъ на каторжника, который не только-что разломалъ дверь своей тюрьмы, но унесъ также и замокъ, которымъ она запиралась. Мэстеръ Тэппертейтъ снова поклонился и выставилъ впередъ красивую свою ногу.

—Вы, конечно, слышали, сэръ, продолжалъ мэстеръ Тэппертейтъ, положивъ руку на сердце: — о слѣсарѣ Габріелѣ Уарденѣ, который работаетъ разные замки, колокольчики и другія вещи, въ Клеркенуллѣ и въ Лондонѣ?

— Ну, что жъ далѣе? спросилъ мэстеръ Честеръ.

— Я его подмастерье, сэръ.

— Ну, потомъ?

— Потомъ? Гм! Позвольте мнѣ запереть дверь, сэръ, и дайте честное слово сохранить въ величайшей тайнѣ все, что я скажу вамъ.

Мэстеръ Честеръ легъ опять очень спокойно на постель и, обратясь къ мэстеру Тэппертейту, который между-тѣмъ замкнулъ дверь, просилъ его высказать все, что было нужно, и не вдаваться въ излишнее краснорѣчіе.

— Благодарю васъ, мэстеръ, сказалъ Тэппертейтъ, вынувъ изъ кармана носовой платокъ и развернувъ его.—Такъ-какъ у меня нѣтъ визитной карточки (этого не позволяетъ низкая зависть нашего хозяина), то позвольте предложить вамъ этотъ платокъ; если вы, сэръ, удостоите взглянуть на правый конецъ его, то увидите тамъ слова...

— Благодарю васъ, отвѣчалъ мэстеръ Честеръ, взявъ съ величайшею вѣжливостью платокъ, на одномъ концѣ котораго были вышиты краснымъ гарусомъ слова: «№ 4. Симонъ Тэппертейтъ».—Такъ это...

— Мое имя, сэръ, за исключеніемъ нумера. Нумеръ выставленъ только для прачки и не имѣетъ ничего общаго ни со мною, ни съ моею фамиліей... А вы, сэръ, если не ошибаюсь, мэстеръ Честеръ? продолжалъ Тэппертейтъ, бросивъ быстрый взглядъ на колпакъ джентльмена:—не трудитесь снимать вашъ колпакъ, я вижу и отсюда буквы *К. Ч.*,—остальное подразумѣвается само-собою.

— Позвольте спросить васъ, мэстеръ Тэппертейтъ, имѣетъ ли какую-нибудь связь съ нашимъ разговоромъ этотъ замокъ, который вамъ угодно было принести съ собою?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ подмастерье: — замокъ этотъ назначенъ къ воротамъ одной кладовой Темс-Стрита.

—Въ такомъ случаѣ, возразилъ мэстеръ Честеръ:—вы меня очень бы одолжили, еслибъ вынесли его за дверь; отъ него сильно пахнетъ

Digitized by Google

деревяннымъ масломъ, а я не имѣю привычки парфюмировать такими духами свою спальню.

— Съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе, сэръ, отвѣчалъ Тэппертейтъ и вынесъ за дверь замокъ.

— Вы, конечно, простите, мэстеръ, мою откровенность, сказалъ Честеръ вѣжливо.

— Безъ извиненій, прошу васъ, сэръ... Теперь, если позволите, обратимся къ дѣлу.

Во все продолженіе этого разговора, ласковая и привѣтливая улыбка не оставляла лица Честера; тонъ его былъ чрезвычайно-вѣжливъ, и мэстеръ Тэппертейтъ, думавшій о себѣ очень-много, относилъ все это къ тому уваженію, которое онъ внушалъ джентльмену своею особою.

— По тому, что происходитъ у насъ въ домѣ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ:—замѣчаю я, сэръ, что сынъ вашъ, противъ вашей воли, находится въ сношеніяхъ и въ связи съ одною дѣвицею... Сынъ вашъ очень дурно поступилъ со мною.

— Мэстеръ Тэппертейтъ! воскликнулъ Честеръ: — вы очень огорчаете меня этимъ.

— Благодарю васъ, сэръ, продолжалъ подмастерье. — Меня очень радуетъ то, что вы сказали... Сынъ вашъ очень-гордъ, сэръ, очень-высокомѣренъ.

— Да, я боюсь, что онъ дѣйствительно таковъ, мэстеръ, сказалъ Честеръ:—я давно уже замѣчалъ это, и вы еще болѣе убѣдили меня теперь въ моемъ предположеніи.

— Еслибъ мнѣ пришлось исчислить всѣ тѣ унизительныя услуги, которыя я долженъ былъ оказывать ему, то это могло бы наполнить цѣлый томъ, — и за все это слышалъ я отъ него только: «спасибо, Симъ». А онъ, сэръ, еще такъ молодъ, что могъ бы, кажется, благодарить повѣжливѣе.

— Мэстеръ Тэппертейтъ, вы мудры не по лѣтамъ! Продолжайте, сдѣлайте одолженіе.

— Благодарю, сэръ, за ваше хорошее обо мнѣ мнѣніе, сказалъ Симъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ.—И такъ, по этимъ причинамъ, а можетъ-быть и по другимъ, которыхъ теперь разсказывать не хочу, я совершенно на вашей сторонѣ. Слушайте же, что я вамъ скажу: до-тѣхъ-поръ, пока наши будутъ бѣгать въ Майское-Дерево, переносить письма, посылать записки, до-тѣхъ-поръ вы будете не въ состояніи помѣшать вашему сыну переписываться съ извѣстною дѣвицею, хотя бы за нимъ присматривалъ день и ночь цѣлый эскадронъ гвардейцевъ въ полныхъ мундирахъ...

Мэстеръ Тэппертейтъ остановился на минуту, чтобъ перевести дыханіе, и продолжалъ опять очень-скоро:

Digitized by Google

— Теперь, сэръ, дохожу я до главнаго пункта. Вы, конечно, спросите меня, какъ же надобно дѣйствовать? Сейчасъ вамъ скажу это. Когда такой умный, любезный, благородный, вѣжливый джентльменъ, какъ вы...

— Мэстеръ Тэппертейтъ! право, мнѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю серьёзно, клянусь вамъ честью! Еслибъ такой благородный, вѣжливый и умный джентльменъ, какъ вы, захотѣлъ поговорить минутъ десять съ нашею старухой,—я разумѣю мистриссъ Уарденъ,—и польстить ей немного, то я увѣренъ, что она совершенно предалась бы ему. Тогда бы все пошло какъ должно, и дочь ея, миссъ Долли (при этомъ словѣ лицо мэстера Тэппертейта вспыхнуло) не осмѣлилась бы разъигрывать роль повѣренной;—а ее ни что не удержитъ отъ этого до-тѣхъ-поръ, пока мать не вмѣшается въ это дѣло. Совѣтую вамъ обратить на это вниманіе.

— Мэстеръ Тэппертейтъ, я удивляюсь вашей проницательности, вашему знанію человѣческаго сердца...

—Потерпите немного, сэръ, сказалъ Симъ, скрестивъ на груди руки съ страшнымъ спокойствіемъ: — теперь только коснусь я главнаго пункта. Тамъ, въ Майскомъ-Деревѣ, сэръ, есть разбойникъ, негодяй, мошенникъ, чудовище въ человѣческомъ образѣ, который, если вы только не уничтожите его, обвѣнчаетъ вашего сына съ извѣстною вамъ дѣвицею,—не хуже какого-нибудь кентербёрійскаго епископа. Да, сэръ, онъ сдѣлаетъ это изъ ненависти къ вамъ. Еслибъ вы только знали, сэръ, какъ этотъ негодяй, этотъ Джозефъ Уиллитъ — такъ зовутъ его—клевещетъ на васъ и угрожаетъ вамъ, то стали бы ненавидѣть его еще болѣе, чѣмъ я... Да, воскликнулъ Тэппертейтъ, растрепавъ свои волосы и скрежеща зубами: — еще болѣе чѣмъ я, если это только возможно.

— Признайтесь, любезнѣйшій мэстеръ Тэппертейтъ, не скрывается ли тутъ какой-нибудь личной ненависти...

— Личной или не личной, все равно... Только уничтожьте его! воскликнулъ Тэппертейтъ.—Меггсъ говоритъ вамъ это, Меггсъ и я.. мы не можемъ уже ничего сдѣлать въ вашу пользу... Бэрнеби и мистриссъ Роджъ также замѣшаны тутъ; но главная пружина всего— разбойникъ Джозефъ Уиллитъ. Мнѣ и миссъ Меггсъ извѣстны всѣ его планы; если вамъ будетъ нужно узнать что-нибудь, обратитесь къ намъ... Долой этого Джозефа Уиллита! уничтожьте его, сэръ, разлавите его, и живите счастливо.

Мэстеръ Тэппертейтъ, не дождавшись отвѣта, скрестилъ на груди руки и скрылся за дверь.

— Этотъ малый можетъ быть мнѣ полезенъ, сказалъ Честеръ, оставшись одинъ. — Боюсь, что мнѣ прійдется прибѣгнуть къ силь-

Digitized by Google

нымъ мѣрамъ противъ этихъ честныхъ людей. Что дѣлать, необходимость... А мнѣ, право, жаль ихъ.

Послѣ этихъ словъ онъ опустился на подушку и заснулъ сладкимъ, спокойнымъ сномъ.

ГЛАВА XXV.

Оставимъ нашего джентльмена спокойно почивать и улыбаться даже во снѣ, и послѣдуемъ за двумя путниками, которые брели тихо въ Чигуиль... Путники эти — Бэрнеби и мать его, а съ ними вмѣстѣ и неразлучный Грейфъ.

Вдова, которой каждая новая миля казалась длиннѣе прежней, подвигалась впередъ медленно. Бэрнеби, напротивъ, бѣгалъ туда и сюда; онъ то останавливался назади, то забѣгалъ впередъ, то спрятавшись за какимъ-нибудь кустомъ, выскакивалъ оттуда съ громкимъ смѣхомъ, то влѣзалъ на деревья, откуда перекликался съ матерью; то, взявъ длинный шестъ, перепрыгивалъ черезъ рвы и овраги; то, забѣжавъ впередъ на цѣлую милю, дѣлалъ привалъ и, валяясь по травѣ, игралъ съ Грейфомъ до-тѣхъ-поръ, пока мать нагоняла его. Видя эту веселость, эту беззаботную радость, она не имѣла духа выговаривать ему за его шалости и ласково улыбалась, когда онъ выбѣгалъ къ ней на встрѣчу.

Есть что-то особенно-усладительное въ безотчетной радости человѣка посреди роскошныхъ красотъ природы, даже и тогда, когда радость эта проявляется въ безумномъ. Мысль, что великій творецъ вселенной посылаетъ радость даже и такому бѣдному созданію, которое не умѣетъ понимать его величія, отрадна для сердца и свидѣтельствуетъ о неисчерпаемой любви создателя къ его творенію.

Умы холодные и бездушные! вы, которые представляете намъ Предвѣчнаго строгимъ, непреклоннымъ судьею — загляните въ дивную книгу природы, развертывающую предъ вами листы свои, и посмотрите, что говоритъ она вамъ. Картины ея расписаны не простыми, но яркими, блестящими красками; музыка ея составлена не изъ вздоховъ и стенаній, но изъ веселыхъ, сладостныхъ звуковъ. Прислушайтесь, въ тихое лѣтнее утро, къ милліонамъ голосовъ и скажите есть ли въ нихъ хоть одинъ, который, подобно вашему, нарушалъ бы всеобщую гармонію. Припомните, если можете, чувство надежды и радости, которымъ наполнено каждое неиспорченное сердце, при появленіи великолѣпнаго свѣтила дня, и научитесь любить, благоговѣть, молиться.

Бѣдная вдова, удрученная тайною боязнью и скорбію, была грустна и задумчива; но веселость сына поддерживала ее и сокращала для

Digitized by Google

ея длинный путь. По-временамъ, просилъ онъ ее опереться на его руку и шелъ рядомъ съ нею; но ему было пріятнѣе бѣгать на свободѣ, и она, любя сына больше самой-себя, не удерживала его.

Мѣсто, куда она шла теперь, покинуто ею послѣ того ужаснаго случая, который измѣнилъ всю ея будущность; двадцать-два года прошло съ-тѣхъ-поръ, и она ни разу не имѣла силы побывать тамъ. Сколько воспоминаній, тяжкихъ и грустныхъ, овладѣло ея душою, когда родная деревня представилась вдругъ ея взорамъ!

Двадцать-два года! цѣлая жизнь ея сына!.. Когда она въ послѣдній разъ выглянула изъ-за деревьевъ на эти кровли, сынъ лежалъ у груди ея; онъ былъ еще младенцемъ. Какъ часто, съ-тѣхъ-поръ, сидѣла она надъ нимъ дни и ночи, съ жадностью ожидая какихъ-нибудь признаковъ ума, которые не обнаруживались! Какъ боялась она и какъ въ то же время надѣялась, какъ ловила каждую улыбку сына, думая найдти въ ней что-нибудь похожее на смыслъ, и какъ тщетны, какъ обманчивы были ея надежды! Все это представилось ея воображенію такъ живо, какъ-будто отъ прошедшаго отдѣлялъ ее одинъ только день, какъ-будто все это было вчера. Комната, гдѣ она сидѣла надъ нимъ; мѣсто, гдѣ стояла его колыбель; безсмысленный, дикій взоръ, который онъ бросалъ на нее; странныя прихоти, рождавшіяся въ немъ, когда онъ достигнулъ отроческихъ лѣтъ; наконецъ, его вѣчное дѣтство, его безсознательность, — все это снова воскресло въ душѣ ея со всѣми горестями, со всѣми страданіями.

Взявъ его за руку, поспѣшно шла она по улицамъ деревни. Тамъ все было еще по-прежнему, но ей все казалось иначе. Перемѣна была въ ней-самой, а не въ деревнѣ; и она, не подумавъ объ этомъ, всему удивлялась.

Всѣ жители знали Бэрнеби; ребятишки толпою бѣжали за нимъ; она вспомнила, какъ въ дѣтствѣ своемъ также бѣгала за какимъ-нибудь калекою; ея никто не зналъ, всѣ были ей совершенно чужіе; съ величайшею поспѣшностью старалась она миновать деревню и скоро вышла опять на чистое поле.

Кроличья-Засѣка была цѣлью ихъ странствованія. Мэстеръ Гэрдаль прогуливался въ саду; увидѣвъ сквозь желѣзную рѣшетку путниковъ, онъ поспѣшилъ отворить ее и вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Наконецъ-то вы собрались съ силами посѣтить старинное ваше убѣжище, сказалъ онъ вдовѣ.

— Это будетъ въ первый и въ послѣдній разъ, сэръ, отвѣчала она.

— Въ первый, послѣ многихъ лѣтъ; но зачѣмъ же въ послѣдній?

— Рѣшительно въ послѣдній!

—Вы, вѣроятно, опасаетесь, чтобъ твердость, къ которой вы должны были прибѣгнуть, рѣшаясь прійдти сюда, не оставила васъ, сказалъ мэстеръ Гэрдаль: — повѣрьте, вы ошибаетесь; я часто уго-

Digitized by Google

варивалъ васъ воротиться сюда; здѣсь будете вы счастливѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, я убѣжденъ въ этомъ; что же касается до Бэрнеби, онъ у насъ совершенно какъ дома.

— И Грейфъ также, сказалъ Бэрнеби, открывъ корзину.—Воронъ выпрыгнулъ оттуда, вскочилъ ему на плечо и, обратясь къ мэстеру Гэрдалю, закричалъ: — «Долли, поставь чайникъ на огонь, мы всѣ пьемъ чай!»

— Выслушайте меня, Марія, сказалъ мэстеръ Гэрдаль съ участіемъ и приглашая вдову войдти въ домъ.—Жизнь ваша была всегда примѣромъ терпѣнія и мужества, за исключеніемъ только этого одного случая, что меня чрезвычайно огорчаетъ. Я въ полной мѣрѣ постигаю всю великость вашего несчастія, которое лишило меня единственнаго моего брата, а Эмму отца; не-уже-ли долженъ я еще думать, что вы смѣшиваете насъ съ виновникомъ нашихъ общихъ бѣдъ?

— Смѣшивать васъ съ нимъ! воскликнула она.

— Да, Марія; мужъ вашъ былъ такъ тѣсно связанъ съ нашимъ семействомъ; онъ погибъ, служа ему и защищая его, и все это, вѣроятно, даетъ вамъ поводъ обвинять насъ нѣкоторымъ образомъ въ его убійствѣ.

— Ахъ! отвѣчала она: — какъ дурно судите вы о моемъ сердцѣ! вы не знаете всей истины, сэръ.

— Такія мысли очень-натуральны, продолжалъ мэстеръ Гэрдаль, какъ-будто говоря съ самимъ-собою. — Слава дома нашего погибла; золото было бы только слабымъ вознагражденіемъ такихъ несчастій, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ мы могли сыпать имъ, а при нашихъ ограниченныхъ средствахъ, мы не въ состояніи сдѣлать и этого; руки наши связаны. Клянусь Богомъ, я чувствую это, прибавилъ онъ съ жаромъ: — почему же ей не чувствовать того же?..

— Вы несправедливы ко мнѣ, любезный мэстеръ, отвѣчала она съ грустію:—и однакожь, если вы услышите то, что я скажу вамъ...

— То удостовѣрюсь еще болѣе въ моемъ мнѣніи? сказалъ онъ, видя, что она смутилась.—Ну, что же, говорите...

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ, воротясь, остановился подлѣ нея.

— И не-уже-ли предприняли вы такую дальнюю дорогу для того только, чтобъ поговорить со мною?..

Она сдѣлала головою утвердительный знакъ.

— Проклятіе лежитъ на насъ, гордыхъ нищихъ! пробормоталъ онъ глухо: — бѣдные и богатые равно чуждаются насъ; одни обращаются съ нами съ холоднымъ почтеніемъ, другіе думаютъ унизиться, если удостоятъ насъ словомъ и стараются быть отъ насъ какъ-можно-дальше... Но если вамъ было такъ трудно, послѣ двадцати-

Digitized by Google

двух-лѣтняго отсутствія, посѣтить эти мѣста, прибавилъ онъ: — то для чего не дали вы мнѣ знать, что хотите видѣть меня? я немедленно явился бы къ вамъ.

— На это не было у меня времени, сэръ. Я рѣшилась только въ прошлую ночь, и видѣла, что не могла отложить этого свиданія не только на одинъ день, но даже на одинъ часъ.

Они прошли между-тѣмъ къ дому. Мэстеръ Гэрдаль остановился на минуту и смотрѣлъ на вдову, какъ-будто удивленный ея словами. Замѣтивъ, однакожь, что она не обращала на него вниманія, но съ какимъ-то ужасомъ смотрѣла на старыя стѣны зданія, съ которымъ въ душѣ ея было связано столько страшныхъ воспоминаній, повелъ ее чрезъ боковую лѣстницу въ свой кабинетъ, гдѣ Эмма сидѣла у окна за книгою.

Увидѣвъ мистриссъ Роджъ, Эмма вскочила, бросилась къ ней, и съ слезами на глазахъ простерла руки; но бѣдная вдова съ трепетомъ уклонилась отъ ея объятій, и въ изнеможеніи упала на стулъ.

— Возвращеніе въ этотъ домъ послѣ такого долгаго отсутствія растрогало и взволновало ее, сказала Эмма съ кротостью. — Позвольте, любезный дядюшка... или нѣтъ, Барнеби самъ сбѣгаетъ внизъ... и немного вина...

— Ни за что въ свѣтѣ!.. воскликнула вдова съ ужасомъ. — Не виномъ показалось бы оно мнѣ, и я не имѣла бы силы прикоснуться къ нему устами... Позвольте мнѣ отдохнуть нѣсколько минутъ и больше мнѣ ничего не нужно.

Эмма стала подлѣ ея стула, и съ нѣмымъ сожалѣніемъ смотрѣла, какъ она, склонивъ голову на руки, сидѣла неподвижно, подобно статуѣ. Мэстеръ Гэрдаль, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, бросился въ кресла, и устремилъ на нее свой испытующій взоръ.

Глубокое молчаніе царствовало въ кабинетѣ, рядомъ съ которымъ была та комната, гдѣ совершилось нѣкогда злодѣяніе; множество старинныхъ книгъ лежало на полкахъ, устроенныхъ вокругъ стѣнъ; старинныя гардины, полинявшія отъ времени, закрывали до половины окна, осѣненныя густыми деревьями, которыхъ вѣтви, затемняя свѣтъ, стучали по временамъ въ стекла; все это придавало кабинету мрачный, унылый видъ, съ которымъ согласовались также и собравшіяся въ немъ лица: мистриссъ Роджъ, съ своими рѣзкими чертами и опущенною на грудь головою; мэстеръ Гэрдаль, мрачный и задумчивый; Эмма, грустная, и удивительно похожая на портретъ своего отца, который, казалось, грозно смотрѣлъ на нее съ почернѣвшей стѣны; Барнеби, съ своимъ дикимъ, блуждающимъ взглядомъ, и даже воронъ, который, вспрыгнувъ на какой-то огромный фоліантъ, лежавшій на столѣ, устремилъ въ него свою голову и казался какимъ-

Digitized by Google

то страшнымъ чернокнижникомъ, приготовлявшимся къ своимъ таинственнымъ чарамъ.

— Я, право, не знаю, какъ мнѣ начать, сказала наконецъ вдова, какъ-будто пробудясь изъ глубокой задумчивости. — Вы подумаете, что я не въ своемъ умѣ.

— Безукоризненная жизнь ваша ручается вамъ за уваженіе людей, сказалъ мэстеръ Гэрдаль. — Почему думаете вы возбудить такое мнѣніе? вѣдь вы не съ чужими; вы должны быть увѣрены въ нашемъ участіи. Ободритесь, говорите смѣло; всякій совѣтъ, всякая помощь, какую я могу оказать вамъ, будутъ мнѣ пріятны. Говорите...

— Что жь подумаете вы, сэръ, отвѣчала она: — если я, у которой въ цѣломъ мірѣ только вы одинъ другъ, скажу, что пришла сюда за тѣмъ, чтобъ отказаться навсегда отъ вашей дружбы и помощи, и что я рѣшилась скитаться одна по свѣту до-тѣхъ-поръ, пока Богу будетъ угодно призвать меня къ себѣ.

— Я подумаю, что только какая-нибудь слишкомъ важная причина могла заставить васъ рѣшиться на такой поступокъ, и что вы сообщите мнѣ эту причину, отвѣчалъ мэстеръ Гэрдаль.

— Въ томъ-то и несчастіе мое, что я не могу назвать этой причины, возразила она. — Я могу только сказать, что къ этому принуждаетъ меня долгъ мой, и что я была бы самымъ презрѣннымъ созданіемъ, еслибъ не исполнила его. Болѣе не могу сказать ни одного слова; языкъ мой будетъ нѣмъ, что бы вы ни говорили!

Сердце ея какъ-будто облегчилось, когда она сказала это, и съ той минуты голосъ ея сдѣлался смѣлѣе и тверже.

— Богъ свидѣтель, продолжала она: — что съ той горькой минуты, о которой мы всѣ имѣемъ причину вспоминать съ такимъ ужасомъ и скорбію, питала я до-сихъ-поръ чувства глубочайшей признательности къ вашему семейству. Богъ свидѣтель, что чувства эти, куда бы ни пошла я, никогда не истребятся изъ моего сердца, и что только вы одни заставляете меня рѣшиться на поступокъ, который я предпринимаю, и отъ котораго никакая сила въ мірѣ не заставитъ меня отказаться. Клянусь вамъ въ этомъ будущимъ блаженствомъ души моей!

— Странная, удивительная загадка! воскликнулъ мэстеръ Гэрдаль.

— Быть-можетъ, она разрѣшится еще и въ здѣшнемъ мірѣ, отвѣчала она. — Истина явится когда-нибудь во всемъ своемъ свѣтѣ; и дай Богъ, продолжала она тихимъ голосомъ: — чтобъ время это настало какъ-можно-позже!

— Я хочу увѣриться, такъ ли понимаю васъ... возразилъ мэстеръ Гэрдаль. — Не хотите ли вы сказать этимъ, что рѣшились добровольно лишить себя той ничтожной помощи, которую получали отъ

Digitized by Google

насъ такъ давно, что вы хотѣли отказаться отъ пенсіи, производившейся вамъ въ-продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ... оставить домъ свой... уйдти отсюда въ другую сторону,—все это по какой-то тайной причинѣ, которой не можете объявить. Но скажите, что съ вами сдѣлалась, что все это значитъ?

— Чувствуя безпредѣльную благодарность къ милостямъ господъ этого дома, какъ умершихъ, такъ и живыхъ, и не желая, чтобъ кровля эта, обрушившись, раздавила меня, или чтобъ стѣны эти покрылись кровью, при звукахъ моего имени, рѣшилась я никогда болѣе не прибѣгать къ вашей помощи... Вы не знаете, прибавила она съ живостью: — какъ ужасно употребляется во зло эта помощь и въ какія руки она попадаетъ. Я знаю это и отказываюсь отъ нея...

— Но она поддерживаетъ васъ, замѣтилъ мэстеръ Гердаль.

— Прежде было это такъ, но не теперь. Теперь золото ваше служитъ только къ достиженію цѣли, позорной даже для мертвыхъ, почивающихъ въ гробахъ своихъ... Мнѣ не даетъ оно благословенія: оно низвергнетъ только тяжкое проклятіе на главу моего бѣднаго сына, котораго невинность должна будетъ отвѣчать за вину его матери.

— Что это за слова! воскликнулъ мэстеръ Гэрдаль съ изумленіемъ:—съ какими сообщниками соединились вы?... Въ какую вину впали вы вмѣстѣ съ ними?

—Я виновна и невинна, неправа и права, и, не смотря на всю чистоту моихъ намѣреній, принуждена потворствовать злу и укрывать его. Не спрашивайте меня ни о чемъ болѣе, сэръ; повѣрьте, я заслуживаю болѣе сожалѣнія, чѣмъ упрека. Завтра должна я покинуть домъ свой, потому-что пока я здѣсь, онъ оскверняетъ его своимъ присутствіемъ. Если сыну случится опять быть когда-нибудь въ этой тюрьмѣ, не принуждайте его ни къ какимъ разъисканіямъ или развѣдываніямъ, и велите бодрствовать надъ нимъ, когда онъ будетъ возвращаться, потому-что мы принуждены будемъ бѣжать опять дальше и дальше, если слѣды его откроются. Теперь,—прибавила вдова, вздохнувъ глубоко: — теперь, когда съ сердца моего спало тяжкое бремя, прошу и васъ, — и васъ также, добрая миссъ,— не презирать меня, если это возможно, и вспоминать иногда обо мнѣ съ участіемъ. Память объ этомъ днѣ усладитъ смерть мою даже и тогда, если мнѣ не будетъ позволено на краю могилы высказать свою тайну, а это можетъ легко случиться. Прощайте; будьте счастливы и вѣрьте, что благодарность и любовь къ вамъ не изгладятся у меня изъ сердца до послѣдняго издыханія.

Сказавъ это, она хотѣла идти; но мэстеръ Гэрдаль и Эмма остановили ее; съ любовью и участіемъ упрашивали они ее одуматься, что она дѣлаетъ, ввѣриться имъ и сказать, что было у ней на серд-

Digitized by Google

цѣ. Видя, однакожь, что она была глуха ко всѣмъ ихъ убѣжденіямъ, Гэрдаль рѣшился на послѣднее средство и просилъ, чтобъ она ввѣрилась одной Эммѣ, которой, по молодости лѣтъ и по сходству пола, она не имѣла причины такъ стыдиться. Но и это предложеніе отвергла она съ прежнею непреклонностью. Все, чего можно было добиться отъ нея состояло въ обѣщаніи съ ея стороны принять мэстера Гэрдаля у себя въ домѣ на слѣдующій вечеръ и отложить до-тѣхъ-поръ исполненіе своего намѣренія; она предупредила однакожь, что никакая сила не заставитъ ее перемѣнить это намѣреніе.

Наконецъ, видя, что она ни подъ какимъ видомъ не хотѣла ни чѣмъ подкрѣпить свои силы, рѣшились они отпустить ее, и она вмѣстѣ съ Бэрнеби и Грейфомъ удалилась черезъ садъ, точно такъ же, какъ пришла, не видѣвъ никого постороннихъ и не будучи никѣмъ видима.

Странно, что воронъ, во все продолженіе этой сцены, смотрѣлъ неподвижно въ книгу, какъ-будто углубленный въ чтеніе, не проронивъ ни слова. Разговоръ, слышанный имъ, казалось, все еще вертѣлся у него въ головѣ, и хоть онъ по временамъ вскрикивалъ и каркалъ, однакожь, въ немъ была замѣтна какая-то особенная задумчивость.

Они должны были воротиться домой съ деревенскимъ дилижансомъ; но какъ онъ отправлялся не ранѣе двухъ часовъ, и какъ они имѣли нужду въ отдыхѣ и пищѣ, то Бэрнеби просилъ убѣдительно позволить ему сбѣгать въ Майское-Дерево. Мать, не желавшая быть узнанною своими старыми знакомыми, рѣшилась лучше дожидаться въ церковной оградѣ.

И здѣсь воронъ, пообѣдавъ немного, не оставлялъ своей задумчивости; онъ съ пресерёзнымъ видомъ перепрыгивалъ съ одного надгробнаго камня на другой, и казалось, внимательно читалъ надписи. Иногда, осмотрѣвъ могилу со всѣхъ сторонъ, царапалъ онъ ее своимъ клювомъ и начиналъ кричать громко... «Я дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ!»

Мѣсто, выбранное нашими путниками, было тихо и уединенно; но для матери Бэрнеби оно заключало въ себѣ самыя тяжкія воспоминанія. Тутъ покоился мэстеръ Реубенъ Гэрдаль, а рядомъ съ нимъ виднѣлся камень, положенный въ память ея мужа, съ краткою надписью о времени и родѣ его смерти. Задумчиво сидѣла она подлѣ этого камня до-тѣхъ-поръ, когда почтовый рожокъ возвѣстилъ прибытіе дилижанса.

Бэрнеби, уснувшій между-тѣмъ на травѣ, вскочилъ проворно при этомъ звукѣ, а Грейфъ, который, казалось, хорошо понималъ его, прыгнулъ въ свою корзинку, крикнувъ однакожь, какъ-бы въ насмѣшку къ тому мѣсту, гдѣ они были:— «никто не умеръ! никто не

Digitized by Google

умеръ!» — Скоро сидѣли они уже на имперіалѣ дилижанса и катились по большой дорогѣ.

Дорога эта шла мимо гостинницы Майскаго-Дерева и они остановились у самыхъ воротъ ея. Джоя не было дома, и Гогъ выбѣжалъ проворно для отдачи требуемаго пакета. Нельзя было опасаться, чтобъ старый Джонъ вышелъ на крыльцо; съ вершины своего имперіала, путешественники видѣли его спящаго за столомъ; онъ всегда поступалъ такимъ образомъ: почта заставала его всегда спящимъ; онъ не могъ терпѣть ея и говорилъ, что дилижансы и почтари созданы на мученье честныхъ людей.

Мистриссъ Роджъ опустила свой вуаль, когда Гогъ влѣзъ наверхъ, чтобъ поболтать съ Бэрнеби; никто не узналъ ея, и она покинула такимъ образомъ мѣстечко, гдѣ родилась, гдѣ была счастливою дѣвушкою, счастливою женою и гдѣ наконецъ постигли ее всѣ бѣды и горести, сдѣлавшіяся удѣломъ ея жизни.

ГЛАВА XXVI.

— И васъ не поразило это извѣстіе, Уарденъ? спросилъ Гэрдаль. — Очень-хорошо! Вѣдь вы вчера были ея лучшимъ другомъ, и можете понимать ее.

— Прошу извинить меня, сэръ, возразилъ слѣсарь. — Я не говорилъ, что понимаю ее. Ни объ одной женщинѣ не отважусь я этого сказать. Но это происшествіе не столько меня поразило, сэръ, какъ вы ожидали, нѣтъ.

— Почему же?

— Я видѣлъ, сэръ, отвѣчалъ съ явнымъ отвращеніемъ слѣсарь: — я видѣлъ, въ-разсужденіи ея, нѣчто такое, что̀ поселило во мнѣ недовѣрчивость и безпокойство. Она попала въ дурное общество,— какъ, и когда, не знаю; но домъ ея служитъ, по-крайней-мѣрѣ, пріютомъ разбойнику и душегубцу, въ этомъ я убѣжденъ. Вотъ-что, сэръ. Теперь вы все знаете.

— Уарденъ!

— Я видѣлъ это своими собственными глазами, и для нея желалъ бы быть полуслѣпымъ, чтобъ только могъ не повѣрить своимъ глазамъ. До-сихъ-поръ, я хранилъ тайну про-себя, и знаю, что отъ васъ ея никто не узнаетъ; но, говорю вамъ: собственными своими глазами — а я тогда былъ бодръ и свѣжъ—видѣлъ я однажды вечеромъ, послѣ сумерекъ, въ сѣняхъ ея, того разбойника, который ранилъ и ограбилъ господина Эдварда Честера, и въ ту же ночь грезился мнѣ.

— И вы не постарались захватить его? живо спросилъ Гэрдаль.

— Сэръ, отвѣчалъ слѣсарь: — она сама помѣшала мнѣ, удерживая меня всѣми силами; она висѣла на мнѣ до-тѣхъ-поръ, пока тотъ

Digitized by Google

скрылся. И слѣсарь разсказалъ подробно все, что произошло въ извѣстную намъ ночь.

Разговоръ этотъ велся тихимъ голосомъ, въ маленькой гостиной слѣсаря, куда честный Уарденъ проводилъ гостя съ самаго его прибытія. Гэрдаль пришелъ съ просьбою проводить его къ вдовѣ, своимъ вліяніемъ помочь ему уговорить ее. Это-то обстоятельство подало поводъ къ описанному разговору.

— Я остерегался, сказалъ Габріель: — говорить объ этомъ кому-нибудь, потому-что ей не принесло бы это никакой пользы, а легко могло бы повредить. Признаться, я всегда надѣялся, что она сама пріѣдетъ ко мнѣ и откроется, объяснивъ дѣло; я нарочно не разъ намекалъ ей на это, но она никогда не касалась предмета, и говорила о немъ развѣ только взглядомъ. Разумѣется, продолжалъ добродушный слѣсарь:—этотъ взглядъ говорилъ многое, больше, чѣмъ куча словъ. Между прочимъ, въ немъ видно было: «не спрашивайте меня, ради Бога», такъ-что и въ-самомъ-дѣлѣ я ужь не спрашивалъ ни слова. Вы почтете меня за стараго дурака, знаю, сэръ... Называйте меня дуракомъ, если угодно.

— То, что вы сказали мнѣ, сильно меня тревожитъ, сказалъ Гэрдаль, помолчавъ немного. — Какъ вы объ этомъ думаете? что вы изъ этого заключаете?— Слѣсарь покачалъ головою и смотрѣлъ, пожимая плечами, въ окно, на смеркающійся день.

— Вѣдь не можетъ быть, чтобъ она вторично вышла замужъ? сказалъ Гэрдаль.

— Конечно, нѣтъ, не давъ намъ знать, сэръ.

— Можетъ-статься; впрочемъ, можетъ-быть, она опасалась, что мы станемъ возражать ей, упрекать, оставимъ ее. Положимъ, что она необдуманно вышла замужъ,—это не совсѣмъ вѣроятно, при ея одинокой и однообразной жизни, — что мужъ ея потомъ оказался бездѣльникомъ: она, разумѣется, будетъ покрывать его, и вмѣстѣ мучиться его преступленіями; тутъ нѣтъ несбыточнаго; все это шло бы къ смыслу ея вчерашнихъ рѣчей, и совершенно объяснило бы ея поведеніе. Думаете ли вы, что Бэрнеби знаетъ объ этой связи?

— Рѣшительно не могу сказать, сэръ, отвѣчалъ слѣсарь, покачавъ опять головою: — да отъ него и добиться ничего нельзя. Если въ-самомъ-дѣлѣ такъ, какъ вы полагаете, — я боюсь за молодца: онъ будто нарочно созданъ для того, чтобъ быть орудіемъ для достиженія дурныхъ цѣлей...

— Вѣдь невозможно, Уарденъ, сказалъ Гэрдаль еще тише прежняго: — чтобъ эта женщина ослѣпила насъ и такъ долго обманывала? Невозможно, чтобъ эта связь заключена была при жизни ея мужа, и чтобъ мужъ ея и мой братъ...

— Боже мой, сэръ! воскликнулъ Габріель, прерывая его: — какъ

Digitized by Google

вы могли подумать такія вещи! Была ль на свѣтѣ дѣвушка, подобная ей, двадцать-пять лѣтъ назадъ? Свѣжая, пригожая, веселая, свѣтлоокая дѣвушка! Вспомните, что это за женщина была нѣкогда, сэръ. Даромъ-что я старикъ, у котораго дочь невѣста, а и теперь грустно, какъ подумаю о томъ, что она была, и что теперь. Всѣ мы перемѣняемся, но отъ времени; время честно дѣлаетъ свое дѣло, и я о немъ не забочусь. Пусть кукушка хлопочетъ о времени, сэръ. Умѣй съ нимъ только обходиться, а оно добрый малый, который никого не обманываетъ. Но заботы и горести (которыя и ее перемѣнили), вотъ дьяволы, сэръ. — скрытные, непримѣтные, невидимые дьяволы, — которые губятъ роскошнѣйшіе цвѣтки въ Эдемѣ, и въ одинъ мѣсяцъ разрушаютъ больше, нежели время можетъ разрушить въ годъ. Вообразите только сами, что за дѣвушка была Маріи прежде, чѣмъ несчастіе постигло ее, и скажите, возможно ли такое подозрѣніе?

— Вы добрый человѣкъ, Уарденъ, сказалъ мастеръ Гэрдаль: — и совершенно правы. Я такъ долго раздумывалъ объ этомъ предметѣ, что каждая бездѣлица всегда возобновляетъ во мнѣ подозрѣніе. Вы совершенно правы.

— Не потому-что я прежде Роджа сватался за нее и получилъ отказъ, воскликнулъ слѣсарь съ оживленнымъ взоромъ, твердымъ, звонкимъ голосомъ:—не потому, говорю я, что она была слишкомъ-хороша для него. Она и для меня также была бы слишкомъ-хороша. Но въ-самомъ-дѣлѣ, она была слишкомъ-хороша для него, и онъ не совсѣмъ стоялъ ея. Не то, чтобъ я хотѣлъ осуждать покойника, нѣтъ, я хочу только показать вамъ, чѣмъ она была нѣкогда. Что касается до меня, я сохраню въ своемъ сердцѣ ея прежній образъ, и когда подумаю о немъ и о причинахъ, которыя такъ измѣнили ее, то остаюсь ея другомъ и стараюсь возвратить ее къ спокойствію. И, чортъ меня возьми, сэръ, воскликнулъ Габріель: — извините за выраженіе, — я дѣлалъ бы то же, еслибъ она выходила замужъ хоть за пятьдесятъ разбойниковъ въ годъ, и, вопреки Мартѣ, до послѣдней минуты сталъ бы смѣло утверждать, что это нисколько не противорѣчитъ протестантскому молитвеннику!

Какъ-будто темная комнатка наполнена была густымъ туманомъ, который вдругъ пропалъ, и она опять просвѣтлѣла: такъ вдругъ прояснило собесѣдниковъ это изліяніе чувствъ добраго слѣсаря. Мастеръ Гэрдаль почти такимъ же яснымъ и полнымъ голосомъ воскликнулъ: «Славно сказано!» и пригласилъ Уардена отправиться съ нимъ немедленно. Слѣсарь охотно согласился; оба сѣли въ наемную карету, стоявшую у дверей, и поѣхали.

На углу улицы, они вышли, отпустили кучера и отправились пѣшкомъ къ дому вдовы. На первый стукъ въ дверь, отвѣта не было. На второй тоже. Но когда они въ третій разъ постучались нѣсколь-

Digitized by Google

ко громче, рама окна тихо приподнялась, и пріятный голосъ воскликнулъ:

— Гэрдаль, любезный другъ! чрезвычайно радъ васъ видѣть. Какъ вы похорошѣли съ-тѣхъ-поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ! Я никогда не видалъ васъ такимъ свѣжимъ. Хорошо ли поживаете?

Мэстеръ Гэрдаль взглянулъ на окно, откуда выходилъ голосъ, хоть это и не нужно было, чтобъ узнать говорившаго. Мэстеръ Честеръ дѣлалъ ему знаки рукою и привѣтливо улыбался.

— Дверь сейчасъ отопрутъ, сказалъ онъ. — Никого не случилось на эту пору внизу, кромѣ больной, дряхлой старухи. Вѣдь вы извините ея слабость? Еслибъ она была что-нибудь познатнѣе, у ней была бы подагра. Но какъ она простая работница, не болѣе, то у нея ревматизмъ. Это естественныя различія состояній, любезный Гэрдаль, будьте увѣрены.

Мэстеръ Гэрдаль, котораго лицо, какъ скоро услышалъ онъ этотъ голосъ, опять приняло свое недовѣрчивое и мрачное выраженіе, отвѣчалъ легкимъ поклономъ, и отворотился отъ говорящаго.

— Все еще не отперли? сказалъ мэстеръ Честеръ. — Боже великій! Надѣюсь, что старуха не запуталась дорогою въ паутинѣ. Вотъ она наконецъ! Войдите, сдѣлайте одолженіе.

Гэрдаль вошелъ, за нимъ слѣсарь. Съ величайшимъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на старуху, которая отворила имъ дверь, и спросилъ о мистриссъ Роджъ, о Бэрнеби. — Оба они навсегда уѣхали, отвѣчала она, качая головою: — впрочемъ, въ залѣ баринъ, который, можетъ-быть, больше объ этомъ скажетъ.

— Скажите, пожалуй-ста, сэръ, произнесъ Гэрдаль, обращаясь къ новому жильцу: — гдѣ та женщина, которую я искалъ здѣсь?

— Любезный другъ, отвѣчалъ тотъ: — я не имѣю объ этомъ ни малѣйшаго понятія.

— Шутки ваши не кстати, сказалъ Гэрдаль нетерпѣливо: — да и предметъ ихъ неудачно выбранъ. Поберегите ихъ для друзей, и не тратьте для меня. Я не имѣю никакого притязанія на эту честь, и добровольно отказываюсь отъ нея.

— Мой любезный, добрый мэстеръ, сказалъ Честеръ: — вы вспотѣли отъ ходьбы. Прошу покорно садиться. Товарищъ вашъ...

— Просто прямой, честный человѣкъ, прервалъ Гэрдаль: — и нисколько недостойный вашего вниманія.

— Габріель Уарденъ, по имени, сэръ, прибавилъ неловко слѣсарь.

— Почтенный англійскій мызникъ! сказалъ мэстеръ Честеръ. — Весьма почтенный человѣкъ, о которомъ я часто слыхалъ отъ моего милаго Нэда и котораго ужь давно желалъ видѣть. Очень радъ, мой другъ, Уарденъ, познакомиться съ вами. Вамъ удивительно видѣть

Digitized by Google

меня здѣсь? сказалъ онъ, обращаясь къ Гэрдалю. Не правда ли, вамъ удивительно?

Мэстеръ Гэрдаль посмотрѣлъ на него, но непривѣтливо и безъ удивленія, усмѣхнулся и молчалъ.

— Загадка тотчасъ разрѣшится, сказалъ мэстеръ Честеръ: — тотчасъ. Не угодно ли вамъ на минуту пожаловать со мною въ сторону. Помните наше маленькое условіе въ-разсужденіи Нэда и вашей любезной племянницы, Гэрдаль? Извѣстны ли вамъ всѣ участники ихъ невинной интриги? Знаете ли, что эти двое были также въ числѣ участниковъ? Любезнѣйшій мой, поздравь себя и меня. Я купилъ ихъ.

— Вы ихъ... какъ вы говорите? сказалъ мэстеръ Гэрдаль.

— Купилъ, отвѣчалъ Честеръ съ улыбкою. — Я счелъ за нужное сдѣлать нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ, чтобъ совершенно прервать сношенія между молодыми людьми, и началъ съ того, что удалилъ этихъ двухъ посредниковъ. Вы удивляетесь? Да кто же устоитъ противъ кучи денегъ! Они нуждались и позволили себя купить. Ихъ намъ ужь нѣчего бояться. Они уѣхали.

— Уѣхали! повторилъ Гэрдаль:—куда?

— Любезный другъ, вы позволите однако мнѣ еще разъ замѣтить, что вы никогда еще не казались такъ молоды, какъ сегодняшній вечеръ. Богъ знаетъ куда они уѣхали; я думаю, самъ Коломбъ не открылъ бы ихъ. Между нами сказать, они при этомъ имѣли еще свои секретныя причины, но на этотъ счетъ я далъ слово молчать. Она, я знаю, условилась еще видѣться съ вами нынѣче вечеромъ, но ей было нельзя и нѣкогда дожидаться. Вотъ ключъ, который они оставили. Боюсь, онъ покажется вамъ слишкомъ великъ, но какъ квартира принадлежитъ вамъ, то ваше доброе сердце, я увѣренъ, извинитъ его, Гэрдаль!

ГЛАВА XXVII.

Мэстеръ Гэрдаль стоялъ въ старой комнатѣ вдовы съ ключомъ въ рукѣ, посматривая то на мэстера Честера, то на слѣсаря, то на ключъ, будто надѣясь, что этотъ послѣдній самъ отопретъ тайну; наконецъ, мэстеръ Честеръ надѣлъ шляпу и перчатки, и, спросивъ ласково, не по одной ли дорогѣ имъ идти, заставилъ его опомниться.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — дороги наши расходятся, и очень, какъ вамъ извѣстно. Я останусь здѣсь на нѣсколько минутъ.

— Вы наживете подагру, Гэрдаль, вы захвораете, жестоко захвораете, возразилъ Честеръ. — Это мѣсто самое невыгодное для человѣка вашего сложенія. Я знаю, вы отъ него будете больны.

— Такъ и быть, сказалъ мэстеръ Гэрдаль, садясь: — вы можете радоваться заранѣе.—Добраго вечера!

Digitized by Google

Мэстеръ Честеръ притворился, будто не замѣтилъ легкаго движенія руки, которое дѣлало этотъ поклонъ похожимъ на желанье поскорѣе избавиться отъ него, отвѣчалъ вѣжливо-дружескимъ сердечнымъ пожиманіемъ и спросилъ Габріэля, въ какую сторону онъ отправится.

— Идти съ вами, сэръ, было бы слишкомъ-много чести для нашего брата, отвѣчалъ слѣсарь, мѣшкая.

— Я попросилъ бы васъ еще немного повременить, Уарденъ, сказалъ мэстеръ Гэрдаль, не смотря на нихъ.—Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ съ вами.

— Ни минуты больше не стану мѣшать вашему разговору, сказалъ мэстеръ Честеръ съ необыкновенною учтивостію. — Желаю вамъ взаимнаго удовольствія! Да сохранитъ васъ Богъ! Съ этими словами и съ торжествующею улыбкою, относившеюся къ слѣсарю, онъ ихъ оставилъ.

— Жалкое существо этотъ грубіянъ! сказалъ онъ, перешедъ черезъ улицу:—это гадина, которая въ самой-себѣ находитъ наказаніе—медвѣдь, который самъ себя кусаетъ. Здѣсь опять видно, какая неоцѣнимая выгода умѣть владѣть собой. Въ эти два короткія свиданія, меня сто разъ брало искушеніе взяться за шпагу. Изъ шести пятеро уступили бы страсти. Но подавивъ свой гнѣвъ, я ранилъ его глубже и больнѣе, чѣмъ еслибъ у меня былъ самый лучшій въ Европѣ клинокъ, а у него самый худшій. Ты послѣднее прибѣжище мудреца, примолвилъ онъ, ударяя по шпагѣ; тебя мы тогда только призываемъ на помощь, когда все возможное сказано и сдѣлано. Прибѣгать къ тебѣ прежде и столько щадить этимъ нашихъ противниковъ, есть варварскій образъ войны, нимало недостойный человѣка, имѣющаго хоть какія-нибудь претензіи на утонченность и образованность.

Разговаривая такимъ образомъ съ самимъ-собою, онъ улыбался такъ ласково, что одинъ нищій отважился слѣдовать за нимъ на нѣкоторое разстояніе и попросить милостыни. Это его обрадовало, потому-что льстило выразительности его физіономіи, и въ награду, онъ позволилъ нищему идти за собою до-тѣхъ-поръ, пока кликнулъ носилки, потомъ очень милостиво отпустилъ его съ благословеніемъ.

—Благословлять такъ же легко, какъ проклинать, и лучше идетъ къ лицу, мудро примолвилъ онъ, садясь на мѣсто.—Въ Клеркенуилль, любезные, пожалуйста! Носильщики обрадовались такому ласковому сѣдоку и скорымъ шагомъ пошли съ нимъ въ Клеркенуилль.

На извѣстномъ мѣстѣ, которое Честеръ дорогою назначилъ имъ напередъ, онъ слѣзъ и заплатилъ имъ нѣсколько меньше, нежели тѣ ожидали отъ такого привѣтливаго сѣдока, поворотилъ въ улицу, гдѣ жилъ слѣсарь, и скоро стоялъ уже подъ сѣнью золотаго ключа. Мэстеръ Тэппертейтъ, прилежно работавшій за лампою въ углу мастер-

Digitized by Google

ской, не замѣчалъ присутствія Честера до-тѣхъ-поръ, пока почувствовалъ чью-то руку у себя на плечѣ; тогда онъ вскочилъ и обернулся.

— Прилежаніе, сказалъ мэстеръ Честеръ: — есть душа труда и краеугольный камень благословенія. Мэстеръ Тэппертейтъ, когда вы будете лондонскимъ лордомъ-мэромъ, надѣюсь, пригласите меня на обѣдъ.

— Сэръ, отвѣчалъ ученикъ, положивъ молотокъ и утирая носъ ладонью сильно-запачканной сажею руки: — я презираю лорда-мэра и все, что̀ къ нему относится. У насъ будетъ совсѣмъ-иной общественный распорядокъ, сэръ, прежде, чѣмъ вы доживете, пока я сдѣлаюсь лордомъ-мэромъ. Какъ вы въ своемъ здоровьѣ, сэръ?

— Очень хорошо, мэстеръ Тэппертейтъ, и тѣмъ лучше, что опять вижу ваше умное лицо.—Вы какъ себя чувствуете?

— Такъ, сэръ, сказалъ осиплымъ голосомъ Симъ, приподнимаясь, чтобъ быть ближе къ уху мэстера Честера: — какъ только можетъ чувствовать себя человѣкъ середи притѣсненій, которыми я обремененъ. Жизнь мнѣ въ тягость. Не будь у меня въ виду мщенія, я отважилъ бы ее и поставилъ на одну карту.

— Дома мистриссъ Уарденъ? спросилъ Честеръ.

— Сэръ, отвѣчалъ Симъ и посмотрѣлъ на него съ лицомъ, котораго оригинальное выраженіе было до крайности эффектно: — она дома. Вамъ угодно ее видѣть?

Мэстеръ Честеръ кивнулъ утвердительно головою.

— Такъ пожалуйте сюда, сэръ, сказалъ Симъ, утеревшись фартукомъ.—Пожалуйте за мною, сэръ.—Не удѣлите ли вы мнѣ полсекунды, чтобъ шепнуть вамъ кое-что?

— Безъ сомнѣнія.

Мэстеръ Тэппертейтъ привсталъ на-цыпочки, приложилъ губы къ уху мэстера Честера, потомъ отнялъ голову, не говоря ни слова, пристально взглянулъ на него, опять приставилъ ротъ къ уху мэстера Честера, опять его отнялъ, и наконецъ прошепталъ: — зовутъ его Джозефъ Уиллитъ. Тст! больше я ничего не скажу.

Онъ съ таинственною гримасою мигнулъ гостю слѣдовать за собою до̀ дверей гостиной, гдѣ доложилъ о немъ, вскричавъ торжественнымъ тономъ:—мэстеръ Честеръ!

— Не мэстеръ Эдвардъ, сказалъ Симъ, заглянувъ опять въ дверь и прибавилъ послѣднія слова, какъ замѣчаніе отъ себя: — а его батюшка.

— Но позвольте его отцу, сказалъ мэстеръ Честеръ, входя со шляпою въ рукѣ, когда замѣтилъ дѣйствіе словъ Сима:—никакъ не нарушать вашихъ домашнихъ занятій, миссъ Уарденъ.

— О, вотъ видите? Не говорила ль я? воскликнула Меггсъ,

Digitized by Google

сплеснувъ руками. —Развѣ не принялъ онъ мать за дочь? Такъ! она еще такъ молода, что кажется дочерью.—Вообразите себѣ...

— Не-уже-ли, сказалъ мэстеръ Честеръ своимъ сладкимъ голосомъ: — не-уже-ли это мистриссъ Уарденъ? Удивительно! Это не дочка ваша, мистриссъ Уарденъ? Нѣтъ, нѣтъ. Ваша сестрица?

— Да, это дочь моя, сэръ, отвѣчала мистриссъ Уарденъ, покраснѣвъ отъ своей моложавости.

— Ахъ, мистриссъ Уарденъ! воскликнулъ гость.—Ахъ, сударыня! человѣческая жизнь—завидный жребій, когда намъ дозволено повторяться въ другихъ и сохранить при этомъ молодость, какъ вы ее сохранили. Вы позволите мнѣ поздороваться съ вами — по родному обычаю, любезная мистриссъ, — и съ вашей дочкою.

Долли обнаружила нѣкоторое отвращеніе отъ этой церемоніи, но получила строгій выговоръ отъ мистриссъ Уарденъ, которая приказала ей тотчасъ повиноваться. — Гордость, произнесла она важно: — одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, а покорность и уничиженіе — добродѣтели. И потому она требовала, подъ опасеніемъ ея справедливаго негодованія, чтобъ Долли сейчасъ поцаловалась съ гостемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтила, что она смѣло можетъ подражать всему, что́ дѣлаетъ мать, не разсуждая ни о чемъ и не умничая, ибо умничанье въ дѣтяхъ соблазнительно, противно долгу и явно противорѣчитъ ученію церкви.

Послѣ такихъ увѣщаній, Долли повиновалась, впрочемъ неохотно: у мэстера Честера свѣтился пристальный, смѣлый взглядъ удивленія, который, какъ ни старался быть вѣжливымъ и утонченнымъ, сильно тяготилъ ее. Между-тѣмъ, пока она стояла съ потупленными глазами, чтобъ не встрѣтить его взгляда, онъ благосклонно смотрѣлъ на нее и сказалъ, обращаясь къ матери:

— Другъ мой, Габріель (съ которымъ нынѣче вечеромъ мы познакомились), долженъ быть истинно-счастливъ, мистриссъ Уарденъ.

— Ахъ! произнесла мистриссъ Уарденъ, покачавъ головою.

— Ахъ! повторила Меггсъ.

— Не-уже-ли? сказалъ мэстеръ Честеръ съ участіемъ.— Праведное небо!

— Мэстеръ о томъ только и думаетъ, сэръ, бормотала Меггсъ, ковыляя къ нему съ боку, чтобъ за все, чѣмъ онъ владѣетъ и что способенъ оцѣнить, быть столько благодарну, сколько позволяетъ его характеръ. Но вѣдь никогда, сэръ, сказала Меггсъ, взглянувъ искоса на мистриссъ Уарденъ и приправивъ свою рѣчь вздохомъ:—никогда, сэръ, мы не знаемъ настоящей цѣны *нѣкоторыхъ* виноградныхъ лозъ и смоковницъ, пока ихъ не потеряемъ. Тѣмъ хуже, сэръ, для того, у кого на совѣсти лежитъ пренебреженіе этихъ благъ, особенно когда они удалятся, чтобъ зацвѣсть *гдѣ-нибудь въ другомъ мѣ-*

Digitized by Google

ствъ. И Меггсъ при этихъ послѣднихъ словахъ подняла глаза къ небу, показывая, гдѣ это «другое мѣсто».

Какъ мистриссъ Уарденъ хорошо понимала и должна была понимать каждое слово, сказанное Меггсъ, и какъ эти слова, казалось, аллегорически выражали или пророчествовали, что она преждевременно падетъ подъ своими скорбями и улетитъ на небо, то она вдругъ начала страдать; потомъ взяла съ стола протестантскій молитвенникъ и оперлась на него рукою, какъ-будто сама она была надежда, а книга ея якорь. Какъ-скоро мэстеръ Честеръ замѣтилъ эту продѣлку и увидѣлъ надпись на переплетѣ книги, онъ тихонько взялъ ее изъ-подъ руки и перевернулъ нѣсколько листовъ.

— Моя любимая книга, сударыня.—Сколько разъ, сколько разъ во время младенчества сына моего, Нэда, теперь онъ объ этомъ ничего не помнитъ (эта оговорка была точно весьма справедлива), выбиралъ я отсюда маленькія для него нравоученія. Вы знаете Нэда?

Мистриссъ Уарденъ отвѣчала, что имѣетъ эту честь, и что это прекрасный, ласковый, молодой джентльменъ.

— Вы сами мать, мистриссъ Уарденъ, сказалъ мэстеръ Честеръ, нюхая табакъ:—и потому понимаете, что̀ чувствую я, отецъ, когда его хвалятъ. Онъ безпокоитъ меня, очень безпокоитъ: онъ вѣтренаго характера, сударыня, порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, отъ одного удовольствія къ другому—ну, да это мотыльковая пора жизни, и мы не должны слишкомъ-строго судить о такихъ мелочахъ.

Онъ взглянулъ на Долли. Она очевидно вслушивалась въ каждое его слово. Этого-то онъ и хотѣлъ!

— Одно, на что я особенно могу пожаловаться въ Нэдѣ, продолжалъ мэстеръ Честеръ: — кстати его имя мнѣ напомнило, что я потомъ хочу попросить васъ выслушать меня нѣсколько минутъ наединѣ—одно, на что могу пожаловаться, это именно, что онъ не совсѣмъ откровененъ. Какъ ни стараюсь я, при своей любви къ Нэду, скрывать отъ себя эту истину, однако всегда невольно прихожу къ мысли, что мы ничто безъ откровенности, совершенно ничто. Будь мы откровенны, любезная мистриссъ...

— И хорошіе протестанты, прошептала мистриссъ Уарденъ.

— И хорошіе протестанты пуще всего... Будь мы откровенны и хорошіе протестанты, строго нравственны, строго справедливы (хотя всегда при томъ наклонны къ милосердію), строго честны и строго истинны, и мы найдемъ—хотя небольшую, за то всегда твердую точку опоры; мы положимъ какъ-бы прочный фундаментъ прямодушія, на которомъ въ-послѣдствіи можно построить уже достойнѣйшее зданіе.

Мистриссъ Уарденъ, конечно, подумала: вотъ совершеннѣйшій характеръ. Вотъ кроткій, справедливый, нелицемѣрный и прямой

Digitized by Google

христіанинъ, обладающій всѣми этими свойствами, такъ трудно достигаемыми; который не гордится ихъ обладаніемъ, но стремится еще къ высшей нравственности. Доброй женщинѣ (какъ всѣмъ добрымъ мужчинамъ и женщинамъ) не пришло и въ голову усомниться, чтобъ этотъ смиренный отзывъ о своихъ добродѣтеляхъ, это уничиженіе великихъ дѣлъ, эта манера какъ-будто говорить: «я не горжусь; я то, что вы слышите, но не считаю за это себя лучше другихъ; перестанемте объ этомъ говорить, сдѣлайте одолженіе» — чтобъ все это не было совершенно истинно и непритворно. Онъ такъ умѣлъ это приноровить и такъ выражаться, что, казалось, будто это было у него вынуждено, и дѣйствіе, произведенное имъ, было удивительно.

Какъ-скоро мэстеръ Честеръ замѣтилъ сдѣланное имъ впечатлѣніе—а быстрѣе его не былъ никто на эти открытія—онъ вслѣдъ за первою выходкою пустилъ нѣсколько нравственныхъ изреченій, которыя, хоть были пошлы и неопредѣленны, старыя, изношенныя, такъ-называемыя истины, но которыя онъ произносилъ такимъ очаровательнымъ голосомъ и съ такимъ неподражаемымъ прямодушіемъ и спокойствіемъ духа, что они какъ-нельзя-лучше соотвѣтствовали его цѣли. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; какъ полые сосуды при паденіи издаютъ звукъ гораздо-музыкальнѣе, чѣмъ сосуды цѣльные, такъ и пустыя, безсодержательныя сентенціи наиболѣе дѣлаютъ шума въ свѣтѣ и встрѣчаютъ наиболѣе одобренія.

Мэстеръ Честеръ, въ одной рукѣ держа книгу, другую прижавъ къ сердцу, говорилъ превосходно; всѣ слушатели были увлечены, не смотря на то, что ихъ различныя мысли и интересы не ладили между собою. Даже Долли, которая совсѣмъ растерялась между пристальными взглядами мэстера Честера и мэстера Тэппертейта, принуждена была въ глубинѣ души сознаться, что еще не слыхивала ни одного такъ прекрасно-говорящаго джентльмена. Даже миссъ Меггсъ, которая раздѣлена была между удивленіемъ къ мэстеру Честеру и смертельною ревностью къ своей барышнѣ, имѣла довольно времени успокоиться. Даже мэстеръ Тэппертейтъ, который, какъ мы видѣли, былъ занятъ созерцаніемъ «утѣхи своего сердца», не могъ совершенно отвлечь вниманія отъ голоса другаго очарователя. Мистриссъ Уарденъ, по ея собственному признанію, во всю жизнь никогда еще такъ не назидалась; и когда мэстеръ Честеръ всталъ и попросилъ позволенія говорить съ нею наединѣ, взялъ ее подъ руку и повелъ на верхъ въ ея лучшую гостиную, онъ показался ей едва ли не чѣмъ-то больше простаго человѣка.

— Любезная мистриссъ, сказалъ онъ, нѣжно прижавъ ея руку къ губамъ:—прошу присѣсть.

Digitized by Google

Мистриссъ Уарденъ, принявъ важный видъ, сѣла.

— Вы угадываете мои мысли? сказалъ мэстеръ Честеръ, придвигая себѣ стулъ.—Вы угадываете мое намѣреніе? Я нѣжный отецъ, любезная мистриссъ Уарденъ.

— Безъ сомнѣнія нѣжный отецъ, я увѣрена въ этомъ, сэръ, сказала мистриссъ Уарденъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Честеръ, щелкнувъ по крышкѣ табакерки. — На родителяхъ всегда лежитъ тяжкая, нравственная отвѣтственность, мистриссъ Уарденъ.

Мистриссъ Уарденъ приподняла руку вверхъ, покачала головою и устремила глаза въ землю съ такимъ выраженіемъ, какъ-будто желала прозрѣть сквозь земный шаръ въ необъятное пространство неба.

— Вамъ я могу смѣло довѣриться, продолжалъ мэстеръ Честеръ. — Я нѣжно люблю сына, сударыня; и потому-что люблю его, хотѣлъ бы предохранить его отъ нѣкотораго несчастія. Вамъ извѣстны его отношенія къ миссъ Гэрдаль. Вы оказывали ему пособіе въ этомъ, что̀ и было очень хорошо съ вашей стороны. Я вамъ очень обязанъ, чрезвычайно обязанъ за ваше участіе въ его благополучіи; но, любезная мистриссъ, вы заблуждались касательно его пользы, увѣряю васъ.

Мистриссъ Уарденъ пролепетала, что ей очень-жаль...

— Жаль, любезная мистриссъ! сказалъ онъ.—Вы никогда не имѣете причины сожалѣть о томъ, что̀ было дѣлано изъ дружбы, съ такою доброю цѣлію, такъ вполнѣ достойно васъ. Но есть важныя причины, неизбѣжныя семейныя отношенія, и даже, кромѣ того, религіозныя несогласія, которыя противятся этому и дѣлаютъ невозможнымъ сочетаніе молодыхъ людей — никакъ невозможнымъ. Я разсказалъ бы эти отношенія вашему мужу; но онъ—извините мою откровенность—онъ не имѣетъ ни вашей быстрой способности понимать, ни вашего глубокаго нравственнаго чувства...Что за прекрасный домъ у васъ и въ какомъ порядкѣ! Для человѣка, подобнаго мнѣ, который такъ давно овдовѣлъ, эти признаки женской попечительности и женскаго присмотра имѣютъ несказанную прелесть.

Мистриссъ Уарденъ начала (сама хорошенько не зная, почему) дѣйствительно убѣждаться, что молодой мэстеръ Честеръ неправъ, а старый мэстеръ Честеръ правъ.

— Сынъ мой, Недъ, началъ опять искуситель съ своею обольстительною миною: — былъ, какъ мнѣ сказывали, вспомоществуемъ въ своихъ исканіяхъ вашимъ чистосердечнымъ мужемъ и вашею достолюбезною дочерью.

— Гораздо больше, нежели мною, сэръ, сказала мистриссъ Уарденъ:—гораздо больше. Я часто имѣла свои опасенія. Это...

— Нехорошій примѣръ, договорилъ мэстеръ Честеръ. — Да, безъ

Digitized by Google

сомнѣнія. Дочь ваша въ такомъ возрастѣ, когда особенно опасно и неблагоразумно ободрять въ ея глазахъ молодыхъ людей къ противорѣчію съ родителями въ такомъ важномъ дѣлѣ. Вы совершенно правы. Мнѣ бы самому надобно это вздумать, но, признаюсь, мнѣ не пришло въ голову; столько-то, любезная мистриссъ, вашъ полъ превосходитъ нашъ въ догадливости и проницательности...

Мистриссъ Уарденъ сдѣлала такое мудрое лицо, какъ-будто бы въ-самомъ-дѣлѣ она сказала что-нибудь, чѣмъ заслужила этотъ комплиментъ; словомъ, она рѣшительно повѣрила, что сказала что-нибудь подобное, и ея высокое мнѣніе о собственной мудрости сдѣлало значительные успѣхи.

— Безцѣнная мистриссъ, сказалъ мэстеръ Честеръ:—вы даете мнѣ смѣлость говорить, ничего не скрывая. Мы съ сыномъ несогласны на этотъ счетъ. Миссъ Гэрдаль и ея опекунъ также несогласны. Сверхъ-того, сынъ мой долгомъ своимъ ко мнѣ, своею честію, всѣми священными узами обязанъ жениться на другой дѣвушкѣ.

—Помолвленъ на другой! воскликнула мистриссъ Уарденъ, всплеснувъ руками.

— Любезная мистриссъ, онъ росъ, воспитывался и образовывался именно для этой цѣли, исключительно для этой цѣли. — Говорятъ, миссъ Гэрдаль очень-привлекательна?

— Я воспитательница ея и должна это знать; превосходная дѣвушка! отвѣчала мистриссъ Уарденъ.

— Нимало не сомнѣваюсь въ этомъ. Я убѣжденъ, что она превосходнѣйшая дѣвушка. И вы, находившись нѣкогда въ такихъ нѣжныхъ отношеніяхъ съ нею, обязаны пещись объ ея счастіи. Могу ли же я, какъ я говорилъ и Гэрдалю, который совершенно согласенъ со мною, могу ли я видѣть равнодушно, что она (хоть она и происходитъ отъ католическаго семейства) привязывается къ мальчику, у котораго теперь пока еще вовсе нѣтъ сердца? Я не обвиняю его особенно, говоря, что у него нѣтъ сердца, потому-что молодые люди, глубоко погрязшіе въ вѣтрености и условіяхъ свѣтскаго общества, рѣдко имѣютъ сердце. У нихъ вовсе нѣтъ сердца, любезная мистриссъ, до тридцати лѣтъ. Я не думаю даже, нѣтъ, не думаю, чтобъ у меня-самого было сердце въ лѣта Нэда.

— О, сэръ, сказала мистриссъ Уарденъ: — я полагаю, что у васъ было сердце. Не можетъ быть, чтобъ вы, владѣя теперь такимъ превосходнымъ сердцемъ, были тогда безъ сердца.

— Кажется, отвѣчалъ онъ, скромно пожавъ плечами:—что я имѣю нѣсколько, что имѣю нѣкоторое сердце—Богъ знаетъ! Но возвратимтесь къ Нэду: вѣрно вы полагали—и потому такъ благосклонно принимали въ немъ участіе, — что я имѣю что-нибудь противъ миссъ

Digitized by Google

Гэрдаль? Это очень-натурально съ вашей стороны! Но, безцѣнная мистриссъ, противъ него, противъ самого Нэда я имѣю многое.

Мистриссъ Уарденъ ужаснулась при этомъ открытіи.

— Ему, если онъ выполнитъ эту священную обязанность, о которой я вамъ докладывалъ, какъ честный человѣкъ, — а онъ долженъ вести себя какъ честный человѣкъ, или не считать себя моимъ сыномъ,—ему достанется хорошее состояніе. Онъ ведетъ расточительную, до крайности расточительную жизнь; и если въ минутномъ порывѣ прихоти и упрямства женится онъ на этой дѣвушкѣ и черезъ то лишитъ себя средствъ къ жизни, не отказывая себѣ, какъ онъ давно привыкъ жить, — тогда, любезная мистриссъ, тогда онъ растерзаетъ сердце этого невиннаго существа. Мистриссъ Уарденъ, моя добрая, безцѣнная мистриссъ, я спрашиваю у вашего сердца: можно ли допустить такую жертву? можно ли позволить такъ шутить женскимъ сердцемъ? Спросите собственное свое сердце, сударыня. Спросите свое собственное сердце, прошу васъ.

— Право, это святой, думала мистриссъ Уарденъ.—Но, спросила она громко и не безъ истиннаго чувства:—если вы отнимете у миссъ Эммы ея любовника, сэръ, что̀ станется тогда съ сердцемъ бѣдной дѣвушки?

—Вотъ, отвѣчалъ мэстеръ Честеръ, нимало не смутившись:—вотъ именно пунктъ, къ которому я хотѣлъ васъ привести. Бракъ съ моимъ сыномъ, отъ котораго я принужденъ былъ отказаться, повлекъ бы за собою цѣлые годы бѣдствій; не прошло бы года, любезная мистриссъ, какъ они разстались бы другъ съ другомъ. Если жь мы прервемъ эту связь, которая, какъ обоимъ намъ хорошо извѣстно, существуетъ больше въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности, это будетъ стоять милой дѣвушкѣ нѣсколькихъ слезинокъ, и потомъ она опять счастлива. Представьте себѣ, что ваша собственная дочь, дѣвица, которую я видѣлъ внизу, живой вашъ портретъ—тутъ мистриссъ Уарденъ закашляла съ кислой улыбкою—есть одинъ молодой человѣкъ (вѣтреный мальчикъ, долженъ я сказать, къ-сожалѣнію, очень дурнаго характера), о которомъ я слыхалъ отъ Нэда, — Буллитъ, кажется, или Пуллитъ... Муллитъ...

— Вѣрно Уиллитъ, Джозефъ Уиллитъ, сэръ, да, такъ зовутъ одного молодаго человѣка, сказала мистриссъ Уарденъ, и сложила съ достоинствомъ руки.

— Именно онъ! воскликнулъ мэстеръ Честеръ. — Представьте, что этотъ Джозефъ Уиллитъ домогался бы любви вашей прелестной дочери и получилъ бы ее.

— Онъ былъ бы довольно безстыденъ, еслибъ вздумалъ что-нибудь подобное, прервала его мистриссъ Уарденъ, гордо поднявъ голову.

Digitized by Google

— Любезная мистриссъ, это совершенно то же самое. Я знаю, что онъ былъ столько безстыденъ. Нэдъ не постыдился поступать точно такъ же, какъ поступилъ и онъ; но вѣдь вы изъ-за этого, или изъ-за нѣсколькихъ слезинокъ вашей прекрасной дочери, не побоялись бы потушить склонность молодыхъ людей въ самомъ началѣ? Я сбирался представить все это вашему мужу, встрѣтивъ его нынѣче вечеромъ у мистриссъ Роджъ...

— Мой мужъ, проговорила мистриссъ Уарденъ съ нѣкоторымъ волненіемъ:—гораздо бъ лучше сдѣлалъ, еслибъ сидѣлъ дома, вмѣсто того, чтобъ такъ часто ходить къ мистриссъ Роджъ. Я не понимаю, что̀ ему тамъ дѣлать. Вообще, я не знаю, зачѣмъ онъ мѣшается въ ея дѣла, сэръ.

— Если можетъ показаться, что мое согласіе съ вашими намѣреніями, которыя обнаруживаются въ вашихъ послѣднихъ словахъ, выразилъ я не такъ сильно, какъ вы того желали, возразилъ мэстеръ Честеръ: — причина этого заключается въ томъ, что именно его несговорчивый и недоступный характеръ побудилъ меня прійдти сюда и доставилъ мнѣ счастіе говорить съ дамою, отъ которой, какъ я вижу, зависитъ все устройство, весь порядокъ и благосостояніе ея семейства.

Тутъ онъ опять схватилъ руку мистриссъ Уарденъ и поцаловалъ со всей церемонною вѣжливостью того времени, даже еще церемоннѣе и высокопарнѣе, нежели было въ модѣ, чтобъ это сильнѣе кинулось въ глаза доброй дамѣ, непривыкшей къ подобнымъ учтивостямъ. Потомъ онъ продолжалъ говорить въ томъ же софистическомъ, льстивомъ и нѣжномъ тонѣ, и наконецъ заклиналъ ее употребить все ея вліяніе, чтобъ ни мужъ ея, ни дочь не поддерживали видовъ Эдварда на миссъ Гэрдалъ, и вообще не помогали ни той, ни другой сторонѣ. Какъ бы ни было, мистриссъ Уарденъ была женщина и владѣла порядочнымъ запасомъ суетности, упрямства и властолюбія. Она заключила съ своимъ вкрадчивымъ гостемъ тайный оборонительный и наступательный союзъ и думала, какъ подумалъ бы всякій, видѣвшій его въ первый разъ, что, въ-самомъ-дѣлѣ, споспѣшествуетъ этимъ торжеству истины, справедливости и нравственности. Въ восторгѣ отъ успѣха своего разговора и хохоча внутренно, мэстеръ Честеръ свелъ ее опять внизъ по лѣстницѣ съ тою же учтивостью и торжественностью, и повторивъ прежнюю церемонію поцалуевъ, по-прежнему простиравшуюся также и на Долли, онъ совершенно покорилъ себѣ сердце миссъ Меггсъ вопросомъ, не угодно ли «этой молодой дамѣ» посвѣтить ему до дверей. Тамъ онъ распрощался.

— О, сударыня, сказала Меггсъ, воротясь со свѣчкою: — о, Боже мой, сударыня! вотъ ужь джентльменъ! Что за ангелъ въ разговорѣ,

Digitized by Google

и какой обходительный! Такой прямой и благородный, что, кажется, земля, по которой онъ идетъ, недостойна носить его; и не смотря на то, такой кроткій и снисходительный, что, кажется, будто хочетъ сказать: «но и земли я не долженъ презирать!» Вообразите, васъ онъ принялъ за миссъ Долли, а миссъ Долли за нашу сестрицу. О, небо, на мѣстѣ мэстера, я стала бы ревновать къ нему!

Мистриссъ Уарденъ велѣла своей горничной замолчать съ этими суетными рѣчами, но очень снисходительно и милостиво — даже съ улыбкою—замѣтивъ, что она глупая, вѣтренная дѣвка, что она забываетъ въ своей веселости всѣ предѣлы, и чтобъ она не принимала и половины того, что говорятъ, за правду, не то она (мистриссъ Уарденъ) и въ-самомъ-дѣлѣ разсердится на нее.

— Что касается до меня, сказала Долли, задумавшись: — я почти увѣрена, что мэстеръ Честеръ похожъ на Меггсъ въ этомъ отношеніи. Не смотря на всю его учтивость и на всѣ его льстивыя рѣчи, я твердо убѣждена, что онъ не разъ шутилъ надъ нами.

— Если ты еще осмѣлишься сказать что-нибудь подобное, и говорить о другихъ дурно за глаза при мнѣ, сказала мистриссъ Уарденъ: — то сейчасъ же возьмешь свѣчку и отправишься спать. Какъ ты смѣешь... Непостижимо! Я весь вечеръ краснѣла за твои грубости. Слыхано ли гдѣ-нибудь, воскликнула раздраженная дама: — чтобъ дочь сказала матери въ глаза: «надъ тобой смѣялись?»

Что за непостоянный темпераментъ былъ у мистриссъ Уарденъ!

ГЛАВА XXVIII.

Вышедъ изъ дома слѣсаря, мэстеръ Честеръ отправился въ знакомую кофейную въ Ковент-Гарденѣ и долго сидѣлъ тамъ за позднимъ обѣдомъ, чрезвычайно забавляясь своей послѣднею продѣлкою и поздравляя себя съ такой необыкновенной ловкостью.

Это расположеніе придало его лицу такое благосклонное и спокойное выраженіе, что трактирный служитель, который ему прислуживалъ, готовъ былъ пойдти для него хоть сейчасъ въ огонь и (пока разсчетъ за кушанье и очень малая монета на водку за столь большое усердіе не вывели его изъ очарованія) разсуждалъ самъ съ собою, что одинъ такой добродѣтельный посѣтитель стоитъ гораздо дороже по-крайней-мѣрѣ полдюжины обыкновенныхъ гостей.

Онъ подошелъ и къ игорному столу, не какъ бѣшеный, жадный вертопрахъ, а какъ человѣкъ, который просто дѣлаетъ себѣ удовольствіе, жертвуя двумя-тремя червонцами глупостямъ свѣта и равно доброжелательно улыбаясь выигрывающему и проигрывающему; такимъ образомъ стало ужь поздно, когда онъ отправился домой.

Digitized by Google

Каммердинеру своему онъ обыкновенно приказывалъ, если не давалъ особаго порученія, ложиться когда захочетъ и только оставлять свѣчу въ сѣняхъ. Надъ лѣстницею висѣла лампа, на которой онъ зажигалъ эту свѣчу, если поздно возвращался домой; и какъ онъ всегда при себѣ носилъ ключъ, то могъ приходить домой и ложиться, когда ему было угодно.

Онъ поднялъ стекло темной лампы, которой свѣтильня, нагорѣвшая и раздувшаяся какъ носъ пьяницы, отъ прикосновенія свѣчи разлеталась въ мелкіе карбункулы и сыпала вокругъ горячія искры; вдругъ шумъ, похожій на сильное храпѣнье человѣка — испугалъ его, такъ-что онъ остановился и сталъ прислушиваться. Дѣйствительно, это было тяжелое дыханіе спящаго, и очень-близко. Кто-нибудь чужой легъ на голой лѣстницѣ и крѣпко заснулъ. Наконецъ мэстеръ Честеръ зажегъ свѣчу, отворилъ свою дверь и поднялся нѣсколькими ступенями вверхъ, держа свѣчу надъ головою и осторожно высматривая, что бы это былъ за человѣкъ, выбравшій себѣ такой неудобный ночлегъ.

Положивъ голову на площадку лѣстницы и протянувъ рослые, длинные члены по полудюжинѣ ступеней, лежалъ Гогъ, словно мертвый, котораго уронили пьяные гробоносильщики. Лицо его было обращено кверху, длинные волосы, какъ дикая трава, разметались по его деревянной перинѣ, и широкая грудь высоко поднималась при каждомъ изъ рѣзкихъ звуковъ, которые такъ необыкновенно нарушали тишину въ этомъ мѣстѣ и въ эту пору.

Мэстеръ Честеръ только-что сбирался разбудить его, толкнувъ ногою, какъ, пораженный видомъ обращеннаго кверху лица, остановился, нагнулся, и заслонивъ свѣчу рукою, сталъ разсматривать его черты вблизи. Какъ ни точенъ былъ осмотръ, но вѣроятно его было недосточно, потому-что мэстеръ наклонялся вмѣстѣ съ свѣчею, которую тщательно закрывалъ ладонью, нѣсколько разъ къ лицу спящаго и все еще пристально всматривался.

Пока онъ занимался такимъ образомъ, спящій проснулся, но не встревожился. Мэстеръ Честеръ сталъ какъ очарованный, повстрѣчавъ его неподвижный взглядъ, и не имѣлъ духа отвести глазъ, такъ-что оставался какъ-бы принужденъ смотрѣть ему въ лицо. Съ минуту они пристально глядѣли другъ на друга, пока наконецъ мэстеръ Честеръ прервалъ молчаніе и тихимъ голосомъ спросилъ, зачѣмъ онъ тутъ лежитъ и спитъ.

— Мнѣ показалось, сказалъ Гогъ, приподнимаясь съ усиліемъ и все еще пристально смотря на него: — что я вижу васъ во снѣ. Это былъ странный сонъ. Авось-либо онъ никогда не сбудется!

— Отъ-чего ты такъ дрожишь?

Digitized by Google

— Отъ... отъ овощей, я думаю, проворчалъ онъ угрюмо, отряхнулся и всталъ.—Я почти забылъ, гдѣ я.

— Узналъ ли ты меня? сказалъ Честеръ.

— Ахъ, да; я васъ знаю, отвѣчалъ онъ.—Мнѣ пригрезились вы... Мы не тамъ, гдѣ, какъ мнѣ чудилось, мы были. Слава Богу!

Онъ взглянулъ при этихъ словахъ вокругъ себя и кверху, будто думая, что стоитъ подъ предметомъ, который привидѣлся ему во снѣ. Потомъ онъ протеръ глаза, еще разъ отряхнулся и вошелъ за своимъ благодѣтелемъ въ комнату.

Мэстеръ Честеръ зажегъ свѣчки на уборномъ столикѣ, и подкативъ себѣ кресла къ горѣвшему еще камину, развелъ въ немъ огонь, сѣлъ передъ нимъ, и подозвавъ своего грубаго гостя, велѣлъ ему снять съ себя сапоги.

— Ты опять выпилъ, пріятель? сказалъ онъ, когда Гогъ привсталъ на одно колѣно и снялъ съ него сапоги.

— Нѣтъ, и это вѣрно такъ, какъ то, что я живъ, мэстеръ; я прошелъ двѣнадцать долгихъ миль и дожидался здѣсь Богъ-вѣсть какъ долго, а съ обѣда не бралъ въ ротъ ни капли.

— Такъ ты не придумалъ ничего лучше, любезный, какъ уснуть и заставить цѣлый домъ трястись отъ своего храпѣнья? сказалъ мэстеръ Честеръ.—Развѣ не могъ ты, неуклюжая собака, грезить у себя дома на соломѣ, что пришелъ за этимъ сюда? Подай мнѣ туфли, да шагай тише.

Гогъ молча повиновался.

— Послушай, мой милый, сказалъ Честеръ, надѣвая туфли:— когда ты опять станешь грезить, то грезь не обо мнѣ, а о какой-нибудь собакѣ или лошади, съ которою ты лучше знакомъ. Налей себѣ стаканъ—ты найдешь его тамъ съ графиномъ—и выпей, чтобъ не дремать.

Гогъ опять повиновался — этотъ разъ даже усерднѣе — и потомъ сталъ передъ своимъ благодѣтелемъ.

— Ну, сказалъ мэстеръ Честеръ:—что жъ тебѣ надобно?

— Были нынѣче новости, отвѣчалъ Гогъ. — Вашъ сынъ былъ у насъ,—пріѣзжалъ верхомъ. Онъ добивался видѣть барышню, да не удалось. Оставилъ какое-то письмо, чтобъ нашъ Джой его отнесъ, но они съ старикомъ все спорили объ этомъ, когда вашъ сынъ уѣхалъ, и старикъ не соглашался его отослать. Онъ говоритъ — да, вотъ каковъ старикъ—говоритъ, что никто изъ его домашнихъ не долженъ мѣшаться въ дѣло, чтобъ не нажить непріятностей. Онъ дескать трактирщикъ и не долженъ терять ничьего знакомства.

— Онъ сокровище, сказалъ смѣясь мэстеръ Честеръ: — и тѣмъ драгоцѣннѣе, что глупъ. Ну, а еще что?

— Уарденова дочь, которую я поцаловалъ...

Digitized by Google

— И у которой отнялъ браслетъ на королевской большой дорогѣ, прибавилъ мэстеръ Честеръ спокойно.—Что жь она?

— Она написала у насъ записку барышнѣ, что потеряла письмо, которое я вамъ принесъ и которое вы сожгли. Она просила нашего Джоя отнести записку въ Кроличью-Засѣку, да старикъ продержалъ ето цѣлый день дома, потому-что не позволялъ и этого. Утромъ нашъ Джой отдалъ ее мнѣ; вотъ она.

— Такъ ты ея не отнесъ, пріятель? сказалъ мэстеръ Честеръ, будто удивившись и свертѣвъ пальцами записку Долли.

— Я подумалъ, она вамъ годится, отвѣчалъ Гогъ.—Одно сожгли, такъ и все сожжете, я думалъ.

— Чортъ тебя возьми, пріятель! сказалъ мэстеръ Честеръ:—право, если ты не умѣешь тоньше понимать обстоятельствъ, то твое поприще скоро прійдетъ къ концу. Развѣ ты не знаешь, что письмо, которое ты мнѣ принесъ, адресовано было къ моему сыну, который живетъ вотъ здѣсь, въ одномъ домѣ со мною? И ты не можешь найдти разницы между его письмами и такими, которыя адресуются къ постороннимъ людямъ?

— Если вамъ не нужна, сказалъ Гогъ, не мало смущенный тѣмъ, что его осудили тамъ, гдѣ онъ ждалъ похвалы:—отдайте мнѣ записку: я ее отнесу. Я не знаю, какъ вамъ угодить, мэстеръ.

— Я самъ ее отнесу, отвѣчалъ его благодѣтель и, подумавъ немного, положилъ ее въ сторону. — Выходитъ ли барышня гулять по утрамъ?

— Почти всегда, около полудня.

— Одна?

— Да, одна.

— Куда?

— На поля, что передъ домомъ,—тамъ, гдѣ идетъ тропинка.

— Если погода будетъ хороша, то завтра я, можетъ-быть, съ ней увижусь, сказалъ мэстеръ Честеръ, такъ непринужденно, какъ-будто она была одною изъ его знакомыхъ.—Мэстеръ Гогъ, если я заѣду въ Майское-Дерево, то, пожалуйста, ты видѣлъ меня только одинъ разъ. Скрой свою благодарность и постарайся забыть мое снисхожденіе насчетъ браслета. Очень естественно, что въ тебѣ есть такое чувство и оно дѣлаетъ тебѣ честь; но въ присутствіи другихъ, ты, для своей собственной безопасности, веди себя такъ обыкновенно, какъ будто ты мнѣ ничѣмъ не обязанъ и никогда не бывалъ здѣсь. Понимаешь?

Гогъ понималъ его какъ-нельзя-лучше. Послѣ небольшой паузы онъ пробормоталъ, что мэстеръ вѣрно не введетъ его въ бѣду за эту записку, потому-что онъ удержалъ ее только для угожденія ему. Такимъ тономъ продолжалъ онъ говорить, какъ мэстеръ Честеръ, с

Digitized by Google

самой благосклонной миной покровителя, прервалъ его слѣдующими словами:

— Любезный мой, даю тебѣ мое обѣщаніе, мое слово и подпись (потому-что у меня словесное обязательство столько жь важно, какъ и письменное) въ томъ, что я тебя не выдамъ, пока ты будешь этого стоять. Успокойся же и не опасайся, пожалуйста. Передъ тѣмъ, кто такъ вполнѣ, какъ ты, предается въ мои руки, я считаю себя нѣсколько обязаннымъ. Въ такихъ случаяхъ больше, нежели могу тебѣ сказать, я наклоненъ къ состраданію и снисходительности. Считай меня своимъ покровителемъ и будь увѣренъ, что ты, за свое маленькое безразсудство, пока мы останемся пріятелями, можешь быть такъ покоенъ, какъ любой человѣкъ въ мірѣ. Налей себѣ еще стаканъ для подкрѣпленія на дорогу; мнѣ, право, совѣстно, когда подумаю, какъ тебѣ далеко идти. Желаю тебѣ доброй ночи.

— Они дома воображаютъ, сказалъ Гогъ, вытянувъ вино: — что я сплю крѣпкимъ сномъ въ конюшнѣ. Ха, ха, ха! Конюшня-то заперта, да лошади нѣтъ.

— Ты настоящій весельчакъ, отвѣчалъ его доброжелатель: — и я больше всего люблю тебя за веселость. Доброй ночи! Будь какъ-можно-осторожнѣе, пожалуйста!

Замѣчательно, что въ-продолженіе всего этого разговора, оба они старались взглядывать другъ на друга украдкою и ни разу не посмотрѣли прямо въ лицо другъ другу. Когда Гогъ уходилъ, они обмѣнялись короткимъ и торопливымъ взглядомъ, потомъ отвели глаза и разстались. Гогъ медленно и тихо притворилъ за собою двойныя двери; мэстеръ Честеръ продолжалъ сидѣть въ своихъ креслахъ и пристально смотрѣлъ въ каминъ.

— Посмотримъ!, произнесъ онъ послѣ долгаго раздумья, глубоко вздохнувъ и безпокойно перемѣнивъ положеніе, какъ-будто выпуская посторонній предметъ изъ головы и снова возвращаясь къ тому, который занималъ его цѣлый день: — Заговоръ образуется; я пустилъ бомбу, и она долетитъ въ сорокъ восемь часовъ; кажется, это ужасно испугаетъ добрыхъ людей. Увидимъ!

Онъ легъ въ постель, долго не могъ заснуть и потомъ вскочилъ испуганный; ему показалось, что Гогъ стоитъ за наружною дверью и проситъ отворить совершенно чужимъ голосомъ. Обманъ былъ такъ силенъ и такъ наполнилъ его тѣмъ смутнымъ ужасомъ, который сопровождаетъ ночью подобныя видѣнія, что онъ взялъ свою шпагу, отворилъ дверь и на лѣстницѣ посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ спалъ Гогъ. Онъ даже кликнулъ его по имени. Но все было мрачно и тихо; онъ снова улегся въ постель, и еще съ часъ безпокойно ворочался съ-боку-на-бокъ, прежде, нежели удалось ему опять заснуть.

Digitized by Google

ГЛАВА XXIX.

Мыслями свѣтскихъ людей управляетъ всегда законъ моральнаго тяготѣнія, который, подобно физическому, влечетъ ихъ къ землѣ. Сіяющая роскошь дня и тихія прелести звѣздной ночи напрасно говорятъ ихъ сердцу. Ни солнце, ни мѣсяцъ, ни звѣзды не имѣютъ божественныхъ письменъ для ихъ ока. Они похожи на тѣхъ ученыхъ, которые каждую планету умѣютъ назвать ея латинскимъ именемъ, но вовсе не знаютъ такихъ небольшихъ созвѣздій на небѣ, каковы: благотворительность, снисхожденіе, человѣколюбіе, состраданіе, хоть они такъ ярко свѣтятъ ночью и днемъ, что всякій слѣпой можетъ ихъ видѣть; эти ученые, смотря на блистающее небо, видятъ въ немъ только отраженіе ихъ собственной глубокой книжной мудрости.

Странно, какъ эти свѣтскіе люди, глядя задумчиво на безчисленные міры, свѣтящіе надъ нами, видятъ только отраженіе тѣхъ образовъ, которые находятся въ головахъ ихъ. Кто живетъ въ атмосферѣ князей, тотъ не видитъ ничего, кромѣ звѣздъ на груди придворныхъ. Завистникъ даже на тверди видитъ достоинства ближняго; для скряги, корыстолюбца и массы свѣтскихъ людей вся вселенная на небѣ блещетъ чистыми червонцами, только-что съ монетнаго двора, и всегда становящимися между нами и небомъ, какъ бы они ни кружились и ни поворачивались. Такъ тѣни нашихъ страстей становятся между нами и нашими ангелами-хранителями и заслоняютъ ихъ свѣтлый блескъ.

Все было свѣжо и радостно, будто міръ сотворенъ былъ только въ это утро, когда мэстеръ Честеръ покойною рысью ѣхалъ по дорогѣ вдоль лѣса. Не смотря на раннюю весну, погода стояла теплая и ясная; деревья распускались, кустарники и травы зеленѣли, воздухъ былъ наполненъ мелодическимъ пѣніемъ птицъ, и высоко, поверхъ всего, пѣлъ жаворонокъ свои чудныя пѣсни. По тѣнистымъ мѣстамъ блистала утренняя роса на юныхъ листьяхъ и стебляхъ; гдѣ свѣтило солнце, тамъ горѣло еще нѣсколько алмазныхъ капель такъ ярко, словно имъ не хотѣлось, послѣ короткаго существованія, разстаться съ такимъ прекраснымъ міромъ. Даже легкій вѣтерокъ, котораго шелестъ звучалъ слуху такъ сладостно, какъ тихіе водопады, нашептывалъ о надеждахъ и обѣщаніяхъ, и означая свой воздушный слѣдъ пріятнымъ запахомъ, мимолетный, онъ говорилъ о своемъ сношеніи съ лѣтомъ и скоромъ его прибытіи.

Одинокій всадникъ продолжалъ ѣхать между деревьями, то скрываясь въ тѣни, то опять выѣзжая на солнце все тѣмъ же ровнымъ шагомъ; правда, отъ-времени-до-времени смотрѣлъ онъ вокругъ себя, не думая о днѣ и странѣ, по которой ѣхалъ, но помышляя только о

Digitized by Google

томъ, какъ онъ счастливъ, что стоитъ такая благопріятная погода, потому-что одѣтъ былъ въ отличное платье. Въ эти минуты онъ и улыбался очень самодовольно, какъ-будто находилъ въ самомъ-себѣ еще больше удовольствія, нежели въ окружающихъ предметахъ; онъ ѣхалъ на своемъ темно-гнѣдомъ иноходцѣ, столь же красивый наружностью, какъ его лошадь, но, вѣроятно, менѣе воспріимчивый для радостныхъ впечатлѣній окружающей его природы.

Скоро показались массивныя трубы Майскаго-Дерева; однако онъ не ускорилъ рыси и съ тою же спокойною величавостью подъѣхалъ къ дверямъ гостинницы. Джонъ Уиллитъ, который обжигалъ свое красное лицо передъ огнемъ въ трактирѣ, и съ необыкновенною предусмотрительностію начиналъ думать, что если это голубое небо и это состояніе погоды продолжатся, необходимо будетъ наконецъ прекратить топку печей и выставить окна, — Джонъ Уиллитъ вышелъ на крыльцо и держалъ ему стремя, громко зовя Гога.

— О, ты ужь тутъ? сказалъ Джонъ, нѣсколько пораженный скоростью появленія Гога. — Возьми это прекрасное животное въ конюшню и старайся о немъ какъ-можно-лучше, если не хочешь потерять мѣсто. Ужасно-лѣнивый малой, сэръ! за нимъ надобно смотрѣть да и смотрѣть.

— Но вѣдь у тебя есть сынъ? возразилъ мэстеръ Честеръ, слѣзая съ лошади и отдавъ поводья Гогу, на поклонъ котораго отвѣчалъ легкимъ поднятіемъ руки къ шляпѣ. — Почему ты *его* не употребляешь въ дѣло?

— Ну, правду сказать, сэръ, отвѣчалъ Джонъ съ важностію:—мой сынъ... что ты тутъ слушаешь, бездѣльникъ?

— Кто слушаетъ? возразилъ Гогъ сердито. — Конечно, *васъ* слышать, это что-то особенное! Развѣ можно отвести лошадь въ конюшню, пока она не простыла?

— Такъ води ее взадъ и впередъ, подальше отсюда, сэръ! вскричалъ старый Джонъ: — и когда видишь, что я разговариваю съ такимъ знатнымъ господиномъ, то наблюдай свое разстояніе и держись поодаль. Если ты не знаешь своего разстоянія, сэръ, прибавилъ мэстеръ Уиллитъ послѣ огромной паузы, въ-продолженіе которой устремилъ свои безсмысленные глаза на Гога и съ примѣрнымъ терпѣніемъ ждалъ, пока ему прійдетъ въ голову какая-нибудь мысль, которою бы могъ онъ владѣть: — то мы ужь найдемъ средства и способы научить тебя этому...

Гогъ пожалъ насмѣшливо плечами и отошелъ съ своею дерзкою, дикой манерою на другую сторону маленькаго луга, гдѣ перебросилъ за плечо поводья, сталъ проваживать лошадь взадъ и впередъ и отъ-времени-до-времени бросалъ изъ-подъ своихъ густыхъ бровей мрачные взгляды на хозяина.

Digitized by Google

Мэстеръ Честеръ, который, не подавая вида, внимательно наблюдалъ за нимъ въ-продолженіе этого короткаго разговора, вошелъ въ свои и сказалъ, вдругъ оборотясь къ Уиллиту:

— У тебя странные люди, Джонъ!

—Онъ довольно-страненъ наружностью, это правда, сэръ, отвѣчалъ трактирщикъ: — но внѣ дома, что касается до хожденья за лошадьми, собаками и тому подобнымъ скотомъ, въ цѣлой Англіи нѣтъ малаго лучше, какъ Гогъ изъ Майскаго-Дерева. Для комнаты онъ не годится, прибавилъ мэстеръ Уиллитъ съ снисходительною довѣрчивостью человѣка, ясно сознающаго собственное превосходство: — на это я уже беру свои мѣры; но еслибъ малой имѣлъ хоть немножко воображенія, сэръ...

— Онъ впрочемъ расторопный молодецъ, я готовъ за это побожиться, сказалъ мэстеръ Честеръ задумавшись, такъ-что можно было бы подумать, что онъ то же бы сказалъ, еслибъ его и нѣкому было услышать.

— Расторопный, сэръ? возразилъ Джонъ почти съ оживившимся лицомъ: — этотъ малой? Эй, ты, сэръ! подай сюда лошадь и повѣсь мой парикъ на флюгеръ, чтобъ показать господину, что ты ловкій, живой малой.

Гогъ не отвѣчалъ ни слова, бросилъ хозяину поводья и сорвалъ у него съ головы парикъ такъ поспѣшно и непочтительно, что мэстеръ Уиллитъ нѣсколько смутился, хоть это и сдѣлалось по его приказанію; потомъ проворно вскарабкался на верхушку майскаго дерева и повѣсилъ парикъ на флюгеръ, такъ, что онъ закружился, какъ на вертелѣ. Кончивъ штуку, онъ бросилъ парикъ на землю, скользнулъ по бревну съ непостижимою скоростью внизъ и въ одно мгновеніе очутился на ногахъ.

— Ну, видите ли, сэръ, сказалъ Джонъ, впадая опять въ свою обыкновенную тупость: — это вамъ едвали гдѣ-нибудь случится видѣть, кромѣ Майскаго-Дерева, гдѣ есть хорошая прислуга для людей и скота, хоть это у него еще ничто, просто бездѣлица...

Послѣднее замѣчаніе относилось къ тому, какъ Гогъ въ прежній пріѣздъ мэстера Честера ловко вольтижировалъ и проскочилъ съ лошадью въ дверь конюшни.

— Это еще ничто у него, повторилъ мэстеръ Уиллитъ, отряхая рукою пыль съ парика и внутренно рѣшившись за пыль и поврежденіе на парикѣ приписать на счетъ лишку между итогами: — онъ, я думаю, вскочитъ почти въ любое окошко въ домѣ. Такого малаго, который вертится какъ колесо и не повредитъ себѣ ни одного члена, никогда еще не бывало. По моему мнѣнію, сэръ, это происходитъ только отъ-того, что у него нѣтъ ни малѣйшаго воображенія, и

Digitized by Google

еслѝъ можно ему вдолбить воображеніе въ голову, онъ уже не могъ бы этого дѣлать. Но вѣдь вы заговорили о моемъ сынѣ, сэръ.

— Правда, Уиллитъ, правда, сказалъ гость, обратясь къ нему снова съ обыкновенной привѣтливостью на лицѣ. — Что̀ съ нимъ, мой другъ?

Говорятъ, мэстеръ Уиллитъ мигнулъ прежде, нежели сталъ отвѣчать. Но какъ извѣстно, что мэстеръ Уиллитъ никогда ни прежде, ни послѣ, не бывалъ виновенъ въ такой вѣтрености, то это можно почесть за коварную выдумку враговъ, которая основана, можетъ-быть, на томъ неоспоримомъ обстоятельствѣ, что онъ взялъ своего гостя за третью пуговицу кафтана, считая отъ подбородка, и сказалъ ему отвѣтъ на-ухо.

— Сэръ, шепталъ важно Джонъ:—я знаю свою обязанность. Намъ не нужно здѣсь любовныхъ исторій, сэръ, тайкомъ отъ родителей. Я уважаю нѣкотораго молодаго господина, какъ господина; я уважаю нѣкоторую барышню, какъ барышню; но чтобъ они были парою, объ этомъ я не хочу ничего знать, сэръ, рѣшительно ничего. Сынъ мой, сэръ, на патрулѣ.

— Мнѣ показалось, однако, что онъ сейчасъ выглядывалъ изъ угольнаго окошка, сказалъ мэстеръ Честеръ: — который натурально думалъ, что быть на патрулѣ, значило ходить туда и сюда гдѣ-нибудь.

— Вы точно его видѣли, сэръ, отвѣчалъ Джонъ.—Онъ далъ свой патрулъ, и не выходитъ изъ дома, сэръ. Я и нѣкоторые пріятели мои и пріятели Майскаго - Дерева, сэръ, разсуждали, что̀ съ нимъ лучше всего сдѣлать, чтобъ онъ не могъ предпринять ничего противъ вашихъ желаній, и мы взяли съ него патруль. И еще, сэръ, онъ порядочно подождетъ, пока я сниму съ него патруль, могу васъ увѣрить.

Сообщивъ эту прекрасную мысль, родившуюся отъ-того, что пріятели читали въ газетѣ, какъ одинъ офицеръ во время военнаго суда отпущенъ былъ на честное слово (пароль), мэстеръ Уиллитъ отошелъ отъ уха своего гостя и усмѣхнулся три раза очень-явственно, но безъ всякой перемѣны въ лицѣ. Это наибольшее приближеніе къ смѣху, какое онъ когда-либо позволялъ себѣ (и то рѣдко, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ), ни разу однако не косило его губъ и не производило ни малѣйшаго измѣненія — нѣтъ, ниже легкаго колебанія, въ его большомъ, жирномъ двойномъ подбородкѣ, который при этихъ и другихъ случаяхъ оставался совершенною степью на широкой ландкартѣ его лица, неизмѣнною, пустынною, страшною степью.

Чтобъ никого не удивляло, какъ мэстеръ Уиллитъ позволилъ себѣ такую вольность съ господиномъ, который часто у него останавливался и всегда исправно платилъ за свои посѣщенія Майскому-Дере-

Digitized by Google

ну, мы должны замѣтить, что его проницательность подала ему поводъ предаваться такимъ необычайнымъ выходкамъ веселости, каковы разсказанныя нами. Мэстеръ Уиллитъ тщательно взвѣсилъ отца и сына на своихъ умственныхъ вѣсахъ и пришолъ къ тому ясному заключенію, что старый господинъ лучшій посѣтитель, нежели молодой. Когда онъ на ту же чашку, и то уже довольно-тяжелую, бросилъ еще своего помѣщика и, сверхъ того, прибавилъ свое собственное сильное желаніе дѣлать все вопреки несчастному Джою, вмѣстѣ съ отвращеніемъ, какое питалъ ко всѣмъ любовнымъ и брачнымъ исторіямъ, тогда одна чашка упала почти до пола, а другая съ молодымъ Честеромъ взлетѣла почти до потолка. Мэстеръ Честеръ былъ не столько близорукъ, чтобъ не разгадать пружинъ уиллитовыхъ поступковъ, но не смотря на то, благодарилъ его такъ усердно, какъ одного изъ самыхъ безкорыстныхъ мужей, какіе когда-либо блистали на землѣ; потомъ, съ множествомъ лестныхъ увѣреній, что вполнѣ полагается на его вкусъ и выборъ, велѣлъ ему приготовить обѣдъ, какой самъ онъ найдетъ приличнымъ, и направилъ шаги къ Кроличьей-Засѣкѣ.

Одѣтый изящнѣе обыкновеннаго, съ пріятною осанкою, которая, будучи плодомъ долгаго изученія, была однако непринужденна и очень шла къ нему, съ самымъ привѣтливымъ и самымъ привлекательнымъ выраженіемъ лица, словомъ, со всевозможнымъ вниманіемъ къ себѣ, свидѣтельствовавшимъ о великой важности, какую онъ придавалъ впечатлѣнію, которое хотѣлъ произвести собою, вступилъ мэстеръ Честеръ въ мѣста, гдѣ миссъ Гэрдаль обыкновенно прогуливалась.

Онъ еще не далеко прошелъ и недолго смотрѣлъ кругомъ, какъ увидѣлъ женскую фигуру, которая шла къ нему на встрѣчу черезъ деревянный мостикъ. Легкаго взгляда на ея наружность и одежду, достаточно было, чтобъ увѣриться, что онъ встрѣтилъ ту, съ которою желалъ говорить. Онъ пошелъ ей на встрѣчу и черезъ нѣсколько шаговъ былъ передъ нею.

Онъ поклонился и посторонился съ дороги; потомъ, какъ-будто ему только-что въ эту минуту пришла мысль, онъ быстро оборотился и сказалъ встревоженнымъ голосомъ:

— Прошу извиненія — не съ миссъ ли Гэрдаль имѣю честь говорить?

Смутившись нѣсколько такимъ неожиданнымъ вопросомъ незнакомца, она остановилась и отвѣчала: — Да-съ.

— Что-то сказало мнѣ, что это должны быть вы, — началъ онъ, дѣлая ей комплиментъ взглядомъ. — Миссъ Гэрдаль, я ношу имя, которое не незнакомо вамъ, которое — горжусь этимъ и вмѣстѣ страдаю — пріятно звучитъ въ вашемъ слухѣ. Я человѣкъ въ

Digitized by Google

лѣтахъ, какъ вы видите. Я отецъ того, кого вы отличаете и уважаете передъ всѣми прочими мужчинами. Могу ли по важнымъ причинамъ, меня озабочивающимъ, просить вашего вниманія на одну минуту?

Какое неопытное въ притворствѣ, открытое, юное сердце усомнилось бы въ правдивости говорящаго, особливо, когда голосъ, который говорилъ, звучалъ легкимъ эхомъ другаго столь знакомаго, столь любимаго голоса? Она склонила передъ нимъ голову и стояла, потупивъ глаза.

—Не угодно ли вамъ отойдти нѣсколько въ сторону—вотъ къ этимъ деревьямъ. Рука пожилаго человѣка, миссъ Гэрдаль,—честнаго человѣка, повѣрьте мнѣ.

Она подала ему, при этихъ словахъ, свою руку и отошла съ нимъ къ ближней скамейкѣ.

— Вы пугаете меня, сэръ, произнесла она тихо. — Надѣюсь, вы пріѣхали не съ дурными извѣстіями?

— Не съ такими дурными, какъ вы, можетъ-быть, воображаете, отвѣчалъ онъ, садясь подлѣ нея.—Эдвардъ здоровъ, совершенно здоровъ. Правда, я хочу говорить о немъ, однакожъ съ нимъ не случилось никакого несчастія.

Она опять склонила голову и, казалось, желала, чтобъ онъ продолжалъ, но сама не говорила ни слова.

— Очень чувствую, что я не въ выгодномъ положеніи, говоря съ вами, безцѣнная миссъ Гэрдаль. Повѣрьте, я не столько забылъ чувства моей молодости, чтобъ не знать, что вы не слишкомъ будете расположены смотрѣть на меня благосклонно. Меня описывали вамъ холоднымъ, разсчетливымъ, эгоистомъ...

— Никогда, сэръ, прервала она его твердымъ голосомъ, вся перемѣнясь въ лицѣ.—Никогда не слыхала я объ васъ отзывовъ дурныхъ и непочтительныхъ. Вы очень несправедливы къ Эдварду, если почитаете его способнымъ къ какому-нибудь низкому и недостойному поступку.

— Извините, сударыня; но дядюшка вашъ...

— И дядюшка мой не таковъ, возразила она съ яркимъ румянцемъ. —Ни у него нѣтъ привычки заочно злословить людей, ни я не люблю подобныхъ разсказовъ.

Она встала, сказавъ это, и хотѣла уйдти; но онъ кротко удержалъ ее и такъ убѣдительно просилъ выслушать его еще одну минуту, что она легко согласилась опять присѣсть.

— И это-то открытое, благородное, великодушное сердце, сказалъ мистеръ Честеръ, со вздохомъ, будто про себя: — терзаешь ты такъ легкомысленно, Нэдъ! Позоръ, позоръ тебѣ, молодой человѣкъ!

Она быстро обернулась къ нему съ презрительнымъ взглядомъ и

Digitized by Google

сверкающими глазами. На глазахъ у мэстера Честера были слезы, но онъ поспѣшно подавилъ ихъ, какъ-будто не хотѣлъ показать своей слабости, и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и состраданіемъ.

— Никогда я не думалъ, сказалъ онъ: — чтобъ вѣтреность молодаго человѣка такъ возмутила меня, какъ возмущаетъ теперь вѣтреность моего роднаго сына. До-сихъ-поръ я не зналъ еще цѣны женскому сердцу, которое молодые люди такъ легкомысленно привлекаютъ къ себѣ и такъ легкомысленно покидаютъ. Повѣрьте мнѣ, сударыня, только теперь узналъ я всю цѣну вамъ; хотя отвращеніе отъ лжи и притворства заставило меня пріѣхать къ вамъ, и хоть я то же бы самое сдѣлалъ, еслибъ вы были самою бѣдною, и самою не блестящею изъ своего пола, однакожь, у меня не достало бы духа на это посѣщеніе, еслибъ я въ моемъ воображеніи представлялъ васъ такою, каковы вы на-самомъ-дѣлѣ.

О, еслибъ мистриссъ Уарденъ видѣла героя добродѣтели, какое благородное негодованіе блеснуло бы въ ея взорахъ при этихъ словахъ! о, еслибъ она слышала прерывистый, дрожащій звукъ его голоса, какъ онъ съ обнаженною головою стоялъ на солнцѣ и съ необыкновенною энергіей предавался потоку своего краснорѣчія!

Безмолвно и съ гордымъ видомъ, но также блѣдная и трепещущая, смотрѣла на него Эмма. Она не говорила, не трогалась съ мѣста, и смотрѣла на него, будто желая проникнуть въ глубину его сердца.

— Сбрасываю съ себя оковы, которыя врожденная любовь наложила бы на другаго, сказалъ мэстеръ Честеръ: — разрываю всѣ узы, кромѣ узъ истины и долга. Миссъ Гэрдаль, вы обмануты, обмануты вашимъ недостойнымъ любовникомъ, моимъ недостойнымъ сыномъ.

Она все еще пристально глядѣла на него и все еще не говорила ни слова.

— Я всегда былъ противъ него, когда онъ расточался въ увѣреніяхъ о своей любви къ вамъ; вы будете справедливы ко мнѣ, любезная миссъ Гэрдаль, и вспомните это обстоятельство. Съ дядюшкой вашимъ мы давнишніе враги, и еслибъ я желалъ мщенія, тутъ мнѣ представился бы къ нему прекрасный случай. Но съ лѣтами становимся мы умнѣе — добрѣе, смѣлъ бы я сказать — и съ самаго начала воспротивился я этому его намѣренію. Я предвидѣлъ конецъ и съ радостью предостерегъ бы васъ отъ такого страданія, еслибъ только имѣлъ возможность.

— Говорите прямо, сэръ:—пролепетала она.—Или вы меня обманываете, или сами обманываетесь. Я не вѣрю вамъ, не могу, не смѣю вамъ повѣрить.

— Прежде всего, сказалъ Честеръ, успокоивая ее:—можетъ-быть, въ вашемъ сердцѣ еще таится нѣкоторая досада, которою я не хочу пользоваться. Не угодно ли вамъ взять это письмо? Оно случайно, по

Digitized by Google

ошибкѣ, попало мнѣ въ руки и содержитъ, какъ мнѣ сказали, извиненіе моего сына, что онъ не отвѣчалъ на ваше письмецо. Боже избави, миссъ Гэрдаль, продолжалъ добрый человѣкъ, сильно растроганный: —чтобъ ваше нѣжное сердце раздражалось противъ него безъ причины! Вы должны знать и увидите, вѣроятно, что, по-крайней-мѣрѣ, здѣсь онъ невиненъ.

Въ этой манерѣ было такъ много добросовѣстной, неподдѣльной правдивости, нѣчто такое, что дѣлало говорящаго столь достойнымъ довѣрія, что Эмма наконецъ потеряла твердость. Она отвернулась и зарыдала.

— Я хотѣлъ, сказалъ мастеръ Честеръ, наклонясь къ ней, кроткимъ и почтительнымъ тономъ:—я хотѣлъ, любезная миссъ... мое намѣреніе было исцѣлить вашу горесть, а не увеличивать ее. Мой сынъ, мой заблуждающійся сынъ... не называю его преднамѣренно преступнымъ, потому-что такіе молодые люди, которые уже были два, три раза непостоянны, поступаютъ не разсуждая, почти не зная виновности своего поступка,—нарушить клятву, вамъ данную, даже уже нарушилъ ее. Остановиться ли мнѣ на этомъ и, указавъ вамъ предостереженіе, ждать, пока оно оправдается, или продолжать?

— Продолжайте, сэръ, отвѣчала она: — говорите еще яснѣе, чтобъ отдать справедливость какъ ему, такъ и мнѣ.

— Безцѣнная миссъ, сказалъ Честеръ, наклонясь къ ней, еще съ большимъ участіемъ: — вы, которую я съ радостью назвалъ бы дочерью, еслибъ позволила судьба! Эдвардъ ищетъ разрыва съ вами подъ пустымъ, вымышленнымъ предлогомъ. Я знаю это отъ него самого; у меня есть это, писанное его собственною рукою. Не осуждайте меня, что я за нимъ подсматривалъ: я отецъ ему; я заботился о вашемъ спокойствіи и объ его чести; другаго способа мнѣ не оставалось. Въ эту минуту лежитъ у него на бюро письмо, приготовленное къ вамъ, гдѣ онъ говоритъ, что наша бѣдность — наша бѣдность, его и моя, миссъ Гэрдаль, не позволяетъ ему надѣяться получить вашу руку, разрѣшаетъ васъ отъ данной ему клятвы и (такъ обыкновенно говорятъ мужчины въ подобныхъ случаяхъ) намекаетъ, что впослѣдствіи будетъ достойнѣе вашего уваженія, и такъ далѣе. Въ письмѣ этомъ, говоря откровенно, онъ явно шутитъ надъ вами — извините выраженіе; ссылаюсь на вашу гордость и ваше сознаніе собственнаго достоинства:—шутитъ, въ угодность, какъ опасаюсь, той особѣ, чья холодность внушила ему кратковременную страсть къ вамъ, такъ, что она проистекала только изъ оскорбленнаго самолюбія, и онъ еще ставитъ это себѣ въ заслугу и добродѣтель.

Она еще разъ гордо взглянула на него, будто по невольному побужденію, но потомъ отвѣчала, задыхаясь отъ волненія:—Если нрав-

Digitized by Google

да, что вы говорите, то напрасно онъ много безпокоится, сэръ, объ исполненіи своего намѣренія. Онъ слишкомъ-нѣжно заботится о моемъ душевномъ спокойствіи. Право, я очень ему благодарна за это.

— Истину того, что я сказалъ, сударыня, возразилъ онъ:—докажетъ вамъ полученіе или неполученіе письма, о которомъ я говорю... Гэрдаль, любезный другъ, чрезвычайно радъ васъ видѣть, хоть мы встрѣчаемся въ странныхъ обстоятельствахъ и по непріятному поводу. Надѣюсь, вы совершенно здоровы.

При этихъ словахъ, Эмма подняла глаза, наполненные слезами; увидѣвъ въ-самомъ-дѣлѣ передъ собою дядю, и не будучи уже въ состояніи ничего ни слушать, ни говорить, она поспѣшно встала и удалилась. Оба джентльмена стояли, то смотря ей вслѣдъ, то глядя одинъ на другаго, и долго ни одинъ изъ нихъ не промолвилъ ни слова.

— Что это значитъ? сказалъ напослѣдокъ мэстеръ Гэрдаль.—Объясните. Какъ вы очутились здѣсь и съ нею?

— Любезный другъ, отвѣчалъ тотъ, съ необыкновенною быстротою принявъ свою обычную наружность и въ утомленіи опустившись на скамью:—недавно, въ томъ прекрасномъ старомъ домѣ, котораго вы почтенный владѣтель (а точно, прелестный домъ для людей крѣпкаго здоровья, неподверженныхъ насморку), вы сказали мнѣ, что у меня дьявольское искусство на всякаго рода притворство. Тогда я, право, подумалъ, что вы мнѣ льстите. Но теперь начинаю удивляться вашей быстрой наблюдательности, и безъ хвастовства въ-самомъ-дѣлѣ думаю, что вы сказали правду. Случалось ли когда-нибудь вамъ играть роль благороднаго негодованія и необыкновеннаго чистосердечія? Любезный другъ, если вы этого не испытали, то представить не можете, какъ послѣ того чувствуешь себя слабымъ, какъ это утомляетъ!

Мэстеръ Гэрдаль окинулъ его взглядомъ холоднаго презрѣнія.—Я знаю, вы съумѣете отдѣлаться отъ объясненія, сказалъ онъ, складывая руки.—Но оно мнѣ нужно. Я подожду.

— Совсѣмъ нѣтъ, любезный другъ. Вамъ не надобно ждать ни минуты, возразилъ пріятель, кладя одну ногу на другую.—Самая простая вещь, сущіе пустяки! Недъ написалъ къ ней письмо—дѣтскую, добродѣтельную, сантиментальную выходку, которая до-сихъ-поръ еще лежитъ у него на конторкѣ, потому-что у него не достало духа отправить. Я позволилъ себѣ небольшую вольность, достаточно извиняемую моей родительской любовью и попеченіемъ, и прочелъ письмо... Я разсказалъ вашей племянницѣ (прелестная дѣвушка, Гэрдаль, настоящій ангелъ!) содержаніе письма, разумѣется, съ небольшими прикрасами, какъ того требовала моя цѣль. Дѣло сдѣлано. Будьте совершенно спокойны. Все кончено. У ней нѣтъ ни друзей,

Digitized by Google

ни посредниковъ; возбуждена самая жестокая ревность и глубоко оскорблено самолюбіе; разувѣрять ее нѣкому, а вы, вѣроятно, еще постараетесь утвердить ее въ мнѣніи, которое я поселилъ, и увидите, что съ отвѣтомъ на письмо связь ихъ кончится. Если завтра въ полдень она получитъ подово письмо, то смѣло можете считать ихъ разрывъ съ завтрашняго вечера. Безъ благодарностей, сдѣлайте одолженіе; вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Я дѣйствовалъ *для себя;* и если добивался цѣли нашего договора со всею ревностью, какой только вы сами могли пожелать, то дѣлалъ это, право, изъ своихъ видовъ.

— Отъ всей души, отъ всего сердца проклинаю нашъ договоръ, какъ вы называете, возразилъ Гэрдаль. — Онъ заключенъ въ недобрый часъ. Я взялъ на себя ложь, связался съ вами, и хоть сдѣлалъ это по доброму побужденію, и хоть это стоило мнѣ такихъ усилій, какія знакомы, можетъ-быть, немногимъ, однакожь все-таки я презираю самъ себя за этотъ поступокъ.

— Вы начинаете горячиться, замѣтилъ съ улыбкою мэстеръ Честеръ.

— Да, я горячусь. Ваша холодность приводитъ меня въ бѣшенство. Клянусь вамъ, Честеръ, теки въ вашихъ жилахъ болѣе горячая кровь и не будь обстоятельствъ, которыя меня останавливаютъ и удерживаютъ — ну, такъ и быть, дѣло кончено, какъ вы мнѣ сказали; въ такихъ вещахъ можно и вамъ повѣрить. Когда совѣсть будетъ терзать меня за эту измѣну, я стану вспоминать объ васъ и вашей женитьбѣ, чтобъ въ такихъ воспоминаніяхъ найдти оправданіе, что я ничего не пощадилъ для разлученія Эммы съ вашимъ сыномъ. Теперь союзъ нашъ прерванъ, и мы можемъ разстаться.

Мэстеръ Честеръ ласково сдѣлалъ ему рукою, и съ тѣмъ же спокойнымъ видомъ, какой сохранялъ во все время — даже тогда, какъ собесѣдникъ его въ припадкѣ страсти дрожалъ всѣмъ тѣломъ — продолжалъ небрежно лежать на скамейкѣ, смотря въ слѣдъ удаляющемуся.

— Ты былъ моимъ вьючнымъ осломъ въ школѣ, сказалъ онъ, приподнявъ голову и провожая его глазами: — ты, въ-послѣдствіи, былъ моимъ другомъ, который, завоевавъ любезную, не умѣлъ удержать ее за собою, а столкнулъ съ нею меня, такъ-что награда досталась мнѣ; я торжествую надъ тобой и въ настоящемъ, и въ прошедшемъ. Лай себѣ, грязная, злая деревенская собака! счастіе все-таки на моей сторонѣ. Пожалуй, я готовъ тебя слушать.

Мѣсто, гдѣ они встрѣтились, было въ аллеѣ. Мэстеръ Гэрдаль уходилъ прямо по ней. Прошедши значительное разстояніе, онъ случайно оглянулся, и какъ мэстеръ Честеръ между-тѣмъ всталъ и смотрѣлъ ему въ слѣдъ, то онъ остановился, будто поджидая, что Честеръ пойдетъ за нимъ.

Digitized by Google

— Можетъ-быть, и дойдетъ до этого, только не нынче, сказалъ Честеръ, послав ему, какъ другу, поцалуй рукою и отвернувшись. — Нѣтъ, Гэрдаль. Въ жизни еще довольно радостей для меня; еще довольно горестей и мукъ для тебя. Нѣтъ! Обнажить шпагу на такого человѣка, уступить его капризу, прежде чѣмъ дошло до крайности—было бы просто глупость.

Дорогою, однакожь, онъ вынулъ свою шпагу изъ ноженъ и въ какой-то забывчивости осматривалъ ее двадцать разъ съ острія до рукояти. Но раздумье наводитъ морщины; онъ вспомнилъ это и вложилъ шпагу въ ножны, пригладилъ волосы, напѣвая веселую арію, и опять сталъ какъ ни въ чемъ не бывало.

ГЛАВА XXX.

Есть подлые люди, говоритъ старинная пословица, которымъ протяни мизинецъ, они захотятъ всей руки. Не приводя громкихъ примѣровъ тѣхъ геройскихъ бичей человѣчества, которыхъ достолюбезная жизнь отъ колыбели до могилы была цѣпью пожаровъ, кровопролитій и разрушеній, и которые, кажется, жили для того только, чтобъ показать человѣчеству, что безъ нихъ земля была бы раемъ—не приводя такихъ великихъ примѣровъ, довольно будетъ указать на стараго Джона Уиллита.

Ограничивъ уже еще на добрый дюймъ свободу Джоя, а въ дѣлѣ честныхъ словъ захвативъ цѣлый голландскій футъ, старый Джонъ сдѣлался такимъ деспотомъ, что его жажда завоеваній ужь не знала границъ. Чѣмъ покорнѣе оказывался молодой Джой, тѣмъ самовластнѣе становился старый Джонъ. Фута стало недостаточно: старый Джонъ подвигался впередъ саженями и верстами, обрубая тамъ отросточекъ, тутъ какую-нибудь небольшую вольность въ словахъ или на дѣлѣ, и подлинно, въ своей тѣсной сферѣ оказывалъ такое жь самовластное величество, какъ самый знаменитый тиранъ древнихъ временъ.

Такъ-какъ великіе люди бываютъ увлекаемы и понуждаемы (если только они позволяютъ себя принуждать, что рѣдко случается) къ злоупотребленію своего могущества льстецами и угодниками, то и старый Джонъ подстрекаемъ былъ къ проявленію своей власти одобреніемъ и похвалами своихъ трактирныхъ пріятелей, которые во время паузъ на ихъ еженочныхъ табачныхъ и пьяныхъ засѣданіяхъ, покачивали головами и говорили, что мэстеръ Уиллитъ человѣкъ прочнаго стараго покроя, который не набиваетъ голову нововыпеченными, модными идеями; напоминаетъ имъ точь-въ-точь то, что были ихъ отцы, когда еще они-сами были мальчишками; что онъ не прошибется

Digitized by Google

ни въ чемъ; что Англія была бы счастлива, еслибъ было побольше отцовъ, похожихъ на него, но ихъ, увы! нѣтъ, — и тому подобныя оригинальныя замѣчанія.

При этомъ, они снисходительно толковали Джою, что все это ему же къ лучшему, и что со-временемъ онъ еще самъ вспомнитъ объ этомъ съ благодарностью; особливо же мэстеръ Коббъ старался ему объяснить, что ему (Коббу) самому, когда онъ былъ ребенкомъ, отецъ часто безъ всякихъ причинъ давалъ то толчокъ, то пощечину, то затрещину, то какое-нибудь другое подобное родительское увѣщаніе; и при этомъ съ значительнымъ взглядомъ замѣчалъ, что безъ такого благоразумнаго воспитанія, онъ никогда бъ не сдѣлался такимъ, какимъ былъ во время теперешняго разговора, что̀ казалось очень вѣроятнымъ, ибо онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ величайшій болванъ во всемъ кружкѣ. Словомъ, ни одного несчастнаго юноши столько не дразнили, не обижали и не терзали, какъ бѣднаго Джоя Уиллита. Старый Джонъ съ своими пріятелями перекидывали его другъ къ другу, до того, что жизнь опротивѣла ему.

Это было обычное и законное положеніе дѣлъ; но какъ Джону хотѣлось похвастать своею властью передъ мэстеромъ Честеромъ, то въ этотъ день онъ превзошелъ самого-себя, терзалъ и мучилъ своего сына и наслѣдника до такой степени, что, еслибъ Джой не далъ торжественнаго обѣта держать руки въ карманахъ, когда имъ не было особаго занятія, — нельзя утвердительно сказать, что̀ бы онъ ими сдѣлалъ. Но и у самаго длиннаго дня есть конецъ, и мэстеръ Честеръ сошелъ напослѣдокъ съ лѣстницы садиться на коня, который осѣдланный стоялъ у дверей.

Такъ-какъ стараго Джона не случилось на-ту-пору, то Джой, сидѣвшій въ трактирѣ и размышлявшій о своей горькой судьбѣ и о многоразличныхъ совершенствахъ Долли Уарденъ, выбѣжалъ поддержать гостю стремя и помочь сѣсть въ сѣдло. Только-что мэстеръ Честеръ успѣлъ вскочить на лошадь, только-что Джой собирался сдѣлать ему учтивый поклонъ, какъ старый Джонъ выбѣжалъ опрометью и схватилъ сына за-воротъ.

— Нѣтъ, сэръ, вскричалъ Джонъ:—не такъ. Не обманешь. Какъ ты смѣлъ выйдти за дверь безъ спроса? Ты хочешь убѣжать, сэръ, и опять взбѣсить? Что жь ты задумалъ? а, сэръ?

— Пустите меня, батюшка, сказалъ умоляющимъ голосомъ Джой, видя, что гость съ злобной радостью улыбается его униженію.—Это ужь слишкомъ! Кто хочетъ убѣжать?

— Кто хочетъ убѣжать! вскричалъ Джонъ, тормоша его. — Ты, сэръ, ты хотѣлъ убѣжать. Ты вѣдь такой молодецъ, сэръ, прибавилъ Джонъ, держа одною рукою его за-воротъ, а другою сопровождая

Digitized by Google

поклонъ гостю: — что бѣгаешь по чужимъ домамъ и ссоришь знатныхъ господъ съ сыновьями, не такъ ли, а? Молчать, сэръ!

Джой ужь не отвѣчалъ ни слова. Униженіе его дошло до послѣдней степени въ этой сценѣ. Онъ вырвался изъ рукъ отца, бросилъ гнѣвный взглядъ на уѣзжающаго и воротился домой.

— Еслибъ не *она*, думалъ Джой, облокотясь на столъ и положивъ на него руки: — еслибъ не Долли, передъ которой больно мнѣ слыть за мерзавца, какимъ они меня представятъ, если убѣгу — нынѣче же ночью разстался бъ я съ этимъ домомъ.

Какъ дѣло было вечеромъ, то Соломонъ Дэйзи, Томъ Коббъ и долговязый Паркесъ уже сидѣли у хозяина и видѣли въ окошко все, что происходило. Скоро вошелъ и мэстеръ Уиллитъ, и спокойно отвѣчалъ на поклоны пріятелей; потомъ онъ закурилъ трубку и сѣлъ между ими.

— Посмотримъ, джентльменъ, сказалъ послѣ долгаго молчанія Джонъ: — кто здѣсь господинъ и кто нѣтъ. Посмотримъ, мальчикъ ли станетъ распоряжаться человѣкомъ, или человѣкъ мальчикомъ.

— И дѣло! сказалъ Соломонъ Дэйзи, кивая головою въ знакъ одобренія:—дѣло, Джонни. Хорошо, Джонни. Славно сказано, мэстеръ Уиллитъ. Браво, сэръ!

Джонъ медленно обернулъ къ нему свои большіе глаза, посмотрѣлъ нѣсколько времени и наконецъ отвѣчалъ, къ неописанному изумленію слушателей:—Когда мнѣ понадобится ваше одобреніе, я попрошу его у васъ, сэръ. Не трогайте только меня, сэръ; я найду и безъ васъ дорогу. Отвяжитесь отъ меня, сэръ, прошу васъ покорно.

— Да не сердись, Джонни; право, я не хотѣлъ сказать ничего обиднаго, бормоталъ маленькій человѣчекъ.

— Пусть такъ, сэръ, сказалъ Джонъ, ставъ съ послѣдней побѣды упрямѣе обыкновеннаго.—Пусть ужь будетъ такъ, сэръ. Кажется, я довольно крѣпко стою на ногахъ, сэръ; вамъ нѣчего меня поддерживать! Послѣ такого сильнаго возраженія, Уиллитъ опять устремилъ глаза на котелъ и впалъ въ родъ табачнаго очарованія.

Веселое расположеніе собесѣдниковъ такъ было подавлено грубою выходкою трактирщика, что долго никто не произносилъ ни слова; первый вызвался на разговоръ мэстеръ Коббъ, вставшій вытряхнуть золу изъ трубки, и сказалъ, что Джой вѣрно съ этихъ поръ научится во всемъ слушаться отца; что нынѣче онъ узналъ въ отцѣ человѣка, съ которымъ нельзя шутить, и что онъ, говоря поэтически, совѣтуетъ ему впередъ бояться взгляда.

— Я, съ своей стороны, совѣтую вамъ, отвѣчалъ Джой, вспыхнувъ:—не говорить со мною.

— Молчать, сэръ! закричалъ Уиллитъ, пробудившись вдругъ отъ своей дремоты и оборачиваясь.

Digitized by Google

— Не хочу молчать, батюшка! воскликнулъ Джой, ударивъ по столу кулакомъ такъ, что кружки и стаканы зазвенѣли:—довольно, что и отъ васъ я терплю такія вещи; а отъ другихъ я ихъ не намѣренъ сносить. Повторяю, мэстеръ Коббъ, не говорите со мною.

— Э, что же ты за птица, Джой, сказалъ Коббъ насмѣшливо: — что съ тобой и говорить нельзя, а?

Джой не отвѣчалъ ни слова, но, значительно покачавъ головою, сѣлъ на прежнее мѣсто, на которомъ и дождался бы спокойно обряда запиранія воротъ, еслибъ Коббъ, подстрекаемый удивленіемъ общества къ дерзости молодаго человѣка, не началъ опять разныхъ колкостей, которыхъ ни одно живое созданіе не могло бы вынесть. Вспомнивъ въ эту минуту всѣ обиды и мученья цѣлыхъ годовъ, Джой вскочилъ, опрокинулъ столъ, бросился на своего врага, напалъ на него всѣми силами, и прогналъ его наконецъ къ кучѣ плевальныхъ ящиковъ, стоявшей въ углу, такъ-что мэстеръ Коббъ съ страшнымъ громомъ повалился на полъ, гдѣ остался оглушенный и неподвижный. Джой не дожидался отъ окружающихъ поздравленія съ побѣдою, но убѣжалъ къ себѣ въ спальню, и, полагая себя въ осадномъ состояніи, загромоздилъ двери всѣми мебелями, какія могъ сдвинуть съ мѣста.

— Теперь все кончено, сказалъ Джой, бросясь въ постель и отирая потъ съ распаленнаго лица.—Я зналъ, что когда-нибудь дойдетъ до этого. Мы съ Майскимъ-Деревомъ должны разстаться. Теперь я бродяга... она меня вѣчно ненавидитъ... все пропало!

ГЛАВА XXXI.

Джой долго сидѣлъ, раздумывая о своей горькой участи и прислушивался, каждую минуту ожидая услышать шумъ ихъ шаговъ по лѣстницѣ, или голосъ отца, требующаго немедленной покорности и слачи. Но ни голосовъ, ни шаговъ не было слышно, и хотя глухой отголосокъ какъ-будто отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей при входѣ и выходѣ людей отъ-времени-до-времени доносился по длиннымъ корридорамъ до его отдаленнаго убѣжища, но никакой ближій звукъ не нарушалъ тишины его комнаты, которая отъ этого отдаленнаго шума казалась еще тише и была мрачна и угрюма, какъ скитъ пустынника.

Становилось все темнѣе и темнѣе. Старинныя мебели этой комнаты, служившей родомъ богадѣльни для всей инвалидной утвари Майскаго-Дерева, принимали неясные и призрачные очерки; стулья и столы, днемъ казавшіеся еще сносными калѣками, получали двусмысленную, загадочную наружность; старыя отставныя ширмы изъ полинялаго сафьяна съ позолотою по краямъ, которыя въ былое время много разъ не пропускали холодный воздухъ и много доволь-

Digitized by Google

ныхъ, свѣжихъ лицъ видали подъ своею защитою, мрачно смотрѣли на него изъ опредѣленнаго для нихъ угла, будто тощее, угрюмое привидѣніе, ожидающее только вопроса, чтобъ заговорить. Портретъ, висѣвшій противъ окошка—уродливый старый сѣроглазый генералъ въ овальной рамкѣ, казалось, морщился и кивалъ, когда смеркло, и наконецъ, когда потухъ послѣдній слабый лучъ дня, пресерьёзно закрылъ глаза и крѣпко заснулъ. Вокругъ царствовала такая тишина и таинственность, что Джой не миновалъ послѣдовать его примѣру; онъ также погрузился въ дремоту и мечталъ о Долли до-тѣхъ-поръ, пока на чигуэльской башнѣ пробило два часа.

Все еще никто не приходилъ. Отдаленный шумъ въ домѣ замолкъ и внѣ дома было также все тихо; развѣ иногда собака громко лаяла, да ночной вѣтеръ колебалъ вѣтки деревьевъ. Джой грустно смотрѣлъ въ окно на всѣ столь коротко знакомые предметы, дремавшіе въ слабомъ сіяніи мѣсяца; то опять возвращался на постель и раздумывалъ о вчерашнемъ возмущеніи, пока отъ долгаго раздумья ему показалось, что это случилось мѣсяцъ назадъ. Такимъ образомъ, въ грезахъ, думахъ и посматриваньи въ окно протекла ночь; старыя ширмы и сосѣдніе столы и стулья начали являться въ своихъ обыкновенныхъ очертаніяхъ; сѣроглазый генералъ, казалось, сталъ моргать, зѣвать и потягиваться; наконецъ проснулся совершенно, и непріятно, безжизненно глядѣлъ въ туманномъ утреннемъ свѣтѣ.

Солнце уже проглянуло изъ-за вершины лѣса и разсѣкало вьющійся туманъ свѣтлыми золотыми полосами, когда Джой спустилъ за окно свой узелокъ и неизмѣнную трость, а вслѣдъ за ними полѣзъ и самъ.

Это было вовсе не трудно, ибо на стѣнѣ было столько уступовъ и кровель, что они образовали почти лѣстницу, и вся трудность состояла въ томъ, что наконецъ нужно было спрыгнуть фута на два внизъ. Скоро Джой, съ узелкомъ на палкѣ черезъ плечо, стоялъ на землѣ и смотрѣлъ, въ послѣдній, можетъ-быть, разъ, на старое Майское-Дерево.

Онъ не произнесъ «обращенія» къ нему, потому-что не щеголялъ ученостію; не сказалъ ему и проклятія, потому-что не питалъ ненависти ни къ чему на землѣ. Онъ почувствовалъ даже больше, чѣмъ когда-нибудь, привязанности къ старому дому, отъ всего сердца сказалъ на прощанье: «Богъ съ тобою!» и отвернулся.

Онъ шелъ скорыми шагами, занятый мыслями о томъ, какъ пойдетъ въ солдаты и умретъ гдѣ-нибудь далеко на чужой сторонѣ, среди зноя и песчаныхъ пустынь, какъ онъ откажетъ Богъ-знаетъ какія несметныя сокровища своихъ добычъ Долли, которая, узнавъ объ этомъ, будетъ, разумѣется, сильно растрогана; и полный такихъ юношескихъ грезъ, то сангвиническихъ, то меланхолическихъ, но

Digitized by Google

всегда къ *ней* относившихся, онъ бодро поплелся впередъ, пока шумъ Лондона раздался въ его ушахъ и передъ нимъ сталъ «Черный Левъ.»

Было еще только восемь часовъ, и «Черный Левъ» очень удивился, увидѣвъ его въ такую раннюю пору съ запыленными ногами, прибывшаго безъ сѣрой клячи. Но какъ онъ поспѣшно спросилъ завтракъ и представилъ на немъ несомнѣнныя доказательства усердного аппетита, то Левъ принялъ его, по обыкновенію, радушно и обращался съ нимъ со всевозможнымъ вниманіемъ, на которое онъ, какъ коренной гость и одинъ изъ франк-масоновъ округа, имѣлъ законное право.

Этотъ Левъ или трактирщикъ—онъ носилъ имя человѣка и животнаго вмѣстѣ, потому-что велѣлъ живописцу, рисовавшему его вывѣску, въ физіономіи царственнаго звѣря на вывѣскѣ соблюсти столько подобія съ его почтенными чертами, сколько лишь съумѣетъ тотъ былъ человѣкъ почти столько жъ понятливый и столько же острый, какъ и властительный Джонъ, съ тою, впрочемъ, разницею, что у мэстера Уиллита остроуміе было чисто-природнымъ даромъ, а Левъ своимъ умомъ болѣе обязанъ былъ пиву, котораго поглощалъ столь обильное количество, что большая часть его умственныхъ способностей была совершенно потоплена и смыта, выключая великаго таланта спать, сохранившагося въ удивительномъ совершенствѣ. Отъ-того скрыпучій левъ надъ дверьми трактира былъ нѣсколько-сонный, ручной и смирный левъ, и какъ эти представители дикой породы въ обществѣ носятъ обыкновенно условный характеръ (потому-что ихъ обыкновенно рисуютъ въ несбыточныхъ положеніяхъ и сверхъестественными красками), то неученые и малосвѣдущіе сосѣди принимали его за настоящій портретъ трактирщика, въ томъ видѣ, какъ онъ являлся на похоронахъ или во время публичнаго тріумфа.

— Кто это шумитъ въ сосѣдней комнатѣ? спросилъ Джой, умывшись и вычистивъ платье послѣ завтрака.

— Вербовальный офицеръ, отвѣчалъ Левъ.

Джой невольно вспрыгнулъ отъ радости. Именно объ этомъ онъ мечталъ цѣлую дорогу.

— Желалъ бы я, сказалъ Левъ: — чтобъ онъ былъ гдѣ угодно, только не здѣсь. Шуму отъ этой сволочи довольно, а заказовъ немного. Много крику, да мало проку, мэстеръ Уиллитъ. Я знаю, батюшка вашъ терпѣть ихъ не можетъ.

Можетъ-быть. И еслибъ онъ зналъ, что происходило въ эту минуту въ душѣ Джоя, онъ еще больше не сталъ бы ихъ терпѣть.

— Въ хорошій полкъ онъ вербуетъ? сказалъ Джой, взглянувъ въ маленькое круглое зеркальце, висѣвшее въ трактирѣ.

Digitized by Google

— Я думаю, что такъ, отвѣчалъ трактирщикъ.—Все равно, въ какой бы полкъ онъ ни вербовалъ. Я слыхалъ, что нѣтъ большой разницы между красавцемъ и безобразнымъ, когда они бываютъ всѣ простреляны.

— Вѣдь не всѣ бываютъ убиты, замѣтилъ Джой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Левъ:—не всѣ; но которые убиты—предположивъ, что они скоро умерли—тѣ еще въ выигрышѣ, по моему мнѣнію.

— Ахъ, возразилъ Джой:—такъ вы ни во что не ставите славу?

— Что? сказалъ Левъ.

— Славу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Левъ чрезвычайно равнодушно:— ни во что не ставлю. Вы правду сказали, мэстеръ Уиллитъ. Милости прошу когда-нибудь славу; если она спроситъ выпить и станетъ мѣнять гинею на расплату, я ничего съ нея не возьму. По моему мнѣнію, слава нигдѣ много не успѣетъ.

Эти замѣчанія были отнюдь не утѣшительны. Джой вышелъ, остановился у дверей сосѣдней комнаты и сталъ прислушиваться. Вербовщикъ описывалъ военную жизнь.—У насъ вѣчная попойка, говорилъ онъ:— мы не пьемъ только тогда, когда ѣдимъ или волочимся. А сраженіе!.. Есть ли на свѣтѣ что-нибудь лучше сраженія, когда бываешь на сторонѣ побѣдителей—а Англичане всегда побѣждаютъ.

—Ну, а если васъ убьютъ, сэръ? вскричалъ робкій голосъ изъ угла комнаты. — Хорошо, сэръ, положимъ, васъ убьютъ, отвѣчалъ офицеръ:—ну, такъ что жъ? Отечество любитъ васъ, сэръ; его величество король Георгъ-Третій васъ любитъ; память вашу чтутъ, чествуютъ, уважаютъ; всякій любитъ васъ и благодаритъ; имя ваше во всю его длину вписано въ книгу главнаго штаба. Да и что-жъ, джентльмены, вѣдь рано ли, поздно ли всѣ мы помремъ, а?

Голосъ закашлялъ и не сказалъ больше ни слова.

Джой вошелъ въ комнату. Съ полдюжины парней сидѣли и слушали, развѣсивъ уши. Одинъ изъ нихъ, извощикъ въ рубашкѣ, казалось, ужь колебался и готовъ былъ завербоваться. Прочіе, неимѣвшіе большой охоты присягать на барабанѣ, уговаривали его (какъ обыкновенно дѣлаютъ люди), поддакивали на доводы вербовщика, плевали и смѣялись про-себя.

— Я ничего не скажу больше, братцы, говорилъ вербовщикъ, который сидѣлъ нѣсколько поодаль, потягивая свой джинъ.—Для удальцовъ и храбрецовъ,—тутъ онъ взглянулъ на Джоя—теперь настоящая пора. Приманивать мнѣ васъ нечего. До этого король еще не дошелъ, слава Богу. Намъ нужна свѣжая, молодецкая кровь, не молоко и не вода. Мы будемъ разборчивы; изъ шестерыхъ пяти не пріймемъ. Намъ надобны сорви-головы. Я не могу всего выболтать, но,

Digitized by Google

чортъ возьми, еслибъ пересчитывать всю знатную молодежь, какая служитъ въ нашемъ полку отъ-того, что попала въ бѣду за какія-нибудь ссоры съ родными, и т. д.... тутъ онъ опять взглянулъ на Джоя, и такъ привѣтливо, что Джой мигнулъ ему. Онъ тотчасъ подошелъ.

— Вы джентльменъ, клянусь честью! воскликнулъ онъ, ударивъ его по плечу. — Вы джентльменъ инкогнито. Я самъ то же. Поклянемся быть друзьями.

Этого Джой не сдѣлалъ, но потрясъ ему руку, благодаря за доброе мнѣніе.

— Вы хотите служить? сказалъ его новый пріятель.—Вы должны служить, вы созданы для этого, вы нашъ—природный солдатъ. Что, прикажете выпить?

— Покамѣстъ ничего, отвѣчалъ Джонъ съ легкой улыбкою.—Я не совсѣмъ расположенъ пить.

— Такой лихой малый, да не расположенъ пить! воскликнулъ вербовщикъ.—Вотъ, позвольте мнѣ только позвонить, и въ полминуты, я знаю, вы будете расположены.

— Пожалуй-ста, не дѣлайте этого, сказалъ Джой:—какъ-скоро вы позвоните здѣсь, гдѣ меня знаютъ, прощай моя военная служба... Посмотрите мнѣ въ лицо. Ну что, видите ли вы меня?

— Разумѣется, отвѣчалъ вербовщикъ съ клятвой:—и красивѣе молодца или годнѣе на службу королю и отечеству я никогда не видывалъ моими — тутъ онъ употребилъ прилагательное... глазами.

— Покорнѣйше благодарю, сказалъ Джой:—я спрашиваю не для того, чтобъ меня хвалили, но все-таки благодарю васъ. Похожъ ли я на плута или обманщика?

Офицеръ пустился увѣрять въ противномъ: еслибъ собственный его (офицера) отецъ сказалъ что-нибудь такое, то онъ почелъ бы долгомъ проткнуть шпагою старика.

Выслушавъ эти увѣренія, Джой продолжалъ:—Ну, такъ вы можете на меня положиться и повѣрить словамъ моимъ. Я намѣренъ нынче же вечеромъ записаться къ вамъ въ полкъ. Причина, почему дѣлаю это не тотчасъ, состоитъ въ томъ, что до вечера мнѣ не хочется сдѣлать рѣшительный шагъ. Гдѣ же я васъ найду?

Пріятель отвѣчалъ нѣсколько-неохотно, и послѣ многихъ напрасныхъ просьбъ покончить дѣло тутъ же, объявилъ, что живетъ въ «Архіерейскомъ Жезлѣ» въ Тоуеръ-Стритѣ, гдѣ его можно найдти неспящимъ до полуночи, а на другой день спящимъ до завтрака.

— Если жь я прійду... тысяча противъ одного, что прійду — когда вы возьмете меня изъ Лондона? спросилъ Джой.

— Завтра утромъ въ половинѣ девятаго, отвѣчалъ вербовщикъ.—

Digitized by Google

Вы поѣдете за границу, въ страну, гдѣ есть яркое солнце и грабежъ, — чудеснѣйшая страна!

— За-границу! сказалъ Джой, пожимая ему руку: — больше мнѣ ничего не нужно. Можете смѣло ждать меня.

— Вы сущій кладъ, воскликнулъ вербовщикъ, держа Джоя за руку, въ избыткѣ своего удивленія. — Вы далеко пойдете. Не то, чтобъ я завидовалъ вамъ или хотѣлъ убавить славу вашей будущей карьеры; но, будь я такъ воспитанъ и учонъ, какъ вы, я былъ бы теперь полковникомъ.

— Тст, любезный другъ! сказалъ Джой:—объ этомъ мнѣ ужъ поздно думать. Пришлось служить, если чортъ гонитъ; а чортъ, который гонитъ меня, — пустой карманъ и несчастіе въ отцовскомъ домѣ. Покамѣстъ, простите.

— За короля и отечество! вскричалъ вербовщикъ, махнувъ шляпою.

— За насущный хлѣбъ! вскричалъ Джой, щелкнувъ пальцами. — Такъ они разстались.

У Джоя мало было денегъ въ карманѣ, такъ мало, что послѣ заплаченнаго за завтракъ (онъ былъ такъ честенъ, и можетъ-быть, такъ гордъ, что не хотѣлъ записать на счетъ отца), у него остался одинъ пенни. Не смотря на это, онъ имѣлъ твердость отказаться отъ всѣхъ усердныхъ и настоятельныхъ просьбъ вербовщика, который съ различными увѣреніями вѣчной дружбѣ проводилъ его до дверей, и особенно просилъ сдѣлать ему одолженіе принять отъ него хоть одинъ шиллингъ, въ видѣ временнаго пособія. Джой отвергнулъ всякое денежное предложеніе и пустился съ узелкомъ и палкою попрежнему, рѣшившись день перебиться какъ-нибудь, а въ сумерки пойдти къ слесарю; ему казалось, что несчастіе его удвоится, если ему не удастся проститься съ прелестной Долли Уарденъ.

Онъ шелъ къ Ислингтону и далѣе до Гейджета; на многихъ улицахъ и на многихъ порогахъ садился онъ, но ни одинъ колоколъ не приглашалъ его воротиться. Со временъ благороднаго Виттингтона (*), пышнаго цвѣта купечества, — колокола мало сочувствуютъ съ человѣчествомъ. Они звонятъ только для сбора денегъ и при государственныхъ событіяхъ. Странники стали многочисленнѣе; корабли оставляютъ Темзу и плывутъ въ отдаленныя страны, не имѣя другаго груза, кромѣ того, который находится между переднею и заднею ихъ частію; но колокола молчатъ, не звонятъ ни въ радости, ни въ горѣ; они привыкли ко всему этому и стали нечувствительны.

(*) Относится къ сказкѣ, въ которой этому Виттингтону, бывшему впослѣдствіи лордомъ-мэромъ, когда онъ въ несчастіи хотѣлъ бѣжать изъ Лондона, колокола кричали: Turn again, Whittington!

Digitized by Google

Джой купилъ себѣ булку и довелъ кошелекъ до того, что онъ (впрочемъ съ нѣкоторою разницею) сталъ похожъ на знаменитый кошелекъ Фортуната, который постоянно содержалъ въ себѣ одинакую сумму денегъ, не смотря на то, много или мало истрачивалъ его счастливый обладатель. Въ наше положительное время, когда ужъ нѣтъ фей на бѣломъ свѣтѣ, есть еще много кошельковъ подобнаго содержанія. Сумма, которую они вмѣщаютъ въ себѣ, выражается въ ариѳметикѣ простымъ кружкомъ, и помножите ли вы ее на неесамоё, или сложите съ нею же самою, итогъ всегда выводится легче, нежели при какомъ-нибудь другомъ счетѣ съ цифрами.

Наконецъ, наступилъ вечеръ. Съ унылымъ чувствомъ безпріютнаго и безкровнаго, впервые одинокаго на свѣтѣ, направилъ Джой шаги свои къ дому слѣсаря. Онъ мѣшкалъ до-тѣхъ-поръ, ибо зналъ, что иногда мистриссъ Уарденъ одна, или въ сопровожденіи миссъ Меггсъ, ходила на вечернія проповѣди, и въ глубинѣ души надѣялся, что этотъ вечеръ будетъ однимъ изъ такихъ вечеровъ.

Два или три раза проходилъ онъ мимо дома по противоположной сторонѣ улицы, какъ вдругъ, при оборотѣ, увидѣлъ у двери слѣсарева дома подолъ женскаго платья. Это платье Долли; чье жъ иначе? только ея платье можетъ имѣть эти прелестныя складки. Онъ скрѣпилъ сердце и пошелъ за нею въ мастерскую «Золотаго Ключа».

Она оглянулась. Что за личико! «Если бъ не оно» подумалъ Джой: «не прибилъ бы я бѣднаго Тома Кобба. Она въ двадцать разъ лучше прежняго. Она могла бы выйдти за лорда!»

Онъ не сказалъ этого: онъ только подумалъ, а можетъ-быть и глаза его выражали то же. Долли была рада ему, и жалѣла, что папеньки и маменьки не было дома. Джой просилъ ее вовсе не поминать объ этомъ.

Долли не шла съ нимъ въ гостиную, потому-что тамъ было ужъ почти темно; не хотѣла однакожъ разговаривать и въ мастерской, гдѣ было еще свѣтло и откуда дверь отворена была на улицу. Случайно подошли они къ маленькой кузницѣ; и какъ Джой держалъ руку Долли въ своей (по-настоящему, онъ не имѣлъ никакого права дѣлать это, потому-что Долли подала ему руку для того только, чтобъ поздороваться), то они очень похожи были на чету, обручающуюся передъ домашнимъ алтаремъ.

— Я пришолъ, сказалъ Джой:—проститься съ вами, проститься, Богъ знаетъ на сколько лѣтъ, можетъ-быть, навсегда. Я уѣзжаю изъ Англіи.

Именно, этого-то ему и не слѣдовало говорить. Онъ стоялъ-себѣ и говорилъ, какъ никому не подвластный, знатный баринъ, который воленъ прійдти, уйдти, разъѣзжать, какъ ему угодно, по свѣту, тогда-какъ учтивый каретникъ еще вчера божился, что миссъ

Digitized by Google

Уарденъ «оковала его діамантовыми цѣпями», и выразительно увѣряя, что Долли убиваетъ его капля-по-каплѣ, объявилъ, что онъ намѣренъ недѣли черезъ двѣ умертвить себя приличнымъ образомъ и передать заведеніе матери.

Долли отняла свою руку и сказала: «въ-самомъ-дѣлѣ?» Не переводя духу, она замѣтила, какая прекрасная ночь на дворѣ, и однимъ словомъ, обнаружила душевнаго волненія такъ же мало, какъ и та кузница, въ которой они были.

— Я не могъ уѣхать, сказалъ Джой:—не повидавшись съ вами. У меня не достало твердости для этого.

Долли стало очень жаль, что онъ такъ безпокоился. Дорога такая дальняя, а у него, вѣроятно, много хлопотъ. Здоровъ ли мэстеръ Уиллитъ, этотъ любезный старичокъ?

— И больше вы ничего мнѣ не скажете? воскликнулъ Джой.

Больше! Боже мой, чего же ему надобно? Она принуждена была взять въ руку передникъ и внимательно осматривать края его съ одного конца до другаго, чтобъ только не засмѣяться Джою въ глаза—не потому, чтобъ его взглядъ приводилъ ее въ замѣшательство, о, нѣтъ, совсѣмъ не по этой причинѣ.

Джой имѣлъ очень мало опытности въ любовныхъ дѣлахъ и чуждъ былъ всякаго понятія о томъ, какъ различны бываютъ молодыя дѣвушки въ различное время; онъ надѣялся найдти Долли на той же точкѣ любви, на которой оставилъ ее послѣ незабвеннаго провожанія вечеромъ; къ такой перемѣнѣ онъ столь же мало былъ приготовленъ, какъ и ко внезапной смѣнѣ солнца луною. Онъ цѣлый день утѣшался какимъ-то неяснымъ представленіемъ, какъ она, вѣрно, ему скажетъ «не ѣздите», либо «не оставляйте насъ», либо «зачѣмъ вы уѣзжаете?», «зачѣмъ вы оставляете насъ?», или какъ-нибудь иначе станетъ его ободрять и утѣшать; онъ полагалъ даже возможнымъ, что она зальется слезами, бросится къ нему въ объятія, или вдругъ, не сказавъ ни слова, упадетъ въ обморокъ; но онъ не могъ вообразить, чтобъ она вела себя такъ, какъ теперь, и только смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ изумленіемъ.

Долли, между-тѣмъ, держалась за край своего фартука, мѣряла его стороны и расправляла складки, оставаясь, подобно ему, безмолвною. Наконецъ, послѣ долгой паузы, Джой сталъ прощаться.—Прощайте! сказала Долли съ такой непринужденною, ласковою улыбкою, какъ-будто онъ шелъ только въ ближнюю улицу и къ ужину долженъ былъ воротиться:—прощайте.

— Подите ко мнѣ, сказалъ Джой, протягивая къ ней обѣ руки:—Долли, милая Долли, не разстанемтесь такъ. Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ, всей душою; люблю, кажется, такъ истинно и сильно, какъ только когда-нибудь мужчина любилъ дѣвушку на этомъ свѣ-

Digitized by Google

тъ. Я бѣденъ, какъ вамъ извѣстно, бѣденъ теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, потому-что я бѣжалъ изъ отцовскаго дома, гдѣ не могъ больше выносить жизни, и долженъ теперь одинокимъ скитаться по свѣту. Вы прекрасны, всѣми любимы и уважаемы, здоровы и счастливы! Желаю вамъ и всегда быть счастливою! Сохрани меня Богъ хотѣть увидѣть васъ когда-нибудь въ несчастіи... Но скажите мнѣ хоть одно слово въ утѣшеніе. Скажите мнѣ только одно ласковое слово. Знаю, что не имѣю никакого права ожидать его отъ васъ, но прошу васъ объ этомъ, потому-что люблю васъ, и всякое слово изъ устъ вашихъ сберегу на цѣлую жизнь, какъ сокровище. Долли, безцѣнная Долли, не-уже-ли вы ничего мнѣ не скажете?...

Нѣтъ, ничего! Долли отъ природы была кокетка и избалованный ребенокъ. Она вовсе не привыкла къ такимъ приступамъ. Каретникъ заливался бы слезами, стоялъ бы передъ нею на колѣняхъ, называлъ бы себя презрительными именами, всплеснулъ бы руками, ударялъ бы себя въ грудь, отчаянно рвалъ бы на себѣ галстухъ и употреблялъ бы всѣ роды поэзіи. Джой вообще не долженъ былъ уѣзжать. Онъ не имѣлъ права осмѣлиться на это. Еслибъ онъ былъ «въ ліамантовыхъ цѣпяхъ любви», онъ не могъ бы этого сдѣлать.

— Я ужь два раза прощалась съ вами, сказала Долли. — Возьмите сейчасъ прочь свою руку, мастеръ Джозефъ, или я кликну Меггсъ.

— Не хочу васъ упрекать, отвѣчалъ Джой:—виноватъ, конечно, я самъ. Я иногда думалъ, что вы меня не презираете, но я былъ глупъ, думая такимъ образомъ. Меня долженъ презирать всякій, кто видѣлъ жизнь, какую велъ я—особенно же вы. Да сохранитъ васъ Богъ!

Съ этимъ словомъ онъ ушолъ, ушолъ дѣйствительно. Долли ждала нѣсколько минутъ, думая, что онъ воротится, выглянула за дверь, потомъ глядѣла взадъ и впередъ по улицѣ, сколько позволяла быстровозраставшая темнота, воротилась домой, подождала еще минуту, вбѣжала во второй этажъ, напѣвая пѣсенку, заперлась задвижкою, положила голову на постель и плакала, какъ-будто сердце ея хотѣло разорваться. И не смотря на то, подобные характеры составлены изъ такихъ противорѣчій, что воротись Джой Уиллитъ въ туже ночь, на другой день, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, можно бы держать сто противъ одного, что она опять точно также обошлась бы съ нимъ и потомъ опять такъ же бы горько плакала объ этомъ.

Едва оставила она мастерскую, какъ изъ-за кузничной печи осторожно выглянуло лицо, которое уже раза два или три высовывалось изъ этого вертепа, не будучи замѣчено. Убѣдившись, что оно одно, вытащило оно за собою ноги, плеча и прочіе члены,—и такимъ образомъ составилась полная фигура мастера Тэппертейта, въ коричневомъ бумажномъ колпакѣ, небрежно сдвинутомъ на ухо, и съ руками, круто подпертыми подъ бока.

Digitized by Google

— Уши ли меня обманули, сказалъ онъ: — или все это я видѣлъ во снѣ? Благодарить ли тебя, судьба, или проклинать, а?

Онъ величественно сошолъ съ своего возвышенія, взялъ кусокъ зеркала, приставилъ его, какъ обыкновенно, на лавку къ стѣнѣ, повернулъ голову и внимательно осмотрѣлъ свои ноги.

— Если эти ноги—мечта, сонъ, сказалъ Симъ:—то желаю ваятелямъ видать такіе сны и высѣкать ихъ изъ камня, когда проснутся. Это не сонъ. У сна нѣтъ такихъ членовъ. Трепещи, Уиллитъ, и отчаявайся. Она моя! моя!

Съ этимъ торжественнымъ восклицаніемъ схватилъ онъ молотокъ и сильно ударилъ по тискамъ, которые, въ воображеніи, представлялись ему черепомъ Джозефа Уиллита; потомъ захохоталъ такъ, что сама миссъ Меггсъ испугалась этого хохота въ своей отдаленной кухнѣ, окунулъ голову въ рукомойникъ, и подбѣжалъ къ алькову за полотенцомъ, которое оказало ему двойную услугу: потушило его волненіе и осушило лицо.

Джой, между-тѣмъ, вышедъ безутѣшный и отвергнутый изъ дому слѣсаря, отправился прямо въ «Архіерейскій Жезлъ» и отыскалъ тамъ своего пріятеля, вербовщика, который, никакъ не ожидавъ его, принялъ съ распростертыми объятіями. Черезъ пять минутъ послѣ прихода въ гостинницу, онъ былъ записанъ въ число храбрыхъ защитниковъ отечества; а черезъ полчаса сидѣлъ уже за дымящимся блюдомъ вареныхъ кишокъ съ лукомъ, которыя, какъ нѣсколько разъ увѣрялъ его пріятель, приготовлялись по именному повелѣнію его августѣйшаго величества, короля. За этимъ ужиномъ, который, послѣ такого продолжительнаго поста, показался чрезвычайно-вкусенъ, онъ весело разговаривалъ, и когда послѣ того выпилъ нѣсколько разныхъ вѣрноподданническихъ и патріотическихъ тостовъ, его уложили наконецъ въ соломенную постель на полу въ сараѣ и заперли тамъ на ночь.

На другой день, онъ увидѣлъ, что обязательная попечительность его воинственнаго друга украсила его шляпу разными пестрыми значками довольно-яркихъ цвѣтовъ; въ сообществѣ этого офицера и трехъ другихъ новобраныхъ военныхъ, до того покрытыхъ разными цвѣтами, что отъ нихъ виднѣлось только полтора воротника кафтановъ и по четверти шляпъ, отправился онъ на берегъ Темзы. Тутъ присоединился къ нимъ капралъ еще съ четырьмя героями, изъ которыхъ двое были пьяны и шумѣли, двое трезвыхъ, раскаявавшихся; но всѣ, подобно Джою, несли узелки и пыльныя палки. Компанія отплыла на пакетботѣ въ Гревесендъ, откуда имъ должно было идти пѣшкомъ до Чатама; вѣтеръ дулъ попутный, и скоро они оставили за собою Лондонъ, какъ туманное облако—исполинское привидѣніе въ воздухѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXII.

Бѣда никогда не приходитъ одна, говоритъ пословица. Нѣтъ сомнѣнія, что скорби и страданія отъ природы имѣютъ склонность собираться въ толпу, летать стадами, и садиться большею частію по прихоти или случайно; такъ скопляются онѣ на головахъ горемыкъ до-тѣхъ-поръ, пока на ихъ бѣдныхъ черепахъ не останется ни на дюймъ порожняго мѣста, и минуютъ другія головы, гдѣ свободно умѣстился бы цѣлый полкъ заботъ и бѣдствій. Быть можетъ, такая толпа носилась надъ Лондономъ, ища Джозефа Уиллита; но какъ его уже тамъ не было, то она упала случайно на перваго молодаго человѣка, ей встрѣтившагося. Во всякомъ случаѣ, вѣрно одно—именно, что въ тотъ день, когда уѣхалъ Джой, цѣлые рои скорбей носились надъ головою Эдварда Честера, и до того жужжали, хлопали крыльями и не давали ему покоя, что онъ почувствовалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Было восемь часовъ вечера, когда онъ и отецъ его, сидя за столомъ, уставленнымъ винами и десертомъ, первый разъ въ этотъ день остались одни. За обѣдомъ былъ еще посторонній человѣкъ; сынъ и отецъ не видѣлись со вчерашняго дня до этого обѣда.

Эдвардъ былъ грустенъ и молчаливъ. Мэстеръ Честеръ, напротивъ, былъ веселѣе обыкновеннаго, но нисколько, по-видимому, не хотѣлъ заводить разговора съ человѣкомъ такъ противоположно настроеннымъ, а обнаруживалъ свою веселость улыбками и свѣтлыми взглядами. Такъ провели они нѣсколько времени: отецъ лежалъ съ своею обыкновенною граціозною беззаботностью на софѣ, сынъ сидѣлъ противъ него съ потупленными глазами и явно-тревожимый горестными мыслями.

— Любезный Эдвардъ, сказалъ наконецъ мэстеръ Честеръ, ласково улыбаясь: — не распространяй своего усыпительнаго вліянія на бутылку. Пусть *она*, по-крайней-мѣрѣ, ходитъ кругомъ; брось свою задумчивость.

Эдвардъ извинился, подалъ ему бутылку, и опять впалъ въ прежнее состояніе.

— Ты дурно дѣлаешь, что не наливаешь себѣ рюмки, продолжалъ мэстеръ Честеръ, поднявъ свою рюмку къ свѣту. — Вино, выпитое въ мѣру, оказываетъ множество благопріятныхъ дѣйствій. Оно проясняетъ глаза, улучшаетъ голосъ, даетъ новую жизнь мыслямъ и разговору; попробуй выпить.

— Ахъ, батюшка! воскликнулъ сынъ: — если...

— Любезный другъ, прервалъ его поспѣшно отецъ, поставивъ рюмку на столъ и поднявъ брови съ изумленнымъ, даже испуганнымъ видомъ: — ради Бога, не зови меня этимъ отжившимъ, старо-

Digitized by Google

модным именем. Пощади нѣсколько мою деликатность. Развѣ я ужь такой сѣдой старикъ, хожу на костыляхъ, съ морщинами на лицѣ и безъ зубовъ во рту, что ты меня такъ величаешь? Это просто грубость!

— Я хотѣлъ съ откровенностью, какой бы надобно быть между нами, поговорить о дѣлахъ, касающихся до моего сердца, отвѣчалъ Эдвардъ: — а вы, еще ничего не слыша, такъ отталкиваете меня.

—Полно, полно, Нэдъ! сказалъ мэстеръ Честеръ, поднявъ съ умоляющимъ видомъ свою нѣжную руку:—не говори такимъ ужаснымъ образомъ о дѣлахъ, касающихся до твоего сердца! Развѣ ты не знаешь, что сердце маленькая частица нашего тѣла, — средоточіе кровяныхъ сосудовъ и прочей дряни, которая съ твоими рѣчами и мыслями такъ же мало имѣетъ общаго, какъ и твои ноги? Какъ можно быть такъ просту и неразборчиву? Предоставимъ медикамъ эти анатомическіе намеки. Въ обществѣ они, право, непріятны. Ты изумляешь меня, Нэдъ...

— Что дѣлать! На свѣтѣ нѣтъ другихъ такихъ вещей, какъ сердце: нѣчего въ нихъ ни ранить, ни исцѣлять, ни щадить. Я знаю вашъ образъ вѣрованія, сэръ, и не скажу болѣе ни слова, отвѣчалъ сынъ.

— Опять ты ошибаешься, сказалъ мэстеръ Честеръ, прихлебывая вино.—Я говорю ясно, что есть такія вещи; это всѣмъ извѣстно. Сердца животныхъ—коровъ, овецъ и тому подобныхъ, — варятся въ пищу, и черны, говорятъ, ѣстъ ихъ съ большимъ аппетитомъ. Людей иногда закалываютъ въ сердце и прострѣливаютъ въ сердце; но говорить: отъ сердца, или къ сердцу, растерзанное сердце, холодное, или горячее сердце, быть съ сердцемъ, не имѣть сердца,—это явная безсмыслица, Нэдъ.

— Безъ сомнѣнія, сэръ, отвѣчалъ сынъ, когда отецъ остановился, давая ему говорить. — Безъ сомнѣнія.

—Вотъ гэрдалева племянница, еще недавній предметъ твоей страсти, сказалъ мэстеръ Честеръ, какъ-будто для того только, чтобъ взять ближайшій примѣръ.—Вѣрно она, по твоему мнѣнію, была вся сердце. Теперь она совершенно не имѣетъ сердца. И однакоже, она все та же, Нэдъ, совершенно та же.

— Нѣтъ, она сдѣлалась другою, сэръ, сказалъ Эдвардъ, покраснѣвъ: — и причиною этого, кажется, низкое коварство.

— Такъ ты получилъ холодную отставку? сказалъ отецъ. — Бѣдный Нэдъ! Я вѣдь говорилъ тебѣ, что это случится когда-нибудь. Потрудись подать мнѣ щипцы для орѣховъ.

— Она обманута, предательски обманута! воскликнулъ Эдвардъ, вставая съ мѣста. — Никогда не повѣрю я, чтобъ она перемѣнилась отъ-того, что отъ самого-меня узнала настоящее мое положеніе. Я знаю, ее раздражаютъ, терзаютъ нарочно. Но хоть связь наша разо-

Digitized by Google

рвана невозвратно, хоть я жалѣю о ея нетвердости, однакожь не вѣрю и никогда не повѣрю, чтобъ такая простая причина, или ея собственный произволъ, побудили ее къ этому поступку,—никогда!

— Мнѣ должно краснѣть, возразилъ отецъ весело: — за твой безразсудный характеръ, въ которомъ, кажется, нѣтъ ничего похожаго на мой. Что же касается до дѣвушки, она поступила очень естественно и разсудительно, мой милый; она сдѣлала то, что̀ ты самъ ей предлагалъ, какъ я слышалъ отъ Гэрдаля, и что̀ я—не напрягая особенно своей догадливости — предсказывалъ тебѣ. Она считала тебя за богатаго, или, по-крайней-мѣрѣ, за человѣка съ достаточнымъ состояніемъ, и увидѣла, что ты бѣденъ. Бракъ есть гражданская сдѣлка; замужъ выходятъ для того, чтобъ улучшить свое положеніе въ свѣтѣ; это дѣло, касающееся дома, мебели, ливрейныхъ слугъ и экипажей. Но такъ-какъ она бѣдна и ты также, то исторія и кончилась. Тебѣ нѣчего домогаться при этомъ ходѣ вещей, и нѣчего дѣлать съ обручальною церемоніей. Пью за ея здоровье, уважаю и почитаю ее за ея необыкновенный, здравый разсудокъ. Это тебѣ урокъ. Налей свою рюмку, Нэдъ.

— Это урокъ, отвѣчалъ Эдвардъ: — котораго я, кажется, никогда не выучу, хоть долголѣтній опытъ и врѣзываетъ его въ...

— Не говори только въ сердце, прервалъ отецъ.

— Въ сердце людей, испорченныхъ свѣтомъ и его коварствомъ, сказалъ Эдвардъ съ жаромъ. — Избави меня Богъ знать ихъ когда-нибудь.

— Полно, сэръ, возразилъ отецъ, приподнявшись на софѣ и пристально посмотрѣвъ на него: — довольно. Подумай, сдѣлай одолженіе, о своихъ выгодахъ, своемъ долгѣ, своихъ нравственныхъ обязанностяхъ, своей дѣтской любви, подумай обо всемъ, что̀ такъ пріятно и отрадно вспоминать; въ противномъ случаѣ, ты будешь раскаяваться.

— Никогда не буду раскаяваться въ томъ, что сохранилъ уваженіе къ самому-себѣ, сэръ! возразилъ Эдвардъ.—Простите меня, если скажу, что никогда не пожертвую имъ, по вашему приказанію, никогда не пойду по дорогѣ, которую вы мнѣ указываете и которая имѣетъ связь съ тайнымъ участіемъ, какое вы принимали въ моей разлукѣ съ Эммою.

Отецъ еще нѣсколько приподнялся и поглядѣлъ на него, будто испытывая, точно ли это его рѣшительное и серьёзное мнѣніе; потомъ опять тихо опустился и сказалъ самымъ покойнымъ голосомъ, продолжая ѣсть орѣхи:

— Эдвардъ, у моего отца былъ сынъ, который былъ такой же дуракъ, какъ ты, и имѣлъ такія же низкія, упорныя чувства; отецъ, однажды утромъ, послѣ завтрака, лишилъ его наслѣдства и про-

Digitized by Google

клялъ. Сцена эта особенно живо представляется мнѣ въ нынѣшній вечеръ. Я какъ теперь помню, что ѣлъ тогда пирожки съ мармеладомъ. Онъ велъ бѣдственную жизнь (то-есть сынъ, я разумѣю) и умеръ преждевременно; во всякомъ случаѣ, смерть его была счастіемъ, потому-что онъ былъ позоромъ для семейства. Бѣда, Эдвардъ, если отецъ принужденъ бываетъ прибѣгать къ такимъ строгимъ мѣрамъ.

— Правда, возразилъ Эдвардъ. — Но горестно также, когда сынъ обращается къ отцу съ любовью и преданностью, въ самомъ полномъ и точномъ смыслѣ слова, и всякій разъ бываетъ имъ отвергаемъ и принуждаемъ къ неповиновенію. Любезный батюшка, продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ:—я много разъ думалъ обо всемъ, что между нами происходило съ-тѣхъ-поръ, какъ мы въ первый разъ заговорили объ этомъ предметѣ. Будемъ откровенны другъ съ другомъ, не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ. Выслушайте меня.

— Такъ-какъ я предвижу и долженъ предвидѣть, что ты хочешь сказать, Эдвардъ, отвѣчалъ отецъ холодно: — то не хочу и слушать. Это мнѣ невозможно. Это навѣрно разстроило бы меня. Если ты намѣренъ отвергнуть планы, какіе я составилъ для твоей жизни и для сохраненія того высокаго достоинства, которое такъ долго поддерживало нашу фамилію; словомъ, если ты рѣшился идти своею собственною дорогою, ступай-себѣ, пожалуй, и возьми съ собой мое проклятіе. Это мнѣ прискорбно, но, право, я не вижу другаго средства...

— Проклятіе можетъ выйдти изъ вашихъ устъ, сказалъ Эдвардъ: — но оно останется пустымъ звукомъ. Я не вѣрю, чтобъ одинъ человѣкъ могъ призвать проклятіе на другаго, тѣмъ менѣе отецъ на собственнаго сына. Подумайте, что вы дѣлаете, сэръ.

— Ты такъ непочтителенъ, такъ дерзокъ и непокоренъ, возразилъ отецъ, тихо оборачиваясь къ нему и раздавливая орѣхъ: — что я долженъ остановить тебя. Намъ рѣшительно нельзя долѣе жить вмѣстѣ. Если ты потрудишься позвонить, то слуга проводитъ тебя до двери. Не возвращайся больше никогда подъ эту кровлю, сдѣлай одолженіе. Ступай, сэръ, если ты потерялъ всякое нравственное чувство; ступай къ чорту, чего я особенно тебѣ желаю. Прощай!

Эдвардъ вышелъ изъ комнаты, не тратя уже ни одного слова, ни одного взгляда, и навсегда разстался съ домомъ отцовскимъ.

Лицо Честера слегка покраснѣло и разгорячилось, но вся наружность его оставалась неизмѣнною. Онъ позвонилъ еще разъ и сказалъ вошедшему слугѣ:

— Если господинъ, который сейчасъ вышелъ...

— Извините, сэръ, вы говорите о мэстерѣ Эдвардѣ?

Digitized by Google

— Развѣ тутъ былъ кто-нибудь другой, болванъ, что ты спрашиваешь? — Если мэстеръ пришлетъ за своимъ гардеробомъ, отпусти ему, слышишь? Если самъ когда нибудь прійдетъ, меня нѣтъ дома. Такъ скажи ему и затвори дверь.

Скоро разнеслась молва, что мэстеръ Честеръ очень несчастливъ своимъ сыномъ, нанесшимъ ему много безпокойствъ и огорченій. Добрые люди, слушавшіе и пересказывавшіе это, тѣмъ болѣе удивлялись его спокойствію и говорили, что за прекрасный характеръ долженъ быть у этого человѣка, который, послѣ такихъ огорченій, могъ оставаться кроткимъ и спокойнымъ. И когда произносилось имя Эдварда, въ свѣтѣ качали головою, клали палецъ на губы, вздыхали и старались сдѣлать серьёзную мину; а у кого были сыновья эдвардовыхъ лѣтъ, тѣ досадовали, сердились и желали ради добродѣтели, чтобъ онъ умеръ. И такъ кружился свѣтъ въ-продолженіе тѣхъ пяти лѣтъ, о которыхъ наша исторія умалчиваетъ.

ГЛАВА XXXIII.

Въ одинъ зимній вечеръ, въ началѣ года отъ Рождества Христова тысяча-семьсотъ-восьмидесятаго, поднялся въ сумерки рѣзкій сѣверный вѣтеръ и ночь наступила темная, страшная. Злая буря съ рѣзкимъ, густымъ, холоднымъ снѣгомъ и дождемъ неслась по мокрымъ улицамъ и стучала въ дрожащія окна. Трактирныя вывѣски, жестоко потрясенныя въ своихъ скрыпучихъ рамахъ, съ громомъ падали на мостовую; старыя трубы качались отъ вѣтра, и многія колокольни колебались въ эту ночь, какъ-будто земля была не совсѣмъ спокойна.

Тому, кто какъ-нибудь могъ добраться до тепла и свѣта, не приходило въ голову бороться съ яростью непогоды. Въ кофейняхъ высшаго разряда толпились гости вокругъ огня, забывали политику и съ тайнымъ удовольствіемъ разсказывали другъ другу, какъ буря усиливалась ежеминутно. Во всякой простой харчевнѣ на берегу сидѣла около очага кучка нескладныхъ фигуръ, которыя говорили о корабляхъ, какъ они со всѣмъ грузомъ и экипажемъ погибаютъ въ открытомъ морѣ; разсказывали много страшныхъ исторій о кораблекрушеніяхъ и потонувшихъ людяхъ, и — то надѣялись, что нѣкоторые изъ нихъ знакомыхъ воротятся цѣлы, то опять сомнительно покачивали головами. Въ частныхъ домахъ дѣти собирались вокругъ растопленнаго камина и съ робкимъ наслажденіемъ слушали исторіи о духахъ, привидѣніяхъ и высокихъ фигурахъ, которыя въ бѣломъ саванѣ становятся у постели, и о людяхъ, которые заснули въ старой церкви, были забыты тамъ и проснувшись очутились среди мертвой

Digitized by Google

ночи: они трепетали, помышляя о темныхъ комнатахъ въ верхнемъ этажѣ, однако съ удовольствіемъ слушали, какъ былъ вѣтеръ и желали, чтобъ онъ дулъ сильнѣе. Отъ времени до времени эти счастливые домосѣды умолкали, прислушиваясь къ чему-то; иной изъ нихъ поднималъ палецъ и говорилъ: «слушай!» Тогда сквозь трескъ камина и стукъ въ окна раздавался то жалобный, громкій вопль, отъ котораго тряслись стѣны, будто исполинская рука ложилась на нихъ; то глухой ревъ, какъ-будто море взволновалось; то такой шумъ и вихорь, что воздухъ, казалось, кружится какъ бѣшеный; наконецъ, съ протяжнымъ воемъ волны вѣтра неслись далѣе и затихали на минуту.

Въ этотъ вечеръ огонь Майскаго-Дерева свѣтился особенно привѣтливо, хотя на дворѣ не было никого, кто бы могъ его видѣть. Дай Богъ здоровья красному, пламенно-красному, старому оконному занавѣсу, который огонь, свѣчи, кушанье и напитки вмѣстѣ съ гостями сливалъ въ одну широкую яркую полосу, и какъ веселый глазъ смотрѣлъ въ темное, пустынное поле! А внутри, какой коверъ можетъ сравниться съ этимъ хрустящимъ пескомъ, какая музыка усладительнѣе этого трещащаго хвороста, какой ароматъ уподобится этому лакомому кухонному запаху, какая погода станетъ на ряду съ этой пріютной теплотою! Дай Богъ здоровья старому дому! Какъ раздраженный вѣтеръ ревѣлъ и визжалъ около великолѣпной кровли; какъ задыхаясь онъ боролся съ старыми трубами камина, которыя все-таки изъ своихъ гостепріимныхъ горлъ насмѣшливо пускали ему въ лицо густые клубы дыма; какъ онъ царапался и стучался въ окно, завистливо стараясь потушить это отрадное пламя, которое не только не потухало, но ярче и ярче выходило изъ борьбы.

Прибавьте обиліе, богатый, роскошный избытокъ этого великолѣпнаго трактира! Мало того, что одинъ огонь пылалъ и трещалъ на просторномъ очагѣ: на кирпичахъ, которыми выстланъ и изъ которыхъ складенъ былъ очагъ, горѣло кругомъ еще пятьсотъ ярко пылающихъ огней. Мало того, что одинъ красный занавѣсъ смотрѣлъ на дикую ночь и разливалъ свое отрадное очарованіе по комнатѣ: въ каждой кастрюльной крышкѣ и подсвѣчникѣ, въ каждой мѣдной, бронзовой или оловянной вещи, которая висѣла на стѣнѣ, блистали при всякомъ порывѣ пламени безчисленные красные занавѣсы, представляли глазу, куда бъ онъ ни обратился, безконечныя перспективы того же яркаго цвѣта. Старыя, дубовыя панели по стѣнамъ, балки, стулья, скамейки виднѣлись въ яркомъ красномъ отблескѣ. Даже въ глазахъ собесѣдниковъ, въ ихъ пуговицахъ, въ ихъ стаканахъ, въ трубкахъ, которыя они курили, были огни и красныя сторы.

Мэстеръ Уиллитъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ за пять

Digitized by Google

лѣтъ обыкновенно сиживалъ, съ глазами, устремленными на вѣчный котелъ; онъ сидѣлъ тутъ съ восьми часовъ, не подавая никакого другаго знака жизни, кромѣ того, что медленно переводилъ дыханіе съ громкимъ храпѣньемъ (хоть и вовсе не спалъ), подносилъ отъ времени до времени стаканъ къ губамъ, или выколачивалъ пепелъ изъ трубки и снова набивалъ ее. Было половина одиннадцатаго. Мэстеръ Коббъ и долговязый Филь Паркесъ были по-прежнему его собесѣдниками и въ-теченіе двухъ съ половиною смертельно-долгихъ часовъ никто изъ нихъ не промолвилъ слова.

Много лѣтъ сидя вмѣстѣ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, въ одинакомъ отношеніи и одинакомъ положеніи, дѣлая, какъ двѣ капли воды, одно и то же, пріобрѣтаютъ ли черезъ это люди шестое чувство, или вмѣсто его получаютъ какую-то непостижимую способность дѣйствовать другъ на друга,—это вопросъ, который надлежало бы разрѣшить философіи. По-крайней-мѣрѣ, несомнѣнно одно, что старый Джонъ Уиллитъ, мэстеръ Паркесъ и мэстеръ Коббъ, всѣ между собою, по собственному ихъ убѣжденію, были вѣрные собесѣдники и весьма-умныя головы; по-временамъ они переглядывались другъ съ другомъ, какъ-будто между ними происходила безпрестанная мѣна идей; никто изъ нихъ не считалъ несловоохотнымъ себя или своего сосѣда, и каждый кивалъ при случаѣ головою, когда смотрѣлъ другому въ глаза, какъ-будто говоря: «Вы очень хорошо выразились, сэръ, въ-разсужденіи этого предмета; я совершенно съ вами согласенъ».

Комната была такъ пріятно-тепла, табакъ такъ хорошъ, и огонь такъ благотворенъ, что мэстеръ Уиллитъ началъ мало-по-малу забываться; но какъ онъ отъ долгой привычки обладалъ искусствомъ курить во снѣ, и какъ дыханіе его во снѣ и бодрствованіи было совершенно однозвучно, кромѣ-того, что въ первомъ случаѣ онъ натыкался на небольшое препятствіе (какъ плотникъ, когда стругаетъ и попадаетъ на сучокъ), то этого никто изъ товарищей и не замѣчалъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ наткнулся на такой сучокъ и долженъ былъ приняться съизнова.

— Джонни свалился, прошепталъ мэстеръ Паркесъ.

— Спитъ какъ сурокъ, сказалъ мэстеръ Коббъ.

Больше они не сказали ни слова, до-тѣхъ-поръ, пока мэстеръ Уиллитъ вторично не наткнулся на сучокъ, необыкновенно жосткій, который привелъ его почти въ судорожное состояніе, но который онъ наконецъ преодолѣлъ подлинно сверхестественнымъ усиліемъ.

— Онъ спитъ ужасно крѣпко, сказалъ мэстеръ Коббъ.

Мэстеръ Паркесъ, который, вѣроятно, и самъ спалъ крѣпко, отвѣчалъ нѣсколько отрывисто: «отъ-чего жь и не такъ?» и устремилъ взоръ на аффишу, прилѣпленную надъ каминомъ и украшенную гра-

Digitized by Google

вюрою, которая изображала юношу нѣжныхъ лѣтъ, быстро бѣгущаго съ палкою и узелкомъ за плечами; подлѣ него, для дополненія идеи, представленъ былъ путеуказатель и каменная миля. Мэстеръ Коббъ также обратилъ глаза по этому направленію и смотрѣлъ на листъ, будто видѣлъ его первый разъ въ жизни. Это просто было объявленіе, которое мэстеръ Уиллитъ повѣсилъ для самого-себя о пропажѣ своего сына, Джозефа; оно гласило высшему и низшему дворянству, равно-какъ почтеннѣйшей публикѣ вообще, что Джой бѣжалъ изъ дома, описывало его наружность и одежду и предлагало пять фунтовъ стерлинговъ награжденія лицу или лицамъ, которыя его свяжутъ и въ цѣлости доставятъ въ Майское-Дерево въ Чигуэллѣ, или продержатъ въ одной изъ тюремъ его королевскаго величества до-тѣхъ-поръ, пока отецъ его пріѣдетъ за нимъ. Въ этомъ объявленіи, мэстеръ Уиллитъ упорно настаивалъ, вопреки добрымъ совѣтамъ и просьбамъ пріятелей, на то, чтобъ описать сына «маленькимъ мальчикомъ» и также представить его восемнадцатью дюймами или двумя футами ниже, чѣмъ онъ былъ дѣйствительно—два обстоятельства, бывшія отчасти причиною, что объявленіе не принесло другихъ плодовъ, кромѣ того, что въ разныя времена и за хорошія деньги присылано было въ Чигуэлль для осмотра около сорока-пяти бѣглецовъ отъ шести до двѣнадцати лѣтъ отъ роду.

Мэстеръ Коббъ и мэстеръ Паркесъ таинственно глядѣли на аффишу, потомъ на стараго Джона, и наконецъ другъ на друга. Мэстеръ Уиллитъ, съ того дня, какъ прилѣпилъ ее собственноручно, ни разу ни словомъ, ни намекомъ не касался этого предмета и никого не ободрялъ на то. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, какъ онъ объ этомъ разсуждалъ и что думалъ: совсѣмъ ли онъ это забылъ, или нѣтъ; вообще, знаетъ ли еще онъ, что такое происшествіе было когда-то. Даже, когда онъ спалъ такимъ образомъ, никто не осмѣливался выронить слово объ этомъ въ его присутствіи; таковы-то были важныя причины, по которымъ наши избранные друзья были теперь такъ молчаливы.

Между-тѣмъ, мэстеръ Уиллитъ попалъ на такія суковатыя мѣста, что рѣшительно долженъ былъ или пробудиться, или задохнуться. Онъ выбралъ первое и открылъ глаза.

— Если черезъ пять минутъ онъ не будетъ, сказалъ Джонъ: — я велю безъ него подавать ужинъ.

Первая часть этого предложенія произнесена была въ послѣдній разъ въ восемь часовъ. Потому мэстеръ Коббъ и мэстеръ Паркесъ уже привыкшіе къ такому образу разговора, отвѣчали немедленно, что Соломонъ точно долго нейдетъ, и они не могутъ понять, что его задерживаетъ.

— Надѣюсь однако, его не унесло вѣтромъ, сказалъ Паркесъ: —

Digitized by Google

хотъ вѣтеръ дуетъ довольно-сильно для человѣка его роста и такого нетвердаго на ногахъ. Слышите? Это какъ изъ пушекъ, клянусь честью. Сегодняшнюю ночь много будетъ треску въ лѣсу, я думаю; много сломанныхъ сучьевъ будетъ завтра валяться по землѣ.

— Въ Майскомъ-Деревѣ ничего не сломаетъ, ручаюсь вамъ, сэръ, возразилъ старый Джонъ. — Пусть пожалуетъ сюда вѣтеръ, пусть попробуетъ... Это что такое?

— Вѣтеръ, сказалъ Паркесъ.—Вотъ ужь цѣлый вечеръ онъ воетъ какъ нищій.

— Слыхали вы, сэръ, сказалъ Джонъ, подумавъ съ минуту: — чтобъ вѣтеръ говорилъ: «Майское-Дерево»?

— Э, да кто жь это слыхалъ когда-нибудь? отвѣчалъ Паркесъ.

— Опять! о-о! А не слыхали ль, чтобъ онъ кричалъ? прибавилъ Джонъ.

— Нѣтъ, и этого не слыхивалъ.

— Хорошо, сэръ, сказалъ мэстеръ Уиллитъ спокойно: — если это вѣтеръ, по-вашему, потрудитесь прислушаться и услышите, что вѣтеръ кричитъ оба слова.

Мэстеръ Уиллитъ былъ правъ. Послушавъ съ минуту, они сквозь шумъ и свистъ могли ясно разобрать этотъ крикъ, — крикъ пронзительный и усильный, какой, очевидно, происходилъ отъ человѣка, находившагося въ опасности. Они посмотрѣли другъ на друга, побѣднѣли и притаили дыханіе. Никто изъ нихъ не шевелился.

Въ эту-то критическую минуту проявилъ мэстеръ Уиллитъ твердость и присутствіе духа, которыя заслужили ему удивленіе всѣхъ его пріятелей и сосѣдей. Поглядѣвъ нѣсколько времени молча на мэстера Кобба и мэстера Паркеса, онъ схватился обѣими руками за щеки и испустилъ такой ревъ, что всѣ стаканы запрыгали, всѣ стропила въ домѣ задрожали. Это было протяжное, раздирающее слухъ мычаніе, которое, перекатываясь по вѣтру, раздавалось всюду и дѣлало ночь во сто разъ шумнѣе, — глубокій, громкій, отвратительный крикъ, звучавшій живымъ барабаномъ. Всѣ жилы надулись у него отъ сильнаго напряженія и лицо покрылось яркимъ пурпуромъ, когда онъ подошелъ ближе къ огню и обернувшись къ нему спиною, сказалъ съ достоинствомъ:

— Если это кого-нибудь утѣшитъ, я очень радъ. Если нѣтъ, жаль мнѣ его. Не хочетъ ли кто изъ васъ, джентльмены, выйдти и посмотрѣть, что тамъ такое? Пойдите, пожалуйста. Я съ своей стороны не любопытенъ.

Пока онъ говорилъ еще, крикъ слышался все ближе и ближе; подъ окошкомъ раздались шаги, щеколдка поднялась, дверь отворилась, снова сильно захлопнулась, и Соломонъ Дейзи, съ зажженнымъ фо-

Digitized by Google

наремъ въ рукѣ, промоченный насквозь дождемъ, вбѣжалъ въ комнату.

Трудно вообразить картину ужаса совершеннѣе той, какую представлялъ собою маленькій человѣчекъ. Потъ крупными каплями выступилъ у него на лицѣ, колѣни ударялись одно объ другое, всѣ члены дрожали, языкъ отнялся; онъ стоялъ, разинувъ ротъ, тяжело дыша и весь блѣдный смотрѣлъ на нихъ такими оледенѣлыми глазами, что они сами заразились такимъ же страхомъ, не зная его причины, и съ такою же испуганною, обезображенною физіономіею отступили въ остолбенѣніи, не имѣя силъ сдѣлать ему вопроса, пока наконецъ Джонъ Уиллитъ, въ припадкѣ мгновеннаго безумія, прыгнулъ къ его галстуху и, схвативъ за эту часть одежды, такъ сильно затрясъ его, что зубы у него застучали.

— Говори, что̀ такое, сэръ, вскричалъ Джонъ:—не-то, я убью тебя. Говори, или еще секунда—и голова твоя очутится подъ котломъ. Какъ ты смѣешь корчить такія рожи? По пятамъ, что ли кто бѣжитъ за тобою? Что̀ ты это? Говори, сказывай; не-то тутъ тебѣ и смерть!

Мэстеръ Уиллитъ въ своемъ бѣшенствѣ такъ былъ близокъ къ буквальному выполненію своего обѣщанія (Соломонъ Дейзи уже началъ ужаснымъ образомъ выворачивать глаза и нѣсколько гортанныхъ звуковъ, какъ у задыхающагося, вылетѣло у него изъ горла), что двое пріятелей, нѣсколько опамятовавшіеся, насильно оттащили его отъ жертвы и посадили маленькаго чигуэльскаго церковнослужителя на стулъ. Озираясь мутно вокругъ себя, онъ слабымъ голосомъ заклиналъ ихъ дать ему чего-нибудь выпить, а пуще всего запереть двери и, не теряя ни минуты, покрѣпче задвинуть ставни. Просьба эта мало могла успокоить и ободрить слушателей, однако они поспѣшили ее исполнить, и, давъ ему въ руку чашку горячаго джина съ водою, приготовились слушать разсказъ.

— О, Джонни! сказалъ Соломонъ, сжавъ ему руку:—о, Паркесъ! о, Томми Коббъ! Зачѣмъ выходилъ я нынѣшній вечеръ изъ дому! Девятнадцатое марта — изъ всѣхъ вечеровъ въ году, девятнадцатое марта!

Они тѣснѣе сдвинулись вокругъ огня. Паркесъ, сидѣвшій ближе всѣхъ къ двери, вздрогнулъ и оглянулся черезъ плечо. Мэстеръ Уиллитъ нахмурился и спросилъ, что̀ такое онъ тамъ говоритъ, потомъ прибавилъ: «Господи помилуй» и также оглянулся черезъ плечо и подвинулся нѣсколько-ближе.

— Пошедши отсюда сегодня вечеромъ, я совсѣмъ не подумалъ, какое нынѣче число. Двадцать-семь лѣтъ никогда въ этотъ день не ходилъ я одинъ въ-потемкахъ въ церковь. Я слыхалъ, что, какъ мы живые празднуемъ наши дни рожденія, такъ мертвецы, которымъ

Digitized by Google

нѣтъ покоя въ могилахъ, празднуютъ день своей смерти... Ахъ, какъ воетъ вѣтеръ!

Никто не говорилъ. Всѣ глаза пристально глядѣли на Соломона.

— По дурной погодѣ я бы могъ догадаться, что́ нынѣче за ночь. Въ цѣломъ году не бываетъ такой ночи, какова всегда эта. Я никогда не сплю покойно девятнадцатое марта.

— Я тоже, промолвилъ Томъ Коббъ тихо.—Продолжай.

Соломонъ Дейзи поднесъ стаканъ къ губамъ, потомъ опустилъ его на столъ такою дрожащею рукою, что ложка зазвенѣла въ стаканѣ какъ колокольчикъ, и наконецъ продолжалъ:

— Не говорилъ ли я всегда, что такъ или иначе мы какъ нарочно попадаемъ на этотъ предметъ, лишь-только наступитъ девятнадцатое марта? Вы думаете, это просто случай, что я забылъ завести часы на колокольнѣ? Въ другое время однако я никогда не забывалъ, хоть и скучная вещь заводить ихъ каждый день. Почему изъ всѣхъ дней въ году именно въ этотъ я позабылъ?

— Я спѣшилъ сколько могъ, вышедъ отсюда; но прежде надобно было воротиться домой за ключами, и какъ вѣтеръ и дождь всю дорогу дули мнѣ прямо въ лицо, то я едва могъ удержаться на ногахъ. Наконецъ я пришолъ, отперъ дверь и вошолъ въ церковь. Во всю дорогу мнѣ не попалось живой души: можете судить, каково страшно было. Вы вѣрно не пошли бы со мною, — и были бы правы, еслибъ знали, что́ потомъ случилось.

— Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что я едва могъ притворить дверь, упершись въ нее изъ всѣхъ силъ; и то она два раза отворялась, такъ что напирайтесь вы на нее по-моему, вы побожились бы, что ее кто-нибудь толкаетъ съ той стороны. Однакожь, я повернулъ ключъ въ замкѣ, вошелъ на колокольню и завелъ часы: они ужь совсѣмъ сбѣжали и стояли съ полчаса недвижно.

— Когда я опять взялъ фонарь, чтобъ выйдти изъ церкви, мнѣ вдругъ вспомнилось, что нынѣче девятнадцатое марта. Это меня такъ ударило, какъ-будто кто кулакомъ пришибъ эту мысль къ головѣ моей; въ то же мгновеніе я услышалъ снаружи подъ башнею голосъ, подымавшійся изъ могилъ.

Здѣсь старый Джонъ вдругъ перебилъ разскащика, попросивъ мэстера Паркеса (который сидѣлъ противъ него и смотрѣлъ прямо черезъ голову Джону) потрудиться сказать, не видитъ ли онъ чего-нибудь. Мэстеръ Паркесъ извинился, говоря, что онъ только слушаетъ; на что мэстеръ Уиллитъ возразилъ съ досадою, что эта манера слушать, съ такимъ особеннымъ выраженіемъ лица, ничуть не пріятна, и что если онъ не можетъ держать лицо какъ другіе люди, то гораздо лучше сдѣлаетъ, завѣсивъ его носовымъ платкомъ. Мэстеръ Паркесъ со всѣмъ смиреніемъ обѣщалъ въ другой разъ такъ дѣлать, если

Digitized by Google

понадобится, и Джонъ Уиллитъ, опять обратившись къ Соломону, велѣлъ разсказывать дальше. Маленькій человѣчекъ подождалъ, пока промчался жестокій порывъ вѣтра, потрясшій даже этотъ прочный домъ до основанія, и продолжалъ:

— Не говорите, чтобъ это было въ моемъ воображеніи, или чтобъ я ослышался. Я слышалъ, какъ вѣтеръ свисталъ по церковнымъ сводамъ, слышалъ какъ башня качалась и скрипѣла, слышалъ какъ дождь хлесталъ по стѣнамъ, чувствовалъ какъ тряслись колокола, видѣлъ какъ раздувались веревки, слышалъ и этотъ голосъ.

— Что́ же онъ сказалъ? спросилъ Томъ Коббъ.

— Не знаю, что́. Не знаю даже, говорилъ ли онъ. Онъ закричалъ подобно тому, какъ мы кричимъ, когда во снѣ что-нибудь страшное гонится за нами и вдругъ догонитъ; потомъ онъ замеръ.

— Ну, тутъ еще нѣтъ ничего важнаго, сказалъ Джонъ, глубоко вздохнувъ и оглянувшись вокругъ себя, какъ-будто у него камень упалъ съ сердца.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ пріятель.—Но вѣдь это еще не все.

— Что́ жь еще, сэръ? спросилъ Джонъ, отирая передникомъ потъ съ лица.—Что́ же вы теперь намъ разскажете?

— То, что́ я видѣлъ.

— Видѣлъ! воскликнули всѣ трое, подавшись впередъ.

— Когда я отворилъ церковную дверь, чтобъ выйдти, сказалъ маленькій человѣчекъ съ гримасою, лучше всего подтверждавшею искренность его убѣжденія: — когда я отворилъ церковную дверь, чтобъ выйдти,—а я сдѣлалъ это проворно, потому-что хотѣлъ запереть ее прежде, чѣмъ опять подуетъ вѣтеръ, тогда прошла — такъ близко ко мнѣ, что я могъ бы дотронуться до нея, протянувъ палецъ, — прошла человѣческая фигура. На головѣ у нея ничего не было. Она оборотилась, не останавливаясь, и пристально посмотрѣла на меня. Это было привидѣніе, духъ...

— Чей? спросили всѣ трое въ одинъ голосъ.

Въ избыткѣ волненія (потому-что онъ дрожа упалъ на стулъ и махалъ рукою, будто умоляя, чтобъ его больше не спрашивали), отвѣтъ его не былъ слышанъ ни кѣмъ, кромѣ стараго Джона, который сидѣлъ подлѣ него.

— Кто? воскликнули Паркесъ и Томъ Коббъ, поглядывая то на Соломона Дейзи, то на мэстера Уиллита.—Кто это былъ?

— Нѣчего спрашивать, джентльмены, сказалъ мэстеръ Уиллитъ послѣ долгой паузы.—Разумѣется, тѣнь убитаго; вѣдь нынѣче девятнадцатое марта.

Наступила глубокая тишина.

—Если вы послушаетесь моего совѣта, сказалъ Джонъ:—то всѣмъ намъ лучше оставить эту тайну про-себя. Такія исторіи не понравят-

Digitized by Google

ся въ Кроличьей-Засѣкѣ. По-крайней-мѣрѣ, покамѣстъ мы смолчимъ объ этомъ дѣлѣ; иначе наживемъ себѣ непріятностей, да и Соломонъ можетъ потерять мѣсто. Въ-самомъ ли дѣлѣ было такъ, какъ онъ говоритъ, или нѣтъ, все равно. Правъ ли, не правъ ли онъ, никто этому не повѣритъ. Что касается до вѣроятности случая, то я самъ не вѣрю, сказалъ мэстеръ Уиллитъ, осматривая всѣ углы комнаты съ видомъ, показывавшимъ, что онъ, подобно другимъ философамъ, не очень былъ успокоенъ своею теоріею, — чтобъ мертвецъ, который при жизни былъ неглупымъ человѣкомъ, вышелъ въ такую погоду; знаю, что, по-крайней-мѣрѣ, я не вышелъ бы, еслибъ былъ мертвецъ.

Но это еретическое мнѣніе встрѣтило сильное противорѣчіе со стороны трехъ другихъ пріятелей, которые приводили кучу примѣровъ въ доказательство, что именно въ такую погоду была настоящая пора для привидѣній; и мэстеръ Паркесъ (самъ имѣвшій привидѣніе въ семействѣ, съ материной стороны), излагалъ свои доказательства съ такимъ остроуміемъ и такою ясностію, что Джонъ, отъ опасности отступиться отъ своего мнѣнія, спасся только благовременнымъ появленіемъ ужина, на который всѣ напали съ страшнымъ аппетитомъ. Самъ Соломонъ Дейзи ободрительнымъ вліяніемъ огня, свѣчей, джину и добрыхъ собесѣдниковъ до того оправился, что размахивалъ ножомъ и вилкою съ примѣчательною храбростію и обнаруживалъ въ ѣдѣ и питьѣ такое мужество, передъ которымъ умолкло всякое опасеніе, что испугъ повредилъ его здоровью.

Послѣ ужина, они опять усѣлись около камина и перебирали, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, всѣ возможные вопросы, чтобъ снабдить исторію новыми ужасами и внезапностями. Но Соломонъ Дейзи, вопреки этимъ искушеніямъ, такъ твердо стоялъ на своемъ первомъ разсказѣ и повторялъ его такъ часто, съ такими маловажными отступленіями и съ такими торжественными увѣреніями въ истинѣ его и подлинности, что слушатели удивлялись больше прежняго. Какъ онъ принялъ мнѣніе Уиллита, что благоразуміе требовало не распространять этой исторіи, пока мертвецъ не явится ему опять, — а касательно этого случая необходимо будетъ, посовѣтоваться немедленно съ священникомъ, — то храненіе происшествія втайнѣ было торжественно условлено. И какъ большая часть людей любитъ владѣть тайною, которою возвышаютъ свою значительность, то условіе заключено совершенно-единодушно.

Между-тѣмъ, было уже поздно, и обыкновенный часъ разставанья давно прошелъ, такъ-что пріятели наконецъ распростились. Соломонъ Дейзи пошелъ домой, съ свѣжею свѣчою въ фонарѣ, и длинный Паркесъ съ мэстеромъ Коббомъ, бывшіе посмѣлѣе его, составляли его прикрытіе. Мэстеръ Уиллитъ проводилъ ихъ до дверей и воротился

Digitized by Google

собрать помощью котла свои мысли и прислушиваться къ шуму вѣтра и дождя, которые ни на одну іоту еще не убавили своей ярости.

ГЛАВА XXXIV.

Старый Джонъ не смотрѣлъ еще двадцати минутъ на котелъ, какъ мысли его собрались уже въ фокусъ и занялись исторіею Соломона Дейзи. Чѣмъ больше онъ объ ней раздумывалъ, тѣмъ сильнѣе становилось въ немъ убѣжденіе въ собственной мудрости и желаніе передать это убѣжденіе мэстеру Гэрдалю. Наконецъ онъ рѣшился, прежде чѣмъ ляжетъ спать, сходить въ Кроличью-Засѣку, во-первыхъ для того, чтобъ играть въ дѣлѣ главную роль, а во-вторыхъ, чтобъ опередить Соломона и двухъ его пріятелей, отъ которыхъ, какъ онъ зналъ, приключеніе на другой же день къ завтраку будетъ извѣстно по-крайней-мѣрѣ двадцати человѣкамъ и, очень-вѣроятно, дойдетъ до ушей самого мэстера Гэрдаля.

— Онъ мой помѣщикъ, разсуждалъ Джонъ, и, поставивъ свѣчу за уголъ отъ вѣтра, открылъ заднее окно, чтобъ посмотрѣть въ конюшни.—Мы съ нимъ въ послѣдніе годы не такъ часто видѣлись, какъ бывало прежде... въ семействѣ есть перемѣны... желательно сколько-можно-ладнѣе жить съ людьми... слухъ объ этой исторіи разсердитъ его... не худо имѣть съ такимъ человѣкомъ маленькіе секреты и быть къ нему поближе. Гогъ, сюда! Гогъ... Гогъ! Эй!

Когда онъ повторилъ разъ двадцать этотъ крикъ и перепугалъ всѣхъ голубей на гнѣздахъ, отворилась дверь въ развалившемся, старомъ строеніи и грубый голосъ спросилъ, что тамъ опять за пропасть, что и во снѣ не даютъ ему покоя.

— Какъ! Развѣ ты не выспался, ворчунъ, что тебя и разбудить нельзя? сказалъ Джонъ.

— Куда выспаться! отвѣчалъ тотъ, зѣвая и отряхаясь: — только-что успѣлъ заснуть.

— Не понимаю, какъ ты можешь спать, когда вѣтеръ такъ воетъ у тебя надъ ушами, и кирпичи летаютъ какъ колода картъ, сказалъ Джонъ: — ну, да это ничего. Накинь что-нибудь на себя и пойдемъ со мною въ Кроличью-Засѣку. Скорѣе!

Гогъ, бормоча что-то, воротился въ свою берлогу и скоро опять показался съ фонаремъ и дубиною въ рукахъ, съ головы до ногъ закутанный въ старую, косматую, изодранную попону. Мэстеръ Уиллитъ встрѣтилъ его у задней двери и ввелъ въ комнату, навьючивъ на себя множество сюртуковъ и кафтановъ и до того закутавъ лицо шалями и платками, что трудно было догадаться, какъ онъ будетъ дышать.

Digitized by Google

— Вѣдь вы вѣрно не поведете человѣка изъ дому въ такую погоду, середь ночи, безъ подкрѣпительнаго, мэстеръ, а? сказалъ Гогъ.

— Какъ же, какъ же, сэръ, отвѣчалъ мэстеръ Уиллитъ.—Я дамъ ему подкрѣпительнаго (какъ ты это называешь), когда онъ благополучно приведетъ меня назадъ домой, и когда для меня будетъ не такъ важно знать, крѣпко онъ держится на ногахъ, или нѣтъ. Ну, подними же свѣчку выше, и ступай впередъ да указывай дорогу.

Гогъ повиновался безъ особеннаго удовольствія, бросивъ жадный взглядъ на бутылки съ джиномъ. Старый Джонъ, отдавъ повару строгое приказаніе держать въ его отсутствіе двери на запорѣ и подъ страхомъ разсчета не впускать никого чужаго, послѣдовалъ за своимъ проводникомъ въ ненастную ночь.

Дорога была грязна и дурна ужасно, а ночь такъ темна, что еслибъ мэстеръ Уиллитъ былъ самъ своимъ лоцманомъ, то навѣрное попалъ бы въ лошадиную купальню, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Майскаго-Дерева, и окончилъ бы въ этой недостойной его сферѣ свое блистательное поприще. Но Гогъ, который былъ зорокъ какъ ястребъ и, независимо отъ этой способности, на двѣнадцать миль въ окружности нашелъ бы дорогу съ завязанными глазами, тащилъ стараго Джона впередъ, не слушая его криковъ, даже ни разу къ нему не оборачиваясь. Такъ пробирались они, упираясь всѣми силами противъ вѣтра; Гогъ давилъ мокрую траву своими тяжелыми ногами и шагалъ своимъ обыкновеннымъ, дикимъ манеромъ далѣе; Джонъ Уиллитъ слѣдовалъ за нимъ на разстояніи руки, осторожною поступью, и озирался, боясь то рвовъ и лужъ, то скитающихся вокругъ мертвецовъ, и исполненный такого страха и безпокойства, какое только могло выражаться на его неизмѣнномъ лицѣ.

Наконецъ пришли они въ большую песчаную аллею передъ Кроличью-Засѣкой. Зданіе было мрачно; ни души вокругъ его. Однакожъ, въ уединенной комнатѣ надъ балкономъ свѣтился огонекъ; къ этому-то единственному утѣшительному мѣсту въ холодной, нѣмой, угрюмой сторонѣ велѣлъ мэстеръ Уиллитъ править своему лоцману.

— Вѣдь старая комната, сказалъ Джонъ, робко глядя на верхъ:— спальня мэстера Реубена, помилуй насъ Господи! Удивляюсь только, какъ братъ его можетъ тамъ сидѣть такъ поздно ночью— и притомъ въ такую ночь.

— А гдѣ жь бы ему сидѣть? спросилъ Гогъ, прижимая фонарь къ груди, чтобъ вѣтеръ не задулъ свѣчи, пока онъ снималъ съ нее пальцами.—Вѣдь она спокойна?

— Спокойна! Право, у тебя славныя понятія о спокойствіи. Знаешь ли ты, негодяй, что случилось въ этой комнатѣ?

— Ну, такъ что жь? чѣмъ же она отъ этого хуже? воскликнулъ Гогъ, смотря на жирное лицо Джона. — Развѣ она меньше оборони-

Digitized by Google

ешь отъ вѣтра, дождя и снѣга? Развѣ меньше тепла и суха отъ-того, что въ ней убитъ человѣкъ? Ха, ха, ха! Полноте, сэръ! Человѣкъ еще не такая важная вещь...

Мэстеръ Уиллитъ вытаращилъ безжизненные глаза на своего проводника и началъ—по какому-то внушенію свыше—находить возможнымъ, что Гогъ опасный малый, котораго не дурно на другой же день сбыть съ рукъ. Онъ былъ такъ благоразуменъ, что не сказалъ ни одного слова, до-тѣхъ-поръ, пока передъ нимъ лежалъ еще обратный путь, и потому повернулся къ желѣзной рѣшетчатой двери, подлѣ которой происходилъ этотъ разговоръ, и позвонилъ въ колокольчикъ. Такъ-какъ балконъ, на которомъ виднѣлся свѣтъ, находился на углу зданія и только садовою дорожкою отдѣлялся отъ аллеи, куда вели рѣшетчатыя ворота, то мэстеръ Гэрдаль тотчасъ отворилъ окно и спросилъ, кто тамъ.

— Извините, сэръ, сказалъ Джонъ:—я зналъ, что вы долго не ложитесь спать, и осмѣлился пріѣхать, потому-что мнѣ нужно поговорить съ вами.

— Уиллитъ, это ты?

— Уиллитъ изъ Майскаго-Дерева—къ вашимъ услугамъ, сэръ.

Мэстеръ Гэрдаль закрылъ окно и пошелъ прочь. Скоро онъ явился внизу, перешелъ поперегъ дорожку и отперъ рѣшетку, чтобъ впустить пришедшихъ.

— Ты поздній гость, мэстеръ Уиллитъ. Что у тебя за дѣло?

— Ничего особенно-важнаго, сэръ, сказалъ Джонъ:—глупая сказка; но мнѣ показалось, что вамъ должно знать ее; больше ничего.

— Вели же твоему слугѣ идти впередъ съ фонаремъ и дай мнѣ твою руку. Лѣстницы кривы и тѣсны. Потише ты со свѣчкою, любезный! Ты махаешь ею, какъ кадиломъ.

Гогъ, бывшій уже въ сѣняхъ, взялъ крѣпче фонарь и сталъ подниматься по лѣстницѣ, оборачиваясь отъ времени до времени, чтобъ свѣтить за собою. Мэстеръ Гэрдаль, шедшій тотчасъ за нимъ, смотрѣлъ неблагопріятными глазами на его шпіонское лицо; и Гогъ, глядѣвшій на него, когда они всходили на круглую лѣстницу, платилъ ему такими же взглядами.

Наконецъ они пришли въ маленькую переднюю, примыкавшую къ той комнатѣ, гдѣ они видѣли огонь. Мэстеръ Гэрдаль вошелъ напередъ и ввелъ ихъ въ послѣднюю комнату, гдѣ сѣлъ опять за письменный столъ, изъ-за котораго всталъ, когда они позвонили.

— Сюда, сказалъ онъ, кивнувъ старому Джону, который съ поклономъ остановился у двери.—Я тебя не зову, любезный, сказалъ онъ поспѣшно Гогу, который также вошелъ. Уиллитъ, зачѣмъ ты привелъ съ собою этого человѣка?

— Сэръ, отвѣчалъ Джонъ, поднявъ брови, тѣмъ же тихимъ голо-

Digitized by Google

сомъ, какимъ сдѣланъ былъ вопросъ: —это хорошій тѣлохранитель, какъ видите.

— Сомнѣваюсь, сказалъ мэстеръ Гердаль, смотря на Гога. — Не слишкомъ полагайся на него. Онъ смотритъ негодяемъ.

— Въ его глазахъ нѣтъ никакого воображенія, возразилъ мэстеръ Уиллитъ, оглядываясь черезъ плечо на Гога.—Конечно, сэръ...

— Въ нихъ, повѣрь, нѣтъ ничего добраго, сказалъ мэстеръ Гэрдаль. — Пожалуйста, любезный, подожди тамъ въ передней, и затвори за нами дверь.

Гогъ повиновался, пожавъ плечами и бросивъ насмѣшливый взоръ, показывающій, что онъ или слыхалъ ихъ шопотъ, или угадывалъ его содержаніе. Когда онъ вышелъ, мэстеръ Гэрдаль обратился къ Джону, и просилъ его начать свой разсказъ, но говорить не слишкомъ-громко, потому-что и у стѣнъ есть уши.

Послѣ такого предостереженія, мэстеръ Уиллитъ, тихимъ, ровнымъ шопотомъ разсказалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ этотъ вечеръ. Особенно ударялъ онъ на свою проницательность, уваженіе къ ихъ семейству и заботу объ его счастіи и спокойствіи. Разсказъ произвелъ на слушателя несравненно-болѣе впечатлѣнія, чѣмъ ожидалъ Джонъ. Мэстеръ Гэрдаль во время повѣствованія часто мѣнялъ положеніе, вставалъ и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, опять садился на мѣсто, просилъ повторить отъ слова до слова случившееся съ Соломономъ, и обнаруживалъ такъ много другихъ знаковъ безпокойства и волненія, что самъ мэстеръ Уиллитъ удивился.

— Ты очень хорошо сдѣлалъ, сказалъ онъ послѣ долгой бесѣды: — что велѣлъ имъ молчать объ этомъ дѣлѣ. Это глупое видѣніе слабоумнаго человѣка, который выросъ въ страхѣ и суевѣріи. Но миссъ Гэрдаль, хоть и знаетъ это, встревожилась бы, услышавъ такіе разсказы; они имѣютъ такую связь съ предметомъ, слишкомъ тягостнымъ для всѣхъ насъ, что нельзя выслушивать ихъ равнодушно. Ты очень благоразумно поступилъ и чрезвычайно обязалъ меня. Благодарю тебя отъ всего сердца.

Это исполняло самыя сангвиническія ожиданія Джона; однако ему было бы пріятнѣе, еслибъ мэстеръ Гэрдаль, говоря такъ, въ-самомъ-дѣлѣ смотрѣлъ на него съ признательностію, вмѣсто того, чтобъ ходить взадъ и впередъ, говорить отрывисто, останавливаться и устремлять глаза въ землю, вдругъ опять ходить подобно безумному, смутно понимающему то, что онъ дѣлаетъ и говоритъ.

Всѣ эти поступки привели Джона въ такое затрудненіе, что онъ долго не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ онъ всталъ. Мэстеръ Гэрдаль пристально взглянулъ на него, будто совершенно забылъ о его присутствіи, потомъ потрясъ ему руку и отворилъ дверь. Гогъ, который лежалъ въ передней на полу и крѣпко спалъ, или притворялся

Digitized by Google

спящимъ, вскочилъ при входѣ ихъ, накинулъ свой плащъ, схватилъ фонарь и дубину и приготовился сойдти съ лѣстницы.

— Постой! сказалъ мэстеръ Гэрдаль. — Не хочетъ ли твой провожатый выпить?

— Выпить! Да онъ готовъ вытянуть Темзу, еслибъ она была не слишкомъ крѣпка для него, сэръ, отвѣчалъ Джонъ Уиллитъ. — Онъ выпьетъ, какъ ужь воротится домой. Лучше пусть останется теперь трезвымъ, сэръ.

— Нѣтъ. Половина дороги уже сдѣлана, сказалъ Гогъ. —Что вы за жестокій хозяинъ! Послѣ хорошаго стакана, я веселѣе сдѣлаю другую половину. Пожалуйте!

Такъ-какъ Джонъ ничего не возразилъ на это, то мэстеръ Гэрдаль вынесъ стаканъ джину и подалъ Гогу, который, взявъ его въ руку, сплеснулъ съ него нѣсколько капель на полъ.

— Э, съ чего же ты взялъ, сэръ, мочить своимъ питьемъ полъ въ домѣ джентльмена? сказалъ Джонъ.

— Пью за здоровье, отвѣчалъ Гогъ, поднявъ стаканъ надъ головою и пристально смотря мэстеру Гэрдалю въ лицо. — Много лѣтъ здѣшнему дому и хозяину! онъ проворчалъ еще что-то себѣ подъ носъ, выпилъ, поставилъ стаканъ и пошелъ, не сказавъ больше ни слова.

Джона взяла сильная досада; но видя, что мэстеръ Гэрдаль мало обращалъ вниманія на Гога, занятый совсѣмъ инымъ мыслями, онъ не сталъ извиняться, а молча спустился съ лѣстницы, и черезъ дорожку вышелъ за садовыя ворота. Тамъ они остановились, пока Гогъ свѣтилъ мэстеру Гэрдалю, запиравшему рѣшетку; и Джонъ съ удивленіемъ (какъ самъ послѣ разсказывалъ) замѣтилъ, что мэстеръ былъ очень блѣденъ, и что съ самаго прихода ихъ, лицо его такъ перемѣнилось и похудѣло, что его ужь почти нельзя было узнать.

Теперь они опять были на открытой дорогѣ, и Джонъ по-прежнему шелъ за своимъ тѣлохранителемъ, погруженный въ раздумье о томъ, что́ слышалъ и видѣлъ, какъ вдругъ Гогъ дернулъ его въ сторону, и почти въ то же мгновеніе пронеслись мимо ихъ трое всадниковъ, — крайній даже задѣлъ за плечо Джона, — которые тотчасъ остановили лошадей и ждали, пока подойдетъ Гогъ съ своимъ хозяиномъ.

ГЛАВА XXXV.

Когда Джонъ Уиллитъ увидѣлъ, что всадники быстро оборотились и всѣ трое рядомъ стояли на узкой дорогѣ, поджидая его съ Гогомъ, ему съ необыкновенной скоростью пришла мысль, что это разбойни-

Digitized by Google

ки, и будь только у Гога, вмѣсто дубины, ружье въ рукахъ, онъ вѣрно велѣлъ бы ему стрѣлять на удачу, а самъ, во время выстрѣла, искалъ бы спасенія въ бѣгствѣ. Но въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ находился съ своимъ тѣлохранителемъ, счелъ онъ за лучшее принять совершенно-иную тактику, и потому шепнулъ своему проводнику приказаніе заговорить съ незнакомцами какъ-можно миролюбивѣе и вѣжливѣе. Дѣйствуя въ духѣ полученнаго приказанія, Гогъ выступилъ впередъ, и махая палкою подъ самымъ носомъ ближайшаго всадника, спросилъ грубо, что̀ это значитъ, что они такъ поздно ночью скачутъ по королевской большой дорогѣ, и едва не задавили его съ хозяиномъ.

Вопрошаемый началъ-было отвѣчать тѣмъ же тономъ, какъ вдругъ былъ прерванъ стоявшимъ посерединѣ всадникомъ, который съ видомъ начальническаго достоинства вступился въ дѣло, и нѣсколько-гроикимъ, но отнюдь не грубымъ и не непріязненнымъ голосомъ спросилъ:

— Скажите, эта дорога въ Лондонъ?

— Коли прямо поѣдете, такъ въ Лондонъ, грубо отвѣчалъ Гогъ.

— Нѣтъ, братъ, сказало то же лицо: — ты не болѣе, какъ дикій Англичанинъ, если еще только Англичанинъ, въ чемъ я сильно бы усомнился, когда бы ты не говорилъ по-англійски. Товарищъ твой вѣрно отвѣтитъ учтивѣе. Что ты скажешь, любезный?

— Я скажу, сэръ, *это* дорога въ Лондонъ, отвѣчалъ Джонъ. — Желалъ бы я, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, Гогу: — чтобъ ты былъ гдѣ-нибудь не здѣсь на дорогѣ, бродяга. Развѣ тебѣ надоѣла жизнь, что ты заводишь ссору съ тремя такими головорѣзами, которые могутъ, если захотятъ, затоптать насъ до смерти, а потомъ взять за сѣдла и бросить въ воду миль за десять отсюда?

— Далеко ли до Лондона? спросилъ тотъ же говорившій.

— Отсюда, сэръ, отвѣчалъ Джонъ умилительнымъ голосомъ: — будетъ не больше тринадцати очень-легкихъ миль.

Прилагательное «очень-легкихъ», надѣялся онъ, заставитъ всадниковъ поскакать сломя голову; но вмѣсто ожидаемаго успѣха, оно вызвало у спрашивающаго восклицаніе: «Тринадцать миль! Далеко же!» и за этимъ послѣдовала короткая, нерѣшительная пауза.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ онъ опять: — нѣтъ ли тутъ вблизи гостинницъ?

При словѣ «гостинницъ», Джонъ удивительно ободрился; страхъ его исчезъ, какъ исчезаютъ отруби передъ вѣтромъ; трактирщикъ проснулся въ оробѣвшемъ Джонѣ.

— Гостинницъ нѣтъ по близости, отвѣчалъ мэстеръ Уиллитъ, дѣлая особенное удареніе на послѣднемъ слогѣ, означавшемъ множественное: — а есть одна гостинница—Майское-Дерево. Вотъ ужь

Digitized by Google

настоящая гостинница, нечего сказать. Подобную ей не вездѣ найдете.

— Не ты ли хозяинъ ея? сказалъ смѣясь всадникъ.

— Конечно, сэръ, возразилъ Джонъ, очень удивляясь, какъ тотъ угадалъ это.

— А далеко ли отсюда до Майскаго-Дерева?

— Около мили. Джонъ хотѣлъ прибавить, что это самая короткая миля въ свѣтѣ, какъ третій всадникъ, до-тѣхъ-поръ державшійся нѣсколько по-одаль, вдругъ прервалъ его:

— А есть ли у тебя отличная постель, господинъ-хозяинъ? Гм! Постель, за которую бы ты могъ поручиться,—постель, разумѣется, хорошо провѣтренная,—постель, въ которой не спалъ никто, кромѣ особъ почтенныхъ и безукоризненныхъ?

— Бродягъ и сволочи у насъ не останавливается, сэръ, отвѣчалъ Джонъ. — А что касается до постели...

—Скажи до трехъ постелей, прервалъ господинъ, говорившій прежде: — потому-что если мы остановимся, намъ понадобится три постели, хотя мой товарищъ и говоритъ только объ одной.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой высокій господинъ; вы слишкомъ добры; но ваша жизнь такъ дорога для націи въ наше трудное время, что не можетъ быть поставлена на-ряду съ такою безполезною и ничтожною жизнью, какъ моя. Великое дѣло, мой великій господинъ, огромное дѣло лежитъ на васъ. Вы его вождь и руководитель, поборникъ и провозвѣстникъ. Это дѣло нашего отечества и нашей вѣры, вопросъ идетъ о тронѣ и алтарѣ, о жизни и имуществѣ. *Мнѣ* позвольте уснуть на стулѣ, на коврѣ, — гдѣ попало. Нѣкому будетъ сѣтовать, если я схвачу насморкъ, или лихорадку. Джонъ Грюбэ можетъ провести ночь на дворѣ — о *немъ* нѣкому жалѣть. Но сорокъ тысячь человѣкъ (не считая дѣтей и женщинъ) на этомъ островѣ, живутъ и дышатъ лордомъ Джорджемъ Гордономъ; ежедневно, съ восхода солнечнаго, до заката, молятъ они Бога сохранить его здоровье. Милордъ! сказалъ ораторъ, приподнявшись на стременахъ:—это славное дѣло, и нельзя забывать его. Милордъ, это священное дѣло, и нельзя оставлять его постыднымъ образомъ.

— Да, священное дѣло! воскликнулъ его превосходительство, и съ величайшею торжественностью снялъ шляпу. — Аминь!

— Джонъ Грюбэ, сказалъ долговязый господинъ съ кроткимъ упрекомъ: — его превосходительство сказалъ «аминь».

— Я слышалъ, сэръ, отвѣчалъ онъ, и продолжалъ неподвижно сидѣть на лошади.

— А ты не слѣдуешь его примѣру?

На это Джонъ Грюбэ не отвѣтилъ ничего, но сидѣлъ и смотрѣлъ впередъ.

Digitized by Google

— Дивлюсь тебѣ, Грюбэ, сказалъ увѣщатель. — Въ такое критическое время, какъ теперь, когда королева Елисавета, дѣвственница-королева, плачетъ въ гробѣ, и кровожадная Марія, съ мрачнымъ челомъ, торжествуя...

— Э, сэръ, воскликнулъ тотъ съ досадою: — что толку болтать о кровожадной Маріи, когда милордъ промокъ до костей и усталъ отъ скорой ѣзды? Либо поѣдемте въ Лондонъ, сэръ, либо пріютимся гдѣ-нибудь; а то эта несчастная кровожадная Марія еще больше будетъ виновата; и такъ, я думаю, она въ могилѣ надѣлала гораздо-больше зла, чѣмъ когда-нибудь при жизни.

Мэстеръ Уиллитъ никогда еще не слыхивалъ столько словъ заразъ и притомъ произносимыхъ съ такою скоростью и высокопарностью, какъ слова долговязаго господина; умъ его, будучи не въ состояніи понять и выдержать такое множество словъ, совсѣмъ-было растерялся; но при послѣднихъ словахъ Джона Грюбэ оправился и могъ выговорить, что Майское-Дерево представляетъ всѣ удобства для почтенной компаніи: прекрасныя постели, цѣльныя вина, отличную пищу для людей и лошадей, особыя комнаты для большихъ и малыхъ партій; обѣды, готовые по малѣйшему знаку въ самое короткое время; превосходныя конюшни и сараи съ замками; словомъ, мэстеръ Уиллитъ высказалъ всю кучу рекомендательныхъ фразъ, которыя были прибиты по разнымъ частямъ его гостинницы и которыя онъ, въ-теченіе сорока лѣтъ, насилу заучилъ наизустъ. Онъ еще раздумывалъ, нельзя ли прибавить нѣсколько новыхъ выраженій въ томъ же родѣ, какъ господинъ, говорившій прежде, спросилъ у долговязаго:

— Какъ ты думаешь, Гашфордъ? Ночевать намъ въ этомъ домѣ, про который онъ говоритъ, или ѣхать дальше? Рѣшай.

— Я, ваше превосходительство, замѣтилъ бы всепокорнѣйше, отвѣчалъ спрошенный необыкновенно-угодливо:—что ваше здоровье и силы, которыя такъ важны для нашего великаго, чистаго и правдиваго дѣла—тутъ его превосходительство опять снялъ шляпу, не смотря на проливной дождь,—нуждаются въ покоѣ и подкрѣпленіи.

— Ступай же впередъ, господинъ-хозяинъ, и показывай намъ дорогу, сказалъ лордъ Джорджъ Гордонъ:—мы поѣдемъ за тобою.

— Если вы позволите, милордъ, сказалъ Джонъ Грюбэ тихимъ голосомъ:—перемѣнить мое мѣсто, я поѣду впереди васъ. Товарищъ нашего хозяина не очень-честной наружности, и нѣкоторая предосторожность относительно его не помѣшала бы.

— Джонъ Грюбэ совершенно правъ, сказалъ мэстеръ Гашфордъ, отъѣхавъ поспѣшно назадъ.—Милордъ, такую драгоцѣнную жизнь, какъ ваша, нельзя подвергать опасности. Во всякомъ случаѣ, Джонъ,

Digitized by Google

поезжай впереди. Если заметишь въ молодцѣ что-нибудь подозрительное, расшиби ему черепъ.

Джонъ не отвѣчалъ ни слова, а смотрѣлъ вдаль, что, по-видимому, онъ дѣлалъ всякій разъ, когда секретарь начиналъ говорить, и велѣлъ Гогу идти впередъ, а самъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Потомъ ѣхалъ его превосходительство, съ мастеромъ Уиллитомъ, державшимся за узду; сзади всѣхъ былъ секретарь его превосходительства—такова была, по-видимому, должность Гашфорда.

Гогъ бодро выступалъ впередъ; онъ часто оглядывался на слугу, котораго лошадь шла за самой его спиною, и бросалъ украдкою взоръ на пистолетныя чушки, по-видимому, высоко имъ цѣнимыя. Слуга былъ широкоплечій, плотный малой, чисто-англійскаго покроя; и какъ Гогъ мѣрялъ его глазами, онъ также мѣрялъ Гога взглядомъ гордаго презрѣнія. Онъ былъ гораздо-старше Гога, имѣя, по всѣмъ признакамъ, лѣтъ сорокъ-пять отъ роду, былъ одинъ изъ тѣхъ разсудительныхъ, твердыхъ, непоколебимыхъ молодцовъ, которые, пойдетъ ли дѣло на кулаки или на другую драку, не чувствуютъ побой и хладнокровно лѣзутъ впередъ, пока верхъ останется за ними.

— А что, еслибъ я повелъ тебя не по настоящей дорогѣ, сказалъ Гогъ, подшучивая: — вѣдь ты бы... ха, ха, ха!.. ты бы, пожалуй, влѣпилъ мнѣ пулю въ лобъ?

Джонъ Грюбэ такъ мало обратилъ вниманія на эти слова, какъ-будто бъ онъ былъ глухъ, а Гогъ нѣмъ, и продолжалъ спокойно ѣхать, устремивъ глаза вдаль.

— Случалось тебѣ когда-нибудь въ молодости бороться, пріятель? сказалъ Гогъ.—Умѣешь драться на палкахъ, а?

Джонъ Грюбэ посмотрѣлъ на него искоса съ тою же самодовольною миною, но не удостоилъ его ни однимъ словомъ.

— Вотъ этакъ, напримѣръ? сказалъ Гогъ, повернувъ свою палку однимъ изъ тѣхъ ловкихъ маневровъ, которыми щеголяли палочные бойцы того времени.—Пафъ!

—Или вотъ такъ, отвѣчалъ Джонъ Грюбэ, отпарировавъ кнутомъ его палку и ударивъ его рукоятью по головѣ.—Какъ же! и я когда-то умѣлъ это дѣлать. Волосы у тебя очень длинны; будь они покороче, я бы тебѣ разсѣкъ черепъ.

Ударъ былъ ловкій, громкій и явно привелъ въ удивленіе Гога; въ первую минуту онъ, казалось, былъ не-прочь стащить своего новаго знакомца съ лошади. Но такъ какъ лицо Грюбэ не выражало ни злости, ни торжества, ни запальчивости, вообще никакого сознанія въ томъ, что онъ обидѣлъ его; такъ какъ онъ спокойно и равнодушно продолжалъ смотрѣть впередъ, будто просто согналъ муху, то Гогъ нѣсколько смутился и уже рѣшился признать въ противникѣ своемъ необыкновенно-крѣпкаго малаго, потомъ усмѣхнулся, вскричалъ

Digitized by Google

«браво!», подался немного въ сторону и началъ молча указывать дорогу.

Черезъ нѣсколько минутъ компанія остановилась у дверей Майскаго-Дерева. Лордъ Джорджъ и секретарь проворно соскочили и отдали лошадей своему слугѣ, который, въ сопровожденіи Гога, отправился въ конюшню. Радуясь, что укрылись отъ жестокой погоды этой ночи, вошли они за мэстеромъ Уиллитомъ въ общую комнату и расположились у огня, грѣясь и суша платье, между-тѣмъ, какъ хозяинъ занимался распоряженіями и приготовленіями, какихъ требовало высокое званіе его гостя.

Вбѣгая во время этихъ приготовленій и выбѣгая изъ комнаты, онъ имѣлъ случай разсмотрѣть двухъ незнакомцевъ, которыхъ зналъ до-тѣхъ-поръ только по голосу. Лордъ, важная особа, дѣлавшая столь много чести Майскому-Дереву, былъ почти средняго роста, худощавъ и блѣденъ, съ орлинымъ носомъ и темно-русыми волосами, прямо и гладко зачесанными за уши и слегка напудренными, безъ малѣйшаго слѣда кудрей. Онъ носилъ подъ сюртукомъ совершенно черное платье, безъ всякаго украшенія и самаго скромнаго, самаго приличнаго покроя. Отъ этой строгой одежды, нѣкоторой худощавости и гордости въ обращеніи, онъ казался лѣтами десятью старѣе, хотя по лицу ему нельзя было дать болѣе тридцати лѣтъ. Когда онъ задумчиво стоялъ на красномъ отблескѣ пламени, поразительно было видѣть его большіе блестящіе глаза, въ которыхъ сверкало безпокойство мыслей, особенно несогласовавшееся съ изученнымъ спокойствіемъ и умѣренностью его мины и съ его скромнымъ, важнымъ костюмомъ. Ни въ глазахъ его, ни въ худомъ, кроткомъ лицѣ не было никакого грубаго и жестокаго выраженія; скорѣе можно было замѣтить въ немъ что-то меланхолическое; но въ нихъ было какое-то невыразимое безпокойство, которое поражало всякаго, кто его видѣлъ, и возбуждало къ нему родъ состраданія, хотя трудно было объяснить себѣ причину этого впечатлѣнія.

Гашфордъ, секретарь, былъ высокъ, угловато сложенъ, сутуловатъ, костлявъ и неграціозенъ. Платье его, въ подражаніе господину, было очень-скромно, просто даже до излишества; осанка формена и принужденна. Этотъ человѣкъ имѣлъ выпуклый лобъ, большія руки, ноги и уши, глаза необычайно вдавшіеся подъ лобъ и какъ-будто образовавшіе пещеру. Обращеніе его было ровно и покорно; но всемъ замѣтна была гибкость и вкрадчивость. Онъ смотрѣлъ человѣкомъ, который безпрестанно ожидаетъ чего-то, отъ чего должно клониться, но смотритъ терпѣливо, очень-терпѣливо, и ползаетъ, какъ лягавая собака. Даже теперь, грѣясь у огня и потирая руки, онъ, казалось, позволялъ себѣ это наслажденіе въ такой лишь мѣрѣ, въ какой прилично его мѣщанскому званію, и хоть зналъ, что его

Digitized by Google

превосходительство не смотрѣлъ на него, взглядывалъ ему время-отъ-времени въ лицо и улыбался съ кроткимъ, покорнымъ видомъ, какъ-будто для упражненія въ своей способности сгибаться.

Таковы были гости, на которыхъ старый Джонъ Уиллитъ смотрѣлъ по-крайней-мѣрѣ сто разъ неподвижными, оловянными глазами и къ которымъ явился наконецъ съ парадными подсвѣчниками въ рукахъ и съ просьбою—пожаловать за нимъ въ лучшія комнаты.

—Милордъ, сказалъ Джонъ (довольно-забавно, что нѣкоторые люди находятъ по-видимому столько же удовольствія выговаривать титулы, сколько владѣльцы этихъ титуловъ носить ихъ):—эта комната, милордъ, вовсе не приличное мѣсто для вашего превосходительства, и я покорнѣйше прошу ваше превосходительство извинить меня, что заставилъ васъ пробыть въ ней минуту, милордъ...

Съ этимъ приглашеніемъ, Джонъ повелъ ихъ по лѣстницѣ въ парадный покой, который, подобно многимъ другимъ параднымъ и великолѣпнымъ вещамъ, былъ холоденъ и неудобенъ. Шаги ихъ, раздававшіеся по широкой комнатѣ, звучали пустотою въ ушахъ ихъ; и сырой, холодный воздухъ этой залы, по сравненію съ отрадной теплотою, которую они оставили, былъ вдвойнѣ непріятенъ.

Но безполезно было бы желать возвратиться въ покинутую ими комнату, ибо приготовленія и приборка залы происходили такъ быстро, что остановить ихъ было ужь невозможно.

Джонъ, съ длинными подсвѣчниками въ рукахъ, проводилъ ихъ до камина; Гогъ пришелъ съ горящимъ пукомъ лучины и съ вязанкою дровъ, которую бросилъ на очагъ и зажегъ; Джонъ Грюбэ (съ большою, синею кокардою на шляпѣ, отъ которой, по-видимому, имѣлъ чрезвычайное отвращеніе) принесъ чемоданъ, который везъ съ собою на лошади и положилъ его на полъ; ревностно шли приготовленія, разставлялись ширмы, накрывался столъ, поправлялись постели, разводился огонь въ спальняхъ, готовился ужинъ и все устроивалось такъ удобно и пріютно, какъ только можно было сдѣлать въ столь короткое время. Менѣе, нежели въ часъ, ужинъ поданъ, съѣденъ и убранъ; и лордъ Джорджъ, въ туфляхъ, протянувъ ноги передъ каминомъ, сидѣлъ съ своимъ секретаремъ за стаканомъ горячаго глинтвейна.

— Такъ кончается, милордъ, сказалъ Гашфордъ, прихлебывая свой стаканъ съ большимъ удовольствіемъ:—благословенный трудъ благословеннаго дня.

— И благословеннаго вчерашняго дня, сказалъ его превосходительство, приподнявъ голову.

— Ахъ!—тутъ серетарь сложилъ руки:—подлинно благословенный вчерашній день! Суффолькскіе протестанты благочестивые и вѣрные люди. Если другіе наши соотечественники и блуждаютъ во тьмѣ

Digitized by Google

точно какъ мы, милордъ, блуждали сегодня вечеромъ, то имъ свѣтъ и слава!

— Сдѣлалъ я на нихъ впечатлѣніе, Гашфордъ? сказалъ лордъ Джорджъ.

— Впечатлѣніе, милордъ! впечатлѣніе! Они кричали, чтобъ ихъ только повели на папистовъ, они клялись имъ страшной местью, они ревѣли, какъ одержимые...

— Однако не бѣсомъ, замѣтилъ милордъ.

— Нѣтъ, милордъ! свѣтлыми геніями.

— Да... о, разумѣется, свѣтлыми! безъ сомнѣнія! говорилъ лордъ Джорджъ, то засунувъ руки въ карманы, то опять вынувъ и грызя ногти, то смотря безпокойно на огонь. — Конечно, свѣтлыми—не правда ли, Гашфордъ?

— Вѣрно вы не усомнитесь въ этомъ, милордъ? сказалъ секретарь.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ лордъ. — Нѣтъ. Да и почему же сомнѣваться? Я думаю, было бы безбожно сомнѣваться въ этомъ, не такъ ли, Гашфордъ? Хоть, правда, примолвилъ онъ, не дожидаясь отвѣта: —между ними было и нѣсколько ужасныхъ мерзавцевъ...

— Когда вы разгорячились, сказалъ секретарь, пристально смотря на потупленные глаза лорда, постепенно оживлявшіеся при его словахъ:—когда въ благородномъ одушевленіи вы сказали имъ, что вы не изъ числа робкихъ и холодныхъ сыновъ отечества, что они должны быть готовы идти за вами смѣло, даже на смерть; когда вы упомянули о ста-сорока-тысячахъ человѣкахъ за шотландскою границею, которые сами найдутъ удовлетвореніе, если имъ не дадутъ его; когда вы воскликнули: «гибель папѣ и всѣмъ его поклонникамъ; законы противъ нихъ до-тѣхъ-поръ не отмѣнятся, пока у Англичанъ есть еще сердца и руки», когда вы махнули рукою и ударили себя по шпагѣ, а толпа закричала «прочь папство!», а вы опять: «прочь, хотя бы пришлось окунуться въ крови», а народъ бросилъ шапки вверхъ съ крикомъ: «ура! хотя бы окунуться въ крови; прочь папство! лордъ Джорджъ! смерть папистамъ, мщеніе, смерть имъ!»; когда въ это-то время одно слово ваше, милордъ, утишало и возбуждало волненіе... ахъ, тогда-то я почувствовалъ, что такое истинное величіе, и подумалъ: у кого можетъ быть столько могущества, какъ у лорда Джорджа Гордона!

— Да, это могущество. Ты правъ. Большое могущество! воскликнулъ онъ съ сверкающими глазами.—Но, любезный Гашфордъ, неуже-ли я въ-самомъ-дѣлѣ говорилъ все это?

— А сколько еще говорили вы кромѣ того! воскликнулъ секретарь, поднявъ глаза вверхъ.—Ахъ! сколько еще говорили!

— И я въ-самомъ-дѣлѣ сказалъ имъ, что ты мнѣ разсказываешь,

Digitized by Google

о ста-сорока-тысячахъ человѣкахъ въ Шотландіи? спросилъ онъ съ явнымъ восторгомъ.—Это было смѣло!

— Для нашего дѣла нужна смѣлость, милордъ. Истина всегда смѣла.

— Разумѣется. И религія также. Вѣдь она смѣла, Гашфордъ?

— Да, милордъ, истинная религія.

— А наша истинная, возразилъ онъ, безпокойно ворочаясь на стулѣ, и кусая ногти, какъ-будто хотѣлъ ихъ обгрызть до мяса.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наша религія истинная. Вѣдь ты столько же въ этомъ увѣренъ, какъ и я, Гашфордъ, не правда ли?

— *Меня* милордъ спрашиваетъ объ этомъ, сказалъ Гашфордъ плаксивымъ тономъ и какъ оскорбленный подвинулъ себѣ стулъ, положивъ на столъ широкую, плоскую руку:—*меня*, повторилъ онъ вперивъ въ него свои темные впалые глаза съ горькою улыбкою,—меня, который годъ тому назадъ, очарованный его краснорѣчіемъ въ Шотландіи, отступился отъ заблужденій католической церкви и послѣдовалъ за нимъ, какъ за геніемъ-хранителемъ, чья рука во-время извлекла меня изъ бездны?

— Правда. Нѣтъ... нѣтъ. Я... я не то хотѣлъ сказать, отвѣчалъ лордъ, пожавъ ему руку, всталъ съ своего кресла и началъ безпокойно ходить по комнатѣ.—А лестное дѣло предводительствовать народомъ! прибавилъ онъ, вдругъ остановившись.

— И притомъ предводительствовать силою разума, отвѣчалъ уступчивый секретарь.

— Да, конечно. Пусть они дуются, трунятъ и смѣются въ парламентѣ, пусть зовутъ меня глупцомъ и сумасшедшимъ, но кто изъ нихъ можетъ располагать этимъ моремъ людей и заставлять его шумѣть и бушевать по своему желанію? Ни одинъ.

— Ни одинъ, повторилъ Гашфордъ.

— Кто изъ нихъ можетъ похвалиться такою же честностію, какою могу я похвастать? Кто изъ нихъ могъ получать ежегодно тысячу фунтовъ министерскаго подкупа, еслибъ отказался отъ своего мѣста въ пользу другаго, и отвергъ подкупъ? Никто.

— Никто, повторилъ опять Гашфордъ, завладѣвъ на этотъ разъ всѣмъ глинтвейномъ.

— И какъ мы честны, справедливы и участвуемъ въ священномъ дѣлѣ, Гашфордъ, продолжалъ лордъ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и громкимъ голосомъ, положивъ ему руку на плечо: — какъ мы одни уважаемъ великую массу народную и ею взаимно уважаемы, то станемъ ее защищать до послѣдней крайности; поднимемъ противъ этихъ папистовъ крикъ, который раздастся по всей Англіи и прокатится подобно грому. Я покажу, что не недостойно ношу на своемъ гербѣ слова: «призванъ, избранъ и вѣренъ».

Digitized by Google

— Призванъ отъ Провидѣнія, сказалъ секретарь.

— Да.

— Избранъ народомъ.

— Да.

— Вѣренъ обоимъ, Провидѣнію и народу.

— До гроба.

Трудно было бы дать правильное понятіе о волненіи, съ какимъ милордъ отвѣчалъ на эти внушенія секретаря, о поспѣшности его рѣчей, о рѣзкости его тона и тѣлодвиженій, въ которыхъ сквозь пуританскую строгость проглядывало нѣчто дикое, необузданное. Нѣсколько минутъ онъ торопливо ходилъ по комнатѣ, потомъ вдругъ остановился и воскликнулъ:

— Гашфордъ, ты также увлекалъ ихъ вчера. О, да! ты также увлекалъ!

— Свѣтъ, которымъ я блисталъ, былъ заимствованный, милордъ, отвѣчалъ скромный секретарь, прижавъ руку къ сердцу.— Я дѣлалъ, что могъ.

— Ты славно держалъ себя, сказалъ лордъ:—ты великое, достойное орудіе. Позвони, пожалуйста, чтобъ Джонъ Грюбэ внесъ чемоданъ въ мою комнату и подождалъ здѣсь, пока я раздѣваюсь, а тамъ мы, по обыкновенію, займемся дѣлами, если ты не слишкомъ усталъ.

— Слишкомъ усталъ, милордъ! Но ужь таковъ онъ, весь проникнутъ попечительностью! Христіанинъ съ ногъ до головы. Во время этого разговора съ самимъ-собою, секретарь нагнулъ кружку и внимательно поглядѣлъ на глинтвейнъ, чтобъ видѣть, сколько его осталось.

Джонъ Уиллитъ и Джонъ Грюбэ пришли вмѣстѣ. Одинъ несъ большіе подсвѣчники, другой чемоданъ. Такимъ образомъ отвели обольщеннаго лорда въ комнату и оставили секретаря одного. Онъ потягивался, зѣвалъ, и наконецъ заснулъ передъ огнемъ.

— Ну, мэстеръ Гашфордъ, сэръ, шепталъ ему на ухо Джонъ Грюбэ, когда секретарь, какъ ему казалось, забылся на минуту: — милордъ въ постели.

— Ахъ, любезный Джонъ, отвѣчалъ тотъ кротко:—благодарю тебя, Джонъ. Оставаться никому не нужно. Я ужь найду свою спальню.

— Надѣюсь однако, что вы съ милордомъ не станете нынѣшнюю ночь кружить себѣ головы исторіями о кровожадной Маріи, сказалъ Джонъ. — Желалъ бы я, чтобъ проклятой старухи никогда не было на свѣтѣ.

— Я сказалъ: ступай спать, Джонъ, отвѣчалъ секретарь. Вѣрно ты не разслышалъ.

— Отъ вашей кровожадной Маріи, синихъ кокардъ, славной королевы Елисаветы, прочь-папство, протестантскаго союза и оратор-

Digitized by Google

ства, продолжалъ Джонъ Грюбэ, не замѣтивъ знаковъ, дѣлаемыхъ секретаремъ, потому-что смотрѣлъ по привычкѣ впередъ: — милордъ почти совсѣмъ помѣшался. Выѣдемъ ли мы со двора, за нами сберется шайка бродягъ и кричитъ «да здравствуетъ Гордонъ!», такъ-что мнѣ самого-себя стыдно, и я не знаю, куда глаза дѣвать. Пріѣдемъ ли куда въ домъ, они соберутся вокругъ дома, ревутъ и кричатъ, какъ воплощенные дьяволы; а милордъ, чѣмъ бы ихъ велѣть разогнать, выйдетъ на балконъ, дурачится, говоритъ имъ рѣчи, зоветъ ихъ мужами Англіи и земляками, какъ-будто онъ ихъ очень любитъ и благодаренъ имъ за то, что они пришли. Не знаю какъ, только всѣ они, видите, въ какой-то связи съ несчастной кровожадной Маріей и кричатъ ея имя, пока вспотѣютъ. Всѣ они протестанты — отъ стараго до малаго; а протестанты, видно, любятъ ложки и вообще серебро, какъ-скоро дверь не притворена. Еще пусть бы это было самое худшее, пусть бы не было никакого больше вреда; но если вы не заткнете во-время глотки гнуснымъ проповѣдникамъ, мэстеръ Гашфордъ (я васъ знаю; вы раздуваете огонь), увидите, что вамъ не сдобровать съ ними. Да вотъ, станетъ потеплѣе и протестантамъ захочется пить: они еще растащатъ весь Лондонъ, — а я не слыхалъ, чтобъ кровожадная Марія доходила до этого когда-нибудь.

Гашфордъ уже давно ушелъ, и слова эти говорены были просто на вѣтеръ. Джонъ Грюбэ нимало не разсердился, замѣтивъ, что Гашфорда нѣтъ, надѣлъ задомъ напередъ свою шляпу, чтобъ не видать и тѣни ненавистной кокарды и отправился спать; но идучи, до самой постели продолжалъ качать головою, съ угрюмымъ видомъ.

ГЛАВА XXXVI.

Улыбаясь, но все съ видомъ глубочайшаго смиренія и покорности, пошелъ Гашфордъ въ комнату своего господина, пригладилъ дорогою волосы и сталъ про-себя напѣвать псаломъ. Подходя къ дверямъ лорда Джорджа Гордона, онъ откашлялся и запѣлъ громче.

Поразительна была противоположность его занятія въ эту минуту съ выраженіемъ его физіономіи, чрезвычайно-злымъ и непріятнымъ. Выдавшійся лобъ почти совершенно закрывалъ глаза его; вздернутая губа образовала презрительную улыбку; даже приподнятыя плечи будто перешептывались украдкою съ длинными, отвислыми ушами.

— Тсс! прошепталъ онъ тихо, заглянувъ въ дверь спальни.—Онъ, кажется, спитъ. Дай Богъ, чтобъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ спалъ! Излишнее бодрствованіе, излишнія заботы, излишнее размышленіе — о! сохрани его небо за его мученичество! Вотъ праведникъ, если на этомъ развратномъ свѣтѣ живали когда-нибудь праведники.

Онъ поставилъ свѣчу на столъ и на-цыпочкахъ подошелъ къ огню;

Digitized by Google

сѣлъ въ кресла, спиною къ постели, и продолжалъ, будто думая вслухъ, говорить самъ съ собою.

— Избавитель отечества и отечественной вѣры, другъ бѣдныхъ соотчичей, врагъ гордыхъ и жестокихъ; любимый отверженными и угнетенными, обожаемый сорока тысячами смѣлыхъ и благочестивыхъ англійскихъ сердецъ — какъ счастливъ онъ, какъ счастливъ сонъ его!... Тутъ онъ вздохнулъ, погрѣлъ руки и потрясъ головою, какъ человѣкъ, у котораго сердце переполнено, вздохнулъ еще разъ и опять погрѣлъ руки.

— Э, Гашфордъ? сказалъ лордъ Джоржъ, который вовсе не спалъ, весело лежалъ на боку и смотрѣлъ на него съ-тѣхъ-поръ, какъ тотъ вошелъ въ комнату.

— Ми... милордъ, сказалъ Гашфордъ, вскочивъ съ мѣста и осматриваясь вокругъ, будто и Богъ-знаетъ, какъ изумленный. — Я разбудилъ васъ?

— Я не спалъ.

— Не спали! повторилъ онъ съ видимымъ замѣшательствомъ. — Чѣмъ могу извиниться, что въ вашемъ присутствіи обнаружилъ мысли... Но онѣ были искренни, онѣ были искренни! воскликнулъ секретарь, проведши поспѣшно рукавомъ по глазамъ:—зачѣмъ жалѣть, что вы ихъ слышали?

— Гашфордъ, сказалъ бѣдный лордъ, протягивая къ нему руку и явно тронутый: — тебѣ не о чемъ жалѣть. Ты любишь меня—я знаю —слишкомъ любить. Но я не стою этой любви.

Гашфордъ не отвѣчалъ, но схватилъ его руку и прижалъ къ губамъ; потомъ всталъ, вынулъ изъ ящика пульпетъ, поставилъ его на столъ подлѣ огня, отперъ его ключомъ, который носилъ въ карманѣ, сѣлъ передъ нимъ, досталъ перо, обсосалъ его прежде, чѣмъ обмокнулъ въ чернила — можетъ-быть для того, чтобъ распрямить ротъ, искривленный еще улыбкою.

— Каково-то наше число съ послѣдняго набора? спросилъ лордъ Джоржъ. — Въ-самомъ-дѣлѣ, у насъ сорокъ тысячъ человѣкъ, или мы все еще говоримъ только «круглыми числами» о силѣ союза?

— Вся сумма превосходитъ теперь это число двадцатью-тремя человѣками, отвѣчалъ Гашфордъ, посмотрѣвъ на бумагу.

— А капиталъ?

— Не *очень* въ цвѣтущемъ положеніи; но мы имѣемъ немного манны въ пустынѣ, милордъ. Гм! Въ пятницу, вдовы принесли свои лепты. Сорокъ разметальщиковъ улицъ— три шиллинга, четыре пенса. Старая церковная ставильщица стульевъ изъ прихода св. Мартина — шесть пенсовъ. Новорожденный протестантскій младенецъ—полпенни. Общество факелоносцевъ—три шиллинга (изъ нихъ одинъ не годился). Антипаписты, заключенные въ Ньюджетѣ, —пять шиллин-

Digitized by Google

говъ, четыре пенса. Соревнователь изъ Бедлэма—полкроны. Денни, палачъ, — одинъ шиллингъ.

— Этотъ Денни, сказалъ его превосходительство: — степенный и усердный человѣкъ. Я замѣтилъ его между народомъ въ Уэльбекской Улицѣ, въ прошедшую пятницу.

— Хорошій человѣкъ, отвѣчалъ секретарь: — дѣльный, прямой и истинно усердный человѣкъ.

— Его надо ободрить, сказалъ лордъ Джорджъ. — Отмѣть у себя Денни. Я хочу поговорить съ нимъ.

Гашфордъ исполнилъ приказаніе и продолжалъ читать списокъ:

— Друзья разума—полгинеи. Друзья свободы— полгинеи. Друзья мира—столько же. Друзья благотворительности—столько же. Друзья состраданія— столько же. Общество воспоминателей о кровожадной Маріи—столько же. Общество бульдоговъ—столько же.

— Общество бульдоговъ, сказалъ лордъ Джорджъ, страшно кусая между-тѣмъ ногти:—новое общество, не такъ ли?

— Прежній орденъ учениковъ-ремесленниковъ, милордъ. Такъ-какъ сроки ученическихъ свидѣтельствъ прежнихъ сочленовъ миновались мало-по-малу, то они, кажется, перемѣнили имя, хотя членами по-прежнему ученики, какъ и мастера.

— Какъ зовутъ ихъ президента? спросилъ лордъ Джорджъ.

— Президентъ, сказалъ Гашфордъ, читая:—мэстеръ Симонъ Тэппертейтъ.

— Помню. Маленькій человѣчекъ, который приводитъ иногда пожилую сестру на наши собранія и часто также другую женщину, особу благочестивую безъ сомнѣнія, но дурной наружности?

— Точно такъ, милордъ, онъ самый.

— Тэппертейтъ усердный человѣкъ, сказалъ лордъ Джорджъ задумавшись. — Не правда ли, Гашфордъ?

— Одинъ изъ первыхъ, милордъ. Онъ чуетъ издалека сраженіе, какъ боевой конь. На улицѣ бросаетъ онъ шляпу вверхъ, какъ человѣкъ, на котораго сошло вдохновеніе, и говоритъ очень-выразительныя рѣчи съ плечъ своихъ товарищей.

— Замѣть Тэппертейта, сказалъ лордъ Джорджъ Гордонъ. — Мы можемъ довѣрить ему важный постъ.

— Тутъ, началъ опять секретарь, сдѣлавъ все, что̀ приказано: — кромѣ семи шиллинговъ и шести пенсовъ серебромъ и мѣдью, и полугинеи золотомъ изъ сборнаго ящика мистриссъ Уарденъ (открытаго теперь въ четырнадцатый разъ), и отъ Меггсъ одинъ шиллингъ три пенса (сбереженные изъ третнаго жалованья).

— Меггсъ? сказалъ лордъ Джорджъ.—Это мужчина?

— Имя въ списокъ внесено какъ женское, отвѣчалъ секретарь. — Мнѣ кажется, это та высокая, тощая женщина, о которой вы, ми-

Digitized by Google

лордъ, сейчасъ сказали, что она дурной наружности, и которая приходитъ иногда слушать рѣчи съ Тэппертейтомъ и мистриссъ Уарденъ.

— Такъ мистриссъ Уарденъ эта пожилая дама, не правда ли?

Секретарь кивнулъ утвердительно головою и почесалъ у себя переносицу верхнимъ концомъ пера.

— Она усердная сестра, сказалъ лордъ Джорджъ. — Ея сборъ идетъ успѣшно и производится съ ревностію. Вступилъ ли мужъ ея въ союзъ?

— Неблагонамѣренный человѣкъ, возразилъ секретарь, складывая бумагу.—Недостойный такой жены. Онъ коснѣетъ въ глубокой тьмѣ и продолжаетъ упорствовать.

— Слѣдствія обрушатся на его голову!... Гашфордъ!

— Что́ прикажете, милордъ?

— Вѣдь ты не думаешь, сказалъ онъ, поворотясь безпокойно въ постели: — чтобъ эти *люди* покинули меня, когда настанетъ время? Я смѣло говорилъ за нихъ, много отважилъ, не умалчивалъ ничего. Вѣдь они не отстанутъ, а?

— Этого нѣчего опасаться, милордъ, сказалъ Гашфордъ съ значительнымъ взглядомъ, который былъ больше невольнымъ выраженіемъ его мыслей, нежели подтвержденіемъ словъ, потому-что лордъ отворотился.—Будьте покойны, этого нельзя опасаться.

— Также и того, что они, сказалъ онъ, ворочаясь еще безпокойнѣе прежняго: — но они вѣдь не *могутъ* ничего потерять за то, что соединились *для* этой цѣли. Право на нашей сторонѣ, хоть сила и противъ насъ. Увѣренъ ли ты въ этомъ столько же, какъ я? Скажи откровенно, увѣренъ ли?

Секретарь началъ-было: «Вѣдь вы не сомнѣваетесь...» какъ лордъ перебилъ его и продолжалъ нетерпѣливо:

— Сомнѣваюсь? Нѣтъ! Кто сказалъ, что я сомнѣваюсь? Еслибъ я сомнѣвался, развѣ я пожертвовалъ бы родственниками, друзьями, всѣмъ этой несчастной странѣ?.. Несчастная страна! вскричалъ онъ и вскочилъ съ постели, повторивъ про себя слова «несчастная страна» разъ двѣнадцать:—страна покинутая Богомъ и людьми, преданная во власть страшнаго союза папистскихъ державъ, добыча разврата, идолопоклонства и деспотизма! Кто сказалъ, что я сомнѣваюсь? Развѣ я не призванъ, избранъ и вѣренъ? Отвѣчай мнѣ: да, или нѣтъ?

— Вѣренъ Богу, отечеству и самому себѣ! воскликнулъ Гашфордъ.

— Таковъ я есмь и такимъ останусь. Говорю: такимъ останусь, — до гроба. Кто это скажетъ? Ты, или кто другой на свѣтѣ?

Секретарь наклонилъ голову съ видомъ полнаго согласія со всѣмъ, что тотъ говорилъ, или сталъ бы говорить; лордъ Джорджъ тихо опустился на подушку и заснулъ.

Digitized by Google

Хоть въ этой рѣшимости, при худощавости и некрасивости лорда, было много комическаго, однако ни у одного человѣка съ сколько-нибудь-живымъ чувствомъ оно не возбудило бы улыбки; а еслибъ онъ и улыбнулся, то тотчасъ бы пожалѣлъ и почти раскаялся, что уступилъ первому впечатлѣнію. Лордъ былъ такъ же искрененъ въ своей рѣшимости, какъ и въ своей нерѣшительности. Наклонность къ ложному энтузіазму и суетная страсть играть роль народнаго предводителя, были несчастныя свойства его характера. Прочее было слабость, чистая слабость; и таково несчастіе совершенно-слабыхъ людей, что даже ихъ симпатіи, ихъ любовь и искренность, — всѣ свойства, составляющія добродѣтели въ душахъ сильныхъ, становятся у нихъ слабостями, или даже пороками.

Гашфордъ продолжалъ сидѣть и лукаво поглядывалъ на постель, внутренно смѣясь надъ глупостью своего господина, пока сильное и тяжелое дыханіе лорда возвѣстило ему, что онъ можетъ удалиться. Онъ заперъ свой пульпетъ, положилъ его опять въ ящикъ (вынувъ напередъ изъ футляра два печатные листика) и осторожно вышелъ. Уходя, онъ еще разъ оглянулся на блѣдное лицо спящаго, надъ головою котораго пыльные пуки перьевъ парадной постели Майскаго-Дерева висѣли угрюмо и печально, какъ на одрѣ похоронномъ. На лѣстницѣ, секретарь остановился, прислушиваясь, все ли тихо, чтобъ въ случаѣ нужды разуться и не разбудить никого; потомъ спустился внизъ на дворъ и положилъ одинъ изъ своихъ листковъ подъ ворота дома. Сдѣлавъ это, онъ осторожно прокрался къ себѣ въ комнату, и другой листикъ, тщательно обернувъ около камня, чтобъ его не унесло вѣтромъ, бросилъ за окно на дворъ.

Надпись на оберткѣ гласила: «Всякому протестанту, которому это попадется въ руки», а внутри находилось слѣдующее воззваніе:

«Мужи и братья! Кто изъ васъ получитъ это посланіе, да пріиметъ «его, какъ увѣщаніе немедленно присоединиться къ друзьямъ лорда «Джорджа Гордона. Великія событія готовятся; настали опасныя и «тревожныя времена. Прочтите это внимательно, сохраните и брось«те гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. За короля и отечество! Союзъ.»

— Это еще посѣвъ, еще только посѣвъ, сказалъ Гашфордъ, затворяя окно.—Когда-то наступитъ жатва!

ГЛАВА XXXVII.

Какъ бы ни была вещь несбыточна и смѣшна, но облеките ее въ таинственность, и она получитъ волшебную, привлекательную силу, неотразимую для толпы. Ложные проповѣдники, ложные пророки, ложные врачи, ложные патріоты, ложныя чудеса всякаго рода, если они облекали свои дѣйствія таинственностію, всегда имѣли необыкновенный успѣхъ въ народномъ легковѣріи и можетъ-быть этой

Digitized by Google

уловкѣ больше чѣмъ всякой другой въ спискѣ глупостей обязаны тѣмъ, что нѣсколько времени торжествовали надъ истиною и здравымъ человѣческимъ смысломъ. Любопытство есть и было, отъ сотворенія міра, господствующею страстью въ человѣкѣ. Кто умѣетъ его возбудить, удовлетворять по-немногу и все еще держать въ запасѣ для него пищу и оставлять его въ неизвѣстности, тотъ пріобрѣтаетъ надъ не-размышляющею половиною человѣчества самую прочную власть, какой только можно достигнуть въ нечистомъ дѣлѣ.

Еслибъ кто-нибудь сталъ на Лондонскомъ-Мосту и безъ устали кричалъ всѣмъ прохожимъ, чтобъ они приставали къ лорду Джорджу Гордону, хотя бы то для дѣла, котораго никто не понималъ бы и которое этимъ самымъ получало бы особенную прелесть, то вѣроятно, что въ мѣсяцъ онъ набралъ бы по-крайней-мѣрѣ двадцать человѣкъ. Еслибъ всѣ ревностные протестанты публично были приглашаемы къ союзу съ извѣстною цѣлію, на-примѣръ пропѣть одинъ или два гимна, выслушать нѣсколько холодныхъ рѣчей и потомъ подать въ парламентъ прошеніе такого содержанія, чтобъ парламентскимъ актомъ не отмѣнялись законы о пени съ римско-католическихъ священниковъ и пожизненное заключеніе въ тюрьму тѣхъ, кто воспитаетъ дѣтей въ этой вѣрѣ, равно опредѣленіе, по которому всѣ члены римской церкви не могутъ ни покупкою, ни завѣщаніемъ пріобрѣтать недвижимой собственности въ соединенномъ королевствѣ—вещи ясныя, которыя такъ далеки отъ заботъ и желаній толпы,—то собралась бы, можетъ-быть, сотня человѣкъ. Но когда разошлись темные слухи, что въ этомъ протестантскомъ союзѣ собирается тайная сила для неизвѣстныхъ и огромныхъ цѣлей противу правительства; когда воздухъ наполнился шопотомъ о союзѣ папистскихъ державъ, хотящемъ унизить и покорить Англію, ввести въ Лондонѣ инквизицію, и лавки Смитфильдскаго Рынка обратить въ столбы и котлы для пытокъ; когда ужасы и опасенія, которыхъ никто понять не могъ, усердно распространялись внутри и внѣ парламента мечтателемъ, который самъ не зналъ, чего хотѣлъ, и когда старинныя страшилища, цѣлыя столѣтія покойно лежавшія въ могилѣ, выпущены были на невѣждъ и легковѣрныхъ; когда все это совершалось какъ-будто во мракѣ, и тайныя приглашенія приступить къ великому протестантскому союзу для защиты религіи, жизни и свободы разсѣвались по улицамъ, подкладывались подъ двери домовъ, засовывались въ окошки и втирались въ руки гуляющимъ ночью; когда эти листки торчали на каждой стѣнѣ, на каждомъ столбѣ и косякѣ, такъ-что дерево и камни, казалось, заражены были всеобщимъ страхомъ, и призывали всѣхъ къ сопротивленію, неизвѣстно чему и почему,—тогда манія дѣйствительно распространи-

Digitized by Google

лась и число союзниковъ увеличилось до сорока тысячь человѣкъ, возрастая сверхъ-того ежедневно.

Такъ по-крайней-мѣрѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1780 года, говорилъ президентъ союза, лордъ Джорджъ Гордонъ. Въ самомъ ли дѣлѣ такъ было,—объ этомъ знали и заботились немногіе. Союзъ никогда не имѣлъ публичнаго собранія; слышали и знали всѣ о немъ только отъ лорда Гордона; потому многіе принимали его просто за порожденіе больнаго мозга лорда. Гордонъ обыкновенно говорилъ напыщенно о цѣлыхъ массахъ, ободряемый, вѣроятно, извѣстными богатыми послѣдствіями возмущеній, происходившихъ за годъ до того въ Шотландіи, — слылъ за сумасшедшаго члена нижней палаты, который приставалъ ко всѣмъ партіямъ, ни одной не держался и мало былъ уважаемъ. Знали, что вездѣ господствуетъ сильное негодованіе, какъ и всегда; онъ въ другихъ случаяхъ обыкновенно говорилъ къ народу объявленіями, рѣчами и брошюрами; его прежнія стремленія остались безъ всякихъ слѣдствій, теперешнихъ опасались также мало. Какъ предсталъ онъ здѣсь читателю, точно такъ являлся онъ отъ времени до времени въ публику, и былъ въ тотъ же день опять забываемъ; какъ внезапно явился онъ съ этими листками, по прошествіи пяти лѣтъ, такъ навязалъ себѣ своими хлопотами въ это время тысячи человѣкъ, которые во весь промежутокъ времени покойно жили и дѣйствовали и, не будучи ни глухи, ни слѣпы къ ежедневнымъ происшествіямъ, едва-ли прежде когда-нибудь думали о немъ.

— Милордъ, сказалъ Гашфордъ, открывъ по-утру занавѣсы его постели:—милордъ!

— Ну, кто тамъ?

— Часы пробили девять, отвѣчалъ секретарь, набожно сложивъ руки.—Покойно ли вы спали? Надѣюсь; если молитва моя услышана, вы навѣрное освѣжились и подкрѣпили свои силы.

— Правду сказать, я такъ крѣпко спалъ, сказалъ лордъ Джорджъ, протирая глаза и озираясь: — что не могу совсѣмъ опомниться. Гдѣ мы?

— Милордъ, сказалъ улыбаясь Гашфордъ.

— О! возразилъ лордъ. Да. Такъ ты не Жидъ?

— Жидъ! воскликнулъ набожный секретарь, отступивъ назадъ.

— Мнѣ снилось, что мы Жиды, Гашфордъ. Ты и я—оба мы Жиды съ длинными бородами.

— Избави насъ Богъ, милордъ! Это все равно, что быть папистами.

— Я думаю, — отвѣчалъ тотъ быстро. А? Ты въ-самомъ-дѣлѣ такъ думаешь, Гашфордъ?

Digitized by Google

— Безъ сомнѣнія, воскликнулъ секретарь съ изумленнымъ видомъ.

— Гм! пробормоталъ онъ.—Да, кажется, это правда.

— Надѣюсь, милордъ... началъ было секретарь.

— Надѣешься! повторилъ лордъ, прерывая его. —За чѣмъ ты говоришь, что ты надѣешься? Вѣдь нѣтъ ни какой бѣды думать о такихъ вещахъ.

— Во-снѣ—нѣтъ, отвѣчалъ секретарь.

— Во-снѣ? Нѣтъ, и на-яву нѣтъ.

— Призванъ, избранъ и вѣренъ, сказалъ Гашфордъ, взявъ карманные часы лорда Джорджа, висѣвшіе на стулѣ и читая въ разсѣяніи по-видимому надпись на печати.

Это было родъ неважнаго, безнамѣреннаго и случайнаго замѣчанія, вырвавшагося въ минуту забывчивости, о которомъ не стоило говорить. Но едва онъ произнесъ эти слова, какъ лордъ Джорджъ, готовый уже вспыхнуть, остановился, покраснѣлъ и замолчалъ. Будто нисколько не примѣчая этой перемѣны, хитрый секретарь, подъ предлогомъ поднятія занавѣсовъ окошка, отошелъ прочь, и когда лордъ успѣлъ оправиться, подошелъ опять и сказалъ:

— Священное дѣло оказываетъ быстрые успѣхи, милордъ. Я самъ не оставался праздными въ нынѣшнюю ночь. Два объявленія выбросилъ я, прежде чѣмъ легъ спать, и нынче рано утромъ они ужь подняты. Ни одинъ человѣкъ не упоминалъ о нихъ, не признавался, что поднялъ, хоть я цѣлые полчаса провелъ внизу. Одинъ или два новые приверженца будутъ плодомъ этого, предсказываю вамъ; и кто знаетъ, сколько ихъ будетъ еще, если благословеніе неба пребудетъ на вашемъ вдохновенномъ стремленіи!

— Это былъ славный девизъ вначалѣ, отвѣчалъ лордъ Джорджъ: —отличное изреченіе; оно оказало много услугъ въ Шотландіи. Это вполнѣ достойно тебя. Ты напомнилъ мнѣ не быть праздными, Гашфордъ, когда винограднику грозитъ опустошеніе и ноги папистовъ готовы попрать его. Смотри, чтобъ лошади черезъ полчаса были осѣданы. Намъ пора ѣхать; къ дѣлу!

Онъ произнесъ это съ такимъ яркимъ румянцемъ на щекахъ и такимъ энтузіастическимъ голосомъ, что секретарь счелъ излишнимъ всякое дальнѣйшее побужденіе и вышелъ.

— Ему снится, что онъ Жидъ, сказалъ онъ самъ съ собою, затворивъ дверь спальни.—Еще онъ попадетъ въ Жиды передъ смертью. Онъ такъ туда и смотритъ. Что жь! Пожалуй! Между Жидами есть богатые люди... бритье очень затруднительно; — впрочемъ, оно было бы мнѣ кстати. Но покамѣстъ будемъ строжайшими христіанами. Нашъ пророческій девизъ пригодится ко всѣмъ религіямъ; это утѣшаетъ меня. — Среди такихъ размышленій

Digitized by Google

объ этомъ источникѣ утѣшенія, онъ вошелъ въ трактиръ и спросилъ себѣ завтракъ.

Лордъ Джорджъ проворно одѣлся (его простой туалетъ скоро оканчивался), и столько же воздержный въ пищѣ и въ питьѣ, сколько пуританинъ въ одеждѣ, онъ съ своей стороны скоро кончилъ завтракъ. Но секретарь былъ болѣе преданъ земнымъ благамъ, или можетъ-быть болѣе заботился поддержать въ бодрости свои силы и духъ для великаго протестантскаго дѣла; потому ѣлъ и пилъ до послѣдней минуты, и даже нужно было три или четыре напоминанія со стороны Джона Грюбэ, прежде, чѣмъ онъ рѣшился разстаться съ обильными съѣстными припасами мэстера Уиллита.

Наконецъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, утирая сальныя губы и, заплативъ счетъ Джону Уиллиту, сѣлъ на лошадь. Лордъ Джорджъ, прохаживавшійся передъ домомъ съ важными тѣлодвиженіями и торжественно разговаривая самъ съ собою, также вспрыгнулъ на сѣдло. Отвѣтивъ на вѣжливый поклонъ стараго Уиллита и на привѣтствія дюжины зѣвакъ, которые, услышавъ, что изъ Майскаго-Дерева поѣдетъ живой лордъ, собрались у воротъ, — они поскакали далѣе; храбрый Джонъ Грюбэ ѣхалъ за ними.

Если мэстеръ Уиллитъ уже ночью принялъ милорда Джорджа Гордона за нѣсколько-страннаго джентльмена, то утромъ это мнѣніе еще болѣе утвердилось въ немъ и во сто разъ увеличилось. Онъ до того прямо какъ свѣчка сидѣлъ на своей костлявой лошади, съ длинными, прямыми волосами, развѣвающимися по вѣтру; всѣ члены его были до того угловаты и остры; локти, подпертые подъ бока, выдавались такъ некрасиво; вся его фигура такъ тряслась и дрожала при всякомъ прыжкѣ лошади, что трудно представить себѣ всадника болѣе уродливаго и страннаго. Вмѣсто бича, онъ держалъ въ рукѣ большую палку съ золотымъ шаромъ, въ родѣ тѣхъ, что̀ нынѣче носятъ швейцары; и манера, какъ онъ держалъ это забавное оружіе, то передъ собою, какъ кавалеристъ саблю, то на плечѣ, какъ ружье, то между большимъ и указательнымъ пальцемъ, но всегда нѣсколько неловко и неудачно — не мало придавала забавный видъ его наружности. Прямой, тощій и напыщенный, по-старинному одѣтый и—нарочно или случайно — хвастливо выказывая всѣ свои странности въ поступи, ухваткахъ и тѣлодвиженіяхъ, онъ разсмѣшилъ бы самаго серьёзнаго зрителя и вполнѣ подалъ поводъ къ улыбкамъ и насмѣшливымъ перешептываньямъ, которыя сопровождали его отъѣздъ изъ Майскаго-Дерева.

Ни мало однакожь не замѣчая производимаго имъ дѣйствія, онъ продолжалъ ѣхать подлѣ своего секретаря и почти всю дорогу разговаривалъ самъ съ собою, пока наконецъ имъ осталось одна или двѣ мили отъ Лондона, гдѣ мѣстами стали попадаться прохожіе, ко-

Digitized by Google

торые знали его въ лицо, показывали другимъ на него пальцами, иногда останавливались, смотрѣли ему вслѣдъ и шутя или серьезно, какъ случалось, кричали: «Ура Джордину! Прочь папство»! На это онъ обыкновенно величаво снималъ шляпу и кланялся. Когда они въѣхали въ городъ и проѣзжали по улицамъ, эти знаки вниманія сдѣлались многочисленнѣе; одни смѣялись, другіе шептали, иные отворачивались и улыбались, иные удивлялись, кто это такой, нѣкоторые бѣжали рядомъ съ нимъ по мостовой и кричали «виватъ». Если встрѣчалось на дорогѣ много телегъ, носилокъ и каретъ, онъ тотчасъ останавливался и кричалъ, снявъ шляпу: «Джентльмены, прочь папство!» На что эти джентльмены отвѣчали громкимъ и многократнымъ крикомъ; потомъ онъ опять ѣхалъ впередъ человѣками съ двадцатью ужасной сволочи, которая бѣжала за его лошадью и кричала изо всѣхъ силъ.

Сверхъ того, на улицахъ было множество старыхъ женщинъ, которыя всѣ его знали. Нѣкоторыя изъ нихъ—не изъ очень высокаго сословія, посыльщицы и торговки овощами—хлопали морщинистыми руками и тонкимъ, визгливымъ, отвратительнымъ голосомъ кричали: «Ура, милордъ!» Другія дѣлали ему ручкою, махали носовыми платками, вѣерами и зонтиками, или отворяли окна и звали прочихъ, находившихся въ комнатѣ, подойдти и посмотрѣть. Всѣ эти знаки своей «народности» онъ принималъ съ большою важностью и вниманіемъ, раскланивался низко и такъ часто, что везъ шляпу больше въ рукѣ, нежели на головѣ; на домы, мимо которыхъ проѣзжалъ, глядѣлъ онъ какъ человѣкъ, имѣющій торжественный въѣздъ, и однако не гордящійся этимъ.

Такъ проѣхали они (къ несказанной досадѣ Джона Грюбэ) Whitechapel во всю его длину, Leadenhall-Street и Cheapside, до церкви св. Павла. У самаго собора онъ остановился и поговорилъ съ Гашфордомъ; потомъ взглянулъ на верхъ собора и покачалъ головою, будто говоря: «церковь въ опасности!» Окружающіе снова заревѣли во все горло, и поѣздъ опять тронулся съ сильнымъ крикомъ черни и еще нижайшими противъ прежняго поклонами.

Они поѣхали вдоль берега, по Суаллов-Стритъ, въ Оксфордскую Улицу, а оттуда въ его домъ въ Уэльбек-Стритѣ, недалеко отъ Кэвендиш-Сквера, куда провожали его дюжины двѣ зѣвакъ; у крыльца онъ простился съ ними въ слѣдующихъ, короткихъ словахъ: «Джентльмены, прочь папство! Прощайте! Спаси васъ Богъ!» Но рѣчь эта, сверхъ ожиданія, слишкомъ краткая, принята была съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ и крикомъ «рѣчь, рѣчь!» Лордъ Джорджъ наконецъ согласился бы на это желаніе, еслибъ Джонъ Грюбэ, отправляясь въ конюшню, не бросился вдругъ со всѣми тремя лошадьми въ народъ, такъ-что толпа разсѣялась по сосѣднимъ полямъ и

Digitized by Google

тотчасъ начала заниматься орлянкою, травлею, чётомъ и нечетомъ, лунками и прочими протестантскими играми.

Послѣ обѣда, лордъ Джорджъ опять вышелъ въ чорномъ бархатномъ кафтанѣ, штанахъ и камзолѣ изъ гордоновой матеріи, такого же квакерскаго покроя; и въ этомъ нарядѣ, сдѣлавшись въ десять разъ страннѣе и забавнѣе прежняго, пошелъ онъ пѣшкомъ въ Вестминстеръ. Гашфордъ занимался между-тѣмъ дѣлами и еще не кончилъ ихъ, какъ вскорѣ послѣ сумерекъ вошелъ Джонъ Грюбэ и доложилъ о посѣтителѣ.

— Пусть войдетъ, сказалъ Гашфордъ.

— Сюда! Войдите! ворчалъ Джонъ кому-то за дверью. — Вѣдь вы протестантъ, не правда ли?

— Да, я думаю, отвѣчалъ толстый, грубый голосъ.

— Вы имъ и смотрите, сказалъ Джонъ Грюбэ. — Я такъ и принялъ васъ за протестанта. Съ этимъ замѣчаніемъ, впустилъ онъ пришедшаго, вышелъ самъ и затворилъ двери.

Человѣкъ, явившійся къ Гашфорду, былъ плотный, приземистый дѣтина съ низкимъ, вдавленнымъ лбомъ, жесткими, курчавыми волосами и такими узкими, близко-сходящимися глазами, что, казалось, еслибъ не мѣшалъ носъ, они слились бы вмѣстѣ и составили бы одинъ глазъ необыкновенной величины.

Грязный платокъ, какъ веревка обернутый около шеи, показывалъ ея крѣпкія жилы; онѣ надулись такъ, что готовы были лопнуть, будто отъ удушья сильныхъ страстей, злости и бѣшенства. Платье его было изъ бархата — выношеннаго, полинялаго чернаго цвѣта, какъ трубочная зола или пепелъ на угольяхъ; носило на себѣ пятна, слѣды многихъ полуночныхъ попоекъ, и воняло особенно-дурно. Вмѣсто пряжекъ на колѣняхъ, имѣлъ онъ неровныя петли изъ снурковъ; а въ грязной рукѣ держалъ суковатую палку, на набалдашникѣ которой вырѣзано было грубое подобіе его отвратительнаго лица. Таковъ былъ незнакомецъ, который снялъ передъ Гашфордомъ свою треугольную шляпу и стоялъ, косо посматривая, пока секретарь взглянулъ на него.

— А! Денни! воскликнулъ Гашфордъ. — Садись-ка.

— Я встрѣтилъ милорда тамъ, сказалъ пришедшій, показывая рукою на ту часть города, которую онъ разумѣлъ:—онъ и говоритъ мнѣ: «Если тебѣ нечего дѣлать, Денни, ступай, пожалуй, ко мнѣ домой, поболтай тамъ съ мэстеромъ Гашфордомъ.» Разумѣется, мнѣ нечего дѣлать, вы сами знаете. Въ эти часы я не работаю. Ха, ха, ха! Я вышелъ только прогуляться, какъ увидѣлъ милорда. Я хожу гулять ночью, какъ совы, мэстеръ Гашфордъ.

— А иногда и днемъ, а? сказалъ секретарь: — когда выходишь въ полномъ парадѣ, понимаешь?

Digitized by Google

— Ха, ха, ха! захохотать дѣтина, ударивъ себя по ногѣ? — вотъ господинъ, который ужь умѣетъ приласкать; мастеръ Гашфордъ дороже мнѣ всего Лондона и Вестминстера! Милордъ то же недуренъ, но передъ вами онъ оселъ. Да, въ-самомъ-дѣлѣ, когда я выхожу въ полномъ парадѣ...

— Когда у тебя и своя карета, сказалъ секретарь: — и свой попъ, а! и все, что тамъ еще нужно?

— Вы уморите меня со смѣху! воскликнулъ Денни, захохотавъ опять громко: — право! Да что за пропасть дѣлается теперь, мастеръ Гашфордъ, спросилъ онъ охрипшимъ голосомъ: — а? Получимъ мы приказаніе разграбить какую-нибудь папистскую часовню, что ли?

— Тсс! сказалъ секретарь, тихо улыбнувшись. — Тсс! Боже насъ избави, Денни! Мы соединяемся, ты знаешь, для самыхъ мирныхъ и законныхъ цѣлей.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Денни, мотнувъ себѣ щеку концомъ языка. — Я-то нарочно присталъ, или нѣтъ?

— Безъ сомнѣнія, сказалъ Гашфордъ и улыбнулся, какъ прежде. Когда онъ сказалъ это, Денни опять покатился со смѣху, ударилъ себя по ляжкѣ, утеръ глаза концомъ платка и вскричалъ: «Мастеръ Гашфордъ дороже всей Англіи, ей-ей!»

— Мы съ лордомъ Джорджемъ говорили о тебѣ вчера вечеромъ, сказалъ Гашфордъ послѣ нѣкоторой паузы. — Онъ говоритъ, что ты очень усердный человѣкъ.

— Таковъ я и есть, отвѣчалъ палачъ.

— И что ты отъ всего сердца ненавидишь папистовъ.

— Такъ и есть, сказалъ онъ, подтвердивъ свои слова хорошимъ, крѣпкимъ ругательствомъ. — Посмотрите, мастеръ Гашфордъ, продолжалъ онъ, положивъ шляпу и трость на полъ и ударяя медленно пальцами одной руки по ладони другой: — посудите сами, я конституціонный служитель, который работаетъ изъ хлѣба и отправляетъ свою работу какъ честный человѣкъ. Правда это, или нѣтъ?

— Конечно, правда.

— Хорошо же. Погодите минуту. Работа моя честная, протестантская, конституціонная, англійская работа. Правда, или нѣтъ?

— Никто на землѣ не усомнится въ этомъ.

— Да и подъ землею никто не усомнится. Парламентъ говоритъ, на-примѣръ: «если какой-нибудь мужчина, или женщина, или дитя, сдѣлаетъ противъ нашего парламентскаго акта...» Сколько нынче законовъ о папизмѣ, мастеръ Гашфортъ? Вѣдь будетъ съ пятьдесятъ?

— Не знаю навѣрное, сколько, отвѣчалъ секретарь и развелся, зѣвая, въ креслахъ: — только очень-много.

— Хорошо; вы сказали пятьдесятъ. Парламентъ говоритъ: «если ка-

Digitized by Google

кой-нибудь мужчина, женщина, или ребенокъ, сдѣлаютъ что-нибудь противу одного изъ этихъ пятидесяти актовъ, то этотъ мужчина, эта женщина, или ребенокъ, должны быть спроважены къ Деннн.» Потомъ приходитъ Георгъ-Третій, когда ихъ къ концу засѣданія очень набралось, и говоритъ: «Это слишкомъ много для Деннн. Половину беру я *для меня*, а другую пусть онъ возьметъ *себѣ*»; иногда прикидываетъ онъ еще одного на мою долю, котораго я не ждалъ, какъ три года назадъ, когда мнѣ досталась Мери Джонесъ, молодая женщина, девятнадцати лѣтъ отъ роду; пришла въ Тэйбернъ, съ ребенкомъ у груди и спроважена за то, что въ одной лавкѣ въ Лодгет-Гиллѣ взяла холстину со стола и опять положила, когда лавочникъ увидѣлъ; она еще никогда не дѣлала ничего дурнаго, кромѣ этого, и то потому-что мужъ ея за три недѣли взятъ въ солдаты, такъ-что ей пришлось ходить по-міру, съ двумя маленькими дѣтьми, — какъ оказалось при допросѣ. Ха, ха, ха!... Хорошо! Если въ Англіи есть судъ и право, то это слава Англіи; не такъ ли, мэстеръ Гашфордъ?

— Разумѣется, сказалъ секретарь.

— И со-временемъ, продолжалъ палачъ: — когда наши внуки подумаютъ о своихъ дѣдушкахъ и увидятъ, какъ вещи перемѣнились, они скажутъ: «вотъ такъ времена были, а мы съ-тѣхъ-поръ идемъ все ниже и ниже!» Не правда ли, мэстеръ Гашфордъ?

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, отвѣчалъ секретарь.

— Ну, хорошо, сказалъ палачъ. — Посмотрите же, если эти паписты пріѣдутъ въ силу и начнутъ варить да жарить, вмѣсто вѣшанья, что же тогда станется съ моею работой? Если они отнимутъ у меня работу, которая находится въ связи съ столькими законами, что же станется съ законами вообще, съ религіею, съ государствомъ? Хаживали ли вы когда-нибудь въ церковь, мэстеръ Гашфордъ?

— Когда-нибудь! повторилъ секретарь, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ:—разумѣется.

— Хорошо, сказалъ негодяй.—Я былъ тамъ разъ... два раза, считая съ-тѣхъ-поръ, какъ меня крестили; когда я услышалъ, что тамъ молятся за парламентъ и подумалъ, сколько новыхъ законовъ о повѣшеніи дѣлаютъ они въ каждое засѣданіе, то и за меня, подумалъ, молятся. Слушайте же теперь, мэстеръ Гашфордъ, продолжалъ онъ, поднявъ палку и махая ею съ дикимъ видомъ:—ни у меня не отнимутъ моей протестантской работы, не перемѣнятъ ни въ чемъ этого протестантскаго порядка вещей, если я могу воспрепятствовать; паписты не станутъ на моей дорогѣ, развѣ только нужно ихъ будетъ спровадить по закону; я слышать не хочу объ вареніи и жареніи — ни о чемъ, кромѣ вѣшанья. Милордъ справедливо называетъ меня усернымъ человѣкомъ. Для поддержанія великаго протестантскаго правила, чтобъ мнѣ было много работы, я (тутъ онъ ударилъ пал-

Digitized by Google

кою по землѣ) готовъ жечь, бить и рѣзать — дѣлать, что хотите, если только это будетъ чертовски-весело, хоть бы пѣсня кончилась тѣмъ, что я самъ попаду на висѣлицу. Такъ-то, мэстеръ Гашфордъ!

Употребивъ благородное слово для этихъ отвратительныхъ мыслей, онъ, въ припадкѣ бѣшенства, произнесъ, по-крайней-мѣрѣ, двадцать страшныхъ ругательствъ, отеръ платкомъ потъ со лба и вскричалъ: — прочь папство!

Гашфордъ лежалъ въ креслахъ и смотрѣлъ на него такими впалыми, такъ закрытыми отъ густыхъ бровей глазами, что палачъ почелъ бы его за слѣпаго. Еще съ минуту сидѣлъ онъ и улыбался; потомъ сказалъ медленно и выразительно:

— Ты, въ-самомъ-дѣлѣ, человѣкъ, нелюбящій шутить дѣломъ, Денни, самый храбрый изъ всѣхъ нашихъ. Однако, ты долженъ умѣрять себя; ты долженъ быть тихъ, покоренъ, кротокъ, какъ ягненокъ. Я увѣренъ, ты можешь быть такимъ.

— Да, да, увидимъ, мэстеръ Гашфордъ, увидимъ, вы не пожалуетесь на меня, отвѣчалъ тотъ, тряся головою.

— Я въ этомъ убѣжденъ, сказалъ секретарь тѣмъ же спокойнымъ голосомъ и также выразительно. — Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, или въ маѣ, когда билль объ освобожденіи католиковъ поступитъ въ палату, мы думаемъ впервые развернуть всѣ наши боевыя силы. Милордъ полагаетъ, что намъ должно процессіей идти по улицамъ, чтобъ показать невиннымъ образомъ нашу силу, и провожать наше прошеніе до воротъ нижней палаты.

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, сказалъ Денни, съ новымъ ругательствомъ.

— Мы пойдемъ отрядами, потому-что насъ много; и я думаю, я смѣю утверждать, началъ опять Гашфордъ, какъ-будто не слыхавъ перерыва: — хоть еще и не имѣю никакого приказанія на этотъ счетъ, что лордъ Джорджъ уже думалъ о тебѣ, какъ объ отличномъ начальникѣ для одного изъ такихъ отрядовъ. Безъ сомнѣнія, ты былъ бы превосходный начальникъ.

— Испытайте меня, сказалъ палачъ съ отвратительно-наглымъ взглядомъ.

— Ты былъ бы хладнокровенъ, я знаю, продолжалъ секретарь, всѣ-еще улыбаясь и такъ владѣя глазами, что могъ пристально наблюдать за нимъ, не допуская заглянуть себѣ въ глаза: — ты былъ бы покоренъ приказанію и совершенно умѣренъ. Ты не ввелъ бы, навѣрное, въ опасность своего отряда.

— Я поведу его, мэстеръ Гашфордъ, весело началъ-было палачъ, какъ вдругъ Гашфордъ наклонился впередъ, приложилъ палецъ къ губамъ и притворился пишущимъ, потому-что въ ту же минуту Джонъ Грюбъ отворилъ дверь.

Digitized by Google

— Нѣтъ, сказалъ Джонъ, заглянувъ въ комнату: — еще пришелъ протестантъ.

— Проведи его въ другую комнату, Джонъ, отвѣчалъ секретарь самымъ кроткимъ голосомъ.—Я занятъ.

Но Джонъ подвелъ новаго знакомца уже къ дверямъ. Секретарь еще не успѣлъ договорить послѣднихъ словъ, какъ онъ вошелъ, не дождавшись приглашенія, и имъ предсталъ съ грубою одеждой и разбойничьимъ лицомъ Гогъ изъ Майскаго-Дерева.

ГЛАВА XXXVIII.

Секретарь держалъ руку передъ глазами, заслоняя ихъ отъ свѣта лампы, и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на Гога, наморщивъ лобъ, какъ-будто припоминалъ, что недавно его видѣлъ, но не зналъ, гдѣ и по какому случаю. Неизвѣстность его не была продолжительна; не успѣлъ еще Гогъ вымолвить слово, какъ онъ сказалъ ему ласково:

— А, помню. Хорошо. Джонъ, тебѣ здѣсь не чего дожидаться. Погоди уходить, Деннн.

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ, сказалъ Гогъ, когда Грюбо вышелъ.

— Здравствуй, любезный другъ, отвѣчалъ секретарь своимъ вкрадчивымъ тономъ. — Что *тебя* привело сюда? Мы ничего вѣдь не забыли, надѣюсь?

Гогъ усмѣхнулся, засунулъ руку за пазуху и вытащилъ одинъ изъ листковъ, измокшій и загрязнившійся на землѣ ночью, разгладилъ его на колѣнѣ своею тяжелою рукою, разогнулъ и положилъ на бюро секретаря.

— Ничего, кромѣ этого, сэръ. Видите, оно попало не въ дурныя руки.

—Что это? воскликнулъ секретарь, вертя листокъ съ притворнымъ удивленіемъ.—Откуда ты это взялъ, любезный? что это значитъ? Я ничего не понимаю.

Смущенный нѣсколько этимъ пріемомъ, Гогъ глядѣлъ то на секретаря, то на Деннн, который всталъ и также стоялъ у стола, украдкою разсматривая незнакомца, котораго наружность нравилась ему по-видимому чрезвычайно. Деннн видѣлъ, что секретарь молча какъ-бы ссылался на него, и потому покачалъ три раза головою, будто говоря о Гашфордѣ: — Нѣтъ. Онъ рѣшительно ничего не знаетъ. Я это вижу. Готовъ побожиться, что онъ ничего не знаетъ; и закрывъ свой профиль отъ Гога длиннымъ концомъ худаго платка, онъ за этою ширмою одобрительно кивалъ и улыбался секретарю.

— Тутъ велѣно прійдти, кто найдетъ, такъ ли? спросилъ Гогъ.—

Digitized by Google

Я самъ не-ученый, не умѣю ни читать, ни писать, но я показывалъ одному пріятелю, который мнѣ прочелъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ такъ, сказалъ Гашфордъ и вытаращилъ глаза сколько могъ больше:—право, это самый удивительный случай, какой только мнѣ встрѣчался. Какъ попалъ тебѣ этотъ лоскутокъ, любезный?

— Мэстеръ Гашфордъ, шепталъ палачъ:—стóитъ цѣлаго Ньюджета. Слышалъ ли его Гогъ, или увидѣлъ, что надъ нимъ смѣются, или догадался, куда клонитъ дѣло секретарь, только онъ по-своему грубо пошелъ прямо къ цѣли.

— Ну, сказалъ онъ, протянувъ руку и взявъ назадъ листокъ: — да что ужъ вамъ въ запискѣ, что̀ тамъ написано или чего не написано? Вѣдь вы объ ней ничего не знаете, сэръ, такъ же какъ я, или онъ, прибавилъ Гогъ, показавъ глазами на Денни. — Никто изъ насъ не знаетъ, что̀ она значитъ и откуда взялась: такъ и конецъ исторіи. А хотѣлось бы мнѣ противъ католиковъ: я человѣкъ — прочь-папство, и готовъ присягнуть. За тѣмъ-то я-было и пришелъ.

— Внесите его въ списокъ, мэстеръ Гашфордъ, сказалъ Денни.— Дѣлать дѣло, такъ дѣлать,—прямо къ цѣли и нѣчего мѣшкать.

— Что̀ толку стрѣлять около цѣли, не правда ли, старикъ? воскликнулъ Гогъ.

— У меня сердце не на мѣстѣ! отвѣчалъ палачъ. — Вотъ настоящій человѣкъ, для моего отряда, мэстеръ Гашфордъ. Давайте мнѣ его! Вносите его въ списокъ. Я готовъ пойдти къ нему въ крестные отцы, хоть бы его крестили въ потѣшномъ огнѣ, зажженномъ развалинами англійскаго банка.

Съ такими выраженіями дружбы, ударилъ его Денни ласково по плечу, и Гогъ не замедлилъ отвѣчать тѣмъ же.

— Прочь-папство, братъ! вскричалъ палачъ.

— Прочь-имѣнье (*), братъ! отвѣчалъ Гогъ.

— Папство, папство, сказалъ секретарь съ своей обыкновенной ласковостью.

— Такъ или этакъ, все равно, вскричалъ Денни. — Все такъ. Въ списокъ его, мэстеръ Гашфордъ. Въ списокъ всѣхъ и каждаго! Ура, протестантская религія! По рукамъ, мэстеръ Гашфордъ!

Секретарь очень-привѣтливо смотрѣлъ на ихъ обоихъ, пока они предавались этимъ и другимъ патріотическимъ восторгамъ, и только-что хотѣлъ сдѣлать какое-то замѣчаніе, какъ Денни подошелъ къ нему и, толкнувъ его локтемъ, закрылъ ротъ рукою, прошепталъ:

— Не проговоритесь объ ремеслѣ конституціоннаго служителя, мэстеръ Гашфордъ. Знаете, въ народѣ есть предразсудокъ противъ

(*) Въ подлинникѣ игра словами: Popery и Property.

Digitized by Google

этого; можетъ-быть, онъ не любитъ... Погодите, мы станемъ покороче. А вѣдь складный дѣтина, не правда ли?

— Дюжій малой!

— Видали ль вы, мэстеръ Гашфордъ, шепнулъ Денни, звѣрски любуясь, какъ любуется какой-нибудь каннибалъ, когда онъ голоденъ и видитъ своего задушевнаго друга, видали ль вы гдѣ (тутъ онъ протянулся еще ближе къ уху Гашфорда и закрылъ ротъ обѣими ладонями):—видали ль вы гдѣ такую глотку? Взгляните только. Вотъ шея-то для висѣлицы!

Секретарь кивнулъ утвердительно на это замѣчаніе съ самымъ дружескимъ видомъ, какой только могъ принять (трудно поддѣлаться подъ чисто-художническій вкусъ, который по-большей-части бываетъ восторженъ), и сдѣлавъ кандидату нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, внесъ его въ списокъ членовъ великаго протестантскаго союза. Радость Денни при успѣшномъ окончаніи этого дѣла могъ превзойдти только восторгъ, съ которымъ онъ узналъ, что новый членъ не умѣетъ ни читать, ни писать; эти два искусства (какъ увѣрялъ Денни) были самой ужасною язвою благоустроеннаго общества, и его художническимъ интересамъ, какъ и цѣли великой конституціонной должности, которую онъ имѣлъ честь отправлять, вредили больше, чѣмъ самыя неблагопріятныя обстоятельства, какія могла вообразить его фантазія.

Пока совершалось принятіе, и Гашфордъ, съ свойственною ему манерою, разсказывалъ Гогу о мирной и совершенно законной цѣли общества, въ которое онъ вступилъ, мэстеръ Денни весьма-часто толкалъ его локтемъ и дѣлалъ разныя удивительныя гримасы. Секретарь далъ имъ понять, что хочетъ остаться одинъ. Они немедленно раскланялись и вышли вмѣстѣ изъ дому.

— Не хочешь ли немного пройдтись вмѣстѣ, братъ? сказалъ Денни.

— Пожалуй, отвѣчалъ Гогъ.—Куда хочешь.

—Вотъ что называется обходительно! сказалъ его новый пріятель. — Куда же мы пойдемъ? Не хочешь ли пойдти взглянуть на домъ, въ двери котораго мы скоро громко застучимся, а?

Гогъ отвѣчалъ утвердительно, и они тихими шагами отправились въ Вестминстеръ, гдѣ происходили засѣданія обоихъ парламентовъ. Они вмѣшались въ толпу каретъ, лошадей, слугъ, носильщиковъ, носилокъ и факеловъ, лѣнтяевъ всякаго рода, и начали зѣвать по сторонамъ. Новый знакомецъ Гога, съ важнымъ видомъ показывалъ ему слабыя стороны зданія, гдѣ легко пройдти въ сѣни или въ корридоръ, а оттуда прямо къ дверямъ Нижней Палаты; толковалъ, какъ явственно, когда они пойдутъ въ боевомъ порядкѣ, слышенъ будетъ

Digitized by Google

ихъ крикъ и вопли членамъ парламента; Гогъ слушалъ все съ явнымъ восторгомъ.

Онъ назвалъ ему также имена нѣкоторыхъ лордовъ и депутатовъ, выходившихъ въ это время; разсказывалъ, благоволятъ ли они къ папистамъ, или нѣтъ; совѣтовалъ ему замѣтить ихъ ливреи и экипажи, чтобъ въ случаѣ нужды онъ узналъ ихъ. Иногда онъ посѣщию подводилъ его и къ окну проѣзжавшей кареты, чтобъ при свѣтѣ фонарей онъ разглядѣлъ лицо ѣхавшаго; словомъ, въ-разсужденіи особъ и мѣстностей, онъ показалъ столько свѣдѣній, что видно было съ его стороны внимательное изученіе; онъ дѣйствительно признался въ этомъ Гогу, когда они подружились короче.

Самое поразительное во всей сценѣ было множество людей, раздѣленныхъ на особенныя группы, много-что изъ двухъ или трехъ человѣкъ, которые толкались между народомъ съ тѣми же, казалось, намѣреніями, какъ и наши пріятели. Большая часть этихъ господъ довольствовалась легкимъ киваньемъ головы или взглядомъ гогова товарища; но иногда тотъ или другой подходилъ, становился въ толпѣ возлѣ него и шепталъ, не повертывая головы и не обращаясь, по-видимому, къ нему, слово или два, на которыя тотъ отвѣчалъ также осторожно. Потомъ они расходились, какъ-будто незнакомые другъ съ другомъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей часто вдругъ подходили въ толпѣ къ Гогу, пожимали ему руку мимоходомъ, или заглядывали въ лицо; но ни они съ нимъ не говорили, ни онъ съ ними не говорилъ ни слова.

Странное дѣло! какъ-скоро они останавливались въ тѣснотѣ и Гогъ потуплялъ глаза,—всякій разъ онъ видѣлъ, что протягивалась рука, между его рукъ или около него, совала кому-нибудь изъ окружающихъ бумажку въ руку или въ карманъ, и отдергивалась такъ проворно, что нельзя было угадать, кто положилъ бумажку; оглянувшись, онъ ни на одномъ изъ множества лицъ не могъ замѣтить ни малѣйшаго смущенія или оторопѣлости. Часто они наступали ногами на бумагу, похожую на ту, которая была у него за пазухой, но товарищъ шепталъ ему, чтобъ онъ не поднималъ ея и не дотрогивался, даже не смотрѣлъ на нее; такъ они оставляли ее и проходили далѣе.

Походивъ такимъ образомъ часа съ два по всѣмъ улицамъ и подъѣздамъ парламентскаго зданія, они воротились назадъ, и пріятель спросилъ его, что онъ думаетъ о видѣнномъ и готовъ ли поработать вмѣстѣ, когда прійдетъ время. — «Чѣмъ жарче, тѣмъ лучше» отвѣчалъ Гогъ: «я на все готовъ».—Я тоже, сказалъ пріятель, какъ и многіе изъ насъ; за тѣмъ они ударили по рукамъ, прибавивъ еще нѣсколько страшныхъ проклятій на папистовъ.

Такъ-какъ, между-тѣмъ, имъ захотѣлось пить, то Денни предло-

Digitized by Google

жалъ зайдти въ лавку, гдѣ есть добрые товарищи и крѣпкій джинъ. Гогъ охотно согласился, и они отправились туда не теряя времени.

Лавка эта была уединенная харчевня, находившаяся на полѣ, по-ту-сторону воспитательнаго дома, мѣстѣ, въ то время очень пустынномъ и послѣ сумерекъ будто-вымершемъ. Она стояла въ сторонѣ отъ всѣхъ улицъ и была доступна только съ темной, узкой тропинки, такъ что Гогъ очень удивился, нашедши тамъ много пьющихъ и шумное веселье. Еще больше удивился онъ, узнавъ въ собесѣдникахъ почти всѣ лица, поразившія его въ толпѣ; но какъ товарищъ еще у дверей шепнулъ ему, что неловко обнаруживать въ лавкѣ и малѣйшее любопытство касательно гостей, то онъ молчалъ и не подавалъ вида, что узналъ кого-нибудь.

Прежде чѣмъ поднесъ онъ къ губамъ поданный джинъ, Денни громкимъ голосомъ вскричалъ: «здоровье лорда Джорджа Гордона, президента великаго протестантскаго союза!» и Гогъ съ приличнымъ энтузіазмомъ выпилъ тостъ. Скрипачъ, присутствовавшій въ званіи менестреля общества, тотчасъ заигралъ шотландскую пѣсню, и заигралъ такъ одушевленно, что Гогъ и его пріятель (оба они ужь выпили прежде), будто заранѣе сговорившись, вскочили со стульевъ, и къ великому удовольствію всѣхъ гостей, проплясали экспромтомъ танецъ «прочь - паиство».

ГЛАВА XXXIX.

Еще не утихли клики одобренія танцу Гога и его новаго пріятеля, еще танцоры задыхались отъ нѣсколько-сильнаго и напряженнаго движенія, какъ число собесѣдниковъ увеличилось прибытіемъ новыхъ гостей, которые, какъ отрядъ общества бульдоговъ, приняты были съ самыми лестными знаками особеннаго вниманія и отличія.

Предводитель этого отряда,—онъ состоялъ всего-на-все только изъ трехъ человѣкъ,—былъ нашъ старый знакомецъ, мэстеръ Тэппертейтъ, который, говоря медицински, съ лѣтами, казалось, уменьшился (особливо ноги его стали удивительно-малы), но, взятый съ моральной точки зрѣнія, въ личномъ достоинствѣ и самоувѣренности выросъ до исполина. И для самаго поверхностнаго наблюдателя, было не трудно угадать этотъ духъ бывшаго ученика, потому-что онъ не только рѣзко и безошибочно проявлялся въ его величественной походкѣ и пламенномъ взглядѣ, но еще разительнѣе обнаруживался въ высоко-поднятомъ, вздернутомъ носѣ, который на всѣ земные предметы смотрѣлъ съ глубокимъ презрѣніемъ и стремился къ родственнымъ ему небесамъ.

Мэстеръ Тэппертейтъ, какъ глава или генералъ бульдоговъ, напи-

Digitized by Google

ся въ-сопровожденіи двухъ лейтенантовъ: одинъ былъ давнишній долговязый товарищъ; другой, ученикъ-рыцарь въ прежнее время, по имени Маркъ Джильбертъ, жившій нѣкогда въ ученьѣ у Ѳомы Курціона въ Золотомъ Рунѣ. Подобно ему, эти джентльмены освободились теперь отъ своего ученическаго рабства и жили въ подмастерьяхъ, но, въ рѣшительное подражаніе своему великому образцу, были головы смѣлыя и предпріимчивыя, стремившіяся къ возвышенію посредствомъ великихъ политическихъ событій. Отсюда проистекала связь ихъ съ протестантскимъ союзомъ Англіи, освященнымъ именемъ лорда Джорджа Гордона; отсюда и теперешнее ихъ посѣщеніе.

— Джентльмены! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, снявъ шляпу, какъ полководецъ, говорящій войску. — Хорошо, что мы встрѣтились. Милордъ дѣлаетъ мнѣ и вамъ честь, поручивъ мнѣ кланяться вамъ.

— Вы также сегодня видѣли милорда, а? сказалъ Денни.—Я видѣлъ его нынѣче послѣ обѣда.

— Обязанность призвала меня въ переднюю, когда мы заперли мастерскія; тамъ я и видѣлъ его, сэръ, отвѣчалъ мэстеръ Тэппертейтъ, садясь со своими лейтенантами. — Какъ вы поживаете?

— Весело, сэръ, весело, отвѣчалъ палачъ. — Вотъ новый братъ, законно, письменно принятый мэстеромъ Гашфордомъ; не испортитъ дѣла; изъ покроя—сорви-голова, человѣкъ по моему вкусу. Видите? Такимъ ли онъ смотритъ, который годится, какъ вы думаете? воскликнулъ онъ, ударивъ Гога по спинѣ.

— Смотрю или не смотрю, сказалъ Гогъ, махнувъ рукою какъ пьяный: — а я гожусь вамъ. Я ненавижу всѣхъ папистовъ одинаково. Они меня ненавидятъ и я ихъ ненавижу. Они дѣлаютъ мнѣ всякое зло, какое могутъ, и я имъ дѣлаю все, что могу. Ура!

— Ну, бывалъ ли гдѣ, сказалъ Денни и оглянулся по комнатѣ, когда раздался его шумный голосъ: — бывалъ ли гдѣ этакой боевой пѣтухъ! Я думаю, братья, еслибъ мэстеръ Гашфордъ прошелъ сотни миль и набралъ бы пятдесятъ человѣкъ обыкновеннаго покроя, всѣ они вмѣстѣ не стоили бъ одного этого.

Большая часть собесѣдниковъ необинуясь согласилась съ этимъ мнѣніемъ и показала Гогу свое расположеніе весьма значительными взглядами и киваньями. Только мэстеръ Тэппертейтъ сидѣлъ неподвижно и молча смотрѣлъ на него нѣсколько времени, какъ-будто не хотѣлъ еще произнесть своего рѣшенія; потомъ подошелъ къ нему и отвелъ его въ темный уголъ.

— Не видалъ ли я тебя когда-нибудь прежде? сказалъ онъ задумавшись.

— Мудренаго нѣтъ, отвѣчалъ беззаботно Гогъ.—Не знаю; тутъ нѣтъ никакого дива.

Digitized by Google

— Нѣтъ, да это легко рѣшить, возразилъ Симъ. — Погляди-ка на меня. Видалъ ли ты меня когда-нибудь? Ты не могъ легко забыть, если видѣлъ меня когда-нибудь. Погляди на меня. Не бойся: я тебѣ ничего не сдѣлаю дурнаго. Вглядись хорошенько въ меня, вотъ такъ, по пристальнѣе.

Слова̀, которыми мэстеръ Тэппертейтъ ободрялъ его и увѣрялъ, что ему нѐчего бояться, чрезвычайно забавляли Гога, столько забавляли, что онъ вовсе не видалъ маленькаго человѣка, стоявшаго передъ нимъ; онъ расхохотался такъ усердно, что закрылъ глаза и схватился за свои широкіе бока.

— Ну! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, досадуя нѣсколько на это непочтительное поведеніе.—Знаешь ли меня, пріятель?

— Нѣтъ, не знаю, воскликнулъ Гогъ.—Ха, ха, ха! Не знаю! А очень радъ съ вами познакомиться.

— А я такъ готовъ поспорить на семь шиллинговъ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, скрестивъ руки и стоя передъ нимъ съ широко-раздвинутыми, крѣпко упертыми въ землю ногами:—что ты былъ конюхомъ въ Майскомъ-Деревѣ.

Гогъ вытаращилъ глаза, услышавъ это, и смотрѣлъ на него въ изумленіи.

— Точно, ты былъ тамъ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, толкая его съ снисходительною шуткою.—*Мои* глаза ни кого не обманывали, то-есть ни кого другаго, кромѣ молоденькихъ женщинъ! Узналъ меня теперь?

— Нѣтъ, все-таки не знаю, отвѣчалъ запинаясь Гогъ.

— Все не знаешь, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ. — Полно, увѣренъ ли ты въ этомъ? Помнишь ли еще Габріэля Уардена? Нѣтъ?

Разумѣется, Гогъ вспомнилъ его, вспомнилъ и Долли Уарденъ; но этого онъ ему не сказалъ.

— Помнишь ли, ка̀къ ты приходилъ къ намъ, когда я еще былъ въ ученикахъ, спрашивать о бродягѣ, о бѣглецѣ, который оставилъ своего безутѣшнаго отца въ жертву самымъ горькимъ чувствамъ и такъ далѣе. Помнишь? сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ.

— Конечно помню! воскликнулъ Гогъ. — Тамъ я и васъ видѣлъ.

— Ты меня тамъ видѣлъ! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ. — Да, я зналъ, что ты меня видѣлъ. Какъ же бы домъ остался безъ меня? Помнишь ли, какъ я тебя почелъ за пріятеля бродяги и оттого поссорился-было съ тобою; а когда узналъ, что ты его не терпишь, ка̀къ я пилъ съ тобою. Не забылъ еще?

— Разумѣется! воскликнулъ Гогъ.

— Хорошо! А теперь прежнихъ ли еще ты мыслей? сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ.

— Конечно, заревѣлъ Гогъ.

Digitized by Google

— Ты говоришь какъ надобно мужчинѣ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ; — ударимъ же по рукамъ. — За этимъ примиреніемъ, онъ привелъ слово въ дѣло; и какъ Гогъ охотно принялъ его предложеніе, церемонія исполнилась съ видомъ большой искренности.

— Я замѣтилъ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, обратясь къ собранію:—что мы съ этимъ братомъ старые знакомые.—Ты ужь ничего больше не слыхалъ о бездѣльникѣ, а?

— Ни слова, отвѣчалъ Гогъ.—Да и не ручаюсь, и не думаю, что когда-нибудь услышу. Онъ вѣрно ужь давно умеръ.

— Надобно надѣяться, какъ для блага человѣчества вообще, такъ и для блага общества въ особенности, что онъ умеръ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, потирая ладонью по ногамъ и смотря на нее отъ времени до времени.—Не почище ли у тебя другая рука? Все такая же грязь. Ну, одинъ ударъ пусть будетъ за мною. Мы сочтемъ, что онъ сдѣланъ, если ты согласенъ.

Гогъ опять захохоталъ, и на этотъ разъ до такой степени предался своему безумному смѣху, что, казалось, вывихнетъ себѣ всѣ члены и все тѣло его разломится на части; но мэстеръ Тэппертейтъ, отнюдь не оскорбляясь этою необыкновенною веселостью, смотрѣлъ на него съ величайшею благосклонностью, даже удостоивалъ смѣяться вмѣстѣ съ нимъ, сколько это могъ дѣлать человѣкъ его ранга, не теряя изъ виду приличія и гордости, которыхъ требуютъ отъ людей знатныхъ.

Мэстеръ Тэппертейтъ не остановился на этомъ, какъ сдѣлали бы многіе обыкновенные характеры, а подозвалъ своихъ двухъ лейтенантовъ, представилъ имъ Гога и рекомендовалъ, объявляя, что это такой человѣкъ, котораго нельзя довольно оцѣнить во времена, какія они теперь переживаютъ. Далѣе оказалъ онъ ему честь замѣчаніемъ, что Гогъ—пріобрѣтеніе, которымъ могло бы гордиться даже общество бульдоговъ, и по нѣкоторомъ испытаніи, нашедъ его совершенно къ тому готовымъ и расположеннымъ (Гогъ былъ ни мало не разборчивъ и въ этотъ вечеръ связался бы со всякимъ для какой угодно цѣли), началъ тутъ же необходимые предварительные обряды. «Заслуга получила свой вѣнецъ», и это очень обрадовало мэстера Деннн, какъ самъ онъ увѣрялъ съ разными рѣдкими и необыкновенными проклятіями; въ-самомъ-дѣлѣ, это доставило всему обществу искреннее удовольствіе.

— Дѣлайте изъ меня, что хотите! вскричалъ Гогъ, выпивая кружку, которую уже не разъ опорожнилъ.—Давайте мнѣ какую хотите должность. Я вашъ. Я готовъ. Это мой капитанъ,—мой начальникъ. Ха, хэ, ха! Пусть онъ только мнѣ скомандуетъ, такъ я одинъ пойду на цѣлый парламентъ!—При этихъ словахъ онъ такъ сильно ударилъ мэстера Тэппертейта по спинѣ, что маленькая фигурка его об-

Digitized by Google

ратилась, казалось, въ чистое ничто, и опять заревѣлъ такъ, что дѣти сосѣдняго Дома Призрѣнія попросыпались въ своихъ колыбелькахъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мысль, что въ ихъ товариществѣ было нѣчто странное, совершенно, казалось, овладѣла его грубымъ умомъ. Ужь одно то обстоятельство, что покровителемъ былъ у него великій мужъ, котораго онъ могъ раздавить одной рукою, представлялось ему до того страннымъ и смѣшнымъ, что имъ овладѣлъ родъ дикаго веселья, которому его грубая природа поддалась совершенно. Онъ кричалъ и ревѣлъ, сто разъ пилъ за здоровье мэстера Тэппертейта, клялся, что онъ бульдогъ отъ всего сердца, и обѣщалъ быть вѣрнымъ ему до послѣдней капли крови.

Всѣ эти комплименты мэстеръ Тэппертейтъ принималъ, какъ вещи, которыя сами-по-себѣ разумѣются и которыя хоть и лестны, но въ сущности, однакожь, не болѣе, какъ должная дань его громадному превосходству. Его гордая увѣренность еще болѣе потѣшала Гога; однимъ словомъ, великанъ и карликъ заключили между собою дружбу, которая обѣщала быть продолжительною, потому-что одинъ считалъ повелѣваніе своимъ правомъ, а другой забавлялся повиновеніемъ. Но Гогъ отнюдь не былъ просто сострадательнымъ партизаномъ, который бы задумался дѣйствовать безъ приказу; напротивъ, когда мэстеръ Тэппертейтъ влѣзъ на порожнюю бочку, стоявшую, подобно ораторской каѳедрѣ въ комнатѣ, и началъ говорить вольную рѣчь о страшномъ кризисѣ, Гогъ сталъ подлѣ оратора, и хотя самъ едва не лопался со смѣху при каждомъ его словѣ, однако помахивалъ своею дубиною на насмѣшниковъ такъ значительно, что тѣ, которымъ сначала всего больше хотѣлось прервать оратора, замѣтно становились внимательнѣе и громко рукоплескали.

Между-тѣмъ, въ харчевнѣ не все шутило и шумѣло и не все общество слушало рѣчь. На другомъ концѣ залы (въ длинной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ), нѣсколько человѣкъ все время занимались серьёзнымъ разговоромъ, и какъ-скоро одни изъ этихъ людей уходили, тотчасъ подходили другіе и занимали ихъ мѣсто, какъ-будто смѣняясь между собою на часахъ; смѣны происходили постоянно каждые полчаса, по бою часовъ. Люди эти очень-много шептали между собою, держались поодаль и часто озирались, будто опасаясь быть подслушанными: двое или трое изъ нихъ вносили, по-видимому, въ книги извѣстія прочихъ; а когда не были этимъ заняты, то обыкновенно одинъ изъ нихъ бралъ лежащія на столѣ газеты и изъ «St. Jame's Chronicle», «Herald», «Chronicle» или «Public Advertiser» читалъ прочимъ тихимъ голосомъ какое-нибудь мѣсто, имѣвшее связь съ предметомъ, въ которомъ всѣ они принимали столько участія. Но наибольшую привлекательность имѣлъ, по-видимому, памфлетъ, подъ названіемъ «Громовержецъ», который занималъ ихъ и, какъ пола-

Digitized by Google

гали тогда, выходилъ непосредственно отъ общества. Его безпрестанно спрашивали, и какъ-скоро онъ былъ прочитыванъ передъ усердной толпою слушателей, или кѣмъ-нибудь про-себя, всегда за этимъ слѣдовали шумныя рѣчи и дикіе взгляды.

Среди всей этой веселости, занятый удивленіемъ къ своему капитану, Гогъ, однако, по этимъ и по другимъ признакамъ, замѣтилъ присутствіе какой-то таинственной дѣятельности, похожей на ту, которая прежде столько поразила его на улицѣ. Нельзя было удержаться отъ мысли, что тутъ происходитъ нѣчто важное, и что за шумнымъ пированьемъ трактира скрываются вещи невидимыя и подозрительныя. Впрочемъ, онъ объ этомъ мало заботился и такъ былъ доволенъ бесѣдою, что остался бы тутъ до утра, еслибъ товарищъ его не собрался вскорѣ по полуночи домой; такъ какъ мэстеръ Тэппертейтъ послѣдовалъ его примѣру, то ему не было предлога оставаться. Такимъ образомъ, они всѣ трое вышли изъ харчевни и заревѣли пѣсню «Прочь-папство» такъ, что вся окрестность задрожала.

— Смѣлѣй, капитанъ! кричалъ Гогъ, когда они останавливались перевести духъ.—Еще куплетъ!

Мэстеръ Тэппертейтъ былъ не лѣнивъ и начиналъ снова; такъ они шли трое, рука въ руку, кричали какъ сумасшедшіе и храбро издѣвались надъ ночными сторожами. Правда, для этого не нужно было необыкновеннаго мужества, потому-что тогдашніе ночные сторожа были люди, которые получали это мѣсто за глубокую старость и дряхлость, и при каждомъ нарушеніи спокойствія крѣпко запирались въ своихъ будкахъ, гдѣ оставались до-тѣхъ-поръ, пока все утихало. Мэстеръ Денни, имѣвшій грубый голосъ и чрезвычайно-здоровыя легкія, особенно отличался въ этой экспедиціи и стоялъ очень-высоко въ мнѣніи своихъ двухъ товарищей.

— Что̀ ты за чудакъ! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ. — Ты такъ лукавъ и скрытенъ. Зачѣмъ ты не скажешь, что̀ у тебя за ремесло?

— Сейчасъ же отвѣчай капитану, воскликнулъ Гогъ, нахлобучивъ плотнѣе свою шляпу. — Зачѣмъ ты не скажешь, что̀ у тебя за ремесло?

— Мое ремесло такъ тонко, какъ ни чье другое во всей Англіи; такая легкая работа, какой только можетъ пожелать джентльменъ.

— Былъ ты въ ученьѣ? спросилъ мэстеръ Тэппертейтъ.

— Нѣтъ. Это природный даръ, сказалъ мэстеръ Денни. — Этому не учатся. Это дается отъ природы. Мэстеръ Гашфордъ знаетъ мою должность. Взгляните на эту руку: много и много дѣлъ сработала эта рука съ опрятностью и ловкостью, какой еще не видано. Когда я посмотрю на руку, продолжалъ мэстеръ Денни, потрясши ею въ воздухѣ: — и подумаю, сколько прекрасной матеріи она надѣлала, то

Digitized by Google

мнѣ станетъ сильно грустно, что она со-временемъ состарѣется и ослабѣетъ. Такъ ужь ведется на свѣтѣ!

Онъ глубоко вздохнулъ при этомъ размышленіи и въ какой-то забывчивости взялъ Гога пальцами за горло, особенно подъ лѣвое ухо, какъ-будто изучая анатомическую соразмѣрность этой части тѣла; потомъ отчаянно покачалъ головою и отъ-души заплакалъ.

— Ты, этакъ, вѣрно художникъ, а? сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ.

— Да, отвѣчалъ Денни: — да, я могу назваться художникомъ-головщикомъ; искусство поправляетъ натуру—моя пословица.

—А это что? спросилъ мэстеръ Тэппертейтъ, взявъ у него изъ рукъ палку.

— Это мой портретъ, сказалъ Денни:—похожъ ли, какъ думаете?

—Ну, немного слишкомъ-красивъ, отвѣчалъ мэстеръ Тэппертейтъ.

— Кто это дѣлалъ? ты?

— Я? повторилъ Денни, нѣжно взглянувъ на портретъ.—Хорошо, еслибъ у меня былъ такой талантъ! Это вырѣзывалъ одинъ мой пріятель, котораго ужь нѣтъ на свѣтѣ. За день до смерти вырѣзалъ онъ его карманнымъ ножикомъ на память. «Я умру» сказалъ онъ, мой другъ: «пусть мои послѣднія минуты пойдутъ на то, чтобъ сдѣлать Денни его портретъ.» Такъ-то!

— Странная была мысль, не правда ли? сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ.

— Это *была* странная мысль, отвѣчалъ тотъ, дыша на свой портретъ и протирая его рукавомъ кафтана, пока онъ сталъ лосниться:—да, это вообще былъ странный малой, родъ Цыгана, одинъ изъ самыхъ забавныхъ пѣтуховъ, какихъ вы только видали. Ахъ! онъ сказалъ мнѣ на-ухо пару исторій, въ то утро, какъ умиралъ,—исторій, которыя васъ немножко испугали бы.

— Такъ ты былъ тогда у него, что ли? сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, взглянувъ быстро: — я былъ тутъ. О! ну, конечно, я былъ тутъ. Безъ меня, ему не отправиться бы такъ покойно. То же случилось у меня съ тремя или четырьмя человѣками его фамиліи. Всѣ они были славные ребята.

—Вѣрно, они любили тебя? замѣтилъ мэстеръ Тэппертейтъ, взглянувъ на него искоса.

— Не знаю навѣрное, любили ль они меня, сказалъ Денни нерѣшительно: — но я былъ подлѣ всѣхъ ихъ, когда они отправлялись на тотъ свѣтъ. Мнѣ достались и ихъ гардеробы. Даже этотъ галстухъ, что на мнѣ, принадлежитъ тому, о которомъ я разсказываю, —тому, что сдѣлалъ портретъ.

Мэстеръ Тэппертейтъ посмотрѣлъ на этотъ галстухъ и подумалъ, казалось, самъ-въ-себѣ, что покойникъ вѣрно имѣлъ очень особен-

Digitized by Google

ныя и не слишкомъ-затѣйливыя понятія о гардеробѣ. Впрочемъ, онъ не позволилъ себѣ никакого замѣчанія на этотъ предметъ, и таинственный товарищъ его безъ остановки продолжалъ:

— Эти штаны, сказалъ Деннн, погладивъ себѣ ноги:—эти самые штаны — они принадлежали одному моему пріятелю, который навсегда оставилъ отяготительную ветошь; а этотъ кафтанъ... часто хаживалъ я за этимъ кафтаномъ по улицамъ и думалъ, попадетъ ли онъ ко мнѣ когда-нибудь; эти чулки передъ моими глазами по-крайней-мѣрѣ полдюжины разъ плясали Hornpipe(*) на другихъ ногахъ; а шляпа, сказалъ онъ, снявъ ее и повертывая на кулакѣ: — Господи Боже мой! я не разъ видѣлъ, какъ эта шляпа ѣздила въ Ольборнъ на козлахъ наемной кареты!

— Ты однако не разумѣешь, что *всѣ* померли, кто носилъ эти вещи? сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, отступивъ отъ него шага два назадъ.

—Всѣ, отвѣчалъ Деннн. — И одинъ точно какъ другой, любезнѣйшій!

Въ этомъ обстоятельствѣ было что-то страшное и столь страннымъ, ужаснымъ образомъ объяснявшее, по-видимому, полинялый, изношенный видъ одежды палача, которая, представясь въ этомъ новомъ свѣтѣ, казалось, окрашена могильною землею,—что мэстеръ Тэппертейтъ вдругъ вспомнилъ, что ему надобно идти другою дорогою. И такъ, онъ остановился и съ величайшею искренностью пожелалъ ему доброй ночи. Такъ-какъ они были неподалеку отъ Ольдъ-Бэлей и мэстеръ Деннн зналъ, что въ квартирѣ тюремщика было нѣсколько арестантовъ, съ которыми онъ могъ провести ночь, болтая передъ веселымъ огонькомъ, за стаканомъ, о предметахъ своего ремесла и объ общихъ интересахъ, то разстался безъ большаго сожалѣнія съ своими товарищами. Онъ горячо пожалъ руку Гогу и оставилъ всѣхъ, условившись, когда имъ встрѣтиться въ харчевнѣ.

— Любопытный человѣкъ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, смотря въ-слѣдъ кучерской шляпѣ, какъ она покачивалась по улицѣ. — Не знаю, что у него за вкусъ. Не-уже-ли онъ не можетъ сдѣлать штановъ на-заказъ, или купить себѣ кафтанъ и чулки?

— Это счастливый человѣкъ, капитанъ! воскликнулъ Гогъ.—Хорошо, еслибъ у меня были такіе же пріятели, какъ у него!

— Вѣдь вѣрно онъ не заставляетъ ихъ дѣлать завѣщанія и не рѣжетъ имъ потомъ головъ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, теряясь въ раздумьѣ. — Однакожь пойдемъ. Общество бульдоговъ ждетъ меня. Впередъ! Что ты?

— Я совсѣмъ было-позабылъ, отвѣчалъ Гогъ въ испугѣ, когда услышалъ бой часовъ на ближней башнѣ. — Мнѣ надобно еще схо-

(*) Родъ мужицкой или матросской пляски.

Digitized by Google

дить къ одному человѣку сегодня вечеромъ... Надобно сейчасъ вернуться. За попойкой и пѣснями у меня совсѣмъ это изъ головы вонъ. Хорошо, что еще вспомнилъ!

Мэстеръ Тэппертейтъ посмотрѣлъ на него, будто собираясь произнесть нѣсколько начальническихъ замѣчаній на этотъ побѣгъ, но какъ гогова торопливость ясно показывала, что дѣло не терпитъ отсрочки, то онъ милостиво снизошелъ и далъ ему позволеніе тотчасъ удалиться, которое Гогъ принялъ съ громкимъ смѣхомъ.

— Доброй ночи, капитанъ! вскричалъ онъ. — Я вашъ до смерти. Помните это!

— Прощай! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, дѣлая ему знакъ рукою.—Будь смѣлъ и бодръ!

— Прочь папство, капитанъ! проревѣлъ Гогъ.

— Скорѣй Англія потонетъ въ крови! воскликнулъ его отчаянный предводитель. Гогъ съ кликомъ одобренія и хохотомъ помчался какъ гончая собака.

— Этотъ человѣкъ сдѣлаетъ честь моему корпусу, сказалъ Симонъ, обернувшись задумчиво. — Тамъ увидимъ. Когда общественное состояніе перемѣнится— а перемѣны будутъ, когда мы взбунтуемся и побѣдимъ — когда слѣсарева дочь будетъ моею, мнѣ надобно будетъ такъ или сякъ отдѣлаться отъ Меггсъ; не то она когда-нибудь отравитъ чайникъ въ мое отсутствіе. Онъ могъ бы жениться на Меггсъ, когда покрѣпче напьется. Быть такъ. Замѣтимъ это.

ГЛАВА XI.

Гогъ не воображалъ, какой планъ для его будущаго счастія составлялъ плодовитый мозгъ попечительнаго начальника, и шелъ не останавливаясь, пока исполины св. Дунстана пробили надъ нимъ часы, послѣ чего онъ началъ усердно работать надъ насосомъ ближняго колодца и, подставляя подъ жолобъ голову, лилъ на себя воду, пока съ каждаго изъ его нечесанныхъ волосъ потекъ ручей и тѣло обмочилось по грудь. Это купанье такъ освѣжило ему тѣло и душу, что онъ почти протрезвился на минуту; потомъ обсушился, какъ успѣлъ, перешелъ улицу и ударилъ молоткомъ въ ворота Миддль-Тэмпля.

Дворникъ съ ворчаньемъ выглянулъ сквозь маленькую рѣшетку въ воротахъ и вскричалъ: «Эй, что тамъ за чортъ!» Гогъ возвратилъ цѣликомъ это привѣтствіе и велѣлъ ему сейчасъ отпереть.

— Здѣсь не пьютъ пива, отвѣчалъ тотъ:—чего тебѣ надо?

— Пусти, отвѣчалъ Гогъ, толкнувъ ногою въ дверь.

— Куда?

— Paper-Buildings.

Digitized by Google

— Въ чью квартиру?

— Къ сэру Джону Честеру. Каждому изъ этихъ отвѣтовъ новымъ толчкомъ ноги придавалъ онъ потребную выразительность.

Послѣ нѣкотораго ворчанья съ той стороны, ворота отворились и онъ вошелъ; однакожь дворникъ подвергъ его подробному осмотру.

— *Ты* къ сэру Джону, такъ поздно ночью? сказалъ онъ.

— Разумѣется! отвѣчалъ Гогъ.—Я! Такъ что же?

— Ну, я пойду съ тобою; посмотримъ, правда ли.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ.

Дворникъ подозрительно поглядывалъ на него и дошелъ съ нимъ, неся ключъ и фонарь, до дверей сэра Джона Честера, гдѣ Гогъ постучался ударомъ, который, какъ кликъ привидѣнія, раздался по темной лѣстницѣ, и заставилъ задрожать слабый, сонный свѣтъ лампы.

— Теперь вѣришь ли, что я къ нему? сказалъ Гогъ.

Прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ отвѣтить, внутри послышались шаги, показался свѣтъ, и сэръ Джонъ, въ шлафрокѣ и туфляхъ, отворилъ дверь.

— Прошу извинить, сэръ Джонъ, сказалъ дворникъ, снявъ проворно шляпу.— Этотъ молодецъ говоритъ, что надобно съ вами видѣться. Для чужихъ поздно. Я подумалъ, посмотрю лучше самъ, все ли благополучно.

— А? воскликнулъ сэръ Джонъ, поднявъ брови: — это ты, посланецъ, ты? Войди. Хорошо, мой другъ. Хвалю твое благоразуміе. Спасибо. Храни тебя Господь. Доброй ночи.

Получить похвалу, благодарность, «доброй ночи» и «храни тебя Господь» отъ господина, который носилъ словцо «сэръ» передъ своимъ именемъ и, сверхъ того, подписывался съ буквами Ч. П. (*), было не бездѣлица для дворника. Онъ удалился весьма покорно и почтительно. Сэръ Джонъ пошелъ за своимъ позднимъ гостемъ въ туалетную комнату, расположился въ креслахъ передъ каминомъ, и такъ подвинулъ ихъ, что могъ съ головы до пятокъ осматривать Гога, стоявшаго у дверей, со шляпою въ рукахъ.

Лицо его было спокойно и привѣтливо, какъ всегда; цвѣтъ лица совершенно юношескій по своей свѣжести и чистотѣ; та же улыбка; та же аккуратность и изящество въ одеждѣ; бѣлые, красиво расположенные зубы; нѣжныя руки, покойная и ловкая осанка,—все, какъ прежде: никакого слѣда старости или страсти, зависти, ненависти или недовольства: все ясно и свѣтло, на все весело было смотрѣть.

Онъ подписывался Ч. П. Какъ же это? А вотъ какимъ образомъ. Онъ былъ изъ знатной фамиліи — больше, впрочемъ, знатной, чѣмъ

(*) Членъ Парламента.

Digitized by Google

зажиточной. Арестъ, полицейскіе и тюрьма угрожали ему—обыкновенная тюрьма, куда сажаютъ простыхъ людей съ небольшими доходами. Джентльмены старинныхъ домовъ не имѣютъ никакого преимущества составлять исключеніе изъ столь жестокихъ законовъ —кромѣ того случая, когда они принадлежатъ одному великому дому. Одинъ знатный человѣкъ изъ его родни имѣлъ средства ввести его въ этотъ великій домъ. Онъ вызвался — не заплатить его долги, а посадить его на порожнее депутатское мѣсто, пока выростетъ его собственный сынъ, до чего, еслибъ онъ остался живъ, было еще двадцать лѣтъ времени. Это было столько жъ хорошо, какъ объявленіе несостоятельнымъ, но гораздо благороднѣе. Такимъ-то образомъ былъ сэръ Джонъ Честеръ членомъ парламента.

Но откуда же *сэръ* Джонъ? Самая простая, самая легкая вещь на свѣтѣ! Одно прикосновеніе государственнымъ мечомъ, и превращеніе совершилось. Джонъ Честеръ конюшій, Ч. П., явился ко двору, представилъ адресъ, предводилъ депутацію. Такія изящныя манеры, такое пріятное обхожденіе, такой разговорный талантъ не могли остаться незамѣченными. «Мэстеръ» было слишкомъ обыкновенно для такихъ достоинствъ. Такому свѣтскому человѣку—еслибъ счастіе было не столь своенравно, надлежало родиться герцогомъ, точно такъ же, какъ многимъ герцогамъ надобно бы родиться мужиками. Онъ заслужилъ благосклонность короля, преклонилъ колѣни червякомъ, а всталъ бабочкою. Джонъ Честеръ конюшій пожалованъ въ кавалеры и сталъ сэръ Джонъ.

— Я было-думалъ, когда ты пошелъ отъ меня сегодня вечеромъ, мой дорогой знакомецъ, сказалъ сэръ Джонъ, послѣ долгой паузы: —что какъ-разъ воротишься?

— Да, я такъ и сдѣлалъ, сэръ.

— Такъ-то? возразилъ тотъ, посмотрѣвъ на часы. — Такъ это-то хотѣлъ ты мнѣ сказать?

Вмѣсто отвѣта, Гогъ переминался съ ноги на ногу, бралъ шапку изъ одной руки въ другую, смотрѣлъ на полъ, на стѣны, на потолокъ, и наконецъ на сэра Джона, передъ ласковымъ лицомъ котораго опять потуплялъ глаза и устремлялъ взоры въ землю.

— Каково ты забавлялся все это время? сказалъ сэръ Джонъ, положивъ спокойно ногу на ногу.—Гдѣ ты былъ? Что за бѣду ты сдѣлалъ?

— Вовсе никакой, сударь, проворчалъ Гогъ покорно.

— Я сдѣлалъ только какъ вы приказали.

— Какъ я? *что?* возразилъ сэръ Джонъ.

— Ну, пожалуй, сказалъ съ досадою Гогъ:—какъ вы мнѣ совѣтовали, какъ вы сказали, что я долженъ бы, или что я могъ бы, и

Digitized by Google

какъ вы сказали, что́ вы бы сдѣлали на моемъ мѣстѣ. Не будьте такъ строги ко мнѣ, сударь.

Родъ торжества полною властью, которую сэръ Честеръ пріобрѣлъ надъ этимъ грубымъ орудіемъ, показался мгновенно на лицѣ кавалера, но тотчасъ опять исчезъ, когда онъ, обрѣзывая между-тѣмъ ногти, сказалъ:

— Когда ты говоришь, что я тебѣ приказалъ, мой милый, это значитъ, какъ-будто я послалъ тебя сдѣлать что-нибудь для меня, что-нибудь такое, что̀ мнѣ было нужно, что-нибудь для моей собственной цѣли и выгоды, видишь ли? Нѣчего и говорить о нелѣпости такого, хоть и ненарочнаго выраженія; постарайся же (тутъ онъ взглянулъ на него во всѣ глаза) быть впередъ осторожнѣе. Будешь ли?

— Я не думалъ васъ обидѣть, сказалъ Гогъ. — Не знаю, право, что̀ и говорить. Вы такъ меня прижали.

— Скоро тебя еще больше прижмутъ, пріятель, несравненно больше, можешь быть увѣренъ, отвѣчалъ спокойно его покровитель. — Мимоходомъ сказать, вмѣсто того, чтобъ удивляться, что ты такъ долго не приходилъ, мнѣ бы по-настоящему должно удивляться, зачѣмъ еще ты и приходилъ. А?

— Вы знаете, сэръ, сказалъ Гогъ: — что я не умѣлъ прочесть записки, которую нашелъ и принесъ ее какъ нѣчто особенное, потому-что она какъ-то странно была свернута.

— А ты никого другаго не могъ попросить прочесть ее, медвѣдь? сказалъ сэръ Джонъ.

— Никого, кому бы я могъ повѣрить что-нибудь секретное, сэръ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Барнеби Роджъ пропалъ навсегда, а этому ужъ пять лѣтъ, я ни съ кѣмъ не говорилъ кромѣ васъ.

— Право, очень-много чести для меня.

— Я все время ходилъ, сэръ, какъ-скоро было что-нибудь новое, потому-что зналъ, вы разсердитесь, если я не прійду, сказалъ Гогъ послѣ безпокойной паузы: — и потому-то хотѣлъ угождать вамъ, чѣмъ можно, чтобъ не имѣть въ васъ противника. Да. Вотъ настоящая причина, зачѣмъ я пришелъ и сегодня вечеромъ. Вѣрно вы это знаете, сэръ?

— Ты прикидываешься святымъ, возразилъ сэръ Джонъ, посмотрѣвъ на него пристально: — ты носишь два лица подъ своей шапкой? Хорошо. Не говорилъ ли ты мнѣ въ этой самой комнатѣ сегодня вечеромъ совершенно другой причины, не разсказывалъ ли ненависти къ тому, кто въ послѣднее время обходился съ тобою при всякомъ случаѣ презрительно и обидно, ругался надъ тобою грубымъ образомъ, какъ-будто бы ты былъ двуногая собака, а не человѣкъ ему подобный?

Digitized by Google

— Конечно, я это говорилъ! воскликнулъ Гогъ, котораго страсть возрастала, какъ тотъ и желалъ:—и опять повторю это до послѣдняго слова. Я готовъ на все, чтобъ ему отомстить—на все. И когда вы мнѣ сказали, что онъ и всѣ католики будутъ побиты тѣми, кто подписался подъ листкомъ, то я подумалъ, пристану къ нимъ, хоть бы самъ чортъ былъ ихъ господиномъ. Теперь я въ ихъ числѣ. Видите, держу ли я слово и показываюсь ли въ первыхъ, или нѣтъ. У меня, можетъ-быть, немного мозгу, сэръ, но довольно, чтобъ помнить тѣхъ, кто со мною дурно обходится. Вы увидите, и онъ также и еще сто человѣкъ увидятъ, какъ я бодръ и смѣлъ, когда прійдетъ пора. Мой лай еще не то, что̀ мое кусанье. Многимъ, кого я знаю, лучше бы было, еслибъ дикаго льва пустили на нихъ, чѣмъ меня, когда я разнуздаюсь, да!

Честеръ посмотрѣлъ на него и улыбнулся гораздо значительнѣе обыкновеннаго; потомъ указалъ ему пальцемъ на старый буфетъ и слѣдилъ за нимъ глазами, пока онъ налилъ себѣ стаканъ джину и выпилъ; когда же Гогъ оборотился къ нему спиною, онъ улыбнулся еще значительнѣе.

— Ты говоришь немножко хвастливо, пріятель, сказалъ онъ, когда Гогъ опять стоялъ передъ нимъ.

— О, нѣтъ, сэръ! воскликнулъ Гогъ.—Я половины еще не говорю того, что̀ думаю. Я не могу говорить. Мнѣ это не дано. Болтуновъ между нами довольно; я хочу быть въ числѣ тѣхъ, которые дѣйствуютъ.

—О! такъ ты примкнулся къ этимъ людямъ? сказалъ сэръ Джонъ съ видомъ совершеннаго равнодушія.

— Да. Я пошелъ въ тотъ домъ, о которомъ вы мнѣ сказали, и записался въ списокъ. Былъ тамъ еще одинъ, по имени Денни.

— А, Денни! воскликнулъ сэръ Джонъ съ улыбкою.—Да! кажется, славный человѣкъ?

— Удалецъ, сэръ, малый совершенно по моему вкусу и страшный охотникъ до дѣла,—кипятокъ.

— Такъ и я слышалъ, отвѣчалъ сэръ Джонъ разсѣянно.—Ты еще не знаешь, какимъ ремесломъ онъ занимается? а?

— Онъ не сказываетъ, воскликнулъ Гогъ. — Онъ это скрываетъ.

— Ха, ха, ха! сказалъ сэръ Джонъ. — Странный капризъ—у многихъ людей слабость—ты еще узнаешь это, ручаюсь тебѣ.

— Мы ужь подружились, сказалъ Гогъ.

— Разумѣется! И выпили вмѣстѣ, а? продолжалъ сэръ Джонъ. — Ты не сказывалъ, куда вы пошли, когда вышли отъ лорда Джорджа?

— Гогъ не говорилъ этого и не думалъ говорить, но теперь сказалъ ему; и какъ за этимъ вопросомъ слѣдовалъ еще длинный рядъ

Digitized by Google

другихъ, то онъ разсказалъ все, что происходило внутри и внѣ дома, что за людей онъ видѣлъ, ихъ число, расположеніе, образъ разговора, вѣроятныя намѣренія и ожиданія. Допросъ веденъ былъ такъ искусно, что Гогу казалось, будто *онъ* самъ все это выбалтываетъ, между-тѣмъ, какъ собственно это выманивалось изъ него, и такъ естественно пришелъ къ этому мнѣнію, что наконецъ, когда мастеръ Честеръ сталъ зѣвать и жаловаться на усталость, проговорилъ еще родъ плоскаго извиненія за свою долгую болтовню.

— Ну, теперь можешь идти, сказалъ сэръ Джонъ, отворивъ ему дверь.—Прекрасный же вечеръ ты провелъ. Я говорилъ тебѣ, не дѣлай этого. Ты попадешь въ большія хлопоты. Но ты будешь имѣть случай отомстить своему гордому врагу Гэрдалю, и за это, кажется, всѣмъ рискуешь?

— Да, отвѣчалъ Гогъ, остановясь въ двери и оглянувшись. — Но чѣмъ же я рискую? Что мнѣ терять, сэръ? Пріятелей, семейство? Я плюю на нихъ; у меня ихъ нѣтъ; это мнѣ вовсе ничего не значитъ. Если только мнѣ попадется хорошая драка и удастся въ смѣлой стычкѣ, гдѣ подлѣ меня стоятъ молодцы, заплатить старые счеты, такъ пусть будетъ потомъ со мною, что угодно: я мало забочусь, чѣмъ дѣло кончится!

— Что ты сдѣлалъ съ той бумагой? сказалъ сэръ Джонъ.

— Она у меня, сэръ.

— Брось ее опять на дорогѣ; лучше не носи такихъ вещей при себѣ.

Гогъ поклонился, сдѣлалъ рукою къ шапкѣ сколько умѣлъ почтительнѣе, и вышелъ.

Сэръ Джонъ затворилъ за нимъ двери, сѣлъ опять въ туалетной комнатѣ и долго смотрѣлъ на огонь, погруженный въ важныя размышленія.

— Все дѣлается кстати и обѣщаетъ много добраго, сказалъ онъ улыбаясь.—Посмотримъ. Мы съ моимъ родственникомъ самые жаркіе протестанты на свѣтѣ, и желаемъ всякаго зла римско-католическому дѣлу; а къ Савиллю, который вноситъ ихъ билль, я имѣю сверхъ того личное отвращеніе; но какъ первый членъ нашего символа вѣры есть наше дорогое *я*, то намъ нельзя компрометтировать себя связью съ такимъ сумасшедшимъ, каковъ, безъ всякаго сомнѣнія, этотъ Гордонъ. Однакожь, вѣдь нашимъ планамъ можетъ помочь, если мы станемъ исподтишка раздувать огонь такимъ ловкимъ орудіемъ, какъ мой дикій пріятель; и если при каждомъ удобномъ случаѣ мы станемъ въ умѣренныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ осуждать поступки Гордона, хотя въ главномъ пунктѣ объявимъ себя согласными съ нимъ, то навѣрное пріобрѣтемъ себѣ славу честности и прямоты, которая окажетъ намъ безчисленныя услуги и придастъ нѣкоторую

Digitized by Google

важность. Хорошо! Это въ-разсужденіи общественныхъ причинъ. А что касается до частныхъ видовъ, признаюсь, сдѣлай эта сволочь какое-нибудь возмущеніе (что, кажется, не такъ-то невозможно), и поколоти она только этого Гэрдаля, какъ человѣка не послѣдняго въ своей сектѣ, это очень было бы мнѣ пріятно, и забавляло бы меня чрезвычайно. Также не дурно! Даже лучше, можетъ-быть...

Дошедъ до этой точки, онъ понюхалъ табаку; потомъ началъ медленно раздѣваться и продолжалъ свои размышленія, сказавъ съ улыбкою:

— Боюсь, право, боюсь, что мой пріятель пойдетъ скоро по слѣдамъ матери. Его задушевная дружба съ мэстеромъ Денни не предвѣщаетъ ничего добраго. Но я увѣренъ, онъ попалъ бы туда такъ, или иначе. Если подать ему для этого руку помощи, вѣдь вся разница въ томъ, что онъ выпьетъ на семъ свѣтѣ двумя галлонами, оксгофтами или ведрами меньше, нежели выпилъ бы въ противномъ случаѣ. Это до меня не касается. Что за важность!

Онъ еще понюхалъ табаку и легъ въ постель.

(Окончаніе впредь.)

Digitized by Google

ВЕЧЕРА И НОЧИ.

Und frische Nahrung, neues Blut,
Saug ich aus freier Welt;
Wie ist Natur so hold und gut,
Die mich am Busen hält.
Goethe.

I.

Право, отъ полной души я благодаренъ сосѣду:
Славная вещь – подъ окномъ въ клѣткѣ держать соловья...
Грустно въ неволѣ пѣвцу, но чары сильны у природы!
Только прощальнымъ огнемъ озлатятся кресты на церквахъ,
И въ расцвѣтающій садъ за высокимъ, ревнивымъ заборомъ,
Вечера свѣжесть вдыхать выйдетъ сосѣдка одна –
Веспера тайны въ пѣвцѣ пробудятъ желаніе воли
И подъ окномъ соловей громко засвищетъ любовь.

Что̀ за чело у нея! за атласныя плечи и руки!
Что̀ за янтарный отливъ на роскошныхъ извивахъ волосъ!
Станъ – заглядѣнье! притомъ, какая вертлявая ножка!
Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ роптать на высокій заборъ? Въ эту щель
Можетъ-быть лучше она мнѣ кажется. Трудъ наслажденья
Цѣну ему самому удволяетъ... Но вечеръ насталъ...
Что жь не поетъ соловей, иль что жь не выходитъ сосѣдка?..
Можетъ, сегодня мы всѣ трое другъ друга поймемъ.

II.

Вдали огонёкъ за рѣкою,
Вся въ блескахъ струится рѣка,
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.
Никто мнѣ не скажетъ: «куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?»
Шевелись же, весло, шевелися –
А берегъ во мракѣ пропалъ!
Да что же? Зачѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья и лодки,
И весла̀ и огня за рѣкой?..

III.

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я...
Чаще всего мнѣ пріятно скользить по заливу
Такъ, забываясь
Подъ звучную мару весла,

Digitized by Google

Омоченнаго пѣной шипучей...
Да смотрѣть: много ль отъѣхалъ
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...
Изо всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно...
Красноглазый кроликъ
Любитъ его;
Гордый лебедь, каждой весною
Съ протянутой шеей летаетъ вокругъ
И садится у брега
На тихія воды.
Надъ обрывомъ утеса
Ростетъ, помавая вѣтвями,
Широколиственный дубъ.
Сколько ужь лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ,
Да и позднею ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Сребритъ и волны и листья...
Онъ не молкнетъ, поетъ
Все громче и громче.

Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Что это: жизнь, или сонъ?
Счастливъ я, или только обманутъ?
Нѣтъ отвѣта...
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо,
И на небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

IV.

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно;
Всѣ эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ...
Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой;
Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,
Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фоліантахъ:
Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ.
Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаённую сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

V.

Долго еще прогоритъ Веспера скромная лампа;
Но уже свѣтитъ съ небесъ дѣвы измѣнчивый ликъ,
Тонкія змѣйки сребра блещутъ на влагѣ уснувшей,
Звѣздное небо во мглѣ дальняго облака ждетъ...
Вотъ потянулось оно, легкому вѣтру послушно,
Сирыло богиню, и мракъ сладостный землю покрылъ.

Digitized by Google

VI.

Я жду: соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ брилліантахъ,
На тинѣ горятъ свѣтляки.
Я жду: темносинее небо
И въ мелкихъ и въ крупныхъ звѣздахъ,
Я слышу біеніе сердца,
И трепетъ въ рукахъ и въ ногахъ.
Я жду... Вотъ повѣяло съ юга;
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатилась на западъ...
Прости, золотая, прости!

VII.

Здравствуй! тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая, теплая,
Серебромъ окаймленная.
Робко, свѣчу потушивъ, подхожу я къ окну...
Меня не видать, за то самъ я все вижу...
Дождусь, непремѣнно дождусь:
Калитка вздрогнетъ растворяясь,
Цвѣты закачавшись сильнѣе запахнутъ, и долго,
Долго при мѣсяцѣ будетъ мелькать покрывало.

VIII.

Другъ мой, безсильны слова, — одни поцалуи всесильны...
Правда, въ запискахъ твоихъ весело мнѣ наблюдать,
Какъ приливъ и отливъ мыслей и чувства мѣшаютъ
Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;
Правда, самъ я пишу стихи, послушный богинѣ;
Много и рифмъ у меня, много размѣровъ живыхъ...
Но межь ними люблю я рифмы взаимныхъ лобзаній,
Съ нѣжной цезурою устъ, съ вольнымъ размѣромъ любви.

IX.

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй...
Даже въ столицѣ не тѣсно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ...
А небо? а мѣсяцъ?
О! этотъ мѣсяцъ-волшебникъ!
Какъ-будто бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ, —
Шпили и кресты — брилліанты;
А тамъ, за луной горизонтъ
Чѣмъ дальше, — свѣтлѣй и прозрачнѣй...
Смотришь — и дышишь,

Digitized by Google

И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часоваго,
Да изредка стукъ колеса
Или пѣніе вѣстника утра.
Что бы проплыть тому облаку мимо;
На что ему мѣсяцъ?..
Знать ужь такъ должно, знать предназначено было...

X.

Радъ я дождю... Отъ него тучнѣетъ мягкое поле,
Листъ зеленѣетъ на вѣткѣ и воздухъ становится чище...
Зелени запахъ одну за одной, изъ ульевъ многошумныхъ
Пчелъ вызываетъ.
Но, что для меня еще лучше:
Это — когда онъ ее на дорогѣ ко мнѣ орошаетъ!
Мокрые волосы, гладко къ челу прилегая,
Такъ и сіяютъ у ней, — а губки и блѣдныя ручки
Такъ холодны, что нельзя и согрѣть ихъ, по долгу, устами.
Но нестерпимъ ты мнѣ ночью безсонною, Плювій Юпитеръ —
Лучше согласенъ я крысъ и мышей въ моей комнатѣ слушать,
Лучше колеса пускай гремятъ непрестанно у оконъ,
Чѣмъ этотъ шумъ и удары глупыхъ, безсмысленныхъ капель;
Точно какъ-будто бы птицъ проклятое стадо
Сотнями ногъ и носовъ терзаетъ желѣзную кровлю.
Юпитеръ Плювій — помилуй! Расти, сколько хочешь, цвѣтовъ ты
Для прекрасной и лавровъ юныхъ на кудри поэта —
Только помилуй! не бей по почамъ ты въ желѣзную кровлю.

XI.

Слышишь ли ты, какъ шумятъ крылами угольное стадо?
Въ крикахъ летятъ черезъ домъ къ теплымъ полямъ журавли...
Желтые листья шумятъ, въ березникѣ свищетъ синица —
Ты говоришь, что опять теплой дождемся весны?..
Другъ! не сули журавля, дай лучше въ руки синицу...
Развѣ зимой у тебя меньше ланиты цвѣтутъ?
Въ зеркалѣ часто себя ты видишь, съ дѣтской улыбкой,
Свой поправляя вѣнокъ; такъ разрѣши мнѣ сама
Гдѣ у тебя на лицѣ болѣе жизни и страсти,
Вешнимъ ли утромъ въ саду, въ полномъ сіяньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
Съ трескомъ прыгнувъ, не сожгла ножки-малютки твоей?

А. Ф.

Digitized by Google

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ.

ЧАСТЬ I.

—

I.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой, —
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья, —
Не зналъ ни страха, ни сомнѣнья,
И не грозилъ душѣ его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ свялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья, —
И зло наскучило ему.

Digitized by Google

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя, —
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, — и хищный звѣрь и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали, —
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали, —
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны:
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали, —
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И куща розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безответныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ;
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;

Digitized by Google

И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ Грузинки молодой...
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ, —
И все, что̀ предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ...

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слёзъ онъ много стоилъ
Рабамъ послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ,
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ —
Звучитъ зурна и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою, —
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ:
Средь игръ и пѣсень ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужь спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая.
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится, — глядитъ, —
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;

Digitized by Google

То червой бровью поведётъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плывётъ
Ея божественная ножка;
И улыбается она
Веселья дѣтскаго полна;
И лучь луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва ль сравнится съ той улыбкой
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цаловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порой,
Своей алмазною росой
Не брызгалъ на подобный станъ.
Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала...
Увы! заутра ожидала,
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая понынѣ,
И незнакомая семья.
И часто грустныя сомнѣнья
Темнили свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья
Такъ полны милой простоты,
Что если бъ демонъ, пролетая,—
Въ то время на нее взглянулъ,
То прежнихъ братьевъ вспоминая,
Онъ отвернулся бъ — и вздохнулъ...

IX.

. . . . . .

Digitized by Google

X.

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ къ закату дня
Спѣшитъ женихъ нетерпѣливый.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется, мелькая;
Ихъ колокольчики звенятъ...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ стройный станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи; кругомъ она
Вся галуномъ обложена,
Цвѣтными вышита шелками;
Его сѣдло, узда—съ кистями;
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой
Безцѣнной масти золотой,
Питомецъ рѣзвый Карабаха,
Прядетъ ушми и, полный страха,
Храпя косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный:
Утёсы съ лѣвой стороны;
Направо глубь рѣки мятежной...
Ужь поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ, всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ, часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
Съ-тѣхъ-поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но презрѣлъ молодой женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ;

Digitized by Google

Его коварною мечтою
Лукавый демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тмою
Уста невѣсты цаловалъ.
Вдругъ впереди мелькнули двое
И больше... Выстрѣлъ... Что такое?
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ,
Нагайка щолкъ — и какъ орелъ
Онъ кинулся, — и выстрѣлъ снова, —
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ тишинѣ долины.
Не долго продолжался бой:
Бѣжали робкіе Грузины!

XII.

И стихло все. Тѣснясь толпой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
На трупы всадниковъ; порой
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица!
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не прійдутъ сестры съ матерями,
Покрыты бѣлыми чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
За то усердною рукою,
Здѣсь, у дороги, надъ скалою,
На память водрузится крестъ,
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ...

XIII.

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется будто въ брани.
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая;
То разомъ въ землю ударя

Digitized by Google

Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрёпанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливый:
Онъ бьется на сѣдлѣ нерой,
Припавъ на гриву головой;
Ужь онъ не правитъ поводами,
Задвинувъ ноги въ стремена, —
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна.
Скакунъ надёжный господина
Изъ боя вынесъ какъ стрѣла;
Но злая пуля Осетина
Его во мракъ догнала!

XIV.

Въ семьѣ Гудала плачь и стоны.
Толпится на дворѣ народъ.
Чей конь примчался запыленный
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?..
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела.
Въ крови оружіе и платье;
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Не долго жениха младаго,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово,
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужь снова
Не сядетъ на коня лихова!..

XV.

На беззаботную семью
Какъ громъ слетѣла Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдаетъ бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ...
И вотъ она какъ-будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
«Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадётъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣвственныя жжетъ!
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей:

Digitized by Google

Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплодный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни мелочные сны
И стонъ и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья, —
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной, —
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ;
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль,
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты объ нихъ лишь вспомяни;
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь-только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй,
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной,
Лишь-только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ, —
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя ресницы
Сны золотые напѣвать...

XVI.

Слова умолкли; въ отдаленьѣ,
Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ.
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье

Digitized by Google

Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ — ничто въ сравненьи;
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ,
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смыкалъ,
Но мысль ея онъ возмущалъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и немой,
Красой блистая неземной,
Къ ея склонялся изголовью
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ-будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ, — о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ...

ЧАСТЬ II.

I.

«Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани...
Я плачу. Видишь эти слезы?
Уже не первыя они.
Не буду я ни чьей женою —
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взятъ сырой землею,
Другому сердца не отдамъ.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,
Меня тревожитъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Въ тиши ночной меня смущаетъ
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ

Digitized by Google

Мысль далеко отъ звука словъ;
Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
Я сохну, вяну день-отъ-дня.
Отецъ! душа моя страдаетъ
Отецъ мой, пощади меня!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою;
Тамъ защититъ меня Спаситель,
Предъ нимъ тоску мою пролью.
На свѣтѣ нѣтъ ужь мнѣ веселья...
Святыни миромъ осѣня,
Пусть пріиметъ сумрачная келлья,
Какъ гробъ, заранѣе меня.»

II.

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
. . . . . .
. . . . . .

III.

Въ прохладѣ межь двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ — и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ келльи
Лампада схимницы младой;
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ кустовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой
Сливаясь дружески въ ущельи
Катились дальше, межь кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы
При блескѣ утренней авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,

Digitized by Google

И, обращаясь на востокъ
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ,
Когда Грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой,—
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались,
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой;
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XIII.

Какъ Пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала.
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
На вѣкъ опущены рѣсницы,
Но кто бъ, взглянувши, не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ,
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцалуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой,
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цаловали—
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужь сорвать.
И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила,
Теперь одинъ ничтожный прахъ.
Улыбка странная застыла
Едва мелькнувши на устахъ,

Digitized by Google

Но тенемъ, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? насмѣшка ль надъ судьбой,
Непобѣдимое ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье?
Иль съ небомъ гордая вражда?
Какъ знать? для свѣта навсегда
Утрачено ея значенье!
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ, можетъ-быть, подъ буквой странной
Таится повѣсть прежнихъ лѣтъ,
Символъ премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ ангелъ разрушенья,
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждый выраженья,
Лишенный чувства и ума,
Таинственный, какъ смерть сама.
Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ:
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ-бы прощаются съ землею.

XIV.

Ужь собрались въ печальный путь
Друзья, сосѣди и родные.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня—
И поѣздъ двинулся. Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться:
Межь старыхъ дѣловскихъ костей
Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель путниковъ и сёлъ,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришолъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье,
Построить церковь обѣщалъ
На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,

Digitized by Google

Куда лишь коршунъ залеталъ,—
И скоро межь снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злаго человѣка
Вновь успокоилися тамъ.
И превратилася въ кладбище
Скала родная облакамъ:
Какъ-будто, ближе къ небесамъ
Теплѣй послѣднее жилище!
Едва на жосткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы обложили
И разыгралася мятель;
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Недавно ввѣренный ей прахъ;
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моленья звукъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ,—
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангелъ легкокрылой,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

—

. . . На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою Долиной
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ страшныхъ для дѣтей
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется; и караваны
Идутъ гремя издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною

Digitized by Google

Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда-то въ очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы;
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца;
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою
И блещетъ, какъ булатный мечь,
Забытый въ полѣ грозныхъ сѣчь,
Ненужный падшему герою...
—Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межь тучь еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады,
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ нахмурившись вокругъ;
И тамъ мятель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ, къ той странѣ
Съ востока облака однѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье.
И надъ семьей могильныхъ плитъ

Digitized by Google

Давно никто ужь не груститъ!
Скала угрюмая Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

Digitized by Google

БЭРНЕБИ РОДЖЪ.

Романъ *Чарльза Диккинса* (Boz).

(Продолженіе.)

—

ГЛАВА XLI.

Въ мастерской Золотаго Ключа слышалось постукиванье молотка, да такое беззаботное и радостное, что воображенію невольно представлялся веселый работникъ. Это была препріятная музыка. Никакой ковачъ не вызвалъ бы изъ желѣза и стали такихъ отрадныхъ звуковъ; только довольный, здоровый, честный, беззаботный весельчакъ, который все принимаетъ съ лучшей стороны и для всякаго имѣетъ любящее сердце, въ состояніи былъ это сдѣлать. Будучи кузнецомъ, онъ, не смотря на то, былъ музыкантъ въ душѣ. И, кажется, сиди онъ на тряскомъ возу, наложенномъ желѣзными прутьями, онъ и тутъ съумѣлъ бы произвести нѣкоторую гармонію.

Динь, динь, динь — звонко раздавалось какъ отъ серебрянаго колокольчика. Бабы ругались, мальчишки кричали, тяжелыя повозки гремѣли по мостовой, разносчики страшно орали; а молотокъ все звенѣлъ,—ни выше, ни ниже, ни громче, ни тише, не навязываясь ушамъ прохожихъ... динь, динь, динь, динь, динь: совершенное воплощеніе звонкаго, тоненькаго голоска, незнавшаго ни насморка, ни охриплости, ни другихъ недуговъ; прохожіе шли медленнѣе, чтобъ послушать ближе; сосѣди, вставшіе съ ипохондріей, чувствовали припадки хорошаго расположенія духа, слыша эти звуки, и мало-по-малу совсѣмъ развеселялись; матери танцовали съ маленькими дѣтьми подъ звонокъ; и все то же волшебное динь, динь, динь весело звенѣло въ мастерской Золотаго Ключа.

Кто жъ какъ не слѣсарь могъ производить эту музыку! Солнечный лучъ проникъ сквозь отворенную раму окошечка и, расцвѣтивъ темную мастерскую широкимъ пятномъ свѣта, упалъ прямо на него, будто привлеченный его свѣтлымъ сердцемъ. Онъ стоялъ работая у

Digitized by Google

своей наковальни, лицо сіяло радостью и трудолюбіемъ, рукава загнуты, парикъ сдвинулся съ лоснящейся головы;—это былъ самый веселый, самый счастливый, самый свободный человѣкъ въ свѣтѣ. Подлѣ него сидѣла гладкошерстая кошка, щурясь и мурлыча на солнцѣ и то-и-дѣло засыпая, будто отъ избытка удовольствія. «Тоби» поглядывалъ съ высокой скамейки, радостно улыбаясь отъ широкаго темнокоричневаго лица до черныхъ башмаковъ своихъ. Даже висѣвшіе вокругъ замки имѣли что-то веселое въ своей ржавчинѣ и какъ подагрики крѣпкаго сложенія подшучивали надъ своею собственною слабостью. Ни слѣда мрачности и суровости ни въ чемъ. Невозможнымъ казалось, чтобъ какой-нибудь изъ безчисленныхъ ключей, наполнявшихъ мастерскую, былъ отъ сундука скряги или отъ тюремныхъ дверей. Пивные и винные погреба, комнаты съ пріютными камельками, книгами, болтовней и веселымъ смѣхомъ—вотъ, казалось, ихъ настоящее поприще. Динь, динь, динь... Наконецъ слѣсарь остановился и отеръ потъ съ лица. Кошка проснулась, легко спрыгнула и прокралась къ дверямъ, откуда глазами тигра наблюдала птичью клѣтку, поставленную на противолежащемъ окнѣ. Габріель поднесъ своего «Тоби» къ губамъ и потянулъ освѣжительный напитокъ.

Тутъ-то, когда онъ стоялъ прямо, закинувъ голову назадъ и выставивъ плотную грудь, замѣтили бъ вы, что нижнюю половину Габріеля покрывало солдатское платье. Взглянувъ на стѣну, можно было увидѣть шляпу съ перомъ, тесакъ, шарфъ и красный кафтанъ, развѣшенные по стѣнѣ, и человѣкъ, свѣдущій въ этихъ вещахъ, по покрою и образцу узналъ бы мундиръ сержанта королевскихъ остлондонскихъ волонтёровъ.

Поставивъ опорожненную кружку на лавку, откуда она прежде улыбалась ему полная, слѣсарь съ усмѣшкою взглянулъ на свои военные аттрибуты, и нагнувъ голову въ бокъ, будто желая собрать всѣ эти аттрибуты въ одинъ фокусъ, сказалъ, облокотясь на молотокъ:

— Да, помню, было время, когда я сходилъ съ-ума по такомъ красномъ кафтанѣ. Еслибъ тогда кто-нибудь (кромѣ отца) назвалъ меня за это дуракомъ, какъ бы я взбѣсился и зашумѣлъ! А теперь подумаешь, то-то былъ я дуракъ,— право!

—Ахъ! послышался вздохъ мистриссъ Уарденъ, которая незамѣтно вошла въ мастерскую. — Разумѣется, дуракъ. Человѣку твоихъ лѣтъ, Уарденъ, надо бы по-крайней-мѣрѣ теперь быть умнѣе.

— Что ты за смѣшная женщина, Марта! — сказалъ слѣсарь, оборачиваясь къ ней съ улыбкою.

—Конечно, возразила мистриссъ Уарденъ, вспыхнувъ не-на-шут-

Digitized by Google

ку.—Разумѣется, я смѣшная женщина. Я знаю это, Уарденъ. Спасибо тебѣ.

— Я разумѣлъ... началъ-было слѣсарь.

— Да, перервала его жена: — я знаю, что ты разумѣешь. Ты говоришь такъ ясно, что тебя можно понять, Уарденъ. Очень милостиво съ твоей стороны, конечно, что ты примѣняешься къ моей понятливости.

—Тст, тст, Марта, отвѣчалъ слѣсарь:—полно сердиться за бездѣлицу. Я разумѣлъ, какъ странно съ твоей стороны, что ты толкуешь о походѣ волонтеровъ, тогда какъ это дѣлается для того только, чтобъ оборонить въ случаѣ нужды тебя и всѣхъ другихъ женщинъ, жизнь и состояніе наше и всѣхъ другихъ.

— Не по-христіански это! воскликнула мистриссъ Уарденъ, качая головою.

— Не по-христіански? сказалъ слѣсарь.—Да, что за чортъ...

Мистриссъ Уарденъ взглянула на потолокъ, будто ожидая, что прямымъ слѣдствіемъ такого безбожія будетъ обрушеніе спальни во второмъ этажѣ, вмѣстѣ съ лучшею гостиною перваго этажа; но какъ никакого видимаго бѣдствія не послѣдовало, то она только глубоко вздохнула и съ самоотверженіемъ попросила мужа продолжать и говорить какъ-можно-больше богохульствъ, потому-что онъ вѣдь знаетъ, какъ ей это пріятно.

Слѣсарь, казалось, былъ расположенъ выполнить ея желаніе, однако удержался, вздохнулъ и ласково отвѣчалъ:

— Я хотѣлъ сказать, за что ты называешь это не-христіанскимъ? Что же больше по-христіански, спокойно сидѣть сложа руки и дать наши домы разграбить непріятелю, или обороняться какъ должно мужчинамъ и прогнать его? Былъ ли бы я истинный христіанинъ, еслибъ спрятался за печь и только смотрѣлъ, какъ толпа дикарей съ бородами унесетъ Долли... или тебя?

При словѣ «или тебя», мистриссъ Уарденъ невольно снизошла до улыбки. Въ этой мысли было нѣчто лестное. — Въ такихъ обстоятельствахъ, разумѣется—сказала она, зарумянившись.

— Въ такихъ обстоятельствахъ! повторилъ слѣсарь. —Ну да, такія бы и были обстоятельства. Даже Меггсъ не уцѣлѣла бы. Какой-нибудь черный барабанщикъ, съ большой чалмою на головѣ, унесъ бы *ее*, и еслибъ онъ не слишкомъ былъ терпѣливъ на царапанье и кусанье, плохо бы ему тутъ пришлось, я думаю. Ха, ха, ха! Барабанщику я простилъ бы, пожалуй. Никакъ бы не хотѣлось, чтобъ ему бѣдняжкѣ помѣшали. — Тутъ слѣсарь такъ расхохотался, что слезы выступили на глазахъ, къ великому неудовольствію мистриссъ Уарденъ, которую ужасала и возмущала мысль, что такая ревност-

Digitized by Google

ная протестантка и такая достолюбезная женщина, какъ Меггсъ, будетъ похищена идолопоклонникомъ-Негромъ.

Шутка Габріэля въ-самомъ-дѣлѣ грозила серьёзными слѣдствіями и имѣла бы ихъ безъ сомнѣнія; но, къ счастію, въ эту минуту легкая ножка скользнула черезъ порогъ, Долли вбѣжала въ комнату, бросилась отцу на шею и крѣпко обняла его.

— Насилу-то! воскликнулъ Габріель.—Да какая ты хорошенькая, Долли! да какъ ты поздно воротилась, душа моя!

Какая она хорошенькая!..Хорошенькая? Да еслибъ онъ перебралъ всѣ похвальныя прилагательныя, какія есть въ словарѣ, и тогда бы похвала его была недостаточна. Когда и гдѣ на свѣтѣ видана такая полненькая, лукавая, ловкая, быстроглазая, обольстительная, обворожительная, всепобѣждающая, съ-ума-сводящая вертушка, какъ Долли? Что была Долли за пять лѣтъ передъ теперешнею Долли! Сколько каретниковъ, сѣдельниковъ, столяровъ и мастеровъ другихъ полезныхъ искусствъ покидали съ-тѣхъ-поръ отцовъ, матерей, сестеръ, а пуще всего кузинъ, изъ любви къ ней! Сколько незнакомцевъ—съ громаднымъ состояніемъ, если не съ титлами, поджидали впотёмкахъ на углу улицы, и золотыми гинеями искушали неподкупную Меггсъ взяться за сватовство въ видѣ любовныхъ писемъ! Сколько безутѣшныхъ отцовъ и почтенныхъ торговцевъ приходило съ тою же цѣлью на поклонъ къ слѣсарю, съ ужасными разсказами про сыновей, какъ они теряли аппетитъ, запирались въ темныхъ спальняхъ, прогуливались въ уединенныхъ предмѣстіяхъ, съ исхудалыми лицами, и все это отъ прелестей и жестокостей Долли Уарденъ? Сколько молодыхъ людей, которые, оказывавъ прежде безпримѣрное постоянство, по той же причинѣ вдругъ становились вѣтрены и непостоянны, и разгоняли печаль отвергнутой любви тѣмъ, что начинали обрывать молотки у дверей и разбивать будки хилыхъ ночныхъ сторожей! Сколько навербовала она рекрутовъ въ службу короля на морѣ и на сушѣ, приводя въ отчаяніе его влюбленныхъ подданныхъ отъ осьмнадцати до двадцати-пяти лѣтъ включительно! Сколько молодыхъ дамъ публично, со слезами на глазахъ, увѣряли, что она, по ихъ мнѣнію, слишкомъ-низка, слишкомъ-высока, слишкомъ-горяча, слишкомъ-холодна, слишкомъ-толста, слишкомъ-худа, слишкомъ-бѣлокура, слишкомъ-черноволоса—слишкомъ все, что угодно, только не хороша! Сколько старыхъ женщинъ благодарили Бога на своихъ пересудныхъ засѣданіяхъ, что ихъ дочери не похожи на нее, желая, чтобъ съ ней не кончилось худомъ, но не предвидѣли ничего добраго, удивлялись, что жь такое нашли въ ней люди, и приходили наконецъ къ тому заключенію, что она начинаетъ вянуть, или никогда не цвѣла, и что она просто только обморочила всѣхъ...

Однакожь, это была та же самая Долли Уарденъ, столько причу-

Digitized by Google

дливая и разборчивая, что до-сихъ-поръ называлась все еще Долли Уарденъ, съ ея очаровательными улыбками, ямочками на щекахъ, ласковыми взорами; и такъ же мало думала она о пятидесяти или шестидесяти молодыхъ людяхъ, которые, можетъ-быть, въ эту минуту умирали отъ любви къ ней, какъ о пятидесяти или шестидесяти устрицахъ, которымъ не посчастливилось въ любви и которыхъ потомъ изготовили на завтракъ.

Долли обняла, какъ мы ужь сказали, отца, потомъ мать, и отправилась съ ними въ маленькую залу, гдѣ ужь накрытъ былъ столъ къ обѣду, и гдѣ миссъ Меггсъ—немножко худощавѣе и костлявѣе, чѣмъ пять лѣтъ назадъ—встрѣтила ихъ съ историческимъ зѣвкомъ, который, собственно, долженъ бы быть улыбкою. Въ руки этой нѣжной дѣвы передала Долли свою шляпку и плащъ (все это жестокое, хитрое, очаровательное!) и сказала со смѣхомъ, неуступавшимъ звонкостью музыкѣ слѣсаря:—Какъ я всегда рада, когда опять дома!

— И мы всегда рады, Долли, сказалъ отецъ, гладя ея темнорусую головку:—когда ты дома. Поцалуй меня.

Еслибъ случился тутъ кто-нибудь изъ породы мужчинъ (къ-счастію, ни одного не было) и увидѣлъ, какъ она поцаловала отца, тотъ замучился бы завистью.

— Не нравится мнѣ, что ты ходишь въ Кроличью-Засѣку, сказалъ слѣсарь: — я не люблю разставаться съ тобою. А что тамъ новаго, Долли?

— Я думаю, ты ужь знаешь, что тамъ новаго, отвѣчала дочь. — Ну, конечно, ты ужь знаешь.

— Знаю? воскликнулъ слѣсарь.—Что же такое?

— Да, да, сказала Долли:—ты самъ хорошо знаешь. Скажи лучше *мнѣ*, зачѣмъ мастеръ Гэрдаль — какой онъ опять сталъ брюзгливый! — зачѣмъ онъ нѣсколько дней не живетъ дома, зачѣмъ онъ ѣздитъ (мы знаемъ по письмамъ, что онъ *ѣздитъ*), не сказывая племянницѣ, куда и для чего?

— Миссъ Эмма вовсе не хочетъ знать этого, я въ томъ увѣренъ, отвѣчалъ слѣсарь.

— Можетъ-быть, сказала Долли: — да я хочу знать, во что бъ то ни стало. Ну, скажи жь мнѣ, зачѣмъ онъ такъ скрывается и что такое за привидѣніе, о которомъ никто не долженъ говорить миссъ Эммѣ и которое, кажется, имѣетъ связь съ его разъѣздами? Вижу теперь, что ты знаешь: ты покраснѣлъ.

— Что это за исторія и что ему до ней за дѣло, объ этомъ я такъ же мало знаю, какъ и ты, мое сокровище, отвѣчалъ слѣсарь:—кромѣ того, что это глупая грёза маленькаго Соломона, въ которой, думаю, нѣтъ и смысла. А что касается до отъѣзда мастера Гэрдаля, то онъ ѣздитъ, я думаю...

Digitized by Google

— Зачѣмъ? сказала Долли.

— Я думаю, началъ опять слѣсарь, потрепавъ ее по щекѣ: — по своимъ дѣламъ, Долли. Что это за дѣла, опять другой вопросъ. Читай-ка свою «Синюю-Бороду» и не будь слишкомъ любопытна; это, повѣрь, не касается до насъ съ тобою... А вотъ принесли и кушанье: это гораздо-умнѣе.

Долли готова была, не смотря на поданное кушанье, протестовать противъ такого окончательнаго устраненія предмета разговора; но, услышавъ о «Синей-Бородѣ», мистриссъ Уарденъ вступилась въ дѣло и начала увѣрять, что совѣсть не дозволяетъ ей сидѣть покойно и слушать, что ея дочери совѣтуютъ читать похожденія Турка и мусульманина, притомъ же баснословнаго Турка, за какого она почитаетъ этого государя. По ея мнѣнію, въ такія смутныя и страшныя времена было бы Долли благоразумнѣе подписаться на «Громовержца», гдѣ она имѣла бы возможность прочитывать отъ-слова-до-слова рѣчи Джорджа Гордона, которыя доставили бы ей больше утѣшенія и успокоенія, нежели полтораста «Синихъ-Бородъ». Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія, ссылалась она на миссъ Меггсъ, которая стояла на своемъ мѣстѣ, и сказала, что спокойствіе души, какое она почерпнула изъ чтенія вообще этой газеты, особливо же изъ статьи въ послѣднемъ нумерѣ, подъ заглавіемъ: «Великобританія, омытая кровію», по-истинѣ превосходитъ всякое вѣроятіе. Эта же статья, прибавила она, сдѣлала такое успокоительное впечатлѣніе на душу ея замужней сестры, живущей въ гостинницѣ Золотаго-Льва, въ двадцать-седьмомъ нумерѣ, вторая дверь съ правой руки, что она, будучи беременною и въ-самомъ-дѣлѣ ожидая приращенія своему семейству, вдругъ послѣ чтенія почувствовала судорожные припадки и потомъ постоянно бредила въ жару объ инквизиціи, къ великому назиданію мужа и всѣхъ знакомыхъ. Далѣе, миссъ Меггсъ рекомендовала всѣмъ закоснѣлымъ и окаменѣвшимъ сердцамъ послушать самого лорда Джорджа, котораго она прославляла, во-первыхъ, за его непоколебимый протестантизмъ, потомъ за его краснорѣчіе, за его глаза, носъ, ноги и наконецъ за всю наружность; эта наружность, по ея понятію, могла бы служить образцомъ для всякой статуи духа безплотнаго, и мистриссъ Уарденъ, съ своей стороны, изъявила полное согласіе на это мнѣніе.

Прервавъ ея рѣчь, мистриссъ Уарденъ взглянула на ящикъ надъ каминомъ, сдѣланный въ видѣ кирпичнаго домика съ желтой кровлею, съ настоящею трубою наверху, черезъ которую добровольные вкладчики опускали въ домикъ свое золото, серебро или мѣдь, а на двери домика нарисована была мѣдная дощечка съ чѣткою надписью «Протестантскій союзъ». Взглянувъ на этотъ ящикъ, она сказала, что не можетъ подумать безъ сильнаго огорченія, что Уарденъ до-

Digitized by Google

сихъ-поръ еще не положилъ въ этотъ храмъ ничего изъ всего своего имѣнія, и только однажды украдкою, какъ она потомъ увидѣла, бросилъ двѣ сломанныя штучки отъ трубки, которыя, думала она, не вмѣнятся ему на томъ свѣтѣ. Долли, къ великому ея прискорбію, также не радѣла о подаяніяхъ и охотнѣе покупала ленты и всякіе пустяки, вмѣсто того, чтобъ помогать великому дѣлу, находящемуся въ тяжкомъ угнетеніи. Она надѣялась, что по-крайней-мѣрѣ Долли (отецъ, боялась она, останется уже непреклоненъ) не преминуетъ подражать завидному примѣру миссъ Меггсъ, которая свое жалованье какъ-бы кидала въ лицо папѣ и била его по щекамъ своими третными деньгами.

— О, сударыня! сказала Меггсъ:—не поминайте объ этомъ. Я желала бы, чтобъ этого никто не зналъ. Жертвы, какія я могу приносить, то же, что лепта вдовицы. Тутъ все, что я имѣю, воскликнула Меггсъ, залившись вдругъ слезами (у нея слезы никогда не являлись мало-по-малу):—но оно воздастся мнѣ въ другомъ мѣстѣ; деньги мои хорошо употреблены.

И совершенно справедливо, хотя не въ томъ, быть можетъ, смыслѣ, въ какомъ принимала Меггсъ. Такъ-какъ она не пропускала случая выказывать ясно мистриссъ Уарденъ свое самоотверженіе, то оно приносило ей столько подарковъ шляпками, платьями и прочею одеждою, что вообще кирпичный домикъ былъ самымъ лучшимъ банкомъ, куда она могла вкладывать свои небольшія деньги; выгоды ея при этомъ простирались до семи или восьми процентовъ деньгами и по-крайней-мѣрѣ до пятидесяти личнымъ уваженіемъ.

— Не плачь, Меггсъ, сказала мистриссъ Уарденъ, вся въ слезахъ: — тебѣ нѣчего стыдиться; твоя бѣдная госпожа на твоей сторонѣ.

Меггсъ особенно горько зарыдала при этомъ замѣчаніи и сказала, что ужь знаетъ, какъ ненавидитъ ее мэстеръ. Ужасно жить въ семействахъ, гдѣ находишь только нерасположеніе и не можешь угодить! Она не могла вынести мысли быть причиною размолвокъ, и сердце ея не допускало этого. Если мэстеру угодно, чтобъ ея не было въ домѣ, то всего лучше ей уйдти: онъ будетъ вѣрно счастливѣе отъ этого, а она желаетъ ему всякаго добра, желаетъ найдти когонибудь, кто бы ему больше нравился. Какъ ни тягостно ей разлучиться съ такою госпожею, но она все перенесетъ, лишь бы совѣсть ея была покойна, и потому она готова тотчасъ же удалиться. Она не думала пережить долго эту разлуку; но какъ ее ненавидятъ и смотрятъ на нее съ неудовольствіемъ, то, можетъ-быть, смерть ея будетъ лучше для всѣхъ. Послѣ такого трогательнаго заключенія, Меггсъ еще больше пролила слезъ и сильнѣе зарыдала.

— Тебѣ это ничего, Уарденъ? сказала ему жена торжественнымъ голосомъ и выпустила изъ рукъ ножикъ и вилку.

Digitized by Google

— Ну, не совсѣмъ ничего, моя милая, отвѣчалъ слѣсарь:—однако я постараюсь сохранить хорошее расположеніе духа.

— Не начинайте ссоры, сударыня, заклинаю васъ, говорила Меггсъ, всхлипывая.—Всего лучше, разстанемтесь. Я не желала бы оставаться,—о, Боже мой, и подавать поводъ къ непріятностямъ, ни за рудникъ золота въ годъ, ни за пудъ чая и сахара...

Чтобъ читатель зналъ настоящую причину глубокаго огорченія миссъ Меггсъ, скажемъ, что она подслушала (это часто водилось за ней) разговоръ Габріеля съ женою, и такимъ образомъ слышала шутку слѣсаря на-счетъ чернаго барабанщика; чувства мести, пробужденныя въ ея прекрасной груди этой шуткою, обнаружились, какъ сказано выше. Дѣло дошло до рѣшительнаго перелома, и слѣсарь по-обыкновенію уступилъ, чтобъ удержать спокойствіе въ домѣ.

— О чемъ же плачешь ты, голубушка? сказалъ онъ. — Что̀ такое случилось въ-самомъ-дѣлѣ? Что̀ ты тамъ болтаешь про ненависть и нерасположеніе? Я тебя не ненавижу; я никого не ненавижу. Оботри глаза и развеселись, ради Бога; будемъ всѣ счастливы, пока можно.

Союзныя державы приняли это за достаточное удовлетвореніе со стороны непріятеля; признаніе, что онъ не правъ, осушило ихъ слезы, и дѣло кончилось миромъ. Миссъ Меггсъ замѣтила, что она не помнитъ никакого зла, даже отъ величайшаго врага своего, котораго тѣмъ больше любитъ, чѣмъ больше гоненій переноситъ отъ него. Мистриссъ Уарденъ восхваляла такой кроткій, примирительный духъ, и поставила при этомъ случаѣ послѣднею статьею мирнаго договора, чтобъ Долли въ этотъ вечеръ сопровождала ее въ клеркенуэллскую отрасль союза. Это было необыкновеннымъ доказательствомъ ея благоразумія и политики. Собственно, эту цѣль имѣла она въ виду съ самаго начала, и опасаясь, что слѣсарь воспротивится (ибо тамъ, гдѣ дѣло шло о Долли, онъ былъ отваженъ), выставила для этого миссъ Меггсъ, чтобъ ослабить его силы. Манёвръ удался: Габріель только поморщился и не рѣшился сказать ни слова, свѣжо еще помня послѣднюю острастку.

ГЛАВА XLII.

Ссора кончилась тѣмъ, что Меггсъ получила отъ мистриссъ Уарденъ платье, а отъ Долли полкроны въ подарокъ за такое необыкновенное отличіе на поприщѣ нравственности и добросердечія. Мистриссъ Уарденъ, какъ водилось, изъявила надежду, что Уарденъ воспользуется этимъ урокомъ и впередъ будетъ вести себя благороднѣе. Но какъ кушанье между-тѣмъ простыло и аппетитъ ни у кого

Digitized by Google

не улучшился, то они довольствовались тѣмъ, что было, «какъ добрые христіане», по выраженію мистрисъ Уарденъ.

Послѣ-обѣда королевскимъ ост-лондонскимъ волонтерамъ назначенъ былъ парадъ; поэтому слѣсарь не работалъ уже больше, а покойно сидѣлъ, съ трубкою во рту, обнявъ рукою станъ своей прекрасной дочери и довольно-нѣжно поглядывалъ на мистрисъ Уарденъ, съ головы до ногъ сіяя удовольствіемъ и веселіемъ. Когда же пришло время надѣвать мундиръ, и Долли вертѣлась вкругъ него, завязывая, застегивая, чистя и помогая надѣвать одинъ изъ самыхъ узкихъ кафтановъ, какіе когда-либо шили смертные портные, тогда-то онъ былъ самымъ гордымъ отцомъ во всей Англіи.

— Что за ловкая дѣвочка! сказалъ слѣсарь мистрисъ Уарденъ, которая, сложа руки, стояла подлѣ, также нѣсколько гордясь своимъ мужемъ, между-тѣмъ, какъ Меггсъ держала шляпу и шпагу, отставивъ ее на всю длину руки, будто боясь, чтобъ она сама-собою не вонзилась въ ея тѣло:—только не выходи замужъ за солдата, Долль.

Долли не отвѣчала ни слова и не спросила почему, но нагнула пониже головку, чтобъ подвязать ему шарфъ.

— Никогда не могу надѣть этого кафтана, сказалъ слѣсарь: — не вспомнивъ бѣднаго Джоя Уиллита. Онъ всегда былъ моимъ любимцемъ. Бѣдный Джой!.. Душа моя, Долль, не затягивай меня такъ сильно.

Долли засмѣялась, но не такъ-какъ смѣялась обыкновенно: это былъ самый странный, самый невеселый смѣхъ,—и еще ниже нагнула головку.

— Бѣдный Джой! началъ опять слѣсарь, разговаривая самъ съ собою; что бы ему прійдти ко мнѣ: я бы уладилъ дѣло между ними. Да! старикъ Джонъ сдѣлалъ большую ошибку, поступая такъ съ этимъ мальчикомъ, — большую ошибку... Скоро ты управишься съ шарфомъ, Долль?

Какъ дурно подвязанъ былъ этотъ шарфъ! Онъ распустился и волочился по полу. Долли принуждена была стать на колѣни и начать снова.

— Полно ты съ своимъ молодымъ Уиллитомъ, Уарденъ, сказала жена, нахмурившись:—есть, я думаю, другіе, которыхъ скорѣе надо бы вспомнить.

Миссъ Меггсъ выразила свое одобреніе прерывистымъ, сильнымъ сопѣньемъ.

— Нѣтъ, Марта, не станемъ судить о немъ такъ строго. Если молодой человѣкъ точно умеръ, пожалѣемъ о немъ.

— Бѣглецъ и бродяга! сказала мистрисъ Уарденъ.

Миссъ Меггсъ изъявила свое одобреніе тѣмъ же носовымъ звукомъ, какъ и прежде.

Digitized by Google

— Бѣглецъ, моя милая, но не бродяга, кротко возразилъ слѣсарь. — Онъ всегда славно велъ себя; Джой всегда былъ красивый, ловкій молодецъ. Не зови его бродягою, Марта!

Мистриссъ Уарденъ закашлялась, Меггсъ также.

— Онъ очень хлопоталъ о твоемъ добромъ мнѣніи, Марта, могу тебя увѣрить, сказалъ слѣсарь съ улыбкою, погладивъ себя по подбородку.—Да! очень хлопоталъ. Я еще помню, будто это было вчера, какъ онъ однажды ночью провожалъ меня до воротъ Майскаго-Дерева и просилъ не разсказывать, что они обходятся съ нимъ, какъ съ мальчишкою, то-есть, чтобъ здѣсь, дома, я не разсказывалъ, хоть я тогда, помню, не понялъ этого. — «А что дѣлаетъ миссъ Долли, сэръ?» спросилъ онъ.—Да! бѣдный Джой! воскликнулъ слѣсарь, печально задумавшись.

— Ну, такъ и есть, воскликнула Меггсъ.—Ахъ, Боже мой!

— Что тамъ опять такое? сказалъ Габріель, обернувшись къ ней сурово.

— Ей-Богу, миссъ Долли, сказала служанка, нагнувшись, чтобъ заглянуть ей въ лицо: — заливается слезами. О, сударыня! о, сэръ! Право, это меня такъ разстроило... воскликнула чувствительная Меггсъ, прижавъ руку къ сердцу, чтобъ утишить его волненіе,—что теперь меня можно бы уронить перомъ.

Слѣсарь бросилъ на Меггсъ такой взглядъ, какъ-будто былъ готовъ тотчасъ же велѣть принести себѣ перо, и какъ ошеломленный смотрѣлъ, какъ Долли выбѣжала изъ комнаты, а сострадательная дѣва за нею; потомъ оборотился къ женѣ и пролепеталъ: «Долли дурно? Не я ли ей что-нибудь сдѣлалъ? Не я ли виноватъ?»

— Ты виноватъ! воскликнула мистриссъ Уарденъ съ упрекомъ.— Лучше бъ тебѣ было скорѣе уходить.

— Да что жь я сдѣлалъ? сказалъ бѣдный Габріель. Мы условились не поминать имени мэстера Эдварда: я вѣдь и не говорилъ о немъ!

Мистриссъ Уарденъ отвѣчала только, что ей не стаётъ терпѣнія съ нимъ, и бросилась вслѣдъ за дѣвицами. Несчастный слѣсарь подвязалъ себѣ шарфъ, опоясалъ шпагу, надѣлъ шляпу и вышелъ.

— Правда, я не мастеръ на экзерциціи, промолвилъ онъ тихо: — но тутъ все ихъ будетъ не такъ нужно, какъ при этомъ маневрѣ. Всякому своя цѣль на свѣтѣ; мое назначеніе, кажется, невольно приводить всѣхъ женщинъ въ слезы. Жестоко нежножко это назначеніе...

Не дошолъ еще онъ до конца улицы, какъ забылъ объ этомъ и продолжалъ путь съ веселымъ лицомъ, раскланиваясь со всѣми сосѣдями на обѣ стороны.

Digitized by Google

ГЛАВА XLIII.

Блистательное зрѣлище представляли въ этотъ день королевскіе ост-лондонскіе волонтёры, когда построенные рядами, четыреугольниками, кругами и Богъ-вѣсть какъ еще, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами выполняли они тьму запутанныхъ эволюцій, въ которыхъ сержантъ Уарденъ игралъ не послѣднюю роль. Выказавъ какъ-нельзя-лучше свою воинскую бодрость въ этихъ манёврахъ, они блестящими рядами промаршировывали въ Чельзеиръ-Бонгозе, гдѣ до вечера веселились по сосѣднимъ трактирамъ. Потомъ подъ звуки барабана опять собрались они, и, сопровождаемые «виватами» подданныхъ его величества, возвратились опять на то мѣсто, откуда выступили.

Возвратный маршъ шелъ нѣсколько-медленнѣе, вслѣдствіе дурной дисциплины нѣкоторыхъ капраловъ, которые, ведя, какъ частные люди, жизнь сидячую, тѣмъ больше бодрились внѣ дома и перебили много стеколъ своими штыками, чѣмъ и заставили командующаго офицера отдать ихъ подъ строгій караулъ, съ которымъ дорогою они дрались время-отъ-времени. Отъ всего этого слѣсарь пришелъ домой въ девять часовъ. Неподалеку отъ его дверей стоялъ фіакръ; когда онъ проходилъ мимо, изъ окна кареты выглянулъ мэстеръ Гэрдаль и кликнулъ его по имени.

—Добраго здоровья, сэръ, сказалъ слѣсарь, подойдя къ нему.—Но зачѣмъ вы не вошли въ домъ и сидите здѣсь?

— Дома у васъ, кажется, нѣтъ никого, отвѣчалъ мэстеръ Гэрдаль.

— Гм! сказалъ слѣсарь, взглянувъ на свой домъ. — Вѣрно пошли съ Симономъ Тэппертейтомъ въ это прекрасное собраніе.

Мэстеръ Гэрдаль пригласилъ его, если онъ не усталъ и не спѣшитъ домой, проѣхать съ нимъ нѣсколько шаговъ и поговорить. Габріэль охотно согласился; кучеръ влѣзъ на козла и поѣхалъ.

— Уарденъ! сказалъ мэстеръ Гэрдаль, помолчавъ съ минуту:—вы удивитесь, если услышите, за какимъ дѣломъ я ѣзжу; вамъ будетъ любопытно узнать его.

— Не сомнѣваюсь, что это что-нибудь очень-важное, сэръ; иначе оно не было бы вашимъ дѣломъ, отвѣчалъ слѣсарь. — Вы только сейчасъ воротились въ городъ, сэръ?

— Съ полчаса назадъ.

— Нѣтъ ли извѣстій о Бэрнеби съ матерью? спросилъ слѣсарь съ видомъ сомнѣнія.—Да! вамъ нѣчего качать головою, сэръ. Поиски были напрасны. Я боялся этого съ самаго начала. Вы истощили всѣ средства, какія у васъ были, чтобъ найдти ихъ, тотчасъ послѣ того,

Digitized by Google

какъ они скрылись. Начинать снова, спустя столь долгое время, дѣло безнадежное, сэръ—совершенно безнадежное.

— Да гдѣ же они? возразилъ нетерпѣливо мэстеръ Гэрдаль.—Гдѣ быть имъ? Вѣдь они на землѣ же?

— Богъ-знаетъ, отвѣчалъ слѣсарь.—Многіе, съ кѣмъ я пять лѣтъ назадъ жилъ вмѣстѣ, лежатъ уже въ могилѣ. Свѣтъ великъ. Безнадежная попытка, сэръ, повѣрьте. Открытіе этой тайны, какъ и всѣхъ другихъ тайнъ, надо предоставить времени, случаю и Божьей волѣ.

—Уарденъ, любезный другъ, сказалъ мэстеръ Гэрдаль:—теперешнее мое стараніе отъискать ихъ имѣетъ гораздо-важнѣйшую причину, нежели ты думаешь. Это не простая прихоть, не случайное возвращеніе моихъ прежнихъ желаній; это серьёзная, торжественная рѣшимость. Всѣ мои мысли и мечты стремятся къ той же цѣли и твердо лежатъ у меня на сердцѣ. Я не имѣю покоя ни днемъ, ни ночью; не знаю отдыха и успокоенія; меня преслѣдуютъ тѣни.

Голосъ его такъ измѣнилъ свой обыкновенный звукъ и вся наружность обличала такое волненіе, что Габріель изумлялся и только посматривалъ на него, только думалъ о выраженіи его лица.

— Не требуй, чтобъ я объяснялся понятнѣе, продолжалъ мэстеръ Гэрдаль.—Еслибъ я это сдѣлалъ, ты подумалъ бы, что я жертва какой-нибудь страшной грезы. Довольно, что это такъ, и я... нѣтъ, я не могу лежать покойно въ постели, не дѣлая того, что тебѣ покажется непонятнымъ.

— Давно ли, сэръ, на васъ напало это безпокойство? сказалъ слѣсарь послѣ нѣкотораго молчанія.

Мэстеръ Гэрдаль помедлилъ нѣсколько минутъ и потомъ сказалъ: —Съ той ночи, какъ была буря. Однимъ словомъ, съ послѣдняго девятнадцатаго марта.

Боясь, что Уарденъ выразитъ свое удивленіе или станетъ его уговаривать, онъ поспѣшно продолжалъ:

— Я знаю, ты подумаешь, что я страдаю какимъ-нибудь помѣшательствомъ. Можетъ-быть, это и правда. Но въ помѣшательствѣ моемъ нѣтъ ничего болѣзненнаго; это здравая душевная дѣятельность, занимающаяся дѣйствительными происшествіями. Ты знаешь, что въ домѣ мистриссъ Роджъ осталась мебель и что я велѣлъ его запереть съ-тѣхъ-поръ, какъ она уѣхала; разъ по-крайней-мѣрѣ въ недѣлю домъ отворяется, когда приходитъ старикъ сосѣдъ разогнать крысъ. Я теперь отправляюсь туда.

— Зачѣмъ? спросилъ слѣсарь.

— За тѣмъ, чтобъ ночевать тамъ и провести не одну эту ночь, отвѣчалъ онъ:—а много ночей. Тебѣ я ввѣряю мою тайну на случай чего-нибудь неожиданнаго. Приходи ко мнѣ только въ крайней не-

Digitized by Google

обходимости; съ вечера до разсвѣта ты найдешь меня тамъ. Эмма, твоя дочь и другіе думаютъ, что я внѣ Лондона, гдѣ я, напротивъ, былъ до сей минуты. Не выводи ихъ изъ заблужденія. Вотъ дѣло, за которымъ я къ тебѣ пріѣзжалъ. Знаю, что могу на тебя положиться, и увѣренъ, что теперь ты не станешь меня больше разспрашивать.

За тѣмъ началъ онъ, чтобъ отклониться отъ этого предмета, говорить о ночи, когда разбойникъ былъ въ Майскомъ-Деревѣ, нападалъ на него и ограбилъ мэстера Честера, о появленіи этого человѣка въ домъ мистриссъ Роджъ и о всѣхъ странныхъ вещахъ, случившихся послѣ; даже мимоходомъ разспросилъ о ростѣ, чертахъ и наружности этого человѣка, не походитъ ли онъ на кого-нибудь, кого онъ (Гэрдаль) уже видѣлъ,—напримѣръ на Гога или кого-нибудь другаго, кого онъ зналъ,—и надѣлалъ много вопросовъ, которые, впрочемъ, слѣсарь принялъ за простыя уловки, дѣлаемыя для-того, чтобъ отвлечь его вниманіе и предупредить изъявленія его удивленія, и потому отвѣчалъ на нихъ на-удачу.

Наконецъ, они пріѣхали на уголъ улицы, въ которой стоялъ домъ вдовы. Мэстеръ Гэрдаль вышелъ и отпустилъ карету.—Если хочешь посмотрѣть на меня въ моей покойной квартирѣ, сказалъ онъ слѣсарю съ горькою улыбкою:—зайди пожалуй теперь.

Габріель, для котораго всѣ прежнія странности были ничто въ-сравненіи съ этою, молча слѣдовалъ за нимъ по узкому троттуару. Пришедъ на мѣсто, мэстеръ Гэрдаль осторожно отперъ дверь ключомъ, который имѣлъ при себѣ, и когда Уарденъ вошелъ въ сѣни, онъ заперъ дверь, такъ что они остались совершенно впотьмахъ.

Они отправились въ нижнюю комнату. Здѣсь мэстеръ Гэрдаль добылъ огня и зажегъ маленькую восковую свѣчу, которую привезъ съ собою. Тогда, при полномъ свѣтѣ огня, слѣсарь впервые увидѣлъ, какъ онъ похудѣлъ, побѣднѣлъ и измѣнился; какъ вся его наружность шла ко всѣмъ страннымъ вещамъ, о которыхъ онъ говорилъ дорогою. Не мудрено, что Габріель послѣ всего слышаннаго робко наблюдалъ за его взглядомъ. Но взглядъ этотъ былъ такъ разуменъ и сознателенъ, что Габріель устыдился своего мгновеннаго подозрѣнія, и чтобъ не обличить своихъ мыслей, даже потупилъ глаза въ землю, когда мэстеръ Гердаль посмотрѣлъ на него.

—Не хочешь ли пройдтись со мною по дому? сказалъ мэстеръ Гэрдаль, взглянувъ на окно, котораго ветхіе ставни были плотно закрыты. — Говори тише!

Какой-то ужасъ царствовалъ въ этомъ мѣстѣ, такъ что трудно было бы и говорить не тихо. Габріель прошепталъ «да» и пошелъ за Гэрдалемъ вверхъ по лѣстницѣ.

Все еще было такъ, какъ они видѣли въ послѣдній разъ. Отъ не-

Digitized by Google

достатка въ свѣжемъ воздухѣ все казалось такъ таинственно, скрытно, такъ мрачно и глухо, какъ-будто отъ долгаго заключенія самая тишина опечалилась. Грубые занавѣсы оконъ и постелей начали опадать, пыль толстыми слоями лежала въ ихъ истертыхъ сгибахъ; мокрая плесень пробралась сквозь потолки, стѣны и полы. Половицы скрипѣли у нихъ подъ ногами, словно досадуя на такое необыкновенное посѣщеніе; рѣзвые пауки, испуганные свѣтомъ, остановили свое ползанье по стѣнамъ или какъ мертвые падали на полъ; сверчокъ громко визжалъ; крысы и мыши шелестили, перебѣгая за обоями.

Когда они оглянулись вокругъ на разваливающуюся мѣбель, съ необычайной живостью пришли имъ на память ея прежніе хозяева. Грейфъ, казалось, еще сидѣлъ на высокой спинкѣ стула, Бэрнеби въ своемъ любимомъ углу грѣлся у огня; мать также сидѣла на прежнемъ мѣстѣ и смотрѣла на него, какъ въ то время. Даже и тогда, когда они уже могли отдѣлять предметы отъ воспоминаній, ими вызванныхъ, явленія эти скрылись только отъ глазъ, а все еще окружали ихъ; теперь они, казалось, попрятались въ альковахъ, подслушивали за дверьми и готовы были ежеминутно выступить и заговорить съ ними знакомымъ голосомъ.

Они спустились съ лѣстницы и пришли въ прежнюю комнату. Мэстеръ Гэрдаль отпоясалъ шпагу и положилъ ее на столъ, уложивъ подлѣ нея пару пистолетовъ; потомъ сказалъ слѣсарю, что посвѣтитъ ему до дверей.

—Скучная же квартира, сэръ! сказалъ Габріель, мѣшкая:—нельзя ли кому-нибудь раздѣлить съ вами это ночное бдѣніе?

Мэстеръ Гэрдаль потрясъ головою и обнаружилъ желаніе остаться одинъ, такъ ясно, что Габріелю уже нѣчего было говорить. Черезъ минуту слѣсарь стоялъ на улицѣ, откуда ему было видно, какъ свѣчка еще разъ промелькала вверхъ по лѣстницѣ, потомъ опять воротилась въ нижнюю комнату и ярко свѣтила сквозь щели ставня.

Кому случалось испытать жестокое разстройство, тотъ пойметъ состояніе слѣсаря въ этотъ вечеръ. Даже снова сидя покойно у камина, напротивъ мистриссъ Уарденъ, одѣтой въ ночной чепецъ и халатъ, подлѣ Долли, бывшей въ очаровательномъ неглиже, завивавшей волосы и улыбавшейся, будто она ни разу въ жизни не плакала и не могла плакать, — даже тогда, съ «Тоби» подъ рукою, трубкою во рту и Меггсъ (это еще, можетъ-быть, было не такъ важно), уснувшею на заднемъ планѣ, онъ не въ силахъ былъ совершенно освободиться отъ своего изумленія и безпокойства. Во снѣ ему все еще грезилось. Гэрдаль стоялъ передъ нимъ, худой и страждущій, прислушиваясь ко всякому шелесту въ пустомъ домѣ, при свѣтѣ свѣчи, блиставшей сквозь щели ветхаго дома.

Digitized by Google

ГЛАВА XLIV.

День, другой, третій и еще нѣсколько дней напрасно ждалъ слѣсарь объясненія загадки. Часто, по наступленіи ночи, ходилъ онъ въ ту улицу и смотрѣлъ на коротко-знакомый домъ; каждый разъ виднѣлась и свѣча сквозь щели оконнаго ставня, а внутри все было недвижимо, тихо и печально, какъ въ могилѣ. Габріелъ не хотѣлъ отваживаться благосклонности мэстера Гэрдаля неповиновеніемъ его строгому приказанію, и не смѣлъ постучаться къ нему въ дверь, или какимъ-нибудь образомъ обличить свое присутствіе. Но когда ни привлекало его туда участіе и любопытство — а это случалось нерѣдко —всякій разъ виднѣлась свѣча.

Впрочемъ, еслибъ онъ и зналъ, что происходило внутри, загадка таинственнаго ночнаго бдѣнія не разрѣшилась бы для него этимъ. Въ сумерки запирался мэстеръ Гэрдаль, а на разсвѣтѣ опять выходилъ изъ дома. Онъ не пропускалъ ни одной ночи, приходилъ и уходилъ всегда одинъ и поступалъ всякій разъ одинаково.

Поступки эти состояли въ слѣдующемъ. Какъ скоро смеркалось, онъ являлся въ домъ, зажигалъ свѣчу, обходилъ всѣ комнаты и осматривалъ ихъ съ величайшимъ вниманіемъ; потомъ возвращался въ нижнюю комнату, клалъ шпагу и пистолеты на столъ и сидѣлъ тамъ до утра.

Обыкновенно приносилъ онъ съ собою книгу и пытался читать, но не могъ читать внимательно и пяти минутъ сряду. Малѣйшій шорохъ извнѣ тревожилъ его; шаги проходившихъ по улицѣ производили въ немъ біеніе сердца.

Онъ бралъ съ собою также и пищу на долгіе, одинокіе часы: обыкновенно кусокъ хлѣба и мяса и небольшую стклянку вина. Вино мѣшалъ онъ съ водою и пилъ его съ такою лихорадочною жаждой, какъ будто горло у него пересохло; но рѣдко нарушалъ свой постъ хоть маленькимъ ломтикомъ хлѣба.

Если это добровольное пожертвованіе спокойствіемъ происходило, какъ начиналъ думать послѣ нѣкотораго размышленія слѣсарь, отъ какого-нибудь суевѣрія, отъ ожиданія, что сбудется какой-нибудь сонъ или видѣніе, относящееся къ происшествію, столько лѣтъ его озабочивавшему, и если онъ ждалъ явленія какого-нибудь призрака, то все же онъ не обнаруживалъ никакого слѣда страха или робости. Его серьёзныя черты выражали самую неколебимую рѣшимость; лобъ его былъ наморщенъ, губы сжаты, будто отъ глубоко и твердо-обдуманнаго намѣренія; и если при какомъ-нибудь шумѣ онъ вскакивалъ съ мѣста и прислушивался, то очевидно вскакивалъ не отъ страха, а отъ надежды; тогда хватался онъ за шпагу, какъ-будто наступала наконецъ пора, крѣпко сжималъ ее въ рукѣ и прислушивался

Digitized by Google

съ сверкающимъ и бодрымъ взоромъ до-тѣхъ-поръ, пока замолкалъ шумъ.

Много разъ обманывался онъ такимъ образомъ, ибо вскакивалъ почти при каждомъ шорохѣ; но постоянство его не колебалось. Все еще каждую ночь являлся онъ на свое мѣсто, сторожилъ по-прежнему неусыпно; проходила ночь за ночью, день за днемъ, а онъ все еще продолжалъ бодрствовать.

Такъ прошли цѣлыя недѣли; онъ нанялъ себѣ въ воксалѣ квартиру, гдѣ отдыхалъ днемъ, и оттуда, при благопріятномъ теченіи, ѣздилъ обыкновенно черезъ Вестминстеръ къ Лондонскому Мосту водою, избѣгая многолюдныхъ улицъ.

Однажды вечеромъ, незадолго до сумерекъ, шелъ онъ своимъ обычнымъ путемъ по берегу, чтобъ пробраться чрезъ Вестминстергаллъ къ дворцовой площади и тамъ нанять лодку до Лондонскаго Моста. Довольно большая толпа народа собралась вокругъ обоихъ парламентскихъ зданій и смотрѣла на входившихъ и выходившихъ членовъ парламента, раздавая имъ, по извѣстному образу мыслей каждаго, похвалу или порицаніе. Продираясь сквозь толпу, слышалъ онъ разъ или два довольно-обыкновенный крикъ: «прочь папство!» Впрочемъ, онъ почти не обратилъ на него вниманія, видя, что праздные крикуны принадлежали къ самому низшему классу, и съ молчаливымъ равнодушіемъ продолжалъ путь свой.

Въ Вестминстергаллѣ толпилось много небольшихъ группъ и кружковъ: одни глядѣли вверхъ на великолѣпную крышу и лучи заходящаго солнца, которые, отлого падая въ маленькія окна, становились слабѣе, слабѣе и гасли въ темнотѣ, скоплявшейся внизу; другіе, гуляки, мастеровые, возвращавшіеся съ работы, или люди, спѣшившіе только пройдти, будили эхо своими голосами и то-и-дѣло отворяли маленькую дверь, выходя на улицу; иные, занятые жаркимъ разговоромъ о политическихъ или частныхъ дѣлахъ, медленно прохаживались съ потупленными взорами, и, судя по положенію ихъ, казалось, только слушали другъ друга. Тутъ толпа кувыркающихся мальчишекъ производила совершенно-вавилонское столпотвореніе въ воздухѣ; тамъ ходилъ взадъ и впередъ одинокій человѣкъ, полудуховный, полунищій, съ голоднымъ изнеможеніемъ во взорѣ и поступи; мимо его бѣжалъ разсыльный мальчикъ, вертя на рукѣ корзину и едва не обрушая кровли своимъ пронзительнымъ свистомъ; между-тѣмъ, какъ боязливый ученикъ середи игры пряталъ свой мячъ въ карманъ, завидѣвъ издали гонителя своего. Это было то время вечера, когда, если зажмуришь глаза и тотчасъ снова откроешь ихъ, то темнота цѣлаго часа соберется, кажется, въ одну секунду. По гладко выложенной мостовой все еще безпрестанно раздавалось шарканье и шумъ шаговъ; по-временамъ захлопывались огромные воро-

Digitized by Google

та, и отголосокъ громомъ прокатывался по зданію, заглушая всякій другой звукъ.

Мэстеръ Гэрдаль бѣгло взглядывалъ на эти группы, проходилъ мимо ихъ очень-близко, и, по-видимому, совершенно не занимался ими. Такимъ образомъ онъ прошелъ-было почти всю галлерею, какъ двѣ встрѣтившіяся ему фигуры привлекли все его вниманіе. Одинъ, изящно одѣтый джентльменъ, шелъ, весело помахивая тростью; другой, раболѣпный, низкопоклонный, слушалъ рѣчи перваго, изрѣдка самъ вставляя скромное словцо,— пожималъ плечами до ушей, униженно потиралъ руки или отвѣчалъ по-временамъ наклоненіемъ головы, которое отчасти было простымъ утвердительнымъ знакомъ, отчасти низкимъ, почтительнымъ поклономъ.

Вообще, въ этой четѣ не было ничего особенно замѣчательнаго, ибо низкопоклонство передъ нарядным платьемъ и тростью—не говоря уже о золотыхъ, серебряныхъ и начальническихъ жезлахъ — довольно обыкновенно. Но въ изящно-одѣтомъ человѣкѣ, какъ и въ товарищѣ его, было что-то непріятно-поразившее мэстера Гэрдаля. Онъ замѣшкался, остановился, и прошелъ бы мимо ихъ, но въ ту самую минуту они быстро обернулись и столкнулись съ нимъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ посторониться.

Джентльменъ съ тростью снялъ шляпу и ужь началъ-было извиненіе, которое мэстеръ Гэрдаль принялъ вскользь, стараясь только уйдти поскорѣе, какъ тотъ вдругъ прервалъ начатую рѣчь и воскликнулъ:—Гэрдаль! Это, однакожь, замѣчательно, клянусь Богомъ!

— Да, отвѣчалъ онъ нетерпѣливо:—конечно... случай...

— Любезный другъ, воскликнулъ встрѣтившійся, удерживая его: —къ-чему такая поспѣшность? Постойте на минуту, Гэрдаль, ради старой пріязни.

— Я тороплюсь, сказалъ мэстеръ Гэрдаль. — Никто изъ насъ не искалъ этой встрѣчи. Пусть же она и прекратится поскорѣе. Доброй ночи!

— Фай! фай! возразилъ сэръ Джонъ Честеръ (это былъ онъ): — какъ невѣжливо! Мы только-что говорили объ васъ. Я сейчасъ произносилъ ваше имя; можетъ-быть вы слышали? Нѣтъ? Жаль. Право, жаль. Узнаете ли вы нашего пріятеля, Гэрдаль? Подлинно, это замѣчательная встрѣча!

Пріятель, который видимо не очень былъ обрадованъ этимъ замѣчаніемъ, отважился толкать сэра Джона локтемъ и дѣлать ему другіе выразительные знаки, что онъ лучше бы желалъ избѣжать этой встрѣчи. Однако, какъ сэру Джону хотѣлось противнаго, то онъ притворился, будто совсѣмъ не примѣчаетъ этихъ нѣмыхъ напоминаній, а говоря, даже показывалъ на него рукою, чтобъ обратить еще большее на него вниманіе.

Digitized by Google

И такъ, пріятелю оставалось только искривить ротъ въ самую дружескую улыбку и сдѣлать умоляющій поклонъ, когда мэстеръ Гэрдаль взглянулъ на него. Замѣтивъ, что Гэрдаль узналъ его, онъ протянулъ ему руку нѣсколько неловко и въ большомъ смущеніи, отнюдь не уменьшившемся отъ-того, что Гэрдаль презрительно отвергъ такое изъявленіе дружбы.

— Мэстеръ Гашфордъ! сказалъ Гэрдаль холодно.—Такъ это правда, что я слышалъ? Вы промѣняли тьму на свѣтъ, сэръ, и ненавидите тѣхъ, чью вѣру раздѣляли прежде, со всѣмъ ожесточеніемъ ренегата. О, вы принесете честь всякому дѣлу, сэръ. Усердно поздравляю тѣхъ, къ кому вы нынѣче пристали.

Секретарь потиралъ руки и кланялся, будто желая обезоружить противника униженіемъ. Сэръ Джонъ Честеръ напротивъ опять воскликнулъ съ самою пріятною миною: — Ну, право же, чрезвычайно замѣчательная встрѣча!—и съ обыкновеннымъ своимъ спокойствіемъ понюхалъ табаку.

— Мэстеръ Гэрдаль, сказалъ Гашфордъ, поднявъ украдкою глаза и тотчасъ снова потупивъ ихъ при встрѣчѣ съ пристальнымъ взглядомъ противника:—я увѣренъ, что мэстеръ Гэрдаль слишкомъ совѣстливъ, слишкомъ почтененъ и не можетъ предполагать какія-нибудь недостойныя побужденія въ честной перемѣнѣ исповѣданія, хоть эта перемѣна показываетъ, конечно, нѣкоторое сомнѣніе въ убѣжденіяхъ, которымъ онъ самъ слѣдуетъ. Мэстеръ Гэрдаль такъ справедливъ, такъ благороденъ, у него такой свѣтлый нравственный взглядъ на вещи...

— Ну, сэръ? возразилъ Гэрдаль съ саркастическою улыбкою, видя, что секретарь замялся въ словахъ.—Вы хотѣли сказать...

Гашфордъ кротко пожалъ плечами, опять потупилъ глаза и замолчалъ.

— Нѣтъ, да разсмотримъ же въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ между тѣмъ сэръ Джонъ:— разсмотримъ въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайно-странный характеръ этой встрѣчи. Гэрдаль, любезный другъ, извините, что я думаю, будто вы недостаточно проникнуты ея важностію. Вотъ сходимся мы, безъ предварительнаго условія или намѣренія, трое старыхъ школьныхъ товарищей, въ Вестминстергаллѣ,—трое старыхъ пансіонеровъ скучной и темной Семинаріи Сент-Омерской, гдѣ вы, какъ католики, должны были воспитываться внѣ Англіи, и куда я, тогда полный надеждъ, молодой протестантъ, посланъ былъ, чтобъ учиться по-французски у природнаго Парижанина.

— Прибавьте къ этой особенности еще то, сэръ Джонъ, сказалъ мэстеръ Гэрдаль:—что въ сію самую минуту нѣкоторые изъ вашихъ полныхъ надежды протестантовъ условились тамъ, въ этомъ зданіи, отказать намъ въ чрезвычайной и неслыханной привилегіи учить дѣ-

Digitized by Google

тей нашихъ читать и писать,— и гдѣ же все это дѣлается? въ странѣ, гдѣ ежегодно тысячи насъ идутъ на войну защищать ея свободу и цѣлыми толпами падать въ кровавыхъ битвахъ внѣ отечества! Другіе изъ васъ настроены этимъ господиномъ Гашфордомъ смотрѣть на всѣхъ моихъ единовѣрцевъ какъ на волковъ и хищныхъ звѣрей. Присовокупите, сверхъ того, голый фактъ, что этотъ человѣкъ живетъ на свѣтѣ, ходитъ по улицамъ среди яснаго божьяго дня — носитъ голову прямо, сказалъ бы я, но этого за нимъ не водится — и точно будетъ странно, очень-странно, даю вамъ честное слово...

— О! вы жестоки къ нашему пріятелю, возразилъ сэръ Джонъ, ласково улыбаясь. — Вы, право, очень-жестоки къ нашему пріятелю!

— Пусть его продолжаетъ, сэръ Джонъ, сказалъ Гашфордъ, пощипывая перчатки. — Пусть продолжаетъ. Мнѣ нечего за это сердиться, сэръ Джонъ. Мнѣ лестно ваше доброе мнѣніе, а безъ мнѣнія мэстера Гэрдаля я еще могу обойдтись. Мэстеръ Гэрдаль страдаетъ отъ законовъ о пени, и потому мнѣ нельзя ждать его благосклонности.

— Я столько благосклоненъ къ вамъ, сэръ, отвѣчалъ мэстеръ Гэрдаль, взглянувъ на третьяго изъ ихъ группы: — что радуюсь, видя васъ въ такомъ хорошемъ сообществѣ. *Вы* сами-по-себѣ уже сердце и основа вашего великаго союза.

— Нѣтъ, ошибаетесь сказалъ ласково сэръ Джонъ.—Вы ошибаетесь, и мнѣ это весьма-странно слышать отъ человѣка столь пунктуально-точнаго, любезный Гэрдаль. Я не принадлежу къ союзу; я безконечно уважаю его членовъ, но не принадлежу къ нимъ, хотя, по-истинѣ, я совѣстливый противникъ выгодъ вашей партіи. Считаю это своимъ долгомъ, несчастною необходимостью, стоящею мнѣ жестокой борьбы съ самимъ собою. Не угодно ли взглянуть на эту коробку? Если у васъ нѣтъ ничего противъ нѣсколькихъ капель очень чистыхъ духовъ, — вы найдете запахъ ихъ превосходнымъ.

— Прошу извинить, сэръ Джонъ, сказалъ мэстеръ Гэрдаль, отклоняя рукой предлагаемое : — прошу извинить, что я причислялъ васъ къ скрытнымъ орудіямъ, которыя каждому извѣстны и очевидны. Я долженъ бы отдать больше справедливости вашему генію. Люди вашихъ талантовъ держатся въ безопасной таинственности, а опасности предоставляютъ сумасбродамъ...

— Безъ извиненій, ради Бога, возразилъ кротко сэръ Джонъ: — старые друзья, какъ мы съ вами, могутъ себѣ позволить нѣкоторую вольность, или чортъ-возьми иначе...

Гашфордъ, стоявшій все время какъ на угольяхъ и ни разу не поднимавшій глазъ, обратился наконецъ къ сэру Джону и осмѣлился шепнуть, что ему пора идти, что милордъ его дожидается. — Вамъ

Digitized by Google

не для-чего принуждать себя, мой почтеннѣйшій, сказалъ мэстеръ Гэрдаль: — я хочу откланяться и оставить васъ въ покоѣ. Онъ собирался-было сдѣлать это безъ дальнѣйшихъ церемоній, какъ остановленъ былъ шумомъ и ропотомъ на другомъ концѣ галлереи и взглянувъ, увидѣлъ лорда Джорджа Гордона, который приближался къ нимъ, окруженный толпою народа.

Торжество, хотя весьма различно выражавшееся, мелькнуло на лицахъ обоихъ его товарищей и, разумѣется, побудило мэстера Гэрдаля не бѣжать передъ этимъ предводителемъ толпы, а стоять на прежнемъ мѣстѣ, пока онъ пройдетъ. Гэрдаль выпрямился во весь ростъ и, загнувъ назадъ руки, гордо и презрительно смотрѣлъ впередъ, между-тѣмъ, какъ лордъ Джорджъ медленно подвигался къ мѣсту, гдѣ стояли разговаривавшіе.

Онъ только-что оставилъ нижнюю палату и, по-обыкновенію, прямехонько отправился въ галлерею, съ извѣстіями обо всемъ, что этотъ вечеръ говорено было въ-разсужденіи папистовъ, какія поступали прошенія въ ихъ пользу, кто ихъ поддерживалъ, когда внесется билль и когда благоразумно будетъ подать *ихъ* великое, протестантское прошеніе. Все это разсказывалъ онъ громкимъ голосомъ и со множествомъ кривляній. Ближайшіе къ нему изъ окружавшихъ подавали другъ другу мнѣнія на этотъ счетъ и высказывали угрозы; стоявшіе дальше кричали «тише», «не заслоняйте меня собою», или примыкались къ прочимъ и пытались насильно помѣняться мѣстами.

Подошедъ къ мѣсту, гдѣ стояли секретарь, сэръ Джонъ и мэстеръ Гэрдаль, лордъ Джорджъ обернулся, проговорилъ нѣсколько довольно-дикихъ и нескладныхъ замѣчаній, и заключилъ своею обычною поговоркою, на что потребовалъ троекратнаго «вивата» въ подтвержденіе. Пока черпь усердно кричала «виватъ», онъ протѣснился сквозь толпу и подошелъ къ Гашфорду. Народъ хорошо зналъ его и сэра Джона, посторонился нѣсколько и далъ просторъ четыремъ джентльменамъ.

— Мэстеръ Гэрдаль, лордъ Джорджъ, сказалъ сэръ Джонъ, замѣтивъ, что лордъ бросилъ на него вопросительный взглядъ. Католическій джентльменъ по-несчастію... къ-сожалѣнію католикъ... впрочемъ, почтенный знакомецъ мой и нѣкогда бывшій знакомцемъ мэстера Гашфорда. Любезный Гэрдаль, это лордъ Джорджъ Гордонъ.

— Я угадалъ бы это, еслибъ даже не зналъ въ лицо его превосходительства, отвѣчалъ мэстеръ Гэрдаль. — Вѣроятно, во всей Англіи нѣтъ другаго джентльмена, который бы, говоря съ невѣжественной и буйной толпою, выражался о многихъ своихъ соотечественникахъ въ такихъ оскорбительныхъ словахъ, какія слышалъ я сію минуту. Стыдитесь, милордъ, стыдитесь!

Digitized by Google

— Съ вами я не могу говорить, сэръ, возразилъ громко лордъ Джорджъ, безпокойно и дико размахивая рукою:—между нами нѣтъ ничего общаго.

— Напротивъ, у насъ много общаго, много — все, что даровалъ намъ Всемогущій, сказалъ мэстеръ Гердаль:—и общая намъ христіанская любовь,—чтобъ не сказать общій человѣческій смыслъ и общее приличіе—должна бы научить васъ воздерживаться отъ такихъ поступковъ. Да, еслибъ даже каждый изъ стоящихъ здѣсь людей носилъ оружіе въ рукѣ, какъ носитъ его въ сердцѣ, и тогда я не отошелъ бы прочь, не сказавъ вамъ, что вы недостойно злоупотребляете свое положеніе въ обществѣ.

— Я васъ не слушаю, сэръ, возразилъ по-прежнему лордъ:—я не могу васъ слушать. Ммѣ все равно, что бы вы ни говорили. Не отвѣчай ему, Гашфордъ (секретарь показалъ видъ, будто сбирается что-то сказать); я не привыкъ имѣть дѣло съ идолопоклонниками.

Говоря это, онъ смотрѣлъ на сэра Джона, который съ улыбкой удивленія обозрѣвалъ толпу и ея предводителя, сплеснулъ руками и поднялъ глаза къ небу, будто осуждая безразсудство мэстера Гэрдаля.

— *Ему* отвѣчать! воскликнулъ Гэрдаль. —Да взгляните только на него, милордъ. Знаете ли вы этого человѣка? Лордъ Джорджъ отвѣчалъ тѣмъ, что положилъ ужимающемуся по-кошечьи секретарю руку на плечо и посмотрѣлъ на него съ довѣрчивою улыбкою.

— Этого человѣка, продолжалъ мэстеръ Гэрдаль, мѣряя его глазами съ ногъ до головы: — который еще мальчишкою былъ воромъ и съ-тѣхъ-поръ до сей минуты остался раболѣпнымъ, льстивымъ и пресмыкающимся негодяемъ; этого человѣка, который тащился и крался по жизни, жаля руку, которая его кормила, кусая всякаго, кому льстилъ; этого наушника, который никогда не знавалъ, что такое честь, благородство и истина; который лишилъ чести дочь своего благодѣтеля, потомъ женился на ней и уморилъ ее жестокостями и побоями; эту тварь, которая хныкала подъ окнами кухонь объ обломкахъ хлѣба и просила полпенни милостыни у дверей нашихъ церквей; этого проповѣдника вѣры, котораго нѣжная совѣсть не терпитъ алтарей, гдѣ его порочная жизнь заклеймена публичнымъ позоромъ... Знаете ли вы этого человѣка, милордъ?

— О! право, вы слишкомъ жестоки къ нашему другу! воскликнулъ сэръ Джонъ.

— Пусть мэстеръ Гэрдаль выговариваетъ всѣ свои ругательства, сказалъ Гашфордъ, на непріятномъ лицѣ котораго выступилъ потъ крупными каплями:—я не обращаю на нихъ вниманія, сэръ Джонъ; я столько жъ, какъ и милордъ, равнодушенъ къ тому, что онъ гово-

Digitized by Google

ритъ; если ужь онъ презираетъ милорда, какъ вы сами слышали, сэръ Джонъ, какъ же мнѣ ждать отъ него пощады?

— Мало того, милордъ, продолжалъ мэстеръ Гэрдаль; — что я, будучи такимъ же джентльменомъ, какъ вы, могу владѣть своею законною собственностью только посредствомъ юридической увертки, на которую государство смотритъ сквозь пальцы, именно потому-что жестокіе законы запрещаютъ внушать въ школахъ дѣтямъ нашимъ обыкновенныя понятія о правѣ и неправѣ: мы должны еще зависѣть и страдать отъ такихъ людей, какъ вотъ-этотъ? Нашли вы человѣка для приданія вѣса своимъ крикамъ «прочь-папство»! Стыдно, стыдно!

Дурачимый джентльменъ не разъ взглядывалъ на сэра Джона Честера, будто спрашивая, справедливы ли эти упреки Гашфорду, и сэръ Джонъ всякій разъ, взоромъ или пожатіемъ плечъ, ясно отвѣчалъ: «о, нѣтъ, избави Боже!» Наконецъ такъ же громко и такимъ же страннымъ образомъ, какъ прежде, онъ произнесъ:

— На это я вамъ ничего не отвѣчу, сэръ, не хочу и слышать ничего болѣе. Прошу не тяготить меня долѣе своими рѣчами и личностями. Никакія убѣжденія, отъ папскихъ ли подосланцевъ происходятъ они, или нѣтъ, ни мало не удержатъ меня отъ исполненія обязанностей моихъ въ-отношеніи къ отечеству и землякамъ моимъ, — увѣряю васъ. Пойдемъ, Гашфордъ!

Во время этого разговора, они подались нѣсколько шаговъ впередъ и очутились у воротъ галлереи, за которыя вышли вмѣстѣ. Не раскланявшись, мэстеръ Гэрдаль подошелъ къ близь-лежавшей береговой лѣстницѣ, и кликнулъ единственнаго случившагося тутъ лодочника.

Толпа, между-тѣмъ (передніе изъ нея слышали каждое слово, сказанное лордомъ Джорджемъ Гордономъ, и всюду разнесся слухъ, что незнакомецъ папистъ и безчеститъ лорда за защищеніе народнаго дѣла), бросилась въ дикомъ безпорядѣ, тѣсня передъ собою лорда, секретаря и сэра Джона Честера, такъ-что они, казалось, предводительствовали ею, заняла все пространство до самой лѣстницы и оставила только небольшое свободное мѣстечко мэстеру Гэрдалю, дожидавшемуся лодки.

Толпа не оставалась безмолвною, хотя и не дѣйствовала. Сперва въ ней поднялся неясный ропотъ, потомъ послѣдовало жужжаніе, которое мало-по-малу обращалось въ совершенную бурю. Наконецъ одинъ голосъ вскричалъ «бей папистовъ!» и за этимъ восклицаніемъ послѣдовалъ общій крикъ одобренія, но не было ничего болѣе. Спустя нѣсколько мгновеній, одинъ закричалъ: «побить его каменьями!», другой «утопить его!», третій воскликнулъ стенторскимъ голосомъ

Digitized by Google

«прочь папство!». На этотъ любимый крикъ отозвались прочіе и его подхватила вся толпа, состоявшая изъ двухъсотъ человѣкъ.

До-сихъ-поръ мэстеръ Гердаль покойно стоялъ на краю лѣстницы; тутъ онъ презрительно оглянулся и началъ медленно спускаться внизъ по ступенямъ. Онъ уже былъ близко къ лодкѣ, какъ Гашфордъ, будто случайно, обернулся, и вслѣдъ за тѣмъ большой камень, брошенный неизвѣстно кѣмъ изъ толпы, ударилъ Гэрдаля въ голову, такъ, что онъ зашатался.

Кровь сильно брызнула изъ раны и закапала ему на кафтанъ. Онъ тотчасъ оборотился и, вбѣжавъ смѣло и запальчиво на лѣстницу, отъ которой всѣ посторонились, спросилъ:

— Кто это сдѣлалъ? Укажите мнѣ человѣка, который бросилъ въ меня камень?

Никто не двинулся съ мѣста; только назади нѣкоторые прокрались на другую сторону улицы и притворились посторонними зрителями.

— Кто это сдѣлалъ? повторилъ онъ. — Укажите мнѣ его... А! это ты, мерзавецъ? Это твое дѣло, если и не твоя рука — я знаю тебя.

Съ этими словами бросился онъ на Гашфорда и опрокинулъ его наземь. Внезапное движеніе обнаружилось въ толпѣ; нѣкоторые кинулись-было на него, но онъ обнажилъ шпагу, и они отступили.

— Милордъ! сэръ Джонъ! воскликнулъ онъ:—обнажайте шпаги— вы мнѣ отвѣчаете за эту обиду, и отъ васъ требую я удовлетворенія. Обнажайте шпаги, если вы джентльмены! Онъ ударилъ сэра Джона плоскою стороною клинка по груди и приготовился къ защитѣ, съ пылающимъ лицомъ и сверкающими глазами, одинъ противъ всѣхъ.

На мгновеніе, какъ только можно вообразить краткое, показалась на ровномъ лицѣ сэра Джона перемѣна, какой до того не видывалъ еще въ немъ ни одинъ человѣкъ. Но тотчасъ же онъ выступилъ впередъ, положилъ одну руку на плечо мэстера Гэрдаля, а другою старался утишить толпу.

— Любезный другъ, добрый Гэрдаль, вы ослѣплены страстью— это очень натурально, чрезвычайно натурально; но вы не отличаете друзей отъ враговъ.

— Я знаю всѣхъ ихъ, сэръ; я очень могу ихъ различить, возразилъ онъ, внѣ себя отъ гнѣва.—Сэръ Джонъ! милордъ! слышали вы меня? Или вы трусы?

— Полноте, сэръ, сказалъ ему человѣкъ, протѣснившійся сквозь толпу и насильно отведшій его на лѣстницу: —оставьте это. Старайтесь только уѣхать, ради Бога. Что сможете вы противъ такого множества? А вѣдь еще цѣлая толпа ихъ стоитъ въ ближней улицѣ; они сейчасъ появятся изъ-за угла (въ-самомъ-дѣлѣ, народъ начиналъ прибывать), ими овладѣетъ бѣшенство въ первомъ жару схватки. Ну, ступайте же скорѣе, сэръ, или, помяните мое слово, они посту-

Digitized by Google

пять съ вами хуже, чѣмъ поступили бы тогда, еслибъ каждый мужчина изъ этой сволочи былъ баба, и баба эта была кровожадная Марія. Ступайте, сэръ, сѣшите какъ-можно-скорѣе.

Мастеръ Гэрдаль, начавшій уже чувствовать боль отъ раны, увидѣлъ благоразуміе этого добраго совѣта и сошелъ съ лѣстницы при помощи незнакомаго доброжелателя. Джонъ Грюбэ (это былъ онъ) помогъ ему сѣсть въ лодку, и такъ сильно оттолкнулъ ее, что она подвинулась футовъ на тридцать по водѣ, потомъ закричалъ лодочнику, чтобъ онъ гребъ какъ прилично истинному Англичанину, и спокойно воротился назадъ.

Чернь сначала не-шутя хотѣла-было наказать Джона Грюбэ за такое вмѣшательство; но какъ тотъ смотрѣлъ здоровымъ и хладнокровнымъ молодцомъ, да сверхъ-того носилъ ливрею лорда Джорджа, то народъ одумался и удовольствовался тѣмъ, что пустилъ въ лодку тучу мелкихъ каменьевъ, которые тихо попадали въ воду, ибо лодка скользнула уже подъ мостъ и быстро катилась по срединѣ рѣки.

Послѣ этого пріятнаго приключенія, толпа начала искать другихъ удовольствій, стучалась чисто по-протестантски въ двери обывательскихъ домовъ, разбила нѣсколько фонарей и поколотила человѣка два констаблей. Но когда пронесся слухъ, что послано за отрядомъ гвардіи, толпа проворно разбѣжалась и очистила всю улицу.

ГЛАВА XLV.

Когда скопище разсѣялось и, раздѣлясь на одинокія кучки, пустилось по разнымъ направленіямъ, на сценѣ волненія оставался еще одинъ человѣкъ. То былъ Гашфордъ; ушибенный паденіемъ и еще больше раздраженный понесеннымъ оскорбленіемъ, онъ ковылялъ взадъ и впередъ съ проклятіями и угрозами на устахъ.

Не въ характерѣ секретаря было выражать свою злобу только словами. Истощая припадокъ бѣшенства въ этихъ ругательствахъ, онъ пристально остановилъ взоръ на двухъ человѣкахъ, которые, когда разлился паническій страхъ, скрылись вмѣстѣ съ прочими, но потомъ опять воротились, и при свѣтѣ мѣсяца видно было, какъ они прохаживались, разговаривая другъ съ другомъ.

Онъ не сдѣлалъ ни шагу, чтобъ подойдти къ нимъ, но терпѣливо выжидалъ на темной сторонѣ улицы, пока они, соскучившись ходить взадъ и впередъ, пошли вмѣстѣ прочь. Онъ пошелъ за ними, но держался все въ нѣкоторомъ разстояніи, такъ, что имѣлъ ихъ въ виду, не будучи ими видимъ.

Они пустились по Парламентской Улицѣ, мимо церкви св. Мартина, мимо Сен-Жильса къ Тоттенгем-Курту, за которымъ на западной

Digitized by Google

сторонѣ находилось тогда мѣсто, извѣстное подъ именемъ «Зеленой Лѣстницы». Это была отдаленная улица, не изъ самыхъ опрятныхъ и выводила въ поле. Большія кучи пыли, лужи стоячей воды, поросшія дикой травою и болотными растеніями; изломанныя колоды и прямо-стоящіе столбы заборовъ, давно растаскиваемые и употребляемые на топливо, грозя невнимательному прохожему своими зубчатыми ржавыми гвоздями, образовывали переднюю часть ландшафта; между-тѣмъ, какъ нѣстами оселъ и косматая кляча, привязанная къ колу, кормились своею бѣдною пастбою на жосткой, короткостволой травѣ и пополняли собою характеръ цѣлой картины. Если ужь не самые домы, то худоба этихъ животинъ показывала, какъ скудны были жители близлежавшихъ, рухлыхъ хижинъ, и какъ безразсудно было бы порядочно-одѣтому человѣку, съ деньгами въ карманѣ, пускаться одному ночью въ эту сторону.

У бѣдности, какъ и у богатства, свои прихоти, свои затѣи. Нѣкоторыя изъ этихъ хижинъ снабжены были маленькими башенками; у другихъ были глухія окна, намалеванныя на полинялыхъ наружныхъ стѣнахъ, — у одной, напримѣръ, были напачканы часы на развалившейся башнѣ въ четыре фута вышиною, обложенной кирпичемъ; при каждой хижинѣ находилась грубая скамья или бесѣдка. Обыватели торговали костями, лохмотьемъ, битымъ стекломъ, старыми колесами, птицами и собаками. Эти послѣднія животныя наполняли своими домиками и конурами сады, и не только распространяли въ воздухѣ запахъ, не отличавшійся благовоніемъ, но и оглашали окрестность своимъ ворчаньемъ, лаемъ и воемъ.

Въ это-то убѣжище послѣдовалъ секретарь за двумя человѣками, съ которыхъ не спускалъ глазъ; здѣсь увидѣлъ онъ, что они вошли въ одинъ изъ самыхъ приземистыхъ домиковъ, состоявшій только изъ одной узкой и тѣсной комнаты. Онъ подождалъ на дворѣ, пока звукъ ихъ голосовъ, слившись въ нескладную пѣсню, увѣрилъ его, что они веселились; тогда онъ перешелъ по тряской доскѣ, брошенной черезъ яму, и постучался рукою въ дверь.

— Мэстеръ Гашфордъ! воскликнулъ человѣкъ, отворившій дверь, съ явнымъ удивленіемъ, и вынулъ изо рта трубку. — Ну, кто бы ждалъ такой чести! Войдите, мэстеръ Гашфордъ; войдите, сэръ.

Гашфордъ не заставилъ просить себя два раза и вошелъ съ ласковою миною. Огонь пылалъ на заржавѣлой рѣшоткѣ камина (ибо, не смотря на позднее время весны, ночи были еще холодны), а на скамейкѣ подлѣ него сидѣлъ Гогъ и курилъ трубку. Денни поставилъ секретарю свой единственный стулъ передъ очагомъ и сѣлъ опять на скамейку, съ которой всталъ-было, чтобъ впустить гостя.

— Что вы почуяли, мэстеръ Гашфордъ? сказалъ онъ, взявшись опять за трубку и посматривая на него искоса. — Нѣтъ ли приказа

Digitized by Google

изъ главной квартиры? Скоро ли мы пріймемся за работу? Что скажете, мэстеръ Гашфордъ?

— Ничего, ничего, отвѣчалъ секретарь, ласково кивнувъ головою Гогу. — Между-тѣмъ, ледъ-то треснулъ. Мы нынче немножко пошутили, не правда ли, Денни?

— Да, очень-немножко, проворчалъ палачъ.—Мнѣ этого и вполовину не хватило.

— И мнѣ тоже! вскричалъ Гогъ. — Давайте намъ что-нибудь такое, въ чемъ была бы жизнь... жизнь, сударь! Ха, ха, ха!

— Вѣдь однакожь вы не захотите ничего, сказалъ секретарь съ самымъ злобнымъ выраженіемъ лица и самымъ кроткимъ тономъ,— ничего такого, въ чемъ... въ чемъ была бы смерть?

— Этого я не знаю, отвѣчалъ Гогъ. — Я жду только приказа. Какая мнѣ нужда разбирать, что это за приказъ будетъ!

— И мнѣ также! воскликнулъ Денни.

— Молодцы! сказалъ секретарь такимъ пастырскимъ голосомъ, какъ-будто хвалилъ ихъ за самую необыкновенную, самую благородную храбрость. — Кстати (тутъ онъ остановился и погрѣлъ руки, потомъ продолжалъ, быстро поднявъ глаза), кто бросилъ нынче камень?

Мэстеръ Денни закашлялся и покачалъ головою, будто говоря: «это ужь, право, загадка!». Гогъ молча сидѣлъ и курилъ.

— Славно было сдѣлано! примолвилъ секретарь и опять потеръ руки.—Хотѣлось бы мнѣ знать этого молодца.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ Денни, взглянувъ ему въ лицо, чтобъ увѣриться, вправду ли онъ говоритъ. — Въ-самомъ-дѣлѣ, вамъ хотѣлось бы его знать, мэстеръ Гашфордъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ секретарь.

— Ну, такъ ужь Богъ съ вами, сказалъ палачъ, съ хохотомъ указывая трубкою на Гога:—вотъ онъ сидитъ. Вотъ онъ сидитъ, сэръ! Тьфу, ты петля и висѣлица, мэстеръ Гашфордъ! шепнулъ онъ, придвинувъ скамейку и толкнувъ его локтемъ: — что за лихой негодяй этотъ дѣтина! Его надо держать на цѣпи, какъ самаго задорнаго бульдога. Не будь нынче меня, онъ вѣдь подмялъ бы подъ себя католика и въ минуту надѣлалъ бы бѣды.

— Отъ-чего жь и не такъ? воскликнулъ грубымъ голосомъ Гогъ, услышавшій послѣднія слова. — Что толку откладывать дѣло? Куй желѣзо, пока горячо—моя пословица.

— Да! возразилъ Денни, качая головою съ видомъ сострадація къ простотѣ своего молодаго пріятеля:—а если желѣзо-то еще не горячо, братъ? Сперва надо подготовить, разгорячить народъ, а ужь потомъ начинать. Нынче его нечѣмъ было разгорячить, увѣряю васъ,

Digitized by Google

Еслибъ тебѣ дать волю, ты испортилъ бы нашу будущую потѣху и мы совсѣмъ пропали бы.

— Денни совершенно правъ, ласково замѣтилъ Гашфордъ: — совершенно правъ. Денни хорошо знаетъ свѣтъ.

— Пора его узнать, я думаю, мэстеръ Гашфордъ, отъ множества людей, которыхъ я ужь спровадилъ на тотъ свѣтъ, не правда ли? просипѣлъ палачъ, шепча изъ-за ладони.

Секретарь отъ-души улыбнулся этой остротѣ и потомъ сказалъ, обращаясь къ Гогу:

— Я и самъ держался политики Денни, какъ вы, вѣрно, это замѣтили. Вы видѣли, на-примѣръ, какъ я упалъ на-земь, когда на меня бросились. Я не оказалъ никакого сопротивленія. Я не сдѣлалъ никакой попытки, чтобъ взбунтовать народъ, никакой, рѣшительно!

— Нѣтъ, клянусь Каиномъ! вскричалъ Денни съ громкимъ хохотомъ:—вы совершенно-покойно повалились, мэстеръ Гашфодръ, совершенно-ровно растянулись. Я ужь думалъ себѣ: ну, прощай теперь мэстеръ Гашфордъ! Еще мнѣ не случалось видѣть, чтобъ живые люди такъ гладко лежали на брюхѣ, какъ вы. Съ нимъ плохія шутки, съ папистомъ-то, — право...

Гримаса, какую сдѣлалъ секретарь, когда Денни расхохотавшись мигалъ Гогу, также хохотавшему, послужила бы прекрасною моделью для портрета дьявола. Онъ сидѣлъ молча, пока они перестали хохотать, и потомъ сказалъ, оглядываясь кругомъ:

— Да у васъ тутъ славно, такъ хорошо и покойно, Денни, что я долго бъ не вышелъ отсюда; но милордъ станетъ ждать меня къ ужину, и ужь мнѣ пора. Я пришолъ съ небольшимъ дѣльцомъ. Оно весьма лестно и для васъ; вотъ въ чемъ оно: если намъ когда-нибудь прійдетъ крайность, а знать вѣдь конечно этого нельзя... на свѣтѣ все такъ невѣрно...

— Согласенъ съ вами, мэстеръ Гашфордъ, сказалъ палачъ, важно кивнувъ головою. — Невѣрности, какія мнѣ ужь доводилось видѣть, вразсужденіи жизни на семъ свѣтѣ... сколько бывало неожиданныхъ случаевъ... О, Боже мой... И почувствовавъ, что великость предмета была невыразима, онъ опять выпустилъ нѣсколько облаковъ дыму, и досказалъ остальное взглядомъ.

— Я говорю, продолжалъ секретарь медленно и выразительно: — намъ нельзя знать, что̀ еще случится; и если прійдется, противъ воли, прибѣгнуть къ силѣ, то милордъ (который нынѣче невыразимо пострадалъ), вспомнивъ, что я рекомендовалъ ему обоихъ васъ за людей набожныхъ, храбрыхъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію и подозрѣнію, милордъ намѣренъ вамъ двоимъ поручить пріятную обязанность проучить этого Гэрдаля. Вы можете дѣлать съ нимъ, что̀ хотите; только не оказывать ни малѣйшаго сожалѣнія, никакой

Digitized by Google

площады, не оставлять въ его домѣ камня на камнѣ. Можете жечь домъ его и опустошать, грабить сколько душѣ угодно, только не оставлять цѣлымъ; его должно сравнять съ землею, чтобъ Гэрдаль и всѣ, принадлежащіе къ нему, остались безъ крова, какъ новорожденные младенцы, покинутые матерью. Понимаете? сказалъ Гашфордъ, потирая руки.

— Какъ не понимать! воскликнулъ Гогъ.—Наконецъ-то вы ясно сказали все. Вотъ такъ-то лучше, откровеннѣе!

— Я зналъ, что вамъ это понравится, сказалъ Гашфордъ и потрясъ ему руку: — я такъ и думалъ. Доброй ночи! Не безпокойся, Денни: я найду дорогу одинъ. Можетъ-быть, мнѣ случится и опять заходить сюда; мнѣ пріятно было бы приходить и уходить, не тревожа васъ. Я самъ найду дорогу. Доброй ночи!

Онъ вышелъ и затворилъ за собою дверь. Они посмотрѣли другъ на друга и кивнули головами въ знакъ согласія. Денни раздулъ огонь.

— Это ужь что-то побольше прежняго! сказалъ онъ.

— Ну, разумѣется! воскликнулъ Гогъ:—это мнѣ по-сердцу!

— Я слыхалъ, сказалъ задумчиво палачъ:—что у мэстера Гашфорда чудесная память и удивительное постоянство: онъ никогда ничего не забываетъ и не прощаетъ. Выпьемъ же за его здоровье!

Гогъ былъ очень-радъ выпить; при этомъ тостѣ онъ ужь не плескалъ вина на-полъ; а какъ секретарь былъ человѣкъ по-душѣ имъ, то они выпили его здоровье въ большихъ, полныхъ стаканахъ.

ГЛАВА XLVI.

Между-тѣмъ, какъ самыя черныя страсти самыхъ черныхъ людей дѣйствовали такимъ образомъ втайнѣ, случилось происшествіе, вторично разстроившее жизнь двухъ особъ, которыхъ разсказъ нашъ давно потерялъ изъ виду и къ которымъ теперь онъ опять долженъ возвратиться.

Въ одномъ изъ англійскихъ уѣздныхъ городковъ, — жители его питались работою рукъ своихъ, плетя солому, изъ которой другіе приготовляли шляпки, шляпы и прочіе предметы одежды, — укрывшись подъ вымышленнымъ именемъ, въ тихой, однообразной и безрадостной нищетѣ, съ единственною постоянною заботою о насущномъ хлѣбѣ, жилъ Барнеби съ матерью. Бѣдная хижина ихъ не видала въ своихъ стѣнахъ никого посторонняго съ-тѣхъ-поръ, какъ, пять лѣтъ назадъ, впервые нашли они прибѣжище подъ ея кровлею; съ прежнимъ свѣтомъ, изъ котораго они бѣжали, не сохранили они также ни малѣйшаго сношенія. Мирно трудиться про-себя и быть въ

Digitized by Google

возможности посвящать свои труды и жизнь несчастному сыну, — вотъ все, чего желала вдова. Если участь человѣка, снѣдаемаго тайною заботою, можно когда-нибудь называть счастіемъ, то она была теперь счастлива. Спокойствіе, самоотверженіе и нѣжная любовь къ нему, столько нуждавшемуся въ ней, составляли тѣсный кругъ ея семейныхъ радостей, и пока кругъ этотъ не былъ разрушенъ, она была довольна.

Надъ Бэрнеби, напротивъ, истекшіе годы пронеслись какъ вѣтеръ. Ежедневно-свѣтившее солнце въ-продолженіи многихъ лѣтъ не пробудило ни одного луча разумности въ душѣ его; никакого утра не свѣтало въ его длинной, мрачной ночи. Иногда сидѣлъ онъ по цѣлымъ днямъ сряду на низкой скамейкѣ у огня, или передъ дверью хижины, прилежно занятый работою (онъ перенялъ ремесло матери) и слушалъ, бѣдный, исторіи, которыя она ему все съизнова разсказывала, употребляя ихъ какъ приманку, чтобъ держать его постоянно на глазахъ у себя. У него не было ни малѣйшей памяти на эти разсказы; вчерашнія исторіи утромъ были для него опять новы; но онъ любилъ ихъ на-минуту, и если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, терпѣливо сидѣлъ дома, слушалъ ея разсказы, какъ малый ребенокъ, и весело работалъ отъ восхода солнца до-тѣхъ-поръ, пока темнота не позволяла ничего разглядѣть.

Въ другое время — и тогда скудной заработки едва доставало имъ на самую необходимую пищу — онъ гулялъ на свободѣ съ разсвѣта до той поры, когда сумерки становились ночью. Почти никому изъ жителей, даже изъ дѣтей, не было времени на праздное гулянье, и такимъ образомъ людей онъ не могъ имѣть товарищами. Въ-самомъ-дѣлѣ, изъ тысячи человѣкъ нашлось бы немного такихъ, которые бъ могли сравняться съ нимъ въ неутомимости скитанія. Но, къ-счастію, тамъ было около двадцати бѣгающихъ по волѣ собакъ, которыя принадлежали сосѣдамъ и оказывали ему тѣ же услуги, какъ и люди. Двѣ, три, а иногда и полдюжины ихъ съ лаемъ бѣжали за нимъ вслѣдъ, когда онъ отправлялся на долгую прогулку, въ которой проходилъ цѣлый день; къ-ночи, проголодавшіяся собаки съ отбитыми ногами прихрамывали домой, а Бэрнеби, вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ, ужъ опять былъ на горахъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей того же рода, которыхъ вечеромъ онъ приводилъ домой въ такомъ же состояніи, какъ и прежнихъ. Во всѣхъ этихъ странствованіяхъ участвовалъ Грейфъ, сидя въ корзинкѣ за спиною хозяина, и если они поднимались въ хорошую погоду и въ веселомъ расположеніи, то ни одна собака не могла лаять такъ громко, какъ кричалъ воронъ.

Удовольствія ихъ въ этихъ странствованіяхъ были довольно просты. Корки хлѣба и ломтика мяса съ водою изъ родника или

Digitized by Google

ручья достаточно было для ихъ обѣда. Барнеби бѣгалъ и прыгалъ, пока уставалъ, потомъ ложился въ высокой травѣ, либо подлѣ густой ржи, либо подъ тѣнью высокаго дерева, и смотрѣлъ на легкія облачка, летѣвшія по синему небу надъ его головою, и прислушивался къ роскошной пѣсни жаворонка. Тамъ могъ онъ рвать дикіе цвѣты — яркокрасные маки, нѣжные гіацинты, колокольчики, розы. Тамъ любовался онъ на птицъ, муравьевъ, рыбъ, червячковъ; смотрѣлъ на зайца или кролика, какъ тотъ мелькалъ по далекой лѣсной тропинкѣ и пропадалъ въ чащѣ, — тамъ были милліоны живыхъ существъ, занимавшихъ его; онъ лежалъ для того, чтобъ только глядѣть на нихъ, и когда они скрывались быстро, какъ молнія, кричалъ имъ вслѣдъ и хлопалъ въ ладоши. Если ихъ не было, или они ему надоѣдали, оставалась еще забава — слѣдить веселый солнечный свѣтъ, какъ онъ косвенно скользилъ межъ древесными вѣтвями и листьями, прятался внизу и сбирался глубоко-глубоко въ разсѣлинахъ серебристымъ, водянымъ зеркаломъ, въ которомъ словно купались и прыгали колеблющіяся вѣтки; сладкія, лѣтнія благоуханія носились надъ полями бобовъ и трилистника; жизнь качающихся деревьевъ и тѣни, вѣчно мѣняющіяся, привлекали его вниманіе. Когда все это ему наскучивало, или было слишкомъ пріятно, тогда онъ любилъ закрывать глаза. Тутъ дремалъ онъ середи всѣхъ этихъ кроткихъ наслажденій; легкій вѣтерокъ вѣялъ музыкою въ слухъ ему, и все вокругъ сливалось въ одно прелестное сновидѣніе.

Хижина ихъ, — лучшаго названія это жилище не заслуживало — стояла на краю городка, недалеко отъ большой дороги, но въ мѣстѣ столь уединенномъ, что въ цѣлый годъ случалось видѣть разъ нѣсколько прохожихъ. Къ ней принадлежалъ лоскутокъ садовой земли, который Барнеби, когда ему вздумается, обработывалъ по-немногу и держалъ въ порядкѣ. Внутри же и внѣ дома мать трудилась для общаго ихъ блага, — и градъ, дождь, снѣгъ или солнечное сіяніе не имѣли для нея никакой разницы.

Не смотря на такое удаленіе отъ сцены своей прежней жизни, не смотря на отсутствіе и малѣйшей надежды или мысли снова увидѣть ее когда-нибудь, она мучилась, казалось, страннымъ желаніемъ знать, что происходитъ въ дѣловомъ свѣтѣ. Съ жадностью читала она, когда ей попадался листокъ какой-нибудь лондонской газеты. Волненіе, которое она тогда чувствовала, было не изъ пріятныхъ, ибо каждый разъ при этомъ вся наружность ея выражала сильную тоску и страхъ; но любопытство ея нимало не уменьшалось. Тогда и въ бурныя зимнія ночи, когда вѣтеръ дулъ громко и порывисто, лицо ея такое показывало прежнее выраженіе ужаса, и она трепетала лихорадочной дрожью. Но Барнеби не замѣчалъ этого, и какъ она сидѣ-

Digitized by Google

но принуждала себя, то по-большой-части успѣвала принимать свой обыкновенный видъ прежде, чѣмъ онъ могъ обратить вниманіе на перемѣну съ нею.

Грейфъ отнюдь не былъ праздными и безполезнымъ членомъ скромнаго хозяйства. Частію попеченіями и стараніями Бэрнеби, частію самоучкою, свойственною его породѣ, онъ чрезвычайно развилъ свой даръ наблюдательности и снискалъ остроуміе, прославившее его на нѣсколько миль въ окружности. Его неожиданныя выходки и таланты въ обращеніи были предметомъ общаго разговора; и сколько ни приходило людей посмотрѣть на чуднаго ворона, почти никто не оставлялъ безъ вознагражденія его фокусовъ, когда онъ удостоивалъ дѣлать ихъ, что случалось не всякій разъ, потому-что геній прихотливъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, птица, казалось, очень понимала себѣ цѣну; держась вольно и непринужденно передъ Бэрнеби и его матерью, она удивительно дедичаво топорщилась передъ зрителями, и никакъ не дѣлала даромъ ни одной штуки, кромѣ того, что кусала за ноги бѣгающихъ кругомъ мальчишекъ (удовольствіе, особенно ею любимое), иногда заклевывала одну или двухъ птичекъ и растаскивала корму у сосѣднихъ собакъ, изъ которыхъ даже самыя отважныя боялись ея и уважали.

Такъ текло время, и никакой случай не нарушилъ и не измѣнилъ ихъ жизни. Въ одинъ лѣтній вечеръ въ іюнѣ отдыхали они отъ дневнаго труда въ своемъ садикѣ. Вдова еще не убрала своего рукодѣлья, лежавшаго у нея на колѣняхъ и вокругъ по землѣ, между-тѣмъ, какъ Бэрнеби, опершись на заступъ, смотрѣлъ на раскаленное небо на западѣ и напѣвалъ что-то про-себя.

— Славный вечеръ, матушка! Еслибъ у насъ въ карманѣ побрякивало нѣсколько кусочковъ золота, что настлано тамъ на небѣ, мы были бы богаты на всю жизнь.

— Пусть лучше будетъ такъ, какъ есть, отвѣчала вдова съ спокойною улыбкою. — Были бъ мы только довольны, а то намъ нѣтъ надобности желать золота, хоть бы оно блестѣло у насъ подъ ногами.

— Ахъ, да! сказалъ Бэрнеби, опершись со сложенными руками на заступъ и жадно глядя на заходящее солнце: — все это прекрасно, матушка; только и золото вещь хорошая, если оно есть. Хотѣлось бы мнѣ знать, гдѣ его найдти. Мы съ Грейфомъ многое бы затѣяли при золотѣ, повѣрь мнѣ.

— Что же бы ты сталъ съ нимъ дѣлать? спросила она.

— Какъ что? мало ли! Мы купили бы красиваго платья — то-есть, для меня и для тебя, не для Грейфа, — завели бы лошадей и собакъ, носили бы пестрыя ленты и перья, не работали бы, жили бы хорошо и какъ намъ угодно. О, мы ужь умѣли бы употреблять золото, ма-

Digitized by Google

тушка, такъ-что намъ было бъ это пріятно. Хотѣлось бы мнѣ знать, гдѣ зарыто золото. Какъ бы сталъ я работать, чтобъ его выкопать!

— Ты не знаешь, сказала мать, вставъ съ мѣста и положивъ ему руку на плечо: — чего не дѣлали люди, чтобъ достать его, и какъ они поздно узнавали, что издали оно ярко блеститъ, а когда дотрогутся до него руками, оно становится тускло и черно.

— Да, да; ты только говоришь такъ; тебѣ такъ это кажется, отвѣчалъ онъ, продолжая пристально смотрѣть въ ту же сторону. — А мнѣ хотѣлось бы хоть разъ попробовать...

— Видишь ли, сказала она:—какъ тамъ красно? Ни на чемъ нѣтъ столько кровавыхъ пятенъ, какъ на золотѣ. Берегись его! Никто не имѣетъ столько причинъ ненавидѣть имя золота, какъ мы съ тобой. Не думай о немъ никогда, мой милый. Оно столько навлекло намъ бѣдъ и страданій, сколько немногіе могутъ представить себѣ, и дай Богъ, чтобъ немногимъ пришлось это переносить. Лучше бъ желала я, чтобъ мы были мертвы и лежали въ могилѣ, нежели чтобъ ты любилъ золото.

На минуту оборотился Барнеби и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Потомъ сталъ глядѣть то на красноту неба, то на красное пятно у себя на рукѣ, будто сравнивая ихъ, и сбирался, по-видимому, сдѣлать матери серьёзный вопросъ, какъ новый предметъ привлекъ его блуждающее вниманіе, такъ-что онъ вовсе забылъ о своемъ намѣреніи.

За плетнемъ, отдѣлявшимъ ихъ садикъ отъ прохожей тропинки, стоялъ съ обнаженной головою человѣкъ, въ запыленной обуви и одеждѣ, и дружески наклонился впередъ, будто желая вмѣшаться въ разговоръ и ожидая, пока очередь говорить дойдетъ до него. Лицо его также было обращено къ красному западному небу; но свѣтъ, на него падавшій, показывалъ, что онъ былъ слѣпъ и не видалъ его.

— Да будутъ благословенны эти голоса! произнесъ странникъ. — Я лучше чувствую красоту ночи, когда ихъ слышу. Такіе голоса замѣняютъ для меня глаза. Не заговорятъ ли они еще разъ, не освѣжатъ ли души бѣднаго странника?

— Развѣ у тебя нѣтъ проводника? спросила вдова послѣ нѣкоторой паузы.

— Никого, кромѣ солнца, отвѣчалъ онъ, указывая палкою на небо:—бываетъ иногда ночью еще болѣе тихій, но онъ отдыхаетъ теперь.

— Далеко ты шолъ?

— Далекій и утомительный путь, отвѣчалъ незнакомецъ, качая головою.—Длинный, длинный путь. Я наткнулся палкою на бадью вашего колодца — не окажете ли милости пожаловать мнѣ глотокъ воды, миледи?

Digitized by Google

— Зачѣмъ называешь ты меня лэди? возразила она.— Я такая же нищая, какъ ты.

— Рѣчь ваша кротка и ласкова: по ней сужу я, отвѣчалъ онъ.— Самое грубое платье и самая тонкая шолковая матерія — равны для меня, если я ихъ не ощупываю. Я не могу судить по вашей одеждѣ.

— Обойдемъ здѣсь, сказалъ Бэрнеби, который вышелъ за дверь садика и стоялъ уже подлѣ него.—Дай-ка мнѣ свою руку. Такъ ты слѣпъ и всегда въ потьмахъ, а? Страшно тебѣ въ-потёмкахъ? Видишь ты теперь кучи рожъ? Видишь, какъ онѣ кривляются и болтаютъ языками, а?

— Ахъ! отвѣчалъ тотъ: — ничего не вижу. Ни во снѣ, ни на яву, ничего...

Бэрнеби съ любопытствомъ поглядѣлъ на его глаза и пощупалъ ихъ пальцами, какъ дѣлаютъ любопытныя дѣти; потомъ повелъ его домой.

— Ты прошелъ порядочную дорогу, сказала вдова, встрѣтившая его у двери:—какъ ты попалъ такъ далеко?

— Нужда и привычка хорошіе учители, слыхалъ я,— самые лучшіе, какіе есть, отвѣчалъ слѣпой, садясь на стулъ, къ которому подвелъ его Бэрнеби, и положа палку со шляпою на красный кирпичный полъ.—Дай Богъ, чтобъ ни вы, ни сынъ вашъ не попали къ нимъ въ школу. Они жестокіе мастера.

— Ты сбился съ большой дороги, сказала вдова сострадательно.

— Не мудрено, не мудрено, отвѣчалъ слѣпой со вздохомъ и вмѣстѣ съ какою-то усмѣшкою на лицѣ:—очень можетъ статься. Путеуказатели и версты нѣмы для меня, разумѣется. Тѣмъ больше благодарю васъ за отдыхъ и за освѣжительный напитокъ!

Съ этими словами онъ поднесъ ко рту кружку съ водою. Вода была прозрачна, холодна и чиста какъ перлъ, но не по его вкусу, или жажда его была не очень велика, потому-что онъ только обмочилъ губы и опять поставилъ кружку на столъ.

Онъ носилъ, на длинномъ ремнѣ на шеѣ, родъ дорожной сумы или чемодана, для поклажи съѣстныхъ припасовъ. Вдова предложила ему кусокъ хлѣба и сыра, но онъ поблагодарилъ, сказавъ, что по милости благотворительныхъ христіанъ уже ѣлъ разъ сегодня и не голоденъ. Потомъ открылъ онъ свой чемоданъ и вынулъ оттуда нѣсколько пенсовъ, составлявшихъ, по видимому, все, что тамъ было.

— Смѣю ли попросить, сказалъ онъ, оборачиваясь въ ту сторону, гдѣ стоялъ и смотрѣлъ Бэрнеби:— чтобъ кто-нибудь, кого Богъ благословилъ даромъ зрѣнія, купилъ мнѣ на эти деньги хлѣба на дорогу? Да пошлетъ Господь свою милость молодымъ ногамъ, которыя потрудятся помочь такому безпомощному человѣку, какъ слѣпой!

Бэрнеби взглянулъ на мать, которая кивнула ему въ знакъ согласія;

Digitized by Google

въ ту же минуту онъ вышелъ исполнить свое благотворительное дѣло. Слѣпой сидѣлъ и внимательно слушалъ, пока вдова ужь давно перестала слышать отдаленные шаги Бэрнеби, потомъ сказалъ вдругъ, совершенно-измѣнившимся голосомъ:

— Бываютъ вѣдь разныя степени и роды слѣпоты, вдовушка. Есть супружеская слѣпота, сударыня, которую вы, можетъ-быть, знаете по собственному опыту, родъ упрямой, самой себѣ завязывающей глаза слѣпоты. Есть слѣпота партій, сударыня, и публичныхъ людей, похожая на слѣпоту дикаго вола, который попалъ середь полка одѣтыхъ въ красное платье солдатъ. Есть слѣпая довѣрчивость молодости, похожая на слѣпоту маленькихъ котятъ, у которыхъ глаза еще не проглянули на свѣтъ; есть и физическая слѣпота, сударыня, которой я, противъ воли, отличный образецъ. Сюда, сударыня, принадлежитъ также та слѣпота разума, которой примѣръ видимъ на вашемъ любезномъ сынкѣ, и въ которую иногда проникаетъ лучъ свѣта, такъ, что ей нельзя довѣрять столько, какъ совершеннымъ потьмамъ. Потому-то, я и взялъ смѣлость отослать его прочь на короткое время, чтобъ намъ, между-тѣмъ, можно было поговорить,—и какъ эта осторожность происходитъ отъ моего нѣжнаго вниманія къ вамъ, то я знаю, вы меня извините...

Произнесши съ разными кривляньями эту рѣчь, онъ вытащилъ изъ-подъ кафтана плоскую глиняную фляжку, и, взявъ пробку въ зубы, налилъ оттуда хорошую порцію джину въ свою кружку съ водою. Онъ былъ столько учтивъ, что опорожнилъ кружку за здоровье ея и женщинъ вообще, потомъ поставилъ кружку на столъ и чмокнулъ губами съ необыкновеннымъ наслажденіемъ.

— Я гражданинъ свѣта, сударыня, сказалъ слѣпой, затыкая фляжку: — и если вамъ покажется, можетъ-быть, что я веду себя слишкомъ-вольно, такъ это только свѣтская манера. Вы вѣрно не знаете, кто я таковъ, сударыня, и что привело меня сюда. Моя опытность и знаніе людей говоритъ мнѣ это, хотъ я и не вижу глазами, не могу читать въ вашихъ женскихъ чертахъ, что происходитъ у васъ въ душѣ. Тотчасъ удовлетворю вашему любопытству; тотчасъ, сударыня. Съ этими словами онъ постучалъ по широкой спинкѣ своей фляги, спряталъ ее по-прежнему подъ кафтанъ, положилъ одну ногу на другую, и сѣлъ съ сложенными руками въ кресло прежде, чѣмъ сталъ продолжать.

Перемѣна въ его поведеніи произошла такъ нечаянно; лукавая, беззаботная, спокойная наружность его была такъ поразительна при его слѣпотѣ—мы привыкли въ людяхъ, утратившихъ одно изъ пяти чувствъ, полагать на его мѣсто что-то чуть не божеское — и превращеніе это внушило такой страхъ вдовѣ, что она не могла выговорить ни слова.

Digitized by Google

Ожидавъ, по-видимому, какого-нибудь замѣчанія или отвѣта и не дождавшись, посѣтитель опять началъ:

— Сударыня, меня зовутъ Стаггъ. Одинъ мой пріятель, который пять лѣтъ добивался чести встрѣтиться когда-нибудь съ вами, поручилъ мнѣ навѣстить васъ. Мнѣ очень-пріятно шепнуть вамъ на-ухо имя этого джентльмена. Чортъ возьми, сударыня, развѣ вы глухи? Развѣ вы не слышите, что я хотѣлъ бы шепнуть вамъ на-ухо имя моего пріятеля?

— Тебѣ нѣтъ нужды повторять его, сказала вдова, подавляя вздохъ:—очень вижу, отъ кого ты пришелъ.

— Но какъ честный человѣкъ, сударыня, въ словахъ котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія, сказалъ слѣпой, ударивъ себя по груди: — позволяю себѣ сказать, что я *хочу* назвать вамъ имя этого джентльмена. Да, прибавилъ онъ и ловилъ, кажется, своимъ острымъ слухомъ даже движеніе руки ея:—только не громко. Съ вашего позволенія, сударыня, я прошу шепнуть вамъ только одно слово.

Она подошла къ нему и наклонилась. Онъ сказалъ ей что-то на ухо:—ломая руки, внѣ себя, стала она ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Слѣпой преспокойно вынулъ свою фляжку, налилъ себѣ еще стаканъ, по-прежнему спряталъ ее и молча слѣдилъ за собесѣдницею лицомъ, прихлебывая отъ-времени-до-времени.

— Долго же вы не начинаете разговора, вдовушка, сказалъ онъ, погодя немного и поставивъ стаканъ.—Намъ прійдется говорить при вашемъ сынѣ.

— Что жь мнѣ дѣлать? отвѣчала она.—Чего вы хотите отъ меня?

— Мы бѣдны, вдовушка, мы бѣдны, возразилъ онъ, протянувъ правую руку и черта пальцемъ по ладони лѣвой, будто дѣлая выкладку.

— Бѣдны! вскричала она.—А я развѣ не то же?

— Сравненія никуда не годятся, сказалъ слѣпой.—Я не знаю, мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла. Я говорю только, *мы* бѣдны. Пріятель мой въ самомъ тѣсномъ положеніи, я также. Мы вступимъ въ свои права, вдовушка, или пусть ихъ купятъ у насъ. Но вѣдь вамъ это такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ; къ чему же говорить больше?

Она продолжала ходить въ безпамятствѣ; наконецъ, вдругъ остановилась передъ нимъ и сказала:

— Онъ здѣсь не подалеку?

— Да. Близёхонько.

— Я пропала!

— Не пропали, вдовушка, сказалъ спокойно слѣпой: — а только найдены. Велите его позвать?

— Ни за что въ свѣтѣ! воскликнула она съ трепетомъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ онъ и опять положилъ ногу на ногу.—Какъ

Digitized by Google

вамъ угодно, вдовушка. Присутствіе его не необходимо, сколько я знаю. Но намъ съ нимъ обоимъ надо жить; чтобъ жить, подобно есть и пить; чтобъ есть и пить, нужны деньги:—больше я ничего не скажу.

— Знаешь ли ты, какъ я бѣдна? возразила вдова. — Я думаю, ты не знаешь и не можешь этого знать. Еслибъ ты не былъ слѣпъ и оглядѣлся вокругъ себя въ этой хижинѣ, ты пожалѣлъ бы меня. О! вспомни свое собственное несчастіе, другъ, и имѣй какое-нибудь состраданіе къ моему.

Слѣпой щолкнулъ пальцами и отвѣчалъ:

—Это не йдетъ къ дѣлу, сударыня, не йдетъ къ дѣлу. У меня самое нѣжное, самое доброе сердце, да я не могу имъ прожить. Многіе, славно-живущіе слабою головою, нашли бы, что сердце такого жь рода вездѣ было бъ имъ помѣхою. Мы толкуемъ о серьёзномъ дѣлѣ, съ которымъ состраданіе и чувства не имѣютъ ничего общаго. Какъ другъ той и другой стороны, я желалъ бы уладить, если можно, дѣло ко взаимному удовольствію; вотъ о чемъ я говорю. Если вы очень бѣдны, въ этомъ виноваты вы одни. У васъ есть пріятели, которые всегда готовы помогать вамъ въ крайности. Другъ мой въ положеніи гораздо-худшемъ и тѣснѣйшемъ, чѣмъ большая часть людей, а какъ вы запутаны въ общее съ нимъ дѣло, то онъ, конечно, надѣется, что вы ему пособите. Онъ долго жилъ и ѣлъ у меня (потому-что, какъ я сказалъ, у меня доброе сердце) и я очень одобряю, что онъ такого мнѣнія. У васъ всегда была кровля; онъ всегда былъ безпріютенъ и безкровенъ. Вы имѣете сына въ подпору и утѣшеніе; у него нѣтъ никого. Не всѣ выгоды должны быть на одной сторонѣ. Вы сидите въ той же лодкѣ и грузъ надобно намъ раздѣлить немножко поравнѣе.

Она хотѣла-было говорить, но онъ предупредилъ ее и продолжалъ:

— Единственный способъ на это сбирать по-временамъ небольшой кошелекъ для нашего пріятеля; такъ я вамъ и совѣтовалъ бы сдѣлать. Онъ васъ не безпокоитъ, какъ мнѣ извѣстно, сударыня; такъ не безпокоитъ, что хоть вы не разъ жестоко обходились съ нимъ и даже, могу сказать, выталкивали его за дверь, онъ до-сихъ-поръ столько внимателенъ къ вамъ, что еслибъ вы его еще разъ обманули, онъ охотно готовъ взять на свое попеченіе вашего сына и сдѣлать изъ него человѣка.

Послѣднія слова произнесъ онъ съ особеннымъ удареніемъ и замолчалъ, будто выжидая, какое дѣйствіе произведутъ они. Она отвѣчала только слезами.

— Мальчикъ на все бы годился, сказалъ слѣпой, разсуждая самъ съ собою.—Да, кажется, онъ и не прочь попытать счастья въ нѣко-

Digitized by Google

торой перемѣнъ положенія, сколько могу судить по тому, что я слышалъ отъ него сегодня вечеромъ.—Ну, такъ однимъ словомъ, пріятелю моему крайне нужны двадцать фунтовъ. Вы вѣдь можете добыть годовое содержаніе, такъ можете собрать и эту сумму. Жаль, если прійдется васъ потревожить. Вы, кажется, очень покойно устроились, а остаться въ такомъ покоѣ стоитъ денегъ. Двадцать фунтовъ, вдовушка, право, умѣренное требованіе. Вы знаете, къ кому прибѣгнуть за ними; обратная почта привезетъ ихъ вамъ... Двадцать фунтовъ!

Она опять хотѣла отвѣчать, и опять онъ не допустилъ ее промолвить.

— Не торопитесь отвѣчать; послѣ станете жалѣть. Поразмыслите немного. Двадцать фунтовъ... чужихъ денегъ... чего это стоитъ! Посудите хорошенько, я не спѣшу. Настаетъ ночь, и если я не здѣсь ночую, то и не уйду далеко. Двадцать фунтовъ! Подумайте объ этомъ, сударыня, только двадцать минутъ,—по минутѣ на фунтъ; это очень-достаточный срокъ. Я покамѣсть подышу свѣжимъ воздухомъ, который здѣсь такъ тихъ и пріятенъ.

Съ этими словами вышелъ онъ за дверь, взявъ съ собою стулъ. Тамъ сѣлъ онъ подъ широкой живолостью, протянулъ ноги у порога, такъ, что никому нельзя было ни выйдти ни войдти, не будучи имъ замѣчену, вынулъ изъ кармана трубку, кремень и огниво съ трутомъ и сталъ курить. На дворѣ былъ прекрасный вечеръ того времени года, когда сумерки бываютъ всего прелестнѣе. Нѣсколько разъ онъ останавливался, давая разойдтись вьющемуся кружками дыму, и вдыхая сладкій запахъ цвѣтовъ; такимъ образомъ онъ сидѣлъ преспокойно— какъ-будто домикъ былъ его собственное жилище, которымъ онъ безспорно владѣлъ цѣлую жизнь — и ожидалъ отвѣта вдовы и возвращенія Барнеби.

ГЛАВА XLVII.

Когда Барнеби воротился съ хлѣбомъ, видъ набожнаго, стараго странника, курившаго трубку и расположившагося такъ по-домашнему, казалось, поразилъ его; тѣмъ болѣе, что этотъ почтенный человѣкъ, вмѣсто того, чтобъ спрятать кусокъ хлѣба, какъ драгоцѣнность, въ свою сумку, небрежно сунулъ его на столъ и, вытащивъ флягу, пригласилъ Барнеби садиться и выпить.

— Я всегда ношу съ собою немножко крѣпительнаго, сказалъ онъ. — Попробуй-ка. Хорошо?—У Барнеби потемнѣло въ глазахъ, когда онъ закашлялся отъ крѣпкаго напитка и отвѣчалъ:—да.

— Выпей еще каплю, сказалъ слѣпой: — не бойся. Тебѣ, чай, не часто удается попробовать этого, а?

Digitized by Google

— Куда часто! воскликнулъ Барнеби.—Никогда!

— Такъ ты слишкомъ бѣденъ? возразилъ слѣпой со вздохомъ.— Да, это плохо. Матушка твоя, бѣднажка, была бы счастливѣе, еслибъ была побогаче, Барнеби.

— Вотъ, вѣдь и я это ей говорю:—точнехонько это говорилъ я ей сегодня вечеромъ передъ твоимъ приходомъ, когда на небѣ было много золота, сказалъ Барнеби, придвигая ближе къ нему свой стулъ и жадно смотря ему въ лицо. — Скажи-ка мнѣ, пожалуйста, есть ли мнѣ какая дорога къ богатству?

— Дорога? Сотня дорогъ!

— Э, въ-самомъ-дѣлѣ? отвѣчалъ Барнеби.—Ты говоришь правду? Что жъ это за дороги? Нѣтъ, матушка, я только для тебя объ этомъ спрашиваю, не для себя: право, для тебя. Что жъ это за дороги?

Слѣпой съ торжествующею улыбкою оборотилъ лицо туда, гдѣ вдова сидѣла въ жестокомъ разстройствѣ, и отвѣчалъ:

— Ну, сидень не найдетъ этихъ дорогъ, любезный другъ.

— Сидень! воскликнулъ Барнеби, дернувъ его за рукавъ.—Да я вѣдь не сидень. Ты ошибаешься. Я часто выхожу со-двора, прежде чѣмъ взойдетъ солнце, а возвращаюсь, когда оно закатится. Я далеко ужъ въ лѣсу, прежде, чѣмъ дневной свѣтъ доберется до тѣнистыхъ мѣстечекъ, и часто остаюсь еще тамъ, когда ясный мѣсяцъ проглянетъ сквозь вѣтки на другой мѣсяцъ, что живетъ въ водѣ. И когда я хожу, все стараюсь въ травѣ и мху найдти сколько-нибудь тѣхъ мелкихъ денегъ, объ которыхъ она такъ тоскуетъ и ужъ много пролила слезъ. Когда я лежу подъ тѣнью и сплю, я вижу ихъ во-снѣ — вижу, будто вырываю ихъ кучами, и подсматриваю, гдѣ онѣ спрятаны за кустами; вижу, что онѣ блестятъ какъ капли росы на листьяхъ. А найдти все-таки не могу. Скажи, гдѣ ихъ сыскать. Я пошелъ бы, хоть бы надо за этимъ проходить цѣлый годъ, потому-что знаю, она была бы счастливѣе, еслибъ я воротился и принесъ что-нибудь съ собою. Поговоримъ еще. Я готовъ тебя слушать; говори, пожалуй, хоть всю ночь.

Слѣпой тихо ощупалъ Барнеби руками по лицу, и нашедъ, что онъ положилъ локти на столъ, опершись подбородкомъ на обѣ руки, что онъ усердно наклонился и вся наружность его выражала величайшее вниманіе и необыкновенное любопытство, помолчалъ съ минуту, будто желая, чтобъ вдова это замѣтила, и потомъ отвѣчалъ:

— Оно въ свѣтѣ, смѣлый Барнеби, въ веселомъ свѣтѣ; не въ пустынныхъ мѣстахъ, какъ тѣ, гдѣ ты проводишь свое время, а между народомъ, гдѣ есть шумъ и громъ.

— Славно! славно! воскликнулъ Барнеби, потирая руки. — Да! Вотъ это я люблю. Грейфъ тоже любитъ. Это намъ обоимъ по-сердцу. Браво!

Digitized by Google

— Есть такія мѣста, сказалъ слѣпой, какія любитъ молодой человѣкъ, и гдѣ добрый сынъ можетъ сдѣлать для матери, да и для себя сверхъ-того, въ мѣсяцъ больше, чѣмъ здѣсь во всю жизнь — то-есть, если онъ имѣетъ пріятеля, понимаешь, такого человѣка, который помогаетъ ему.

— Слышишь ли, матушка? вскричалъ Бэрнеби, обращаясь къ ней съ восторгомъ.—Не говори мнѣ, пожалуйста, что намъ его не надобно, хоть бы оно блестѣло у насъ подъ ногами. Зачѣмъ же мы объ немъ такъ хлопочемъ? Зачѣмъ ты работаешь съ утра до вечера?

—Разумѣется, сказалъ слѣпой:—разумѣется. А вы все не отвѣчаете, вдовушка? Вы еще не надумались? прибавилъ онъ шопотомъ.

— Я поговорю съ тобою на единѣ, отвѣчала она.

— Положите мнѣ руку на плечо, сказалъ Стэггъ, вставъ изъ-за стола: — и ведите, куда угодно. Не унывай, смѣлый Бэрнеби. Мы еще съ тобою потолкуемъ; ты мнѣ полюбился. Подожди здѣсь, пока я ворочусь.—Ну, пойдемте, вдовушка!

Она вывела его за дверь въ садикъ, гдѣ они остановились.

— Ты ловкій посредникъ, произнесла она, почти задыхаясь:—и достойно представляешь человѣка, который послалъ тебя.

— Скажу ему, что вы это находите, отвѣчалъ Стэггъ.— Онъ васъ уважаетъ, и похвала ваша поставитъ меня, если можно, еще выше въ его мнѣніи. Мы должны пользоваться нашими правами, вдовушка.

— Правами? Знаешь ли ты, сказала она:—что одно мое слово...

— Почему жь вы его давно не скажете? возразилъ слѣпой покойно, послѣ долгой паузы. — Вы думаете, я не знаю, что ваше слово можетъ заставить моего пріятеля проплясать послѣдній танецъ? Да, я знаю это. Что жь дальше? Вы его никогда не вымолвите...

— Ты твердо увѣренъ въ этомъ?

— Вполнѣ, такъ увѣренъ, что совсѣмъ объ этомъ и не поминаю. Я говорю, намъ надо имѣть свои права, либо пусть откупятся отъ насъ. Держитесь крѣпко, или лучше пустите меня назадъ къ моему молодому пріятелю, потому-что мальчикъ нравится мнѣ, и я готовъ научить его, какъ составить себѣ счастіе. Ба! Вамъ не для чего мнѣ говорить, примолвилъ онъ поспѣшно:—я знаю, что вы хотите сказать; вы ужь разъ намекали объ этомъ. Не имѣю ли я какого состраданія къ вашему несчастію, будучи самъ слѣпъ? Нѣтъ, не имѣю. Съ чего вы взяли, что я, ходящій въ-потемкахъ, долженъ быть лучше людей, у которыхъ цѣло зрѣніе—почему, по какому праву? Развѣ рука Божія очевиднѣе въ томъ, что у меня нѣтъ глазъ, нежели въ томъ, что у васъ цѣлы оба глаза? Сумасбродные же вы люди! васъ ужасаетъ, что слѣпой человѣкъ грабитъ, лжетъ или крадетъ; видишь, будто это гораздо непростительнѣе ему, который едва-едва прокари-

Digitized by Google

ливается на пару пфеннинговъ, бросаемыхъ ему на вашихъ людныхъ улицахъ, нежели вамъ, которые можете видѣть, работать и не зависѣть отъ людской сострадательности. Проклятіе на всѣхъ васъ! Вамъ, съ вашими семью чувствами, нужно быть развратными по сердечному влеченію; а мы, у которыхъ ихъ только шесть, должны жить нашимъ несчастіемъ и быть нравственными. Хороша на свѣтѣ справедливость и христіанская любовь богачей къ нищимъ!

Онъ остановился съ минуту, прислушивалсь къ стуку денегъ, зазвенѣвшихъ у нея въ рукѣ.

— Ну? вскричалъ онъ, быстро воротясь на свой прежній тонъ. — Этому бы надобно къ чему-нибудь привести. Такъ что же дѣло-то, вдовушка?

— Отвѣть мнѣ прежде на одинъ вопросъ, возразила она.—Ты сказалъ, что онъ здѣсь неподалеку. Онъ оставилъ Лондонъ?

— Если онъ близко насъ, вдовушка, такъ понятно, кажется, что онъ оставилъ Лондонъ, отвѣчалъ слѣпой.

— Навсегда, я разумѣю? Ты, вѣрно, знаешь...

— Да, навсегда. Правду сказать, вдовушка, жить тамъ дольше было бы для него непріятно. По этой причинѣ, онъ оттуда и ушелъ.

— Послушай, сказала вдова, отсчитывая ему на лавкѣ нѣсколько денегъ.—Считай.

— Шесть, сказалъ слѣпой, послушавъ внимательно.—Только-то?

— Это копилось пять лѣтъ, отвѣчала она.—Шесть гиней.

Онъ протянулъ руку къ одной изъ монетъ; тщательно ощупалъ, попробовалъ зубами, позвенѣлъ ею на скамейкѣ, и кивнулъ вдовѣ, давая знать, что она можетъ удалиться.

— Деньги эти сбирала я и откладывала на случай, если болѣзнь или смерть будетъ угрожать мнѣ разлукою съ сыномъ. Много голода, тяжелой работы и безсонныхъ ночей онѣ стоили мнѣ. Если ты *можешь* ихъ взять—возьми, но съ условіемъ, чтобъ ты сейчасъ же оставилъ это мѣсто и не входилъ больше въ комнату, гдѣ онъ сидитъ, ожидая твоего возвращенія.

— Шесть гиней, сказалъ слѣпой, качая головою: — хоть столько полновѣсныя, какъ только онѣ выбиваются, все еще далеко не двадцать фунтовъ, вдовушка!

— Ты знаешь, что за такой большою суммой мнѣ должно писать въ отдаленную сторону. Для этого, и на то, чтобъ дождаться отвѣта, мнѣ надобно время.

— Два дня, сказалъ Стэггъ.

— Больше.

— Четыре?

— Недѣлю. Приходи опять черезъ недѣлю, въ этомъ же часу, только не въ домъ. Подожди на углу дороги.

Digitized by Google

— Да найду ли я васъ здѣсь? сказалъ слѣпой съ лукавой гримасою.

— Гдѣ жь у меня другое пристанище? Развѣ мало того, что вы сдѣлали меня нищею, что я все свое, съ такимъ трудомъ нажитое имѣніе, пожертвовала для пріобрѣтенія себѣ этого убѣжища?

— Гм! сказалъ слѣпой, подумавъ нѣсколько.—Поверните меня лицомъ къ тому мѣсту, о которомъ вы говорите, и на середину улицы. Это то мѣсто?

— Да.

— Отъ нынѣшняго дня черезъ недѣлю, на закатѣ солнца. Помните же объ этомъ. Покамѣстъ, доброй ночи!

Она не отвѣчала ни слова; онъ также не ждалъ отвѣта и пошелъ медленно прочь; по-временамъ, онъ останавливался и слушалъ, будто освѣдомляясь, не подсматриваетъ ли кто за нимъ. Тѣни ночи быстро спустились на окрестность, и скоро онъ исчезъ во мракѣ. Она же прежде осмотрѣла съ конца на конецъ улицу и удостовѣрилась, что онъ удалился, потомъ уже воротилась въ свою комнату и поспѣшно заперла на-крѣпко окна и двери.

— Матушка! сказалъ Бэрнеби. — Гдѣ же слѣпой?

— Ушолъ.

— Ушолъ! вскричалъ онъ, вскакивая съ мѣста. — Мнѣ еще надо поговорить съ нимъ. Въ какую сторону пошолъ онъ?

— Не знаю, отвѣчала она, обвивъ его руками. — Не выходи нынѣшній вечеръ. На дворѣ ходятъ мертвецы и привидѣнія.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? прошепталъ Бэрнеби въ испугѣ.

— Ни шагу нельзя ступить безопасно. Завтра мы отсюда уйдемъ.

— Отсюда? Изъ этого домика — и изъ садика, матушка!

— Да! Завтра рано по утру, какъ только взойдетъ солнце. Пойдемъ въ Лондонъ, — во всякомъ другомъ городѣ нашли бы наши слѣды, и тогда намъ опять пришлось бы бѣжать и искать новаго пристанища.

Бэрнеби не нужно было долго уговаривать, когда дѣло шло о какой-нибудь перемѣнѣ. Черезъ минуту онъ былъ внѣ-себя отъ радости; то опять горевалъ, что разстанется съ своими друзьями, собаками; то опять радовался; то снова тосковалъ, дугаясь и дѣлая странные вопросы на увѣдомленіе, которымъ она удержала его отъ выхода со двора ночью. Напослѣдокъ, легкомысліе превозмогло въ немъ всѣ другія чувства: онъ легъ спать въ платьѣ, чтобъ завтра быть немедленно готову въ путь, и скоро уснулъ передъ скуднымъ топлянымъ огонькомъ.

Мать не смыкала глазъ, сидѣла подлѣ сына и не спала. Всякое дуновенье вѣтра, казалось слуху ея страшными шагами у двери; то ей чудилось, будто рука шевелитъ задвижку, и тихая лѣтняя ночь

Digitized by Google

превращалась для нея въ ночь ужасовъ. Наконецъ забрежжилъ желанный день. Сдѣлавъ свои небольшія, необходимыя приготовленія къ дорогѣ и помолившись на колѣняхъ со слезами, разбудила она Бэрнеби, который на зовъ ея весело вспрыгнулъ.

Платья тащить ему было очень немного, а носить Грейфа за-спиною была его любимая работа. Когда солнце пролило первые лучи на землю, отворили они дверь своего домика и пустились въ путь. Небо блистало свѣтлой лазурью. Воздухъ былъ свѣжъ и напоенъ тысячью благоуханій. Бэрнеби глядѣлъ на небо и хохоталъ отъ души.

Но это былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ обыкновенно дѣлывалъ далекія странствованія, и одна изъ собакъ — отвратительнѣйшая изъ всѣхъ—подбѣжала и радостно запрыгала вокругъ него. Ему надобно было строгимъ окрикомъ отогнать ее; сердце у него готово было разорваться отъ грусти. Собака побѣжала назадъ, оборачиваясь съ полу-умоляющими, полу-недовѣрчивыми взглядами, опять подошла по ближе и остановилась.

Это была послѣдняя просьба старинаго товарища, вѣрнаго, отвергнутаго друга. Бэрнеби не выдержалъ долѣе и, махнувъ старому товарищу дорогою домой, залился слезами.

— Ахъ, матушка, матушка! какъ будетъ ей грустно, когда она станетъ царапаться у двери, а дверь не отопрется!..

Въ этой мысли было такъ много ума, такъ много привязанности къ дому! У бѣдной женщины навернулись слезы... Она никогдабъ не забыла этого за богатство всего широкаго свѣта.

ГЛАВА XLVIII.

Между безчисленными благодѣяніями, какія небо оказываетъ человѣческому роду, всегда первое мѣсто должна занимать способность находить въ самыхъ тяжкихъ страданіяхъ зерно утѣшенія; важность этой способности основывается на томъ, что она возстановляетъ насъ и поддерживаетъ, когда мы наиболѣе нуждаемся въ поддержкѣ, и на томъ еще, что въ ней, какъ мы имѣемъ причину вѣрить, лежитъ искра божественнаго духа, частица той благости, которая въ самыхъ преступленіяхъ нашихъ открываетъ искупительное свойство, нѣчто такое, что мы даже въ падшемъ нашемъ состояніи имѣемъ общаго съ ангелами, что существовало въ древнія времена и теперь еще пребываетъ долу, по глубокому къ намъ состраданію.

Сколько разъ, дорогою, вспоминала вдова съ признательнымъ сердцемъ, что веселость и любовь къ ней Бэрнеби проистекали именно изъ его нравственнаго состоянія! Сколько разъ думала она, что

Digitized by Google

иначе онъ былъ бы, можетъ-быть, золъ, лукавъ, равнодушенъ, далекъ отъ нея,—даже, можетъ-быть, преступенъ и жестокъ! Сколько разъ имѣла она поводъ находить въ крѣпости, въ простотѣ его природы утѣшеніе и отраду! Слабость ума, которая побуждала его такъ скоро забывать прошедшее, или вспоминать о немъ только въ краткихъ и мгновенныхъ проблескахъ сознанія, также была счастіемъ. Міръ для него былъ исполненъ блаженства; его восхищало каждое дерево, каждая травка и цвѣтокъ, каждая птица, каждое мелкое насѣкомое, которое приносилось къ его ногамъ дыханіемъ лѣтняго вѣтерка. Восторгъ его былъ и ея восторгомъ; и тамъ, гдѣ умное дитя огорчило бы ее, этотъ бѣдный, веселый сумасшедшій, наполнялъ ея сердце тихимъ чувствомъ благодарности.

Денежный запасъ вдовы былъ невеликъ, но изъ суммы, отданной слѣпому, удержала она себѣ одну гинею. Это, съ прибавкою нѣсколькихъ пенсовъ, которые были у ней сверхъ-того, было уже порядочнымъ капиталѣцемъ для двухъ человѣкъ съ ограниченными потребностями. Притомъ же, съ ними былъ Грейфъ; и вмѣсто того, чтобъ размѣнивать гинею, имъ стоило только посадить Грейфа у двери какой-нибудь полпивной лавки, на большой сельской улицѣ, или въ саду лучшихъ гостинницъ, и дюжины людей, которые ничего бъ не дали изъ благотворительности, охотно бросали мелкія монеты, чтобъ дольше позабавиться разговоромъ съ болтливою птицею.

Однажды — они шли медленно и были цѣлую недѣлю въ дорогѣ, хоть имѣли случай проѣхать значительное разстояніе въ каретѣ, или на телегѣ, — Бэрнеби, идучи съ Грейфомъ за спиною, впереди матери, остановился передъ красивою привратническою будкою и попросилъ позволенія пойдти къ большому дому на другомъ концѣ аллеи, чтобъ показывать тамъ своего ворона. Человѣкъ, бывшій въ будкѣ, согласился пустить его и хотѣлъ уже отворить ворота, какъ дюжій джентльменъ, съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ и разгорѣвшимся лицомъ, показывавшимъ, по-видимому, что онъ раненько уже выпилъ, подъѣхалъ къ воротамъ и громкимъ голосомъ, съ гораздо-большимъ числомъ проклятій, чѣмъ, по-видимому, требовало дѣло, велѣлъ отпереть тотчасъ же.

— Кого ты это сюда привелъ? сказалъ господинъ гнѣвно, когда слуга широко растворилъ ворота и сдернулъ шляпу съ головы.—Что это за люди? Эй! ты нищая, что ли?

Вдова съ поклономъ отвѣчала, что они путешественники.

— Бездѣльники, сказалъ джентльменъ: — бездѣльники и бродяги! Хочешь ты познакомиться съ тюрьмою, хочешь, — съ тюрьмою, хочешь попасть въ кандалы, быть высѣченной, а?.. Откуда ты?

Она отвѣчала ему робко и просила не гнѣваться, потому-что они не хотятъ досаждать, и тотчасъ же опять пойдутъ своей дорогою.

Digitized by Google

— Ты вѣрно еще не знаешь, возразилъ онъ: — мы не терпимъ, чтобъ такіе бродяги таскались здѣсь. Знаю, чего тебѣ надо,—бѣлья, что сушится на заборѣ, — куръ и гусей, а? Что у тебя въ корзинѣ, лентяй?

— Грейфъ, Грейфъ, Грейфъ; Грейфъ красавецъ, Грейфъ воръ, Грейфъ плутъ; Грейфъ, Грейфъ, Грейфъ! закричалъ воронъ, котораго Барнеби закрылъ при приближеніи этой важной особы. — Я дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ. Говори, что никогда не умрешь. Ура, бау, вау, вау. Полли, поставь чайникъ на огонь, мы всѣ пьемъ чай.

— Вынь своего бѣса, негодяй, сказалъ джентльменъ: — и покажи мнѣ.

Барнеби, услышавъ такое презрительное воззваніе, вынулъ птицу, но безъ страха и трепета, и посадилъ ее на-земь; едва очутился Грейфъ на землѣ, какъ вытащилъ пробокъ съ пятьдесятъ и началъ плясать; при этомъ смотрѣлъ онъ на джентльмена съ удивительною наглостію, и такъ сильно завертѣлъ голову въ одну сторону, что, казалось, свертитъ ее себѣ тутъ же на мѣстѣ.

Вытаскиванье пробокъ сдѣлало, по видимому, на джентльмена больше впечатлѣнія, нежели разговоры ворона, и конечно, особенно согласовалось съ его наклонностями и умственными дарованіями. Онъ требовалъ-было da capo, но вопреки его диктаторскому приказанію, и не смотря на ласковыя приговорки Барнеби, Грейфъ упорно молчалъ и оставался глухъ ко всѣмъ просьбамъ.

— Снеси его туда, сказалъ джентльменъ, указывая пальцемъ на домъ. Но Грейфъ, замѣтившій тѣлодвиженіе, предупредилъ своего хозяина и запрыгалъ впереди ихъ, хлопая безпрестанно крыльями и крича: «кухарка! кухарка!»

Барнеби и мать его шли по обѣимъ сторонамъ всадника, который время-отъ-времени осматривалъ ихъ гордыми и грубыми взглядами и громовымъ голосомъ произносилъ при случаѣ тотъ или другой вопросъ, которыхъ тонъ столько пугалъ Барнеби, что онъ не находилъ отвѣта и, разумѣется, не отвѣчалъ ни слова. При одномъ изъ такихъ случаевъ, когда джентльменъ уже готовился-было прибѣгнуть къ бичу, вдова тихимъ голосомъ, со слезами на глазахъ осмѣлилась доложить ему, что сынъ ея разстроенъ въ умѣ.

— Сумасшедшій, а? сказалъ джентльменъ, взглянувъ на Барнеби. — Давно ли жь ты помѣшался?

— Она знаетъ, робко отвѣчалъ Барнеби, указывая на мать.—Я — всегда, кажется...

— Съ самаго рожденія, сказала вдова.

— Не вѣрю, ни крошечки не вѣрю! воскликнулъ джентльменъ. — Пустая отговорка, чтобъ не работать. Отъ болѣзни нѣтъ средства лучше кнута. Я бы въ десять минутъ вылѣчилъ его, честное слово!

Digitized by Google

— Богу не угодно было передѣлать его слишкомъ въ двадцать лѣтъ, сэръ, отвѣчала вдова кротко.

— Зачѣмъ же его не запрутъ? Мы довольно платимъ на домы сумасшедшихъ въ каждомъ графствѣ, чортъ ихъ побери. А тебѣ хочется лучше таскать его съ собою, чтобъ возбуждать состраданіе, разумѣется. Да, знаю я васъ!

Человѣкъ этотъ имѣлъ много прозвищъ между своими короткими пріятелями. Одни звали его «деревенскимъ дворяниномъ чистой школы», другіе «прекраснымъ, старымъ деревенскимъ дворяниномъ», или «sporting gentleman», иные «Англичаниномъ стариннаго покроя», или «прямымъ Джономъ Булемъ»; но всѣ сходились въ одномъ пунктѣ, именно: «жаль, что перевелись уже люди, похожіе на него», и какъ уже нѣтъ болѣе людей на него похожихъ, то страна ежедневно больше и больше падаетъ и гибнетъ. Онъ отправлялъ должность мирнаго судьи и умѣлъ чотко подписывать свое имя; по величайшею добродѣтелью его была строгость, которую оказывалъ онъ противъ воровъ дичины; былъ лучшій стрѣлокъ и наѣздникъ, держалъ лучшихъ лошадей и собакъ, могъ ѣсть болѣе-солидныя кушанья и пить болѣе-крѣпкія вина, пьянѣе ложиться въ постель каждый вечеръ и трезвѣе вставать каждое утро, чѣмъ кто-либо другой во всемъ графствѣ. Въ лошадиныхъ статяхъ разумѣлъ онъ толкъ не хуже коновала, въ конюшенной наукѣ превосходилъ своего перваго конюха, а въ обжорствѣ не могъ сравниться съ нимъ ни одинъ боровъ въ его помѣстьѣ. Хоть онъ не имѣлъ ни мѣста, ни голоса въ парламентѣ, однако былъ необыкновеннѣйшій патріотъ и удивительно-приличнo предводительствовалъ своими избирателями. Онъ горячо былъ преданъ церкви, и если ему доводилось давать кому-нибудь мѣсто, онъ не принималъ никого, кто не былъ отличный питухъ, и перворазрядный охотникъ за лисицами. Онъ не вѣрилъ честности ни одного бѣдняка, который умѣлъ читать и писать, и ревновалъ собственную жену (молодую женщину, на которой женился, какъ выражались его друзья, «по старинному, англійскому правилу», чтобъ имѣніе ея отца сочетать съ своимъ), потому-что она обладала этими искусствами въ высшей степени, нежели онъ. Словомъ, Барнеби былъ безумецъ, а Грейфъ тварь, одаренная только грубымъ инстинктомъ, но трудно было рѣшить, что такое былъ этотъ джентльменъ.

Онъ подъѣхалъ къ дверямъ краснваго дома; на крыльцѣ дожидался слуга, который принялъ отъ него лошадь; потомъ вошелъ онъ въ большую залу, которая, при всей обширности, была еще полна паровъ и запаха вчерашняго пьянства. Сюртуки, верховые бичи, узды, шпоры, охотничьи сапоги, и подобная утварь, безпорядочно валялась вокругъ и составляла, вмѣстѣ съ нѣсколькими огромными олень-

Digitized by Google

ими рогами и портретами лошадей и собакъ, главное украшеніе залы.

Онъ бросился въ большія кресла (тутъ, замѣтимъ мимоходомъ, храпѣлъ онъ всю ночь, когда въ глазахъ своихъ почитателей былъ лучшимъ, противъ обыкновенія, «деревенскимъ дворяниномъ») и велѣлъ слугѣ позвать госпожу. Скоро появилась, нѣсколько смущенная (вѣроятно, непривычнымъ приглашеніемъ) дама, которая была гораздо его моложе, весьма нѣжнаго сложенія и, казалось, вела жизнь не слишкомъ счастливую.

— Вотъ! Ты не находишь удовольствія ѣздить съ нами на охоту, какъ слѣдуетъ Англичанкѣ, сказалъ онъ. — Посмотри-ка на это. Авось тебѣ понравится.

Дама усмѣхнулась, сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него и бросила сострадательный взоръ на Барнеби.

— Онъ сумасшедшій, говоритъ эта баба, замѣтилъ джентльменъ, качая головою: — да я не вѣрю.

— Ты мать его? спросила дама.

Вдова отвѣчала: — да.

— Много жь будетъ толку, если ты не станешь спрашивать, сказалъ джентльменъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ. — Разумѣется, она станетъ говорить «да». Вѣроятно, онъ нанятъ ею за столько и столько-то въ день. Ну, начинай же! Пусть выкинетъ какую-нибудь штуку.

Такъ какъ Грейфъ, между-тѣмъ, опять сдѣлался обходителенъ попрежнему, то склонился на ободренія Барнеби повторить свои разныя изреченія и самымъ успѣшнымъ образомъ выказалъ всѣ свои штуки. Откупориванье бутылокъ и «говори, что никогда не умрешь», такъ забавляли джентльмена, что онъ безпрестанно требовалъ этой части представленія da capo, пока наконецъ Грейфъ прыгнулъ въ свою корзину и на-чисто отказался произнести еще хоть слово, какое бъ то ни было. Молодой дамѣ онъ также доставилъ много удовольствія; а окончательное упрямство его до такой степени развеселило ея мужа, что онъ покатился со смѣху и спросилъ о цѣнѣ.

Барнеби смотрѣлъ на него, будто не понимая, что угодно господину. Вѣроятно, онъ точно не понималъ.

— Цѣну его, сказалъ джентльменъ, побрякивая деньгами въ карманѣ: — что ты за него просишь? сколько?

— Онъ непродажный, отвѣчалъ Барнеби, закрывъ поспѣшно корзину и перебросивъ ремень черезъ плечо. — Пойдемъ отсюда, матушка.

— Видишь, какой онъ сумасшедшій, книжница! сказалъ джентльменъ, взглянувъ насмѣшливо на жену. — Онъ умѣетъ торговаться. Что тебѣ за него, старуха?

Digitized by Google

— Онъ всегдашняя забава моего сына, сказала вдова. — Онъ не продажный, сэръ, право нѣтъ.

— Непродажный! воскликнулъ джентльменъ, покраснѣлъ, разгорячился и закричалъ вдесятеро сильнѣе прежняго.—Не продажный!

— Точно такъ, отвѣчала она. — Мы никогда не думали съ нимъ разставаться, сэръ, увѣряю васъ.

Онъ, очевидно, намѣревался дать гнѣвный отвѣтъ, какъ случайно услышалъ нѣсколько словъ, проговоренныхъ женою; потому проворно оборотился и сказалъ:—а? что?

— Намъ нельзя требовать, чтобъ они продали его противъ воли, пролепетала она:—если имъ пріятнѣе оставить его у себя...

— Пріятнѣе оставить у себя! повторилъ онъ.—Этому народу, который шатается по деревнямъ, ища, нѣтъ ли чего сыроворить и спакостничать, пріятно оставить у себя птицу, когда помѣщикъ и мирный судья спрашиваетъ у нихъ о цѣнѣ ея! Старуха-то была въ школѣ. Я знаю. Не смѣй мнѣ говорить *нѣтъ*, заревѣлъ онъ на вдову: — я говорю *да*.

Мать Бэрнеби извинилась, прибавивъ, что тутъ, кажется, нѣтъ преступленія.

— Нѣтъ преступленія! сказалъ джентльменъ. — Нѣтъ никакого преступленія, старая вѣдьма, ни малѣйшаго! Будь здѣсь мой помощникъ, я велѣлъ бы засадить тебя въ кандалы, либо бросить въ тюрьму, чтобъ ты не шлялась и не мошенничала, Цыганка проклятая! Эй, Симонъ, выгони этихъ воровъ, выкинь ихъ на улицу, вонъ ихъ! Вы не хотите продать птицу, а приходите просить милостыни, а? Если они не уберутся сейчасъ же, выпусти на нихъ собакъ...

Они не дожидались дальнѣйшихъ проводовъ, а выбѣжали какъ можно-поспѣшнѣе, оставивъ джентльмена шумѣть одного (потому-что его бѣдная супруга ушла заранѣе), и долго напрасно старались унять Грейфа, который, встревожась шумомъ, откупорилъ такое множество бутылокъ, пока они пробѣгали по аллеѣ, что ихъ достало бы для царушки въ Сити, и безмѣрно, казалось, радовался, что былъ причиною тревоги. Когда они уже добѣжали почти до будки привратника, изъ кустовъ явился еще слуга, какъ-будто для того, чтобъ гнать ихъ; но слуга этотъ сунулъ вдовѣ въ руку крону и шепнувъ, что это отъ госпожи, ласково проводилъ ихъ за ворота.

Когда вдова съ сыномъ, прошедъ нѣсколько миль, остановилась въ трактирѣ и услышала описаніе характера мирнаго судьи въ духѣ его пріятелей, она и не воображала, чтобъ это столь ничтожное обстоятельство могло когда-нибудь имѣть вліяніе на ея будущую участь; но время и опытъ показали ей противное.

— Матушка, сказалъ Бэрнеби, когда они на другой день сидѣли въ извощичьей телегѣ, которая должна была довезти ихъ до мѣста,

Digitized by Google

миль за десять отъ столицы:—вѣдь мы ѣдемъ въ Лондонъ, ты сказала. Найдемъ мы тамъ того слѣпаго?

Она ужь хотѣла-было отвѣтить «сохрани насъ Богъ отъ этого!», но удержалась и сказала только, что не думаетъ этого и зачѣмъ онъ спрашиваетъ?

— Онъ умный человѣкъ, сказалъ Барнеби съ задумчивымъ видомъ. —Хотѣлось бы мнѣ опять его встрѣтить. Да что такое онъ толковалъ про суматоху и толпы людей? Будто золото можно найдти тамъ, гдѣ толкается много людей, а не подъ деревьями и не въ такихъ тихихъ мѣстахъ? Онъ говорилъ объ этомъ, какъ-будто онъ это любитъ. Лондонъ людное мѣсто: я думаю, мы его найдемъ тамъ.

— Да почему жь тебѣ его хочется видѣть, другъ мой? спросила мать.

— Потому, сказалъ Барнеби, пристально взглянувъ на мать:—что онъ мнѣ много разсказывалъ про золото, а вѣдь оно рѣдкая вещь, такая вещь, что ты ни говори, отъ которой бы ты не прочь, я знаю. Еще потому-что онъ такъ странно пришелъ и ушелъ, словно сѣдые старые человѣчки, которые часто ночью подходятъ къ моей постели и говорятъ что-то, чего я не могу припомнить, когда разсвѣтетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что воротится. Удивляюсь, что онъ не сдержалъ слова.

— Но вѣдь прежде ты никогда не думалъ быть богатымъ или знатнымъ, любезный Барнеби. Ты всегда былъ доволенъ своимъ состояніемъ.

Онъ засмѣялся и попросилъ мать сказать это ему еще разъ, потомъ вскричалъ: «Ахъ, да! о, да!» и опять засмѣялся. Тутъ промелькнуло что-то привлекшее его вниманіе, но тотчасъ же и исчезло изъ его сознанія, уступивъ мѣсто другому предмету, который былъ также преходящъ и мимолетенъ.

Но изъ рѣчей его, не разъ возвращавшихся къ тому же предмету въ этотъ и слѣдующій дни, явно было, что посѣщеніе слѣпаго и каждое его слово оставили въ душѣ его глубокое впечатлѣніе. Впервые ли поразила его вниманіе идея богатства, когда онъ, вечеромъ, глядѣлъ на золотистыя облака (а ему часто приходили въ голову образы, возбуждаемые столь отдаленными предметами); или ихъ бѣдная и скудная жизнь уже давно навела на мысль о противоположномъ состояніи; или обстоятельство, что слѣпой шелъ тѣмъ же путемъ, какъ его собственныя мысли, произвело это въ ту минуту; или глубокость впечатлѣнія зависѣла уже отъ-того, что посѣтитель былъ слѣпъ и, слѣдовательно, былъ совершенно-новымъ для него явленіемъ,—ничего этого нельзя было опредѣлить. Мать старалась развѣдать объ этомъ всѣми возможными способами, но тщетно, и Барнеби, вѣроятно, самъ не могъ бы отвѣчать на это.

Она безпокоилась, что онъ коснулся этой струны, но все, что мог-

Digitized by Google

ла она сдѣлать, состояло въ томъ, чтобъ наводить его скорѣе на что-нибудь другое и такимъ образомъ отклонять отъ столь ненавистнаго предмета. Предостерегать сына отъ слѣпаго, внушать къ нему боязнь или подозрѣніе, было бъ только, какъ она опасалась, средствомъ усилить и утвердить его участіе въ старикѣ и желаніе съ нимъ встрѣтиться. Бросаясь въ сумятицу многолюднаго города, она надѣялась избавиться отъ своего страшнаго гонителя и, уѣхавъ далеко, съ наивозможною осторожностью, жить въ спокойной безвѣстности.

Наконецъ пріѣхали они на станцію за десять миль отъ Лондона; тамъ они переночевали, нанявъ на слѣдующій день за бездѣлицу мѣсто въ легкой повозкѣ, которая возвращалась безъ сѣдоковъ и выѣзжала въ пять часовъ утра. Извощикъ былъ аккуратенъ, дорога хороша, только пыльна, отъ-того что погода стояла жаркая, сухая, и въ семь часовъ утра, въ пятницу, 2 іюня 1780 года, они слѣзли съ повозки на Вестминстерскомъ Мосту, простились съ своимъ кучеромъ и одиноко стояли на раскаленной мостовой. Свѣжесть, которою ночь покрываетъ шумныя, людныя улицы, уже снова исчезла, и солнце сіяло необыкновенно свѣтло и знойно.

ГЛАВА XLIX.

Не зная, гдѣ пріютиться на первый разъ; сробѣвъ отъ множества народа, который уже поднялся на ноги,—сѣли наши путники отдохнуть на мосту въ одномъ изъ темныхъ угловъ его. Скоро они увѣрились, что всѣ народныя волны стремились по одному направленію, и что безчисленное множество людей съ необыкновенною поспѣшностью и тревогою переплывало рѣку отъ Миддльсекса на соррійскій берегъ. Эти люди шли большею частію вдвоемъ, втроемъ, много-что вшестеромъ, говорили мало другъ съ другомъ,—многіе казались совершенно нѣмыми; всѣ они торопились впередъ, какъ-будто имѣли въ виду одну общую цѣль.

Съ удивленіемъ замѣтила вдова, что почти каждый человѣкъ въ этой сумятицѣ, смѣло пробѣгавшей мимо, носилъ на шляпѣ своей синюю кокарду; случайно проходившіе, у которыхъ не было кокардъ, боязливо старались, по-видимому, остаться незамѣченными, и вѣжливо уступали первымъ дорогу, чтобъ по-видимому расположить ихъ къ снисхожденію. Впрочемъ, это было весьма-натурально, потому-что носители кокардъ къ обыкновенно-одѣтымъ относились какъ сорокъ или пятьдесятъ къ единицѣ. Ссоръ, однакожь, не было. Синія кокарды бѣжали со всею возможною въ такой суматохѣ скоростью впередъ и старались какъ только могли, опережать одна другую; съ

Digitized by Google

тѣми, кто не принадлежалъ къ нимъ, обмѣнивались они развѣ взглядомъ, а часто и того не дѣлали.

Сначала, потокъ людей ограничивался двумя троттуарами, и только немногіе, попроворнѣе другихъ, шли по проѣзжей улицѣ. Но спустя около получаса, улица совершенно была загромождена толпами, которыя теперь, тѣсно толкая другъ друга и задерживаемыя попадающимися каретами и колясками, двигались медленно и иногда принуждены были останавливаться минутъ на пять или на десять.

Часа черезъ два, масса начала уменьшаться и рѣдѣть, пока наконецъ мостъ опорожнился совершенно; только время-отъ-времени какой-нибудь отсталой, покрытый потомъ и пылью, съ кокардою на шляпѣ и перебросивъ кафтанъ черезъ плечо, пробѣгалъ задыхаясь мимо или останавливался, чтобъ спросить, въ какую сторону прошли его товарищи, и потомъ, будто освѣжившись, спѣшилъ далѣе. Въ этой внезапной безлюдности, которая послѣ шума, за нѣсколько минутъ происходившаго, казалась очень-странною, вдова впервые имѣла случай спросить у старика, сѣвшаго возлѣ нихъ, что значитъ это страшное волненіе въ народѣ.

— Вотъ хорошо! да откуда жь вы пришли, отвѣчалъ онъ:—что не слыхали еще о великомъ союзѣ лорда Джорджа Гордона? Нынѣче день, въ который онъ подаётъ прошеніе противъ католиковъ, благослови его за то, Господи!

— Что жь всѣмъ этимъ людямъ за дѣло до его прошенія? спросила она.

— Что имъ за дѣло до прошенія! возразилъ старикъ. — Да развѣ ты не знаешь? Его превосходительство объявилъ, что онъ вовсе не подастъ прошенія, если по-крайней-мѣрѣ сорокъ тысячь добрыхъ и вѣрныхъ людей не будутъ провожать его до дверей Нижней Палаты? Вотъ толпа, такъ толпа!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, толпа! сказалъ Барнеби. — Слышишь, матушка?

— А тамъ двинется ихъ на смотръ, какъ я слышалъ,—началъ опять старикъ:—еще сто тысячь человѣкъ. О! дайте только срокъ лорду Джорджу! Онъ знаетъ свою силу. Порядочное количество лицъ тамъ, въ тѣхъ трехъ окнахъ насупротивъ, примолвилъ онъ, указывая на Нижнюю Палату, возвышавшуюся за рѣкою; — побѣднѣютъ, когда добрый лордъ Джорджъ тронется сегодня послѣ-обѣда, и подѣломъ. О, да! Дайте только срокъ его превосходительству, дайте только ему срокъ. Онъ знаетъ свое дѣло!.. Такимъ образомъ, лепеча, усмѣхаясь и показывая пальцами, всталъ онъ съ помощью своей палки и побрелъ дальше.

— Матушка! сказалъ Барнеби: — вѣдь это славная суматоха, про которую онъ разсказывалъ. Пойдемъ!

Digitized by Google

— Ужь не туда ли? воскликнула мать.

— Да, туда, отвѣчалъ онъ, дергая ее за рукавъ.—Почему жь нѣтъ! Пойдемъ!

— Ты не знаешь, отвѣчала она:—какихъ они, можетъ-быть, бѣдъ надѣлаютъ, куда тебя увезутъ, чего они хотятъ. Милый Бэрнеби, для меня...

— Для тебя, да, воскликнулъ онъ, ударивъ ее по рукѣ. — Разумѣется! Это для тебя, матушка. Ты помнишь, что слѣпой говорилъ о золотѣ. Вотъ славные-то люди! Пойдемъ! Либо подожди меня здѣсь... Да, да, подожди здѣсь.

Она старалась всѣми силами, какія давала ей боязнь, отклонить его отъ этого намѣренія, но напрасно. Онъ нагнулся застегнуть себѣ пряжку башмака, какъ вдругъ наемная карета быстро промчалась мимо, и голосъ изъ кареты закричалъ кучеру остановиться.

— Молодой человѣкъ! сказалъ оттуда голосъ.

— Кто тамъ? воскликнулъ Бэрнеби, приподнявшись.

— Хочешь это украшеніе? спросилъ незнакомецъ, показывая синюю кокарду.

— Ради Бога, не надо. Прошу васъ, не давайте ему! вскричала вдова.

— Толкуй съ бабою! сказалъ хладнокровно человѣкъ въ каретѣ. — Пусть молодой человѣкъ самъ выбираетъ; онъ ужь не ребенокъ, можетъ и самъ разсуждать, бросивъ твои помочи. Онъ знаетъ, безъ твоихъ подсказовъ, долженъ ли носить знакъ вѣрнаго Англичанина, или нѣтъ.

Трепеща отъ нетерпѣнія, Бэрнеби воскликнулъ:—«Да, да, я хочу его носить!» какъ восклицалъ ужь разъ дюжину. Человѣкъ въ каретѣ бросилъ ему кокарду и сказалъ: «Торопись на поля святаго Джорджа!», потомъ велѣлъ кучеру поскорѣе ѣхать и оставилъ ихъ.

Руки дрожали у Бэрнеби отъ радости, когда онъ какъ умѣлъ прицѣплялъ игрушку къ своей шляпѣ и торопливо отвѣчалъ на слезы и просьбы матери. Въ это время, на противоположной сторонѣ улицы проходили мимо ихъ два джентльмена. Замѣтивъ ихъ и увидѣвъ, чѣмъ занимался Бэрнеби, они остановились, пошептали между собою, оборотились и перешли къ нимъ.

— Что ты тутъ сидишь? сказалъ одинъ изъ нихъ, который былъ одѣтъ въ черное, носилъ длинные, прямые волосы, и держалъ въ рукѣ большую трость.—Зачѣмъ ты не пошелъ вмѣстѣ съ прочими?

— Иду, сэръ, отвѣчалъ Бэрнеби, кончивъ свою работу и съ нѣкоторою гордостью надѣвъ шляпу.—Я какъ-разъ буду тамъ.

— Ты долженъ говорить «милордъ», молодой человѣкъ, когда его превосходительство дѣлаетъ тебѣ честь говорить съ тобою, сказалъ другой джентльменъ тихо и ласково. — Ты видишь лорда Джор-

Digitized by Google

джа Гердона и не узнаёшь его, — а давно бы пора была тебѣ знать его.

— Полно, Гашфордъ, сказалъ лордъ Джорджъ, когда Барнеби опять снялъ шляпу и сдѣлалъ ему низкій поклонъ: — это ничего не значитъ въ такой день, какъ нынѣшній, о которомъ всякій Англичанинъ станетъ вспоминать съ гордостью и удовольствіемъ. Надѣнь шляпу, другъ мой, и ступай за нами; не то, ты отстанешь и опоздаешь. Теперь ужъ слишкомъ десять часовъ. Развѣ ты не зналъ, что собираться назначено было въ десять часовъ?

Барнеби покачалъ головою и смотрѣлъ безсмысленными взорами то на одного, то на другаго джентльмена.

— Ты могъ бы это знать, дружокъ, сказалъ Гашфордъ:—это ясно объявлено. Отъ-чего жь ты не знаешь?

— Онъ не можетъ вамъ на это отвѣчать, сэръ, сказала вдова, вступивъ въ разговоръ.—Вамъ нѣтъ пользы спрашивать его. Мы только нынѣче утромъ пріѣхали издалека изъ деревни и ничего не знаемъ объ этихъ обстоятельствахъ.

— Дѣло пустило глубокіе корни и далеко развѣтвилось, сказалъ лордъ Джорджъ своему секретарю.— Утѣшительная вѣсть. Благодарю за нее Господа.

— Аминь! произнесъ секретарь съ торжествующимъ видомъ.

— Вы не такъ поняли меня, милордъ. Мы ничего не знаемъ объ этихъ дѣлахъ. Мы не имѣемъ ни охоты, ни права принимать участіе въ вашихъ намѣреніяхъ. Это мой сынъ, мой бѣдный, убитый сынъ, который дороже мнѣ собственной жизни. Ради милосердаго Бога, милордъ, ступайте одни и не введите его въ опасность и искушеніе!

— Добрая женщина, сказалъ Гашфордъ:— что̀ это ты! Боже мой! Что ты говоришь! Опасность? искушеніе? Такъ ты думаешь, что его превосходительство рыкающій левъ, который ходитъ и ищетъ, кого бы поглотить? Сохрани Боже!

— Нѣтъ, нѣтъ, милордъ, извините меня, сказала вдова умоляющимъ голосомъ, едва сама зная, что̀ дѣлаетъ и говоритъ, и увлекшись положила обѣ руки ему на грудь:— но есть причины, ради которыхъ вы должны внять моей убѣдительной, материнской просьбѣ и оставить сына при мнѣ. О, оставьте его! Онъ помѣшанъ, ей-Богу помѣшанъ!

— Дурной признакъ испорченности нашего времени, сказалъ лордъ Джорджъ, сильно покрасивѣвъ и сторонясь отъ ея прикосновенія: — тѣ, которые преданы истинѣ и поддерживаютъ правое дѣло, выдаются за сумасшедшихъ. У тебя достаетъ духа сказать это о собственномъ сынѣ, безчеловѣчная мать?

— Удивляюсь тебѣ, сказалъ Гашфордъ съ нѣкоторою строгою кротостью.— Это весьма-печальная картина женской развратности.

Digitized by Google

— Онъ вѣдь, однако, совсѣмъ не похожъ на безумнаго? шепнулъ лордъ Джорджъ, взглянувъ на Бэрнеби, секретарю на ухо. — А еслибъ и былъ похожъ, нельзя же намъ всякую малѣйшую странность принимать за помѣшательство. Кто изъ насъ (тутъ онъ опять покраснѣлъ) уцѣлѣлъ бы, еслибъ существовалъ такой законъ?

— Никто, отвѣчалъ секретарь: — потому-что въ такомъ случаѣ, чѣмъ больше ревность, прямота, талантъ, чѣмъ сильнѣе призваніе небесное, тѣмъ явнѣе было бы помѣшательство. Что касается до этого молодаго человѣка, милордъ, прибавилъ онъ, легко скрививъ губы, при взглядѣ на Бэрнеби, который стоялъ, держа шляпу въ рукѣ и украдкою давая знакъ, чтобъ они шли съ нимъ дальше: — то онъ такъ разуменъ и понятливъ, какъ только можетъ быть человѣкъ.

— А тебѣ хочется принадлежать къ великому братству? сказалъ ему лордъ Джорджъ:—ты ужь рѣшился пристать къ нему, а?

— Да, да, отвѣчалъ Бэрнеби съ сверкающими глазами. — Разумѣется, хочу! Я вѣдь и ей это говорилъ!

— Вижу, возразилъ лордъ Джорджъ, бросивъ укоризненный взоръ на несчастную мать. — Я такъ и думалъ. Ступай за мною и за этимъ господиномъ; желаніе твое исполнится.

Бэрнеби нѣжно поцаловалъ мать въ щеку, попросилъ ее не унывать, потому-что счастье ихъ обоихъ теперь готово устроиться, и сдѣлалъ какъ ему приказано. Бѣдная женщина также пошла за ними въ страхѣ и горести.

Они быстро прошли Мостовую Улицу, гдѣ всѣ лавки были заперты (прохожденіе огромной толпы и ожиданіе ея возвращенія заставили лавочниковъ и мастеровыхъ опасаться за свои товары и окна); всѣ жильцы собрались въ верхніе этажи и смотрѣли внизъ на улицу, съ лицами, выражавшими порознь и попеременно страхъ, участіе, ожиданіе и досаду. Одни одобрительно хлопали въ ладоши, другіе свистали; но лордъ Джорджъ Гордонъ, не обращая ни на что вниманія, ибо шумъ страшной народной толпы какъ ревъ моря раздавался въ его ушахъ на близкомъ разстояніи, — ускорялъ шаги свои и скоро прибылъ на поля св. Джорджа.

Тогда это были настоящія поля, и притомъ довольно обширныя. Тутъ собрались безчисленныя толпы людей, съ знаменами разной фигуры и величины, но одинаковаго цвѣта — синяго какъ и кокарды; нѣкоторыя отдѣленія воинственно ходили взадъ и впередъ, другія построились кругами, четыреугольниками и линіями. Большая часть какъ ходившихъ, такъ и стоявшихъ на мѣстѣ, занималась пѣніемъ псалмовъ и гимновъ. Кто бы это ни выдумалъ, разсчетъ во всякомъ случаѣ былъ хорошъ; ибо шумъ стольнихъ голосовъ потрясалъ у каждаго сердце и оказывалъ на энтузіастовъ удивительное, хотя и непонятное впечатлѣніе.

Digitized by Google

Отъ главнаго корпуса поставлены были передовые караулы, чтобъ возвѣстить прибытіе предводителя. Когда эти патрули воротились, молва бѣглымъ огнемъ проччалась по всему войску, и вслѣдъ за тѣмъ настало мгновеніе мертвой тишины, въ-продолженіе которой толпы были такъ безмолвны и неподвижны, что вѣянье знаменъ бросалось въ глаза и было замѣтно. Потомъ разразились они страшнымъ троекратнымъ воплемъ, который потрясъ воздухъ и прокатился подобно пушечному грому.

— Гашфордъ воскликнулъ лордъ Джорджъ, крѣпко пожимая руку секретаря и говоря столь же одушевленнымъ голосомъ, какъ одушевленны были черты его:—я въ-самомъ-дѣлѣ «призванъ». Сознаю теперь это и чувствую. Я предводитель войска. Еслибъ они въ эту минуту единогласно потребовали вести ихъ на смерть, я сдѣлалъ бы это—да, и охотно палъ бы первый!

— Умилительное зрѣлище! сказалъ секретарь. — Великій день для Англіи и для великаго дѣла. Пріймите, милордъ, поздравленіе, которое приношу я, ничтожный, но преданнѣйшій человѣкъ...

— Что ты дѣлаешь! воскликнулъ его господинъ, схвативъ его за обѣ руки, ибо тотъ показывалъ видъ, будто хочетъ упасть передъ нимъ на колѣни:—не лишай меня спокойствія, любезный Гашфордъ; я нуждаюсь въ спокойствіи для исполненія высокихъ обязанностей въ этотъ знаменитый день... Слезы выступили на глазахъ у бѣднаго джентльмена, когда онъ произносилъ эти слова.—Пойдемъ къ нимъ; намъ надобно найдти въ какомъ-нибудь отрядѣ мѣсто для нашего новаго рекрута. Дай мнѣ руку.

Гашфордъ протянулъ ему свою холодную, осторожную руку, и такимъ образомъ, рука съ рукою, въ сопровожденіи Барнеби и его матери, вмѣшались они въ толпу.

Между-тѣмъ, толпа снова начала петь, и когда предводитель проходилъ по рядамъ ея, напрягала свои голоса до послѣдней крайности. Многіе изъ собравшихся тутъ, поклявшихся до смерти защищать отечественную религію, еще отроду не слыхивали ни одного псальма, ни одного гимна. Но какъ у ребятъ были по-большей-части здоровыя легкія, и какъ они отъ природы любили пѣніе, то подлаживали всякія неблагопристойныя пѣсни или другую гиль, какая кому приходила въ голову, будучи твердо увѣрены, что въ общемъ хорѣ не замѣтятъ этого, и мало заботясь о томъ, еслибъ и было замѣчено. Многія изъ этихъ пѣсенъ пропѣты были лорду Джорджу надъ самыми его ушами; но онъ не зналъ текста и съ обыкновенною величавостью восхищался благочестіемъ своихъ приверженцевъ.

Такъ шли они все далѣе и далѣе, минуя рядъ за рядомъ, обошли окружность круга и всѣ стороны квадрата; но все еще оставалось имъ обозрѣть безчисленное множество рядовъ, четыреугольниковъ и

Digitized by Google

круговъ. Какъ день былъ чрезвычайно-жарокъ и солнце бросало самые знойные лучи на поле, то тѣ, кто несли тяжелыя знамена, начали утомляться и ослабѣвать; большая часть сборища сняла галстухи, разстегнула кафтаны и камзолы, а нѣкоторые, стоявшіе въ центрѣ, бросились, совершенно-изнеможенные отъ необычайнаго жара, который отъ тѣсноты становился, разумѣется, еще несноснѣе, на траву и предлагали все, что имѣли на себѣ, за глотокъ воды. А никто, даже изъ тѣхъ, которые такъ мучились отъ зноя, не покидалъ поля; лордъ Джорджъ, съ котораго потъ катился градомъ, шелъ съ Гашфордомъ все далѣе; Бэрнеби съ матерью не отставалъ отъ нихъ ни на одинъ шагъ.

Они прибыли на конецъ длинной линіи, въ которой было человѣкъ восемь-сотъ, и лордъ Джорджъ повернулъ голову, чтобъ оглядѣться вокругъ, какъ послышался громкій привѣтственный крикъ того особеннаго, полу-задыхающагося тона, какой получаетъ голосъ, когда раздается на открытомъ воздухѣ, среди толпы народа, — и изъ рядовъ выступилъ съ громкимъ хохотомъ человѣкъ, ударивъ своею тяжелою рукою по плечу Бэрнеби.

— Чортъ возьми! воскликнулъ онъ.—Бэрнеби Роджъ! Тебя сто лѣтъ не было видно!

Бэрнеби казалось, что запахъ измятой травы перенесъ его въ прежніе дни игръ, когда онъ былъ ребенкомъ и игрывалъ въ мячикъ на чигуэлльскомъ лугу. Оторопѣлый отъ этого внезапнаго привѣтствія, онъ вытаращилъ глаза на подбѣжавшаго, и едва могъ выговорить: «Какъ! Гогъ!»

— Гогъ! повторилъ тотъ:—да, Гогъ—Гогъ изъ Майскаго-Дерева! Помнишь мою собаку? Она жива еще и узнаетъ тебя, я увѣренъ. Какъ, ты носишь кокарду? Браво! ха, ха, ха!

— Ты, какъ я вижу, знаешь этого молодаго человѣка? сказалъ лордъ Джорджъ.

— Знаю ли я его, милордъ? Какъ свои пять пальцевъ. Капитанъ мой также его знаетъ. Мы всѣ его знаемъ.

— Хочешь взять его къ себѣ въ отрядъ?

— У насъ не будетъ лучше, бодрѣе и проворнѣе человѣка, какъ Бэрнеби Роджъ, отвѣчалъ Гогъ.—Укажите мнѣ кого-нибудь, кто бы сказалъ противное. Ступай сюда, Бэрнеби! Пусть онъ маршируетъ между мною и Денни, милордъ; пусть—прибавилъ онъ и взялъ знамя изъ рукъ одного усталаго молодца, который самъ протянулъ его: —пусть носитъ самое пестрое шолковое знамя въ этой храброй арміи.

—Ради Бога, не надобно!—вскричала вдова, бросившись впередъ. —Бэрнеби... Милордъ... смотрите... чтобъ онъ воротился... Бэрнеби, Бэрнеби!

Digitized by Google

— Женщины въ лагерѣ! вскричалъ Гогъ, ставъ между ними и удерживая ее.—Эй! капитанъ!

— Что тамъ? воскликнулъ Симонъ Тэппертейтъ, подпрыгнувъ къ нему.—Жалоба, что ли?

— Нѣтъ, капитанъ, отвѣчалъ Гогъ, все еще отталкивая ее рукою. —Это противъ всѣхъ порядковъ. Женщины возмущаютъ нашихъ храбрыхъ солдатъ. Командуйте, капитанъ! Они дефилируютъ. Скорѣе!

— Сомкнись! закричалъ Симонъ что-было-мочи. — Равняйся! Маршъ!

Вдова упала на землю; все поле пришло въ движеніе; Барнеби попалъ въ густую толпу людей, и мать уже не видала его болѣе.

ГЛАВА L.

Толпа черни съ самаго начала собранія раздѣлилась на четыре отряда: лондонскій, вестминстерскій, соутверкскій и шотландскій. Такъ какъ каждый изъ этихъ отрядовъ опять подраздѣлялся на разные корпуса, и корпуса эти были разставлены въ видѣ различныхъ фигуръ, то общій порядокъ, кромѣ немногихъ главныхъ лицъ и предводителей, былъ такъ непонятенъ толпѣ, какъ обширный планъ сраженія бываетъ непонятенъ простому солдату на полѣ битвы. Однакожь тутъ была своя метода; ибо въ очень-короткое время, когда они двинулись, масса раздробилась на три большія отдѣленія и была готова перейдти рѣку по различнымъ мостамъ и отдѣльными отрядами явиться передъ Нижнею Палатою.

Во главѣ того отдѣленія, которое по Вестминстерскому Мосту приближалось къ поприщу своихъ подвиговъ, находился лордъ Джорджъ Гордонъ, имѣя по правую руку подлѣ себя Гашфорда и окруженный нѣсколькими архи-негодаями самой презрѣнной наружности, составлявшими родъ его генеральнаго штаба. Начальство надъ второю толпою, которой дорога лежала черезъ Блекфріарсъ, поручено было особому комитету человѣкъ изъ двѣнадцати, между-тѣмъ, какъ третья, которая должна была проходить черезъ Лондонскій Мостъ и по главнымъ улицамъ, чтобъ граждане лучше могли разглядѣть и оцѣнить ея числительную силу и рѣшительныя намѣренія, предводима была Симономъ Тэппертейтомъ (вмѣстѣ съ нѣкоторыми подчиненными офицерами, избранными изъ братства Бульдоговъ), палачомъ Денни, Гогомъ и нѣкоторыми другими.

По отданіи команды, двинулся каждый изъ этихъ большихъ корпусовъ въ назначенную ему улицу и шолъ въ совершенномъ порядкѣ и глубокой тишинѣ. Тотъ, который проходилъ по старому го-

Digitized by Google

роду, столько превосходилъ другихъ числомъ и протяженіемъ, что, когда задніе ряды его тронулись съ мѣста, передніе были уже на четыре англійскія мили впереди, хотя они шли по-трое въ рядъ и плотно слѣдовали другъ за другомъ.

Впереди этой толпы, между Гогомъ и палачомъ, шелъ Бэрнеби. Въ восторгѣ отъ новости своего положенія, онъ забылъ весь остальной міръ; лицо его пылало, глаза сіяли восхищеніемъ; онъ не примѣчалъ тяжести большаго знамени, которое несъ, и только глядѣлъ, какъ оно блистало на солнцѣ, и прислушивался къ его шуму на лѣтнемъ вѣтрѣ. Такъ выступалъ онъ гордый, счастливый, и былъ единственнымъ радостнымъ, беззаботнымъ твореніемъ во всей этой суматохѣ.

— Ну, что ты на это скажешь? спросилъ Гогъ, когда они проходили по загроможденнымъ тѣснотою улицамъ и смотрѣли на окна, набитыя головами зрителей. — Они всѣ выглядываютъ посмотрѣть на наши знамена и флаги? А, Бэрнеби? Не правда ли? Вѣдь ты важнѣе всѣхъ въ нашей кучѣ! Тебѣ достался самый большой флагъ и самый красивый. Никто не сравняется съ Бэрнеби. Глаза всѣхъ смотрятъ на Бэрнеби. Ха, ха, ха!

— Полно шумѣть, братъ, ворчалъ палачъ, поглядывая съ досадою на Бэрнеби.—Надѣюсь, онъ не воображаетъ, что больше нечего дѣлать, какъ только носить этотъ синій лоскутъ подобно мальчишкѣ въ праздничномъ ходу. Готовъ ты драться, а? Я тебѣ говорю, примолвилъ онъ, сурово толкнувъ локтемъ Бэрнеби.—Что ты выпучилъ глаза-то?

Бэрнеби взглянулъ на свое знамя и посмотрѣлъ съ безсмысленнымъ видомъ сперва на спрашивающаго, потомъ на Гога.

— По-твоему онъ не разумѣетъ, сказалъ послѣдній:—Погоди, я ему растолкую. Бэрнеби, старый товарищъ, послушай-ка.

— Слушаю, сказалъ Бэрнеби, робко озираясь:—хотѣлъ бы только увидѣть ее гдѣ-нибудь.

— Кого увидѣть? проворчалъ палачъ.—Надѣюсь, ты не влюбленъ, братъ? Такихъ исторій намъ здѣсь не нужно, понимаешь? Мы знать не хотимъ про любовныя дѣла.

— Какъ бы она обрадовалась, еслибъ посмотрѣла теперь на меня, не правда ли, Гогъ? сказалъ Бэрнеби.—Развѣ не весело бъ ей было, когда бъ она увидѣла меня впереди толпы? Она вскрикнула бы отъ радости, я ужь знаю это. Да гдѣ же она? Какъ нарочно, когда всего красивѣе, она на меня не смотритъ; а что мнѣ за радость, если ея тутъ нѣтъ?

— Что? Что онъ тамъ за дичь несетъ? спросилъ мистеръ Деннисъ съ досадою и величайшимъ презрѣніемъ.—Между нами, кажется, нѣтъ чувствительныхъ молодцовъ?

Digitized by Google

— Не безпокойся, братъ, воскликнулъ Гогъ: — онъ говоритъ про свою мать.

— Про свою... что? спросилъ мастеръ Деннисъ, прибавивъ доброе ругательство.

— Про свою мать.

— Такъ я связался съ этимъ отрядомъ и пошелъ на славный день за тѣмъ, чтобъ слушать, какъ взрослые ребята бредятъ о матеряхъ! ворчалъ мастеръ Деннисъ въ сильномъ негодованіи. — Подумать, что человѣкъ толкуетъ о любовницѣ, ужь довольно гадко, а то еще объ матери! Тутъ его неудовольствіе возрасло до такой степени, что онъ плюнулъ и не сказалъ больше ни слова.

— Барнеби правъ! воскликнулъ Гогъ, помирая со смѣху: — я тоже скажу. Слушай, удалецъ. Если ты здѣсь ея не видишь, такъ это отъ того, что я позаботился о ней и послалъ полдюжины молодцовъ, каждаго съ синимъ знаменемъ (только и вполовину не такимъ красивымъ, какъ у тебя), чтобъ ее въ полномъ парадѣ отвести въ большой домъ, гдѣ вокругъ висятъ яркія золотыя и серебряныя знамена и все, что тебѣ угодно; тамъ станетъ она ждать, пока ты пріѣдешь, и ни въ чемъ не будетъ нуждаться.

— А! сказалъ Барнеби, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ. — Точно? правда? Это весело слышать. Вотъ славно-то! Добрый Гогъ!

— Это еще ничего передъ тѣмъ, что будетъ! ей-Богу! отвѣчалъ Гогъ, мигая Деннису, который смотрѣлъ съ великимъ удивленіемъ на новаго товарища.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, ничего? вскричалъ Барнеби.

— Совершенно ничего, сказалъ Гогъ. — Деньги, дорогія шляпы съ перьями, красные кафтаны съ золотыми шнурками, чудесныя вещи, какія бывали, есть и будутъ когда-нибудь на свѣтѣ, достанутся намъ, если мы будемъ вѣрны тому знатному господину, — добрѣйшему въ свѣтѣ человѣку, — пронесемъ и отстоимъ наши два знамена. Только это намъ и нужно сдѣлать.

— Только это? воскликнулъ Барнеби съ сверкающимъ взоромъ, крѣпче прижавъ свое знамя. — Ну, ужь я ручаюсь, что не дамъ у себя отнять знамя. Ты отдалъ его въ хорошія руки. Ты вѣдь меня знаешь, Гогъ? Ни одинъ человѣкъ не отниметъ его у меня.

— Славно сказано! вскричалъ Гогъ. — Ха, ха, ха! Браво! Да онъ все еще мой старинный, храбрый Барнеби, съ которымъ мы много, много разъ прыгали и лазили вмѣстѣ: — я зналъ, что не ошибся въ Барнеби. Развѣ ты не видишь, дружище, прибавилъ онъ шепотомъ, отбѣжавъ въ другую сторону къ Деннису: — что малый-то дикарь, полусумасшедшій, котораго можно повернуть на что хочешь, если умѣешь взяться за него какъ надобно. Не гляди на его шутовство, — онъ, когда дойдетъ до дѣла, стоитъ дюжины человѣкъ: можешь самъ увѣ-

Digitized by Google

риться, попробуй только съ нимъ побороться. Предоставь ужь его мнѣ, и скоро увидишь, годенъ ли къ чему-нибудь, или нѣтъ.

Мэстеръ Денни принялъ эти объяснительныя замѣчанія со всевозможными киваньями и примигиваніями, и съ той минуты обходился съ Бэрнеби снисходительнѣе. Гогъ значительно прижалъ указательный палецъ къ носу и вернулся на прежнее мѣсто, послѣ чего они продолжали маршировать молча.

Былъ часъ третій по-полудни, когда три огромныя толпы сошлись у Вестминстера, и соединясь въ одну необъятную массу, испустили страшный вопль. Это служило не только возвѣщеніемъ ихъ присутствія, но и сигналомъ для тѣхъ, кому слѣдовало знать, что пора завладѣть дворами обѣихъ палатъ, разными крыльцами, равно какъ и лѣстницами галлерей. На эти-то послѣднія бросились Гогъ и Деннн; Бэрнеби тоже съ ними бросился, отдавъ знамя одному изъ ихъ толпы, остановившемуся съ нимъ у наружной двери.

Такъ-какъ слѣдовавшіе сзади напирали, то волна людей донесла ихъ до дверей галлереи, откуда уже, при всемъ желаніи, нельзя имъ было воротиться, потому-что масса запрудила входы. Обыкновенно, желая изобразить страшную тѣсноту, говорятъ: хоть по головамъ ходи. На этотъ разъ въ-самомъ-дѣлѣ было такъ; человѣкъ, какимъ-нибудь образомъ попадавшійся въ давку, и находившійся въ явной опасности быть замятымъ, вскарабкивался на плеча сосѣда и пробирался по людскимъ головамъ и шапкамъ на открытую улицу; такой путь лежалъ ему вдоль всей длинной галлереи и двухъ лѣстницъ. На улицѣ, впрочемъ, было не просторнѣе; корзина, кинутая на народъ, скакала съ головы на голову, съ плеча на плечо, и перекатывалась такимъ образомъ черезъ всѣхъ, пока наконецъ исчезала, не разу не упавъ между людей и не доставъ до полу.

Черезъ эти-то страшныя толпы черезъ, которыя, безъ сомнѣнія, заключали въ себѣ изрѣдка и нѣсколько честныхъ ревнителей, но по-большой-части, состояли изъ настоящаго отребія и сора Лондона, обильно расположавшагося отъ дурныхъ уголовныхъ законовъ, дурныхъ тюремныхъ учрежденій и наивозможно-скверной полиціи,— принуждены были силою продираться всѣ члены Верхней и Нижней Палаты, которые не имѣли предосторожности заблаговременно быть на своихъ мѣстахъ. Народъ останавливалъ и обдиралъ ихъ кареты, отламывалъ колеса, разбивалъ въ мелкіе куски каретныя окна, отрывалъ дверцы, стаскивалъ кучеровъ, лакеевъ и господъ съ ихъ мѣстъ и катался ихъ по пыли. Лордовъ, депутатовъ и епископскихъ сановниковъ безъ большаго различія лицъ и партій, толкали, рвали и топтали ногами, перекидывали по всѣмъ возможнымъ степенямъ оскорбленія изъ рукъ въ руки, и наконецъ отпускали къ сочленамъ въ такомъ состояніи, что платья ихъ мотались лоскутьями, парики

Digitized by Google

съ косами были сбиты, сами они безъ языка и дыханія, съ ногъ до головы покрыты пудрою, которая кулаками выколочена была изъ волосъ ихъ. Одинъ лордъ такъ долго находился въ рукахъ черни, что перы уже рѣшились и собрались было сдѣлать ін сотроге вылазку для его освобожденія, какъ онъ, къ-счастію, явился среди ихъ, но до того измятый и запачканый, что самые короткіе знакомые насилу узнавали его. Шумъ и волненіе возрастали ежеминутно. Воздухъ гремѣлъ проклятіями, воемъ и отчаянными воплями. Сволочь безъ отдыха неистовствовала и ревѣла, какъ разъяренное чудовище, какимъ и въ-самомъ-дѣлѣ была, и всякое новое буйство, ею дѣлаемое, служило лишь къ увеличенію ея бѣшенства.

Во внутренности палаты, дѣла приняли еще грознѣйшій видъ. Лордъ Джорджъ, передъ которымъ выступалъ человѣкъ, несшій чудовищное прошеніе на носилкахъ по галлереѣ, до двери палаты, гдѣ двое парламентскихъ служителей приняли его и втащили на столъ, чтобъ представить членамъ, — лордъ Джорджъ заранѣе занялъ свое мѣсто, прежде чѣмъ ораторъ успѣлъ прочесть обычную молитву. Какъ проводники его ворвались вмѣстѣ съ нимъ, то галлерея и входы мгновенно наполнились; такимъ образомъ, члены еще разъ были аттакованы не только дорогою на улицахъ, но и внутри самой палаты, между-тѣмъ, какъ суматоха, и внутри и извнѣ, была такъ велика, что желавшіе говорить, не могли разслышать собственныхъ словъ, не только уже посовѣтоваться о наилучшихъ способахъ противъ этой дерзости, и ободрить другъ друга къ мужественному и твердому сопротивленію. Всякій разъ, какъ новоприбывшій членъ съ изорваннымъ платьемъ и растрепанными волосами продирался сквозь тѣсноту въ сѣняхъ, раздавался громкій крикъ торжества; какъ-скоро дверь палаты осторожно полуотворялась, чтобъ впустить его, и можно было бѣгло заглянуть внутрь, мятежники, какъ дикіе звѣри при видѣ добычи, становились еще дичѣ и неистовѣе и рвались ко входу, такъ, что замки и запоры вертѣлись на своихъ петляхъ, и самыя перекладины дрожали.

Посѣтительскую галлерею, находившуюся непосредственно за дверью палаты, велѣно было запереть при первомъ извѣстіи о бунтѣ; въ ней никого и не было: только лордъ Джорджъ садился тамъ по-временамъ, чтобъ удобнѣе добираться до ведущей въ нее лѣстницы и сообщать народу извѣстія о происходившемъ внутри. На этой лѣстницѣ помѣстились — Барнеби, Гогъ и Денни. Она состояла изъ двухъ коротенькихъ, крутыхъ и узкихъ подъемовъ, которые, идя параллельно между собою, приводили черезъ двѣ маленькія двери въ нижній, выходящій на галлерею проходъ. Между ними былъ родъ слухового окна безъ рамы, для пропуска свѣта и воздуха въ лежащій подъ нимъ футовъ на восемнадцать, или на двадцать нижеслѣдующій.

Digitized by Google

На одномъ изъ этихъ маленькихъ подъемовъ, — не на томъ, гдѣ время-отъ-времени появлялся лордъ Джорджъ, а на другомъ — стоялъ Гашфордъ съ своей привычною, уничиженною миною, облокотясь на перила и подпершн голову ладонью. Какъ-скоро онъ сколько-нибудь мѣнялъ это положеніе,—хотя бъ самымъ легкимъ движеніемъ руки, — бунтъ начиналъ возрастать не только вокругъ него, но и внизу въ сѣняхъ, откуда, безъ сомнѣнія, постоянно слѣдилъ за нимъ кто-нибудь, служившій телеграфомъ для прочихъ.

— Тише! вскричалъ Гогъ голосомъ, который громко раздался даже среди суматохи и шума, когда лордъ Джорджъ показался на лѣстницѣ.—Новости! новости отъ милорда!

Шумъ однако не переставалъ до-тѣхъ-поръ, пока не оглянулся Гашфордъ. Тогда вдругъ все затихло, даже въ народѣ, который до того толпился на внѣшнихъ крыльцахъ и на прочихъ лѣстницахъ, что нельзя было ничего ни слышать, ни видѣть, по которому, не смотря на то, знакъ былъ переданъ съ удивительною скоростію.

— Джентльмены, сказалъ лордъ Джорджъ, блѣдный и встревоженный: — надобно быть твердыми. Они говорятъ объ отсрочкѣ, но мы не должны соглашаться ни на какую отсрочку. Они говорятъ, что назначатъ докладъ нашему прошенію въ будущій четвергъ, но мы должны требовать доклада теперь же. Въ эту минуту грозитъ намъ бѣда, но мы должны и будемъ настаивать.

— Должны и будемъ настаивать! повторила толпа. Онъ поклонился при привѣтственныхъ и другихъ крикахъ, ушелъ и тотчасъ снова воротился. Опять крикъ Гашфорда, и опять мертвая тишина.

— Джентльмены, я боюсь, сказалъ онъ этотъ разъ: — мы имѣемъ мало причинъ надѣяться на пособіе парламента. Но мы сами должны пособить своимъ ходатаямъ, мы должны еще держать митингъ, мы должны возложить наше упованіе на промыслъ и онъ благословитъ наши усилія.

Рѣчь эта, нѣсколько умѣреннѣе прежней, была принята не столь благосклонно. Когда шумъ и негодованіе достигли вершины, лордъ опять воротился и извѣстилъ, что тревога распространилась на нѣсколько миль въ окружности, и если король услышитъ о такомъ многолюдномъ собраніи, то онъ не сомнѣвается, что его величество прикажетъ именное повелѣніе: уступить ихъ требованіямъ? такимъ образомъ продолжалъ онъ съ дѣтскою нерѣшительностью, отличавшею всѣ поступки его, говорить и кривляться, какъ вдругъ два господина показались у двери, гдѣ онъ стоялъ, и протѣснились къ нему, выставивъ себя народу, потому-что спустились на одну или на двѣ ступени.

Такая смѣлость удивила толпу. Не менѣе поразило черни, когда

Digitized by Google

одинъ изъ господъ, обратясь къ лорду Джорджу, громкимъ голосомъ, но совершенно-спокойно и хладнокровно сказалъ:

— Потрудитесь, милордъ, сказать этимъ людямъ, что я генералъ Конуэ, о которомъ они услышатъ; что я дѣлаю оппозицію противъ всѣхъ ихъ и вашихъ мѣръ. Я солдатъ, можете вы имъ прибавить, и стану шпагою защищать неприкосновенность этой палаты. Вы видите, милордъ, что члены парламента всѣ вооружены сегодня; вы знаете, что входъ въ палату узокъ и должны также знать, что не одинъ человѣкъ изъ насъ твердо рѣшился защищать этотъ входъ до послѣдней крайности, что многіе изъ вашихъ приверженцевъ падутъ, если будутъ упорствовать въ своемъ домогательствѣ. Подумайте, что вы дѣлаете.

— И я, милордъ Джорджъ, сказалъ другой господинъ, обращаясь къ нему такимъ же образомъ: — и я прошу сказать имъ отъ меня, полковника Гордона, вашего близкаго родственника: если кто-нибудь изъ этой толпы, которой ревъ едва не оглушилъ насъ, переступитъ порогъ Нижней Палаты, то клянусь, что въ ту же самую минуту я вонжу мою шпагу—не ему, а вамъ въ сердце.

Съ этими словами они отошли, обратись лицомъ къ народу, взяли растерявшагося джентльмена подъ-руки, ввели его за собою и затворили дверь, которую тотчасъ заперли и загородили изнутри.

Все это произошло такъ быстро, и храбрый, рѣшительный поступокъ двухъ джентльменовъ,—людей уже не молодыхъ,—подѣйствовалъ такъ значительно, что толпа затрепетала и перекидывалась между собою нерѣшительными, робкими взглядами. Многіе старались выбраться за ворота; нѣкоторые изъ самыхъ трусливыхъ кричали, что всего благоразумнѣе вернуться домой, и просили стоявшихъ позади посторониться; словомъ, паническій страхъ и смущеніе стремительно возрастали, какъ Гашфордъ шепнулъ что-то на ухо Гогу.

— Что это! заревѣлъ Гогъ черни.—Зачѣмъ уходить? Гдѣ же вамъ приличнѣе мѣсто, какъ не здѣсь, ребята? Хорошій прыжокъ къ этимъ дверямъ, да внизъ — и дѣло кончено. Маршъ! Трусы могутъ отступить, а прочіе пусть смотрятъ, кто первый махнетъ черезъ порогъ. Люди! Смотрите!

Не тратя ни минуты, онъ стремглавъ кинулся по периламъ внизъ и спрыгнулъ. Едва успѣлъ онъ стать на землю, какъ Барнеби очутился уже подлѣ него. Члены палаты, произнесшіе и заключившіе народъ извѣстись, удалились; обѣ толпы ринулись съ громкимъ крикомъ къ дверямъ и не-на-шутку осадили палату.

Въ ту минуту, когда вторичное нападеніе столкнуло было мятежниковъ съ тѣми, которые внутри приготовились къ защитѣ, при чемъ надлежало ожидать большаго ущерба въ людяхъ и сильнаго кровопролитія,—задніе вдругъ отступили, и изъ устъ въ уста пронеслась

Digitized by Google

вѣсть, что водою посланъ ботъ за солдатами, которые ужь строятся по улицѣ. Испуганные, что на нихъ нападутъ въ узкихъ проходахъ, куда они такъ тѣсно набились, они столь же стремительно бросились вонъ, какъ прежде бросились туда. Такъ-какъ вся толпа поспѣшно кинулась назадъ, то увлекла съ собою Гога и Бэрнеби; возясь и барахтаясь, попирая ногами упавшихъ и сами будучи попираемы въ свою очередь, бунтовщики высыпали съ ними на открытую улицу, куда поспѣшно прибылъ сильный отрядъ гвардіи, пѣшей и конной, и такъ скоро очищалъ передъ собою дорогу, что народъ будто таялъ передъ каждымъ его шагомъ.

—Стой! раздалась команда, и солдаты стройно вытянулись по улицѣ; бунтовщики, усталые и замученные отъ послѣдняго напряженія, также построились довольно-безпорядочно. Командующій офицеръ проворно прискакалъ на опорожненное мѣсто между двумя толпами, сопровождаемый магистратскимъ членомъ и чиновникомъ Нижней Палаты, въ угодность которымъ спѣшились два кавалериста. Законъ о возмущеніи былъ прочитанъ, но никто не трогался съ мѣста.

Въ самомъ переднемъ ряду инсургентовъ стояли Гогъ и Бэрнеби, одинъ подлѣ другаго. Послѣднему, когда онъ выбѣгалъ на улицу, кто-то воткнулъ въ руку драгоцѣнное знамя, и теперь, когда онъ, обернувъ его около древка и держа въ рукѣ, приготовился защищаться, оно казалось огромною дубиною. Если кто-нибудь вѣрилъ отъ всего сердца и отъ всей души, что сражается за правое дѣло и обязанъ до послѣдней крайности оставаться вѣренъ своему предводителю,—то безъ сомнѣнія это былъ Бэрнеби.

Послѣ тщетной попытки быть выслушану, магистратскій членъ далъ знакъ — и конные гвардейцы поскакали на толпу. Но и послѣ того онъ продолжалъ скакать въ разныя стороны, уговаривая народъ разойдтись; и хотя тяжелые камни полетѣли въ солдатъ и нѣкоторыхъ жестоко поранили, однакожь имъ данъ былъ приказъ хватать только самыхъ упорныхъ бунтовщиковъ и прогонять народъ саблями плашмя. Толпа на многихъ пунктахъ отступила передъ конницею, и гвардейцы, пользуясь выгодною минутою, дѣлали быстрые успѣхи, какъ два или три человѣка, отрѣзанные отъ товарищей тѣснящимся вокругъ народомъ, поскакали прямо на Бэрнеби и Гога, которые, безъ сомнѣнія, были замѣчены, потому-что двое только спрыгнули въ сѣни; они пробирались теперь съ нѣкоторымъ успѣхомъ къ Бэрнеби и Гогу и нанесли нѣсколько легкихъ ранъ тѣмъ, кто шумнѣе прочихъ загораживалъ имъ дорогу.

При видѣ расцарапанныхъ и окровавленныхъ лицъ, на-минуту выникавшихъ изъ толпы и потомъ снова исчезавшихъ въ тѣснотѣ, Бэрнеби блѣднѣлъ и чувствовалъ дурноту. Но онъ удерживалъ свой постъ, прижималъ еще крѣпче шестъ свой, пристально глядя на при-

Digitized by Google

ближающагося солдата, нивалъ ему головою, между-тѣмъ, какъ Гогъ съ угрюмымъ видомъ шепталъ ему что-то на-ухо.

Солдатъ подвигался ближе и ставилъ на-дыбы свою лошадь всякій разъ, какъ народъ тѣснился около него, грозя обрубить ему руки, хватавшіяся за узду и оттаскивавшія назадъ его лошадь, и зовя между-тѣмъ за собою товарищей, — а Барнеби все еще стоялъ и не отступалъ ни на пядень. Нѣкоторые кричали ему, чтобъ онъ бѣжалъ, другіе сомкнулись около него, чтобъ онъ не былъ захваченъ, какъ вдругъ древко полетѣло черезъ всѣ головы и въ минуту лошадь осталась безъ сѣдока.

Тогда они съ Гогомъ обратили тылъ и побѣжали; толпа разступилась, пропуская ихъ, и опять сомкнулась также скоро, чтобъ погоня была невозможна. Задыхаясь, пыхтя, вспотѣлые, запыленные и истощенные усталостью, они невредимо достигли берега, бросились со всевозможною поспѣшностью въ лодку и скоро были внѣ опасности.

Скользя по рѣкѣ, они услышали одобрительный крикъ народа, и подумавъ, что солдаты обращены въ бѣгство, положили на-минуту весла, въ нерѣшимости, воротиться имъ, или нѣтъ. Но толпы, побѣжавшія черезъ Вестминстерскій-Мостъ, скоро увѣрили ихъ въ противномъ, и Гогъ справедливо полагалъ, что одобрительный крикъ раздался въ честь магистратскому члену, который, вѣроятно, обѣщалъ народу остановить солдатъ, съ условіемъ, если они тотчасъ же разойдутся по домамъ, и что они съ Барнеби безопаснѣе тамъ, гдѣ были. Потому онъ совѣтовалъ грести на Блэкфріарсъ, причалить тамъ у моста и потомъ посмотрѣть, какъ лучше пробраться въ харчевню, гдѣ не только есть хорошее угощеніе и безопасный пріютъ, но гдѣ они встрѣтятъ и многихъ изъ своихъ товарищей. Барнеби согласился, и они начали грести въ Блэкфріарсъ.

Они вышли на землю въ критическую минуту и еще, по-счастію для нихъ, во-время. Пришедъ по Флитстритъ, они увидѣли все въ чрезвычайной тревогѣ, и, спросивъ о причинѣ, услышали, что сейчасъ проскакалъ отрядъ гвардейскихъ кавалеристовъ съ нѣсколькими плѣнниками, которыхъ они везли въ Ньюгетъ. Имъ отнюдь не было непріятно, что они такъ удачно избѣжали опасности; потому они не стали больше тратить времени на вопросы, а поспѣшили въ харчевню такъ скоро, какъ признали за лучшее Гогъ, чтобъ только не броситься никому въ глаза и не обратить на себя вниманія публики больше, нежели имъ того хотѣлось.

ГЛАВА LI.

Барнеби и Гогъ были изъ первыхъ между добравшимися до харчевни; скоро пришло по-одиначкѣ нѣсколько человѣкъ, принадлежав-

Digitized by Google

шихъ къ собранію того дня. Между ними находились также Симонъ Тэппертейтъ и мастеръ Деннисъ, которые оба, особенно послѣдній, съ большимъ усердіемъ и множествомъ комплиментовъ поздравляли Бэрнеби съ оказанною имъ храбростью.

— И теперь еще весело мнѣ, какъ вспомню, сказалъ Деннисъ, поставя свою тяжелую дубину съ повѣшенною на ней шляпою въ уголъ и садясь къ нимъ за столъ.—То-то было дѣло! А ни къ чему не повело. Я ужь и не знаю, что будетъ. Въ нынѣшнемъ народѣ нѣтъ никакого духа. Подайте чего нибудь закусить и выпить. Мнѣ тошно отъ человѣчества.

— Почему же? спросилъ мастеръ Тэппертейтъ, который уже освѣжилъ свое разгорѣвшееся лицо кружкою въ полгаллона.—Развѣ ты не считаешь этого за доброе начало, мастеръ?

— Докажите мнѣ только, что оно не конецъ, возразилъ палачъ.—Когда солдатъ свалился, мы могли бы весь Лондонъ сдѣлать нашимъ, такъ нѣтъ,—мы стоимъ-себѣ, зѣваемъ да глядимъ. Мирный судья (чтобъ ему по ядру въ каждый глазъ, какъ и досталось бы, еслибъ было по-моему) говоритъ: «Друзья, дайте мнѣ слово, что вы разойдетесь, такъ я отошлю солдатъ прочь»; вотъ наши ребята и закричали ура, бросили выигранную-было игру съ отличными картами, и побрели, словно стая ученыхъ пуделей, — прямые пудели. Да что тутъ! прибавилъ онъ съ видомъ глубокаго негодованія: — мнѣ надо красить за моихъ братьевъ—людей. Право, лучшебъ я родился быкомъ!

— Кажется, у тебя тогда былъ бы именно такой прекрасный характеръ, какъ теперь, отвѣчалъ Симонъ Тэппертейтъ, и гордо вышелъ вонъ.

— Напрасно думаешь такъ, пріятель, вскричалъ палачъ ему вслѣдъ:—будь я въ эту минуту звѣремъ съ рогами и имѣй при этомъ хоть каплю ума, я поднялъ бы на рога все общество, кромѣ развѣ двоихъ, — онъ разумѣлъ Гога и Бэреби: — они храбро вели себя нынѣче.

Послѣ этого прискорбнаго воспоминанія о происшествіяхъ дня, Деннисъ искалъ утѣшенія въ холодной жареной говядинѣ и пивѣ, но не смягчая сердитаго и недовольнаго выраженія лица, котораго угрюмость еще больше оживилась пріятнымъ на него вліяніемъ обѣда.

Оскорбленное общество могло бы отмстить за себя рѣзкими словами, если не ударами, но оно устало, утомилось. Большая часть собесѣдниковъ съ утра постилась; всѣ чрезвычайно пострадали отъ необыкновеннаго жара; а отъ сильнаго крика, тревоги и напряженія дня многіе такъ ослабѣли, что почти не могли ни говорить, ни держаться на ногахъ. Сверхъ-того, они были въ нерѣшимости, что имъ

Digitized by Google

начать, опасались слѣдствій того, что уже случилось, и видѣли, что они ни въ чемъ не успѣли, даже повредили положенію своего великаго дѣла. Изъ тѣхъ, которые еще собрались въ харчевню, многіе черезъ часъ уже одумались; настоящіе честные и прямые люди ушли, чтобъ послѣ однажды-сдѣланнаго опыта никогда не возвращаться и не имѣть ни малѣйшаго сношенія съ своими новыми товарищами. Другіе оставались только для того, чтобъ отдохнуть, и потомъ съ отчаяніемъ отправлялись домой; иные, бывшіе доселѣ постоянными гостями, навсегда прекратили свои посѣщенія. Изъ полудюжины арестантовъ, которыхъ кавалеристы свезли въ Ньюгетъ, полиція сдѣлала по-крайней-мѣрѣ полсотни, и пріятели ихъ, въ теперешнемъ своемъ трезвомъ состояніи, такъ повѣсили крылья передъ этими неутѣшительными извѣстіями, что уже часовъ около восьми вечера, Денни, Гогъ и Барнеби одни сидѣли въ харчевнѣ. Они крѣпко заснули на лавкахъ, какъ были разбужены приходомъ Гашфорда.

— О! Такъ вы здѣсь? сказалъ секретарь.—Боже мой!

— Вотъ еще! да гдѣ же намъ быть, мастеръ Гашфордъ? возразилъ Денни, садясь на лавкѣ.

— Нигдѣ, нигдѣ, отвѣчалъ тотъ чрезвычайно-ласково. — Улицы полны синими кокардами. Я думалъ-было, что вы тоже тамъ, и очень-радъ, что вы здѣсь.

— А вы принесли намъ, вѣрно, приказанія, мастеръ? сказалъ Гогъ.

— Нѣтъ, избави Боже. Я... ничего... Никакихъ приказаній, мой другъ. Что у меня за приказанія? Вѣдь вы не у меня въ службѣ...

— Мастеръ Гашфордъ, сказалъ съ упрекомъ Денни: — мы однако принадлежимъ къ дѣлу, или нѣтъ?

— Дѣло! повторилъ секретарь, смотря на него разсѣянно.—Дѣла никакого нѣтъ: дѣло проиграно.

— Проиграно!

— Да, да. Вѣдь вы, я думаю, слышали? Прошеніе отвергнуто большинствомъ ста-девяносто-двухъ голосовъ противъ шести. Все рѣшено. Мы могли бы и не хлопотать столько по-пустякамъ; это обстоятельство и огорченіе милорда — единственные предметы, о которыхъ я сожалѣю. Всѣмъ прочимъ я доволенъ.

Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана перочинный ножикъ, и положивъ шляпу на колѣни, началъ спарывать синюю кокарду, которую носилъ цѣлый день; при этомъ напѣвалъ онъ мелодію псалма, бывшаго въ тотъ день въ большомъ ходу, и останавливался на ней съ тихою горестью.

Двое приверженцевъ его смотрѣли то другъ на друга, то на него, и затруднялись продолженіемъ разговора. Наконецъ Гогъ, перемя-

Digitized by Google

гнувшись и перетолкнувшись локтями съ мэстеромъ Деннн, осмѣлился прервать Гашфорда и спросить, почему онъ не хочетъ оставить этой ленты на шляпѣ.

— Потому, сказалъ секретарь, смотря на него насмѣшливо: — потому-что глупо было бы носить ее и сидѣть на мѣстѣ, или носить ее и спать, или носить ее и бѣжать прочь. Вотъ и все тутъ, другъ мой.

— Да что же намъ-то прикажете дѣлать, мэстеръ? сказалъ Гогъ.

— Ничего, отвѣчалъ Гашфордъ, пожавъ плечами: — ничего. Когда милордъ терпѣлъ упреки и угрозы за то, что держалъ вашу сторону, тогда бы я, какъ благоразумный человѣкъ, хотѣлъ, чтобъ вы ничего не дѣлали. Когда одинъ изъ васъ былъ поваленъ дерзкою рукою, и я видѣлъ смущеніе и страхъ на всѣхъ вашихъ лицахъ, я хотѣлъ бы, чтобъ вы ничего не дѣлали — словомъ, чтобъ вы поступали такъ, какъ поступили. Вотъ сидитъ молодой человѣкъ, который показалъ такъ мало благоразумія и такъ много отваги. Ахъ! я боюсь за него.

— Боитесь, мэстеръ? воскликнулъ Гогъ.

— Боитесь, мэстеръ Гашфордъ? повторилъ Деннн.

— Да, въ случаѣ, еслибъ завтра вышла прокламація, которая назначила бы пятьсотъ фунтовъ или тому-подобную бездѣлку за его голову; въ случаѣ, еслибъ туда же причислили кого-нибудь, кто спрыгнулъ съ лѣстницы въ сѣни, сказалъ Гашфордъ хладнокровно. — Ничего не надо дѣлать!

— Чортъ побери, мэстеръ! вскричалъ Гогъ, вскочивъ съ мѣста. — Что жь мы такое сдѣлали, что вы такъ стали говорить съ нами?

— Ничего, отвѣчалъ Гашфордъ съ усмѣшкою. — Если тебя посадятъ въ тюрьму; если этотъ молодой человѣкъ (тутъ пристально посмотрѣлъ онъ на внимательно-слушавшаго Бэрнеби) будетъ отнятъ у насъ и друзей своихъ, оторванъ, можетъ-быть, отъ людей, которыхъ онъ любитъ, и которыхъ его смерть свела бы въ могилу; если онъ будетъ брошенъ въ тюрьму, выведенъ и повѣшенъ передъ вашими глазами, все-таки ничего не надобно дѣлать! Вѣрно, вы найдете, что это лучшая политика...

— Пойдемъ! вскричалъ Гогъ, бросившись къ двери. — Деннн! Бэрнеби! пойдемъ!

— Куда? Что ты хочешь дѣлать? сказалъ Гашфордъ, опередивъ его и загородивъ собою дверь.

— Куда? Мы хотимъ дѣлать что бъ то ни было! вскричалъ Гогъ.

— Посторонитесь, мэстеръ, а не то мы выпрыгнемъ въ окно. Пустите!

— Ха, ха, ха! У тебя такой... такой бѣшеный характеръ, сказалъ Гашфордъ, который вдругъ перешелъ къ самой дружеской шутливо-

Digitized by Google

ста и заговорилъ по-братски:—что ты за раздражительное созданіе?.. Вѣдь ты однако выпьешь со мною, прежде чѣмъ пойдешь?

— О, да... разумѣется! захрюкалъ Денни, утирая рукавомъ свое жадное рыло.—Не горячись, братъ. Выпей съ мэстеромъ Гашфордомъ!

Гогъ отеръ потъ съ лица и улыбнулся. Лукавый секретарь помиралъ со смѣху.

— Водки сюда! Скорѣе, а то вѣдь онъ не остынетъ! Онъ такъ отчаянно горячъ! сказалъ ловкій секретарь, которому Денни, всевозможными ковыньями и ругательствами, шепотомъ отдавалъ полную справедливость. — Если онъ разъ взбѣсился, его ужь ни за что не удержишь!

Гогъ поднялъ свою жилистую руку и сказалъ, хлопнувъ Барнеби по спинѣ, что бояться нѣчего. Они потрясли руки другъ другу: бѣдный Барнеби вполнѣ былъ увѣренъ, что принадлежитъ къ числу добродѣтельнѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ героевъ въ свѣтѣ,—и Гашфордъ опять засмѣялся.

— Я слышалъ, сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, стоя между ними съ большой кружкой джина и наливая ихъ рюмки такъ проворно и такъ часто, какъ только имъ хотѣлось: — и слышалъ, — не могу впрочемъ сказать, правда это или нѣтъ, — что люди, которые шатаются по улицамъ сегодня вечеромъ, не прочь бы разломать одну или двѣ римско-католическія капеллы, и что имъ не достаетъ только предводителей. Слышалъ даже названія капеллъ: одна, что въ Док-Стритъ-Линкольнс-Инн-Фильдсѣ, а другая, что въ Уарвикъ-Стрит-Гольден-Скверѣ; да это только такъ, знаешь, носятся слухи... Вѣдь ты, вѣрно, не пойдешь?

— Затѣмъ, чтобъ ничего не дѣлать, мэстеръ, не такъ ли? воскликнулъ Гогъ. — Для насъ съ Барнеби нѣтъ ни веревокъ, ни запоровъ! Надо имъ помочь. Не достаетъ предводителей, вы сказали? Ну, ребята!

— Бѣшеный удалецъ! воскликнулъ секретарь. — Ха, ха, ха! Бодрый, неугомонный, чрезвычайно-горячій дѣтина! Человѣкъ, который...

Не нужно было докончивать фразы, потому-что они были ужь на улицѣ и такъ далеко, что ихъ было и не слышно. Онъ прервалъ свой хохотъ, прислушался, надѣлъ перчатки и, долго ходивъ по пустой комнатѣ взадъ и впередъ съ заложенными на спину руками, направилъ наконецъ шаги изъ центру города и исчезъ въ улицахъ.

Улицы наводнены были людьми всѣхъ сословій, ибо молва о происшествіяхъ того дня возбудила всеобщее вниманіе. Многіе, не имѣвшіе большой охоты выходить со двора, сидѣли у оконъ и дверей, и повсюду былъ одинъ предметъ разговора. Одни разсказыва-

Digitized by Google

ли, что бунтъ совершенно-усмиренъ, другіе увѣряли, что онъ опять вспыхнулъ; нѣкоторые говорили, что лордъ Джорджъ Гордонъ отведенъ подъ сильнымъ карауломъ въ Тоуэръ; иные разсказывали даже о покушеніи на жизнь короля, будто-бы опять высланы солдаты, и въ одной отдаленной части города часъ назадъ слышны были ружейные выстрѣлы. Съ прибывающими сумерками и разсказы эти становились все страшнѣе и таинственнѣе; часто, когда испуганный прохожій пробѣгалъ съ извѣстіемъ, что бунтовщики приближаются и уже не далёко, всѣ двери и окна въ нижнихъ этажахъ наглухо запирались, и поднималась тревога, какъ-будто городу грозило нашествіе непріятеля.

Гашфордъ украдкою бродилъ вездѣ, прислушиваясь ко всему, что можно было услышать, и разсѣвалъ или подтверждалъ тѣ изъ ложныхъ слуховъ, которые годились для его цѣли; въ этомъ неусыпномъ занятіи, доходилъ онъ двадцатый разъ до Гольборна, какъ вдругъ толпа женщинъ и дѣтей пробѣжала вдоль улицы и смутный шумъ безчисленныхъ голосовъ поразилъ слухъ его. Угадавъ по этимъ признакамъ и по зареву, начавшему багровить домы по обѣимъ сторонамъ улицы, дѣйствительное приближеніе своихъ добрыхъ пріятелей, онъ попросилъ у первой растворившейся двери дома пріюта на нѣсколько минутъ, и побѣжалъ съ нѣкоторыми другими въ окошку верхняго этажа, откуда сталъ вмѣстѣ съ ними глядѣть на толпу.

Нѣсколько человѣкъ шли впереди съ факелами, и физіономіи главныхъ лицъ были явственно видимы. Ясно было, что они разрушили зданіе, именно какую-нибудь католическую церковь, потому-что между добычею, которую они несли какъ трофеи, виднѣлись священническія облаченія и церковные сосуды. Покрытые сажею, пылью, известкою и соромъ, въ изорванныхъ платьяхъ и съ растрепанными волосами, съ исцарапанными до крови отъ гвоздей лицами и руками, бѣжали впереди всѣхъ Борнеби, Гогъ и Деннисъ, какъ страшные бѣглецы изъ дома сумасшедшихъ. За ними слѣдовала густая толпа: одни пѣли и торжественно причитали; другіе дрались между собою, или грозили зрителямъ; иные шли съ огромными бревнами, на которыхъ, будто на живыхъ существахъ, истощали еще свое бѣшенство, ломая, корежа ихъ и высоко бросая вверхъ отломленные куски; нѣкоторые были пьяны и не чувствовали ушибовъ, полученныхъ отъ падавшихъ кирпичей, камней и бревенъ: въ серединѣ несли одного на оглобляхъ ставня, покрытаго грязнымъ лоскутомъ,—безчувственную мертвую груду. Толпа промелькнула и исчезла какъ тѣнь страшныхъ лицъ, тамъ-и-сямъ освѣщенныхъ колеблющимся, дымнымъ пламенемъ, какъ призраки демоническихъ головъ съ сверкающими глазами, съ движущимися въ воздухѣ палками и желѣзными полосами,—какъ ужасное наваожденіе, въ которомъ такъ много и вмѣстѣ такъ

Digitized by Google

мало было видно, которое такъ нескончаемо и вмѣстѣ такъ коротко, въ которомъ было такъ много призраковъ, незабвенныхъ уже на цѣлую жизнь, и вмѣстѣ столь многое, чего нельзя было замѣтить въ брежжущемъ полусвѣтѣ.

Когда толпа пронеслась своимъ путемъ разрушенія и неистовства, послышался раздирающій сердце вопль. Куча людей тотчасъ бросилась туда; Гашфордъ, немедленно вышедшій опять на улицу, былъ между ними. Онъ стоялъ съ боку небольшаго сборища и не могъ ни видѣть, ни слышать, что происходило въ серединѣ; но одинъ, занимавшій лучшее мѣсто, сказалъ ему, что это вдова, которая въ числѣ бунтовщиковъ узнала сына.

— Больше ничего? сказалъ секретарь, поворачивая домой. — Хорошо! Кажется, ужь это будетъ немножко-побольше!

ГЛАВА LII.

Какъ ни много обѣщали эти безпорядки въ глазахъ Гашфорда и какъ ни похожи они были на серьёзное дѣло, дальнѣйшихъ успѣховъ, однако, не оказали они въ этотъ вечеръ. Солдаты опять выступили, опять захватили подложены плѣнниковъ, и толпа опять разсѣялась послѣ короткой, некровопролитной стычки. Какъ ни былъ разгорячёнъ и опьянёнъ народъ, однако не переступилъ еще всѣхъ предѣловъ, и несовсѣмъ еще попралъ законъ и правительство. Остатокъ привычнаго уваженія къ установленной обществомъ для собственнаго блага его власти еще сохранился въ немъ, и почувствуй онъ ея силу во-время, Гашфорду пришлось бы горько разочароваться.

Къ полночи улицы были пусты и тихи; за исключеніемъ двухъ мѣстъ города, въ которыхъ видѣлись разрушенныя стѣны и кучи мусора тамъ, гдѣ вечеромъ стояли еще богатыя и красивыя зданія, все было по-прежнему. Самые католики высшаго и средняго сословія, которыхъ много жило въ старомъ городѣ и по предмѣстьямъ, были покойны насательно жизни своей и собственности, и чувствовали только нѣкоторое негодованіе на несправедливость, оказанную имъ уже разграбленіемъ и разрушеніемъ ихъ церквей. Чесная довѣренность къ правительству, подъ защитой котораго жили они столько лѣтъ, и основательная надежда на добрый образъ мыслей и здравый разсудокъ большинства общины, съ которой они, не смотря на религіозныя различія, спокойно находились въ довѣрчивыхъ, мирныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ, успокоивала ихъ, даже среди ужасовъ недавнихъ своеволій, и убѣждала, что тѣ, кто во всемъ, кромѣ имени, были хорошими протестантами, такъ же мало были виновны въ этихъ

Digitized by Google

позорныхъ явленіяхъ, какъ и сами они въ безпрестанномъ употребленіи пытокъ, плахъ, висѣлицъ и мукъ въ правленіе жестокой Маріи.

Часы пробили часъ за-полночь, когда Габріель Уарденъ, съ женою и миссъ Меггсъ, сидѣлъ еще въ маленькой гостиной и ждалъ чего-то. Нагорѣвшія свѣтильни темныхъ, догоравшихъ свѣчъ, глубокая тишина и особливо ночные чепцы госпожи и горничной, были достаточнымъ доказательствомъ, что они давно ужь сбирались лечь въ постель, и что имѣли важную причину такъ долго бодрствовать.

Въ добавокъ ко всему, подтверждающимъ свидѣтельствомъ были также странныя тѣлодвиженія миссъ Меггсъ, которая отъ долгаго бдѣнія пришла въ такое раздражительное и безпокойное состояніе нервной системы, что безпрестанно терла и щипала себѣ носъ и брови, ежеминутно мѣняла положеніе (отъ-того, что въ ея воображеніи на стулѣ то-и-дѣло выростали новые сучья и шишки), безпрерывно покашливала, стонала, охала, судорожно вздрагивала, вздыхала и разными другими манерами обнаруживала свой недугъ, чѣмъ терпѣніе слѣсаря до такой степени терлось и пилилось, что онъ сперва долго смотрѣлъ на нее молча и наконецъ разразился слѣдующей апострофой:

— Меггсъ, ступай пожалуйста спать, моя милая. Право, ты мнѣ больше надоѣла, чѣмъ еслибъ за окошкомъ капали сто бочекъ воды, или столько же мышей скреблось за стѣною. Я не могу этого вытерпѣть. Ступай спать, Меггсъ. Ты, право, окажешь мнѣ большое удовольствіе... Ступай.

— Вы ужь совсѣмъ раздѣлись и вамъ нечего развязывать, сэръ, отвѣчала миссъ Меггсъ:—такъ мнѣ не удивительно, что вы это говорите. Но мистриссъ еще не раздѣта; а пока вы не легли, продолжала она, обращаясь къ слѣсаршѣ:—я не могу идти спать съ спокойною совѣстью, хоть бы эту минуту въ двадцать разъ больше бочекъ холодной воды пробѣгало у меня по спинѣ.

Послѣ этихъ словъ, миссъ Меггсъ начала дѣлать разныя усилія почесать недоставаемое мѣсто спины и дрожала всѣмъ тѣломъ, давая черезъ то разумѣть зрителямъ, что мнимая вода все еще текла по ней, но что чувство долга поддерживало ее во всѣхъ страданіяхъ и подкрѣпляло на терпѣніе.

Мистриссъ Уарденъ слишкомъ клонилъ сонъ, и она не могла говорить: слѣсарю оставалось только сидѣть по возможности смирно и вздыхать.

Но можно ли было сидѣть смирно, имѣя такого василиска передъ глазами? Когда онъ отворачивался, еще несноспѣе было слышать и замѣчать, какъ она терла себѣ щеку, или щипала ухо, или моргала глазами, или строила всевозможныя уродливыя гримасы.

Если она унималась на минуту, то это потому, что либо мога у нея

Digitized by Google

онѣмѣла, либо руку ей кололо, либо судорога сводила ногу, либо какой-нибудь другой страшный недугъ потрясалъ все тѣло. Затихая на короткое время, она съ закрытыми глазами и широко разинутымъ ртомъ сидѣла прямо вытянувшись на стулѣ; потомъ кивала головою и вдругъ останавливалась; потомъ опять кивала нѣсколько больше, и опять останавливалась; потомъ выпрямлялась; потомъ снова кивала, ниже ниже, еще ниже—и наконецъ понемногу совершенно сгибалась, такъ-что, казалось, уже никакъ не можетъ сохранить равновѣсія, и когда слесарь въ смертельномъ ужасѣ уже готовъ былъ вскрикнуть, чтобъ она не ударилась лбомъ и не расшибла себѣ черепа, тогда она вдругъ опять приподнималась и сидѣла съ открытыми глазами, прямо и съ восклицательною миною, дремля и упорствуя, будто хотѣла сказать:—я не смыкала глазъ съ-тѣхъ-поръ, какъ смотрѣла на васъ въ послѣдній разъ!

Напослѣдокъ, когда пробило два часа, постучались въ двери, какъ будто кто-нибудь случайно наткнулся на молотокъ. Меггсъ тотчасъ вспрыгнула и закричала, сплеснувъ руками, и перемѣшивая со сна священное съ несвященнымъ: «Ай Лютеръ, сударыня! Это Симъ стучится.»

— Кто тамъ? сказалъ Габріель.

— Я! воскликнулъ хорошо-знакомый голосъ мэстера Тэппертейта. Габріель отперъ дверь и впустилъ его.

Видъ, въ какомъ предсталъ мэстеръ Тэппертейтъ, былъ очень не величественъ. Люди его роста много терпятъ отъ тѣсноты, и какъ въ событіяхъ истекшаго дня онъ дѣятельно участвовалъ, то нарядъ его съ ногъ до головы былъ растерзанъ въ буквальномъ смыслѣ слова, шляпа утратила всякую форму и башмаки, подобно туфлямъ, стоптались на пяткахъ. Кафтанъ висѣлъ на немъ лоскутьями; пряжекъ ни на колѣнахъ, ни на башмакахъ не было, половины галстуха не оказывалось, и жабо на рубашкѣ изорвано было въ мелкіе клочки. Но не смотря на весь этотъ личный убытокъ, не смотря на то, что отъ усталости и жара онъ былъ очень слабъ и покрытъ такимъ слоемъ пыли и сора, что торчалъ будто въ футлярѣ (настоящаго цвѣта и свойства его кожи и платья не видать было и слѣда), однако онъ гордо вступилъ въ комнату, и тщетно стараясь засунуть руки въ карманы, которые вывороти лись на изнанку и какъ двѣ кисти мотались около ногъ, окинулъ взоромъ угрюмой важности все его окружавшее.

— Симонъ, сказалъ строго слесарь:—что это значитъ, что ты возвращаешься домой такъ поздно и въ такомъ положеніи? Увѣрь меня, что ты не былъ съ бунтовщиками, и я доволенъ.

—Сэръ, отвѣчалъ мэстеръ Тэппертейтъ съ презрительнымъ взглядомъ:—удивляюсь, съ чего вы взяли дѣлать мнѣ такіе вопросы.

— Ты напился?.. сказалъ слесарь.

Digitized by Google

— Какъ общепризнанное правило и въ самомъ оскорбительномъ смыслѣ слова, сэръ, возразилъ подмастерье: — я объявляю васъ лжецомъ. Но въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи вы почтенно... почтенно, сэръ, попали на истину.

— Марта, сказалъ слѣсарь, обращаясь къ женѣ и прискорбно покачавъ головою, между-тѣмъ, какъ улыбка надъ глупою фигурою, стоявшею передъ нимъ, еще играла на его открытомъ лицѣ: — я надѣюсь, окажется, что этотъ бѣдный мальчикъ не былъ жертвою негодяевъ и безумцевъ, за которыхъ мы такъ часто бранивались, и которые сегодня надѣлали столько вреда. Если же онъ былъ нынѣшній вечеръ въ Уарвик-Стритѣ или Дьюк-Стритѣ...

— Онъ нигдѣ не былъ, сэръ, воскликнулъ мэстеръ Таппертейтъ громкимъ голосомъ, который вдругъ перемѣнилъ въ шопотъ, повторивъ съ устремленными на слѣсаря взорами: — онъ нигдѣ не былъ.

— Радуюсь отъ всего сердца, сказалъ слѣсарь серьёзно: — потому что еслибъ онъ былъ тамъ и еслибъ это могло быть на него доказано, Марта, тогда твой великій союзъ сдѣлался бъ для него телегою, которая везетъ людей къ висѣлицѣ и оставляетъ мотаться на воздухѣ. Ей-Богу, такъ!

Мистриссъ Уарденъ была такъ напугана ужасною перемѣною наружности Симона и разсказами о бунтовщикахъ, слышанными ею въ этотъ вечеръ, что не могла отвѣчать что-нибудь мужу или прибѣгнуть къ своей обычной супружеской политикѣ. Миссъ Меггсъ ломала руки и плакала.

— Не былъ онъ въ Дьюк-Стритѣ, не былъ и въ Уарвик-Стритѣ, Габріель Уарденъ, произнесъ Симонъ торжественно: — но въ Вестминстерѣ *онъ былъ*. Можетъ-быть, сэръ, онъ топталъ ногами какого-нибудь депутата графства; можетъ-быть, сэръ, онъ билъ какого-нибудь лорда... Таращите, пожалуй, глаза, сэръ! Повторяю вамъ: кровь текла изъ многихъ носовъ, — и можетъ-быть онъ билъ какого-нибудь лорда. Кто знаетъ? Вотъ, — прибавилъ онъ, засунувъ руку въ жилетный карманъ и вытащивъ оттуда большой зубъ, при видѣ котораго Меггсъ и мистриссъ Уарденъ громко вскричали: — вотъ зубъ изо рта одного епископа. Берегись онъ, Габріель Уарденъ!..

— Ну, лучше бъ я желалъ, проговорилъ поспѣшно слѣсарь: — потерять пять-сотъ фунтовъ, чѣмъ дожить до этого. Знаешь ты, простофиля, въ какой ты опасности?

— Знаю, сэръ, возразилъ подмастерье: — и горжусь этимъ. Я былъ тамъ, всѣ меня видѣли. Я игралъ видную и замѣтную роль. Готовъ ожидать послѣдствій.

Слѣсарь, который теперь не-на-шутку испугался и оскорбился, хо-

Digitized by Google

дилъ молча взадъ и впередъ, поглядывалъ на своего прежняго ученика, наконецъ остановился передъ нимъ и сказалъ:

— Поди лягъ и усни часа два, чтобъ проснуться съ распаяніемъ и поумнѣе. Ты станешь жалѣть о томъ, что сдѣлалъ, и мы попытаемся спасти тебя. Если я разбужу его въ пять часовъ, сказалъ Уарденъ, обратясь быстро къ женѣ:—и если онъ умоется и перемѣнитъ платье, то можетъ незамѣтно пройдти до тоуэрской пристани, а оттуда и дальше съ гравесэндскимъ ботомъ, прежде, чѣмъ его станутъ искать. Оттуда онъ легко можетъ пробраться въ Кэнтэрбёри, гдѣ твой двоюродный братъ дастъ ему работу, пока буря минуетъ. Не знаю навѣрное, хорошо ли я дѣлаю, что избавляю его отъ заслуженнаго наказанія, но онъ прожилъ въ моемъ домѣ двадцать лѣтъ, здѣсь выросъ, и мнѣ было бы жалко, еслибъ его постигъ несчастный конецъ за одинъ этотъ день. Запри дверь, Меггсъ, и не показывай свѣта на улицу, когда пойдешь. Скорѣе, Симонъ! ступай, ступай!

— Такъ вы думаете, сэръ, возразилъ мэстеръ Тэппертейтъ съ протяжною медленностью, которая рѣзко противорѣчила торопливости и серьёзной заботѣ его добродушнаго хозяина:—такъ вы думаете, сэръ, что я такъ трусливъ и низокъ, что пріиму ваше подлое предложеніе?—Вѣроломное чудовище!

— Какъ хочешь, Симъ; только ступай въ постель. Каждая минута дорога. Свѣчку сюда, Меггсъ!

— Да, да, ступай! Ступайте въ постель! воскликнули обѣ женщины вмѣстѣ.

Мэстеръ Тэппертейтъ всталъ, оттолкнулъ стулъ, чтобъ показать, что онъ не нуждается въ опорѣ, и отвѣчалъ, качаясь изъ стороны въ сторону и тряся головою такъ, какъ-будто она не имѣла совершенно никакой связи съ туловищемъ:

— Вы говорили обѣ Меггсъ, сэръ? какую-нибудь Меггсъ вы можете еще унимать...

— О Симмунъ! воскликнула эта молодая дѣвушка слабымъ головомъ.—Сударыня! сэръ! Милосердое небо! Какой ударъ нанесъ онъ моему сердцу!

— Въ этомъ семействѣ вы можете всѣхъ унимать, сэръ, продолжалъ мэстеръ Тэппертейтъ, взглянувъ на нее съ улыбкою невыразимаго презрѣнія:—кромѣ мистриссъ Уарденъ.—Только для нея пришелъ я сюда сегодня, сэръ. Мистриссъ Уарденъ, возьмите этотъ листъ бумаги. Это охранная грамата, сударыня. Она вамъ пригодится.

— Съ этими словами протянулъ онъ во всю длину руки запачканную, измятую записку. Слѣсарь взялъ у него маранье, развернулъ и прочелъ:

Digitized by Google

«Всѣ добрые ревнители нашего дѣла будутъ, надѣюсь, пещись, чтобъ не нанести какого-нибудь вреда ни одному истинному протестанту касательно его блага и собственности. Я увѣренъ, что хозяинъ этого дома вѣрный и достойный ревнитель нашего дѣла.»

«Джорджъ Гордонъ.»

— Что это значитъ? сказалъ слѣсарь съ удивленіемъ.

— Нѣчто такое, что можетъ пригодиться, старикъ, отвѣчалъ подмастерье: —дѣло ужъ окажетъ. Берегите это, и если можете, приложите сюда руку. Напишите мѣломъ «прочь папство» на вашей двери завтра вечеромъ, и каждый вечеръ въ-продолженіе недѣли пишите... довольно.

— Это подлинный документъ, сказалъ слѣсарь: — я гдѣ-то ужъ видѣлъ этотъ почеркъ. Что же тутъ за угроза? Какой чортъ сорвался съ цѣпи?

— Горячій чортъ, отвѣчалъ Симъ: — пламенный, просто бѣшеный чортъ. Не мѣшайте ему; а то вы пропалете, мой баранчикъ. Берегись заранѣе, Габріель Уардепъ. Прощай!

Но тутъ объ женщины загородили ему дорогу, — особливо миссъ Меггсъ, которая бросилась на него съ такимъ жаромъ, что совсѣмъ пригвоздила его къ стѣнѣ, и трогательными словами заклинала его не уходить, пока проспится, одумается и потомъ уже говорить, дать себѣ сперва нѣсколько покоя и потомъ принимать то или другое рѣшеніе.

— Говорю вамъ, возразилъ мастеръ Тэппертейтъ: — что я совершенно рѣшился. Окровавленное отечество зоветъ меня, миссъ! Меггсъ, если ты не посторонишься, я ушибу тебя.

Миссъ Меггсъ все еще не пускала мятежника и громко кричала — но неизвѣстно отъ горести ли или отъ того, что онъ выполнилъ свою угрозу.

— Пусти меня, сказалъ Симонъ, стараясь вырваться изъ ея премудреныхъ, паукообразныхъ объятій. — Я для тебя уже нашелъ постановленія въ наступающей перемѣнѣ общественнаго порядка и думаю удачно тебя пристроить... Видишь ли? Довольна ли ты?

— О, Симмупъ! воскликнула миссъ Меггсъ. — О, возлюбленный Симмупъ! О, сударыня! Что за чувства у меня въ эту горькую минуту!

Чувства эти были, кажется, нѣсколько-бурны; въ борьбѣ уронила она ночной чепчикъ съ головы, стояла на колѣняхъ на полу и представляла забавную выставку синихъ и желтыхъ папильётокъ, мѣстами локоновъ, спурковъ, шпилекъ и Богъ-вѣсть чего еще, задыхаясь, сплескивая руками, возводя глаза къ небу или точнѣе къ по-

Digitized by Google

толку, проливая потоки слезъ и терзаясь разными другими припадками жестокаго душевнаго страданія.

— Я оставляю, сказалъ Симонъ, обращаясь къ своему хозяину, и ни мало не смотря на дѣвственную скорбь Меггсъ: — сундукъ съ вещами на верху. Дѣлайте съ ними, что хотите. Мнѣ ихъ не нужно, я никогда не ворочусь. Ищите себѣ другаго работника, сэръ. Мое дѣло отнынѣ иное. Я работаю на отечество!

— Дѣлай, что хочешь, черезъ два часа, а теперь поди спать, возразилъ слѣсарь, загородивъ ему собою дверь. — Слышишь? Поди спать!

— Слышу и плюю на васъ, Уарденъ, отвѣчалъ Симонъ Тэппертейтъ. — Эту ночь былъ я за-городомъ и выдумалъ предпріятіе, которое приведетъ въ изумленіе и ужасъ вашу замочную душу. Заговоръ требуетъ моей чрезвычайной энергіи. Пустите меня!

— Я тебя брошу объ полъ, если подойдешь къ двери, сказалъ слѣсарь.—Поди спать!

Симонъ не отвѣчалъ ни слова, но собрался сколько могъ съ силами и, уперши голову внизъ, кинулся на своего стараго хозяина. Кружась въ борьбѣ, они очутились въ мастерской и такъ проворно работали руками и ногами, что казались полдюжиною человѣкъ, между-тѣмъ, какъ Меггсъ и мистриссъ Уарденъ кричали за двѣнадцатерыхъ.

Уардену ничего бы не стоило повалить своего прежняго ученика наземь и связать по рукамъ и по ногамъ; но какъ ему было жаль поступить съ нимъ дурно въ теперешнемъ беззащитномъ состояніи, то онъ довольствовался тѣмъ, что отражалъ удары, когда могъ, и не принималъ горячо, когда не могъ, но постоянно загораживалъ ему дверь, надѣясь, что представится благопріятный случай принудить его къ отступленію вверхъ по лѣстницѣ и запереть въ его каморкѣ. Но, увлекшись своимъ добродушіемъ, онъ слишкомъ понадѣялся на слабость противника и забылъ, что пьяные, теряя способность ходить прямо, часто однако могутъ бѣгать. Симонъ выждалъ удобной минуты, и лукаво притворясь, будто отступаетъ, покачнулся неожиданно впередъ, скользнулъ мимо его, быстро отперъ дверь (хорошо зная настоящую пружину въ замкѣ) и ринулся какъ бѣшеная собака на улицу. Слѣсарь стоялъ съ минуту какъ громомъ пораженный; потомъ пустился за нимъ въ погоню.

Погода для бѣганья въ запуски была отличная; въ тишинѣ ночи улицы были пусты и безлюдны, воздухъ прохладенъ, и можно было распознать на большомъ разстояніи бѣгущую впереди фигуру, какъ она улепётывала, преслѣдуемая по пятамъ длинною, худощавою тѣнью. Но одышливый слѣсарь не могъ тягаться съ человѣкомъ сиповыхъ лѣтъ, хотя было время, когда онъ опередилъ бы его

Digitized by Google

шагомъ. Разстояніе между ними быстро возрастало, и когда лучи восходящаго солнца освѣтили Симона въ ту минуту, когда онъ огибалъ дальній уголъ, Габріель Уарденъ прекратилъ погоню и сѣлъ на первое попавшееся ему крыльцо перевести духъ. Между-тѣмъ Симонъ бѣжалъ, не останавливаясь ни разу, съ одинаковою быстротою въ харчевню, гдѣ, какъ онъ зналъ, находились его товарищи и гдѣ всю ночь ждалъ его дружескій караулъ и стоялъ на своемъ посту въ эту минуту, дожидаясь его прибытія.

— Ступай, пожалуй, своею дорогою, Симъ; ступай, сказалъ слесарь, какъ скоро могъ снова говорить.—Я сдѣлалъ для тебя все возможное съ моей стороны, и радъ бы былъ спасти тебя, но, боюсь, петля ужь у тебя на шеѣ.

Произнесши эти слова и въ безутѣшной почти горести покачавъ головою, онъ повернулъ назадъ и скоро воротился домой, гдѣ мистриссъ Уарденъ и вѣрная Меггсъ боязливо ожидали его.

Наконецъ мистриссъ Уарденъ (а слѣдственно, и миссъ Меггсъ) почувствовала тайное опасеніе, что она въ-самомъ-дѣлѣ была не права, что она по своимъ слабымъ силамъ содѣйствовала къ взрыву этихъ безпорядковъ, которыхъ конецъ легко было предвидѣть; что косвеннымъ образомъ была причиною сейчасъ-случившагося явленія и что дѣйствительно теперь очередь слесаря торжествовать и разсыпаться въ упрекахъ. Такъ сильно почувствовала это мистриссъ Уарденъ и въ-слѣдствіе того предстоящія бѣды такъ глубоко запали ей въ душу, что, пока мужъ гнался за убѣжавшимъ подмастерьемъ, она спрятала подъ стулъ красный кирпичный домикъ съ желтою кровлею, чтобъ онъ не подалъ повода возвратиться къ мучительному предмету разговора; теперь она еще больше его закрыла, опустивъ на него подолъ платья.

Но слесарь, возвращаясь домой, думалъ именно объ этомъ предметѣ и, при входѣ въ комнату, не видя домика, тотчасъ спросилъ, гдѣ онъ.

Мистриссъ Уарденъ нѣчего было дѣлать; она принуждена была достать его со слезами и прерывистыми увѣреніями, что... еслибъ она... знала...

— Да, да, сказалъ Уарденъ: — разумѣется, ужь я знаю. Я не хочу попрекать тебя этимъ, моя милая. Но замѣть съ-этихъ-поръ, что всѣ добрыя вещи, когда ихъ обращаютъ на злыя цѣли, бываютъ еще хуже, чѣмъ сами-по-себѣ злыя вещи. Когда женщина развратится, то дѣлается ужь точно развратною. Когда религія попадетъ на ложный путь, то ужь и идетъ этимъ путемъ безостановочно, по той же причинѣ. Ну, да перестанемъ говорить объ этомъ...

Съ этими словами бросилъ онъ красный домикъ на полъ, наступилъ на него ногою и растопталъ въ куски. Полупенсъ, шествіемъ

Digitized by Google

совики и другіе доброхотные вклады попадали оттуда и раскатились во всѣ стороны, но никому не пришло и въ голову дотронуться до нихъ и поднять.

— Это, сказалъ слѣсарь: — дѣло не пропавшее. Молю Бога, чтобъ все, выходящее изъ того же общества, онъ благоволилъ также легко обратить въ добро.

— Вѣдь счастіе, Уарденъ, сказала жена, утирая глаза носовымъ платкомъ: — что, въ случаѣ новыхъ бунтовъ — но я надѣюсь что ихъ уже не будетъ, въ-самомъ-дѣлѣ надѣюсь...

— Я также надѣюсь, моя милая.

— ...Что у насъ, въ случаѣ новыхъ бунтовъ, есть тотъ листъ, что принесъ намъ бѣдный, заблудшійся молодой человѣкъ.

— Да, конечно, сказалъ слѣсарь, быстро обернувшись. — Гдѣ же этотъ листъ?

Мистриссъ Уарденъ стояла какъ пораженная громомъ, когда онъ взялъ его у ней изъ рукъ, изорвалъ въ клочки и бросилъ въ каминъ.

— Ты не хочешь сдѣлать изъ него никакого употребленія!

— Дѣлать изъ него употребленіе! воскликнулъ слѣсарь. — Нѣтъ! Пусть ихъ приходятъ, пусть разоряютъ и жгутъ домъ, я не прибѣгну къ защитѣ ихъ начальника, не стану мѣлить на моей двери ихъ приказанія, хотя бы они задушили меня на моемъ собственномъ порогѣ. Дѣлать изъ него употребленіе! Пусть ихъ пріѣдутъ и сдѣлаютъ, что смогутъ. Первый, кто съ такимъ извѣстіемъ переступитъ мой порогъ, захочетъ быть за сто миль отсюда. А прочимъ потомъ — ихъ воля! Я не сталъ бы отъ нихъ отпрашиваться и откупаться, хотя бы за каждый фунтъ желѣза въ моемъ домѣ получилъ центнеръ золота. Ложись спать, Марта. Я отворю ставни и сяду за работу.

— Такъ рано? сказала жена.

— Да, да, отвѣчалъ слѣсарь весело, — такъ рано. Пусть они пожалуютъ, когда имъ угодно; они не скажутъ, что мы залѣзли въ трущобу и спрятались, какъ-будто боимся пользоваться нашею долею дневнаго свѣта и предоставляемъ его имъ однимъ. Ну, желаю же тебѣ пріятныхъ сновъ, спи покойно!

Онъ еще разъ ласково поцаловалъ жену и просилъ ее не мѣшкать больше, иначе наступитъ пора вставать, прежде, чѣмъ она успѣетъ лечь. Мистриссъ Уарденъ мирно и кротко отправилась на верхъ, въ сопровожденіи Меггсъ, которая, хоть и не много поунятая, не могла не испускать по-временамъ кашля и вздоховъ, или не всплескивать руками отъ удивленія къ отважности мэстера.

Digitized by Google

ГЛАВА LIII.

Народное возмущеніе бываетъ обыкновенно дѣломъ существъ очень-таинственныхъ, особливо въ большомъ городѣ. Немногіе могутъ сказать, откуда оно происходитъ и куда стремится. Столь же незапно, какъ собирается, разсыпается оно, и столь же трудно открыть его источники, какъ источники моря; параллель на этомъ не останавливается, ибо океанъ не такъ прихотливъ и невѣренъ, не такъ страшенъ, безсмысленъ и жестокъ, какъ народное возстаніе.

Люди, которые въ пятницу утромъ надѣлали безпокойствъ въ Вестминстерѣ, а вечеромъ произвели разрушеніе въ Уарвик-Стритѣ и Дюк-Стритѣ, были вообще одни и тѣ же. Исключая случайное приращеніе, какое обыкновенно получаетъ всякое сборище въ городѣ, гдѣ всегда есть толпа праздной и злой сволочи,—въ томъ и другомъ мѣстѣ дѣйствовала одинакая масса. Однако, послѣ обѣда, они разсѣялись по разнымъ направленіямъ, не условливаясь сойдтись опять, безъ опредѣленнаго плана и цѣли и, сколько они знали, въ-самомъ-дѣлѣ безъ надежды на будущее соединеніе.

Въ трактирѣ, который, какъ мы видѣли, составлялъ какъ-бы главную квартиру бунтовщиковъ, не собралось въ этотъ вечеръ и двѣнадцати человѣкъ. Иные спали въ конюшнѣ и пристройкахъ, иные въ трактирной комнатѣ, человѣка два или три въ постеляхъ. Остальные были тамъ, гдѣ обыкновенно бывали дома и жили. Но едвали двадцать человѣкъ изъ лежавшихъ на полѣ, подъ плетнями и въ стогахъ сѣна, или поближе къ теплу кирпичныхъ заводовъ, имѣли привычку спать гдѣ-нибудь иначе, какъ подъ открытымъ небомъ. Что касается до публичныхъ улицъ въ городѣ, то онѣ имѣли свое обыкновенное, ночное населеніе, обычную массу порока и нищеты, — не болѣе.

Однакожь, опытъ одного вечера показалъ отважнымъ главамъ возмущенія, что имъ стояло лишь показаться на улицахъ, чтобъ тотчасъ быть окруженнымъ толпами, которыхъ они могли удерживать вкупѣ только съ большою опасностью, трудомъ и невыгодами, пока не нужна была ихъ непосредственная помощь. Овладѣвъ однажды этимъ секретомъ, они почувствовали себя столь безопасными, какъ-будто двадцать тысячъ человѣкъ, покорныхъ ихъ волѣ, постоянно окружали ихъ, и возъимѣли такую самоувѣренность, какъ-будто бы это было на-самомъ-дѣлѣ. Всю субботу провели они покойно. Въ воскресенье они болѣе любопытствовали, какъ ихъ люди могутъ маршировать и сражаться, и подавать имъ новую надежду на успѣхъ, нежели думали при этомъ продолжать какимъ-нибудь насиліемъ свои прежнія тревоги.

— Надѣюсь однако, сказалъ Денни, съ громкимъ зѣвкомъ припод

Digitized by Google

нимая въ воскресенье свое тѣло съ кучи соломы, служившей ему ночнымъ ложемъ, и обращаясь къ Гогу съ головою, подпертою локтемъ:—надѣюсь, что мэстеръ Гашфордъ дастъ намъ немного покоя? Можетъ-быть, ему бъ хотѣлось видѣть насъ ужь опять за работой, а?

— Не его манера покидать этакое предпріятіе, будь покоенъ, проворчалъ Гогъ въ отвѣтъ. — Только и у меня еще нѣтъ охоты ворочаться съ мѣста. Я одеревенѣлъ какъ мертвецъ, и по всему тѣлу такъ гадко исцарапанъ, будто вчера цѣлый день дрался съ дикими кошками.

— У тебя очень-много энтузіазма, вотъ что̀, сказалъ Денни, глядя съ величайшимъ удивленіемъ на всклоченные волосы, свалявшуюся бороду, разодранныя руки и исцарапанное лицо дикаря, лежавшаго передъ нимъ: — экая отчаянная ты голова! Тебѣ во сто разъ больше достается, нежели нужно, потому-что ты во всемъ хочешь быть первымъ и дѣлать больше, чѣмъ всѣ остальные.

— Что̀ до этого, отвѣчалъ Гогъ, отряхая свои космы и поглядывая на дверь конюшни, въ которой они лежали: — такъ тамъ есть молодецъ, который мнѣ ни въ чемъ не уступитъ. Что̀ я объ немъ говорилъ? Развѣ не говорилъ, что онъ стоитъ цѣлой дюжины, когда ты сомнѣвался на его счетъ?

Мэстеръ Денни прохладно перевернулся и легъ на брюхо, подперши рукою бороду, такъ-что принялъ одинакое съ Гогомъ положеніе и сказалъ, также смотря на дверь конюшни:

— Да, да, ты зналъ его, братъ, ты его зналъ. Вѣдь кто же повѣритъ, если взглянетъ теперь на дѣтину, что онъ такой молодецъ! Не жалко ли, братъ, что онъ, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться натуральнымъ сномъ и подкрѣплять себя на дальнѣйшія усилія въ нашемъ почетномъ дѣлѣ, играетъ въ солдаты, какъ мальчишка? А опрятность-то его! сказалъ мэстеръ Денни, неимѣвшій, конечно, причины сочувствовать человѣку, который такъ заботился объ этомъ предметѣ: — что̀ у него за слабость эта чистоплотность! Нынче въ пять часовъ утра ужь онъ у колодца, а вѣдь всякій подумалъ бы, что онъ вчера порядочно поработалъ, и въ этотъ часъ долженъ спать еще какъ чурбанъ. Такъ нѣтъ, когда я проснулся на минуту или на двѣ, онъ ужь у колодца, и еслибъ ты только видѣлъ, какъ онъ притыкалъ павлиное перо къ шляпѣ, управившись съ умываньемъ. Эхъ! жаль, что это такой несовершенный характеръ; впрочемъ, самые лучшіе изъ насъ также несовершенны въ томъ или въ другомъ.

Предметомъ этой бесѣды и этихъ заключительныхъ замѣчаній, выговоренныхъ тономъ философскаго размышленія, былъ, какъ читатель догадывается, Бэрнеби, который, со знаменемъ въ рукѣ, на солнышкѣ стоялъ на караулѣ у отдаленной двери хлѣва, или хо-

Digitized by Google

дилъ около нея взадъ и впередъ, слегка напѣвая что-то про себя и подлаживая подъ музыку нѣсколькихъ звонкихъ церковныхъ колоколовъ. Стоялъ ли онъ смирно, опершись обѣими руками на жестъ, или, закинувъ флагъ черезъ плечо, медленно ходилъ взадъ и впередъ; тщательная уборка его скуднаго платья и прямая, ловкая осанка показывали, какое высокое понятіе имѣлъ онъ о важности своего поста и какъ надмѣвала она его и радовала. Гогу и его товарищу — онъ, солнечное сіянье и мирные звоны колоколовъ, которымъ онъ вторилъ своимъ пѣніемъ, показались блестящею, орамленною дверьми и оттѣненною темнымъ хлѣвомъ картиною. Цѣлое составляло такую разительную противоположность, когда они на двухъ пукахъ соломы валялись въ своей отверженности и грязи, какъ пара нечистыхъ животныхъ, что они нѣсколько времени смотрѣли безмолвно и чувствовали себя почти пристыженными.

— А! сказалъ наконецъ Гогъ, съ громкимъ смѣхомъ, выходя изъ этого страннаго расположенія! — рѣдкій малый этотъ Бэрнеби, и дѣлаетъ больше всѣхъ насъ, не имѣя нужды такъ много спать, ѣсть и пить. Что же касается до игры въ солдаты, то вѣдь я его поставилъ на часы.

— Такъ, тутъ была цѣль и добрая цѣль, готовъ побожиться, отвѣчалъ Денни, ухмыляясь и сопровождая свои слова выразительнымъ проклятіемъ. — Что же это такое, братъ?

— Ну, вотъ видишь ли, сказалъ Гогъ, подкатываясь поближе: — нашъ благородный капитанъ пришелъ вчера рано домой, порядочно накаченный джиномъ, и какъ мы съ тобою третьяго дня вечеромъ были тоже...

Денни взглянулъ туда, гдѣ Тэппертейтъ тяжело храпѣлъ, свернувшись въ клубокъ на связкѣ сѣна, и кивнулъ головою.

— Нашъ благородный капитанъ, продолжалъ Гогъ, улыбнувшись еще разъ: — нашъ благородный капитанъ и я придумали на завтра знатное дѣло; будетъ хорошая пожива.

— Противъ папистовъ? спросилъ Денни, потирая руки.

— Да, противъ папистовъ, по-крайней-мѣрѣ противъ одного изъ нихъ, съ которымъ у меня и еще у двоихъ нашихъ есть счеты.

— Ужь не пріятель ли это мэстера Гашфорда, о которомъ онъ разсказывалъ у меня дома, а? спросилъ Денни, трепеща отъ радостнаго ожиданія.

— Именно, сказалъ Гогъ.

— Такая ужь тебѣ судьба, воскликнулъ мэстеръ Денни, весело тряся его за руку: — вѣдь настоящая забава. Еслибъ у насъ были только отместки да обиды, да тому подобная матерія, мы вдвое бы шли скорѣе. Вотъ что умно, то умно, право!

Digitized by Google

— Ха, ха, ха! капитанъ, прибавилъ Гогъ: — сбирается подъ-шумокъ увести дѣвушку и... и я тоже.

Мастеръ Деннн принялъ эту часть признанія съ кислой миною, замѣтивъ, что онъ уже вообще по своимъ правиламъ не хочетъ имѣть никакого дѣла съ женщинами; что это ненадежныя, слабодушныя существа, на которыхъ нельзя никогда полагаться навѣрное, и которыя никогда двадцать четыре часа сряду не хотятъ одного и того же. Онъ долго бы и пространно разсуждалъ на эту большую тэму, еслибъ ему не пришло въ голову спросить, какую связь имѣетъ это намѣреніе съ карауломъ Барнеби у двери, на что Гогъ осторожно отвѣчалъ такъ:

— Да вѣдь люди, которыхъ мы замышляемъ навѣстить, были когда-то его друзьями, а я хорошо его знаю и увѣренъ, какъ скоро онъ замѣтитъ, что мы хотимъ сдѣлать имъ что-нибудь дурное, станетъ ужь не за насъ, а за нихъ. За тѣмъ-то я ему натолковалъ (ужь я давно его знаю), что лордъ Джорджъ выбралъ его карауллть это мѣсто въ наше отсутствіе, что это большая честь, и т. д.; вотъ онъ и стоитъ на часахъ и гордъ, будто генералъ. Ха, ха, ха! что теперь скажешь? Отчаянная голова! только смышленый, осторожный человѣкъ...

Мастеръ Деннн разсыпался въ комплиментахъ ему и потомъ спросилъ:

— А что касается до самаго предпріятія...

— Объ этомъ ты узнаешь всѣ подробности отъ меня и отъ самого великаго капитана; видишь, онъ просыпается. Вставай, львиное сердце! Ха, ха! развеселись-ко, да выпей. Опять на собаку, которая тебя укусила, капитанъ! Вели подать себѣ выпить! У меня подъ постелью зарыто довольно золотыхъ кубковъ и серебряныхъ подсвѣчниковъ, прибавилъ онъ, приподнявъ солому и указавъ на свѣжо-разрытую землю:—чтобъ уплатить счетъ, будь тутъ хоть двадцать полныхъ бочекъ. Выпей, капитанъ!

Мастеръ Тэппертейтъ не очень весело принялъ эти совѣты, ибо двѣ пропьянствованныя ночи разслабили ему духъ и тѣло; онъ насилу держался на ногахъ. Съ помощью Гога удалось однако ему доплестись до колодца; напившись вдоволь холодной воды и выливъ обильное количество той же освѣжительной жидкости себѣ на голову и на лицо, онъ велѣлъ подать немного рому и молока, и довольно аппетитно позавтракалъ этого невиннаго напитка съ сыромъ и нѣсколькими сухарями. Потомъ покойно расположился на землѣ подлѣ двухъ своихъ товарищей (завтракавшихъ по своему вкусу) и приготовился увѣдомить мастера Деннн на счетъ завтрашняго намѣренія.

Что разговоръ ихъ былъ интересенъ, можно было судить по его

Digitized by Google

продолжительности и по напряженному вниманію всѣхъ троихъ собесѣдниковъ. Что онъ не имѣлъ тягостно-серьёзнаго характера, а оживленъ былъ разными заключавшимися въ самомъ предметѣ шутками, видно было изъ ихъ частаго, громкаго хохота, который приводилъ въ недоумѣніе Бэрнеби на его постѣ и заставлялъ удивляться ихъ легкомыслію. Но они не приглашали его къ себѣ, пока напились, напились, выспались и поболтали нѣсколько часовъ, то-есть, до тѣхъ-поръ, пока смерклось; тогда сказали они ему, что хотятъ сдѣлать маленькій походъ по улицамъ — только чтобъ занять людей, потому-что тогда былъ воскресный вечеръ и публика иначе обманулась бы; тутъ же прибавили, что онъ можетъ, если хочетъ, идти съ ними.

Безъ малѣйшаго приготовленія, только захвативъ палки и подвивъ свои синія кокарды, выскочили они на улицу, и безъ всякой опредѣленной цѣли, кромѣ того, чтобъ надѣлать какъ-можно-больше безпорядковъ, пустились на-удачу. Какъ число ихъ ежеминутно возрастало, они скоро раздѣлились на толпы и, уговорясь скоро сойтись на мѣстахъ близъ Ульбик-Стрита, отправились въ разныхъ направленіяхъ по городу. При самой большой толпѣ, которая и прирастала всѣхъ скорѣе, находились Гогъ и Бэрнеби. Эта толпа направилась по дорогѣ къ Мурфейльсу, гдѣ стояла богатая капелла, въ сосѣдствѣ которой, какъ они знали, жило также много католическихъ семействъ.

Они начали съ католическихъ частныхъ домовъ и стали разбивать двери и окна; но, ломая всѣ мебели и оставляя однѣ голыя стѣны, искали въ каждомъ углу орудій разрушенія и оружія, молотковъ, кочергъ, топоровъ, пилъ и тому-подобныхъ снарядовъ. Многіе изъ бунтовщиковъ надѣлали себѣ перевязей изъ веревокъ и носовыхъ платковъ и несли на нихъ эти оружія такъ открыто и непринужденно, какъ піонеры въ день сраженія. Въ этотъ вечеръ, не замѣтно было ни малѣйшаго старанія переодѣваться и скрываться, и очень мало было ненависти и раздраженія. Изъ капеллъ уносили они даже алтари, скамейки, налои, церковные стулья и полы; изъ жилыхъ домовъ даже обои и лѣстницы. Эту воскресную вечернюю выходку дѣлали они, какъ простые ремесленники, отправлявшіе извѣстную, положенную имъ работу. Пятьдесятъ рѣшительныхъ человѣкъ могли бы ежеминутно обратить ихъ въ бѣгство; передъ однимъ капральствомъ солдатъ разсѣялись бы они какъ прахъ; но никто не мѣшалъ имъ, никакая власть ихъ не обуздывала и, выключая немногихъ испугавшихся людей, убѣжавшихъ при ихъ приближеніи, на нихъ такъ мало обращалось вниманія, какъ-будто они отправляли какую-нибудь законную работу съ величайшею трезвостью и порядкомъ.

Такимъ же образомъ подвигались они къ своему условленному

Digitized by Google

сборному мѣсту и разложили на полѣ большіе огни; наиболѣе-цѣнную часть награбленнаго они оставляли себѣ, прочее жгли. Священническія украшенія, образа святыхъ, богатыя матеріи и уборы, сосуды алтарей и хозяйственныя вещи кидаемы были въ пламя и распространяли зарево по всей окрестности; а мятежники безпрестанно плясали, вопили и ревѣли вкругъ этихъ огней до-тѣхъ-поръ, пока уставали.

Когда главный корпусъ прошелъ по Уэльбик-Стриту, встрѣтили они Гашфорда, который былъ свидѣтелемъ ихъ дѣйствій и украдкою бродилъ взадъ и впередъ по мостовой. Такъ-какъ равнялся съ ними въ шагахъ и однакожь не хотѣлъ, по-видимому, ничего говорить, то Гогъ шепнулъ ему на ухо:

— Что, лучше ли, мэстеръ?

— Нѣтъ, сказалъ Гашфордъ.—Ни мало.

— Чего жь вы хотите отъ насъ? сказалъ Гогъ.—Горячка никогда вдругъ не доходитъ до крайней степени. Надо, чтобъ она усиливалась постепенно.

— Хотѣлось бы, сказалъ Гашфордъ, ущипнувъ его при этомъ за руку такъ зло, что ногти остались на роговой кожѣ: — хотѣлось бы, чтобъ въ вашихъ дѣлахъ было побольше смыслу. Дураки! развѣ вы не можете развести огонь изъ чего-нибудь получше, нежели лоскутья и ветошки? Развѣ вы не можете спалить ничего цѣлаго?

— Потерпите немножко, мэстеръ! отвѣчалъ Гогъ. — Повремените еще нѣсколько часовъ, тогда увидите. Смотрите завтра вечеромъ на небо, не замѣтите ли зарева...

Онъ воротился на свое мѣсто рядомъ съ Бэрнеби, и когда секретарь взглянулъ ему вслѣдъ, оба они уже исчезли въ толпѣ.

ГЛАВА LIV.

Слѣдующій день привѣтствуемъ былъ радостнымъ звономъ колоколовъ и громомъ пушекъ изъ Тоуэра: на многихъ колокольняхъ развѣвались знамена, происходили обычныя торжества въ честь королевскаго рожденія; каждый спѣшилъ къ дѣлу или къ удовольствію, какъ-будто въ городѣ царствовалъ самый совершенный порядокъ и въ потаенныхъ мѣстахъ уже не тлѣлся полупотушенный пепелъ, который съ наступленіемъ ночи могъ снова вспыхнуть и распространить вокругъ ужасъ и опустошеніе. Начальники бунта, ставшіе еще смѣлѣе отъ успѣха прошедшаго вечера и отъ награбленной добычи, тѣсно соединились между собою и думали только о томъ, какъ бы массу своихъ приверженцевъ столь глубоко запутать въ свое преступленіе, чтобъ никакая надежда на награду или прощеніе не могла

Digitized by Google

ихъ побудить предать своихъ главнѣйшихъ союзниковъ въ руки правосудія.

Въ самомъ-дѣлѣ, сознаніе, что они зашли слишкомъ-далеко и не должны ожидать прощенія, удерживало вкупѣ трусливыхъ столько же, какъ и отважныхъ. Многіе изъ тѣхъ, которые охотно бъ выдали важнѣйшихъ возмутителей и стали бы противъ нихъ свидѣтельствовать, чувствовали, что отдѣлаться этимъ нѣтъ никакой надежды, ибо каждый ихъ поступокъ имѣлъ зрителями дюжины людей, непринимавшихъ ни малѣйшаго участія въ безпорядкахъ, — людей, которые или въ отношеніи собственности, или собственнаго покоя, или даже личности своей, потерпѣли отъ своеволія толпы; которые, слѣдовательно, охотно пойдутъ въ свидѣтели, и которымъ самое правительство повѣритъ больше, чѣмъ любому королевскому свидѣтелю (*). Многіе изъ такихъ покидали въ субботу утромъ свое обыкновенное ремесло; нѣкоторыхъ видѣли ихъ хозяева дѣятельными участниками въ тревогѣ; другіе знали, что ихъ станутъ подозрѣвать и гонятъ съ мѣста, когда они воротятся домой; иные отчаялись съ самаго начала и утѣшались грубой поговоркою: «если надо когда-нибудь болтаться на петлѣ, то лучше за корову, чѣмъ за теленка». Всѣ они надѣялись и полагали болѣе или менѣе, что правительство, исполненное ужасомъ, по ихъ мнѣнію, войдетъ напослѣдокъ въ переговоры съ ними и пріиметъ отъ нихъ условія. И кто изъ нихъ наиболѣе былъ сангвиникъ, разсуждалъ про себя, что, даже въ самомъ худшемъ случаѣ, они такъ многочисленны, что не могутъ быть всѣ наказаны, и что, слѣдственно, онъ столько жь, какъ и всякій другой, имѣетъ надежды избѣжать бѣды. Но большинство, которое не думало и не разсуждало, увлекалось своими необузданными страстями, нищетою, невѣжествомъ, радовалось бѣдствіямъ и питало надежду на добычу и грабежъ.

Еще замѣчательно одно обстоятельство: съ самой первой вспышки у Вестминстер-галла исчезъ между бунтовщиками всякій слѣдъ порядка и условленнаго плана. Если они раздѣлялись на многія толпы и бѣжали по разнымъ кварталамъ города, то это дѣлалось по внушенію минуты. Каждая толпа возрастала на маршѣ, какъ рѣки возрастаютъ въ-продолженіе своего теченія въ море; возникали новые предводители, когда было нужно, исчезали, какъ-скоро проходила нужда, и снова появлялись при первомъ кризисѣ. Каждое волненіе принимало свою форму и свою краску, судя по минутнымъ обстоятельствамъ; случалось, что трезвые мастеровые, возвращаясь съ

(*) King's evidence называется показаніе, за которое преступнику прощается его вина. Кто дѣлаетъ это показаніе, того называютъ королевскимъ свидѣтелемъ.

Digitized by Google

дневной работы, бросали на-земь свои корзины съ инструментами и въ мигъ становились бунтовщиками; простые разсыльные мальчики дѣлали то же. Словомъ, всюду господствовала моральная зараза. Шумъ, тревога и волненіе для многихъ сотень людей имѣли прелесть неодолимую. Недугъ распространялся какъ злокачественная горячка; прилипчивое безуміе, будто не достигши еще своей вершины, ежечасно захватывало новыя жертвы, и общество трепетало отъ его неистовства.

Былъ часъ третій по-полудни, когда Гашфордъ заглянулъ въ описанный въ предъидущей главѣ притонъ и, увидѣвъ тамъ только Денни съ Бэрнеби, спросилъ о Гогѣ.

— Онъ вышелъ ужь больше часа, отвѣчалъ ему Бэрнеби — и еще не возвращался.

— Денни! сказалъ улыбаясь секретарь самымъ ласковымъ голосомъ, сѣвъ на бочонокъ и положивъ одну ногу на другую. — Денни!

Палачъ тотчасъ приподнялся и смотрѣлъ на него широко-открытыми глазами.

— Каково поживаешь, Денни? сказалъ Гашфордъ, кивнувъ ему головою. — Надѣюсь, ты не пострадалъ отъ нашихъ послѣднихъ усилій, Денни?

— Я всегда буду васъ поминать, мэстеръ Гашфордъ, отвѣчалъ палачъ, глядя на него пристально: — что ваша тихость растолкала бы хоть мертваго. Она, прибавилъ онъ, — проворчавъ сквозь зубы проклятіе, и все еще уставясь *на него* задумчиво: — такъ страшно лукава!

— Такъ понятна, не правда ли, Денни?

— Понятна! отвѣчалъ онъ, почесавъ себѣ за ухомъ и устремивъ неподвижный взглядъ на секретаря; — кажется, я чувствую ее во всѣхъ членахъ, мэстеръ Гашфордъ.

— Радуюсь, что у тебя такое тонкое чувство и что мнѣ удается сдѣлать себя понятнымъ, сказалъ Гашфордъ тѣмъ же самымъ неизмѣннымъ тономъ. — Гдѣ твой пріятель?

Мэстеръ Денни оглянулся вокругъ, будто ожидая увидѣть его спящаго на соломенной постели; потомъ вспомнилъ, что видѣлъ, какъ онъ вышелъ и отвѣчалъ:

— Не знаю, куда онъ пошелъ, мэстеръ Гашфордъ; я ужь давно ждалъ его назадъ. Я думаю, намъ еще не пора приниматься за работу, мэстеръ Гашфордъ?

— Нѣтъ, сказалъ секретарь: — кому же лучше знать объ этомъ, какъ не тебѣ? Какъ я могу тебѣ это сказать, Денни? Ты, знаешь, полный господинъ своихъ поступковъ и никому за нихъ не отвѣчаешь — развѣ иногда закону, не правда ли?

Денни, котораго этотъ непринужденный и хладнокровный отвѣтъ

Digitized by Google

совсѣмъ сбилъ съ толку, опять оправился, подумавъ о заключавшемся въ немъ намекѣ на его ремесло, и указавъ на Барнеби, покачалъ мохнатою головою.

— Тсс! воскликнулъ Бэрнеби.

— Эхъ, молчите объ этомъ, мэстеръ Гашфордъ! сказалъ палачъ тихимъ голосомъ:—общій предразсудокъ, вы вѣчно забываете... Ну, Барнеби, пріятель, что тамъ?

— Слышу, онъ идетъ, отвѣчалъ онъ.—Слушай! замѣчаешь что-нибудь? Это его походка! ей-Богу! я знаю его походку и походку его собаки,—знаю. Трамъ, трамъ, патъ, патъ, оба они идутъ, ха, ха, ха! —Ну, вотъ они! воскликнулъ онъ радостно, пожимая обѣ руки Гогу и такъ нѣжно трепля его по плечу, какъ-будто тотъ былъ не грубый товарищъ, а одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей.—Вотъ онъ, и еще съ цѣлой кожей! Какъ я радъ, что онъ воротился, дружище Гогъ!

— Будь я Турокъ, если онъ каждый разъ встрѣчаетъ меня не усерднѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, у кого цѣлъ разсудокъ, сказалъ Гогъ и пожалъ ему руку съ какой-то животной дружбою, такъ-что странно было смотрѣть на это.—Здоровъ ли ты, пріятель?

— Радъ! вскричалъ Бэрнеби, махая шляпою.—Ха, ха, ха! И веселъ также, Гогъ! И готовъ дѣлать что хочешь за доброе дѣло и за правду и за добраго, ласковаго, бѣднаго господина — за лорда, съ которымъ они такъ дурно обходятся... А? Гогъ?

— Да, отвѣчалъ тотъ, опустивъ руки и посмотрѣвъ съ измѣнившимся лицомъ на Гашфорда, прежде чѣмъ заговорилъ съ нимъ.—Добраго дня, мэстеръ.

— И тебѣ добраго дня, отвѣчалъ секретарь, положивъ одну ногу на другую и покачивая ею.—И много добрыхъ дней, цѣлые годы, надѣюсь. Ты вспотѣлъ?

— Вспотѣли бы и вы, мэстеръ, сказалъ Гогъ, отирая потъ съ лица:—если бъ бѣжали такъ же скоро, какъ я.

— Такъ ты ужь знаешь новость? Да, я такъ и думалъ, что ты объ ней услышишь.

— Новость! Что за новость?

— Развѣ ты не знаешь? воскликнулъ секретарь удивленнымъ тономъ, поднявъ брови.— Боже мой! Такъ я первый знакомлю тебя всякій разъ съ отличными новостями. Видишь ли здѣсь вверху королевскій гербъ? спросилъ онъ съ усмѣшкою, вынувъ изъ кармана длинный листъ газеты, развернувъ его и показывая Гогу.

— Вижу! сказалъ Гогъ.—Что жь мнѣ до него за дѣло?

— Много дѣла. Это очень-важно для тебя, отвѣчалъ секретарь.— Прочти-ка.

— Я ужь сказалъ вамъ, когда мы въ первый разъ еще увидѣлись,

Digitized by Google

что не умѣю читать, воскликнулъ Гогъ нетерпѣливо. — Что же за дьяволщина тутъ написана?

— Это объявленіе отъ государственнаго кабинета, сказалъ Гашфордъ: — отъ сегодняшняго числа: тутъ обѣщается пятьсотъ фунтовъ награды — пятьсотъ фунтовъ порядочная кучка денегъ и большое искушеніе для многихъ, — пятьсотъ фунтовъ обѣщается тому, кто откроетъ главнаго виновника или главныхъ виновниковъ въ разбояхъ капеллъ въ субботу вечеромъ.

— Больше ничего? сказалъ Гогъ съ равнодушнымъ видомъ. — Это я уже зналъ.

— Мнѣ бы должно догадаться, право, что ты ужь зналъ это, сказалъ Гашфордъ съ улыбкою и опять сложилъ газету. — Твой пріятель, могъ я подумать, да и подумалъ, вѣрно ужь сказалъ тебѣ объ этомъ.

— Мой пріятель! бормоталъ Гогъ, напрасно усиливаясь казаться удивленнымъ. — Что за пріятель?

— Ты думаешь, я не знаю, гдѣ ты былъ? возразилъ Гашфордъ, потирая руки и лукаво глядя на него. — За какого же простака ты меня считаешь! Сказать тебѣ его имя?

— Нѣтъ, сказалъ Гогъ, быстро взглянувъ на Денни.

— Ты, вѣрно, слышалъ отъ него также, продолжалъ секретарь послѣ минутнаго молчанія: — что бунтовщиковъ, которыхъ поймали, привели въ судъ и что нѣсколько очень-усердныхъ свидѣтелей имѣли сумасшествіе выступить противъ нихъ. Между прочими — тутъ онъ заскрежеталъ зубами, будто желая насильно подавить жестокое слово, бывшее у него уже на языкѣ; потомъ сказалъ разстановисто: — между прочими одинъ, смотрѣвшій на тревогу въ Уарвик-Стритѣ; капитанъ, по имени Гэрдаль.

Гогъ хотѣлъ бы удержать его отъ произнесенія слова, но оно уже было сказано. Барнеби, услышавъ это имя, проворно обернулся къ нимъ.

— На часы, на часы, храбрый Бэрнеби! вскричалъ Гогъ самымъ дикимъ и буйнымъ голосомъ, сунувъ ему въ руку знамя, которое онъ поставилъ было къ стѣнѣ. — Ступай скорѣе на караулъ, потому-что нашъ постъ въ полѣ. Вставай, Денни, и собирайся. Смотри, чтобъ никто не рылъ соломы въ моей постели, храбрый Бэрнеби; мы съ тобою знаемъ, что тамъ спрятано — а? Ну, мастеръ, проворнѣе! Говорите скорѣе, что еще хотите сказать, потому-что маленькій капитанъ и кучка нашихъ стоятъ ужь въ полѣ и ждутъ только насъ. Пароль — «бодрый», лозунгъ — «ударъ». Скорѣе!

Барнеби не могъ устоять противъ этой поспѣшности. Гнѣвъ и удивленіе снова исчезли съ его лица, какъ и слова изгладились изъ памяти подобно дыханію на зеркалѣ. Онъ схватилъ оружіе, которое

Digitized by Google

не могъ ихъ слышать.

— Вы чуть было не испортили нашего плана, мэстеръ, сказалъ Гогъ. — И именно вы!

— Кто жъ бы подумалъ, что онъ будетъ такъ твердъ!

— Онъ часто такъ твердъ, то-есть не кулакомъ, это я вы знаете, а умомъ, какъ и вы сами или кто-нибудь другой, сказалъ Гогъ. Дело, первымъ пронутьси; насъ ждутъ; за тѣмъ я и пришелъ. Пойдемъ, давайте перевяжу. Хорошо! Пожалуйте мнѣ руку, мэстеръ! Перебросьте мнѣ его черезъ плечо и застегните назади, сдѣлайте петлю.

— Проворенъ какъ всегда! сказалъ секретарь, исполняя его приказъ.

— Нельзя надо быть торопливымъ; есть торопливая работа.

— Неужели? Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Гашфордъ. Онъ произнесъ это съ такимъ притворнымъ, досаднымъ видомъ невинности, что Гогъ разсмѣялся, посмотрѣлъ на него сердитымъ взоромъ и сказалъ:

— Не-уже-ли! Въ-самомъ-дѣлѣ! Кому же знать лучше васъ, мэстеръ, какъ первый важный шагъ, который мы должны сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобъ показать примѣръ на этихъ свидѣтеляхъ и отбить у всѣхъ охоту быть когда-нибудь свидѣтелями противъ насъ или противъ кого-нибудь изъ нашихъ?

— Одного свидѣтеля мы уже знаемъ, замѣтилъ Гашфордъ съ величайшею усмѣшкою: — ему столь же хорошо все извѣстно, какъ вамъ и тебѣ.

— Если вы разумѣете того же, о комъ и я думаю, отвѣчалъ Гогъ тихо! — такъ я вамъ только скажу, онъ такъ вѣрно и проворно всѣмъ узнаетъ, какъ... Тутъ онъ замолчалъ и оглянулся кругомъ, будто опасаясь, что извѣстный человѣкъ даже здѣсь его подслушаетъ: — какъ самъ... Господи помилуй. Кончили вы, мэстеръ? Какъ вы мѣшкатны!

— Ну, теперь крѣпко, сказалъ Гашфордъ, вставая. — Я говорю, не замѣтилъ, чтобъ твой пріятель не одобрилъ вышеписаннаго похода? Ха, ха, ха! Это такъ идетъ къ полиціи [illegible] тому-что, обнаруживъ однажды, надобно и довести до конца. Вы идете, а?

— Идемъ, мэстеръ! отвѣчалъ Гогъ. — Нѣтъ ли у васъ еще какого порученія?

— О, сохрани Боже, нѣтъ, сказалъ Гашфордъ притворно [illegible]

— Ну, что же, идемъ тогда, сказалъ Гогъ, толкая ухмыляющагося [illegible]

Digitized by Google

— Разумѣется, иду, не правда ли, мэстеръ Гашфордъ? сказалъ смѣясь палачъ.

Гашфордъ молчалъ съ минуту и не двигался съ мѣста, въ борьбѣ между осторожностью и злобою; потомъ сталъ между ними, положилъ каждому руку на плечо и прошепталъ:

— Не забывайте, друзья мои — я увѣренъ, вы не забудете — нашего разговора намедни ночью у тебя на квартирѣ, Денни, объ извѣстной особѣ. Никакой милости, никакой пощады, ни одного камня на камнѣ не оставляйте въ его домѣ! Ни одной перекладины тамъ, гдѣ ее положилъ архитекторъ! Огонь, говорятъ, хорошій слуга, но дурной господинъ. Сдѣлайте его *господиномъ* надъ нимъ; лучшаго онъ не стоитъ. Да, я увѣренъ, что вы будете тверды и рѣшительны; я увѣренъ, вы вспомните, что онъ жаждетъ крови вашей и всѣхъ вашихъ храбрыхъ товарищей. Если вы покажете себя когда-нибудь храбрыми людьми, то это нынче. Не правда ли, Денни? не правда ли, Гогъ?

Оба они взглянули сперва на него, потомъ другъ на друга; наконецъ разразились громкимъ хохотомъ, потрясли палки надъ головами, пожали ему руку и выбѣжали вонъ.

Когда они отошли немного, Гашфордъ послѣдовалъ за ними. Онъ могъ еще ихъ видѣть и спѣшилъ по направленію къ тѣмъ полямъ, гдѣ уже собрались ихъ товарищи. Гогъ оглянулся и кивнулъ головою Бэрнеби, который, въ восхищеніи отъ порученнаго ему караула, отвѣчалъ тѣмъ же, и потомъ сталъ ходить взадъ и впередъ у двери конюшни, гдѣ его мѣрные шаги уже вытоптали дорожку. Когда же самъ Гашфордъ отошелъ уже далеко и въ послѣдній разъ оглянулся назадъ, онъ увидѣлъ Бэрнеби, все-еще ходящаго взадъ и впередъ, — преданнѣйшаго и довольнѣйшаго солдата, какой стоялъ когда-либо на часахъ, съ сердцемъ, исполненнымъ честнаго чувства долга и съ рѣшительностью защищать свой постъ до послѣдней крайности.

Улыбаясь простотѣ бѣдняка, пустился Гашфордъ въ Уэльбек-Стритъ по другой дорогѣ, нежели та, по которой, какъ онъ зналъ, пошли мятежники. Пришедъ въ домъ лорда Джорджа Гордона, онъ сѣлъ за занавѣсомъ одного окна въ верхнемъ этажѣ и нетерпѣливо ждалъ ихъ прихода. Они такъ долго не показывались, что хоть онъ и зналъ, что они назначали себѣ этотъ путь, началъ уже опасаться, не перемѣнили ль они плана и не пошли ли по другой улицѣ. Но наконецъ ревъ ихъ голосовъ послышался по-близости, и скоро прошли они, тѣсно столпясь въ большую кучу.

Однакожь, не всѣ они, какъ онъ скоро замѣтилъ, были въ одной толпѣ, а раздѣлились на четыре отряда, изъ которыхъ каждый останавливался передъ домомъ прокричать троекратный «виватъ»; предводители восклицали, куда они идутъ, и звали зрителей присоединить-

Digitized by Google

ся къ нимъ. Первый отрядъ несъ вмѣсто знамени нѣсколько остатковъ отъ капеллы въ Мурфейльдсѣ и громко объявилъ, что идетъ въ Чельзи, откуда воротится въ томъ же порядкѣ и зажжетъ потѣшные огни изъ набранной добычи. Второй отрядъ направлялся въ Уэппингъ, чтобъ разграбить тамъ капеллу, а третій съ тою же цѣлью шелъ въ Восточный Смитфейльдъ. Все это происходило середи бѣлаго, яснаго лѣтняго дня. Богатыя кареты и носилки останавливались, пропуская ихъ, или поворачивали отъ нихъ назадъ; прохожіе жались къ сторонѣ у подъѣздовъ, или стучались куда-нибудь въ двери, прося пріюта на нѣсколько минутъ; но никто не оказывалъ имъ ни малѣйшаго сопротивленія, и, какъ-скоро они проходили, все опять шло обычнымъ порядкомъ.

Послѣдній отрядъ былъ четвертый, и его-то поджидалъ секретарь съ наибольшимъ нетерпѣніемъ. Наконецъ, онъ явился. Отрядъ этотъ былъ многочисленъ и состоялъ изъ отборныхъ людей; ибо, взглянувъ внизъ, Гашфордъ увидѣлъ многія коротко-знакомыя, смотрящія кверху лица, Симона Тэппертэйта, Гога и Денни впереди всѣхъ, разумѣется. Они остановились и прокричали «виватъ», подобно прочимъ, но уходя не сказали, куда отправляются. Гогъ только поднялъ кверху свою шляпу на палкѣ, кивнулъ одному зрителю на противоположной сторонѣ улицы и исчезъ.

Инстинктивно послѣдовалъ Гашфордъ по направленію этого кивка и увидѣлъ сэра Джона Честера, который, съ синею кокардою на шляпѣ, стоялъ на мостовой. Онъ приподнялъ эту шляпу дюйма на два надъ головою, чтобъ польстить толпѣ, и смотрѣлъ, красиво опершись на трость, привѣтливо улыбаясь, выказывая наилучшимъ образомъ станъ и одежду, такъ покойно, какъ только можно себѣ представить. Сметливый Гашфордъ видѣлъ, какъ онъ взглянулъ на Гога съ видомъ покровителя; у него уже не было глазъ для толпы, онъ устремилъ проницательный взглядъ на одного сэра Джона.

Тотъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и въ одинакомъ положеніи, до-тѣхъ-поръ, пока послѣдній изъ бунтовщиковъ повернулъ за уголъ; тогда онъ осторожно снялъ синюю кокарду съ шляпы, тщательно спряталъ ее въ карманъ, чтобъ при первомъ случаѣ опять ею воспользоваться, освѣжился щепоткою табаку и закрылъ табакерку; потомъ тихо пошелъ дальше. Мимоѣзжая карета остановилась, и дамская рука опустила окно. Сэръ Джонъ тотчасъ опять снялъ шляпу. Послѣ минутнаго разговора, въ которомъ мятежники явно играли главную роль, онъ вошелъ въ карету и поѣхалъ вмѣстѣ съ дамою.

Секретарь усмѣхался, но имѣлъ другія мысли въ головѣ и скоро оставилъ этотъ предметъ. Ему подали обѣдъ; онъ отослалъ его, не дотронувшись; битыхъ четыре часа провелъ онъ, ходя взадъ и впередъ, посматривая на часы и напрасно пытаясь сѣсть и читать, или

Digitized by Google

заснуть. Когда стрѣлка показала ему, что прошло наконецъ столько-то времени, онъ украдкою взобрался на крышу дома, сѣлъ подлѣ слухового окна и смотрѣлъ не оборачиваясь на востокъ.

Не обращая вниманія на свѣжій воздухъ, обвѣвавшій его распаленное лицо, на веселые луга, отъ которыхъ онъ отворотился, на массы кровель и трубъ, на которыя глядѣлъ, на дымъ и восходящій туманъ, который тщетно усиливался проникнуть, на громкій крикъ дѣтей на ихъ вечернихъ играхъ, на отдаленный ропотъ и шумъ города, въ дыханье легкаго деревенскаго воздуха, вѣявшаго мимо, и умиравшаго отъ духоты въ Лондонѣ, онъ все глядѣлъ и глядѣлъ, пока стало темно; только далеко внизу подъ нимъ мерцали кое-гдѣ огоньки по улицамъ, и съ прибывающею темнотою онъ больше и больше напрягалъ зрѣніе и становился все нетерпѣливѣе.

— Все еще нѣтъ ничего, кромѣ потемокъ, въ той сторонѣ! ворчалъ онъ безпокойно. — Собака! Гдѣ же на небѣ зарево, которое ты мнѣ обѣщалъ?

ГЛАВА LV.

Между-тѣмъ, слухи о происходящихъ безпорядкахъ довольно распространились по городамъ и селамъ вокругъ Лондона, и всюду принимались съ тою страстью къ чудесному и ужасному, которая постоянно, кажется, отъ сотворенія міра, была свойственна людямъ. Но извѣстія эти представлялись бы тогда многимъ какъ представились и намъ теперь, еслибъ мы не знали, что это историческіе факты, столь необычайные и странные, что жившіе подальше, хоть и легковѣрные въ другихъ случаяхъ, никакъ не понимали возможности такихъ вещей и отвергали приходящіе слухи, какъ совершенно-вздорные и нелѣпые.

Мастеръ Уиллитъ — не столько, можетъ-быть, по зрѣлому разсужденію дѣла и обдуманности, сколько по врожденному упрямству — принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не хотѣли тратить ни слова на предметъ общаго разговора. Въ этотъ самый вечеръ и, можетъ-быть, именно въ ту пору, когда Гашфордъ сидѣлъ на своей одинокой стражѣ, старый Джонъ, отъ долгаго качанья головою, при помощи котораго сворилъ онъ съ тремя своими старинными пріятелями и собутыльниками, такъ раскраснѣлся въ лицѣ, что казался настоящимъ огненнымъ метеоромъ и освѣщалъ сѣни Майскаго-Дерева, гдѣ они сидѣли, какъ неполанскій карбункулъ волшебной сказки.

— Развѣ ты думаешь, сэръ, сказалъ мастеръ Уиллитъ, пристально глядя на Соломона Дейзи, — ибо у него была привычка при личныхъ спорахъ всегда нападать на самаго маленькаго человѣка въ обществѣ — развѣ ты думаешь, сэръ, что я орелъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, Джонни, отвѣчалъ Соломонъ, озираясь при этомъ вокругъ себя въ маленькомъ кружкѣ, котораго часть составлялъ: — вѣдь мы всѣ очень хорошо знаемъ тебя. Какой ты оселъ, Джонни! Нѣтъ, нѣтъ!

Мэстеръ Коббъ и мэстеръ Паркесъ также покачали головами и пробормотали: «Нѣтъ, нѣтъ, Джонни, разумѣется, нѣтъ!» — Но какъ мэстеръ Уиллитъ обыкновенно отъ такихъ комплиментовъ становился еще задорнѣе прежняго, то онъ смѣрялъ ихъ взоромъ глубокаго презрѣнія и продолжалъ:

— Такъ что же значитъ, что вы приходите ко мнѣ и говорите, что сегодня же вечеромъ всѣ вмѣстѣ пѣшкомъ пойдете въ Лондонъ — всѣ трое, вы, — и что у васъ есть свидѣтельство вашихъ пяти чувствъ? Развѣ вамъ, сказалъ мэстеръ Уиллитъ, засунувъ съ видомъ гордаго презрѣнія трубку въ ротъ: — развѣ вамъ недостаточно свидѣтельство моихъ пяти чувствъ?

— Да вѣдь мы его не видали, Джонни, замѣтилъ ему покорно Паркесъ.

— Развѣ я вамъ его не далъ, сэръ? повторилъ мэстеръ Уиллитъ, окинувъ его взглядомъ съ головы до ногъ. — Развѣ вы еще не знаете его, сэръ? Вы его *знаете*, сэръ. Развѣ не говорилъ я вамъ, что его августѣйшее величество король Георгъ-Третій такъ же не допуститъ срамить себя на улицѣ, какъ не позволитъ своему собственному парламенту браниться и спорить съ собою?

— Да, Джонни; но ты говоришь это по твоему уму — не по твоимъ пяти чувствамъ, сказалъ отважный мэстеръ Паркесъ.

— Почему *ты* это знаешь? возразилъ Джонъ съ достоинствомъ. — Ты противорѣчишь мнѣ порядочно-дерзко; да, сэръ. Какъ ты бы решься знать, говорятъ ли мнѣ это мои пять чувствъ, или мой умъ? Не помню, чтобъ я это тебѣ сказывалъ, сэръ.

Мэстеръ Паркесъ увидѣлъ, что онъ вдался въ метафизическій лабиринтъ, изъ котораго не могъ выпутаться; и потому, пролепетавъ извиненіе, уступилъ споръ. Настало общее молчаніе минутъ въ десять или въ четверть часа, въ-продолженіе котораго Джонъ внутренно трясся отъ смѣху, и на-счетъ своего послѣдняго противника тотъ часъ замѣтилъ, что «теперь ему, вѣроятно, достаточно». На это согласились мэстеры Коббъ и Дейзи: Паркесъ признанъ былъ совершенно и досконально побѣжденнымъ.

— Развѣ вы думаете, что еслибъ все это была правда, мэстеръ Гардаль не воротился бы до-сихъ-поръ домой? сказалъ Джонъ, послѣ вторичной паузы. — Развѣ вы думаете, что онъ не побоялся бы покинуть домъ на двухъ молодыхъ женщинъ и на пару мужчинъ почти однихъ?

— Э! да видишь ли, возразилъ Соломонъ Дейзи: — этотъ домъ уда-

Digitized by Google

ленъ на порядочное разстояніе отъ Лондона, а говорятъ, бунтовщики выйдутъ только на день, много на три мили за городъ. Сверхъ-того, знаешь ли, нѣкоторые католики не-шутя прибрали свои наряды и драгоцѣнности,— по-крайней-мѣрѣ такъ носится слухъ.

— Слухъ! сказалъ съ досадою мастеръ Уиллитъ. — Да, сэръ. Носился также слухъ, будто вы видѣли привидѣніе послѣдняго марта; но этому никто не вѣритъ.

— Хорошо! сказалъ Соломонъ, и всталъ, чтобъ навести на что-нибудь другое своихъ двухъ пріятелей, улыбавшихся на это возраженіе: — вѣрятъ или не вѣрятъ, оно однако справедливо. Впрочемъ, справедливо ли, нѣтъ ли, но если мы собираемся идти въ Лондонъ, то пойдемъ же сейчасъ. Дай намъ руку, Джонни, и прощай.

— Я не дамъ руки никому, отвѣчалъ трактирщикъ и засунулъ обѣ руки въ карманы:—кто по такимъ глупымъ сказкамъ идетъ въ Лондонъ?..

Поэтому, трое старыхъ пріятелей принуждены были пожать ему локоть вмѣсто руки; потомъ взяли изъ общей комнаты свои шляпы, палки и сюртуки, пожелали ему доброй ночи и ушли съ обѣщаніемъ представить ему завтра вѣрный и полный отчетъ о настоящемъ положеніи вещей, и, если въ-самомъ-дѣлѣ все тамъ покойно, признать все величіе его побѣды.

Джонъ Уиллитъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, какъ они шествовали въ полномъ блескѣ лѣтняго вечера, выбилъ себѣ золу изъ трубки и хохоталъ отъ-души ихъ глупости, пока у него заболѣли бока. Совершенно утомившись — что послѣдовало не скоро, ибо онъ смѣялся такъ же медленно, какъ говорилъ и думалъ, — онъ сѣлъ, покойно прислонясь къ стѣнѣ дома, положилъ ноги на скамейку, закрылъ лицо передникомъ и крѣпко заснулъ.

Какъ долго спалъ онъ, это неважно знать; но прошло довольно времени, потому-что когда онъ проснулся, роскошный блескъ вечера исчезъ, темныя тѣни ночи густо покрывали ландшафтъ, и пара свѣтлыхъ звѣздочекъ уже искрились надъ нимъ. Птицы всѣ поснули; цвѣтки на лугу закрыли свои волшебныя головки; жимолость, вившаяся около сѣней, проливала сильнѣйшій запахъ, какъ-будто она теряла въ этотъ тихій часъ свою жесткость и хотѣла выдохнуть ночи свои благовонія; плющъ едва шевелилъ своими темнозелеными листьями. Тиха и прекрасна была эта ночь!

Но не слышно ль другаго звука въ воздухѣ, кромѣ тихаго шелеста деревьевъ и звонкаго стрекотанья кузнечика? Тише! Вотъ какой-то шумъ, очень-отдаленный и слабый, словно шипѣнье въ морской раковинѣ. Вотъ онъ громче, опять слабѣе, вотъ вдругъ совсѣмъ замолкъ. Сейчасъ опять послышался, снова пересталъ и снова возвратился; возвышается, слабѣетъ, вырастаетъ въ ревъ. Онъ приноо-

Digitized by Google

сыла съ дороги и мѣшали съ ея мелодіи. Вдругъ раздался ясно — послышались людскіе голоса и топотъ многихъ конскихъ копытъ.

Еще сомнительно, подумалъ ли бы старый Джонъ даже и теперь о бунтовщикахъ, если бы не крики пухарки и работницы, которыя взбѣжали на лѣстницу и заперлись въ одной изъ старыхъ свѣтелокъ, откуда онѣ еще разъ прокликали, вѣроятно, для того, чтобъ совершенно скрыть свое убѣжище. Объ этихъ женщинахъ разсказывали послѣ, что мистеръ Уиллитъ въ своемъ встревоженномъ состояніи выговорилъ только одно слово и стенторскимъ голосомъ прокричалъ его шесть разъ сряду. Но какъ слово это (*) односложно и отнюдь не соблазнительно въ своемъ употребленіи о четвероногомъ животномъ, которое оно означаетъ, напротивъ весьма соблазнительно, когда употребляется на-счетъ женщины безупречнаго поведенія, то многіе полагали, что эти молодыя дамы отъ чрезмѣрнаго испуга страдали какимъ-нибудь наваждѣніемъ и были обмануты своимъ слухомъ.

Какъ бы то ни было, Джонъ Уиллитъ, у котораго крайняя степень безумнаго ослѣпленія смѣнила мужество, сидѣлъ на своемъ постѣ въ сѣняхъ и ждалъ, пока онѣ явятся. Разъ ему смутно вспомнилось, что домъ его имѣетъ родъ воротъ съ замкомъ и запорами; и въ то же время мелькнула въ головѣ мысль, что можно закрыть ставни въ нижнемъ этажѣ. Но онъ продолжалъ сидѣть какъ чурбанъ, смотря на дорогу, откуда шумъ приближался съ удивительною быстротою, и ни разу не вынулъ рукъ изъ кармановъ.

Долго ждать было нечего. Скоро показалась черная масса, какъ облако пыли; она ускорила шаги, крича и воя какъ толпа дикарей; и черезъ нѣсколько секундъ старый Джонъ очутился середи ватаги людей, которые перебрасывали его какъ мячикъ отъ одного къ другому.

— Эй! закричалъ ему знакомый голосъ человѣка, продиравшагося сквозь тѣсноту. — Гдѣ онъ? Подайте его мнѣ. Не дѣлайте съ нимъ ничего худаго. Что скажешь теперь, старина? Ха, ха, ха!

Мистеръ Уиллитъ взглянулъ на него и увидѣлъ, что это былъ Гогъ, но не сказалъ ничего и ничего не подумалъ.

— Моимъ ребятамъ хочется пить; надо ихъ поподчивать! воскликнулъ Гогъ, толкнувъ его къ дому. — Поворачивайся, гусь, поворачивайся! Давай намъ лучшаго, самаго лучшаго, отличнѣйшаго сорта, который ты бережешь для своей собственной глотки!

Джонъ съ трудомъ выговорилъ слова: «Кто заплатитъ счетъ?»

— Онъ спрашиваетъ еще, кто заплатитъ счетъ? воскликнулъ Гогъ, поправляя себѣ шляпу, поворотливаго толпою. Потомъ онъ обернулся къ Джону и сказалъ: — Кто заплатитъ? Да ровно никто!

(*) Bitch — сука.

Digitized by Google

Джонъ безсмысленно озирался вокругъ на толпу лицъ, изъ которыхъ иныя смѣялись, другія дико заглядывали, освѣщенныя факелами, или неясныя, темныя и покрытыя тѣнью. Одни смотрѣли на него, другіе на его домъ, или другъ на друга—и между тѣмъ, какъ Джонъ, по собственному своему мнѣнію, готовъ былъ уйдти, онъ очутился, не двигаясь, сколько помнилъ, ни однимъ членомъ, за своимъ буфетомъ, въ креслахъ, и смотрѣлъ на гибель своей собственности, какъ-будто бъ это была какая-нибудь чудная комедія страннаго и чудовищнаго рода, въ которой однако ничто до него не касалось; онъ ничего не понималъ—совершенно ничего.

Да,— и эта буфетная комната, куда самый отважный никогда не вступалъ безъ особеннаго приглашенія,—святая святыхъ, таинственное святилище,—теперь была набита людьми съ дубинами, палками, факелами, пистолетами; полна оглушительнаго шума, проклятій, крика и воплей; вдругъ превратилась въ какой-то звѣринецъ, сумасшедшій домъ, въ преисподнюю; люди лѣзли и вылѣзали въ двери и окна, били стаканы и рюмки, отвертывали кранъ въ бочкѣ, тянули водку изъ фарфоровыхъ пуншевыхъ чашъ, садились на бочки верхомъ, курили изъ отличныхъ трубокъ, обрывали священную лимонную рощу, рѣзали и рубили праздничные сыры, открывали неприкосновенные шкапы, прятали въ карманы вещи, которыя имъ не принадлежали, дѣлили деньги Джона межь собою передъ его глазами, опустошали, ломали, били и рвали самымъ дерзостнымъ образомъ; вездѣ люди—вверху, внизу, въ спальняхъ, въ кухнѣ, на дворѣ и въ конюшняхъ: они карабкаются въ окна, когда двери отворены настежъ, прыгаютъ изъ окна или черезъ перила, между-тѣмъ, какъ лѣстница подлѣ; ежеминутно новыя лица и фигуры—одни кричатъ, другіе поютъ или дерутся на-кулачки, третьи бьютъ стаканы и посуду, или поливаютъ пыль водкою, которой не могли выпить; иные теребятъ снурки колокольчиковъ, пока оторвутъ ихъ, или расшибаютъ ихъ въ дребезги кочергами: все больше народу—больше, больше—роятся какъ насѣкомыя: шумъ, дымъ, свѣтъ, тьма, дерзости, брань, хохотъ, стоны, грабежъ, страхъ и разрушеніе!

Почти все время, пока Джонъ смотрѣлъ на ужасающее зрѣлище, Гогъ стоялъ подлѣ него; и хотя самъ былъ шутливѣйшій, неистовѣйшій и разрушительнѣйшій изъ всѣхъ бывшихъ тутъ негодяевъ, однако больше ста разъ оборонялъ кости своего прежняго хозяина отъ поврежденія. Однажды, когда мастеръ Тэппертейтъ, разгоряченный джиномъ, хотѣлъ выказать свои преимущества тѣмъ, что не очень вѣжливо толкнулъ Джона Уиллита ногою по лѣжкѣ, Гогъ сказалъ ему, чтобъ онъ смѣло отплатилъ такимъ же комплиментомъ, и еслибъ только старый Джонъ имѣлъ столько присутствія духа,

Digitized by Google

чтобъ осмѣлиться и высказать мнѣ свой совѣтъ, помѣшавъ моему покровительству Гога, могли бы сдѣлать это безнаказанно.

Наконецъ, шайка, бывшая на дворѣ, начала сбираться передъ домомъ и звала находившихся внутри не терять времени даромъ. Какъ ропотъ становился все сильнѣе и сильнѣе, Гогъ сталъ совѣщаться съ нѣкоторыми другими предводителями о томъ, что имъ дѣлать съ старымъ Джономъ, чтобъ онъ не поднялъ тревоги, пока они кончатъ свое ночное предпріятіе. Одни предлагали, оставить его въ домѣ, на день запереть; другіе, колотить его поочередно до тѣхъ поръ, пока онъ впадетъ въ состояніе временнаго безчувствія; третьи, взять съ него клятву, что онъ просидитъ на своемъ мѣстѣ до слѣдующаго дня до того же часа; четвертые, наконецъ, связать его и взять съ собою подъ надежнымъ прикрытіемъ. Всѣ эти предложенія были оспорены; рѣшились привязать его къ стулу и кликнули Денни.

— Смотри же, старый хрычъ! сказалъ ему Гогъ. — Мы свяжемъ тебѣ руки и ноги, а больше ничего съ тобою не сдѣлаемъ. Слышишь?

Джонъ Уиллитъ неподвижно и безсмысленно посмотрѣлъ въ лицо другому, какъ бы не зная, кто именно говоритъ, и пролепеталъ что-то объ общемъ столѣ каждое воскресенье въ два часа.

— Тебѣ ничего худого не сдѣлаютъ, говорю я тебѣ, старикъ — слышишь меня? заревѣлъ Гогъ, и придалъ своему увѣренію еще болѣе выразительности добрымъ толчкомъ по затылку. — Онъ хочетъ жить со страху; кажется, онъ прядетъ шерсть въ головѣ. Ха, ха! Дайте ему выпить. Подайте кто-нибудь!

Стаканъ джину былъ поданъ и Гогъ вылилъ его въ глотку старому Джону. Мастеръ Уиллитъ почавкалъ губами, засунулъ руку въ карманъ и спросилъ, что это стоитъ, замѣтивъ съ дикоблуждающимъ вокругъ взглядомъ, что онъ думаетъ, нужно еще прибавить безделицу за побитое стекло...

— Онъ потерялъ, кажется, разсудокъ на время, сказалъ Гогъ, потрясши его безъ видимаго послѣдствія такъ, что ключи зазвенѣли у него въ карманѣ. — Да, гдѣ же Денни?

Явился мастеръ Денни, съ длинною веревкою вокругъ тѣла, какъ монахъ, въ сопровожденіи полдюжины молодцовъ.

— Ну! Живо накидывай и вяжи! воскликнулъ Гогъ, топнувъ ногою. — Скорѣе! — Денни снялъ съ себя, моргая и кивая, веревку, поднялъ глаза къ потолку, осмотрѣлъ стѣны и карнизы испытующимъ взоромъ знатока, и покачалъ головою.

— Да поворачивайся же! вскричалъ Гогъ и снова топнулъ ногою. — Не ужъ-то намъ ждать, пока не десять пилъ изгрызутъ ихъ забрать и наша потѣха пойдетъ къ чорту?

— Хорошо тебѣ говорить, сказалъ Денни: не тонкое дѣло

Digitized by Google

ны — тутъ шепнулъ онъ ему на ухо, — если мы не сдѣлаемъ этого за дверьми, здѣсь въ комнатѣ никакъ нельзя.

— Чего нельзя? спросилъ Гогъ.

— Какъ чего? отвѣчалъ Денни. — Да старика-то повѣсить.

— Вѣдь ты, вѣрно, не хочешь его повѣсить? воскликнулъ Гогъ.

— А что, не ужь-то нѣтъ? возразилъ палачъ, вытаращивъ на него глаза. — Что-же надо?

Гогъ не отвѣчалъ ни слова, а взялъ у своего товарища стрелку изъ рукъ и собрался самъ привязать стараго Джона; но первый пріемъ его былъ такъ неловокъ и неискусенъ, что мастеръ Денни чуть не со слезами на глазахъ просилъ поручить ему эту должность. Гогъ отсторонился, и Денни мигомъ управился.

— Вотъ! сказалъ онъ, бросивъ горестный взглядъ на Джона Уиллита, который связанный столь же мало оказывалъ движенія, какъ и несвязанный: — вотъ что называется мастерски сдѣлано. Теперь онъ настоящая картина. Но, братъ — поди сюда на два слова — теперь, когда онъ, можно сказать, крѣпко-накрѣпко скрученъ, не лучше ли бы было спровадить его? Въ газетахъ это было бы чудесно, право. Публика получила бы гораздо большее мнѣніе объ насъ.

Гогъ понялъ мысль своего товарища больше изъ его гримасъ, нежели изъ техническихъ выраженій, непонятныхъ ему, и вторично отвергъ это предложеніе. — Впередъ! воскликнулъ онъ, и сотни голосовъ повторили: — Впередъ!

— Въ Кроличью-Васѣку! кричалъ Денни, пустившись со всѣхъ ногъ. — Домъ доказчика, ребята!

Раздался громкій крикъ, и вся толпа ринулась, кипя страстью къ грабежу и разрушенію. Гогъ еще остался на нѣсколько секундъ, чтобъ одобрить себя нѣсколько-большимъ количествомъ джина и отвернуть всѣ краны, изъ которыхъ нѣкоторые случайно были пощажены; потомъ еще разъ оглянулся въ опустошенной и разграбленной комнатѣ — сквозь разбитыя стекла мятежники втолкнули самое майское дерево въ комнату — и зажегъ факелъ. Онъ потрепалъ нѣмаго и неподвижнаго Джона Уиллита еще на прощанье по спинѣ, взмахнулъ факеломъ надъ головою и съ дикимъ воплемъ бросился вслѣдъ за товарищами.

ГЛАВА LVI.

Джонъ Уиллитъ, оставшись одинъ въ своемъ разграбленномъ трактирѣ, все еще неподвижно глядѣлъ впередъ; глазами онъ бодрствовалъ, но всѣми силами души находился въ глубочайшемъ, безгрезномъ снѣ. Онъ осмотрѣлся въ этой комнатѣ, которая въ теченіе

Digitized by Google

многихъ лѣтъ, и еще за часъ передъ тѣмъ, была предметомъ его гордости; но ни одинъ мускулъ въ лицѣ его не пошевелился. Ночь мрачно и холодно глядѣла сквозь страшныя продушины въ окончинахъ; драгоцѣнныя жидкости, теперь уже почти вытекшія, еще капали на полъ; майское-дерево печальне смотрѣло въ разбитое окно, какъ бугшпритъ потерпѣвшаго крушеніе судна; полъ можно было принять за дно моря, такъ усѣянъ былъ онъ разными драгоцѣнными обломками. Воздухъ прохладно дулъ во внутрь дома; старыя двери скрипѣли и визжали на своихъ петляхъ; свѣчи пылали догорая и образовыя длинные сваны; красивыя, яркокрасныя гардины праздно трепетали въ окнахъ; даже плотные голландскіе бочонки, которые лежали пустые и опрокинутые по темнымъ угламъ комнаты, казались только смертною оболочкою добрыхъ братій, которыхъ вѣрность исчезла изъ міра и которые уже никого не могли согрѣвать дружескимъ жаромъ. Джонъ видѣлъ это разрушеніе и вмѣстѣ не видалъ его. Онъ былъ совершенно доволенъ, сидя и глядя неподвижно впередъ, и уже не чувствовалъ никакого неудовольствія или безпокойства въ своихъ веревкахъ, какъ-будто онѣ были почетнымъ украшеніемъ.

Все погружено было въ глубочайшее безмолвіе; только вино капало изъ бочекъ; врывающійся вѣтеръ валялъ тамъ и сямъ какой-нибудь легкій обломокъ, и глухо скрипѣли отворенныя двери; эти звуки, какъ крикъ сверчка ночью, дѣлали еще глубже и поразительнѣе нарушаемую ими тишину. Но тихо ль было или нѣтъ, Джону все равно. Еслибъ даже паркъ артиллеріи подѣхалъ съ тяжелыми орудіями подъ окно и началъ стрѣлять двадцати четырех-фунтовыми ядрами, для него это не сдѣлало бы большой разницы. Онъ перешелъ границы всякаго изумленія. Явленіе мертвеца также не испугало бы его.

Онъ послышалъ шаги—торопливые, однако жь осторожные шаги, подходившіе къ дому. Идущій остановился, опять пошелъ и обходилъ, казалось, весь домъ вокругъ. Вотъ онъ подошелъ подъ окно и чья-то голова заглянула въ комнату.

При свѣтѣ догорающихъ свѣчей, онъ рѣзко отдѣлялся отъ мрака, царствовавшаго на дворѣ. Блѣдное, страдальческое, изможденное лицо; глаза—но въ этомъ виною была его худощавость—необычайно велики и пламенны; волосы черные, съ просѣдью. Онъ бросилъ испытующій взглядъ на всю комнату и глухимъ голосомъ спросилъ:

— Ты одинъ въ домѣ?

Джонъ не далъ отъ себя ни звука, ни даже знака, хотя вопросъ повторялся дважды и онъ его явственно слышалъ. Послѣ минутной паузы, незнакомецъ влѣзъ въ окно. Джона и это не удивило. Въ-продолженіе послѣдняго часа такъ много людей влѣзало и вылѣзало въ окна, что онъ самъ совершенно забылъ о дверяхъ; ему стало ка-

Digitized by Google

зался, что онъ съ колыбели не видывалъ другаго употребленія окна.

Незнакомецъ былъ въ длинномъ, черномъ, изношенномъ плащѣ и въ измятой шляпѣ; онъ близко подошелъ къ Джону и посмотрѣлъ на него. Джонъ усердно заплатилъ ему тѣмъ же.

— Давно ли ты тутъ сидишь? спросилъ незнакомецъ.

Джонъ усиливался думать, но напрасно; ничто не являлось въ головѣ его.

— По какой дорогѣ пошла толпа?

Какія-то блуждающія, неопредѣленныя мысли о фасонѣ сапоговъ незнакомца случайно пришли мастеру Уиллиту въ голову, но тотчасъ опять скрылись и оставили его въ прежнемъ состояніи.

— Не худо бъ тебѣ открыть ротъ, сказалъ незнакомецъ: — чтобъ снесть съ нёбости кожу, или ужъ на тебѣ не осталось ни одного живаго мѣста. По какой дорогѣ пошла толпа?

— Постой! сказалъ Джонъ, вдругъ получивъ употребленіе голоса, и кивнулъ головою (пальцемъ показать онъ не могъ, потому-что былъ крѣпко связанъ) со всѣмъ чистосердечіемъ совершенно въ противоположную сторону.

— Джонъ! сказалъ тотъ сердито, сдѣлавъ грозное тѣлодвиженіе. — По этой дорогѣ я пришелъ. Ты хочешь продать меня.

Было такъ очевидно, что Джоново оцѣпенѣніе было непритворное, а происходило отъ небывалыхъ сценъ подъ его кровлею, что незнакомецъ, уже готовый его ударить, опустилъ руку и отошелъ прочь.

Джонъ глядѣлъ ему вслѣдъ, безъ малѣйшаго признака движенія на лицѣ. Пришлецъ взялъ стаканъ, подержалъ его подъ однимъ изъ боченковъ, пока собралось нѣсколько капель, и жадно ихъ выпилъ; потомъ бросилъ нетерпѣливо стаканъ объ-полъ, взялъ самый боченокъ и вытрясъ содержавшееся въ немъ въ горло. Потомъ поднялъ нѣсколько кусковъ хлѣба и мяса, разбросанныхъ кругомъ, и глоталъ ихъ съ большою жадностью; только по-временамъ останавливался онъ и прислушивался къ воображаемому шороху. Наѣвшись такимъ образомъ на-скоро и поднесши къ губамъ уже второй боченокъ, онъ низко надвинулъ шляпу на глаза, сбираясь уйдти, и обернулся къ Джону:

— Гдѣ твоя прислуга?

Мастеръ Уиллитъ смутно припомнилъ, какъ бунтовщики кричали, чтобъ слуги выкинули имъ за окно ключи отъ комнаты, въ которой были. Потому онъ отвѣчалъ:—заперта.

— Спасенье для нихъ, если они будутъ смирны и спасенье для тебя, если ты сдѣлаешь то же, сказалъ незнакомецъ. — Теперь покажи мнѣ дорогу, по которой пошла толпа.

Digitized by Google

На этотъ разъ мастеръ Уиллисъ указалъ ее правильно. Незнакомецъ поспѣшилъ къ двери и хотѣлъ выйдти вонъ, какъ вдругъ на встрѣчу ему подулъ вѣтеръ; набатъ звонилъ громко и часто, и немедленно показалось на небѣ блестящее и свѣжее зарево, ярко освѣтившее не только комнату, но и всю окрестность.

Не внезапный переходъ отъ мрака къ этому страшному свѣту, не вопли и крики торжества, приносившіеся издали, не это ужасное нарушеніе ночной тишины отбросили этого человѣка назадъ, будто пораженнаго громомъ, но — колоколъ.

Еслибъ самое страшное привидѣніе, какое только воображалъ себѣ когда-нибудь духъ человѣческій въ самыхъ дикихъ своихъ грёзахъ, предстало передъ нимъ, не столь бы ужасно пораженъ былъ онъ его прикосновеніемъ, какъ первымъ звукомъ этого желѣзнаго голоса. Глаза вышли у него изъ своихъ орбитъ; въ судорожныхъ движеніяхъ и съ страшно-обезображеннымъ лицомъ, поднялъ онъ одну руку вверхъ, оттолкнулъ другою какой-то призракъ, повергъ на землю и бросился на него, какъ-будто держалъ ножъ и закалывалъ его. Онъ схватилъ себя за волосы, зажалъ уши и бѣгалъ какъ сумасшедшій кругомъ; потомъ испустилъ вопль ужаса и кинулся вонъ: все еще звонилъ колоколъ и, казалось, преслѣдовалъ его, звонилъ все громче и громче, все сильнѣе и сильнѣе. Зарево становилось ярче, ревъ голосовъ глуше; трескъ обрушающихся, тяжелыхъ развалинъ колебалъ воздухъ; красные потоки вокруг взлетали къ небу; но явственнѣе всего этого, быстрѣе подымаясь къ небу, въ милліонъ разъ громче и неистовѣе, обличая страшныя тайны послѣ долгаго ихъ укрытія, говоря устами мертвецовъ, звонилъ колоколъ, тотъ же колоколъ!

Какое привидѣніе могло быть злѣе этого ужаснаго бѣгства и преслѣдованія! Еслибъ легіонъ призраковъ гнался за незнакомцемъ по пятамъ, онъ перенесъ бы легче. Тамъ было бы начало и конецъ, здѣсь же все пространство было полно. Этотъ преслѣдующій голосъ былъ повсюду; онъ звучалъ на землѣ, подъ землею и въ воздухѣ; трава тряслась отъ него, онъ выдъ и въ дрожащихъ листьяхъ деревъ. Эхо принимало его и вторило ему, сова кричала, когда онъ пролеталъ по вѣтру, соловей умолкалъ и прятался въ самыхъ густыхъ вѣтвяхъ; голосъ подстрекалъ, казалось, злой огонь и приводилъ въ бѣшенство; все облилось одинакою, преобладающею краснотою; пламя было всюду; вся природа будто окунулась въ кровь; и все еще раздавался неотступный зовъ этого страшнаго голоса, колоколъ звонилъ, звонилъ по прежнему!

Онъ умолкъ наконецъ, но не для его слуха. Погребальный звонъ глубоко врѣзался ему въ сердце. Никакой инструментъ человѣческихъ рукъ не имѣлъ бы того звука, который раздавался тамъ и возвращалъ

Digitized by Google

ему, что безпрестанно вопіетъ къ небу. Кто услышалъ бы этотъ колоколъ, не понявъ, что онъ говоритъ! Убійство слышалось въ каждомъ звукѣ его, — жестокое, безчеловѣчное, неутомимое убійство, совершенное надъ довѣрчивымъ рукою человѣка, владѣвшаго его довѣренностью. Звонъ вызывалъ мертвецовъ изъ могилъ. Что это за лицо, на которомъ дружественная улыбка вдругъ смѣнилась полу-сомнительнымъ ужасомъ, которое на мигъ приняло выраженіе скорби, потомъ стало молящимся взоромъ на небо и безпомощно пало съ открытыми очами, подобно умирающему оленю. Онъ упалъ и терзалъ руками землю, будто хотѣлъ зарыться въ нее, зажалъ уши и закрылъ лицо; нѣтъ, напрасно, напрасно: сотни стѣнъ и мѣдныхъ крышъ не защитили бъ его отъ этого колокола, ибо въ его звонѣ говорилъ гнѣвный голосъ Бога, а отъ этого голоса во всей обширной вселенной нѣтъ убѣжища.

Между-тѣмъ, какъ онъ метался, не зная, куда обратиться, и въ отчаяніи лежалъ на землѣ, адская работа быстро шла впередъ. Оставивъ Майское-Дерево, бунтовщики собрались въ густую толпу и скорыми шагами пустились въ Кроличью-Засѣку. Такъ-какъ слухъ о ихъ прибытіи опередилъ ихъ, то они нашли садовыя двери и окна крѣпко-запертыми и домъ въ глубокой темнотѣ; ни въ одной части строенія не видать было свѣта. Безплодно дернувъ нѣсколько времени звонокъ и стучась въ окованныя желѣзомъ ворота, они отступили нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ обозрѣть мѣсто и посовѣтоваться о вѣрнѣйшихъ средствахъ къ успѣху.

Совѣщаніе длилось очень-недолго, потому-что всѣ, ободренные удачею своихъ прежнихъ буйствъ и разгоряченные до бѣшенства виномъ, имѣли одинъ и тотъ же отчаянный планъ. Едва отданъ былъ приказъ окружить домъ, какъ нѣкоторые уже влѣзли на ворота, или спрыгивали въ низкіе рвы и карабкались на садовыя стѣны, между-тѣмъ, какъ другіе срывали крѣпкую желѣзную рѣшетку, дѣлали проломы, и сверхъ того обращали прутья въ смертоносное оружіе. Какъ домъ былъ совершенно запертъ, то небольшой отрядъ посланъ сломать сарай въ саду, а прочіе довольствовались тѣмъ, что громко стучались въ двери и кричали обитателямъ, чтобъ они сошли внизъ и отворили, если имъ дорога жизнь.

Такъ-какъ на эти многократныя требованія не было отвѣта, и посланный отрядъ воротился съ запасомъ топоровъ, лопатъ и заступовъ, или желѣзныхъ полосъ, то всѣ вмѣстѣ принялись осаждать двери и окна. До-сихъ-поръ съ мятежниками было не больше дюжины зажженныхъ факеловъ; но когда приготовленія кончились, розданы были горящія свѣчи, и съ такою необычайною быстротою переходили они изъ рукъ въ руки, что черезъ минуту уже, по крайней-мѣрѣ двѣ трети всей толпы держали въ рукахъ горящія головни.

Digitized by Google

Они взмахнули ими надъ головою, и съ громкимъ воплемъ кинулись на стѣны и окна.

Между-тѣмъ, какъ трещали тяжкіе удары, звенѣли разбитыя стекла, гремѣли ругательства и проклятія черни, — Гогъ съ своими пріятелями напалъ на рѣшетчатыя двери, куда послѣдній разъ мистеръ Гэрдаль впускалъ его съ старымъ Джономъ, и на нихъ-то налегла теперь вся ихъ соединенная сила. Это были крѣпкія, старинныя дубовыя двери, съ добрыми задвижками и надежными запорами, но скоро онѣ съ трескомъ упали на узкую дорожку и образовали какъ бы помостъ, по которому имъ легко было войдти въ верхніе покои. Почти въ ту же минуту взята дюжина другихъ пунктовъ и отвсюду толпа нахлынула потокомъ.

Небольшое число вооруженныхъ слугъ засѣло въ галлереѣ и дало по осаждающимъ съ полдюжины выстрѣловъ. Но какъ выстрѣлы ихъ остались безъ всякаго дѣйствія и сволочь безпрерывно прибывала, будто войско чертей, то они стали думать только о собственномъ спасеніи и отступили, подлаживая подъ крикъ мятежниковъ, потому что надѣялись такимъ образомъ сами быть принятыми за мятежниковъ. Военная хитрость удалась почти всѣмъ, кромѣ одного старика, о которомъ послѣ уже не было и слуху: значило, что они разшибли ему черепъ желѣзною полосою (одинъ изъ его товарищей видѣлъ его упавшаго) и потомъ бросили въ огонь.

Совершенно овладѣвъ наконецъ домомъ, осаждающіе разсыпались по немъ отъ погреба до чердака и довершали свое дьявольское дѣло. Между-тѣмъ, какъ одни разводили потѣшные огни подъ окнами, другіе ломали мебели и кидали обломки внизъ, чтобъ питать ими пламя; гдѣ отверстія въ стѣнахъ (уже не окна) были довольно-широки, тамъ выбрасывали они въ огонь цѣлые столы, сундуки, шкафы, кровати, зеркала, картины; и каждая свѣжая подбавка привѣтствуема была крикомъ и воплемъ, дополнявшимъ зрѣлище пожара новыми ужасами. Тѣ, которые носили топоры и уже истощили всю ярость надъ движимою домашнею утварью, разбивали двери и оконныя рамы, вырывали половицы и обрубали доски и перекладины на потолкѣ, такъ-что погребали подъ развалинами и своихъ товарищей, находившихся въ верхнихъ покояхъ. Иные доискивались по шкафамъ, сундукамъ, ящикамъ, бюро и альковамъ дорогихъ камней, серебряной посуды и денегъ; другіе, между-тѣмъ, жадные не столько до корысти, сколько до разрушенія, бросали безъ разбора все, что находили, на дворъ и приказывали стоявшимъ внизу разводить этимъ пламя.

Нѣкоторые, забравшіеся въ погребъ и разбившіе тамъ бочки, метались какъ бѣшеные взадъ и впередъ, подкладывали огонь, куда могли, часто даже подъ платья своихъ товарищей; отъ-того зданіе

Digitized by Google

вдругъ занялось съ нѣсколькихъ сторонъ, такъ-что многіе не могли уже спастись; съ опаленными лицами и слабѣющими руками безчувственно висѣли они на карнизахъ оконъ, до которыхъ они доползали, пока пламя не увлекало и не поглощало ихъ. Чѣмъ больше клокоталъ и ярился огонь, тѣмъ жесточе и неистовѣе становились люди; какъ-будто стихія, въ которой они двигались, обращала ихъ въ дьяволовъ и мѣняла ихъ человѣческую натуру на тѣ свойства, которыя нравятся и производятъ восторгъ въ преисподней.

Огненный столбъ, который сквозь разсѣлины въ обрушающихся стѣнахъ показывалъ комнаты и корридоры въ пламенно-красномъ блескѣ; побочное пламя, которое снаружи облизывало кирпичи и нашли своими длинными, вилообразными языками, и потомъ сливалось съ огненною массою внутри; отсвѣтъ, падавшій на фигуры негодяевъ, произведшихъ пожаръ и любовавшихся имъ; шипѣнье яростнаго пламени, которое возносилось такъ высоко, что, казалось, пожирало весь дымъ въ своей алчности; горящіе уголья и пепелъ, которые вѣтеръ разносилъ какъ огненную бурю; глухое паденіе огромныхъ, деревянныхъ балокъ, которыя, какъ легкія перышки, слетали на кучи пепла и падая разлетались въ искры и прахъ; синевато-красный цвѣтъ, который покрывалъ небо и отъ противоположности еще мрачнѣйшая темнота, которая царствовала кругомъ; обнаруженіе и вскрытіе каждаго уголка, освященнаго, можетъ-быть, домашними обычаями, передъ наглымъ взоромъ глазъ черни, и разрушеніе тысячи дорогихъ бездѣлицъ грубыми руками,—все это, сопровождаемое не горестными взглядами и не дружескимъ ропотомъ состраданія, а яростными криками торжества, такъ-что самыя крысы, долго жившія въ старомъ домѣ, заслуживали бы, казалось, состраданіе и жалость прежнихъ обитателей—все это вмѣстѣ образовало зрѣлище, котораго навѣрное никто, смотрѣвшій со стороны, не забылъ потомъ цѣлую жизнь.

Кто же былъ такимъ зрителемъ? Набатъ, качаемый отнюдь не слабою и не дрожащею рукою, звонилъ долго; но ни души не являлось на зовъ. Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ сказывали, будто слышали, когда умолкъ звонъ, визгъ женщинъ и видѣли платья, развѣвавшіяся по воздуху, между-тѣмъ, какъ куча людей уносила какія-то сопротивлявшіяся фигуры. Никто не могъ сказать, правда это или ложь, при такой тревогѣ: но гдѣ же Гогъ? кто видѣлъ его, сътѣхъ-поръ, какъ проломлены ворота? Имя его быстрымъ огнемъ пронеслось по всей толпѣ. Гдѣ же Гогъ?

— Здѣсь, вскричалъ онъ громко, выходя изъ темноты, задыхающійся и почернѣлый отъ копоти. — Мы сдѣлали все, что можно; огонь разгорается самъ-собою; и даже углы, куда онъ еще не проникъ, теперь только груда развалинъ. Разбѣгайтесь, ребята, пока

Digitized by Google

поле еще чисто; ступайте домой разными дорогами и сходитесь, как водится, вместѣ. Сказавъ эти слова, онъ опять исчезъ, совершенно вопреки своему обычаю, ибо прежде онъ всегда былъ первый на мѣстѣ и послѣдній при отступленіи.

Но не легкое было дѣло уговорить пойдти домой такую кучу черни. Если-бъ ворота Бэдлема растворились настежъ, оттуда не вышло бы столько сумасшедшихъ, сколько ихъ надѣлало бѣшенство этой ночи. Между ними были молодцы, которые плясали и топали по цвѣтникамъ, будто топча ногами непріятелей, и срывали цвѣты со стеблей, подобно дикимъ, обдирающимъ непріятельскіе черепа. Нѣкоторые кидали кверху горящіе факелы и роняли ихъ на головы и лица, такъ-что кожа тѣхъ, на кого они падали, покрывалась сначала непріятными пузырями обжога. Другіе бросались въ пожаръ и плескались въ немъ руками, будто въ водѣ; иныхъ должно было оттаскивать только силою: такъ велика была ихъ смертельная страсть къ огненной банѣ. Одному пьяному, который лежалъ на землѣ съ бутылкою въ губахъ, вылился на голову, какъ струя жидкаго огня, свинецъ, растопившійся и потекшій съ крыши; голова растаяла подъ нимъ, какъ воскъ. Когда, напослѣдокъ, собрались разсѣянныя толпы, — нѣсколькихъ людей, которые были еще живы, но какъ-бы опалены горячимъ желѣзомъ, должно было вытащить изъ погребовъ и унести на плечахъ; старались разбудить ихъ скромными шутками, и, если они умирали, ихъ клали у больницъ. Но ни одна душа изъ всей вопящей сволочи не располагалась къ жалости при такихъ зрѣлищахъ; ни въ комъ не укрощали они дикаго, дыкаго, безпамятнаго бѣшенства.

Медленно, небольшими кучками, съ громкими «ура» и повтореніями своего обыкновеннаго крика, скрылась наконецъ толпа. Послѣдніе, красноглазые мародеры плелись вслѣдъ за ними; отдаленный шумъ людей, которые перекликались другъ съ другомъ и свистали, когда хватали кого-нибудь, становился слабѣе и слабѣе; наконецъ умерли и эти звуки, и тишина воцарилась въ окрестности.

Въ-самомъ-дѣлѣ было тихо! Пламя превратилось въ колеблющійся, мерцающій свѣтъ, и кроткія звѣзды, дотолѣ невидимыя, проглянули на черную груду. Густой дымъ висѣлъ надъ развалинами, будто хотѣлъ скрыть ихъ отъ этихъ очей небесныхъ; и вѣтеръ, казалось, не желалъ разгонять его. Голыя стѣны, разсѣвшаяся кровля, комнаты и покои, гдѣ старинные обитатели много и много разъ просыпались къ новой и бодрой жизни и дѣятельности; гдѣ столько много людей бывали веселы и грустны, куда привязывалось столько много надеждъ и мечтаній, жалобъ и перемѣнъ — все погибло. Не осталось ничего, кромѣ уединенной, страшной пустоты, и смрадной кучи золы и пепла.

Digitized by Google

ГЛАВА LVII.

Пріятели Майскаго-Дерева, которымъ и не грезилось, какая участь должна была постигнуть ихъ любимый трактиръ, шли большою дорогою, ведущею въ Лондонъ; избѣгая пыли и зноя большой дороги, они держались околицъ и полей. Подвигаясь ближе къ цѣли своего путешествія, начали они освѣдомляться у прохожихъ, касательно носившихся о бунтовщикахъ слуховъ. Отвѣты далеко превышали все, что знали на этотъ счетъ въ мирномъ Чигуэллѣ. Одинъ сказалъ имъ, что солдаты, перевозившіе нѣсколькихъ мятежниковъ въ Ньюгетъ, атакованы были народомъ и принуждены къ отступленію; другой, что домы двоихъ свидѣтелей близъ Клэр-Маркета разграблены, вѣроятно, именно въ ту минуту, какъ онъ имъ встрѣтился; третій, что домъ сэра Джорджа Севилля на Лейсестерскомъ Полѣ долженъ быть сожженъ сегодня ночью и что сэру Джорджу Севиллю придется плохо, если онъ попадетъ въ руки народу, потому что онъ вносилъ билль католиковъ. Но всѣ извѣстія согласовались въ томъ, что чернь стала появляться гораздо въ сильнѣйшемъ числѣ и большими толпами, нежели прежде; что улицы набережныя, что ничей домъ и ничья жизнь не стоятъ ни пфеннига, что общее безпокойство ежеминутно возрастаетъ, и что уже многія семейства бѣжали изъ города. Какой-то дѣтина, съ народнымъ девизомъ на шляпѣ, ругалъ ихъ, зачѣмъ они не носили кокардъ и совѣтовалъ хорошенько обратить вниманіе на тюремныя ворота въ слѣдующій вечеръ, потому-что замки станутъ сильно трястись; другой, спросилъ ихъ, не желѣзные ль они, что выходятъ на улицу безъ отличительнаго признака всѣхъ добрыхъ и правдивыхъ людей; а третій, который былъ верхомъ и совершенно одинъ, потребовалъ, чтобъ каждый изъ нихъ бросилъ ему въ шляпу шиллингъ въ пособіе бунтовщикамъ. Хоть они побоялись отказать въ этомъ требованіи, и вообще были исполнены страха и ужаса, однакожъ, отошедъ такъ далеко отъ дому, рѣшились уже идти въ Лондонъ, чтобъ собственными глазами убѣдиться въ настоящемъ положеніи дѣлъ. И такъ они пустились еще поспѣшнѣе впередъ, какъ люди, взволнованные чрезвычайными новостями, и углубясь въ размышленіе обо всемъ томъ, что сейчасъ слышали, не говорили другъ съ другомъ ни слова.

Наступила ночь. Приближаясь къ Старому-Городу, они увидѣли ужасное подтвержденіе полученныхъ ими слуховъ въ трехъ большихъ огняхъ, которые жарко горѣли одинъ подлѣ другаго, и страшнымъ темно-краснымъ заревомъ отражались на небѣ. Достигнувъ ближайшихъ предмѣстій, замѣтили они, что на дверяхъ почти каждаго дома виднѣлась крупными буквами надпись «протъ-папство». Всѣ лавки

были заперты, страхъ и ужасъ изображались на каждомъ лицѣ, которое они встрѣчали.

Все это замѣчали они съ ужасомъ, котораго въ полной мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ обнаружить передъ товарищами. Такимъ образомъ дошли они до заставы, которая была заперта. Они пустились по тропинкѣ мимо, какъ вдругъ подскакалъ какой-то верховый изъ Лондона и необычайно-встревоженнымъ голосомъ закричалъ сборщику поспѣшить отворить, отворить ради-Бога, какъ можно скорѣе.

Просьба была такъ серьёзна и настоятельна, что тотъ выбѣжалъ съ фонаремъ въ рукѣ, — даромъ, что былъ неисправный сборщикъ, — и готовился уже поднять шлагбаумъ, какъ случайно оглянулся назадъ и вскричалъ: — Боже мой, что это такое! Еще пожаръ!

Трое пріятелей обратили голову и увидѣли вдали, въ томъ самомъ направленіи, откуда они прибыли — большое, сильное зарево, бросавшее грозный свѣтъ на облака, которыя раскалились, какъ-будто бъ пожаръ былъ позади ихъ, и казались яркимъ солнечнымъ закатомъ.

— Если злое предчувствіе меня не обманываетъ, сказалъ всадникъ: — я знаю, отъ какого дальняго зданія идетъ это пламя. Что ты стоишь такой испуганный, другъ мой? Подними поскорѣе шлагбаумъ!

— Сэръ, воскликнулъ сборщикъ, и, пропуская его, схватилъ за узду лошадь: — я теперь узнаю васъ, сэръ; послушайтесь моего совѣта, не ѣздите. Я видѣлъ, какъ они прошли, и знаю, что это за народъ. Васъ убьютъ.

— Ради-Бога, скорѣе! вскричалъ всадникъ, смотря пристально на огонь и не слушая говорящаго.

— Но, сэръ, сэръ, воскликнулъ тотъ и схватилъ еще крѣпче узду лошади: — если вы поѣдете, надѣньте по-крайней-мѣрѣ синюю ленту. Вотъ, сэръ, примолвилъ онъ, снявъ ленту съ собственной шляпы съ такимъ прискорбнымъ видомъ, что слезы выступили у него на глазахъ: — я ношу ее не по доброй волѣ, а по необходимости, изъ любви къ жизни и къ семейству, сэръ. Надѣньте ее только на сегодняшнюю ночь; только на сегодняшнюю ночь, сэръ.

— Да! воскликнули три товарища, окружив лошадь. — Мастеръ Гэрдаль, сэръ, любезный господинъ, пожалуйста, послушайтесь.

— Кто это? вскричалъ мастеръ Гэрдаль, наклонившись съ лошади, чтобъ лучше разглядѣть: — не голосъ ли это Соломона Дэйзи?

— Точно такъ, сэръ, воскликнулъ маленькій человѣчекъ. — Послушайтесь, сэръ. Онъ говоритъ совершенную правду. Жизнь ваша, можетъ-быть, отъ этого зависитъ.

Digitized by Google

— Ты не боишься, сказалъ вдругъ мэстеръ Гэрдаль: — ѣхать со мною?

— Я, сэръ? Нѣ... нѣ... ѣтъ.

— Навяжи эту ленту себѣ на шляпу. Если намъ попадутся бунтовщики, то увѣряй ихъ, будто я схватилъ тебя, за то, что ты ее носишь. Я самъ скажу имъ это смѣло и открыто; потому-что не пріиму отъ нихъ пощады, но и они ея отъ меня не получатъ, если мы встрѣтимся нынче ночью. Ну, садись за меня, скорѣе! Держись крѣпче и не бойся.

Вмигъ поскакали они полнымъ галопомъ, и вздымая за собою облако пыли, неслись какъ дикіе охотники во снѣ.

Счастьемъ было, что добрая лошадь знала дорогу, потому-что во всю ѣзду ни разу не вглянулъ мэстеръ Гэрдаль на землю; взоръ его постоянно устремленъ былъ на зарево, къ которому они неслись во весь опоръ. Однажды сказалъ онъ тихимъ голосомъ: «это мой домъ»; больше во все время не промолвилъ ни слова. Когда они проѣзжали по мѣстамъ темнымъ и опаснымъ, онъ никогда не забывалъ поддерживать маленькаго человѣчка на сѣдлѣ; но голова его была выпрямлена и глаза устремлены на огонь, не отвращаясь отъ него ни на минуту.

Путь былъ довольно опасенъ, потому-что они скакали ближайшею дорогою, сломя голову, далеко отъ большой дороги, по уединеннымъ тропинкамъ и околицамъ, гдѣ колеса тяжелыхъ фуръ надѣлали глубокихъ бороздъ и ухабовъ; гдѣ кустарники и овраги съужали и безъ-того-тѣсное пространство ровной земли; а высокія деревья, сплетшись вѣтвями надъ дорогою, распространяли глубокій мракъ. Но они все скакали впередъ, не останавливаясь и не спотыкаясь, пока достигли воротъ Майскаго-Дерева и ясно могли разглядѣть, что огонь, будто отъ недостатка въ горючемъ матеріалѣ, погасаетъ.

— Сойдемъ на минуту, на одну минуту, сказалъ мэстеръ Гэрдаль, ссадивъ Дэйзи съ сѣдла и слѣзая самъ. — Уиллитъ, Уиллитъ, гдѣ моя племянница? гдѣ мои люди? Уиллитъ!

Съ такими восклицаніями вбѣжалъ онъ въ трактиръ. Хозяинъ въ веревкахъ, привязанъ къ стулу; домъ опустошенъ, разграбленъ; крыша разломана, — ни одной душѣ уже нельзя пріютиться здѣсь.

Онъ былъ человѣкъ крѣпкій, привычный владѣть собою и покорять себѣ движенія души; но эта прелюдія къ тому, что еще должно было послѣдовать, хотя онъ видѣлъ огонь и зналъ, что домъ его сравнялся съ землею, была больше, чѣмъ онъ могъ вынести. Онъ закрылъ обѣими руками лицо и отворотился на минуту.

— Джонни, Джонни, сказалъ Соломонъ, и честный маленькій человѣчекъ плакалъ въ простотѣ сердца и ломалъ себѣ руки: — любезный, старый Джонни, что это за перемѣна? Не-ужь-то Майское-Дерево по-

гибло, и мы дожили до этого? И старая Кроличья-Засѣка, Джонни, мэстеръ Гэрдаль... Охъ, Джонни, сердце у меня хочетъ разорваться!

Указавъ при этихъ словахъ пальцемъ на мэстера Гэрдаля, онъ облокотился о спинку креселъ мэстера Уиллита и заплакалъ ему черезъ плечо.

Пока говорилъ Соломонъ, старый Джонъ сидѣлъ нѣмъ, какъ треска, глядѣлъ на него безжизненно и неподвижно, и обличалъ всѣми возможными признаками полную безчувственность. Но когда Соломонъ умолкъ, Джонъ послѣдовалъ своими выпученными, круглыми глазами за направленіемъ его взгляда и имѣлъ, казалось, слабое, едва-мерцающее сознаніе, что пришелъ кто-то посторонній.

— Ты не узнаёшь, не узнаёшь насъ, Джонни? сказалъ маленькій церковнослужитель, ударяя себя въ грудь. — Знаешь, Дэйзи... чигуэллская церковь... звонарь... маленькая каѳедра по воскресеньямъ... а? Джонни?

Мэстеръ Уиллитъ подумалъ нѣсколько минутъ и пролепеталъ почти механически:—восхвалимъ Го...

— Ай, ну, такъ точно, воскликнулъ маленькій человѣчекъ:— это я, и самъ, Джонни. Теперь ты опять здоровъ, не правда ли? Скажи, что ты опять здоровъ, Джонни.

— Здоровъ? повторилъ мэстеръ Уиллитъ задумчиво, какъ-будто это былъ вопросъ совѣсти.—Здоровъ? Ахъ!

— Да вѣдь они тебя не поколотили палками, или кочергами, или какими-нибудь другими тупыми орудіями; не такъ ли, Джонни? спросилъ Соломонъ, весьма заботливо взглянувъ на голову мэстера Уиллита.—Вѣдь они тебя не били, а?

Джонъ наморщилъ лобъ, посмотрѣлъ на полъ, какъ-будто былъ занятъ какой-то ариѳметической выкладкою; потомъ на потолокъ, какъ-будто сумма не выходила правильно; потомъ на Соломона Дэйзи, окинувъ его глазами съ головы до ногъ; наконецъ медленно обозрѣлъ вокругъ всю комнату. Изъ каждаго глаза выкатилась крупная, полная, свинцовая слезина, и онъ сказалъ, качая головою:

— Если бъ ужь они сдѣлали милость, убили меня, я былъ бы имъ благодаренъ отъ всего сердца.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не говори такъ, Джонни! захныкалъ его маленькій пріятель. — Это очень, очень-дурно, а все не такъ дурно, какъ то. Нѣтъ, нѣтъ!

— Посмотрите, сэръ! воскликнулъ Джонъ, обративъ свой горестный взглядъ на мэстера Гэрдаля, который сталъ на колѣни и началъ поспѣшно развязывать ему веревки. — Посмотрите, сэръ! Само майское-дерево, старое, нѣмое майское-дерево заглядываетъ въ окошко, будто хочетъ сказать «Джонъ Уиллитъ, Джонъ Уиллитъ,

Digitized by Google

пойдемъ и кинемся въ ближній прудъ, гдѣ всего глубже; наша пора прошла!»

— Нѣтъ, Джонни, нѣтъ, воскликнулъ его пріятель, потрясенный сколько горестнымъ напряженіемъ, какое слышало воображеніе мастера Уиллита, столько и могильнымъ тономъ, какимъ онъ произнесъ мнимыя слова майскаго дерева. — Пожалуйста, Джонни, не говори такъ!

— Убытокъ твой великъ и несчастіе немало, сказалъ мастеръ Гэрдаль, безпокойно глядя на двери:—теперь не время утѣшать тебя. А еслибъ и было время, то я самъ не въ такомъ положеніи, чтобъ могъ это сдѣлать. Скажи мнѣ только одно, прежде чѣмъ разстанемся, и постарайся сказать ясно и правильно, умоляю тебя. Не видалъ ли ты или не слыхалъ ли чего объ Эмми?

— Нѣтъ! сказалъ мастеръ Уиллитъ.

— Не видалъ никого, кромѣ этихъ негодяевъ?

— Нѣтъ!

— Надѣюсь, Богъ милостивъ, они убѣжали, прежде чѣмъ начались эти страшныя сцены, сказалъ мастеръ Гэрдаль, который отъ волненія, отъ нетерпѣнія опять сѣлъ на лошадь, не развязавъ еще ни одного узла.—Ножикъ, Дэйзи!

— Вы не видали, сказалъ Джонъ, озираясь кругомъ, какъ будто ища носоваго платка, или другой подобной бездѣлицы:—никого изъ васъ, гдѣ-нибудь, не видалъ гроба?

— Уиллитъ! воскликнулъ мастеръ Гэрдаль.—Соломонъ выронилъ ножикъ изъ рукъ и вскричалъ дрожа всѣмъ тѣломъ и запинаясь, «ради Бога».

— Тутъ, сказалъ Джонъ, нимало не обращая на нихъ вниманія: —прошелъ недавно мертвецъ, въ ту сторону. Я бы могъ еще сказать вамъ имя, которое стояло на крышкѣ, если только онъ принесъ гробъ и оставилъ здѣсь. Если нѣтъ, то и говорить нечего.

Его помѣщикъ, который слушалъ каждое изъ этихъ словъ, задыхаясь отъ нетерпѣнія, вдругъ вскочилъ, вытащилъ Соломона Дэйзи, не говоря ни слова, за дверь, сѣлъ на лошадь, посадилъ его позади себя и скорѣе полетѣлъ, чѣмъ поскакалъ, къ грудѣ развалинъ, которая еще днемъ блистала на солнцѣ красивымъ домомъ. Мастеръ Уиллитъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, взглянулъ на свои ноги, чтобъ вполнѣ убѣдиться, что онъ еще привязанъ и, не обнаруживъ ни малѣйшаго нетерпѣнія, разочарованія или удивленія, снова тихо и постепенно впалъ въ то состояніе, отъ котораго такъ несовершенно очнулся.

Мастеръ Гэрдаль привязалъ лошадь къ дереву, и, взявъ за руку своего спутника, тихо покрался по тропинкѣ туда, гдѣ былъ его садъ. Онъ остановился на минуту взглянуть на дымящіяся стѣны и

Digitized by Google

на стадии, мерцавшія сквозь крышу и потолки. Соломонъ бросилъ робкій взглядъ на его лицо; но губы у него были сжаты, на челѣ виднѣлось выраженіе важной, непоколебимой рѣшимости и ни одной слезы, никакого вида, ни одного взгляда безпокойства не вырвалось у него.

Онъ вынулъ шпагу, пощупалъ что-то за пазухою, какъ-будто носилъ при себѣ еще другое оружіе; потомъ опять взялъ Соломона за руку и осторожными шагами пошелъ вкругъ дома. Онъ заглядывалъ во всякій проходъ, во всякую щель въ стѣнѣ, ворочался при каждомъ шорохѣ вѣтра въ листьяхъ и объискивалъ распростертыми руками каждый темный уголъ. Такъ обошли они зданіе кругомъ; но воротились на мѣсто, откуда пошли, не встрѣтивъ ни одного человѣческаго существа, и не открывъ никакого слѣда спрятавшагося мародёра.

Послѣ краткаго молчанія, мэстеръ Гэрдаль прокричалъ раза два или три громко: — Не спрятался ли здѣсь кто-нибудь, кому знакомъ мой голосъ? Теперь нечего бояться. Если кто-нибудь изъ моихъ домашнихъ тутъ близко, то прошу его отвѣчать! — Онъ кликалъ всѣхъ по именамъ; эхо печально вторило его голосъ и все было по-прежнему тихо.

Они стояли недалеко отъ башни, на которой висѣлъ набатъ. Огонь свирѣпствовалъ тамъ; полы были испилены, изрублены и разбиты. Все открыто настежъ, но часть лѣстницы еще уцѣлѣла и вилась надъ большою кучею сора и пепла вверхъ. Обломки расшибенныхъ и обрубленныхъ ступеней представляли кое-гдѣ ненадежныя, хрупкія опоры, и потомъ снова терялись за выдавшимися углами стѣны или въ густой тѣни, бросаемой на нихъ другими развалинами; ибо мѣсяцъ уже взошелъ и сіялъ въ полномъ блескѣ.

Когда они стояли, прислушиваясь къ замирающему эху и тщетно надѣясь услышать знакомый голосъ, что-то оторвалось отъ обгорѣлой башни и скатилось внизъ. Соломонъ, котораго пугалъ малѣйшій шорохъ въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, взглянулъ въ лицо своему спутнику и увидѣлъ, что онъ, внимательно напрягши слухъ, оборотился въ ту сторону.

Онъ зажалъ маленькому человѣчку ротъ рукою и опять сталъ слушать. Скоро съ сверкающими глазами велѣлъ онъ ему, если дорожитъ жизнью, стоять смирно, не говорить и не шевелиться. Потомъ нагнулся, притаивъ дыханіе, на землю, покрался, со шпагою въ рукѣ, въ башню, и исчезъ.

Отъ страха остаться одному въ такомъ печальномъ положеніи, послѣ всего того, что слышано и видѣно въ этотъ вечеръ, Соломонъ охотно пошелъ бы за нимъ вслѣдъ, еслибъ въ поступкахъ и видѣ мэстера Гэрдаля не заключалось чего-то такого, что, какъ скоро онъ

Digitized by Google

вспоминалъ, оковывало его, какъ волшебствомъ. Онъ будто приросъ къ землѣ и едва смѣлъ дышать. Въ такомъ страхѣ и изумленіи взглянулъ онъ наверхъ.

Опять отвалился пепелъ и посыпался — тихо, тихо, опять, опять, какъ будто онъ осыпался подъ какою-то робкою поступью. Вотъ медленно показалась фигура, осторожно пролѣзая и часто останавливаясь, чтобъ посмотрѣть внизъ; потомъ она продолжала свой трудный путь и снова скрылась отъ глазъ.

Еще разъ вынырнула она на невѣрный и слабый свѣтъ, теперь выше прежняго, но немного-выше, потому-что исходить было круто и тяжело — можно было только медленно подаваться впередъ. За какимъ привраномъ гнался онъ? зачѣмъ то-и-дѣло оглядывалъ внизъ? Вѣдь онъ зналъ, что тутъ никого нѣтъ? Вѣдь умъ его не былъ встревоженъ ужасами и утратами этой ночи? Вѣдь онъ, вѣрно, нехотя бросился головою внизъ съ этой рухлой стѣны? Соломонъ почти лишился чувствъ и сложилъ руки. Онъ дрожалъ всѣми членами, и холодный потъ выступилъ на его блѣдномъ лицѣ.

Если онъ теперь повиновался послѣднему приказанію мистера Гардаля, это потому-что онъ не имѣлъ силъ пошевелиться, ни голоса закричать. Онъ напрягъ глаза и устремилъ ихъ на клочекъ лунного свѣта, на который тотъ, всходя выше, долженъ былъ наконецъ выйдти. Тогда думалъ онъ попытаться окликать его.

Опять оторвалась зола и покатилась внизъ; нѣсколько камней съ глухимъ, тяжелымъ звукомъ упали на землю. Онъ взглянулъ на клочекъ лунного свѣта. Фигура подвигалась, потому-что тѣнь ея уже падала на стѣну. Наконецъ она появилась, оглянулась, и вотъ...

Церковнослужитель, объятый ужасомъ, испустилъ вопль, пронесшійся по воздуху, и вскричалъ «опять мертвецъ! мертвецъ!»

Не успѣло стихнуть эхо этого крика, какъ мелькнула еще другая фигура, бросилась на первую, придавила ей грудь колѣномъ и схватила ее обѣими руками за горло.

— Бездѣльникъ! воскликнулъ страшнымъ голосомъ мистеръ Гардаль.—Мертвый и похороненный, такимъ почитали тебя всѣ, обманутые твоей адскою хитростію, но сбереженный небомъ для того... Наконецъ... наконецъ... ты въ моихъ рукахъ! Ты, чья рука обагрена кровью моего брата и его вѣрнаго слуги, пролитою для прикрытія твоего собственнаго, гнуснаго злодѣйства, ты, Роджъ, сугубый убійца и извергъ, я арестую тебя во имя Бога, который предалъ тебя въ мою руку. Нѣтъ, хоть бы у тебя была сила двадцати рыкъ, прибавилъ онъ, когда тотъ барахтался и защищался: — ты не уйдешь отъ меня въ эту ночь и не вырвешься изъ рукъ моихъ.

Digitized by Google

ГЛАВА LVII.

Бэрнеби продолжалъ прохаживаться съ своимъ знаменемъ передъ дверью конюшни, радуясь, что опять остался одинъ, и вполнѣ наслаждаясь непривычнымъ покоемъ и тишиною. Послѣ оглушительнаго шума и тревогъ, въ какихъ протекли послѣдніе два дня, удовольствію уединенія и мира имѣли для него тысячекратную прелесть. Онъ чувствовалъ себя совершенно-счастливымъ; и когда сталъ, опершись на знамя, углубясь въ раздумье, радостная улыбка показалась на лицѣ у него и свѣтлыя мысли мелькали въ головѣ.

Не думалъ ли онъ о ней, которой единственнымъ утѣшеніемъ былъ онъ и которую, самъ того не зная, повергъ онъ въ такое горькое страданіе, въ такую глубокую скорбь? О, разумѣется! Она стояла на послѣднемъ планѣ всѣхъ его веселыхъ надеждъ и гордыхъ мыслей. Къ ея счастію должна была послужить вся эта повѣсть и отличіе; радости и корысть для нея назначались. Въ какое восхищеніе пріидетъ она, когда услышитъ о храбрости своего бѣднаго сына!—Ахъ! это бы онъ зналъ, еслибъ Гогъ ему и не сказывалъ. И что за прекрасная вещь была мысль, что она живетъ такъ счастливо и съ такою гордостью (онъ ужь рисовалъ въ воображеніи мину, съ какой она слушала разсказы о немъ) узнаетъ объ его почетной должности; что онъ смѣлѣйшій изъ смѣлыхъ, и отъ всѣхъ прочихъ почтенъ величайшею довѣренностію. И когда, послѣ этихъ ошибокъ и побѣды добраго лорда надъ своими врагами, всѣ они опять заживутъ въ мирѣ, онъ съ матерью разбогатѣетъ, какъ весело будетъ разговаривать тогда объ этихъ безпокойныхъ временахъ, въ которыя онъ былъ великимъ воиномъ: когда они въ ту пору станутъ сидѣть одни-одинехоньки въ темныхъ сумеркахъ и у нея уже не будетъ причины мучительно заботиться о слѣдующемъ днѣ, какъ отрадно будетъ сказать, что это сдѣлалъ онъ — онъ, бѣдный, поло-умный Бэрнеби; потрепать ее по щекѣ и, весело улыбаясь, спросить: «Дуракъ ли еще я теперь, матушка, дуракъ ли я теперь?»

Съ облегченнымъ сердцемъ и глазами, блиставшими тѣмъ яснѣе, что ихъ омрачила на мигъ слеза радости, Бэрнеби бодро продолжалъ прохаживаться и стеречь свой постъ, напѣвая веселую пѣсенку.

Грейвъ, несчастный его товарищъ, который, бывало, любилъ лучше греться на солнышкѣ, предпочелъ сегодня ходить по конюшнѣ, гдѣ ему было много работы, потому-что онъ то разрывалъ солому и прятался подъ нее разныя бездѣлки, которыя случайно оставлялись неприбранными, то осматривалъ гогову постель, которая, казалось, особенно его прельщала. Нѣсколько разъ заглядывалъ

Digitized by Google

Барнеби внутрь конюшни и кликалъ Грейфа; тогда онъ подпрыгивалъ къ нему; но онъ дѣлалъ это только въ уваженіе къ слабости своего хозяина и скоро опять возвращался къ своимъ серіёзнымъ занятіямъ: разбрасывалъ клювомъ солому и опять ее складывалъ, какъ будто шепталъ тайны на ухо землѣ и погребалъ ихъ въ ней, безпрестанно работая на подстилкѣ, а когда приходилъ Барнеби, притворялся, будто ни о чемъ не думаетъ, и зѣваетъ только по сторонамъ: однимъ словомъ, онъ въ этомъ случаѣ былъ замысловатѣе и скрытнѣе обыкновеннаго.

Какъ становилось уже поздно, то Барнеби, которому на карауль не запрещено было ѣсть и пить, даже оставлены были бутылка пива и корзина съ съѣстнымъ, рѣшился наконецъ закусить. Онъ сѣлъ на землѣ передъ дверью, положилъ на случай тревоги знамя себѣ на колѣни и кликнулъ Грейфа къ ужину.

Зову этому птица повиновалась очень-проворно и, кричалъ, поглядывая на хозяина: «я дьяволъ, дьяволъ, Полли, пайпинъ, протестантъ, прочь-папство!» Послѣднюю поговорку выучилъ онъ у прекрасныхъ людей, съ которыми въ послѣднее время такъ много обращался; онъ умѣлъ произносить ее съ необыкновенною выразительностью.

— Браво, Грейфъ! воскликнулъ Барнеби, давая ему самые лакомые куски. — Славно сказано, старикъ!

— Говори, что никогда не умрешь, бау, вау, вау, бодрое, веселье, Грейфъ, Грейфъ, Грейфъ. Эй, эй! Мы всѣ пьемъ чай, протестантъ, чайникъ, прочь-папство!... кричалъ воронъ.

— Да здравствуетъ Гордонъ, Грейфъ! — сказалъ Барнеби.

Воронъ прилегъ головою къ землѣ и глядѣлъ искоса на хозяина, будто прося его «скажи-ко мнѣ это еще разъ!». Барнеби, который совершенно понялъ его желаніе, повторилъ фразу нѣсколько разъ. Птица слушала съ величайшимъ вниманіемъ, нѣсколько разъ повторила про-себя тихо народный паролъ, который уже знала, какъ будто сравнивая то и другое и смотря, не поможетъ ли старое затвердить новое; потомъ хлопала крыльями или каркала, и нѣсколько разъ съ какимъ-то отчаяніемъ и чрезвычайной досадой откупоривала множество пробокъ.

Барнеби былъ такъ занятъ своимъ любимцемъ, что сначала не замѣтилъ было приближенія двухъ всадниковъ, которые, ѣдучи шагомъ, направлялись прямо къ его посту. Когда они находились отъ него еще около пятидесяти ярдовъ, онъ однако замѣтилъ ихъ и, поспѣшно вскочивъ, велѣлъ Грейфу идти въ конюшню, а самъ опершись, по-обыкновенію, обѣими руками на древко знамени, ждалъ, разсматривая, враги это, или друзья.

Едва онъ расположился такимъ образомъ, какъ замѣтилъ, что

Digitized by Google

подъезжающіе были господинъ съ слугою; почти въ ту же минуту увидалъ онъ лорда Джорджа Гордона, сдвинулъ шляпу и сталъ передъ нимъ съ обнаженною головою, потупивъ глаза въ землю.

— Здравствуй! сказалъ лордъ Джорджъ, не прежде остановивъ лошадь, какъ подъѣхалъ къ нему вплоть. — Здорово!

— Все покойно, сэръ, все хорошо и благополучно! воскликнулъ Барнеби. — Нашихъ нѣтъ: они пошли вонъ по той дорогѣ. Большая куча!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ лордъ, глядя на него задумчиво. — А ты?

— О! Меня они оставили здѣсь присматривать... стоять на карауле... чтобъ все было цѣло, пока они воротятся. Я это и дѣлаю, ради васъ. Вы такой хорошій господинъ; добрый господинъ — да. У васъ много непріятелей, да мы съ ними поправимся, не бойтесь ничего!

— Это что? сказалъ лордъ Джорджъ, указывая пальцемъ на ворона, выглядывавшаго изъ конюшни, но все по-прежнему смотрѣлъ задумчиво и, казалось, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, на Барнеби.

— Э, разве вы не знаете? отвѣчалъ Барнеби, захохотавъ отъ удивленія. — Не знаете, кто это такой! Птица, разумѣется. Моя птица — мой пріятель, Грейфъ.

— Дьяволъ, чайникъ, Грейфъ, Полли, протестантъ — прочь-папство! закричалъ воронъ. — Конечно, продолжалъ тихо Барнеби, положа руку на шею лошади лорда Джорджа: — конечно, вы правы, что спрашиваете у меня, кто онъ, потому-что часто и мнѣ кажется мудрено — а я ужь привыкъ къ нему — когда подумаю, что онъ простая птица. Ха, ха, ха! Онъ мой братъ, мой Грейфъ — всегда со мною... всегда веселъ... всегда болтаетъ... а? Грейфъ?

Воронъ отвѣчалъ дружескимъ карканьемъ и, вспрыгнувъ на протянутую руку хозяина, слушалъ его ласки съ видомъ величайшаго равнодушія и повертывалъ свои неугомонные, любопытные глаза то на лорда Джорджа, то на его слугу.

Лордъ Джоржъ въ смущеніи кусалъ себѣ ногти и глядѣлъ нѣсколько минутъ на Барнеби молча; потомъ кивнулъ слугѣ.

— Поди сюда, Джонъ.

Джонъ Грюбэ приложилъ два пальца къ шляпѣ и подъѣхалъ.

— Видалъ ты прежде когда-нибудь этого молодаго человѣка? спросилъ его тихо господинъ.

— Два раза, милордъ, сказалъ Джонъ. — Я видѣлъ его прошедшую ночь и въ субботу промежь толпы.

Digitized by Google

— Какъ тебя... какъ тебѣ показалось его наружность, дика или странна? спросилъ, запинаясь, лордъ Джорджъ.

— Онъ помѣшанъ, сказалъ Джонъ отрывисто.

— Почему жь ты его считаешь за помѣшаннаго? сказалъ лордъ съ досадою:—не будь опрометчивъ на слова. Почему ты считаешь его за помѣшаннаго?

— Милордъ, отвѣчалъ Джонъ Грюбъ: — взгляните только на его платье, глаза, безпокойный видъ, послушайте, какъ онъ кричитъ «прочь-папство!» Помѣшанный, милордъ!

— Стало-быть, если кто-нибудь одѣнется иначе, чѣмъ другой, возразилъ его господинъ гнѣвно, посмотрѣвъ на самого-себя:—и случайно въ своей наружности отличается отъ прочихъ людей, и если онъ случайно бываетъ поборникомъ великаго дѣла, отъ котораго отпадаютъ развращенные люди безъ религіи и вѣры, то за это надо объявить его помѣшаннымъ, не такъ ли?

— Ужасно-помѣшаннымъ, просто бѣшенымъ, милордъ, отвѣчалъ непоколебимый Джонъ.

— И ты осмѣливаешься говорить это мнѣ въ глаза? воскликнулъ развращенный господинъ.

— Всякому, кто меня спроситъ, отвѣчалъ Джонъ.

— Мастеръ Гашфордъ, вижу, былъ правъ, сказалъ лордъ Джорджъ: —я было-думалъ, что у него есть какой-нибудь предразсудокъ, хотя бы я долженъ лучше знать человѣка, подобнаго ему, чтобъ не думать этого!

— Заступничества мастера Гашфорда я никогда не заслужу, милордъ, возразилъ Джонъ, почтительно приложивъ два пальца къ шляпѣ:—да я и не хлопочу о томъ.

— Ты дурной, крайне-неблагодарный человѣкъ, сказалъ лордъ Джорджъ:—шпіонъ, по всему, что я вижу. Мастеръ Гашфордъ совершенно правъ, и это мнѣ давно бы надобно замѣтить. Было несправедливо съ моей стороны держать тебя въ службѣ. Это было безмозглое оскорбленіе моего избраннаго и вѣрнаго друга, когда подумаю, чью сторону взялъ ты въ тотъ день, когда его обидѣли въ Вестминстерѣ! Ты оставишь мой домъ сегодня вечеромъ—нѣтъ, какъ скоро пріѣдемъ домой. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Коли такъ, и то хорошо, милордъ. Пусть будетъ воля мастера Гашфорда. Что касается до моего шпіонства, милордъ, такъ вы, вѣрно, знаете меня хорошо и не можете подумать обо мнѣ что-нибудь такое. Я мало смыслю въ такихъ вещахъ. Мое дѣло оборонять слабаго отъ сильныхъ, одного отъ двухъ-сотенъ, и это всегда, надѣюсь, будетъ моимъ дѣломъ.

— Довольно, отвѣчалъ лордъ Джорджъ, сдѣлавъ ему рукою знакъ удалиться.—Я не хочу больше ничего слышать.

Digitized by Google

— Если позволите мнѣ вымолвить еще слово, милордъ, возразилъ Джонъ Грюбэ:—то я хотѣлъ бы предостеречь этого глупаго парня не стоять здѣсь одному. Прокламація теперь ужь очень во многихъ рукахъ, и слишкомъ-хорошо извѣстно, что онъ тутъ же замѣшанъ. Лучшебъ онъ сдѣлалъ, еслибъ пріискалъ себѣ безопасный уголъ, бѣдное созданье.

— Слышишь, что говоритъ этотъ человѣкъ? воскликнулъ лордъ Джорджъ къ Бэрнеби, который съ изумленіемъ смотрѣлъ то на одного, то на другаго во время этого разговора. — Онъ полагаетъ, что ты боишься оставаться на своемъ постѣ, и что тебя, можетъ-быть, насильно, противъ твоей воли, арестуютъ здѣсь. Что ты на это скажешь?

— Я думаю, молодой человѣкъ, сказалъ Джонъ, выражаясь понятнѣе: — что могутъ прійдти солдаты и схватить тебя; а если это случится, тебя навѣрное повѣсятъ за шею, пока ты умрешь... умрешь... умрешь. И, кажется, ты лучше бы сдѣлалъ, вырвавшись отсюда какъ-можно-скорѣе. Вотъ, что я говорю.

— Онъ трусъ, Грейфъ, трусъ! воскликнулъ Бэрнеби, ссадивъ ворона на землю, и бросивъ знамя на плечо. — Пусть ихъ прійдутъ! Да здравствуетъ Гордонъ! Пусть ихъ прійдутъ!

— Да, сказалъ лордъ Джорджъ: — пусть прійдутъ! Посмотримъ, кто-то осмѣлится аттаковать такую силу, какова наша,—священный союзъ цѣлаго народа. *Онъ* помѣшанный! Ты славно отвѣчалъ, славно! Я горжусь, что начальствую такими людьми, какъ ты.

У Бэрнеби сердце запрыгало отъ радости, когда онъ услышалъ эти слова. Онъ взялъ руку лорда Джорджа и поднесъ ее къ губамъ, потрепалъ его лошадь по спинѣ и погладилъ, какъ-будто любовь и удивленіе, какія онъ питалъ къ ея господину, простирались и на лошадь, на которой тотъ ѣздилъ; потомъ развернулъ знамя, гордо пустилъ его развиваться по воздуху и сталъ по-прежнему ходить взадъ и впередъ.

Лордъ Джорджъ съ сверкающими взорами и пылающими щеками снялъ шляпу и, махнувъ ею нѣсколько разъ надъ головою, вскричалъ Бэрнеби торжественнымъ голосомъ, «прощай!» потомъ весело поѣхалъ прочь, часто оглядываясь, чтобъ посмотрѣть, слѣдуетъ ли за нимъ слуга. Честный Джонъ пришпорилъ своего коня и поѣхалъ за господиномъ, все-таки предостерегая Бэрнеби киваньями и знаками, которые онъ постоянно продолжалъ дѣлать, а Бэрнеби такъ же постоянно отвергать, пока извивы улицы скрыли одного изъ виду у другаго.

Бэрнеби, который теперь получилъ еще высшее понятіе о важности своего поста, и который особеннымъ вниманіемъ и ободреніемъ своего начальника приведенъ былъ въ энтузіазмъ, ходилъ взадъ и

Digitized by Google

перед не столько въ бодрствующемъ состояніи, сколько въ сладкомъ опьяненіи. Не доставало еще одного только,— чтобъ она увидѣла его теперь!

День позднѣлъ; жаръ его постепенно уступалъ мѣсто прохладѣ вечера; поднялся легкій вѣтерокъ, развѣвая Барнеби длинные волосы и весело шумя флагомъ у него надъ головою. Воленъ и свѣжъ былъ этотъ звукъ, и совершенно гармонировалъ съ его внутреннимъ настроеніемъ. Онъ былъ счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Опершись на свое знамя, онъ смотрѣлъ прямо на заходящее солнце и съ улыбкою думалъ о томъ, что онъ въ эту минуту стережетъ закрытое золото, какъ вдали показались двое или трое людей, которые опрометью бѣжали къ дому и махали руками, какъ-бы заставляя жителей бѣжать отъ приближающейся опасности. Чѣмъ ближе подбѣгали они, тѣмъ серьёзнѣе становились ихъ тѣлодвиженія, и едва были они на разстояніи слуха, какъ передній вскричалъ: «солдаты идутъ!»

При этихъ словахъ, Барнеби подобралъ свое знамя и обернулъ его около древка. Сердце у него сильно билось, но о бѣгствѣ онъ думалъ такъ же мало, какъ шестъ, который держалъ въ рукѣ. Бѣглецы, его товарищи, увѣдомивъ его объ опасности, быстро пронеслись мимо въ домъ, гдѣ тотчасъ поднялась страшная тревога. Запирая поспѣшно двери и окна, они взглядами и знаками много разъ звали его къ себѣ и кричали, чтобъ онъ бѣжалъ опрометью; но онъ въ отвѣтъ только качалъ нетерпѣливо головою и тѣмъ тверже продолжалъ стоять на своемъ постѣ. Увидѣвъ, что его не уговоришь, они стали думать о собственномъ спасеніи; оставили въ домѣ одну только старуху и удалились, какъ могли скорѣе.

До-сихъ-поръ не видать еще было слѣда, чтобъ извѣстіе имѣло какую-нибудь основательнѣйшую причину, кромѣ испуга принесшихъ его; но не прошло пяти минутъ отъ опорожненія трактира, какъ въ полѣ показалась толпа людей, которые,—какъ можно было угадать по ихъ блестящему на солнцѣ оружію и правильной, стройной походкѣ—были солдаты. Очень скоро увидѣлъ Барнеби, что это сильный отрядъ пѣхотной гвардіи, при которомъ находились два господина въ партикулярномъ платьѣ и небольшая кучка кавалеріи; послѣдняя замыкала шествіе и состояла не больше, какъ изъ шести или восьми человѣкъ.

Они подавались впередъ ровно и безостановочно, не ускоряя шага, когда подходили ближе, не подымая крика и не обнаруживая никакой тревоги. Хоть это, какъ зналъ даже Барнеби, само собою разумѣется у регулярныхъ войскъ, однако въ этой тишинѣ было нѣчто страшное и поразительное для человѣка, привыкшаго къ шуму и волненію нестройной толпы черни. Не смотря на то, онъ ни на во-

Digitized by Google

лесъ не поколебался въ рѣшимости защищать свой постъ и безстрашно смотрѣлъ впередъ.

Они вошли на дворъ и остановились. Командующій офицеръ послалъ вѣстового къ кавалеристамъ, изъ которыхъ одинъ подскакалъ къ нему. Они перемолвили нѣсколько словъ и посмотрѣли на Барнеби, который, еще хорошо помнилъ человѣка, сброшеннаго имъ съ лошади въ Вестминстерѣ и теперь стоявшаго передъ его глазами. Сей кавалеристъ былъ отрядомъ отправленъ и вернулся къ его товарищамъ, которые стояли въ небольшомъ разстояніи.

Офицеръ скомандовалъ къ заряду. Тяжелое паденіе мушкетовъ на землю и рѣзкій, терпкій запахъ пороха въ дулахъ, были для Барнеби родомъ облегченія, хотя онъ зналъ смертоносный смыслъ этого звука. Вслѣдъ за тѣмъ раздалась еще другая команда, и солдаты построились, человѣкъ за человѣкомъ, вокругъ дома и помѣстились такъ, что совершенно окружили его со всѣхъ сторонъ, на разстояніи около полудюжины ярдовъ. Кавалеристы по-прежнему стояли вдали.

Два господина въ партикулярномъ платьѣ, державшіеся вмѣстѣ, выѣхали теперь впередъ, по бокамъ офицера, и одинъ изъ нихъ, по-видимому, отличавшійся, и потомъ офицеръ потребовалъ отъ Барнеби сдачи.

Онъ не отвѣчалъ ни слова, а отступилъ въ дверь, у которой стоялъ на часахъ, и заперся ее изнутри. Наступила глубокая тишина... еще разъ потребовали его къ сдачѣ.

Опять никакого отвѣта. Конечно, ему довольно было дѣла пробѣгать вдоль и впередъ задами, чтобъ осматривать стѣны, передними людей, проворно обдумать и рѣшить, которыхъ изъ нихъ прежде уларить, если они нападутъ на него. Одного, стоявшаго впередъ, онъ отмѣтилъ глазомъ и рѣшился сломить этого молодца, хоть бы его и убили.

Опять мертвая тишина, и въ третій разъ тотъ же голосъ требуетъ сдачи.

Черезъ минуту Барнеби уже отскакалъ на середину и кругомъ вокругъ себя, какъ бѣшеный. Двое лежали простертые у его ногъ, одинъ, котораго онъ себѣ отмѣтилъ, упалъ первый... онъ узналъ подумать объ этомъ даже въ пылу схватки. Еще взмахъ, и еще свалился человѣкъ. Пересиленный, онъ наконецъ упалъ, оглушенный тяжкимъ ударомъ приклада безпощаднаго, и взятъ въ плѣнъ.

Крики удивленія, вырвавшіеся у офицера, привлекли его изъ комнаты обратно въ себѣ. Онъ оглянулся вокругъ. Бренди, за послѣдовавшее, пока выпущено другихъ было изъ-за чего, работали съ напряженіемъ силами, растопыривъ самыя свои пальцы разрыть голую землю своими ногтями, пригнувшись

ник. Было, по описанию, была наполнена до краев и только немного засыпана землею. Золотыя чаши, ложки, подсвечники, чистыя гинеи, все сокровища были наружи.

Солдаты взяли лопаты и мешок, вырыли все, что там было зарыто, и набрали больше, нежели сколько могли снести два человека. Барнеби связали руки и ноги, обыскали его и обобрали все, что съ нимъ было. Двое солдатъ, которыхъ онъ ошибъ, уведены въ томъ же порядкѣ, съ какимъ все происходило. Наконецъ они оставлены въ конюшнѣ подъ карауломъ четырехъ человѣкъ съ примкнутыми штыками, между-тѣмъ, какъ офицеръ лично производилъ объискъ дома и другихъ, къ нему принадлежащихъ строеній.

Скоро все было кончено. Солдаты опять построились на дворѣ; Барнеби вышелъ съ своимъ карауломъ и принужденъ сталъ тутъ же на рядѣ на оставленномъ для него мѣстечкѣ. Прочіе все сомкнулися кругъ него и такимъ образомъ выступили, ведя посрединѣ арестанта.

Когда они проходили по улицамъ, онъ замѣтилъ, что былъ предметомъ общаго любопытства; взглядывая кверху, на пестрѣющіе карнизы, онъ видѣлъ, какъ зрители спѣшили подбѣгать къ окошкамъ и открывали рамы, чтобъ посмотрѣть ему вслѣдъ. Часто встрѣчалъ онъ лицо, пристально заглядывающее черезъ головы карауливши сквозь руки тѣхъ, которые его вели, либо тянущееся съ фуры, или каретныхъ козелъ; но больше не видѣлъ онъ ничего, окруженный столькими людьми. Даже уличный шумъ, казалось, прижималъ, и воздухъ вонно, удушливо обвивалъ его, какъ жаркое дыханіе раскаленной печи.

Разъ, два. Разъ, два. Головы прямо, плечи врозь, человѣкъ съ человѣкомъ шагъ въ шагъ, все такъ стройно и правильно; никто не оглядывается; никто, казалось, не думаетъ объ его присутствіи; онъ сѣлъ вѣрилъ, что онъ арестантъ. Но при этомъ словѣ, хотя онъ его только задумалъ, не произнося, чувствовалъ онъ оковы, сжимающія тѣло, руки связанныя назадъ, видѣлъ уже заряженное оружіе, уставленное противъ него, видѣлъ холодныя, бѣлыя, блистающія острія, на него направленныя, такъ, что при одномъ взглядѣ на нихъ, теперь, когда онъ связанъ и безпомощенъ, кровь быстрѣе пробѣгала по его жилахъ.

Глава XXVII.

Немного нужно было времени солдатамъ дойдти до казармъ, ибо офицеръ старался избѣгать всякаго народнаго волненія чрезъ выказываніе воинской силы на улицахъ, и былъ столь человѣколюбивъ, что не подавалъ пѣвцамъ ни малѣйшаго повода къ случаю къ напад-

Digitized by Google

нибудь попыткѣ освободиться, хорошо зная, что это повлекло бы къ кровопролитію и убійству, и что, еслибъ сопровождающіе его гражданскіе чиновники уполномочили его стрѣлять, то погибло бы много невинныхъ, которыхъ привело сюда простое любопытство, или праздность. Потому, онъ поспѣшно велъ своихъ людей впередъ и съ сострадательнымъ благоразуміемъ, минуя многолюднѣйшія и открытѣйшія улицы, выбиралъ такія, которыя почиталъ болѣе безопасными отъ возмутительной черни. Это умное распоряженіе не только дало имъ возможность достигнуть мѣста безъ тревоги и препятствій, но и обмануло цѣлую толпу бунтовщиковъ, которая расположилась на одной изъ главныхъ улицъ, гдѣ, какъ предполагали они, пойдутъ солдаты. Толпа эта, съ намѣреніемъ освободить арестанта, еще стояла на мѣстѣ, когда солдаты ужь давнымъ-давно привели его въ надежный пріютъ, заперли ворота казармъ, и для большей безопасности удвоили стражу при каждомъ входѣ.

Прибывъ сюда, бѣдный Бэрнеби былъ помѣщенъ въ комнату съ каменнымъ поломъ, гдѣ господствовалъ крѣпкій запахъ табаку, сильно дулъ сквозной вѣтеръ и стояла большая, деревянная постель, на которую могли улечься человѣкъ двадцать. Много солдатъ лежало въ мундирахъ кругомъ, или ѣло изъ оловянныхъ чашекъ; разная военная утварь и одежда висѣли по выбѣленнымъ стѣнамъ на гвоздяхъ, и съ поллюжины людей крѣпко спали, лежа навзничь и храпѣли въ ладъ. Пробывъ въ этой комнатѣ столько времени, что могъ все это замѣтить, онъ опять выведенъ вонъ и черезъ экзерцир-плацъ отведенъ въ другую часть зданія.

Никогда, можетъ-быть, не видимъ мы такъ много съ одного взгляда, какъ въ отчаянномъ положеніи. Можно держать сто противъ одного, что еслибъ Бэрнеби, заглянулъ въ ворота просто изъ любопытства, вышелъ бы назадъ съ очень несовершеннымъ представленіемъ обо всемъ домѣ. Но когда его провели со связанными руками по усыпанному пескомъ двору, ни одна бездѣлица не укрылась отъ его вниманія. Сухой, безжизненный видъ пыльнаго четыреугольника и нештукатуреннаго кирпичнаго зданія; платья, висѣвшія по нѣкоторымъ окошкамъ; солдаты, въ рубашкахъ и помочахъ, высунувшіеся до половины тѣла изъ другихъ окошекъ; зеленыя маркизы въ квартирахъ офицеровъ и маленькія, бѣдныя деревья передъ фасадомъ; барабанщики, учившіеся на отдаленномъ дворѣ и солдаты на экзерцир-плацѣ; двое людей, которые вмѣстѣ несли корзину и мигнули другъ другу, когда онъ шелъ мимо, показавъ насмѣшливо рукою на свои шеи; статный сержантъ, который проходилъ, съ тростью въ рукѣ и застегнутою книжкой въ кожаномъ переплетѣ подъ мышкою; люди въ комнатахъ нижняго этажа, которые оттирали и чистили разныя мундирныя принадлежности, и переставали работать, чтобъ

Digitized by Google

взглянуть на него; голоса ихъ, громко раздававшіеся по пустымъ галлереямъ и коридорамъ, когда они объ немъ говорили; весь, до разставленныхъ передъ гауптвахтою мушкетовъ и барабановъ, висящихъ въ углу выбѣленныхъ мѣломъ портупеяхъ, такъ живо впечатлѣлось въ его памяти, какъ-будто бъ онъ видѣлъ это уже сотню разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, или провелъ тутъ цѣлый день, а не нѣсколько минутъ.

Солдаты привели его на тѣсный, мощеный, задній дворъ, и отворили тамъ большую, обитую желѣзомъ дверь, которая футахъ въ пяти отъ земли имѣла нѣсколько отверстій для пропуска свѣта и воздуха. Толкнувъ его въ эту тюрьму, они заперли дверь, поставили у нея карауломъ и оставили его одного.

Келья, или «черная яма», потому-что такая надпись стояла на двери, была очень темна и не опрятна, заключавъ въ себѣ не задолго до того пьянаго дезертера. Барнеби ходилъ ощупью, пока нашелъ на другомъ концѣ вязанку соломы и старался, глядя на дверь, привыкнуть къ потемкамъ, что, для него, какъ пришедшаго съ яркаго солнечнаго свѣта, было совсѣмъ не легкая задача.

Снаружи находился родъ портика, или колоннады, и отличалъ даже и тотъ небольшой свѣтъ, который въ пасмурнѣйшемъ случаѣ могъ бы проникать сквозь маленькія отверстія на двери. Шаги часоваго звучали однообразно взадъ и впередъ по каменному помосту (напоминая Барнеби его недавнюю стражу), и этотъ часовой, ходя безпрестанно мимо двери, до такой степени затемнялъ коморку бросаемою имъ тѣнью, что каждое его удаленіе было появленіемъ новаго свѣта и настоящимъ событіемъ.

Когда арестантъ проспалъ нѣсколько времени на землѣ, смотря въ щели и прислушиваясь къ раздающимся взадъ и впередъ шагамъ часоваго, солдатъ вдругъ остановился смирно на своемъ посту. Барнеби, который не въ состояніи былъ ни подумать, ни вообразить, что съ нимъ сдѣлаютъ, впалъ отъ мирной походки его въ какую-то полудремоту; но наступившая вдругъ тишина разбудила его; тогда онъ услышалъ, что подъ колоннадою, весьма-близко къ его каземату, разговариваютъ между собою двое людей.

Долго ли они такимъ образомъ разговаривали другъ съ другомъ, онъ не зналъ, потому-что впалъ въ совершенную безчувственность относительно своего настоящаго положенія, и когда шаги прекратились, онъ громко отвѣчалъ на вопросъ, будто предложенный Гогомъ въ конюшнѣ, хотя по приснившемуся смыслу не могъ припомнить ни вопроса, ни отвѣта, не смотря на то, что проснулся съ отвѣтомъ на устахъ. Первыя слова, достигшія до его слуха, были слѣдующія:

— На что жъ привели его сюда, если его такъ скоро опять отправятъ?

Digitized by Google

— Да куда же его дѣвать! Чортъ возьми, гдѣ жъ онъ столько безопасенъ, какъ между войсками его королевскаго величества, а? Что ты станешь съ нимъ дѣлать? Развѣ по-твоему выдать его какой-нибудь сволочи штатскихъ трусовъ?

— Конечно, правда.

— Конечно, правда! Я тебѣ скажу кой-что. Хотѣлось бы мнѣ, Томъ Гринъ, быть офицеромъ вмѣсто унтер-офицерства, и командовать двумя капральствами... нашего полка. Тогда дай мнѣ приказъ остановить эти непорядки... дай мнѣ нужное полномочье, да полдюжины картечъ...

— Эхъ! сказалъ другой голосъ.—Все прекрасно, да нужнаго полномочья-то они не даютъ. А если судья не дастъ ярлыка, что офицеру дѣлать?

Первый, не зная по-видимому хорошенько, какъ бы устранить это препятствіе, удовольствовался тѣмъ, что началъ ругать и проклинать судей.

— И къ-чему судья? продолжалъ онъ. — Что такое тутъ судья? Ничего больше, какъ несносная, безтолковая, не конституціонная помѣха. Вотъ у насъ прокламація. Тутъ у насъ человѣкъ, на котораго сдѣлана эта прокламація. Вотъ у насъ доказательство противъ него—улика на мѣстѣ. Чортъ побери! Выведи его и разстрѣляй, сэръ. Къ чему тутъ судья?

— Когда-нибудь пойдетъ онъ къ сэру Джону Фильдингу? спросилъ говорившій сначала.

— Нынѣче вечеромъ въ восемь часовъ, отвѣчалъ другой.—Смотри, какъ будетъ: судья пошлетъ его въ Ньюгетъ. Наши солдаты поведутъ его въ Ньюгетъ. Бунтовщики станутъ кидать грязью въ нашихъ солдатъ. Наши солдаты отступятъ передъ бунтовщиками. Въ насъ бросаютъ камнями, срамятъ насъ, не стрѣляй да и только. А отъ-чего? все отъ судей. Чортъ побери этихъ судей!

Разругавъ еще разными другими манерами судей и такимъ образомъ облегчивъ немного сердце, онъ замолчалъ; только время - отъ-времени вырывалось у него легкое ворчанье и рычанье.

Барнеби, имѣвшій столько смысла, чтобъ понять, что разговоръ этотъ касался до него и очень близко, сидѣлъ тихо, пока они перестали говорить; послѣ того онъ дощупался двери и, выглядывая въ скважины, старался разсмотрѣть, что были за люди, которыхъ онъ подслушалъ.

Одинъ, проклинавшій въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ гражданскую власть, былъ сержантъ и, какъ показывали развѣвающіяся ленты на его шапкѣ, высланный на вербовку. Онъ стоялъ въ сторонѣ, почти насупротивъ двери, прислонясь къ столбу и чертилъ палкою фигуры по мостовой, ворча себѣ подъ-носъ. Другой стоялъ обер-

Digitized by Google

нувшись къ тюрьмѣ спиною, и Барнеби могъ видѣть только очерки его фигуры. Судя по нимъ, онъ былъ храбрый, добрый и красивый малой, но потерялъ лѣвую руку. Она была отнята у него до самаго плеча, и пустой рукавъ кафтана мотался у него на груди.

Вѣроятно, это самое обстоятельство, придававшее въ глазахъ Барнеби больше интереса ему, чѣмъ его товарищу, привлекло на него вниманіе арестанта. Было что-то солдатское въ его осанкѣ; онъ носилъ, сверхъ того, пестрый камзолъ и шапочку. Можетъ быть, онъ бывалъ уже не разъ въ военной службѣ, но это не могло быть давно, потому-что онъ былъ еще молодой человѣкъ.

— Да, да, сказалъ онъ задумчиво:—въ чемъ бы ни была ошибка, а всякому горько, кто воротится въ старую Англію и найдетъ ее въ такомъ состояніи.

— Я думаю, свиньи скоро тоже къ нимъ примкнутъ, сказалъ сержантъ съ ругательствомъ на бунтовщиковъ: — птицы ужь показали имъ добрый примѣръ.

— Птицы! повторилъ Томъ Гринъ.

— Ну, да—птицы, сказалъ сержантъ сердито:—вѣдь ты понимаешь по-англійски, или нѣтъ?

— Не знаю, что ты хочешь этимъ сказать.

— Ступай въ караульню и погляди самъ. Ты тамъ увидишь птицу, которая вытвердила ихъ лозунгъ, и кричитъ «прочь-папство!» какъ человѣкъ — или какъ дьяволъ, какъ она сама себя называетъ. Мнѣ это не чудно. Дьяволъ гдѣ-нибудь да рыщетъ по Лондону. Убей меня Богъ, еслибъ я ему не сломилъ шеи, кабы только шло по-моему.

Молодой человѣкъ ступилъ поспѣшно шага два или три, будто желая пойдти посмотрѣть птицу, какъ голосъ Барнеби остановилъ его.

— Она моя, вскричалъ онъ смѣясь и плача вмѣстѣ: — мой любимецъ, мой другъ Грейфъ. Ха, ха, ха! Не трогайте его, онъ ничего не сдѣлалъ дурнаго. Это я его выучилъ, это я виноватъ. Сдѣлай милость, дай его мнѣ. У меня нѣтъ другаго пріятеля, онъ мой единственный другъ. Передъ тобою онъ и безъ того не будетъ плясать или болтать и свистать, я знаю; а передо мною станетъ, отъ-того, что хорошо меня знаетъ и любитъ меня... Ты, можетъ-быть, не вѣришь, а знаю. Вѣрно, вы оставите въ покоѣ бѣдную птицу. Ты храбрый солдатъ, сэръ, и не обидишь ребенка или женщину... нѣтъ, нѣтъ, и бѣдную птицу тоже не обидишь, я увѣренъ.

Убѣдительная просьба эта обращена была къ сержанту, котораго Барнеби, заключая по его красному кафтану, считалъ за главнаго офицера, во власти котораго было однимъ словомъ рѣшить судьбу Грей-

Digitized by Google

фа. Но этотъ джентльменъ отвѣчалъ тѣмъ, что обругалъ его воромъ и мятежникомъ, и съ разными безкорыстными проклятіями на свои собственные глаза, печонки, кровь и тѣло, увѣрялъ, что, еслибъ отъ него зависѣло, онъ сейчасъ бы свернулъ шею птицѣ, какъ и ея хозяину.

— Ты боекъ съ запертымъ, сказалъ раздраженный Бэрнеби.— Будь я по ту сторону двери и не будь никого, кто бы насъ рознялъ, скоро заговорилъ бы ты у меня другимъ голосомъ... Тряси пожалуй головою—да! Убей птицу—пожалуй, убей! Бей все, что можешь, и вымещай себя на тѣхъ, кто съ простыми вольными руками сдѣлалъ бы то же съ тобою!

Послѣ этой грозной выходки, бросился онъ въ самый дальній уголъ тюрьмы и бормоталъ «прощай, Грейфъ,—прощай, мой милый Грейфъ!» Въ первый разъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ былъ арестованъ, пролилъ онъ слезы, и скрылъ лицо въ соломѣ.

Съ самаго начала, онъ такъ живо вообразилъ, что однорукій поможетъ ему или скажетъ въ отвѣтъ ласковое слово! Собственно онъ самъ не зналъ, почему, но надѣялся этого. Молодой человѣкъ остановился, когда Бэрнеби закричалъ, и внимательно прислушивался къ каждому слову, которое говорилъ онъ. Можетъ-быть, на этомъ-то онъ и основывалъ свою слабую надежду, можетъ-быть на его молодости и открытомъ, честномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но зданіе его построено было на пескѣ. Когда онъ кончилъ рѣчь, тотъ отошелъ прочь, не отвѣтивъ ему и не обернувшись. Что нужды! Здѣсь все противъ него, ему надо бы знать это. Прощай, Грейфъ, прощай!

Спустя нѣсколько времени, пришли солдаты и, отперевъ двери, велѣли ему выйдти. Онъ тотчасъ всталъ и повиновался, потому-что не хотѣлъ, чтобъ *они* приняли его за испугавшагося или отчаявшагося. Онъ вышелъ бодро и каждому гордо смотрѣлъ въ лицо.

Ни одинъ изъ нихъ не отвѣчалъ на его взглядъ и, казалось, не замѣчалъ его. Опять повели его на экзерцир-плацъ тою же дорогою, какъ прежде, и остановились среди отряда солдатъ, по-крайней-мѣрѣ вдвое многочисленнѣйшаго, нежели тотъ, который арестовалъ его послѣ обѣда. Офицеръ, котораго онъ уже видѣлъ, объяснилъ ему въ короткихъ словахъ, что въ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ попытку убѣжать, какой бы случай и какая бъ надежда къ тому ни представлялись, то нѣкоторые изъ солдатъ имѣли приказъ тотчасъ стрѣлять по немъ. Потомъ окружили они его по-прежнему и пошли съ нимъ впередъ.

Въ такомъ же неразрывномъ порядкѣ прибыли они въ Боустритъ, преслѣдуемые и аттакуемые со всѣхъ сторонъ безпрестанно-возраставшею толпою. Тутъ привели его передъ какого-то слѣпаго джен-

Digitized by Google

тьмена и спросилъ, не скажетъ ли онъ еще чего-нибудь въ свою защиту. Онъ? Совершенно ничего! Что сказалъ бы онъ, имъ! Послѣ нѣсколькихъ словъ, къ которымъ онъ былъ весьма равнодушенъ и о которыхъ вовсе не заботился, они объявили ему, что онъ отправляется въ Ньюгетъ, и увели.

Выйдя на улицу, онъ такъ густо окруженъ былъ солдатами, что не могъ ничего видѣть; но по ропоту и жужжанью узналъ близость большой массы народа; что масса эта не была дружески расположена къ солдатамъ, показалъ скоро крикъ ея. Сколько разъ и какъ усердно прислушивался онъ, нѣтъ ли гогова голоса... Нѣтъ! Ни одного даже голоса знакомаго. Не-ужь-то и Гогъ арестованъ? Ужели не осталось никакой надежды?

Когда они ближе и ближе подходили къ тюрьмѣ, вопли черни становились все сильнѣе; камни летали и происходили нападенія на солдатъ, подъ которыми солдаты колебались и разстроивались. Одинъ изъ нихъ, подлѣ самого Барнеби, больно ушибенный въ високъ, прицѣлился было изъ ружья, но офицеръ отвелъ у него ружье шпагою вверхъ, и приказалъ, подъ опасеніемъ смертной казни, оставить намѣреніе. Это было послѣднее, что онъ еще видѣлъ сколько-нибудь ясно, потому-что вскорѣ за тѣмъ почувствовалъ себя брошеннымъ и носимымъ какъ-бы въ бурномъ морѣ. Однакожъ, въ какую бы сторону онъ ни обратился, вездѣ тотъ же караулъ стоялъ вкругъ него. Два или три раза падалъ онъ на землю вмѣстѣ съ солдатами; но и тутъ не могъ обмануть ихъ бдительности ни на мигъ. Они опять были на ногахъ и сомкнули кругъ около него, прежде чѣмъ онъ, съ туго-скрученными руками, успѣлъ приподняться. Потомъ онъ вдругъ очутился на нижнихъ ступеняхъ какой-то лѣстницы; еще разъ бѣгло взглянулъ на схватки въ народѣ и увидѣлъ тамъ-и-самъ разсѣянные красные кафтаны, продирающіеся къ товарищамъ. Черезъ минуту, опять все стало темно и мрачно, и онъ стоялъ у дверей тюрьмы середи кучки людей.

Немедленно явился слѣсарь, который надѣлъ на него тяжелыя оковы. Переступая какъ могъ лучше подъ непривычною тяжестью этихъ оковъ, прицѣлъ онъ въ крѣпкую, каменную келлью, гдѣ они оставили его и заперли двери замками, задвижками и цѣпями. Но напередъ, незамѣтно для него, сунули къ нему Грейфа, который съ поникшею головою, зло растопыривъ свои черныя какъ смоль перья, казалось, понималъ и раздѣлялъ жалкое положеніе своего хозяина.

ГЛАВА LIX.

Теперь намъ необходимо возвратиться къ Гогу. Посовѣтовавъ, какъ мы видѣли, бунтовщикамъ разсѣяться изъ окрестностей Кро-

Digitized by Google

личьей-Засѣки и сойдтись потомъ опять по-обыкновенію, онъ снова скользнулъ въ темноту, изъ которой вышелъ-было, и болѣе уже не показывался въ эту ночь.

Онъ выжидалъ въ кустарникѣ, скрывавшемъ его отъ взоровъ бѣшеныхъ товарищей, ушли ли они по его приказу, или все еще скитаются вокругъ и зовутъ его къ себѣ. Нѣкоторые, видѣлъ онъ, нимало не были расположены удаляться безъ него, и безпрестанно оборачивались къ тому мѣсту, гдѣ онъ спрятался, какъ-будто хотѣли пойдти по его слѣду и принудить вернуться назадъ; но, въ свою очередь призываемые товарищами и собственно не осмѣливаясь пускаться въ скрытныя мѣста, гдѣ легко могли подвергнуться нападенію, если кто изъ сосѣдей или здѣшнихъ домашнихъ сторожитъ ихъ подъ деревьями, они скоро оставили свое намѣреніе и поспѣшно удалились съ тѣми, кто былъ одинаковаго съ ними мнѣнія на этотъ счетъ.

Убѣдившись, что вся толпа мятежниковъ послѣдовала ихъ примѣру, онъ бросился въ самую густую сторону лѣска, и дорогою раздвигая вѣтви, поспѣшилъ прямо къ брезжившему вдали свѣту, руководимый какъ имъ, такъ и пылавшимъ позади огнемъ.

Когда онъ подходилъ ближе и ближе къ мерцавшему сторожевому огоньку, на который шелъ,—показалось красное сіянье нѣсколькихъ факеловъ; голоса людей, тихо разговаривавшихъ между собою, прерывали тишину, которая, исключая доносившагося по-временамъ отдаленнаго крика, царствовала уже повсюду. Наконецъ вышелъ онъ изъ-подъ деревьевъ, перескочилъ ровъ и явился на глухой тропѣ, гдѣ кучка бродягъ подозрительной наружности, которыхъ онъ оставилъ здѣсь минутъ двадцать назадъ, нетерпѣливо ждала его прибытія.

Они толпились вокругъ старой почтовой кареты; одинъ изъ нихъ правилъ и сидѣлъ какъ почтальйонъ на подручной лошади. Ширмы были подняты, и у обоихъ оконъ караулили мастеръ Тэппертейтъ и Денни. Первый присвоилъ себѣ команду надъ кучкою, потому-что, когда Гогъ подошелъ, онъ кликнулъ его; прочіе, расположившіеся на землѣ около кареты, тотчасъ встали и окружили его.

— Ну! сказалъ Симонъ тихимъ голосомъ:—все ли въ порядкѣ?

— Все, отвѣчалъ Гогъ также тихо. — Они теперь разсѣваются... ужь начали, когда я пошелъ сюда.

— Такъ мы теперь на-просторѣ?

— На-просторѣ, сказалъ Гогъ. — Посмотрѣлъ бы я, кто нынѣшнюю ночь схватится съ нашими ребятами, когда они тамъ увидѣли, что они могутъ дѣлать. А у кого есть выпить?

Всякій захватилъ съ собою какую-нибудь поживу изъ погреба; тотчасъ явилось нѣсколько плетеныхъ фляжекъ и бутылокъ. Онъ

Digitized by Google

выбралъ себѣ самую большую, приставилъ ее ко рту и выцѣдилъ вино въ горло. Опорожнивъ, онъ бросилъ ее прочь и протянулъ руку за другою, которую также выпилъ однимъ разомъ. Иодана еще третья, и этой онъ выпилъ половину. Остатокъ отложилъ онъ на загладку и спросилъ:

— Нѣтъ ли у кого изъ васъ закусить? Я голоденъ, какъ волкъ зимою. Кто изъ васъ былъ въ кладовой? Ну!

— Я, братецъ, сказалъ Денни, снимая шляпу и копаясь въ ней. — Тутъ гдѣ-то есть кусокъ холоднаго пирога съ дичью, если хочешь.

— Хочу ли! воскликнулъ Гогъ, сѣвъ на тропинку. — Давай только! Проворнѣе! Посвѣтите-ка, да станьте вокругъ! Я хочу поужинать въ полномъ парадѣ, ребята. Ха, ха, ха!

Они исполнили его сумасбродный капризъ—потому-что всѣ глубоко заглянули въ стаканы и сдѣлались такими же бѣшеными, какъ онъ, — и столпились вкругъ него, а двое съ факелами стали, одинъ по правую, другой по лѣвую его сторону, чтобъ ему не темно было пировать. Мастеръ Денни, которому, между-тѣмъ, удалось отлепить отъ дна шляпы большой кусокъ пастета, который такъ прилюбился тамъ, что насилу можно было вытащить, подалъ его ему; Гогъ схватилъ у одного изъ окружающихъ зазубристый, ржавый ножъ и напалъ на пирогъ всѣми силами.

— Посовѣтовалъ бы я тебѣ каждый день глотать по-наполовину огня, братецъ, за часъ до обѣда, сказалъ Денни, послѣ нѣкоторой паузы.—Это тебѣ, кажется, здорово и придастъ хорошій аппетитъ.

Гогъ посмотрѣлъ на него, потомъ взглянулъ на закоптѣлыя рожи товарищей, помолчалъ съ минуту, взмахнулъ ножомъ надъ головой и отвѣчалъ громкимъ хохотомъ.

— Смирно! Будете ли вы смирно? сказалъ Симонъ Тэппертитъ.

— Э, ужъ нельзя и повеселиться, благородный капитанъ, возразилъ его лейтенантъ, растолкавъ ножомъ людей, стоявшихъ между нимъ и Симономъ, чтобъ видѣть другъ-друга: — ужъ нельзя и пошалить послѣ такой работы, какъ была моя? Что за жестокій капитанъ! Что за точный, строгій, тиранскій капитанъ! Ха, ха, ха!

— Приставь ему кто-нибудь бутылку ко рту, чтобъ онъ замолчалъ, сказалъ Симонъ: — не то на насъ нападутъ солдаты.

— А если нападутъ, такъ что жъ будетъ? возразилъ Гогъ. — Кому что за дѣло? Кто боится? Пусть ихъ приходятъ! я говорю, пусть ихъ приходятъ! Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Дайте мнѣ храбраго Барнеби въ товарищи, и мы съ нимъ вдвоемъ ужъ угомонимъ солдатъ, не потревоживъ никого изъ васъ. Барнеби малый именно для солдатъ. Здоровье Барнеби!

Но какъ большинство окружающихъ до того устало и измучилось,

Digitized by Google

что ни подъ какимъ видомъ не хотѣло еще работы на этотъ вечеръ, то согласилось съ мэстеромъ Тэппертейтомъ и торопило Гога кончать закуску, потому-что они и безъ того ужъ слишкомъ долго мешкали. Хорошо зная, даже въ припадкѣ своего безумнаго веселья, какой опасности они подвергаются, если останутся слишкомъ долго близъ сцены ихъ подвиговъ, Гогъ, въ-самомъ-дѣлѣ, не заставилъ ни разу повторять себѣ, кончилъ свой ужинъ, всталъ, подошелъ къ Тэппертейту и потрепалъ его по спинѣ.

— Ну, вотъ! воскликнулъ онъ:—я готовъ. Славныя птички у насъ тутъ въ клѣткѣ, а? Деликатныя птички, нѣжныя, миленькія голубки. Я ихъ поймалъ, я ихъ поймалъ,—дай-ка еще погляжу!

Онъ оттолкнулъ маленькаго человѣчка въ сторону, говоря это, и ступивъ на полуподнятую подножку кареты, шумно опустилъ шторму и заглянулъ въ карету, какъ людоѣдъ въ свою берлогу.

— Ха, ха, ха! Такъ вы царапались, и щипались, и брыкались, барышня? воскликнулъ онъ, схвативъ маленькую ручку, которая напрасно силилась освободиться изъ его лапы. — Вы, быстроглазая, съ розовыми губками, аппетитная штучка! Да, я за это еще больше васъ люблю, барышня. Право, такъ. Еслибъ вы даже пырнули меня ножомъ, мнѣ было бы пріятно, лишь бы только это позабавило васъ и вы полечили бы меня послѣ. Я люблю, какъ вы немножко горды и насмѣшливы. Отъ-этого вы пригожѣе, чѣмъ отъ-чего-нибудь другаго; а кто жь на свѣтѣ такъ пригожъ, какъ вы, моя милочка!

— Ну! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, нетерпѣливо дожидавшійся конца этой рѣчи:—полно же. Пошолъ внизъ!

Маленькая ручка помогла этому приказанію, оттолкнувъ отъ себя что было силы, большую голову Гога и подавъ шторму, между-тѣмъ, какъ Гогъ громко хохоталъ и клялся, что ему надо еще разъ взглянуть, потому-что послѣдній видъ хорошенькаго личика совсѣмъ свелъ его съ ума. Но какъ скрываемое нетерпѣніе толпы обнаружилось теперь въ явномъ ропотѣ, то онъ покинулъ свое намѣреніе, сѣлъ на козла, и довольствовался тѣмъ, что стучалъ иногда пальцемъ въ переднее окно и украдкою заглядывалъ; мэстеръ Тэппертейтъ влезъ на подножку и, повиснувъ на дверцѣ, повелительнымъ голосомъ и видомъ отдавалъ кучеру приказанія; прочіе уцѣпились сзади, или побѣжали, сколько могли, за каретою; нѣкоторые вздумали было подражать Гогу и пытались также посмотрѣть столь имъ превознесенныя личики; но дубина мэстера Тэппертейта каждый разъ удержала ихъ дерзость. Такимъ образомъ, продолжали они свой путь окольными объѣздными дорожками; и когда не дѣлали привала, чтобъ перевести духъ и поспорить о лучшемъ способѣ благополучнаго прибытія въ Лондонъ, то наблюдали довольно-добрый порядокъ и соблюдали тишину.

Digitized by Google

Долли, между-тѣмъ, прекрасная, прелестная, очаровательная, маленькая Долли, съ распущенными волосами, въ изорванномъ платьѣ, съ темными ресницами въ слезахъ, съ грудью бурно вздымавшеюся, съ лицомъ то блѣднѣвшимъ отъ страха, то покрывавшимся румянцемъ отъ стыда и гнѣва,—Долли тщетно старалась успокоить Эмму Гэрдаль и подать ей какое-нибудь утѣшеніе, въ которомъ сама столько нуждалась. Вѣрно, пріѣдутъ солдаты: освободятъ ихъ: вѣдь нельзя же везти ихъ по лондонскимъ улицамъ, если они, не смотря на угрозы своихъ сторожей, станутъ кричать прохожимъ о помощи. А если они это сдѣлаютъ и поѣдутъ по людныхъ улицамъ, то она увѣрена,—совершенно увѣрена, — что ихъ освободятъ. Такъ говорила бѣдная Долли, и такъ бѣдная Долли старалась думать; но неминуемымъ заключеніемъ всѣхъ этихъ доводовъ было каждый разъ то, что она наконецъ заливалась слезами, ломала себѣ руки и восклицала, что-то ни сдѣлаютъ, что подумаютъ, или кто ихъ утѣшитъ, тамъ дома, въ Глотомъ Ключѣ, и рыдала, рыдала...

Миссъ Гэрдаль, у которой ощущенія были обыкновенно спокойнѣе и не такъ бушевали по поверхности, какъ у Долли, находилась въ страшномъ ужасѣ и только-что очнулась отъ обморока. Она была мертвенно-блѣдна, и рука ея, покоившаяся въ рукѣ Долли, холодна какъ у мертвой; но тѣмъ не менѣе просила она ее разсудить, что все зависитъ отъ Промысла и собственной ихъ осторожности и благоразумія; что если онѣ будутъ сидѣть смирно и усыпятъ бдительность сегодняшнихъ, въ руки которыхъ попали, то надежда найдти помощь по пріѣздѣ въ Лондонъ будетъ гораздо-больше; что если весь планъ не провалился, то сейчасъ услышатъ онѣ погоню; и что дядя, на это она могла положиться, не успокоится и не отступитъ, пока не найдетъ ихъ и не спасетъ... Но при этихъ послѣднихъ словахъ, ее, какъ громомъ поражала мысль, не палъ ли онъ въ общемъ заговорѣ католиковъ,— опасеніе отнюдь не несбыточное, и не преувеличенное; послѣ всего, что онѣ видѣли и потерпѣли въ эту ночь; спасеніе отъ ужасовъ, какіе онѣ уже испытали, и до какихъ, можетъ-быть, еще доживутъ, сидѣла она, безмолвная, безчувственная, не въ силахъ будучи обнаружить свою горесть, столь же неподвижная и почти столь же бѣлая и холодная, какъ мраморъ.

О, сколько разъ, сколько разъ, во время этой длинной поѣздки, думала Долли о своемъ прежнемъ любовникѣ, бѣдномъ, нѣжномъ, вертлявомъ Джовѣ! Сколько разъ приводила она себѣ на память ту ночь, когда бросилась къ нему въ объятія, убѣгая отъ того самаго человѣка, который теперь отвратительнымъ своимъ взглядомъ, бережкомъ ее въ ея темномъ углу, и съ гадкимъ удивленіемъ заглядывалъ въ оконное стекло! Когда вспоминала она о Джовѣ, что это былъ за отважный, ловкій мальчикъ, какъ бы смѣло подскакалъ

Digitized by Google

онъ и врубился въ этихъ негодяевъ, хотя бы ихъ было вдвое столько, — тутъ она сжимала свой маленькій кулакъ и топала ножкою, — когда гордость, которую она чувствовала на минуту, исчезала въ потокѣ слезъ, и она плакала горьче, чѣмъ когда-нибудь въ жизнь.

Какъ было уже поздно, и онѣ ѣхали по совершенно имъ незнакомымъ улицамъ, — потому-что не узнавали ни одного изъ предметовъ, какіе часто видали мелькомъ,—то страхъ ихъ все увеличивался, и не безъ причины: двумъ молодымъ прекраснымъ дѣвушкамъ не мудрено было бояться, когда ихъ везла, неизвѣстно куда, шайка отъявленныхъ мерзавцевъ, и на нихъ были кидаемы такіе взгляды, какіе, кромѣ Гога, позволяли себѣ и другіе. Когда, наконецъ, въѣхали онѣ въ Лондонъ черезъ предмѣстіе, равно имъ незнакомое, миновала уже полночь, и на улицахъ вездѣ было темно и тихо. Мало этого: когда карета остановилась въ какомъ-то захолустьи, Гогъ вдругъ отворилъ дверцы кареты, вскочилъ и сѣлъ между обѣими женщинъ.

Напрасно кричали онѣ о помощи. Ту и другую обвилъ онъ руками и грозился задушить ихъ поцалуями, если онѣ не будутъ нѣмы, какъ могила.

— Я пришелъ, чтобъ вы тутъ не безпокоились, сказалъ онъ: — вотъ мое средство сдѣлать васъ послушными. Такъ безпокойтесь же, мои прекрасныя барышни... шумите... начинайте... мнѣ это еще пріятнѣе.

Они ѣхали очень-скоро и, какъ по всему было видно, съ меньшимъ противъ прежняго числомъ провожатыхъ, хотя на дворѣ было такъ темно, что и объ этомъ могли онѣ только догадываться. Онѣ бросились отъ его прикосновенія каждая въ самый дальній уголъ кареты; но какъ Долли ни рвалась, онъ обнялъ ея станъ и держалъ крѣпко. Она не говорила и не плакала: ужасъ и отвращеніе подали ей къ тому силы, но отнимала его руку, какъ будто готова была умереть отъ усилія вырваться, и упершись въ полъ, наклонивъ голову, оттолкнула его съ такою силою, которой сама не меньше его удивилась. Карета снова остановилась.

— Возьми у меня эту отсюда, сказалъ Гогъ человѣку, отворившему дверцу, когда взялъ руку миссъ Гэрдаль и почувствовалъ, что она тяжело упала.—Она въ обморокѣ.

— Тѣмъ лучше, бормоталъ Денни, ибо онъ былъ этотъ достолюбезный джентльменъ. — Такъ-то она посмирнѣе. Я всегда люблю, какъ онѣ въ обморокѣ, если онѣ не очень смирны.

— Приподнимешь ли ее одинъ? сказалъ Гогъ.

— Не знаю, сперва попробую. Кажется, надо бы поднять, потому что въ свое время не одну я приподнималъ кверху, сказалъ палачъ

Digitized by Google

-Уффъ! Она не такъ легка, какъ перышко, братъ; всѣ эти здѣшнія
расивыя дѣвушки тяжелы. Ну, вотъ она.

Между-тѣмъ, онъ поднялъ на своихъ рукахъ миссъ Гэрдаль и по-
релъ съ нею прочь.

— Смотрите же, прекрасная птичка, сказалъ Гогъ, обратясь къ
олли.—Помните; какъ я ужь сказалъ—за каждый крикъ по поща-
ую. Кричите, если любите меня, милочка. Закричите хоть разъ, бы-
шняя; только разъ, моя красавица, если любите меня.

Долли отталкивала его лицо отъ себя всѣми силами и потупляла
олову; такимъ образомъ перенесли ее и миссъ Гэрдаль изъ кареты
ъ бѣдную избу, гдѣ Гогъ, прижавъ ее къ груди, тихо поставилъ на
олъ.

Бѣдная Долли! Что бы она ни начала, она становилась только тѣмъ
релестнѣе и соблазнительнѣе. Когда глазки ея сверкали гнѣвомъ, и
олныя, спѣлыя губки немного раздвигались, выпуская торопливѣе
ыханіе, кто устоялъ бы противъ этого? Когда она плакала и рыда-
а, будто сердце у нея хотѣло надорваться, когда высказывала свои
раданія самымъ сладкимъ голоскомъ, какой только слыхало ухо,
то остался бы нечувствителенъ къ этому маленькому, обольститель-
ому лукавству, которое по-временамъ проглядывало даже въ серьёз-
ой, искренней ея горести? Когда, забывая на минуту себя, какъ те-
ерь, становилась она на колѣни подлѣ своей пріятельницы, склоня-
ась надъ нею, прижимала свои щеки къ щекамъ подруги своихъ
раданій, и обвивала около нея ручки, какой смертный глазъ удер-
ался бы тогда и не полюбовался на нѣжный станъ, распущенные
олосы, небрежную одежду и полную невинность маленькой кра-
авицы? Кто могъ бы видѣть, какъ она расточала самыя нѣжныя
ласки, и не пожелалъ бы, на мѣстѣ Эммы Гэрдаль, быть ею или
олли, обнимающимъ или обнимаемымъ? Не знаемъ кто — только,
ерно, ужь не Гогъ и не Денни.

— Послушайте-ка, барышня, началъ мастеръ Денни: — самъ я
ичего передъ дамою, и въ теперешней забавѣ только помогаю прія-
елямъ; а удавайся мнѣ почаще видать такія исторіи, я перестану
ыть посторонними человѣкомъ и захочу играть тутъ же ролю.
оворю вамъ откровенно.

— Зачѣмъ принесли вы насъ сюда? сказала Эмма. — Убьютъ, что
ли насъ?

— Убьютъ! воскликнулъ Денни, сѣвъ на скамейку и смотря на нее
очень благосклонно. — Э, мое сокровище, кто убьетъ такихъ приго-
жихъ, такихъ миленькихъ голубковъ? Еслибъ вы спросили у меня,
не за тѣмъ ли васъ принесли сюда, чтобъ жениться на васъ, это бы
еще другое дѣло.

Digitized by Google

Тутъ мигнулъ онъ Гогу, который сдѣлалъ то же и свелъ глаза с
Долли.

—Нѣтъ, нѣтъ, что за убійства, мои цыпляточки! Совсѣмъ не то,
вовсе другое.

— Вы старше вашего товарища, сэръ, сказала Эмма, дрожа о
страха.—Не-уже-ли вы не чувствуете къ намъ никакого сострада
Подумайте, вѣдь мы женщины!

— Э, да я это и думаю, мое сокровище, отвѣчалъ Денни. —К
бы мнѣ этого не думать, когда у меня передъ глазами два такіе
разчика. Ха, ха! О, да, я это думаю. Мы всѣ это думаемъ, барыш

Онъ лукаво покачалъ головою, опять мигнулъ Гогу и засѣя
будто отпустилъ Богъ-вѣсть какую остроту.

— Нѣтъ, какое убійство, моя милочка. Никто и не думалъ об
бійствѣ. А что я тебѣ скажу, братецъ, прибавилъ Денни, серь
взглянувъ на Гога и подвинувъ шляпу на бокъ, чтобъ ловчѣе было
сать за ухомъ:—вѣдь замѣчательно, какъ доказательство удивител
справедливости и мудрости нашего закона, что онъ не дѣлаетъ н
кой разницы между мужчинами и женщинами. Я слышалъ однаж
какъ судья говорилъ разбойнику или домоторабителю, который с
зывалъ женщинъ по рукамъ и по ногамъ, и совалъ въ погребъ
извините, что я объ этомъ здѣсь поминаю, мои милочки: вѣдь,
не оказывалъ никакого уваженія дамамъ. Ну, такъ я говорю, су
не смыслитъ своего дѣла, братецъ; и будь я разбойникъ или до
грабитель, я бы ему отвѣчалъ: «Что вы тамъ толкуете, милордъ!
оказывалъ столько уваженія къ дамамъ, сколько велитъ оказы
законъ; чего же вы отъ меня больше хотите?» Еслибъ кто счелъ
газетахъ, какая пропасть женщинъ въ одномъ Лондонѣ спроваж
въ десять лѣтъ, сказалъ Денни задумчиво:—онъ удивился бы эт
числу—право... Это мудро и справедливо; прекрасная вещь! А не
надѣяться, чтобъ такъ осталось. Ужь коли они начали поддержи
этихъ папистовъ, такъ нѣчему дивиться, что пойдутъ дальше, д
это перемѣнятъ скоро. Ей-Богу, нѣчему дивиться...

Предметъ этотъ не столько занималъ Гога, сколько надѣлся
пріятель, можетъ-быть, потому-что имѣлъ характеръ слишкомъ
ключительный и профессіонный. Однако, нѣкогда было продолж
такой разговоръ, ибо вдругъ вошелъ мэстеръ Тэппертейтъ, при в
котораго Долли радостно вскричала и бросилась прямо къ нему
руки.

— Я это знала, я была въ этомъ увѣрена! воскликнула Долли.
Мой батюшка здѣсь. Слава Богу, слава Богу! Награди тебя Г
подь, Симъ! Благослови тебя за то небо!

Симонъ Тэппертейтъ, подумавшій сначала, что дочь слѣсаря, н
когда не будучи въ-силахъ подавить тайной страсти къ нему, хочет

Digitized by Google

ерь дать себѣ полную свободу и объявить, что принадлежитъ ему
вѣкъ, Симонъ сдѣлалъ удивительно-глупое лицо, когда услышалъ
слова, тѣмъ болѣе, что ихъ сопровождалъ громкій смѣхъ Гога и
ни, столько смутившій Долли, что она отступила назадъ и смо-
да на него важнымъ, пристальнымъ взоромъ.

- Миссъ Гэрдаль, сказалъ Симонъ послѣ нѣкотораго, очень-неловка
о молчанія: — надѣюсь, вы здѣсь покойны, сколько позволяютъ
тельства. Долли Уарденъ, моя зѣница, мое сокровище, моя ми-
ка, надѣюсь, *вы* также довольно-покойны.

дная, маленькая Долли! Теперь увидѣла она, въ чемъ дѣло, за-
ла обѣими руками лицо и плакала и рыдала горьче прежняго.

- Вы видите во мнѣ, миссъ Уарденъ, продолжалъ Симонъ, поло-
въ руку на грудь: — ужъ не ученика, не наемника, не раба, не
гу тиранства вашего батюшки, а предводителя великаго народа,
гана благороднаго отряда, въ которомъ эти господа, смѣю ска-
только простые капралы и сержанты. Вы видите передъ собою
не частнаго человѣка, а лицо общественное; не починщика ста-
ъ замковъ, а врача, исцѣляющаго раны своего несчастнаго оте-
ва. Долли Уарденъ, безцѣнная Долли Уарденъ, сколько лѣтъ
ыхъ и этой встрѣчи! Сколько лѣтъ было моимъ планомъ—доста-
нимъ высшее и благороднѣйшее положеніе въ жизни! Теперь я
инаю данное самому-себѣ слово. Прошу видѣть во мнѣ вашего
уга. Да, прекрасная Долли, обольстительная, завоевательная Дол-
Симонъ Тэппертейтъ весь принадлежитъ вамъ!

этими словами подходилъ онъ ближе. Долли пятилась назадъ
хъ-поръ, пока нѣкуда было уже отступать, и упала на полъ. Си-
, считавшій возможнымъ, что это только дѣвическая стыдливость,
шилъ ее поднять; Долли, приведенная въ отчаяніе, вцѣпилась
ъ волосы и крича со слезами, что онъ гадокъ, отвратителенъ,
ринъ, трясла его, таскала и трепала, такъ что онъ изъ
силъ закричалъ о помощи. Гогъ никогда еще и вполовину
ко ею не любовался, какъ въ эту минуту.

Она нынѣче въ разстроенномъ состояніи, сказалъ Симонъ, при-
вая испорченную прическу:—не знаю, чего ей хочется. Оставь-
одну до завтра; это ее немножко усмиритъ. Снесите ее въ ближ-
омъ!

ъ держалъ уже ее на рукахъ.

самомъ ли дѣлѣ сердце мастера Тэппертейта смягчилось ея го-
ю, или ему казалось до извѣстной степени неприличнымъ, чтобъ
невѣста билась на рукахъ посторонняго человѣка, только, по зрѣ-
разсужденіи, онъ велѣлъ ему опять поставить ее на полъ и съ
ою смотрѣлъ, какъ она бросилась къ миссъ Гэрдаль, ущни-

Digitized by Google

лась ей за платье и скрыла свое разгорѣвшееся лицо въ его скл
кахъ.

— Онѣ останутся здѣсь до утра, сказалъ Симонъ, снова воспрі
щій свое достоинство:—до завтра. Пойдемъ!

— Вотъ-те на! воскликнулъ Гогъ. — Пойдемъ, капитанъ. Х
ха, ха!

— Чему ты смѣешься? спросилъ Симонъ.

— Ничему, капитанъ, ничему, отвѣчалъ Гогъ; и говоря так
образомъ, онъ трепалъ маленькаго человѣчка рукою по плечу и по
по неизвѣстнымъ причинамъ, засмѣялся вдесятеро сильнѣе.

Мэстеръ Таппертейтъ смѣрялъ его съ головы до пятокъ надм
нымъ взоромъ (этому Гогъ еще сильнѣе захохоталъ) и сказалъ об
щаясь къ плѣнницамъ:

— Потрудитесь замѣтить, сударыни, что домъ этотъ со всѣхъ
ронъ крѣпко караулятъ и что малѣйшій шумъ, какой вы сдѣла
повлечетъ за собою непріятныя слѣдствія. О нашихъ намѣрен
вы, обѣ вы, узнаете подробнѣе завтра. Между-тѣмъ, не показы
тесь у окошекъ и не заговаривайте ни съ кѣмъ изъ людей, котор
вы, можетъ-быть, увидите проходящими мимо; иначе разнес
слухъ, что вы изъ католическаго семейства, и всѣ наши усилія
сти вамъ жизнь будутъ тогда напрасны.

Съ этимъ послѣднимъ, конечно справедливымъ предостережені
вышелъ онъ за дверь, въ сопровожденіи Гога и Денни. Они ост
вились на-минутку въ двери и видѣли, какъ дѣвушки бросились
къ другой на шею; потомъ оставили хижину, крѣпко заперевъ
и поставивъ передъ нею добрый караулъ, равно какъ и вкругъ
дома.

— Я говорю, бормоталъ Денни, когда они шли вмѣстѣ: — л
ная, аппетитная парочка. Мэстера Гашфорда-то такъ же при
какъ и другая, не правда ли?

— Ст! сказалъ Гогъ поспѣшно. — Не называй именъ. Это д
привычка.

— Я бы не хотѣлъ быть имъ (если ты не хочешь называть по
намъ), когда онъ будетъ ей объясняться; больше я ничего не го
сказалъ Денни.—Это одна изъ тѣхъ красивыхъ, черноглазыхъ
дыхъ дѣвочекъ, которымъ я не далъ бы въ руки ножа при
случаѣ. Я ужь видалъ нѣсколько этакихъ. Я знаю одну, ко
спроважена много лѣтъ назадъ,—тутъ еще одинъ джентльменъ
замѣшанъ въ исторію,—она сказала мнѣ, губы у нея дрожали, а
была такъ тверда и покойна, какъ только я видалъ когда-нибу
жизни: «Денни» сказала она: «конецъ мой близокъ, но будь у
кинжалъ въ рукахъ и достань я его, я бъ его пронзила прямо пе
собою!» Да, она это сказала, — и сдѣлала бы!

Digitized by Google

— Промолвила, кого? спросилъ Гогъ.

— Почему жь я знаю, братецъ? отвѣчалъ Денни.—*Она* этого мнѣ не сказала, какъ можешь самъ себѣ представить.

Гогъ поглядѣлъ на него съ минуту, будто сбираясь сдѣлать еще вопросъ объ этомъ безсвязномъ воспоминаніи; но Симонъ Тэппертейтъ, погруженный въ глубокое раздумье, вдругъ далъ своимъ мыслямъ новое направленіе.

Гогъ, сказалъ Симъ: — ты нынѣче славно себя велъ. Надо тебя наградить. И тебя также, Денни. У тебя нѣтъ на примѣтѣ молоденькой женщины, которую бы тебѣ хотѣлось увезти, а?

— Н...нѣтъ, отвѣчалъ послѣдній, щипля свою жесткую бороду, дюйма въ два длиною.—Да, кажется, я и не зналъ никакой.

— Хорошо, сказалъ Симъ:—такъ мы постараемся наградить тебя какъ-нибудь иначе. А ты, молодецъ,—онъ обратился къ Гогу:— ты получишь Меггсъ (ту, что я тебѣ объщалъ, помнишь?) черезъ три дня. Смотри же. Вотъ тебѣ мое слово.

Гогъ усердно благодарилъ; при этомъ судорожный смѣхъ воротился къ нему съ такою силою, что онъ принужденъ былъ одною рукою схватиться за бокъ, а другою опереться на плечо своего маленькаго капитана; иначе, вѣрно, онъ упалъ бы на землю.

ГЛАВА LX.

Три достойные героя направили стопы въ харчевню, гдѣ располагали провести ночь и подъ сѣнію своего стараго вертепа обрѣсти покой, въ которомъ столько нуждались; ибо теперь, когда они привели въ исполненіе все замышляемое зло и разрушеніе, и когда плѣнницы находились подъ надежною стражей, они первые начали чувствовать истощеніе и пагубныя слѣдствія безпокойства, которое привело ихъ къ столь плачевнымъ результатамъ.

Не смотря на усталость, которая томила Гога и двухъ его товарищей, равно какъ и всѣхъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ ночномъ предпріятіи, бурная веселость его возбуждалась снова, какъ скоро взглядывалъ онъ на Симона Тэппертейта, и проявилась—къ величайшему негодованію этого джентльмена—въ такомъ обильномъ и неумѣренномъ хохотѣ, что имъ представлялась вѣрная надежда быть замѣченными дозоромъ и попасть въ стычку, къ которой они, въ теперешнемъ своемъ положеніи, были мало способны. Самъ мэстеръ Денни, въ другихъ случаяхъ не слишкомъ настаивавшій на благопристойность и приличіе поступковъ и вообще находившій много удовольствія въ непомѣрной веселости своего молодаго пріятеля, счелъ на этотъ разъ нужнымъ осудить его неблагоразумное поведе-

Digitized by Google

ніе, которое онъ принималъ нѣкоторымъ образомъ за самоубійство, столь же смѣшное и безстыдное, какъ еслибъ кто вздумалъ самъ себя спровадить прежде, чѣмъ коснулась до него рука закона.

Гогъ ни на волосъ не унялъ своей шумной веселости, не смотря на такіе упреки, и, хохоча, тащилъ ихъ подъ руки, пока они увидѣли харчевню и были уже весьма-близко отъ этого почтеннаго мѣста. Въ-самомъ-дѣлѣ, было большимъ счастіемъ, что онъ между-тѣмъ накричался и наревѣлся вдоволь, такъ что наконецъ замолчалъ. Они тихо шли впередъ, какъ вдругъ шпіонъ, который уже всю ночь проползалъ по рву, чтобъ предостерегать какихъ-нибудь запоздалыхъ отъ всякаго дальнѣйшаго шага на опасащейся теперь опасною почвѣ, осторожно выглянулъ изъ своей засады и закричалъ имъ: «стой!»

— Стой! а отъ-чего? сказалъ Гогъ.

—Отъ-того, отвѣчалъ шпіонъ:—что домъ наполненъ солдатами и полицейскими, которые взяли его враеплохъ сегодня послѣ-обѣда. Всѣ, кто былъ въ домѣ, разбѣжались или отведены въ тюрьму,—въ какую, онъ навѣрное не знаетъ. Онъ уже очень-многихъ предостерегъ не ходить дальше, и полагаетъ, что они воротились на площади этому-подобныя мѣста, чтобъ тамъ провести ночь. Онъ видѣлъ дальніе огни, но теперь всѣ они потушены. Онъ слышалъ, что народъ, проходя мимо, разговаривалъ и о нихъ, и общее, преобладающее мнѣніе о ихъ судьбѣ было мнѣніе страха и ужаса. О Бэрнеби не слыхалъ онъ ни слова; впрочемъ, не знаетъ даже его имени, но сколько припомнитъ, слышалъ, что кто-то арестованъ и отведенъ въ Ньюгетъ. Однако за справедливость слуха не хочетъ и не можетъ ручаться.

По этому извѣстію, трое пріятелей начали совѣщаться, что теперь лучше дѣлать. Гогъ, полагавшій возможнымъ, что Бэрнеби находится въ рукахъ солдатъ и въ эту минуту содержится подъ арестомъ въ трактирѣ, думалъ прокрасться тихомолкомъ впередъ и поджечь домъ; но товарищи его, несчитавшіе такихъ отчаянныхъ насильственныхъ мѣръ благоразумными, когда тылъ не прикрытъ густою народною толпою, представляли ему, что Бэрнеби, въ случаѣ если арестованъ, навѣрное отведенъ въ надежнѣйшую тюрьму; солдаты побоялись бы оставить его на цѣлую ночь въ такомъ слабомъ, открытомъ для всякаго нападенія зданіи. Гогъ уступилъ этимъ доводамъ и согласился воротиться съ ними назадъ и пойдти во Флитъ-Маркетъ, куда, по всей вѣроятности, отправились и нѣкоторые изъ ихъ усерднѣйшихъ союзниковъ, получивъ такое же извѣстіе.

Встревоженные и съ обновленною силою, потому-что опять было побужденіе къ дѣятельности, спѣшили они, совершенно забывъ объ усталости, подъ которою падали еще за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, и скоро достигли мѣста своего назначенія.

Digitized by Google

Флит-Мэркет состоял въ то время изъ длиннаго, неправильнаго ряда деревянныхъ сараевъ, лавокъ и навѣсовъ, занимавшихъ средину того, что теперь называется Ферринггдон-Стритъ. Все это было чрезвычайно-некрасивымъ образомъ разбросано середь улицы, къ величайшему препятствію проѣзжающихъ и безпокойству проходящихъ, которые принуждены бывали, какъ умѣли, пробираться между возовъ и телѣгъ, посылокъ и бочекъ, скамеекъ и ящиковъ, при чемъ, разумѣется, они много сталкивались съ носильщиками, извощиками и пестрою толпою покупателей и продавцевъ, мелкихъ воровъ, бродягъ и зѣвакъ. Воздухъ наполненъ былъ вонью отъ гнилыхъ овощей, помета изъ мясныхъ лавокъ и сотни другихъ гадостей: въ ту пору, для большей части публичныхъ мѣстъ, было неминуемой необходимостью быть вмѣстѣ публичною тягостью; и Флит-Мэркетъ удивительно вѣрно держался этого правила.

Сюда-то стекались многіе изъ бунтовщиковъ не только въ эту ночь, но уже ночи за двѣ или за три до того,—потому ли, что сараи и лавки представляли достаточную замѣну постелей, или потому-что мѣсто, на случай нужды, представляло наилучшія средства для быстрой баррикады. Теперь уже разсвѣло; но утро было холодно, и толпа мятежниковъ стояла въ гостинницѣ около огня, пила горячій поръ, курила табакъ и выдумывала новые планы на завтрашній день.

Гогъ и два его пріятеля, хорошо-знакомые большей части этого народа, приняты были съ особенными знаками благосклонности; имъ уступлены почетныя мѣста. Потомъ крѣпко затворили и заперли двери комнаты и начали взаимно передавать другъ другу важнѣйшія новости.

— Говорятъ, солдаты завладѣли лавкою, сказалъ Гогъ.—Кто знаетъ объ этомъ.

Вызвались многіе; но какъ большая часть общества находилась при нападеніи на Кроличью-Засѣку и всѣ присутствовавшіе заняты были тою или другою изъ происходившихъ ночью экспедицій, то оказалось напослѣдокъ, что они знали не больше Гога, ибо были только предостерегаемы одинъ другимъ или много-что караульными, но ничего не могли сказать по собственному опыту.

— Мы нынче оставили тамъ на-часахъ одного, сказалъ Гогъ, осматриваясь кругомъ:—его ужь нѣтъ. Знаете, кто это? Вэрнеби, что въ Вестминстерѣ ушибъ солдата съ лошади. Не видалъ ли, или не слыхалъ ли кто объ немъ?

Они покачали головами и бормотали чисто-отрицательные отвѣты, смотря одинъ на другаго, какъ вдругъ послышался шумъ извнѣ и голосъ человѣка, который искалъ Гога — ему нужно было видѣться съ Гогомъ.

Digitized by Google

— Вѣдь это только одинъ человѣкъ, сказалъ Гогъ тѣмъ, которые придержали дверь.—Впустите его.

— Да, да, бормотали прочіе.—Впустите, впустите.

Дверь такимъ образомъ была отперта. Однорукій человѣкъ, съ головой и лицомъ, обвязанными окровавленнымъ платкомъ, какъ-будто его жестоко избили, въ разорванномъ платьѣ и съ толстою палкою въ своей единственной рукѣ, вбѣжалъ и спросилъ, задыхаясь, который изъ нихъ Гогъ.

— Здѣсь. Я Гогъ. Что тебѣ отъ меня надо?

— У меня есть къ тебѣ порученіе, сказалъ однорукій.—Знаешь ты одного, по имени Бэрнеби?

— Что съ нимъ? Онъ тебя прислалъ?

— Да. Онъ арестованъ и сидитъ въ одномъ изъ крѣпкихъ казематовъ Ньюгета. Онъ оборонялся, какъ могъ, но пересиленъ большинствомъ. Вотъ его порученіе.

— Когда ты его видѣлъ? спросилъ поспѣшно Гогъ.

— На дорогѣ въ тюрьму, куда велъ его отрядъ солдатъ. Они пошли окольною дорогою, не тою, какую мы было-полагали. Я былъ одинъ изъ немногихъ, которые пытались его освободить; онъ крикнулъ мнѣ, чтобъ я сказалъ Гогу, гдѣ онъ находится. Мы подняли жаркую драку, да ничего не успѣли. Вотъ и все тутъ!

Онъ указалъ на свое платье и обвязанную голову, оглянулся, все еще задыхаясь, и уставился Гогу прямо въ глаза.

— Я знаю тебя въ лицо, сказалъ онъ: — потому-что былъ въ пятницу, въ субботу и вчера между народомъ, не зналъ только твоего имени. Ты смѣлый человѣкъ, знаю. Онъ тоже. Онъ какъ левъ бросился сегодня ночью, по попустякамъ. И я дѣлалъ что могъ, у меня же нѣтъ руки.

Опять сомнительно оглянулся онъ въ комнатѣ—или такъ по-крайней-мѣрѣ казалось, потому-что перевязка закрывала ему почти все лицо; потомъ опять пристально посмотрѣлъ на Гога, схватилъ свою палку, какъ-будто то-и-дѣло ожидалъ нападенія и изготовился къ оборонѣ.

Впрочемъ, если онъ питалъ какое-нибудь подобное опасеніе, то поведеніе всѣхъ присутствовавшихъ должно было успокоить его. Никто не думалъ о принесшемъ печальную вѣсть, онъ исчезъ въ новости, которую принесъ. Проклятія, угрозы и ругательства гремѣли со всѣхъ сторонъ. Одни восклицали, что если они это перенесутъ покорно и терпѣливо, то на слѣдующій день всѣ очутятся въ тюрьмѣ; другіе кричали, что имъ бы надобно освободить прочихъ арестантовъ, такъ этого бы не случилось. Одинъ воскликнулъ громкимъ голосомъ? «Кто пойдетъ за мною въ Ньюгетъ?» и за тѣмъ послѣдовалъ общій громкій крикъ,—всѣ бросились къ дверямъ.

Digitized by Google

Но Гогъ и Денни загородили дверь спинами и удерживали ихъ до-тѣхъ-поръ, пока крикъ столько утихъ, что можно было разслышать ихъ голоса; тогда оба они представили имъ, что было бы сумасбродствомъ идти теперь, середи бѣлаго дня, на Ньюгетъ; что, если они подождутъ до вечера и составятъ планъ нападенія, то могутъ освободить не только товарищей, но и всѣхъ арестантовъ, и сжечь тюрьму.

— Не только эту тюрьму, воскликнулъ Гогъ:—но и всѣ тюрьмы въ Лондонѣ. Пусть у нихъ не будетъ мѣста, куда запирать арестантовъ. Сожжемъ ихъ всѣ и устроимъ изъ каждой потѣшный огонь! Сюда! вскричалъ онъ, схвативъ палача за руку. — Кто здѣсь молодецъ, тотъ ступай къ намъ. Давайте руки! Барнеби вонъ изъ тюрьмы, и не оставлять ихъ ни одной! Кто съ нами?

— Всѣ!—И они поклялись страшною клятвой, въ наступающую же ночь освободить изъ Ньюгета своихъ пріятелей, сжечь тюрьму, или самимъ погибнуть въ огнѣ.

ГЛАВА LXI.

Въ ту же самую ночь—происшествія такъ толпятся во времена потрясенія и возмущенія, что часто больше чѣмъ главнѣйшія событія цѣлой жизни совершаются въ-теченіи однихъ сутокъ — въ ту же самую ночь повезъ мастеръ Гэрдаль своего плѣнника, котораго связалъ съ помощію церковнослужителя и посадилъ на свою лошадь, въ Чигуэлль, откуда располагалъ переправиться въ Лондонъ, чтобъ представить убійцу прямо къ мирному судьѣ. Безпокойное состояніе города, какъ онъ зналъ, было достаточною побудительною причиною желать, чтобъ преступникъ еще до разсвѣта посаженъ былъ въ тюрьму, ибо никто не могъ ручаться за безопасность караульнь и обыкновенныхъ мѣстъ ареста; вести же арестанта по улицамъ, когда народъ опять поднимется на ноги, было не только очень-опаснымъ дѣломъ, но и прямымъ поводомъ къ попыткѣ освободить его. Велѣвъ церковнослужителю вести подъ-уздцу лошадь, самъ онъ пошелъ пѣшкомъ подлѣ убійцы, и въ такомъ порядкѣ прибыли они въ село около полуночи.

Жители не спали и были на ногахъ, потому-что опасались быть сожженными въ постеляхъ, и бодрствовали всѣ вмѣстѣ, ободряя и утѣшая другъ друга. Нѣкоторые изъ отважнѣйшихъ были вооружены и собрались на лугу въ кучу. Къ этимъ-то людямъ, которымъ Гэрдаль хорошо былъ знакомъ, обратился онъ, разсказавъ въ короткихъ словахъ свое приключеніе, съ просьбою пособить ему доставить преступника до зари въ Лондонъ.

Digitized by Google

Но ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался пошевельнуться для него ни пальцемъ. Мятежники, проходя черезъ село, грозили самымъ страшнымъ мщеніемъ каждому, кто ему или другимъ католикамъ подастъ хотя малѣйшую помощь въ потушеніи пожара или въ другомъ чемъ-нибудь. Угроза была направлена на ихъ жизнь и на все, чѣмъ они владѣли. Они собрались для собственной защиты, и не могли подвергаться еще опасности, оказывая ему пособіе. Они сказали ему это, не безъ колебанія и сожалѣнія, держась поодаль отъ него и при лунномъ сіяніи смотря на призрачнаго всадника, который, опустивъ голову на грудь и надвинувъ шляпу на брови, неподвижно и нѣмо сидѣлъ на лошади.

Видя невозможность уговорить ихъ, послѣ того, чего насмотрѣлись они отъ ярости черни, мастеръ Гордаль просилъ позволить ему по-крайней-мѣрѣ самому дѣйствовать безпрепятственно, и ссудить ему только одну повозку и пару лошадей, какихъ можно было достать въ селѣ. И это удалось ему не безъ труда; но наконецъ они сказали, чтобъ онъ дѣлалъ, что хочетъ, лишь бы только ради Бога уѣзжалъ поскорѣе.

Онъ отдалъ церковнослужителю держать за узду лошадь, выдвинулъ собственными руками повозку и заложилъ бы также самъ лошадей, еслибъ сельскій почтальйонъ—добродушный, лѣнивый, беззаботный малый—не тронулся хлопотами мастера Гордаля и, бросивъ вилы, которыми былъ вооруженъ, не побоялся, что скорѣе дастъ себя мятежникамъ разорвать на мелкіе куски, нежели рѣшится сложа руки стоять и смотрѣть, какъ такой почтенный джентльменъ, который никого не обидѣлъ, будетъ въ такой крайности, и что онъ можетъ ему по-силамъ. Мастеръ Гордаль горячо пожалъ ему руку и благодарилъ отъ всего сердца. Черезъ пять минутъ карета была готова, и добрый лѣнтяй сидѣлъ на сѣдлѣ. Убійцу посадили въ экипажъ, подняли шторы, церковнослужитель сѣлъ на козла, а мастеръ Гордаль вскочилъ на лошадь и поѣхалъ подлѣ дверей повозки; такимъ образомъ середь ночи въ глубокой тишинѣ пустились они въ Лондонъ.

Страхъ былъ такъ великъ, что даже лошади, спасшіяся отъ пожара въ Кроличьей-Засѣкѣ, не могли найдти добраго человѣка, который далъ бы имъ пріютъ. Онѣ попадались имъ на дорогѣ, щипля скудную траву; кучеръ сказалъ, что бѣдныя животныя сначала побѣжали было въ село, но были оттуда прогнаны, чтобъ народная масса не обрушилась на головы обывателей.

Чувство это не ограничивалось такими маленькими мѣстечками, какъ Чигуэлль, гдѣ жители были робки, необразованы и беззащитны. Подъѣзжая къ Лондону, встрѣтили они, въ туманномъ мерцаньи разсвѣта, много бѣдныхъ католическихъ семействъ, которыя, гони-

Digitized by Google

мыя угрозами и предостереженіями напуганныхъ сосѣдей, пѣшкомъ покидали столицу и сказывали имъ, что для вывоза имущества не могли достать ни лошадей, ни экипажей и принуждены были побросать его и предоставить на милость или немилость черни. Подъ самымъ Лондономъ проѣхали они мимо одного дома, котораго владѣлецъ, небогатый католикъ, нанялъ себѣ экипажъ, чтобъ ночью вывести мебель и заранѣе повытаскалъ всю ее на улицу, дожидаясь пріѣзда фуры и сберегая время на укладку. Но человѣкъ, съ которымъ онъ договорился объ этомъ, отказался сдержать слово: такъ напугали его огни въ эту ночь и видъ прошедшихъ передъ его домомъ бунтовщиковъ; бѣдный католикъ съ женою, дѣтьми и слугами сидѣлъ трепеща подлѣ своего имущества на открытой улицѣ, боясь разсвѣта и однакожь, не зная, куда дѣваться и что начать.

Точно то же, какъ они услышали, было съ общественными дѣлами. Паническій страхъ былъ такъ великъ, что почты и дилижансы боялись принимать пассажировъ, исповѣдывавшихъ католическую вѣру. Если они были знакомы извощикамъ, или признавались, что принадлежали къ этой вѣрѣ, ихъ не брали, хотя бы они давали даже большія суммы денегъ; и вчера еще жители боялись кланяться съ своими католическими знакомыми на улицѣ, чтобъ не быть замѣченнымъ шпіонами. Одинъ кроткій старикъ—священникъ, котораго капелла была разрушена, слабое, терпѣливое, беззащитное созданіе —который кое-какъ брелъ одинёхонекъ, чтобъ отойдти нѣсколько миль пѣшкомъ отъ Лондона и потомъ попытать счастія у деревенскихъ извощиковъ, сказалъ мэстеру Гэрдалю, что едва ли онъ найдетъ судью, который осмѣлится по его жалобѣ посадить подъ арестъ преступника. Но не смотря на эти неутѣшительныя извѣстія, они продолжали путь и достигли Менсэн-Гауза незадолго до восхожденія солнца.

Мэстеръ Гэрдаль соскочилъ съ лошади; но въ ворота стучаться было не нужно, потому-что они были настежъ отворены и у подъѣзда стоялъ полный старикъ съ очень-краснымъ или даже пурпуровымъ лицомъ, толкуя съ огорченнымъ и озабоченнымъ видомъ съ какою-то невидимою особою наверху, между-тѣмъ, какъ привратникъ старался понемногу притворить ворота и отдѣлаться отъ него. Съ очень-понятнымъ въ подобномъ дѣлѣ нетерпѣніемъ и горячностью подбѣжалъ мэстеръ Гэрдаль и готовъ былъ начать говорить, какъ толстый старый джентльменъ предупредилъ его.

— Милостивый государь, сказалъ онъ: — пожалуйста, позвольте прежде мнѣ добиться отвѣта. Въ шестой уже разъ я здѣсь. Вчера былъ здѣсь пять разъ. Моему дому грозили разрушеніемъ. Нынѣче ночью и еще вчерашнюю ночь должно было обратить его въ пепелъ,

Digitized by Google

но, къ-счастію, злодѣи были заняты еще гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Сдѣлайте милость, позвольте мнѣ прежде добиться рѣшенія.

— Милостивый государь, отвѣчалъ на это мэстеръ Гэрдэль, качая головою: — мой домъ ужь обращенъ въ пепелъ. Но сохрани Боже васъ отъ подобной участи. Требуйте себѣ рѣшенія и кончайте поскорѣе изъ состраданія ко мнѣ.

— Вотъ, слышите ль, милордъ? сказалъ старикъ, ступивъ на лѣстницу и обращаясь туда, откуда висѣли черезъ перила пола шлафрока.—Здѣсь одинъ джентльменъ, у котораго домъ дѣйствительно сожженъ нынѣче ночью.

— Боже мой, Боже мой! отвѣчалъ нетерпѣливый голосъ: — очень жалѣю, да что же мнѣ дѣлать? Не могу же я выстроить новый. Первый городской чиновникъ не можетъ ходить и строить обывателямъ новые домы, милостивый государь. Это явная безсмыслица, явная нелѣпость.

— Но первый городской чиновникъ можетъ принять мѣры, чтобъ обыватели не нуждались въ постройкѣ новыхъ домовъ, если первый чиновникъ человѣкъ, а не соломенная кукла—такъ ли, милордъ? воскликнулъ старый джентльменъ съ сердцемъ.

— Вы не почтенны, сэръ, сказалъ лордъ-мэръ, то-есть, не почтительны, хотѣлъ я сказать.

— Не почтителенъ, милордъ? возразилъ старый джентльменъ. — Вчера я пять разъ былъ почтителенъ. Не могу же я быть всегда почтителенъ. Нѣкогда разбирать почтительность, когда тутъ хотятъ разграбить домъ, когда приходится сгорѣть въ постели. Что жь я стану дѣлать, милордъ? *Получу ли я защиту?*

— Я вчера ужь сказалъ вамъ, сэръ, отвѣчалъ лордъ-мэръ: — что вы могли бы взять къ себѣ въ домъ альдермэна, если кто изъ нихъ пойдетъ къ вамъ.

— На кой чортъ мнѣ вашъ альдермэнъ? сказалъ жолчный старикъ.

— Чтобъ отогнать народъ, сэръ, отвѣчалъ лордъ-мэръ.

— О, Господи помилуй! завопилъ старый джентльменъ, отирая на лбу потъ съ траги-комическимъ видомъ: — альдермэномъ отогнать чернь! Да, милордъ, еслибъ это были грудные ребята, не-ужь-то вы думаете, они побоялись бы альдермэна? Не пожалуете ли *вы* сами?

— Я? сказалъ лордъ-мэръ чрезвычайно выразительно.—Разумѣется, нѣтъ.

— Такъ что жь я буду дѣлать? возразилъ старикъ. — Развѣ я не гражданинъ Англіи? Развѣ я не вправѣ пользоваться благодѣяніями закона? Долженъ ли я найдти покровительство за то, что плачу повинности королю?

— Право, не знаю, сказалъ лордъ-мэръ.— Какъ жаль, что вы ка-

Digitized by Google

толикъ! Зачѣмъ вы не протестантъ: тогда вы не попали бы въ такіе тиски! Право, не знаю, что тутъ дѣлать... За этими безпокойствами скрываются знатные люди... О, Боже мой! что это за горе быть публичнымъ лицомъ! Побывайте какъ-нибудь днемъ нынче... Пособлю ли я вамъ, если я дамъ аллебардиста? Или вотъ, правда, Филипсъ констабль — ему нѣчего дѣлать — онъ не слишкомъ старъ для человѣка его лѣтъ, только слабъ ногами, и если вы его поставите къ окошку, онъ при свѣчахъ покажется очень-молодъ, и можетъ припугнуть народъ... О, Боже мой!.. хорошо... тамъ посморимъ...

— Стой! воскликнулъ мэстеръ Гэрдаль, оттолкнувъ дверь, которую приваратникъ затворялъ: — милордъ мэръ, сдѣлайте одолженіе, не уходите. Со мною здѣсь человѣкъ, который за двадцать-восемь лѣтъ совершилъ убійство. Нѣсколько словъ, присяга съ моей стороны дастъ вамъ право отдать его подъ слѣдствіе. Мнѣ только нужно, покамѣстъ, посадить его въ надежное мѣсто. Малѣйшая отсрочка можетъ подать поводъ мятежникамъ освободить его.

— О, Боже великій! вскричалъ лордъ-мэръ. — Господи, помоги мнѣ... О Боже!.. хорошо... пожалуй... Знаете ли, за этими безпорядками скрываются знатные люди... Право, лучше оставьте...

— Милордъ, сказалъ мэстеръ Гэрдаль:—убитый былъ мой родной братъ; я наслѣдовалъ его имѣніе; тогда были злые языки, которые шептали, будто вина этого гнуснаго и безчеловѣчнаго дѣла лежитъ на мнѣ, — на мнѣ, который любилъ его такъ нѣжно, какъ онъ знаетъ это на небесахъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ лѣтъ неизвѣстности и горя, наступило время отмстить за него и обличить злодѣяніе, столь адское и коварное, что ему нѣтъ подобнаго. Каждая секунда отсрочки съ вашей стороны разрѣшаетъ оковы съ окровавленныхъ рукъ этого человѣка и можетъ послужить къ его освобожденію. Милордъ, я требую, чтобъ вы выслушали меня и тотчасъ окончили это дѣло.

— Господи Боже мой! воскликнулъ первый лондонскій чиновникъ: — теперь не должностные часы, понимаете?.. Дивлюсь вамъ... какъ это неучтиво съ вашей стороны... вы не должны... право, нѣтъ... Полагаю, вѣрно и *вы* католикъ?

— Католикъ, сказалъ мэстеръ Гэрдаль.

— Господи помилуй! Кажется, люди нарочно дѣлаются католиками, чтобъ меня мучить и терзать! воскликнулъ лордъ-мэръ. — Лучше бъ вы не приходили. Скоро, пожалуй, сожгутъ еще Мэнсен-Гаузъ, и за это мы будемъ вамъ обязаны. Заприте арестанта, серъ, отдайте его подъ караулъ... и... и пожалуйте въ надлежащій часъ. Тогда увидимъ!

Не успѣлъ мэстеръ Гэрдаль отвѣтить, какъ дверь сильно захлопнулась и застучалъ запоръ: лордъ-мэръ ушелъ въ спальню, и всякое

Digitized by Google

дальнѣйшее домогательство было безполезно. Двое просителей также пошли назадъ и были выпущены привратникомъ на улицу.

— Такъ онъ всегда отдѣлывается, сказалъ старый джентльменъ: — я не могу добиться никакого удовлетворенія и никакой помощи. Что вы намѣрены дѣлать, сэръ?

— Хочу попытаться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, отвѣчалъ мэстеръ Гэрдаль, который сѣлъ между-тѣмъ опять на лошадь.

— Жалко мнѣ васъ, очень-жалко: оно, впрочемъ, и натурально, потому-что мы страдаемъ за общее дѣло, сказалъ старый джентльменъ. — Пройдетъ еще ночь, и у меня ужь, можетъ-быть, не будетъ дома, куда бы я могъ пригласить васъ, и потому сдѣлаю это теперь, пока это въ моей власти. Но, какъ разсужу пообстоятельнѣе, продолжалъ онъ, запрятывая опять бумажникъ, который вынулъ-было при этихъ словахъ: — лучше я вамъ не дамъ моего адреса, потому-что, если его найдутъ у васъ, вы можете нажить себѣ непріятности. Лэнгдель — мое имя, виноторговецъ и дистиллаторъ изъ Гольборн-Гилля; очень буду радъ, если навѣстите меня.

Мэстеръ Гэрдаль поклонился и поѣхалъ подлѣ повозки, какъ прежде; теперь онъ думалъ побывать у сэра Джона Фильдинга, слывшаго смѣлымъ и дѣятельнымъ чиновникомъ, и твердо рѣшился, въ случаѣ, если на него нападутъ бунтовщики, скорѣе казнить убійцу собственными руками, чѣмъ позволить освободить его.

Однако, они достигли квартиры судьи безъ дальнѣйшихъ приключеній (ибо чернь была въ это время, какъ мы видѣли, занята важнѣйшими планами) и постучались въ двери. Какъ вообще ходилъ слухъ, что мятежники грозили сэру Джону Фильдингу, то куча сыщиковъ караулила его домъ цѣлую ночь. Одному изъ этихъ людей объяснилъ мэстеръ Гэрдаль свою надобность, и какъ она показалась этому господину дѣломъ довольно-значительнымъ, чтобъ разбудить для нея мирнаго судью, то онъ тотчасъ доставилъ ему удовлетвореніе.

Убійца немедленно назначенъ въ Ньюгетъ, тогда еще новое и незадолго съ большими издержками построенное зданіе, слывшее необыкновенно-крѣпкимъ. Когда приказъ объ арестѣ былъ готовъ, трое сыщиковъ еще связали преступника (онъ, по-видимому, усиливался въ каретѣ сдѣлать веревки попросторнѣе), завязали ему ротъ, чтобъ онъ не могъ кричать о помощи, если на встрѣчу имъ попадется какая-нибудь толпа мятежниковъ, и сѣли съ нимъ въ карету. Какъ всѣ эти люди были хорошо вооружены, то они составляли сильное прикрытіе; однако они также подняли ширмы, какъ-будто карета была порожняя и велѣли мэстеру Гэрдалю ѣхать напередъ, чтобъ онъ не привлекъ на себя вниманія и не казался принадлежащимъ къ экипажу.

Благоразуміе этого распоряженія скоро оправдалось, потому-что, проѣзжая старый городъ, они повстрѣчали много группъ подозрител-

Digitized by Google

ныхъ людей, которые, если бъ сочли карету за совершенно-пустую, навѣрное остановили бы ее. Но какъ сидѣвшіе въ ней соблюдали мертвую тишину и кучеръ ѣхалъ нарочно медленнѣе, чтобъ избѣжать разспросовъ, то они прибыли въ тюрьму безпрепятственно, и, пріѣхавъ туда, мигомъ вынули преступника изъ кареты и свели въ крѣпкія стѣны.

Съ напряженнымъ вниманіемъ усердно смотрѣлъ мистеръ Гэрдаль, какъ его сковали, посадили въ каморку и заперли. Да, выходя изъ тюрьмы на чистый воздухъ, онъ еще чувствовалъ желѣзные запоры на дверяхъ и щупалъ рукою по стѣнамъ, чтобъ увѣриться, что это не сонъ, и порадоваться, что они такъ крѣпки, жестки и холодны. Только, отвернувшись отъ зданія и глядя въ пустыя улицы, которыя такъ безжизненно и тихо тянулись на ясномъ утреннемъ свѣтѣ, ощутилъ онъ тяжелый камень на сердцѣ, снова почувствовалъ мучительную тоску по своимъ, которыхъ оставилъ дома; и это дома было только зернышкомъ въ длинныхъ чёткахъ его страданій.

ГЛАВА LXIII.

Оставшись одинъ, арестантъ сѣлъ на свою постель и, положивъ локти на колѣни, подпершись рукою подбородокъ, сидѣлъ такимъ образомъ цѣлые часы. Трудно было бы сказать, какого рода думы занимали его. Онѣ не имѣли никакого яснаго смысла и, исключая временныхъ проблесковъ воспоминанія, никакой связи съ его положеніемъ и ходомъ происшествій, которыми были возбуждены. Трещины на каменномъ полу его кельи, щели въ стѣнѣ, гдѣ плита сходилась съ плитою, прутья рѣшетки въ окнѣ, желѣзное кольцо на полу,—всѣ эти вещи, безпорядочно сливаясь одна съ другою и пробуждая несказанно-странный интересъ, наполняли всю его душу; и хотя въ основѣ каждой изъ этихъ думъ лежало безпокойное чувство вины и страха смерти, однако онъ сознавалъ ихъ столь же неясно, какъ спящій человѣкъ сознаётъ свою болѣзнь: она преслѣдуетъ его въ сновидѣніяхъ, отравляетъ всѣ его воображаемыя радости, отнимаетъ у стола вкусъ, у музыки сладость, самое счастіе дѣлаетъ несчастіемъ, и однакожь она не есть тѣлесное ощущеніе, а призракъ, или образъ безъ лица; она проникаетъ все и не имѣетъ настоящаго существованія; она ощутительна всюду, и нигдѣ нельзя ее ощупать или увидѣть лицомъ-къ-лицу, пока сонъ минуетъ и воротится болѣзнь наяву.

По прошествіи долгаго времени, дверь его комнаты отворилась. Онъ взглянулъ, увидѣлъ вошедшаго слѣпаго и впалъ въ свое прежнее состояніе.

Посѣтитель, руководимый его дыханіемъ, подошелъ къ постели,

Digitized by Google

сталъ подлѣ него и, протянувъ руку, чтобъ увѣриться, что не ошибся, стоялъ нѣсколько времени молча.

— Плохо, Роджъ, плохо, сказалъ онъ наконецъ.

Арестантъ зашаркалъ и зашелестилъ ногами по полу, стараясь отъ него отвернуться, но не отвѣчалъ ни слова.

— Какъ ты попался? спросилъ слѣпой. — И гдѣ? Ты мнѣ никогда не сказывалъ больше половины твоей тайны. Нужды нѣтъ: теперь я ее знаю. Какъ это случилось и гдѣ? а? спросилъ онъ еще разъ, подвигаясь къ нему еще ближе.

— Въ Чигуэллѣ, сказалъ тотъ.

— Въ Чигуэллѣ? Какъ ты тамъ очутился?

— Я пошелъ туда, чтобъ избѣжать человѣка, передъ которымъ я виноватъ, отвѣчалъ онъ. — Меня гнали и влекли туда онъ и судьба. Меня заставило идти туда нѣчто такое, что было сильнѣе моей собственной воли. Когда я увидѣлъ, что онъ постоянно караулитъ въ домѣ, гдѣ прежде она жила, тогда увѣрился, что не уйду уже отъ него теперь и никогда... никогда не уйду! Но когда я услышалъ колоколъ...

Онъ содрогнулся, пролепеталъ, что очень-холодно, быстро прошелся взадъ и впередъ по келлѣ, сѣлъ опять и впалъ снова въ прежнее состояніе.

— Ты заговорилъ было, сказалъ слѣпой, послѣ вторичной паузы: — что когда ты услышалъ колоколъ...

— Ну, да, пусть такъ! отвѣчалъ онъ отрывистымъ голосомъ. — Онъ еще виситъ тамъ.

Слѣпой сдѣлалъ вопросительную гримасу, но арестантъ продолжалъ говорить, не обращая на него вниманія:

— Я пошелъ въ Чигуэлль искать народу. Меня такъ гналъ и преслѣдовалъ этотъ человѣкъ, что я не имѣлъ никакой надежды спасти жизнь, если не примкнусь къ нимъ. Они ужь ушли впередъ; я шелъ за ними, когда онъ пересталъ...

— Когда что перестало?

— Колоколъ. Они оставили то мѣсто. Я надѣялся, что, можетъ-быть, найду нѣкоторыхъ еще между развалинами; сталъ искать; тогда я услышалъ, — тутъ онъ тяжело перевелъ духъ и отеръ рукавомъ потъ со лба, — его здѣсь...

— Кто же онъ говорилъ?

— Все равно, что бы ни говорилъ. Не знаю. Я стоялъ у самаго подножія башни, гдѣ я когда-то...

— Да, да, сказалъ слѣпой, очень-покойно кивая головою: — я ужь понимаю.

— Я сталъ взбираться на лѣстницу, или по-крайней-мѣрѣ, на обломки, какіе отъ нея уцѣлѣли; хотѣлъ тамъ спрятаться, пока онъ

Digitized by Google

уйдетъ. Но онъ услышалъ меня и пошелъ за мною почти въ ту жь минуту, какъ я ступилъ на пепелъ.

— Ты могъ бы спрятаться за стѣною, либо столкнуть его, или заколоть, сказалъ слѣпой.

— Могъ ли я? Между имъ и мною стоялъ человѣкъ, который велъ его,—я это видѣлъ, а онъ нѣтъ—и поднималъ надъ его головою кровавую руку. Это было въ комнатѣ наверху, гдѣ онъ и я стояли глазъ-на-глазъ, другъ противъ друга, въ ночь убійства, и падая, онъ точно также поднялъ руку и устремилъ на меня глаза. Я зналъ, что дѣло тутъ покончится.

— У тебя горячая фантазія, сказалъ слѣпой съ усмѣшкою.

— Разгорячи, пожалуй, ты свою кровью, и увидишь, до чего она дойдетъ.

Онъ застоналъ, зашатался съ боку на бокъ и потомъ сказалъ, впервые взглянувъ кверху, невнятнымъ, глухимъ голосомъ:

— Двадцать-восемь лѣтъ! Двадцать-восемь лѣтъ! Во все это время онъ ни крошечки не перемѣнился, не сталъ ни старше, ни слабѣе. Онъ всегда видѣлся мнѣ, въ темной ночи и среди бѣлаго дня; въ сумеркахъ, при мѣсячномъ свѣтѣ, на солнечномъ сіяніи, при свѣтѣ огня, свѣчей и лампъ, и въ самомъ густомъ мракѣ. Всегда одинъ и тотъ же! Въ обществѣ и въ уединеніи, на сушѣ и на водѣ; иногда покидалъ онъ меня на цѣлые мѣсяцы, а иногда ни на минуту. Я видѣлъ его на морѣ, скользящаго за нами середи мертвой ночи по свѣтлому отблеску мѣсяца въ тихой водѣ; видѣлъ его на набережныхъ и на площадяхъ, съ поднятою кверху рукою, высоко-выдавшеюся надъ толпой, которая не догадывалась о страшномъ призракѣ, что молча стоялъ середи ея. Фантазія! Воображеніе! Точно ли ты существуешь? Существую ли я? Существуютъ ли въ-самомъ-дѣлѣ эти желѣзныя цѣпи, которыя надѣлъ и наковалъ мнѣ кузнецъ, или онѣ только мечта, которую я могу сбросить съ себя однимъ махомъ?

Слѣпой слушалъ его молча.

— Воображеніе! Развѣ это воображеніе, что я погубилъ его? Было ль это воображеніе, когда я вышелъ изъ комнаты, гдѣ онъ лежалъ въ крови; что я увидѣлъ выглядывающее изъ-за темной двери лицо человѣка, который, казалось, угадалъ, какое дѣло я сдѣлалъ? Развѣ я не помню, что я заговорилъ съ нимъ по-пріятельски, что подошелъ къ нему ближе... еще ближе... съ острымъ ножомъ въ рукавѣ? Развѣ я только воображаю, какъ онъ умиралъ? Развѣ онъ не отшатнулся въ уголъ стѣны, куда я его прижалъ, и развѣ не стоялъ онъ, вмѣсто того, чтобъ упасть, въ крови передо мною, мертвый? Развѣ я не видалъ его, какъ вижу тебя теперь, прямо стоящаго передо мною на ногахъ... бездыханнаго?

Digitized by Google

Слѣпой замѣтилъ, что онъ всталъ, и махнулъ ему рукою снова сѣсть; но онъ не послушался.

— Тогда-то мелькнула у меня мысль сложить на него убійство. Я надѣлъ на него свое платье и стащилъ его по лѣстницѣ къ водѣ. Развѣ я не помню всплеска и пузырей, которые вскакивали, когда я столкнулъ его туда? Развѣ я не знаю, какъ я смылъ съ себя воду, потому-что меня забрызгалъ ею трупъ при своемъ паденіи, какъ я думалъ, что вода *должна* быть кровью? Развѣ не пошелъ я домой, кончивъ дѣло? И, Боже мой, какъ долго я шелъ! Развѣ я не сталъ передъ женою и не разсказалъ ей этого? Развѣ я не видалъ, какъ она упала на полъ; и, когда я наклонился поднять ее, какъ она сильно оттолкнула меня отъ себя, будто маленькаго ребенка, отирая руку, которою до меня дотронулась? Не-уже-ли и это воображеніе?.. Развѣ она не бросилась на колѣни и не призывала неба въ свидѣтели, что она съ своимъ еще нерожденнымъ младенцемъ не будетъ съ этой минуты знать меня? развѣ не заклинала она меня такими торжественными словами, что я затрепеталъ отъ нихъ — я, только-что отошедшій отъ горячей крови, которую пролилъ? Развѣ не заклинала она меня бѣжать, пока еще есть время, потому-что она, какъ несчастная законная жена моя, станетъ молчать, но не скроетъ меня? Развѣ не пустился я въ ту же ночь на всѣ четыре стороны, отверженный Богомъ и людьми, приготовившій себѣ вѣрное мѣсто въ адѣ, скитающійся покамѣстъ по землѣ, чтобъ неминуемо быть туда наконецъ свергнуту?

— За чѣмъ ты воротился? спросилъ слѣпой.

— Зачѣмъ кровь красна? Я такъ же не могъ поступить иначе, какъ не могъ дышать безъ воздуха. Я боролся съ моимъ внутреннимъ влеченіемъ, но оно тащило меня назадъ будто за волосы, машинальною силою, вопреки всѣмъ препятствіямъ и трудностямъ. Ничто не могло удержать меня. Дней и часовъ для меня не было. Во снѣ и на-яву я переносился черезъ цѣлые годы на мѣста стараго, пустыннаго воспоминанія... навѣщалъ свою собственную могилу... Зачѣмъ я воротился? Затѣмъ, что эта тюрьма разинула мнѣ свою пасть, а онъ стоялъ на порогѣ и звалъ.

— Тебя не знали? сказалъ слѣпой.

— Я былъ человѣкъ, который умеръ двадцать-два года назадъ. Нѣтъ, меня не знали!

— Тебѣ бы скрытнѣе держать свою тайну.

— Мою тайну? *Мою?* Это была тайна, которую могъ по произволу шептать, могъ выболтать каждый вѣтерокъ. Звѣзды говорили ее въ своемъ мерцаніи, вода въ своемъ журчаньи, листы въ своемъ шелестѣ, времена года въ своемъ обновленіи. Она сидѣла въ лицѣ и

Digitized by Google

голосъ каждаго незнакомца. Все имѣло губы, на которыхъ она безпрестанно дрожала... моя тайна!

—Во всякомъ случаѣ, ты обнаружилъ ее по своей собственной винѣ, сказалъ слѣпой.

—Эта вина была не моя. Я сдѣлалъ ее, но не я былъ виноватъ. Я принужденъ бывалъ часто скитаться вокругъ того мѣста. Еслибъ ты заковалъ меня въ цѣпи, когда на меня находилъ припадокъ, я разорвалъ бы ихъ и пошелъ бы туда. Какъ вѣрно, что магнитъ притягиваетъ желѣзо, такъ вѣрно, что онъ, лежа въ глубокой могилѣ, могъ притягивать меня къ себѣ, когда ему хотѣлось этого. Было ли то воображеніе? охотно ли ходилъ я туда или боролся съ силою, которая меня влекла и тащила?

Слѣпой пожалъ плечами и улыбнулся недовѣрчиво. Арестантъ опять палъ въ прежнее положеніе, и оба долгое время оставались недвижны и безмолвны.

— Заключаю по этому, сказалъ посѣтитель, прерывая молчаніе:— что ты раскаялся и покорился; что хочешь помириться со всѣмъ свѣтомъ (особливо съ женою, которая тебя такъ далеко спровадила), и что ничего такъ пламенно не желаешь, какъ быть сведену сколько-можно-скорѣе въ Тейбурнъ. Коли такъ, мнѣ не осталось ничего больше, какъ откланяться. Сдѣлать тебѣ компанію я не чувствую большой охоты.

— Развѣ я не говорилъ тебѣ, сказалъ тотъ дико: — что я боролся и сражался съ силою, которая привела меня сюда? Развѣ вся моя двадцати-восами-лѣтняя жизнь не была постоянною борьбою и сопротивленіемъ, и ты думаешь, что я хочу только броситься въ петлю и умереть? Всѣ люди боятся смерти... я всѣхъ больше.

— Ну, это ужъ получше... это ужъ получше сказано, Роджъ; впрочемъ, я тебя не стану такъ называть... это получше всего, что ты сказалъ до-сихъ-поръ, отвѣчалъ слѣпой, говоря ласковѣе и положивъ ему руку на плечо.—Видишь ли, самъ я никогда не убилъ человѣка, потому-что никогда не приходилъ въ такое положеніе, чтобъ это стоило труда для меня. Къ-тому же, нечего защищать убійство человѣка и не думаю, что я это кому-нибудь посовѣтовалъ или самъ охотно сдѣлалъ, потому-что оно опасно, во всякомъ случаѣ. Но какъ ты ужъ имѣлъ несчастіе попасть въ это щекотливое положеніе, прежде, чѣмъ мы съ тобою познакомились, и какъ ты долго былъ моимъ товарищемъ, то я пропускаю эту часть исторіи и желалъ бы только, чтобъ ты не погибъ безъ необходимости. А теперь, кажется, въ этомъ нѣтъ необходимости.

— Что же мнѣ осталось? сказалъ арестантъ. — Прогрызться зубами сквозь стѣны?

— Есть что-нибудь полегче этого, возразилъ пріятель. — Обѣщай

Digitized by Google

мнѣ не помнить объ этихъ твоихъ мечтахъ — это совершенно пустыя, глупыя вещи, вовсе недостойныя человѣка, — и я скажу тебѣ, что я думаю.

— Говори, сказалъ тотъ.

— Твоя почтенная супруга съ нѣжною совѣстью, твоя щекотливая, добродѣтельная, строгая, но не слѣпо-любящая супруга...

— Что жъ она?

— Она теперь въ Лондонѣ.

— Проклятіе ей, пусть она будетъ, гдѣ хочетъ!

— Разумѣется. Бери она свою пенсію по-прежнему, ты не былъ бы здѣсь, и намъ было бы тамъ лучше. Ну, да это не идетъ къ дѣлу. Она въ Лондонѣ. Напуганная, какъ я увѣренъ, моими разсказами, что ты близко (а я говорилъ это тогда, какъ былъ у ней, чтобъ только сдѣлать ее уступчивѣе: я видѣлъ, что она не большая охотница до тебя), она покинула свое жилище и пріѣхала въ Лондонъ.

— Откуда ты знаешь это?

— Отъ моего пріятеля, благороднаго капитана, знаменитаго генерала, нелѣзоѣда, мосьё Типпертейта. Я слышалъ также, когда видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ, то-есть вчера, что твой сынъ, по имени Бэрнеби, не по отцу; я думаю...

— Чортъ возьми! Развѣ это идетъ къ дѣлу?

— Ты нетерпѣливъ, сказалъ слѣпой спокойно. — Это добрый знакъ и отзывается жизнію... Что твой сынъ, Бэрнеби, соблазненъ однимъ изъ своихъ товарищей, который зналъ его давно еще въ Чигуэллѣ, убѣжалъ отъ матери, и находится теперь между мятежниками.

— А мнѣ что за дѣло? Если отецъ и сынъ будутъ вмѣстѣ повѣшены, что же мнѣ за утѣшеніе?

— Постой, постой, другъ! отвѣчалъ слѣпой лукаво: — скоро ты доберешься до этого. Положимъ, я отыскиваю мою голубушку и говорю ей такъ: «Вамъ надобно сына, сударыня; хорошо. Я, который знаю тѣхъ, кто заставитъ его остаться съ вами, могу возвратить вамъ его, сударыня, — хорошо. Вы должны, сударыня, заплатить за него выкупъ, — онять хорошо. Выкупъ небольшой и ничего не стоитъ заплатить, сударыня; стало быть по рукамъ.»

— Что это за вздоръ?

— Очень-немудрено, что она мнѣ такъ отвѣтитъ. «Совсѣмъ не вздоръ», скажу я. «Одинъ джентльменъ, сударыня, котораго приняли за вашего мужа (подлинно, по истеченіи стольких лѣтъ, трудно доказать), сидитъ въ тюрьмѣ; жизнь его въ опасности, обвиненіе противъ него называется — убійство. Но вѣдь, сударыня, вашъ мужъ ужь давнымъ-давно померъ. Джентльмена никакъ не смѣшаютъ съ нимъ, если вы потрудитесь сказать нѣсколько словъ, присягнуть, что онъ умеръ, а что этотъ самый джентльменъ (который,

Digitized by Google

как и спасать, потому (помилуйте на него) так не мучить вам, меня и т. Такое свидѣтельство покончитъ все дѣло. Потрудитесь и обѣщайте мнѣ дать его, сударыня, а я беруся, пока вы вамъ окажете эту маленькую услугу, поберечь отъ бѣды вашего сына (прекраснаго мальчика), и потомъ доставить его вамъ здрава и невредима. Съ другой стороны, если вы откажетесь, такъ я боюсь, что ему измѣнятъ и выдадутъ въ руки закона, который вѣрно осудитъ его на смерть. Въ-самомъ-дѣлѣ, передъ вами выборъ между смертью и жизнью вашего сына. Откажетесь вы, онъ мотается на воздухѣ. А согласитесь, не стрянется еще та переплавина, не сѣяна та пенька, которая повредила бы хоть волосокъ на головѣ его.

— Тутъ есть лучъ надежды! воскликнулъ арестантъ, вскочивъ съ мѣста.

— Какой лучъ! возразилъ пріятель: — полуденное солнце, полный ясный день. Ст! Я слышу шаги. Положись на меня.

— Когда я услышу больше?

— Когда я больше узнаю. Вѣроятно, завтра. Сюда идутъ; время болтать прошло. Я слышу стукъ ключей. Ни слова не объ этомъ дѣлѣ, иначе насъ подслушаютъ.

Ключъ повернулся въ замкѣ; одинъ изъ тюремщиковъ вошелъ въ дверь и сказалъ, что время посѣщеній миновалось, и всѣ посторонніе должны оставить тюрьму.

— Сейчасъ, сказалъ Стэггъ смиреннымъ голосомъ. — Вѣдь это не поможетъ. Ободрись, другъ мой. Недоразумѣніе скоро объяснится, и тогда ты опять человѣкъ! Если сострадательный джентльменъ потрудится проводить слѣпаго (который ничѣмъ, кромѣ молитвы, не можетъ отблагодарить его) къ тюремнымъ воротамъ и повернуть лицомъ къ западу, то окажетъ ему доброе дѣло. Благодарю васъ, добрый джентльменъ. Благодарю васъ покорно.

Еще съ минуту стоялъ онъ въ двери, оборотивъ осклабленное лицо къ своему пріятелю, потомъ исчезъ.

Сведя слѣпаго къ воротамъ, ключникъ воротился, отперъ и отодвинулъ опять дверь каморки, отворилъ ее настежь и увѣдомилъ преступника, что онъ можетъ, если хочетъ, пойдти погулять часъ на сосѣднемъ дворѣ.

Арестантъ отвѣчалъ сердитымъ качаньемъ головы, и, снова оставшись одинъ въ своей тюрьмѣ, сидѣлъ раздумывая о слышанномъ, согрѣваясь надеждами, какія пробудилъ въ немъ послѣдній разговоръ, и безъ мысли смотря на свѣтъ снаружи, и на тѣни, падавшія съ одной стѣны на другую и на мощеный каменемъ полъ.

Это былъ пустынный, четвероугольный дворъ, еще болѣе мрачный отъ высокихъ стѣнъ, и такой холодный, что самый солнечный свѣтъ, казалось, замерзалъ въ немъ. Голый, жесткій и твердый ка-

Digitized by Google

мень наполнялъ, по-видимому, самое пространство тоскою по зеленой муравѣ и деревьямъ, пламеннымъ стремленіемъ къ волѣ. Арестантъ всталъ и, прислонясь къ притолокѣ, глядѣлъ на голубое небо, которое улыбалось даже на этотъ страшный пріютъ преступленія. На мигъ, казалось, онъ вспомнилъ, какъ онъ когда-то лежалъ навзничь на благоухающемъ лугу, и смотрѣлъ на то же небо сквозь колеблющіяся вѣтви. Но это было давно, давно!

Вдругъ вниманіе его привлечено было бряцаніемъ цѣпей: онъ узналъ этотъ звукъ, потому-что самъ испугался шума, который сдѣлалъ, проходя къ двери. Голосъ зашелъ, и человѣческая тѣнь упала на мостовую. Онъ стоялъ, — вдругъ притихъ, будто забылъ; гдѣ онъ, но скоро опять опомнился, — и, съ такимъ же бряцаньемъ, исчезла тѣнь.

Онъ вышелъ на дворъ и ходилъ взадъ и впередъ, будя эхо жосткимъ стукомъ своихъ цѣпей. Подлѣ его двери была также отворенная настежь дверь.

Не успѣлъ онъ пройдти разъ шесть взадъ и впередъ, какъ послышалось опять то же бряцанье. Сквозь рѣшотку окна выглянуло лицо, — онъ видѣлъ его очень неясно, потому-что келлья была темна и окошко съ толстыми желѣзными прутьями, — вслѣдъ затѣмъ кто-то вышелъ и подходилъ къ нему.

Онъ чувствовалъ себя столь одинокимъ, какъ-будто сидѣлъ уже годъ въ темницѣ. Надѣясь найдти товарища бѣдствія, ускорилъ онъ шаги и спѣшилъ встрѣтиться на полудорогѣ.

— Что это! сынъ!

Они стояли лицомъ-къ-лицу, пристально глядя одинъ на другаго: онъ невольно пятясь назадъ и упираясь; Бэрнеби борясь съ своею слабою памятью и припоминая, не видалъ ли гдѣ этого лица прежде. Онъ не долго оставался въ недоумѣніи, потому-что вдругъ кинулся на него и сказалъ, стараясь его опрокинуть:

— А-га! Знаю. Ты разбойникъ!..

Сначала тотъ ничего не отвѣчалъ, а потупилъ голову и молча боролся съ нимъ. Но когда увидѣлъ, что молодой человѣкъ былъ гораздо-сильнѣе его, поднялъ голову и сказалъ, пристально смотря ему въ глаза:

— Я отецъ твой!

Богъ-знаетъ, какую волшебную силу для его слуха имѣло это названіе; но Бэрнеби выпустилъ его, отскочилъ назадъ и смотрѣлъ на него, пораженный ужасомъ; вдругъ подбѣжалъ къ нему, кинулся ему на шею и прижалъ голову къ щекамъ его.

Да, да, онъ точно былъ его отецъ. Но гдѣ же былъ онъ такъ долго, и зачѣмъ покинулъ мать одну-одинстеньку, или, что еще хуже, одну съ ея бѣднымъ, сумасшедшимъ ребенкомъ? И точно ль онъ такъ

Digitized by Google

счастлив, даже они спасены? Где-то он теперь? Он в тюрьме, а она будет счастлива? О, несправедливость!

На слове на было произнесено это Грейди громко кричал и прыгал вокруг них, будто отмечая своим диким волшебным кругом и призывая всех сюда.

[illegible]

ГЛАВА XXXIII.

В весь этот день, наполнивший ужасом Лондону или какому-нибудь месту по близости от Лондона, стояли на своем месте в этой или другой части города английские и шотландские войска начали, сообразно приказу, разосланному за двадцать-четыре часа по всем казармам и караулам, стекаться по всем улицам. Их беспорядки достигли столь страшной степени, что вид этой сплоченной, беспрестанно-прибывающей военной силы, вместо того, чтобы укротить только подстрекал чернь к отчаяннейшим буйствам, и разлил в Лондоне пламя, которому подобного не видано было даже в его старинные мятежные времена.

Целый прошедший и целый нынешний день, старался главнокомандующий привести к сознанию своей обязанности членов магистрата, особливо же лорда-мэра, малодушнейшего и трусливейшего из всех. Для этого, несколько раз посылал он сильные партии солдат в Мансион-Гоуз за приказаниями лорда-мэра; но ни просьбы, ни убеждения не могли побудить его давать эти приказания и таким солдаты принуждены были стоять на открытой улице, то эти похвальные усилия оказали больше вреда, нежели пользы. Толпа, скоро узнавшая характер лорда-мэра, не замедлила понять свою выгоду и хвалилась, что самые гражданские власти действуют против папистов и не решаются безпокоить людей, некоторые не проникались ни к чем другом. Хвастовство это старались они довести до слуха армии, которая, сама-по-себе уже не слишком расположенная драться с чернью, довольно-доброхотно принимала их приглашения. Даже, когда солдаты спрашивали, хотят ли они стрелять по своим собственным землякам и братьям, они отвечали «нет», пусть они будут проклятые, если сделают хоть выстрел, и называли себя добрыми протестантами и миролюбивыми. Многие, будто сами войска принадлежат к партии «протестантов», и потому к сопротивлению приказам своих начальников и к бунтовщикам их нравы, увеличивались постоянно более и более. Толпа, обе этим, поделалась еще гораздо не столь удивительно буйственнее, и даже стала солдатам грозить нападением на улицах и мостах, и, в первый раз собиралась обнаружить свои полные народа, про-

Digitized by Google

ватствовала ихъ громкимъ кликомъ одобренія, пола имъ руки и вообще обращалась съ ними, оказывая знаки дружбы и довѣренности.

Въ это время, мятежники были злы и злобны: всякое переодѣванье и скрытность прекратились; они наполняли весь городъ и распоряжались имъ. Если кто изъ нихъ нуждался въ деньгахъ, ему стоило только постучаться въ дверь перваго лучшаго дома, пойдти въ первую лучшую лавку и потребовать отъ имени бунтовщиковъ,—и требованіе выполнялось въ ту же минуту. Если миролюбивые граждане боялись поднять руку на мятежника, который встрѣчался имъ одинъ-одинёшенекъ, то можно себѣ представить, какъ свободно и невозбранно могли ходить и бунтовать цѣлыя шайки возмутителей. Они собирались на улицахъ, разгуливали по нимъ, какъ хотѣли, и открыто совѣщались о своихъ планахъ и предпріятіяхъ. Дѣла рѣшительно превратились: большая часть лавокъ и магазиновъ были заперты; на большей части домовъ явился синій знакъ, въ знакъ преданности народному дѣлу; и даже Жильдъ-Гауздлитъ, Уайтчепель и другихъ кварталахъ, писали на своихъ дверяхъ или ставняхъ: «сей домъ чисто-протестантскій». Миръ была запомнена, и никогда законъ не соблюдался съ большимъ уваженіемъ и съ безпрекословнѣйшею покорностью, какъ теперь.

Было около шести часовъ вечера, когда большая толпа черни пустилась въ Линкольнъ-Инъ-Фильдъ и, дабы для выполненія заранѣе условленнаго плана, раздѣлилась на многіе отряды. Не должно думать, чтобы это распоряженіе initiative было всей массѣ; оно было только дѣломъ нѣсколькихъ предводителей, которые, мѣшаясь въ тѣсно прижавшихся и распредѣлили ихъ по тому или другому отряду, исполнили это такъ проворно, какъ будто бы все собраніе имѣло одно общее совѣтъ и каждый зналъ свое мѣсто.

Навѣрное и рѣшительно было извѣстно, что наибольшая толпа, заключавшая въ себѣ почти двѣ трети всей силы, назначалась для нападенія на Ньюгетъ. Тутъ находились всѣ мятежники, которые отдѣлились при какой-нибудь изъ предшествовавшихъ предпріятій, всѣ, которые заслуживали доброе имя своею храбростью и бодростью, всѣ, чьи товарищи были захвачены въ прежнихъ волненіяхъ, и множество родственниковъ и пріятелей преступниковъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ. Этотъ послѣдній разрядъ содержалъ въ себѣ не только отчаяннѣйшихъ негодяевъ, отъявленнѣйшую сволочь Лондона, но и многихъ, сравнительно-невинныхъ. Не одна женщина была между ними въ мужскомъ платьѣ, желавшая освободить сына или брата. Тамъ были тутъ двое юношей-близнецовъ, которыхъ отецъ былъ на смерть и долженъ былъ имѣть центръ бунта нападать на тюрьму съ трехъ другихъ. Тамъ толпа молодыхъ, которыхъ товарищи попались въ воровствѣ, и, въ добавокъ къ двадцати жалкимъ жен-

Digitized by Google

нить, стараются спасти какого-нибудь другого падшаго создания, гораздо несчастнаго, какъ онъ долженъ былъ также, только просто изъ общаго сочувствія ко всѣмъ безнадежнымъ и несчастнымъ.

Старыя шпаги и пистолеты безъ пуль и пороха, кузнечные молотки, ножы, топоры, пилы и другія похищенныя изъ мастерскихъ орудія, двѣ желѣзныхъ полосы и дубина, длинныя лѣстницы для влѣзанія на стѣны (каждую тащили на плечахъ двадцать человѣкъ), горящіе факелы, пакля, пропитанная смолою, дегтемъ и сѣрою, доски, вырванныя изъ заборовъ, даже костыли, отнятые на улицѣ у калѣкъ и нищихъ, — таково было ихъ оружіе. Когда все было готово, Гогъ и Дениз, съ мастеромъ Таппертитомъ по срединѣ, выступили впередъ. Съ ревомъ и шумомъ, какъ бурное море, катилась и вся чернь.

Вмѣсто того, чтобъ идти прямо въ Голоберну на тюрьму, какъ видно не было, предводители ихъ пустились въ Кларкенуэлль, взяли вправо маленькую улицу и остановились передъ домомъ слесаря, передъ Золотымъ Ключемъ.

— Бейте въ ворота! воскликнулъ Гогъ лицемѣрнымъ. — Намъ нужно человѣка его цеха нынѣшнюю ночь. Лишайте, если не хотите отвѣта.

Мастерская была заперта. Двери и ставни были очень крѣпки и толсты, и они стучались напрасно. Но когда нетерпѣливая толпа стала кричать «подавай огня!» и подняла факелы, тогда отворилось верхнее окно, и бодрый старый слесарный мастеръ явился передъ нихъ.

— Что вамъ надо, бездѣльники? спросилъ онъ. — Или дочь моя?

— Оставь насъ въ покоѣ съ твоими вопросами, старикъ, отвѣчалъ Гогъ, давъ знакъ молчать своимъ товарищамъ: — слушай сюда и знай съ собою твоя инструменты. Ты намъ нуженъ.

— Нуженъ! воскликнулъ слесарь, взглянувъ на мундиръ, который носилъ. — Да, если бъ у нѣкоторыхъ изъ васъ не хочу называть, у васъ злыхъ сердецъ, я давно бы попалъ къ вамъ. Послушай, что я тебѣ скажу, любезный, и замѣчай, что стоитъ вокругъ тебя. Здѣсь ближе ста двадцати парней, которыхъ я вижу теперь въ первый, и узнаю ихъ съ этихъ поръ принадлежащими людямъ. Убирайтесь, и отравьте какого-нибудь требовательнаго, покамѣстно. Скоро вамъ понадобится нѣсколько гробовъ.

— Сойдешь ты сюда? воскликнулъ Гогъ.

— Отдашь ты мнѣ мою дочь, бездѣльникъ? закричалъ слесарь.

— Я ничего объ ней не знаю, отвѣчалъ Гогъ. — Поджигай дверь!

— Стой! воскликнулъ слесарь такимъ голосомъ, что всѣ они попятились, и выставилъ руки. — Предоставьте это старику, и онъ пригодится вамъ на что-нибудь получше.

Digitized by Google

Молодой малой, державшій факелъ и наклонившійся передъ дверью, поспѣшно отскочилъ, услышавъ эти слова, и отбѣжалъ назадъ. Слесарь окидывалъ взоромъ уставившіяся кверху лица и держалъ оружіе направленнымъ на порогъ своего дома. Оно не имѣло другой опоры, кромѣ его плеча, но оставалось твердо, какъ домъ.

— Кто войдетъ къ двери, тотъ пусть прежде прочтетъ свою отходную молитву, сказалъ онъ рѣшительно:—предупреждаю васъ.

Гогъ вырвалъ у одного изъ предстоящихъ факелъ изъ рукъ и съ ругательствомъ кинулся впередъ; но остановленъ былъ рѣзкимъ и пронзительнымъ визгомъ, и, взглянувъ вверхъ, увидѣлъ на кровлѣ дома развѣвающееся платье.

Еще крикъ и еще, и визгливый голосъ воскликнулъ: «Симмунъ внизу!» Въ ту же минуту высунулась длинная, тощая шея за загородку, и миссъ Меггсъ, которую можно было не совсѣмъ ясно разглядѣть впотьмахъ, завопила какъ полоумная: «О, безцѣнные джентльмены! дайте мнѣ услышать симмуновъ отвѣтъ изъ его собственныхъ устъ. О, Симмунъ, говори, говори со мною.»

Мэстеръ Тэппертейтъ, ненаходившій ничего лестнаго для себя въ этомъ комплиментѣ, взглянулъ наверхъ и велѣлъ ей прежде замолчать, потомъ сойдти внизъ и отворить снутри дверь, потому-что имъ надобно ея хозяина, и они до-тѣхъ-поръ не отстанутъ.

— О, добрые джентльмены! воскликнула миссъ Меггсъ.—О, мой дорогой, дорогой Симмунъ...

— Уйми свою глупую глотку, слышишь! отвѣчалъ мэстеръ Тэппертейтъ: —пошла внизъ и отопри дверь. Габріель Уарденъ, положи ружье; не то, еще будетъ хуже для тебя.

— Не смотрите на его ружье, вскричала Меггсъ. — Симмунъ и джентльмены, я вылила кружку столоваго пива прямо туда, въ дуло.

Толпа громко вскрикнула и потомъ раздался шумный хохотъ.

— Оно не выпалитъ, хоть набейте его до горла, кричала Меггсъ. —Симмунъ и джентльмены, я заперта въ передней свѣтелкѣ, черезъ маленькую дверь направо; какъ вамъ покажется, что вы ужъ совсѣмъ на-верху, а потомъ по крутой лѣстницѣ, да смотрите, не ушибитесь головою о перекладины и не оступитесь на сторону, а то упадете въ спальню сквозь дранки, которыя ничего не держатъ... Симмунъ и джентльмены, я здѣсь заперта, но мои усилія всегда были и всегда будутъ стоять за правое дѣло,—благословенное, святое дѣло—и проклинать папу вавилонскаго и всѣ его внутреннія и наружныя дѣла, которыя суть языческія. Мои чувства неважны, я знаю, воскликнула Меггсъ еще визгливѣе:—потому-что мое положеніе есть положеніе служанки и уничиженно; однако я исповѣдую мои чувства и полагаю свою надежду на тѣхъ, кто одинаковыхъ со мною чувствъ.

Не слушая этихъ сердечныхъ излiяній миссъ Меггсъ послѣ ея от-

Digitized by Google

крытія на-счетъ ружья, толпа подставила къ окошку, гдѣ былъ слѣсарь, лѣстницу, и не смотря на то, что онъ крѣпко заперся и мужественно оборонялся, разбили ставни, выломали рамы и скоро ворвались внутрь. Давъ пару хорошихъ ударовъ вкругъ себя, слѣсарь очутился безоруженъ посреди неистовой толпы, которая наводнила комнату, и въ двери и въ окошки ломилась куча дикихъ чужихъ лицъ.

Осаждавшіе были очень раздражены противъ него (потому-что онъ ранилъ двоихъ) и даже кричали находившимся въ комнатѣ вытащить его наружу, чтобъ повѣсить на фонарномъ столбѣ. Габріель однако оставался неустрашимъ и смотрѣлъ то на Гога и Денни, которые держали его подъ руки, то на Симона Тэппертейта, стоявшаго насупротивъ.

— Вы отняли у меня дочь, сказалъ Уарденъ:—которая мнѣ гораздо, гораздо-дороже жизни; возьмите же и жизнь, если хотите. Благодарю Бога, что могъ избавить жену отъ этой сцены, и что Онъ сдѣлалъ меня человѣкомъ, которому нѣчего вымаливать пощады отъ такихъ рукъ, какъ ваши.

— Точно, вы храбрый старикъ, сказалъ мэстеръ Денни одобрительно; —и говорите какъ мужчина. Что́ за разница, братъ, сегодня на фонарномъ столбѣ, или черезъ десять лѣтъ на перинѣ, не такъ ли? Слѣсарь бросилъ на него презрительный взглядъ, но не сказалъ ни слова.

— Я, съ своей стороны, сказалъ палачъ, которому особенно нравилось предложеніе на счетъ фонарнаго столба: — я уважаю ваши правила. Они совершенно мои. Въ такихъ разсужденіяхъ, какъ эти, — тутъ онъ придалъ своей рѣчи ругательствомъ еще большую выразительность—я встрѣчаюсь на полудорогѣ съ вами и со всякимъ человѣкомъ. Нѣтъ ли у кого изъ васъ клочка веревки? Не хлопочите, коли нѣтъ. Галстухъ то же сдѣлаетъ.

— Не дурачься, мэстеръ, шепталъ Гогъ, дергая Уардена за плечо: — дѣлай, что́ тебѣ велятъ. Сейчасъ ты услышишь, за чѣмъ ты нуженъ. Слушайся!

— Ничего я не сдѣлаю по твоему приказанію, или по приказанію какого-нибудь другаго негодяя, отвѣчалъ слѣсарь.—Если вы хотите отъ меня какой-нибудь услуги, то не трудитесь и говорить мнѣ о ней. Напередъ сказываю, ничего вамъ не сдѣлаю.

Мэстеръ Денни былъ тронутъ настойчивостью храбраго старика, и чуть не со слезами увѣрялъ, что жестоко и безчеловѣчно противиться желанію стараго человѣка, что онъ лучше замолчитъ, что это противъ его совѣсти. — Джентльменъ, сказалъ онъ: — вамъ столько разъ и такъ выразительно повторялъ, что позволяетъ охотно себя спровадить; а въ такомъ случаѣ долгъ нашъ, какъ обра-

Digitized by Google

зованной и просвѣщенной черни, дѣйствительно спровадитъ его. Не часто бываетъ, замѣтилъ онъ, — въ ихъ власти угождать желаніямъ тѣхъ, съ кѣмъ они имѣютъ несчастіе противорѣчить въ мнѣніяхъ. И какъ они теперь нашли особу, объявляющую имъ желаніе, которое они могли бъ очень-справедливо исполнить (что же касается до его самого, то онъ осмѣливается признаться, что, по его мнѣнію, это желаніе дѣлаетъ честь его чувствамъ), то, надѣется онъ, рѣшатъ его предложеніе, прежде чѣмъ пойдутъ прочь. Это опытъ, который, легко и искусно выполняемый, кончится въ пять минутъ, къ величайшему удовольствію всѣхъ товарищей; и хотя ему (мастеру Денни) неприлично хвалить самого-себя, однакожь онъ осмѣливается утверждать, что имѣетъ практическія свѣдѣнія въ дѣлѣ, и, будучи отъ природы ласковъ и услужливъ, съ большою охотою готовъ вздернуть джентльмена.

Эти замѣчанія, среди ужаснѣйшаго шума и тѣмъ, обращенныя къ близь-стоящимъ, приняты были съ большимъ одобреніемъ; не столько, можетъ-быть, въ-слѣдствіе краснорѣчія Денни, сколько въ-слѣдствіе уарденова упрямства. Габріелю грозила большая опасность, и онъ зналъ это; однакожь наблюдалъ упорное молчаніе, и не открылъ бы рта, хотябъ ему сказали, что его изжарятъ на медленномъ огнѣ.

Когда палачъ говорилъ, поднялось нѣкоторое движеніе и суматоха на улицѣ; тотчасъ, какъ-скоро онъ умолкъ — тотчасъ же, такъ что стоявшіе внизу не успѣли разслышать, что онъ сказалъ, или закричать свое одобреніе — кто-то сказалъ въ окошко:

— Онъ старикъ съ сѣдыми волосами. Пощадите его!

Слесарь быстро обернулся въ ту сторону, откуда шли слова, и увидѣлъ молодцовъ, которые, вися на лѣстницѣ, держали одинъ другаго.

— Тебѣ нечего уважать мои сѣдые волосы, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, отвѣчая на неизвѣстный голосъ. — Я этого не хочу отъ тебя. Сердце мое такъ еще свѣжо, что можетъ презирать и не слушаться всѣхъ васъ, разбойничья шайка!

Эта безразсудная рѣчь отнюдь не способна была успокоить толпу. Они опять закричали «бей его!», и честному слесарю пришлось бы плохо, еслибъ Гогъ не напомнилъ имъ, что они нуждаются въ его услугахъ и должны ихъ получить.

— Такъ растолкуй ему, чего мы отъ него хотимъ, сказалъ онъ Симону Тэппертейту: — да поскорѣе. А ты открой свои уши, мастеръ, если они тебѣ еще нужны послѣ сегодняшней ночи.

Габріель сложилъ руки, которыя были теперь свободны, на груди, и смотрѣлъ молча своему прежнему ученику въ лицо.

— Видишь ли, Уарденъ, началъ Симъ: — намъ надо въ Ньюгетъ.

Digitized by Google

— Знаю, что вамъ тутъ надо, отвѣчалъ слѣсарь. — Ты никогда еще не говорилъ ничего справедливѣе.

— То-есть, чтобъ его сжечь, сказалъ Симонъ: — сломать двери и выпустить арестантовъ. Ты дѣлалъ замокъ къ большимъ воротамъ?

— Дѣлалъ, сказалъ слѣсарь; — ты не скажешь за это спасибо, самъ увидишь.

— Можетъ быть, возразилъ его прежній подмастерье: — но ты долженъ указать намъ, какъ его сломать.

— Я долженъ?

— Да, потому-что ты это знаешь, а я не знаю. Ты долженъ пойдти съ нами и сломать его собственными руками.

— Если я это сдѣлаю, сказалъ слѣсарь покойно: — такъ пусть у меня руки отвалятся по кисти, и пусть ты, Симонъ Тэппертейтъ, носишь ихъ на плечахъ вмѣсто эполетъ!

— Ну, это ужь мы тамъ увидимъ, сказалъ Гогъ, вступившись въ дѣло, потому-что бѣшенство народа снова готово было вспыхнуть. — Нагрузи корзину инструментами, которые ему понадобятся, между-тѣмъ я сведу его внизъ. Отворите дверь кто-нибудь вы, нижніе. А другіе свѣтите великому капитану! Или вамъ вовсе нечего дѣлать, ребята, какъ только стоять тутъ да ворчать? — Они посмотрѣли одинъ на другаго, потомъ проворно разсѣялись по всему дому и начали, по своей привычкѣ, ломать, тащить и грабить что имъ казалось цѣннымъ, или что было по ихъ вкусу. Къ-сожалѣнію, времени на это было имъ мало, потому-что корзина съ инструментами скоро была собрана и повѣшена одному изъ нихъ на плечи. Когда всѣ приготовленія кончились, то кликнули тѣхъ, кто грабилъ и обрывалъ другія комнаты, внизъ въ мастерскую. Они собрались выступить, какъ послѣдній, сошедшій сверху, спросилъ, не освободить ли пѣвушку въ свѣтёлкѣ (которая, говорилъ онъ, ужасно шумитъ и кричитъ безъ устали)?

Симонъ Тэппертейтъ съ радостью сказалъ бы «нѣтъ»; но куча его товарищей, вспомнивъ добрую услугу, какую она оказала имъ насчетъ ружья, были противнаго мнѣнія, и онъ принужденъ отвѣчать «да». Молодецъ такимъ образомъ опять вернулся въ домъ и скоро явился назадъ съ миссъ Меггсъ, которая была вся растрепана, вымята и промокла отъ множества слезъ.

Такъ-какъ дѣвица, при снесеніи ея съ лѣстницы, не обнаружила никакого признака жизни, то освободитель ея объявилъ, что она или умерла, или умираетъ; и находясь въ затрудненіи, что съ нею дѣлать, искалъ какой-нибудь скамейки или покойной кучи золы, чтобъ положить безчувственный трупъ, какъ вдругъ какимъ-то непостижимымъ способомъ она вскочила на ноги, закинула назадъ волосы, дико поглядѣла на мастера Тэппертейта и съ восклицаніемъ: «жизнь

Digitized by Google

моего Симмуна не сдѣлалась жертвою!» съ такою быстротою молніи бросилась къ нему въ объятія, что онъ покачнулся и отшатнулся на нѣсколько шаговъ подъ своимъ драгоцѣннымъ бременемъ.

— О, глупая болтунья! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ. — На! Возьмите ее кто-нибудь и заприте опять: не надо бы ее выпускать.

— Мой Симмунъ! восклицала миссъ Меггсъ слабымъ волосомъ, заливаясь слезами.—Мой вѣчно, вѣчно-любимый Симмунъ!

— Ну, молчи же! закричалъ мэстеръ Тэппертейтъ совсѣмъ другимъ тономъ. — Не то, я тебя брошу... Что ты скребешь вѣчно ногами по землѣ? Стой прямо!

— Ангелъ мой Симмунъ! лепетала Меггсъ: — вѣдь ты обѣщалъ...

— Обѣщалъ! Хорошо, я и сдержу свое обѣщаніе, отвѣчалъ Симонъ сердито.—Я ужь тебя пристрою. Ну, вставай!

— Куда мнѣ дѣваться? Что со мною будетъ, послѣ моихъ поступковъ сегодня ночью? воскликнула Меггсъ. — Какое мнѣ пристанище осталось, кромѣ глубокой могилы!

— Хорошо, еслибъ ты была въ глубокой могилѣ, клянусь честью! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ: — да покрѣпче туда припрятана! Ну, сказалъ онъ одному изъ окружающихъ, шепнувъ ему что-то на ухо — возьми ее прочь. Ты ужь знаешь, куда? а?

Дѣтина кивнулъ головою утвердительно, и не смотря на ея прерывистыя клятвы и барахтанье (послѣднюю оппозицію, куда принадлежало также царапанье ногтями, было гораздо-труднѣе выдержать), взялъ ее на руки и понесъ прочь. Находившіеся въ домѣ высыпали теперь на улицу; слѣсарь поставленъ впереди шествія и принужденъ идти между двумя вожатыми; вся масса быстро всколебалась, безъ дальнѣйшаго шума и крика пустилась прямо къ Ньюгету и густою толпою сдѣлала наконецъ привалъ передъ воротами тюрьмы.

ГЛАВА LXIV.

Мятежники, прервавъ молчаніе, которое наблюдали до-сихъ-поръ, подняли громкій крикъ, какъ скоро выстроились въ порядокъ передъ тюрьмою, и потребовали объясненія съ смотрителемъ. Посѣщеніе, казалось, было для него не совсѣмъ-неожиданно, ибо домъ его, впереди выходившій на улицу, былъ приведенъ въ сильное оборонительное состояніе; ворота къ тюрьмѣ крѣпко заперты, и ни въ одной бойницѣ, ни за одною рѣшеткою не видать было ни души. Не дождавшись повторенія ихъ требованія, на кровлѣ этого дома появился человѣкъ и спросилъ, что имъ надобно.

Одни говорили одно, другіе другое, а нѣкоторые только шипѣли и ворчали. Какъ было уже совершенно-темно, а домъ высокъ, то многіе изъ сволочи вовсе не замѣтили, что кто-нибудь вышелъ дать имъ отвѣтъ и продолжали кричать, пока извѣстіе мало-по-малу разошлось

Digitized by Google

по всей толпѣ. Минутъ десять или болѣе прошло прежде, чѣмъ можно стало все-какъ разслышать человѣческій голосъ; и въ-продолженіе этой паузы человѣкъ стоялъ на крышѣ, обрисовываясь одинъ на вечернемъ небѣ, и смотрѣлъ внизъ на встревоженную, ошумленную улицу.

— Ты, сказалъ наконецъ Гогъ: — мэстеръ Акерманъ, здѣшній главный смотритель?

— Разумѣется, братецъ, это онъ, шепталъ Денни. Но Гогъ его не слушалъ и хотѣлъ самъ узнать этого человѣка, стоявшаго на крышѣ.

— Да, отвѣчалъ онъ: — я.

— У тебя подъ присмотромъ нѣсколько нашихъ пріятелей, мэстеръ.

— У меня очень-много людей подъ присмотромъ. — Онъ взглянулъ при этихъ словахъ внизъ на тюрьму, и мысль, что онъ можетъ видѣть въ разные дворы и обозрѣвать однимъ взглядомъ все, что толстыя стѣны скрывали отъ ихъ глазъ, до такой степени подстрекнула и раздражила чернь, что она завыла какъ стая волковъ.

— Выдай намъ нашихъ пріятелей, сказалъ Гогъ: — а прочихъ можешь оставить у себя.

— Обязанность моя оставить ихъ всѣхъ у себя, и я исполню свою обязанность.

— Если ты не отворишь воротъ, то мы ихъ разломаемъ, сказалъ Гогъ: — потому-что намъ надо получить своихъ.

— Все, что я могу сдѣлать, добрые люди, отвѣчалъ Акерманъ: — это посовѣтовать вамъ разойдтись, напомнить вамъ, какія тягостныя слѣдствія имѣетъ всякій безпорядокъ въ этомъ мѣстѣ. Навѣрное, большая часть изъ васъ станетъ горько раскаяваться, когда ужь будетъ поздно.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ по-видимому удалиться, но былъ удержанъ голосомъ слѣсаря.

— Мэстеръ Акерманъ, кричалъ Габріель: — мэстеръ Акерманъ!

— Не могу ничего больше слушать, ни отъ кого изъ васъ, возразилъ главный смотритель, оборотясь къ говорившему и махая рукою.

— Да я не кто-нибудь изъ нихъ, сказалъ Габріель. — Я честный человѣкъ, мэстеръ Акерманъ, почтенный ремесленникъ, Габріель Уарденъ, слѣсарь. Знаете вы меня?

— Вы среди этого народа! воскликнулъ смотритель измѣнившимся голосомъ.

— Притащенъ силою, чтобъ сломать для нихъ замокъ на большихъ воротахъ, отвѣчалъ слѣсарь. — Будьте моимъ свидѣтелемъ, мэстеръ Акерманъ, что я отказываюсь это сдѣлать, и что не сдѣлаю, какія бы слѣдствія отъ того ни были. Если мнѣ будетъ здѣсь сдѣлано насиліе, пожалуйста, вспомните объ этомъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ ли какого средства помочь вамъ? сказалъ смотритель.

— Никакого, мэстеръ Акерманъ. — Вы станете исполнять свою обязанность, а я свою. Еще разъ, разбойники и душегубцы, сказалъ слѣсарь, обратившись къ нимъ: — я отказываюсь. Войте громче. Я отказываюсь.

— Стой, стой! сказалъ смотритель поспѣшно. — Мэстеръ Уарденъ, я знаю васъ за достойнаго человѣка, который былъ бы не въ состояніи сдѣлать что-нибудь противозаконное, развѣ по принужденію...

— По принужденію, сэръ, перервалъ его слѣсарь, ибо чувствовалъ, что тонъ, какимъ были сказаны эти слова, значилъ то же, что онъ (Уарденъ) будетъ достаточно извиненъ, если уступитъ неистовой толпѣ, которая нападала и тѣснила со всѣхъ сторонъ, и среди которой онъ, пожилой человѣкъ, находился одинъ: — по принужденію сэръ, я ничего не сдѣлаю.

— Гдѣ человѣкъ, воскликнулъ смотритель въ безпокойствѣ: — который говорилъ со мною прежде?

— Здѣсь, отвѣчалъ Гогъ.

— Знаешь ли, что́ за преступленіе убійство, и какое наказаніе за него положено? знаешь ли, что вы отваживаете жизнь этого честнаго ремесленника, если станете принуждать его насильно оставаться съ вами?

— Очень знаемъ, отвѣчалъ Гогъ: — для чего жь иначе мы его и привели? Выдай намъ нашихъ пріятелей, мэстеръ, и возьми своего. Не честная ли это игра, ребята?

Сволочь отвѣчала ему громогласнымъ «ура».

— Видите, каково дѣло, сэръ? воскликнулъ Уарденъ. — Не пускайте ихъ, именемъ короля Георга. Вспомните о томъ, что̀ я вамъ говорилъ. Доброй ночи!

Теперь уже не было переговоровъ. Туча камней и другихъ метательныхъ матеріаловъ заставила смотрителя удалиться; и негодяи, толпясь впередъ къ стѣнамъ, придвинули Габріеля Уардена вплоть къ самымъ воротамъ.

Напрасно ставили они передъ нимъ на землю корзину съ инструментами, напрасно приставали къ нему съ обѣщаніями, предложеніями наградъ, побоями и угрозами немедленной смерти, если тотчасъ не окажетъ услуги, за которую они его взяли съ собою. — Нѣтъ, говорилъ храбрый слѣсарь: — не хочу!

Никогда еще не дорожилъ онъ жизнью столько, какъ теперь, но ничто не могло его поколебать. Дикія лица, со всѣхъ сторонъ уставившіяся на него; крикъ негодяевъ, подобно дикимъ звѣрямъ алкавшихъ его крови; видъ людей, которые, продираясь впередъ и, чтобъ достать его, топча ногами своихъ товарищей, замахивались на

Digitized by Google

него черезъ головы другихъ топорами и желѣзными волосами, — все это не могло испугать его. Онъ смотрѣлъ то тому, то другому прямо въ лицо и съ напряженнымъ дыханіемъ и раскраснѣвшимися щеками, говорилъ:—не хочу.

Денни нанесъ ему по лицу ударъ, который повергъ его на землю. Онъ опять вскочилъ, какъ человѣкъ въ самой цвѣтущей порѣ силъ и, между-тѣмъ, какъ кровь струилась у него со лба, схватилъ его за горло.

— Подлый песъ! сказалъ онъ.—Отдай мнѣ дочь мою! Отдай мнѣ дочь!

Они бородились другъ съ другомъ. Нѣкоторые кричали, «убей его», а другіе (но они были недовольно-близко) уже хотѣли умертвить. И какъ ни рвался палачъ въ рукахъ старика, не могъ принудить его выпустить.

— Такъ это-то вся благодарность отъ тебя, неблагодарное чудовище? лепеталъ онъ съ большимъ трудомъ и страшными проклятіями.

— Отдай мнѣ дочь! воскликнулъ слѣсарь, который теперь сталъ такъ же дикъ и неистовъ, какъ окружавшіе его.— Отдай дочь!

Опять онъ упалъ, опять вскочилъ, опять на землѣ боролся человѣками съ двадцатью, которые перебрасывали его другъ къ другу, какъ одинъ высокорослый малой, только-что прибѣжавшій изъ мясной лавки, котораго платье и сапоги воняли кровью и жиромъ, поднялъ топоръ, и съ страшнымъ проклятіемъ наметилъ на непокрытую голову старика. Въ то самое мгновеніе, какъ онъ готовъ былъ его опустить, упалъ онъ самъ, какъ громомъ пораженный, на землю, и черезъ его тѣло подскочилъ однорукій къ слѣсарю. Еще подбѣжалъ человѣкъ, и оба они крѣпко уцѣпились за слѣсаря.

— Предоставь его намъ! кричали они Гогу—и старались продраться назадъ сквозь толпу.—Предоставь его намъ! Къ-чему тебѣ тратить всю свою силу на одного, съ которымъ двое въ мигъ управятся! Ты только теряешь время. Вспомни о заключенныхъ! Вспомни о Барнеби!

Крикъ тотчасъ пронесся по всей толпѣ. Молотки начали долбить въ стѣны, каждый усиливался добраться до тюрьмы и быть въ числѣ первыхъ. Съ отчаяннымъ усиліемъ, какъ-будто среди враговъ, а не середи друзей, прочищали себѣ тѣ двое дорогу черезъ сумятицу и тащили съ собою слѣсаря.

Удары градомъ посыпались въ ворота, — и крѣпкое зданіе начало колебаться; тѣ, которые тутъ не могли достать, истощали свое бѣшенство на всемъ возможномъ—даже на большихъ каменныхъ ступенахъ, объ которыя оружія ихъ разлетались въ дребезги и которыя ранили имъ руки, какъ-будто стѣны дѣйствовали въ своемъ упор-

Digitized by Google

ном сопротивленіи и возвращали наносимые удары. Стукъ желѣза объ желѣзо мѣшался съ оглушительнымъ гуломъ и пересиливалъ его, когда тяжелые кузнечные молота загремѣли объ гвозди и желѣзные обручи воротъ; искры сыпались вокругъ; люди работали кучею и смѣняли другъ друга въ короткихъ промежуткахъ; но все еще держались ворота, мрачныя, угрюмыя и твердыя, какія когда-нибудь бывали, и нимало не измѣнялись.

Между-тѣмъ, какъ нѣкоторые истощали всю дѣятельность на эту тяжкую работу, а иные, приставивъ лѣстницы къ тюрьмѣ, усиливались взобраться на вершину стѣнъ, слишкомъ высокихъ; между-тѣмъ, какъ прочіе дрались съ сотеннымъ отрядомъ полицейскихъ, прогоняли его и топтали ногами, другіе осадили домъ, на которомъ явился смотритель и выломали двери, повыкидали мёбель, которую сгромоздили въ кучу передъ главными тюремными воротами, чтобъ ихъ зажечь. Какъ-скоро намѣреніе было понято, всѣ, до-сихъ-поръ работавшіе молотами, оставили свои орудія и помогали увеличивать костеръ, который доставалъ уже до половины улицы и былъ такъ высокъ, что взбирались по лѣстницамъ на его вершину, накладывая еще больше горючаго матеріала. Скидавъ на этотъ драгоцѣнный костеръ все имущество смотрителя до послѣдней балки, они облили его смолою, дегтемъ и терпентинемъ, которые принесли съ собою. Со всѣмъ деревомъ около воротъ тюрьмы поступили они также, и не оставили ни одной балки, ни одной щепы на мѣстѣ. Кончивъ эту адскую работу, они зажгли костеръ сѣрными фитилями и горящею паклей, и расположились кругомъ, спокойно ожидая конца.

Сухая, отъ масла, смолы и прочихъ снадобій сдѣлавшаяся еще горючѣе мёбель, скоро замялась. Пламя высоко и бурно рвалось вверхъ, коптя тюремныя стѣны и обвивая огненными змѣями верхніе фасады. Сначала собрались мятежники вкругъ пламени и торжествовали только взглядами; но когда оно стало сильнѣе и порывистѣе — когда начало трещать, брызгать и шипѣть, какъ въ огромной печи; когда огонь озарилъ противостоящіе домы и освѣтилъ не только блѣдныя, испуганныя лица у оконъ, но и самые внутренніе углы всѣхъ комнатъ въ нихъ; когда увидѣли, что краснымъ, яркимъ пламенемъ огонь заигралъ съ воротами, то плотно прилегая къ ихъ желѣзной поверхности, то вѣтрено соскользая и вздымаясь къ небу, то опять возвращаясь и схватывая ихъ въ свои пылающія объятія; когда отъ зарева церковные часы на соборѣ св. Сепульхра, которые столь часто показывали часъ смерти, можно было разобрать, какъ середи бѣлаго дня, и флюгеръ на шпицѣ башни заблисталъ какъ брильянтъ; — когда почернѣлые камни и кирпичи раскраснѣлись на яркомъ отблескѣ и окна казались чистымъ золотомъ — когда стѣны и башни, кровли и трубы, будто пьяныя, закружились и зашатались на дрожа-

Digitized by Google

ного блеска пламени, когда сотни предметов, которых сперва почти совсем не было видно, вдруг выступили ярко и самые простые вещи обратились в новый вид. — Тогда-то сорвали толпа свой бешеный танец, и с яростью, всегда, какою по-счастию редко бывает, старались разлучить огонь и поддерживать его в одинаковой силе.

Хоть жар был столь силен, что штукатурка противолежащих домов начала вздуваться, будто от нестерпимой муки, и потолки трескались и отпадали; хоть стекла лопались в рамах, свинцовая кровля крышами вспрянула волдырями во всех сторонах, куда только могла достигать; воробьи забивались подо крыши, но одушевленные чадом падали в пламя, — однакожь огонь был еще поддерживаем неусыпными руками, и народ продолжал скитаться вокруг него.

Ни на минуту не отступали бунтовщики и не ослабляли своего рвения; напротив, они теснились так близко к пламени, что стоящие впереди с трудом удерживались, чтоб не быть в него вовлеченными; если один погибал или падал без чувств, дюжина человек дралась за его место, хотя знала, что боль, жажда и духота были невыносимы. Упавшие в обморок, если не были сожжены или растоптываемы, оттаскиваемы были на двор ближняго трактира и там отливаемы водою из колодца; полныя ведра ходили весь голою из рук в руки, но все так жаждали питья и схватки было так горячо, что почти вся вода была расплескиваема, не смочив губ ни одного человека.

Между-тем, среди всего этого шума и рева, стоявшие ближе прочих к костру бросали снова туда отпадающия головни и разводили огонь около ворот, которыя, будучи из дерева, все еще сохраняли крепко-накрытыя, заграждая собою вход. Сверх-того, стоявшие у цветника подавались через головы народа большия горящия головни, некоторые действительно вскарабкивались с ними на самыя верхния ступени и, держась одной рукой за стену, употребляли всю силу и ловкость, чтобы закинуть эти головни на кровлю или во внутренние дворы. Усилия их большею частию были безуспешны, тем еще увеличивали ужасы сцены, ибо пристающия внутрь пламя сквозь свои решетки, как огонь сжигающий на многих местах и делало быстрые успехи, чувствовали, что они в крепко-накрытых комнатах подвергаются опасности сгореть живыми. Отсюда ужасный вопль, переходя из конца в конец, из двора во двор, обнаруживал в таком страшном виде и раздирающих нервы криках о помощи, что все творение шевелилось гулять. Даже крики сволочи и шум пламени было не в силах заглушить, что самая сильная дрожала.

Digitized by Google

Замѣчательно, что этотъ вопль впервые раздался въ той части тюрьмы, которая выходила на Ньюгетскую улицу, гдѣ, какъ извѣстно было, содержались люди, приговоренные къ казни въ четвергъ. Эти четверо людей, которымъ оставалось жить столь короткое время, были не только первые, объятые страхомъ умереть отъ огня, но и во все время вопли всѣхъ отчаяннѣе; сквозь толстыя стѣны слышно было, какъ они кричали, что вѣтеръ гонитъ пламя на нихъ; то звали тюремщиковъ, чтобъ тѣ гасили огонь изъ чана, который, полный воды, стоялъ у нихъ на дворѣ. Судя по тому, какъ отъ времени до времени слышно было снаружи, эти четверо осужденныхъ не переставали просить помощи съ такимъ отчаяніемъ, съ такою неистовою жаждою существованія, какъ-будто передъ каждымъ изъ нихъ лежала жизнь исполненная счастія и чести, а не сорокъ-восемь часовъ тяжкаго заключенія, и потомъ насильственная, позорная смерть.

Но выше всякаго описанія были тоска и страданіе двухъ сыновей одного изъ этихъ осужденныхъ, когда они слышали или воображали слышать голосъ своего отца. Ломая руки, метались они какъ сумасшедшіе, потомъ одинъ сталъ на плеча брата и старался вскарабкаться на высокую, уставленную вверху желѣзными спицами стѣну. Свалившись въ толпу, онъ не посмотрѣлъ на свои язвы, взобрался еще разъ, опять упалъ и, увидѣвъ наконецъ неудобоисполнимость своей попытки, билъ кулакомъ по камнямъ, какъ-будто могъ такимъ образомъ сдѣлать брешу въ крѣпкомъ зданіи и открыть себѣ входъ. Напослѣдокъ продрались они сквозь тѣсноту къ воротамъ, хотя многіе, гораздо сильнѣйшіе ихъ, напрасно пытались сдѣлать это, и ихъ видѣли въ огнѣ—да, въ огнѣ—какъ они ломились туда.

Не ихъ однихъ такъ встревожили стоны, раздававшіеся въ тюрьмѣ. Женщины, бывшія между народомъ, громко завизжали, всплеснули руками надъ головою, заткнули уши и многія попадали въ обморокъ; люди, находившіеся не близъ стѣнъ и недѣйствовавшіе въ штурмѣ, рыли, чтобъ только что-нибудь дѣлать, мостовую, съ ожесточеніемъ и неистовствомъ, какъ-будто это была тюрьма и какъ-будто они достигали этимъ своей цѣли. Ни одна душа во всей толпѣ не оставалась ни на минуту въ покоѣ. Вся огромная масса волновалась.

Вотъ крикъ! Еще, вотъ и третій; но немногіе знали, что онъ значитъ. Стоявшіе около воротъ видѣли, какъ они медленно уступали и падали съ верхнихъ петель. Съ этой стороны они висѣли только уже на одной петлѣ, но все-еще стояли прямо, потому-что ихъ держалъ еще запоръ и потому-что онъ собственнымъ вѣсомъ опустились на кучу пепла, лежавшаго у ихъ подошвы. Сверху, надъ

Digitized by Google

поворотнею, показалось маленькое отверстіе, сквозь которое можно было видѣть темный, адскій коридоръ. Подкладывай же огня!

Запылало горячо. Ворота раскалялись, и отверстіе становилось шире. Напрасно старались они закрывать себѣ лицо руками и стояли на стражѣ, готовые кинуться. Темныя фигуры, иныя ползя на рукахъ и на колѣняхъ, другія съ помощью посторонняхъ, скользили вдоль крыши. Явно было, что зданіе долыше не можетъ держаться. Смотритель, его подчиненные, съ женами и дѣтьми выбираются вонъ. Подкладывай огня!

Ворота еще понизились, глубже опустились въ пепелъ, зашатались, оторвались—и рухнули!

Мятежники испустили крикъ и подались на минуту назадъ, оставляя порожнее мѣсто около огня, который горѣлъ между ними и входомъ въ тюрьму. Гогъ прыгнулъ на пламенѣющую кучу и ринулся, брызнувъ дождемъ искръ на воздухъ и освѣщая темный коридоръ искрами на своемъ платьѣ,—прямо въ тюрьму.

Палачъ за нимъ. Тогда по слѣдамъ ихъ бросились столь многіе, что огонь былъ растоптанъ, потушенъ и разсѣянъ по улицѣ; но теперь ужь его было не нужно: тюрьма снутри и снаружи была схвачена яркимъ пламенемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

ПРОБУЖДЕНІЕ.

(Изъ Уланда.)

—

Меня усыпили
Восторги любви,
Меня схоронили
Объятья твои.

Твоимъ поцалуемъ
Я былъ пробужденъ,
Мнѣ снилося небо
Сквозь утренній сонъ.

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

ПОЛНОЧЬ.

—

Бьетъ полночь: мнѣ грустно; все тихо вокругъ,
Забытая гаснетъ лампада... Но вдругъ
Послышался шорохъ, умолкшій давно,
И мнится мнѣ, кто-то стучится въ окно...
— Не слышу ль заветнаго слова?.. скорѣе
Я плащъ свой накину и выйду
На встрѣчу къ желанному гостю! тѣснѣе
Прильну къ его сердцу, все горе забуду —
И мигомъ, чрезъ садъ, онъ меня увлечетъ
Въ тѣнистую рощу, далеко... далеко...
Гдѣ зелень весною такъ пышно цвѣтетъ
И птички въ-просонкахъ щебечутъ такъ сладко,
И звѣзды ночныя такъ ярко горятъ.
Тамъ вмѣстѣ, подъ небомъ открытымъ, счастливыхъ
Насъ древніе дубы въ вѣтвяхъ пріютятъ,
Быть можетъ, на цѣлую жизнь неразлучныхъ!
— Но полночь пробила: все тихо вокругъ
Нѣтъ шороха, слова, — нѣтъ тебя, милый другъ!
О радостяхъ только напрасно мнѣ снилось...
Умчался грезы — и сердце разбилось!

МАГНОЛІЯ.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Ланиту къ ланитѣ моей приложи:
Тогда наши слезы сольются,
И сердцемъ, теснѣе ты къ сердцу прижмись:
Огнемъ они общимъ зажгутся;
И если въ тотъ пламень подыжся рѣкой
Тѣ общія слезы мученья, —
Я, крѣпко тебя охвативши рукой,
Умру отъ тоски наслажденья.

А. Ф.

СЧАСТЛИВЕЦЪ ТЫ!

Счастливецъ ты! Ты на землѣ высоко
Превознесенъ; увы! мой жребій не таковъ —
Я труженикъ, я вѣрю: издалека
Мнѣ улыбаются надежда и любовь!

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

—

Дитя! мои пѣсни далеко
На крыльяхъ тебя унесутъ
Въ долины Гангесова тока:
Я знаю, — тамъ лучшій пріютъ.
Тамъ, свѣтомъ луны облившись,
Въ саду все красивѣе цвѣтетъ,
И лотоса цвѣтъ, преклонившись,
Сестрицу завѣтную ждетъ.
Сливъ, незабудкины глазки
На дальнія звѣзды глядятъ,
И розы душистыя сказки
Другъ другу въ ушко говорятъ.
Припрянувъ, вниманія полны,
Тамъ смирно газели глядятъ,
А тамъ, въ отдаленіи, волны
Священнаго тока шумятъ.
И тамъ мы подъ пальмой младою,
Любви и покоя полны,
Склонившись уснемъ, и съ тобою
Увидимъ блаженные сны.

А. Ф.

Digitized by Google

III

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ГЕТЕ.

Гете въ Веймарѣ съ 1796 по 1832 годъ. — Смерть Шиллера. — Женитьба Гете. — Послѣдній годъ его жизни.

Статья четвертая и послѣдняя.

Заботы и опасенія, возбужденныя современными политическими событіями, отвлекли Гёте на нѣсколько времени отъ его мирныхъ занятій. Еще 23 іюля 1796 года писалъ онъ къ Шиллеру: «Курфирстъ саксонскій вооружаетъ пограничное войско. Французы отбросили Австрійцевъ къ Гемюндену и слѣдовательно были только въ пяти миляхъ отъ Вюрцбурга. Вѣроятно, теперь они уже взяли его и нашли огромные магазины и множество свезенныхъ туда сокровищъ. По всѣмъ слухамъ, саксонскій отрядъ оставляетъ войска. Австрійцы отступаютъ за Дунай. Вюрцбургъ долженъ выставить 12 т. лошадей и послать ихъ *retro*. Вюртембергъ заключаетъ миръ и получилъ уже перемиріе. Мангеймъ почти потерянъ. Императорскій дворъ вызываетъ 30,000 войска изъ Богеміи и Галиціи. Франкфуртъ потерялъ 174 дома, платитъ 8 милліоновъ ливровъ наличными деньгами, выставляетъ на $2^1/_2$ милліона суконъ и другихъ издѣлій и множество съѣстныхъ припасовъ; зато ни кто изъ жителей не будетъ подверженъ ни какимъ притѣсненіямъ. Судьба нашей страны зависитъ единственно отъ того, успѣемъ ли мы выиграть время; во всякомъ случаѣ, мы въ состояніи будемъ отразить первый натискъ. Король прусскій теперь въ Пирмонтѣ; для него и для ландграфа гессенскаго весьма-важно, чтобъ Курфиршество Саксонское также было включено въ миръ. Французы теперь слишкомъ заняты преслѣдованіемъ Австрійцевъ въ Франконіи, Швабіи, Баваріи и Богеміи, — все это вмѣстѣ даетъ намъ большія надежды, которыя, впрочемъ, можетъ-быть, разрушатся такъ же, какъ и многія другія.»

Digitized by Google

«Французская гроза» говоритъ онъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ: — « все еще свирѣпствуетъ по сю сторону Тюрингенскаго Лѣса. Мы будемъ чтить какъ божество эти горы, которыя обыкновенно посылаютъ намъ холодный вѣтеръ, если на этотъ разъ онѣ будутъ въ силахъ не допустить до насъ бури. Не имѣете ли вы какихъ извѣстій изъ Швабіи? Саксонскій отрядъ стоитъ у Кранаха. Употребятъ ли его для прикрытія Фохтланда и Заалгрунда, образуютъ ли другой кордонъ влѣво Верры, выхлопочетъ ли Пруссія для насъ нейтралитетъ и перемиріе, — эти вопросы должны скоро разрѣшиться. Отъ всей души желаю тихаго и спокойнаго времени. »

Когда это время наконецъ наступило, и опасенія мало-по-малу разсѣялись, Гёте опять принялся за продолженіе неоконченнаго стихотворенія *Германъ и Доротея;* но работа часто прерывалась болѣзнями, особливо простудою, схваченною имъ въ Іенѣ. Отъ 27 февраля 1797 года писалъ Гёте къ Шиллеру: «Я нахожусь подъ домашнимъ крестомъ, сижу подлѣ теплой печки и дрожу отъ внутренняго холода. Голова ужасно тяжела, и всѣ мои умственныя силы не въ состояніи, свободнымъ актомъ мышленія, породить ничтожнаго червя, но онѣ противъ воли должны допустить существованіе отвратительнаго нашатыря и лакрицы. Будемъ надѣяться, что я скоро освобожусь отъ этихъ матеріальныхъ бѣдствій и возвращусь ко всѣмъ прелестямъ поэтическаго созерцанія; увѣренность въ чудесахъ, производимыхъ самою природою, еще болѣе утверждаетъ меня въ этой надеждѣ. »

Отъ 1-го марта 1797 года, Гёте писалъ, что чувствуетъ уже облегченіе, но что не можетъ еще выходить изъ своей комнаты. «Привычка» говоритъ онъ:— «дѣлаетъ мнѣ сноснымъ это затворничество. Послѣдніе дни меня занимали насѣкомыя, а сегодня я собрался привесть въ порядокъ четвертую пѣснь «Германа и Доротеи», и попытка удалась. Это даетъ мнѣ надежду на продолженіе».— 3 марта писалъ онъ: «Съ удовольствіемъ извѣщаю васъ, что стихотвореніе мое подвигается впередъ, и если нить не оборвется, то скоро можетъ быть счастливо приведено къ окончанію. Стало-быть, музы не брезгаютъ тѣмъ разслабленіемъ и изнеможеніемъ, въ которое ввергла меня болѣзнь; можетъ-быть даже, что оно способствуетъ ихъ вліянію. Подождемъ еще нѣсколько дней. » На другой же день, 4 марта, Гёте писалъ, что работа его идетъ успѣшно и начинаетъ составлять нѣчто цѣлое. «Мнѣ нужно еще только два дня, и тогда сокровище будетъ вынуто, а когда оно уже на поверхности земли, то за полировкой дѣло не станетъ. Замѣчательно, какъ это стихотвореніе подъ конецъ опять склоняется къ своему идиллическому истоку. »

По мнѣнію Гёте, въ каждомъ поэтическомъ произведеніи главное составляетъ вымыселъ и выборъ предмета, а форма и изложеніе — достоинства второстепенныя. «Я совершенно согласенъ съ вами » писалъ онъ къ Шиллеру 5 апрѣля 1797 года, «что въ поэтическихъ образахъ древнихъ, такъ же какъ и въ скульптурѣ, есть отвлеченная идея, которая можетъ быть достигнута тѣмъ, что называется *стиль*. Есть также отвлеченности въ самой неестественности, какъ у Французовъ. Все зависитъ отъ счастливаго вымысла: тогда главная забота поэта отстранена; ему

Digitized by Google

остается только трудъ хорошаго выполненія, которое тѣмъ легче, чѣмъ лучше вымыселъ. Поэтому, намъ впередъ нужно будетъ дѣлать болѣе строгій выборъ предметовъ для сочиненія. »

Наконецъ, отдѣльныя пѣсни «Германа и Доротеи» округлились въ одно цѣлое. Отъ 28 апрѣля 1797 г. Гёте писалъ къ Шиллеру: «Мое стихотвореніе готово. Оно состоитъ изъ двухъ тысячъ гекзаметровъ, раздѣлено на десять пѣсень. До нѣкоторой степени оно удовлетворяетъ меня; здѣшніе мои пріятели довольны имъ; остается узнать, какъ оно понравится вамъ, узнаете ли вы въ немъ истинно-человѣческіе образы подъ новѣйшими костюмами. — Выборъ предмета, кажется мнѣ, чрезвычайно удаченъ; не скоро можно найдти подобный предметъ, какъ и вообще гораздо-труднѣе находить сюжеты для истинно-торжественныхъ произведеній, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Вотъ почему древніе, относительно этого, всегда оставались въ извѣстномъ кругѣ. Въ теперешнемъ моемъ положеніи, я далъ себѣ клятву принимать участіе только въ томъ, чѣмъ совершенно владѣю, т. е. въ собственныхъ моихъ твореніяхъ, въ которыхъ вся похвала или порицаніе относятся только ко мнѣ, и которыя, если планъ ихъ хорошъ, не могутъ подвергаться участи пенелопиной ткани. Къ-сожалѣнію, во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ мода обыкновенно разрушаетъ то, что было составлено съ большимъ тщаніемъ, и вся жизнь наша похожа на утомительное странствованіе, въ которомъ путникъ долженъ дѣлать три шага впередъ и два назадъ. »

Хотя индивидуальный характеръ Гёте и многосторонность его ума не позволяли надѣяться, чтобъ онъ остался вѣренъ этой клятвѣ, но на сей разъ онъ, кажется, не измѣнилъ ей. «Я рѣшился» писалъ онъ отъ 22 іюня 1797 года: « приняться опять за моего «Фауста», и если не кончить, то по-крайней-мѣрѣ значительно подвинуть его впередъ. Я опять разбираю все, что уже напечатано, и раздѣляю на большія массы вмѣстѣ съ тѣмъ, что уже изготовлено или придумано, и такимъ образомъ приближаюсь къ исполненію плана, который до-сихъ-поръ еще только идея. — Я еще разъ изслѣдовалъ эту идею, пересмотрѣлъ исполненіе ея, и вообще доволенъ собою. Такъ какъ отдѣльныя части «Фауста», смотря по расположенію духа, могутъ быть различно обработываемы, лишь бы всѣ соотвѣтствовали характеру и тону цѣлаго, то могу заниматься имъ и не безпрерывно, и поэтому въ состояніи сдѣлать что-нибудь теперь. »

Обработка «Фауста», такъ же, какъ и другія литературныя занятія Гёте, были прерваны поѣздкою въ Швейцарію, которую онъ предпринялъ для того, чтобъ встрѣтить возвращавшагося въ то время изъ Италіи друга своего, Мейера. 30 іюля 1797 года выѣхалъ онъ изъ Веймара; дорогою его занимало положеніе страны, по которой онъ проѣзжалъ, преимущественно въ отношеніи къ геогнозіи и къ воздѣлыванію земли. Гёте остановился на нѣкоторое время въ Франкфуртѣ. Изъ всѣхъ новыхъ и возобновленныхъ знакомствъ, самое интересное было для Гёте знакомство съ Сёммерингомъ. Частое посѣщеніе театра и безпрерывная переписка съ Шиллеромъ поддерживали и оживляли въ немъ любовь къ поэзіи и эстетикѣ.

Гёте оставилъ Франкфуртъ 25 августа 1797 и черезъ Гейдельбергъ, Гейльброннъ и Лудвигсбургъ пріѣхалъ въ Штутгартъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ

Digitized by Google

многія интересныя знакомства,—съ купцомъ Раппомъ, любителемъ искусствъ, съ скульпторами Даннекеромъ и Шефауеромъ. «Меня особенно радуетъ» писалъ онъ: «что частое обращеніе съ людьми и размѣнъ идей въ короткое время оказываетъ на меня благодѣтельное вліяніе, такъ что знакомства мои полезны для обѣихъ сторонъ; поэтому мнѣ пріятно будетъ остаться подолѣе въ Штуттгартѣ. Въ нѣкоторыхъ главныхъ пунктахъ мы согласны съ Даннекеромъ, и Раппъ также, кажется, согласится со мною. Этотъ человѣкъ ведетъ совершено-счастливую жизнь; понятія его еще только понятія любителя, которыя обыкновенно имѣютъ особенную турнюру, не очень благопріятную искусствамъ; но чувство его живо и естественно, и онъ легко понимаетъ идеи художника, хотя онѣ и не согласуются съ его собственными идеями. Неохотно разстался Гёте съ новыми друзьями и съ будущимъ издателемъ своихъ сочиненій, Коттою, въ домѣ котораго жилъ, и въ половинѣ сентября отправился въ Швейцарію. Онъ подробно описалъ путешествіе свое отъ Тюбингена до Штефы (гдѣ встрѣтилъ возвращавшагося изъ Швейцаріи Мейера) въ особомъ приложеніи письма къ Шиллеру отъ 25 сентября 1797 года. Окружавшія его красоты природы доставили обильную пищу его поэтическому генію. «Я нашелъ» писалъ онъ: «много сюжетовъ для идиллій, элегій и другихъ близкихъ имъ родовъ поэзіи, и кое-что уже исполнилъ.» Долѣе всего занимала его мысль сдѣлать освободителя Швейцаріи героемъ эпическаго стихотворенія. «Я твердо увѣренъ» писалъ онъ отъ 14 октября 1797 г.: «что сказка о Вилгельмѣ Теллѣ очень-удобна для эпической обработки, и если мнѣ удастся выполнить эту мысль, какъ я желаю, то вышло бы весьма-рѣдкое явленіе: вымыселъ посредствомъ поэзіи сдѣлался бы совершенною истиною, между-тѣмъ, какъ обыкновенно, для произведенія чего-либо художественнаго въ литературѣ, должно исторію обращать въ сказку. Я опять оживилъ въ своемъ воображеніи ограниченный, но весьма-замѣчательный театръ этихъ событій, наблюдалъ, сколько могъ въ короткое время, нравы и обычаи жителей этихъ странъ. Теперь зависитъ отъ счастія выйдетъ ли изъ всего этого что нибудь.» Новыя впечатлѣнія заставили Гёте отказаться отъ исполненія означенной идеи. При этомъ случаѣ, Гёте говоритъ, что нужно небольшую только привычку, чтобъ не оставлять и во время путешествія литературной дѣятельности, къ которой привыкъ дома. «Если путешествіе иногда развлекаетъ» писалъ онъ 14 октября 1797 года: «то часто она заставляетъ насъ углубляться въ самихъ-себя. Недостатокъ внѣшнихъ отношеній и связей, даже вкуса, весьма полезны тому, у кого есть что обработать. Путешествіе похоже на игру. Всегда выигрываешь болѣе или менѣе, нежели ожидаешь. Можно безнаказанно лѣниться нѣкоторое время, но потомъ по неволѣ съ рвеніемъ принимаешься за работу. Путешествія особенно важны для такихъ характеровъ, какъ мой, т. е, для такихъ, которые на всемъ останавливаются, все удерживаютъ въ памяти. Путешествіе оживляетъ ихъ, исправляетъ ихъ ошибки, научаетъ и образуетъ.» Многія мѣста изъ писемъ Гёте, относящихся къ этому времени, доказываютъ, что путешествіе дѣйствительно принесло ему такую пользу.

Бесѣды съ Мейеромъ оживили въ памяти его многія впечатлѣнія его по-

Digitized by Google

ездки въ Италію. « Я увѣренъ » писалъ онъ : « что теперь можно опять путешествовать по Италіи очень-спокойно, ибо въ природѣ, послѣ землетрясенія, пожара и наводненія, все спѣшитъ прійдти въ прежній порядокъ, и не усомнился бы опять предпринять путешествіе въ Италію, если бы другія причины не удерживали меня. » Ходъ военныхъ событій, кажется, заставилъ его отказаться отъ этого плана, и онъ долженъ былъ довольствоваться бесѣдами съ своимъ другомъ Мейеромъ о разныхъ предметахъ искусства древнихъ и новыхъ временъ; эти бесѣды породили въ немъ мысль издавать журналъ, подъ названіемъ *Пропилеи*,—мысль, которую онъ впослѣдствіи и привелъ въ исполненіе.

По возвращеніи въ Веймаръ, Гёте опять обратилъ вниманіе преимущественно на сцену. Любовь его къ драматической поэзіи, поддерживаемая перепискою и разговорами съ Шиллеромъ, усилилась еще болѣе, когда Иоландъ, въ 1798 году, далъ въ Веймарѣ рядъ блистательныхъ представленій. Присутствіе великаго артиста имѣло удивительное вліяніе на ходъ представленій, и каждый изъ актёровъ напрягалъ всѣ силы, чтобъ способствовать совершенно-удовлетворительному выполненію пьесъ. Эти представленія заставили образованную публику желать болѣе обширнаго и удобнаго помѣщенія для театра, и уже 12 октября любители драматическаго искусства собрались въ новомъ зданіи, воздвигнутомъ, подъ наблюденіемъ Гёте, архитекторомъ Туретъ, изъ Штутгарта. Новый театръ открытъ былъ прологомъ Шиллера и представленіемъ его « Валленштейнова Лагеря ».

Самъ Гёте давно уже не работалъ для сцены. « Безъ живаго поэтическаго интереса » писалъ онъ 9 декабря 1797 года къ Шиллеру: « мнѣ никогда не удавалось хорошо обработать трагическія сцены, и потому я болѣе избѣгалъ, нежели искалъ ихъ. Мнѣ кажется, одно изъ преимуществъ древнихъ состоитъ въ томъ, что у нихъ высочайшій пафосъ былъ только эстетическая игра, между-тѣмъ, какъ у насъ, для произведенія подобнаго творенія, необходима поддѣльная природа и естественность. Я не такъ хорошо знаю самъ себя, чтобъ былъ въ состояніи рѣшить, могу ли написать истинную трагедію, но одна мысь подобнаго предпріятія пугаетъ меня, и я увѣренъ, что первый приступъ къ дѣлу разрушилъ бы весь составленный мною планъ. »

Въ одномъ изъ писемъ къ Шиллеру, Гёте изложилъ свои идеи о различіи между эпическою и драматическою поэзіею; впрочемъ, онъ остался вѣренъ первой, къ которой былъ предназначенъ отъ природы. — Постоянное изученіе Гомера навело его на мысль написать эпическое стихотвореніе *Ахиллеида*, которое осталось неконченнымъ. «Все это время » писалъ онъ 27 декабря 1797 года: « я продолжалъ изучать Иліаду, разсуждая о томъ, не льзя ли помѣстить еще одну поэму между Иліадою и Одиссеею. Но мнѣ все приходятъ въ голову трагическіе предметы, не знаю, потому ли, что такъ быть должно, или потому-что не могу отыскать эпическаго предмета. Смерть Ахиллеса, со всѣми сопровождающими ее обстоятельствами, допускаетъ, даже можно сказать требуетъ эпической обработки, по причинѣ обширности сюжета. Но при этомъ раждается вопросъ: можно ли трагическое событіе дѣлать предметомъ поэмы? Много можно

Digitized by Google

сказать и *pro* и *contra*. Что касается до эффекта, то новѣйшій поэтъ, пишущій для своихъ современниковъ, будетъ въ этомъ случаѣ имѣть большія выгоды, ибо въ наше время трудно дѣйствовать на публику безъ политическаго интереса.» Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ своихъ, Гёте говоритъ, что, выбирая сюжетъ «Германа и Доротеи, онъ хотѣлъ только угодить нѣмецкой публикѣ, которая осталась имъ чрезвычайно-довольна. «Теперь я думаю о томъ» писалъ онъ: «нельзя ли такимъ же образомъ написать драматическую пьесу, которая давалась бы на всѣхъ театрахъ, и которую всѣ, впрочемъ кромѣ самого автора, находили бы превосходною.»

Ахиллеида, кажется, очень долго занимала Гёте. Еще въ письмѣ къ Шиллеру отъ 9 марта 1799 года онъ упоминаетъ о ней. «Еще одна добрая вѣсть; побуждаемый вашимъ воззваніемъ, я опять остановилъ свои мысли на трагическихъ поляхъ. Большая часть стихотворенія, которому не доставало еще внутренняго содержанія, организовалась уже до самыхъ мелочныхъ подробностей, и такъ какъ меня можетъ занимать только безконечно-конечное, то я представляю себѣ, что, употребивъ всѣ свои силы, могу окончить стихотвореніе къ исходу сентября. Этою надеждою мнѣ хочется ласкать себя какъ-можно-долѣе.» И въ позднѣйшихъ письмахъ, Гёте часто упоминаетъ объ этомъ стихотвореніи.

Изъ этого письма, между прочимъ, видно, что убѣжденія Шиллера побуждали Гёте къ исполненію его предпріятія. Гёте всегда съ благодарностію признавалъ благодѣтельное вліяніе друга на его поэтическую дѣятельность. Доказательствомъ этого, между прочимъ, можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ письма его отъ 6 января 1798 года: «Счастливое столкновеніе нашихъ натуръ принесло уже много пользы намъ обоимъ. Если я былъ для васъ представителемъ нѣкоторыхъ объектовъ, то вы отвлекли меня отъ слишкомъ-строгаго наблюденія внѣшняго міра, и обратили болѣе къ самому-себѣ; вы научили меня смотрѣть съ настоящей точки на многосторонность внутренняго человѣка, доставили мнѣ вторичную юность и сдѣлали меня опять поэтомъ, которымъ я даже пересталъ быть.»

Тогдашнюю свою поэтическую непроизводимость Гёте объяснялъ себѣ разсѣянностію, слѣдствіемъ путешествій. «Я не могу еще» писалъ онъ: «воспользоваться матеріалами, которые собралъ, и вообще неспособенъ работать. Помню въ моей жизни подобное состояніе, и изъ многихъ опытовъ знаю, что впечатлѣнія должны долго зрѣть во мнѣ, чтобъ сдѣлаться годными къ поэтическому употребленію. Поэтому, я рѣшительно ни за что не принимаюсь и ожидаю дѣйствія, которое будетъ на меня имѣть первое посѣщеніе Іены.»

Но дѣйствіе это ограничилось лишь нѣсколькими мелкими стихотвореніями, между которыми самое замѣчательное было *Предсказаніе Бакиса*. Подъ вліяніемъ Мейера, Гёте опять обратился къ образовательнымъ искусствамъ. Его занимали предварительные труды для упомянутаго уже нами журнала *Пропилеи*; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ продолжалъ жизнь *Бенвенуто Челлини*, которая должна была служить ему нитью для исторіи шестнадцатаго столѣтія. Эти и нѣкоторыя другія занятія сокращали ему скучное зимнее время. «Въ-продолженіи этихъ безцвѣтныхъ и безрадостныхъ дней» писалъ

Digitized by Google

онъ: «я занимался *Наукою о цвѣтахъ* (Farbenlehre) и привелъ въ порядокъ свои бумаги, чтобъ обозрѣть все, что уже сдѣлано. Съ самаго начала, я велъ журналъ моихъ занятій, и такимъ образомъ сохранялъ всѣ попытки, свѣдѣнія, идеи, заблужденія и правильные шаги свои. Теперь, разобравъ всю эту массу, я раздѣлилъ ее на рубрики, и могу легче обозрѣвать собранные мною матеріалы по каждому предмету, отдѣлять полезное и дѣлать общій обзоръ. Теперь я только вижу, какъ безразсудно было мое предпріятіе, и впредь буду осторожнѣе; ибо и теперь, послѣ столькихъ трудовъ, нужно еще много времени, чтобъ изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ выработать ясное представленіе.»

Эти предметы получили еще большій интересъ въ глазахъ Гете отъ участія, которое принималъ въ нихъ Шиллеръ, не смотря на безпрерывныя свои драматическія занятія. Гете платилъ ему за это живѣйшимъ участіемъ въ его «Валленштейнѣ». Обоихъ занимала мысль передѣлать, согласно со вкусомъ новѣйшаго времени, нѣкоторыя старинныя пьесы, и поставить ихъ на сцену, чѣмъ нѣмецкому театру доставленъ бы былъ прочный репертуаръ. Гете сдѣлалъ начало переводомъ вольтерова «Мухаммеда», а Шиллеръ передѣлалъ «Макбета» Шекспира.

30 января 1799 г. въ первый разъ дана была шиллерова трагедія «Пикколомини». Гете съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія самого «Валленштейна», отъ котораго многаго ожидалъ по первымъ двумъ актамъ, прочтеннымъ ему Шиллеромъ.

Наконецъ, 20 апрѣля 1799 года данъ былъ на веймарскомъ театрѣ «Валленштейнъ». Всеобщій восторгъ, съ которымъ приняты были какъ эта трагедія, такъ и «Марія Стуартъ», «Мессинская Невѣста» и другія драматическія произведенія Шиллера, вышедшія вскорѣ одно за другимъ, ободрили Гете испытать себя еще разъ на поприщѣ, отъ котораго онъ отвыкъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ немъ родилась мысль воспользоваться записками Стефаніи Бурбонъ для трагедіи, которую онъ впослѣдствіи напечаталъ подъ названіемъ *die Natürliche Tochter*. Онъ хотѣлъ соединить въ ней все, что думалъ и писалъ о французской революціи и слѣдствіяхъ ея. Въ-продолженіи этихъ занятій, Гете дѣятельно трудился для журнала «Пропилеи» и, сверхъ-того, побужденный шеллинговою философіею природы, посвящалъ свободные часы другимъ ученымъ предметамъ. Изъ павильйона своего, въ веймарскомъ паркѣ, онъ наблюдалъ, съ помощію рефрактора, измѣненія луны, со всѣми чудесными явленіями ихъ; читалъ гердеровы отрывки объ исторіи литературы, винкельмановы письма и мильтоновъ «Потерянный Рай», чтобъ, какъ самъ онъ говоритъ, ознакомиться со всѣми родами поэзіи, и съ различными образами мыслей.

Слѣдующее мѣсто изъ письма отъ 6 марта 1800 года показываетъ, какъ Гете понималъ литературу и въ особенности поэзію: «Что касается до условій, которыя нынѣ требуютъ отъ поэта, то, по моему мнѣнію, они неспособны образовать поэта. Поэзія требуетъ отъ человѣка, который хочетъ посвятить себя ей, какой-то добродушной, влюбленной въ дѣйствительность, ограниченности, за которою скрывается абсолютное. Требованіе свыше разрушаетъ это невинное состояніе производительности, и вмѣсто поэзіи порождаетъ нѣчто такое, что вовсе не поэзія. Къ-сожалѣнію, мы на-

Digitized by Google

конецъ ужь увѣрились въ этомъ; то же можно сказать объ искусствѣ вообще. Вотъ мой символъ эстетической вѣры, который, впрочемъ, не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ претензій».

Гете самъ въ это время ничего не написалъ, исключая нѣсколькихъ драматическихъ стихотвореній для какихъ-нибудь торжественныхъ случаевъ, какъ напр. *Палеоврокъ и Неотерпа*, представленное при дворѣ 24 октября 1800 года, въ день именинъ герцогини Амаліи. Для сцены онъ занимался такъ же, какъ и Шиллеръ, передѣлкою нѣкоторыхъ старинныхъ пьесъ. Къ упомянутому уже нами «Мухаммеду» Вольтера, онъ прибавилъ переводъ его же «Танкреда». Въ-продолженіе этой работы, начатой въ Іенѣ, онъ сильно простудился въ высокой и сырой комнатѣ герцогскаго дворца, и, не смотря на всѣ медицинскія пособія, весьма-медленно поправлялся отъ болѣзни.

Первыя свѣтлыя минуты послѣ этой болѣзни, въ-продолженіе которой онъ по-большей-части былъ безъ памяти, Гете посвятилъ предметамъ натуральной исторіи и ботаники. Онъ изучалъ систему растеній Жюссьѐ, наблюдалъ съ помощію гершелева телескопа измѣненія луны, и приводилъ въ порядокъ свою «Науку о Цвѣтахъ».

Послѣ этой болѣзни, Гете, для поправленія разстроеннаго здоровья, ѣздилъ въ Карлсбадъ, и по возвращеніи въ Веймаръ нашелъ тутъ Шиллера, который между-тѣмъ переѣхалъ изъ Іены въ резиденцію герцога. Шиллеръ опять обратилъ дѣятельность Гете къ театру. Гете распоряжалъ чтеніями и репетиціями «Дѣвы Орлеанской», «Мессинской Невѣсты» и нѣкоторыхъ другихъ пьесъ, такъ же какъ и собственной своей трагедіи «die Natürliche Tochter». Посреди этихъ разнообразныхъ занятій, необходимыхъ для многосторонняго ума Гете, и ежегодныхъ поѣздокъ въ Пирмонтъ, Карлсбадъ, Галль и Лаухстедъ, куда обыкновенно уѣзжали на лѣто веймарскіе актеры, Гете постигло одно изъ печальнѣйшихъ событій всей его жизни; это была смерть Шиллера, случившаяся 9 мая 1805 года. Просидѣвъ нѣсколько недѣль дома, по причинѣ болѣзни, Гете вышелъ въ первый разъ изъ дому въ первыхъ числахъ мая и встрѣтилъ Шиллера, шедшаго въ театръ. «Я не могъ идти съ нимъ» разсказываетъ самъ Гете: «потому-что чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и такъ мы разстались у его дверей, — разстались, чтобъ никогда болѣе не видаться. При тогдашнемъ разстройствѣ моихъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, никто не рѣшался принесть въ мое уединеніе горестное извѣстіе о его кончинѣ. Онъ умеръ 9-го числа, и всѣ мои страданія съ-сихъ-поръ удвоились, утроились.»

Слѣдующее письмо къ его другу Цельтеру, директору театральнаго оркестра въ Берлинѣ, отъ 1 іюня 1805 года, можетъ дать понятіе о томъ, какъ поразила его смерть Шиллера: «Мнѣ казалось, что я теряю самого-себя; я потерялъ друга и вмѣстѣ съ нимъ половину своего собственнаго существа. По-настоящему, мнѣ слѣдовало бы начать совершенно-другой образъ жизни; но въ мои лѣта это невозможно. И такъ, я живу день за день, не предвидя ничего въ будущемъ.» Теперь болѣе, нежели когда-нибудь, чувствовалъ онъ необходимость упорной дѣятельности, чтобъ разсѣять свою горесть. Первою его мыслію было окончить «Димитрія», не конченаго

Digitized by Google

Шиллеромъ; но нѣкоторыя препятствія помѣшали исполненію, и Гете всегда жалѣлъ, что слишкомъ скоро отказался отъ этого намѣренія.

Уединенная дѣятельность Гете имѣла нужду въ опредѣленномъ предметѣ. Плодомъ изученія писемъ Винкельмана и драгоцѣнныхъ отрывковъ Вольфа было весьма важное для исторіи искусствъ твореніе, которое Гете назвалъ: *Винкельманъ и его вѣкъ*. Оно явилось въ свѣтъ въ 1805 году, вмѣстѣ съ сочиненіемъ близкаго съ нимъ содержанія: *Племянникъ Рамо* (Rameau's Neffe). Основаніемъ послѣднему служилъ переводъ разговора, найденнаго послѣ Дидро.

Преимущественно занято было вниманіе Гете превосходными лекціями Галля о черепословіи, читанными имъ въ Іенѣ передъ многочисленными слушателями. Поучительныя бесѣды съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, посвятившимъ большую часть своей жизни изслѣдованіямъ черепа, еще болѣе усилили участіе Гете къ этому предмету.

Посѣщеніе Карлсбада въ 1806 году имѣло весьма благодѣтельное вліяніе на здоровье Гете. «Что касается до моей поѣздки» писалъ онъ 15 августа къ Цельтеру: «то мнѣ остается сожалѣть, что я не предпринялъ ея ранѣе. Внутреннее употребленіе водъ и купанье принесли мнѣ большую пользу, и такъ какъ я веду себя очень осторожно, то дѣйствіе ихъ почти равняется чуду. Очень радъ, что могу наконецъ отказаться отъ своего невѣрія. Въ веселомъ обществѣ, я велъ самую пріятную жизнь, сдѣлалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, и узналъ лично многихъ, которые до сего времени были мнѣ извѣстны только по имени. Кипящій, живительный источникъ, бьющій изъ вѣковыхъ скалъ, опять привелъ насъ къ изслѣдованію первобытныхъ силъ природы, и здѣсь мы также многимъ обязаны времени, которое постоянно обогащаетъ насъ опытными идеями. Возвращаясь съ свободными чувствами и съ лучшими надеждами, я стараюсь возобновить связи, которыя разорвались противъ моей воли, и надѣюсь провести въ небольшомъ кругу весьма пріятную осень.»

Надежда эта была уничтожена ходомъ политическихъ событій. Лѣтомъ 1806 года собралась наконецъ туча, долженствовавшая разразиться надъ мирнымъ Веймаромъ. Сраженіе при Іенѣ, 14 октября 1806 года, рѣшило судьбу Пруссіи и Германіи. Ночь, послѣдовавшая за этимъ днемъ, была ужасна для жителей Веймара. Со всѣхъ сторонъ вступали въ него отряды французскихъ войскъ; нѣсколько домовъ сдѣлались добычею пламени, и городъ былъ преданъ на разграбленіе. Посреди этого всеобщаго бѣдствія, Гете получилъ доказательство уваженія, которое творенія его доставили ему даже внѣ Германіи, потому-что жилище его, во время грабежа, находилось подъ охраненіемъ французской стражи. Слѣдующее мѣсто изъ письма къ Цельтеру отъ 26 декабря 1806 года показываетъ, что среди всѣхъ этихъ внѣшнихъ смятеній, онъ сохранилъ внутреннее спокойствіе и свою обычную дѣятельность. «Эта година несчастій для меня по-крайней-мѣрѣ прошла безъ большаго вреда. Мнѣ не нужно было мѣшаться въ политическія дѣла, ибо они были въ рукахъ достойныхъ людей, и потому я могъ оставаться въ моей кельѣ и жить внутреннею жизнею. Въ это время, когда мы должны были опасаться всего, меня наиболѣе безпокоила мысль потерять мои бумаги.»

Digitized by Google

Это время всеобщаго безпорядка, когда всѣ общественныя связи были разорваны, дало Гете почувствовать цѣну тихой домашней жизни; и посреди военныхъ бурь, на 57 году своей жизни, онъ обвѣнчался съ Христіаною Вульпіусъ, сестрою извѣстнаго сочинителя романовъ. Много говорено было о причинахъ и внезапномъ рѣшеніи Гете на этотъ бракъ, который во многихъ отношеніяхъ можетъ быть названъ неровнымъ. Первоначальныя отношенія къ этому существу, одаренному отъ природы болѣе физически, нежели умственно, были, конечно, чисто чувственныя. Гете оказалъ нѣкогда большую услугу ея семейству, и благодарность съ ея стороны была началомъ связи съ Гете. Въ-послѣдствіи онъ взялъ ее въ свой домъ, для присмотра за хозяйствомъ; она родила ему нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ остался въ живыхъ одинъ только сынъ. Въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни Гете, она оказывала ему привязанность и вѣрность, доходившія до самоотверженія. Вѣроятно, желаніе назвать ее передъ цѣлымъ свѣтомъ матерью своего любимаго сына и чувство благодарности давно уже приготовили его къ этому рѣшительному шагу; теперь же время всеобщей опасности, когда ни на одинъ день нельзя было ручаться за свою жизнь, ускорило это рѣшеніе. Нѣсколько дней спустя послѣ одного случая, когда она спасла его отъ оскорбленій непріятельскихъ солдатъ, даже, можетъ-быть, сохранила жизнь его, онъ обвѣнчался съ нею въ присутствіи своего сына и одного изъ своихъ друзей. Отношенія ихъ остались совершенно тѣ же, какія были прежде, и послѣ двадцатилѣтней жизни съ нею, Гете говорилъ: «Болѣе всего нравится мнѣ въ ней то, что въ натурѣ ея ничего не измѣняется, что она остается все одинаковою». Она умерла во время одной поѣздки отъ удара, въ каретѣ подлѣ Гете, и хотя многіе обвиняли его въ равнодушіи къ этой потерѣ, но очевидцы увѣряютъ, что онъ глубоко скорбѣлъ о смерти жены. Мирный домашній кругъ благопріятствовалъ его обыкновенной дѣятельности.

Долгое время Гете постоянно былъ занятъ пересмотромъ всѣхъ своихъ сочиненій, которыя книгопродавецъ Котта, въ Тюбингенѣ, долженъ былъ издать въ 12 томахъ. 22 іюля 1808 года писалъ Гете къ Цельтеру: «Отрывки, написанные въ-продолженіи цѣлой жизни, и собранные вмѣстѣ, конечно, должны казаться несвязными, и критикъ, который съ добрымъ или злымъ намѣреніемъ захочетъ видѣть въ нихъ нѣчто цѣлое, будетъ въ большомъ затрудненіи. Дружеское чувство лучше всего можетъ оживить эти отрывки.»

Въ 1808 году Гете издалъ свою *Науку о цвѣтахъ* (Farbenlehre) и посвятилъ ее герцогинѣ Луизѣ саксен-веймарской. Постоянное вниманіе, обращенное какъ на этотъ предметъ, такъ и на другія ученыя изысканія, породили въ Гете идею романа *Сродства Избирательныя* (die Wahlverwandschaften), въ которомъ онъ представилъ свѣтлыя и темныя стороны ежедневной жизни, и хотѣлъ показать могущественное вліяніе сокровенныхъ законовъ природы на житейскія отношенія.

Начатое въ это время жизнеописаніе живописца Филиппа Гаперта, съ которымъ Гете познакомился въ Римѣ, было оставлено, когда Гете вздумалъ написать собственную свою біографію. При дальнѣйшей обработкѣ этого творенія, онъ скоро увидѣлъ, что принялся за него слишкомъ поздно.

Digitized by Google

Ему слѣдовало начать его при жизни матери, которой вѣрная память была бы для него большимъ пособіемъ при изображеніи его дѣтства. Теперь онъ долженъ былъ все почерпать изъ самого-себя, и изъ нѣкоторыхъ оставшихся воспоминаній. Поэтому, онъ назвалъ это сочиненіе: *Истина и Вымыслы* (Dichtung und Wahrheit). «Эта работа» говорилъ Гете позднѣе: «занимала меня вездѣ, гдѣ бы я ни былъ, до такой степени, что мое дѣйствительное тогдашнее существованіе приняло характеръ второстепенный, хотя во всѣхъ случаяхъ жизни, гдѣ требовалась моя дѣятельность, являлись всѣ мои силы.»

Легко объяснить себѣ причины, которыя заставили Гете оставить свою автобіографію неконченою. Даже четвертая часть, составленная изъ бумагъ, найденныхъ послѣ его смерти, содержитъ въ себѣ еще жизнь его во Франкфуртѣ и его окрестностяхъ, но не доходитъ до вступленія въ веймарскій придворный кругъ. 15 октября 1813 года писалъ Гете къ Вольтману: «Пріймите мою живѣйшую и искреннѣйшую благодарность за отзывъ о моей біографіи. Основательный и свободномыслящій историкъ, конечно, лучше всякаго другаго въ состояніи обсудить и оцѣнить загадочное твореніе. Для него не удивительно, что ему предлагаютъ истину вмѣстѣ съ вымыслами, ибо онъ знаетъ сколько вымысловъ должно отдѣлить отъ самыхъ почтенныхъ историческихъ памятниковъ, чтобъ достигнуть наконецъ истины. У Нѣмцевъ есть одинъ важный недостатокъ, именно, они не умѣютъ ничего принять такъ, какъ имъ предлагаютъ. Подашь имъ ножъ съ рукоятью, они говорятъ, что это не остро; подашь остріемъ, они жалуются, что обрѣзались. Они читали слишкомъ много, и имъ не достаетъ воспріимчивости для новыхъ формъ. Впрочемъ, ознакомившись съ какою-нибудь новостію, они становятся понятливы, добры и достолюбезны. Поэтому, какъ писатель, я всегда былъ изолированъ. Мои прежніе труды имѣли дѣйствіе, но настоящіе не находили сочувствія. Изъ этого вы можете видѣть, какъ дороги для меня похвалы ваши моему послѣднему сочиненію.»

Въ такомъ расположеніи духа познакомился Гете съ твореніемъ г-жи Сталь О *Германіи* (de l'Allemagne), явленіемъ весьма радостнымъ при тогдашнихъ политическихъ событіяхъ. «Въ настоящее время» писалъ Гете: «книга эта производитъ удивительное дѣйствіе. Если бы она явилась нѣсколько ранѣе, ей можно было бы приписать вліяніе на послѣднія великія событія. Теперь же, она только открытое предсказаніе, вызвавшее предопредѣленіе, — и кажется, какъ-будто она написана нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нѣмцы не узнали въ себѣ въ ней, но они найдутъ вѣрный масштабъ исполинскаго шага, который они сдѣлали. Дай Богъ, чтобъ это привело ихъ къ полному самознанію, и чтобъ они сдѣлали еще одинъ великій шагъ, который имъ остается сдѣлать, — чтобъ они признали обоюдныя заслуги, чтобъ въ наукахъ и искусствахъ они дѣйствовали не въ духѣ противорѣчія, какъ было до сего времени, но въ духѣ согласія, и чтобъ, сбросивъ съ себя иго иноплеменнаго рабства, побѣдили наконецъ раздирающій ихъ духъ партій и завистливыхъ предубѣжденій. Тогда, конечно, ни одна изъ современныхъ націй не могла бы съ ними сравниться. Чтобъ видѣть, въ какой степени это возможно, надо ожидать временъ мира, которыя мы надѣемся скоро видѣть.»

Digitized by Google

Эту эпоху, освобожденіе отечества отъ тягостнаго владычества Франціи, увѣковѣчилъ Гете, при полномъ отвращеніи своемъ отъ политическаго направленія, въ *Пробужденіи Эпименида;* основаніемъ этому сочиненію служилъ старинный миѳъ объ Эпименидѣ, который, въ безуспѣшныхъ поискахъ заблудившейся овцы, зашелъ въ пещеру, и прожилъ въ ней 57 лѣтъ. Твореніе это, которымъ онъ хотѣлъ обратить взоры освобожденныхъ народовъ на скрытыя пружины великихъ всемірныхъ событій, явилось въ первый разъ на сценѣ въ Берлинѣ. «Напиши мнѣ, сдѣлай милость» говоритъ Гете въ одномъ письмѣ своемъ къ Цельтеру: «какой, по твоему мнѣнію, эффектъ произвело «Пробужденіе Эпименида». Послѣ него я ничего не сдѣлалъ для поэзіи. Мірскія дѣла и образовательныя искусства поглощали все мое вниманіе.»

Когда, въ 1814 году, Гете, послѣ семнадцатилѣтняго отсутствія, опять посѣтилъ Франкфуртъ, соотечественники почтили присутствіе его блистательнымъ представленіемъ трагедіи «Торквато Тассо», и еще съ большею торжественностію праздновали они въ 1818 году его семидесятый день рожденія. Бюстъ его поставленъ былъ въ ратгаузѣ, а ему поднесли золотой, украшенный драгоцѣнными каменьями вѣнокъ. Гете отблагодарилъ за эти почести особымъ стихотвореніемъ, помѣщеннымъ въ собраніи его сочиненій.

Еще въ 1816 году Гете началъ издавать журналъ подъ названіемъ: *Художества и Древность* (Kunst und Alterthum). Въ немъ помѣщались краткія описанія путешествій, рецензіи новѣйшихъ произведеній поэзіи, живописи и пластики, и сверхъ того любопытныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ. Журналъ этотъ и проповѣдованныя имъ идеи были въ нѣкоторомъ отношеніи продолженіе идей, которыя Гете распространялъ прежде въ журналѣ «Пропилеи», вмѣстѣ съ своими веймарскими друзьями, а потомъ въ журналѣ «Allgemeine Literaturzeitung» съ 1803 по 1807 годъ. Для занятій своихъ по части естественной исторіи, которымъ оставался вѣренъ съ самой ранней молодости, Гете основалъ особое періодическое изданіе, подъ названіемъ *Журнала Морфологіи и Естествознанія вообще.*

Для поэзіи, Гете давно уже не дѣлалъ ничего, кромѣ небольшихъ стихотвореній и маскарадныхъ сценъ для придворныхъ праздниковъ. Послѣ романа *Wahlverwandschaften*, вышедшаго въ 1810 году, онъ не написалъ ни одного значительнаго сочиненія, которое могло бы быть названо свободнымъ и самобытнымъ произведеніемъ его духа. Теперь Гете вступилъ опять въ область романа въ своихъ *Странствованіяхъ Вильгельма Мейстера* (Wilhelm Meister's Wanderjahre), которыя только по названію, а не по связи, можно почитать продолженіемъ его *Lehrjahre.* Впрочемъ, этого и не было въ его планѣ. Въ четвертой книжкѣ своего *Журнала Морфологіи* Гете самъ говоритъ, что онъ намѣренъ издать подъ названіемъ «Wilhelm Meister's Wanderjahre» собраніе небольшихъ повѣстей, разсказовъ, романовъ и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей, какъ напримѣръ: *Пятидесятилѣтній Мужчина, Новая Мелузина, Странствующая Сумасшедшая* и другія были уже напечатаны въ «Дамскомъ Альманахѣ», издававшемся Коттою.

«Wanderjahre», такъ же какъ и изданные прежде «Lehrjahre», заключа-

Digitized by Google

ли въ себѣ богатый запасъ наблюденій и размышленій о свѣтѣ и жизни. Въ письмѣ къ Цельтеру отъ 19 октября 1821 года Гете говоритъ: «Я могу похвалиться, что въ этомъ твореніи нѣтъ ни одной строчки, которая не была бы обдумана, не была почувствована мною. Толковитый читатель, конечно, самъ опять все это передумаетъ и перечувствуетъ». Это произведеніе Гете подверглось односторонней критикѣ, въ романѣ пастора Пустькухена, вышедшемъ въ одно время съ гётевыми «Wanderjahre», и подъ тѣмъ же названіемъ. Въ-послѣдствіи, романъ этотъ былъ названъ «Falsche Wanderjahre». Сочинитель его выступилъ съ началами односторонней морали и религіозной догматики оспоривать у Гете лавровый вѣнокъ, въ такое время, когда господствовавшій вкусъ позволялъ унижать Гете, какъ поэта, въ мнѣніи публики. Гете съ горестію перенесъ эту несправедливость своихъ современниковъ.

Тѣмъ болѣе обрадовало его всеобщее одобреніе пролога, написаннаго имъ въ маѣ 1821 года, для открытія берлинскаго театра. «Меня очень успокоиваетъ мысль» писалъ онъ къ Цельтеру: «что въ моей кельѣ, удаленный отъ жизни, я могъ создать что-либо, что нашло сочувствіе въ свѣтѣ. Надѣюсь, что современемъ отдатутъ должную справедливость этому роду стихотвореній (Gelegenheitsgedichte).

Съ какою неослабною дѣятельностію Гете предавался литературнымъ занятіямъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его къ Цельтеру: «Эту зиму», писалъ онъ 5-го января 1822 года, «я провожу въ совершенномъ уединеніи, и безпрестанно диктую, такъ, что все мое существованіе какъ-бы переложено на бумагу.» Вѣрнаго сотрудника въ своихъ разнородныхъ литературныхъ занятіяхъ нашелъ Гете въ одномъ мололомъ человѣкѣ, Эккерманѣ, который привязался къ поэту восторженною любовію, и такъ сроднился съ его образомъ мыслей и чувствованій, что послѣ смерти его могъ представить вѣрное его изображеніе въ своихъ съ нимъ разговорахъ.

Гете въ Іенѣ часто посѣщалъ своего стариннаго друга Кнебеля, съ которымъ любилъ вспоминать цвѣтущее время Веймара и давно-умершихъ друзей, или разсуждать о литературѣ и художествахъ. Въ эту эпоху своей жизни, такъ же какъ и прежде, Гете часто надолго уѣзжалъ въ Іену, и проводилъ тамъ иногда цѣлое лѣто въ совершенномъ уединеніи, предаваясь своимъ ученымъ занятіямъ. Онъ совсѣмъ отказался отъ драматической поэзіи и отъ участія, которое до-сихъ-поръ принималъ въ сценическихъ представленіяхъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ постановка переводной французской драмы «Обріева Собака», въ 1817 году, заставила его отказаться отъ управленія веймарскимъ придворнымъ театромъ. Явленіе на сценѣ пуделя, вызовъ его какъ драматическаго артиста, казались ему по справедливости безчестіемъ для театра, о благѣ котораго онъ съ неутомимою дѣятельностію заботился двадцать-пять лѣтъ.

Въ новѣйшей литературѣ, Гете видѣлъ важный недостатокъ—недостатокъ спокойной обдуманности и ясности, которыми онъ самъ всегда обладалъ, и преимущественно въ преклонныхъ лѣтахъ. Онъ никакъ не могъ слружиться съ принятымъ ею направленіемъ. Въ письмѣ въ Цельтеру отъ 6-го іюня 1825 года, онъ говоритъ объ этомъ съ глубокимъ огорченіемъ и

Digitized by Google

досадою. «Теперь все *ultra*, все преступаетъ границы, какъ въ мыслях, такъ и въ поступкахъ. Никто не знаетъ самого-себя, никто не понимаетъ элемента, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ, предмета, который обрабатываетъ. О чистой простотѣ нѣчего и говорить. Молодые люди слишкомъ рано берутся за перо, а потомъ увлекаются потокомъ времени. *Богатство* и *быстрота*, вотъ чему удивляется свѣтъ, и вотъ зачѣмъ всѣ гонятся. Образованный міръ выдумываетъ желѣзныя дороги, быстрыя почты, пароходы и всевозможныя удобства сообщеній, чтобъ переполнить свое образованіе и все-таки не выйдти изъ посредственности. Распространеніе посредственнаго образованія, есть, кажется, необходимый результатъ всеобщности (Allgemeinheit). Къ этому стремятся всѣ общества ланкастерской методы обученія. Вѣкъ нашъ—вѣкъ дѣльныхъ головъ, смышленыхъ практическихъ людей, которые, будучи одарены нѣкоторою ловкостію, чувствуютъ свое преимущество передъ толпою, хотя сами неспособны ни къ чему великому. Останемся вѣрными идеямъ, съ которыми жили. Мы, съ весьма немногими, будемъ послѣдними представителями эпохи, которая не скоро опять возвратится.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Гете принималъ большое участіе въ двухъ даровитыхъ иностранныхъ поэтахъ, съ которыми онъ былъ даже въ перепискѣ. Въ трагедіи Итальянца Александра Манцони, «Графъ Карманьйола», Гете встрѣтилъ мужественную важность, ясность, и все, чего должно требовать отъ совершеннаго поэтическаго произведенія. Въ письмѣ къ Цельтеру отъ 12-го августа 1826 года, онъ называетъ его поэтомъ, котораго должно изучать. «Черезъ нѣсколько лѣтъ» писалъ Гете: «онъ займетъ почетное мѣсто въ литературѣ». Въ-слѣдствіе весьма лестнаго отзыва объ означенной трагедіи, въ «Журналѣ Искусствъ и Древности», Гете получилъ дружеское благодарственное посланіе изъ Милана. Искусство, съ какимъ лордъ Байронъ воспользовался идеею «Фауста» для своего «Манфреда», обратило вниманіе Гете на этого замѣчательнаго человѣка, который вскорѣ высказалъ все свое уваженіе къ Гете въ посвященіяхъ ему своихъ трагедій «Сарданапалъ» и «Вернеръ». Гете не могъ совершенно сдружиться съ поэтическимъ дарованіемъ Байрона, котораго истинное величіе помрачалось въ его глазахъ тревожнымъ состояніемъ его духа, и ненавистію къ свѣту и его отношеніямъ, доходившею до отчаянія. При всемъ томъ, велика была радость Гете, когда одинъ молодой Англичанинъ, Стерлингъ, привезъ ему собственноручное письмо Байрона. Когда вскорѣ потомъ распространился слухъ о намѣреніи его отправиться въ Грецію и участвовать въ войнѣ за ея независимость, Гете написалъ стихотвореніе *къ Байрону*, помѣщенное въ собраніи его сочиненій.

Къ радостнѣйшимъ событіямъ въ послѣдніе годы жизни Гете, конечно, принадлежатъ празднества въ дни его рожденья. Стихи Фридриха Миллера, Пейцера, Римера, Ст. Шютце, Эккермана и другихъ, сопровождаемые дружескими подарками, служили явнымъ доказательствомъ, что у него было еще много друзей и почитателей его таланта, въ такое время, когда односторонняя и предубѣжденная критика многочисленныхъ враговъ силилась помрачить его заслуженную славу. Когда, въ 1823 году, Гете сдѣлался опасно боленъ, и нѣкоторые журналы распростра-

Digitized by Google

ли уже преждевременную вѣсть о его смерти, тогда участіе къ нему сдѣлалось общимъ во всей образованной части народонаселенія Германіи, и много поэтическихъ возгласовъ привѣтствовало поэта послѣ его выздоровленія. Юбилей 1825 года сдѣлался общимъ торжествомъ не только въ Веймарѣ, но и во многихъ другихъ городахъ Германіи. Пятидесятое возвращеніе дня, когда Гете вступилъ въ придворный веймарскій кругъ, назначено было для празднованія юбилея его службы, по желанію герцога, которому онъ въ-продолженіи полувѣка безпрестанно доказывалъ, въ счастіи и несчастіи, непоколебимую вѣрность, какъ государственный человѣкъ, какъ поэтъ, какъ совѣтникъ, и наконецъ, какъ другъ, въ высшемъ значеніи этого слова.

Изъ рукъ самого герцога получилъ онъ золотую медаль, выбитую въ Берлинѣ, съ простою надписью: «Отъ Карла Августа и Луизы—Гете, на 7 ноября 1825 года». Рано утромъ пробужденъ онъ былъ пѣніемъ въ саду, прилегавшемъ къ его дому; въ пять часовъ пріѣхалъ поздравить его герцогъ; вечеромъ дана была «Ифигенія». Сверхъ того, въ этотъ день приготовлено было ему много радостей. Сынъ его, тайный каммер-совѣтникъ Августъ фон-Гете, и оба внука Вальтеръ и Вольфгангъ, равно какъ и всѣ ихъ потомки мужескаго пола, объявлены были, особымъ актомъ, гражданами города Веймара. Медицинскій и философскій факультеты Іенскаго Университета поднесли ему докторскій дипломъ, а теологическій и юридическій—поздравленія. Но лестнѣе всего было слѣдующее собственноручное письмо герцога: «День, когда, слѣдуя приглашенію моему, вы прибыли въ Веймаръ, считаю я днемъ вступленія въ дѣйствительную службу мою, ибо съ этой эпохи вы не переставали являть доказательства вѣрной привязанности и дружбы ко мнѣ, посвящая мнѣ ваши рѣдкія дарованія. Поэтому, пятидесятое празднованіе этого дня, я съ живѣйшимъ удовольствіемъ признаю юбилеемъ службы моего перваго государственнаго чиновника, друга моей молодости, который съ неизмѣнною вѣрностію, любовію и постоянствомъ сопутствовалъ мнѣ во всѣхъ превратностяхъ жизни, котораго благоразумнымъ совѣтамъ и дѣятельному участію я обязанъ счастливымъ исполненіемъ моихъ важнѣйшихъ предпріятій, и котораго приглашеніе въ Веймаръ я считаю лучшимъ дѣломъ моего царствованія».

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, именно 5-го октября, были подобныя же торжества по случаю пятидесятилѣтія царствованія великаго герцога. Въ этотъ день, Гете поднесъ ему медаль, работы берлинскаго медальёра Бранда; на этой медали, съ одной стороны изображенъ былъ портретъ великаго герцога въ лавровомъ вѣнкѣ, а съ другой въ двѣнадцати отдѣленіяхъ знаки зодіака, вверху знакъ вѣсовъ, подъ коимъ родился герцогъ. Жилище Гете, близъ Фрауэнтора, было прекрасно убрано символическими картинами и эмблемами, украшено разными рѣдкими растеніями, и вечеромъ, при великолѣпномъ освѣщеніи, открыто для всѣхъ. Роскошное угощеніе ожидало посѣтителей въ разныхъ комнатахъ, а въ послѣдней изъ нихъ стоялъ портретъ великаго герцога во весь ростъ, украшенный свѣжими розами. Самъ Гете, въ простомъ, черномъ платьѣ, съ однимъ только орденомъ, который пожалованъ ему герцогомъ, оставался за полночь съ

Digitized by Google

гостями, въ числѣ которыхъ было много принцевъ крови, министровъ и посланниковъ иностранныхъ дворовъ.

Послѣ этихъ празднествъ, Гёте опять возвратился къ своей обычной уединенной дѣятельности; впрочемъ, долго спустя послѣ того, онъ еще чувствовалъ слѣдствія ихъ. «Какъ дѣйствіе, произведенное на насъ какимъ-нибудь несчастіемъ» писалъ онъ 16 ноября 1825 года: «изглаживается временемъ, такъ и счастіе имѣетъ нужду въ его благодѣтельномъ вліяніи. Я понемногу начинаю приходить въ себя послѣ 7-го ноября. Въ подобные дни стараешься по-возможности поддержать себя въ равновѣсіи, и только послѣ чувствуешь, что за этимъ напряженіемъ слѣдуетъ какое-то изнеможеніе.»

Важнѣйшее изъ произведеній Гёте, относящихся къ этому времени, есть интермедія къ Фаусту, *Елена*. Въ письмѣ отъ 3 іюня 1826 года, онъ увѣдомлялъ Цельтера объ окончаніи ея слѣдующими словами: «Скажу тебѣ за тайну, что опять принялся за великое твореніе, не по объему, но по вымыслу, которое покоилось со времени смерти Шиллера. По содержанію своему, оно очень близко къ новѣйшей литературѣ, но я увѣренъ, что никто этого не замѣтитъ. Такъ какъ оно написано для разрѣшенія спорнаго вопроса, то, надѣюсь, произведетъ много шуму.»

«Елена» помѣщена была въ новомъ изданіи сочиненій Гёте, вышедшемъ еще при жизни его въ 40 томахъ, къ которымъ въ послѣдствіи прибавлены были еще 15 томовъ его посмертныхъ сочиненій.

Изъ письма къ Цельтеру отъ 19 марта 1827 года, можно видѣть, съ какой точки смотрѣлъ Гёте въ старости на жизнь. «Тѣсное общество окружающихъ меня людей» писалъ онъ: «представляется мнѣ собраніемъ сивиллиныхъ книгъ; пламя жизни безпрестанно пожираетъ ихъ одну за другою, и тѣмъ ежеминутно придаетъ большую цѣнность остающимся. Будемъ трудиться, пока дойдетъ очередь и до насъ. Энтелехическая монада должна поддерживаться неутомимою дѣятельностію, и тогда эта дѣятельность сдѣлается ея второю натурою; тогда, въ-теченіи цѣлой вѣчности, ей не будетъ недостатка въ занятіи. Прости мнѣ эти неопредѣлительные, темные термины. Во всѣ времена люди, теряясь въ этой области, прибѣгали къ подобнымъ выраженіямъ тамъ, гдѣ не доставало разума и гдѣ, не смотря на то, не хотѣли оставать полную власть безумію.»

Любознательность и неутомимое стремленіе распространить свои познанія по всѣмъ направленіямъ, нисколько не ослабли у Гёте даже въ глубокой его старости. «Если бы при теперешнемъ спокойствіи» писалъ онъ 29 марта 1827 года къ Цельтеру: «я обладалъ еще юношескими силами, то, не смотря на всѣ трудности, началъ бы изучать греческій языкъ. Природа и Аристотель были бы главнымъ моимъ предметомъ. Трудно себѣ вообразить, какъ много этотъ человѣкъ видѣлъ, созерцалъ, замѣчалъ, и притомъ опережалъ самого себя въ объясненіяхъ. Не то ли же дѣлаемъ и мы до сего времени? Мы богаты опытами, но намъ не достаетъ спокойствія духа, которое одно можетъ сдѣлать знаніе истиннымъ, прочнымъ и полезнымъ.»

Изъ поэтическихъ сочиненій, всего болѣе занимало Гёте въ послѣдніе дни его жизни продолженіе «Фауста». 24 мая 1827 года писалъ онъ къ

Digitized by Google

Цельтеру: «Признаюсь тебѣ потихоньку, что, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ добрыхъ геніевъ, я опять взялся за «Фауста», и именно за тотъ моментъ, когда онъ, спускаясь съ облаковъ древняго міра, опять встрѣчается съ своимъ злымъ геніемъ. Отсюда намѣренъ я начать продолженіе, и наполнить пустоту, которая остается еще до конца, давно уже совершенно готоваго.» Въ письмѣ отъ 21 сентября 1827 года, Гете говоритъ: «Вторая часть «Фауста» продолжаетъ наполняться. Вся трудность здѣсь, такъ же какъ и въ *Еленѣ*, состоитъ въ томъ, чтобъ старое приспособить и пригнать къ новому; для этого надо многое отбросить, многое передѣлать, и потому нужна большая рѣшимость, чтобъ приняться за работу; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ работа подвигается впередъ, — трудности исчезаютъ.» Постоянно-хорошее состояніе здоровья благопріятствовало этимъ трудамъ. «Все это время» писалъ онъ 24 января 1828 года: «я чувствовалъ себя хорошо и могъ употреблять время съ пользою. Три или четыре сцены изъ второй части «Фауста» отосланы уже въ Аугсбургъ. Я желалъ бы, чтобъ вы посвятили имъ нѣсколько свободныхъ минутъ, когда онѣ явятся въ печати. Я продолжаю трудиться надъ «Фаустомъ», ибо мнѣ хочется поскорѣе кончить два первые акта такъ, чтобъ третій актъ, *Елена*, не казался вставочнымъ, фантасмагорическимъ, но связывался съ ними непринужденно, и былъ ихъ эстетическимъ, разумнымъ слѣдствіемъ.» Въ этихъ занятіяхъ время проходило незамѣтно. Отъ 28 февраля 1828 года писалъ Гете къ Цельтеру: «Я веду тотъ образъ жизни, который ты знаешь. Наступающая весна радуетъ меня нынѣче болѣе, нежели радовала когда-нибудь. До-сихъ-поръ желанія мои не летятъ далѣе окрестностей Веймара, но можетъ-быть лѣтнее солнце выгонитъ меня въ Богемію.»

Ужь нѣсколько лѣтъ Гете не предпринималъ своихъ лѣтнихъ путешествій въ Теплицъ и Карльсбадъ, хоть это было бы весьма полезнымъ развлеченіемъ въ его безпрерывной умственной дѣятельности. Въ письмѣ къ Цельтеру отъ 22 апрѣля 1828 года онъ самъ сознается, что «если бы человѣкъ не былъ осужденъ отъ природы на свой талантъ, то можно бы назвать глупцомъ того, кто въ-продолженіи долгой жизни безпрестанно взваливаетъ на себя новые труды и заботы. Теперь занимаетъ меня новая книжка «Журнала Искусствъ и Древности», которая должно скоро выйдти, и многое другое, а между-тѣмъ «Фаустъ» косится на меня съ упрекомъ, что я не оставляю всего другаго и не посвящаю всѣхъ досуговъ моихъ ему, какъ достойнѣйшему. Наконецъ, я заваленъ манускриптами, которые должно исправить, книгами, за которыя просятъ замолвить доброе слово — бѣдствіе, отъ котораго много страдалъ въ старости нашъ нетерпѣливый Виландъ. Конечно, каждый имѣетъ право дѣлать изъ себя и думать о себѣ какъ-можно-болѣе, но лучше было бы, еслибъ они не обременяли другихъ, у которыхъ и безъ того много заботъ о самихъ себѣ.»

14 іюня 1828 года скончался великій герцогъ саксенъ-веймарскій въ Градицѣ, близъ Торгау. Въ наслажденіи природою искалъ и нашелъ Гете утѣшеніе въ потерѣ любимаго государя и друга. Изъ Дорнбурга писалъ онъ отъ 10 іюля къ Цельтеру: «При моемъ теперешнемъ внутреннемъ разстройствѣ, я долженъ былъ по-крайней-мѣрѣ щадить свои внѣшнія чувства, и потому 7 іюля уѣхалъ сюда, чтобъ не присутствовать при печаль-

Digitized by Google

ныхъ церемоніяхъ, напоминающихъ толпѣ ея потерю, которую въ этотъ разъ она, конечно, вполнѣ чувствуетъ.» Гете былъ глубоко тронутъ, увидѣвъ мѣста, гдѣ такъ часто гулялъ съ герцогомъ. «Виды превосходные» писалъ онъ: «опрятные сады блестятъ цвѣтами, и изъ своихъ оконъ я вижу виноградникъ, основанный за нѣсколько лѣтъ покойникомъ на пустынномъ скатѣ горы, и которымъ онъ еще такъ недавно любовался. Все цвѣтетъ вокругъ меня, и всѣ эти цвѣта представляются мнѣ еще болѣе яркими, какъ радуга на черномъ грунтѣ. Въ-продолженіи пятидесяти лѣтъ мы здѣсь часто вмѣстѣ восхищались жизнію, и я не могъ избрать мѣста, которое пріятнѣе напоминало бы мнѣ его дѣятельность.»

Въ послѣдніе годы жизни, Гете видѣлъ еще частыя доказательства уваженія къ своему таланту, какъ со стороны Германіи, такъ и во всемъ образованномъ мірѣ. Друзья и почитатели его въ Англіи и Шотландіи, прислали къ дню его рожденія, 28 апрѣля 1831 года, въ подарокъ дорогую печать, вырѣзанную съ удивительнымъ искусствомъ. Почти въ то же время присланъ былъ ему колоссальный бюстъ его, работы французскаго скульптора Давида. — Кювье, отъ имени Парижской Академіи, благодарилъ его самымъ лестнымъ образомъ за присылку французскаго перевода *Превращенія Растеній*. — «Въ-теченіи долгой моей жизни» писалъ Гете: «ни одно событіе не радовало меня столько, какъ то, что труды и занятія мои, придуманные единственно для собственнаго моего образованія, могли сдѣлаться полезными другимъ. Такъ, при концѣ поприща, мнѣ суждено еще видѣть, что почтенное ученое общество, постоянно слѣдящее за успѣхами наукъ и могущее цѣнить ихъ, оказываетъ вниманіе моимъ изслѣдованіямъ и благосклонно принимаетъ дань моего уваженія.»

Мы говорили уже о дружескихъ отношеніяхъ Гете къ лорду Байрону и Манцони. Со многими другими учеными и художниками Италіи Гете былъ почти въ постоянной перепискѣ. Изъ числа ихъ преимущественно должно упомянуть о кавалерѣ Каттанео, директорѣ нумизматическаго кабинета въ Миланѣ, и о патріархѣ венеціанскомъ, бывшемъ въ-послѣдствіи архіепископомъ въ Эрлау, Пиркерѣ, извѣстномъ своими эпическими стихотвореніями «Туниціасъ» и «Рудольфъ Габсбурскій». Въ Россіи, онъ былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровымъ, съ графомъ Толстымъ, которому онъ обязанъ многими художественными драгоцѣнностями, преимущественно барельефами и медалями, далѣе съ Жуковскимъ, и съ своимъ стариннымъ другомъ, поэтомъ Фридрихомъ Максимиліаномъ Клингеромъ.

Жизнь Гете, во многихъ отношеніяхъ, по справедливости могущая назваться счастливою, не была, однакоже, совершенно освобождена отъ горестныхъ событій, которыя нарушали мирную, ученую и литературную его дѣятельность. Единственный сынъ его, каммергеръ Августъ фонъ Гете, умеръ въ Римѣ 20 октября 1830 года, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ. Слѣдующее мѣсто изъ письма къ Цельтеру можетъ показать, какъ тяжка была для Гете эта потеря: «Въ подобныхъ несчастіяхъ только высокое понятіе о долгѣ можетъ поддержать человѣка. Я забочусь только о томъ, чтобъ сохранить себя въ равновѣсіи. Тѣло должно повиноваться, но духъ по-

Digitized by Google

вѣлвать; кто начерталъ своей волѣ надлежащій путь, тотъ можетъ быть спокоенъ.»

Такимъ образомъ, напряженная дѣятельность, бывшая необходимымъ требованіемъ его натуры, сдѣлалась вмѣстѣ сильнымъ средствомъ противъ горестныхъ ощущеній. Почти безпрерывно благопріятное состояніе здоровья дало ему возможность до самой глубокой старости не измѣнить этой дѣятельности. Въ 1831 году, у него открылось кровохарканье, но онъ скоро оправился, занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ неизданныхъ твореній и окончаніемъ «Фауста». 20 іюля писалъ онъ къ Мейеру: «Я пополнилъ многіе промежутки, и надѣюсь, что мнѣ удалось изгладить всякое различіе между старымъ и новымъ. Я давно уже зналъ, *что* и *какъ* я хочу, и носилъ въ себѣ эти образы, но выполнилъ только нѣкоторыя мѣста, которыя отъ-времени-до-времени болѣе мнѣ нравились. Только которая часть не могла и не должна была остаться такою отрывочною, какъ первая. Въ ней разсудокъ имѣетъ большія права, что и можно видѣть изъ сценъ уже напечатанныхъ. Конечно, нужна была большая рѣшимость все это переработать въ одно цѣлое. День моего рожденія назначилъ я себѣ срокомъ, къ которому работа должна непремѣнно кончиться, и она будетъ кончена. Теперь мнѣ остается исправить лишь нѣкоторыя мелочи; тогда запечатаю рукопись, и пусть она увеличитъ собою удѣльный вѣсъ остальныхъ томовъ моихъ сочиненій. Хотя въ «Фаустѣ» остается еще много неразрѣшенныхъ проблемъ, ибо такъ же, какъ въ исторіи рода человѣческаго, каждая послѣдне-разрѣшенная проблема ведетъ за собою другую, требующую разрѣшенія, но я надѣюсь, что онъ порадуетъ всякаго, кто умѣетъ понимать намеки. Онъ найдетъ въ «Фаустѣ» даже болѣе, нежели сколько я могъ дать. Наконецъ я перекатилъ черезъ вершину горы тяжелый камень.»

Гете, возвратившись изъ Ильменау, гдѣ провелъ большую часть лѣта 1831 года, видимо поправился отъ послѣдней болѣзни и съ новымъ рвеніемъ предался изслѣдованіямъ природы. Главнымъ предметомъ его наблюденій была теорія цвѣтовъ и свойства радуги. Онъ принялъ живѣйшее участіе въ спорѣ Кювье и Сент-Илера о типѣ животнаго міра, и сообщилъ Фарнгагену фон-Энзе, для напечатанія, статью объ этой литературной распрѣ. Для отдохновенія, онъ приказывалъ читать себѣ Плутарха и нѣкоторыя новѣйшія произведенія французской литературы, изъ которыхъ болѣе всего занимало его только-что вышедшее тогда сочиненіе *Сальванди*: Seize mois, ou la révolution et les révolutionnaires, не смотря на рѣшительное отвращеніе его отъ полемики.

Сила и свѣжесть его духа въ оживленныхъ бесѣдахъ съ друзьями удаляли всякое опасеніе на счетъ близкой его кончины. Одинъ Англичанинъ, посѣтившій его въ это время, описываетъ его сильнымъ и крѣпкимъ мужчиною, которому съ виду нельзя было дать болѣе 40 лѣтъ; глаза его, неомраченные годами, были пламеннѣе всѣхъ глазъ, какіе онъ когда-либо видѣлъ. Въ мартѣ 1832 г., Гете вдругъ почувствовалъ колотье въ груди, которое, послѣ безпокойной ночи, продолжалось и на другой день, и причину котораго онъ полагалъ въ простудѣ. Когда медицинскія пособія прекратили эти припадки, равно какъ и лихорадочное состояніе, — всѣ опасенія

Digitized by Google

Гете разсѣялись. Впрочемъ, дыханіе его было еще трудно, а 20 марта, въ присутствіи его врача, доктора Фогеля, боль усилилась опять до того, что изъ груди его вырывались громкія стенанія. Гете въ безпокойствѣ то ложился въ постель, то переходилъ въ кресла, и опасался возвращенія кровохарканья, подобнаго прошлогоднему. Черты его измѣнились, лицо посинѣло, все тѣло было холодно и покрыто каплями пота. Усиліямъ врачей удалось наконецъ смягчить эти страданія, и состояніе Гете 21 марта подавало уже опять надежду на выздоровленіе. Впрочемъ, онъ былъ чрезвычайно слабъ и часто приходилъ въ совершенное безпамятство. Сидя спокойно въ своихъ креслахъ, онъ отъ времени до времени бредилъ. «Посмотрите» говорилъ онъ между прочимъ: «посмотрите, какое прекрасное женское лицо съ черными локонами, какой чудесный колоритъ на темномъ грунтѣ». По временамъ, онъ опять приходилъ въ себя и вспоминалъ о Шиллерѣ; наконецъ позвалъ своего слугу и велѣлъ открыть другую половину окна, чтобъ впустить въ комнату болѣе свѣжаго воздуха. Это были послѣднія его слова. Дыханіе сдѣлалось тяжело и, склонившись на лѣвую руку кресель, онъ повидимому безъ всякихъ страданій отошелъ отъ міра, — 22 марта 1832 года. Семь лѣтъ предъ тѣмъ, въ этотъ же самый день, сгорѣло въ Веймарѣ зданіе театра, и Гете, всегда вѣрившій въ предчувствія, почиталъ этотъ день для себя несчастнымъ. Въ послѣдніе дни своей жизни, онъ часто спрашивалъ какое сегодня число марта; въ тотъ же день и часъ, за четырнадцать лѣтъ, умеръ давнишній другъ его и товарищъ по службѣ, министръ фон-Фохтъ.

«На другой день утромъ» разсказываетъ Эккерманъ: «мнѣ хотѣлось еще разъ увидѣть его земные останки. Вѣрный слуга его Фридрихъ отперъ мнѣ комнату, гдѣ былъ положенъ Гете. Онъ лежалъ на спинѣ и походилъ болѣе на спящаго. На возвышенномъ, благородномъ лицѣ его изображалось глубокое спокойствіе и твердость. Въ могучемъ челѣ, казалось, толпились еще мысли. Я хотѣлъ-было отрѣзать локонъ волосъ его, но былъ удержанъ какимъ-то благоговѣніемъ. Тѣло было прикрыто только полотномъ и близъ него поставлены были куски льду, чтобъ какъ-можно-долѣе сохранить свѣжесть его. Фридрихъ снялъ покрывало, и я былъ пораженъ божественною красотою тѣла Гете. Широкая, возвышенная грудь; руки и ноги полныя и нѣжно-мускулёзныя; ступни красивыя и самой правильной формы, и нигдѣ на всемъ тѣлѣ ни малѣйшаго слѣда ни излишней тучности, ни худобы, ни дряхлости. Передо мной лежалъ совершеннѣйшій человѣкъ во всей своей красотѣ. Я забылъ даже, что безсмертный духъ оставилъ эту оболочку. Я положилъ руку на его сердце — кругомъ царствовала глубокая тишина — я отошелъ въ сторону, чтобъ дать свободу слезамъ своимъ.»

Письмо къ Вильгельму Гумбольдту, писанное за нѣсколько дней до смерти Гете, именно 17 марта 1832 года, неоспоримо показываетъ, что Гете до самой кончины сохранилъ во всей полнотѣ и ясности умственныя свои способности.

Блистательное погребеніе было выраженіемъ всеобщей любви и уваженія, которыми Гете пользовался при жизни, и которыя сопровождали его въ могилу. 26 марта 1832 года въ 5 часовъ послѣ обѣда печальная процес-

Digitized by Google

сія тронулась отъ его жилища къ велико-герцогской капеллѣ. Саркофагъ древней формы, украшенный лавровымъ вѣнкомъ, россійскими, австрійскими, французскими, баварскими и веймарскими орденами, былъ поставленъ посреди капеллы на нѣкоторомъ возвышеніи и покрытъ ковромъ, при пѣніи стиховъ, написанныхъ самимъ Гете и положенныхъ на музыку Цельтеромъ: Lasst fahren das Allzuflüchtige, etc.— Послѣ гимна, написаннаго Гуммелемъ, старинный другъ Гете, канцлеръ фонъ-Мюллеръ произнесъ краткую рѣчь и передалъ гробъ велико-герцогскому гофмаршалу, для погребенія въ княжескомъ склепѣ. Тѣло Гете покоится рядомъ съ прахомъ Шиллера. Въ день погребенія его, театръ былъ закрытъ. Современники выражали скорбь свою въ безчисленномъ множествѣ рѣчей и стихотвореній.

И вотъ уже десять лѣтъ, какъ безсмертный духъ Гете окончилъ свое земное существованіе, въ-продолженіе котораго геній его былъ свѣтильникомъ современному человѣчеству. Съ выспренними дарованіями, которыми щедро надѣлила его природа, онъ соединялъ рѣдкое равновѣсіе души и тѣла, такъ что его могучему духу было ловко и просторно жить въ прекрасномъ и здоровомъ тѣлѣ. Какъ всегда свѣжія и проницательныя чувства его были неутомимы въ наблюденіи внѣшней природы, такъ въ глубинѣ души его покоились еще, какъ-бы въ зародышѣ, неоткрытые законы природы и искусства, и главное стремленіе, цѣль всей его жизни состояла въ томъ, чтобъ постояннымъ наблюденіемъ частныхъ явленій природы переработать въ себѣ эти предчувствія божественныхъ истинъ въ ясное сознаніе. Во всей вселенной, для него не было ничего слишкомъ-высокаго, или слишкомъ-низкаго, чего бы не старался изучить онъ. Все, что другимъ могло казаться ничтожнымъ, въ его глазахъ освящалось своею связію съ какимъ-нибудь высшимъ, общимъ закономъ. Свѣтъ, различіе цвѣтовъ, неподвижныя громады горъ, богатая растительность долинъ, царство животныхъ, отъ льва до послѣдняго червя, наконецъ, человѣкъ съ своими искусствами, страстями и подвигами, начиная съ самой глубокой древности,—вотъ что въ-продолженіи всей жизни Гете было предметомъ его изслѣдованій, познаній и твореній. Сверхъ-того, душа его одарена была твердою, благонамѣренною волею и добросовѣстностью, для которой всего выше была истина, а все двусмысленное или сказанное съ какою-либо низкою земною цѣлію,—противно и несносно. Со всѣми этими высокими качествами, его творческій духъ соединялъ рѣдкій даръ придавать всякому предмету, котораго онъ касался, какую-то особенную прелесть, нисколько не вредя истинѣ, и наконецъ неутомимую дѣятельность, которая безпрерывно открывала ему новые пути и не давала погрязнуть въ одностороннемъ направленіи, въ которомъ погибали многіе, впрочемъ великіе въ своемъ родѣ, таланты.

Какъ *поэтъ*, Гете произвелъ во всѣхъ родахъ поэзіи, отъ пѣсни до эпопеи, образцовыя творенія, которыя далеко оставили за собою труды его предшественниковъ въ Германіи, и которымъ ничего равнаго не произвела еще до-сихъ-поръ его послѣдователи и подражатели. Вѣрное изображеніе внѣшней жизни во всемъ ея разнообразіи, удивительная ясность идей, безъ малѣйшей примѣси односторонней индивидуальности, возвышенный

Digitized by Google

взглядъ, глубокое чувство, душа, вышедшая изъ рукъ Творца совершенно здравою и въ теченіе долгой жизни образовывавшаяся всѣмъ высокимъ и прекраснымъ великаго прошедшаго, наконецъ, величайшая художественность въ каждомъ произведеніи, формы вѣчно-новыя и всегда самыя приличныя предмету, — вотъ отличительныя качества Гете, какъ поэта, вотъ почему онъ долго еще останется великимъ образцомъ, какъ для Германіи, такъ и для другихъ народовъ. Лордъ Байронъ сознаётся, что Гете имѣлъ на него благодѣтельное вліяніе, а Вальтеръ Скоттъ говоритъ, что Гете былъ его путеводителемъ въ первыхъ шагахъ на литературномъ поприщѣ. Шиллеръ преимущественно обязанъ ему зрѣлостію своихъ послѣднихъ произведеній; Тикъ, Уландъ, Рюккертъ, Платеръ, Шамиссо, Гейне и другіе замѣчательнѣйшіе поэты Германіи шли по его слѣдамъ, и, какъ говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, «образовались уваженіемъ къ нему». Его поэтическія произведенія исполнены всеобъемлющихъ и плодовитыхъ идей, благороднѣйшихъ и нѣжнѣйшихъ чувствъ сердца, утонченнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ чувственныхъ ощущеній и мудрыхъ правилъ жизни, ведущихъ къ добродѣтели и счастію. Только спокойное, безпристрастное потомство въ состояніи будетъ оцѣнить его заслуги, и словомъ и дѣломъ обратить ихъ на пользу всеобщаго образованія.

Если, такимъ образомъ, Гете несомнѣнно будетъ имѣть продолжительное вліяніе на потомство, какъ поэтъ, то немѣнѣе важны его заслуги какъ *естествоиспытателя*, съ тою только разницею, что въ поэзіи уже первые опыты его заслужили восторженное удивленіе, между-тѣмъ, какъ на поприщѣ естествознанія онъ долго долженъ былъ бороться съ неизвѣстностію, и только въ послѣдніе годы его жизни заслуги эти были всѣми признаны. Въ глазахъ ученыхъ ему мѣшали именно тѣ качества, которыя составляли истинное его величіе. Онъ смотрѣлъ на явленія простыми, здравыми чувствами, не прибѣгая къ помощи искусственныхъ, сложныхъ инструментовъ; онъ старался постигнуть предметъ во всей его чистотѣ, безъ всякаго личнаго предубѣжденія; созерцалъ, а не вычислялъ; частныя явленія удовлетворяли его тогда только, когда онъ видѣлъ ихъ связь съ общимъ первобытнымъ закономъ, котораго вездѣ отыскивалъ. Вотъ достоинства, которыя дѣлали Гете великимъ и на этомъ поприщѣ, но которыя не нравились записнымъ ученымъ, ибо искони не были приняты въ ученыхъ обществахъ. Въ области естествознанія, къ которому, кажется, Гете былъ преимущественно предназначенъ природою, его должно почитать творцомъ двухъ совершенно новыхъ наукъ: *науки о цвѣтахъ* и *морфологіи*, ибо онъ менѣе могъ произвести и произвелъ по части минералогіи и геологіи, и былъ только сотрудникомъ и великимъ оппонентомъ господствующихъ заблужденій. Гетево ученіе о цвѣтахъ, раздѣляющееся на полемическое, дидактическое и историческое отдѣленія, основано на чистомъ понятіи о первобытномъ явленіи, *тьмѣ*, изъ послѣдовательнаго развитія которой объясняются впечатлѣнія, производимыя *цвѣтными* явленіями міра. Главнѣйшее и важнѣйшее достоинство его теоріи состоитъ въ томъ, что она разсматриваетъ эти явленія не въ одномъ только субъективномъ отношеніи: онъ разсматриваетъ цвѣта физіологически, физически и химически. Въ первомъ случаѣ, они совершенно субъективны, во вто-

Digitized by Google

ромъ смѣшаны, въ третьемъ объективны. Физіологическіе цвѣта, которые до-сихъ-поръ почитались явленіемъ патологическимъ, зависятъ отъ жизненныхъ функцій ретины (сѣтчатой оболочки глаза), въ которой повторяется вѣчная формула жизни (Systole и Diastole); явленіе ихъ мимолетно. Второе проистекаетъ преимущественно изъ различныхъ явленій природы, также преходяще и имѣетъ много подраздѣленій. Послѣднія нераздѣльны съ матеріею и постоянны. Первые ведутъ къ весьма-важному открытію сродныхъ цвѣтовъ, которые въ нашемъ глазѣ условливаютъ и требуютъ взаимно другъ друга, на-пр.: желтый и фіолетовый, оранжевый и синій, зеленый и пурпуровый. Этимъ положенъ наконецъ основный законъ гармоніи цвѣтовъ и такимъ образомъ теорія съ недоступной высоты своей дѣйствуетъ на практику, ибо даже художники и техники чувствовали неудовлетворительность прежняго ученія, и съ радостію признали новое, гораздо-полезнѣйшее въ приложеніи. «Уже метода» говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, въ прекрасномъ разсужденіи о заслугахъ Гете по части естествознанія: «принятая имъ въ полемическомъ отдѣленіи «Науки о цвѣтахъ», гдѣ онъ стряхаетъ весь старый хламъ, и въ дидактическомъ, гдѣ начертываетъ новый планъ, пробуетъ, обтесываетъ и шлифуетъ камни, достойна вѣчной благодарности, какъ образецъ ученаго изслѣдованія предмета». Такую же похвалу заслуживаетъ и историческая часть. *Морфологія* Гете, или его теорія первообразнаго типа растительнаго и животнаго міра, явленіе этого типа въ безконечно-многоразличныхъ явленіяхъ природы, постепенное облагороженіе его — такъ важны, что нынѣче твореніе это уже признается эпохою въ наукѣ, и самые глубокомысленные ученые сознаются, что до него не существовало естествознаніе въ высшемъ значеніи этого слова. Ученая Германія проникнута уже этою идеею, и Франція принимаетъ ее, какъ соотвѣтствующую настоящему положенію науки. Что касается до мнѣній Гете, какъ минералога и геолога, то весьма понятно, что уму его, который, въ-продолженіи долгой наблюдательной жизни, всегда видѣлъ природу творящую тихо и постепенно, не нравилось все насильственное. Ученія, подобныя на-пр., новѣйшему о насильственныхъ переворотахъ, воздвигшихъ громады горъ, были противны его натурѣ, и онъ прозою и стихами противодѣйствовалъ имъ; даже въ послѣдніе годы жизни, во второй части «Фауста», Гете часто смѣется надъ этою теоріею. Впрочемъ, такъ какъ минералогія и геологія не допускаютъ синтеза, въ полномъ смыслѣ слова, рѣшительное же направленіе Гете было стремленіе къ открытію общихъ законовъ, то обѣ эти науки не были настоящимъ его поприщемъ, по-крайней-мѣрѣ въ такой степени, чтобъ труды его могли и здѣсь составить эпоху въ исторіи науки. Почти то же можно сказать о его метеорологическихъ трудахъ. Хотя предметъ этой науки есть что-то живое, вѣчно-движущееся, но здѣсь еще слишкомъ-много неизвѣстныхъ причинъ, дѣлающихъ невозможнымъ открытіе общихъ законовъ. Правда, въ понижеміи и возвышеніи барометра, Гете открылъ основное явленіе земнаго притяженія и отталкиванія, названное имъ *водоутвержденіе* и *водоотрицаніе*, но этимъ еще не разрѣшился вопросъ о происхожденіи бурь; сверхъ-того, Гете желалъ объяснить это явленіе однимъ дѣйствіемъ земли, отвергая всякое вліяніе небесныхъ тѣлъ и даже очевидное вліяніе лу-

Digitized by Google

ны, и потому его теорія осталась неудовлетворительна. Но при всемъ томъ, его метеорологическіе труды неоцѣненны; ихъ должно разсматривать какъ твердое основаніе зданія, которое, вѣроятно, окончено будетъ потомствомъ. Если, наконецъ, спросятъ, чѣмъ отличается Гете отъ другихъ естествоиспытателей древнихъ и новыхъ, то можемъ отвѣчать, вмѣстѣ съ авторомъ упомянутаго разсужденія: «наблюденіемъ и идеею». Со времени Грековъ, никто не имѣлъ такого дара наблюденія, какъ Гете. Чистота, ясность, глубокомысленность и непосредственность его наблюденій не имѣютъ себѣ подобныхъ въ исторіи наукъ естественныхъ. Что касается до идей, то ихъ небесный лучъ нигдѣ не свѣтитъ съ такою ясностію и съ такимъ блескомъ, какъ у Гете. Если Аристотель и Платонъ, изъ которыхъ первый восходилъ къ идеѣ, а второй низходилъ отъ нея, представляютъ символы двухъ различныхъ сторонъ человѣческаго образованія, то въ Гете должно признать соединеніе обоихъ этихъ качествъ. Когда онъ совершилъ весь процессъ наблюденія, тогда передъ нимъ открывался цѣлый міръ, и онъ скромно называлъ *обозрѣніемъ* (aperçu), то, что философы назвали бы системою.

Признавъ важность заслугъ Гете, какъ поэта и ученаго, мы не менѣе должны цѣнить и его вліяніе на *образовательныя искусства*. Къ искусствамъ привязался онъ съ самаго дѣтства, и эта страсть не остыла до самаго конца его жизни. Въ произведеніяхъ искусства, Гёте-юноша видѣлъ образецъ своихъ поэтическихъ твореній, и отъ сроднаго искусства заимствовалъ правила для своего собственнаго. Позже, въ зрѣломъ возрастѣ Гете, оно возбуждало, оживляло и поддерживало его фантазію, и было вѣрнымъ его спутникомъ въ-продолженіи всей жизни. Болѣе полувѣка изучалъ онъ искусство и болѣе полувѣка не переставалъ словесно и письменно выражать что изучалъ, возвращая такимъ образомъ искусству то, что получалъ отъ него. Во всю свою жизнь, Гете старался, гдѣ и сколько могъ, содѣйствовать успѣхамъ художествъ. Образовавъ, очистивъ и утвердивъ свой вкусъ и понятія изученіемъ превосходныхъ произведеній древняго и новѣйшаго времени, Гете, въ сужденіяхъ и требованіяхъ, стоялъ выше своего вѣка, и не могъ одобрять его ложнаго направленія. Впрочемъ, въ любви своей къ образцовымъ твореніямъ, онъ не былъ слишкомъ-исключителенъ, и тѣмъ доказалъ, что не отдавалъ рѣшительнаго предпочтенія никакой эпохѣ, никакой школѣ, никакому роду. Это еще болѣе доказывается оставшимися послѣ него коллекціями произведеній искусствъ: въ нихъ нигдѣ нѣтъ слѣда подобнаго предпочтенія. Изъ произведеній искусства древнихъ, въ этихъ коллекціяхъ множество *бронзъ*, рѣзныхъ камней и слепковъ съ камеевъ; далѣе, изъ новѣйшаго времени, прекрасное собраніе медалей XV, XVI и XVII столѣтій, весьма значительное собраніе древнихъ сосудовъ, и множество картоновъ съ рисунками, гравюрами, акватинтами, политипажами и т. п., различныхъ художниковъ и школъ. Гете не былъ собирателемъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова; онъ собиралъ не *для* того, чтобъ имѣть, но для того, чтобъ учиться. По возвращеніи изъ Италіи, его долго занимала мысль создать какое-нибудь художественное произведеніе, и онъ хватался за каждый рисунокъ, который выражалъ какую-либо мысль. Поэтому, возникшая въ эту эпоху часть его собранія, сама-по-

Digitized by Google

себѣ въ высшей степени занимательная, вмѣстѣ съ мастерскими произведеніями заключаетъ многое, неимѣющее большой цѣны. Но въ-послѣдствіи его привлекала не только самая мысль художника, какъ живое, непосредственное выраженіе ея; взглядъ его пріобрѣлъ болѣе навыка оцѣнить техническую сторону произведеній, манеру исполненія и изящество оттисковъ. Въ-продолженіи этой эпохи, онъ мало-по-малу собралъ множество гравюръ и рисунковъ итальянскихъ и голландскихъ художниковъ; всѣ они высокаго достоинства. Въ завѣщаніи, онъ запрещаетъ раздроблять эти художественныя сокровища, которыя должны остаться памятникомъ того, кто въ-теченіи долгой жизни собиралъ ихъ, и для кого они были неисчерпаемымъ источникомъ чистѣйшихъ удовольствій и назиданія.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что человѣкъ, совершившій такъ много великаго, имѣлъ въ своихъ современникахъ и жаркихъ почитателей и ожесточенныхъ враговъ; явленіе это уже много разъ повторялось и всегда будетъ повторяться. Враги всячески старались унизить его въ глазахъ соотечественниковъ, и не находя ничего достойнаго порицанія въ характерѣ его, какъ поэта, старались помрачить его характеръ, какъ человѣка. Всякій, кто въ состояніи цѣнить творенія Гете, необходимо проникнутъ чувствомъ его личнаго достоинства, а тѣ, которые были въ жизни болѣе или менѣе близки къ нему, единогласно прославляютъ его возвышенныя человѣческія качества, и особенно его кротость и любезность въ общественной жизни. Онъ былъ снисходителенъ въ своихъ сужденіяхъ о другихъ; все истинно-прекрасное заслуживало его восторженное удивленіе; онъ былъ справедливъ даже къ злѣйшимъ врагамъ своимъ. Съ дѣтьми Гете самъ былъ дитя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно не зная того, онъ подавлялъ своимъ величіемъ величайшихъ изъ своихъ современниковъ. Кто въ этомъ отношеніи желаетъ короче узнать его, тѣмъ совѣтую читать «Разговоры съ Гете» (Gespräche mit Göthe, 2 Aufl., Leipz. 1837) Эккермана, который девять лѣтъ провелъ близъ Гете, и съ дознанною вѣрностію изображаетъ намъ поэта, какъ въ частной и общественной жизни, такъ и въ его поэтической и ученой мастерской.

Въ заключеніе, приведемъ еще нѣсколько словъ изъ сужденія о Гете одного остроумнаго французскаго писателя (*); вотъ что говоритъ онъ: «Равнодушіе Гете ко всѣмъ человѣческимъ страстямъ, это неизмѣнное спокойствіе во всѣхъ сношеніяхъ съ женщинами, съ которыми судьба привела ему встрѣтиться на пути жизненномъ, эта холодная, какъ мраморъ и внушающая невольное почтеніе важность, величіе и божественная веселость, неоставлявшія его даже при видѣ смерти, — во всемъ этомъ я вижу рядъ признаковъ возвышеннаго назначенія его между смертными. Тщетно ищу я въ жизни этого человѣка минутъ эгоизма или самопожертвованія: вездѣ нахожу только неизмѣнную, непреклонную логику. Надъ нимъ не имѣло власти ни себялюбіе, ни желаніе славы, ни прихоти честолюбія, ни грубая чувственность — онъ повиновался только своему генію. Почувствовавъ въ себѣ силы выше обыкновенныхъ человѣческихъ силъ, сознавъ

(*) Henri Blaze, Essai sur Göthe et le second Faust (съ присовокупленіемъ его прекраснаго перевода Фауста), Paris. 1841.

Digitized by Google

величіе подвига, который самъ возложилъ на себя, Гете съ равнодушіемъ оттолкнулъ горести, радости, любовь, долгъ и всѣ условія человѣческой жизни; рано получилъ онъ это откровеніе, и съ той минуты, когда почувствовалъ высокое назначеніе своего духа, отказался отъ всего земнаго, чтобъ жить только въ этомъ назначеніи и для этого назначенія. Вступивъ на этотъ путь, онъ никогда уже не могъ оставить его и долженъ былъ до конца нести бремя, наложенное на него судьбою. Какую непоколебимую твердость, какую увѣренность въ самомъ-себѣ долженъ имѣть человѣкъ, чтобъ такимъ образомъ всю жизнь свою посвятить на службу своему генію, принести ему въ жертву молодость, все время, любовь, и всѣ чистѣйшія радости земнаго существованія. Стараясь приблизиться къ этому человѣку, должно всегда имѣть передъ глазами эти тяжкія условія, которыя онъ самъ предписалъ себѣ. Въ жизни его встрѣчаемъ нѣсколько дѣйствій грубаго эгоизма, которыя возбуждаютъ негодованіе, если мы прежде не отъищемъ причины и даже извиненія имъ, и не отъищемъ именно въ томъ полномъ самоотверженіи, съ которымъ онъ посвятилъ себя своему генію. Вообще, весьма несправедливо мѣрить подобныхъ людей обыкновеннымъ мѣриломъ. Критика порицаетъ ихъ, не открывъ завѣсы, скрывающей таинства ихъ сердца и не подозрѣвая, что такіе люди сбросили съ себя обыкновенныя обязанности, для того, чтобъ возложить на себя гораздо-тягчайшія. Всѣ отвергнутыя ими требованія общества они свято исполняютъ въ-отношеніи къ своему таланту, котораго оковы несутъ всю жизнь свою.

«Гете все подчинялъ себѣ анализомъ и созерцаніемъ; страсти были для него не болѣе, какъ явленія, которыя онъ наблюдалъ спокойно, собиралъ въ своей памяти, раздѣлялъ и классифировалъ, какъ растенія въ гербаріи. Онъ принималъ въ себя впечатлѣнія внѣшняго міра не для того только, чтобъ послѣ опять возвратить ихъ въ томъ же видѣ, но чтобъ переработать ихъ, подобно природѣ. Онъ превращаетъ самыя горестныя слезы въ живительныя капли росы; слезы эти никогда не возвращаются къ глазамъ, но орошаютъ и оплодотворяютъ поле его поэтическихъ твореній.»

К. Л.

Digitized by Google

ФРИДРИХЪ-ВЕЛИКІЙ И ПРУССКАЯ МОНАРХІЯ.

Каждое столѣтіе, съ перваго проблеска европейскаго свѣта въ распространеніи религіи послѣдователями Вальда, имѣло свой особенный характеръ. И чѣмъ ближе подходятъ столѣтія къ нашему времени, или чѣмъ болѣе вдаются они въ свѣтъ, тѣмъ эти характеры становятся опредѣленнѣе. Такъ тринадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ рыцарства, четырнадцатый вѣкомъ торговли, пятнадцатый вѣкомъ чудесъ, изобрѣтенія книгопечатанія, открытія пути въ Индію и Америку, шестнадцатый вѣкомъ религіи, семнадцатый вѣкомъ наукъ, восьмнадцатый вѣкомъ войны, политики, общественныхъ перемѣнъ. Каковъ характеръ нашего столѣтія, еще нельзя сказать опредѣлительно; но, судя по настоящему положенію дѣлъ, это вѣкъ механическихъ изобрѣтеній, вѣкъ примѣненія машинъ ко всѣмъ отраслямъ механической дѣятельности — примѣненія, поражающаго разнообразіемъ и обширностію своей производительности, готовящагося подчинить себѣ наконецъ всю область европейской промышленности, которая до-сихъ-поръ занята была работою рукъ человѣческихъ. Примѣненіе пара почти ко всякому предмету потребностей человѣческихъ и особенно самое могущественное примѣненіе его къ сообщенію людей между собою, кажется, достигаетъ какой-то цѣли, которая стоитъ выше облегченія труда человѣческаго. Общее направленіе этой чрезвычайной силы такъ много сходствуетъ съ характеромъ открытій пятнадцатаго столѣтія, что мы, кажется, безошибочно можемъ сказать, что цѣли ихъ имѣютъ нѣкоторое сходство и что какъ главныя открытія пятнадцатаго столѣтія служили приготовленіемъ къ великому развитію религіознаго знанія и улучшеній гражданскихъ, такъ, можетъ-быть, и нашъ вѣкъ, прежде чѣмъ кончится, представитъ намъ какое-нибудь новое, еще болѣе блестящее развитіе силъ природы, или способностей человѣческихъ.

Не менѣе также очевидно, что въ каждомъ столѣтіи первенствовалъ одинъ какой-нибудь европейскій престолъ и обладалъ столь замѣтнымъ превосходствомъ, что въ значительной степени выражалъ въ себѣ характеръ всѣхъ современныхъ государствъ.

Конецъ двѣнадцатаго вѣка ознаменованъ вступленіемъ на престолъ папы Иннокентія III, самаго могущественнаго изъ папъ, самаго смѣлаго и честолюбиваго поборника правъ Рима на всѣ дѣла мірскія и духовныя. Тринадцатое и четырнадцатое столѣтія составляютъ блестящій вѣкъ итальянскихъ республикъ, гордость новѣйшей Италіи; въ пятнадцатомъ, Испанія становится державою первенствующею. Окончательная побѣда надъ

Digitized by Google

Маврами начинаетъ ея славу; открытіе Новаго Свѣта довершаетъ ее. Испанскій солдатъ былъ первымъ солдатомъ въ Европѣ; испанскій государственный человѣкъ служилъ образцомъ для государственныхъ людей во всѣхъ державахъ европейскихъ. Дворъ Фердинанда и Изабеллы былъ самымъ великолѣпнымъ дворомъ въ новѣйшемъ мірѣ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, первенство перешло къ Германіи, и императоръ Карлъ V, владѣвшій державою, почти равною державѣ Карла-Великаго, поразившій соперничество Франціи при Франциске I, и еще болѣе опасное сопротивленіе протестантскихъ князей, передалъ своему сыну государство величайшее на материкѣ Европы. Въ семнадцатомъ столѣтіи, перевѣсъ достался Франціи. Въ восьмнадцатомъ, начавшемся войнами Марльборо, Англія вдругъ является покровительницею свободы и религіи въ Европѣ, приводитъ у себя въ зрѣлость конституцію, въ одно и то же время совершенно свободную и совершенно совмѣстную съ началомъ монархическимъ, и по своимъ силамъ, искусству и богатству становится предводительницею европейскихъ націй въ новомъ стремленіи ихъ къ славѣ, до-тѣхъ-поръ неизвѣстной и не исканной; орудіемъ къ пріобрѣтенію этой славы служитъ искусство, не оружіе; главное начало ея — общее благо, не разореніе, а цѣль ея и постоянный результатъ—увеличеніе господства человѣка надъ природою, облегченіе обыкновенныхъ тягостей человѣческой жизни и благотворительность болѣе разумная, болѣе дѣятельная и возвышенная, начинающаяся на родинѣ и разливающаяся на весь родъ человѣческій.

Въ Германіи, восьмнадцатый вѣкъ замѣчателенъ талантами ея правителей. Это былъ вѣкъ государей. Онъ видѣлъ Марію-Терезію на престолѣ австрійскомъ; Екатерину на престолѣ русскомъ; Фридриха-Великаго на тронѣ прусскомъ. — Лудовикъ XIV, Петръ-Великій и Карлъ XII начали этотъ вѣкъ.

Въ началѣ его, Германія была подобна шару земному, возникающему изъ хаоса. Вещество внизу, свѣтъ вверху; но все это было без-образно. Обычаи Германіи были все еще готическіе, — грубая роскошь, жизнь охотничья и солдатская, при дворахъ расточительная и пышная, въ замкахъ праздная и самоугодливая, въ деревняхъ дикая, труженическая, рабская; жизнь германская представляла элементы народа бодраго, храбраго, но, подобно идоламъ предковъ, народный образъ выражался грубо, и черты, долженствовавшія представить подобіе божества, были ниже подобія человѣка. При дворахъ копировали Францію и даже презирали родной языкъ; дворяне въ своихъ лѣсахъ и горахъ знали только лошадь и собаку, копье и саблю.

Надъ этимъ обширнымъ и неровнымъ, надъ этимъ дикимъ, но плодороднымъ полемъ человѣческаго бытія, висѣла тяжелая туча войны, иногда разражавшаяся громомъ и молніей и покрывавшая его развалинами, иногда на-время убѣгавшая и открывавшая солнце, но всегда готовая пролить на поле свои токи и поглотить почву. Столѣтіе началось четырнадцатью годами общей европейской войны. Война съ Швеціею пробудила силы Россіи. Семилѣтняя Война развила силы Австріи и Пруссіи. Польская война связала Германію съ Сѣверомъ. Французская революціонная война заста-

Digitized by Google

вила весь материкъ учиться военному ремеслу, и давъ первоначально старымъ феодальнымъ государствамъ страшный урокъ въ томъ, какъ безсильны формы противъ энтузіазма—дала въ свою очередь урокъ и народамъ, показавъ имъ, что непріятель есть всегда самый дурной преобразователь, и что Французъ самый злой непріятель. Тогда родилось новое начало—патріотизмъ. Германецъ прожилъ пять-сотъ лѣтъ не зная, не вѣдая своего отечества; — теперь онъ узналъ, что у него есть отечество. Онъ бился за свою родину, смялъ врага съ лица ея и, покинувъ призраки воинской славы, сдѣлалъ первый шагъ къ славѣ существенной—возрожденію своего отечества.

Чтобъ поддержать его въ этомъ намѣреніи, на сѣверѣ Германіи образовалась новая держава, — контр-балансъ обширной державы австрійской. Царствующій въ Пруссіи домъ происходитъ отъ швабскаго графа Гогенцоллерна, Тассило, жившаго около 800 года. По прошествіи четырехъ столѣтій, одинъ изъ потомковъ этого дома является бургграфомъ нюрнбергскимъ. Фридрихъ VI, бургграфъ, давъ императору Сигизмунду въ заемъ большія суммы, получилъ отъ него Бранденбургію съ званіемъ курфирста и архиканцлера имперіи. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, къ Бранденбургіи примкнула Пруссія. Курфирсту нельзя было не пожелать титула королевскаго.

Является истинный основатель трона. Фридрихъ-Вильгельмъ, справедливо прозванный великимъ курфирстомъ, наслѣдовалъ своему отцу въ 1640 году. Въ то время, тридцатилѣтняя война раздирала Германію; Пруссія опустошаема была поочередно соперничествующими арміями. Курфирстъ видѣлъ себя властителемъ пустыни. Въ-послѣдствіи, Фридрихъ-Великій выразилъ положеніе его съ обычною своею рѣзкостію слѣдующимъ образомъ: «Онъ былъ государемъ безъ государства, курфирстомъ безъ власти, союзникомъ безъ друга». Великій курфирстъ нашелъ все, чего не достовало, въ своемъ генія. Отразивъ Шведовъ, онъ возстановилъ селенія, наполнилъ ихъ переселенцами изъ Нидерландъ, сдѣлалъ займы для поощренія промышлености и увѣнчалъ всѣ благодѣтельные подвиги свои, давъ убѣжище 20,000 протестантамъ, бѣжавшимъ отъ безпощаднаго гоненія Людовика XIV, когда онъ въ 1685 году уничтожилъ нантскій эдиктъ. Этотъ великій человѣкъ скончался въ 1688 году, оставивъ своему сыну государство въ 42,000 квадратныхъ миль. «Онъ былъ» сказалъ Фридрихъ-Великій: «возстановителемъ своей страны, основателемъ державы бранденбургской, рѣшителемъ споровъ между равными ему, честью своего народа. Его панегирикъ — жизнь его.»

Сынъ его, Фридрихъ, курфирстъ бранденбургскій, родился въ 1657 году. По кончинѣ первой супруги своей, онъ вступилъ въ бракъ съ Софіей-Шарлоттою, принцессою ганноверской, сестрою Георга, бывшаго въ-послѣдствіи королемъ англійскимъ. Онъ послалъ 6,000 человѣкъ на помощь принцу оранскому въ его предпріятіи на Англію, и 15,000 человѣкъ на помощь великому союзу, составившемуся противъ Франціи изъ императора, Испаніи, Голландіи и Англіи. Въ ноябрѣ 1700 года, онъ получилъ отъ императора титулъ королевскій. Фридрихъ не былъ похожъ на отца: въ немъ смѣшивались безпечность и страсть къ пышности; любимцы управляли имъ, ино-

Digitized by Google

странцы любили его; чуждый, подобно всѣмъ Германцамъ, національности, онъ старался подражать во всемъ Франціи. Супруга его, Софія-Шарлотта, принцесса ганноверская, переписывалась съ знаменитымъ Лейбницемъ, но жаловалась, что онъ разсуждаетъ съ нею о философіи слишкомъ поверхностно. Лейбницъ послалъ ей однажды опытъ о безконечномъ, и она была въ восхищеніи отъ него. Старшій сынъ ея, Фридрихъ-Вильгельмъ, родился въ 1688 году. Въ созвѣздіяхъ прочитали будущую жизнь его и рѣшили, что онъ будетъ бездѣтенъ, что онъ будетъ великимъ воиномъ въ 1720 году. Но звѣзды ошиблись. У него было много дѣтей. Въ 1720 году не было войны. Ребенокъ представлялъ изъ себя смѣсь самыхъ противоположныхъ качествъ: былъ добродушенъ и дикъ, кротокъ и суровъ, ленивъ и настойчивъ. Въ-теченіе жизни, онъ былъ страненъ, но при всемъ томъ былъ государемъ смѣлымъ, прозорливымъ, честолюбивымъ.

Двадцати-пяти лѣтъ вступилъ онъ на престолъ, упразднившійся по смерти безпечнаго и роскошнаго отца его. Немедленно началъ онъ отчаянную реформу, уволилъ всѣхъ окружавшихъ отца, швейцарскую гвардію, каммергеровъ, придворныхъ, празднолюбцевъ всякаго рода. Ростомъ онъ былъ пяти футовъ пяти вершковъ: лицо имѣлъ нѣмецкое, полное, овальное, румяное. Въ-послѣдствіи, онъ чрезвычайно потолстѣлъ; камзолъ его былъ въ четыре аршина. Почти всегда носилъ онъ мундиръ. Въ послѣднемъ столѣтіи, мундиры, во всѣхъ государствахъ европейскихъ, превосходили одинъ другой единственно неуклюжестію и безобразіемъ, — и все, что Европейцы находятъ пріятнаго для глазъ на своихъ воинахъ, заимствовано у дикаго Венгра или у воинственнаго Казака. Даже Турокъ, бывшій недавно самымъ щеголеватымъ изъ всѣхъ солдатъ, сблизившись съ обычаями европейскими, превратился теперь въ совершенное безобразіе. Вотъ костюмъ Фридриха-Вильгельма I, воинственнаго короля нашимъ воиновъ: — бѣлый парикъ съ косой, синій мундиръ съ краснымъ воротникомъ, желтый камзолъ и брюки, бѣлые холстинные штиблеты, башмаки съ широкими носками, трехугольная шляпа. Все это требовалось этикетомъ; за то въ нижней одеждѣ онъ не позволялъ себѣ никакого излишества. Всѣ принцессы, пока были молоды, одѣвались въ саржу. Бѣлила и румяна были запрещены. Изъ аппартаментовъ своихъ онъ изгналъ шолковыя подушки, ковры, занавѣсы. Досчатыя скамьи и столы составляли законную его мебель.

Придворный штатъ его составляли каммергеръ, пара пажей, пара поваровъ, гофмейстеръ, смотритель буфета. Штатъ королевы состоялъ изъ одной *гувернантки* и нѣсколькихъ фрейлинъ. Она ежегодно получала на свои надобности около 500,000 рублей, и изъ этой же суммы обязана была припасать платье для себя, для принцессъ и короля, также доставлять порохъ и дробь для собственной его стрѣльбы. Онъ зналъ цѣну деньгамъ. Когда королевскій врачъ вылечилъ наслѣднаго принца отъ оспы, король въ благодарность за то приказалъ отпускать доктору по два бутылки пива въ день и обѣдъ, недолженствовавшій превышать девяти пенсовъ.

У короля была любимая лошадь, которая вдругъ захворала. Генералъ Шверинъ взялъ ее подъ свой присмотръ, вылечилъ ее, и отправилъ съ нею своего племянника въ Берлинъ. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ такъ обрадованъ выздоровленіемъ лошади, что въ восхищеніи приказалъ дать

Digitized by Google

племяннику генерала свой завтракъ и, отправляя его назадъ, наградилъ *флорином*.

Онъ не терпѣлъ лѣности со стороны своихъ чиновниковъ; лѣтомъ кабинетъ-секретари являлись къ нему въ пять, зимою въ семь часовъ утра. Въ десять онъ шелъ на парадъ, съ парада въ конюшни. Здѣсь отецъ его держалъ 1000 лошадей; онъ держалъ только тридцать. Причудливость его была извѣстна всѣмъ; но такъ какъ не всегда было извѣстно, въ какомъ онъ расположеніи духа, то народъ старался скрыться отъ него, когда онъ шелъ по улицамъ. Однажды, какой-то Французъ, завидѣвъ короля, кинулся бѣжать: король приказалъ воротить его и, узнавъ отъ испуганнаго Галла, что онъ танцовальный учитель, велѣлъ ему, для доказательства, что онъ не лжетъ, тутъ же проплясать сарабанду. Другой Французъ, ѣхавшій верхомъ, пустился отъ него въ галопъ. Его привели къ королю. Онъ сказалъ, что онъ купеческій агентъ. Нашли, что онъ солгалъ, и король приказалъ ему цѣлый мѣсяцъ возить на тележкѣ щебень при постройкѣ одной церкви, за тѣмъ, чтобъ и впередъ не говорилъ небылицъ. Разъ, какой то Жидъ обратился также въ бѣгство. «Отъ чего ты побѣжалъ?» спросилъ его король. —Отъ-того, что испугался. отвѣчалъ Жидъ. «Напротивъ, ты долженъ любить меня» возразилъ король, и, чтобъ онъ не забылъ этого наставленія, ударилъ его тростью.

Но онъ любилъ тѣхъ, кто быстро отвѣчалъ ему. Разъ, встрѣтилъ онъ на улицѣ студента богословія и спросилъ, откуда онъ. «Я Берлинецъ» отвѣчалъ студентъ.—Тьфу! сказалъ король: – Берлинцы никуда не годны. «Я знаю двухъ молодцовъ изъ Берлина, которые составляютъ исключеніе изъ этого правила» возразилъ студентъ.—Кто жь это?—«Ваше величество, да я!» Король приказалъ ему явиться во дворецъ и пристроилъ его къ мѣсту.

Домашняя жизнь въ Германіи представляетъ нѣкоторыя любопытныя сцены. Разъ, одинъ поселянинъ подбѣжалъ къ коляскѣ короля и подалъ ему бумагу. Король увидѣлъ на ней только чернильныя пятна. «Ваше величество» сказалъ крестьянинъ: «писать я не умѣю, такъ и принужденъ былъ нарисовать. Вотъ эти пятна—моя рѣпа, а вонъ тѣ — свиньи нашего амтмана. Онѣ поѣли мою рѣпу, а онъ не хочетъ заплатить мнѣ; если вы окажете мнѣ правосудіе, то я вамъ подарю цѣлую корзину рѣпы.» Король засмѣялся и обѣщалъ исполнить его просьбу. Амтманъ принужденъ былъ заплатить за убытокъ, причиненный его свиньями, и крестьянинъ явился во дворецъ съ корзиною рѣпы. Король принялъ подарокъ и далъ нѣсколько рѣпъ королевѣ; крестьянинъ совѣтовалъ ей держать рѣпу во рту, когда она прядетъ, — это, по его словамъ, было лучшее средство смачивать нить пряжи.

Все это—странности; но со множествомъ странностей король соединялъ остроту, прозорливость и систему. Онъ усердно заботился о своихъ финансахъ, платилъ аккуратно государственные долги, откладывалъ въ запасъ деньги. Онъ понималъ, что Пруссія должна быть военнымъ государствомъ, или ничѣмъ, и постарался дать ей армію такую, какой, по дисциплинѣ, не было равной въ Европѣ; онъ увеличилъ составъ прусской арміи отъ 40,000 до 70,000 человѣкъ. Но и здѣсь онъ не могъ обойдтись безъ странности

Digitized by Google

и вся Европа наполнена была разсказами о его бригадѣ великановъ, которыхъ онъ за огромныя суммы набиралъ во всѣхъ частяхъ свѣта, и которыхъ у него было 2,500 человѣкъ. Говорятъ, что этотъ отрядъ, въ-продолженіе его царствованія, стоялъ ему не менѣе двѣнадцати милліоновъ долларовъ. Остальная часть его исторіи, — несогласіе съ сыномъ, ограниченія, которымъ онъ подвергалъ свое семейство; покушеніе Фридриха бѣжать въ Англію и смерть несчастнаго офицера, помогавшаго ему въ бѣгствѣ,—живо и подробно описаны въ запискахъ дочери его, маркграфини байрейтской. Спѣшимъ заняться настоящимъ героемъ Пруссіи.

Фридрихъ-Великій родился въ 1712 году. Его дѣтство и юность не представляли ни одной изъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыми отличалась его жизнь послѣдующая.

Онъ велъ себя тихо и благородно; главная страсть его была любовь къ музыкѣ (единственная страсть, которую сохранилъ онъ во всю жизнь свою); главнымъ занятіемъ его была литература. Отецъ говорилъ о немъ: «Францъ-дуракъ и поэтъ; онъ не любитъ солдатъ и разстроитъ все, что сдѣлано мною.» Такъ мало можно полагаться на родительское предсказаніе! Въ 1734 году, онъ сдѣлалъ свой первый походъ. Передъ этимъ временемъ, онъ вступилъ въ бракъ съ принцессою брауншвейгскою, которую заловка ея описываетъ въ чертахъ весьма непривлекательныхъ. Мы должны припомнить, однакожь, что дамы рѣдко хвалятъ женъ своихъ братьевъ. Маркграфиня говоритъ, что она была не слишкомъ красива, имѣла дѣтское лицо, и говорила такъ сбивчиво, что ее едва можно было понимать. Она была однакожь всегда почтенною женщиной, и хоть не имѣла дѣтей, что, разумѣется, должно было огорчать Фридриха, но онъ, кажется, обращался съ нею всегда съ уваженіемъ.

Въ 1734 году, польская война воспламенила Европу. Станиславъ Лещинскій, тесть Лудовика XV, поддерживаемъ былъ Франціею; Августъ Саксонскій—Австріею и Россіею; Станиславъ претерпѣлъ пораженіе и нашелъ убѣжище въ прусскихъ владѣніяхъ; императрица Анна Іоанновна требовала его выдачи; но король отказался его выдать. Не смотря на то, Пруссія выставила на помощь союзниковъ свою долю, 10,000 человѣкъ, и отправила ихъ съ принцемъ Фридрихомъ. Прусскія войска присоединились къ арміи принца Евгенія, который шелъ тогда на помощь городу Филипсбургу, осажденному Французами. Евгеній принялъ Фридриха съ самыми лестными комплиментами и сказалъ, что все въ немъ предвѣщаетъ великаго полководца. Но Французовъ допустили взять городъ въ виду австрійской арміи, хотя Фридрихъ, съ быстротою взгляда будущаго тактика, замѣтилъ, что, судя по выгодности ихъ позиціи, они легко могли бы потерпѣть пораженіе, еслибъ аттаковать ихъ.

Война кончилась миромъ, въ-слѣдствіе котораго Станиславъ получилъ Герцогство Лотарингское, и Фридрихъ возвратился къ занятіямъ, которыя, казалось, болѣе гармонировали съ его природнымъ расположеніемъ. Дворецъ, построенный для него въ Рейнсбергѣ, среди песковъ Мархіи, на мѣстѣ, впрочемъ, замѣчательномъ по красотѣ своей, сдѣлался любимымъ его мѣстопребываніемъ. Онъ помѣстилъ на фронтонѣ его надпись: «Frederico tranquillitatem colenti», окружилъ его садами и оранжереями, и собралъ

Digitized by Google

водлѣ себя небольшой кругъ людей образованныхъ, казалось, приготовлялся къ жизни пустынника—ученаго или философа. Онъ даже принялъ фантастическій обычай называть своихъ друзей древними именами. Такъ Гишара назвалъ онъ Квинтомъ Иціліемъ, Кейзерлинга Цезаріономъ и пр.

Фридриха нерѣдко обвиняли въ нечувствительности; но эта душевная затвердѣлость, вѣроятно, произошла большею частію отъ того познанія свѣта, которое время доставляетъ государямъ точно такъ же, какъ и прочимъ людямъ. Языкъ его въ молодости нерѣдко полонъ былъ чувства. Когда другъ его, Сугенъ, умеръ вскорѣ по вступленіи Фридриха на престолъ, король писалъ къ Альгаротти: «Я бы лучше согласился потерять милліоны. Сердце мое никогда не перестанетъ оплакивать его; память о немъ будетъ жить со мною, пока хоть одна капля крови будетъ вращаться въ моихъ жилахъ Сердце мое обливается кровью, и скорбь моя такъ сильна, что кромѣ этой раны, болѣе ни о чемъ не могу я думать.» Но чувства свои онъ выражалъ не на однихъ словахъ, а на дѣлѣ. Онъ послалъ за четырьмя дѣтьми своего друга, тремъ сыновьямъ его назначилъ мѣста въ арміи, дочь сочеталъ бракомъ съ полковникомъ Клейстомъ. Онъ даже послалъ за его сестрою въ Берлинъ, далъ ей пенсію и поручилъ дѣтей ея надзору.

Жизнь его въ Рейнсбергѣ была достойна греческаго мудреца. «Мы дѣлили часы» пишетъ онъ: «между полезнымъ и пріятнымъ. Изъ числа полезнаго, я изучалъ философію, исторію и языки. Пріятное составляютъ музыка, трагедіи и комедіи; мы ихъ разъигрываемъ, даемъ дивертиссманы.» Далѣе, онъ пишетъ: «Мой домъ не мѣсто для тѣхъ, кто любитъ удовольствія шумныя; но развѣ спокойствіе и изслѣдованіе истины не должно предпочесть суетливымъ развлеченіямъ свѣта?» Въ другомъ письмѣ, собираясь возвратиться въ загородный дворецъ свой, онъ говоритъ: «я отправляюсь къ Амалеѣ, моему любимому саду, въ Руппинѣ. Нетерпѣливо желаю видѣть вновь мой виноградъ, мои вишни, дыни. Тамъ, свободный отъ всѣхъ безполезныхъ заботъ, я буду жить совершенно для себя. Со-дня-на-день становлюсь я скупѣе на время, безпрестанно повѣряю самого-себя, и чрезвычайно тужу, когда потеряю напрасно хоть одну минуту. Вся душа моя устремлена теперь къ философіи; она оказываетъ мнѣ заслуги несравненныя, и я ей глубоко обязанъ. Духъ мой гораздо менѣе волнуютъ ощущенія бурныя и сильныя, — я укрощаю первые порывы моихъ страстей.»

Эти выраженія, безъ сомнѣнія, мало гармонируютъ съ тѣмъ строгимъ, тонкимъ и свѣтскимъ духомъ, который въ послѣдствіи времени приписывали этому великому государю. Но нѣтъ причины сомнѣваться въ искренности ихъ въ то время; то были письма частныя, долженствовавшія оставаться въ неизвѣстности; они, кажется, были простымъ результатомъ естественныхъ чувствъ въ принцѣ, котораго строгость двора, вмѣстѣ съ природнымъ темпераментомъ, отталкивали отъ суматохи свѣта. Но характеръ каждаго человѣка много зависитъ отъ обстоятельствъ, — и положеніе Европы, при вступленіи Фридриха на престолъ, суждено было превратить пустынника-философа въ самаго блестящаго вождя, самаго тонкаго политика, самаго дѣятельнаго государя.

Строгости причудливаго отца повергали его въ безпрерывное уныніе,

Digitized by Google

отъ котораго единственнымъ средствомъ спасенія казалось ему — оставить родину, тронъ и свѣтъ. Онъ рѣшился искать убѣжища въ Англіи.

Не будемъ входить въ подробности, рождающія скорбное чувство даже и въ наше время, въ подробности о томъ, какія страданія испытаны были будущею гордостію Пруссіи, и которымъ, впрочемъ, можно приписать большую часть послѣдующей славы Фридриха. Несчастіе называется школою государей, и надо признаться, Фридрихъ довольно поучился въ этой школѣ. Покушеніе освободиться отъ отцовскаго ига навлекло на него самое тяжкое мщеніе отъ короля: онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Катть, несчастный офицеръ, сопровождавшій его въ бѣгствѣ, былъ обезглавленъ на дворѣ темницы; съ Фридрихомъ обращались какъ съ простымъ преступникомъ. Комната, въ которой онъ былъ заключенъ, имѣла только одно небольшое окно, такъ что онъ долженъ былъ сидѣть въ потьмахъ цѣлый вечеръ до семи часовъ; только тогда позволено было подавать ему свѣчу. Деревянная скамейка и столъ составляли всю его мебель; онъ спалъ на полу. Флейта отобрана была у него по особенному повелѣнію, — за обѣдомъ не позволено было подавать ему ни ножа, ни вилки, — обѣдъ былъ самый тюремный. Наконецъ, онъ преданъ былъ военному суду, который приговорилъ его къ смерти. Услышавъ объ этомъ, государи союзные съ Пруссіею ходатайствовали за него предъ королемъ; но ничто не помогало; король остановленъ былъ только возраженіемъ нѣкоторыхъ государственныхъ сановниковъ, которые объявили ему, что онъ не имѣетъ права лишать жизни принца бранденбургскаго, безъ формальнаго публичнаго суда предъ императоромъ и имперіею. Наконецъ, письмо отъ самого императора измѣнило рѣшимость короля, и онъ пославъ къ принцу пастора, приготовлявшаго къ смерти Катта и подавшаго Фридриху поводъ думать, что и его ожидаетъ та же участь, помирился съ сыномъ. Стрѣльба, которую Германцы величаютъ охотою, сдѣлалась главною забавою Фридриха, когда онъ получилъ свободу, и эта забава едва не стоила ему жизни, а Пруссіи всѣхъ ея тріумфовъ. Отправляясь куда-нибудь за городъ, онъ обыкновенно бралъ съ собою заряженное ружье, чтобъ стрѣлять дичь, попадавшуюся на дорогѣ. Разъ, онъ нечаянно тронулъ рукою замокъ, ружье выстрѣлило, и зарядъ прошелъ сквозь шляпу его близь самаго уха. Съ тою быстрою рѣшимостію, которая всегда отличала его, онъ разбилъ ружье и рѣшился никогда, по его выраженію, не охотиться.

Тонкій разсудокъ Фридриха пріобрѣлъ силу, которую метода сообщаетъ всегда природной способности. Онъ рѣшился оставить по себѣ память на свѣтѣ, не зная еще по какому направленію искать ему славы. Врачъ совѣтовалъ ему имѣть болѣе движенія, тѣлесныхъ упражненій и, чтобъ это не служило препятствіемъ въ обыкновенныхъ его занятіяхъ, Фридрихъ пріучился рано вставать. Теперь вставалъ онъ обыкновенно между пятымъ и шестымъ часомъ; въ-послѣдствіи, когда сдѣлался королемъ, онъ вставалъ въ четыре часа: то былъ опредѣленный часъ для начала занятій. Разъ, ему вошла въ голову мысль, что сонъ есть только немощь, слабость, и при помощи кофе онъ рѣшился вовсе не спать, но послѣ четырехдневнаго опыта природа превозмогла.

Лѣтомъ 1739 года, король съ двумя своими сыновьями сдѣлалъ поѣзд-

Digitized by Google

ну въ Пруссію и Прусскую Польшу. Упоминаемъ объ этомъ только для того, чтобъ показать, какъ писалъ Фридрихъ объ этомъ путешествіи. Онъ пишетъ къ Іордану: «Мы путешествуемъ почти три недѣли. Жаръ такой сильный, какъ-будто мы ѣдемъ верхомъ на солнечномъ лучѣ; пыль, точно густое облако, скрываетъ насъ отъ взоровъ проходящихъ. Сверхъ того, мы путешествуемъ, какъ ангелы, не спимъ и почти не ѣдимъ. Посудите теперь, каково должно быть мое состояніе.»

Послѣ этого путешествія, у короля открылась водяная болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ въ 1740 г. Умирая, король обнаружилъ и великую твердость духа и нѣкоторое чувство. Онъ былъ страненъ, но любилъ благодѣтельствовать, былъ иногда жестокъ, но не злодушенъ. Онъ былъ строгъ къ своимъ дѣтямъ и при всемъ томъ страстно любилъ ихъ, былъ вѣренъ своей королевѣ, но обходился съ нею сурово, господствовалъ надъ своимъ народомъ съ военнымъ деспотизмомъ, но ревностно заботился о благоденствіи государства. Прусскую Польшу нашелъ онъ пустынею, обезлюдѣвшею отъ заразы; онъ пригласилъ въ нее переселенцевъ, возобновилъ города, и сдѣлалъ ее одною изъ самыхъ лучшихъ провинцій своего королевства. Его привычка къ экономіи позволяла ему дѣлать чудеса изъ небольшихъ доходовъ его,—семи съ половиною милліоновъ талеровъ, изъ которыхъ шесть милліоновъ поглощало содержаніе семидесятитысячной арміи. Онъ распоряжался такъ экономически, что у него всегда были значительныя суммы въ остаткѣ отъ текущихъ расходовъ, такъ-что онъ могъ употребить шесть милліоновъ на общее улучшеніе страны, еще шесть милліоновъ на населеніе Прусской Польши, пять милліоновъ на покупку коронныхъ имуществъ, положить въ банки два милліона для младшихъ своихъ сыновей, употребить полтора милліона на великолѣпный серебряный сервизъ, и сверхъ-того оставить по себѣ восемь милліоновъ семь-сотъ тысячъ талеровъ, или около 38 милліоновъ рублей. У него было четырнадцать человѣкъ дѣтей,—Фридрихъ былъ третій сынъ, двое старшихъ умерли въ дѣтствѣ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій молодаго монарха было — представить двору свою супругу, какъ королеву; но отношенія его къ ней тѣмъ и ограничились. Она была ему навязана насильно; у нихъ не было дѣтей, вкусы ихъ были совершенно различны; привычка же Фридриха къ обществу Французовъ и пристрастіе къ обычаямъ Французскимъ противорѣчили домашнему комфорту. Нельзя защищать его поведенія въ этомъ отношеніи.

Теперь приступаемъ къ самымъ замѣчательнымъ происшествіямъ его жизни. Кончина императора Карла VI привела въ движеніе всю Европу. Такъ какъ у императора не было сыновей, то въ 1713 г. онъ измѣнилъ старинный законъ о престолонаслѣдіи, по которому только мужескій полъ имѣлъ право на престолъ австрійскій. Онъ сдѣлалъ новое распоряженіе, по которому престолъ долженъ былъ перейдти къ его дочерямъ, или, въ случаѣ ихъ смерти, къ дочерямъ его брата, и такимъ образомъ во всякомъ случаѣ къ ближайшимъ родственникамъ. Это и называлось «прагматическою санкціей». По кончинѣ императора, дочь его, Марія-Терезія, вступила на престолъ. Немедленно послѣ этого, Фридрихъ потребовалъ четырехъ окру-

Digitized by Google

говъ въ Силезіи, которые отчуждены были за сто лѣтъ предъ тѣмъ и за которые домъ бранденбургскій никогда не оставлялъ притязаній. Король предлагалъ за уступку этихъ отчужденныхъ провинцій два милліона флориновъ, обѣщалъ признать права Маріи-Терезіи на престолъ и прислать вспомогательный корпусъ для защиты ея. Вѣнскій дворъ, гордясь своимъ первенствомъ въ Германіи, презирая Пруссію, какъ державу низшую, отвѣчалъ на это съ пренебреженіемъ. Но горделивый дворъ скоро узналъ, съ какимъ противникомъ онъ имѣетъ дѣло. Фридрихъ вдругъ бросилъ свои прежнія привычки. «Теперь прочь всѣ дурачества», сказалъ онъ одному изъ прежнихъ своихъ товарищей, когда тотъ хотѣлъ возвратить его къ забавамъ прошлыхъ дней. Онъ вдругъ сдѣлался отважнымъ, быстрымъ, воинственнымъ государемъ. Прежде, чѣмъ посланникъ его успѣлъ воротиться съ извѣстіемъ объ отказѣ въ предложеніи, двадцати-восьми-тысячная армія прусская перешла уже границу Силезіи. Австрійцы были застигнуты врасплохъ. Не было никакихъ приготовленій къ защитѣ, и король, какъ голодный орелъ, бросился на свою добычу; не прошло года, какъ онъ владѣлъ уже одною изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ удобныхъ къ оборонѣ провинцій имперіи. Взоры Европы мгновенно обратились на это явленіе. Со временъ Марльборо и Евгенія не видно было ничего подобнаго этому внезапному блеску военнаго генія. Повсюду начали образовываться союзы. Заключенъ былъ трактатъ между Англіею и Австріею. Россія и Пруссія обязались взаимно помогать другъ другу. Франція готова была помогать всякой державѣ, враждебной съ Англіею, и Пруссія такимъ образомъ была безопасна со стороны этого самаго страшнаго сосѣда. Вся Европа готова была броситься къ оружію.

Но война есть лотерея, и Фридрихъ едва не былъ убитъ или взятъ въ плѣнъ въ самомъ началѣ второй кампаніи. На счетъ этого онъ самъ замѣчаетъ слѣдующее: «Не благоразумно со стороны государя пускаться далеко безъ сильнаго конвоя. Будь король убитъ при этомъ случаѣ, война бы кончилась, Австрійцы побѣдили бы, не вынимая меча изъ ножонъ; несравненная прусская пѣхота была бы безполезна; всѣ эти планы увеличенія государства, которые король думалъ исполнить, кончились бы ничѣмъ».

Это случилось такимъ образомъ: 27-го февраля Фридрихъ отправился съ однимъ адъютантомъ изъ Швейдница для осмотра аванпостовъ, расположенныхъ далеко впереди въ горахъ. Тотчасъ же какой-то шпіонъ сообщилъ вѣсть о томъ Австрійцамъ. Австрійцы немедленно отправили два кавалерійскіе отряда, не только для того, чтобъ атаковать посты, но и чтобъ перехватить короля на возвратномъ пути изъ Швейдница. Кавалерія встрѣтилась съ отрядомъ прусскихъ драгуновъ и полагая, что это королевскій конвой, врѣзалась въ него съ такою яростію, что взяла въ плѣнъ сорокъ всадниковъ. Король, на дорогѣ услышавъ стрѣльбу, принялъ начальство надъ небольшимъ отрядомъ и поскакалъ въ галопъ на поле битвы, но дѣло уже было кончено. Въ остальной части разсказа не достаетъ нѣкоторыхъ подробностей. Достовѣрно, что Фридрихъ, окончивъ свою рекогносцировку, поѣхалъ въ цистерціанскій каменецкій монастырь, гдѣ надѣялся найти точку, съ которой открывается обширный видъ на окрестныя мѣста. Когда онъ находился тамъ, монахи приведены были въ ужасъ извѣстіемъ, что

Digitized by Google

отрядъ венгерскихъ гусаровъ окружилъ монастырь и ищетъ короля. Всѣ были въ тревогѣ; вдругъ услышали, что колоколъ заблаговѣстилъ къ обѣднѣ. Часъ благовѣста былъ необыкновенный, но всѣ спѣшили въ церковь. Вскорѣ вошли въ нихъ аббатъ и подлѣ его другой молодой аббатъ. Оба они пошли къ алтарю и служеніе началось. Страшный шумъ послышался за церковью, но обѣдня продолжалась. Чрезъ нѣсколько минутъ толпа венгерскихъ гусаровъ вломилась въ церковь. Но весь шумъ немедленно утихъ, когда гусары увидѣли молящихся монаховъ и аббатовъ у алтаря. Солдаты прекратили всякое дальнѣйшее насиліе и удалились, схвативъ однакожъ королевскаго адъютанта. Молодой аббатъ былъ самъ король. Аббатъ, спасшій его, въ такомъ отчаянномъ положеніи, пользовался всегда высокимъ благорасположеніемъ короля и въ-послѣдствіи получилъ богатѣйшее прелатство въ герцогствѣ. Въ подтвержденіе этой романической исторіи, Фридрихъ пишетъ къ другу своему Іордану: «Я едва спасся отъ большой толпы гусаровъ, которымъ угодно было окружить насъ и взять насъ въ плѣнъ. Не хвастаясь могу сказать, что моя ловкость спасла меня отъ бѣды».

Наконецъ, Австрійцы расшевелились. Графъ Нейпергъ, отличный офицеръ, вышедшій изъ школы принца Евгенія, былъ главнокомандующимъ. Армія ихъ состояла однакожъ только изъ 25,000 человѣкъ: такъ слабы были въ то время арміи сравнительно съ безчисленными войсками революціонныхъ войнъ. Напослѣдокъ обѣ арміи стали на виду одна другой. Чувства каждаго умнаго человѣка, передъ опасностію, достойны замѣчанія; но чувствованія человѣка, одареннаго первостепенными талантами и смѣлостію, имѣютъ еще большій интересъ. Ночью, наканунѣ битвы, Фридрихъ писалъ къ другу своему Іордану слѣдующее:

«Завтра мы деремся. Вы знаете судьбу оружія; жизнь короля цѣнится такъ же мало, какъ жизнь подданнаго, и потому я не могу сказать, что будетъ со мною. Если здѣсь суждено окончиться моему поприщу, вспоминайте о другѣ, который всегда любилъ васъ нѣжно. Если небо продлитъ жизнь мою, я буду писать къ вамъ завтра, и вы узнаете, что *мы побѣдили*».

10-го апрѣля была первая битва Фридриха. Австрійская кавалерія сбила прусскую и бросилась на пѣхоту, но пѣхота встрѣтила ее страшнымъ огнемъ, и кавалерія не могла разорвать рядовъ ея. Въ такомъ видѣ битва продолжалась пять часовъ. Наконецъ, военные припасы Пруссаковъ были почти всѣ истрачены, и генералъ Шверинъ, ожидая пораженія, совѣтовалъ королю оставить поле сраженія и привести другой корпусъ, находившійся по ту сторону Одера. Фридрихъ колебался исполнить этотъ совѣтъ, но наконецъ ускакалъ, провелъ всю ночь верхомъ на конѣ въ опасности, и къ утру, возвращаясь на поле сраженія, получилъ извѣстіе, что Пруссаки одержали великую, хотя и неожиданную побѣду. Въ одномъ только этомъ случаѣ король оказалъ недостатокъ рѣшительности на полѣ сраженія. Но странно, что нѣкоторые изъ самыхъ отличныхъ полководцевъ въ мірѣ съ начала своего военнаго поприща оказывали подобную же нерѣшимость. Насмѣшники не пощадили Фридриха, и такъ какъ онъ избралъ себѣ квартиру въ вѣтреной мельницѣ, то говорили о немъ, что онъ «былъ покрытъ славою и мукою».

Австрійцы потерпѣли пораженіе отъ одного изъ тѣхъ маневровъ, кото-

Digitized by Google

рые Фридрихъ въ-послѣдствіи довелъ до такого совершенства. Въ то время, какъ вниманіе ихъ было устремлено на правый флангъ Пруссаковъ, Шверинъ сдѣлалъ внезапное движеніе своимъ лѣвымъ флангомъ и началъ обходить ихъ правое крыло. Нѣмецкія арміи, кажется, всегда держались того мнѣнія, что обходъ съ фланга предвѣщаетъ вѣрное пораженіе, и Австрійцы отступили. Потеря ихъ была ужасная: 7000 убитыхъ и раненыхъ, 1200 плѣнниковъ; сверхъ того, они потеряли семь пушекъ, вѣроятно большую часть ихъ артиллеріи. Уронъ Пруссаковъ состоялъ изъ 2500 убитыхъ и 3000 раненыхъ. Такова была мольвицкая битва. Она мгновенно возвысила славу Прусской Монархіи.

Въ «Запискахъ» своихъ, Фридрихъ сознается, что главнымъ его побужденіемъ къ войнѣ была страсть къ славѣ. Онъ говоритъ: «Фридрихъ I, возведши Пруссію на степень королевства, посѣялъ, этимъ тщеславнымъ поступкомъ, въ потомкахъ своихъ сѣмя славы, которое не могло рано или поздно не принести плода. Королевство, оставленное имъ, было болѣе курфюршествомъ, чѣмъ королевствомъ. Дать ему характеръ болѣе опредѣленный—дѣло славное, и это чувство, конечно, ободряло короля въ великихъ предпріятіяхъ, къ которымъ существовало уже такъ много поводовъ.» Въ одномъ письмѣ къ Іордану онъ говоритъ: «Моя молодость, пылъ страсти, желаніе славы и, сказать правду, *любопытство и какое-то внутреннее побужденіе* заставили меня разстаться съ моимъ сладкимъ покоемъ; *удовольствіе видѣть имя свое въ газетахъ*, а потомъ въ исторіи, обольстило меня.»

Такъ Фридрихъ самъ снимаетъ покровъ съ тайнъ своего поприща. Къ этому присоединяется цѣлая ткань государственныхъ негоціацій. Фридрихъ допускаетъ, что онъ имѣлъ также другія побужденія, но прямо говоритъ, что настоящими побужденіями были: страстное желаніе, чтобъ о немъ говорили, и надежда, что въ-послѣдствіи имя его будетъ блистать наряду съ именами великими.

Теперь Фридрихъ съ энтузіазмомъ погрузился въ негоціаціи, интриги и походы. Августъ III, курфюрстъ саксонскій, соединился съ нимъ въ войнѣ противъ Австріи, въ надеждѣ получить Моравію. Августъ предоставилъ все своему министру, графу Брюлю, равно пышному и равно глупому. Фридрихъ имѣлъ свиданіе съ королемъ и министромъ, чтобъ объясниться насчетъ плана кампаніи. Онъ такъ разсказываетъ это обстоятельство: «Августъ на все отвѣчалъ: *да*, — повидимому, вполнѣ убѣждаясь; но на лицѣ его написана была величайшая скука. Графъ Брюль, который былъ раздосадованъ во время свиданія, прервалъ его, доложивъ своему государю, что опера скоро должна начаться. Еслибъ можно было даже завоевать цѣлыя королевства, король польскій ни на минуту не остался бы дома. Потомъ онъ отправился въ оперу, а король прусскій получилъ окончательное рѣшеніе касательно плана, къ досадѣ тѣхъ, которые сопротивлялись ему.»

Саксонцы не устояли въ своемъ словѣ отъ недостатка денегъ на покрытіе издержекъ кампаніи, хотя въ то же самое время Августъ заплатилъ 400,000 талеровъ за большой зеленый алмазъ. Огорченный Фридрихъ выступилъ изъ Моравіи. Саксонскій министръ, фонъ-Бюловъ, упрекалъ его за

Digitized by Google

это отступленіе. «Ваше величество» сказалъ онъ: «кто теперь возложитъ корону на голову моего государя?»—«Милостивый государь» возразилъ Фридрихъ: «коронъ нельзя пріобрѣтать безъ тяжелой артиллеріи.»—Въ Богеміи онъ долженъ былъ состязаться съ принцемъ Карломъ-Лотарингскимъ, имѣвшимъ у себя подъ начальствомъ 40,000 человѣкъ. Король имѣлъ 30,000 войска, но у него было восемьдесятъ-два превосходныя орудія и на его сторонѣ было преимущество дисциплины. Битва началась въ восемь часовъ утра и, послѣ двухчасоваго боя, геній Фридриха помогъ ему одержать побѣду. Онъ велѣлъ своему правому крылу овладѣть одною высотою, поставилъ тамъ пятьдесятъ орудій и началъ громить австрійскую линію. Австрійцы рѣшились отступить, пришли въ замѣшательство и оставили поле, потерявъ 5000 убитыхъ и раненныхъ. Пруссаки лишились около 4000, но эта побѣда доставила имъ Силезію. Послѣ нѣсколькихъ негоціацій, посланники 11-го іюня 1742 года рѣшили, что королева венгерская уступаетъ Пруссіи всю Силезію, Верхнюю и Нижнюю. «Такимъ образомъ» говоритъ Фридрихъ въ своихъ запискахъ: «Силезія присоединена была къ Пруссіи; двухлѣтней войны достаточно было для завоеванія этой важной провинціи. Казна, оставленная покойнымъ королемъ, была истощена; но за семь или за восемь милліоновъ мы купили прекрасную провинцію,—кажется, недорого.» Завоеваніе это прибавило къ владѣніямъ Фридриха провинцію въ 13,800 кв. миль, съ полутора милліонами обитателей и прибавило къ казнѣ его доходу 3,500,000 талеровъ. Фридрихъ чрезвычайно возвысился этимъ въ мнѣніи Европы. Кардиналъ Флёри назвалъ его судіею Европы, а Вальполь сказалъ, что король прусскій держитъ теперь въ своей рукѣ вѣсы европейской силы. Прозорливость Фридриха говорила ему, что онъ навѣрное долженъ ожидать возобновленія войны со стороны Австріи, и что именно на Силезію должны первоначально обратиться удары ея. Онъ немедленно обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе этой страны, посѣтилъ ея столицу, Бреславль, далъ ей новыя привилегіи и подтвердилъ старыя, употребилъ поселянъ на улучшеніе укрѣпленій, не щадилъ денегъ на поощреніе мануфактуръ, вызвалъ набожныхъ эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ власти протестантскаго государя, успокоилъ инвалидовъ. Затѣмъ главною его заботою было—сдѣлать Берлинъ самымъ одушевленнымъ и пріятнымъ городомъ въ Европѣ. Открытъ былъ оперный театръ, выписаны изъ Франціи лучшіе танцоры и танцовщицы, изъ Италіи лучшіе пѣвцы и пѣвицы; впрочемъ, всѣмъ имъ давалось не много жалованья. Потомъ онъ принялся украшать свою столицу, учредилъ Архитектурный Комитетъ, началъ нѣкоторыя изъ лучшихъ строеній въ Берлинѣ, украсилъ паркъ, покупалъ статуи, антики и картины, далъ новый видъ старой академіи, образовалъ академію наукъ и изящной словесности. Этой академіи предоставлена была исключительная продажа календарей, и такимъ образомъ она пріобрѣла двоякую выгоду, получала значительный доходъ и распространяла въ народѣ ученыя свѣдѣнія.

Одно изъ главныхъ военныхъ улучшеній произведено было королемъ въ кавалеріи. Фридрихъ былъ творцомъ новѣйшей европейской кавалеріи. До него, кавалерія преимущественно была тяжелая, и маневры ея были также тяжелы, какъ она сама. Они были немного быстрѣе движеній

Digitized by Google

пѣхоты. Фридрихъ принялъ за образецъ гусаровъ и по этому образцу улучшилъ свою кавалерію. «Всадникъ и конь должны составлять одно животное, они должны быть центаврами». Главное правило кавалерійскаго дѣйствія, было слѣдующее: «шпора гораздо полезнѣе сабли. Сила кавалеріи заключается въ быстротѣ атаки». Онъ сказалъ на ученьѣ, что «считаетъ движеніе кавалеріи довольно-быстрымъ только тогда, когда бываетъ окропленъ пѣною лошадей, при крикѣ *стой*». Инструкціи его офицерамъ были болѣе характеристичны; быстрота и натискъ составляли у него главныя достоинства кавалеріи. Въ приказахъ войскамъ въ 1744 году, онъ говоритъ между-прочимъ слѣдующее: «Король самъ воспрещаетъ всѣмъ кавалерійскимъ офицерамъ, подъ страхомъ безчестія, допускать, чтобъ непріятель въ какомъ-нибудь дѣйствіи атаковалъ ихъ. Напротивъ, Пруссаки *должны всегда остановить его*». Посредствомъ системы благоразумной экономіи, онъ имѣлъ возможность исполнить всѣ эти мысли касательно украшенія общественныхъ мѣстъ, улучшенія народнаго благосостоянія и образованія военныхъ силъ. Война силезская истощила его казну; въ два года онъ успѣлъ снова наполнить ее и притомъ увеличилъ свою армію отъ 76,000 до 120,000 человѣкъ; эти войска были лучшими войсками на материкѣ Европы.

Скоро нашелъ онъ занятіе всѣмъ своимъ войскамъ и своему военному генію. Курфирстъ баварскій, принявшій титулъ императора подъ именемъ Карла VII, былъ дважды вытѣсненъ изъ Богеміи и доведенъ до самаго отчаяннаго положенія. Фридрихъ, вполнѣ зная, что утвержденіе Маріи-Терезіи на престолѣ неизбѣжно дастъ ей возможность напасть на него въ Силезіи, рѣшился вступить въ союзъ съ Карломъ и Франціею. Англія, гдѣ царствовалъ въ то время Георгъ II, соединилась съ Австріею. Въ 1743 г. произошла битва при Деттингенѣ, въ которой маршалъ Ноэль, командовавшій шестидесяти-тысячною французскою арміею, потерпѣлъ пораженіе. По случаю этой побѣды, Георгъ II писалъ къ Маріи-Терезіи, очевидно, намекая на Силезію: «Ваше величество, что взято, то надобно отобрать». Фридрихъ предвидѣлъ это и открылъ переговоры съ Франціею. Вольтеръ, подъ предлогомъ ссоры съ однимъ изъ французскихъ министровъ, получилъ дозволеніе оставить Парижъ и отправился въ путешествіе, между-тѣмъ, какъ на-самомъ-дѣлѣ, онъ былъ въ родѣ посланника въ Пруссіи. Извѣстія Вольтера о частной жизни короля въ Берлинѣ представляютъ любопытныя подробности о простотѣ, которою всегда отличаются люди великіе, въ слѣдствіе безпрестаннаго упражненія въ дѣлахъ великихъ:

«Фридрихъ встаетъ теперь лѣтомъ въ пять, зимою въ шесть часовъ. Одинъ лакей разводитъ огонь, одѣваетъ его и бреетъ. Въ спальнѣ его стоитъ пышная кровать, съ серебряными купидонами, но онъ спитъ на выдвижной кровати, съ небольшимъ тюфякомъ, стоящей за ширмами въ углу комнаты. Тутъ приходитъ къ нему первый министръ съ большою кипою бумагъ подъ мышкою. Этотъ первый министръ есть секретарь его (clerk), солдатъ, прислуживавшій ему во время заточенія его въ Кюстринѣ. Статсъ-секретаря присылаютъ всѣ свои депеши къ этому человѣку, который дѣлаетъ изъ нихъ извлеченія. Въ одиннадцать часовъ Фридрихъ производитъ смотръ своему гвардейскому полку и потомъ обѣдаетъ съ братьями

Digitized by Google

ми и генералами. За тѣмъ онъ удаляется въ свои покои и пишетъ въ стихахъ или прозѣ до шести часовъ. Въ семь часовъ начинается концертъ, въ которомъ онъ играетъ на флейтѣ и играетъ съ искусствомъ». Но эта обыкновенная простота не мѣшала и пышности въ особенныхъ случаяхъ. «Король, говоритъ Вольтеръ, выказываетъ большое великолѣпіе въ церемоніальные дни. Для свѣта — зрѣлище прекрасное, когда онъ сидитъ за столомъ, окруженный двадцатью князьями имперіи, когда на столѣ его блистаетъ самая прекраснѣйшая въ Европѣ золотая посуда, когда прислуживаютъ тридцать прекрасныхъ пажей, и столько же великолѣпно-одѣтыхъ гайдуковъ разносятъ огромныя золотыя блюда. При этихъ случаяхъ, являются высшіе государственные чиновники. Послѣ такихъ обѣдовъ, дворъ отправляется слушать оперу въ большой театръ; лучшіе пѣвцы и пѣвицы, лучшіе танцовщицы и танцоры находятся теперь на жалованьѣ у короля».

Союзъ съ Карломъ и съ Франціею заключенъ въ 1744 г. Не смотря на союзъ, Фридрихъ никогда не могъ удержаться отъ насмѣшки надъ Французами, хоть надобно согласиться, что Франція служитъ ему образцомъ въ мысляхъ, литературѣ и обычаяхъ. Однажды вечеромъ, онъ сидѣлъ въ театрѣ; занавѣсъ поднимался медленно и открылъ сначала однѣ нижнія оконечности группъ, готовыхъ къ балету; онъ сказалъ англійскому посланнику: «вотъ французское министерство, — все ноги, ни одной головы».

Въ августѣ 1744 года, король издалъ манифестъ, въ которомъ представилъ причины союза своего съ императоромъ и по обыкновенію дѣятельно, не теряя времени, началъ военныя дѣйствія. Черезъ пять дней онъ пошелъ въ Богемію съ стотысячною арміею. Все ему уступало. 10 сентября онъ открылъ траншеи передъ Прагою и 16 числа принудилъ ее къ капитуляціи, доставившей ему 12,000 плѣнныхъ. Побѣда считалась неизъяснимою, потому-что Пруссаки потеряли только 40 убитыхъ и столько же раненыхъ. Но тѣмъ успѣхи его и кончились. Принцъ Карлъ и маршалъ Траунъ напали на него съ такимъ искусствомъ и съ такими превосходными силами, что онъ принужденъ былъ быстро покинуть Богемію. Онъ говоритъ откровенно: «моя великая армія, долженствовавшая поглотить Богемію и наводнить Австрію, подверглась участи непобѣдимой армады Филиппа II», — и, что всего необыкновеннѣе, даже въ людяхъ великихъ, безпредѣльно хвалитъ непріятельскаго генерала: «Поведеніе Трауна» сказалъ онъ: «есть образецъ превосходства; каждый солдатъ, любящій свое ремесло, обязанъ изучать его, чтобъ подражать ему, если имѣетъ къ тому дарованіе. Я считаю эту кампанію моею школою въ военномъ искусствѣ, а Трауна моимъ учителемъ».

Это была первая война, въ которой употреблены были въ большомъ видѣ легкія войска, особенно гусары; было нѣсколько дѣлъ блестящихъ между прусскими и австрійскими отрядами. Солдаты австрійскихъ легкихъ войскъ имѣли на своей сторонѣ ту выгоду, что съ самаго рожденія пріучены были къ дикой жизни лѣсовъ и горъ, потому-что состояли преимущественно изъ обитателей Кроаціи, Трансильваніи и странъ, пограничныхъ съ Турціею. Но партизанъ Цитенъ и гусаръ Винтерфельдъ вдохнули въ прусскія легкія войска такой духъ дѣятельности и предпріимчивости, что они скоро сдѣлались страшны. Одинъ примѣръ ихъ ловкости показы-

Digitized by Google

шесть, что они могли сделать въ одинъ изъ самыхъ трудныхъ моментовъ войны. Австрійцы внезапно бросили корпусъ въ 20,000 человѣкъ между королемъ и маркграфомъ Карломъ, который командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ 9,000 человѣкъ. Король нетерпѣливо желалъ соединиться съ маркграфомъ, но не могъ придумать средства, какъ бы переслать къ нему свои приказанія, потому-что непріятель занималъ всѣ дороги, и ни одинъ шпіонъ не брался доставить депешъ. Въ этомъ затрудненіи, ему пришло на умъ приказать Цитену прорваться съ своимъ гусарскимъ отрядомъ сквозь непріятеля, гдѣ можно, и во что бы ни стало доставить маркграфу приказъ соединиться съ главною арміею. Этотъ приказъ надобно было сообщить всѣмъ гусарамъ, для того, что, если хоть одинъ изъ нихъ спасется, то могъ бы доставить его къ маркграфу. Такимъ образомъ надлежало ожидать, что весь полкъ погибнетъ, — но Цитену больно было пожертвовать своими храбрыми товарищами, и онъ рѣшился отдѣлаться хитростью. Гусары его до-тѣхъ-поръ носили красный доломанъ и порховую шапку, — но теперь имъ привезенъ былъ новый зимній мундиръ, состоящій изъ синей шубы и чешуйчатой шапки. Такъ какъ онъ имѣлъ большое сходство съ мундиромъ австрійскимъ, то Цитену и пришла въ голову мысль провести своихъ гусаровъ тайкомъ сквозь австрійскія линіи. Выступивъ въ походъ ночью, онъ утромъ встрѣтилъ двѣ австрійскія колонны, шедшія къ своему лагерю. Цитенъ присоединился къ одной изъ этихъ колоннъ; нѣсколько Венгерцевъ, бывшихъ въ числѣ его гусаровъ, шли впереди и дружески разговаривали на своемъ родномъ языкѣ съ непріятельскими ведетами и постами. Такимъ образомъ Австрійцы и Прусскіе шли вмѣстѣ до четырехъ часовъ пополудни. Въ это время они подошли къ австрійскому лагерю. Тутъ только пробудилось подозрѣніе Австрійцевъ, когда они увидѣли, что Прусскіе вдругъ повернули на проселочную дорогу. Отрядъ австрійской кавалеріи бросился вслѣдъ за ними, но былъ отраженъ, и Цитенъ наконецъ въ безопасности прибылъ къ маркграфу. Корпусъ маркграфа немедленно выступилъ въ путь, проложилъ себѣ дорогу, послѣ отчаяннаго дѣла, сквозь двадцатитысячный корпусъ австрійскій, находившійся подъ начальствомъ князя Эстергази, и наконецъ съ торжествомъ присоединился къ арміи королевской.

При всемъ своемъ сатирическомъ направленіи, Фридрихъ имѣлъ сердце любящее; онъ горько оплакивалъ потерю друга своего Іордана, умершаго около этого времени. «Въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ, сказалъ онъ, я лишился двухъ моихъ вѣрнѣйшихъ друзей, Іордана и Кейзерлинга; они составляли мое семейство, и теперь я чувствую себя какъ-бы одинокимъ; я погруженъ въ трауръ сердца, который гораздо-мрачнѣе и печальнѣе траура, состоящаго въ черномъ платьѣ. Іорданъ былъ прусскій пасторъ. По смерти жены, онъ съ горя отказался отъ своей должности. По этому случаю онъ посѣтилъ Францію, Голландію и Англію и описалъ на французскомъ языкѣ свое путешествіе, которое такъ понравилось Фридриху, что онъ сдѣлалъ его своимъ чтецомъ и секретаремъ. Ни къ кому не писалъ онъ такъ часто, какъ къ Іордану. На Іорданѣ лежала обязанность доставлять королю всѣ вновь-появляющіяся литературныя произведенія. Разъ баронъ Поллницъ пришелъ къ Іордану и увидѣлъ у него на столѣ нѣсколько пам-

Digitized by Google

ответъ, наполненный такими грубыми ругательствами противъ короля, что онъ ужаснулся. «Какъ вы осмѣливаетесь, сказалъ онъ, держать у себя такія ужасныя брошюры?»—Я не долго продержу ихъ у себя, отвѣчалъ Іорданъ;—завтра отошлю ихъ къ королю.

Результатомъ войны было завоеваніе Силезіи во второй разъ. Но новый страшный союзъ образовался противъ короля. Россія приняла теперь дѣятельное участіе въ интересахъ Германіи. Въ мав 1746 года, составленъ былъ договоръ между императорскими дворами россійскимъ и германскимъ, въ которомъ было постановлено, что въ случаѣ возобновленія непріязненныхъ дѣйствій, Марія-Терезія будетъ имѣть право возвратить Силезію, а императрица Елисавета пришлетъ ей на помощь 50,000 человѣкъ. Наконецъ вспыхнула семилѣтняя война, война не за провинціи въ Германіи, но за форты въ отдаленныхъ американскихъ колоніяхъ. Война началась не между германскими державами, которыя приготовились къ дѣйствіямъ непріязненнымъ и готовы были броситься одна на другую подобно разъяреннымъ тиграмъ, но между Англіею и Франціею, — и ни та, ни другая не надѣялись ничего выиграть посредствомъ войны; потому-что Англія не желала завоеванія Канады, представлявшей тогда совершенную пустыню, а Франція не имѣла ни малѣйшей надежды завоевать англійскія колоніи, сдѣлавшіяся впослѣдствіи американскою республикою. Для всѣхъ сторонъ война была бѣдственная. Послѣ отчаянныхъ усилій, Фридрихъ въ теченіе войны доведенъ былъ до такой крайности, что однажды, какъ полагаютъ, думалъ даже о самоубійствѣ. Германія была опустошена во всѣхъ направленіяхъ; жизнь тысячъ, десятковъ тысячъ принесена была въ жертву, и послѣ всѣхъ переворотовъ, по окончаніи этой отчаянной борьбы, Германія осталась почти въ прежнемъ своемъ видѣ.

—

Въ началѣ самаго важнѣйшаго періода фридриховой жизни, войны семилѣтней, оканчивается книга, откуда мы заимствовали этотъ легкій очеркъ его характера. Названіе книги: Frederick the great and his Times, — (Фридрихъ Великій и его время). Авторъ книги неизвѣстенъ, — но нельзя не отдать полной справедливости занимательности и разнообразію его разсказа. Хотя главнымъ матеріаломъ служили ему книги, уже извѣстныя, но этотъ матеріалъ очищенъ и изложенъ такъ искусно, что немного найдется біографій, которыя могли бы долѣе занять читателя.

Предисловіе къ этой книгѣ написано Кэмпбеллемъ, имя котораго и красуется на заглавномъ листѣ ея. Въ этомъ предисловіи, Кэмпбелль представляетъ легкій очеркъ состоянія Пруссіи со времени французской войны. Битва при Іенѣ, въ 1806, уничтожила всѣ военныя силы монархіи и въ-теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ Пруссія испытала всѣ бѣдствія, какія только можетъ страна испытать подъ игомъ завоевателя и притомъ Француза. Но урокъ, хоть и страшный, былъ благодѣтеленъ, потому-что онъ показалъ, какъ легко, въ одно мгновеніе, уничтожаются цѣлыя арміи. Онъ показалъ, что армія не можетъ быть прочною основою народной силы. Въ 1810 году, князь Гарденбергъ вступилъ въ министерство; онъ сдѣлалъ важ-

Digitized by Google

ныя перемѣны въ состояніи сельскихъ жителей. Въ числѣ другихъ перемѣнъ важныхъ, замѣчательна перемѣна касательно податей. Дворянство до тѣхъ поръ освобождено было почти отъ всѣхъ общественныхъ тягостей. Теперь, всѣ сословія были сравнены относительно платежа податей. Не менѣе важны перемѣны по части судебной; законъ упрощенъ, взяточничество изгнано изъ присутственныхъ мѣстъ, положено начало введенію суда присяжныхъ. Все это, увеличивая благосостояніе подданныхъ, довершало образованіе Прусской Монархіи.

Заключимъ общей характеристикой двухъ главныхъ лицъ нашего очерка. Фридрихъ Вильгельмъ I, государь суровый, но при всей своей странности презорливый въ дѣлахъ государственныхъ, шелъ къ своей цѣли съ постоянствомъ неутомимымъ. Фридрихъ Великій былъ человѣкъ совершенно другаго рода, нѣжный, слабый и въ тѣлесномъ сложеніи, и въ своихъ обычаяхъ, а въ своихъ вкусахъ; во время малолѣтства онъ обѣщалъ осуществить именно то понятіе, какое составилъ о немъ отецъ его. Внезапное обнаруженіе въ немъ талантовъ, какихъ и не подозрѣвали, изумило всѣхъ. Философъ, любезный дилеттантъ, онъ показалъ, что былъ, какъ бы по инстинкту, самымъ глубокимъ политикомъ, самымъ блистательнымъ вождемъ. Эту внезапную перемѣну надобно приписать тому только, что онъ былъ человѣкомъ геніальнымъ и владѣлъ дивными способностями, которыхъ не можетъ дать намъ никакая наука.

—

Digitized by Google

СОЛНЕЧНЫЯ ЗАТМѢНІЯ, ВИДѢННЫЯ ВЪ РОССІИ ДО XVI СТОЛѢТІЯ.

—

Сицевая бо знаменія не бываютъ никогда на добро, но точію къ гладу или къ мору, или къ кровопролитію і къ плѣненію яко же и прежнія времена, когда бяху царие візраильстіі, і пророцы, и прочіи прежде техъ и по нихъ и до сего дни. И егда нѣчто явится въ солнцѣ или въ лунѣ знамение і во звѣздахъ і во всемъ прочемъ отъ тварей еже не по обычаю, и тогда вся тая вписоваху во временныя книги, еже глаголются Кринаца, по семъ же паки въ лѣтописание во дни коего будетъ царя или пророка, глаголюще еще: въ лѣта і во дни Давыда царя, іли Соломона, і Исаия пророка, или Езекея царя бысть сие, или ино: сія же являхуся и въ нынѣшніе времена еже и очи ваши видяху.

Никон. Лѣт. V—16.

Зрите не ужасайтеся—подобаетъ бо всѣмъ симъ быти.

Ев. Матѳ. XXIV—6.

Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда наукѣ сдѣлались понятными законы движенія тѣлъ небесныхъ, солнечныя затмѣнія составляютъ только предметъ любопытства. Кто изъ насъ не ждетъ съ нетерпѣніемъ *утра* 26 *іюня* нынѣшняго года, въ которое мы увидимъ *полное солнечное затмѣніе* (*)? Читая сочиненія и предсказанія астрономовъ по этому предмету, мы теперь уже представляемъ себѣ тотъ необыкновенный сумракъ, которымъ покроется наша планета, тотъ зеленоватый колоритъ, который разольется по всей атмосферѣ, представляемъ и лишенное обычной своей лазурности—небо, волнующееся радужными переливами свѣта кольцо, которое явится на мѣстѣ помрачившагося свѣтила, звѣзды, которыя заблестятъ среди бѣлаго дня, и зарю, которая окаймитъ кругомъ весь склонъ видимаго горизонта. Воображаемъ, какъ ужаснутся птицы и домашнія животныя при несвоевременной утратѣ свѣта дневнаго, какъ онѣ оробѣютъ,

(*) Объ этомъ затмѣніи мы помѣстили уже статью нашего почтеннаго астронома, Д. М. Перевощикова въ 1840 году (Отеч. Зап. томъ XIII, отд. VII, стр. 1.) *Ред.*

Digitized by Google

будутъ безпокойны, и потомъ радостно будутъ привѣтствовать своимъ крикомъ возстановляющее обычный свѣтъ свой солнце... Не забываемъ, къ сожалѣнію, и того, что ужасъ, который поразитъ безсловесныхъ, безъ сомнѣнія распространится и между простолюдинами, еще непонимающими, что солнечныя затмѣнія являются въ-слѣдствіе вѣковыхъ законовъ міра, законовъ, воспріявшихъ свое начало съ того великаго мгновенія, когда необразованный хаосъ услышалъ всемогущій гласъ великаго художника: *да будетъ свѣтъ*.

Мы заранѣе ожидаемъ затмѣнія, и это явленіе, предсказанное наукою, не поразитъ насъ, не удивитъ. Съ любопытствомъ только мы будемъ смотрѣть на солнце, слѣдить его видоизмѣненія, и страхъ не овладѣетъ нами, когда грустный, мистическій сумракъ болѣе и болѣе будетъ распространяться. А что было бы съ предками нашими, если бъ они увидѣли это рѣдкое явленіе? Необычайное безпокойство распространилось бы между ними; пораженные «чуднымъ знаменіемъ», они стали бы толковать: «сія знаменія бываютъ не на добро... сія знаменія бываютъ на зло: или проявленіе рати, или гладу, или моръ проявляютъ». Считая затмѣніе знаменіемъ гнѣва Божія, они съ горькими слезами, на колѣняхъ въ прахѣ взывали бы къ небу: *обрати, Господи Боже, сіе знаменіе на добро*. Мысль, не навсегда ли сокрылось изъ глазъ ихъ свѣтило лучезарное, не это ли помраченіе его предсказано было евангеліемъ, какъ знаменіе конца міра,—эта мысль отчаяньемъ подавляла бы сердца ихъ, и какая радость одушевила бы всѣхъ, когда снова отрадные лучи свѣтила дневнаго упали бы на смятенныхъ! Отъ-того-то лѣтописцы наши и заносили въ свои временники описанія затмѣній, вліяніе которыхъ на умы народные порою было едва-ли не значительнѣе, нежели въ другое время вліяніе междоусобной войны, набѣга какихъ-нибудь Половцевъ. Часто, послѣ затмѣнія, съ трепетомъ ожидали наши предки чего-нибудь необычайнаго и почти всегда первое несчастное обстоятельство считали предвозвѣщеннымъ *знаменіемъ въ солнцѣ*. А отъ-чего все это произошло? Отъ-того, что они не имѣли надлежащаго понятія о тѣлахъ небесныхъ и ихъ движеніи, отъ-того, что затмѣнія не были предсказываемы наукою и поражали неприготовленныхъ къ рѣдкому небесному явленію людей своею неожиданностію. Такъ, во время помраченія солнца птицы, парившія спокойно до-тѣхъ-поръ въ поднебесьи, вдругъ поражаются страхомъ при внезапномъ отсутствіи свѣта, робкимъ полетомъ ищутъ отдаленнаго отъ нихъ на то время мѣста обычнаго успокоенія и, не находя его въ мракѣ, падаютъ безчувственныя на землю.

Древніе предсказывали изрѣдка затмѣнія солнечныя и лунныя, но знаніе это не было у нихъ всеобщимъ: оно какъ тайна сохранялось избранными и отнюдь не передавалось непосвященнымъ въ таинства извѣстнаго ученаго общества. И это было не только у Индійцевъ, Вавилонянъ и Египтянъ, у которыхъ жрецы сдѣлали изъ науки монополію: у самыхъ Грековъ, просвѣщеніе которыхъ было достояніемъ всего народа, знаніе это не выходило за предѣлы школъ философскихъ (преимущественно іонійской). Особенно умѣли предсказывать затмѣнія въ Египтѣ и Вавилонѣ, гдѣ астрономія была такъ тѣсно связана съ самою религіею, что занятіе этой наукой было однимъ изъ видовъ богопочтенія. Когда Александръ-

Digitized by Google

Великій прибылъ въ Вавилонъ, тогда, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, онъ нашелъ въ этомъ городѣ астрономическія таблицы за 1903 года, въ которыхъ были отмѣчаемы и всѣ затмѣнія, наблюдаемыя съ вавилонской обсерваторіи. По этимъ таблицамъ и были предсказываемы затмѣнія на будущее время. Само собой разумѣется, что такія предсказанія не могли быть вѣрны и точны. Въ Египтѣ, говоритъ Діодоръ, затмѣнія предсказывались съ бо́льшею точностію, наблюдались жрецами и вносились въ астрономическія таблицы. Изъ Діогена Лаэрція видно, что въ продолженіи 1250 лѣтъ, наблюдаемо было въ Египтѣ 373 солнечныя и 832 лунныя затмѣнія. По свидѣтельству Діодора, затмѣнія лунныя были предсказываемы съ точностію, но объ солнечныхъ недоумѣвали астрономы халдейскіе и не смѣли предсказывать ихъ *съ точностію*. Астрономическія таблицы Вавилонянъ и Египтянъ перешли въ философскія школы Грековъ, и Ѳалесъ Милетскій *съ точностію* предсказалъ солнечное затмѣніе 17-го мая 603 года до Р. Х., бывшее поводомъ къ прекращенію войны Мидянъ съ Лидіанами. Въ другой разъ, по извѣстію Ѳукидида, предсказано было въ Греціи солнечное затмѣніе Анаксагоромъ въ первый годъ войны пелопонесской. Геликонъ Кизическій предсказалъ солнечное затмѣніе 404 года и получилъ за то отъ Діонисія Сиракузскаго въ награду одинъ талантъ серебра (15,750 руб. асс.). Такая важная награда и столь рѣдкія предсказанія затмѣній не показываютъ ли намъ, что и у Грековъ, этихъ учителей древности, знаніе предсказанія этого явленія считалось рѣдкостію и цѣнилось весьма высоко. Это происходило отъ-того, что древніе не знали истинной системы міра, открытой нашимъ родичемъ Славяниномъ Коперникомъ. Греки считали затмѣнія явленіями необыкновенными и, не понимая причины ихъ, думали, что свѣтило, во время затмѣнія, покидаетъ небо, или по волѣ боговъ или силою чародѣйства. Отъ этого умные, ученые Греки во время затмѣній били въ металлическіе сосуды, или заставляли лаять собакъ, для того, чтобъ заглушенныя этими звуками слова волшебниковъ не долетѣли до небесной тверди. Солнечныя затмѣнія считались знаменіями гнѣва боговъ, и потому, во время этого явленія, македонскіе цари запирались во дворцахъ и въ знакъ горести остригали волосы дѣтямъ своимъ. Въ 375 году ѳивская армія и ѳивскій сенатъ пришли въ трепетъ отъ солнечнаго затмѣнія. Никій, устрашенный этимъ явленіемъ, потерялъ сраженіе въ Сициліи. Извѣстно и то, какое вліяніе произвело лунное затмѣніе на Персовъ и Македонянъ предъ арбелльскимъ сраженіемъ. Самые ученые писатели считали затмѣнія необыкновенными явленіями: Ѳукидидъ называетъ ихъ бичами, знаками гнѣва небеснаго; Геродотъ, говоря о нихъ, употребляетъ такія не точныя выраженія, что намъ ясно видно его незнаніе причины затмѣній и заблужденіе, которое раздѣлялъ онъ съ простымъ народомъ. Его выраженія: ὁ ἥλιος ἀμαυρώθη ἐν τῷ οὐρανῷ, *солнце потемнѣло въ небѣ*, νὺξ ἡ ἡμέρη ἐγένετο, *день превратился въ ночь*, ὁ ἥλιος ἐκλιπὼν τὴν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἕδρην, ἀφανὴς ἦν, ἤτοι ἐπινεφέλων ἐόντων, αἰθρίης τε μάλιστα, *солнце покинувъ свое мѣсто на небѣ, стало невидимо, хотя и не было въ то время облаковъ и погода была ясная*,—показываютъ, что онъ нисколько не понималъ истинной причины затмѣній.—

Digitized by Google

Мы нарочно съ нѣкоторою подробностію говорили о мнѣніи Грековъ касательно затмѣній: эти мнѣнія отчасти были въ-послѣдствіи принесены въ наше отечество и были основаніемъ мнѣній Русскихъ объ этихъ явленіяхъ. Теперь скажемъ покороче о мнѣніяхъ Римлянъ и Европейцевъ среднихъ вѣковъ по сему предмету.

Сульпицій Галлъ, военный трибунъ, первый изъ Римлянъ предсказалъ за одинъ день затмѣніе луны 21-го іюня 178 года до Р. Х., случившееся во время сраженія между Павломъ-Эмиліемъ и государемъ македонскимъ Персеемъ. Онъ послѣ написалъ сочиненіе о затмѣніяхъ. Впрочемъ, Римляне, раздѣлявшіе предразсудки съ Греками и подобно имъ не понимавшіе устройства вселенной, не могли предсказывать затмѣній *съ точностію*, и почти совсѣмъ не умѣли назначать время затмѣній солнечныхъ. Во времена Тиверія, взбунтовавшіеся воины этого императора били въ металлическіе сосуды и сѣкли собакъ, чтобъ звукомъ первыхъ и крикомъ послѣднихъ покрыть магическія слова того волшебника, который затмѣвалъ чарами своими солнце (*).

Если, въ-древности, суевѣріе находило для себя пищу въ затмѣніяхъ солнца и луны, то въ вѣка средніе, когда невѣжество господствовало равно и въ палатахъ королей и въ убогихъ хижинахъ бѣдныхъ поселянъ, и въ неприступныхъ замкахъ вассаловъ, и въ стѣнахъ монастырскихъ, — подобныя явленія наводили на всѣхъ ужасъ и страхъ необыкновенный.

Затмѣнія считались знаменіемъ гнѣва Божія, предзнаменованіемъ чего-то необыкновеннаго. Боялись дышать во время помраченія солнца, ибо были увѣрены, что въ воздухѣ распространился сильный ядъ, которымъ отравленныя птицы падаютъ съ поднебесья. Боялись совершеннаго помраченія свѣтила, боялись навѣки потерять его изъ вида. Слагали вину на Жидовъ и мучили, грабили, убивали бѣдныхъ сыновъ Израиля. Случалось въ Западной Европѣ, что какой-нибудь монахъ, по-невѣжеству стоявшій наравнѣ съ простолюдинами, но по рясѣ возвышавшійся надъ ними, хитро способствуя утвержденію въ Европѣ духовной власти, взывалъ ужасавшимся при видѣ солнечнаго затмѣнія, словами Спасителя: *но въ тыя дни, по скорби той солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего*. И всѣ ждали кончины, по гласу хитраго корыстолюбца.

А наши предки, младшіе сыны Европы, по образованію? Принявъ начатки просвѣщенія отъ Византіи, они имѣли весьма ограниченныя понятія обо всемъ выходящемъ изъ круга обыкновенной ихъ дѣятельности. Суевѣріе, этотъ осадокъ неоплатонизма, такъ крѣпко прильнувшій къ жизни Византійцевъ, перешло и на землю русскую. Суевѣріе и заблужденія принимаются необразованнымъ народомъ гораздо-скорѣе и удачнѣе, нежели просвѣщеніе, потому-что народъ необразованный болѣе склоненъ къ чудесному и мистическому, нежели къ положительному. Русскіе на все смотрѣли глазами суевѣрія и во всемъ рѣдкомъ видѣли чудесное. Типъ фан-

(*) О мнѣніяхъ древнихъ народовъ относительно затмѣній, какъ солнечныхъ, такъ и лунныхъ, много говорилъ Летронъ. — Ср. Жур. Мин. Н. Пр. 1839 № 3, и Journal des Savans, 1838, іюль.

Digitized by Google

тастическаго Востока лежалъ на нихъ и все естественное обленалъ въ формы чуда.

Затмѣній не умѣли предсказывать Русскіе, и потому затмѣнія, являясь предъ ихъ глазами, такъ сказать, невзначай, безъ приготовленія, сильно дѣйствовали на умы. Понятія космографическія Русскихъ были весьма-ошибочны: только немногіе избранные знали систему Птоломея, тогда общепринятую. Но и эта система не могла объяснить причины затмѣній—потому-то эти явленія и считались у насъ сверхъестественными. Земля, по мнѣнію нашихъ предковъ, есть тѣло плоское, темное и вогнутое. Она раздѣляется на три удѣла: Симовъ, Хамовъ и Іафетовъ, и эти-то удѣлы «на водѣ якоже на блюдѣ простерты силою всеблагаго Бога и Творца всея твари» (*). Поддерживаютъ землю три кита-рыбы; прежде было ихъ семь, но отъ грѣховъ человѣческихъ земля отяготѣла и четыре кита ушли въ «*пучину евіопскую*». Во дни Ноя и всѣ они ушли туда, по Божію повелѣнію: оттого и сдѣлался потопъ. Земля недвижима и надъ нею Богъ простираетъ небо, какъ кожу (**). На небѣ Онъ устроилъ два большія свѣтила: «свѣтило великое въ начала дне и свѣтило меньшее въ начала нощи» (***) и тьму темъ свѣтилъ малыхъ (звѣзды). Число послѣднихъ такъ велико, что его можно сравнить только съ числомъ песчинокъ дна морскаго и съ числомъ *чадъ авраамовыхъ*.

Такія понятія имѣли наши предки о строеніи вселенной. Какъ ясно видна въ этомъ чудная смѣсь понятій эллинскихъ, еврейскихъ и восточныхъ, которая такъ рѣзко отражалась на внѣшней жизни Византійцевъ. Вогнутость земли, пучина эѳіопская, киты: все это остатокъ прежнихъ суевѣрій Эллиновъ; понятія о небѣ и свѣтилахъ перешли отъ Евреевъ, и мнѣніе о тягости грѣховъ человѣческихъ, заставляющихъ китовъ погрузиться въ пучину, носитъ на себѣ отпечатокъ Востока и мистическаго неоплатонизма. И эти-то мнѣнія, собранныя во-едино на берегахъ Босфора, въ великолѣпной столицѣ Константина, перешли на землю русскую и сообщились всѣмъ ея обитателямъ.

Эллинскій пантеизмъ также отразился въ понятіяхъ Русскихъ, хоть и подведенъ былъ подъ ученіе христіанское; всякое свѣтило, всякая стихія имѣетъ своего ангела. Одинъ ангелъ носитъ солнце по небу, другой луну, каждый ангелъ — стражъ звѣзды, зажигаетъ ее вечеромъ, какъ лампаду, предъ престоломъ Всевышняго; особый ангелъ радугою, какъ насосомъ, поднимаетъ изъ рѣкъ воду на небеса; другой изъ этихъ водъ образуетъ облака; третій раздираетъ облака и производитъ, такимъ образомъ, дождь. Все это дѣлается по особому Божію повелѣнію. Но если грѣхи людей вопіютъ къ Богу, если на землѣ происходитъ какое-нибудь ужасное про-

(*) Изъ «Космографіи», помѣщенной въ рукописномъ сборникѣ, in 4-to, XVII вѣка, доставленномъ мнѣ преосвященнымъ Іоанномъ, епископомъ нижегородскимъ и арзамасскимъ.

(**) «Основавый землю на тверди ея: *не преклонится* въ вѣкъ вѣка». Псал. CIII—5. «Простираяй небо, *яко кожу*». Псал. CIII—2.

(***) Бытія I—16.

Digitized by Google

исшествіе, — ангелъ, носящій солнце, отвращаетъ лицо свое, и тогда: «*солнце не терпя сего скрываетъ лучи свои*». Вотъ одна изъ причинъ затмѣній солнца, по понятіямъ нашихъ предковъ.

Понятія космографическія переданы были Русскимъ посредствомъ сочиненій отцовъ церкви: Дамаскина и другихъ. Но и мнѣнія древнихъ философовъ были извѣстны на Руси, гдѣ читали только почти однѣ переведенныя съ греческаго языка книги. Такимъ образомъ, и понятія о солнечныхъ затмѣніяхъ перешли къ намъ изъ древнихъ эллинскихъ школъ. Полагали, слѣдуя Гераклиту и Эпикуру, что солнце имѣетъ одну сторону свѣтлую, а другую темную, и что во время затмѣній оно обращается къ землѣ послѣднею стороною. Полагали, слѣдуя Анаксимандру, что круглое отверстіе, изъ котораго изливается на землю свѣтящаяся матерія, во время затмѣній закрывается. Но господствующимъ мнѣніемъ было греческое простонародное: будто свѣтило во время помраченія уничтожается, сходитъ съ неба. Отсюда и выраженія: *солнце изгибло*, *солнце гибло*, *мѣсяцъ погибе*. Окончаніе затмѣнія объясняли тѣмъ, что солнце снова наполнялось матеріею свѣта, и потому употребляли выраженія: *паки наполнися*, *и почя наполнятися*, и проч. (*).

Люди необразованные, *невѣгласи*, какъ называетъ ихъ Несторъ, о причинѣ затмѣній думали иначе. Они, раздѣляя повѣрье необразованныхъ Грековъ, полагали, что во время этого явленія какая-то волшебная сила уничтожаетъ солнце. Но не думаю, чтобъ повѣрье это перешло изъ Грецiи: Русь съ Грецiею имѣла сношенія посредствомъ людей высшихъ классовъ, принадлежавшихъ къ дворянству, духовенству (это главное), и не ниже какъ къ купечеству, слѣдовательно, посредствомъ людей болѣе или менѣе образованныхъ, если не просвѣщенныхъ. Повѣрье, о которомъ упоминаетъ Несторъ, говоря: *его же* (солнца) *невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущу*, повѣрье это было еще и у Славянъ. Мало этого: оно какъ-то сродно всѣмъ необразованнымъ народамъ. Въ Индіи, въ Китаѣ, у Монголовъ, у Арабовъ, у жителей Сѣверной Америки, у Карибовъ, Перуанцевъ, Калмыковъ, Вогуловъ и Остяковъ существовало и существуетъ подобное повѣрье. Теперь въ Россіи оно почти истребилось; но поговорка, слышанная мною у простолюдиновъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что прежде существовало оно на русской землѣ. Вотъ эта поговорка:

Заря, зарянца,
Красная дѣвица,
По́ бору ходила,
Бо́лѣсть говорила,
Травы собирала,
Корни вырывала,
Мѣсяцъ скрала,
Солнце свѣла.

(*) О понятіяхъ Русскихъ относительно строенія неба и причины затмѣній, я заимствовалъ изъ лѣтописей и двухъ любопытныхъ сборниковъ XVI и XVII столѣтій.

Digitized by Google

Чуръ ее *колдунью*,
Чуръ ее *вѣдунью*.
Не намъ, не вамъ;
Злому Татарину на *бриту башку*.

Послѣднія слова доказываютъ, что повѣрье о съѣденіи солнца было на Руси не только во дни Нестора, но и позже—во время татарскаго владычества. А какъ много похожаго въ колдуньѣ, которая крадетъ мѣсяцъ и съѣдаетъ солнце, съ Ѳессаліянкой Аристофана и Менандра! Вспомните «Облака» перваго и «Ѳессаліянку» втораго... Христіанство не могло на Руси вдругъ истребить этого предразсудка: долго надобно было бороться съ закоснѣлостью. Впрочемъ, и на западѣ христіанство не вдругъ истребило этотъ предразсудокъ, что доказываютъ сочиненія св. Максима, епископа туринскаго, христіанскаго писателя V вѣка.

Обыкновенно опредѣляютъ величину затмѣнія дюймами и десятыми долями дюймовъ, принявъ сначала діаметръ солнца, въ какомъ бы онъ ни былъ размѣрѣ, за одинъ футъ, и раздѣливъ его потомъ на дюймы. Наши предки, незнакомые съ астрономіей, сравнивали въ такомъ случаѣ солнце съ луною двухъ, трехъ, четырехъ дней и т. д. Такимъ образомъ, если величина затмѣнія была около $4^2/_7$ дюймовъ, то лѣтописцы говорили, что солнце было яко мѣсяцъ 9 дней:

Если величина затмѣнія была около $5^1/_7$ дюйм., то *яко мѣсяцъ 8 дней.*

———— 6 — — — 7 —
———— $6^6/_7$ — — — *6* —
———— $7^5/_7$ — — — *5* —
———— $8^4/_7$ — — — *4* —
———— $9^3/_7$ — — — *3* —
———— $10^2/_7$ — — — *2* —
———— $11^1/_7$ — — — *1* дня.

Помраченную часть диска называли они *темень* и сравнивали его съ облакомъ синимъ, зеленымъ, чернымъ и т. п. Самыя затмѣнія такъ же какъ пареліи и пр., называли *знаменіями, Божіими знаменіями.*

При большихъ солнечныхъ затмѣніяхъ (болѣе 9 дюймовъ), обыкновенно распространяется въ природѣ особаго рода сумракъ, не похожій ни на сумерки, ни на свѣтъ въ пасмурную погоду. Объ этомъ явленіи Русскіе говорили: *человѣкомъ въ очію акы зелено бяше*, сравнивали освѣщеніе во время затмѣнія со свѣтомъ въ зимнюю ночь, и пр. При такомъ затмѣніи, если случатся на небѣ отдѣльныя облака, то края ихъ обыкновенно получаютъ зеленоватый цвѣтъ, переходящій къ синему и черному. Эти необыкновенныя каймы облаковъ, предки наши называли *столбами*, которые, по свидѣтельству лѣтописей, бывали желтые, зеленые и синіе—вѣроятно въ различныя минуты затмѣнія. Во время полнаго затмѣнія, по свидѣтельству древнихъ писателей и новѣйшихъ астрономовъ, бываютъ видны даже невооруженнымъ глазамъ звѣзды первыхъ величинъ. Это подтверждаютъ и наши предки: не разъ упоминаютъ они, что во время затмѣнія *тма бысть и звѣзды быша.* Когда бываетъ полное затмѣніе солнца, тогда, по свидѣтельству астрономовъ, «вокругъ совершенно затмившагося свѣтила обра-

Digitized by Google

зуется *свѣтящееся кольцо*, играющее различными цвѣтами и находящееся въ сильно-волнующемся движеніи» (*). Это кольцо было также замѣчаемо Русскими, которые называли его *облаками огнепрозрачными*, *огнемъ, падавшимъ съ неба*, и пр. т. п. Астрономы не говорятъ намъ, можетъ ли это кольцо быть видимо, если солнце не все покрачется, но останется едва-замѣтная, серпообразная часть его (величина затмѣнія болѣе $11^1/_2$ дюйм.)? Вѣроятно можетъ, тѣмъ болѣе, что и нашъ лѣтописецъ, описывая нѣкоторыя затмѣнія, говоритъ, что солнце было тогда подобно мѣсяцу, изъ роговъ котораго исходилъ свѣтъ, подобный огню горящему, и даже были видны звѣзды при этомъ случаѣ. Что же это, какъ не свѣтящееся кольцо, образовавшееся еще несовершенно по причинѣ небольшаго свѣта, исходившаго отъ малой части оставшагося свѣтлымъ солнца? Адамсъ, наблюдавшій полное солнечное затмѣніе 16 іюня 1806 года въ Бостонѣ (въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ), говоритъ, что свѣтъ при окончаніи затмѣнія опять показался внезапно съ большимъ блескомъ (**). Такъ и должно быть — потому-что въ это время свѣта солнечнаго прибываетъ въ извѣстное время гораздо болѣе, нежели при восхожденіи солнца. Это замѣтили и предки наши, говоря не разъ, что послѣ затмѣнія солнца «паки нача прибывати *вборзѣ*» и «наполнися *скоро*», и пр. т. п.

Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что существовавшій въ Европѣ предразсудокъ объ отравленіи воздуха, испареній, растеній и пр., во время затмѣнія солнечнаго, не былъ извѣстенъ въ Россіи. Изъ Русскихъ едва-ли не первый Ломоносовъ былъ послѣдователемъ этого страннаго мнѣнія, происшедшаго, по заключенію Медлера, отъ-того, что необразованнымъ казалось, будто птицы, падавшія на землю во время затмѣній, были *отравлены воздухомъ*. Такое мнѣніе могло поселить въ народѣ только католическое духовенство, грозными анаѳемами и страхомъ старавшееся достигнуть владычества, а не наши смиренные по духу Христову пастыри, которые во время затмѣній не пугали народъ, не пользовались рѣдкими явленіями для достиженія сильнѣйшаго вліянія, а вмѣстѣ съ народомъ *«сходяшеся, смотряху, дивляхуся и слезно моляшеся къ Богу и пречистой Богородици да обратитъ Господь Богъ знаменіе то на добро»*.

Какъ въ старые годы дѣйствовали на русскій народъ солнечныя затмѣнія, можно видѣть изъ лѣтописей. Наши иноки-лѣтописцы записывали въ свои тетради не одни дѣла ратныя, удѣльныя междоусобицы и учрежденія церковныя. Нѣтъ, въ свои временники они заносили все, что ни случалось любопытнаго на землѣ русской, все, что ни поражало современниковъ своей необычайностью. Потому-то часто встрѣчаемъ въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстія, то о чудныхъ знаменіяхъ небесныхъ, то о знаменіяхъ, бывшихъ отъ иконъ чудотворныхъ, то о пожарахъ, землетрясеніяхъ, гладѣ, морѣ, наводненіяхъ и пр. т. п. Солнечныя затмѣнія также были записываемы лѣтописцами.

(*) См. Медлера о солнечныхъ затмѣніяхъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1842 года. № 1, стр. 53.

(**) См. Медлера. (Стр. 54, первой книжки Ж. М. Н. П. на 1842.)

Digitized by Google

Это послѣднее обстоятельство весьма-важно въ историческомъ отношеніи; замѣтки о затмѣніяхъ могутъ служить однимъ изъ доказательствъ подлинности нашихъ лѣтописей. Какъ могли позднѣйшіе писатели съ такою математическою точностію означать даже часы затмѣній? Не-уже-ли же нашимъ инокамъ были извѣстны астрономическія таблицы? Если позднѣйшій писатель составлялъ временники, почему же онъ не упомянулъ о затмѣніяхъ XVI и XVII вѣковъ? А исчислить ихъ было легко, найдти о нихъ извѣстія можно было скорѣе. Молчаніе лѣтописцевъ о позднѣйшихъ затмѣніяхъ мы приписываемъ тому, что предки наши въ XVI и XVII столѣтіяхъ уже начали получать нѣкоторыя свѣдѣнія объ астрономіи (*) и уже смотрѣли на затмѣнія, какъ на дѣло обыкновенное, смотрѣли почти такъ же, какъ и мы смотримъ на эти явленія. Чѣмъ болѣе просвѣщеніе распространялось по русской землѣ, тѣмъ рѣже записывались извѣстія о затмѣніяхъ и прочихъ небесныхъ явленіяхъ въ записки современниковъ.

Затмѣнія солнечныя производили сильное впечатлѣніе на русскій народъ. Необразованные боялись, чтобъ чародѣйство совершенно не истребило лучезарнаго свѣтила; люди, болѣе образованные, со страхомъ смотрѣли на необыкновенное помраченіе всегда-свѣтлаго диска солнечнаго, удивлялись «*Божію смотрѣнію*». Но тѣ и другіе собирались на улицахъ, на поляхъ, на площадяхъ и просили Бога, чтобъ это знаменіе онъ обратилъ на добро. Они плакали, смотря на постепенно-тратившійся свѣтъ солнечный, веселились, когда видѣли возвращеніе обычнаго свѣта; полагали, что *знаменіе* предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное, но не думали, чтобы оно одному злу предшествовало: потому-то и молились Богу при этомъ случаѣ, да обратитъ онъ *на добро страшное знаменіе*. Большія затмѣнія сравнивали съ бывшимъ во время страданій Спасителя; иногда при видѣ ихъ смущались, *мняше, яко скончаніе міра пріиде*. Если иноки-лѣтописцы узнавали въ-послѣдствіи, что во время затмѣнія случилось гдѣ-нибудь несчастіе для міра христіанскаго, то записывали во временники, что тамъ-то было то-то—*и солнце сего не терпя лучи своя скры*. Такъ говорили о затмѣніяхъ 1187 и 1366 годовъ. Первое, по мнѣнію предковъ нашихъ, произошло отъ-того, что Саллах-Эддинъ отнялъ Іерусалимъ у христіанъ, второе отъ-того, что «царь египетскій Салтанъ», т. е. султанъ мамелюкскій, въ то время гналъ христіанъ въ Палестинѣ. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что наши предки только *одинъ разъ* замѣтили, что солнце скрывало лучи свои при видѣ несчастій Русскихъ. Это было въ 1406 году, когда Литовцы избили многихъ Москвитянъ въ своей землѣ. Солнце затмѣніями своими *предвозвѣщало для* Русскихъ невзгоды, какъ на-примѣръ, смерть Всеволода Ярославича, разореніе сѣверовосточной части Россіи Батыемъ, нашествіе Мамая, и пр. Мы упомянули слегка, какъ западное духовенство, быть-можетъ, отчасти понимавшее причину солнечныхъ затмѣній, пользовалось впеча-

(*) Я видѣлъ здѣсь, въ Нижнемъ, одну весьма любопытную старописьменную русскую книгу (XVII стол.) о солнцѣ, лунѣ и звѣздномъ небѣ, съ чертежами и рисунками, написанную прекрасно и снабженную чертежами. Она показываетъ понятіе нашихъ уже возмужалыхъ предковъ объ астрономіи.

Digitized by Google

тлѣніемъ, произведеннымъ на умы народные. Наши духовные дѣйствовали совсѣмъ иначе. Умилительно читать краткія, но сильныя смиреніемъ увѣщанія, во множествѣ сохранившіяся въ лѣтописяхъ, какъ при каждомъ несчастіи они только скорбѣли о грѣхахъ своихъ и смиренно, въ духѣ истиннаго христіанства, говорили о покаяніи. Приведемъ примѣръ, взятый изъ лѣтописи на выдержку: «То же, братія, Богъ казнитъ за грѣхы наша, кажа насъ на покаяніе, да быхомъ ся отстали отъ злобъ своихъ; аще согрѣшихомъ, въ не отчаемся твоеа милости, твоя бо есть, Господи, власть казнити и пакы миловати. Казнивъ, Господи, помилуй насъ (*)!» Сколько чувства, сколько смиренія, доблести христіанской, въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ!

Съ 1065 года, когда въ первый разъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ о солнечныхъ затмѣніяхъ, по 1501 годъ, было наблюдаемо 34, и въ томъ числѣ 8 полныхъ (**). Само собою разумѣется, что было затмѣній гораздо-болѣе, но должно вспомнить, что большая часть частныхъ затмѣній осталась незамѣченною, потому-что эти затмѣнія не были предсказаны; во время ихъ, свѣта солнечнаго не убавлялось, и никто не обращалъ вниманія на солнце въ это время. Кромѣ того, пасмурная погода могла часто препятствовать наблюденіямъ. Всѣ затмѣнія, извѣстія о которыхъ мы находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ, были болѣе 5 дюймовъ. Самыя меньшія изъ упоминаемыхъ нашими лѣтописями затмѣнія, были въ 1460 и 1475 годахъ.

Желательно, чтобъ математики наши, исчисливъ затмѣнія, какъ солнечныя, такъ и лунныя, такимъ образомъ повѣрили въ лѣтописяхъ ошибки, вкравшіяся, безъ сомнѣнія, во время переписокъ. А ошибки, должно быть, есть. Такъ, напримѣръ, въ двухъ спискахъ одно и то же затмѣніе относится къ двумъ годамъ, встрѣчаются имена мѣсяцевъ перемѣшанными. Это послѣднее всего болѣе относится къ іюню и іюлю: одинъ переписчикъ употреблялъ букву *л*, другой *н*. Скажутъ: что́ пользы отъ сличенія русскихъ лѣтописей съ математическими выкладками? Отвѣчаемъ: это во многомъ исправило бы хронологію русской исторіи, не везде точную, и доказало бы подлинность нашихъ временниковъ, доказало *математически*.

Недавно читали мы извѣстіе о солнечныхъ затмѣніяхъ Лоренца, Боудича, Антона де Уллоа и др., въ прекрасной статьѣ г. профессора Медлера (***). Теперь перечислимъ извѣстія о солнечныхъ затмѣніяхъ, видѣнныхъ нашими предками до XVI вѣка. Хотя мы и заранѣе увѣрены, что извѣстія, предлагаемыя здѣсь вниманію просвѣщенныхъ читателей, не могутъ стать въ ряду съ извѣстіями, предложенными почтеннымъ астрономомъ, но полагаемъ, что и въ нихъ есть свое достоинство. Какое? спросятъ насъ, быть можетъ, укоривъ въ тщеславіи. Отвѣчаемъ: это извѣстія *Русскихъ*, извѣстія нашихъ прадѣдовъ; въ нихъ много роднаго: они — *русскія*. Пора и

(*) Полн. Собр. Русск. Лѣтопис. III—66 и 68.

(**) 1124, 1185, 1187, 1271, 1360, 1399, 1415 и 1476 годовъ.

(***) Ж. М. Н. П. 1842 январь, статья «О затмѣніяхъ солнца, особенно въ отношеніи къ затмѣнію солнца $\frac{26\text{ іюня}}{6\text{ іюля}}$ 1842 года», переводъ съ нѣмецкаго.

Digitized by Google

нашимъ дѣдушкамъ давать гражданство въ области наукъ: и они что-нибудь да сдѣлали; не даромъ же жили на свѣтѣ... А быть можетъ, приведенныя здѣсь извѣстія и наведутъ астрономію на какія-нибудь открытія. Сами же они говорятъ: «Должно признаться, что мы еще мало знаемъ это въ высшей степени любопытное явленіе природы (затмѣніе солнца), между-тѣмъ, какъ оно, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ самаго бдительнаго вниманія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представится къ тому столь рѣдкій случай. И такъ, на первый разъ предложимъ гг. астрономамъ вопросъ: возможно ли явленіе части свѣтящагося кольца при несовершенно-полномъ затмѣніи солнца? А объ этомъ явленіи упоминаютъ наши лѣтописи, какъ мы уже и замѣтили. По исчисленію, приложенному при мѣсяцословѣ на нынѣшній 1842 годъ, и по таблицѣ г. Медлера, кажется, это можно будетъ изслѣдовать 26 іюня 1842 года въ слѣдующихъ русскихъ городахъ: Москвѣ, Казани, Варшавѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Оренбургѣ, Перми, Симбирскѣ, Саратовѣ, Вильнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, гдѣ затмѣніе будетъ, хотя и не полное, но все-таки болѣе 11 дюймовъ.

Ограничиваемся извѣстіями о солнечныхъ затмѣніяхъ только до XVI вѣка, потому-что послѣ этого времени о нихъ почти не упоминается въ русскихъ тетрадяхъ, по причинѣ, выше изложенной. При описаніи каждаго затмѣнія, прилагаемъ и самый текстъ лѣтописи, съ ссылкою на страницы извѣстныхъ изданій, *для* того, чтобъ удобнѣе можно было астрономамъ исправлять ошибки, если онѣ есть; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прилагаются варіанты, для того, чтобъ можно было видѣть, какъ одно и то же затмѣніе явилось въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

XI вѣкъ. — Въ русскихъ лѣтописяхъ до 1027 года не упоминается ни о затмѣніяхъ, ни о другихъ какихъ-нибудь небесныхъ явленіяхъ: доказательство подлинности и добросовѣстности первыхъ лѣтописателей. Если подъ 6419 (911) мы и встрѣчаемъ извѣстіе о звѣздѣ копійнымъ образомъ, т. е. о кометѣ, то вспомнимъ, что это занесено изъ византійскихъ хроникъ. Въ 1027 было видимо *на Руси* «знаменіе на небеси и зміевое яко видѣти *всей земли*». И съ-этихъ-поръ начинается длинный рядъ извѣстій о небесныхъ знаменіяхъ. Замѣтимъ при семъ случаѣ, что слово *всей земли*, какъ здѣсь, такъ и при описаніи послѣдующихъ явленій природы, значитъ *всей* русской *земли*.

1) Въ первый разъ о солнечномъ затмѣніи лѣтопись упоминаетъ подъ 1065 годомъ. Лѣтописецъ, упоминая о немъ, говоритъ: «солнце премѣнися и не бысть свѣтло, но яко мѣсяцъ бысть, его же невѣгласи глаголютъ свѣдаему сущу» (*). Это затмѣніе, вмѣстѣ съ кометою и другими необычайными явленіями природы, сильно подѣйствовало на умы народа, уже устрашеннаго набѣгами новыхъ враговъ своихъ—Половцевъ. Ждали несчастій и дождались—междоусобія. Лѣтописецъ, говоря о затмѣніи 1065 года, укоряетъ своихъ современниковъ въ нечестіи и пророчитъ за грѣхи ихъ невзгоду на землю русскую, приводя изъ исторіи примѣры подобныхъ предзнаменованій, и заключаетъ свои укоры слѣдующими словами, ясно пока-

(*) Софійскій Временникъ, I—138 и 139.

Digitized by Google

зывающими, какъ думали о затмѣніяхъ солнца Русскіе XI вѣка: «знаменія бо на небеси и въ звѣздахъ, или въ солнци, или птицами (1), или етеромъ (2) чимъ не на добро бываютъ, но сія знаменія бываютъ на зло: или проявленіе рати, или гладу, или смерть проявляютъ (3).»

2) 1091 года мая 21, во 2 часу дня, т. е. въ 7 часовъ утра, было большое солнечное затмѣніе. Софійскій Временникъ относитъ это явленіе ко 2 часу дня 22 мая 1088 года, но это несправедливо: ибо всѣ другіе списки говорятъ, что оно было 21 мая 1091, а Карамзинъ пишетъ, что это согласно съ астрономическими таблицами въ l'Art de vérifier les dates, I—72. Затмѣніе это было не полное, но одно изъ самыхъ большихъ, вѣроятно; оно было около 11 дюймовъ; ибо лѣтопись говоритъ: «того же лѣта бысть знаменіе въ солнци, яко погибнути ему и *мало ся его оста* и аки мѣсяцъ бысть». Быть-можетъ, въ сосѣднихъ земляхъ это затмѣніе было и полное. Современники, пораженные этимъ явленіемъ, считали его однимъ изъ предзнаменованій случившейся вскорѣ кончины великаго князя Всеволода I Ярославича.

XII вѣкъ. — Начало XII вѣка было богато знаменіями, изъ которыхъ нѣкоторыя были преувеличены суевѣріемъ, другія приписаны особому Божію произволенію: въ Кіевѣ случилось сѣверное сіяніе, и вскорѣ послѣ этого видны были солнечныя пареліи (1102 года февраля 5), страшныя грозы, нашествіе ангела, явленіе *райской* птицы... Послѣднимъ радовались; а первыя... «и сія видяху знаменія благовѣрніи черноризьци со воздыханіемъ моляхуся Богу и со слезами, да бы Богъ обратилъ знаменія сія на добро (4)». Какъ вѣрно характеризуютъ слова эти эпоху.

3) 1113 года марта 19, было большое частное затмѣніе въ первомъ часу дня, т. е. въ 7 утра. Величина его была около 11 дюймовъ; небольшой остатокъ его имѣлъ фигуру молодаго мѣсяца, обращеннаго внизъ рогами своими. Это затмѣніе было именно въ то время, которое мы показали, въ чемъ свидѣтельствуетъ изданіе Археографической Коммиссіи «Собранія Полныхъ Русскихъ Лѣтописей»; но лѣтописцы, какъ, напримѣръ, Новгородскій (второй), Никоновскій и многіе другіе, относятъ явленіе это къ слѣдующему 1114 году (5). Безъ сомнѣнія, это произошло отъ небрежности позднѣйшихъ писцовъ. Новгородская Лѣтопись, описывая это затмѣніе, говоритъ слѣдующее: «бысть знаменіе въ солнцѣ: тако же погибе въ часъ 1 дни, бысть видѣти всѣмъ, остася его мало аки мѣсяца долу рогама, мѣ-

(1) Гаданіе по полету птицъ и разныя замѣчанія по птицамъ, перешли къ намъ изъ Византіи, гдѣ не совсѣмъ еще забыли авгуровъ. Въ старинной русской книгѣ «Чароникъ» упоминается о примѣтахъ по птицамъ (См. Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, Калайдовича).

(2) Греческое слово ἕτερος знач. *другой*. Здѣсь слова: «или етеромъ чимъ» значатъ: *или другимъ чѣмъ-нибудь*.

(3) См. Софійс. Врем. I—139.

(4) Никонов. Лѣтоп. II—34 и 35.

(5) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, III—123 и примѣч. на той же страницѣ подъ буквою б. Срав. Никонов. Лѣт., II—*43*.

Digitized by Google

сяца марта въ 19, бысть солнце аки мѣсяцъ (1)». Никоновская Лѣтопись и Софійскій Временникъ говорятъ то же самое и почти тѣми же словами (2). Черезъ два мѣсяца умеръ Святославъ Изяславичъ и многіе считали это явленіе предсказаніемъ этого происшествія.

4) Лѣтомъ 1115 года было затмѣніе солнца, по свидѣтельству Новгородской первой Лѣтописи, которая говоритъ: «бысть знаменіе въ солнци, яко же погыбе (3)». Оно считалось предвѣстникомъ кончины Олега Святославича, который умеръ осенью послѣ этого затмѣнія.

5) Въ 1121 году, по извѣстію Никоновской Лѣтописи, было затмѣніе солнца (4).

6) 1124 года августа 11 въ 3 часу по полудни было *полное* солнечное затмѣніе. Вскорѣ послѣ полудня, началось помраченіе; народъ пришелъ въ ужасъ, когда увидѣлъ, что солнце сперва было похоже на мѣсяцъ, а потомъ и совсѣмъ померкло. Распространился повсюду необыкновенный сумракъ и на темносинемъ небѣ показались звѣзды. Страхъ былъ всеобщій. Наконецъ, когда солнце вышло изъ полнаго затмѣнія, свѣтъ его быстро началъ увеличиваться къ радости народа, отчаявшагося было увидѣть опять на небѣ померкшее свѣтило. Объ этомъ затмѣніи упоминаютъ Софійскій Временникъ, Новгородская вторая Лѣтопись (5), Никоновская (6) и почти всѣ прочіе списки. Впечатлѣніе было такъ сильно, что всѣ лѣтописатели занесли это явленіе въ свои тетради. Приведемъ здѣсь слова Новгородской второй Лѣтописи: «бысть затмѣніе въ солнци, августа 11 въ 9 часъ дни, передъ вечернею поча убывати солнца, бывшу ему яко мѣсяцъ малъ, и мало не смерчеся по полудни, погибе все. О, великъ страхъ и тма бысть! и звѣзды быша *и мѣсяцъ;* паки нача прибывати вборзѣ и наполнися, и ради быша вси по граду (7)». Явиться мѣсяцу во время затмѣнія солнечнаго невозможно по физическому закону: онъ обращенъ тогда къ землѣ темною стороною. О какомъ же мѣсяцѣ говоритъ лѣтописецъ? Безъ сомнѣнія, о томъ серпообразномъ видѣ солнца, который представлялся и прежде и послѣ полнаго помраченія. Иначе быть не можетъ. Теперь приведемъ слова Никоновской Лѣтописи: «Предъ вечернею поча убывати солнца и тма бысть, *и звѣзды быша и мѣсяцъ,* и паки нача прибывати вборзѣ и наполнися и ради быша вси (8).» Значитъ, то мѣсто, гдѣ писаны были эти строки, находилось внѣ предѣловъ полнаго затмѣнія, но близко отъ нихъ. На этомъ мѣстѣ не совсѣмъ затмилось солнце, ибо лѣтопись не говоритъ этого, но оно было—*мѣсяцъ*, т. е. осталось его весьма немного: можетъ-быть 11, 9

---

(1) Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей, III—123.

(2) Никон. Лѣт., II—43. Соф. Врем. I—185.

(3) Полн. Собр. Русс. Лѣтоп., III—4.

(4) Никон. Лѣтоп., II—54.

(5) Полн. Собр. Русск. Лѣт., III—5 и 123.

(6) Никон. Лѣт., II—56.

(7) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III—123.

(8) Никонов. Лѣтопись, II—56. Что касается до словъ другихъ лѣтописей, то они почти ничѣмъ не отличаются отъ словъ Новгородской, приведенной выше.

Digitized by Google

дюймовъ. Но хотя солнце было и не все помрачено, однако звѣзды показались на небѣ. Теперь спрашивается: возможно ли явленіе звѣздъ при *почти*-полномъ затмѣніи солнца? Г. Медлеръ не говоритъ этого и не приводитъ никакихъ извѣстій, изъ которыхъ бы можно было заключить о явленіи звѣздъ при подобномъ случаѣ. Весьма-желательно, чтобъ 26 іюня въ Кіевѣ, Симбирскѣ, Орлѣ и Саратовѣ замѣтили, будутъ ли видны звѣзды. Первые два города находятся на линіи предѣла затмѣнія, въ Орлѣ величина его будетъ 11, 9 дюймовъ, въ Саратовѣ также болѣе 11 дюймовъ. Слѣдовательно, въ этихъ городахъ должны будутъ показаться звѣзды, если только возможно такое явленіе и если, разумѣется, погода будетъ не пасмурная.

7) 1133 года было солнечное затмѣніе передъ вечернею, по свидѣтельству новгородскихъ лѣтописей (1). Оно было частное.

8) 1140 года марта 20, вечеромъ, было видимо въ Новгородѣ частное солнечное затмѣніе. Величина его была около $8^1/_7$ дюйма. Затмѣніе это происходило часу въ 5 пополудни, потому-что совершенно окончилось еще до захожденія солнца. Въ другихъ мѣстахъ Россіи, кромѣ Новгорода, вѣроятно, оно было незначительно, и потому не замѣчено; по-крайней-мѣрѣ, другія лѣтописи, кромѣ новгородскихъ (2), не упоминаютъ о немъ. Объ этомъ явленіи говорится въ первой Новгородской Лѣтописи слѣдующее: «Въ лѣто 6648 въ 20 марта, бысть знаменіе въ солнчи и толико оста его яко же бываетъ 4 днiи, и паки до захода напълнися (3)».

9) Въ 1147 году было затмѣніе солнечное, по извѣстію Никоновской Лѣтописи (4). Въ Новгородѣ оно или совсѣмъ не было видимо, или было весьма незначительно; лѣтописи новгородскія умалчиваютъ объ этомъ явленіи.

10) 1185 года мая 1 числа, было видимо въ Россіи солнечное затмѣніе. Оно случилось вечеромъ, въ то время, какъ звонили къ вечернѣ, и продолжалось болѣе часа; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (около Новгорода) оно было, кажется, и полное (5), но и въ другихъ мѣстахъ, по сказаніямъ лѣтописцевъ, оно было столь велико, что можно было видѣть звѣзды и часть свѣтящагося кольца. Необыкновенный, *зеленоватый* сумракъ покрылъ землю, всѣ предметы представлялись людямъ зелеными. Отъ солнца осталась весьма-малая часть въ видѣ серпа, закрытая лунною тѣнью. Окружность солнца была окаймлена свѣтящеюся дугою, которая похожа была на пламень, находящійся въ самомъ сильномъ движеніи. Казалось, будто это пламя исходило изъ концовъ серпообразнаго остатка солнца. Темнота въ срединѣ затмѣнія была такъ велика, что простымъ глазомъ можно было видѣть звѣзды. Распространился всеобщій страхъ, смѣнившійся радостію, когда затмѣніе ста-

---

(1) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, III—6 и 124.

(2) Полн. Собр. Русск. Лѣт., III—8 и 124.

(3) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, III—8. Во второй Новгородской Лѣтописи извѣстіе то же.

(4) См. Никон. Лѣт., II—96.

(5) Такъ первая Новгородская Лѣтопись говоритъ просто «солнце померче яко на часу и болѣ и звѣзды быша и паки просвѣтися и ради быхомъ» (см. Полное Собраніе Русск. Лѣт., III—18), когда всѣ прочіе сравниваютъ солнце съ мѣсяцомъ.

Digitized by Google

ло приходить къ концу. Вотъ какъ описываютъ это явленіе лѣтописи вторая Новгородская и Никоновская:

Новгородская вторая.

«Въ лѣто 6693 мѣсяца маіа въ 1, въ звоненіе вечернее бысть знаменіе въ солнцѣ: морочно бысть велми, яко на часъ и болѣ, и звѣзды видѣти и человѣкомъ во очію яко зелено бяше и въ солнци учинися аки мѣсяць, изъ рогъ его аки огнь горящій изхожаше; и страшно бѣ человѣкомъ видѣти знаменіе Божіе—и просвѣтися и паки ради быхомъ.

Полн. Собр. Рус. Лѣт. III—126 (*).

Никоновская.

«Мѣсяца маія въ 1 день на память святаго пророка Еремѣя, въ среду, на вечерни бысть знаменіе въ солнци и темно бысть вельми и сіе бысть больше часа, яко и на болѣ часа и звѣзды видѣти и въ очію бѣ у человѣкъ зелено; а солнце сотворися аки мѣсяцъ, изъ рогъ его акы огнь палящъ изхождаше и бѣ видѣти зѣло страшно и ужаса исполнено знаменіе.»

Ник. Лѣт. II—247.

Мы нарочно привели здѣсь извѣстіе о солнечномъ затмѣніи 1-го мая 1185 года по двумъ лѣтописямъ. Сказано выше, что въ это время были видны звѣзды и часть свѣтящагося кольца,— явленіе, бывающее, по словамъ г. Медлера, только при полномъ затмѣніи. Если бъ мы привели слова одной новгородской лѣтописи, то могли бы сказать, что слова: «и въ солнци учинися аки мѣсяцъ» относятся къ кольцу, которое явилось вмѣсто померкшаго свѣтила и испускало столько свѣта, сколько испускаетъ луна. Но въ никоновской лѣтописи прямо говорится: «а солнце сотворися аки мѣсяцъ» выраженіе общеупотребительное въ русскихъ лѣтописяхъ, когда говорится о серпообразной формѣ солнца не совершенно-затмившагося. Вотъ еще извѣстіе о явленіи на горизонтѣ звѣздъ при неполномъ затмѣніи солнца, о явленіи, которое не упоминается астрономами. 26-го іюня надѣемся рѣшить наше недоумѣніе по этому предмету, если любознательные жители выше-поименованныхъ мѣстъ обратятъ надлежащее вниманіе на это. Что касается до показанія Никоновской Лѣтописи, будто затмѣнія, о которыхъ говоримъ мы, случились 1-го мая 1186 года, то безъ сомнѣнія такая ошибка вкралась отъ ошибки переписчика: 1-го мая въ среду было въ 1185 году, а въ 1186 оно было въ четвертокъ. А сама Никоновская Лѣтопись говоритъ, что затмѣніе было въ среду. По L'art de verifier les dates (I—345), оно было 1-го мая 1185 года.

11) 1187 года, сентября 4-го въ полдень было видимо солнечное затмѣніе въ Галичѣ (въ нынѣшней Галиціи), Новгородѣ и другихъ мѣстахъ, но въ Кіевѣ никто его не замѣтилъ: вѣроятно, потому, что въ этомъ городѣ оно было не такъ значительно, и быть можетъ погода была тогда пасмурна, чего можно ожидать, судя по времени года. Кіевская лѣтопись говоритъ, что затмѣніе это случилось 4-го сентября (**); Новгородскія (***), 9 го

(*) Софійскій Временникъ (I—207) говоритъ тоже и почти тѣми же словами.

(**) См. Карамзина И. Г. Р. III, пр. 153.

(***) См. Полное Собр. Русскихъ Лѣтописей. III, 19 и 126.

Digitized by Google

того же мѣсяца, но Карамзинъ исправилъ эту ошибку: онъ говоритъ, что по астрономическимъ таблицамъ оно было 15-го сентября (1). Случилось оно въ то самое время, когда іерусалимскіе депутаты вели переговоры съ Саллах-Эддиномъ, обложившимъ войсками своими святой городъ (2). Оно произвело сильное впечатлѣніе на умы югозападныхъ Русскихъ, какъ потому-что въ ихъ сторонѣ оно было *полное*, такъ и потому-что дѣла Востока были на югѣ Россіи извѣстнѣе, нежели на сѣверѣ. На западныхъ христіанъ оно произвело впечатлѣніе еще сильнѣйшее. Вильгельмъ Тирскій, главный хроникарій того времени, описывалъ осаду Іерусалима, и говоря о необыкновенныхъ небесныхъ явленіяхъ, ознаменовавшихъ это несчастіе для міра христіанскаго, замѣчаетъ: «la lumiére du soleil s'obscurcit *pendant plusieurs jours* (!!?)». Такъ преувеличивалъ онъ обыкновенное явленіе природы. Въ Галичѣ, затмѣніе было *полное;* видны были звѣзды и свѣтящееся кольцо, которое лѣтописецъ сравниваетъ съ *облаками непрозрачными.* Въ Новгородѣ оно было частное, но довольно-велико и продолжалось недолго. Приписывали это явленіе несчастію, постигшему городъ, ознаменованный страданіями Спасителя; говорили: эти знаменія не на добро! Приведемъ здѣсь извѣстія Кіевской и Новгородской второй объ этомъ явленіи: первая описываетъ полное, другая частное затмѣніе солнца.

Кіевская.

«Бысть знаменіе сентября въ 15-й день (въ 4-й): солнце погибе и небо погаре облаки огнепрозрачными. Таковая бо знаменія не на добро бываютъ. Въ тотъ бо день взятъ бысть Іерусалимъ безбожными Срацыны... въ Галичѣ же и солнцу померкшу и звѣзды видѣти среди дня, въ Кыевской сторонѣ ни кто же не видѣ въ тотъ часъ».

Карамз. И. Г. Р. III, пр. 153.

Новгородская вторая.

«Бысть знаменіе въ солнци въ полдни яко мѣсяцъ, смерчеся, и по малѣ времени наполнися и паки просвѣтися сентября 9.»

Пол. Соб. Русск. Лѣт. III—126 (3).

XIII вѣкъ. — 12) Въ 1203 году было видимо въ Россіи частное солнечное затмѣніе, по свидѣтельству Никоновской Лѣтописи (4).

13) 1207 года февраля 28-го послѣ полудня было видимо солнечное затмѣніе, величина котораго была около $11^1/_7$, слѣдовательно оно было не многимъ болѣе того, какое въ нынѣшнемъ году будетъ видимо въ Перми. Начало его было въ полдень, а конецъ предъ вечернею. Народъ былъ въ страхѣ и ужасѣ: толпами сходился онъ дивоваться на знаменіе небесное и по обыкновенію молился Богу, да обратитъ Онъ это странное явленіе на добро. Въ слѣдующемъ году оказался во многихъ мѣстахъ моръ и конскій

(1) См. Карамзина И. Г. Р. III, пр. 153.

(2) Michaud Histoire des croisades. T. II. Liv. VII.

(3) Въ Новгородской первой сказано то же и почти тѣми же словами (См. Пол. Соб. Русск. Лѣт. III—19).

(4) Никонов. Лѣт. II—277.

Digitized by Google

падежъ, и суевѣрные считали эти несчастія предвозвѣщенными затмѣніемъ 1207 года. Вотъ слова Никоновской Лѣтописи, повѣствующія объ этомъ затмѣніи: «тоя же зимы бысть знаменіе въ солнци, мѣсяца февраля въ 28 день въ среду сырныя недѣли, стояше отъ полудня до неѣимона (*) и оста его точію аки мѣсяцъ на статьи 1-го дни и мнози человѣцы сходящися, смотряще, дивяхуся и молящеся Богу и Пречистой Богородици, дабы обратилъ Господь Богъ знаменіе то на добро» (**). Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что 28-е февраля въ 1207 году приходилось, въ-самомъ-дѣлѣ, въ среду сырныя недѣли.

Разореніе Сѣверовосточной Руси въ 1238 году Татарами, пришедшими подъ предводительствомъ Батыя, было, по словамъ лѣтописей, предсказано многими небесными явленіями и чудесами, а также и солнечными затмѣніями, изъ которыхъ о двухъ сохранились извѣстія до нашего времени.

14) 1230 года 14-го мая по утру было затмѣніе солнца; въ Кіевѣ оно было значительнѣе, нежели въ Новгородѣ. Въ послѣднемъ величина его была около $7^{5}/_{7}$ дюймовъ, а въ первомъ, вѣроятно около 11 дюймовъ, ибо хотя здѣсь и не совершенно затмилось солнце, однако видима была часть обычнаго *свѣтящагося кольца*. Это *кольцо* представлялось огнемъ, который какъ облако сходилъ на рѣку Лыбедь; оно было весьма значительной толщины, находилось въ сильно-волнующемся состояніи, будто огонь пылающій съ «яростію веліею». Оно было разныхъ цвѣтовъ, внутри красное, а тѣмъ желтое, потомъ зеленое, черное, голубое и синее. Народъ былъ въ большомъ отчаяніи: ждали скончанія міра, плакали, молились Богу и радовались, когда это явленіе окончилось, «прейде чрезъ градъ весь *безъ страхости*». Весьма замѣчательно, что Антонъ де Уллоа, наблюдавшій полное затмѣніе солнца 24-го іюля 1774 года, во время переѣзда изъ Терцейры къ Мысу С.-Винсентъ, говоритъ о свѣтящемся кольцѣ почти то же самое, что упоминается и въ Никоновской Лѣтописи при описаніи затмѣнія 1230 года. Уллоа сравниваетъ это кольцо съ искусственнымъ огнемъ, имѣющимъ направленіе къ центру, сильно-колеблющимся, ярко-свѣтящимъ и бросающимъ большіе лучи во всѣ стороны. Около самой луны былъ *красный* цвѣтъ, потомъ слѣдовалъ *свѣтло-желтый*, который мало-по-малу терялся въ бѣлыхъ лучахъ» (***). Но нашъ лѣтописецъ прибавляетъ еще о четырехъ переходахъ цвѣтовъ къ синетѣ небесной и притомъ сравниваетъ это кольцо со столбами. Замѣтимъ также, что и въ 1230 году, такъ же какъ въ 1185, было видно это кольцо, хотя затмѣніе въ оба эти раза было не полное. Приведемъ здѣсь извѣстіе Никоновской и первой Новгородской Лѣтописей, изъ которыхъ въ первой описывается это затмѣніе, видѣнное въ Кіевѣ, а во второй оно же, видѣнное въ Новгородѣ. Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что Софійскій Временникъ, говоря объ этомъ затмѣніи, ограничивается только словами «солнце померче».

---

*) Т. е. *вечерни*. Отъ среды на масляницѣ до четверга на первой недѣлѣ великаго поста называются ефимонами.

**) Никон. Лѣт. II—295.

***) См. Медлера, Ж. М. Н. П. 1842 № 1—55.

Digitized by Google

Никоновская.

«Того же лѣта быша знаменія много, отъ нихъ же едино скажемъ, прочая же оставимъ. Въ Кіевѣ всѣмъ зрящимъ бысть солнце мѣсяцемъ, и явившася оба полъ его столпы червлены, и желты, зелены, черны, голубы, сини, тоже сниде огнь съ небеси страшенъ зѣло, аки облакъ великъ надъ ручей Лыбеди и бысть на всѣхъ страхъ и трепетъ велій, и смутишася, и ужасошася людіе, и отчаяшася живота, мняше яко скончаніе міра пріиде; огнь же хожаше съ яростію веліею сюду и сюду въ темнотѣ велицѣ, яко облакъ великій, и прейде чрезъ градъ весь безъ пакости; людіе бо горько съ плачемъ и со слезами возопиша ко Господу Богу.»

Никоновская Лѣтопись II—364.

Новгородская первая.

«Того же лѣта солнце помьрце маі въ 14, на святаго Сидора, въ уторникъ, въ срьдъ утра, и бы акы въ ноціи мѣсяць и опять наполнися и ра ди быхомъ небози» (*).

Пол. Собр. Рус. Лѣт. III—45.

15) Въ 1236 году было видимо на Руси довольно значительное частное затмѣніе солнца. Величина его была около $8^4/_7$ дюймовъ; оно было въ воскресенье, а какого мѣсяца и числа—лѣтописецъ не упоминаетъ. Видимо было на всей русской землѣ. Вотъ слова лѣтописца: «Бысть знамсніе велі погибе солнце по всей землѣ въ день недѣльный, да толико убо погибе, якоже бысть мѣсяцъ 4-хъ дней» (**). Затмѣнія сего нельзя смѣшивать съ бывшимъ въ слѣдующемъ 1237 году, ибо это послѣднее было 3 августа, а 3 августа было 1236 года въ среду.

16) 1237 года августа 3-го въ полдень было частное солнечное затмѣніе, котораго величину можно опредѣлить въ $7^8/_7$ дюймовъ. Это было за полгода до несчастной битвы съ Татарами при рѣкѣ Сити, и потому современники считали явленіе сіе предвѣстникомъ плѣненія земли христіанской «от безбожныхъ Измаелитъ». Лѣтописцы замѣтили и истинный ходъ этого з тмѣнія: зельная тма (зеленая тѣнь) начала закрывать солнце съ западн стороны; остатокъ восточнаго края солнца былъ похожъ на луну пя днсй; тѣнь прошла чрезъ дискъ солнца, и тогда восточная часть свѣта покрылась мракомъ, тогда-какъ западная представляла видъ серпа, или л ны. Народъ находился, по обыкновенію, въ ужасномъ страхѣ, смотрѣл съ боязнію на рѣдкое явленіе природы; тѣ, которые не видали этого затм нія, были не въ мѣньшемъ страхѣ, когда услыхали о немъ. Приведем слова Новгородской первой Лѣтописи (***): «Въ лѣто 6745 бысть знамснie солнци мѣсяца августа въ 3 день, на память святыхъ отецъ Далмата, Ф

(*) Небози, вѣроятно убогіи. По-чешски слово *nebozatek*, значитъ то же. См. Rue pis Kraledworsky, Benes Hermanow.

(**) Никон. Лѣт. 11—369.

(***) См. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III—50.

Digitized by Google

уста, Исакія въ уденье (1), бысть таково знаменіе: тма бысть въ солнци, съ запада акы мѣсяцъ бысть въ 5 ночіи, а съ востока свѣтло, и опять со востока тма бысть, тако же акы мѣсяцъ 5 ночіи, а съ запада свѣтло, и тако исполняя опытъ.» Никоновская Лѣтопись говоритъ то же другими словами, называетъ тѣнь, закрывавшую солнце, зеленью (зельная), и въ-заключеніе прибавляетъ: «и бысть страхъ и трепетъ на всѣхъ видящихъ и слышащихъ сія» (2). Софійскій Временникъ сходенъ съ первою Новгородскою.

17) 1271 года марта 15 было видимо въ Россіи *полное* затмѣніе солнца. Оно началось поутру и къ полдню окончилось. Какъ обыкновенно, во время этого явленія, народъ былъ въ страхѣ и «ради быхомъ» говоритъ Новгородскій Лѣтописецъ, когда солнце наполнилось. Вотъ слова Никоновской Лѣтописи: «бысть знаменіе въ солнцѣ пятые недѣли святаго поста (3) до обѣда, *погибе все* и паки наполнися» (4).

XIV вѣкъ. — 18) 1321 года іюня 26 числа, въ 9-мъ часу утра, было въ Сѣверной Россіи значительное солнечное затмѣніе. Въ Новгородѣ величина его была около 10,5 дюймовъ, такая же и въ московскихъ предѣлахъ, что доказываютъ свидѣтельства лѣтописей Новгородской второй, Псковской и Софійскаго Временника. Хотя Новгородская первая Лѣтопись и говоритъ, что величина затмѣнія была около $7^5/_7$ дюймовъ (яко мѣсяцъ пяти ночей); но это несправедливо: ибо при такомъ затмѣніи едва-ли возможенъ сумракъ, сходный съ зимнею ночью. Вѣроятно, это ошибка переписчика. Въ Софійскомъ Временникѣ ошибкою напечатано 26 іюля, вмѣсто 26 іюня. Весьма замѣчательно, что затмѣніе 1321 года *изъ часа въ часъ* ровно черезъ 521 годъ повторится предъ нашими глазами въ нынѣшнемъ году, и было въ сѣверной и внутренней частяхъ Россіи одинаковой величины съ тѣмъ, которое мы увидимъ въ тѣхъ же мѣстахъ. Не чрезъ пятьсотъ ли двадцать-одинъ годъ бываютъ два солнечныя затмѣнія, совершенно-сходныя между собою въ-отношеніи времени, мѣста и величины? Полагаемъ, что этотъ фактъ заслуживаетъ полнаго вниманія астрономовъ. Хотя затмѣніе 1321 года было и неполное, однако сумракъ былъ такъ великъ во время его продолженія, что лѣтописецъ новгородскій сравниваетъ его съ *зимнею ночью*. Вотъ слова его: «Въ лѣто 6829 мѣсяца іюня 26, въ третій часъ дни, погибе солнце и бысть аки двою дней мѣсяцъ и тма бысть аки въ зимнюю нощь и по единомъ часѣ паки наполнися, и ради быхомъ» (5). Посмотримъ, во время двойника этого явленія будетъ ли сумракъ похожъ на зимнюю ночь.

19) 1330 года ноября 30, по извѣстію лѣтописей Никоновской (6) и Нов-

---

(1) Въ другихъ спискахъ *въ полдень*. См. Полн. Собр. Русскихъ Лѣтоп. III — 50, прим. подъ буквою *Э*.

(2) Никон. Лѣтопись. II—370.

(3) Въ 1271 году пасха была 29 марта; слѣдовательно, затмѣніе было 15 марта.

(4) См. Никон. Лѣт. III—54. — Срав. Полное Собр. Русск. Лѣт. III—62, гдѣ говорится то же самое.

(5) См. Полное Собр. Русск. Лѣт. III—131. Срав. тамъ же на стр. 72, Никон. Лѣт. III—125. Соф. Вр. I—316.

(6) Никон. Лѣт. III—157.

Digitized by Google

городскихъ первой (1) и второй (2) было видимо въ Россіи солнечное затмѣніе; оно происходило поутру и продолжалось два часа. Вотъ слова Новгородской Лѣтописи: «Мѣсяца ноября въ 30 день, на память святого апостола Андреи, бысть помраченіе въ солнци и стоя отъ 1 часа до 3-го».

20) Въ 1360 году было солнечное затмѣніе, по извѣстію Никоновской Лѣтописи, которая говоритъ: «Того же лѣта бысть знаменіе на небеси: погибе солнце и потомъ мѣсяцъ обратися въ кровь» (3). Едва ли оно было не *полное*, ибо слова: «мѣсяцъ обратися въ кровь» должны, кажется, относиться къ свѣтящемуся кольцу, явившемуся вокругъ покрытаго тьмою солнца. Да притомъ лѣтопись говоритъ: *погибе* (въ *совершенно*-прошедшемъ времени).

21) 1366 года августа 7, поутру, было видно на русской землѣ солнечное затмѣніе, которое съ подробностію описано въ нашихъ лѣтописяхъ: Никоновской (4), Троицкой (5), Софійскомъ Временникѣ (6) и др. Величина его была около 9,5 дюймовъ, т. е. немногимъ меньше противъ затмѣнія 1842 года въ Петербургѣ. По мнѣнію нашихъ предковъ, оно произошло отъ гибели многихъ христіанъ на Востокѣ. Въ то время Петръ I Великій, король кипрскій, преемникъ Гуго IV-го (7), вмѣстѣ съ родосскими рыцарями и Европейцами, предпринялъ въ Египетъ *крестовый походъ*. Въ Египтѣ тогда царствовали Мамелюки-Багариды, наслѣдники славнаго Мухаммеда, и хотя Черкасы уже и захватывали по немногу власть верховную, но Багариды были все еще сильны. Петръ-Великій взялъ Александрію и произвелъ въ ней страшное опустошеніе; никому не было пощады: и христіане, и мусульмане, и Азіатцы, и Европейцы, — всѣ сдѣлались жертвами жестокости удальца кипрскаго, этимъ ничтожнымъ подвигомъ снискавшаго въ исторіи имя, похожее, но не подобное имени другаго Петра I Великаго. Султанъ мамелюкскій, въ отмщеніе за разрушеніе Александріи, отправилъ сильное войско въ Палестину, и гора Синай была первою жертвою страшнаго его мщенія. Палестинскіе монастыри были сожжены; иноки, жившіе въ нихъ, убиты; епископы христіанскіе посажены въ темницу; патріархъ антіохійскій Михаилъ распятъ на крестѣ, іерусалимскій взятъ въ плѣнъ. Іерусалимъ и Антіохія болѣе всего пострадали: христіане этихъ престольныхъ городовъ благочестія были истреблены; имѣніе ихъ присвоено султаномъ, въ церквахъ было запрещено служить; двери всѣхъ храмовъ христіанскихъ были завалены камнями. Іоаннъ-Палеологъ, императоръ византійскій, спустя долгое время, богатою данью и подарками выкупилъ патріарха іерусалимскаго и свободу богослуженія. Слухъ объ этомъ несчастіи христіанъ восточныхъ достигъ до православной Руси, и лѣтопи-

(1) См. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III—75.
(2) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III—131.
(3) Никон. Лѣт. III—217.
(4) Никон. Лѣт. IV—14 и 15.
(5) Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. т. V, и пр.
(6) Соф. Врем. I—341.
(7) А не Андрей Пигоръ, какъ въ Никон. Лѣтоп. IV—14.

Digitized by Google

сцы-иноки записали въ свои временники «повѣсть умильну зѣло» объ этихъ плачевныхъ происшествіяхъ, и вспомня, что во время разоренія св. земли они видѣли затмѣніе солнца, прибавили, что это свѣтило «сего не терпя, лучи своя скры». Помраченіе диска солнечнаго во время затмѣнія 1366 года началось съ праваго бока («съ полуденныя страны». Троиц.), будто мракъ зеленый или синій постепенно находилъ на солнце, которое по этому представило серпообразную фигуру, обратившую рога свои на югъ. Тѣнь лунная прошла чрезъ дискъ (это затмѣніе было едва ли не кольцеобразное), и солнце представило серпообразную фигуру, обратившую свои рога къ землѣ. Темнота была весьма большая и по мѣрѣ окончанія затмѣнія свѣтъ началъ прибывать и наконецъ солнце «обычно лучами свѣтлость сіяше». Вотъ слова Никоновской Лѣтописи: «И сего не терпя солнце лучи свои скры мѣсяца августа въ 7 день въ третій часъ дни, и бысть убо тогда солнце аки трієхъ дней мѣсяцъ, щербина убо бѣ ему съ полуденныя страны и мраку синю и зелену, отъ запада приходящу; и пребысть тьма велія часъ единъ и обратися солнце на полдень, аки мѣсяцъ младъ. Таже обратися солнце роги къ землѣ и бысть аки мѣсяцъ и тма велія, и потомъ по малу свѣтъ свой принущаше, дондеже исполнися солнце все и свѣтъ свой паки яви, и обычно лучами свѣтлость сіяше.»

22) 1374 года іюля 29 рано поутру было солнечное затмѣніе, по извѣстію Никоновской Лѣтописи, которая говоритъ: «Того же мѣсяца (іюля) въ 29 день въ недѣлю солнце погибло» (1). Но въ 1374 году 29 іюля было въ субботу; не въ 1375 ли году было это затмѣніе?

23) 1378, а по Никоновской 1377 года (2) 29 іюня было затмѣніе солнца, вмѣстѣ съ другими необычайными явленіями природы, считавшееся предвѣстникомъ мамаева нашествія.

24) 1385 года января 30, передъ полуднемъ, въ обѣдъ, было видимо на Руси, въ московскихъ предѣлахъ, солнечное затмѣніе, величина котораго была около $8^4/_7$ дюймовъ. Конецъ его былъ въ 1 часъ по полудни, въ вечернюю годину, какъ говаривали въ-старину. Объ этомъ явленіи упоминаетъ Никоновская Лѣтопись (3) слѣдующими словами: «Тоя же зимы мѣсяца генваря въ 30 день, на память великаго Василія Кесарійскаго въ понедѣльникъ во обѣдъ погибѣ солнце, и остася его аки мѣсяцъ четырехъ дней, и паки въ вечернюю годину наполнися.» Но 30 января въ 1385 году было въ субботу, а 1 января, когда также празднуется память Василія Великаго, было въ пятницу.

25) 1395, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по извѣстію лѣтописей Троицкой и Никоновской (4), было видимо въ московскихъ предѣлахъ солнечное затмѣніе.

26) 1399 года, октября 29, было видимо въ Новгородѣ *полное* затмѣніе солнца; въ московскихъ предѣлахъ, вѣроятно, оно было только частное: ибо Никоновская Лѣтопись только слегка упоминаетъ объ этомъ явленіи,

---

(1) Никон. Лѣт. IV—42.
(2) Никон. Лѣт. IV—55.
(3) IV—148.
(4) Ник. Лѣт. IV—265.

Digitized by Google

говоря «знаменіе бысть на небеси въ солнци» (1) и не показывая даже дня, въ который происходило затмѣніе. Въ Новгородѣ же сначала солнце приняло форму серпа и потомъ совершенно закрылось; распространилась повсюду темнота, и на мѣстѣ солнца показалось свѣтящееся кольцо, подобное кровавымъ лучамъ съ дымомъ. Вотъ слова Новгородской первой Лѣтописи (2): «тои же осени бысть помраченіе въ солнци и тма бысть, а солнце погыбе и явися серпъ на небеси, а потомъ явися солнце, кровавы луча испущающи съ дымомъ, мѣсяца октября на память святыя мученицы Анастасіи» (29 октября).

XV вѣкъ. — 27) 1406 года іюня 16, въ 10-мъ часу утра, было видимо въ Россіи солнечное затмѣніе, величина котораго была около 9,5 дюйм., т. е. такая же, какая будетъ въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Астрахани и Иркутскѣ. Распространился необыкновенный сумракъ, сдѣлалось темно и слишкомъ черезъ часъ, явился обычный свѣтъ солнечный. Лѣтописецъ полагаетъ, что это явленіе произошло отъ-того, что въ тотъ самый день въ Литвѣ было убито много Москвитянъ. «Того жь лѣта, говоритъ онъ, въ Петрово говенье мѣсяца іюня въ 16 день, въ среду въ 4 часъ дни, бысть знаменіе на небеси, погибе солнце и осталось мало, аки мѣсяцъ тріехъ дней, и бысть премрачно и темно, и по часѣ довольнѣ паки свѣта наполнися, и того дня избиша, изсѣкоша Литва въ своей землѣ Москвичь» (3). Въ другихъ лѣтописяхъ показано это затмѣніе подъ 17 числомъ іюня несправедливо, потому-что въ 1406 году 16 іюня было въ-самомъ-дѣлѣ въ среду, а 17 въ четвертокъ.

28) 1415 года, въ пятницу, іюня 7, въ 10 часу утра, было видимо въ Россіи *полное* затмѣніе солнца. Въ сѣверныхъ частяхъ ея и въ Новгородѣ оно было частное, ибо новгородскія лѣтописи только слегка упоминаютъ объ немъ (4); какъ частное, оно было видимо во всей русской землѣ по словамъ Воскресенской и Архивской Лѣтописей (5). Въ московскихъ краяхъ видѣли какъ зеленая тѣнь начала покрывать солнце съ западной стороны его; она закрывала болѣе и болѣе дискъ свѣтила, распространился сумракъ и люди видѣли другъ друга какъ-бы стоящими въ крови; наконецъ и совершенно закрылось солнце, на мѣстѣ его образовалось свѣтящееся кольцо, его сравнивали съ мракомъ кровавымъ, увидѣли звѣзды и зарю покрывавшую края видимаго горизонта. Это явленіе продолжалось съ-небольшимъ часъ; устрашенные свидѣтели его сравнивали это затмѣніе съ тѣмъ, которое было во время страданій Спасителя (6). Явленіе это было не задолго до рожденія Василія Васильевича Темнаго, и наши предки во время смутнаго правленія сего великаго князя не разъ вспоминали про это страшное знаменіе, предвѣщавшее по ихъ мнѣнію «скорбь и тугу земли русскія».

---

(1) Ник. Лѣт. IV—96.

(2) Пол. Собр. Рус. Лѣт. III—101. Софійс. Врем. говоритъ то же.

(3) Ник. Лѣт. IV—317. Ср. Пол. Собр. Рус. Лѣт. III—134.

(4) Пол. Собр. Рус. Лѣт. томъ III стр. 105—135.

(5) «Бысть знаменіе *по всей землѣ*». См. Соф. Вр. I. Здѣсь слова «по всей землѣ» значатъ во всей Руси. Подобныя выраженія часто встрѣчаются въ лѣтописяхъ.

(6) См. Соф. Вр. въ примѣчаніи.

Digitized by Google

Приведемъ здѣсь описаніе этого затмѣнія по Софійскому Временнику и Никоновской Лѣтописи. Въ послѣдней, затмѣніе это описано и подъ предъидущимъ 1414 годомъ; но въ этомъ году 7 іюня было въ четвертокъ, а не въ пятницу, да притомъ l'Art de vérifier les dates (I—360) свидѣтельствуетъ, что явленіе это происходило въ 1415 году.

Софійскій Временникъ.

«Бысть знаменіе по всей земли въ солнци мѣсяца іюня 7 въ часъ 4 дни. Тма бысть по всей земли и звѣзды явишася, и заря явися утренняя и вечерняя и паки по единомъ часѣ Господь Богъ дастъ просвѣщеніе.»

Соф. Вр. I—444.

Никоновская Лѣтопись.

«Тогожь лѣта іюня въ 7 день, тма бысть въ пятокъ передъ обѣднею, бысть же и не много, точію часъ единъ, или мало больши, видѣти жъ было тогда звѣзды *всѣ* яко же и въ нощи...»

«Бысть знаменіе: въ солнци мракъ зеленъ; тожъ по малѣ бысть мракъ аки кровь, и другъ друга человѣки не видѣти, аки въ крови стояху вси.»

Ник. Лѣт. V—54 и 57.

29) Въ 1423 году, когда голодъ свирѣпствовалъ во всѣхъ странахъ Россіи, когда люди принуждены были даже пожирать себѣ-подобныхъ, когда Русскіе цѣлыми семействами перебѣгали въ Литву, не находя въ отчизнѣ средствъ къ прокормленію, когда отъ сильныхъ морозовъ путники умирали на дорогахъ и всѣ со скорбію молили Господа, «призрѣть отъ святаго жилища, отъ престола славы Его на нихъ милосердымъ окомъ своимъ» — въ этотъ несчастный для Руси годъ, наши предки были устрашены затмѣніемъ солнечнымъ. Считали его предзнаменованіемъ новыхъ несчастій, жали перемѣнъ: — чрезъ два года вступилъ на престолъ Василій Васильевичъ Темный, начались смуты, междоусобія, русская земля страдала, вспоминали затмѣніе 1423 года и говорили, что оно предвозвѣстило эти несчастія.

30) 1433 года іюня 17, было видимо солнечное затмѣніе, которое тѣмъ болѣе устрашило свидѣтелей, что вскорѣ замѣчено было и лунное затмѣніе.

31) 1460 года 18 іюля, отъ 7 до 10 часовъ утра, видимо было въ Россіи солнечное затмѣніе. Въ московскихъ предѣлахъ величина его была около $7^{6}/_{7}$ дюймовъ (Ник. Лѣт. (*)), а въ новогородскихъ только около $5^{1}/_{7}$ дюймовъ (Соф. Врем. (**)). Значитъ — оно было гораздо менѣе будущаго въ нынѣшнемъ году, но если сравнить его съ затмѣніемъ, бывшимъ 6 іюля прошлаго 1841 года, то можно сказать, что московское затмѣніе 1460 года было одинаково съ енисейскимъ 1841, а нижегородское 1841, съ новгородскимъ 1460. — Вотъ извѣстія московскія и новгородскія:

(*) Ник. Лѣт. V—287.

(**) Соф. Врем. II—80.

Digitized by Google

Никоновская Лѣтопись.

«Того же лѣта и мѣсяца *іюня* (1) въ 18 день въ пятокъ во 2 часъ дни пача гибнути солнце и бысть яко 5 дней мѣсяць, минувшу же четвертому часу и бысть полно, якоже и прежде».

Ник. Лѣт. V—287.

Софійскій Временникъ.

«Того же лѣта, мѣсяца іюля 18 въ пятокъ, въ часъ 2 дни, изгибло солнце и бысть яко осмы день молодъ мѣсяцъ; по единомъ часѣ паки наполнися и поиде по своему степени.»

Соф. Врем. II—80.

32) 1475 года сентября 30, въ Коломнѣ видѣли солнечное затмѣніе: въ 8 часу утра, по извѣстію Троицкой Лѣтописи, приводимому Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ къ VI тому «Исторіи Государства Россійскаго»: величина его была около 4 дюймовъ, т. е., такая же, какъ въ прошломъ году была въ Ревелѣ и Дерптѣ; закрылась одна треть диска солнечнаго, и дневное свѣтило представилось въ видѣ молодой луны. Странно, что въ Москвѣ никто не видалъ этого затмѣнія: вѣроятно, была пасмурная погода, что весьма легко можетъ быть, судя по времени года; притомъ и затмѣніе было не такъ значительно. Приведемъ здѣсь слова Троицкой Лѣтописи: «сентября 30 во 2 часъ дни гибло солнце, треть его изгибла и бысть яко мѣсяцъ въ розѣхъ. На Москвѣ же сего не видѣлъ никто, а на Коломнѣ и въ предѣлахъ ея» (2). Это затмѣніе было самое малое изъ всѣхъ, извѣстія о которыхъ сохранились въ русскихъ лѣтописяхъ.

33) 1476 февраля 25, поутру въ 8 часу, было видимо *полное* солнечное затмѣніе, которое, впрочемъ, продолжалось недолго. Мракъ, распространившійся по землѣ, былъ такъ великъ, что люди не могли другъ друга видѣть въ лицо и находились въ страхѣ и въ ужасѣ. «25 февраля во 2 часу дня, говоритъ лѣтописецъ, бысть гибель солнцу и тма велика, яко и человѣкомъ другъ друга въ лицо не видѣти и того бысть недолго. Людямъ страхъ былъ великъ» (3).

34) 1491 года въ маѣ мѣсяцѣ, было довольно-большое затмѣніе солнца; величина его была около 8 дюймовъ. «Бысть знаменіе въ солнци, говоритъ лѣтопись, мѣсяца мая и двѣ части изгибе» (4).

Вотъ извѣстіе о солнечныхъ затмѣніяхъ, видѣнныхъ на Руси до XVI вѣка, сохраненныя въ лѣтописяхъ. Весьма-желательно, чтобъ наши астрономы обратили на нихъ должное вниманіе, свѣрили ихъ съ астрономическими таблицами, повѣрили своими вычисленіями. Это, какъ мы сказали уже, во многомъ исправило бы хронологію русской исторіи, которая часто сбивчива. Еще желательно, чтобъ изслѣдовано было — явленіе звѣздъ и свѣтящагося кольца при несовершенно-полномъ затмѣніи солнца (5). Явле-

---

(1) Въ печатной Ник. *Лѣт.* поставлено *іюня*, но это ошибочно: затмѣніе было въ іюлѣ, да притомъ же 18 іюня въ 1460 не приходилось въ пятницу, а 18 *іюля* приходилось.

(2) Срав. Ник. *Лѣт.* V—287.

(3) См. Прим. къ Ист. Гос. Росс. Карамзина, Т. VI.

(4) См. тамъ же.

(5) Наблюденія эти можно будетъ сдѣлать въ тѣхъ городахъ, гдѣ будетъ полное затмѣніе—въ нѣсколько секундъ *до* и *послѣ* совершеннаго помраченія. Вдругъ ли явит-

Digitized by Google

ніе кажется возможно-логически. Но астрономія такая наука, которую подкрѣпляетъ опытъ. Безъ наблюденія—всѣ умствованія ни во что не ставятся небесною наукой, а для такого наблюденія скоро представится столь рѣдкій случай. Не надобно терять его. Не знаю, доживемъ ли еще мы до другаго подобнаго явленія...

МЕЛЬНИКОВЪ.

1842 года, 15 мая,
Нижній-Новгородъ.

ся кольцо, и вдругъ ли исчезнетъ, или постепенно; тогда ли только покажутся звѣзды, какъ наступитъ совершенное помраченіе, или нѣсколько прежде? Можно будетъ сдѣлать наблюденія и въ мѣстахъ близкихъ къ предѣламъ полнаго затмѣнія. Здѣсь мы перечислимъ и тѣ русскіе города и извѣстныя мѣста, гдѣ будетъ полное затмѣніе, и тѣ, которыя находятся близъ предѣловъ полнаго затмѣнія. Къ первымъ принадлежатъ: Луцкъ, Дубно, Ровно, Острогъ, Заславль, Кременецъ, Старо-Константиновъ, Новгородъ-Волынскій, Житомиръ, Родомыслъ, Остеръ, Козелецъ, Нѣжинъ, Черниговъ, Борзна, Городня, Сосница, Коронъ, Путивль, Конотопъ, Королевецъ, Глуховъ, Новгородъ-Сѣверскій, Сѣвскъ, Дмитріевъ, Дмитровъ, Кромы, Фатежъ, Щигры, Курскъ, Льговъ, Рыльскъ, Землянскъ, Задонскъ, Усмань, Липецкъ, Елецъ, Ливны, Малоархангельскъ, Новосиль, Ефремовъ, Данковъ, Лебедянь, Землянскъ, Козловъ, Тамбовъ, Кирсановъ, Чембаръ, Моршанскъ, Пенза, Кузнецкъ, Городище, Нижній-Ломовъ, Сызранъ, Ставрополь, Самара, Сингилей, Симбирскъ, Сергіевскъ, Богоруслань, Белебей, Стерлитамакъ, Верхоуральскъ. — Ко вторымъ: Замосцье, Ковель, Мозырь, Рѣчица, Новая Вилица, Новомѣсто, Стародубъ, Суражъ, Мглинъ, Карачевъ, Орелъ, Мценскъ, Рязскъ, Керенскъ, Саранскъ, Инсаръ, Пронзино-Городище, Котяковъ, Шешкѣевъ, Троицкъ (Пензен. Губ.), Наравгатъ, Карсунь, Бугульма, Уфа, Бузулукъ, Уральскъ, Волжинъ, Хвалынскъ, Саратовъ, Петровскъ, Нижнедѣвицкъ, Воронежъ, Харьковъ, Тимъ, Обоянь, Суджа, Бѣлополье, Недригайловъ, Ромны, Прилуки, Кіевъ, Васильковъ, Бердичевъ, Хмельникъ, Летичевъ, Проскуровъ и др. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ затмѣніе, быть-можетъ, будетъ и полное. Полагаютъ, что въ этихъ 120 пунктахъ, можно будетъ сдѣлать много наблюденій; редакція «Отеч. Записокъ» съ благодарностью пріиметъ всякое дѣльное объ этомъ извѣстіе, которое кому-либо изъ наблюдавшихъ угодно будетъ прислать ей для помѣщенія въ журналѣ.

Ред.

Digitized by Google

О ХУДОЖНИКѢ (*).

(Изъ «Эстетики» Гегеля.)

—

Всякое художественное произведеніе, какъ произведеніе человѣческаго духа, предполагаетъ производящую субъективную дѣятельность. Эта субъективная дѣятельность есть творческая фантазія художника — принадлежность генія и таланта. Законы ея, собственно, не подлежатъ философскому изслѣдованію, не смотря на часто-повторяемый вопросъ о томъ, откуда художникъ имѣетъ способность концепціи и выполненія, какъ онъ дѣлаетъ свои произведенія. Многимъ хотѣлось бы имѣть, такъ сказать, рецептъ творчества. Такъ, кардиналъ д'Эсте, прочитавъ «Роланда», спрашивалъ у Аріоста, откуда онъ взялъ содержаніе своей поэмы. Рафаэль на подобный вопросъ отвѣчалъ въ извѣстномъ письмѣ, что онъ стремится къ своей идеѣ. Мы разсмотримъ творческую дѣятельность въ трехъ отношеніяхъ:

Во-первыхъ, утвердимъ понятіе художническаго генія и такъ-называемаго вдохновенія.

Во-вторыхъ, разсмотримъ объективность творческой дѣятельности.

Въ-третьихъ, изслѣдуемъ характеръ истинной оригинальности.

I. Фантазія, геній и вдохновеніе.

Слово «геній» требуетъ точнѣйшаго опредѣленія; его безъ различія употребляютъ, говоря о художникахъ, полководцахъ, государяхъ и ученыхъ. Здѣсь мы различимъ три стороны:

а) *Фантазія.*

Фантазія есть общая способность къ художественнымъ произведеніямъ —по-преимуществу художническая способность; но фантазіи художника не должно смѣшивать съ простымъ страдательнымъ воображеніемъ. Фантазія всегда творитъ.

α) Къ этой творческой способности принадлежатъ, во-первыхъ, способность и умѣнье принимать въ себя явленія дѣйствительности — наблюдательность, посредствомъ которой въ духѣ напечатлѣваются многоразлич-

(*) Желая познакомить читателей «Отечественныхъ Записокъ» съ превосходнымъ сочиненіемъ Гегеля: «Vorlesungen über die Aesthetik», изданнымъ ученикомъ его Гото, мы намѣрены перевести изъ него нѣсколько статей. Помѣщаемъ прежде другихъ статью *О Художникѣ*, какъ потому-что она составляетъ нѣчто цѣлое, такъ и потому-что изъ ней видно воззрѣніе Гегеля на искусство вообще,— воззрѣніе уже не новое для читателей «Отеч. Записокъ». *Ред.*

Digitized by Google

ные образы всего сущаго,—и память, способность сохранять пріобретенія наблюдательности. Въ этомъ отношеніи, художникъ не долженъ ограничиваться своими собственными выдумками, но отъ пустоты такъ-называемыхъ идеаловъ обращаться къ дѣйствительности. Идеальное начало въ искусствѣ и поэзіи всегда подозрительно: художникъ долженъ черпать изъ полноты жизни, а не изъ полноты отвлеченныхъ общностей, потому-что, какъ въ философіи мысль, такъ въ искусствѣ дѣйствительное внѣшнее проявленіе составляетъ стихію творчества. Художникъ долженъ усвоить себѣ эту стихію: онъ долженъ какъ-можно-болѣе видѣть, слышать и понимать. Вообще, великія личности почти всегда отличаются огромною памятью: что интересуетъ человѣка, то онъ помнитъ, а глубокій духъ интересуется многимъ. Такъ началъ Гёте и въ-продолженіи всей жизни расширялъ кругъ своихъ созерцаній. Эта способность и интересъ къ опредѣленному принятію въ себя дѣйствительности въ ея живыхъ образахъ, вмѣстѣ съ способностію сохранять свои созерцанія—составляетъ первое требованіе. Съ точнымъ знаніемъ наружнаго вида должно соединить знакомство съ внутреннимъ міромъ человѣка, съ страстями души и цѣлями желаній, и къ этому двойному знанію присовокупить еще знаніе того образа, какимъ внутреннее духа выражается въ дѣйствительности—и просвѣчиваетъ сквозь ея внѣшность.

β) Далѣе, фантазія не останавливается на этомъ принятіи въ себя внѣшней и внутренней дѣйствительности, потому-что идеально-художественное произведеніе не есть только проявленіе внутренняго духа въ дѣйствительности внѣшнихъ образовъ, но вмѣстѣ и проявленіе самой въ себѣ и для себя сущей истины и разумности дѣйствительнаго. Эта разумность избраннаго предмета должна быть въ сознаніи художника, должна побуждать его —и онъ долженъ обдумать существенное и истинное во всемъ его объемѣ и во всей его глубинѣ. Безъ размышленія, человѣкъ не можетъ сознать того, что въ немъ есть, и въ каждомъ великомъ произведеніи замѣтно, что предметъ былъ строго взвѣшенъ и обдуманъ во всѣхъ отношеніяхъ. Одна фантазія еще не произведетъ великаго. Изъ этого не слѣдуетъ, что художникъ долженъ въ формѣ философскаго мышленія понять истину всѣхъ вещей, которая составляетъ общее основаніе въ философіи, религіи и искусствѣ. Философія для него необходима, и, по формѣ знанія, есть дѣло прямо-противоположное искусству. Задача фантазіи состоитъ въ томъ, чтобъ сознать упомянутую внутреннюю разумность не въ формѣ общихъ положеній и представленій, но въ конкретномъ образѣ и индивидуальной дѣйствительности. Поэтому, художникъ долженъ представить то, что въ немъ живетъ и движется, въ формахъ и явленіяхъ, образы которыхъ онъ въ себя принялъ и которые онъ для своихъ цѣлей умѣетъ такъ устроить, что они будутъ способны принять и вполнѣ выразить само въ себѣ разумное. При этомъ взаимнопроникновеніи разумнаго содержанія и реальнаго образа, художникъ долженъ взять въ пособіе съ одной стороны отчетливость разсудка, съ другой стороны всю глубину души и живость чувства. Глупо думать, что такія творенія, какъ на-пр. гомеровы, могли привидѣться художнику во снѣ. Безъ разсудительности, выбора, различенія—художникъ не овладѣетъ съ содержаніемъ, которому намѣренъ дать образъ, и смѣшно

вѣрить, что истинный художникъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Сверхъ того, ему нужна сосредоточенность чувства.

γ) Именно чрезъ это чувство, которымъ цѣлое проникается и одушевляется, художникъ дѣлаетъ свой предметъ и его воплощеніе какъ-бы своимъ собственнымъ *я*, какъ-бы самою внутреннею принадлежностію своего субъекта. Образная созерцательность дѣлаетъ всякое содержаніе внѣшнимъ, и только чувство удерживаетъ его въ субъективномъ единствѣ съ внутреннимъ *я*. Въ этомъ отношеніи, художникъ долженъ не только хорошо познакомиться съ внутренними и внѣшними явленіями жизни, но и самъ много перечувствовать. Его духъ, его сердце должны быть глубоко заняты и тронуты, онъ долженъ самъ испытать и пережить многое прежде, нежели будетъ въ-состояніи представить въ конкретныхъ образахъ истинную глубину жизни. Поэтому, хотя геній и является иногда еще въ юности, какъ напр., у Гёте и Шиллера, но только въ лѣта мужества и старости творчество можетъ достигнуть совершенной зрѣлости.

b) *Талантъ и геній.*

Творческая дѣятельность фантазіи, посредствомъ которой художникъ само въ себѣ разумное дѣлаетъ внутри себя, какъ свое собственное произведеніе, дѣйствительнымъ образомъ—называется геніемъ, талантомъ и т. д.

α) Стороны генія мы уже разсмотрѣли. Геній есть общая способность къ созданію художественнаго произведенія и энергія въ образованіи и выполненіи. Въ то же время, эта способность и энергія суть только субъективны, потому-что духовно творить можетъ только сознающій себя субъектъ, который творчество дѣлаетъ *для* себя цѣлію. Обыкновенно различаютъ геній и талантъ. Дѣйствительно, они не тожественны непосредственно, хотя ихъ тожественность необходима *для* совершеннаго творчества. Такъ какъ искусство все индивидуализируетъ и доходитъ до реальнаго, дѣйствительнаго проявленія своихъ произведеній, то *для* различныхъ родовъ этого осуществленія оно требуетъ различныхъ способностей. Одну такую способность можно назвать *талантомъ* — такъ иные имѣютъ талантъ играть на скрипкѣ, другіе пѣть, и т. д. Простой талантъ можетъ успѣть только въ такой отдѣльной сферѣ искусства, и *для* своего совершенства требуетъ общей способности къ искусству и одушевленія, составляющихъ удѣлъ *генія*. Поэтому, талантъ безъ генія не много чѣмъ превосходитъ просто-механическое умѣнье.

β) Обыкновенно говорятъ, что талантъ и геній должны быть врожденными. Это справедливо съ одной стороны и ложно съ другой. Человѣкъ, какъ человѣкъ—рожденъ также *для* религіи, *для* мышленія, *для* науки, т. е. какъ человѣкъ, онъ имѣетъ способность пріобрѣсть сознаніе Бога и возвыситься до философскаго познанія. *Для* всего этого нужны только — рожденіе, воспитаніе, образованіе, прилежаніе, и т. д. Другое дѣло искусство: оно требуетъ спеціальной способности, въ которой врожденность играетъ существенную роль. Такъ какъ изящное есть идея, осуществленная въ чувственномъ и дѣйствительномъ, и искусство представляетъ духовное въ непосредственномъ бытіи *для* слуха и зрѣнія, то художникъ долженъ творить не въ исключительно-духовной формѣ мышленія, но въ предѣлахъ созерцанія и чув-

Digitized by Google

ства, притомъ въ связи съ чувственнымъ матеріаломъ и въ его элементѣ. Это художественное творчество, какъ и вообще искусство, заключаетъ въ себѣ сторону непосредственности и естественности, сторону, которой субъектъ не можетъ произвесть самъ, а долженъ имѣть отъ природы. Только въ этомъ значеніи талантъ и геній можно называть врожденными. Равнымъ образомъ, многія искусства болѣе или менѣе національны и находятся въ связи съ природой народовъ. Итальянцы имѣютъ пѣсни и мелодіи почти отъ природы; напротивъ того, у сѣверныхъ народовъ, не смотря на ихъ старанія—музыка и опера, какъ померанцовыя деревья, не могутъ совершенно освоиться. Грекамъ врожденно прекрасное образованіе эпической поэзіи и особенно совершенство скульптуры, тогда, какъ Римляне почти не имѣли самостоятельнаго искусства, хотя и пересадили его на свою почву изъ Греціи. Болѣе всего распространена поэзія, потому-что въ ней не важны требованія чувственнаго матеріала и его образованія. Въ области поэзіи, народныя пѣсни болѣе другихъ родовъ національны и въ связи съ природой народа—вотъ почему онѣ почти всегда относятся къ самому началу духовнаго образованія и сохраняютъ всю прелесть непосредственности. Гёте почти во всѣхъ родахъ поэзіи произвелъ художественныя творенія, но самыя глубокія и, такъ сказать, неумышленныя произведенія его суть его первыя пѣсни. Для нихъ не нужно большаго образованія. Новые Греки и теперь поютъ много пѣсень. Храбрый подвигъ, смертный случай, его особенныя обстоятельства, погребеніе, новое угнетеніе со стороны Турковъ, — словомъ, всякое происшествіе у нихъ сейчасъ обращается въ пѣсню, и бываютъ примѣры, что въ самый день битвы является пѣснь на одержанную побѣду. Форіель издалъ собраніе такихъ ново-греческихъ пѣсень, составленное частію со словъ женщинъ, кормилицъ и нянекъ, которыя не могли понять, чему онъ такъ удивлялся въ ихъ пѣсняхъ. Такимъ образомъ, искусство и извѣстный способъ его производительности находятся въ связи съ извѣстною національностію народовъ. Такъ Италія—родина удивительнѣйшихъ импровизаторовъ. Итальянецъ часто импровизируетъ драму въ пяти актахъ и въ его импровизаціи нѣтъ ничего выученнаго прежде, но все является вдругъ, въ-слѣдствіе знанія страстей и положеній и въ-слѣдствіе глубокаго одушевленія. Одинъ бѣдный импровизаторъ такъ одушевился и разгорячился, что, обходя съ шляпой своихъ слушателей, продолжалъ декламировать, махалъ руками и разсыпалъ деньги, которыя ему положили въ шляпу.

γ) Такъ какъ геній заключаетъ въ себѣ эту сторону естественности, то къ нему принадлежитъ также легкость внутренней производительности и внѣшней технической способности къ какому-нибудь искусству. Много говорятъ о трудностяхъ, которыя представляютъ поэту стихосложеніе и рифмы или живописцу рисунокъ, знаніе красокъ, свѣта и тѣни; конечно, для каждаго искусства нужны продолжительное ученіе, постоянное прилежаніе, навыкъ; но чѣмъ талантъ или геній богаче, тѣмъ незамѣтнѣе для него трудности въ пріобрѣтеніи способностей, необходимыхъ для художественной дѣятельности. Истинный художникъ имѣетъ природное стремленіе давать образъ всему, что чувствуетъ или представляетъ. Эти образы соста-

Digitized by Google

вляютъ его способъ чувствованія и представленія, который онъ находитъ въ себѣ безъ труда, какъ единственный, свойственный ему органъ выраженія. Музыкантъ, напр., можетъ только въ мелодіяхъ показать глубину души своей, и все, что онъ чувствуетъ, непосредственно переходитъ у него въ мелодію, такъ какъ у живописца въ образы и краски, а у поэта въ поэзію представленій, которая свои образы облекаетъ словами и ихъ благозвучіемъ. Эта образовательная способность находится въ художникѣ не только какъ теоретическое представленіе, воображеніе, чувство, но и непосредственно, какъ практическое чувство, т. е. какъ способность дѣйствительнаго исполненія. Въ истинномъ художникѣ должны быть обѣ стороны. Что живо въ фантазіи художника, то сейчасъ переходитъ въ его пальцы, какъ на уста наши переходитъ то, что мы думаемъ, или какъ наши внутреннія мысли, представленія и чувства непосредственно проявляются въ нашемъ положеніи и движеніяхъ. Истинный геній всегда легко владѣлъ техническимъ исполненіемъ, такъ-что даже бѣдный и по видимому неспособный матеріалъ принуждалъ онъ принять и выразить внутренніе образы фантазіи. И такъ, хотя художникъ долженъ упражненіемъ довести естественный даръ свой до совершенной легкости, однакожь возможность непосредственнаго исполненія должна быть въ немъ отъ природы; одна пріобрѣтенная способность никогда не произведетъ живаго творенія. Обѣ стороны — внутренняя производительность и ея осуществленіе, сообразно понятію искусства, должны быть въ художникѣ равно развиты.

c) *Вдохновеніе.*

Дѣятельность фантазіи и техническаго исполненія, разсматриваемая само-по-себѣ, какъ состояніе художника, обыкновенно называется вдохновеніемъ.

α) Касательно происхожденія вдохновенія существуютъ многоразличныя мнѣнія.

$\alpha\alpha$) Такъ-какъ геній вообще состоитъ въ тѣсной связи духовнаго и физическаго, то многіе думали, что одушевленіе можно произвести чувственнымъ возбужденіемъ. Но теплота крови еще не составляетъ вдохновенія, шампанское еще не даетъ поэзіи; Мармонтель, напр., разсказываетъ, что онъ въ Шампаніи въ одномъ погребѣ имѣлъ передъ собой до 6,000 бутылокъ шампанскаго и, не смотря на это, ему не пришло въ голову ничего поэтическаго. Подобнымъ образомъ, лучшій геній можетъ утромъ и вечеромъ, въ прохладѣ свѣжаго воздуха, ложиться на зеленую травку и смотрѣть въ небо—все это не навѣетъ на него тихаго вдохновенія.

$\beta\beta$) Вдохновенія нельзя вызвать и однимъ духовнымъ намѣреніемъ творить. Кто только предполагаетъ вдохновиться, чтобъ написать стихотвореніе, написать картину или создать мелодію, не имѣя еще въ себѣ живаго, дѣятельнаго содержанія—и принуждетъ тамъ-и-самъ искать предмета, тотъ въ-слѣдствіе одного только намѣренія, не смотря на весь талантъ свой, не будетъ въ состояніи зачать или произвесть истинно-художественное произведеніе. Ни упомянутое чувственное возбужденіе, ни одно намѣреніе не даютъ истиннаго вдохновенія, и кто прибѣгаетъ къ нимъ, тотъ показываетъ этимъ, что его сердце и фантазія еще не имѣютъ въ себѣ истиннаго

Digitized by Google

интереса. Когда, напротивъ, художническое побужденіе истинно, этотъ интересъ еще прежде обращается на извѣстное содержаніе, имъ сохраняемое.

γγ) Истинное вдохновеніе одушевляется какимъ-нибудь предметомъ, взятымъ фантазіею для художественной обработки, и есть состояніе дѣятельнаго творчества, какъ въ субъективной внутренности, такъ и въ объективномъ исполненіи произведенія, — потому-что вдохновеніе необходимо для этой двойной дѣятельности. Спрашиваютъ, какимъ образомъ содержаніе должно прійдти къ художнику, чтобъ привесть его въ одушевленіе? Мнѣнія объ этомъ весьма различны. Съ одной стороны, часто слышно требованіе, чтобъ художникъ содержаніе свое черпалъ только изъ себя. Это дѣйствительно бываетъ, когда художникъ «поетъ какъ птичка, живущая въ вѣтвяхъ». Собственная веселость служитъ тогда поводомъ и вмѣстѣ содержаніемъ, которое извнутри стремится наружу для собственнаго же наслажденія. Тогда «пѣсня, вытекающая изъ души, есть богатая награда» (*). Съ другой стороны, величайшія художественныя произведенія часто возникали въ-слѣдствіе внѣшняго повода: такъ пѣсни Пиндара написаны большею частію по порученію; такъ часто художникамъ даютъ цѣль и содержаніе для зданій и картинъ—и они одушевляются заданнымъ. Даже иногда слышны жалобы художниковъ на то, что у нихъ нѣтъ предметовъ, которые бы они могли обработать. Такая внѣшность и ея побужденіе къ творчеству составляютъ здѣсь моментъ естественности и непосредственности, принадлежащихъ къ понятію таланта, и должно имѣть вѣсъ относительно начала одушевленія. Съ этой стороны, положеніе художника таково, что онъ, какъ природный талантъ, приходитъ въ соотношеніе съ готовымъ, даннымъ содержаніемъ, находя себя возбужденнымъ — чрезъ какой-нибудь внѣшній поводъ, событіе, или, какъ на-прим., Шекспиръ, черезъ саги, баллады, хроники, — обработать это содержаніе и запечатлѣть его своимъ духомъ. И такъ, поводъ къ творчеству можетъ быть совершенно-внѣшнимъ; — важно только требованіе, чтобъ художникъ имѣлъ существенный интересъ, и чтобъ предметъ былъ въ немъ живъ. Тогда вдохновеніе генія прійдетъ само собою. Истинно одушевленный художникъ именно чрезъ это одушевленіе находитъ тысячу случаевъ къ дѣятельности и одушевленію,—случаевъ, которыхъ другіе совсѣмъ не замѣтятъ.

β) Въ чемъ же состоитъ вдохновеніе? Быть вдохновеннымъ значитъ совершенно наполниться своимъ предметомъ, жить въ немъ, предаться ему вполнѣ, и успокоиться только тогда, когда онъ будетъ художественно образованъ и выраженъ.

γ) Если такимъ образомъ художникъ долженъ совершенно усвоить себѣ предметъ, то наоборотъ онъ долженъ забыть свою субъективную особенность и ея случайную частность, и съ своей стороны совершенно погрузиться въ содержаніе, такъ, что онъ, какъ субъектъ, дѣлается какъ-бы

(*) Это стихи Гете:

Ich singe, wie der Vogel singt
Der in den Zweigen wohnet
Das Lied, das aus der Kehle dringt
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Digitized by Google

формою, въ которую отливается овладѣвшее имъ содержаніе. Вдохновеніе, при которомъ субъектъ дорожитъ собою, какъ субъектомъ,—вмѣсто того, чтобъ быть органомъ и живымъ движеніемъ самого предмета, — плохое вдохновеніе. Эта мысль можетъ служить переходомъ къ такъ называемой объективности художественныхъ произведеній.

II. Объективность представленія.

а) Объективность, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, понимаютъ такъ, что въ художественномъ произведеніи всякое содержаніе должно принять форму уже-существующей дѣйствительности и явиться намъ въ этой уже-извѣстной внѣшности. Еслибъ мы захотѣли удовлетвориться такою объективностью, то могли бы назвать и Коцебу объективнымъ поэтомъ: у него почти вездѣ найдете обыкновенную дѣйствительность. Но цѣль искусства состоитъ именно въ томъ, чтобъ уничтожить какъ содержаніе, такъ и форму явленія ежедневности, и только само въ себѣ разумное посредствомъ духовной дѣятельности известь извнутри въ его истинный внѣшній образъ. Далѣе, хотя такая объективность заключаетъ въ себѣ много живости и производитъ своимъ внутреннимъ одушевленіемъ сильное впечатлѣніе, но если ей не достаетъ истиннаго содержанія — одна она никогда не составитъ истиннаго изящества. И такъ художникъ не долженъ искать одной внѣшней объективности безъ всякаго субстанціальнаго содержанія.

b) Во второмъ родѣ объективнаго пониманія, внѣшнее, какъ внѣшнее, не бываетъ цѣлію; но художникъ обнимаетъ свой предметъ своею внутреннею глубиною чувства. Это внутреннее чувство остается столь замкнутымъ и сосредоточеннымъ, что не можетъ пробиться къ сознательной ясности и къ истинному развитію. По этому, краснорѣчіе пафоса ограничивается только тѣмъ, что намекаетъ о себѣ посредствомъ внѣшнихъ явленій, которымъ оно сочувствуетъ, не имѣя ни силы, ни образованія, необходимыхъ для полнаго развитія всего содержанія. Таковы, по-большей-части, всѣ народныя пѣсни; простыя по наружности — онѣ указываютъ на болѣе глубокое чувство, которое лежитъ въ ихъ основаніи, но не умѣетъ ясно высказаться. Здѣсь искусство не достигло еще степени развитія, на которой содержаніе становится какъ-бы прозрачнымъ, и должно довольствоваться тѣмъ, что внѣшностями намекаетъ о немъ нашему чувству. Сердце здѣсь сжато и въ себѣ замкнуто; чтобъ сдѣлать себя понятнымъ для другихъ, оно отражается только въ конечныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и явленіяхъ, которыя, однакожь, говорятъ за него, если имъ данъ хоть самый легкій намекъ на чувство. Гёте написалъ въ этомъ родѣ превосходныя пѣсни; одна изъ лучшихъ есть «Жалобы Пастуха», въ которой сердце, томимое скорбью и желаніемъ, глухо выражается совершенно-внѣшними чертами, а между-тѣмъ вся пьеса проникнута невыразимою глубиною сосредоточеннаго чувства. Въ «Лѣсномъ Царѣ» и во многихъ другихъ пьесахъ господствуетъ тотъ же тонъ. Впрочемъ, этотъ родъ можетъ дойдти до пошлости, которая, не давая разумѣть сущности предмета и положенія, ограничивается однѣми конечными внѣшностями, частію грубыми, частію безвкусными. Не стоитъ тру-

Digitized by Google

да приводить примѣры такой пошлости. — Общій недостатокъ этого рода объективности, есть отсутствіе дѣйствительнаго, яснаго обнаруживанія чувства и страсти, которыя въ истинномъ искусствѣ не должны оставаться одною замкнутою въ себѣ внутреннею глубиною; но или совершенно высказаться сами собою, или ясно и вполнѣ просвѣтлить внѣшность, въ которую онѣ облекаются. Шиллеръ, напр., отдается своему паѳосу всею душою, но душою великою, которая вселяется въ сущность предмета, и всю глубину его высказываетъ свободно и блистательно во всей полнотѣ богатства и благозвучія.

c) Въ этомъ отношеніи, сообразно понятію идеала, мы можемъ и со стороны субъективнаго обнаруженія—полагать истинную объективность въ томъ, чтобъ отъ настоящаго содержанія предмета, одушевившаго художника, ничего не задерживалось въ субъективной внутренности; но чтобъ все развивалось вполнѣ и въ такомъ видѣ, въ которомъ бы общая душа и субстанція избраннаго предмета были столько же явственны, сколько субъективное образованіе совершенно-окончено—и притомъ ими проникнуто. Высочайшее и превосходнѣйшее не то, чего нельзя выразить, и глубина художника не болѣе глубины его твореній; напротивъ, въ нихъ лучшая часть художника, его сущность, то, что онъ дѣйствительно есть; а что остается внутри, то ложь.

3. Манера, стиль и оригинальность.

Объективность, въ упомянутомъ смыслѣ этого слова, есть необходимое требованіе искусства; при всемъ томъ, представленіе — дѣло вдохновенія художника, когда онъ, какъ субъектъ, совершенно сливается съ предметомъ, котораго художественное воплощеніе изводитъ изъ внутренней жизни своего сердца и своей фантазіи. Это единство субъективности художника и истинной объективности представленія есть третья главная сторона, которую мы теперь вкратцѣ разсмотримъ. Въ ней мы видимъ соединеніе того, что мы прежде раздѣлили: генія и объективности. Это единство даетъ понятіе истинной оригинальности.

Прежде, нежели приступимъ къ точному опредѣленію этого понятія, обратимъ вниманіе на два пункта, которыхъ односторонность должна быть уничтожена для достиженія истинной оригинальности: это—субъективная манера и стиль.

a) *Субъективная манера.*

Что касается до манеры, то ее вообще должно отличать отъ оригинальности. Она принадлежитъ частнымъ, слѣдовательно, случайнымъ свойствамъ художника, когда она, не вытекая изъ самого предмета и его идеальнаго представленія, рѣзко выказываются въ созданіи и исполненіи художественнаго произведенія.

α) Манера, въ этомъ смыслѣ слова, не касается общихъ родовъ искусства, которые сами-по-себѣ требуютъ различныхъ способовъ представленія, какъ напр., ландшафтный живописецъ понимаетъ предметы иначе, нежели историческій; эпическій поэтъ иначе, нежели лирическій, или драматическій; она есть личный, только одному извѣстному субъекту принадле-

Digitized by Google

жащій образъ пониманія и случайная особенность въ исполненіи, которая можетъ довести до совершеннаго противорѣчія съ истиннымъ понятіемъ идеала. Съ этой точки зрѣнія, манера — самый важный недостатокъ художника; вмѣсто того, чтобъ дать жить въ себѣ искусству, онъ отдается своей субъективности. Искусство вообще уничтожаетъ простую случайность содержанія и внѣшняго явленія; почему оно требуетъ, чтобъ и художникъ отрѣшился отъ своихъ случайныхъ частностей и субъективныхъ свойствъ.

β) Во-вторыхъ, манера иногда не противорѣчитъ прямо истинно-художественному представленію, но предоставляетъ себѣ только внѣшнія стороны произведенія, гдѣ даетъ волю особенности субъективнаго способа выраженія. Этотъ родъ манеры имѣетъ мѣсто преимущественно въ живописи и музыкѣ, — искусствахъ, представляющихъ болѣе внѣшнихъ сторонъ для пониманія и исполненія. Здѣсь личный, одному художнику и его послѣдователямъ принадлежащій способъ представленія, чрезъ частое повтореніе обратившійся въ привычку, составляетъ манеру, которая обыкновенно имѣетъ двѣ стороны:

αα) Первая сторона касается пониманія, или способа видѣть предметы. Тонъ воздуха, форма деревьевъ, раздѣленіе свѣта и тѣни, наконецъ вообще колоритъ допускаютъ въ живописи безконечное разнообразіе. Особенно въ колоритѣ и освѣщеніи находимъ мы у живописцевъ большую разницу и особенность. Можетъ-быть, это зависитъ отъ тона красокъ, котораго мы вообще не видимъ въ природѣ, не обращая на него вниманія. Тотъ или другой живописецъ замѣтилъ его, усвоилъ себѣ и привыкъ видѣть все въ этомъ родѣ колорита и освѣщенія. Это можетъ случиться не только съ однимъ колоритомъ, но и съ самыми предметами, ихъ группировкой, положеніемъ, движеніемъ, характеромъ, и т. д. Особенно у Нидерландцевъ часто встрѣчается этотъ родъ манеры; сюда принадлежатъ, напр., ночныя сцены Фан-дер-Неера, съ его луннымъ сіяніемъ; песчаные холмы Фан-дер-Гоена, во многихъ его ландшафтахъ; блескъ атласа на разныхъ картинахъ другихъ мастеровъ.

ββ) Далѣе, манера простирается на самое выполненіе,—движеніе кисти, очерки, сліяніе красокъ, и т. д.

γγ) Когда такой спеціальный способъ пониманія и представленія, черезъ частое повтореніе, сдѣлается привычкой и какъ-бы второй натурой художника, тогда можно опасаться, что манера (и чѣмъ она спеціальнѣе, тѣмъ скорѣе) обратится въ безжизненное подражаніе и поддѣлку, въ которой не будетъ ни художническаго духа, ни вдохновенія. Тогда искусство унизится до простаго рукодѣлья, и сама-по-себѣ хорошая манера сдѣлается пошлою и безжизненною.

γ) Истинная манера избѣгаетъ этой ограниченной особенности, которая легко обращается въ дѣло простой привычки. Художникъ общимъ образомъ держится природы предмета, умѣя усвоить себѣ этотъ общій образъ. Въ этомъ смыслѣ, у Гёте, напр., можно назвать манерой привычку не только свѣтскія, но и важныя стихотворенія оканчивать шуточнымъ оборотомъ. Горацій, въ письмахъ своихъ, слѣдуетъ той же манерѣ. Этотъ оборотъ вообще приличенъ житейскому разговору и свѣтскому спокойствію,

Digitized by Google

которое, не любя углубляться въ предметъ, отъ серьёзнаго и глубокаго шутя переходитъ къ веселому. Это, конечно, манера и дѣло субъективности, но субъективности, которая держится общаго, и поступаетъ такъ, какъ необходимо поступать въ сферѣ предположеннаго способа представленія. Отъ этой послѣдней степени манеры мы можемъ перейдти къ стилю.

b) *Стиль.*

Le style c'est l'homme même—извѣстная французская пословица. Здѣсь стилемъ называется вообще свойство субъекта, которое ясно выказывается въ его способѣ выраженія, въ оборотахъ, и т. д. Руморъ (Итал. Изсл. I, 6—87) подъ словомъ «стиль» разумѣетъ — «доведенное до привычки подчиненіе себя внутреннимъ требованіямъ матеріала, въ которомъ скульпторъ дѣйствительно образуетъ предметы, а живописецъ представляетъ ихъ образы». Въ этомъ отношеніи, Руморъ сообщаетъ чрезвычайно-важныя замѣчанія о способѣ представленія, который допускается или воспрещается чувственнымъ матеріаломъ, на-пр. скульптуры. Однакожь слова «стиль» не должно ограничивать одной только стороной чувственнаго матеріала; напротивъ, его можно относить къ законамъ художественнаго представленія, проистекающимъ изъ свойства того рода искусства, въ сферѣ котораго содержаніе приводится въ исполненіе. Такъ, въ музыкѣ, церковный стиль отличаютъ отъ оперная, въ живописи историческій отъ ландшафтнаго, и т. д. Стиль тогда означаетъ способъ представленія, соотвѣтствующій столько же условіямъ матеріала, сколько и требованіямъ рода искусства и его законамъ, вытекающимъ изъ понятія. Недостатокъ стиля, въ этомъ болѣе обширномъ значеніи, есть или неспособность усвоить такой самъ-по-себѣ необходимый способъ представленія, или субъективный произволъ, который, вмѣсто требованій закона, отдается собственной прихоти и избираетъ худую манеру. Поэтому, какъ замѣчаетъ и Руморъ, несправедливо переносить законы стиля отъ одного рода искусства къ другому, какъ это сдѣлалъ на-пр. Менгсъ въ своемъ извѣстномъ собраніи музъ въ Вилла-Альбани, гдѣ онъ «окрашенныя формы своего Аполлона составилъ и исполнилъ по началамъ скульптуры». Подобнымъ образомъ, изъ многихъ картинъ Дюрера видно, что онъ усвоилъ себѣ стиль рѣзьбы и подражалъ ему особливо въ складкахъ платья.

c) *Оригинальность.*

Истинная оригинальность состоитъ не въ соблюденіи законовъ стиля, но въ субъективномъ одушевленіи, которое, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать одной манерѣ представленія, беретъ само въ себѣ разумное содержаніе и изъ глубины художнической субъективности воспроизводитъ его согласно съ духомъ и понятіемъ извѣстнаго рода искусства и согласно съ общимъ понятіемъ идеала.

α) По этому, оригинальность тожественна съ истинною объективностію, и соединяетъ субъективное представленіе съ предметнымъ—такимъ образомъ, что у обѣихъ сторонъ не остается ничего взаимно-противоположнаго. Съ одной стороны, она составляетъ внутреннее свойство художника, съ другой не представляетъ ничего, кромѣ природы предмета, такъ что

Digitized by Google

упомянутое свойство является только свойствомъ самого предмета—и столько же вытекаетъ изъ него, сколько онъ самъ вытекаетъ изъ творящей субъективности.

β) Оригинальность прежде всего должно отличать отъ произвольности и субъективности простыхъ причудъ. Обыкновенно, подъ оригинальностію разумѣютъ странности, которыя свойственны только одному извѣстному субъекту, и никому другому не прійдутъ въ голову. Это не болѣе, какъ дурная частность. Если слово «оригинальность» принимать въ такомъ смыслѣ, то никто не можетъ быть оригинальнѣе Англичанъ; многіе изъ нихъ отдаются какой-нибудь глупости, въ которой ни одинъ умный человѣкъ не станетъ имъ подражать—и, сознавая свою глупость, они называютъ себя оригинальными.

Сюда же относится знаменитая въ наше время оригинальность остроумія и юмора. Въ этомъ родѣ юморя, художникъ дѣлаетъ исходнымъ пунктомъ свою субъективность и безпрестанно возвращается къ ней, такъ, что собственно на предметъ представленія онъ смотритъ только какъ на поводъ къ остроумнымъ выходкамъ, шуткамъ и причудамъ субъективности. Тогда предметъ и субъективное художника распадаются, съ содержаніемъ поступаютъ произвольно, чтобъ только на первомъ планѣ выставить особность художника. Такой юморъ часто бываетъ исполненъ духа и глубокаго чувства, увлекаетъ и поражаетъ, но вообще онъ легче, нежели думаютъ. Безпрестанно прерывать разумное развитіе предмета, произвольно начинать, продолжать и кончать, пестрыми кучами бросать остроты и чувства—и чрезъ это раждать каррикатуры фантазіи, гораздо-легче, нежели во свидѣтельство истиннаго идеала развить изъ себя и окончить стройное цѣлое. Современный юморъ любитъ выказывать отвратительность необразованнаго таланта, и отъ настоящаго юмора переходитъ къ пошлости и пустой болтовнѣ. Истинный юморъ рѣдокъ; но теперь считаютъ остроумными и глубокими самыя пошлыя тривіальности, если только онѣ имѣютъ наружныя краски и претензію юмора. Юморъ Шекспира великъ и глубокъ, хотя и у него встрѣчаются плоскости. Юморъ Жанъ-Поля часто поражаетъ глубиною мысли и красотою чувства, но столь же часто и страннымъ соединеніемъ предметовъ, которые не имѣютъ между собою никакой связи и которыхъ отношенія, даннаго имъ юморомъ, почти нельзя понять. Такіе предметы не находятся въ памяти даже величайшаго юмориста—и въ комбинаціяхъ Жанъ-Поля часто замѣтно, что они не вытекли изъ силы генія, но взяты извнѣ. Чтобъ всегда имѣть новый матеріалъ, Жанъ-Поль дѣйствительно заглядывалъ въ разнороднѣйшія книги, ботаническія, юридическія, философскія; записывалъ, что его поражало, прибавлялъ къ этому свои замѣчанія, и въ собственныхъ сочиненіяхъ соединялъ самыя разнородныя вещи — бразильскія растенія и древній имперскій судъ. Это нравилось, какъ оригинальность, или извинялось, какъ юморъ, который все допускаетъ. Истинная оригинальность чуждается такой произвольности.

При этомъ случаѣ, можно упомянуть объ иронiи, которая особенно тогда выдаетъ себя за высочайшую оригинальность, когда для нея неважно никакое содержаніе, и она шутитъ только для шутки. Съ другой стороны, она

Digitized by Google

соединяетъ въ своихъ произведеніяхъ множество внѣшностей, которыхъ внутренній смыслъ поэтъ таитъ про-себя; при чемъ вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобъ увѣрить, что именно въ этихъ комбинаціяхъ и внѣшностяхъ скрыта поэзія поэзіи, все глубокое и превосходное, чего, впрочемъ, по причинѣ его глубины, нельзя высказать. Такъ въ стихотвореніяхъ Фридриха Шлегеля, когда онъ еще считалъ себя поэтомъ, невысказанное выдавали за лучшее; но эта поэзія поэзіи скоро оказалась пошлою прозою.

γ) Истинно-художественное произведеніе должно быть свободно отъ этой ложной оригинальности; оригинальность его замѣчается въ томъ, что она является какъ собственное твореніе единаго духа, который ничего не заимствуетъ извнѣ, но даетъ выліться цѣлому самому изъ себя въ строгой послѣдовательности, за одинъ пріемъ и въ одну форму. Когда сцены и мотивы условлены не сами собою, но чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, тогда нѣтъ внутренней необходимости ихъ соединенія, и они только случайно связаны третьимъ—чужою субъективностію. Такъ «Гёцъ» Гёте особенно возбудилъ удивленіе своею оригинальностію, не смотря на то, что въ этомъ твореніи, Гёте, смѣло попралъ всѣ законы тогдашнихъ теорій изящнаго. Впрочемъ, исполненіе въ этомъ юношескомъ твореніи не совершенно-оригинально: въ немъ видна еще бѣдность собственнаго содержанія; мѣстами многія черты и цѣлыя сцены, не вытекая изъ великаго предмета, заимствованы отъ интересовъ времени, когда написана драма, и введены извнѣ. Сцена, напр., Гёца съ братомъ Мартиномъ, намекающимъ на Лютера, заключаетъ въ себѣ представленія, заимствованныя Гёте отъ вещей, на счетъ которыхъ въ его время въ Германіи снова начали жалѣть о монахахъ, что они пили вино, имѣли трудное пищевареніе и давали три обѣта: быть бѣднымъ, цѣломудреннымъ и послушливымъ. Братъ Мартинъ восхищается рыцарскою жизнью Гёца: «какъ онъ, обремененный добычей враговъ, вспоминаетъ, кого сшибъ съ коня, прежде нежели тотъ успѣлъ выстрѣлить, кого повалилъ вмѣстѣ съ конемъ, потомъ поѣхалъ въ замокъ и нашелъ жену» и пр. Онъ пьетъ за здоровье Елисаветы и утираетъ глаза. Не такими мыслями началъ Лютеръ; но какъ благочестивый монахъ, онъ почерпнулъ изъ Августина совершенно-другое, глубокое, религіозное созерцаніе и убѣжденіе. Подобнымъ образомъ, въ ближайшихъ сценахъ встрѣчаются педагогическія размышленія, возбужденныя въ то время Базедовомъ. «Дѣти» говорилъ Базедовъ: «учатся многому для нихъ непонятному; истинная же метода состоитъ въ томъ, чтобъ чрезъ созерцаніе и опытъ научать ихъ предметамъ реальнымъ». Карлъ говоритъ отцу наизустъ совершенно-такъ, какъ была мода говорить во время юности Гёте: «Якстгаузенъ есть деревня и замокъ на рѣкѣ Якстѣ, принадлежитъ около двухъ-сотъ лѣтъ фамиліи Берлихингенъ» и т. д. Когда же Гёцъ спрашиваетъ его: «знаешь ли ты г-на Берлихингенъ?» мальчикъ безмолвно глядитъ на него, и отъ великой учености не узнаётъ своего отца. Гёцъ увѣряетъ, что онъ зналъ всѣ ходы, дороги и тропинки прежде, чѣмъ умѣлъ назвать рѣку, замокъ и деревню. Все это посторонніе вещи, непринадлежащія къ содержанію, между-тѣмъ, какъ тамъ, гдѣ оно могло быть обнято во всей его глубинѣ, напр., въ разговорѣ

Digitized by Google

Гёца и Вейслингена,—являются только холодныя, прозаическія размышленія о времени.

Подобныя прибавки, невытекающія изъ содержанія, встрѣчаются и въ Wahlverwandschaften; таковы: устройство парка, живыя картины, качаніе маятника, чувство металла, головныя боли, взятый изъ химіи образъ химическаго сродства. Въ романѣ, дѣйствіе котораго относится къ извѣстному прозаическому времени, конечно, можно позволить подобныя вещи, особливо, если онѣ введены съ такимъ искусствомъ и пріятностію, какъ у Гёте; притомъ, художественное произведеніе не можетъ совершенно освободиться отъ вліянія современнаго образованія; но иное дѣло отражать въ себѣ это образованіе, — иное дѣло заимствовать матеріалы извнѣ, независимо отъ собственнаго содержанія. Настоящая оригинальность художника и произведенія состоитъ въ томъ, чтобъ быть одушевлену разумностію истиннаго содержанія. Когда художникъ усвоилъ себѣ этотъ объективный разумъ, не примѣшивая къ нему ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ, чуждыхъ для него частностей, тогда въ изображаемомъ предметѣ онъ выражаетъ и себя, въ своей истинной субъективности, которая служитъ только, такъ-сказать, живымъ проводникомъ оконченнаго въ самомъ-себѣ произведенія. Вообще, во всякомъ истинномъ мышленіи и дѣйствіи настоящая свобода даетъ въ себѣ дѣйствовать субстанціальному, какъ силѣ, которая въ то же время есть собственная сила субъективнаго мышленія и хотѣнія, такъ что всякое противорѣчіе уничтожается въ ихъ совершенномъ примиреніи. И такъ, хотя оригинальность въ искусствѣ и поглощаетъ всякую случайную особенность, но она поглощаетъ ее только для того, чтобъ художникъ могъ вполнѣ отдаться своему геніальному вдохновенію, и, вмѣсто прихоти и пустаго произвола, въ своемъ твореніи представить свое истинное *я*. Не имѣть никакой манеры, всегда почиталось истинно-великою манерою, и только въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Софоклъ, Рафаэль и Шекспиръ могутъ быть названы оригинальными.

Съ нѣмец. **Ш. К.**

Digitized by Google

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАРТЪ 1842 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— На точномъ основаніи VIII ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 16-го апрѣля 1841 года о новомъ размѣнѣ ссудъ кредитныхъ установленій, повелѣно: помѣщикамъ, нежелающимъ воспользоваться выдачею копій со свидѣтельствъ для представленія въ залогъ по подрядамъ и откупамъ, производить изъ сохранныхъ казенъ дополнительныя по установленнымъ удостовѣреніямъ ссуды на нижеслѣдующемъ основаніи: 1) размѣръ дополнительныхъ ссудъ губерній всѣхъ трехъ разрядовъ, помянутымъ манифестомъ установленныхъ, опредѣляется въ 10 руб. сер. на душу; 2) выдача этихъ ссудъ производится по свидѣтельствамъ гражданскихъ палатъ послѣдней ревизіи и описаніямъ, какія донынѣ были представляемы; 3) если въ-продолженіе займа потребовалось бы отдѣлить изъ заложеннаго имѣнія какое-либо селеніе, то опекунскіе совѣты будутъ изъявлять согласіе на отдѣлъ онаго съ такимъ только количествомъ земли, слѣдуя установленной въ 4-й статьѣ пропорціи, которое сохраняло бы достаточное обезпеченіе, какъ въ отдѣльномъ, такъ и въ остальномъ заложенномъ имѣніи. 4) Для назначенія дополнительной ссуды постановляется необходимымъ условіемъ, чтобъ на каждую ревизскую душу приходилось удобной земли, со включеніемъ лѣсныхъ дачъ и отхожихъ пустошей, если и тѣ и другія состоятъ въ единственномъ владѣніи: а) въ имѣніяхъ губерній перваго разряда не менѣе пяти десятинъ; б) въ имѣніяхъ губерній втораго разряда не менѣе шести десятинъ, и в) въ имѣніяхъ губерній третьяго разряда не менѣе семи десятинъ; 5) если при разсмотрѣніи свидѣтельствъ гражданской палаты окажется, что въ нѣкоторыхъ изъ значащихся въ оном селеній, имѣющихъ особую межу, приходится земли менѣе требуемаго на каждую душу количества, то таковыя селенія исключаются при назначеніи дополнительной ссуды; 6) помѣщикамъ, въ имѣніяхъ которыхъ земля остается еще въ чрезполосномъ владѣніи, въ дополнительной ссудѣ отказывается; 7) помѣщикамъ Губерній Витебской и Могилевской, имѣнія которыхъ, на основаніи правилъ о залогахъ на питейные откупа съ 1843 по 1847 годъ, распубликованныхъ при указахъ 31-го іюля 1841 года, не принимаются въ дополнительный залогъ по винными откупамъ, по копіямъ со свидѣтельствъ,

Digitized by Google

дополнительной ссуды не назначается, и 8) прочія существующія нын дополнительныхъ ссудахъ правила, заключающіяся въ §§ 114, 115, 117 118 Устава Сохранной Казны, сохраняютъ всю прежнюю ихъ силу. Что к касается до копій со свидѣтельствъ, для представленія въ залогъ по подр дамъ и откупамъ, то выдача оныхъ, на основаніи VIII ст. Всемилостивѣ шаго манифеста 16-го апрѣля 1841 года остается на существующем основаніи.

— Обнародованы копіи и переводы деклараций, размѣненныхъ между нашимъ посланникомъ при саксонскомъ дворѣ, тайнымъ совѣтникомъ Шредеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ его свѣтлости кня Шварцбургъ-Рудольштадтскаго г. фон-Витцлебеномъ, о взаимной отмѣн вычета съ переводимыхъ за границу наслѣдственныхъ и другихъ имѣній, принадлежащихъ россійскимъ подданнымъ и подданнымъ Княжества Шварцбургъ-Рудольштадтскаго.

— Обнародованы дополнительныя правила для карантинныхъ портовъ, составленныя въ видахъ сокращенія таможенныхъ формъ и удобства для торговли.

— Для споспѣшествованія посѣва картофеля Высочайше повелѣно: 1) во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ государственные крестьяне производятъ уже посѣвъ картофеля, продолжить дѣйствіе принятыхъ досель мѣръ, подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ, для разведенія картофеля и снабженія крестьянъ сѣменами, заведены были особые участки при волостныхъ правленіяхъ, учредить таковые при всѣхъ сельскихъ обществахъ и производить на оныхъ воздѣлываніе картофеля, доколѣ не распространится разведеніе его между государственными крестьянами въ достаточной мѣрѣ, и 2) государственныхъ крестьянъ, отличающихся особенными противу прочихъ успѣхами въ разведеніи картофеля, представлять къ награжденію золотыми и серебряными медалями, по установленному порядку. Сверхъ того, для возбужденія общаго между ними въ сей дѣлѣ соревнованія, назначить на счетъ предоставленныхъ въ распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ суммъ особыя награды денежными преміями.

— Обнародована дополнительная инструкція о бракѣ щетины, отпускаемой отъ санктпетербургскаго порта за границу. Эта инструкція, проектированная вновь для усовершенствованія брака означеннаго товара и согласно съ новыми за границу требованіями, допускается въ дѣйствіе въ такомъ только случаѣ, когда явятся желающіе продавецъ и покупатель по взаимному согласію браковать щетину, въ-отношеніи ея качества, по содержащимся въ этой инструкціи новымъ правиламъ.

— Въ февралѣ 1838 года учреждены при Канцеляріи Министра Внутреннихъ Дѣлъ для успѣшнѣйшаго производства поступающихъ въ нее дѣлъ особаго рода два временные стола, съ отнесеніемъ положеннаго для этого по штату расхода на счетъ остатковъ отъ суммъ сего министерства. Нынѣ существованіе этихъ столовъ Высочайше разрѣшено продолжить впредь до окончанія находившихся дѣлъ, съ отнесеніемъ потребныхъ на сіе издержекъ на счетъ остатковъ отъ операціонныхъ суммъ Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Digitized by Google

— Высочайше разрѣшено: оканчивающійся 5-го апрѣля сего года срокъ дозволенію вывозить за границу канаты и веревки безъ платежа отпускныхъ пошлинъ продолжить еще на три года по прежнему основанію.

— Обнародованъ Уставъ Больницы Всѣхъ Скорбящихъ.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Дозволено учредить въ городѣ Алатырѣ одну семидневную ярмарку съ 29-го числа іюня, подъ названіемъ петровской.

— По вопросу: слѣдуетъ ли утверждать продажу заложенныхъ въ Грузинскомъ и нѣкоторыхъ другихъ приказахъ общественнаго призрѣнія имуществъ, за цѣну, какая бы на окончательныхъ торгахъ ни состоялась, Государственный Совѣтъ постановилъ: продажу съ публичнаго торга фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ тамъ, гдѣ принятіе ихъ въ обезпеченіе выдаваемыхъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія ссудъ дозволено, утверждать окончательно за тѣмъ, кто въ установленномъ порядкѣ предложитъ высшую предъ другими цѣну, хотя бъ цѣна сія не равнялась оцѣнкѣ и не покрывала всего долга приказу. Взысканіе же недостающей, въ такомъ случаѣ, для пополненія означеннаго долга суммы, обращается по судебному приговору на цѣновщиковъ, или при несостоятельности ихъ, на общество, ихъ избравшее.

— Въ Могилевской Губерніи, между городомъ Могилевымъ и селомъ Рабовичемъ учреждены двѣ новыя почтовыя станціи въ селеніяхъ: Амховой и Бѣлицѣ, которыя отстоятъ, первая отъ Могилева въ $18^2/_8$ верстахъ, и послѣдняя отъ Амховой въ 18, а отъ Рабовичъ въ $19^2/_8$ версты.

— По случаю возникшаго въ Лифляндской Казенной Палатѣ вопроса о томъ, къ которому министерству, Юстиціи или Государственныхъ Имуществъ, должно отнести отчетность въ денежныхъ суммахъ при ревизіи приходорасходныхъ книгъ приходскихъ судовъ въ Лифляндіи, признано, что суды сіи, по роду ихъ дѣйствій, по зависимости отъ мѣстъ, входящихъ въ составъ Министерства Юстиціи и по порядку подчиненности, на основаніи § 9 Высочайше утвержденныхъ 15-го іюня 1830 года правилъ отчетности, подчиняются вѣдомству сего же министерства, и, подобно другимъ судамъ, въ предъидущемъ § означеннымъ, должны быть причислены къ мѣстамъ 1-й судебной инстанціи, получать приходорасходныя книги отъ Лифляндской Казенной Палаты, вести ихъ посредствомъ чиновника, исправляющаго должность казначея, свидѣтельствовать книги и капиталы чрезъ присутствующихъ въ судахъ и представлять книги на ревизію въ Лифляндскую Казенную Палату.

— Высочайше повелѣно: въ видахъ пользъ внутренняго судоходства и улучшенія торговли въ Рыбинскѣ, учредить въ семъ городѣ особую судоходную расправу, съ отдѣленіемъ ея и въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— Для установленія опредѣлительнаго порядка по пріему товаровъ въ одесскій карантинъ и по передачѣ ихъ въ портовую таможню, и въ видахъ облегченія купечества и корабельщиковъ составлены и обнародованы особыя правила, по которымъ таможенный досмотръ имѣетъ быть производимъ впредь въ самомъ карантинѣ.

Digitized by Google

— Разрѣшено учредить въ селѣ Хвалынскѣ Саратовской Губерніи ярмарку, съ 14 по 22 сентября, подъ названіемъ Воздвиженской.

— Назначеннаго въ Бердянскѣ на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 4-й день мая 1836 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта въ видѣ опыта на 5 лѣтъ особаго чиновника съ полицейскою властію, повелѣно: оставить навсегда, съ отпускомъ получаемаго имъ нынѣ содержанія по-прежнему изъ Государственнаго Казначейства.

— По разсмотрѣніи предположеній о способахъ къ устройству помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ въ Казанской Губерніи и для пересыльныхъ арестантовъ въ городѣ Казани, повелѣно: установить для собранія нужнаго капитала на означенное устройство особый сборъ съ обывателей Казанской Губерніи, по 5 коп. сереб. съ каждой податной души, и по $\frac{1}{4}$% съ купеческихъ капиталовъ въ годъ, начавъ сей сборъ съ 1842 года и продолжая 7 лѣтъ; но если бъ въ-послѣдствіи оказалось, что для возведенія всѣхъ предположенныхъ зданій, при надлежащемъ хозяйствѣ, можно ограничиться меньшею суммою, нежели какая въ-теченіи семи лѣтъ поступить должна, то предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, дать въ свое время разрѣшеніе на прекращеніе означеннаго сбора.

— Повелѣно: § 24 Положенія о Таврическомъ Мухаммеданскомъ Духовенствѣ 23-го декабря 1831 года, относительно права тамошняго высшаго мухаммеданскаго духовенства и старшихъ изъ приходскихъ чиновъ губернскаго и уѣзднаго городовъ участвовать въ избраніи таврическаго муфтія и кадіэскера распространить и на заштатные города: Бакчисарай, Карасубазаръ и Старый Крымъ.

III. Постановленія относительно службы гражданской.

— Должность управляющаго казенными кирпичными заводами вѣдомства Департамента Военныхъ Поселеній, въ окрестности Санктпетербурга находящимися, причислена для чинопроизводства къ VII разряду, а для назначенія пенсіи къ V разряду пенсіонныхъ окладовъ.

— Должность управляющаго Санктпетербургскимъ Училищемъ Взаимнаго Обученія для бѣдныхъ русскихъ мальчиковъ отнесена, по росписанію должностей гражданской ея службы къ X классу и въ правахъ по чинопроизводству, по мундиру, пенсіямъ и единовременнымъ пособіямъ сравнена съ должностію смотрителей приходскихъ учителей въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Минской и Области Бѣлостокской.

— Высочайше разрѣшено: допустить опредѣленіе молодыхъ людей дворянскаго происхожденія, или имѣющихъ право на классный чинъ во всѣ подвѣдомственныя Попечительному Совѣту заведенія общественнаго призрѣнія въ С. Петербургѣ, съ предоставленіемъ опредѣляющимся въ нихъ молодымъ людямъ тѣхъ же особыхъ правъ и преимуществъ, какія установлены для служащихъ въ губернскихъ городахъ подъ непосредственнымъ надзоромъ начальниковъ губерній; при чемъ возложить на попечителей заведеній имѣть надзоръ за поступающими на службу во вѣренныя имъ заведенія молодыми людьми съ тѣмъ, чтобъ установленныя Высочайшимъ повелѣніемъ 5 января 1837 года донесенія о поведеніи и прилежаніи ихъ были доставляемы къ дѣламъ управленія учрежденій Императрицы Маріи для представленія Государю Императору.

Digitized by Google

IV. Законы Гражданскіе.

— Постановлено: полуторапроцентныя за незастрахованіе залоговъ деньги взыскивать, въ-случаѣ неисправности подрядчика, и по минованіи сроковъ обязательствъ до-тѣхъ-поръ, пока всѣ по этимъ обязательствамъ взысканія будутъ выполнены, полагая однако означенные полтора процента въ годъ съ той лишь суммы, какая по окончательному съ подрядчикомъ разсчету дѣйствительно состоитъ обезпеченіемъ казеннаго начета.

V. Законы Уголовные.

— Въ дополненіе къ статьямъ 26 и 81 Свод. Зак. Угол. (т. XV) постановлено: что впредь купцы 3-й гильдіи и мѣщане, служащіе по выборамъ городскихъ обществъ въ такихъ должностяхъ, которыя положены за-урядъ въ классахъ, на время пребыванія въ сихъ должностяхъ освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія.

— Въ XXX ст. Всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля 1841 года повелѣно: простить взысканія за самовольную порубку, пожогъ, потраву скотомъ, расчистку подъ пашни и другаго рода истребленія казенныхъ лѣсовъ, учиненныя по 1840 годъ государственными крестьянами и другими поселянами, или же священно-и-церковнослужителями; а въ окончаніи этой статьи сказано: «всѣ дѣла по взысканіямъ до сего числа возникшія, вынѣ же прекратить.» Основываясь на этой статьѣ, Правительствующій Сенатъ положилъ: разрѣшить и пеню по означеннымъ взысканіямъ, за неуплату оныхъ исчисленную сложить.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАРТЪ 1842 ГОДА.

Народное Просвѣщеніе. — Для распространенія въ Россіи правильнаго садоводства, министръ государственныхъ имуществъ, признавъ нужнымъ существующія по сей части учебныя и образцовыя заведенія привесть въ систематическое устройство, соотвѣтственное потребностямъ времени, чтобы они могли доставить возможность пріобрѣтать садовниковъ ученыхъ и практическихъ, а равно улучшенныя садовыя и огородныя произведенія, свойственныя различнымъ мѣстностямъ, имѣлъ счастіе представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе слѣдующія предположенія: 1) Заведенія по части садоводства устроить въ трехъ постепенныхъ видахъ: а) главныя училища для образованія садоводовъ съ высшими теоретическими и практическими познаніями; б) училища 2-го разряда для образованія практическихъ садовниковъ или огородниковъ, и с) казенные сады 3-го разряда или питомники, которые могли бы доставлять отсадки и семена всякаго рода полезныхъ растеній и овощей, свойственныхъ мѣстному климату и почвѣ. 2) Къ приведенію положенія сего въ исполненіе приступить, въ настоящее время, въ южныхъ губерніяхъ, и въ-слѣдствіе того учредить Главное Училище Садоводства въ Одессѣ, возвысивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ равную степень съ Главнымъ Одесскимъ Училищемъ Садоводства Никитскій Императорскій Садъ, какъ высшее учебное заведеніе для практическихъ занятій; училища втораго разряда открыть въ губерніяхъ

Digitized by Google

Пензенской и Екатеринославской при существующихъ уже тамъ садахъ, и учредить вновь въ Губерніи Астраханской и Области Бессарабской; за тѣмъ обратить въ садовые питомники Константиноградскій Садъ—въ Полтавской Губерніи, Симферопольскій—въ Таврической Губерніи, Вольскій—въ Саратовской Губерніи и вновь-разводимый садъ близъ Херсона. Сверхъ того, учредить подобные питомники при всѣхъ учебныхъ фермахъ и другихъ подобныхъ тому земледѣльческихъ заведеніяхъ. 3) Въ губерніяхъ средней полосы ограничиться теперь учрежденіемъ однихъ питомниковъ, съ тѣмъ, чтобъ устройство заведеній высшаго разряда вводить тамъ по мѣрѣ расширенія способовъ, для сего необходимыхъ. 4) Въ губерніяхъ сѣверныхъ приступить къ устройству садовыхъ учрежденій въ-послѣдствіи, по усмотрѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ, и также по мѣрѣ способовъ. Вмѣстѣ съ этими предположеніями были представлены проекты штатовъ: a) Главнаго Одесскаго Училища Садоводства, b) Императорскаго Никитскаго Сада и c) Училищъ садоводства 2-го разряда. Государь Императоръ, въ 9 день февраля, удостоивъ Высочайшаго одобренія вышеизложенныя предположенія, и утвердивъ упомянутые штаты, Высочайше повелѣть соизволилъ: a) Объ устройствѣ заведеній по части садоводства. О Главномъ Училищѣ: 1) Въ семъ училищѣ, сообразно съ составленною программою, послѣ общихъ вспомогательныхъ наукъ, преподавать садоводство, какъ теоретически, такъ и практически, во всѣхъ его отрасляхъ, съ присовокупленіемъ свѣдѣній латинскаго языка, сколько нужно для уразумѣнія латинскихъ названій растеніямъ. 2) При училищѣ учредить библіотеку по части садоводства и систематически-устроенный ботаническій партеръ, гдѣ должны быть собраны всѣ дикорастущія растенія Южной Россіи, равно и заграничныя, которыя могутъ быть у насъ оклиматизированы. 3) Курсъ ученія опредѣлить трехгодичный, и по окончаніи его, лучшихъ воспитанниковъ отсылать на одинъ годъ для практики въ Императорскій Никитскій Садъ. 4) Императорскій Никитскій Садъ предназначить для практическаго образованія воспитанниковъ Главнаго Училища и оклиматизированія растеній южныхъ странъ. 5) Во время пребыванія въ Никитскомъ Саду воспитанниковъ Главнаго Училища, посылать ихъ на счетъ доходовъ сего сада, для экскурсій въ страны, прилежащія Черному Морю, въ особенности по южному и восточному его берегу.—Объ училищахъ втораго разряда: сверхъ практическаго изученія садоводства и шелководства, обучать, въ свободное отъ занятій время, и нѣкоторымъ первоначальнымъ предметамъ, сообразно съ программою, составленною въ министерствѣ. 7) Курсъ ученія располагается на четыре года.—О казенныхъ садахъ третьяго разряда или питомникахъ: 8) Сады 3-го разряда или питомники учреждать по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ. 9) Въ сихъ садахъ или питомникахъ производить и шелководство, если оно соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ. 10) При всѣхъ вообще садахъ учреждать также огороды для посѣва красильныхъ, масличныхъ, торговыхъ и огородныхъ растеній, воздѣлываніе которыхъ, по мѣстному положенію сада, будетъ возможно. 11) Отводки, саженцы, сѣмена фруктовыхъ деревьевъ и другихъ растеній раздавать изъ сихъ заведеній за самую умѣренную плату по таксамъ. 12) Содержаніе сихъ заведеній производить изъ собствен-

Digitized by Google

ныхъ ихъ доходовъ съ нѣкоторымъ вспоможеніемъ, въ-случаѣ необходимости, изъ доходовъ другихъ садовыхъ заведеній или изъ общаго садоваго капитала.— в) О пріемѣ воспитанниковъ въ училища садоводства: 13) Въ училищахъ садоводства содержать на казенномъ счетѣ по 10 воспитанниковъ и болѣе, по мѣрѣ денежныхъ средствъ, пріобрѣтаемыхъ отъ продажи садовыхъ произрастеній. 14) Въ число казенно-коштныхъ воспитанниковъ принимаются: въ Главное Училище изъ лицъ всѣхъ свободныхъ состояній, а въ училища 2-го разряда исключительно дѣти государственныхъ крестьянъ, изъ которыхъ отличнѣйшіе могутъ быть переводимы въ Главное Училище. 15) Кромѣ казенно-коштныхъ воспитанниковъ, принимать въ сіи училища и вольныхъ за умѣренную плату. Равнымъ образомъ принимать вольныхъ учениковъ за плату и въ питомники, но единственно для обученія однимъ практическимъ пріемамъ садоводства. 16) Воспитанники изъ государственныхъ крестьянъ доставляются въ училища на счетъ хозяйственнаго комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, а воспитанники другихъ сословій — на собственный счетъ. 17) Дальнѣйшія подробности пріема воспитанниковъ должны быть опредѣлены особою инструкціею министерства, сообразно свойству каждаго заведенія. — с) О выпускѣ воспитанниковъ: 18) Казенные воспитанники, по окончаніи четырехъ-годичнаго курса ученія въ училищахъ садоводства, остаются, въ-теченіи десяти лѣтъ, въ распоряженіи министра государственныхъ имуществъ. 19) Воспитанники Главнаго Училища Садоводства, по окончаніи ученія съ полнымъ успѣхомъ, получаютъ званіе ученыхъ садовниковъ и поступаютъ преимущественно садовниками или ихъ помощниками и шелководами въ казенныя заведенія. Еслибъ случилось, что казенные сады не имѣли вакантныхъ мѣстъ, то воспитанникамъ можетъ быть дано дозволеніе вступать въ частную службу. 20) Ученики Главнаго Училища, по окончаніи полнаго четырехъ-годичнаго курса и по предварительномъ обученіи ихъ практическому употребленію нѣмецкаго языка, могутъ быть посылаемы въ чужіе краи для усовершенствованія. 21) Воспитанники Главнаго Училища, выпускаемые по окончаніи курса съ званіемъ ученыхъ садовниковъ, пользуются преимуществами, дарованными въ Сводѣ Законовъ Т. XI раздѣлъ III, глав. IV ст. 151, воспитанникамъ Технологическаго Института, а выпускаемые изъ училищъ втораго разряда преимуществами, присвоенными вообще ученикамъ учебныхъ земледѣльческихъ фермъ, на основаніи Высочайше-утвержденнаго въ 28 день мая 1841 года положенія объ учрежденіи сихъ фермъ.—д) Объ управленіи заведеніями по части садоводства: 22) Для управленія Главнымъ Училищемъ Садоводства и Императорскимъ Никитскимъ Садомъ, опредѣляются директоры. 23) Для управленія училищами садоводства втораго разряда, назначаются въ-послѣдствіи преимущественно отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ Главнаго Училища, а въ началѣ, до истеченія перваго четырех-годичнаго курса ученія въ семъ училищѣ, вольнонаемные садовники. 24) Для управленія питомниками, назначаются воспитанники, выпускаемые изъ Главнаго Училища Садоводства и училищъ втораго разряда. 25) Училища садоводства и всѣ заведенія по сей части, въ новороссійскомъ краю состоящія, подчиняются, въ техническомъ отношеніи, инспек-

Digitized by Google

тору сельскаго хозяйства южныхъ губерній и предоставляются особенному попеченію новороссійскаго и бессарабскаго генерал-губернатора. 26) Училища садоводства втораго разряда въ Пензенской и Астраханской Губерніяхъ подчиняются, впредь до учрежденія восточной инспекціи сельскаго хозяйства, мѣстному управленію начальниковъ губерній, а въ-послѣдствіи, съ открытіемъ этой инспекціи, главному ихъ наблюденію. 27) Сады или питомники, кромѣ состоящихъ въ новороссійскомъ краѣ, поручаются на томъ же основаніи управленію мѣстныхъ палатъ государственныхъ имуществъ. 28) Обязанности разныхъ лицъ, составляющихъ управленіе садоводствомъ, должны быть въ подробности опредѣлены особою инструкціею Министерства Государственныхъ Имуществъ. 29) Всѣ вышеозначенныя мѣры привести въ дѣйствіе, предварительно въ видѣ опыта, дабы за тѣмъ, по надлежащемъ исправленіи, сообразно мѣстнымъ узаконеніямъ, представить на окончательное утвержденіе въ Государственный Совѣтъ, вмѣстѣ съ прочими предположеніями по Министерству Государственныхъ Имуществъ, въ 1843 году.

— Для предоставленія финляндскому юношеству болѣе средствъ къ пріобрѣтенію съ молодыхъ лѣтъ совершеннаго познанія русскаго языка, Высочайше повелѣно: сверхъ мѣстъ, назначенныхъ уже финляндскимъ уроженцамъ во Второй Санктпетербургской Гимназіи, предоставить симъ уроженцамъ еще четыре мѣста въ этой гимназіи, но съ тѣмъ, чтобъ поступающіе на сіи послѣднія мѣста воспитывались на счетъ финляндскихъ суммъ.

— Высочайше повелѣно: 1) Разрѣшить приведеніе въ дѣйствіе предположенія симбирскаго дворянства о составленіи капитала въ 14,185 р. 71 3/7 к. сер., на построеніе новаго каменнаго дома для Симбирскаго Благороднаго Пансіона возлѣ гимназіи, посредствомъ сбора изъ собственныхъ доходовъ помѣщиковъ по числу владѣемыхъ ими крестьянъ, въ-теченіе двухъ лѣтъ по 2 к. сер. а въ теченіи третьяго года по 1 1/2 к. сер. съ каждой ревизской души. 2) Къ капиталу, который такимъ образомъ составится, присоединить и ту сумму, какая выручена будетъ отъ продажи стараго дома пансіона. 3) Означенный сборъ производить въ-теченіе трехъ лѣтъ изъ доходовъ помѣщиковъ порядкомъ, предписаннымъ въ дополненіи къ 512 ст. Прод. 4 Т. Св. Зак., начавъ его съ сего года, и 4) Распоряженія по возведенію новаго дома для пансіона предоставить по принадлежности ближайшему усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

— *Промышленость.* — Въ-теченіе второй половины 1841 года, при казенныхъ и частныхъ заводахъ Уральскаго Хребта получено золота: казенныхъ 65 п. 32 ф. 20 зол., частныхъ 150 п. 12 ф. 33 зол. Платины: при казенныхъ заводахъ 3 п. 16 ф. 92 зол. 51 д., частныхъ 49 п. 34 ф. 41 зол. 90 долей.

— Выданы привилегіи: 1) Великобританскому подданному инженер-механику Рейнеру, на усовершенствованія въ машинѣ для выдѣлки безконечной бумаги, приспособленныя къ приготовленію оберточной бумаги. 2) Иностранцу Антону Перпинья—на новый движитель, дѣйствующій посредствомъ газа. 3) Иностранцу Генриху Граффу — на изобрѣтенную имъ для приготовленія органсина или шелковой основы машину, на которой соеди-

Digitized by Google

ются пять различныхъ операцій: 1) сматываніе сырца съ коконовъ; 2) ученіе смотанной нити; 3) соединеніе или двоеніе сученыхъ нитей; 4) бу-еніе таковыхъ двухъ нитей въ противномъ направленіи, и 5) мотаніе по-средствомъ мотовила готовой основы въ мотки, употребляемые въ торго-лѣ. Новость этого изобрѣтенія состоитъ въ томъ, что нить сучится по-средствомъ тренія, тогда какъ, до сихъ поръ, шелкъ сучился посредствомъ веретена. Достоинства машины, по объясненію изобрѣтателя, заключают-ся въ томъ, что при совокупномъ отправленіи столь различныхъ опера-цій, она чрезвычайно проста, такъ-что каждый механикъ можетъ устро-ить ее по модели или рисунку, и работникъ, никогда невидавшій ни коко-новъ, ни шелку, можетъ въ нѣсколько дней научиться производить посред-ствомъ ея основу, ни въ чемъ не уступающую лучшей итальянской. Устрой-тво ея обходится очень-дешево, объемъ весьма-невеликъ; машина эта при той же дѣйствующей силѣ, какъ и прежнія машины, или еще и при меньшей, сучитъ нити въ двадцать или тридцать разъ скорѣе. При употре-бленіи ея всѣ переходныя операціи для выдѣлки утка и основы дѣлают-ся излишними, черезъ что сокращаются необходимые расходы. 4) Масаль-скому 1-й гильдіи купеческому племяннику Скаткину и московскому 3-й гильдіи купцу Новикову—на приспособленіе двуконечнаго гидравлическаго пресса къ самокатной машинѣ для перевозки пассажировъ и тяжестей по россійскимъ дорогамъ, какъ равно и вообще къ дѣйствію машинъ. 5) Иностранцамъ Джемсу Гардену Юнгу и Адріану Делькамбру—на изобрѣ-тенную машину для набора типографскихъ шрифтовъ. Изобрѣтатели объ-ясняютъ, что наборъ литеръ посредствомъ этой машины дѣлается гораздо скорѣе и удобнѣе, нежели обыкновеннымъ способомъ; литеры выдвигают-ся на одну или нѣсколько покатыхъ полокъ, и по нимъ уже разными жо-лобами спускаются внизъ и собираются въ ящикѣ, замѣняющемъ обыкно-венные типографскіе верстаки. Машина состоитъ изъ неопредѣленнаго числа клавишей, на подобіе фортепьянныхъ. Клавиши сіи приводятъ въ движеніе рычаги, которые подымаютъ литеры, находящіяся въ открытыхъ ящикахъ, выдвигаютъ ихъ на упомянутыя покатыя полки, по которымъ онѣ собственною своею тяжестію спускаются въ ящикъ, называемый на-борнымъ; въ немъ, какъ на обыкновенной верстати, литеры равняются од-на возлѣ другой, и отсюда уже вынимаются руками и сверстываются въ формы для печатанія.

— Высочайше утверждено товарищество марфинъ-бродской бумагопря-дильни подъ фирмою: «Маренъ-Дарбель и компаніи», состоящее изъ дѣй-ствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Гагарина, супруги его и французскаго подданнаго Маренъ-Дарбель, на основаніи взаимнаго меж-ду ими условія, по коему капиталъ бумагопрядильни состоитъ изъ 120 тысячь р. сер., съ равнымъ въ немъ участіемъ въ прибыляхъ и убыт-кахъ трехъ означенныхъ товарищей; фабрикою же подъ означенною фир-мою управлять, равно какъ подписывать всѣ документы, до управленія относящіеся, будетъ Маренъ-Дарбель, обязанный брать на ту фирму тор-говое свидѣтельство. Товарищество сіе учреждено на 15 лѣтъ.

— Возстановлено существованіе общества мореплаванія и торговли на Черномъ Морѣ и съ Востокомъ на испрашиваемый имъ 23-хъ-лѣтній

Digitized by Google

срокъ, съ преимуществами, предоставленными ему основными статутами. При семъ утверждены дополнительныя къ этимъ статутамъ правила общества, съ такимъ, притомъ, въ 15-й статьѣ статутовъ поясненіемъ, что правительство ныне не принимаетъ на себя ни удостовѣренія въ успѣхѣ предпріятія, ни отвѣтственности въ убыткахъ общества.

— Дозволено коллежскому ассессору Васильеву, коллежскому регистратору Мальцову и курскому 2-й гильдіи купцу Пашутину учредить въ Курскѣ компанію для храненія и залога движимаго имущества, на основаніи представленнаго ими устава. Учрежденіе этой компаніи имѣетъ цѣлію: 1) Предоставить возможность обывателямъ города Курска и жителямъ Курской и сосѣднихъ съ нею губерній, получать денежныя ссуды за узаконенные проценты, подъ залогъ всякаго рода движимаго имущества, и 2) открыть желающимъ изъ упомянутыхъ обывателей, въ случаѣ надобности, удобное и безопасное мѣсто для вѣрнаго сохраненія всякаго рода движимостей. Компанія будетъ выдавать желающимъ денежную ссуду, произвольно по соображенію цѣнности и постоянности цѣнъ вещей, представляемыхъ ей въ залогъ. Такія ссуды будутъ выдаваемы на сроки, по назначенію желающихъ, но не болѣе, какъ на 12 мѣсяцевъ, со взиманіемъ за то узаконенныхъ процентовъ, по разсчету времени сроковъ, изъ шести на сто и сверхъ того, особо на расходы, по осмотру на мѣстахъ закладываемыхъ вещей, по храненію ихъ и пр., единовременно по два процента. Она будетъ принимать на сохраненіе всякаго рода вещи съ отвѣтственностію на нихъ, за умѣренную плату, по соглашенію о ней съ владѣльцами, смотря по цѣнности вещей и качеству ихъ. Принятыя компаніею вещи, какъ для храненія, такъ и подъ залогъ выданной ссуды, могутъ быть по желанію ввѣрившаго продаваемы постороннимъ лицамъ и для сего она, по требованію владѣльца, будетъ доказываемы въ назначенное время. Если вещи, отданныя въ залогъ и для храненія, не будутъ выкуплены въ условленный срокъ, то по истеченіи льготныхъ мѣсяцевъ должны быть продаваемы компаніею съ публичнаго торга; впрочемъ, правленіе компаніи можетъ и продолжать льготное время по соглашенію съ ввѣрившимъ вещи, чтобъ дать ему всякую возможность получить ихъ обратно.

Digitized by Google

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АПРѢЛЬ 1842 ГОДА.

—

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Высочайше-утвержденъ штатъ Канцеляріи Комитета для Уравненія Земскихъ Повинностей, который состоитъ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, изъ товарищей министровъ: государственныхъ имуществъ, финансовъ, и главноуправляющаго путями сообщенія, директора Почтоваго Департамента и, по избранію военнаго министра, одного изъ директоровъ департамента ввѣреннаго ему министерства.

—Высочайше-повелѣно: открыть въ Москвѣ, въ іюнѣ будущаго 1843 г., выставку россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, на основаніи правилъ, постановленныхъ для сего Св. Зак. Т. XI Пост. о Фабр. Завод. и Рем. Промышленности, въ ст. 122 и слѣдующихъ.

— Высочайше-утверждены правила объ отдачѣ нерчинско-заводскихъ земель въ пользованіе частнымъ людямъ.

— Высочайше утверждена составленная на основаніи § 16 Положенія о Таврическомъ Караимскомъ Духовенствѣ, 3 марта 1837 года, форма присяги для Караимовъ на вѣрность службы, а равно форма караимской свидѣтельской присяги, оказавшейся необходимою по дѣламъ уголовнымъ и слѣдственнымъ, къ коимъ могутъ быть прикосновенны Караимы.

— По случаю усилившихся въ Коммерческомъ Банкѣ дѣлъ, требующихъ постояннаго и неослабнаго наблюденія за ходомъ опыхъ, Высочайше разрѣшено: опредѣлить въ него сверхъ штата еще двухъ младшихъ директоровъ, впредь до открытія ваканцій, съ производствомъ имъ до того времени положеннаго содержанія, составляющаго по 1429 р. 60 к. сер. въ годъ каждому, изъ общихъ прибылей Коммерческаго Банка.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно: Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ присоединить къ Министерству Императорскаго Двора на томъ же основаніи, какъ введены въ составъ онаго Министерство Удѣловъ и Кабинетъ. Мундиры же чиновникомъ остаются нынѣ имъ присвоенные.

— Учреждена при министрѣ внутреннихъ дѣлъ особая канцелярія, съ производствомъ на нее изъ Государственнаго Казначейства по 4500 руб. сер. въ годъ по представленному штату, который утвержденъ временно, въ видѣ опыта.

Digitized by Google

II. Губернскія учрежденія (Измененія и дополненія сборовъ и правъ ихъ).

— По уваженію съ одной стороны, что установленный положеніемъ 1 декабря 1838 года дорожный сборъ съ проѣзжающихъ по шоссе между обѣими столицами оказался далеко непокрывающимъ издержекъ казны на содержаніе сего шоссе, а съ другой, что прочность его можетъ быть охранена только большимъ употребленіемъ, при тяжелогрузныхъ транспортныхъ экипажахъ и повозкахъ, дышловой упряжи и широкихъ въ колесахъ ободьевъ, а при экипажахъ зимнихъ — подрѣзей подъ полозьями, Высочайше повелѣно было Главному Управленію Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій составить новую таксу дорожнаго сбора, въ которой соединялись бы обѣ означенныя цѣли, то-есть и усиленіе вообще сбора, чтобъ суммы, употребляемыя нынѣ на ремонтъ шоссе, могли быть обращены на другіе общеполезные предметы, и поощреніе заведенія упомянутыхъ выгоднѣйшихъ для шоссе экипажей, чрезъ обложеніе ихъ соотвѣтственно меньшею платою. Составленныя на этихъ основаніяхъ такса и табель получили 18 февраля сего года Высочайшее утвержденіе и нынѣ обнародованы.

— Существующія въ уѣздныхъ городахъ Московской Губерніи богоугодныя заведенія подчинены вѣдомству Попечительнаго Совѣта Заведеній Общественнаго Призрѣнія въ Москвѣ.

— Лотереи, разыгрываемыя въ пользу Архангельскаго Сиротскаго Суда, подвѣдомственнаго тамошнему Приказу Общественнаго Призрѣнія, освобождены отъ платежа процентнаго сбора, установленнаго 358 и 359 ст. Св. Уст. о Пред. и Прес. Преступ. Это разрѣшеніе распространено и на всѣ сиротскія заведенія вѣдомства приказовъ общественнаго призрѣнія.

III. Законы Гражданскіе.

— Въ поясненіе и дополненіе статей 1535 и 1576-й Св. Зак. Гр. (Т. X) постановлено: 1) Если суммы, присужденныя частному лицу или казнѣ окончательнымъ рѣшеніемъ присутственнаго мѣста, вошедшимъ въ законную силу или неподлежащимъ апелляціи, будутъ удерживаемы послѣ сего безъ согласія лица или мѣста, кому онѣ присуждены, то взыскиваются съ виновнаго въ таковомъ удержаніи съ указными 6%, начиная исчисленіе оныхъ по истеченіи мѣсяца со дня объявленія отвѣтчику упомянутаго рѣшенія по день платежа, безъ всякаго ограниченія. 2) Проценты сіи исчисляются въ совокупности со всей суммы, окончательнымъ рѣшеніемъ присужденной, то-есть, какъ съ самаго капитала, такъ и съ наросшихъ на него, во время продолжавшагося спора и судопроизводства, процентовъ, хотя бы до постановленія того рѣшенія сумма послѣднихъ сравнялась уже съ первымъ. 3) Въ случаѣ неявки истца, особливо же при неизвѣстности его мѣстопребыванія, капиталъ съ причитающимися процентами, по истеченіи мѣсяца послѣ объявленія рѣшенія, можетъ быть внесенъ мѣстомъ или лицомъ, которое обязано заплатить сію сумму, въ губернское правленіе или въ другое правительственное или судебное мѣсто, для передачи истцу, и тогда со времени сего взноса, на общемъ основаніи, прекращается всякая обязанность отвѣтствующаго лица или мѣста въ дальнѣйшихъ

сію сумму процентовъ. 4) Губернское правленіе или другое мѣсто, куда, по предъидущей статьѣ, внесена будетъ отъ отвѣтчика присужденная съ него сумма, по полученіи оной тотчасъ вызываетъ узаконеннымъ порядкомъ истца, для выдачи ему сей суммы, а буде истецъ по истеченіи мѣсяца, послѣ означеннаго вызова не явится, то безотлагательно отсылаетъ ее въ ближайшее кредитное установленіе, съ платою изъ той же суммы вѣсовыхъ и страховыхъ денегъ; но явкѣ же истца выдаетъ ему полученный изъ кредитнаго установленія на тотъ капиталъ билетъ, если только не встрѣтится къ тому препятствія по другимъ дѣламъ, въ коихъ самъ истецъ состоитъ отвѣтчикомъ. 5) На тѣ казенныя и частныя дѣла, по которымъ разсчеты, въ свое время необжалованные, уже кончены, и самое удовлетвореніе сдѣлано безъ причисленія новыхъ процентовъ, дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется.

— Касательно закладываемыхъ въ Грузинскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія имѣній постановлено: 1) Описаніе закладываемыхъ въ сей приказъ недвижимыхъ имѣній возлагается въ Тифлисѣ на городское общественное управленіе, и именно на магалаковъ, а въ прочихъ городахъ на избираемыхъ обществомъ депутатовъ или судей, присутствующихъ въ городскихъ полиціяхъ. 2) Сила постановленнаго въ 4 пунктѣ приложенія къ ст. 241 Уст. о Общ. Призр. (Т. XIII въ Прод.) правила, относительно удостовѣренія вѣрности описаній дворянскихъ земель и садовъ подписью уѣзднаго предводителя, распространяется и на описанія закладываемыхъ въ Грузинскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія заселенныхъ имѣній.

IV. Постановленія относительно состояній.

— Предоставленное нижнимъ воинскимъ чинамъ, изъ государственныхъ крестьянъ, водворяющимся въ казенныхъ селеніяхъ, Высочайше утвержденнымъ 16 апрѣля 1841 года положеніемъ, право просить дозволенія о водвореніи при себѣ, съ причисленіемъ въ полушный окладъ, одного изъ сыновей-кантонистовъ, повелѣно распространить на всѣхъ вообще отставныхъ нижнихъ чиновъ и ихъ семейства.

— Волостнымъ головамъ и старшинамъ-засѣдателямъ, избираемымъ отъ Царанъ, живущихъ на владѣльческихъ или собственныхъ своихъ земляхъ, повелѣно имѣть форменные кафтаны, установленные въ казенныхъ имѣніяхъ для волостныхъ головъ и сельскихъ старшинъ.

— Повелѣно Ламмамъ Нижегородской Губерніи обложить земскимъ сборомъ наравнѣ съ казенными крестьянами за 1842 годъ по 2 к. сер. съ души, съ тѣмъ, чтобъ на будущее время мѣстное начальство не упускало назначенія по раскладкамъ земскихъ повинностей сборовъ съ сего сословія по установленнымъ правиламъ.

— Постановлено: сыновей, рожденныхъ женами солдатъ изъ Тептяръ, а равно и прижитыхъ ими и дочерьми ихъ незаконно, въ военное вѣдомство не обращать.

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 2-й день апрѣля, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено: Въ статьяхъ 440-й и 457-й Св. Зак. о Сост. (т. IX) установлены правила, на основаніи которыхъ помѣщикамъ

Digitized by Google

дозволено обращать крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы, съ утвержденіемъ за собственными землями, по взаимному условію, вознагражденіе. Кромѣ того общимъ правилъ государственной помощи, при заключеніи такихъ условій, предоставлено помѣщикамъ всякими вотчинная собственность сохранялся определены были отношенія къ владѣнія дворовыхъ людей. Мы признали за благо, въ пояснение Своего Зак. о Сост. (т. IX, ст. 442 прим. 3-го) предоставить помѣщикамъ, которые сами того пожелаютъ, вступать съ крестьянами въ по взаимному соглашенію, договоры на такихъ основаніяхъ, чтобы, не стѣсняясь постановленіями о свободныхъ хлѣбопашцахъ, помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю со всѣми ея угодьями и богатствами, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности. При составленіи договоровъ, помѣщики могутъ постановлять съ крестьянами дальнѣйшія условія по взаимному съ ними соглашенію, не противныя разсмотреннымъ въ Государственномъ Совѣтѣ и Нами утвержденныхъ главныхъ правилахъ: 1) повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ могутъ быть определены въ договорахъ денежнымъ оброкомъ, произведеніями, обработываніемъ помѣщичьей земли или другою работою. 2) Въ случаѣ неисполненія крестьянами принятыхъ ими на себя по договору обязанностей, они понуждаются къ тому земскою полиціею, подъ руководствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и подъ высшимъ наблюденіемъ губернскаго правленія. 3) Крестьяне, по подлежащемъ утвержденіи заключенныхъ между ими и помѣщиками договоровъ, принимаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ. 4) Рекрутская повинность въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ отправляется въ общемъ порядку, въ Рекрутскомъ Уставѣ постановленномъ. 5) Записи, ординарнаго продовольствія и особыя въ пожарныхъ случаяхъ, учрежденія на счетъ собственныхъ средствъ обязанныхъ крестьянъ, подъ наблюденіемъ помѣщиковъ; всякіе помѣщики обязанности тѣ на себя принять и исполнять, то подъ наблюденіемъ и при содѣйствіи правительства, въ той мѣрѣ, какъ предписано въ Ов. Уст. о Народ. Продов. (т. XIII) и въ примѣчаніи къ ст. 22-й Прополж. Учр. Губерн. (т. II). 6) Помѣщики сохраняютъ въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ вотчинное управленіе и надзоръ, высшее наблюденіе за сельскою и ихъ полиціею и за исполненіемъ законовъ о сельскомъ благоустройствѣ; имъ принадлежитъ также право суда и расправы къ проступкамъ и маловажнымъ преступленіямъ обязанныхъ крестьянъ и первоначальный разборъ взаимныхъ исковъ ихъ между собою. 7) На заключеніе договоровъ съ крестьянами имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, помѣщики, если пожелаютъ оставить ихъ въ залогѣ, должны имѣть согласіе сихъ установленій. Имѣнія, заложенныя обязанными крестьянами, могутъ быть также заложены въ кредитныхъ установленіяхъ, по соразмѣрности съ постоянными ихъ доходами, определяемыми по пространству и качеству земли, по местнымъ особенностямъ хозяйственной обработки ея, на основаніи особыхъ о томъ правилъ, какія въ каждой губерніи будутъ изданы въ послѣдствіи. 8) Помѣщики не обязаны впредь заключенные ими между собою договоры [illegible] особыми частными условіями [illegible]

Digitized by Google

ненія въ надѣлъ землею и повинностяхъ на опредѣленные сроки, съ обоюднаго согласія, а если имѣнія состоятъ въ залогѣ, то и съ согласія подлежащихъ кредитныхъ установленій, во всѣхъ же случаяхъ не иначе, какъ съ предварительнаго утвержденія правительства. 9) Заключаемые на сихъ основаніяхъ, по собственному желанію помѣщиковъ, договоры составляются на простой гербовой бумагѣ четвертаго разбора и представляются предписаннымъ въ Св. Зак. о Сост. (т. IX), въ ст. 444-й и 449-й порядкомъ, для поднесенія на Наше разсмотрѣніе и утвержденіе.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АПРѢЛЬ 1842 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. Высочайше утверждено положеніе о гальванопластическомъ отдѣленіи при Санктпетербургской Рисовальной Школѣ для приходящихъ. Положеніемъ симъ постановлено: 1) Опредѣленіе это учреждается для преподаванія первыхъ началъ практическаго употребленія гальванопластики. 2) Въ семъ отдѣленіи преподаются правила формировки моделей, практическое устройство гальваническаго аппарата, употребленіе его для фигуръ, барельефовъ, украшеній, снятіе эстамповъ, на мѣди вырѣзанныхъ, и другіе предметы и по удобности пріемы для золоченія посредствомъ гальванической струи. 3) Въ отдѣленіе сіе принимаются, по билетамъ начальника Рисовальной Школы, художники, мастера, подмастерья, ремесленники и нѣкоторые изъ лучшихъ воспитанниковъ Рисовальной Школы, вообще изъ людей извѣстныхъ и добронравныхъ. 3) Годъ раздѣляется, по ближайшей удобности, на нѣсколько курсовъ, и по окончаніи каждаго, начальство школы можетъ выдавать обучавшимся аттестаты о ихъ успѣхахъ. Оно также въ правѣ отказать въ продолженіи ученія тѣмъ, которые не оказываютъ надлежащаго вниманія и поведенія.

Промышленость. Въ округѣ богословскихъ горныхъ заводовъ открытъ мѣдный рудникъ. Значительность его видна уже изъ того, что изъ трехъ только небольшихъ выработокъ уже добыто и проплавлено съ общимъ содержаніемъ: 2 фун. 12¾ зол. въ пудѣ рудъ, 61,347 пуд. и въ нихъ 3275 пуд. мѣди, остается обработанныхъ рудъ 450,000 пуд., полагая, съ уменьшеніемъ противъ проплавленныхъ, 2 ф. мѣди въ пудѣ ихъ. Во всемъ этомъ запасѣ пріобрѣтено 22,500 п. мѣди. Важность открытія этого заключается еще въ весьма основательныхъ надеждахъ на отъисканіе между нимъ и богословскимъ рудникомъ и по обѣ ихъ стороны параллельныхъ рудныхъ пластовъ, какъ это и имѣетъ мѣсто въ турымскихъ и фродовскомъ мѣсторожденіяхъ.

— Выданы привилегіи: а) Австрійской службы майору Фрейзауфу фонъ Нейцеггу на введеніе въ Россію изобрѣтенныхъ имъ новаго устройства пе-

Digitized by Google

чей, значительно сберегающихъ топливо. Особенности приспособленія по объясненію просителя составляютъ: 1) резервуаръ нагреваемаго воздуха; 2) нагревальныя трубы сквозныя; 3) заслонка на перевесѣ, закрывающая дымовое отверстіе; 4) особенной формы кирпичи, которыми выкладывается внутри топка; 6) великобританскому подданному Рейнеру на изобрѣтенный имъ снарядъ, ускоряющій при бумагодѣланіи промывку тряпы и полумассы, подъ названіемъ черпальной машины. Снарядъ этотъ представляетъ слѣдующія выгоды: 1) совершенно уничтожаетъ значительныя потери при размолѣ тряпки, происходящія отъ отдѣленія тончайшихъ частицъ ея, кои быстрымъ круговращеніемъ поля выбрасываются вмѣстѣ съ грязною водою въ особые проводники, и тѣмъ причиняютъ фабрикамъ большіе убытки, достигающіе до 10 процентовъ и болѣе; 2) время, потребное для промывки въ вниженахъ тряпья, уменьшается на половину, а для промывки полумассы почти вчетверо; при операціи этой замѣчательно то, что снарядъ, быстро освобождая тряпьё отъ грязи, способствуетъ въ то же время къ лучшему размолу его безъ потери тѣмъ, что не разсѣкаетъ тряпья въ мелкія частицы, а приводитъ его въ волокнистое качество; повторяя тотъ же процессъ надъ полумассою, онъ совершенно освобождаетъ ее отъ газа въ самое короткое время, и тѣмъ самымъ представляетъ важнѣйшія улучшенія въ бѣлизнѣ бумаги и ея прочности, при переходѣ изъ неклееной въ клееную; 3) снарядъ этотъ немногосложенъ, можетъ быть устроенъ съ небольшими издержками и приспособленъ къ дѣйствію безъ всякой передѣлки вниженъ. с) Коллежскому ассесору Николаю Шишкову — на изобрѣтенный имъ снарядъ для горячей вывочки свекловицы. Изобрѣтатель объясняетъ, что устройство снаряда этого просто и требуетъ менѣе мѣста противъ прежнихъ способовъ, почему постройка завода дѣлается дешевле. Работниковъ менѣе почти вполовину, а при работѣ двумя снарядами вмѣстѣ, сбереженіе работниковъ еще болѣе. Работа можетъ быть применена къ самымъ малымъ размѣрамъ, и тёрка замѣнится рѣзкою.

Благотвореніе. Здѣсь разыграна лотерея въ пользу дѣтскихъ пріютовъ. Въ Калугѣ данъ въ пользу бѣдныхъ духовный концертъ. Въ Тулѣ данъ концертъ въ пользу тамошняго дѣтскаго пріюта. Подвиги добра и благотворительности безпрерывно совершаются на всемъ пространствѣ нашего отечества.

Digitized by Google

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕНОСТЬ ВООБЩЕ.

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе.)

§ 4.

Хозяйственные сравнительные разсчеты, касающіеся посѣвовъ овса и картофеля. Выгоды посѣвовъ корнеплодныхъ растеній. Винокуреніе изъ картофеля.

Въ наше время, взявъ въ примѣръ также иностранное западное хозяйство, многіе сильно заботятся ввести въ полевые сѣвообороты посѣвы корнеплодныхъ растеній, основывая разсчеты свои только на томъ, что на данномъ пространствѣ корнеплодныя растенія несравненно-болѣе дають пищи для человѣка и скота, нежели другія колосовыя. Для того, чтобъ яснѣе оцѣнить эту предполагаемую выгоду, предлагаю сравнительный разсчетъ работамъ для посѣва и уборки одной десятины картофеля и одной овса, и замѣчанія на-счетъ посѣва корнеплодныхъ растеній.

Посѣвъ и обработка овса. — Вообще, наши черноземныя почвы, въ средней и южной полосахъ, еще не требуютъ удобренія для посѣва овса. Онъ порядочно родится и не на тучной землѣ, лишь бы

Digitized by Google

поранѣе былъ посѣянъ, и температура, весною особенно, сколько-нибудь была благопріятна.

Посадка и обработка картофеля. — Картофель не иначе хорошо родится, какъ на нѣсколько-песчаной и тучной почвѣ; слѣдовательно, надобно подъ него землю непремѣнно унавоживать. Нужное количество навоза на экономическую десятину (3,200 кв. с.) опредѣлительно назначить нельзя; это всегда зависитъ отъ качества почвы и ея мѣстнаго положенія. Такъ, на песчаную почву, скатистую, возвышенную и сухую, на старую, выпаханную—надобно класть болѣе удобренія; на песчаный черноземъ, на новыя земли, ровныя и низменныя—менѣе. Однакоже, во всякомъ случаѣ можно утвердительно сказать, что 1000 возовъ ни на какой почвѣ урожая картофеля не испортятъ, какъ потому-что у насъ, въ средней полосѣ, навозъ обыкновенно вывѣтрившійся, плохой (у насъ нѣтъ заведеній, гдѣ бы онъ собирался и хранился такъ же, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ безъ его помощи не можетъ существовать хлѣбопашество), слѣдовательно, 3 телеги такого навоза не стоятъ одной хорошо-сохраненнаго, во время вывезеннаго и запаханнаго; такъ и отъ-того, что для картофеля, равно какъ для рѣпы, или турнепсовъ, свекловицы и моркови, нужно пахать землю двумя вершками глубже, нежели подъ колосовыя растенія; слѣдовательно, этотъ глубоко-вспаханный слой потребуетъ болѣе удобренія, нежели тотъ, который былъ паханъ мельче, независимо отъ-того, что для корнеплодныхъ растеній, особенно въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, нужна почва несравненно-тучнѣе, нежели для ржи, пшеницы и ячменя, и особенно для овса и гречи, которые на слишкомъ-тучной почвѣ, необходимой для посѣва овощей, вмѣсто того, чтобъ дать сильные урожаи, всѣ повылегутъ. Но, надѣясь отчасти на благопріятную температуру, опредѣлимъ на каждую десятину только по 500 возовъ. Это самое бѣдное количество для того, чтобъ получать съ десятины не менѣе 100 четвертей картофеля въ среднеурожайный годъ.

	Люди.	Лошади.
1-й день. Парить землю подъ овесъ сохою на 3 верш. глубины на десятину	3	3
(Но лучше парить подъ овесъ осенью; тогда эта работа не можетъ войдти въ счетъ весеннихъ).		
2-й день. Посѣять и забороновать	1¼	1
(Сѣмянъ отъ 3 до 4 четв. на десятину).		

	Люди.	Лошади.
1-й день. Полагая, что земля, подъ картофель назначенная, въ близкомъ разстояніи отъ жилища, вывезти 500 возовъ навоза, считая на подводу по 10 возовъ, нужно на одинъ день работы для унавоживанія одной десятины . . .	50	50
2-й день. Парить землю подъ картофель плугомъ на 6 вершковъ глубины на десятину	3	9
Растаскивать навозъ и его разбивать	6	»

Digitized by Google

	Люди.	Лошади.
3-й день. Ломать и боронить овесъ	4	4.
4-й день. Полоть овесъ рѣдко случается нужда, когда онъ переломанъ; а если и бываетъ, тогда на десятину не требуется болѣе.	4	»
5-й день. Косить овесъ.	2	»
Связать въ снопы. . . .	4	»
Свезти въ гумно въ свободное время	2	3
Сложить въ одонье. . . .	¼	
Итого на приготовленіе одной десятины земли, посѣвъ, полотье и уборку овса нужно 5 дней.	20½	11
Овса родится на десятинѣ въ порядочный годъ 20 четвертей.		

	Люди.	Лошади.
3-й день. Бороновать. .	1	2
4-й день. Двоить плугомъ же.	2½	5
5-й день. Бороновать. .	1	2
6-й день. Садить картофель.	10	»
Запахивать картофель сохою.	2½	2½
На сѣмена картофелю надобно на десятину отъ 8 до 12 четвертей.		
Укатать десятину послѣ посадки.	½	½
7-й день. Пропахивать картофель сохою.	1	1
8-й день. Матыжить и полоть.	15	»
9-й день. Собирать картофель:		
Подпахивать	3	3
Собирать.	50	»
Возить	3	3
По мѣрѣ того, какъ картофель вырываютъ, его кладутъ въ ровъ на сохраненіе на зиму. Ровъ для храненія 100 четвертей картофеля вырывается въ 2 аршина глубины, 2 аршина ширины и въ 30 аршинъ длины.	8	»
Итого на приготовленіе одной десятины земли, посадку и уборку картофеля нужно 9 дней.	159½	78
Картофелю родится на десятинѣ въ порядочный годъ 100 четвертей.		

Если картофелю въ урожайный годъ можетъ родиться на десятинѣ 200 четвертей, то и овса 40. Однакожь, вообще говоря, у насъ овесъ родится несравненно-лучше картофеля. Напр., въ 1840 году, въ нашемъ околодкѣ овесъ родился весьма-хорошо, но картофеля собирали по 20 четвертей съ десятины только тамъ, гдѣ онъ былъ посаженъ на самой тучной землѣ и обработанъ самымъ отчетливымъ

Digitized by Google

образомъ. Во многихъ мѣстахъ получили не болѣе 10-отъ-того, полагать должно, что злойный 1839 годъ не далъ хорошихъ сѣменъ.

Слѣдовательно, тою же силою, которая нужна на посѣвъ и уборку одной экономической десятины картофеля, можно посѣять овса около восьми. Но, чтобъ не дать ни малѣйшаго повода къ противорѣчію, положимъ только 6 десятинъ,—и тѣ дадутъ, за вычетомъ сѣменъ, 96 четвертей зерномъ (*) и 1,000 пудъ соломы. Ею одною у насъ можно, въ нужномъ случаѣ, во время зимы, прокормить 3-хъ неѣзжалыхъ лошадей, 10 овецъ и 3-хъ коровъ. Этого необходимо-нужнаго для скота сухаго корма, при посѣвѣ картофеля, не будетъ. Но если присовокупить къ соломѣ половину родившагося овса — 48 четвертей, тогда весь вышепоказанный скотъ, во всю нашу зиму, можно будетъ содержать самымъ сытымъ образомъ и сверхъ-того откормить четыре свиньи на убой и безнужно хозяину довольствоваться домашнею птицею—гусями, утками и курами. Остальная половина родившагося овса, также 48 четвертей, продажею ли, или употребленная на домашнія надобности, съ лихвою замѣнитъ сто четвертей картофеля, которыя, говоритъ теорія, по питательности равняются не болѣе, какъ 35 четвертямъ овса.

И такъ, хозяйскіе разсчеты земледѣльцевъ Западной Европы при посѣвахъ корнеплодныхъ растеній опираются на слѣдующія выгоды: 1) съ одного и того же пространства земли, посредствомъ этихъ посѣвовъ, они получаютъ *два урожая* въ одно лѣто, что весьма выгодно тамъ, гдѣ дорожатъ каждымъ аршиномъ земли. 2) Хотя не всегда, но очень-часто не имѣютъ они надобности для этихъ овощей опредѣлять лишніе участки земли и класть на нихъ особенное, дорого-стоящее удобреніе (и то и другое у насъ всегда было бы необходимо); это сокращаетъ значительно издержки, которыя со всѣмъ тѣмъ

(*) Намъ говорятъ, что питательныя части картофеля содержатся къ питательнымъ частямъ овса, какъ 260 къ 740; слѣдовательно, овесъ почти въ три раза питательнѣе картофеля. На эту выкладку химіи, однакоже, можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: годами родится овесъ съ такимъ легковѣснымъ зерномъ, что въ четверикѣ не болѣе 26 фунтовъ (также и картофель иногда родится отъ засухи очень мелокъ, какъ и было въ 1839 году). Но бываетъ въ четверикѣ картофельнаго овса и пудъ вѣса; слѣдовательно, овесъ питательнѣе картофеля болѣе нежели на 50%. Сверхъ того, у насъ сѣются четыре различныя породы овса: русскій, односторонній, черный и картофельный. Всѣ зерна этихъ различныхъ выродковъ имѣютъ относительный свой вѣсъ, равно какъ и кожица, покрывающая ихъ зерна; потому, всѣ они и должны также имѣть относительную и различную степень питательности. Слѣдовательно, для того, чтобъ знать точное количество содержащихся въ овсѣ питательныхъ частей, надобно знать, какой овесъ былъ разложенъ и каковъ былъ въ этотъ годъ наливъ въ зернѣ; да къ тому еще, обмолоченъ ли онъ былъ съ овина, или сыромолотомъ. Это коротенькое разсужденіе о питательности овса указываетъ, кстати, какъ трудно теоріи съ своими общими выкладками и правилами устоять твердо и непоколебимо, когда практика разбираетъ ее своимъ всегда точнымъ образомъ.

Digitized by Google

ючисляются въ Бельгіи по 380 рублей на десятину, а въ Англіи и
ого дороже. 3) Климатъ тамъ, бывъ гораздо-умѣреннѣе нашего и
пособнѣе для взращиванія этихъ кореньевъ, не мѣшаетъ ими кор-
ить зимою скотъ и позволяетъ безъ затрудненій и дорогихъ строе-
ій хранить ихъ для пищи человѣка и его скота зимою, просто, не
инимая къ тому сложныхъ и заботливыхъ мѣръ, которыя въ сѣ-
ерномъ климатѣ необходимы и весьма затруднительны; наконецъ,
) *Данное пространство*, засаженное кореньями, даетъ болѣе про-
зведеній, нежели засѣянное колосовыми растеніями.

Эти четыре главныя причины заставляютъ земледѣльцевъ Запад-
ой Европы дорожить посѣвами корнеплодныхъ растеній, которыя,
ерхъ-того, климатъ никогда убирать не мѣшаетъ.

Три первыя хозяйственныя соображенія для насъ вовсе чужды;
а и четвертымъ въ рѣдкихъ случаяхъ мы можемъ руководствовать-
я, потому (говоря вообще), что мы дорожимъ не пространствомъ
емли, но только временемъ (у насъ въ сѣверной и средней поло-
ахъ, для полевыхъ работъ, не найдется болѣе 5 мѣсяцевъ въ году,
огда-какъ земледѣльцы Западной Европы, въ-продолженіи 10, а мѣ-
тами и болѣе мѣсяцевъ, имѣютъ къ тому возможность), и по климату
ашему, не имѣя средствъ надѣяться, чтобъ, послѣ снятія какого бы
о ни было урожая, у насъ другой вызрѣлъ (*), — мы, слѣдователь-
о, должны, какъ уже сказано, для корнеплодныхъ растеній опре-
ѣлять особенные участки земли, удобривать ихъ независимо отъ
ругихъ посѣвовъ, и такимъ образомъ отнимать не малую часть лѣт-
его времени отъ полевыхъ работъ, для насъ болѣе-выгодныхъ и
обходимыхъ. Отъ-того сѣвернымъ хлѣбопашцамъ посѣвы корне-
лодныхъ растеній становятся съ одной стороны гораздо-дороже
жныхъ; съ другой, эти посѣвы не даютъ намъ необходимо-нужна-
) для нашего скота на зимнее время *сухаго корма*: соломы и зерна.
ерхъ-того, у насъ всѣ корнеплодныя растенія въ первыхъ числахъ
ентября должны быть выбраны и убраны на зиму такъ, чтобъ морозъ
сырость до нихъ не могли касаться; и для того только, чтобъ ими
ормить скотъ зимою, надобно намъ имѣть для скота теплыя помѣ-
енія, хозяину дорогія и убыточныя, а скоту, въ нашемъ кли-

(*) Въ этомъ отношеніи, климатъ, въ средней даже полосѣ, такъ суровъ,
о не только коренья, но греча, вызрѣвающая у насъ отъ посѣва чрезъ восемь
дѣль, если бываетъ, послѣ того, какъ ее побьетъ морозомъ, вторично по-
ѣяна въ концѣ іюня, зеренъ обыкновенно не даетъ, или даетъ очень мало,
та выростаетъ и цвѣтетъ сильно, потому-что оплодотвориться ей прихо-
тся въ августѣ. Тогда день уменьшился уже тремя часами и лучи солнеч-
ые, падая косвеннѣе, нежели въ іюнѣ и іюлѣ, не въ состояніи дать нужную
лу растенію для того, чтобъ оно оплодотворилось, если растеніе зрѣетъ
открытомъ воздухѣ. Конечно, теорія научаетъ насъ, какъ въ нашемъ кли-
атѣ и въ это время заставить гречу вызрѣть: стоитъ только всю ее накрыть
еклянымъ колпакомъ; это средство такъ же выгодно, какъ и искусственная,
рогая обработка земли, для малоцѣннаго растенія.

Digitized by Google

матѣ, вредныя, и сухой погребъ для ихъ храненія; тогда-какъ въ Бельгіи ихъ сохраняютъ просто въ ямахъ, изъ которыхъ выбираютъ коренья во всякое время и сколько надобно (*). Конечно, и мы можемъ тоже травить скотомъ невырытые коренья на нивахъ, какъ это дѣлается въ Англіи, но только въ сентябрѣ, когда и безъ корнеплодныхъ растеній, на обширныхъ нашихъ площадяхъ, подножнаго корма для скота достаточно. Тамъ же, гдѣ огромныхъ площадей нѣтъ, всякое скотоводство у насъ въ убытокъ (см. ниже, § 10, «Хозяйственное раздѣленіе Европейской Россіи на три полосы»).

Взявъ въ соображеніе выгоды, доставляемыя въ Западной Европѣ климатомъ, который служитъ вездѣ основаніемъ устройству и всѣмъ разсчетамъ хозяйскимъ, и наши затрудненія, отъ него же происходящія; тѣсноту, въ которой живутъ Французы, Бельгійцы, Англичане и Нѣмцы, и нашъ просторъ,—ясно, что намъ, сѣвернымъ хлѣбопашцамъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народонаселеніе не получило огородныхъ пріемовъ, или гдѣ оно имѣетъ не очень бѣдное количество пахатныхъ земель; гдѣ земледѣльцы поддерживаютъ свое благосостояніе многочисленнымъ скотоводствомъ, посѣвъ овса въ сѣвооборотѣ несравненно-выгоднѣе и нужнѣе картофеля, тѣмъ болѣе, что онъ доставляетъ здоровую и питательную пищу человѣку, даетъ ему возможность, во всякое время, кормить свой скотъ, какъ зерномъ, такъ и соломою, и куда угодно возить то и другое въ продажу на дальнія разстоянія, тогда, какъ эти разстоянія, вешняя и осенняя распутицы и зимніе морозы въ то время, когда у насъ сбывается избытокъ земныхъ произведеній, не допускаютъ возить на рынки коренья. Слѣдовательно, картофель, морковь, рѣпа и свекла должны составлять въ этихъ нашихъ мѣстностяхъ только домашнюю потребность семьи хозяина и употребляться единственно для ея продовольствія; эти овощи дорого намъ обходятся, сохраняются трудно, не даютъ дешеваго корма для скота, возможности выгодной продажи, и сверхъ-того, по сравненію, для насъ, посѣвъ овса несравненно выгоднѣе посѣва картофеля, особенно, когда въ землѣ нѣтъ ощутительнаго недостатка.

Въ малоземельныхъ имѣніяхъ посѣвы корнеплодныхъ растеній, конечно, нужнѣе, и можно сказать, даже нынѣче необходимы, для обезпеченія продовольствія *бѣдныхъ* земледѣльцевъ. Но и тутъ посѣвъ ихъ долженъ ограничиваться только такимъ пространствомъ земли,— и не въ поляхъ, но на огородѣ,—которое земледѣлецъ съ своимъ се-

(*) Въ ямахъ и рвахъ мы можемъ весьма удобно хранить всѣ коренья (картофель у меня въ Пензенской Губерніи хранится всегда во рвахъ, и не было въ-продолженіе 20 лѣтъ примѣра, чтобъ онъ когда-нибудь замерзъ). Но эти рвы открываются не прежде 25-го марта, когда уже показывается подснѣжная вода. Иначе, если открывать ихъ во время зимы, что было бы необходимо для ежедневнаго корма скота, уберечь отъ мороза картофель чрезвычайно-трудно, сопряжено съ большими заботами, чего въ нашемъ хозяйствѣ всячески избѣгать должно.

Digitized by Google

мействомъ можетъ обработать, и которое бы производило на продовольствіе хозяина только нужное количество этихъ кореньевъ.

Около большихъ городовъ, т. е., близь сосредоточеннаго народонаселенія, — какъ на-пр.: у заставъ московскихъ и петербургскихъ, посѣвъ картофеля и другихъ овощей выгоденъ и въ поляхъ, потому-что тутъ всегда есть на нихъ постоянное требованіе, несущее за собою вѣрный и выгодный сбытъ, на что въ мѣстахъ рѣдко-населенныхъ у насъ надѣяться невозможно. Потому-то живущее у заставъ нашихъ столицъ народонаселеніе, пользуясь этими условіями, засаживаетъ огромныя площади разными овощами, принявъ для того огородную обработку, а въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ сбыта, земледѣльцы засѣваютъ ими только малые участки, на огородахъ.

Въ наше время, также начали помышлять о томъ, какъ бы въ великороссійскихъ губерніяхъ употреблять картофель на винокуреніе, подобно тому, какъ это дѣлается въ Пруссіи и Лифляндіи. Но выгоды такого производства проистекаютъ тамъ отъ двухъ совокупныхъ причинъ: отъ дорогой цѣны на рожь и овесъ и отъ вольной продажи вина, которая въ свою очередь дала возможность въ Лифляндіи всѣмъ помѣщикамъ завести маленькія винокурни, для производства картофельнаго способныя, отъ которыхъ усилилось скотоводство и улучшилась обработка земли. У насъ, въ великороссійскихъ губерніяхъ, ни одного изъ этихъ необходимыхъ условій для сидки вина изъ картофеля не существуетъ; между-тѣмъ, по дешевизнѣ вина, только заводы огромнаго размѣра, гдѣ не можетъ существовать картофельное производство, въ состояніи давать выгоду; слѣдовательно, гнать вино изъ картофеля тамъ, гдѣ рожь и овесъ дешевы и безъ свободнаго винокуренія, кажется, будетъ дѣло не совсѣмъ выгодное.

§ 5.

Цѣны на произведенія окупаютъ значительныя пожертвованія бельгійскаго фермера. Наши цѣны окупить этого не могутъ.

И такъ, въ Бельгіи устройство и ходъ сельскаго хозяйства, приличные климату и мѣстности, какъ уже сказано, окупаютъ ежегодныя издержки фермера и, сверхъ-того, онъ прокармливаетъ свою семью, рабочихъ людей и получаетъ приличное сметливости и дѣятельности своимъ возмездіе, обыкновенно оцѣниваемое отъ 10% до 15% съ положенныхъ имъ капиталовъ.

Но отъ-чего онъ имѣетъ возможность выручать ежегодно-жертвуемые на каждую десятину 380 рублей (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже болѣе) и получать еще сверхъ-того прибыль? Отъ-того, что произведенія земледѣлія: пшеница, рожь, ячмень, сурепица, овесъ, сѣно, солома продаются тамъ въ три и четыре раза дороже, карто-

Digitized by Google

фель въ десять разъ дороже, нежели у насъ. Произведенія скотоводства сбываются также по цѣнамъ несравненно-высшимъ. Слѣдовательно, цѣны на произведенія сельскаго хозяйства стоятъ тамъ такія высокія, что при значительномъ пожертвованіи на обработку земли, возможность прибыли, облегчаемая удобнымъ для сельскаго хозяйства климатомъ, незатрудняемая никакимъ постороннимъ совмѣстничествомъ и труднымъ сбытомъ,—у всякаго въ виду. У насъ, въ средней полосѣ, гдѣ, какъ сказано и доказано, обработка земли становится почти въ четыре раза дороже, нежели въ Бельгіи, произведеніе ея вполовину должно быть менѣе; климатъ заставляетъ кормить скотъ заготовленнымъ сухимъ кормомъ отъ 160 до 240 дней въ году, т. е., все то время, когда скотину нельзя выгонять на пастбища, чего у Бельгійцевъ во все продолженіе года не бываетъ. Между-тѣмъ, всѣ произведенія сельскаго хозяйства продаются, и то если есть возможность ихъ продать, несравненно-дешевле, на-пр.: на многихъ базарахъ средней полосы, въ обыкновенные годы, пудъ говядины на ассигнаціи отъ 1 рубля 50 копеекъ до 3 рублей, коровье масло отъ 10 до 14 рублей, картофель цѣну имѣетъ только въ окрестностяхъ большихъ городовъ, да и тотъ продается обыкновенно отъ 20 до 50 копеекъ за четверикъ малыми количествами; рожь, пшеница, овесъ въ три и четыре раза дешевле; сѣно во многихъ мѣстахъ, въ урожайные годы, не имѣетъ никакой цѣны, а солома и подавно, —отъ-того наши крестьяне и тѣ изъ помѣщиковъ, которые имѣютъ цѣлію выгодное сельское хозяйство и умѣютъ достичь этой цѣли, основывая разсчеты свои на новыхъ цѣнахъ, которыя не даютъ имъ никакой возможности жертвовать огромными капиталами, временемъ, или деньгами, нужными на сложное и дорогое устройство,— ограничиваются, при своихъ разсчетахъ, такими капиталами и пріемами, которые потребны на самое простое и дешевое. И только такое сельское хозяйство приноситъ въ средней полосѣ, особенно при хорошихъ цѣнахъ на хлѣбъ, тѣмъ болѣе выгодъ, чѣмъ менѣе положено на его устройство денежныхъ капиталовъ (*).

(*) У насъ въ Россіи не одно сельское хозяйство требуетъ непремѣнно самыхъ простыхъ и дешевыхъ пріемовъ для полученія значительныхъ выгодъ.

Въ примѣръ можно поставить сложное и огромнымъ капиталомъ устроенное хозяйство барона Унгерна фон-Штернберга. Судя по его же отчетамъ послѣ пяти-лѣтняго существованія, въ немъ не видно и зародыша обѣщанныхъ доходовъ; между-тѣмъ, одинъ изъ двухъ главныхъ предметовъ, обѣщавшихъ золотыя горы, *овцеводство*, до сего времени если и дало, то конечно самую мелкую выгоду, хоть г. барону и очень хочется насъ увѣрить, что онъ уже получилъ выгоду значительную. Опытные хозяева, дѣйствительно, не только до сего 1842 года получили постоянно выгоду отъ мериносовъ, но заведя ихъ отъ 10 до 13 лѣтъ прежде, начинали ее получать на второй годъ послѣ заведенія; причина ясная: они взялись за дѣло спроста, и вмѣсто одного огромнаго денежнаго капитала, употребили огромный здравый смыслъ, или долголѣтнюю опыт-

Digitized by Google

§ 6.

Огородныя и поливныя хозяйства въ Западной Европѣ. Различное ихъ устройство. Во многихъ мѣстностяхъ Западной Европы жители должны были принять огородную обработку. Огородная обработка можетъ и должна бороться съ температурою. Она требуетъ пособія отъ наукъ высшаго разряда. Различіе въ устройствѣ хозяйствъ существуетъ и у насъ. Гдѣ народонаселеніе рѣдкое и земледѣльцы встрѣчаютъ южное совмѣстничество, тамъ они не могутъ сильно удобривать землю. Пространство земли замѣняетъ качество. Выгоды сельскаго хозяйства въ Южныхъ Губерніяхъ.

Впрочемъ, и въ Западной-Европѣ не во всякомъ хозяйствѣ помѣщики приступили къ сложнымъ и дорогимъ пріемамъ. Вотъ въ чемъ

ность, а денежный капиталъ положили такой, какой только былъ необходимъ, и основывались всегда на извѣстной истинѣ — что доходы отъ хлѣбопашества возвышаются и понижаются у насъ быстро, единственно отъ большаго или меньшаго требованія, безъ всякой мѣры и безъ всякаго посредства со стороны хозяина; слѣдовательно, всякій хозяинъ разсчитываетъ на самый низкій доходъ. Доходы съ скотоводства также зависятъ отъ этой причины, но еще болѣе непрочны. Отъ мериносовъ получались важныя выгоды. Нынѣ онѣ упали до-того, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ сѣно можно продавать на мѣстѣ по 30 копеекъ за пудъ и даже менѣе, надобно ихъ уничтожить, потому-что продажа сѣна и соломы, нужныя для мериносовъ, не менѣе ихъ дадутъ выручки, которая получится безъ хлопотъ и заботъ. Тутъ доходы пали отъ упадка цѣнъ на шерсть. Но не одни цѣны на произведенія скотоводства имѣютъ у насъ вліяніе на доходы и недочеты сельскаго хозяина. Всякое скотоводство, въ средней полосѣ, немедленно становится въ убытокъ, какъ только цѣны на хлѣбъ, сѣно и солому сильно возвышаются. Въ эти годы, всякій хозяинъ старается сбыть къ зимѣ большую часть скота, чтобъ потомъ снова завести, когда упадутъ цѣны на хлѣбъ, сѣно и солому.

То же можно сказать и относительно всѣхъ отчетливыхъ, дорогимъ капиталомъ устроенныхъ техническихъ производствъ, и это потому, что всѣ *отчетливыя* произведенія промышленности и фабрикаціи обходятся намъ такъ дорого, что изъ-рукъ-вонъ, и несравненно-дороже, нежели иностранцамъ. Вотъ, по моему мнѣнію, главныя причины, дѣйствующія на такой ходъ дѣлъ. 1) Въ общественномъ народномъ образованіи разительная противоположность: одна половина не имѣетъ понятія о томъ, чего требуетъ другая. 2) Торопливое стремленіе къ предпріятіямъ новымъ, огромнымъ, народу непривычнымъ, для которыхъ по-большой-части нѣтъ, для отчетливаго производства, нужныхъ денежныхъ капиталовъ, умѣнья, точности, предусмотрительности и попеченія; тѣмъ болѣе, что предпріятія, гдѣ имѣется въ виду не качество, но количество, дѣйствительно у насъ обѣщаютъ и даютъ значительнѣйшія выгоды. Но отсюда — избытокъ произведеній, подверженный колеблемому, основанному не на точной надобности, но на биржевой игрѣ сбыту, и безотчетливое производство. 4) По сравненію съ Англіею и Бельгіею, у насъ гораз-

Digitized by Google

дѣло: у Французовъ, Бельгійцевъ, Нѣмцевъ и Англичанъ сельское хозяйство дѣлится на два рода, требующіе совершенно различныхъ пріемовъ. Одно называется petite culture, въ буквальномъ переводѣ: «маленькая обработка». Но смыслъ этого выраженія такой: огородная обработка, или *огородное хозяйство* (я принялъ это послѣднее названіе). Другое называется grande culture, или «большая обработка», которую буду называть *полевою обработкою*, или *полевымъ хозяйствомъ*, противоположнымъ огородному. И тамъ, въ *огородномъ*, всегда устроенномъ на малыхъ площадяхъ, пріемы удобренія и обработка всегда сложнѣе и дороже. Въ *полевыхъ* хозяйствахъ, grande culture, которыя бы у насъ почитались очень незначительными, во Франціи и Бельгіи (подъ фермою самаго большаго объема не числится болѣе 200 казенныхъ десятинъ), и западные иностранные хозяева не смѣютъ приступать къ весьма сложнымъ и дорогимъ пріемамъ и удобреніямъ. Принимая и употребляя, въ этихъ отношеніяхъ, всегда пріемы простые и дешевые, они въ такомъ случаѣ разсчитываютъ свою выгоду болѣе на пространство засѣянныхъ полей, нежели на качество сильно-удобренной почвы. Тамъ, конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ допускается такая обработка; но потому-что въ

до-менѣе рабочихъ дней въ году для всѣхъ работъ. 5) Во многихъ отношеніяхъ, занимаясь техническими производствами, работники вмѣстѣ съ тѣмъ хлѣбопашцы и скотоводы, удѣляющіе не мало времени въ году для-того, чтобъ заботиться о своемъ сельскомъ хозяйствѣ; это удаляетъ ихъ отъ постояннаго навыка и сноровки, необходимыхъ во всѣхъ техническихъ производствахъ; сверхъ-того, ощутителенъ недостатокъ точности и терпѣнія въ ихъ характерѣ. Наконецъ 6) недостатокъ умѣренности въ образѣ жизни производителей: наклонность къ пустой роскоши, или только пьянству — какъ единственнымъ предметамъ, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ умственныя и физическія удовольствія. Читатель, можетъ-быть, пожелалъ бы знать: почему это у насъ такъ велось, ведется и еще долго, долго вестись будетъ? Еслѝъ Пензенскій Земледѣлецъ и могъ посильно удовлетворить такое требованіе—но онъ обѣщалъ разсуждать о сельскомъ хозяйствѣ, а не о государственномъ; это не его дѣло. Впрочемъ, просвѣщенный читатель легко отыщетъ причины, если обратитъ свое вниманіе на обычный русскому народу коренной его бытъ и характеръ, климатомъ, пищею и мѣстными нуждами образованный; на нравственность и образованіе народныя; на степень гражданственности, на политическое раздѣленіе народонаселенія, на бѣдность денежныхъ капиталовъ, на обиліе средствъ, коими у насъ владѣетъ предпріимчивость, составляющая отличительную черту русскаго народнаго характера; на дешевую цѣну хлѣба и вообще продовольствія; на частыя измѣненія въ ходѣ дѣлъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ; на чемъ основана всякаго рода отвѣтственность; на ходъ торговли и ея требованія; на пространство имперіи, на различный ея составъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на свободную внутреннюю торговлю, и на преграду, положенную охранительною системою совмѣстничеству тѣхъ народовъ, которымъ Провидѣніе дало болѣе мѣстныхъ средствъ, чтобъ опередить наше народонаселеніе во всѣхъ условіяхъ и требованіяхъ, налагаемыхъ на общество его гражданственностью.

Digitized by Google

этихъ государствахъ народонаселеніе, живя чрезвычайно-тѣсно, во многихъ мѣстахъ принуждено было принять *огородную* обработку для полей своихъ, чтобъ съ даннаго пространства получать maximum произведеній. Тѣснота эта такъ сильна, что въ Бельгіи, напр., около 4,000,000 жителей помѣщаются на площади, въ которой числится только 3,045,170 десятинъ; а въ Англіи считается воздѣланной земли 18,520,833 десятины, которыя прокармливаютъ 24 мильйона жителей. Слѣдовательно, въ Бельгіи и въ Англіи, только полторы десятины на мужскую душу. У насъ, такое пространство земли, при огородной обработкѣ, далеко не прокормило бы равносильнаго народонаселенія безъ скота, потому-что климатъ не допуститъ насъ съ равной площади получать половину того, что̀ получается въ Англіи и Бельгіи. Вотъ почему у насъ почитаются уже тѣсно-населенными губерніями тѣ, въ которыхъ числится по 7 десятинъ на ревижскую душу, какъ въ Пензенской. Но съ другой стороны, въ сосѣдствѣ съ нею, въ Саратовской, числится около 24 десятинъ на каждую; тутъ помышлять объ огородной обработкѣ, кажется, невозможно, потому-что *многоземелье* во всякомъ случаѣ съ лихвою можетъ замѣнить ее. А въ Пензенской, съ нею сопредѣльной, не допускаетъ ее совмѣстничество Саратовской, въ которой произведеніе хлѣба и скота гораздо дешевле обходится, потому-что то и другое въ огромномъ количествѣ производится патріархальными, простыми, дешевыми пріемами, у народонаселенія весьма-просторно живущаго.

При *огородной* обработкѣ, конечно, вездѣ искусственные пріемы могутъ, до нѣкоторой степени, бороться съ температурою, особенно, если къ тому еще они вспомоществуемы климатомъ и высокими цѣнами на произведенія. Слѣдовательно, такая обработка, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ допускать дорого-стоящія условія теоріи и обращать ихъ въ выгоду. Тутъ хлѣбопашество, луговодство и скотоводство, какъ садоводство, должно быть наукою, и наукою высшаго разряда, потому-что во всѣхъ отношеніяхъ и то и другое должно опираться на науки естественныя. У насъ, гдѣ климатъ, съ своею рѣзко-измѣняющеюся температурою, дѣлаетъ всѣ пріемы, *для огородной обработки*, вдвое сложнѣе и всегда отъ того и другой зависящими, гдѣ низкія цѣны на всѣ произведенія сельскаго хозяйства не допускаютъ дѣлать никакихъ значительныхъ пожертвованій для сложныхъ и искусственныхъ пріемовъ, которые сами-по-себѣ стоя-ли бы намъ гороздо-дороже; гдѣ, сверхъ-того, произведеніе хлѣбопашества и скотоводства, только на мѣстное потребленіе жителей, должно быть по-крайней-мѣрѣ вдвое болѣе (смотри въ этой части § 11),—тутъ всѣ, или большая часть тѣхъ улучшеній, предписываемыхъ теоріею, которыя влекутъ за собою сильныя денежныя пожертвованія, мѣста имѣть не могутъ; тутъ, конечно, увеличенное пространство засѣянныхъ полей должно замѣнять сложные, отчетливые и дорогіе пріемы, равно тучность почвы, сообщенную ей искусствомъ и денежными сильными пожертвованіями.

Digitized by Google

Въ этомъ-то всегда состояла и состоитъ величайшая ошибка нашихъ кабинетныхъ агрономовъ, что они не постигли, гдѣ сложное, дорогое и отчетливое устройство хозяйства выгодно, и гдѣ, напротивъ, оно несетъ за собою одни убытки; гдѣ подлинно улучшеніе сельскаго хозяйства, основанное на урокахъ теоріи, при сильныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, можетъ быть полезно, и гдѣ, напротивъ, эти улучшенія поведутъ къ разорительному хозяйству.

Раздѣленіе хозяйствъ на два совершенно-особенные рода существуютъ и у насъ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Ярославской и Костромской Губерній, крестьянинъ не жалѣетъ трудовъ при удобреніи и пожертвованій при воздѣлываніи тощей почвы своего огорода, чтобъ получить возможно-большее количество зеленаго гороха, который онъ, высушивъ, продаетъ отъ 50 до 150 копеекъ за фунтъ. Точно такъ, у заставъ московскихъ, крестьянинъ обработываетъ малые участки своей земли подъ посѣвъ картофеля, моркови, капусты и рѣпы, сѣя рѣпу немедленно послѣ снятаго также зеленаго гороха (послѣ вызрѣвшаго растенія, тутъ, въ то же лѣто, другое не выспѣваетъ). Въ этомъ случаѣ, московскій земледѣлецъ руководствуется весьма искуснымъ, мѣстности приличнымъ сѣвооборотомъ, который даетъ возможность въ одно лѣто, съ одного и того же пространства земли, получать два произведенія, но не урожая. Точно такъ помѣщикъ, въ окрестностяхъ Петербурга, тратитъ до 300 рублей на удобреніе десятины, опредѣляемой подъ посѣвъ тимоѳеевой травы съ бѣлымъ клеверомъ, капусты или картофеля, но не ржи, пшеницы, овса и ячменя, привозимыхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ и продаваемыхъ по такимъ цѣнамъ, которыхъ выдержать не могутъ всѣ близь-лежащія хозяйства около столицъ. Но почему близь-живущіе крестьяне и помѣщики тратятъ большіе капиталы на удобреніе малыхъ пространствъ? Потому-что въ этихъ мѣстахъ высокая цѣна на означенныя огородныя произведенія, при скоромъ и удобномъ сбытѣ, полною рукою заплатитъ имъ за пожертвованіе. Вотъ настоящая причина, почему имъ можно было принять въ ихъ поляхъ огородную обработку.

Въ Губерніяхъ Орловской, Тульской, Калужской, Нижегородской, Владимірской, отчасти въ Рязанской, Тамбовской, Симбирской, Пензенской и даже Саратовской, многіе помѣщики и крестьяне удобриваютъ нѣкоторую часть своихъ полей, одинъ разъ въ 6, 9, 12-ть лѣтъ, самыми дешевыми пріемами и средствами, стараясь всегда болѣе запахать и засѣять, нежели удобрить земли — потому, во-первыхъ, что произведеніе ихъ полей продается обыкновенно по дешевымъ цѣнамъ; во-вторыхъ, отъ-того, что увеличенное количество засѣянной, хотя неудобренной земли, требуя для уравновѣшиванія урожая въ шесть, десять разъ менѣе времени и силы для обработки, можетъ замѣнить качество отлично-воздѣланнаго и удобреннаго малаго участка; или другими словами: на увеличенномъ пространствѣ, хотя неудобренной земли, всегда можно получить столько же произведеній, какъ и на маломъ, сильно-удобренномъ, или тучномъ, съ

Digitized by Google

тою только разницею, что на скорое, простое и дешевое воздѣлываніе большаго участка употребляется несравненно-менѣе силы и времени для полученія столькихъ же произведеній, сколько получается на маломъ. Это правило — аксіома, на которой основано все наше хлѣбопашество въ многоземельныхъ мѣстностяхъ среднихъ и южныхъ губерній, и тамъ, гдѣ хлѣбопашество можетъ доставлять выгоду. Сверхъ-того, при большомъ пространствѣ, остается всегда надежда, что благопріятная температура не только поправитъ тощую почву, особенно, если она чернаго цвѣта, но дастъ возможность получить сильный урожай (*), что у насъ и случалось прежде довольно-часто, потому-что новыхъ тучныхъ земель было болѣе; нынѣ это случается рѣже, отъ-того, что пѣнка плодородія, въ центральныхъ нашихъ губерніяхъ, почти повсемѣстно снята. Усилить тутъ количество удобренія, равно какъ воздѣлывать тщательно свои пространныя поля, земледѣльцы не могутъ, потому-что тогда обработка имъ прійдется дорога противъ южныхъ нхъ сосѣдей ближнихъ и дальнихъ, которые во всякое время могутъ завалить эти мѣстности и хлѣбомъ, и скотомъ дешевле производимымъ.

Но почему южные сосѣди ближніе и дальніе могутъ завалить эти мѣстности своими дешевыми произведеніями? Потому-что южныя наши губерніи вообще многоземельнѣе среднихъ и сѣверныхъ; земли этихъ губерній не повсемѣстно еще истощены и климатъ ихъ, давая земледѣльцу болѣе времени для посѣвовъ, уборки хлѣбовъ и подножнаго корма, выгоднѣе для хлѣбопашества и скотоводства; слѣдовательно, тамъ, при равномъ количествѣ народонаселенія, посѣвы несравненно-значительнѣе; въ-слѣдствіе чего народонаселеніе юж-

(*) Тѣмъ болѣе эта надежда имѣетъ степень вѣроятія, что въ нашемъ климатѣ, разныя насѣкомыя, истребляющія многіе посѣвы: сильныя засухи, часто случающіяся, послѣ позднихъ нашихъ посѣвовъ въ долгіе наши вешніе и лѣтніе дни, на открытыхъ нашихъ безлѣсныхъ степяхъ, опаленныхъ солнцемъ тѣмъ болѣе, чѣмъ почва ихъ черпѣе; или безпрерывные дожди, преждевременные осенніе морозы; безснѣжные съ жестокими морозами ноябрь и декабрь, долголежащіе и весною долготающіе снѣга; майскіе, іюньскіе и іюльскіе морозы, градъ, мгла, медвяныя росы, ржа (какое-то неблагопріятное состояніе атмосферы, вредное нѣкоторымъ растеніямъ, особенно овсу и гречѣ, во время ихъ цвѣта) — коротко сказать, большая часть неблаготріятныхъ случаевъ для растительности, свойственныхъ сѣверо-восточному климату Европы, могутъ также вредить посѣвамъ на превосходно-обработанной и утученной почвѣ, какъ и на худо-обработанной и тощей, которую, если она черноземная, т. е. если она имѣетъ способность сильно поглощать лучи солнечные, благопріятная температура, въ нашемъ климатѣ, превращаетъ всегда въ хлѣбородную землю. Причина заключется въ томъ, что во время сильнаго роста, цвѣта и оплодотворенія растеній, длинные дни, жаркіе и дождливые, превращаютъ нашу вспаханную почву, но только черную, въ паровую гряду, отъ которой въ то время, даже воздухъ ее окружающій, получаетъ гораздо большую степень тепла, что вѣроятно многіе хозяева и сами часто замѣчали.

Digitized by Google

ное производитъ хлѣба и скота гораздо-болѣе сѣвернаго и по цѣнамъ несравненно-дешевѣйшимъ.

§ 7.

У заставъ столицъ пріемы обработки земли близко подходятъ къ иностраннымъ. Отдаленныя наши мѣстности отъ сосредоточеннаго народонаселенія не должны слѣдовать пріемамъ и разсчетамъ Западной Европы. Причина низкихъ цѣнъ и затруднительнаго сбыта на земныя произведенія.

У заставъ московскихъ и петербургскихъ, мы видимъ пріемы обработки и удобренія земли, близко-подходящіе къ пріемамъ иностраннымъ; разница въ посѣвахъ; этому и быть иначе нельзя, потому-что смѣтливость и опытность земледѣльцевъ и помѣщиковъ русскихъ, равно какъ фермеровъ иностранныхъ, допускаетъ ихъ производить, каждаго въ своей мѣстности, такіе только продукты, которые свойственны климату и могутъ имѣть скорый и вѣрный сбытъ, и которые, слѣдовательно, даютъ самую большую выгоду, по имѣющимся у каждаго средствамъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ сосредоточеннаго народонаселенія, надобно у насъ всякому хозяину твердо помнить, что всѣ французскіе, англійскіе, германскіе и бельгійскіе разсчеты и пріемы въ сѣверномъ нашемъ климатѣ, при рѣдкомъ народонаселеніи, въ предѣлахъ нашего многоземельнаго хозяйства, рѣшительно въ убытокъ, тѣмъ болѣе, что наши низкія цѣны на произведенія сельскаго хозяйства и затруднительный ихъ сбытъ — не что-иное, какъ неотразимое слѣдствіе того вліянія, которое имѣетъ производство южнаго нашего сельскаго хозяйства на сѣверное, совокупно съ огромнымъ количествомъ производителей; отъ-этого, количество произведеній всегда превышаетъ требованія, исключая тѣ весьма-неблагопріятныя для растительности по температурѣ своей годы, которые, уравновѣшивая требованіе съ произведеніемъ, поддерживаютъ выгоды сельскаго хозяйства.

§ 8.

Успѣхи хлѣбопашества зависятъ отъ цвѣтущаго состоянія торговли и промышлености. Несоразмѣрное число производителей противъ потребителей. Какую выручку можно получать съ засѣянной десятины Пензенской Губерніи. Какіе доходы и устройство бываютъ слѣдствіемъ этой выручки въ большихъ и малыхъ имѣніяхъ, въ многоземельныхъ и малоземельныхъ.

Для того, чтобъ государство во всѣхъ отношеніяхъ преуспѣвало, нужно, чтобъ хлѣбопашество въ немъ находилось въ цвѣтущемъ со-

Digitized by Google

стоянiи—это всѣмъ извѣстно. Но не всѣ увѣрены въ томъ, что хлѣбопашеству цвѣсти, то-есть давать постоянно самое сильное возмездiе за положенные въ него капиталы, можно тогда только, когда успѣхи промышленности и торговли ему доставляютъ необходимыя средства для прибыльнаго произведенiя—*денежные капиталы*. Слѣдовательно, не говоря о нужномъ продовольствiи для хлѣбопашца, которое обезпечивается его работою, если у него годъ впереди, собственно хлѣбопашество *почерпаетъ причину цвѣтущаго своего состоянiя въ успѣхахъ торговли и промышленности*. Вотъ чего никогда не надобно терять изъ вида. Опытные хуторы, земледѣльческiя школы, преми, машины нельзя сказать, чтобъ были безполезны, но они не усилятъ замѣтно чистаго дохода земледѣльцевъ. Для увеличенiя ихъ выгодъ, надобны сильнѣйшiя средства, нужны капиталы, и если капиталы производитъ только трудъ, *то ихъ надобно ожидать только отъ труда прибыльнаго*. Слѣдовательно, тогда только показываются успѣхи хлѣбопашества и бываютъ прочны, когда эти успѣхи *предупреждены цвѣтущимъ состоянiемъ торговли и промышленности*. Коротко сказать: успѣхи, какъ хлѣбопашества, такъ и всѣхъ производствъ, зависятъ отъ соразмѣрнаго количества производителей и потребителей. Собственно, по техническимъ успѣхамъ въ хлѣбопашествѣ, основную эту истину намъ ясно доказываетъ Англiя, гдѣ, однакоже, равновѣсiе между производителями и потребителями потеряно въ пользу первыхъ. Эта соразмѣрность, въ Европѣ принятая за аксiому, можетъ служить также отвѣтомъ для тѣхъ, которые утверждаютъ, что въ Россiи фабрики не укоренятся, потому-что Россiя хлѣбопашенное государство. Хоть странно, но я еще слышу въ столицахъ отголоски этого, слава Богу, XIX вѣкомъ похороненнаго мнѣнiя.

Число сельскихъ жителей хлѣбопашцевъ у насъ, въ-сравненiи съ промышленными сословiями, чрезвычайно-велико; отъ-того требованiя на произведенiя земли вообще весьма ограниченны; отъ-того и цѣны на эти произведенiя должны обыкновенно стоять низко. Слѣдовательно, нѣ откуда хлѣбопашцамъ взять капиталовъ, для приведенiя ихъ хозяйствъ въ цвѣтущее состоянiе. Докажемъ это примѣромъ.

Изъ мильйона жителей въ Пензенской Губернiи, едва-ли найдется 40 т., которые бы не занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Слѣдовательно, въ Пензенской Губернiи, какъ и во многихъ другихъ, на 25 человѣкъ народонаселенiя можно считать не менѣе 24 хлѣбопашцевъ и одного потребителя, неучаствующаго въ произведенiи. Конечно, въ Пензенской Губернiи есть винокуренные заводы, ежегодно требующiе отъ пензенскихъ хлѣбопашцевъ 200 т. четвертей хлѣба, да на сѣверъ отправляется, вѣроятно, такое же количество; слѣдовательно, всего пензенскiе хлѣбопашцы *продаютъ*, полагать надобно, не болѣе 400 т. четвертей. Но и тотъ и другой сбыты даютъ земледѣльцамъ обыкновенно слабыя вознагражденiя, потому-что по первому предмету цѣны на хлѣбъ зависятъ отъ цѣнъ

Digitized by Google

на вино; а по второму, малое требованіе на сѣверъ порождаетъ со всѣхъ сторонъ между производителями хлѣба сильное совмѣстничество, которому нельзя не быть, когда народонаселеніе можетъ ежегодно сбывать только $^1/_{10}$ часть (400 т. четв.) того, что оно ежегодно на собственное свое продовольствіе потребляетъ (4 м. четвертей), или, другими словами, когда 960 т. хлѣбопашцевъ довольствуютъ хлѣбомъ только 240 т. человѣкъ другихъ сословій. Въ Англіи, если не ошибаюсь, 8 м. хлѣбопашцевъ производятъ пищу для 19 м. человѣкъ; слѣдовательно, въ Англіи требованія на земныя произведенія сильны; отъ-того цѣны на нихъ высоки и хлѣбопашество возведено на такую точку совершенства, до какой ни у одного еще народа не достигло. Въ Пензенской Губерніи, напротивъ, требованія малы, потому и цѣны низки до того, что нельзя въ нашей губерніи надѣяться получать, въ десятилѣтнюю сложность, съ засѣянной колосовымъ хлѣбомъ экономической десятины (3,200 кв. саженъ) болѣе *сорока рублей* ассигнаціями годовой выручки, въ числѣ которой полагается и цѣна, употребленная на обработку. Она не вездѣ одинакова, но всегда хозяину обходится отъ 25 до 35 рублей и болѣе на десятину. Слѣдовательно, отъ экономической десятины пахатной земли чистый доходъ можетъ быть отъ 5 до 15 рублей. При этихъ выручкахъ, гдѣ взять капиталовъ для того, чтобъ довести наше хлѣбопашество до того техническаго совершенства, до котораго оно доведено въ Англіи? Какъ тутъ жертвовать какимъ бы то ни было значительнымъ капиталомъ на утученіе полей, на отличную обработку, на дорогія орудія? Это не Фландрія, гдѣ выручка съ площади, равной нашей экономической десятинѣ, обыкновенно бываетъ отъ 400 до 600 рублей, и далеко не Англія, гдѣ круглымъ счетомъ она опредѣлена въ 700 рублей. Совсѣмъ тѣмъ, *чистые доходы*, получаемые нашими помѣщиками съ капиталовъ, положенныхъ ими въ имѣнія, отнюдь не слабѣе тѣхъ, что получаются знаменитыми помѣщиками и фермерами англійскими. У насъ съ большихъ имѣній обыкновенно получается отъ 5% до 6%, слѣдовательно, болѣе, нежели въ Англіи; съ среднихъ отъ 6% до 10%, съ малыхъ то же, что въ Англіи: отъ 10% до 15% и болѣе, когда цѣны стоятъ на хлѣбъ и скотъ не очень низко, и если помѣстье не бѣдно землею. Въ противномъ случаѣ, при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ и скотъ, что у насъ часто случается, разумѣется, всякое сельское хозяйство разорительно; равномѣрно, при малоземельѣ, крестьяне, бывъ въ тягость помѣщику, поглощаютъ большую часть выгодъ владѣльца, особенно тамъ, гдѣ земля дорога. Тогда, въ малоземельномъ имѣніи, помѣщикъ долженъ довольствоваться для дохода однимъ оброкомъ, который можетъ быть малъ, или великъ, смотря потому, какъ сильна ремесленная промышленость, или обороты торговли его крестьянъ; въ какой мѣстности лежитъ его имѣніе; или по тому, сколько у его крестьянъ находится во владѣніи поземельныхъ угодій, за которыя тамъ, гдѣ главная промышленость народонаселенія основана на скотоводствѣ и хлѣбопашествѣ, нынѣ, по случаю вздорожавшихъ зе-

Digitized by Google

мель, помѣщики очень рѣдко получаютъ полное возмездіе. По-большой части, въ этомъ случаѣ, одна незаселенная земля болѣе бы дала дохода. Оброчныя имѣнія, находящіяся въ тѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ скотоводство и хлѣбопашество не обѣщаютъ выгодъ хозяину, и гдѣ подлинно эти отрасли сельскаго хозяйства въ забросѣ, т. е. гдѣ скотоводство и хлѣбопашество не могутъ вытерпѣть южнаго совмѣстничества, — оброчныя имѣнія находятся совершенно въ другой категоріи. Тутъ не количество земли, по-большей-части безплодной, но одна рукодѣльная промышленость, или торговля крестьянъ производятъ вліяніе на оброки. Въ §§ 10, 15 и 17 этой II части, мы возвратимся къ сему предмету.

§ 9.

Сѣверныя губерніи служатъ главнымъ сбытомъ въ средней полосѣ производимому хлѣбу. Безъ возможности выгоднаго сбыта, при избыткѣ произведеній, въ народѣ всегда нищета денежная. Сбытъ произведеній хлѣбопашества и скотоводства южныхъ.

Этотъ ходъ дѣлъ полезенъ хлѣбопашеству среднихъ губерній и скотоводству южныхъ тѣмъ, что для того и другаго сѣверныя губерніи служатъ главнымъ сбытомъ. Безъ сбыта на сѣверъ, слабые наши оттѣнки той гражданственности, которая опирается на раздѣленныя хлѣбопашество, ремесленность и торговлю, должны бы исчезнуть вмѣстѣ съ деньгами, ибо тогда въ сибирскихъ нашихъ губерніяхъ, сельскій житель, не имѣя сбыта своимъ произведеніямъ, долженъ бы былъ питаться и одѣваться единственно своими собственными произведеніями, жить въ избѣ изъ своего лѣса, хозяиномъ срубленной, и употреблять орудія, сбрую, по-большой-части своими руками сдѣланныя, что̀, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ и Европейской Россіи случается, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ торговыхъ сообщеній. Тутъ также сельскій житель можетъ имѣть великій избытокъ въ сельскихъ произведеніяхъ и жить въ нищетѣ денежной, которая принуждаетъ его заниматься вмѣстѣ съ хлѣбопашествомъ и ремесленностію.

Этотъ ходъ дѣлъ указываетъ на слѣдующія истины: 1) что для нашихъ общественныхъ выгодъ, сѣверное народонаселеніе, не имѣя никакихъ средствъ съ выгодою заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, когда цѣны на хлѣбъ стоятъ обыкновенныя, должно имѣть опорою рукодѣльную промышленость, или торговлю, какъ оно подлинно ихъ и имѣетъ; а живущее въ средней полосѣ — хлѣбопашество. Такимъ образомъ, произведенія одного будутъ обмѣниваться на произведенія другаго и поддерживать этимъ обмѣномъ обоюдныя выгоды, которыя, однакоже, тогда только улучшатъ бытъ хлѣбопашца, когда промышленость и торговля будутъ полною рукою вознаграждать его за трудъ, попеченіе и положенные капиталы.

Digitized by Google

Относительно сбыта произведений, только хлебопашество не имеет ничего общаго съ сѣверными потому — что необъятная Россія — шестая часть свѣта. Одинъ южный скотъ имѣетъ тяжкое вліяніе на скотоводство среднихъ и сѣверныхъ губерній. Но сбытъ на произведенія сѣверной рукодѣльной промышленности на югъ, у насъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе распространяется и будетъ распространяться, потому-что сбытъ главныхъ произведеній хлѣба и скота, не затруднителенъ, вѣренъ и всегда постоянъ и выгоденъ, съ тою только разницею, что одни мѣста способны лишь для скотоводства, другія напротивъ, для скотоводства и хлѣбопашества.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе.)

—

§ 10.

Хозяйственное раздѣленіе Европейской Россіи на три полосы.

Изъ послѣднихъ соображеній, читатель замѣтилъ, что я дѣлю Европейскую Россію, въ хозяйственномъ отношеніи, на три полосы: на *южную, среднюю* и *сѣверную*. Такъ, впрочемъ, многіе ее дѣлятъ. Но гдѣ граница этихъ полосъ? Тутъ теорія, съ своими сбивчивыми гипотезами, или отвлеченными, ложными предположеніями, еще ничего не сказала дѣльнаго; а между-тѣмъ, вздумала это разграниченіе опредѣлять растительностію, позабывъ, что разнородныя почвы, защита отъ сѣвера, и особенно возвышеніе отъ уровня моря, отъ-чего въ сѣверныхъ широтахъ климатъ бываетъ умѣреннѣе южныхъ, съ одной стороны препятствуютъ всякому точному опредѣленію, съ другой спутываютъ мѣстности. Такъ, на-пр., на нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей возвышенной центральной плоскости, подъ 53° широты, климатъ для разнаго рода растительности суровѣе петербургскаго. Въ южной части Пензенскаго Уѣзда, чрезъ которую проходитъ возвышенность, и гдѣ, слѣдовательно, находится раздѣленіе водъ, текущихъ на югъ и на сѣверъ, о фруктовыхъ садахъ нѣчего и помышлять, тогда какъ во Владимірѣ ихъ съ выгодою разводятъ. Не обличая, однакоже, теоріи въ дальнѣйшихъ заблужденіяхъ, представимъ читателю наше мнѣніе объ этомъ раздѣленіи въ видѣ общемъ, и далеко неподробномъ, потому-что мы не имѣемъ средствъ частно разобрать этотъ предметъ, требующій для всякой мѣстности дѣльнаго статистическаго описанія въ физико-географическомъ, хозяйственномъ и торговомъ отношеніяхъ, которыя, въ показывающихся у насъ «статистическихъ взглядахъ», совершенно упускаются изъ виду.

Границы *южной* полосы Европейской Россіи, не считая заднѣпровскихъ губерній, которыя, по хозяйственнымъ отношеніямъ, не имѣютъ ничего, или имѣютъ очень-мало общаго съ великороссійскими, по моему мнѣнію, рѣзко отдѣляются отъ границъ *средней* по-

Digitized by Google

лосы тамъ, гдѣ произведенія хлѣбопашества, но не скотоводства, идутъ раздѣльными путями: южной полосы—на югъ, а средней—на сѣверъ.

Сѣверная полоса отдѣляется отъ средней тамъ, гдѣ хлѣбопашество и скотоводство перестаютъ быть народною промышленостію сельскихъ жителей, потому-что и то и другое уже не въ состояніи упрочить ихъ благосостоянія,—другими словами, гдѣ народонаселеніе, говоря общественно, *перестаетъ производить нужное количество хлѣба и скота на собственное свое потребленіе*; *гдѣ хлѣбопашество и скотоводство только второстепенное, или только обычное занятіе народонаселенія, въ-продолженіи короткаго времени года.*

Такъ, на-пр., уѣзды Тамбовской Губерніи: Борисоглѣбскій и Усманскій,—Воронежской: сѣверная часть Бобровскаго и Нижнедѣвицкаго, Воронежскій, Задонскій и Землянскій, составляютъ южную окопечность средней полосы, потому-что произведенія этихъ уѣздовъ, особенно пшеница, идетъ еще на сѣверъ; тогда какъ въ той же Воронежской Губерніи, изъ южныхъ ея уѣздовъ, родившійся въ нихъ хлѣбъ не можетъ имѣть постояннаго туда сбыта; онъ потребляется на мѣстѣ, или идетъ въ Таганрогъ. По этимъ хозяйственнымъ разсчетамъ, равно и по климату, эти послѣдніе южные уѣзды Воронежской Губерніи принадлежатъ къ *южной* полосѣ.

Съ другой, противоположной стороны, если провести черту отъ Серпухова, по теченію Оки до села Мжевскаго, прямою отъ него чертою до впаденія Цны въ Мокшу, этою судоходною рѣкою до Краснослободска и потомъ круто поворотить на сѣверъ, упереть разграничивающую черту въ Волгу, то — сперва южная сторона, потомъ, отъ Краснослободска до Волги, восточная отъ этой черты, будутъ принадлежать *средней* полосѣ, а сѣверная и западная къ *сѣверной*; и это основывается на томъ, что въ сѣверной полосѣ жители не производятъ нужнаго количества земныхъ произведеній на собственное свое потребленіе, ибо собственныя ихъ произведенія дороже бы имъ обходились, нежели покупныя; тамъ, какъ выше сказано, хлѣбопашество и скотоводство перестаютъ быть народною промышленостію, потому-что ни то, ни другое не можетъ доставить жителямъ опоры для ихъ существованія.

Само-собою разумѣется, что такое разграниченіе имперіи встрѣтитъ частныя исключенія, особенно въ *средней* полосѣ, потому-что въ тѣхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ сельскіе жители имѣютъ мало пахатныхъ земель, они, подобно тому, какъ и въ *сѣверной*, занимаются болѣе отдѣльными промыслами, нежели хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Попадаются и такія мѣста, гдѣ произведенія хлѣбопашества идутъ на югъ и на сѣверъ, какъ изъ окрестныхъ уѣздовъ около Сарапатова. Тутъ пшеница идетъ на сѣверъ, а гречневая крупа, ржаная мука и овесъ на югъ. Совсѣмъ тѣмъ, для общаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ, не полагаю болѣе приличнымъ раздѣленіе другаго рода.

Цѣны на земли, нѣкоторымъ образомъ, могутъ оправдывать такое

Digitized by Google

раздѣленіе этой части Россіи, въ хозяйственномъ отношеніи. Въ *южной* и *средней* полосахъ, въ послѣдніе 20 лѣтъ, онѣ поднялись отъ 100% до 800%. Въ *сѣверной* на имѣнія и земли цѣны скорѣе упали, нежели возвысились, потому-что промышленость сельскихъ жителей основана на промыслахъ отдѣльныхъ отъ хлѣбопашества и скотоводства, произведенія которыхъ, въ обыкновенные годы, стоятъ въ такихъ низкихъ цѣнахъ, что помѣщики не могутъ жертвовать на приличныя почвѣ и климату удобренія, для увеличенія урожаевъ и полученія отъ скота прибыли. Слѣдовательно, цѣны на земли въ сѣверной полосѣ подняться не могли: отъ-того и имѣнія не вздорожали. Съ другой стороны, оброки, такъ же какъ и выручки отъ промышлености, имѣютъ ограниченную мѣру, и сверхъ того, они непостоянны. Отъ этихъ-то причинъ, въ *сѣверной* полосѣ не количество земли, по-большой-части, имѣетъ вліяніе на цѣну имѣнія, но обычная промышленость жителей. По этой же причинѣ въ *сѣверной* полосѣ обыкновенная цѣна имѣніямъ 350—500 рублей за душу, сколько бы земли подъ имѣніемъ ни было. Въ *средней* имѣніе цѣнится по землѣ и хозяйственнымъ заведеніямъ, а не по душамъ. Въ *сѣверной* доходы помѣщика ограничиваются 40—100 рублями съ тягла. Въ *средней* и *южной*, чѣмъ болѣе пахатной земли, тѣмъ доходы сильнѣе; но во всякомъ случаѣ, если есть 8 или 10 десятинъ на ревижскую душу, тягло должно давать не менѣе 200 рублей. Отъ-того цѣны на эти имѣнія возвысились отъ 800 до 1,000 руб., и болѣе, за душу.

§ 11.

Количество пищи, нужной для народонаселенія Западной Европы и нашего. Одинаков пространство земли можетъ, на западѣ, прокормить болѣе людей, нежели у насъ; отъ-того народонаселеніе тамъ стѣснилось. Намъ нужно болѣе хлѣба, нежели западнымъ народамъ, и поля наши должны быть въ средней и южной полосахъ обширнѣе.

Еще важное соображеніе опускается многими изъ виду, при сравненіи иностраннаго западнаго хозяйства съ нашимъ; это — нужная для того и другаго народонаселенія пища.

Выше сказано, что бельгійскій фермеръ, обработывая 12 десятинъ народомъ, въ которомъ, по нашему, должно числиться 3 тягла, изобильно питается съ своими наемными работниками, произведеніями этого малаго, по-нашему, участка; содержитъ нужный для обработки земли и своей пищи скотъ, платитъ немаловажную сумму за аренду, удовлетворяетъ всѣ лежащія на немъ подати и повинности, также весьма-значительныя, и сверхъ-того получаетъ отъ 10 до 15% дохода на положенный имъ капиталъ.

Три тягловые, во всей силѣ работника, по нашему счету, выражаютъ около $7\frac{1}{2}$ ревижскихъ мужеска пола душъ, а съ женскими 15. Дайте этимъ тремъ тяглямъ у насъ, въ средней и сѣверной по-

Digitized by Google

лосахъ, для пашни 12 экономическихъ десятинъ, съ тѣмъ, чтобъ они не занимались постороннею отъ сельскаго хозяйства, отдѣльною промышленостію, т. е. занимались бы только земледѣліемъ и скотоводствомъ. Кажется, спора въ томъ быть не можетъ, что какъ бы они тщательно ни обработывали данную имъ землю, не только они не въ состояніи были бы платить прямыхъ и косвенныхъ податей, повинностей, или оброка, но своимъ хлѣбомъ себя не прокормили бы: потому-что имъ надобно для продовольствія себя и своего скота не менѣе 60 четвертей разнаго хлѣба; а это количество только въ хорошій урожай можетъ родиться на ихъ 8 десятинахъ, ежегодно производящихъ. Оставшіяся 4 десятины должны быть въ пару (этотъ разсчетъ относится къ *сѣверной* и *средней* полосамъ Имперіи).

Отъ-чего же происходитъ такая противоположность въ бытѣ и итогахъ одного и другаго хлѣбопашца? Отъ-того, съ одной стороны, какъ уже говорено, что климатъ во Фландріи даетъ возможность получать съ одного и того же пространства земли, въ одинъ годъ, два урожая; почему фландрскій арендаторъ получаетъ, съ равнаго пространства земли, вдвое болѣе нашего произведеній (не говоря о томъ, что климатъ Бельгіи несравненно-благопріятнѣе для растительности); съ другой стороны, — съ ранней весны до глубокой осени и даже зимы, Бельгіецъ имѣетъ возможность питаться зеленью, фруктами и овощами, замѣняющими хлѣбъ. Наше сѣверное и средней полосы народонаселеніе, не имѣя совершенно фруктовъ и овощей на столь долгое время, эту подсобную пищу замѣняетъ мясомъ и хлѣбомъ, котораго можетъ выходить общимъ счетомъ въ среднихъ губерніяхъ, въ тѣ годы, когда хлѣбъ въ среднихъ цѣнахъ, до 4 четвертей на душу; а при низкихъ до 6: тогда повсемѣстно въ средней полосѣ увеличивается число содержимаго скота, чтобъ дешевый хлѣбъ не возить зимою въ продажу на дальніе рынки, удѣляя это время на какую-нибудь постороннюю промышленость: извозы, переторжку, или постороннюю работу. Отъ-того въ Бельгіи выходитъ хлѣба для людей и скота въ два, или три раза менѣе, нежели у насъ (въ сложности, бельгійскій работникъ не ѣстъ въ день болѣе фунта хлѣба, да и то едва ли; французскому солдату отпускаютъ на день по полтора фунта, нашему—три; нашему рабочему крестьянину, во время лѣтнихъ работъ, необходимо нужно на мѣсяцъ два пуда муки и одинъ пудъ крупъ, не считая мяса: всего только хлѣбомъ и кашею, по 5 фунтовъ въ день). Слѣдовательно, 15 душамъ въ Бельгіи нужно всего, вмѣсто 60 четвертей, не болѣе 20. Это одна изъ главныхъ причинъ, почему одинакое пространство земли въ Бельгіи, Франціи, Германіи и отчасти въ Англіи, можетъ прокормить весьма-увеличенное народонаселеніе противъ сѣвернаго, тѣмъ болѣе, что въ южныхъ, или теплѣйшихъ климатахъ, человѣкъ ѣстъ менѣе. Вотъ почему народонаселеніе Бельгіи, Голландіи, южной части Англіи и Франціи, можетъ довольствоваться по одной десятинѣ на душу обработанной земли; этимъ количествомъ оно не вездѣ еще во всѣхъ сказанныхъ государ-

Digitized by Google

отвахъ надѣлено; — а вамъ необходимо имѣть въ четыре, пять разъ болѣе, единственно для необходимой пищи человѣка и его скота (*). Вотъ почему народонаселеніе въ западныхъ государствахъ стѣснилось, смотря по тому, какъ велика плодотворная сила почвы и вліяніе на нее климата, независимо отъ вліянія торговли и промышлености. Въ-слѣдствіе сего, это тѣсноживущее народонаселеніе, какъ я выше сказалъ, принуждено было принять, для своего сельскаго хозяйства, во многихъ мѣстахъ огородные пріемы, которые, конечно, до нѣкоторой степени, могутъ спорить съ температурою и допускаютъ возможность пользоваться уроками показавшейся на западѣ теоріи сельскаго хозяйства, соображаясь однакоже съ тѣми разсчетами, которые допускаются различными мѣстностями. Вотъ почему подъ сѣвернымъ, негостепріимнымъ небомъ всегда просторно жили, живутъ и жить будутъ люди бѣдные вещественными капиталами; и никогда они не имѣли, не имѣютъ и имѣть не могутъ способовъ къ удовлетворенію нуждъ той образованности и того благосостоянія, которымъ пользуются народы, южнѣе ихъ живущіе. Какія причины лишили ихъ возможности пользоваться этими благами? Умственными способностями, досужествомъ и смѣтливостію, если они не ушли впередъ (что вѣроятно, ибо они всегда борются съ нуждами, южнымъ народамъ неизвѣстными), то ужь конечно не отстали отъ нихъ; что же положило теперь такую рѣзкую черту между сѣверными и западными народами Европы, которые нѣкогда, и въ одно время, всѣ въ совокупности, были въ полудикомъ состояніи — что, если не климатъ? Еслибъ было иначе, не завидовало бы сѣверное народонаселеніе южному, не громило бы его при всякомъ удобномъ случаѣ; не было бы страшнаго переселенія народовъ, которые спокойно жили бы себѣ подъ благотворнымъ своимъ небомъ, еслибъ у нихъ небо было благотворное; не утвердились бы они на югѣ, какъ южные не утверждаются на сѣверѣ, исключая только причинъ торговыхъ, чему искусственный Петербургъ, сотворенный величайшимъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ хозяевъ, знатная часть Голландіи, Новоархангельскъ и множество другихъ точекъ на земномъ шарѣ, служатъ ясными доказательствами.

Еслибъ была возможность въ сѣверной полосѣ крестьянамъ Новгородской, Псковской, Ярославской, Костромской, Тверской, Владимірской, Нижегородской, Калужской, Смоленской, отчасти Рязанской Губерній (Егорьевскаго и Касимовскаго Уѣздовъ), пропитываться собственнымъ своимъ хлѣбомъ и скотомъ, какъ пропитываются жители южной полосы, и на хлѣбопашествѣ основывать свое домашнее благосостояніе, всякому народу пріятное, не ища его во всѣхъ концахъ имперіи, — не-уже-ли изъ этого народонаселенія скитаю-

(*) Въ Пензенской Губерніи хотя 3,500,000 десятинъ и одинъ мильйонъ жителей, но и тѣ, при сильномъ урожаѣ, производятъ такой избытокъ хлѣба, который можетъ довольствовать приращеніе народонаселенія только отъ 200,000 до 300,000 душъ.

Digitized by Google

щаяся часть, но сметливая, трудолюбивая, не предпочла бы домашней оседлости скитальческой жизни? не-уже-ли бы, при врожденномъ умѣ и сметливости, она не могла бы прокормить себя на родномъ пепелищѣ? не-уже-ли земледѣліе стало бы бабьимъ занятіемъ, какъ это мы видимъ въ Костромской, Калужской, Ярославской, Рязанской Губерніяхъ? не-уже-ли бы весело было отлучаться ежегодно изъ-подъ домашняго крова, отъ жены и дѣтей, всѣмъ безъ изъятія мужчинамъ, кромѣ дѣтей и стариковъ? Но почему это такъ дѣлается во многихъ мѣстахъ этихъ губерній, или почему водворилось тутъ торговое и промышленое народонаселеніе и нигдѣ нѣтъ слѣда, чтобъ оно основало свое существованіе, или благосостояніе на хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ?—Потому-что жестокій климатъ и совмѣстничество южныхъ губерній тутъ непреоборимая преграда выгодному хлѣбопашеству и скотоводству. Будь это иначе, живи это же народонаселеніе на равнинахъ Бельгіи, гдѣ хлѣбопашество и скотоводство поощряются прибылью, промышленость скорымъ сбытомъ, а торговля необыкновенно-способною мѣстностію,— наши Ярославцы, Костромичи, Смоляне, Рязанцы и жители многихъ другихъ губерній, или уѣздовъ, не хуже бы Бельгійцевъ воспользовались и тѣмъ и другимъ, живя на родномъ пепелищѣ; а для того, чтобъ воспользоваться этими мѣстными выгодами, право, не нужно было бы имъ проходить курсовъ политической экономіи, статистики и коммерческихъ знаній, и еще менѣе физики, ботаники, химіи, зоологіи и вообще агрономіи, о которыхъ славные бельгійскіе, англійскіе и французскіе фермеры понятія не имѣютъ. А если-бъ они и проходили, какъ обыкновенно проходятъ рядъ этихъ наукъ, ручаться нельзя, сдѣлались-ли бы они, для практическаго своего быта, отъ того сметливѣе, проницательнѣе, разумнѣе, предпріимчивѣе и трудолюбивѣе. Проходить рядъ этихъ наукъ съ дѣльнымъ къ практическому быту *приложеніемъ—дѣло*; заучить твердо одну схоластику—*другое дѣло*. Къ этому еще можно прибавить: прошедъ куреъ сказанныхъ наукъ съ принадлежностями, всѣ бы захотѣли у насъ пріобрѣсть офицерскій чинъ, дворянство, да тепленькое мѣстечко, чтобъ избавиться отъ сохи, да бороны. И не мудрено, потому-что у насъ соха и борона не могутъ удовлетворить самыхъ скромныхъ требованій образованнаго хлѣбопашца.

Разсужденіе это клонится къ тому, что не только можнымъ нашимъ хлѣбопашцамъ, но и въ средней полосѣ живущимъ, необходимо нужно имѣть обширныя пахатныя поля и засѣвать колосовыми хлѣбами пространства, въ нѣсколько разъ увеличенныя противъ западныхъ народовъ, простыми и дешевыми пріемами; тѣмъ болѣе, что для огромныхъ площадей другихъ, болѣе-сложныхъ, болѣе-искусственныхъ и принять нельзя, какъ по хозяйскимъ расчетамъ (о коихъ было говорено и въ-послѣдствіи еще будетъ говорено) такъ и для того, чтобъ производить не только полное, въ нѣсколько разъ противъ жителя Западной Европы увеличенное количество хлѣба, нужное для собственнаго продовольствія жителей

Digitized by Google

и корма многочисленнаго ихъ скота, но еще имѣть возможность высылать значительныя количества хлѣба въ сѣверныя наши губерніи. (Это послѣднее соображеніе относится только до среднихъ губерній, или ихъ уѣздовъ. Южныя избытокъ свой сбываютъ въ южныхъ портахъ). Слѣдовательно, безъ оплошности, при надеждѣ на милость Божію и вліяніе лѣтней температуры, у насъ, въ средней и южныхъ полосахъ, количество вспаханной и засѣянной земли простыми, дешевыми пріемами, должно замѣнять отчасти качество и вообще искусственные, сложные и дорогіе пріемы,—чѣмъ нашъ народъ, въ этихъ общихъ и можно-сказать инстинктивныхъ понятіяхъ, по милости всегда благотворнаго Провидѣнія, и руководствуется, доказывая тѣмъ давно извѣстную-аксіому, что «народъ умнѣе человѣка».

Въ *сѣверной* нашей полосѣ, которой границы отъ юга зачинаются, какъ уже сказано, тамъ, гдѣ хлѣбопашество и скотоводство перестаютъ быть народною промышленостію, гдѣ только нѣкоторые дворяне-помѣщики получаютъ—и то мелкіе доходы—отъ этихъ двухъ отраслей сельскаго хозяйства, но болѣе отъ оброковъ, положенныхъ на крестьянъ, занимающихся рукодѣльною промышленостію и торговлею, или другихъ заведеній, основанныхъ на коммерческихъ разсчетахъ, —тамъ о хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ нечись нѣчего, до-тѣхъ-поръ, пока четверть ржи не будетъ постоянно продаваться около 25 рублей, а говядина отъ 12 до 15 р. за пудъ; тамъ народонаселеніе было, есть и до-тѣхъ-поръ будетъ всегда раздѣлено на двѣ неравныя доли: разумнѣйшая, богатѣйшая и надежнѣйшая его часть будетъ заниматься, какъ доселѣ занималась, торговлею и рукодѣльною промышленостью; другая, бѣдная, во всѣхъ отношеніяхъ слабая, будетъ ковырять, какъ доселѣ ковыряла, неблагодарную свою почву, и не владѣя лучшими средствами, питаться кое-какъ произведеніями этой почвы, и то не всегда прямымъ образомъ, но вымѣнивая на переработанныя искусствомъ произведенія этой же почвы полное годовое свое продовольствіе, какъ это и дѣлается теперь.

Если Лифляндія, Курляндія и Эстляндія не подпадаютъ этой общей участи нашихъ сѣверныхъ великороссійскихъ губерній, тому причиною единственно свободное винокуреніе, дающее возможность владѣльцамъ увеличивать количество содержимаго скота и всегда дорогая цѣна на хлѣбъ. Впрочемъ, и то надобно сказать, что въ Курляндіи и большей части Лифляндіи, климатъ умѣреннѣе, нежели въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ, особенно восточныхъ.

§ 12.

При многоземельѣ, простые и дешевые пріемы для земледѣлія могутъ замѣнять сложные и дорогіе. Что поддерживаетъ у насъ выгоды сельскаго хозяйства. Растрата хлѣба отъ способа его храненія.

Чтобъ знать мѣру, на сколько простые и дешевые пріемы для зе-

Digitized by Google

леделія, при многоземелье, могутъ замѣнять искусственные доро-
гіе и отсталые; возьмемъ въ примѣръ Тамбовскую Губернію. Два
южные уѣзды: Елатемскій и Темниковскій, не имѣютъ достаточно
хлѣба на собственное свое продовольствіе. Спасскій и Шацкій из-
рядно имѣютъ въ немъ очень малый избытокъ. Въ остальныхъ 8 уѣз-
дахъ народонаселеніе, состоящее изъ 586,150 мужескаго пола душъ,
или около 1,150,000 жителей, въ урожайные годы, когда хлѣбъ де-
шевъ и скотоводство успѣвается, потребляетъ, конечно, до шести
милліоновъ, а въ средніе, когда хлѣбъ въ среднихъ цѣнахъ, до че-
тырехъ милліоновъ четвертей. Сверхъ того, ему нужно на посѣ-
вное зерно двухъ милліоновъ четвертей, да вѣроятно оно сбываетъ
(развозитъ по городамъ, на мѣстные винокуренные заводы и отсы-
лаетъ на сѣверъ) до полутора милліона четвертей. Слѣдовательно,
это народонаселеніе вывозитъ, потребляетъ и продаетъ отъ 7,500,000
до 9,500,000 четвертей. Но оно могло бы сбывать и теперь, при су-
ществующемъ ходѣ дѣлъ, при хорошемъ урожаѣ, вѣроятно вдвое
болѣе, т. е. три милліона четвертей, если бъ была возможность для
сбыта, т. е. было бы требованіе, потому что при хорошемъ урожаѣ,
въ этихъ уѣздахъ можетъ родиться, конечно, болѣе одиннадцати милліо-
новъ четвертей.

Въ Англіи, земледѣліе на высочайшей точкѣ совершенства, — это
всѣмъ извѣстное. Народонаселеніе земледѣльческое тамъ состоитъ,
кажется, изъ 8,000,000 душъ обоего пола. Оно производитъ искус-
ственными средствами, въ климатѣ несравненно болѣе нашего спо-
собномъ для хлѣбопашества, 70,000,000 четвертей хлѣба, т. е. не-
вступно по 9 четвертей на человѣка. Если положить въ сказанныхъ
уѣздахъ Тамбовской Губерніи однихъ хлѣбопашцевъ 550,000, т. е.
1,100,000 душъ обоего пола, они, производя въ урожайные годы 11
милліоновъ четвертей, слѣдовательно, не отстали отъ Англичанъ, хотя земле-
дѣліе въ Англіи на высочайшей точкѣ совершенства, и нашъ сѣвер-
ный суровый климатъ далеко не даетъ намъ тѣхъ средствъ для зе-
мледѣлія и скотоводства, какія доставляются Англіи умѣреннымъ ея
климатомъ.

Хлѣбу нашему нужны искусственные, сложные и дорогіе пріемы въ та-
кихъ мѣстностяхъ, гдѣ народонаселеніе хлѣбопашцевъ производитъ
лишній, принявъ мѣру среднихъ урожаевъ, такой избытокъ произ-
веденій, котораго сбыть не можетъ? Между-тѣмъ, весь итогъ произ-
веденія хлѣбопашества, въ хорошіе годы, рѣшительно не менѣе того,
который искусственными сложными и дорогими пріемами добы-
ваетъ такимъ же числомъ народонаселенія въ Западной Европѣ?

Развитіе скотоводства въ южной полосѣ, сравнивая его съ разви-
тіемъ бельгійскимъ и англійскимъ, рѣшительно можно сказать, при
хорошемъ числѣ народонаселенія, у насъ значительнѣе. Въ средней и
особенно сѣверной полосѣ скотоводство, конечно, не такъ велико,
какъ на югѣ; но не искусство тому виновато, а цѣны на
мясо, сало и кожи, и климатъ, который заставляетъ кормить скотъ
заготовленнымъ на зиму сухимъ кормомъ, отъ 160 до 240 дней, тог-

Digitized by Google

да какъ собственно въ Англіи скотъ можетъ довольствоваться на подножномъ корму во всю зиму.

Можетъ-быть, скажутъ: Англичане сверхъ хлѣба производятъ огромное количество кореньевъ. Но и народонаселеніе Тамбовской Губерніи также ихъ производитъ сколько ему надобно—не такое огромное количество, правда, но этого иначе и быть не можетъ, какъ потому, что нашъ сѣверный климатъ такъ ихъ производить, какъ они производятся въ Англіи, не допускаетъ, такъ и отъ-того, что они болѣе нужны въ Англіи или Бельгіи, нежели въ Тамбовской Губерніи, для которой въ счетѣ нашемъ, положа на продовольствіе жителей отъ 4 м. до 6 м. четвертей хлѣба, мы въ томъ числѣ на годовое прокормленіе скота отчисляемъ отъ 2 м. до 4 м. четвертей и огромное количество соломы, которая для скота *въ сѣверномъ климатѣ замѣняетъ корнеплодныя растенія.*

Здѣсь въ примѣръ взяты 8 уѣздовъ Тамбовской Губерніи, какъ среднія изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ хлѣбопашество и скотоводство начинаютъ развиваться въ огромномъ размѣрѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Оренбургской, Саратовской, Воронежской, Екатеринославской и другихъ южныхъ Губерній, то и другое гораздо-значительнѣе. Саратовскія заволжскія колоніи въ послѣднее время, по десятилѣтней сложности, отпускали на продажу, ежегодно, по 800 т. четвертей одной пшеницы. Я увѣренъ, что наши кабинетные агрономы не найдутъ въ Западной Европѣ уголка, гдѣ бы такое же число народонаселенія производило, или могло производить, только на продажу, такое огромное количество *одной* статьи изъ сельскаго хозяйства и, сверхъ того, содержало бы столько же скота, сколько его содержатъ саратовскіе колонисты...

Обратимся къ Тамбовской Губерніи.

Неоспоримо, что на удобренной и отчетливо-вспаханной почвѣ сильный неурожай (только озимаго хлѣба), подобный тому, какой случился въ 1839 году, повсемѣстно быть не можетъ такъ чувствителенъ для мѣстныхъ жителей, какъ онъ сдѣлался; но для того, чтобъ поля этихъ уѣздовъ Тамбовской Губерніи удобрить и обрабатывать тщательно, надобно увеличить силу, на то потребную, болѣе, нежели вдвое; а этого сдѣлать нельзя, потому-что она и теперь вся безъ остатку употреблена; капиталы же денежные увеличены по-крайней-мѣрѣ въ два или три раза, т. е. вмѣсто 25 или 35 рублей ассигн., которые нынѣ кладутся круглымъ числомъ ежегодно на десятину, надобно будетъ опредѣлять для каждой капиталъ отъ 75 до 105 рублей. Гдѣ же взять и силу и деньги? Но положимъ, что нашлись бы денежные капиталы нанять посторонюю силу и устроить болѣе-искусственное хозяйство: тогда на всей площади этой хозяйской дѣятельности, сельскіе хозяева будутъ производить искусными, отчетливыми пріемами въ десятилѣтнюю сложность вдвое-увеличенное количество произведеній, что весьма вѣроятно. Какое же будетъ слѣдствіе? Въ немъ сомнѣваться нельзя: продажею произведеній конечно не окупятся пожертвованія потому, во-первыхъ, что

Digitized by Google

произведенія отъ пожертвованій нетолько не вздорожаютъ, но сдѣлаются тѣмъ дешевле, чѣмъ избытокъ будетъ сильнѣе. Во-вторыхъ, этотъ излишекъ произведеній останется на рукахъ, потому-что его сбыть некуда. Съ другой стороны, для того, чтобъ по примѣру Бельгійцевъ или Англичанъ тщательно воздѣлывать поля и сильно удобривать почву тому народонаселенію, которое живетъ на этой площади, надобно болѣе, нежели вдвое уменьшить свои пахатныя поля, которыя тогда, въ сложности, не будутъ давать болѣе произведеній нынѣ получаемыхъ; да къ-тому же, при слабомъ неурожаѣ, они не дадутъ возможности кормить сѣверъ, который безъ хлѣба, получаемаго изъ средней полосы, и особенно изъ Тамбовской Губерніи, обойдтись не можетъ(*). Но если случится неблагопріятная температура, такъ часто посѣщающая восточную часть Европы, то, при уменьшеніи полей, народонаселеніе не избавится отъ недостатка въ хлѣбѣ; ибо этому мильйону народонаселенія нужно ежегодно потреблять только для собственной пищи, посѣва и продовольствія скота отъ 6,000,000 до 8,000,000 четвертей. Въ Бельгіи такое же число народонаселенія на посѣвъ и продовольствіе едва-ли потребуетъ болѣе 2 мильйоновъ. Но недочеты и затрудненія этимъ еще не кончатся. При уменьшеніи полей, надобно будетъ уменьшить скотоводство. Между-тѣмъ, обработка полей будетъ становиться дороже; тогда *южная* полоса будетъ имѣть на эту мѣстность *средней* полосы такое же повсемѣстно-тягостное вліяніе по хлѣбопашеству, какое имѣетъ она по скотоводству вообще на *среднюю и сѣверную*.

Между-тѣмъ, надобно еще рѣшить одинъ важный вопросъ въ отношеніи выгодъ хлѣбопашества: что у насъ поддерживаетъ нынѣ выгоды сельскаго хозяйства? Не-уже-ли обиліе произведеній? Нѣтъ, напротивъ: неурожайные годы, которые возвышаютъ цѣны на хлѣбъ и скотъ не на одинъ годъ. Оглянемся на ту денежную нищету, которая вездѣ была ощутительна и въ теченіе урожайныхъ годовъ съ 1822 по 1833-й, и наоборотъ вспомнимъ, какъ полилось со всѣхъ сторонъ и всѣмъ богатство въ 1834 году; какъ на ярмаркахъ въ 1835 году не доставало у купцовъ товаровъ; сколько помѣщиками положено было денегъ въ кредитныя установленія, и какъ возвысились выгоды отъ откуповъ, которые служатъ термометромъ возвышенія и пониженія круговращенія денежнаго. Все это слѣдствіе бывшихъ двухъ неурожаевъ, которые, поднявъ цѣны на хлѣбъ, усилили выручки хлѣбопашества, торговли и промышлености — хлѣбопашества въ 1831 году, который добрался до завѣтныхъ запасовъ, а торговли и промышлености въ 1833 году, который подлинно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ почти можетъ ра-

(*) Не полагая въ счетъ гужевой кожи, которая сосредоточивается въ Козловѣ, и требованія мѣстныхъ винокуренныхъ заводчиковъ, съ Моршанской Пристани ежегодно отправляется, въ обыкновенные годы, до полутора милліона четвертей, большею частію тамбовскаго хлѣба.

Digitized by Google

пятая 1839, имевшая также предшественницею 1838 годъ, неблагопріятный для растительности.

Примеръ этотъ поставимъ только какъ опредѣлительный фактъ, мимо котораго умрутъ съ пылкими, не желая имъ доказывать, что цѣны на хлѣбъ, бывшія въ 1838 и въ 1840 годахъ, возвысившіяся въ средней и южной полосахъ ужасно, для выгодъ сельскаго хозяйства, всегда на этой высотѣ стоять должны. Напротивъ, я думаю, что безпрекословныя цѣны, доказывающія недостатокъ хлѣба для народнаго продовольствія, равно какъ и очень низкія, выражающія обременительный избытокъ, во время существованія и тѣхъ и другихъ, скорѣе будутъ болѣе вредны, нежели полезны; но первые у насъ могутъ за собою выгодныя цѣны, хотя бы послѣ неурожайнаго года и случился весьма обильный, потому что одинъ урожайный годъ, послѣ сильно-неурожайнаго, не въ состояніи уронить цѣнъ до точки убыточной сельскому хозяйству, тѣмъ болѣе, что послѣ сильнаго урожая, требованіе увеличивается. Тогда наступаетъ реакція въ полномъ смыслѣ для всѣхъ и каждаго: народъ къ высокимъ цѣнамъ хотя не могъ привыкнуть, но вдвое-уменьшившіяся уже для него не страшны; ибо весь ходъ внутреннихъ дѣлъ взялъ направленіе разсчитанное по высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, который убавился наполовину. Такъ было во всей средней полосѣ послѣ 1833 года. Въ 1834 году, урожай былъ силенъ. Съ первозимья, въ нашихъ мѣстахъ, продавали рожь по 10 рублей, потомъ цѣна понизилась до 1. Послѣ двадцати-семи-рублевой, эти цѣны никому не показались низкими; между тѣмъ, хлѣбопашество стало въ высочайшей мѣрѣ прибыльно. Земли, способныя для выгоднаго хлѣбопашества, быстро возвысились въ цѣнѣ отъ 100 до 1,000%. Долги, лежащіе на недвижимыхъ имѣніяхъ, не измѣнивъ своей числительной силы, круто сдѣлались малы. Отъ этого хода дѣлъ на всѣхъ и вездѣ полость, какъ я выше сказалъ, денежное богатство.

Я спросилъ разъ у толковитаго и умнаго крестьянина, желаетъ онъ безпрерывныхъ урожаевъ. «Оно хорошо, батюшка; съ голоду-то не умремъ и скотника заведется, да рукавицъ не на что будетъ купить.» Нашъ народъ имѣетъ обычай на такого рода вопросы отвѣчать остроумно, притчами. Тутъ десятью словами онъ опредѣлилъ съ выгодой и недочеты безпрерывныхъ урожаевъ, такъ ясно, что остается только удивляться силѣ его ума-разума. То же и для ремесленниковъ; ибо они только тогда могутъ жить привольно, когда завалены работою. А завалены они бываютъ, когда у сельскихъ людей есть свободныя деньги, которыхъ огромный итогъ, во всякое время превосходящій всѣ итоги промышлености и торговли, вѣренъ на всѣ состоянія тепломъ, или холодомъ.

Въ 1836 году, въ нашихъ мѣстахъ рожь на базарахъ упала до 450 опекъ, да еще продавалась на фиктивныя и частныя разсчета, колеблемый курсъ серебра и совершенно-фиктивную мѣру. Четверть покупалась на базарахъ вмѣсто осьми, въ 9 четвериковъ, а на покуренныхъ заводахъ, какъ и нынѣ покупается, въ 10 пудъ и

Digitized by Google

5 фунтовъ), что убавляло изъ цѣны на каждую казенную четверть до 30%.

При этой цѣнѣ опять рушились выгоды сельскаго хозяйства до того, что тѣ имѣнія, гдѣ могло быть заведено только одно хлѣбопашество безъ скотоводства, не въ состояніи были давать 4% на ту сумму, какой стоитъ имѣніе; а 4%, при мелкихъ по-большой-части нашихъ капиталахъ и для помѣщика — такое возмездіе, съ которымъ можно только не умереть съ голода. Мы живемъ не въ Германіи, Бельгіи и Франціи, гдѣ 4% на капиталъ почитаются обыкновеннымъ доходомъ, гдѣ съ малыми деньгами можно жить прилично: у насъ, все, что нужно для средняго приличія, вдвое дороже.

Если бы возразили: гдѣ же это огромное количество произведеній въ Тамбовской Губерніи, когда народонаселеніе ея, начиная съ зимы 1839 на 1840 годъ, не имѣло достаточно хлѣба для своего продовольствія? Тутъ двѣ неотразимыя причины: первая — ужасная въ полномъ смыслѣ слова засуха и жары, доходившіе въ тѣни до 34° по Реомюру, изсушившіе лѣтомъ въ 1839 году не только посѣвы, но всѣ огородные овощи, всегда сѣемые на тучной и тщательно-воздѣланной почвѣ, а въ лѣсахъ мѣстами наши природныя деревья: липу, осину, ель, рябину, дубъ и даже бѣлокожую березу, чего прежде никто не запомнитъ (*). Такіе жары съ засухою точно также истребили бы всѣ яровые посѣвы на тучныхъ земляхъ и отчетливо воздѣланныхъ. Къ-тому же, этотъ страшный годъ притекъ къ намъ, какъ выше сказано, послѣ весьма-плохаго урожая, бывшаго въ 1838 году. Слѣдовательно, народонаселеніе Тамбовской Губерніи, конечно, не малое время питалось прежними запасами. Вторая причина: избытокъ хлѣбный, какъ въ Тамбовской Губерніи, такъ и во многихъ мѣстахъ средней полосы, всегда хранится на гумнахъ: въ скирдахъ и одоньяхъ. Изъ него гніетъ, особенно въ влажное лѣто, или съѣдается мышами, терлется чрезъ годъ, считая отъ зимы до зимы, конечно третья часть зерна. Но другаго лучшаго способа сохраненія хлѣба принять намъ нельзя, потому-что обыкновенно-низкія цѣны на произведенія не позволяютъ строить всегда дорогихъ для нихъ помѣщеній, которыя, сверхъ того, въ нашемъ разрушительномъ климатѣ, совершенно согниваютъ чрезъ 20—30 лѣтъ; или другими словами: проценты на капиталъ, употребленный въ строеніе и поддержки этого строенія, обойдутся дороже потерь, которыя бываютъ въ хлѣбѣ, при обыкновенномъ способѣ его храненія.

Изъ представленныхъ примѣровъ ясно, что въ сѣверномъ климатѣ южное хозяйство, особенно бельгійское, ни въ какихъ отношеніяхъ служить намъ образцомъ не можетъ.

(*) Въ Тамбовской и Рязанской Губерніяхъ засуха и зной были сильнѣе, нежели въ Пензенской. Въ первыхъ посохли цѣлыя рощи дубовыхъ лѣсовъ.

Digitized by Google

§ 13.

Общій взглядъ на англійское сельское хозяйство. Климатъ Англіи. Капиталы, употребленные въ сельское хозяйство. Устройство хозяйствъ Западной Европы мы не должны брать въ примѣръ.

Но Англія, сѣвернѣе Бельгіи и, къ тому же, самая обработанная часть ея начинается съ 51° до 55° широты. Слѣдовательно, эта часть подъ одною параллелью со многими нашими центральными губерніями. Можетъ-быть, пріемы и разсчеты, употребляемые въ Англіи, могутъ быть для насъ выгоднѣе бельгійскихъ? Посмотримъ, сравнимся.

О климатѣ говорить нечего. Всякому извѣстно, что въ Западной Европѣ подъ одними широтами онъ несравненно-умѣреннѣе, нежели въ Восточной. Въ Англіи же, окруженной Океаномъ, температура еще того влажнѣе и теплѣе до того, что во многихъ мѣстахъ съ апрѣля по апрель скотъ пасется на лугахъ, и питается подножнымъ кормомъ (*). Слѣдовательно, опять климатъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ. Но, чтобъ не утомить читателя, постараемся рѣшить этотъ вопросъ статистическими выкладками.

Въ Великобританіи 50 милліоновъ акровъ воздѣланной земли, или 18,520,833⅓ десятины (площадь почти равная одной Саратовской губерніи, въ которой также считается болѣе 18 м. десятинъ). Это количество земли и капиталы помѣщиковъ, употребленные на устройство хозяйствъ, оцѣниваютъ (см. «Histoire financière et statistique générale de l'Empire Britannique par Pablo Perber. 1834. Traduit par J. M. Jacobi) въ 1,500,000,000 фунтовъ стерлинговъ, что составитъ на ассигнаціи около 34,000,000,000 рублей, или по 30 фунтовъ стерлинговъ на акръ. По этому счету, приходится на возлѣланную десятину около 1,835 рублей. Промышленость фермера, т. е. обычную его выручку, оцѣниваютъ въ 10 фунтовъ съ акра, или около 665 рублей съ десятины, считая въ томъ числѣ оборотный капиталъ. Въ совокупности же, капиталы помѣщиковъ и промышленость фермера—по 40 фунтовъ на акръ. По этому счету выходитъ, что 50 милліоновъ акровъ, или 18,520,833 десятины воздѣланной земли, представляютъ капиталъ въ два милліона фунтовъ стерлинговъ, равные *сорока пяти* милліардамъ рублей ассигнаціями, или по 2,500 рублей на десятину. Разнаго хлѣба въ зернѣ получается ежегодно въ Великобританіи до 51,000,000 квартеровъ, или 70,125,000 четвертей, оцѣниваемыхъ въ 86,700,000 фунтовъ стерлинговъ, около 2,040,000,000 руб. на ассигнаціи. Круглымъ числомъ, каждая четверть обходится около 30 рублей. Вникнувъ въ эти разсчеты, читатель легко постигнетъ: что мы можемъ имѣть въ нашихъ хозяй-

(*) О температурѣ подробно говорено въ 1 части этихъ «Записокъ», § V.

Digitized by Google

скихъ предпріятіяхъ, основанныхъ на денежныхъ пожертвованіяхъ, пріемахъ и разсчетахъ, общаго съ этими расходами и приходами, съ этимъ изумительнымъ богатствомъ капиталовъ и ихъ круговращеніемъ!..

Слѣдовательно, устройство англійскаго сельскаго хозяйства еще менѣе бельгійскаго мы можемъ брать въ примѣръ. Основываясь на этихъ-то несомнѣнныхъ фактахъ, касающихся до бельгійскаго и англійскаго хозяйствъ, Пензенскій Земледѣлецъ утверждаетъ, во-первыхъ, что ни сѣверныя, ни среднія полосы, ни южные наши земледѣльцы и помѣщики не могутъ и не должны брать въ примѣръ капиталы, устройство хозяйствъ, пріемы и разсчеты Западной Европы; во-вторыхъ, наши агрономы-профессоры учатъ насъ «раціональному хозяйству», взявъ въ образецъ бельгійское и англійское только потому, что не знаютъ ни общаго, ни частнаго устройства иностранныхъ и русскихъ хозяйствъ, которыя и тутъ и тамъ имѣютъ основаніемъ: климатъ, законоположеніе и цѣны на произведенія сельскаго хозяйства, отъ которыхъ зависятъ пожертвованія, дѣлаемыя хозяевами-помѣщиками, арендаторами и крестьянами — временемъ или деньгами, — и вообще итогъ денежныхъ капиталовъ.

Какъ ни привлекательно устройство иностранныхъ хозяйствъ, но, введенное у насъ, оно не можетъ измѣнить климата и того внутренняго хода дѣлъ, отъ котораго зависятъ цѣны на всѣ наши произведенія сельскаго хозяйства, которыя, сверхъ того, во многихъ мѣстностяхъ иногда оцѣниваются сообразно съ тѣми, по которымъ заключаются подряды вина и купленъ въ Петербургѣ для военнаго вѣдомства провіантъ; слѣдовательно, иностранные примѣры не могутъ измѣнить ни климата, ни цѣнъ, ни разсчетовъ нашихъ, ни хода нашихъ дѣлъ — это всякій опытной и просвѣщенный хозяинъ твердо знаетъ; а потому многіе изъ нихъ скорбятъ душевно, что особы, всякаго уваженія достойныя, предлагаютъ намъ неприличное ученіе, которое еще увеличивается претолстыми изданіями, оконченными и неконченными, гдѣ совершенно забыты тѣ основныя правила, на которыя должно у насъ опираться сельское хозяйство, —т. е. тѣ разсчеты, на которыхъ оно держится и держаться только можетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

BIBLIOTHECA BODLEIANA

Digitized by Google

V.

КРИТИКА.

ЧАСЫ ВЫЗДОРОВЛЕНІЯ (,) *стихотворенія* **А. Полежаева.** *Москва. 1842.*

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ПОЛЕЖАЕВА. *Москва. 1832.*

КАЛЬЯНЪ. *Стихотворенія* **Александра Полежаева.** *Москва. 1838. (Изданіе третье).*

АРФА. *Стихотворенія* **Александра Полежаева.** *Москва. 1838.*

И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не расцвѣлъ, и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Міръ, души погребла
Въ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!..

А. Полежаевъ.

Первая изъ книгъ, заглавіе которыхъ выставлено въ началѣ этой статьи, заключаетъ въ себѣ оборышъ стихотвореній талантливаго Полежаева и не заслуживаетъ никакого вниманія. Это явно или — спекуляція на имя, или слѣдствіе необдуманнаго дружескаго усердія къ покойному автору. Тѣмъ не менѣе, мы рады появленію этой книжки, потому-что она даетъ намъ удобный случай поговорить о Полежаевѣ, какъ о поэтѣ вообще, и сдѣлать критическую оцѣнку всей его поэтической дѣятельности.

Слава дается людямъ геніемъ и не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ

Digitized by Google

отношеній. Противъ нея безсильны предубѣжденія, зависть и злоба. Они даже служатъ ей, стараясь уничтожить ее, — и если имъ удается иногда помрачить ея лучезарный блескъ, то не болѣе, какъ на минуту, и для того только, чтобъ она явилась еще лучезарнѣе: такъ солнце является въ большемъ блескѣ, когда пройдутъ мимо застилавшія его облака, а они не могутъ же не проходить мимо его! Время всегда на сторонѣ «славы», и опираясь на него, она торжествуетъ даже надъ самимъ временемъ. Но слава дается однимъ геніямъ, — и какъ между геніемъ и обыкновеннымъ человѣкомъ есть множество посредствующихъ ступеней и звеньевъ, называемыхъ «талантами» и «дарованіями», такъ и между «славою» и «неизвѣстностью» есть посредствующія величины славы, называемыя большею или меньшею «извѣстностью». Вотъ эти-то таланты и дарованія, эти-то извѣстности болѣе или менѣе и испытываютъ на себѣ вліяніе случайныхъ отношеній и временныхъ обстоятельствъ, ничтожныхъ и безсильныхъ для генія и славы. Нельзя провести рѣзкой черты, отдѣляющей генія отъ таланта, ибо есть таланты, близкіе къ генію, и вообще, подобное разграниченіе окончательно совершается временемъ и вѣками. Въ этомъ вопросѣ, для насъ важно только то, что чѣмъ выше, сильнѣе, многостороннѣе, глубже, словомъ, огромнѣе талантъ, — тѣмъ больше его извѣстность приближается къ славѣ, тѣмъ менѣе могутъ вредить ему случайныя отношенія; и на оборотъ: чѣмъ меньше и односторонніе талантъ, или низшая его степень — дарованіе, тѣмъ больше зависитъ оно не отъ самого-себя, а отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ особенно-сильно обнаруживается на него въ самое его возникновеніе и развитіе. Часто случается, что совершенно-пустое и ничтожное дарованіе пользуется въ свое время громкою извѣстностію, похожею на славу; а истинный и замѣчательный талантъ проходитъ незамѣченный толпою при жизни, забытый ею по смерти. И когда потокъ времени поглотитъ всѣ случайныя извѣстности и эфемерныя славы, тщетно сталъ бы кто-нибудь воскрешать непризнанную славу вотще-промелькнувшаго таланта: его вновь заслоняютъ вновь-возникшія извѣстности, его слава, его творенія принадлежатъ исключительно его времени, которое прошло для него и безплодно и безвозвратно. Потомство согласится, что онъ былъ выше тѣхъ, которые заслоняли его, но и на немъ не захочетъ остановить своего вниманія такъ-же, какъ и на нихъ. Впрочемъ, нельзя сдѣлать общаго правила изъ такого случая, потому именно, что онъ случай. Часто бываетъ и на оборотъ: часто палмы первенства достойно дается современниками первому по достоинству; но въ томъ-то и состоитъ зависимость таланта отъ случайности, что онъ также можетъ быть признанъ современниками, какъ и не признанъ ими. Только міровые геніи поставлены внѣ закона этой случайности, ибо не могутъ не быть ни не признанными, ни забытыми.

Конечно, не стóитъ и хлопотать о талантѣ, который умеръ не живя, и котораго имени нельзя возвать къ жизни. Но этому могутъ противорѣчить два обстоятельства. Во-первыхъ, истина и справедливость сами себѣ цѣль; для нихъ иногда можетъ быть важенъ предметъ болѣе по отношенію къ нимъ самимъ, чѣмъ къ себѣ-самому. Во-вторыхъ, если дѣло идетъ о такомъ талантѣ, который, будучи не признанъ при жизни, не можетъ возвратить должнаго себѣ послѣ своей смерти, и столько по недостатку въ силѣ, сколько по неразвитости, ложному направленію, или по причинамъ, скрывшимся въ самой эпохѣ, въ которую онъ явился: тогда критикѣ стóитъ и очень стóитъ заняться имъ, какъ предметомъ замѣчательнымъ и поучительнымъ. Къ такимъ-то талантамъ принадлежитъ Полежаевъ, и потому-то мы давно желали найти случай погово-

Digitized by Google

рить о немъ. Теперь много имеютъ въ нашей литературѣ, пользующихся только прошедшею своею извѣстностію, и на этомъ зыбкомъ основаніи тщетно требующихъ себѣ вниманія равнодушной къ нимъ современности: и однакожь, всѣ они нѣкогда заслоняли собою Полежаева, котораго и теперь не видно изъ-за ихъ поблекшей извѣстности. И какъ имъ было не заслонить его? ихъ стихотворенія печатались въ Петербургѣ, издавались такъ красиво, сами они писали другъ къ другу посланія, участвовали въ пріятельскихъ журналахъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ Пушкинъ печатно величалъ своими сподвижниками... Стихи Полежаева ходили по рукамъ въ тетрадкахъ, журналисты печатали ихъ безъ спросу у автора, который былъ далеко; наконецъ, они и издавались или за его отсутствіемъ, или безъ его вѣдома, на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора — хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ... Еще въ Москвѣ Полежаевъ пользовался громкою извѣстностію; тамъ и досель не забытъ онъ; но Петербургъ всякъ слышитъ о существованіи его, какъ вѣтеръ: теперь же, когда Петербургъ, давно уже центръ администраціи, день-ото-дня болѣе и болѣе дѣлается центромъ умственной и всякой другой дѣятельности Россіи, — теперь и литературная извѣстность въ Россіи, даже въ самой Москвѣ, возможна только черезъ Петербургъ.

Часто случается встрѣтить въ критикахъ и рецензіяхъ мнѣніе, что такой-то поэтъ могъ бы пріобрѣсти себѣ прочную славу, но погубилъ свое дарованіе, увлекшись звонкимъ рифмы, вычурностію въ выраженіяхъ, и т. п. Справедливо ли такое мнѣніе? — Можетъ-быть, и справедливо, только крайне односторонне, по нашему мнѣнію. Почему Шиллеръ — великій поэтъ? — Потому-что получилъ онъ природою великій геній. А почему Шиллеръ не погубилъ своего великаго генія, почему онъ не увлекся звонкимъ рифмы, вычурностію выраженія? — Потому-что онъ получилъ отъ природы великую душу, которая презирала мелочами и стремилась къ одному истинному, великому и вѣчному. Видите ли: здѣсь причина прежде всего въ натурѣ поэта, которая, уже по самой сущности своей, не допустила бы его сбиться съ пути. Но, скажутъ намъ, поэзія Шиллера велика не одною силою художническаго генія; не однимъ пламенемъ любви къ человѣчеству и къ истинѣ, но и мірообъемлющимъ, вѣчно-юнымъ и вѣчно-развивающимся содержаніемъ, котораго только возможность лежала въ его натурѣ, но которое усвоено, развито и обогащено было имъ посредствомъ ученія и неослабнаго стремленія за современными интересами. Такъ; но опять-таки начало всего въ натурѣ поэта, душа котораго вѣчно старала каждою жилою, и сердце котораго вѣчно билось только для идеи. Потомъ, здѣсь причина еще и въ духѣ, жизни и развитіи, словомъ — исторіи народа, среди котораго родился поэтъ, и наконецъ въ историческомъ моментѣ, въ которомъ засталъ поэтъ современное ему человѣчество. Это уже не его заслуга — это дѣло судьбы, велѣвшей ему родиться Германцемъ, а не Китайцемъ. Природа вездѣ природа, человѣкъ вездѣ человѣкъ: и въ Китаѣ можетъ родиться поэтъ съ организаціею и духомъ Шиллера, но Шиллеромъ никогда не будетъ, останется Китайцемъ: онъ выразитъ своими твореніями бѣдное содержаніе китайской жизни и въ уродливыхъ китайскихъ формахъ; Китайцы будутъ имъ восхищаться, но Европеецъ не пойметъ его ни въ подлинникѣ, ни въ лучшемъ переводѣ. Таково вліяніе національности на духъ и достоинство твореній поэта: она, эта національность, дѣлаетъ его и великимъ и ничтожнымъ. Но если бы этотъ предположенный нами китайскій Шиллеръ и выдвинулся изъ своего народа, усвоивъ себѣ европейскую образованность и европейское званіе, и тогда бы въ своихъ твореніяхъ былъ онъ только любопытнымъ

Digitized by Google

фактомъ феноменологіи духа человѣческаго, а не великимъ явленіемъ въ сферѣ творчества, ибо великій поэтъ можетъ возникнуть только на національной почвѣ. Содержаніе для поэзіи даетъ поэту жизнь, а не наука: наука только обогащаетъ и развиваетъ это содержаніе. Не изъ книгъ почерпнулъ Шиллеръ свою ненависть къ униженному человѣческому достоинству въ современномъ ему обществѣ: онъ самъ, еще дитятей и юношею, перестрадалъ болѣзнями общества и перенесъ на себѣ тяжкое вліяніе его устарѣлыхъ формъ; наука только познакомила его съ причинами настоящаго, скрывавшимися въ вѣкахъ, уяснила вопросъ и дала сознательное направленіе энергической дѣятельности его могучаго духа. Равнымъ образомъ, не наукою постигъ онъ все великое и истинное въ среднихъ вѣкахъ: наука только уяснила ему этотъ вопросъ, а самый вопросъ возбудила въ немъ жизнь: ибо современная ему цивилизація была результатомъ среднихъ вѣковъ, съ ихъ добромъ и зломъ. Болѣе ощутительно вліяніе науки на Шиллера въ его сочувствіи съ древнимъ міромъ; но и тутъ, корень этого сочувствія скрывался въ исторіи его отечества, связанной съ исторіею Рима, а черезъ нее и съ исторіею Греціи. Предполагаемый нами китайскій геній могъ бы усвоить себѣ только извнѣ европейскую образованность и просвѣщеніе: выростая безъ почвы, она не принесла бы и плодовъ; непонятый соотечественниками, онъ не былъ бы оцѣненъ и Европейцами. Другое дѣло, еслибъ, родившись въ Европѣ, или, перевезенный туда младенцемъ, онъ выросъ и развился въ духѣ и жизни той страны; но тогда бы онъ могъ быть только поэтомъ этой страны, а отнюдь не китайскимъ поэтомъ.

И такъ, два обстоятельства творятъ великихъ поэтовъ — натура и исторія. Въ-слѣдствіе этого, и величайшій по своей натурѣ и поэтическимъ силамъ поэтъ не можетъ достигнуть въ искусствѣ назначенной ему высоты, — если онъ родился среди народа, котораго національность или лишена міроваго значенія, или еще не развилась до него; въ такомъ случаѣ, онъ можетъ быть ниже не только равныхъ ему, но и низшей натуры и меньшими творческими силами одаренныхъ поэтовъ, которыхъ геній воспитался на почвѣ національности, имѣющей міровое значеніе. При оцѣнкѣ степени достоинства того или другаго поэта, нельзя не брать въ соображеніе этого обстоятельства, если хотите быть справедливыми и многосторонними въ своемъ приговорѣ.

Все сказанное нами относится только къ тѣмъ великимъ поэтамъ, которые столько же принадлежатъ человѣчеству, сколько и своему отечеству, и къ которымъ, по этому, такъ идетъ эпитетъ «міровыхъ». Нельзя не быть великимъ поэтомъ, будучи міровымъ поэтомъ; но можно быть великимъ поэтомъ, не будучи міровымъ поэтомъ: эта разница не въ натурѣ поэта, а въ историческомъ значеніи его отечества. Но гдѣ жизнь, тамъ и поэзія, а слѣдовательно и содержаніе для поэзіи. Только содержаніе можетъ быть истиннымъ мѣриломъ всякаго поэта — и геніальнаго, и просто даровитаго. Слѣдовательно, прежде, чѣмъ говорить: «такой-то поэтъ могъ бы быть великимъ, но погубилъ свое дарованіе, — должно, на основаніи содержанія его поэзіи, показать — сперва: дѣйствительно ли его талантъ былъ великъ, а потомъ: столько ли онъ былъ великъ, чтобы, опираясь на своей силѣ, не могъ сбиться съ настоящаго пути и утратить свою силу. А то говорятъ: «г. N N обѣщалъ много, но увлекся звономъ рифмы — и изъ него не вышло ничего!» Но, милостивые государи! на чемъ же вы основываете, что онъ много обѣщалъ, если такіе пустяки, какъ звонъ рифмы, или вычурность въ выраженіи, могли сбить его съ толку? Не все ли это равно, что сказать: «такой-то господинъ подавалъ блестящія надежды быть великимъ полководцемъ; но, къ-сожалѣнію, увлекшись врожденною трусостію, оставилъ военное

Digitized by Google

поприще и рѣшился опредѣлиться въ становые приставы?» Если бы въ васъ было побольше эстетическаго такта, то — увѣряемъ васъ — вы въ первыхъ же произведеніяхъ вашей мнимо-великой будущей надежды увидѣли бы только звонъ рифмъ и поняли бы, что больше звонаря изъ него ничего никогда не выйдетъ! Странно было бы назвать Лермонтова великимъ поэтомъ за двѣ написанныя имъ книжки; но о немъ всѣ говорятъ, какъ о великомъ поэтѣ, ибо въ этихъ двухъ книжкахъ онъ далъ залогъ своего будущаго великаго развитія, — и никому, кромѣ людей, которые въ искусствѣ ничего не смыслятъ, — никому не прійдетъ въ голову сказать, что Лермонтовъ могъ бы современемъ погубить свой талантъ, увлекшись звономъ рифмы, или вычурностію фразы. Такіе таланты обезсиливаютъ себя не подобными пустяками, а развѣ тѣмъ, что, отрываясь отъ современныхъ интересовъ, предаются созерцательному отчужденію отъ живой дѣйствительности и засыпаютъ въ поэтическомъ ассетизмѣ, или живутъ жизнію прошедшаго, холодные къ современному, которое, въ свою очередь, равнодушно къ ихъ запозлалымъ интересамъ.

Какъ бы то ни было, но если и для великихъ талантовъ возможно *свое* паденіе, тѣмъ болѣе возможно оно для дарованій второстепенныхъ. Но и въ отношеніи къ нимъ, мы все-таки разумѣемъ не «рифменный звонъ» и не «вычурную фразу», которыми способны увлекаться только дарованія внѣшнія, лишенныя внутренней самостоятельной силы, чуждыя всякаго содержанія. Гладкій и звучный стихъ, внѣ содержанія, обнаруживаетъ только способность къ формѣ поэтической: въ отношеніи къ истинной поэзіи, онъ то же самое, что̀ реторика въ отношеніи къ истинному краснорѣчію. Чтобъ стихъ былъ поэтическій, не только мало гладкости и звучности, но не достаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляетъ истинное содержаніе всякой поэзіи. Эта мысль даетъ себя чувствовать въ поэзіи, какъ извѣстный взглядъ на извѣстную сторону жизни, какъ начало (principe), которымъ вдохновляются и живутъ творенія поэта. Каждый вѣкъ и каждое время питаетъ свою думу о жизни, стремится къ своимъ цѣлямъ, и источникомъ всѣхъ своихъ побужденій имѣетъ единое начало, — и чѣмъ поэтъ выше, тѣмъ болѣе выражается въ немъ эта дума его времени. Всякое истинное содержаніе отличается жизненностію, въ-слѣдствіе которой оно движется впередъ, развивается, а не стоитъ, окаменѣлое, на одномъ мѣстѣ, или, подобно попугаю, не повторяетъ вѣчно одного и того же, и притомъ одними и тѣми же словами. Вотъ почему истинные поэты постепенно, съ теченіемъ времени, становятся глубже и совершеннѣе въ своихъ твореніяхъ; и вотъ почему творенія истинныхъ поэтовъ располагаются умными издателями не по годамъ, а въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно съ временемъ появленія на свѣтъ каждаго изъ нихъ. А откуда же возьмется это движеніе, эта постепенность совершенствованія, если поэтъ барабанитъ своими гладкими и звучными стихами вѣчно одно и то же, — напримѣръ: студентскія попойки, звонъ рюмокъ, хлопанье пробокъ, дѣву-красоту, у которой перси всегда полны, а сердце пусто? Тутъ можетъ быть услуга только языку и версификаціи, а отнюдь не поэзіи. И не диво, если такой стихотворецъ, ошибочно-провозглашенный поэтомъ, скоро выпишется, всѣмъ надоѣстъ старыми погудками на новый ладъ, или новыми погудками на старый ладъ, утратитъ даже свой бойкій, звонкій и гладкій стихъ, и, мертвый для всякихъ современныхъ, живыхъ интересовъ, по привычкѣ будетъ отъ времени до времени, плохими стихами, воспѣвать, въ пріятельскихъ журналахъ, то рейнвейнъ, который *пьянитъ, такъ-сказать, глубокомысленно*, то *малагу*, которую пьютъ, когда уже ничего другаго желудокъ не выноситъ?.. Важное дѣло — знать намъ,

Digitized by Google

какое вино пьётъ господинъ стихотворецъ... Послѣ такой фамильярности съ доброю публикою, ему остается только увѣдомлять ее, разумѣется, въ стихахъ, въ какомъ погребѣ беретъ онъ свое вино. Оно бы и лучше: тогда стихи его имѣли цѣну и достоинство хоть прейс-курантовъ, и потомъ хоть на что-нибудь годились бы... И послѣ этого еще говорятъ, что онъ много обѣщалъ, но жаль-де, что, увлекшись звономъ рифмы, погубилъ свой талантъ!... Да въ рифменномъ-то звонѣ и заключался весь его талантъ, почтенные господа-аристархи!..

Но не лучше его и тѣ рифмотворцы, у которыхъ, кажется, что ни слово, то мысль, а какъ вглядишься, такъ что ни слово—то реторическая завитушка, или дикое сближеніе несближаемыхъ предметовъ. Одинъ изъ такихъ господъ, пожалуй, такъ опишетъ вамъ дружбу: «у меня—скажетъ онъ—есть въ сердцѣ рана; она вѣчно истекаетъ кровью; ее нанесъ мнѣ другъ нѣжною рукою, и сквозь ту рану онъ смотритъ въ мое сердце», и тому подобное. Другой, пожалуй, пропищитъ: «что въ морѣ купаться, то-де читать Данта: его стихи упруги и полны, какъ моря упругія волны». Третій чудакъ, пожалуй, соблазнясь этимъ образцовымъ примѣромъ, затянетъ: «что макароны есть съ пармезаномъ — то Петрарку читать: стихи его сладко скользятъ въ душу, какъ эти обмасленныя, круглыя и длинныя бѣлыя нити скользятъ въ горло». Четвертый посовѣтуетъ юношамъ не «призывать вдохновенія на *высь чела*, вѣнчаннаго *звѣздой*», или станетъ воспѣвать *грудь*, которая *высоко взметалась безпредметною любовію; любовь*, которая *зыбздится въ ущеліяхъ сердецъ; дѣву*, которой *станъ поэтъ вносилъ въ вихрь круженія на огненной ладони; струи времени, возставшія мохъ забвенія на развалинахъ любви; гибкій станъ*, въ которомъ *поэтъ утоляетъ горящую ладонь; искру души*, которая *прихотливо подметьла въ паръ черныхъ глазъ и умильно по-смотрѣла въ окна своей храмины; дѣву*, которая, *сидя на скребецѣ, гордится усѣстомъ*, — и тому подобную дикую галиматью, которую иногда и на самомъ дѣлѣ выдаютъ намъ за полную мыслей поэзію, и которую основательная критика должна преслѣдовать огнемъ и мечомъ, какъ преступленіе противъ здраваго смысла, языка, литературы и искусства... Нѣтъ, не такова поэзія, полная мысли: она проста, естественна, неизысканна, какъ творенія природы, выразившія собою мысль Творца... О такихъ рифмачахъ, если только бываютъ на свѣтѣ такіе рифмачи, нельзя говорить: «они многое обѣщали, а мало сдѣлали»; но должно говорить: «они ничего не обѣщали хорошаго, и много написали вздорнаго».

Есть поэты, въ которыхъ нельзя не признать ни чувства, ни вдохновенія, ни поэтической формы, но о которыхъ, по первымъ же ихъ произведеніямъ, можно безошибочно сказать, что они недалеко пойдутъ и скоро выпишутся. Это тѣ односторонніе дарованія, которыя пробуждаются отъ какой-нибудь случайности — несчастія, утраты, и, открывъ въ душѣ своей затаенный родникъ грустной поэзіи, скоро исчерпываютъ его весь, настроивъ свою лиру на одинъ тонъ; а потомъ, когда неглубокій родникъ истощится и пересохнетъ, уже по привычкѣ къ рифмамъ, продолжаютъ вяло и бездушно выговаривать то, что нѣкогда вылось у нихъ по-крайней-мѣрѣ искренно и тепло... Потомъ, это тѣ *эфемерныя* души, которыя бываютъ юны только во время юности; пережившъ юность, онѣ тотчасъ же отцвѣтаютъ, и скоро мирятся съ прозою жизни. И слава имъ, если они, изъ поэтовъ сдѣлавшись агрономами, чиновниками, спекулантами, совсѣмъ забываютъ свою лиру для счетовъ, аршина, или дѣловыхъ бумагъ; и позоръ имъ, если они вздумаютъ обманывать и себя и другихъ рифмованною стуротнею безчувственныхъ чувствъ и безмысленныхъ мыслей!... Юность дается че-

Digitized by Google

ювѣку только разъ въ жизни, и въ ювости каждый изъ нихъ доступнѣе, имъ въ другомъ возрастѣ, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранитъ юность до старости, не давъ душѣ своей остыть, ожесточиться, окаменѣть.—

Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, баованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ, модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, маленькихъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья.

Да, возможное совершенство каждаго человѣка, то, къ чему долженъ и можетъ стремиться каждый человѣкъ, состоитъ именно въ томъ, что бъ, и проживши до сѣдыхъ волосъ, даже у края могилы, не пережить своей юности... Но увы! сколь немногіе достигаютъ этого, и сколь многіе старѣются, когда еще не миновалась и юность ихъ! Эта разница происходитъ, при многихъ причинахъ, прежде всего отъ разницы въ натурахъ, съ которыми родятся люди. Это же и главная причина, отъ-чего одинъ поетъ всю жизнь сохраняетъ свое вдохновеніе, а другой теряетъ его послѣ десятка хорошихъ, впрочемъ, стихотвореній. И напрасно о такихъ поэтахъ говорятъ: «какъ много обѣщалъ онъ и какъ мало выполнилъ!» О такихъ, напротивъ, чаще можно говорить: «онъ обѣщалъ еще меньше, нежели сколько выполнилъ....»

«Но—говорятъ—если бы онъ писалъ такъ, а не этакъ, воспѣвалъ то, а не это — онъ сохранилъ бы свой талантъ.» Нѣтъ, милостивые государи, тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ-себѣ, въ слабости своей натуры, носитъ своего врага... — «Но если бы онъ слушался критики?»— Поэтовъ творитъ природа и жизнь, а не критика, — и для нихъ поучительнѣе критики на чужія сочиненія, чѣмъ на ихъ собственныя... — «Однакожь, отъ-чего же нибудь онъ сбился же?» —Для такихъ талантовъ на каждомъ шагу жизни стоятъ силки, и отъ чего бы то ни было, но имъ надо сбиться... Въ-отношеніи къ нимъ, даже не интересно и изслѣдовать причины паденія.

Гораздо-поучительнѣе паденіе такихъ поэтовъ, которые не такъ сильны, чтобъ не бояться паденія, и не такъ слабы, чтобъ выдохнуться незамѣтно и испариться въ болотной атмосферѣ житейской повседневности; но которые, или достигаютъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, той степени развитія, что ихъ творенія дѣлаются капитальнымъ, хотя и второстепеннымъ сокровищемъ отечественной литературы; или, при неблагопріятствѣ судьбы, пролетаютъ по пути жизни блуждающею кометою, являя своею жизнію и своими произведеніями зрѣлище печальное и поучительное. Таковъ былъ талантъ Полежаева...

Стихотворенія Полежаева начали являться въ печати съ 1826 года; но они были знакомы Москвѣ еще прежде, равно-какъ и имя ихъ автора. Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнію, а жизнь его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикою необузданностію страстей, которыя, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дали ему ни развиться, ни созрѣть. И потому, къ своей поэтической извѣстности, не для всѣхъ основательной, онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причиною ранней утраты таланта и преждевременной смерти... Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбуж-

Digitized by Google

дать въ себѣ и ужасъ и состраданіе: Полежаевъ не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого-себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели. Полежаева уже нѣтъ, и потому о немъ можно говорить прямо и открыто: подобная откровенность никого не оскорбитъ, но многимъ будетъ поучительна. Онъ былъ явленіемъ общественнымъ, историческимъ, — и говоря о немъ, мы говоримъ не о частномъ человѣкѣ. Къ-тому же, въ нашемъ сужденіи о Полежаевѣ, мы будемъ основываться не на какихъ-нибудь посторонникъ и сомнительныхъ свидѣтельствахъ, а на его собственныхъ поэтическихъ признаніяхъ: ибо всѣ лучшія его произведенія суть не иное что́, какъ поэтическая исповѣдь его безумной, страдальческой жизни. Мы пишемъ не *для* того, чтобъ осуждать, а *для* того, чтобъ поучать и поучаться изъ такого разительнаго примѣра: могила миритъ все, и надъ нею должны раздаваться не проклятія и осужденія, а слова примиренія и благословенія...

Слишкомъ-рано понявъ безотчетнымъ чувствомъ, что толпа жила и держалась правилами, которыхъ смысла сама не понимала, но къ которымъ равнодушно привыкла, — Полежаевъ, подобно многимъ людямъ того времени, не подумалъ, что онъ могъ и долженъ былъ уволить себя только отъ понятій и нравственности толпы, а не отъ всякихъ понятій и всякой нравственности. Освобожденіе отъ предразсудковъ онъ счелъ освобожденіемъ отъ всякой разумности, и началъ обожать эту буйную свободу. Свобода была его *любимымъ* словомъ, его любимою рѣчью, — и только въ минуты душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе-свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе-подчиненный человѣкъ. Избытокъ силъ пламенной натуры заставилъ его обожать другаго, еще болѣе страшнаго идола — чувственность. Для человѣка необходимъ періодъ идеальныхъ, восторженныхъ стремленій, и порываній: перешедъ черезъ него, онъ можетъ отрѣшиться отъ всего мечтательнаго и фантастическаго, но уже не можетъ остаться животнымъ даже въ своихъ чувственныхъ увлеченіяхъ, которыя у него будутъ смягчены и облагорожены чувствомъ красоты и пріймутъ характеръ эстетическій. И Полежаевъ пережилъ этотъ періодъ идеальнаго чувства, но уже слишкомъ не во-время, какъ мы увидимъ. Сначала, онъ, который не имѣлъ права сказать о себѣ, что не зналъ мятежнаго волненія страстей,— онъ имѣлъ право сказать:

Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любовь
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгорялъ!

Онъ имѣлъ право, не клевеща на самого себя *для* краснаго словца, сказать красавицѣ, не сводившей съ него задумчивыхъ очей и припадавшей къ нему на грудь въ порывахъ забвенья:

Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь, кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воскресить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить,
Не *для* меня очарованья!
. . . . . .
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ;
. . . . . .
И прежнихъ чувствъ и прежнихъ лѣтъ
Не возвратить ничто земное!
Еще мнѣ милы — красота
И двѣ пламенные взоры;
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть — мрачные укоры!
Люби другаго: быть твоимъ
Я не могу, о другъ мой милый!..
Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

И потому не удивительно, если не во-время и не въ-пору явившееся мгно-

Digitized by Google

веніе было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а вотъ эту страшную, похоронную пѣснь самому-себѣ:

О грустно мнѣ! Вся жизнь моя—гроза!
Наскучилъ я обителью земною!
Зачѣмъ же вы горите предо мною,
Какъ райскіе лучи предъ сатаною,
Вы—черные, волшебные глаза!

Увы! давно, печаленъ, равнодушенъ,
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!

Старинный рабъ мучительныхъ страстей,
Я испыталъ ихъ бремя роковое—
И буйный духъ, и сердце огневое —
Давно смирилъ въ обманчивомъ покоѣ,
Какъ лютый врагъ покоя и людей!

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена;
Меня несла противная волна,
Несла на смерть—и гибель не страшна
Казалась мнѣ, въ пучинѣ безпощадной.

И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ,
Любилъ встрѣчать я думою суровой,
И свисту бурь, подъ молніей багровой,
Внимать, какъ мужъ, отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ...

И погрузясь въ преступныя сомнѣнья
О цѣли бытія,
Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно осѣня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья.

Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ,
Отъ дерзкихъ думъ до свѣта провидѣнья;
Я избѣгалъ невиннаго творенья,
Котораго бъ моею изъ сожалѣнья,
Моей душѣ дать выспренній полетъ;—

И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатный...
О, нѣтъ!—какъ духъ карающій и злой,—
Свѣтлѣе дня явилось предо мной,
Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной,
На муравѣ долины ароматной!..

Явилось... все исчезло для меня:
Я позабылъ, въ мучительной невзгодѣ,
Мою любовь и ненависть къ природѣ,
Безумный пылъ къ утраченной свободѣ,
И все, чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я...

Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ,
Увидѣлъ я, съ невольнымъ торжествомъ,
Земной эдемъ!.. Какъ-будто существомъ
Другихъ міровъ—какъ-будто божествомъ
Исполненъ былъ въ мечтаніяхъ завѣтныхъ.

И дѣва-рай, и дѣва-красота
Лила мнѣ въ грудь невыразимымъ взоромъ
Невинную любовь, съ таинственнымъ укоромъ,
И пѣла въ ней душа небеснымъ хоромъ:
«Люби меня! — И въ очи и въ уста
«Лобзай меня, пѣвецъ осиротѣлый,
«Какъ мотылекъ лилею по утру!
«Люби меня, какъ милую сестру,—
«И снова я и къ небу, и къ добру
«Направлю твой разсудокъ омертвѣлый!..»

И что жь? Совершилось ли возрожденіе—этотъ великій актъ любви? и святая власть женственнаго существа побѣдила ли ожесточенную мужскую твердость?—Нѣтъ! Поэтъ не воскресъ, а только пошевелился въ гробѣ своего отчаянія: солнечный лучъ поздно упалъ на поблекшій цвѣтъ его души... Остальная половина этого стихотворенія, или, лучше сказать, этой поэтической исповѣди, отличается тою хаотическою неопредѣленностью, въ какую погрузило душу поэта его полу-возрожденіе: и какъ ничего положительнаго не могло выйдти изъ новаго состоянія души поэта, такъ ничего не вышло и изъ стихотворенія, въ которомъ онъ силился его выразить. Эта неопредѣленность отразилась и на стихахъ: стихъ, доселѣ поэтическій, даже крѣпкій и сжатый, становится прозаическимъ, вялымъ и растянутымъ, и только мѣстами сверкаетъ прежнимъ огнемъ, какъ угасающій волканъ; цѣлые куплеты ничего не заключаютъ въ себѣ, кромѣ словъ, въ которыхъ видно одно тщетное усиліе что-то сказать. И потому, мы представимъ конецъ пьесы въ сокращеніи:

Digitized by Google

Напрасно я мой геній горделивый,
Мой злобный рокъ на помощь призывалъ;
Со мною онъ, *какъ другъ* (?) изнемогалъ,
Какъ слабый врагъ предъ мощнымъ трепеталъ, —
И я въ цѣпяхъ *предъ* дѣвою стыдливой!
Въ цѣпяхъ!.. Творецъ! безсильное дитя
Играетъ мной по волѣ безотчетной,.
Казнитъ меня съ улыбкой беззаботной —
И я, какъ рабъ, влачусь за нимъ охотно,
Всю жизнь мою страданью посвятя!..

За тѣмъ, Богъ-знаетъ почему, поэтъ спрашиваетъ дурными стихами, о *ней:* кто она, и гдѣ тотъ, «кто дѣвы молодой *вопьетъ* въ себя невинное дыханье?»

Гроза и громъ! ужель мои уста
Произнесутъ убійственное слово?
Уже ли все въ подсолнечной готово
Лишить меня прекраснаго земнаго?..
Такъ, я лишенъ, лишенъ — и навсегда!..
Кто видѣлъ тернъ колючій и безплодный,
И рядомъ съ нимъ роскошный виноградъ?
Когда жь и гдѣ равно ихъ оцѣнятъ,
И на одной грядѣ соединятъ?..
Цвѣтетъ ли миртъ въ Лапландіи холодной?
Вотъ жребій мой! Благія небеса!
Быть можетъ, я достоинъ наказанья;
Но—я съ душой—могу ли безъ роптанья,
Сносить мои жестокія страданья?
Забуду ль васъ, о черные глаза?

Далѣе, поэтъ вспоминаетъ тѣ безцѣнныя мгновенія, когда, и при лунѣ и при солнцѣ, бесѣдовалъ онъ тихо съ милою дѣвою, или бродилъ съ нею между гробами —

. . . . съ унылыми мечтами,
И вѣчный сонъ, надъ мирными крестами,
И смерть и жизнь летали передъ нами,
И я искалъ покоя мертвецовъ!

Вспоминаетъ, какъ онъ заставалъ прекрасную въ слезахъ надъ «Элоизою»,

Иль затая дыханье на устахъ,
Во тьмѣ ночей стерегъ ее въ волнахъ, —
Гдѣ, иногда, подъ сумрачною ризой,
Бѣла, какъ снѣгъ, — волшебныя красы,
Она струямъ зеркальнымъ предавала,
И между-тѣмъ, стыдливо обнажала
И грудь и станъ—и вѣтромъ развѣвало
И флеръ ея, и черные власы...
Смертельный ядъ любви неотразимой
Меня терзалъ и медленно губилъ;
Мнѣ снова міръ, какъ прежде, опостылъ..
Быть можетъ... нѣтъ! мой часъ уже пробилъ,
Ужасный часъ, ничѣмъ неотразимый!

Можно догадываться изъ этихъ стиховъ, что душа поэта пережила его тѣло и, живой трупъ, онъ умиралъ медленною смертью, томимый уже безплодными желаніями... Страшное состояніе! Какъ понятны, послѣ этого, стихи Полежаева:

Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!..

Эти *черные глаза*, очевидно, были важнымъ, хотя уже и безвременнымъ фактомъ въ жизни Полежаева: скорбному воспоминанію о нихъ посвящена еще цѣлая, и притомъ прекрасная пьеса—«Грусть»:

На пиру у жизни шумной,
Въ царствѣ юной красоты,
Рвалъ я съ жадностью безумной,
Благовонные цвѣты.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерялъ, —
И душевной укоризны,
Можетъ быть, не избѣжалъ.
Отчего жь не съ сожалѣньемъ,
Отчего—скажите мнѣ—
Но съ невольнымъ восхищеньемъ
Вспомнилъ я о старинѣ?
Отчего же локонъ черный,
Этотъ локонъ смоляной,
День и ночь, какъ духъ упорный,
Все мелькаетъ предо мной?
Отчего, какъ въ полдень ясный,
Голубыя небеса —
Мнѣ таинственно прекрасны
Эти черные глаза?
Почему же голосъ сладкой,
Этотъ голосъ неземной,
Льется въ душу мнѣ украдкой

Digitized by Google

Гармонической волной?
Что тревожитъ духъ унылой,
Манитъ къ счастію меня?
Ахъ! не вспыхнетъ надъ могилой
Искра прежняго огня!
Отлетѣли заблужденій
Невозвратные рои —
И я мертвъ для наслажденій,
И угасъ я для любви!
Сердце ищетъ, сердце проситъ
Послѣ бури уголка;
Но мольбы его разноситъ
Безотрадная тоска!

Но это только мгновеніе въ жизни поэта; другая любовь неотступно жила съ нимъ и погубила его—это та, о которой онъ самъ сказалъ:

Въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь!
Не воскреснетъ она!

Эта-то любовь, извлекшая столько грязныхъ пѣсенъ, извлекала иногда и поэтическіе звуки изъ души поэта, какъ въ этой прекрасной пѣснѣ его—«Цыганка»:

Кто идетъ передъ толпою
На широкой площади,
Съ загорѣлой красотою
На щекахъ и на груди?
Подъ разодраннымъ покровомъ,
Проницательна, черна—
Кто въ величіи суровомъ
Эта дивная жена?
Вьются локоны небрежно
По нагимъ ея плечамъ,
Искры наглости мятежно
Разбѣжались по очамъ;
И страшнѣй ударовъ сѣчи,
Какъ гремучая рѣка,
Льются сладостныя рѣчи
У безстыдной съ языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты—коварная Цыганка,
Дочь свободы и весны!
Подъ узлами бѣдной шали
Ты не скроешь отъ меня
Невѣстницу печали,
Друга радостнаго дня!
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденье
Африканскіе цвѣты!
Ахъ, я помню!.. Но ужасно
Вспоминать лукавый сонъ:
Фараонка, не напрасно
Тяготитъ мнѣ душу сонъ!
Пронеслась съ годами сила,
Я увялъ—и на яву
Мнѣ рука твоя вручила
Приворотную траву!

Въ pendant къ этой пьесѣ приводимъ здѣсь и «Ахалукъ»:

Ахалукъ, мой ахалукъ,
Ахалукъ деликотонный,
Ты—работа нѣжныхъ рукъ
Азіатки благосклонной!
Ты родился подъ иглой
Отаманки чернобровой,
Послѣ робости суровой
И любви во тьмѣ ночной;
Ты не пышной пестротою —
Цвѣтомъ гордыхъ узденей,
Но смиренной простотою —
Цвѣтомъ сѣверныхъ ночей,
Милъ для сердца и очей...
Черенъ ты, какъ локонъ длинный
У Цыганки кочевой,
Мраченъ ты, какъ духъ пустынный—
Сторожъ урны гробовой!
И серебряной тесьмою,
Какъ волнистою струею
Дагестантскаго ручья,
Обвились твои края.
Никогда игра алмаза
У Могола на чалмѣ,
Никогда луна во тьмѣ,
Ни чело твое, о База—
Это блѣдное чело,
Это чистое стекло,
Споря въ живости съ опаломъ,
Подъ ревнивымъ покрываломъ,
Не сіяли такъ свѣтло!
Ахъ, серебряная змѣйка,
Ненаглядная струя—
Это ты, моя злодѣйка,
Ахалукъ суровый—я!

Но апоѳеозу идола, спалившаго цвѣтъ жизни поэта, представляетъ его пьеса «Гаремъ».

Кто любитъ негу чувствъ, блаженство
сладострастья—

Digitized by Google

И не парить въ края азійскіе душой?
Кто, пылкій юноша, который въ моръ счастья
Не жаждетъ вѣкъ утратить молодой?
Пусть онъ летитъ туда.....
И населитъ красой блестящій свой гаремъ!
Тамъ жизни радость онъ познаетъ и оцѣнитъ
И снова обрѣтетъ потерянный эдемъ!..
Тамъ пиръ для чувствъ и ока!
Красавицы востока,
Одна другой милѣй,
Одна другой рѣзвѣй,
Послушныя рабыни,
Умрутъ съ нимъ каждый мигъ!
Съ душой полубогини,
Въ восторгахъ огневыхъ,
Душа его сольется,
Заснетъ—и вновь проснется,
Чтобъ снова утонуть
Въ пучинѣ наслажденья!
Тамъ пламенная грудь
Манитъ воображенье;
Тамъ бѣлая рука
Влечетъ его слегка
И страстно обнимаетъ;
Одна его лобзаетъ,
Одна ему поетъ,
Горитъ и изнываетъ,
. . . . . .
Прелестныя подруги,
Воздушны какъ зефиръ,
Порхаютъ, стелютъ круги,
То вьются, то летятъ,
То быстро станутъ въ рядъ.
Межь-тѣмъ въ дыму кальяна,
На бархатѣ дивана,
Влюбленный сибаритъ
Роскошно возлежитъ
И, взоромъ пожирая
Движенья гурій рая,
Трепещетъ и кипитъ,
И къ дѣвѣ сладострастья
Залогъ желанный счастья—
Платокъ его летитъ...
. . . . . .
Но гдѣ гаремъ, но гдѣ она,
Моя прекрасная рабыня?
Кто эта юная богиня,
Полунагая, какъ весна,
Свѣжа, плѣнительна, статна,
Рѣзвится въ банѣ ароматной?
На чьи небесныя красы
Съ досадной ревностью власы
Волною падаютъ пріятной.
. . . . . .
Кого усердная толпа
Рабынь услужливыхъ лелѣетъ?
Чья кровь горячая заиграетъ
Въ объятьяхъ дѣвы огневой?
Кто сей счастливецъ молодой?
Ахъ, гдѣ я? Что со мною стало?
Она надѣла покрывало,
Ее ведутъ—она идетъ:
Ее любовь на ложѣ ждетъ...
. . . . . .
Такъ жрецъ любви, игра страстей опасныхъ,
Пѣлъ наслажденья чуждыхъ странъ,
И оживлялъ въ мечтаньяхъ сладострастныхъ
Чувствъ очарованныхъ обманъ.
Онъ пѣлъ—души его кумиры
Носились тайно вкругъ него,
И въ этотъ мигъ на всѣ порфиры
Не промѣнялъ бы онъ гарема своего!..

Въ этомъ дифирамбѣ выражено объясненіе ранней гибели его таланта... Онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Ренегата», и по множеству мѣстъ цинически-безстыдныхъ и безумно-вдохновенныхъ, не могъ быть напечатанъ вполнѣ. Азія — колыбель младенческаго человѣчества и, какъ элементъ, не могла не войдти и въ жизнь возмужавшаго и одухотворившагося Европейца, но какъ элементъ—не больше: исключительное же ея обожаніе — смерть души и тѣла, позоръ и гибель при жизни и за могилою... Полежаевъ жилъ въ Азіи, а Европа только на мгновеніе шевелила его душою: удивительно ли, что онъ—

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни своей?

Отличительный характеръ поэзіи Полежаева — необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе-благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принесъ бы богатые плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Мысль для по-

Digitized by Google

зія то же, что масло для лампады: съ нимъ она горитъ пламенемъ ровнымъ и чистымъ, безъ него вспыхиваетъ по-временамъ, излетъ искры, дымится чадомъ, и постепенно гаснетъ. Мысль всегда движется, идетъ впередъ, развивается. И потому творенія замѣчательныхъ поэтовъ (не говоря уже о великихъ) постепенно становятся глубже содержаніемъ, совершеннѣе формою. Полежаевъ остановился на одномъ чувствѣ, которое всегда безотчетно и всегда заперто въ самомъ-себѣ, всегда вертится около самого-себя, не двигаясь впередъ, всегда монотонно, всегда выражается въ однообразныхъ формахъ.

Въ пьесѣ «Ночь на Кубани», вопль отчаянія смягченъ какою-то грустью и совпадаетъ съ единственно-возможною надеждою несчастливца—надеждою на прощеніе отъ подобнаго себѣ несчастливца, собственнымъ опытомъ познавшаго, что такое несчастіе:

. . . . . .
Ахъ, кто мечтѣ высокой вѣрилъ,
Кто почиталъ коварный свѣтъ,
И на зарѣ весенннихъ лѣтъ
Его ничтожество измѣрилъ;
Кто погубилъ, подобно мнѣ,
Свои надежды и желанья;
Предъ кѣмъ разрушились вполнѣ
Грядущей жизни упованья;
Кто сиръ и чуждъ передъ людьми;
Кому дадутъ изъ сожалѣнья,
Иль ненавистнаго презрѣнья,
Когда-нибудь клочокъ земли...
Одинъ лишь тотъ меня оцѣнитъ,
Моей тоски не обвинивъ,
Душевнымъ чувствамъ не измѣнитъ,
И скажетъ: «такъ, ты несчастливъ!»
Какъ братъ къ потерянному брату,
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ
И раздѣлитъ мою утрату!..
. . . . . .
Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ пойметъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь палетная въ лазури,
Въ немъ отразится после бури
Душа унылая моя!
Я буду—онъ; онъ будетъ—я!
Въ одномъ изъ насъ сольются оба!
И пусть тогда вражда и злоба,
И мечь, и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой!..
. . . . . .
. . . . . .

Естественно, что Полежаевъ, въ свѣтлую минуту душевнаго умиленія, обрѣлъ столько еще тихаго и глубокаго вдохновенія, чтобы такъ прекрасно выразить въ стихахъ одно изъ величайшихъ преданій Евангелія:

И говорятъ ему: «она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое».

И на лукавое воззванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ божественнымъ чертилъ.

И наконецъ сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцовъ законъ:
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?...»

И вновь писалъ онъ на землѣ...
Тогда съ печатью помышленья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена...

И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «Покинь твою боязнь.
Гдѣ твой сенедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: «Никто, Учитель!»—
«И такъ и я твоей души
Не осужу,—сказалъ Спаситель,—
Идя въ свой домъ—и не грѣши».

Можетъ-быть, послѣ этого намъ будетъ легче и поучительнѣе внимать страшнымъ признаніямъ поэта... Тяжесть паденія его была бы не вполнѣ обнята нами безъ двухъ пьесъ его—

Digitized by Google

«Живой мертвецъ» и «Цѣпи». Вотъ первая:

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Враждуя съ темною могилой,
Живетъ и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны,
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ боязливый.
Блѣдно, какъ саванъ роковой,
Чело отверженца природы,
И неестественной свободы
Ужасенъ видъ полуживой.
Унылый, грустный онъ блуждаетъ
Вокругъ жилища своего,
И—очарованъ—за него
Переноситься не дерзаетъ.
Слѣды минувшихъ, лучшихъ дней
Онъ видитъ въ мысли быстротечной,
Но мукой тяжкою и вѣчной
Наказанъ въ ярости своей.
Проклятый небомъ раздраженнымъ,
Онъ не пріемлется землей,
И овладѣлъ мучитель злой
Злодѣя прахомъ оскверненнымъ.
Вотъ мой удѣлъ—игра страстей,
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро месть и злоба
На вѣкъ уснутъ въ груди моей!
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И—членъ ненужный бытія —
Не оскверню собой природы!
Мнѣ міръ—пустыня, гробъ—чертогъ!
Сойду въ него безъ сожалѣнья.

Но сила чувства, особенно въ падшемъ человѣкѣ, не всегда соединяется съ силою воли,—и вопреки себѣ, онъ долженъ хранить жизнь, какъ собственную кару...

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей...
. . . . . .
. . . . . .
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный,
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ,
И сакелъ смерти погребальный
Съ тѣхъ-поръ горитъ въ моихъ очахъ!
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій
Уже рукой ожесточенной,
Берусь за пагубную сталь,
И умираю ночь и день!
Порою, огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ,
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ будто бы во снѣ!
. . . . . .
Уже разсудокъ мой смущенный
Забылъ и горе и печаль!..
Готовъ! но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ...
. . . . . .
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда,
И... вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

«Вечерняя Заря», одна изъ лучшихъ пьесъ Полежаева, есть та же погребальная пѣсня всей жизни поэта; но въ ней отчаяніе растворено тихою грустью, которая особенно поразительна при сжатости и могучей энергіи выраженія — обыкновенныхъ качествахъ его поэзіи:

Я встрѣчаю зарю,
И печально смотрю,
Какъ кропинки дождя,
По эѳиру летя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зонъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ, и раститъ.
Что жь, кропинки дождя,
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Что, въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?
Ахъ, не цвѣтъ половой

Digitized by Google

Жмета полдневной порой
Разрушительный зной:
Сокрушаетъ тоска
Молодаго пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска!..
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ—но я жилъ
На погибель свою,
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою!..
Не расцвѣлъ—и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей!
Духъ унылъ; въ сердцѣ крова
Отъ тоски замерла;
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!..
Я надежду имѣлъ
На испытныхъ друзей;
Но ихъ рой отлетѣлъ
При невзгодѣ моей.
Всѣмъ постылый, чужой,
Никого не любя,
Въ мірѣ странствую я,
Какъ вампиръ гробовой!..
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ,
И въ мученіяхъ злыхъ,
Не сгараючи тлѣть...

Не кропите жь меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной!
Я увялъ—и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

На Полежаевъ зналъ не одну муку паденія: онъ зналъ также и торжество возстанія, хотя и мгновеннаго; съ энергической и мощной лиры его слетали не одни диссонансы проклятія и воплей, но и гармонія благословеній...

Я погибалъ;
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Злодѣй созрѣлый,
Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей,
Всегда злодѣй.
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье;
Окаменѣнъ,
Какъ хладный камень;
Ожесточенъ,
Какъ сѣрный пламень, —
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній!
Мой злобный геній
Торжествовалъ!
Печать проклятій —
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя-самихъ,
Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ,
Душа ко мглѣ
Уже стремилась...
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Я видѣлъ тѣнь, —
И въ думѣ лютой
Все рѣшено:
Еще минута
И... свершено!...

Но вдругъ нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Недавна Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ!..
Рукою сильной
Остовъ могильный
Вдругъ оживилъ, —
И Каинъ новый
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ.
Онъ снова дни
Тоски печальной
Озолотилъ
И озарилъ
Зарей прощальной!

Digitized by Google

Гори жь, сіяй,
Зара святая!
И догарай,
Не померкая!

Въ другое время, сорвались съ его лиры звуки торжества и возстанія, но уже слишкомъ-поздняго, и уже не столь сильные и громкіе: посмотрите, какая нескладица въ большой половинѣ этой пьесы («Раскаяніе»), какъ хорошіе стихи мѣшаются въ ней съ плохими до безсмыслицы:

Я согрѣшилъ противъ разсудка,
Его на миѳ я разлюбилъ (?!):
Тебѣ, стѣнная незабудка,
Его я съ честью подарилъ (??)!
Я промѣнялъ святую совѣсть
На мщенье буйнаго глупца,
И отвратительная повѣсть
Гласитъ безуміе пѣвца.
Я сокрушилъ противъ условій
Души и славы молодой,
Которы демонъ празднословій
Теперь осмѣетъ съ клеветой (?)!
Кинжалъ коварный сожалѣнья
Притворной дружбы и любви,
Теперь потонетъ, безъ сомнѣнья,
Въ моей бунтующей крови;
Толпа знакомцевъ вѣроломныхъ,
Ихъ шумный смѣхъ, и строгій взоръ
Мужей значительно безмолвныхъ,
И ропотъ двухъ неблагосклонныхъ —
Все мнѣ и казнь и приговоръ!
Какъ чадъ неистовый похмѣлья,
Ты отлетѣла наконецъ,
Минута злобнаго веселья!
Проснись, задумчивый пѣвецъ!
Гдѣ гармоническая лира,
Гдѣ барда юнаго вѣнокъ?
Ужель повергнулъ ихъ порокъ
Къ стопамъ ничтожнаго кумира?
Ужель бездушный идеалъ
Неотразимаго разврата,
Тебя, какъ жертву казамата,
Рукой поносной оковалъ?
О, нѣтъ! свершилось — жаръ мятежный
Остылъ на пасмурномъ челѣ!
Какъ сынъ земли, я дань землѣ
Принесъ чредою неизбѣжной:
Узналъ безславіе, позоръ
Подъ маской дикаго невѣжды (?);

И посмотрите — какъ торжественно окончаніе этой пьесы; оно можетъ служить образцомъ того, что называется въ эстетикѣ «высокимъ»:

Но предъ лицомъ кавказскихъ горъ
Я рву нечистыя одежды!
Подобный гордостью горамъ,
Замѣтнымъ въ безднахъ и лазури,
Я воспарю, какъ онніамъ,
И передамъ моимъ струнамъ,
И ревъ, и вой минувшей бури!..

Полежаевъ никогда бы не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ главное достоинство — пластическая художественность и виртуозность формъ; которыхъ значеніе бываетъ такъ велико въ сферѣ собственно-искусства, и такъ не велико въ сферѣ общей, объемлющей собою не одно искусство, но и всю область духа: въ которомъ такая бездна поэзіи, и такъ мало современныхъ вопросовъ, такъ мало общихъ интересовъ... Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, еслибы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отсюда, эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Но къ этому не достаетъ отдѣлки, точности въ словахъ и выраженіяхъ; причиною этого было сколько то, что онъ небрежно занимался поэзіею и никогда не отдѣлывалъ окончательно своихъ стихотвореній, замѣняя неточныя выраженія опредѣленными, слабые стихи — сильными, растянутыя мѣста — сжатыми; столько и то что, оставшись при одномъ непосредственномъ чувствѣ, онъ не развилъ и не возвысилъ его, наукою и размышленіемъ, до *вкуса*. Другой важный недостатокъ его поэзіи, тѣсно связанный съ первымъ, состоитъ въ неумѣньи овладѣть собственною мыслію и выразить ее полно и цѣлостно, не примѣшивая къ ней ничего постороннаго и лишняго. Причина этого опять въ неразвитости и происходящей изъ нея неясности и неопредѣленности созерцанія. Предоставляемъ здѣсь, въ

Digitized by Google

поучительный для молодыхъ поэтовъ примѣръ подобной невыдержанности, двѣ прекрасныя, но испорченныя пьесы Полежаева, въ совершенно различныхъ родахъ. Первая называется «Море»:

Я видѣлъ море—я измѣрилъ
Очами жадными его:
Я силы духа моего.
Передъ лицомъ его повѣрилъ.
О море, море!—я мечталъ
Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ,—
Кто первый мыслилъ и стоялъ
На берегу твоемъ высокомъ?
Кто, неразгаданный въ вѣкахъ,
Замѣтилъ первый блескъ лазури,
Войну громовъ, и ярость бури
Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
Куда исчезли другъ за другомъ
Твоихъ владѣльцевъ племена,
О коихъ вѣсть намъ предана
Однимъ злопамятнымъ досугомъ?..
. . . . . .

Превосходно! Стихи, достойные величія моря! Но то ли далѣе? —

Всегда ли, море, ты почило
Въ скалахъ висящихъ надъ тобой?
Или невѣдомая сила,
Враждуя *съ мирной тишиной*,
Не разъ твой образъ измѣнила?
Что ты? откуда? изъ чего?
Игра случайная природы,
Или орудіе свободы,
Воззвавшей все изъ ничего?
Надолго ль влажная порфира
Твоей безстрастной красоты
Осуждена блистать для міра
Изъ нѣдръ бездонной пустоты!

Сбивчиво, темно, неопредѣленно, хотя и замѣтно, что у поэта шевелилась на душѣ мысль! Далѣе опять лучше:

Вотъ тайный плодъ воображенья
Души, волнуемой тоской,
За мигъ невольный восхищенья
Передъ пучиною морской!..
Я вопрошалъ ее .. Но море,
Подъ знойнымъ солнечнымъ лучомъ,
Сребрясь въ узорчатомъ уборѣ,
Межъ-тѣмъ лелѣялось кругомъ
Въ своемъ покоѣ роковомъ.
Черезъ разсыпанныя волны
Катились груды новыхъ волнъ,
И между нихъ, отваги полный,
Нырялъ предъ бурей утлый чолнъ.
Счастливецъ, знаешь ли ты цѣну
Смѣшнаго счастья твоего?
Смотри на чолнъ—ужь нѣтъ его
Въ отвагѣ онъ нашелъ измѣну!..

Превосходные стихи, кромѣ двухъ послѣднихъ, которые все портятъ; но цѣлаго не видно, и послѣ начала пьесы какъ-то не того ожидалось... Но, сообразно съ серединою, окончаніе прекрасно:

Въ другое время, на брегахъ
Балтійскихъ водъ, въ моей отчизнѣ,
Красуясь цвѣтомъ юной жизни,
Стоялъ я нѣкогда въ мечтахъ;
Но тѣ мечты мнѣ сладки были:
Онѣ привѣтно сквозь туманъ,
Какъ за волной волну, манили
Меня въ житейскій океанъ.
И я поплылъ... О море, море!
Когда увижу берегъ твой?
Или, какъ чолнъ залетный, вскорѣ
Сокроюсь въ безднѣ гробовой?

Вторая пьеса называется «Баю баюшки баю»:

Въ темной горницѣ постель;
Надъ постелью колыбель;
Въ колыбели, съ полуночи,
Бьется, плачетъ, что̀ есть мочи,
Безпокойное дитя.
Вотъ, лампаду засвѣтя,
Чернобровка молодая
Суетится, припадая
Бѣлой грудью къ крикуну—
И лелѣетъ, и ко сну
Избалованнаго клонитъ,
И поетъ, и *тихо стонетъ*
На чувствительный распѣвъ
Девяносто-лѣтнихъ дѣвъ (??!!.. :
«Да усни же ты, усни,
«Мой *хорошій молодецъ!*
«*Угомонъ тебя возьми,*
«*О постылый сорванецъ!*
«Баю, баюшки, баю!

«*Ужь и есть ли гдѣ такой*
«*Сизокрылый голубокъ,*
«*Непоглядный, дорогой,*
«*Конь мой маленькій сынокъ?*

Digitized by Google

«*Баю, баюшки баю!*
«Во зеленомъ во саду
«Красно вишенье растетъ;
«По широкому пруду
«Бѣлый селезень плыветъ!
«Баю, баюшки, баю!

«*Словно вишенье, румянъ,*
«*Словно селезень онъ былъ—*
«*Да усни жъ ты, буянъ!*
«*Не кричи же ты, повѣса!*
«Баю, баюшки, баю!

«Я на золотѣ горнитъ
«Буду сына моего,
«Я достану, *такъ и быть,*
«Царь-дѣвицу для него.
«Баю, баюшки, баю!

«Будетъ важный человѣкъ,
«Будетъ сынъ мой, генералъ!
«Ну, заснулъ... *хоть бы на вѣкъ!*
«*Поберн его провалъ!*
«Баю, баюшки, баю!»
Свѣтъ потухъ надъ генераломъ;
Чернобровка покрываломъ
Обернула колыбель—
И ложится на постель...
Въ темной горницѣ молчанье;
Только тихое лобзанье
И неясныя слова
Были слышны раза два...
Послѣ, тѣнью боязливой,
Кто-то—чудилося мнѣ—
Осторожно и счастливо,
При мерцающей лунѣ,
Пробирался по стѣнѣ...

Какая грубая смѣсь прекраснаго съ низкимъ и безобразнымъ, граціознаго съ безвкуснымъ! Окончаніе пьесы, въ которомъ заключена вся мысль ея, стоило, чтобъ для нея выписать всю пьесу. Истинное эстетическое чувство и истинный критическій тактъ состоятъ не въ томъ, чтобъ, замѣтивъ несовершенство, или дурныя мѣста въ произведеніи, отбросить его отъ себя съ презрѣніемъ, но чтобъ не пропустить немногаго хорошаго и во многомъ дурнаго оцѣнить его и насладиться имъ.

Впрочемъ, съ лиры Полежаева сорвалось нѣсколько произведеній безукоризненно-прекрасныхъ. Такова его дивная «Пѣснь Плѣннаго Ирокеза»,—этотъ высокій образецъ благородной силы въ чувствѣ и выраженіи:

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они
Для забавы дѣтей
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ!

Но стерплю, не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой;
И какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ.

Передъ сномомъ тѣней воспою
Я безсмертную гибель мою!
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ!
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ,

И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ!
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

Такова его прекрасная по мысли, хотя и не безусловно-непогрѣшительная по выраженію, пьеса—«Божій Судъ»:

Есть духи зла—нечистовыя чада
Благословеннаго творца.
Удѣлъ ихъ—грусть, отчаянье—отрада;
А жизнь—мученье безъ конца.

Въ великій часъ рожденія вселенной,
Когда извлекъ Всевышній перстъ,

Digitized by Google

Изъ тьмы вѣковъ, зефиръ одушевленной
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ—

Когда Творецъ торжественное слово,
Въ премудрой благости изрекъ;
«Да будетъ прахъ величія основой!»
И всталъ изъ праха человѣкъ;

Тогда, предъ Нимъ свѣтлы, необозримы
Разстлались гордо небеса—
И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь—волшебная краса.

И арче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ іорданскія струи,
Вокругъ Его—Властителя Святаго,
Вились архангеловъ рои.

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцемъ,
И на скрижаль божественныхъ законовъ
Взиралъ съ потупленнымъ челомъ!

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ—
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

Свершился судъ!.. Могущая десница
Подъяла молніи и громъ—
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содомъ!

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ —
И мучитъ ихъ, и жжетъ безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ преступные свободы—
Они противны небесамъ—
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный вопліямъ!

Таковъ его переводъ пьесы Байрона «Вальтасаръ», который нѣкогда былъ неправо присвоенъ себѣ однимъ стихотворцемъ, и напечатанъ въ «Московскомъ Телеграфѣ»,—что и произвело большіе споры между этимъ журналомъ и «Галатеею», гдѣ спорная пьеса была получена изъ настоящаго источника:

Царь на тронѣ сидитъ;
Передъ нимъ и за нимъ
Съ раболѣпствомъ немымъ
Рядъ сатраповъ стоитъ.
Драгоцѣнный чертогъ
И блеститъ и горитъ;
И земной полубогъ
Пиръ устроить велитъ.
Золотая волна
Дорогаго вина
Нѣжитъ чувства и кровь;
Звуки лиръ, юныхъ дѣвъ
Сладострастный напѣвъ
Возжигаютъ любовь.
Упоёнъ, восхищенъ —
Царь на тронѣ сидитъ,—
И торжественный тронъ
И блеститъ и горитъ.
Вдругъ невѣдомый страхъ
У царя на челѣ
И унынье въ очахъ,
Обращенныхъ къ стѣнѣ.
Умолкаетъ звукъ лиръ
И веселыхъ рѣчей,
И разстроенный пиръ
Видитъ ужасъ очей:
Огневая рука
Исполинскимъ перстомъ,
На стѣнѣ предъ царёмъ,
Начертала слова.
И никто изъ мужей,
И царевыхъ гостей,
И искусныхъ волхвовъ
Силы огненныхъ словъ
Изъяснить не возмогъ.
И земной полубогъ
Омрачился тоской.
И Еврей молодой
Къ Валтасару предсталъ
И слова прочиталъ:
Мани, Факел, Фарес.
Вотъ слова на стѣнѣ:
Волю Бога небесъ
Возвѣщаютъ онѣ.
Мани, значитъ: Монархъ
Кончилъ царствовать ты!
Градъ у Персовъ въ рукахъ—
Смыслъ середней черты;
Фаресъ,—третье—гласитъ:
Нынѣ будешь убитъ!
Рекъ—исчезъ... Изумлёнъ,
Царь не вѣритъ мечтѣ;
Но чертогъ окруженъ
И... онъ мертвъ на щитѣ.

Есть у Полежаева нѣсколько пьесъ въ народномъ тонѣ; тонъ ихъ не вездѣ выдержанъ; но онѣ вообще показываютъ въ нашемъ поэтѣ большую спо-

Digitized by Google

собность къ произведеніямъ этого рода. Таковы: «У меня ль молодца», «Окно», «Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти», «Тамъ на небѣ высоко» и «Узникъ». Послѣдняя особенно-невыдержана и, не смотря на то, особенно прекрасна; вотъ лучшіе стихи изъ нея:

. . . . . .

Охъ, ты жизнь моя, жизнь молодецкая!
Отъ меня ли, жизнь, убѣгаешь ты,
Какъ бѣжитъ волна москворѣцкая
Отъ широкихъ стѣнъ каменной Москвы!

. . . . . .

Кто видалъ, когда на лихомъ конѣ
Проносился я степью знойною,
Какъ сдружился я, при сѣдой лунѣ,
Съ смертью равною, безпокойною?

Какъ таинственно заговаривалъ
Пулю вѣрную и мятелицу,
И ирпласкивалъ и уналивалъ
Ненаглядную красну-дѣвицу.

Штофы, бархаты, ткани цвѣтныя
Саблей острой ей отмѣривалъ,
И заморскія вина свѣтлыя
Въ чашѣ недруговъ послѣ пѣнивалъ.

Знали всѣ меня—зналъ и старъ и младъ,
И широкій долъ, и дремучій лѣсъ;
А теперь на мнѣ кандалы гремятъ,
Вмѣсто пѣсенъ я слышу звукъ желѣзъ.

Какъ доказательство, что въ натурѣ Полежаева лежало много человѣческихъ элементовъ, выписываемъ его стихотвореніе на погребеніе дѣвушки:

Я видѣлъ смерти лютый пиръ
Обрядъ унылый погребенья:
Младая дѣва вѣчный миръ
Вкусила въ мглѣ уничтоженья.
Не длинный рядъ экипажей,
Не черный флеръ и не кадилы,
Въ толпѣ придворныхъ и пажей
За ней толпились до могилы.
Ахъ, нѣтъ! простой досчатый гробъ
Несли чредой ея подруги,
И безъ затѣйливой услуги
Шелъ впереди приходскій попъ.
Семейный кругъ и въ день печали
Убитый горестью женихъ,
Среди роскошныхъ молодыхъ,
Съ слезами гробъ сопровождали.
И вотъ уже духовный врачъ
Отдалъ послѣднюю молитву,
И вотъ сильнѣе вопль и плачъ...
И смерть окончила ловитву!
Звучитъ протяжно звонкій гвоздь,
Сомкнулась смертная гробница—
И предалась, какъ новый гость,
Землѣ безчувственной дѣвица.
Я видѣлъ все, въ нѣмой тиши
Стоялъ у пагубнаго мѣста,
И въ глубинѣ моей души
Сказалъ: прости, прости, невѣста!
Невольно мною овладѣлъ
Какой-то трепетъ чудной силой,
И я съ таинственной могилой
Разстаться долго не хотѣлъ.
Мнѣ приходили въ это время
На мысль невинныя мечты,
И грусти сладостное бремя
Принесъ я въ память красоты.
Я зналъ ее—она, играя
Цвѣтокъ недавно мнѣ дала,
И вдругъ блѣднѣя, увядая,
Какъ цвѣтъ дареный, отцвѣла.

Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ и стихомъ: изысканность и неточность въ выраженіяхъ происходили у него отъ небрежности въ трудѣ и недостатка развитія. Онъ часто какъ-будто игралъ стихомъ, выбирая трудные по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна рифма могла бы стать непреоборимымъ препятствіемъ. Можно ли выказать больше одушевленія, чувства, и въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ въ пьесѣ «Пѣснь погибающаго Пловца», писанной двустопными хореями съ рифмами:

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный!
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ—
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

Все черные
Сводъ надзвѣздный,
Все мрачнѣе
Воютъ бездны!

Digitized by Google

Глубь безъ дна!
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый
Врагъ грозитъ,
Вотъ девятый
Валъ бѣжитъ!..

Горе, горе!
Онъ настигнетъ,
Въ шумномъ морѣ
Челнъ погибнетъ!
Гробъ готовъ!..
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ
Вздохъ пустынный
Разнесетъ!..

Даръ завѣтный
Провидѣнья,
Гость привѣтный
Наслажденья, —
Жизнь иль мигъ!
Не привыкъ
Утѣшаться
Я тобой,
И разстаться
Мнѣ съ мечтой!

Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный
Другъ свободы, —
Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ,
И оставилъ
Мирный брегъ!

На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ,
Я шутилъ
Грозной влагой,
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ!..

Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любви
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгоралъ!

Парусъ бѣлый,
Перелетный,
Якорь смѣлый,
Безъзаботный,
Тусклый лучъ
Изъ-за тучъ,
Проблескъ дали
Въ тьмѣ ночей,
Затемнили
Мнѣ друзей!

Что жь мнѣ въ жизни
Безъизвѣстной,
Что въ отчизнѣ
Повсемѣстной?
Чѣмъ страшна
Мнѣ волна?
Пусть настигнетъ
Съ вѣчной мглой,
И погибнетъ,
Трупъ живой!

Все черпѣе
Сводъ надзвѣздный!
Все мрачнѣе
Воютъ бездны!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ —
Путь далекъ...
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

«Вальтасаръ» можетъ служить доказательствомъ необыкновенной способности Полежаева переводить стихами. Только ему надо было переводить что-нибудь, гармонировавшее съ его духомъ, и преимущественно лирическія произведенія, по причинѣ субъективной настроенности его натуры. Но неразвитость его была причиною неудачнаго выбора пьесъ для перевода. Полежаевъ съ жадностію переводилъ водяныя «медитаціи» Ламартина, которыя всего вѣрнѣе можно назвать «риторическими разглагольствованіями». Онъ перевелъ ихъ съ подлюжину, и притомъ самыхъ длинныхъ. Переводы его прекрасны,

Digitized by Google

и если чрезвычайно-скучны, то это ужь вина Ламартина, а не Полежаева.

Мы выше сказали, что натура Полежаева была чисто-субъективная. Поэтому, настоящимъ его призваніемъ была лирическая поэзія, и всѣ попытки его на поэмы были весьма-неудачны. Поэма его «Коріоланъ» отличается реторическимъ характеромъ; звучныхъ стиховъ въ ней много, но поэтическихъ весьма мало. Этому причиною и неразвитость его: онъ не понималъ ни духа римскаго народа, ни историческаго значенія избраннаго имъ героя. И потому, содержаніе его «Коріолана»— общія реторическія мѣста. То же можно сказать, не боясь ошибиться, и о другой его поэмѣ «Видѣніе Брута». Даже и лирическія его произведенія, отличающіяся длинnотою, относятся къ такимъ же неудачнымъ попыткамъ, какъ напр. пьеса «Гременчугское Кладбище». Впрочемъ, длинныя лирическія произведенія и у какого-угодно поэта рѣдко бываютъ хорошими произведеніями.

Полежаевъ много писалъ въ сатирическомъ родѣ, — и это самыя неудачныя, самыя жалкія его попытки. Таковы: «Иванъ-Козелъ», «День въ Москвѣ», «Кредиторы», «Чудакъ», «Авторъ и Читатель» и разныя мелочи. Всѣ онѣ отзываются дурнымъ тономъ харчевень и простонародныхъ ресторацій, и могутъ восхищать своимъ остроуміемъ развѣ ту почтенную публику, которая съ господскими шубами на рукахъ присутствуетъ въ корридорахъ театровъ и прихожихъ домовъ. Это происходило не отъ недостатка у поэта въ природномъ остроуміи, а отъ того круга общества, въ которомъ онъ погубилъ свой талантъ, свое счастіе и свою жизнь. Слѣдующая пьеска показываетъ, что онъ не чуждъ былъ юмористической веселости, но что ему не доставало лишь тонкаго эстетическаго такта приличія:

Я былъ въ горахъ—
Какая радость!
Я былъ въ Таркахъ—
Какая гадость!
Скажу не въ смѣхъ:
Аулъ Шамхала
Похожъ не мало
На русскій хлѣвъ.
Большой и длинный,
Обмазанъ глиной,
Не чистъ внутри,
Не чистъ снаружи;
Мечети съ три,
Ручьи, да лужи,
Кладбище, ровъ,
Да рыбный ловъ,
Духанъ, пять лавокъ,
И наконецъ,
Всему въ добавокъ,
Вверху дворецъ
Превавтажный
И двухъ-этажный,
Гдѣ князь Шамхалъ
Сидитъ и судитъ
Всѣхъ на повалъ.
Въ большомъ папахѣ,
Въ цвѣтной рубахѣ,
Румянъ и дюжъ,
Счастливый мужъ
По царству ходитъ
И юныхъ дѣвъ
И въ стыдъ и гнѣвъ
Нерѣдко вводитъ.

Нельзя не пожелать, чтобъ люди, имѣющіе право на собственность сочиненій Полежаева и такъ дурно издающіе ихъ, — издали бы ихъ опрятно, на хорошей бумагѣ, безъ искаженія стиховъ, безъ грамматическихъ ошибокъ, безъ опечатокъ, а главное— съ разборомъ и съ толкомъ, исключивъ нелѣпыя сатирическія пьесы, о которыхъ мы говорили, и плоскія эпиграммы («Картина», «Напрасное Подозрѣніе»); надутыя и пустозвонныя торжественныя оды («Въ память благотвореній», «Геній») и всѣ слабыя изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ. Безъ этого хлама, книжка выйдетъ небольшая, за то прекрасная по содержанію и необходимая для каждаго любителя отечественной литературы. Можно, если угодно, включить въ нее и «Оскара Альвскаго» и всѣ переводы изъ Ламартина и Делавиня, для почитателей этихъ поэтовъ и для образца сво-

Digitized by Google

особности Полежаева къ переводамъ; но въ такомъ случаѣ, всѣхъ ихъ должно соединить въ одномъ отдѣлѣ, въ концѣ книги, не мѣшая съ мелкими пьесами. Можно включить въ нее и лирическіе опыты—«Коріолана» и «Видѣніе Брута», какъ фактъ ложнаго развитія сильнаго дарованія; но опять съ условіемъ—чтобъ они были помѣщены въ особомъ отдѣлѣ. Вотъ перечень мелкихъ пьесъ, которыя могутъ войдти въ дѣльное изданіе сочиненій Полежаева: *Посвященіе другу его А. П. Л—му*; *Морни и тѣнь Кормала* изъ Оссіана); *Вальтасаръ*; *Море*; *Водопадъ*; *Живой Мертвецъ*; *Ожесточенный*; *Провидѣніе*; *Цѣпи*; *Пораженіе*; *Вечерняя Заря*; *Пѣснь плѣннаго Ирокезца*; *Пѣснь погибающаго ловца*; *Любовь*; *Звѣзда*; *Пѣсня* («Затѣмъ задумчивыхъ очей»); *У меня ль молодца*; *Тамъ*; *на небѣ высоко*; *Романсъ* («Пышно льется свѣтлый Терекъ»), *Черкесскій романсъ*; *Ночь на Кубани*; *Черная Коса*; *Мертвая Голова*; *Гаремъ*; *Табакъ*; *Тарки*; *Цыганка*; *Раскаяніе*; *Лунный Свѣтъ* изъ В. Гюго); *Ахалукъ*; *Призваніе*; *Окно*; *Отрывокъ изъ Посланія къ А. П. Л—му*; *Черные Глаза*; *Божій Судъ*; *Негодованіе*; *Грѣшница*; *Грусть*; *Пѣсня* («Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти»); *Прощаніе*; *Узникъ*; *Баю-баюшки-баю*. Сверхъ того, въ одномъ московскомъ журналѣ, чуть ли не въ «Галатеѣ» 1830 года, былъ напечатанъ замѣчательный по своему поэтическому достоинству отрывокъ изъ какого-то большаго стихотворенія Полежаева; мы не помнимъ его названія, но помнимъ стихи, которыми онъ начинается:

.....И я въ тюрьмѣ...
Передо мной едва горитъ
Фитиль въ разбитомъ черепкѣ,
Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ,
У двери дремлетъ часовой...

Вотъ все, что̀ можетъ и должно войдти въ порядочное изданіе стихотвореній Полежаева.

Отличительную черту характера и особности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ: важны подвиги, въ которыхъ бы она проявилась; Раппо одаренъ чрезвычайною силою, но играть чугунными шарами, какъ мячиками — еще не значитъ быть героемъ. Такъ; но вѣдь все же не Раппо ходитъ смотрѣть на людей и дивиться имъ, а толпы людей ходятъ смотрѣть на него и дивиться ему. И въ сферѣ своихъ подвиговъ, не выше ли онъ тѣхъ людей, которые почитаютъ себя силачами, и кряхтя подъ тяжестію не по силамъ, надрываясь отъ натуги, думаютъ удивлять людей силою!... Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейдти въ потомство; мы безпристрастно высказали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемый браздами разума; но въ то же время, мы хотѣли показать, что Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны; мы хотѣли показать, что источникъ всякой поэзіи есть жизнь, что судьба всякаго могучаго таланта—быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія, и что, наконецъ, могутъ падать только сильные, замѣчательные таланты... При другихъ условіяхъ, поэзія Полежаева могла бы развиться, расцвѣсть пышнымъ цвѣткомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что̀ имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи. Мы не обинуясь скажемъ, что изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся въ первое время Пушкина, исключая геніальнаго Грибоѣдова, который одинъ образуетъ въ

Digitized by Google

нашей литературѣ особую школу, — несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе вниманія и памяти — Полежаевъ и Веневитиновъ... Къ буйной и страдающей музѣ Полежаева можно примѣнить эти стихи Пушкина:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ безпокойная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ...

Комета—явленіе безобразное, если хотите, но ея страшная красота для каждаго интереснѣе мгновеннаго блеска [illegible] звѣзды, случайно [illegible] и безъ слѣда исчезающей на горизонтѣ ночнаго неба...

Digitized by Google

КЕСАРИ. *Сочиненіе Ф. де-Шампаньи. Санктпетербургъ. 1842.*

—

Сочиненіе Шампаньи «Цезари» (Les Césars) первоначально было рядомъ журнальныхъ статей, которыя, съ 1835 года, отъ-времени-до-времени являлись въ «Revue des Deux Mondes». Потомъ г. Шампаньи сдѣлалъ изъ нихъ отдѣльное и самобытное историческое сочиненіе, которое, не будучи кончено, тѣмъ не менѣе представляетъ собою нѣчто цѣлое и послѣдовательное. Разумѣется, такая перемѣна произведена не чрезъ собраніе этихъ статей въ одной книгѣ, но чрезъ большую или меньшую передѣлку самыхъ статей, сообразно съ требованіями отдѣльнаго сочиненія. Въ новомъ видѣ, сочиненіе г. Шампаньи вышло въ Парижѣ въ 1841 году, въ двухъ томахъ, подъ названіемъ: «Les Césars, par le C-te François de Champagny». Послѣ предисловія, оно начинается, какъ и слѣдуетъ, «Юліемъ Цезаремъ», котораго исторія служитъ, такъ сказать, введеніемъ въ исторію римской имперіи, смѣнившей собою римскую республику. Съ именемъ Юлія Цезаря неразрывно соединяется мысль о той великой и страшной революціи, зерномъ которой была вѣчная борьба римской аристократіи съ римскою демократіею (разрѣшившаяся наконецъ въ террористическое владычество Суллы и Маріа); послѣднимъ результатомъ и первымъ представителемъ этой революціи былъ Юлій Цезарь. Люди, подобные Гракхамъ, были по-истинѣ «послѣдними Римлянами», можетъ быть, самымъ великимъ, самымъ блестящимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ проявленіемъ римской республиканской доблести. Гракхи явились въ свое время; они дѣйствовали и умерли, какъ истинные Римляне, не думая, чтобъ вмѣстѣ съ ними умеръ и древній Римъ. А онъ, этотъ вѣчный Римъ, дѣйствительно умеръ вмѣстѣ съ ними,—умеръ прежде, нежели мысль о близкой кончинѣ могла представиться смущенному уму его, умеръ въ цвѣтѣ могущества и силы, мечтая о вѣчномъ существованіи... Бѣдный Римъ! вершина его могущества была для него Тарпейскою Скалою, откуда низвергалъ онъ и своихъ враговъ и друзей своихъ; пышный цвѣтъ его развитія принесъ горькій плодъ смерти, ядовитыя сѣмена разрушенія и гніенія!...

Древнія государства существовали не на такихъ основаніяхъ, какъ новѣйшія, и законы ихъ развитія, возрастанія и паденія были тоже совсѣмъ другіе, нежели у новѣйшихъ народовъ. Къ числу самыхъ характеристическихъ чертъ этой разности принадлежитъ, во-первыхъ—кратковременность существованія древнихъ государствъ, и долговременность, если не безконечность, существованія новѣйшихъ; во-вторыхъ то, что какъ внутреннія потрясенія, внѣшнія бѣдствія, измѣненіе нравовъ и вѣрованій, укрѣпляютъ, такъ-сказать, новѣйшія государства, такъ разрушали онѣ древнія. Въ-самомъ-дѣлѣ, посмотрите, какъ быстро и какимъ пышнымъ, благоуханнымъ цвѣтомъ расцвѣла и отцвѣла прекрасная Эллада, подобно тому тропическому растенію (*), которое разъ въ году распускается

(*) Извѣстному подъ именемъ *тысячелѣтняго алоя*.

Digitized by Google

огромнѣйшимъ, прекраснѣйшимъ цвѣтомъ, но для того только, чтобъ удивлять и очаровывать имъ чувства на какіе-нибудь четыре часа!... Вѣкъ Алкивіада былъ эпохою полнаго развитія духовныхъ силъ Греціи, — и онъ же былъ эпохою ихъ упадка... Въ-самомъ-дѣлѣ, какое время! Едва ли десять лѣтъ протекли отъ смерти геніальнаго Перикла до начала политическаго поприща геніальнаго Алкивіада, смѣнившаго кожевенника Клеона... Алкивіадъ — полный представитель аѳинскаго духа: легкомысленный и геніальный, честолюбецъ, интриганъ и пламенный патріотъ, развратный сатрапъ въ Персіи и суровый спартіатъ въ Лакедемонѣ, человѣкъ, которому ничего не стоило переходить изъ одной крайности въ другую, который строго и нерушимо хранилъ не человѣческіе законы Ликурга — и, въ то же время, обольщалъ жену спартанскаго царя Агиса — «не для того (говоритъ онъ), что бы нанести Агису оскорбленіе, или изъ сластолюбія, но чтобы мои дѣти царствовали надъ Лакедемонянами»; наконецъ, человѣкъ, котораго не тщетно привѣтствовалъ и благословлялъ Тимонъ-мизантропъ, предвидя въ немъ пагубу для Аѳинянъ. И дѣйствительно, едва ли кто-нибудь сдѣлалъ столько зла Аѳинянамъ, какъ Алкивіадъ; но и никого не было выше его даже изъ людей, которые съ ларованіями соединяли суровую и чистую любовь къ республикѣ!... А междутѣмъ, не Алкивіадъ, но время погубило Аѳинянъ: они слишкомъ-высоко стали и должны были пасть; они достигли своей апогеи — и должны были склониться внизъ... Не забудьте, что современниками Алкивіада были два великія лица, подобно погребальнымъ свѣточамъ предвозвѣстившія появленіемъ своимъ закатъ жизни еще прекрасной и великой Эллады: мы говоримъ о *философѣ* Сократѣ и *комикѣ* Аристофанѣ. Сократъ, разлагающею и разрушающею силою мышленія, окончательно подточилъ, такъ-сказать, уже и безъ-того давно-потрясенный организмъ миѳической и поэтическо-созерцательной жизни Эллады. Его обвиняли въ неуваженіи къ богамъ, въ анти-религіозномъ направленіи, а онъ утверждалъ, напротивъ, что всегда училъ почитать и любить боговъ. Безчестные, развратные Аѳиняне! добродѣтельный Сократъ! — восклицаете вы въ негодованіи, слушая разсказъ о мученической смерти праведника, съ чашею цикуты въ рукахъ, вдохновенно и спокойно бесѣдовавшаго съ своими учениками о безсмертіи души... Вы правы: Сократъ точно былъ и великъ и добродѣтеленъ, жертва и мученикъ истины и добра; но палачи его, Аѳиняне, нисколько не были ни безчестны, ни развратны, хотя они и погубили Сократа. Великій мыслитель уважалъ и любилъ боговъ; но эти боги для него были уже не прекрасныя божественныя личности, царившія на Олимпѣ, а *миѳы*, скрывавшіе въ себѣ философскія *понятія:* Сократъ училъ уважать и любить идею, а не миѳическій образъ, истину, а не статую... Въ время Сократа, вѣра въ боговъ была уже поколеблена, формалистика и суевѣріе давно уже заступили ея мѣсто, только слѣпая, невѣжественная черь въ выполненіи обрядовъ видѣла все; образованные же люди видѣли въ обрядахъ только обряды, въ жертвоприношеніяхъ — обычай преданія; глубокій, миѳическій смыслъ обрядовъ и піэтизмъ религіозный давно уже были утрачены. Сократъ первый сильно и сознательно выговорилъ то, что робко и безсознательно таилось во всѣхъ; масса народа не могла не принять его ученія за національное оскорбленіе, за подрывъ греческаго воспитанія, греческой нравственности: ибо массы и досель еще живутъ и понимаютъ непосредственно, по обычаю, преданію и привычкѣ, въ сознаніи основательно вилятъ естественнаго врага, разрушающаго и подтачивающаго безсознательную непосредственность ихъ нравственнаго су-

Digitized by Google

ствованія. И удивительно ли, что Сократъ встрѣтилъ себѣ врага въ массѣ народа, если въ его время и между аристократіею были люди суевѣрные, и если онъ встрѣтилъ себѣ врага въ самомъ Аристофанѣ? Въ нашихъ историческихъ учебникахъ, обыкновенно представляютъ Аристофана типомъ разврата и безнравственности Грековъ того времени: ибо-де онъ былъ такъ нагло-безстыденъ, что не посовѣстился даже осмѣять самого добродѣтельнаго Сократа въ своей гнусной комедіи «Облака». Оставимъ въ-сторонѣ наши добрые и невинные учебники и скажемъ прямо, что съ понятіемъ объ Аристофанѣ должно соединяться понятіе о благороднѣйшей и нравственнѣйшей личности. Послѣдній Аѳинянинъ, достойный украшать собою времена лучшія, Аристофанъ съ грустію видѣлъ паденіе поэтическихъ вѣрованій гомерической Эллады, жолчнымъ сарказмомъ преслѣдовалъ растлѣніе общественной нравственности, и думалъ помочь горю, защищая старину противъ новаго, осуждая новое во имя стараго, и принявъ охранительное оппозиціонное положеніе въ-отношеніи къ движительному дѣйствованію Сократа. Бѣдный Аристофанъ! ему жаль было прекрасныхъ боговъ своей родины, которымъ онъ остался вѣренъ до гроба, въ качествѣ поэта, по природѣ своей склоннаго къ непосредственнымъ вѣрованіямъ и чуждаго духу разлагающаго мышленія!.. Онъ не видѣлъ и того, что самъ не менѣе другихъ помогалъ разложенію прежней органической жизни своей родины: въ лицѣ его, греческое искусство совершило полный кругъ свой, сошло съ возвышеннаго пьедестала идеальнаго величія, чтобъ рисовать прозу жизни, пафосъ спокойно-глубокаго созерцанія жизни замѣнить пафосомъ сарказма и насмѣшки, а идеальныхъ героевъ и полубоговъ замѣнить кожевенниками и другими лицами ненавистной ему охлократіи,—а все это было діаметрально противоположно духу греческаго искусства... Вотъ что называется трагическимъ положеніемъ, въ которое ставитъ благороднѣйшія личности историческій ходъ общества! Аристофанъ отравляетъ жизнь свою такимъ чувствомъ грусти, не понимая необходимости разрушенія прошедшаго, ненавидя великаго человѣка, выговорившаго слово этого разрушенія, и самъ, волею или неволею, содѣйствуя успѣхамъ этого разрушенія!.. Съ другой стороны, великій мыслитель, котораго вся жизнь была подтвержденіемъ истины проповѣдуемыхъ имъ началъ, испиваетъ чашу смерти, какъ преступникъ, или злодѣй!.. И, повторимъ, его осудила оскорбленная имъ нація, а не шайка безнравственныхъ людей,—и, съ ея точки зрѣнія, осудила справедливо: Греція долго еще и послѣ смерти Сократа цвѣла умственною жизнію; великому учителю наслѣдовалъ великій ученикъ—божественный Платонъ, учитель геніальнаго Аристотеля; эллинскій геній блеснулъ древнему міру неоплатоническою школою, въ Александріи; и даже, во времена всеобщаго гніенія древняго міра, Аѳины считались отчизною ума и вкуса, и Неронъ ѣздилъ туда за наградою въ качествѣ пѣвца. Но то была жизнь отдѣльныхъ лицъ, уже не націи! Аристофанъ остался послѣднимъ поэтомъ Греціи, и со времени Филиппа-Македонскаго, современника Аристотелю и отца Александра-Великаго, Греція лишилась навсегда своей политической самостоятельности; думая возвратить себѣ свободу, она только мѣняла одно иго на другое... Жизни въ настоящемъ не было: жизнь замѣнялась воспоминаніемъ прошедшаго, отъ котораго удержала она одну формы, не удержавъ духа. И потому Сократъ, Платонъ и Аристотель были болѣе полезны для человѣчества, чѣмъ для Греціи: торжество философіи ихъ было великолѣпнымъ, но заходящимъ солнцемъ эллинской жизни, которое уже не восходило болѣе на горизонтѣ ея въ блескѣ лучей утреннихъ... И вотъ гдѣ заключается поразительное различіе между древними и новыми государствами, о кото-

Digitized by Google

рыхъ мы говорили выше: духъ сомнѣнія и отрицанія, столь враждебный обычаю и преданію, духъ рефлексіи, разлагающій на чистыя понятія разума органическую цѣлостность миѳическихъ и догматическихъ вѣрованій, и столь враждебный радужнымъ и обманчивымъ покровамъ фантазіи, — этотъ духъ для новой, христіанской Европы всегда былъ духомъ жизни и обновленія; его чистое пламя если и сожигало ее на-время, то для того только, чтобъ, подобно баснословному фениксу, она возрождалась изъ собственнаго пепла въ новой красотѣ, въ новомъ могуществѣ. Такъ возродило Европу отъ невѣжества и дикихъ нравовъ феодализма скептическое направленіе, данное ей открытіемъ новаго свѣта, изобрѣтеніемъ пороха, книгопечатанія, и проч. И теперь, философія и поэзія идутъ въ ней дружно, не только не мѣшая и не вредя одна другой, но взаимно помогая другъ другу... Не такъ было въ древнихъ языческихъ государствахъ: переворотъ въ нравахъ, въ-слѣдствіе изжитаго запаса жизни, губилъ ихъ; выходя изъ выраженной ими сферы жизни, они не находили новаго духовнаго елея для поддержки огня своего нравственнаго, а слѣдовательно, и политическаго существованія, и остальная часть ихъ бытія всегда представляла собою грустное зрѣлище формы безъ духа, громкихъ фразъ безъ доблести, словомъ, чисто-внѣшней механической жизни, которая есть не что другое, какъ медленная смерть... Успѣхи гражданственности, промышленности, торговли, народное богатство, возвышаютъ и укрѣпляютъ новѣйшія государства, тогда-какъ, напротивъ, они убивали древнія порчею нравовъ, истребленіемъ духа республиканской добродѣтели и доблести.

Такъ было и съ Римомъ. Счастливое окончаніе пуническихъ войнъ, покореніе царствъ, происшедшихъ изъ огромной монархіи Александра-Великаго, предвозвѣщало, что Римъ скоро будетъ владыкою всего міра, и вознесло его на опасную вершину величія и могущества. Борьба кончена: остались легкія уже завоеванія и сладкіе плоды долговременныхъ, тяжкихъ трудовъ. Но въ этихъ трудахъ заключался источникъ жизни римской, развившейся въ бурахъ бѣдствій, воспитанной въ школѣ суровой борьбы съ судьбою: съ прекращеніемъ ихъ долженъ былъ обмелѣть и изсохнуть источникъ римской жизни. Подобно нынѣшней Англіи, духовный образъ древняго Рима являлся двойственнымъ: доблесть, могущество, великодушіе, прямота, геройство во всемъ, что касалось чувства національнаго самосохраненія и національныхъ интересовъ,—и всегда эгоизмъ, коварство и предательская политика въ-отношеніи ко всѣмъ другимъ народамъ, врагамъ и друзьямъ... Первое дѣлало Римъ достойнымъ быть владыкой міра по праву; второе навлекло на него ненависть и проклятія міра... И это проклятіе не замедлило отяготѣть страшною карою надъ тираномъ царей и народовъ: собранныя въ вѣчномъ городѣ сокровища, омытыя кровію и слезами человѣчества, принесли ему богатый ростъ: республиканская доблесть поколебалась, суровость древнихъ нравовъ растлилась сибаритствомъ, непомѣрно-усилившаяся роскошь родила страсть къ стяжанію, сдѣлала правосудіе продажнымъ, и подкупы обратила въ обычай... Вскорѣ послѣ смерти Кайя Гракха, началась война съ Югуртою, который назвалъ Римъ «продажнымъ городомъ». Уже нельзя было ожидать новаго Кайя Гракха, который доблестно сталъ бы противъ касты патриціевъ за права народа, не имѣвшаго даже гнѣздъ и норъ, которыя были у птицъ и звѣрей; сенату уже нѣчего было страшиться «lex agraria» и «lex frumentaria»... Правда, изъ праха, омоченнаго кровію великаго гражданина, мстящіе подземные боги воздвигли страшнаго Марія; но то было послѣднее и безплодное возмездіе кичливой и своекорыстной кастѣ... Вмѣсто этихъ энергическихъ лицъ, отлитыхъ изъ бронзы въ

Digitized by Google

древнюю форму; вмѣто Граниовъ и Маріевъ, вдали, показывались уже другія лица, великія болѣе для себя, чѣмъ для общаго, характеры себѣ-на-умѣ: великодушный сластолюбецъ Лукуллъ, аристократическій Помпей, геніальный Цезарь, герой и гуляка Антоній, Цицеронъ—великій ораторъ, но характеръ ничтожный и мелкій, а за всѣми ими—Октавій... Цезарь долженъ былъ одолѣть Помпея-Великаго: на его сторонѣ были сильные союзники — геній, молодость и счастіе. При всемъ этомъ, успѣхъ Цезаря обезпечивало по-видимому простое, но въ сущности весьма мудрое убѣжденіе, что въ то время всѣ средства должны были казаться равно позволительными, что тогда правъ былъ не правый, а побѣдившій, виноватъ не виноватый, а падшій... Августъ долженъ былъ одолѣть Антонія, и не даромъ египетскій гаданъ говорилъ Антонію: «Твой геній боится генія цезаря; онъ горделивъ и высокъ, когда одинъ, но блѣднѣетъ въ присутствіи цезаря». Августъ не могъ не успѣть: за него работало время, а Октавій былъ истинный «герой своего времени»... Что пользы, что и при этихъ людяхъ являлись еще доблестные характеры въ древне-республиканскомъ вкусѣ, каковы: Катонъ младшій, Брутъ и Кассій? винжалы заговорщиковъ какъ-будто для того только сразили геніальнаго льва, чтобъ очистить дорогу геніальной лисѣ....

Да, то было уже лисье время; и не зло, а великое благо принесло бы міру владычество Юлія Цезаря, которато всѣ достоинства принадлежали его великой личности, а недостатки — времени. Чтобъ дать понятіе объ общественной нравственности Римлянъ этого времени, достаточно слѣдующаго факта. Когда Юлій Цезарь былъ избранъ преторомъ въ Испанію, заимодавцы, которымъ онъ долженъ былъ до *шести* милліоновъ ассигнаціями на наши деньги, не выпускали его изъ Рима. Цезарь прибѣгнулъ къ Крассу, за порукою котораго и могъ отправиться къ мѣсту своего назначенія. Пробывъ въ Испаніи одинъ годъ, онъ въ этотъ короткій срокъ выплатилъ всѣ свои огромные долги. Возвратясь въ Римъ, онъ былъ избранъ въ консулы, и этотъ выборъ стоялъ ему *двадцать милліоновъ* сестерцій (4,000,000 р. асс.)!..

Изъ всего этого ясно, что не Цезарь и не Августъ превратили въ имперію Римское Государство, а предшествовавшая революція въ правахъ, междоусобныя гражданскія войны, и что Октавій только по имени былъ первымъ императоромъ, а на дѣлѣ развѣ шестымъ: ибо кто же, какъ не императоры, были — Марій, Силла, Помпей, Цезарь и Антоній, не считая Лепида и Красса?... Великія историческія событія не являются случайно или вдругъ, сами изъ себя или (что все равно) изъ ничего, но всегда бываютъ необходимыми результатами предшествовавшихъ событій. Октавій не былъ похитителемъ короны, такъ какъ Неронъ не былъ тираномъ: тотъ и другой были только людьми въ духѣ своего времени, и дѣлали то, что каждый дѣлалъ бы на ихъ мѣстѣ. И потому, начинать исторію римской имперіи прямо съ Октавія такъ же нелѣпо, какъ начинать исторію Наполеона прямо со дня его коронаціи, не сказавъ ни слова о революціи, о жирондѣ, горѣ, терроре, директоріи и консульствѣ. Шампаньи, основательно изучавшій по источникамъ предметъ своей книги, не могъ не начать ея съ исторіи Юлія Цезаря, которую въ свою очередь не могъ начать, не коснувшись, хотя въ легкомъ обзорѣ, вѣчной борьбы за поля, между аристократіею и демократіею, — пуническихъ войнъ, террористическаго владычества Силлы, Марія и пр. Семьдесятъ-четыре страницы заняты у Шампаньи статьею «Послѣднія времена республики»; за нею слѣдуетъ статья «Цезарь», содержащая въ себѣ біографію этого великаго лица древности; за тѣмъ уже идутъ, непосредственно одна за другою и въ связи между собою, біографіи императо-

Digitized by Google

ровъ: Августа, Тиберія (Ч. I), Калигулы, Клавдія и Нерона (Ч. II).

Почему же, спросятъ насъ, русскій переводчикъ началъ свой переводъ прямо съ Нерона? — Не трудно дать самый удовлетворительный отвѣтъ на такой основательный вопросъ. Наша литература, наши литературные нравы и обычаи, равно какъ и требованія нашей публики находятся еще въ состояніи младенчества; а потому неопредѣленность, случайность, отсутствіе причинности, составляютъ отличительный ихъ характеръ. Слова: «почему?», «зачѣмъ?», «какъ?» и т. п., рѣшительно не удобоприложимы къ большей части нашихъ литературныхъ предпріятій. Въ литературахъ зрѣлыхъ, выросшихъ и развившихся изъ почвы общественности и цивилизаціи, литературные труды и занятія отдѣлены другъ-отъ-друга границами опредѣленными, чертами рѣзкими, такъ-что соединеніе нѣсколькихъ разнородныхъ занятій въ дѣятельности одного человѣка составляетъ исключеніе изъ общаго правила, свидѣтельствующее о многосторонности призванія и способностей его. У насъ напротивъ: у насъ литераторъ есть *сочинитель*, т. е. человѣкъ *сочиняющій* книги, а книга есть собраніе печатныхъ листовъ. Кто умѣетъ написать романъ, тому не мѣшаетъ другое, да не повѣситъ и онъ самъ, чтобъ онъ не могъ сочинить эпиметіи или фортификаціи; кто вѣкъ свой былъ учителемъ грамматики, тому написать грамматику — пустяки, драма, а если написалъ, и преимущественно, если напечаталъ грамматику: заказывайте ему романъ, повѣсть, трагедію, водевиль, исторію, поэму — словомъ, что угодно. Тутъ ремесло, и нѣтъ вопроса о любви, склонности, способности къ предмету, о талантѣ, ученіи, знаніи еще менѣе хлопочутъ. Нашъ «сочинитель», когда ему нечего дѣлать, или когда нѣтъ у него дѣла (два великіе движителя авторской дѣятельности большей части нашихъ «сочинителей»), думаетъ, что бы ему издать? Романъ — да нѣтъ сюжета! Ничего: сюжетъ дастъ кто-нибудь изъ пріятелей. Но романъ много потребуетъ времени: лучше повѣсть, или драму, или водевиль; встанетъ же, актёръ, пріятель его, готовится къ бенефису. Или ужь написать исторію, вмѣстѣ съ статистикою: авось пойдетъ! Или, не перевести ли чего-нибудь — не надо головы ломать изъ вымысла. Да что же перевести? А вотъ пойду во французскую книжную лавку — не попадется ли чего на глаза. И нашъ «сочинитель» идетъ, выбираетъ глазами — заглавіе, или форматъ, или имя — и это уже много! — Имя автора рѣшаетъ его выборъ. Смотришь: черезъ мѣсяцъ является книга, которой никто не ожидалъ, для появленія которой не было никакой вѣроятности, кромѣ случайности. И это многіе называютъ «литературою»!...

Какъ-бы-то ни было, но нельзя не порадоваться и появленію одного клочка, оторваннаго отъ конца сочиненія Шампаньи. Все же лучше, чѣмъ ничего! Не знаемъ, выполнитъ ли переводчикъ свое обѣщаніе перевести всю книгу Шампаньи: не знаемъ потому, что знаемъ много, очень много оригинальныхъ и переводныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, которыя остановились или на концѣ, не дошедши до начала, или на началѣ, не добравшись до конца... И потому, такъ или сякъ, но порадуемся біографіи Нерона, вышедшей на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Кесари». Русская литература бѣдна не только хорошими, но и плохими историческими сочиненіями; а книга Шампаньи принадлежитъ къ числу хорошихъ историческихъ твореній. Главное ея достоинство: живость и безъ-дѣтерическая красота изложенія, при богатствѣ фактическаго содержанія, которое было плодомъ ревностнаго и добросовѣстнаго изученія источниковъ. Такія книги особенно полезны большинству нашей публики, еще не готовому для принятія умственной пищи, болѣе питательной, чѣмъ сладкой. И потому, недостатокъ сочиненія Шампаньи, состоящій мѣстами въ поверх-

Digitized by Google

ростомъ взглядѣ на предметы, въ личныхъ мнѣніяхъ, независимо отъ современныхъ успѣховъ науки, въ узенькой морали, въ тѣснотѣ и тусклости историческаго созерцанія,—этотъ недостатокъ не столь великъ и вреденъ, какъ велики и полезны хорошія стороны его сочиненія. Взглянемъ сперва на его хорошую сторону, а потомъ поговоримъ и о дурной. О послѣднемъ надо поговорить, а первое нельзя сдѣлать иначе, какъ представивъ читателямъ отрывки изъ книги, которые дали бы имъ понятіе сколько о личности Нерона и о духѣ его времени, столько и объ искусствѣ (истинно-французскомъ) автора живо, образно и увлекательно излагать событія, даже такія, на которыя онъ смотритъ не совсѣмъ-прямо. Начнемъ съ картины религіознаго состоянія Рима при первыхъ императорахъ:

«Грекія сдѣлала божество доступнымъ, близкимъ, ровнымъ человѣку, если не подчиненнымъ ему. Каждый имѣлъ своего любимаго божка, которому оказывалъ милость —убиралъ его маленькимъ домашнимъ служеніемъ, купныя гекатомбы приносились только ему, другимъ оставлялся овецъ тощій. Этому божку открывали свои дѣла, поверяли любовныя страсти, просили его покровительствовать хозяйству. Его благодарили, бранили, любили, наказывали. На него гнѣвались, обращивались къ нему спиною, не давали ему болѣе жертвъ, или, разбивъ его кумиръ, предавали пламени домашнее капище. Александръ, въ печали своей о потерѣ друга, повелѣлъ сжечь храмъ Эскулапа за то, что онъ не умѣлъ возвратить ему здоровье!

«Уже было объяснено, какимъ образомъ каждая бываетъ народною, какъ религія становится закономъ для одного народа, а не закономъ для всѣхъ; и какъ народъ создѣлывается владѣльцемъ своихъ боговъ. Выше доказано тоже, сколь мало низшія народныя подходили подъ понятія абсолютной истины; слѣдовательно, религія и философія не могли идти тогда рука-въ-руку: одна была мѣстная и относительная, другая—ущитанная космополитизмомъ и отвлеченностью; имъ было невозможно встрѣтиться. Въ Аѳинахъ философія, можетъ-быть, еще должна была окружать себя всякими предосторожностями; она должна была выражаться съ меньшею ясностью, сильно проповѣдывая атеизмъ, не называть его по имени, тихонько выкрадывать изъ обращенія божество, по примѣру эпикурейцевъ, не произнося личностей противъ того или другого бога. Религія шла своимъ путемъ, мысль—своимъ. Этой иногда приходилось только стать къ сторонѣ и кланяться; та — требовала гекатомбъ, а не вѣрованія. Для Римлянъ она была политикою; для Грековъ—поэзіею; для всѣхъ привычкою, обиходомъ; но ни для кого уже она не была ученіемъ. Она была закономъ, а не вѣрою.

«Не думайте, однакожъ, что философія имѣла въ свѣтѣ сильнѣйшую власть, нежели религія; напротивъ, нѣтъ эпохи болѣе преисполненной суевѣрія. Мы уже сказали, что боги римскіе были не въ части; они шли съ политическимъ порядкомъ, который поддерживали; но она еще имѣла поклонниковъ: Юпитеръ въ Капитоліи былъ окруженъ добровольными служителями всякаго рода; ликторы стояли вокругъ его трона; каммердинеры-докладчики (nomenclatores) возвѣщали ему о входящихъ; другіе, исправляя должность *указчиковъ*, говорили ему который часъ. Юпитеръ не умѣлъ различать часы! Парикмахеры терли и умащали его статую, точно также, какъ женщины чесали каменные волосы Минервы, въ то время когда другія держали передъ нею зеркало! Такъ-то справедливо, что, по общему мнѣнію, идолъ — уже не изображеніе божества, но самое божество. Угодно убѣдиться въ этомъ еще болѣе? Посмотрите: вотъ человѣкъ, требующій, чтобы кумиръ далъ ему предъ судьей свидѣтельствовать въ его пользу; тамъ, другой подаетъ кумиру прошеніе; здѣсь старый лицедѣй повторяетъ передъ нимъ свои роли, и, освистанный публикою, рѣшается играть только для боговъ! Калигула былъ не безумный, но только походилъ на цѣлый свой вѣкъ, когда разговаривалъ съ богами. Юпитеръ имѣлъ любовницъ, которыя вздыхали о немъ и пресѣкали открыто ревностью Юнону!

«Выйдемъ изъ Рима. Сирія плачетъ о своемъ Адонисѣ и поклоняется таинственной богинѣ. Африка, не смотря на римскую полицію, еще приноситъ дѣтей въ жертву *старому*, вѣчному *Baal'y*. Германикъ посвящается въ грубыя мистеріи Самооракія, въ тайны служенія толстобрюхихъ Кабировъ. Онъ, Агриппина и Веспа-

Digitized by Google

сіанъ вопрошаютъ божества Египта. Греція сохраняетъ свою гомерическую религію; склоняясь и потворственная, она смѣшиваетъ съ религіею поклоненіе императорамъ, ставитъ Кесаря на рѣшетчатый тронъ Юпитера, изъ слоновой кости, и возлагаетъ ему на голову тіару Діаны своей покровительницы. Вездѣ Юдея и Друиды Рима. Несмотря на это, что она отложилась отъ древняго своего вѣрованія, что, Елевзія пищею служителей, что въ этомъ народѣ божкомъ самый даже ничтожный не имѣетъ маленькаго храмика, что двѣсти лѣтъ спустя Павзаній не будетъ описывать еще тысячи капищъ, храмовъ и статуй; нѣтъ, Эфесъ существуетъ только своимъ храмомъ; огромный разрядъ мастеровыхъ продаетъ безпрерывно маленькія золотыя и серебряныя статуйки великой Діаны, и цѣлая эпоха къ лику, съ этою грубою восточною аллегоріею, св. Павелъ пропов'ядуетъ о распятомъ Богѣ, его изгоняютъ вопія: «Да владычествуетъ великая Діана Эфесская!»

«Этого еще не достаточно стремленію природы къ тому, что превыше ея: къ наукѣ будущаго, къ сношеніямъ сверхестественнымъ, къ міру—за земному, божественному. Желанія человѣчества, законныя въ основаніяхъ тѣмъ болѣе ненасытимы и безумны, чѣмъ болѣе испорчена пища, которою они подкрѣпляются. Римъ требуетъ вѣрованій, боговъ; онъ сзываетъ ихъ всѣхъ! Съ отдаленнѣйшихъ оконечностей имперіи всякое дурачество льется въ Римъ, въ эту «сточную яму свѣта», какъ называетъ его Тацитъ, въ это «сокращеніе всѣхъ суевѣрій», по выраженію другаго писателя. «Въ добычѣ каждой побѣды своей Римъ находитъ новаго бога;» это обратилось даже въ политическую основу: Римъ ставитъ богами чтобы пріобрѣтать народы; за ихъ имущества онъ платитъ обожаніемъ. Вотъ, почему и религія Грековъ стала безразличною отъ религіи Рима; *великая богиня*, (черный камень), по повелѣнію сената была торжественно привезена изъ Виѳиніи; вотъ почему консулъ не могъ найти ни одного рабочаго, чтобы разобрать капище египетскихъ боговъ. Эти «міщанскіе божки», имѣя болѣе славы и успѣха, нежели устарѣлые боги, съ которыми сжились съ незапамятныхъ временъ.

«У кого Римъ не спрашиваетъ богатствъ и удовольствій, благъ, до которыхъ онъ столь жаденъ? Кто можетъ успокоить тайный ужасъ, который его преслѣдуетъ? Небо гнѣвно: кто примиритъ съ нимъ Римъ? Это чувство ужаса предъ какою-то разгнѣваннаго Бога, есть характеристическая черта древняго суевѣрія, оно отъ него получило свое наименованіе (δεισιδαιμονία, боязнь боговъ). Кто дастъ Риму, полный, обожаній, средствъ очиститься? Недъ своевременнымъ деспотизмомъ Кесарей, соединяющимъ и уничтожающимъ человѣка искупительныя жертвы, въ кому не пребѣгаютъ люди, чтобы просить безопасности своей, охраненія имуществу, защиты жизни, имѣть быть, одного изъ тѣхъ ужасныхъ тріумфовъ, которые сказанію возвѣщаютъ рабу на вершину величія? Ца земля, въ небѣ, въ преисподнихъ ада, везде, гдѣ только можетъ найтись власть, болѣе ужасная и менѣе безумная власти Кесаря, будутъ ее искать, наважданія все, чтобы склонить ее въ свою пользу! Въ кровавыхъ обрядахъ Минервы, станутъ подъ желѣзныя рѣшетины, чтобы омочиться кровію жертвы. Слабая женщина пойдетъ раздробить ледъ Тибра, чтобъ очиститься въ холодныхъ струяхъ, и, послѣ, полуденная, трепещущая повлечется чрезъ Марсово Поле на окровавленныхъ колѣнахъ!

«Римъ преисполненъ шатающихся религій, нищенствующихъ по улицамъ. Вотъ жрецы Цибелы, окрашенные, съ растрепанными волосами; предводитель ихъ, огромный ростомъ, заглушающій своимъ ревомъ бой ихъ барабановъ, раздирая членъ своего тѣла ударомъ ножа, заставляетъ другихъ собирать кровь свою, и не знаетъ ихъ числа! Вотъ, при рѣзкихъ звукахъ цитры, являются другіе жрецы: то жрецы Изиды, съ обритою головой, въ льняной одеждѣ; то Анубисы псеголовые: «божество гнѣвно!» кричатъ они «страшитесь!» —И народъ внемлетъ имъ, объятый ужасомъ! «Осень грозитъ! Сентябрь чреватъ бѣдствіями! Страшитесь!! Бѣгите въ море за водою, за водою Нила; омойте его струями храма Изиды! Сотню бѣлыхъ первосвященнику Великому! Одежды ваши жрецамъ великой богини!! Бѣлыя повязки на волосахъ надъ вашими головами! Чистыя ваши туники служителямъ великой Изиды! Миръ и всепрощеніе дадутся вамъ на цѣлый годъ!»

«Найдется ли достаточно чудесниковъ и гадателей, чтобъ обѣщать будущее этому народу, чувствующему омерзѣніе къ настоящему? Оффиціальная наука Этруріи впала въ презрѣніе; авгуры не могутъ безъ смѣха взглянуть одинъ на другаго: тайна ихъ обнажилась. Но древняя, ученая Азія, но-

Digitized by Google

мать быть, еще представить имя обманы не столь грубые! Арамейские вещания, халдейские астрологи, фригийские авгуры, галатские пифийские, бегите, растопчите римскому народу сны, которыми его тревожат. Обещайте ему духовную старину, которого они облагодетельствовали своими изобретенными пророчествами, и который не может умереть! Грош ударит сюда! Что это значит? — Видите, какие волосы на моей ладони! Что они пророчат! Для самого пришлого и предвзятого чего особенный гадатель: гипнотизер, не астролог; хиромантик не имеет спокойствия с мертвыми. Считайте более эти разнородных гадателей; но поклонитесь наиболее тому великому человеку, он изучил астрологию, самой уважаемой из таинственных наук, самой гонимой известно, которая ее преследует, потому что ей верит. Поклонитесь ему, не ведь слышь железа; он долго жил на скале сирийской; восначальник, которому он обещал победу, был побеждён и вверг его в темницу; Кесарь с трудом простил его! Если вы богаты, сделайте его домовым гадателем. Нужно иметь у себя слугу — астролога, точно так же, как слугу — повара, слугу — литератора и слугу — врача; он установленную ежедневную плату вы будете давать при своей особе почтенного богача! Подкупный, продажный рой, на которых не могут утвердить своего доверия ни власть знатных, ни надежды меньших! Вы будете иметь одного из тех людей, которых Рим беспрерывно изгоняет и беспрерывно хранит в своих стенах. «Ни один астролог не будет иметь гения (известности), если не был осужден». (*Стр. 6—13*).

Затем, автор разными чертами характеризует римскую философию... в период времени от революции до Нерона. В ней отразилось полное отрицание верований, потерявших смысл свой. «Никто из детей не верит уже ладьи и черным лягушкам, обитающим в болотах Стикса» говорит Ювенал. Еще Юлий Цезарь в полном собрании сената проповедывал уничтожение души после смерти, и Катон Младший сказал ему в возражение не то, что это несправедливо, а то, что это выходит из границ официального верования. Цицерон допускал богов и бессмертие души только *как возможность*. Но всего поразительнее в философии того времени странное отталкивание, составлявшее, как сказать, его основное начало. Единственное утешение, какое могли они подать человеку — это надежда на смерть и уничтожение; и Плиний сожалеет о божестве, если есть божество, потому-что оно не может произвольно прекратить своего существования и лишено утешения прибегнуть к самоубийству. «Посреди всего этого, слепое человечество позволяет опутывать себя столькими сомнениями, что остается достоверным только одно то, что нет ничего достоверного, и нет ничего, что бы могло сравниться с нищетою человека и его высокомерием. Другия животныя имеют одну заботу — *жить*; природа дала им роскошныя средства к ея удовлетворению; они надёлены высочайшею выгодою — не иметь надобности мыслить ни о богатстве, ни о славе, ни о почестях, ни о смерти, что всего важнее... Природа человеческая представляет, напротив того, утешения самыя несовершенныя... и даже божество не может ни даровать людям бессмертие, ни себе доставить то величайшее благо, которое ниспослано от него людям в этой, столь ничтожной жизни — оно не может, по собственному хотению, отнять от себя существование» (стр. 19).

И это очень-понятно в обществе, которого жизнь изсякла, которое походило на часы с лопнувшею пружиною, с заржавевшим механизмом: стрелки можно двигать пальцем, но сами они уж не движутся! Общество живо только тогда, когда в нем таится идеал жизни и есть стремление к осуществлению этого идеала на самом деле. Так, Рим был могущ, когда гражданская свобода одушевляла сынов его и была невидимым рычагом, который двигал политическим составом его общественности. При императорах, оста-

Digitized by Google

лось одно чувство, одно побужденіе, служившее и источникомъ и связью общественной жизни: это—чувство личнаго самохраненія на чужой счетъ. Всякій губитъ другаго, чтобъ спасти себя. Всякій думаетъ о другомъ: «онъ не сдѣлалъ мнѣ ничего дурнаго; но это все равно — онъ погубитъ меня при первой возможности, а потому я долженъ предупредить его». И такъ думалъ отецъ о сынѣ, сынъ объ отцѣ, братъ о братѣ, мать о дочери и дочь о матери! Истинное осуществленіе страшнаго суда Божія! Крайность родитъ крайность: чувство самосохраненія родило въ Римѣ и чувство презрѣнія къ жизни. Послушайте Шампанья:

«Взгляните—нравственность рабовъ въ ту эпоху, представляетъ ли что утѣшительное? Ничего; единственное прибѣжище ихъ и пособіе отъ страданій, заключалось въ бунтѣ тѣла, а не въ бунтѣ духа; въ возстаніи не къ добродѣтелямъ, но къ безпорядку, къ неустройствамъ. Наконецъ, что находите вы послѣднимъ и единымъ средствомъ примиренія?—самоубійство, самоубійство!.. И что же? Сенека, по этому поводу, съ восторженнымъ уваженіемъ упоминаетъ, между прочимъ примѣрами, о гладіаторѣ, котораго везли въ циркъ, и который съ веселою рѣшимостью сунулъ свою голову между спицъ колеса, перемявшаго и раздробившаго ее движеніемъ! Во всемъ, для всего, для пресыщенія богача, и для отчаянія бѣдняка—самоубійство представляется крайнимъ прибѣжищемъ! Оно послѣднее слово этого общества и довершитель его разрушенія. По выраженію Сенеки «убивали себя изъ боязни смерти»; гоненія сильно поддерживали эту наклонность. Завидовали, удивлялись, превозносили людей, умѣвшихъ исторгнуть, или, какъ выражались, украсть свое тѣло у тирана самоубійствомъ. Когда Кремуцій Кордъ, обвиненный при Тиверіи, лишилъ себя жизни голодомъ,—общество открыто радовалось; оно торжествовало, что эта жертва вырвана изъ ненасытной пасти кровожадныхъ волковъ-предателей! Подобные примѣры до того пріучили къ смерти, что люди лишали себя жизни просто отъ скуки, отъ праздности, изъ моды. Сенека упоминаетъ объ «утонченностяхъ», съ которыми пресыщенные совершали самоубійства. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «появилась странная манія, своенравный вкусъ къ смерти, втренная наклонность къ самоубійству овладѣваетъ не только храбрыми, но трусами; одни убиваютъ себя изъ презрѣнія къ жизни, другіе оттого, что жизнь имъ надоѣла. Многимъ стало несносно видѣть и дѣлать все одно и то же. Жизнь не ненавидятъ, но чувствуютъ къ ней совершенное отвращеніе; спрашиваютъ: какой будетъ конецъ всему этому? Просыпаешься, засыпаешь, ощущаешь холодъ, жаръ—безконечно одно и тоже; тотъ же кругъ безпрерывно вертится и возвращается. Ночь послѣ дня; осень за лѣтомъ; потомъ зима, потомъ весна, и все то же, и все проходитъ, чтобъ опять настать! Ничего новаго! Этого не могутъ переносить; многіе лишаютъ себя жизни не потому, что она тягостна, но потому, что она мелочна». (*Стр.* 27 — 29).

Понятно, какую философію и какихъ философовъ могло произвести такое положеніе общества! Сенека можетъ служить и представителемъ современной ему философіи и вмѣстѣ указаніемъ, до какой степени возможно было проявиться практической философіи того времени. Въ слѣдующихъ строкахъ изъ книги Шампанья, читатели увидятъ вѣрный портретъ римскаго философа временъ имперіи.

«Враги Сенеки говорятъ ему: «Зачѣмъ твоя жизнь столь выше твоихъ рѣчей? Къ чему эта изукрашенная вилла? Эти пиры, несообразные съ правилами твоей философіи, это вино гораздо старшее тебя лѣтами? къ чему это имущество богатаго семейства, въ подвѣскахъ серегъ жемчужное твоей женою? Подать тебѣ обѣдъ—*наука*; разставить твое серебро на буфетѣ—*искусство*; накрыть твой столъ — *таланть*!! Человѣкъ, который разрѣзываетъ у тебя мясо—*художникъ*?!» Такъ, но Сенека самъ дополняетъ эти укоры своихъ враговъ: «Прибавьте еще, говоритъ онъ, «къ чему богатства, которыхъ счета я не знаю; рабы—которые мнѣ не извѣстны?» И тутъ же отвѣчаетъ съ рѣдкою у древнихъ скромностью, которую я цѣню выше гордой бѣдности многихъ: «Я не мудрецъ, да успокоится ваша завистливость; я никогда не буду мудрецомъ. Я не помышляю сдѣлаться равнымъ съ лучшими изъ смертныхъ; но стараюсь только быть лучше самыхъ

Digitized by Google

худшихъ. Я довольствуюсь уничтоженіемъ ежедневно хоть одного изъ моихъ пороковъ, исправленіемъ хоть одной изъ моихъ ошибокъ. Я чувствую, что еще глубоко погрязаю во злѣ... Я восхваляю добродѣтель, а не себя. Когда вооружаюсь противъ пороковъ, то прежде всего противъ собственныхъ моихъ...» (*Стр.* 42).

«Сенека уже не признаетъ бога слѣпаго, безсильнаго, тѣлеснаго, бога стоиковъ; — «какъ хотите называйте ее: судьбою, природою, фортуною, провидѣніемъ, — говоритъ онъ — но есть воля высшая, безтѣлесная, независимая, первая причина всякой вещи; предъ нею все остальное ничтожно, она *сама въ-отношеніи къ себѣ необходимость*; она создала міръ, и прежде нежели создать его, носила его въ своей мысли»; этотъ богъ уже не равнодушенъ къ дѣламъ свѣта; онъ любитъ людей, — «мы его участники и члены, — между имъ и людьми добра существуетъ дружба, родство, сходство; души ихъ суть лучи его свѣта, никто безъ него не можетъ быть мужемъ правды, и когда добродѣтель содѣлаетъ насъ достойными соединиться съ нимъ, онъ шествуетъ самъ къ намъ, онъ становится близъ насъ, этого мало — онъ вселяется въ насъ. Въ сердцѣ каждаго добродѣтельнаго обитаетъ богъ, не знаю какой, но богъ обитаетъ въ немъ».

«Божественная душа человѣка праваго, живя съ людьми, остается нераздѣльною съ своимъ началомъ: такъ лучъ, освѣщающій насъ, не отдѣляется отъ солнца. Она связана съ богомъ, она созерцаетъ его, получаетъ отъ него свою силу; ея Богъ — отецъ ея, подобно ему она живетъ въ веселіи, котораго ничто не можетъ нарушить, подобно ему она счастлива безъ богатствъ земли! Роскошь и наслажденія могутъ ли быть почитаемы благами, если богъ не пользуется ими?» Да совершаетъ же человѣкъ путь, указываемый ему судьбою, да подражаетъ онъ богу! Да создаетъ онъ въ себѣ подобіе бога. Подобіе бога создается не изъ злата, не изъ серебра; изъ грубыхъ металловъ можно ли сдѣлать что-либо подобное богу? Высшее благо есть не что иное, какъ прямая душа и чистый разумъ. Да переноситъ человѣкъ все терпѣливо; богъ любитъ его крѣпкою но не слѣпою и нѣжною любовію матери, а любовью отца. Мы съ удовольствіемъ удивленія смотримъ на храбраго юношу, мужественно борющагося съ дикимъ звѣремъ... ребяческое зрѣлище! Зрѣлище достойное бога, бой, созерцаніе котораго можетъ освѣдѣть и его отъ великихъ его дѣяній; есть борьба мужа высокаго сердцемъ — съ злосчастіемъ.» (*Стр.* 45—48).

Довольно выписокъ; предоставляемъ любопытнымъ самимъ познакомиться, изъ книги Шампаньи, съ личностію и подвигами императора-артиста, цезаря-пѣвца, несравненнаго Нерона. Это знакомство будетъ для нихъ весьма полезно: оно заставитъ ихъ и содрогаться и хохотать — дѣйствіе, которое можетъ произвести на душу читателя только біографія тирана-паяца, злодѣя-шута, подобнаго Нерону! Намъ интереснѣе было намекнуть на достоинство сочиненія Шампаньи такими выписками, которыя знакомятъ съ общественнымъ состояніемъ императорскаго Рима. Теперь скажемъ слова два о томъ, что мы называемъ недостатками сочиненія Шампаньи.

Всѣ они заключаются въ ограниченномъ взглядѣ на событія и факты прекрасно-изложенные. Этотъ недостатокъ особенно свойственъ бо́льшей части произведеній полуученой и полу-белльлетрической французской литературы; Нѣмцы впадаютъ въ противоположную крайность: здраво и глубоко мысля, они плохо *дѣлаютъ*. Разумѣется, въ обоихъ случаяхъ не безъ блестящихъ исключеній, но *вообще* и *большею частію* живое изложеніе при ограниченности философическаго созерцанія принадлежитъ французской національности; а глубокомысліе и вѣрность взгляда, при отвлеченномъ, иногда и сухомъ, тяжеломъ изложеніи, взяла на свою долю нѣмецкая національность. Шампаньи видитъ въ Неронѣ «типъ римскаго императора»: вотъ уже первая ошибка; а сю начинается жизнеописаніе Нерона! Въ самой книгѣ Шампаньи, можно найдти опроверженіе этого взгляда. Неронъ — школьникъ, которому судьба дала возможность и средства рѣзать людей для препровожденія времени, и который воспользовался этою возможностію, какъ истинный школьникъ. Вотъ и все. Сначала онъ шалитъ довольно-

Digitized by Google

робко, какъ школьникъ, который еще только пробуетъ свои силы въ кровопролитіи. Убіеніе матери не обошлось ему даромъ: «Когда преступленіе было совершено, Неронъ почувствовалъ весь ужасъ его. То не были глубокія угрызенія совѣсти, которыя Тиберій скрывалъ; *сила души нероновой не соотвѣтствовала великости его преступленія;* онъ провелъ цѣлую ночь въ бреду, по временамъ мгновенно содрогаясь». Даже гораздо позже, когда уже онъ имѣлъ время созрѣть въ злодѣйствѣ—тѣнь Агриппины не переставала преслѣдовать цезаря: когда въ Дельфахъ оракулъ сравнилъ его прямо съ Алкмеонами и Орестами, убійцами матерей своихъ,—онъ въ ярости конфисковалъ земли божества и приказалъ завалить входъ въ пещеру, гдѣ вдохновлялась пиѳія; но прибывъ въ Элевзію и услышавъ, что провозвѣстникъ элевзинскихъ таинствъ отвергаетъ отъ нихъ всѣхъ безбожниковъ и преступниковъ—этотъ убійца своей матери удалился, не дерзая даже просить о допущеніи его къ таинствамъ... Тиберій — вотъ истинный типъ римскаго императора, душа низкая, но сильная, злодѣй и извергъ по призванію! Какъ можно сравнить съ нимъ этого полуумнаго мальчишку Нерона, который злодѣйствовалъ потому только, что не боялся розогъ, и котораго злодѣйства такъ походили на дурачества школьника, забывшаго стылъ и приличіе не по злобѣ развращеннаго сердца, а по ограниченности ума и абсолютной безнравственности общества! Если хотите видѣть истинный типъ римскаго цезаря — посмотрите на Тиберія, этого кошку-тигра, посмотрите на него въ его логовищѣ—непріступномъ и мрачномъ дворцѣ на прекрасной Капреѣ, запертаго съ другомъ своимъ Сеяномъ: оттуда видимо и невидимо, лично и заочно, дѣйствовалъ онъ на свою огромную имперію, приводя въ движеніе страшную машину доносовъ въ оскорбленіи величества, машину, которая, съ скоростію и вѣрностію гильйотины, губила все, что еще оставалось въ Римѣ доблестнаго и даровитаго. Тиберій дѣйствовалъ не какъ безумецъ, а какъ злодѣй-лицемѣръ; онъ притворялся уважающимъ законы и нравственность; онъ видѣлъ въ своей имперіи республику, а въ себѣ—не деспота монархіи, но главу республики; съ постнымъ лицомъ являлся онъ въ сенатъ, къ patres conscripti, говорилъ рѣчи, полныя уваженія къ сословію сенаторовъ, которое трепетало его; рѣчи его были исполнены духа умѣренности и кротости, отличались длиннотою и хитросплетеніями. Ужаснѣйшія беззаконія совершалъ Тиберій на законномъ основаніи, не оскорбляя святости формъ; ядомъ, желѣзомъ, петлею и подобными тому средствами, онъ дѣйствовалъ только во мракѣ, слѣдовательно, и тутъ не нарушая формы справедливости. Тиберій былъ достойнымъ наслѣдникомъ Августа, который былъ прототипомъ римскихъ императоровъ, и въ которомъ, какъ дерево въ зернѣ, заключались всѣ послѣдовавшіе за нимъ цезари: Августъ былъ огромнымъ деревомъ, опушеннымъ густыми листьями — Тиберій былъ пышнымъ его цвѣтомъ; Калигулы, Нероны и прочіе были уже только ягодами и червями плодороднаго и вмѣстѣ гнилаго дерева. Августъ построилъ зданіе своей политики и администраціи на краеугольномъ камнѣ лицемѣрства и притворства, внѣшняго, обряднаго уваженія къ формальной законности, и внутренняго презрѣнія ко всему, что въ доброе старое время почиталось добродѣтелью, доблестью, справедливостью, законностью, нравственностью. Взамѣнъ всего этого онъ далъ Римской Имперіи спокойствіе, затворивъ храмъ Януса,—но широко растворялись потомъ двери темницъ и тюремъ... Что же можетъ быть лучше спокойствія, хотя бы это было спокойствіе, происходящее отъ страднаго гніенія общества? Въ ножны мечи, на стѣну щиты; къ-чему слава? ея такъ много осталось отъ временъ былыхъ, что не изжить и въ вѣчность!.. Лейся же, фалернское, въ золотыя чаши, увитыя

Digitized by Google

плющемъ и розами; пой, Горацій, блаженство спокойствія, пой смѣло, не боясь, что общественныя смуты лишатъ тебя твоихъ виллъ и твоихъ рабовъ, тебя, новоотпущенника Августа и Мецената!... Тиберій не только усвоилъ, но и развилъ далѣе основный принципъ Августа — лицемѣрство. И что за лицо этотъ Тиберій: смѣшно и жалко вспоминать при немъ о Неронѣ!.. Неронъ боялся не только труповъ, даже тѣней ихъ; Тиберій, напротивъ, обезсмертилъ себя выраженіемъ, что «трупъ врага хорошо пахнетъ». Даже какая разница въ самой наружности: Неронъ былъ не дуренъ собою, притомъ молодъ; Тиберій, старый Тиберій, съ рѣдкою сѣдою бородою, съ лицомъ, покрытымъ гнойными прыщами и язвинами, сутуловатый, сгорбленный, былъ до того отвратителенъ, что приводимыя къ нему жены и дочери римскихъ патриціевъ, не смотря на несомнѣнно-ожидавшую ихъ страшную казнь, отказались удовлетворять его гнуснымъ желаніямъ.

Злодѣйства Нерона отличаются характеромъ мальчишества. Въ нихъ нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Какъ ораторъ, онъ *приказываетъ* присудить себѣ пальму краснорѣчія, безъ конкурса, потому-что говорилъ очень-плохо; изъ чужихъ стиховъ и полустишій составляетъ онъ поэмы своего издѣлія; онъ былъ живописцемъ, ваятелемъ, музыкантомъ на лирѣ, пѣвцомъ; онъ былъ даже кучеромъ,—и его подданные подъ страхомъ казни должны были вѣрить, что ему нѣтъ соперниковъ во всѣхъ этихъ искусствахъ. Сперва на домашнемъ театрѣ, потомъ, по просьбѣ хитраго царедворца-народа, онъ поетъ въ циркѣ, но не просто: ему тогда нуженъ хоръ сенаторовъ, консуляріевъ и римскихъ матронъ. На олимпійскихъ играхъ, онъ падаетъ съ колесницы на землю— и провозглашаетъ себя побѣдителемъ. Одинъ пѣвецъ осмѣлился пѣть передъ народомъ лучше Нерона: народъ греческій, народъ-художникъ, съ жаромъ апплодируетъ пѣвцу; но Неронъ мигнулъ— и актёры, игравшіе съ пѣвцомъ, прислоняютъ его къ колоннѣ и мечами пронзаютъ ему горло... Зато, какой щедрый человѣкъ этотъ Неронъ: въ царствованіе свое, онъ роздалъ друзьямъ болѣе 400,000,000 рублей! Къ довершенію всего этого, Неронъ, пробуя остріе двухъ мечей и не рѣшаясь заколоться, проливалъ слезы, восклицая: «Какого художника лишится свѣтъ!» Насилу-насилу могъ онъ перерѣзать себѣ горло—и то ужь тогда, какъ заслышалъ топотъ коней искавшаго его центуріона... Бѣдный! онъ зналъ, что сенатъ приговорилъ его—быть засѣчену розгами! Достойная казнь слабоумному мальчику!

И послѣ этого-то г. Шампаньи восклицаетъ:

«Который изъ цезарей видѣлъ Римъ столь подлымъ, столь низко-лежащимъ подъ его ногами? Который изъ нихъ столь высоко возвелъ на алтарь и тронъ свои страсти, свое безбожіе? Что такое былъ старый, грустный Тиверій, человѣкъ чуждый всѣмъ наслажденіямъ страстя? Что такое былъ грубый Калигула, который, не болѣе трехъ лѣтъ, поигравъ кой-какими воинскими и властительскими игрушками, позволилъ зарѣзать себя жалкимъ образомъ въ банѣ? Что такое *были* безумный Клавдій, машина *для дипломатовъ* и судейскихъ рѣшеній? Что были всѣ они передъ виртуозомъ, ораторомъ, поэтомъ, бойцомъ, передъ всеобъемлющимъ Нерономъ — владыкою міра съ двѣнадцатилѣтняго возраста (depuis douze ans maître du monde)? Если нѣсколько отдѣльныхъ лицъ протестовали, въ пользу человѣческаго достоинства, то никогда большинство не склоняло столь низко чела своего во прахъ, какъ передъ этимъ воспитанникомъ двухъ развратницъ — Лепиды и Агриппины, передъ этимъ дурно-организованнымъ умомъ, непостигавшимъ прямаго значенія ни одной вещи, передъ этимъ обоготворенымъ уличнымъ мальчишкою, Нерономъ!»

Хорошъ злодѣй! можно ли передъ уличнымъ мальчишкою унижать такого мужа злодѣйства и крови, какимъ былъ Тиберій!...

Намъ кажется также не совсѣмъ-истиннымъ и вѣрнымъ взглядъ Шам-

Digitized by Google

панья и на преступленія, злодѣйства и разврать общества римскаго: онъ все какъ-будто обвиняетъ въ нихъ общество, какъ-будто отъ воли этого несчастнаго общества зависѣло быть не такимъ, каково оно было. Древній языческій міръ изжилъ всю свою жизнь, — и съ Августа должна была начаться его агонія, его предсмертныя, судорожныя біенія внутри, и кровавыя, гвойныя язвы снаружи. Общество живетъ идеями, а не формами, — и ни почему такъ вѣрно нельзя предузнать его близкой смерти, или страшнаго болѣзненнаго перелома, какъ по принципу лицемѣрства, которое внутренно смѣется надъ тѣмъ, что̀ чтитъ наружно, изъ приличія, или по привычкѣ, или по тому, что надо же обществу чтить что-нибудь хоть на словахъ, хоть для шутки. Съ Тиберія, въ Римской Имперіи уже стало невозможно злодѣйство и преступленіе: они сдѣлались обычаемъ, какъ прежде были исключеніемъ изъ общаго порядка. Кормить муренъ живыми рабами, присутствовать при мученіяхъ людей, лить кровь человѣческую рѣками, купаться въ ея багровыхъ волнахъ—въ Римѣ это было тогда невиннымъ развлеченіемъ, забавою отъ праздности, занятіемъ отъ скуки. Это не удивляло ни жертвъ, ни палачей: тѣ и другіе смотрѣли на это, какъ на вещь слишкомъ-обыкновенную... Вотъ онъ, вотъ тотъ страшный судъ Божій, который уже не разъ призывалъ передъ себя и народы и человѣчество, и который еще не разъ призоветъ ихъ передъ себя!.. Здѣсь мы не можемъ не вспомнить глубокомысленныхъ и краснорѣчивыхъ строкъ автора (*) статьи «О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита», — немногихъ строкъ, которыя лучше всей книги Шампаньи объясняютъ идею пятисотлѣтняго террора, который, отъ перваго Августа до послѣдняго Августа, составлялъ жизнь и исторію Римской Имперіи: «Воспитанный въ школѣ стоицизма, Тацитъ находитъ другое, сильнѣйшее утѣшеніе въ томъ, что показываетъ, какимъ образомъ, среди развращеннаго произвола дѣятелей его исторіи, владычествуетъ строгая и неумолимая Немезида, которая всегда во-время настигаетъ виновныхъ, и разрушая бренные сосуды исторіи, изъ временной борьбы спасаетъ лучшее достояніе человѣка—вѣру въ вѣчную правду, въ кару небесную, возстановляющую чрезъ гибель виновныхъ нарушенное ихъ произволомъ равновѣсіе законовъ нравственнаго міра»... «Чернь (въ Римѣ) губитъ виновныхъ не потому, что они нарушаютъ правду и нравственность, за которую она вступается, а потому, что произволъ черни, — этого стоглаваго чудовища, сильнѣе произвола индивидуумовъ. Этотъ народъ, губящій виновныхъ, и самъ впадаетъ въ вину, ибо губитъ ихъ несправедливымъ образомъ. Всякое наказаніе вины есть новая вина, и тѣмъ ужаснѣйшая, что это не есть вина индивидуума, но вина цѣлаго народа. Здѣсь, слѣдовательно, нравственное и субстанціальное въ народа римскаго. Наказаніе, постигающее равно и народъ и индивидуумовъ, совершается во имя человѣческой нравственности, стоящей выше нравственности римской. Здѣсь человѣчество впервые выходитъ за предѣлы ограниченнаго момента жизни римской, ибо въ трагическомъ столкновеніи индивидуумовъ и народа, все римское гибнетъ, и на развалинахъ римскаго возникаетъ идея общей, всечеловѣческой нравственности. Здѣсь кара вины, а, слѣдовательно, и примиреніе, совершается не для римскаго народа, который и самъ гибнетъ за свою вину, но для человѣчества, которое, лучшее, благороднѣйшее, спасается изъ общей гибели всего римскаго. Нравственность оставляетъ народъ римскій, совѣсть человѣчества совершенно и навсегда отдѣляется отъ римской. Она вселяется въ душу историка, который, будучи ея носителемъ, преломляетъ жезлъ свой надъ Римомъ.»

(*) Г. Крюкова.

Digitized by Google

Жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ выписать этихъ строкъ вполнѣ, безъ выпусковъ. Эти строки заключаютъ въ себѣ и превосходно уясняютъ идею и философское значеніе исторіи Римской Имперіи...

Морализмъ Шампаньи такъ великъ, что онъ резонёрствуетъ себѣ даже по поводу такихъ предметовъ, передъ которыми съ благоговѣніемъ долженъ останавливаться каждый мыслящій человѣкъ. Такъ, на-пр., онъ осуждаетъ Сенеку—одно изъ отраднѣйшихъ явленій того времени, за гордость. Высота мыслей Сенеки слишкомъ не по-плечу г-ну Шампаньи. Посмотрите сами — что можетъ быть возвышеннѣе, благороднѣе подобныхъ мыслей?

«Ты несчастливъ,—мужайся! Судьба почла тебя достойнымъ для себя противникомъ; она поступаетъ съ тобою, какъ со всѣми великими людьми! Тебя ведутъ на казнь,—мужайся! Вотъ крестъ, вотъ колъ, который раздереть твою внутренность, вотъ всѣ орудія палача; но за то вотъ и смерть! Тутъ врагъ жаждущій твоей крови; но тутъ же и смерть; смерть да утѣшитъ тебя!»

И въ-самомъ-дѣлѣ, какое другое утѣшеніе, въ эпоху террора, можетъ оставаться для страдальца, если не благодѣтельная смерть, вырывающая, такъ сказать, жертву изъ губительныхъ рукъ палача? Природа уравновѣсила мѣру человѣческихъ страданій съ мѣрою человѣческаго терпѣнія: есть предѣлъ, далѣе котораго физическое мученіе не можетъ идти: этотъ предѣлъ —смерть, благодѣтельная смерть, не страшный остовъ съ косою въ рукахъ, а кроткій, примирительный ангелъ, вѣяніемъ крыла своего тихо и успокоительно снимающій съ насъ тяжкое бремя жизни, мгновенно излечающій насъ отъ горькаго недуга существованія!.. И развѣ не утѣшеніе—думать, что страданіе жертвы минетъ свой предѣлъ, а злоба палача не возьметъ же съ жертвы больше того, что можно взять; что страданіе жертвы излечится смертію, а неудовлетворенная злоба палача тщетно будетъ рвать зубами бездушный трупъ жертвы, накажется сознаніемъ своего безсилія сдѣлать ей зло и, можетъ-быть, позавидуетъ ея вѣчному миру, ея независимости отъ всѣхъ золъ бытія?.. Смерть, смерть—это лучшая, сладчайшая надежда; только мысль о ней и можетъ поставить насъ выше пытки и истязаній...

Чтобъ еще болѣе познакомить читателя съ высокою стоистическою философіею Сенеки и съ ограниченностію взгляда на нее г. Шампаньи, сдѣлаемъ еще выписку:

«Посмотрите, какимъ страннымъ образомъ этотъ нѣжный сынъ, въ ссылкѣ, утѣшаетъ свою мать: онъ припоминаетъ ей всѣ другія несчастія, потерю мужа, брата, —и эту грудь, согрѣвавшую трехъ внучатъ, а теперь согрѣвающую только ихъ кости». «Ты не можешь обвинять меня въ робости,—говоритъ онъ:—я раскрылъ передъ тобою всѣ твои бѣдствія; я сдѣлалъ это отъ глубины сердца, потому-что не могу обманывать твоей скорби, но хочу побѣдить ее... Да, рана твоя ужасна; разорвавъ твою грудь, она проникла во внутренность; но взгляни на старыхъ воиновъ, развѣ трепещутъ они подъ рукою хирурга? Нѣтъ, они позволяютъ ей углубляться въ язву, или отрѣзывать члены, какъ-будто-бы члены тѣ принадлежатъ не имъ... И ты, воинъ злосчастія, удержи крикъ на устахъ, забудь жалобы, пренебреги женскимъ страданіемъ. Если ты не научился терпѣть, то бѣды твои не принесли тебѣ плода. Ты втунѣ утратилъ всѣ твои несчастія».

Подобныя слова готовы у него для каждой матери и для каждаго горя. «Потеря сына не есть злосчастіе,—повторяетъ онъ:—безумно оплакивать смерть смертнаго. Мудрый можетъ лишиться сына: мудрые умерщвляли сыновей своихъ»...

Высокъ идеалъ мужа добра, по ученію Сенеки: «Никто не имѣетъ власти сдѣлать ему добро или зло; оскорбленіе до него не доходитъ, онъ уразумѣваетъ собственное величіе». Г. Шампаньи приписываетъ это гордости, а потому находитъ дурнымъ. Добродѣтель, по идеалу Сенеки, кажется г-ну Шампаньи ложною и предосу-

Digitized by Google

дительною, по тому именно, по чему она истинна и высока — по ея безкорыстности и безвозмездности, потому-что она не имѣетъ внѣ себя цѣли и есть сама себѣ цѣль, потому-что она не торгуется и не продается ни за деньги, ни за мечты, ни за фантазіи... Гордость!.. Да, милостивые государи, гордость личности только тогда предосудительна, когда не опирается на силѣ и доблести души, когда является во имя самой личности, а не во имя человѣческаго достоинства...

Посмотрите, какъ разсуждаетъ этотъ гордецъ о рабахъ, которыми въ то время богачи живьемъ кормили своихъ муренъ:

«Божественный разумъ можетъ принадлежать рабу, точно такъ же, какъ римскому всаднику. Что означаютъ слова: рабъ, отпущенникъ, всадникъ? Названія, созданныя тщеславіемъ и презрѣніемъ. Изъ темнаго угла хижины, душа можетъ вознестись до самаго неба. Добродѣтель не исключаетъ никого, ни раба, ни отпущенника, ни государя. Всякій человѣкъ благороденъ, потому что происходитъ отъ Бога; если въ генеалогіи твоей есть ступень темная, грязная,—перешагни черезъ нее, иди выше; на концѣ лѣстницы ты найдешь благородство знаменитое. Дойдемъ до первоначальнаго происхожденія нашего: мы всѣ сыны Бога!

«Нужно быть справедливу» сухо говоритъ Цицеронъ, «даже къ людямъ самаго низкаго состоянія; состояніе самое низкое есть состояніе рабовъ; съ ними надлежитъ поступать какъ съ наемниками, требовать отъ нихъ услугъ, но давать имъ необходимое.» Сенека говоритъ уже совершенно иначе: «Это рабы?.. скажите лучше люди, нахлѣбники, друзья; не столь благородные, но друзья; скажите болѣе — они товарищи рабства, ибо права судьбы надъ ними и надъ вами одинаковы; тотъ, кого ты называешь рабомъ, произошелъ отъ одного съ тобою корня... Совѣтуйся съ нимъ, допускай его къ разговору, къ столу; не ищи въ немъ одной только болзни; довольствуйся тѣмъ, чѣмъ довольствуется Богъ: уваженіемъ и любовію.»

Кто, наконецъ, изъ древнихъ, кто изъ Римлянъ сожалѣлъ о человѣкѣ, «священной вещи», когда его бросали звѣрямъ и желѣзу амфитеатра? Кто осмѣливался удерживать народъ римскій, выговаривать ему, когда онъ убивалъ безъ болзни, безъ гнѣва, для того только, чтобъ имѣть какое-нибудь зрѣлище? Кто почувствовалъ въ себѣ достаточно-сильное человѣколюбіе, чтобы воскликнуть: «Вы бросаете этого человѣка звѣрямъ, онъ преступникъ, говорите вы, онъ заслужилъ смерть. *Прекрасно! но вы сами какое совершили преступленіе, чтобы быть зрителями его казни?*»

Впрочемъ, въ книгѣ Шампаньи встрѣчаются мысли дѣльныя, краснорѣчиво изложенныя,—и одною изъ такихъ мы заключимъ нашу статью: «Остережемся и мы вѣровать въ фатализмъ добра, точно такъ же, какъ въ фатализмъ зла. Вѣка успѣха да не исполнятъ насъ гордою надеждою, какъ вѣка упадка переполняли древность отчаяніемъ. Если фанатизмъ стремитъ свѣтъ къ лучшему, то къ-чему же намъ въ полу его трудиться! Если успѣхъ находится одною силою обстоятельствъ, то зачѣмъ же хлопотать объ успѣхѣ? Невѣрный оптимизмъ (который силятся обратить въ философію), убѣжденіе въ неотразимомъ усовершенствованіи, не смотря на неопредѣленность свою, не впадаетъ ли въ то гордое, но глубоко-жалкое спокойствіе бездѣятельности, которое, полагаясь на свободную силу обстоятельствъ, или на что-либо столь же гадательное и неточное, складываетъ руки и пребываетъ ко всему равнодушнымъ?»

Digitized by Google

VI.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Апрѣль.

149) Комары. *Всякая всячина,* Ѳаддея Булгарина. *Рой первый. Санктпетербургъ. 1842. Въ типографіи* Journal de Saint-Pétersbourg. *Въ 12-ю д. л. 280 стр.*

150). Картинки Русскихъ Нравовъ. *Санктпетербургъ. 1842. Въ тип.* Journal de Saint-Pétersbourg. *Книжки 1 и 2-я. Въ 16-ю д. л. 31 и 50 стр.*

151) Сказка о славномъ витязѣ и могучемъ богатырѣ Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ, о прекрасной царевнѣ Свѣтловидѣ и о косолапомъ другѣ медвѣдѣ. *Санктпетербургъ. Въ тип. А. Сычева. 1841. Въ 12-ю д. л. 70 стр.*

Вотъ почти все, чѣмъ даритъ насъ апрѣль мѣсяцъ по части *изящной* словесности и *изящной* прозы! Больше ничего! Ни одного романа, ни одного собранія повѣстей, ни одной сносной повѣсти!.. Скудный, безплодный мѣсяцъ... Вообразите: всего-на-все—«Комары», новыя картинки къ старымъ сказкамъ будто бы о русскихъ нравахъ, и — новая сказка о Богатырѣ Лягушкинѣ, Царевнѣ Свѣтловидѣ и косолапомъ медвѣдѣ!..

«Комары» — чрезвычайно-интересное явленіе въ современной русской литературѣ: здѣсь извѣстный сочинитель, г. Ѳ. Булгаринъ, вылился весь, со всею солью, со всѣмъ блескомъ своего остроумія, со всею силою своего таланта, со всею своею философіею(?)... Это, можно сказать, результаты его литературной дѣятельности, его литературныя убѣжденія. И потому, нельзя отдѣлаться отъ этой книжонки двумя словами: надо перебрать ее внимательнѣе — для пользы читателей, которымъ, вѣроятно, не прійдется читать ее.

Первая статейка въ «Комарахъ» г. Булгарина называется «Вмѣсто Предисловія»: въ ней очень тонко и очень зло *критикуются* люди, которымъ ничего не стоитъ проиграть въ преферансъ десять цѣлковыхъ, и которымъ жаль заплатить за «Комаровъ» полтора цѣлковыхъ. Признаемся, въ этомъ случаѣ, мы сами готовы причислить себя къ этимъ окритикованнымъ людямъ! Лучше убить вечеръ за преферансомъ, нежели читать старые разсказы, давно уже истертые въ газетныхъ фельетонахъ. Во второй статейкѣ, объясняется разница между «Осами» (les Guêpes) Альфонса Карра и «Комарами» г. Булгарина. Мы думаемъ, что подобное объясненіе совершенно излишне: «Осы» французскаго литератора до-

Digitized by Google

вольно скучны, какъ и всѣ книги, въ которыхъ авторы берутся острить наподрядъ и въ срокъ; но въ «Осахъ» Альфонса Карра встрѣчаются иногда вещи дѣйствительно-остроумныя. Ниже, читатели ясно увидятъ разницу въ этомъ отношеніи между «Осами» и «Комарами»... Дальнѣйшее различіе между ними состоитъ еще въ томъ, что А. Карръ сражается въ своихъ «Осахъ» не съ лицами, а съ началами (principes), и преслѣдуетъ не своихъ личныхъ непріятелей, а доктрину, непріязненную его собственной доктринѣ; господинъ же Булгаринъ, напротивъ, сдѣлалъ изъ своихъ «Комаровъ» апоѳеозу собственной своей литературной личности заживо, и говоритъ въ нихъ только или о самомъ себѣ и своихъ сочиненіяхъ, или о людяхъ, которымъ его сочиненія не столько нравятся, какъ ему-самому. Вотъ объ этомъ-то различіи слѣдовало бы ему распростаниться, но объ немъ-то онъ и умолчалъ, вѣроятно, предполагая, что это и безъ того замѣчено будетъ людьми догадливыми... Вмѣсто того, г. Булгаринъ распространился о томъ, что «Осы» исполнены личностей, а «Комары», будто-бы, чужды личностей — изъ чего и выводится подразумѣваемое имъ скромное заключеніе, что «Комары» лучше «Осъ». Но хотя «Комары» г. Булгарина и жужжатъ безпрестанно то прямою бранью, то намеками на «толстые журналы» и на «Петербургскія Квартиры», извѣстную комедію-водевиль г. Кони, которая по весьма-понятнымъ причинамъ такъ не нравится ему, — однакожь, мы не хотимъ тутъ видѣть никакихъ литературныхъ личностей и намековъ, и очень жалѣемъ, что господинъ-сочинитель «Комаровъ» не посунулъ такъ же и вздумалъ видѣть личности тамъ, гдѣ не имѣлъ права подозрѣвать ихъ. Г. Булгаринъ утверждаетъ, будто въ русской литературѣ есть люди, которые за критику мстятъ своимъ противникамъ — клеветою!!.. Послушайте, что онъ говоритъ объ этомъ: «Для удовлетворенія жажде мщенія, за какую-нибудь критику, или острое словцо, эти господа представляютъ литераторовъ въ гнусномъ видѣ, и тѣмъ наносятъ величайшій вредъ нашей юной литературѣ. И кто же пишетъ все это?.. Вотъ, на-примѣръ, посмотрите, какимъ образомъ выставленъ русскій журналистъ въ такъ-называемой комедіи-водевилѣ: *Петербургскія Квартиры!* Хуже всякаго подъячаго и ябедника!.. Это самое гнусное лицо въ мірѣ, лжецъ, взяточникъ... Онъ беретъ деньги за похвалы съ книгопродавцевъ... Они даютъ ему золото!..» (*стр.* 10—11). Затѣмъ, г Булгаринъ старается изо всѣхъ силъ увѣрить своихъ читателей, что наши *книгопродавцы* и *золото* — понятія несовмѣстныя, и что такихъ безнравственныхъ журналистовъ на Руси нѣтъ. Да изъ чего же всѣ эти хлопоты? Почему г. Булгаринъ нападаетъ именно съ этой стороны на «Петербургскія Квартиры»? Непостижимо! Намъ кажется, что всякій благоразумный читатель долженъ видѣть въ этомъ водевилѣ только чистый вымыселъ фантазіи, а отнюдь не статистическое, или историческое сочиненіе? Публика хочетъ смѣяться — и водевилистъ смѣшитъ ее изображеніемъ разныхъ чудаковъ, а иногда и негодяевъ, если онъ къ тому имѣетъ еще и нравственную цѣль, какъ вѣроятно имѣлъ ее авторъ означеннаго водевиля. Литература, въ смыслѣ вымысловъ воображенія, рисуетъ не то, что́ есть въ-самомъ-дѣлѣ, а то, что̀ возможно; для уничтоженія этой-то *возможности* и пишутся нравственно-сатирическія сочиненія, въ которыхъ, по увѣренію г. Булгарина, онъ самъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ подвизался. Г. Булгаринъ написалъ столько чорныхъ, и между-тѣмъ, конечно, ни на кого не похожихъ портретовъ взяточниковъ, — и однакожь, можно ли утвердительно сказать, что на Руси есть такіе взяточники? Ихъ нѣтъ; но есть возможность ихъ существованія, — для того-то грѣхъ лихоимства и изображается въ такихъ гнусныхъ чертахъ, чтобы предотвратить въ будущемъ возможность появ-

Digitized by Google

ленія взяточниковъ. Здѣсь предается казни общественнаго мнѣнія *идея*, а не лицо, или лица. Также точно и г. Кони, вѣроятно, имѣлъ въ виду предать публичному позору идею безсовѣстнаго и безчестнаго журналиста, наносящаго срамъ и литературѣ и журнальному дѣлу, а отнюдь не оскорбить журналистовъ цаценомъ. И лучшимъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія служитъ то, что *доселѣ* ни одинъ изъ журналистовъ не думалъ оскорбиться пьесою г. Кони, напротивъ, многіе хвалили ее; а публика ей аплодировала, вызывала автора, актеровъ, и всѣ единодушно жалѣли, что автору вздумалось исключить при представленіи самый лучшій ея актъ, въ которомъ именно изображенъ журналистъ-взяточникъ, и котораго высокое достоинство всѣмъ извѣстно было не изъ рукописи, а изъ печатной книги.

Нападки «Комаровъ» г. Булгарина на пьесу г. Кони тѣмъ страннѣе и непонятнѣе, что самъ же г. Булгаринъ, весьма-основательно замѣчаетъ: «правда всегда выходитъ наверхъ, какъ масло въ водѣ, и несправедливость вредна не тому, противъ кого устремлена, а тому, кто сочинилъ ее» (*стр.* 12). Но при всемъ своемъ негодованіи на «Петербургскія Квартиры», господинъ сочинитель «Комаровъ» называетъ пьесу г. Кони только цаценками, а ягодками называетъ — что бы вы думали? — нѣсколько строкъ, почему-то задѣвшихъ его за живое, изъ статьи князя Вяземскаго, напечатанной въ «Утренней Зарѣ» на 1841 годъ. При разборѣ Альманаха г. Владиславлева, мы выписали эти незабвенныя и прекрасныя строки; но какъ повторять и распространять хорошее пріятно и полезно, и какъ мы хотимъ, чтобъ читатели имѣли передъ глазами самые факты для повѣрки нашей справедливости въ спорѣ съ госпомимомъ-сочинителемъ «Комаровъ», — то и выпишемъ всѣмъ имъ здѣсь снова, изъ самыхъ «Комаровъ» (*стр.* 13):

«Должно однакожъ замѣтить, что литературныя пересогласія того времени были не иное что, какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ закопиымъ и честнымъ оружіемъ: тогда искали торжества мнѣнію своему, хотѣли выказать искусство свое, удовлетворить нѣкоторой удалости ума, искавшаго въ подобныхъ спшбкахъ случайности, гласности и блеска. По вышеприведенному замѣчанію, что у насъ тогда было болѣе аматеровъ, нежели артистовъ, слѣдуетъ, что и въ сихъ распряхъ выходили другъ противъ друга добровольные, безкорыстные бойцы, а не наемники, которые ратуютъ изъ денегъ, нападаютъ сегодня на того, за котораго дрались вчера, торгуютъ равно и присягою и оружіемъ своимъ, и за безсмѣніемъ своимъ въ бою на чистоту, готовы прибѣгать ко всѣмъ пособіямъ предательства. Убѣгая съ открытаго поля битвы, поругашные и уязвленные побѣдителемъ, они не признаютъ себя побѣжденными; если стрѣлы ихъ не мѣтки и удары не вѣрны, то они имѣютъ въ запасѣ другое оружіе, потаенное, ядовитое, имѣютъ свои непріступныя засады, изъ коихъ поражаютъ противниковъ своихъ наверное. Сей языкъ литературъ и обществъ, которыя ихъ терпѣть потому, что и въ Божіемъ твореніи пресмыкаются ядовитые гады и слѣд., нужны въ общемъ планѣ созданія, къ счастію и къ чести своей, не знала *старинная* литература наша.»

Выписавъ эти строки, г. Булгаринъ начинаетъ утверждать, будто онѣ могутъ заставить иного недогадливаго (именно, *недогадливаго!*) читателя справляться, съ кѣмъ не въ ладахъ ихъ авторъ, на чью критику онѣ сердится, и на кого метитъ... Помилуйте, можно ли быть такъ пугливу и безпокоиться на такихъ зыбкихъ основаніяхъ! Князь Вяземскій, пиша эти строки, утверждалъ только, что *тогда*, въ описываемое имъ время, не было того-то и того-то; но онъ не говоритъ, что *теперь* есть все это: въ его строкахъ нѣтъ ни одного слова, на основаніи котораго можно было бы доказать подобное намѣреніе. Толковать же такъ и сякъ чьи либо слова и придавать имъ, по своему произволу, такой смыслъ, котораго не подтверждаетъ ихъ буквальное знаменованіе, — то же, что судить

Digitized by Google

совѣсть другаго и судить ее судомъ инквизиторскимъ...

Но возвратимся снова à nos moutons, — къ нашимъ барашкамъ, или къ «Комарамъ»... Французская поговорка здѣсь кстати пришлась, потому-что «Комары» г. Булгарина невинны, кротки и незлобивы, какъ барашки... Будемъ слѣдовать за ихъ сочинителемъ изъ страницы въ страницу, останавливаясь на томъ, что̀ покажется намъ болѣе-замѣчательнымъ.

На стр. 24 «Комаровъ» находимъ прелюбопытное библіографическое извѣстіе и драгоцѣнный фактъ въ исторіи русской книжной торговли. Грозно обращаясь къ кому-то, будто бы цѣлый годъ трубившему похвалы «Герою Нашего Времени», который, не смотря на то, лежалъ не трогаясь съ мѣста въ книжныхъ лавкахъ, г. Булгаринъ говоритъ: «А сказала «Сѣверная Пчела» правду — и «Герой нашего времени» мгновенно исчезъ изъ книжныхъ лавокъ... и пошелъ бродить по свѣту». Не знаемъ, до какой степени достовѣрно это скромное «объявленіе», но если оно точно достовѣрно, то мы первые отдаемъ полную справедливость неподражаемой ловкости «Сѣверной Пчелы» составлять книгопродавческія объявленія.

Отъ стр. 29 до 73 включительно, простирается философическій взглядъ на гордость, какъ губительный порокъ, и нравоучительный разсказъ, фактически подкрѣпляющій собою глубокомысленный взглядъ сочинителя на предметъ, самъ-по-себѣ довольно старый и избитый. Статья эта называется «Нищій»; въ ней трогательно и поучительно разсказано, какъ одинъ купецъ-милліонеръ разорился отъ гордости, пошелъ по міру, и какъ сочинитель «Комаровъ», вмѣстѣ съ добрыми своими пріятелями, помогъ ему, и тѣмъ пріобрѣлъ отъ него право разсказывать всѣмъ о своемъ благодѣтельномъ поступкѣ... Впрочемъ, какъ ни умилительно разсказанъ этотъ анекдотъ безъ всякаго содержанія, какъ ни высоко цѣнимъ мы талантъ г. Булгарина — разсказывать длинно о томъ, о чемъ совершенно нѣчего разсказывать, и какъ ни глубоко уважаемъ мы его усердіе повторить всѣмъ извѣстныя изъ азбукъ правила нравоученія, — однакожъ должно сознаться, что извѣстный сочинитель дѣтскихъ книгъ г. Борисъ Ѳ(Ѳ)едоровъ въ этомъ искусствѣ далеко превосходитъ г. Булгарина, и что онъ еще убѣдительнѣе могъ бы доказать вредъ, происходящій отъ такого ужаснаго порока, какъ гордость...

За «Нищимъ» слѣдуетъ «Метемпсихоза», въ которой фантазія господина-сочинителя «Комаровъ» развертывается во всемъ блескѣ радужныхъ лучей своихъ, выказываетъ всю свою затѣйливость, впрочемъ, такими выдумками, которыми она уже не разъ удивляла всѣхъ, и безъ особенныхъ отмѣнъ или новыхъ прибавленій противъ прежняго... Сочинитель, въ одно изъ своихъ многочисленныхъ странствованій по бѣлому свѣту, отправившись на корабль (кажется, изъ Испаніи, можетъ-быть, во времена Наполеона), на островъ, нашелъ тамъ жреца, который видитъ душу каждаго человѣка. Сочинитель говоритъ жрецу, что онъ заглядываетъ въ толстую книгу, выходящую ежемѣсячно, и каждый разъ видитъ тамъ похвалы литературному безкорыстію и проклятія литераторамъ, продающимъ литературные труды свои за деньги. Жрецъ успокоиваетъ сочинителя, увѣряя его, что издатель «толстой книги» выдаетъ ее не даромъ, а за деньги, и что, слѣдовательно, литературное безкорыстіе — вздоръ, и что всѣ издатели въ мірѣ похожи на него, господина-сочинителя... Утѣшившись этимъ пріятнымъ увѣреніемъ, сочинитель спрашиваетъ жреца о водевильстѣ, который поставилъ на сцену «Собачьи Кануры»: жрецъ ему отвѣчалъ, что «Собачьи Кануры» достойны всякаго уваженія, ибо изъ нихъ выносятъ пройдоха, герой извѣстнаго романа, и въ нихъ же получила свое начало *безкорыстная ли-*

Digitized by Google

тературная дѣятельность извѣстнаго рода... Тѣмъ все и кончается.

На 99 стр. «Комаровъ», у какого-то сочинителя, когда онъ что-то писалъ, убѣжала изъ головы мысль, которая всегда бѣгаетъ отъ него, когда онъ пишетъ. Потому статья и названа полицейскимъ терминомъ: «Бѣглая мысль». Когда реченный сочинитель кончилъ свое писаніе, мысль къ нему воротилась и разсказала свои «похожденія», какъ ее отвсюду гоняли. Статья эта отличается свойственнымъ г-мъ Булгарину игривымъ и граціознымъ остроуміемъ; *для доказательства этого*, намъ стоитъ сказать, что мысль, въ разговорѣ съ сочинителемъ, всегда называетъ его «папенькою», а *папенька* называетъ ее «бѣглянкою».

Когда мысль снова убѣжала отъ господина-сочинителя, онъ, безмысленный, отправился, на англійскомъ кораблѣ, путешествовать, и заѣхалъ къ антиподамъ, отъ-чего статья и получила затѣйливое и остроумное названіе «Путешествія къ антиподамъ на цѣлебный островъ». На этомъ островѣ, сочинитель-путешественникъ нашелъ всѣхъ своихъ враговъ, т. е. тѣхъ литераторовъ, которыхъ презрѣніе такъ оскорбляло его на этой сторонѣ земнаго шара. Но — о чудо! — всѣ эти литераторы, пожив на цѣлебномъ островѣ, совершенно излечились отъ своей благородной гордости, бросаются къ сочинителю на шею, нѣжно цалуютъ, обнимаютъ его, жмутъ ему руки, и хоромъ кричатъ, что онъ былъ правъ, совершенно правъ, говоря о нихъ въ одномъ и томъ же листкѣ будто-бы по сту различныхъ правдъ, и что они были виноваты, находя противорѣчія въ его о нихъ отзывахъ... Скромный и озадаченный неожиданностію такого пріема, сочинитель, едва успѣвалъ откланиваться и отцаловываться... Вотъ, *для образчика* этой сцены, одинъ отрывочекъ:

—«Чокнемся»—сказалъ, улыбаясь, *высокій карель, съ раздутымъ лицомъ*. «Вѣдь мы съ тобою были нѣкогда пріятелями, а прогнѣвался я на тебя въ припадкѣ болѣзни, когда ты не хотѣлъ признать меня преобразователемъ драмы и драматическаго искусства... драматургомъ—превыше Лопеса де Вега, Кальдерона, Шекспира и Шиллера!.. Ну, выпьемъ же... *благо есть случай выпить!*.. «Какой я геній»—*продолжалъ* ораторъ—«просто дюжинный писатель, на какихъ въ Германіи и во Франціи смотрѣть не хотятъ!.. А у насъ... вы же, господа журналисты, свели меня съ ума, хваля мои пустяки, за то, что я добрый малой... и даже заставляя книжниковъ платить мнѣ... Слава Богу... теперь я излечился, и вижу, что мнѣ надобно еще крѣпко поучиться русской грамотѣ... Но что толковать—обнимемся!..

Истинно-прекрасное литературное общество и по чувствамъ, и по тону!.. Ну, если бы кто-нибудь, забывъ, что это просто игра фантазіи г. Булгарина, вздумалъ увидѣть въ этомъ изображеніе русской литературы? Не правъ ли бы онъ былъ, сдѣлавъ заключеніе, что арена русской литературы грязнѣе Сѣнной Площади и Толкучаго-Рынка?..

«Путешествіе къ антиподамъ на цѣлебный островъ» замѣчательно еще и многими автобіографическими чертами, которыя дышутъ удивительною откровенностію... «Не дерзаю себя сравнивать ни съ Шатобріаномъ, ни съ Вальтеръ Скоттомъ, ни съ Байрономъ, ни *(даже)* съ Гюго и Дюма», говоритъ г. Булгаринъ (14 *стр.*): похвальная, хотя и неумѣстная скромность, ибо говорить, что между г. Булгаринымъ и такими людьми, какъ Вальтеръ Скоттъ и Байронъ — есть общее развѣ только въ томъ, что онъ, подобно имъ, не можетъ жить безъ пищи и воздуха, говорить это — значитъ утверждать съ важностію великую истину, что золото дороже глины... Равнымъ образомъ, кажутся намъ не совсѣмъ умѣстными фразы, въ родѣ слѣдующихъ: «по словамъ враговъ моихъ я — литературный *торгашъ, спекулянтъ*» — (стр. 123)... «Враги мои изображаютъ меня существомъ *змѣемъ горынычемъ*» (стр. 122) и тому подобныхъ... Не помнимъ, гдѣ

Digitized by Google

и когда называли враги г-на Булгарина такими незавидными именами. Мы думаемъ даже, что едвали бы возможно было напечатать такіе рѣзкіе эпитеты. Это, должно быть, просто выдумка. Но мы никакъ не можемъ понять странное расположеніе въ г. Булгаринѣ выдумывать подобныя вещи, или принимать на свой счетъ все, что говорится дурнаго въ литературномъ смыслѣ о комъ-нибудь вообще... Намъ кажется также невѣрнымъ извѣстіе, сообщаемое г-мъ Булгаринымъ на 122 - 123 страницѣ «Комаровъ», именно: «Люди стали отыскивать то зло, которое я, по мнѣнію враговъ моихъ, надѣлалъ на земномъ шарѣ — и не нашли вовсе ни обманутыхъ, ни оклеветанныхъ, ни ограбленныхъ мною, этимъ змѣемъ-горынычемъ»... Это извѣстіе вдвойнѣ несправедливо: во-первыхъ, зло на земномъ шарѣ могутъ дѣлать только Чингисъ-Ханы и Аттиллы, а не частные люди, кругъ дѣятельности которыхъ ограниченъ «Сѣверною Пчелою» и «Экономомъ»; во-вторыхъ, люди больше думаютъ о себѣ и своихъ дѣлахъ, и имъ нѣкогда терять времени на справки о томъ, о чемъ не стоитъ труда справляться... А вотъ, когда г. Булгаринъ благодаритъ за распространеніе его извѣстности, и въ Россіи и за границею, — это дѣло, и тутъ есть за что благодарить: слава г. Булгарина гремитъ и за границею...

Съ стр. 155 до конца книжки, разсыпана разная мелочь, которая весьма удивила и обрадовала насъ. Глядимъ — и не вѣримъ глазамъ своимъ: старые знакомцы! Дѣло въ томъ, что два послѣднія отдѣленія «Комаровъ», названныя у господина-сочинителя «Комариками» и «Комарьими Вѣстями», состоятъ въ отдѣльныхъ, краткихъ и отрывочныхъ статьяхъ, изъ которыхъ первыя отличаются свойственною г-ну Булгарину глубокостію философическаго созерцанія, а вторыя — свойственнымъ ему остроуміемъ. Первыя суть нѣчто въ родѣ афоризмовъ и полиметровъ Жанъ-Поля Рихтера (*), а вторыя — въ родѣ сатирическаго вестника, вторично изданнаго Страховымъ въ 1795 году, подъ титуломъ: «*Сатирическій Вѣстникъ, удобоспособствующій разглаживать намарщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, щеголовъ и прочаго состоянія людей*». Въ томъ и другомъ отдѣленіи, талантъ г. Булгарина торжествуетъ рѣшительно, и можно съ достовѣрностію сказать, что никогда еще не поднимался онъ до такой высоты. Но что удивило и обрадовало насъ, — это явное и несомнѣнное сходство въ тонѣ, замашкѣ и мыслительности «Комариковъ» и «Комарьихъ Вѣстей» съ нашими старыми знакомцами — «Сатирическими Вѣдомостями», которыми остроумный А. Измайловъ, ровно *двадцать лѣтъ* назадъ тому, украшалъ свой журналъ «Благонамѣренный». Сравните, если угодно, то и другое.

Комарики.

Знаменитый польскій магнатъ XVIII вѣка, Карлъ Радзивилъ, воевода виленскій, чрезвычайно любилъ шутки и нелѣпую и забавную ложь, въ родѣ *не любо не слушай, а лгать не мѣшай*. Однажды спросилъ у него король польскій, Станиславъ Понятовскій: «Жива ли, князь, ваша знаменитая борзая собака, о которой вы намъ разсказывали чудеса?» — Жива, В. В., но ослѣпла. — «Такъ уже она больше не можетъ ловить зайцевъ дюжинами?» произнесъ король. — Извините, В. В., отвѣчалъ Радзивилъ: слѣпота не мѣшаетъ. Выѣзжая на охоту, я привязываю на шею моей слѣпой борзой собакѣ зрячую болонку (...) и дѣло идетъ по прежнему».

(*) Жаль только, что г. Булгаринъ уступаетъ Жанъ-Полю въ фактической учености: на 200-й страницѣ «Комаровъ» г. Булгаринъ слова Шиллера о Тилли: «Er lachte niemals — онъ никогда не смѣялся» отнесъ къ Валленштейну... Но это маленькій недосмотръ — не больше: вѣроятно, за многосложностію разнообразныхъ занятій, г. Булгарину нѣкогда было справиться хотъ съ исторіею г. Кайданова.

Digitized by Google

Сатирическія Вѣдомости.

Никто не лжетъ съ такою смѣлостію, неустрашимостію и рѣшительностію, какъ помѣщикъ нашъ, отставной ротмистръ *Пулинъ*. На сихъ дняхъ разсказывалъ онъ, что въ послѣднюю турецкую войну, при императрицѣ Екатеринѣ II, какой-то лихой наѣздникъ, одѣтый въ кольчугу, срубилъ ему булатною саблею голову. «А я — продолжалъ г. Пулинъ — выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета, попалъ ему прямо въ сердце и убилъ до смерти — соскочилъ съ коня, поднялъ свою голову и *поцѣловалъ* ее....» *(чьмъ?)* Всѣ захохотали. Спросите покойника NN. — сказалъ Пулинъ — онъ былъ при этомъ свидѣтелемъ и не дастъ мнѣ солгать». («Благонамѣренный» *1823. Ч. XXIII. стр. 131).*

Комарьи Вѣсти.

Нужны обойщикъ и столяръ *для* меблировки головы моднаго франта. Работы много: пространство огромное и совершенно пустое.

—

На границѣ большаго свѣта учреждается таможня — и тогда изъ многихъ *призванныхъ* будетъ мало *избранныхъ*, т. е. вопреки тому, что иногда дѣлается.

—

Сбѣжала *аккуратность* въ исполненіи условій; кто отыщетъ ее, тому будетъ дано приличное награжденіе.

—

Оказалась здѣсь повальная болѣзнь, называемая *ленью*, а потому и объявляется сим каждому, *для* принятія предосторожности отъ заразы.

—

Потребна прачка *для* стирки и глаженія сочиненій юныхъ геніевъ и бальныхъ поэтовъ.

—

Желающіе избавиться отъ умныхъ иностранныхъ книгъ, могутъ отдать ихъ здѣшнимъ *переводчикамъ*. Они *переведутъ* ихъ успѣшнѣе, нежели *переводятъ* крысъ и мышей.

—

Нужно большое количество *крючковъ*. Желающіе поставлять оные благоволятъ явиться къ *понеже* и *поелику*.

—

За отъѣздомъ продается пара сѣдыхъ подъячихъ, годныхъ на всякую черную работу.

Сатирическія Вѣдомости.

Потребенъ *для* отъѣзда въ деревню съ однимъ изъ здѣшнихъ стихотворцевъ слушатель крѣпкаго сложенія и испытаннаго терпѣнія. Явиться въ какую-нибудь изъ книжныхъ лавокъ.

—

Потребна *для* Сидора Сидоровича *Жидоморова* домоправительница, или кухарка съ умѣреннымъ аппетитомъ, которой обѣщаетъ онъ значительную пенсію, если прослужитъ добропорядочно до его кончины и притомъ безъ всякой денежной платы. («*Благонам.*» *1823 г. Ч. XXIII, стр. 132*).

—

Потребна актриса *для* роли *львицы* въ драмѣ: *Джонъ, или Добродѣтельный Иванъ*. Явиться на пробу въ маленькій лубочный театръ, что на Невѣ у ледяныхъ горъ.

—

Потребны *для* мелочныхъ критиковъ здравый смыслъ и нѣсколько совѣсти. Спросить въ книжныхъ ларкахъ. («*Благонам.*» *1823 г. Ч. XXI., стр. 314*).

Предоставляемъ судить самимъ читателямъ, кто остроумнѣе, въ своихъ сатирическихъ bon-mots — г. Булгаринъ, или г. Измайловъ; что касается до насъ, мы думаемъ, что оба они остроумнѣе, т. е. оба лучше. Замѣтимъ при этомъ, какъ видимъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, даже самыхъ ничтожныхъ, перстъ судьбы неотразимый: покойный Измайловъ не любилъ «Отечественныхъ Записокъ», издававшихся тогда основателемъ ихъ П. П. Свиньинымъ, — и надо же было судьбѣ сдѣлать такъ, чтобъ Измайловъ, вмѣстѣ съ остроуміемъ своимъ, передалъ г. Булгарину, какъ-будто по наслѣдству, и свое нерасположеніе къ «Отеч. Запискамъ»!... Странные, право, случаи бываютъ на свѣтѣ!

Выписываемъ еще два, особенно замѣчательные, образчика остроумія господина-сочинителя «Комаровъ».

«Хозяева домовъ чрезвычайно жалуются, что съ-тѣхъ-поръ, какъ появилась на сценѣ комедія-подевиль *Петербургскія Квартиры*, никто не нанимаетъ квартиръ, опасаясь, что онѣ также дурны, какъ и эта комедія.

Digitized by Google

Чудное дѣло! Дадись же сочинителю «Комаровъ», эти «Петербургскія Квартиры»: вотъ уже ровно въ двадцать-первый разъ упоминаетъ онъ о нихъ, въ своей книжкѣ!... это не даромъ!...

«Помните ли вы, какимъ образомъ Сикстъ V заставилъ избрать себя въ папы? Онъ притворился хилымъ, хворымъ, полуглухимъ, полуслѣпымъ и выжившимъ изъ ума, т. е. не опаснымъ никому и близкимъ къ очисткѣ вакансіи. Послѣ избранія, онъ выпрямился и появился въ свѣтъ здоровымъ, веселымъ и умнымъ. Когда близкій къ папѣ человѣкъ изъявилъ свое удивленіе на счетъ этой внезапной перемѣны, папа отвѣчалъ: «Еслибъ я зналъ, что меня можно отрѣшить отъ мѣста — я бы не перемѣнился послѣ моего возвышенія!»

Зарубите на стѣнку это, господа, кому вѣдать о семъ надлежитъ!

Предоставляя другимъ отъискивать таинственный смыслъ этихъ угрожающихъ и не совсѣмъ понятныхъ словъ, — съ своей стороны, объявляемъ тому, *кому сіе вѣдать надлежитъ*, что «Отечественныя Записки», также нацѣреваются, въ отдѣленіи смѣси, прибавить постоянную статью, въ юмористическомъ тонѣ, на-манеръ «Комаровъ» г. Булгарина. Цѣль ихъ — показать, *кому сіе вѣдать надлежитъ*, какъ должны писаться статьи такого рода. Общее названіе статьи будетъ видно тогда, когда появится самая статья... Не въ ожиданіи будущаго, представляемъ на первый разъ маленькій образчикъ назидержку, что попалось подъ-руку изъ приготовленнаго запаса:

«Писатели которые надѣются жить въ потомствѣ, всего менѣе хлопочутъ о томъ, что и какъ думаютъ о нихъ современники; рѣшеніе вопроса о своей личности и своихъ твореніяхъ предоставляютъ они времени. Такіе писатели иногда ведутъ подробныя записки своей жизни, и ихъ не смущаетъ мысль, что эти записки могутъ быть напечатаны только послѣ ихъ смерти... Напротивъ, чѣмъ ничтожнѣе и эфемернѣе писатель, тѣмъ раздражительнѣе его самолюбіе, тѣмъ неугомоннѣе его печатныя драки съ мнимыми его врагами. Во всякой брани, хотя бы ему случилось услышать ее на площади, или на рынкѣ, онъ видитъ личности на себя,—и мститъ, отрызаясь площадною бранью. Когда онъ увидитъ, что книжные продукты его забыты и поступили грудами на толкучіе рынки, что извѣстность его поддерживается только его же бранью и литературною клеветою на другихъ, что репутація его, какъ плохаго сочинителя утверждена на прочныхъ основаніяхъ, путь къ разживѣ посредствомъ книжнаго шарлатанства пресѣченъ: тогда ему остается одно —писать книжонки о самомъ-себѣ, о своихъ сочиненіяхъ; прикидываться жертвою зависти, происковъ, интригъ... Но эта продѣлка ему уже не поможетъ, а развѣ еще больше повредитъ, ибо для него только одно могло еще быть спасеніемъ: молчаніе — въ надеждѣ, что его такъ же скоро забудутъ, какъ скоро забыли его маранья, которыя онъ съ такою смѣлостью предавалъ тисненію.

Нравится ли вамъ этотъ отрывочекъ?...

Кончивъ все о «Комарахъ», перейдемъ къ «Картинкамъ Русскихъ Нравовъ».

Соревнованіе — великій движитель промышлености и всякаго совершенствованія. Успѣхъ «Нашихъ» г. Башуцкаго возбудилъ въ г. Булгаринѣ стремленіе — пріобрѣсти успѣхъ еще большій. И вотъ для этого онъ далъ двѣ весьма-посредственныя статейки свои (изъ стараго, давнымъ-давно напечатаннаго хламу) — «Салоница» и «Корнетъ» для прекрасныхъ рисунковъ г. Тима: а г. Тимъ, въ свою очередь, къ весьма-посредственнымъ статейкамъ г. Булгарина, приложилъ свои прекрасные рисунки, сдѣланные имъ съ гораздо-большимъ стараніемъ, чѣмъ его же рисунки къ «Нашимъ», — отъ-чего и вышли двѣ маленькія, плохо изданныя книжечки. Нечего говорить, что для чего здѣсь употреблено — текстъ для картинокъ, или картинки для текста, и соотвѣтствуетъ ли одно другому. Разумѣется, всякій полюбуется картинками, а читать текста ужь вѣрно не будетъ.

Что же касается до «Сказки о славномъ витязѣ, храбромъ и могучемъ богатырѣ, Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ, о прекрасной царевнѣ Свѣтло-

Digitized by Google

видѣ и о *веселомъ другѣ медвѣдя*», — эта вещь весьма нелѣпая, что уже видно изъ самаго ея заглавія, и столь же дурно изданная, сколь хорошо изданы «Картинки Русскихъ Нравовъ». Скромный авторъ «Сказки» не выставилъ своего имени: и хорошо сдѣлалъ! Имя его, вѣроятно, не такъ еще извѣстно, чтобъ онъ имѣлъ право выставлять его, и въ книжонкѣ своей жаловаться на враговъ, завистниковъ, клеветниковъ, или распространяться о своей добродѣтели, своихъ заслугахъ, своихъ талантахъ и своихъ сочиненіяхъ. И потому, вся его книжонка не многимъ развѣ нелѣпѣе иной сочинительской апологіи самому себѣ, за то, гораздо благопристойнѣе ея и назидательнѣе...

152) Мужъ въ Бѣдѣ, *или безъ вины виноватъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе* И. Соколова. *Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1842. Въ 12-ю д. л. 106 стр.*

Г. Соколовъ даритъ насъ новымъ произведеніемъ своего генія. Г. Соколовъ отличнѣйшій сочинитель! Онъ началъ свое литературное поприще романомъ, въ которомъ содержалось нѣсколько пошлостей. Но романъ не имѣлъ успѣха даже и въ рукахъ ходебщиковъ. Плохое дѣло! Тогда г. Соколовъ случайно написалъ водевильчикъ. Это жалкое стряпанье г. Соколова поставили на сцену, и съ-тѣхъ-поръ онъ рѣшился сдѣлаться *россійскимъ* Скрибомъ. Г. Соколовъ, какъ извѣстно, пишетъ водевили и комедіи, въ которыхъ выводитъ на сцену комическіе характеры и подшучиваетъ надъ современными нравами и обычаями. Благое намѣреніе поучать, забавляя! Г. Соколовъ, конечно, достигъ бы своей цѣли, еслибъ его произведенія не были похожи на дождевые пузыри, которые являются изъ ничего, дуются и пыщутся изъ ничего, и, лопнувъ въ свое время, даже безъ звука, превращаются въничто. Вмѣсто характеровъ, которые онъ беретъ описывать, являются пустыя фразы подъ пышнымъ титуломъ Колпаковыхъ, купеческихъ сынковъ, Цыганокъ и т. п. Взгляды на современные нравы также удивительно глубоки, вѣрны и оригинальны. Они заключаются въ подробномъ докладѣ о пустякахъ, которые явились нынѣ, и которыхъ не было въ прошедшемъ году. Если, напримѣръ, вы купили себѣ новую шляпу, г. Соколовъ тотчасъ воскликнетъ: «Нынѣ свѣтъ ужъ не таковъ!» Эту фразу г. Соколовъ треплетъ на различные манеры, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Что же касается до остротъ, шуточекъ, злыхъ намековъ и сарказмовъ, которыми усѣяны высы нашего Скриба, то о достоинствѣ ихъ можно судить по тому впечатлѣнію, которое производятъ они на читателя. Это впечатлѣніе—то же самое, которое обыкновенно испытывается, когда хнычетъ капризный ребенокъ: за душу тянетъ! какъ говорятъ простолюдины. Вотъ для примѣра образчикъ сочиненій нашего драматурга, изобилующій всѣми вышеперечисленными достоинствами: «Андрей Андреевичъ Колпаковъ имѣетъ супругу Катерину Ивановну. Катерина Ивановна безпрестанно твердитъ, что мужъ ея извергъ, злодѣй, убійца, тиранъ, аспидъ, вѣроломный; а Андрей Андреевичъ, онъ же и «мужъ въ бѣдѣ», въ свою очередь возглашаетъ на разныя манеры: «успокойся, матушка, голубушка, Катерина Ивановна; жена моя чистое золото!» Изъ этого вы должны понимать, что мужъ добрякъ и простофиля, а его супруга очень-ревнива. Въ отсутствіе мужа, Катерина Ивановна перехватываетъ адресованное къ нему письмо, въ которомъ значится, что Андрей Андреевичъ есть похититель дочери нѣкоего Ивана Собакина, и раздраженный отецъ вызываетъ похитителя на *кровавый* поединокъ. Катерина Ивановна «приходитъ въ бассію», и повторяетъ вышеперечисленныя слова предъ явившимся мужемъ; мужъ, не понимая въ чемъ дѣло, тоже повторяетъ вышеписанныя рѣченія. Является на сцену

Digitized by Google

Коркинъ, братъ Катерины Ивановны, пустѣйшая фраза, которая даже и не восклицаетъ. Коркинъ докладываетъ Катеринѣ Ивановнѣ, что у Андрея Андреевича есть молодой племянникъ, тоже Андрей Коркинъ, слѣдовательно, письмо относится не къ дядѣ, а къ племяннику; этою мыслію онъ успокоиваетъ ревность Катерины Ивановны, которая тутъ же уходитъ. Коркинъ учитъ Андрея Андреевича обращаться съ женою и Андрей Андреевичъ тоже уходитъ, остается одинъ Коркинъ. Вдругъ къ нему приходитъ самъ майоръ Собакинъ. Онъ пришелъ стрѣляться съ Андреемъ Андреевичемъ. Съ Коркинымъ майоръ давно знакомъ, и они завели интересный разговоръ о томъ, что нынѣ все не такъ, какъ было прежде. Коркинъ узнаетъ причину прихода Собакина и старается его вразумить, вывесть изъ заблужденія. Собакинъ и слушать не хочетъ, и вслѣдствіе этого они уходятъ гулять. Является на сцену Андрей Андреевичъ, а къ нему прибѣгаетъ Валерія, дочь Собакина, убѣжавшая отъ родителя, и проситъ у Колпакова покровительства. Въ это время входитъ Катерина Ивановна и, увидѣвъ Валерію, опять ревнуетъ и кричитъ, что мужъ ея варваръ и убійца. Собакинъ съ Коркинымъ возвращаются съ прогулки, и майоръ, не слушая никакихъ объясненій, тащитъ Андрея Андреевича на *кровавый* поединокъ. Входитъ и молодой Колпаковъ, любовникъ Валеріи, и дѣло объясняется. Теперь Собакинъ хочетъ непремѣнно стрѣляться съ племянникомъ, а онъ проситъ руку Валеріи. Собакинъ и слышать не хочетъ: онъ просваталъ дочь свою за нѣкоего Гуслистова, и требуетъ, чтобъ молодой Колпаковъ скорѣй бралъ пистолетъ. Какъ тутъ быть? Но вотъ, deus ex machina во-время является, чтобъ разсѣять эту кучу столпившихся фразъ, приходитъ письмо изъ Петербурга; въ письмѣ Гуслистовъ отказывается отъ Валеріи, по причинѣ болѣзни. Дождевой пузырь лопается, и вы бросаете книжку г. Соколова подъ столъ... Г. Соколовъ остритъ надъ современными нравами вотъ какъ:

Свѣтъ испортился совсѣмъ;
Пѣтъ въ мужчинахъ сожалѣнья,
Нынѣче женятся затѣмъ,
Чтобъ съ женою взять имѣнье.

Еще:

Нѣтъ, теперь не то, что прежде

Еще:

Нынѣче смотрятъ всѣ въ лорнетки;
Журналисты все бранятъ,
И московскія кокетки
Всѣ невинными глядятъ.

Не правда ли, что все это очень-остро и полно ѣдкости и желчи? Г. Соколовъ хочетъ иногда чѣмъ-нибудь этакимъ высокимъ заняться и пофилософствовать, напр.:

Ее, братъ, не раскусишь вдругъ.
Чтобъ сердце женщины постигнуть,
Стараться надобно, мой другъ,
Во *внутренность* ея проникнуть.
Ихъ умъ на хитрости великъ,
Нельзя ихъ обморокамъ вѣрить.

Но, увы! свѣтская чернь никогда не пойметъ г. Соколова! Авторъ «Мужа и Бѣдъ» въ послѣднемъ куплетѣ своей комедійки проситъ всѣхъ поснисходительнѣе быть къ его произведенію. Движимые чувствомъ человѣколюбія и снисходя къ несчастному автору, мы рѣшились написать этотъ длинный разборъ книжки, которая, если сказать правду, не стоитъ и десяти словъ.

153) **Найденышъ**, *или Тѣнь (!) требующая отмщенія. Волшебная мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ (?).* Н. Г. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. Въ 8-ю д. л. 56 стр.*

Не успѣли мы справиться съ г. Соколовымъ, какъ вотъ уже является г. Н. Г., *съ пѣніемъ, танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ*. Господинъ Н. Г. шутить не любитъ: онъ хочетъ поучать трогая и ужасая. «Найденышъ»

Digitized by Google

уже не то, что «Мужъ въ Бѣдѣ», — такія ужасти! Здѣсь есть и дикія мѣстоположенія, и каналы, и колокола звучащіе, и окровавленныя руки, указывающія на огненныя слова: но самый ужасный предметъ, неоспоримо — чортъ, читающій уроки нравственнаго любомудрія. Есть также очень-чувствительныя вещи, какъ-то: слезы, ахи, охи, невинныя жертвы; но самый трогательный предметъ составляетъ самъ «Найденышъ», мальчикъ Теодоръ, который несетъ возвышенную и великолѣпную дичь. Для полноты эффекта, авторъ сочинилъ 23 сорта музыки. 14 сортовъ ничѣмъ не отличены — это все простыя, обыкновенныя музыки. 15-й сортъ называется *пріятная музыка*. 16-й сортъ называется *печальная музыка*, подъ которую хнычетъ Теодоръ. Потомъ опять обыкновенныя музыки. 22-й сортъ — *музыка громкая* и, наконецъ 23-й сортъ — *музыка* опять *пріятная*. Плачьте и ужасайтесь!

154) Рококо, *или выборъ изъ 333 повѣстей, драматическихъ пьесъ, историческихъ отрывковъ и разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Изд.* А. Волковымъ. *Книжка первая.* Изданіе второе, *умноженное. Москва. 1842. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. Въ 12-ю д. л. 83 стр.*

Опять является «Рококо», съ своими отборными пьесами лучшихъ писателей. Спекуляція съ удивительно-смѣлыми претензіями, бойкій разсчетъ на карманы! «Рококо» убѣдительно доказываетъ истину латинской пословицы: quandoque bonus dormitat Homerus. Въ этомъ выборѣ лучшихъ пьесъ изъ лучшихъ авторовъ вы можете увидѣть, какъ иногда лучшіе писатели сочиняютъ плохія вещи. Если избиратель имѣлъ въ виду эту благую цѣль, то онъ достигъ ея совершенно. Нельзя выбрать худшихъ пьесъ изъ сочиненій лучшихъ писателей. Что же касается до языка, которымъ переданы эти пьесы, это тотъ же самый языкъ, что былъ и прежде, — тягучій, вялый, безжизненный. Оно, конечно, такъ и должно быть. Форма не должна разногласить съ содержаніемъ. Нѣтъ, милостивые государи, какъ угодно, а это шутка плохая и вовсе не остроумная. Пора бы оставить неудавшуюся спекуляцію.

155) Библіотека Романовъ, *повѣстей, путешествій и записокъ, издаваемая* Н. Н. Улитинымъ. *Выпускъ третій. Томъ первый* (Неизвѣдомая. *Романъ въ двухъ частяхъ*). *Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1842. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 138, во II-й — 124 стр.*

— Библіотека Романовъ, *повѣстей, путешествій и записокъ, издаваемая* Н. Н. Улитинымъ. *Выпускъ третій. Томъ второй и третій* (Фамилія Кастальскихъ. *Романъ въ трехъ частяхъ*). *Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1842. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 126, во II-й — 88, въ III-й — 124 стр.*

Мы не знаемъ, въ состояніи ли будемъ сказать что-нибудь о двухъ романахъ третьяго выпуска «Библіотеки» Н. Н. Улитина... Мы въ ужасномъ волненіи... До насъ дошли ужасные слухи... Прислушайтесь, почтенные читатели. Говорятъ, что въ нѣкоемъ журналѣ, котораго никто не читаетъ, нѣкій критикъ, который, за неимѣніемъ читателей, пишетъ для собственной потѣхи, желая доказать одно изъ своихъ мнѣній, прибѣгнулъ къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ: заставилъ всѣмъ извѣстнаго, почтеннаго, знаменитаго баснописца прыгать черезъ березу и стрѣлять изъ ружья въ прохожихъ!!!... Вѣрить ли такому остервенѣнію критика, пишущаго для своей собственной персоны? Я не читалъ этой статьи... я не чтецъ *образцовыхъ*: но мнѣ сказывали вѣрные люди, которые тоже не читали, но слышали... отъ самого автора критической статьи. Эта новость сильно взволновала насъ и мы рѣшительно не знаемъ, что сказать о «Библіотекѣ» Н. Н. Улитина. Развѣ искренно пожелать критику,

Digitized by Google

пишущему для своей собственной персоны, того, что Сучковъ хотѣлъ учинить съ Кастальскимъ, но что, по волѣ судьбы. Кастальскій учинилъ съ Сучковымъ («Фамилія Кастальскихъ», часть 3, стр. 86, 87 и 88)?.. Искренно желаемъ!

156) Повѣсти въ Стихахъ Елисаветы Шаховой. *Спб. Въ типографіи Конрада Вингебера и сына. 1842. Въ 8-ю д. л. 167 стр.*

157) Ѳкофилъ, *духовная повѣсть. Соч.* Е. Алипанова. *(Изданіе второе). 1842. Спб. Въ типографіи Е. Алипанова. Въ 16-ю д. л. 42 стр.*

158) Воинныя *(я)* Пѣсни. *Соч.* Е. Алипанова. *(Изданіе второе) Спб. Въ типографіи Е. Алипанова. Въ 16-ю д. л. 62 стр.*

159) Досуги Для Дѣтей. *Соч.* Е. Алипанова. (*Изданіе второе*). *Спб. 1842. Въ 16-ю д. л. 60 стр.*

Прочитавъ стихотворныя повѣсти г-жи Шаховой, мы убѣдились, что писать повѣсти стихами гораздо-легче, нежели читать ихъ. Мы думаемъ — это отъ-того, что проза должна писаться прозою, а не стихами, въ доказательство чего и приводимъ слѣдующее мѣсто:

Мазурка—танецъ обольщеній,
Восторговъ, суетныхъ побѣдъ,
Ты праздникъ бальныхъ вдохновеній,
Зачинщикъ сердца тайныхъ бѣдъ:
Ты просто *мирный* возмутитель,
Забавникъ, вѣтренникъ и льстецъ,
Ты невозбранный покровитель
Соединенія сердецъ!
И я мазуркѣ дань платила,
Но не притворно весела
Отъ чудодѣйки отходила
Всегда бездушнѣй, чѣмъ была.
Вся эта суетность смятеній
Душѣ докучна и чужда,
Но я для бальныхъ приключеній
Люблю мазурку иногда.
Люблю и въ вихрь ея вдаваться,
Въ причудныхъ вымыслахъ тонуть,
Чтобъ послѣ многому смѣяться
И слаще дома отдохнуть.
(*Стр.* 71 - 72).

Мы увѣрены, что многое непонятное въ этихъ стихахъ было бы понятно въ прозѣ, гдѣ для рифмы и мѣры не надо жертвовать смысломъ...

Мужичокъ Алипановъ рѣшительно пошелъ въ *сочинители*! Чтобъ удобнѣе подвизаться на этомъ веселомъ поприщѣ, онъ завелъ типографію и, въ качествѣ ея хозяина, который самъ-себѣ голова, смѣло ставитъ на своихъ дрянныхъ книжонкахъ «второе изданіе», издавая ихъ только въ первый разъ.

160) Мечта. *Разсказъ въ стихахъ. СПб. Въ тип. Карла Крайя. 1842 г. Въ 16-ю д. л. 32 стр.*

Дѣдушка Готлибъ хотѣлъ женить своего внука Роберта на Джульетѣ; Робертъ согласился, но вышедъ въ поле погулять, увидѣлъ «дѣву неземную» и влюбился въ нее. Когда «неземная дѣва» исчезла, Роберту представъ «неземной старецъ» и отрекомендовался ему въ качествѣ «Разума», предостерегая отъ обаяній лукавой «Мечты». Робертъ ходитъ къ невѣстѣ, а самъ все болѣе и болѣе влюбляется въ «Мечту»; наконецъ, старикъ «Разумъ» кое-какъ прогоняетъ мечту; но Джульетѣ, невѣстѣ Роберта, отъ этого не легче: Робертъ, лишившись своей «Мечты», зачахъ и умеръ съ горя. Вся эта аллегорія написана дактилями и амфибрахіями въ пять стопъ и четыре стопы. Въ стихахъ проблескиваютъ иногда искорки чувства; но фактура стиховъ обнаруживаетъ въ поэтѣ человѣка, который еще или не успѣлъ, или уже опоздалъ овладѣть языкомъ и стихомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, мысль — писать аллегорію стихами, можетъ прійдти въ голову или дитяти, которому еще много времени впереди, чтобъ исправиться отъ аллегорическаго направленія, или старику, который помнитъ еще блаженныя времена «Вѣстника Европы» и живетъ въ нихъ душою...

161) Гайдамаки. *Поэма* Т. Шевченка (о?). *Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. А. Сычева. Въ 8-ю д. л. 151 стр.*

Digitized by Google

читатели «Отеч. Записокъ» извѣстно мнѣніе наше на счетъ произведеній такъ-называемой малороссійской литературы. Не ставемъ повторять его здѣсь, и только скажемъ, что новый опытъ *сказаній* г. Шевченка, привилегированнаго, кажется, малороссійскаго поэта, убѣждаетъ насъ еще болѣе, что подобнаго рода произведенія издаются только для услажденія и назиданія самихъ авторовъ: другой публики у нихъ, кажется, нѣтъ. Если же эти господа *кобзари* думаютъ своими *поэмами* принести пользу низшему классу своихъ соотчичей, то въ этомъ очень ошибаются: ихъ поэмы, не смотря на обиліе самыхъ вульгарныхъ и площадныхъ словъ и выраженій, лишены простоты вымысла и разсказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всѣмъ плохимъ пѣвцамъ, — часто нисколько не народны, хотя и подпираются ссылками на исторію, пѣсни и преданія, — и слѣдовательно, по всѣмъ этимъ причинамъ — онѣ непонятны простому народу и не имѣютъ въ себѣ ничего съ нимъ симпатизирующаго. Для такой цѣли было бы лучше, отбросивъ всякое притязаніе на титло поэта, разсказывать народу простымъ, понятнымъ ему языкомъ о разныхъ полезныхъ предметахъ гражданскаго и семейнаго быта, какъ это прекрасно началъ (и жаль, что не продолжалъ) г. Основьяненко въ брошюрѣ своей «Лысты до любезныхъ земляковъ». А то, пожалуй, какой-нибудь волостной мудрецъ-писарь (только не Шельменко), прочтя ваши «сочиненія», отвѣтитъ вамъ вашими же словами:

Теплый кожухъ, тилько шкода,
Не ва мене мятый,
А розумне ваше слово
Брехнёю подбыте. (Гайдамаки, стр. 11.)

Что касается до самой поэмы г-на Шевченко — «Гайдамаки», здѣсь есть все, что подобаетъ каждой малороссійской поэмѣ: здѣсь Ляхи, Жиды, казаки; здѣсь хорошо ругаются, пьютъ, бьютъ, жгутъ, рѣжутъ; ну, разумѣется, въ антрактахъ кобзарь (ибо безъ кобзаря какая-жъ малороссійская поэма!) поетъ свои вдохновенныя пѣсни, безъ особеннаго смысла, а дивчина плачетъ, а буря гомонитъ... Вотъ образчики:

Одчинай проклятый Жиде!
Бо будешъ битый, одчинай!
Ламайте двери поки выйде,
Вихна посыпались, «стрывай!
«Стрывайте заразъ»,—«нагами
«Свыняче ухо, жиртувать
«Чи що ты хочишъ!? Я! съ панами?
«Крый Боже заразъ! Дайте встать
«Ясновельможни (вышкомъ свыни)
«Пани полковнику ламай»,
Упалы двери... анагай
Малюе вздовжъ жидивску спыну,
«Здоровъ свыне, здоровъ жиде,
«Здоровъ чортивъ сыну.»
Та—нагаемъ, та нагаемъ
А жидъ зогнувъ спыну
«Не жиртуйте мости пане.»
«Добривечыръ, въ хату!
«Ще разъ шельму, ще разъ годи!
«Выбачай проклятый,
«Добри вечыръ, а де дочка?
«Умерла панове»,
«Лжешь іудо, нагами!
Посыпалысь знову... и т. д.

Не правда ли, какая меткая кисть въ описательной природѣ? Этой картинѣ посвящена цѣлая глава: *Конфедераты*. — А вотъ нѣчто въ родѣ чувствительно-нѣжномъ. Страстный любовникъ, Яремо, пришелъ на свиданіе къ своей возлюбленной: но ея еще нѣтъ. Яремо, по сему случаю, воетъ элегію на цѣлой страницѣ, и уже собирается умирать, какъ вдругъ — шелестъ:

Попидъ гаемъ мовъ ласочка
Крадыця Оксана.
Забувъ, побигъ, обнялыся.
«Серце...» тай зомлилы
Довго, довго, тилько «серце»
Тий звову нимилы.

Яремо говоритъ:

«Годи пташко»,

Оксана:

«Ще трошички,
Ще... ще... сызокрылый,
Выймы душу... ще разъ... ще разъ...
Охъ, лихъ я втомилася». (Стр. 29).

Digitized by Google

Опять картина, и какая живая! Вотъ ужь подлинно, говоря поэтическимъ языкомъ самого господина-сочинителя: *ушкварила!*

Изданіе наполнено всевозможными ошибками противу знаковъ препинанія, какъ это отчасти видно изъ приведенныхъ примѣровъ, гдѣ, для соблюденія смысла, мы принуждены были поставить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свои знаки.

162) Кесари. *Сочиненіе* Ф. де-Шампаньи. *Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 225 стр.*

Переводъ прекраснаго сочиненія Шампаньи есть истинный подарокъ русской литературѣ, столь бѣдной хорошими историческими сочиненіями. Можетъ-быть, мы поговоримъ по-подробнѣе, въ отдѣлѣ «Критики», объ этомъ важномъ произведеніи; теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что переводчикъ заслуживаетъ благодарность сколько за выборъ книги для перевода, столько и за прекрасное выполненіе своего труда. Правда, можно замѣтить въ иныхъ мѣстахъ перевода небрежности, въ другихъ невѣрность выраженій и словъ, какъ на-пр.: выражавшее у Римлянъ презрѣніе слово Graeculus — *Гречоноко* (какъ мы говоримъ *Французишка*, *Нѣмчура*), переводчикъ перевелъ *маленькимъ Грекомъ* (стр. 92); *претендентовъ* онъ называетъ *претендателями* (стр. 99), *актера — лицедѣемъ* и т. п.; но это мелочи въ-сравненіи съ общимъ достоинствомъ перевода — живаго, бойкаго, одушевленнаго, легкаго, свободнаго и яснаго. Изданіе книги опрятно, и было бы даже красиво, еслибъ не было изуродовано множествомъ прописныхъ буквъ, безъ нужды и безъ смысла поставленныхъ въ уваженіе старинной схоластической орѳографіи «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». Корректура тоже не совсѣмъ исправна.

163) Часы Выздоровленія(.) *Стихотворенія* Александра Полежаева. *Москва. Въ тип. А. Ефремова. 1842. Въ 12-ю д. л. 67 стр.*

По поводу этой книжки, мы подробно говорили о Полежаевѣ и его стихотвореніяхъ въ отдѣлѣ «Критики» этого нумера «Отеч. Записокъ». Въ «Часахъ Выздоровленія» нѣтъ никакихъ признаковъ душевнаго и поэтическаго выздоровленія, а замѣтенъ скорѣе совершенный упадокъ силъ замѣчательнаго и нѣкогда сильнаго таланта. Лучшія пьесы въ «Часахъ Выздоровленія» — «Узникъ»; но, во-первыхъ, она невыдержана, и стихи въ ней наполовину превосходны, на-половину плохи; а во-вторыхъ, она не новость, потому-что была напечатана въ «Отеч. Запискахъ» (1840. Т. VIII). Послѣ «Узника» не дурна пѣсня «Долго ль будетъ мнѣ безъ умолку итти», — не болѣе, чѣмъ не дурна. «Вѣнокъ на гробъ Пушкина» — нѣчто въ родѣ лирической поэмы, — не первая, но уже послѣдняя неудачная попытка въ этомъ родѣ. Вотъ посвященіе этихъ стихотвореній другу автора, А. П. Л—му:

Ты хочешь, другъ, чтобы рука
Временъ минувшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой-о-чемъ.
Увы! старинный жаръ стиховъ,
И слѣдъ сатиръ и острыхъ словъ,
Исчезъ въ безумной головѣ,
Какъ слѣдъ дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой.

Изданіе книжки довольно-сносное и весьма-нерадиво: въ нѣкоторыхъ стихахъ нѣтъ мѣры, и много орѳографическихъ ошибокъ.

164) Карманный Пѣсенникъ, или *собраніе новѣйшихъ куплетовъ изъ операхъ и водевилей.* Изданіе второе, *съ перемѣнами. Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1842. *Въ* 16-ю *д. л.* 144 *стр.*

Съ перемѣнами?.. т. е. переводомъ съ языка сколько-нибудь человѣческаго, на языкъ... не знаемъ какихъ-то особенныхъ существъ. Прислушайтесь, на-пр., къ пѣснѣ:

Digitized by Google

«За моремъ хамъ, хамъ, хамъ, хамъ, хамъ, хамъ (bis).
«Хамъ, хамъ, хамъ, за моремъ хамъ, хамъ, хамъ bis).
«За моремъ хамъ, хамъ, хамъ, хамъ, хамъ, хамъ (bis) —

и еще двѣ строки подобнаго же лаю! Спрашивается: для *кого же* сдѣланы подобныя перемѣны и для кого издаются подобные не-человѣческіе пѣсенники?

165) Метрика Греческаго Языка, *составленная* Иваномъ Синайскимъ. *Москва. Въ тип. А. Семена. 1842. Въ 8-ю д. л. 110 стр.*

Тѣмъ, которые захотѣли бы *читать* «Метрику Греческаго Языка», не разъ пришлось бы остановиться въ недоумѣніи надъ нѣкоторыми фразами и даже цѣлыми періодами, которыми г. Синайскій разсудилъ украсить свою метрику, для вящшей ли силы выраженія, или изъ уваженія къ какому-нибудь нѣмецкому подлиннику, бывшему у него подъ рукою... *Читатель* уже не оставитъ, конечно, безъ знака удивленія самой первой ея страницы, на которой *изображено* слѣдующее:

«Метрика, происходя отъ μετρον въ пространномъ смыслѣ сего слова, учитъ (!) какъ мѣрному произношенію каждаго слова, такъ и мѣрному сочетанію отдѣльныхъ слоговъ въ цѣлыя рѣченія (?!), а отдѣловъ рѣченій въ цѣлую риѳмическую рѣчь, или стихъ. Посему (?) метрика Греческаго языка предлагаетъ (?) о мѣрѣ слоговъ и о размѣрахъ стопъ и стиховъ.»

Мы думаемъ, впрочемъ, что не менѣе правъ на удивленіе *читателя* имѣла бы и вторая страница, предлагающая таковыя изреченія: «Мѣрою слога называется то время (?), которое употребляется на произношеніе того, или другаго слога. Время употребляемое (?) для произношенія слога, бываетъ или продолжительное, или коротков, или обоюдное (??), общее...» и т. д. Столько же поражаетъ читателя и страница 25, которая гласитъ слѣдующее: «Размѣръ въ танцахъ, музыкѣ и въ поэзіи есть *падающее на чувство слуха изящное цѣлое, чувственно понимаемыхъ (?!) и многообразно одна за другою слѣдующихъ частей времени.*» Мудрено — что и говорить! Богъ-знаетъ, какъ мудрено! *Читатель* въ-самомъ-дѣлѣ будетъ совершенно правъ, если послѣ таковыхъ изреченій, положивъ руку на сердце, скажетъ изъ глубины души: «не понимаю, ничего не понимаю!» и поспѣшитъ закрыть книгу, чтобъ впередъ никогда уже въ нее не заглядывать...

Но счастію, метрику, особенно такую, какова греческаго и вообще древнихъ языковъ, надобно не читать: ей надобно *учиться*; а въ этомъ отношеніи книга г. Синайскаго есть просто находка для учебной классической литературы. Что бы она, т. е. эта «Метрика», ни была — компиляція, сборникъ, переводъ, или составъ, но если она компиляція вѣрная, польза ея несомнѣнна. Не читатель, а *ученикъ* не только будетъ читать ее, но даже выучитъ наизустъ. Конечно, онъ съ большею охотою и легкостію выучилъ бы ее, еслибъ она была изложена языкомъ болѣе человѣческимъ; но — что же дѣлать! На нѣтъ и суда нѣтъ. По-крайней-мѣрѣ теперь ученику для того, чтобъ знать формы греческихъ стиховъ, не надобно уже будетъ прибѣгать къ нѣмецкому учебнику, можетъ-быть выписывать его издалека, да еще и учить, плохо понимая; теперь у него будетъ своя книга, тоже, правда, немного нѣмецкая, однако частію и русская. Правила же и всѣ дѣленія, какія существуютъ въ греческой литературѣ, изложены у г. Синайскаго довольно-полно и удовлетворительно, такъ-что по его книжкѣ ученикъ основательно можетъ узнать и «мѣру слоговъ вообще» и «размѣры стопъ и стиховъ вообще» и «разныя формы греческихъ стиховъ въ частности». Порядокъ, съ какимъ излагаются правила «Метрики», здѣсь почти тотъ же, какой обыкновенно бываетъ въ нѣмец-

Digitized by Google

кихъ учебникахъ, трактующихъ объ этомъ предметѣ.

166) Историческій Бытъ Россіи, *или повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ въ русской землѣ и о дѣяніяхъ ея православныхъ государей. Книга для народнаго чтенія, составленная* Михайломъ Максимовымъ. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ.* 1842. *Въ 12-ю д. л. 72 стр.*

Позвольте сообразить... Да, такъ! По соображеніямъ выходитъ, что мы скоро будемъ имѣть другаго Карамзина — только не въ такомъ видѣ, какъ вы обыкновенно себѣ его представляете, а маленькаго, миньятюрнаго, карманнаго Карамзина. Этотъ второй Карамзинъ будетъ г. Максимовъ, и вотъ какимъ образомъ: во-первыхъ, Карамзинъ написалъ «Исторію Россійскаго Государства» — и г. Максимовъ пишетъ «Историческій Бытъ Россіи»; во-вторыхъ, Карамзинъ сначала выдалъ только первый томъ, и г. Максимовъ выдаетъ первый томъ; Карамзинъ кончилъ первый томъ Владиміромъ, и г. Максимовъ только немногимъ менѣе (и то, конечно, изъ учтивости) — Святополкомъ; Карамзинъ написалъ къ первому тому краснорѣчивое предисловіе и г. Максимокъ написалъ велерѣчивое предисловіе... Разность развѣ въ томъ, что Карамзина читали всѣ люди грамотные, а г. Максимова будутъ читать развѣ безграмотные...

167) Юридическая Библіотека. *Изданіе* Ѳедора Наливкина *Тетрадь седьмая. Москва. Въ Университетской тип.* 1842. *Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Изданіе рѣшительно хочетъ быть полезнымъ: оно съ каждымъ разомъ больше и больше оставляетъ неумѣстную болтливость и всѣ безпокойныя выходки, и съ каждою тетрадью пріобрѣтаетъ въ основательности и отчетливости: съ годами дитяти прибываетъ разума — есть хорошая надежда! Остается еще, правда, немного прежней наносчивости, неловкаго маренія и отсюда — безтолковыхъ фразъ, въ родѣ слѣдующихъ: «знатнымъ не достаетъ времени предаваться открытію истины» — «изъ средняго состоянія вышла фаланга людей съ исполинскимъ умомъ, съ мыслями, хотѣвшими обнять весь міръ» и т. п.; но — мы надѣемся — это не надолго. Въ послѣдней книжкѣ, кромѣ очень-дѣльнаго (по-крайней-мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ) историческаго обозрѣнія, излагающаго образованіе средняго класса въ Европѣ, мы прочли обстоятельное изложеніе правъ городскихъ обывателей, гражданъ, или очеркъ городоваго положенія, существующаго въ Россіи,

168) Ученіе о Язвахъ. *Соч.* И. П. Руста. *Съ четырнадцатью литографированными и иллюминованными картинками. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. Москва. Въ тип. Н. Степанова.* 1842. *Въ 8-ю д. л 65 стр.*

Имя Руста ручается за достоинство сочиненія, переводъ котораго издается тетрадками. О такомъ трудѣ только-что начатомъ говорить не ловко, да и не слѣдуетъ. Дождемся слѣдующихъ выпусковъ.

169) Дополненіе къ Объясненіямъ Аптекарскихъ Сигнатуръ, *для правильнаго употребленія лекарствъ, иногороднымъ и крестьянамъ, живущимъ въ деревняхъ. Изданное академикомъ, докторомъ медицины, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, Физико Медицинскаго Общества, Медико-Фармацевтическаго Попечительства и другихъ ученыхъ обществъ дѣйствительнымъ членомъ* Васильемъ Воробьевскимъ. *Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1842. Въ 12-ю д. л. 30 стр.*

Лекарства, прописываемыя сельскимъ жителямъ изъ аптекъ въ Москвѣ, и совѣты, подаваемые имъ изустно, обыкновенно забываются поселянами даже прежде возвращенія ихъ домой; потому, возвращаясь домой изъ

Digitized by Google

Москвы, они легко могутъ употребить лекарства превратно и, вмѣсто ожидаемой пользы, наносить себѣ вредъ. Для избѣжанія такого зла необходимо давать, по-крайней-мѣрѣ, нѣкоторымъ поселянамъ при лекарствахъ особенное письменное наставленіе, котораго аптекари не имѣютъ времени выписывать каждому изъ больныхъ. Вотъ цѣль брошюрки «Дополненіе къ объясненіямъ, и проч.», въ которой авторъ, избравъ эпиграфомъ: *Miseri spretae, felices timete*, коротко говоритъ о діэтѣ, пищѣ и питьѣ, объясняетъ употребленіе набора для кровочистительнаго отвара, женевскаго бальзама въ ранахъ и антоновомъ огнѣ, разныхъ мазей, капель и спиртовъ.

170) Описаніе *упрощеннаго ленчика для офицеровъ армейской кавалеріи. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1842. Въ 8-ю д. л. 14 стр. Съ рисунками.*

Авторъ, имѣя въ виду сокращеніе офицерскихъ расходовъ и приноровляясь къ потребностямъ военнаго времени, предлагаетъ замѣнить нынѣ-употребляемое сѣдло упрощеннымъ ленчикомъ, который по наружности почти не разнится отъ обыкновеннаго сѣдла, но имѣетъ, по дешевизнѣ, простотѣ и прочности устройства, значительное преимущество, какъ въ мирное, такъ, особенно, въ военное время.

171) Трое Сутокъ въ Новгородѣ. Н. Н...въ. *Спб. Въ типографіи Эдуарда Праца. 1842. Въ 8-ю д. л. 82 стр.*

Любители русской старины съ удовольствіемъ и пользою прочтутъ эту книжку.

173) Описаніе Санктпетербургской Губерніи. *Часть четвертая.* Ивана Пушкарева. *Спб. 1842. Въ типографіи Санктпетербургскаго Губернскаго Правленія. Въ 8-ю д. л. 193 стр.*

Это дополненіе къ «Описанію Санктпетербурга», въ трехъ частяхъ изданнаго г. Пушкаревымъ, и окончаніе труда почтеннаго автора. Книга дѣльная и хорошо составленная.

173) Списокъ *высшимъ чинамъ Государственнаго, Губернскаго и Епархіальнаго Управленія. 1842. Санктпетербургъ. Въ тип. II-го Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Въ 8-ю д. л. 120 стр.*

Эта книжка — родъ краткаго адресъ-календаря. Въ ней показаны чины, имена, отчества и фамиліи всѣхъ лицъ высшаго государственнаго, губернскаго и епархіальнаго управленія, начиная съ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ, Коммиссіи Прошеній, Правительствующаго Сената и Синода — до совѣтовъ, департаментовъ и канцелярій главныхъ управленій и министерствъ, поименованныхъ выше: епархіальные архіереи, военные генералъ-губернаторы, гражданскіе губернаторы, губернскіе предводители, предсѣдатели палатъ, губернскіе прокуроры, и проч. и проч. Книжка весьма-полезная для справокъ.

174) Обозрѣніе Свекловичнаго Производства. *Отдѣленіе I. О воздѣлываніи свекловицы. Москва. Въ университетской типографіи. Въ 8-ю д. л. 55 стр. Съ чертежомъ.*

175) Описаніе Усовершенствованнаго Способа Горячей Вымочки Свекловицы. Н. Шишковымъ. *Москва. Въ тип. В. Кирилова. 1842. Въ 8-ю д. л. 39 стр.*

Многіе изъ гг. членовъ Комитета Сахароваровъ желали имѣть извлеченіе изъ его «Записокъ» о предметахъ, прямо относящихся до свекловичнаго производства. Этотъ трудъ принялъ на себя членъ, Н. Н. Шишковъ, и въ 1841 году февраля 21 дня представилъ Комитету первое отдѣленіе свекловичнаго производства: *О воздѣлываніи свекловицы*, извлеченное изъ «Записокъ» и дополненное собственными его замѣчаніями. По опредѣленію Комитета, оно помѣщено въ его «Запискахъ» 1842 года и издано отдѣльною брошюрой въ числѣ 200 экземпляровъ. Другая брошюра содержитъ въ себѣ опыты и наблюденія надъ способомъ Дойбаля

Digitized by Google

плоды многолѣтнихъ занятій свекло-сахарнымъ производствомъ.

176) Играть въ Преферансъ. *Собраніе правилъ и постановленій, употребляемыхъ во всѣхъ родахъ этой игры, а именно: преферанса простаго, преферанса съ вдовами, преферанса сложнаго полнаго и преферанса неполнаго, обогащенныхъ примѣрами, заимствованными изъ лучшихъ сочиненій и опытовъ извѣстнѣйшихъ игроковъ, съ показаніемъ примѣрныхъ игръ, никогда непроигрываемыхъ и одиннадцати таблицами разсчетовъ. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. А. Бородина и К°. Въ 16-ю д. л. 123 стр.* Съ эпиграфомъ:

Бранить всѣ карты, но дурнаго
Я въ нихъ не вижу ничего;
И кто не хочетъ взять чужаго,
Не проиграетъ своего.

Эпиграфъ немножко неудачно выбранъ; кто въ преферансѣ не хочетъ взять чужаго, тотъ много проиграетъ своего: дѣло извѣстное! Само же сочиненіе написано далеко лучше другихъ въ этомъ родѣ. Видѣнъ, вмѣстѣ, такой опытный разумъ, такія обширныя свѣдѣнія, такая строгая система, доказательство, что наука о преферансѣ совершенствуется болѣе и болѣе. Оно и лучше! Назидайте, почтенѣйшій авторъ, назидайте своихъ соотчичей! Есть города, куда свѣтъ просвѣщенія еще не вполнѣ проникъ; возьмемъ въ примѣръ, недалеко, какъ Москву. Москва, Россіи дщерь любима, и что жъ? Вообразите, какая закоренѣлость нравовъ! Тамъ упорно еще держатся старины и играютъ въ преферансъ безъ переговоровъ, т. е., безъ преимущества мастей!!!.. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ трудно повѣрить этому; но я самъ видѣлъ это собственными глазами. Что жъ, если сказать еще имъ, что теперь въ преферансѣ играютъ и *мизерныя* игры? Вѣдь не повѣрятъ, рѣшительно не повѣрятъ; а между-тѣмъ, вотъ и вы объ этомъ же говорите въ вашемъ сочиненіи... Странно!

177) Фортуна, *новая комическая игра въ карты, и правила, по которымъ она разыгрывается, съ приложеніемъ таблицы о платѣ за игры и премій. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Бородина и К°. 1842. Въ 16-ю д. л. 48 стр.*

Кому не повезетъ въ преферансѣ, тотъ можетъ играть въ фортуну; большею частію случается, что фортуна помогаетъ именно тѣмъ, кто обыкъ преферансомъ.

178) О Косметическихъ Средствахъ, *или наставленіе къ ихъ выбору, приготовленію и употребленію, для поддержанія и возвышенія красоты. Сочиненіе Г. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1842. Въ 12-ю д. л. VIII и 224 стр.*

Все сочиненіе посвящено прекрасному полу; сочинитель желалъ принесть ему этимъ «слабое доказательство душевнаго уваженія, которое пребудетъ вѣчнымъ». Цѣня женскую красоту очень высоко и зная, что употребляемыя для поддержанія ея средства часто вредятъ самому здоровью, авторъ принялъ на-себя благое намѣреніе научить и просвѣтить неопытныхъ простымъ, понятнымъ языкомъ: онъ довольно-подробно говоритъ о разныхъ умываньяхъ, мазяхъ, пудрахъ, румяньяхъ; о вѣснушкахъ, желтыхъ пятнахъ, угряхъ, лишаяхъ, и пр. и пр. Въ концѣ книжки приложенъ репертуаръ дѣйствительнѣйшихъ и употребительнѣйшихъ косметическихъ средствъ. Все это для пользы и назиданія прекраснаго пола; мужчинъ же, какъ непрекрасный полъ, авторъ на-себя взять не хочетъ, и говорить о нихъ вскользь. Одна только глава сей книги, именно *О багровомъ носѣ*, относится прямо на счетъ мужской половины рода человѣческаго. Багровый носъ, прибавляетъ описавъ здѣсь причины красноты, не увѣнчаетъ главы того, кто имѣетъ несчастіе имѣть подобный недостатокъ, это ужасное зло въ человѣчествѣ.

Digitized by Google

179) Книга для Чтенія, *въ пользу начинающихъ учиться французскому языку, введенная въ употребленіе въ Пажескомъ, Второмъ и Павловскомъ Кадетскихъ Корпусахъ въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, Горномъ Институтѣ, во Второй Санктпетербургской Гимназіи, въ Павловскомъ Институтѣ, Коммерческомъ Училищѣ и во многихъ другихъ учебныхъ зведеніяхъ.* (Livre de lecture *à l'usage des commençants avec la traduction interlinéaire*) Третье изданіе, *поправленное и значительно умноженное. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. А. Іогансона. Въ 8-ю д. л. 124 стр.*

Весьма-хорошая и вполнѣ соотвѣтствующая своему назначенію книга.

180) Хрестоматія, *извлеченная изъ лучшихъ французскихъ писателей, въ стихахъ и прозѣ, съ французско-россійскимъ (русскимъ?) словаремъ.* (Второе изданіе) *составлена* Н. Пувелемъ. (Chrestomatie, *contenant des morceaux en prose et en vers, tirés des meilleurs auteurs français, avec un vocabulaire russe, pour servir à l'intelligence du texte (Seconde édition) par L. Nouvel. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 125 и 86 стр.*

Хрестоматія г. *Нувеля* весьма *стара*: она принадлежитъ къ почтенному XVIII вѣку, ибо лучшими французскими авторами считаетъ Флоріана, Делиля, Ж. Б. Руссо, Грессэ, Жанли, Расина и т. п. Издана она плохо и на оберточной бумагѣ, — что весьма кстати, ибо такая наружность вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію.

181) Семейныя Бесѣды (?) *или собраніе повѣстей для дѣтей. Спб. 1842. Въ типографіи А. Іогансона. Въ 16-ю д. л. 176 стр.*

По изобрѣтенію и тону, это довольно обыкновенныя повѣсти для дѣтей, впрочемъ, грамотно-написанныя; но литографированныя картинки при нихъ довольно-плохи.

182) Уроки Русской Грамматики. А. Охотина. *Спб. Въ типографіи Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 75 стр.*

Новаго въ грамматикѣ г. Охотина нѣтъ ничего; особенно замѣчательнаго — также нѣтъ. Впрочемъ, между компиляціями такого рода, эта изъ лучшихъ. Главное ея достоинство — краткость.

283) Ариѳметика, *служащая къ легчайшему обученію малолѣтнаго юношества, въ двухъ частяхъ, вновь разсмотрѣнная и исправленаая коллежскимъ ассессоромъ* Петромъ Куминскимъ. Изданіе тринадцатое, *безъ перемѣнъ. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1842. Въ 12-ю д. л. 187 стр.*

Отъ дѣлъ ихъ познаете ихъ: отъ названія книги познаете книгу: Ариѳметика, *исправленная коллежскимъ ассессоромъ* — и изданіе тринадцатое, *безъ перемѣны*! Ужъ если заглавный листъ «предъявляетъ» такое неразъяснимое противорѣчіе, что же дальше, во 2-й части «Ариѳметики» господина коллежскаго ассессора? Говоримъ: *во 2-й части*, ибо всѣмъ извѣстно, что въ «Ариѳметикѣ» г. Куминскаго двѣ, не болѣе и не менѣе, части: «Ариѳметика» г. Куминскаго и «двѣ части», или «двѣ части» и «Ариѳметика» г. Куминскаго — это понятія тожественныя, и тѣ лгутъ, которые не признаютъ существованія понятій тожественныхъ. Если, повторяю, заглавный листъ *огромляетъ* такою смѣсью словъ, что же будетъ въ правилѣ смѣшенія? Если, наконецъ, заглавный листъ ввернулъ такой крючокъ читателю, чего ожидать отъ ложнаго или фальшиваго правила?

184) Краткое Начертаніе Всеобщей Исторіи, *сочиненное (?) заслуженнымъ профессоромъ* Иваномъ Кайдановымъ. Десятое (!!!...), *значительно-исправленное изданіе. Спб. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 112 стр.*

Digitized by Google

«Исторія есть *описаніе происшествій*, случившихся въ свѣтѣ, и касающихся до людей, или вообще до рода человѣческаго» — такъ наивно и невинно начинаетъ г. Кайдановъ свою компиляцію, и на 112 страницахъ дурно-изданной книжонки, *описываетъ* всѣ происшествія, случившіяся въ свѣтѣ, и касающіяся до людей, или вообще до рода человѣческаго... Бѣдный человѣческій родъ: г Кайдановъ твой біографъ!.. Что подумаютъ о тебѣ добрые люди, если будутъ судить о тебѣ по «описаніямъ» г. Кайданова?..

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

14) Geographie des Russischen Reichs *nach den neuesten Quellen bearbeitet von* August v. Oldekop (Географія Россійской Имперіи, *составленная по новѣйшимъ источникамъ* Августомъ Ольдекопомъ). *Санктпетербургъ. Въ тип. Крайя. 1842.*

Эта удачно-расположенная и составленная при помощи лучшихъ источниковъ книжка, представитъ иностраннымъ вѣрный обзоръ географіи и статистики Россіи. Особенной похвалы заслуживаетъ вѣрное правописаніе *собственныхъ именъ* русскихъ, всегда столь небрежное въ издаваемыхъ за-границею сочиненіяхъ о Россіи. Почтенный и трудолюбивый авторъ подлѣ названія *на нѣмецкомъ* языкѣ, ставилъ названіе *на русскомъ* всюду, гдѣ по различію русскаго произношенія съ нѣмецкимъ, могли бы встрѣтиться затрудненія.

15) Kleine Deutsche Grammatik, *zum Gebrauch der untern Klassen der deutschen Hauptschule St. Petri* von Th. Hecker (Краткая Нѣмецкая Грамматика, *для употребленія въ низшихъ классахъ главнаго нѣмецкаго училища при церкви св. Петра. Сост.* Ѳ. Геккеръ). Второе изданіе. *Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Греча. Въ 8-ю д. л. XII и 205 стр.*

16) Fragen *zur Wiederholung des Cursus der deutschen Grammatik* (Вопросы *для повторенія курса нѣмецкой грамматики*). Второе изданіе. *Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Греча. Въ 8-ю д. л. 47 стр.*

Двѣ, къ одному и тому же предмету относящіяся, учебныя книги опытнаго и свѣдущаго въ своемъ дѣлѣ учителя, отличаются своею краткостью и годностью для практическаго примѣненія. Разумѣется, при ихъ употребленіи нужно руководство учителя. «Вопросы» служатъ прекраснымъ пособіемъ для повторенія, и чрезвычайно облегчаютъ ученику изученіе языка.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Напрасно, кажется, говорятъ, что у васъ нѣтъ людей, готовыхъ содѣйствовать своими безкорыстными трудами полезнымъ предпріятіямъ. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ несправедливости такого мнѣнія. Помощникъ директора Удѣльнаго Земледѣльческаго училища, В. П. Бурнашевъ, занимается, какъ извѣстно, составленіемъ обширнаго «Терминологическаго Словаря Сельскаго Хозяйства, Промышлености и Фабричности» вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Объ этомъ трудѣ помѣщено было въ сентябрской книжкѣ «Отеч. Записокъ» прошлаго года, объявленіе, а въ ноябрской напечатано десятка четыре разнообразныхъ словъ, доставленныхъ въ редакцію составителемъ. Не было сказано ни слова о томъ, что составитель этого «Словаря» приглашаетъ всѣхъ русскихъ помѣщиковъ, занимающихся сколько нибудь мѣстною терминологіею, содѣйствовать ему въ этомъ большомъ дѣлѣ присылкою тѣхъ словъ, которыя они имѣли случай собрать. Однако тотчасъ по появленіи этого объявленія въ «Отеч. Запискахъ», многіе изъ знакомыхъ и полузнакомыхъ г. Бурнашева, доставили ему, какъ-бы по добровольному соглашенію, порядочное количество мѣстныхъ терминовъ, большею частію неизвѣстныхъ составителю и сопровождаемыхъ пояснеміями и отчетистыми рисунками. Мало этого: г. Бурнашевъ получилъ письма съ предложеніемъ услугъ и со списками множества словъ отъ особъ, которыхъ онъ вовсе не знаетъ. Вслѣдствіе столь благороднаго содѣйствія, составитель «Словаря» проситъ теперь редакцію «Отеч. Записокъ» объявить, что онъ искренно благодаренъ за это благонамѣренное содѣйствіе, чрезъ которое книга его должна сдѣлаться и обширнѣе и занимательнѣе, и что теперь онъ проситъ всѣхъ особъ, имѣющихъ у себя собраніе терминовъ, употребляемыхъ въ мѣстахъ ихъ жительства по части сельской производительности, не оставить его своимъ содѣйствіемъ и присылать къ нему эти слова съ возможно-подробными поясненіями, подобно тому, какъ это сдѣлали гг. помѣщики: псковской кн. Н. М. Ш—ской, новгородскіе: В. А. Вл—скій и А. Н. У—скій, пензенскій Н. Н. К—скій, петрозаводскій Ф. И. Ш—ръ, черниговскій С. С. Л—въ. Собраніе словъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, доставленныхъ этими особами, весьма много способствуетъ улучшенію «Словаря», который въ концѣ текущаго или въ началѣ будущаго года выйдетъ въ свѣтъ непремѣнно. Съ согласія гг. присылателей, слова ими доставленныя, будутъ напечатаны съ ихъ подписью, и сверхъ-того, къ каждому изъ нихъ признательный издатель доставитъ по экземпляру книги въ роскошномъ переплетѣ. Пакеты и письма проситъ онъ адресовать на имя составителя (его высокобл. Владиміру Петровичу Бурнашеву) чрезъ Санктпетербургскую Контору Отечественныхъ Записокъ.

—

Извѣстный въ Петербургѣ преподаватель исторіи, *Р. К. Орловъ*, переведшій на русскій языкъ «Руководство къ исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій» Геерена, и начавшій издавать «Исторію Среднихъ Вѣковъ» Лудена, совершилъ теперь огромный, тягостный для составителя, но весьма-полезный для учащихся трудъ, именно: онъ окончилъ и началъ уже печатать историческія и географическія таблицы подъ названіемъ: *Двенадцать Періодовъ Ис-*

Digitized by Google

торіи Человѣчества, или *Синхронистическій Атласъ Исторіи и Сравнительной Географіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ*. Этотъ атласъ будетъ состоять изъ *двѣнадцати* иллюминованныхъ таблицъ съ текстомъ и значительнаго числа географическихъ картъ, напечатанныхъ на большихъ александрійскихъ листахъ. Сверхъ-того, г. Орловъ издастъ сокращеніе этихъ таблицъ подъ названіемъ: *Сравнительная Политическая Картина Государствъ древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ, или ключъ къ изученію всемірныхъ событій въ современной связи*. Это изданіе будетъ состоять также изъ двѣнадцати иллюминованныхъ таблицъ, но въ уменьшенномъ масштабѣ. Вотъ что говоритъ самъ г. Орловъ объ обоихъ своихъ изданіяхъ:

«Первое, какъ гораздо-большее по объему, назначается для публики и для училищъ высшихъ и среднихъ; а второе, какъ извлеченіе или сокращенный только чертежъ перваго, для обученія элементарнаго.

«Планъ обоихъ ихъ слѣдующій: — весь курсъ исторіи раздѣленъ на 12 періодовъ: 1) Азіатскій или баснословно-героическій, съ 2500 г. до 753 до Р. Х. 2) Греческій или достовѣрный — отъ основанія Рима до Александра Великаго, или 330. 3) Завоеваній римской республики до Октавія-Августа или 30 г. до Р. Х. 4) Владычества римской имперіи, до переселенія народовъ, или 395 по Р. Х. 5) Франкскій, или періодъ переселеній до Карла Великаго, или 800 г. 6) Германскій или феодальный до крестовыхъ походовъ, и такъ далѣе.

«Каждому періоду посвящена отдѣльная таблица, раздѣленная на вертикальные столбцы, иллюминованные разными красками, постоянно усвоенными извѣстнѣйшимъ народамъ, по мѣра появленія или исчезновенія ихъ съ театра міра. Если существованіе какого-либо народа уничтожено чуждымъ завоеваніемъ, то на мѣстѣ прежняго его соотвѣтствуетъ цвѣтъ побѣдоносной державы; если же послѣдовали только частныя потери или приращенія земель, то онѣ выражены распространеніемъ одного и сокращеніемъ другаго цвѣта.

«Въ столбцахъ Атласа содержится объяснительный и повѣствовательный текстъ, относящійся хотя къ краткому, но прагматическому изложенію фактовъ, съ соблюденіемъ строжайшихъ условій современности (въ сокращенной картинѣ замѣняетъ его одна программа или оглавленіе событій). Повторенія допускаются только въ такомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о взаимныхъ сношеніяхъ разныхъ государствъ (войны, союзы и т. п.). Вездѣ, гдѣ позволяло мѣсто, дополнилъ авторъ разсказъ истолкованіемъ предметовъ особенной важности, напр. феодальной системы, происхожденія папской власти, крестовыхъ походовъ) или соприкосновенныхъ исторіи (этнографическіе, литературные и статистическіе обзоры, и т. п.). Между текстомъ четырехъ первыхъ таблицъ помѣщены карты театра современныхъ событій; къ пятой таблицѣ Атласа (въ «Картинѣ Государствъ», картъ только три) принадлежитъ особая карта переселенія народовъ; а всѣмъ слѣдующимъ посвящено по нѣсколько картъ иллюминованныхъ и одна карта новѣйшей Европы, прозрачная, приглаженная въ одинъ масштабъ съ прочими, и служащая для сличенія настоящей мѣстности съ прошедшею.

«Наконецъ, самую важную практическую пользу предполагаетъ авторъ отъ своихъ таблицъ для учебныхъ заведеній ту, что преподаваніе по нимъ удобно можетъ быть обращено въ методу самую живую, быструю и разнообразную, какой только можно желать. Для сего стоитъ только имѣть нѣсколько иллюминованныя таблицы весьма большаго формата, съ такими же географическими картами, раздѣленными въ каждомъ историческомъ классѣ, которыя бы видны были всѣмъ учащимся. Преподаватель, снабженный длинною палочкою, какая употребляется учителя-

Digitized by Google

ми языковъ по методѣ г. Эртеля, указывая ею на цвѣтные стрѣлы и поперечныя полосы, въ короткихъ, но выразительныхъ словахъ, объяснить содержаніе каждой таблицы, а потомъ нѣсколько разъ заставить повторять слушателей или по одиначкѣ или цѣлымъ классомъ все имъ сказанное, разнообразя до безконечности свои вопросы и постепенно распространяя или пополняя свой разсказъ, пока всѣ факты до того затвердятся учениками, что имъ уже врѣзанныя въ своей памяти всѣ главныя событія, они могутъ слѣдовать, безъ всякихъ другихъ пособій, за ходомъ обыкновенной лекціи. Такъ напр. въ первый урокъ можетъ онъ, только указывая на всѣ 12 таблицъ, ограничиться однимъ раздѣленіемъ исторіи на періоды и эпохи, вычисленіемъ самыхъ главныхъ событій и годовъ, служащихъ предѣлами ихъ, и пр., потомъ во второй урокъ объяснить механизмъ или чертежъ первой таблицы, анализируя ея части одну за другою; такимъ образомъ, скажетъ, какой народъ означаютъ какіе цвѣта, что значатъ поперечныя черты и полосы, исчезновеніе, сокращеніе или распространеніе одного цвѣта на счетъ другихъ и т. п. Далѣе, въ третій урокъ разовьетъ всѣ эти факты подробнѣе, въ четвертый предложитъ уже нѣкоторыя прагматическія сужденія о причинахъ и слѣдствіяхъ ихъ, о характерѣ и подвигахъ героевъ и т. д. Изданіе такихъ таблицъ, какъ неотъемлемую его собственность, принимаетъ изобрѣтатель на себя, при изъявленіи перваго желанія со стороны учебныхъ заведеній, въ полной увѣренности, что самый первый опытъ будетъ достаточенъ для того, чтобъ показать, какъ можно эту методу, при пособіи знающихъ и краснорѣчивыхъ наставниковъ, усвоившихъ ее вполнѣ, довести до желаемой и возможной степени совершенства.

«Подписная цѣна на «Синхронистическій Атласъ» по 12 руб. серебромъ, а на «Картину Государствъ» по 4 руб. серебромъ; по выходѣ же этихъ сочиненій въ свѣтъ, цѣна перваго возвысится до 15, а послѣдняго до пяти руб. сереб. Для учебныхъ заведеній, желающихъ пріобрѣсть значительное число экземпляровъ, сдѣлана будетъ уступка до 20 и болѣе % съ рубля. Подписка принимается у автора: Литейной Части, близъ церкви Спаса Преображенія, въ домѣ г. Лисицына. Адресъ: его благородію Ростиславу Кондратовичу Орлову. За пересылку въ другіе города прилагать по рублю сереб. за Атласъ и по 40 коп. сереб. за Картину Государствъ.»

Обращаемъ вниманіе преподавателей на это полезное по своей цѣли предпріятіе, стоявшее многолѣтнихъ трудовъ автору, и желаемъ ему всевозможныхъ успѣховъ.

—

Управляющій Санктпетербургскою Конторою Отечеств. Записокъ, *А. И. Ивановъ*, въ короткое время успѣлъ пріобрѣсть себѣ довѣренность отъ многочисленныхъ читателей и издателей русскихъ книгъ. Едва ли есть въ Петербургѣ другой книгопродавецъ, который бы получалъ столько требованій и порученій съ разныхъ концовъ Россіи, какъ г. Ивановъ. Провинціальные читатели уже переставали-было выписывать русскія книги, неоднократно испытавъ неаккуратность иныхъ книгопродавцевъ, къ которымъ обращались съ своими требованіями; но теперь они вновь начали вѣрить въ возможность получать изъ Петербурга, безъ малѣйшаго замедленія, *тѣ именно* книги и журналы, которые они требуютъ и за которые впередъ посылаютъ деньги. Этотъ отрадный переворотъ въ русской книжной торговлѣ, если еще не совершонъ, то по-крайней-мѣрѣ начатъ г-мъ Ивановымъ, которому за то честь и слава. Само-собою разумѣется, что люди больные чужимъ здоровьемъ возопіютъ противъ этого и, пожалуй, назовутъ наше извѣстіе пристрастнымъ, и пр.; но невѣрующіе пусть зай-

Digitized by Google

дутъ въ Контору Отечественныхъ Записокъ къ г ну Иванову, у котораго найдутъ *до шестисотъ* писемъ, присланныхъ ему отъ разныхъ лицъ изъ разныхъ губерній, съ изъявленіемъ живѣйшей благодарности за честность его, аккуратность и скорость въ исполненіи ихъ требованій. Лучшимъ же доказательствомъ правоты нашихъ словъ и лучшею рекомендаціею для г-на Иванова можетъ служить то, что на-дняхъ Императорское Вольное Экономическое Общество избрало его своимъ комиссіонеромъ, поручивъ ему исключительную продажу всѣхъ своихъ изданій. Общество не почтило бы такимъ довѣріемъ книгопродавца сколько-нибудь сомнительнаго по своему усердію или умѣнью вести дѣло: предпочтеніе, оказанное имъ г-ну Иванову передъ другими, сильно говоритъ въ его пользу. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ объ этомъ нашихъ читателей, какъ доказательствѣ того, что, рекомендуя имъ г-на Иванова въ прошломъ году, мы основывались на испытанномъ его усердіи къ дѣлу и добросовѣстности въ исполненіи того, за что онъ берется.

Digitized by Google

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Май.

185) Альфъ и Альдона. *Историческій романъ въ четырехъ томахъ. Сочиненіе* Н. Кукольника. *Санктпетербургъ. Въ тип. Ильи Глазунова и К°. 1842. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 267, во II-й — 286, въ III-й — 235, въ IV-й — 280 стр.*

Нельзя не удивляться неистощимой дѣятельности г. Кукольника. Это, рѣшительно, плодовитѣйшій и неутомимѣйшій изъ всѣхъ современныхъ намъ писателей. Самъ г. Полевой долженъ уступить, въ этомъ отношеніи, пальму первенства г. Кукольнику, ибо г. Полевой удивляетъ публику своею дѣятельностію больше или по части объявленій и программъ о многомъ множествѣ своихъ сочиненій, или только первыми томами самыхъ сочиненій, никогда не представляя послѣднихъ томовъ; господинъ же Кукольникъ, напротивъ, не обѣщаетъ, а дѣлаетъ, или обѣщая немногое, исполняетъ очень-много, — словомъ, какъ говорится, продаетъ товаръ лицомъ. И, однакожь, удивительная дѣятельность г. Кукольника вовсе не сфинксова загадка, для рѣшенія которой былъ бы нуженъ новый Эдипъ. Дѣло, напротивъ, очень-понятно и весьма-ясно. Еслибъ талантъ г. Кукольника равнялся дѣятельности его и трудолюбію, — г. Кукольникъ былъ бы теперь первымъ талантомъ во всей Европѣ, не только у себя дома. Чрезвычайная дѣятельность обыкновенно бываетъ признакомъ или великаго генія, или посредственности. Тредьяковскій, Сумароковъ и Херасковъ, — каждый изъ нихъ сочинилъ, перевелъ, словомъ, напечаталъ не меньше Пушкина, который, если сообразить количество написаннаго имъ съ числомъ прожитыхъ имъ лѣтъ, написалъ очень-много. Нѣмецкій авторъ, Тикъ, насочинилъ не менѣе Шиллера и Гёте, — и это, однакожь, доказываетъ совсѣмъ не то, чтобъ Тикъ былъ равенъ по таланту двумъ упомянутымъ корифеямъ богатой нѣмецкой литературы, но то, что и посредственность бываетъ иногда такъ же произвольна, какъ геній. Впрочемъ, мы называемъ Тика *посредственностію* не безусловно, а относительно къ Шиллеру и Гёте, изъ которыхъ съ послѣднимъ добрый Нѣмецъ Тикъ когда-то думалъ даже соперничествовать, повѣривъ на-слово братьямъ Шлегелямъ, объявившимъ его, по своимъ католическимъ разсчетамъ, главою романтической школы. Взятый самъ-по-себѣ, безъ сравненія съ великими поэтами, Тикъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, не послѣдній писатель въ Германіи; у насъ онъ былъ бы изъ первыхъ и — чего добраго! — слылъ бы за генія... Мы не ставимъ г. Кукольника наравнѣ ни съ такими сочинителями, какъ Тредьяковскій, Сумароковъ и Херасковъ, ни съ такимъ писателемъ, какъ Тикъ: г. Кукольникъ, безъ всякаго сомнѣнія, столько же выше первыхъ, сколько ниже послѣдняго. Не-

Digitized by Google

сомнѣнное превосходство г. Кукольника передъ тремя плодовитыми авторами добраго стараго времени нашей литературы заключается не въ одномъ преимуществѣ настоящей эпохи передъ семидесятыми годами прошлаго столѣтія, но и въ талантѣ. Превосходство Тика передъ г. Кукольникомъ состоитъ не въ одномъ талантѣ, но и въ большей артистически-ученой настроенности души, въ большей обширности не однихъ фактическихъ свѣдѣній и многосторонней эрудиціи, но и въ философскомъ, мыслительномъ, идеальномъ образованіи. Плодовитые писатели, подобные Тику, всегда означаютъ или цвѣтущее состояніе, или упадокъ литературы: если они являются при великихъ творцахъ, какъ явился Тикъ при Шиллерѣ и Гёте, — они служатъ несомнѣннымъ признакомъ цвѣтущаго состоянія литературы; если же они дѣйствуютъ одиноко, на первомъ планѣ, какъ дѣйствуетъ теперь въ Германіи Тикъ, со времени смерти Гёте, — они означаютъ упадокъ литературы. Кабы мы не ожидали на-дняхъ выхода «Похожденій Чичикова» Гоголя, то, смотря на усердные и обильные труды гг. Кукольника, Полеваго и Ободовскаго, не на шутку подумали бы, что русской литературѣ настаетъ конецъ концовъ...

Подобно Тику, г. Кукольникъ написалъ кое-что весьма-замѣчательное, если взять въ разсчетъ бѣдность русской литературы; подобно Тику, онъ не написалъ ничего рѣшительно-дурнаго... Здѣсь мы опять должны оговориться, что сближеніе г. Кукольника съ Тикомъ, по нашему мнѣнію, можно основывать не на равенствѣ ихъ между собою, а на общности значенія, какое каждый изъ нихъ имѣетъ въ-отношеніи къ *своей* литературѣ — не болѣе. Такъ, на-пр., смѣшно было бы и сравнивать «Эвелину де Вальероль» г. Кукольника съ романомъ Тика «Витторія Аккоромбона»: послѣдній романъ могъ живо заинтересовать собою даже образованную нѣмецкую публику, а первая не произвела особеннаго впечатлѣнія даже между читателями «Библіотеки для Чтенія». И между тѣмъ, все-таки, сравнительно съ современными русскими романами, каковы: «Человѣкъ съ высшимъ взглядомъ», «Жизнь и Похожденія Столбикова», «Семейство Холмскихъ» (изданное прошлаго года въ третій разъ), «Автохлатъ», «Непостижимая», «Два Призрака», «Миропіевъ» и пр., — сравнительно съ ними, «Эвелина де Вальероль» есть произведеніе геніальное, великое, громадное, словомъ то же самое, что романы Вальтера Скотта въ сравненіи съ «Эвелиною де Вальероль»...

Что же касается до новаго романа г. Кукольника «Альбэ и Альбова» — онъ особеннымъ образомъ относится ко исчисленнымъ нами современнымъ русскимъ романамъ. Онъ и лучше и хуже ихъ: лучше потому, что въ немъ больше не только смыслу, но и ума, хуже потому, что въ немъ меньше свободы и добродушной искренности. Дѣло въ томъ, что гг. сочинители помянутыхъ романовъ пробовали свои эпическіе голосовъ, какой дала имъ природа, и если ихъ пѣснопѣнія звучали довольно-удовлетворительно, — больше всего виноватъ въ томъ природа, не давшая имъ лучшаго голоса, а самихъ пѣвцовъ можно винить развѣ въ томъ только, что они нисколько не обработали ученіемъ своихъ и безъ того посредственныхъ голосовъ; тѣмъ же Кукольникъ пропѣлъ эпопею объ «Альбэ и Альбовѣ» нѣсколькими тонами выше своего природнаго голоса, и потому не растянулъ роли пѣвца, которыя, у тонами, совершенно напряженіемъ горла своего не научился и устоять своихъ струнъ. Если «Миропіева» можно считать такъ сжато, какъ напечатанъ новый романъ г. Кукольника, то всѣ четыре части «Миропіева» легко уравнялись бы въ объемѣ съ одною частію «Альбэ и Альбовы», но это-то и составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ романа г-на Кукольника. Обширность объема имѣетъ значеніе только въ

Digitized by Google

результатъ обширности содержанія, требующаго для себя широкихъ рамъ; въ противномъ же случаѣ, она очень сбивается на пухлость, водяность, растянутость и тому-подобныя незавидныя качества. Въ новомъ романѣ г. Кукольника, нѣтъ никакого содержанія; заключающіяся въ немъ приключенія и похожденія могли бы умѣститься въ повѣсть обыкновеннаго размѣра. Чрезвычайное множество дѣйствующихъ лицъ, которыми, такъ-сказать, наничканъ и начиненъ романъ, также принадлежитъ къ числу его главнѣйшихъ недостатковъ. Дѣйствующее лицо въ романѣ непремѣнно должно быть *характеромъ*, или совсѣмъ не должно существовать: въ этомъ отношеніи, ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Альфѣ и Альдонѣ» не имѣло бы ни малѣйшаго права на вниманіе къ себѣ со стороны не только мыслящей, но и просто читающей публики. Г. Кукольникъ хотѣлъ, въ своемъ романѣ, начертать картину нравственнаго и политическаго состоянія Литвы въ половинѣ XIV столѣтія, когда князья частію исповѣдывали христіанскую религію, съ половиною народа, частію покровительствовали ей, между-тѣмъ, какъ другая половина народа держалась издыхающаго язычества. Не знаемъ, до какой степени подобная эпоха можетъ служить романисту; но знаемъ, что г. Кукольнику она весьма плохо послужила. Въ романѣ его безпрестанно упоминается объ «эпохѣ»: онъ неизмѣренъ литовскими именами мѣстъ, урочищъ и людей того времени, но колорита и духа эпохи нѣтъ и признаковъ. Ольгердъ, честолюбивый, хитрый воинъ и политикъ въ духѣ временъ полуварварскихъ, является у г. Кукольника цивилизованнымъ человѣкомъ нашего времени, добрякомъ, сантиментальнымъ фразёромъ, хоть авторъ и увѣряетъ читателя, что это — герой и великій человѣкъ. Братъ Ольгерда, Кейстутъ, настоящій герой романа, тоже похожъ на человѣка нашего времени, которому пришла въ голову фантазія нарядиться воинственнымъ варваромъ XIV вѣка и, подобно донъ-Кихоту, прикинуться рыцаремъ, вмѣсто того, чтобъ жить добрымъ помѣщикомъ, — сражаться съ баранами, а не заниматься овцеводствомъ. Альфъ и Альдона — плодъ любви Литвянки и нѣмецкаго рыцаря, совоспитанники дѣтей Гедымина. Кейстутъ любилъ Альдону; Альфъ — Анастасію, дочь боярина. Тотъ и другой влюбились потомъ въ вайделотку Бируту. Эта Бирута — существо неземное, красота не описанная, умъ высокій, богиня душою и сердцемъ, идеалъ женскаго совершенства, внѣшняго и внутренняго. Все это очень-хорошо; худо только, что во всемъ этомъ мы должны вѣрить на-слово *описаніямъ* автора; сами же мы видимъ въ Бирутѣ собраніе общихъ реторическихъ мѣстъ, полую воду фразъ и словъ, натянутость и напыщенность. Альдона, въ свою очередь, то же идеалъ невообразимыхъ совершенствъ, и намъ очень-жаль, что авторъ не позаботился помочь нашему недоразумѣнію, сказавъ, которая изъ этихъ «неземныхъ дѣвъ» выше. И такъ, Альфъ и Кейстутъ — соперники; но первый долженъ былъ уступить Кейстуту; въ-слѣдствіе чего и сдѣлался негодяемъ, предателемъ, навелъ Кейстута на засаду и живаго выдалъ Нѣмцамъ, а самъ какъ ни въ чемъ не бывалъ. Правда, онъ же потомъ и помогъ Кейстуту вырваться изъ плѣна, но потому только, что Бирута дала ему слово не принадлежать никому, кромѣ какой-то глупой богини, которой она посвятила свое дѣвство. Между-тѣмъ, мы не знаемъ, кого изъ нихъ любитъ Бирута, или любитъ ли она кого-нибудь: хотя Бирута и разговариваетъ на нѣсколькихъ страницахъ, но изъ ея болтовни ничего нельзя выжать. И вдругъ, ни съ того ни съ сего, Бирута рѣшается выйдти за Кейстута; Альфъ же, затаивъ ненависть къ Кейстуту, уѣзжаетъ въ Москву, чѣмъ и кончается длинный и скучный романъ. Но и достиг-

Digitized by Google

ши вожделѣннаго конца романа, читатель не видитъ конца своему умственному истязанію! Послѣднія строки сильно заставляютъ его опасаться еще новаго романа, въ которомъ, вѣроятно, безчестный Альфъ будетъ играть уже не третестепенную, а первую роль..

Къ главнымъ лицамъ романа г. Кукольника принадлежитъ лицо князя овручскаго Юрія Романовича, иначе барона Кристофа. Это, изволите видѣть, человѣкъ, который съ-молоду только и дѣлалъ, что насиловалъ женщинъ, не разъ былъ женатъ, потомъ исправился и — сдѣлался шпіономъ... Право, такъ! Пріобрѣтя довѣренность Нѣмцевъ, онъ знаетъ тайны ордена и передаетъ ихъ Ольгерду. Онъ въ романѣ всюду и нигдѣ: является всегда нечаянно, эффектно, театрально, исчезаетъ также внезапно. Онъ водитъ за - носъ Нѣмцевъ, не потому, чтобъ самъ былъ слишкомъ-уменъ и слишкомъ-хитеръ, — напротивъ, онъ довольно-простъ и ограниченъ, какъ всѣ болтуны, (а онъ, надо признаться большой болтунъ) — нѣтъ, онъ обманываетъ Нѣмцевъ потому только, что г-ну Кукольнику угодно было представить Нѣмцевъ глупѣе даже самого овручскаго князя, Юрія Романовича, барона Кристофа тожд. Цѣлую жизнь надувалъ онъ Нѣмцевъ самыми дѣтскими штуками, ни разу не возбудивъ въ нихъ ни малѣйшаго подозрѣнія, — и они не повѣсили его... А вѣдь стоило бы повѣсить: онъ былъ предатель, шпіонъ, и все это не изъ какого-нибудь важнаго побужденія, какъ наприм., религіознаго, политическаго, или національнаго фанатизма, или, наконецъ, изъ жажды личнаго мщенія; а такъ — отъ нечего-дѣлать, изъ уваженія къ Ольгерду и изъ желанія доставить г-ну Кукольнику оригинальное лицо для романа, лицо благороднаго предателя, идеальнаго шпіона, который тѣмъ не менѣе достоинъ висѣлицы по законамъ военнымъ и гражданскимъ. Нельзя безъ смѣха читать, какими ребяческими продѣлками способствуетъ баронъ Кристофъ (онъ же и князь овручскій, Юрій Романовичъ) бѣгству Кейстута изъ нѣмецкаго плѣна, какъ кстати помогаетъ ему въ томъ и глупость комендора, и его давнишняя связь съ сумасшедшею Гертрудою, и любовь ея дочери, Матильды, къ графу Герарду, и буря, и наводненіе, и пьянство Омельки, и охота въ Маріенгаузѣ, и проч. и проч.!.. И не смотря на то, что этотъ человѣкъ равнодушно, безъ сожалѣнія, безъ раскаянья обманываетъ людей, съ которыми связанъ и дружбою и любовью, авторъ силится представить его человѣкомъ благороднымъ и возвышеннымъ!..

Послѣ Юрія Романовича, или прежде его, — не знаемъ, право — должно занимать первое мѣсто въ романѣ лицо Цвиркуна, пѣстуна Гедыминовичей и Альфа. Въ немъ благосклонный читатель долженъ видѣть также человѣка идеально-высокаго, но въ то же время и прозаическаго, комически-веселаго, милаго, любезнаго, а автору, не можетъ быть пріятно, если неблагосклонный читатель увидитъ въ Цвиркунѣ пустаго болтуна, который, думая быть оригинальнымъ и шутливымъ, въ своемъ многоглаголаніи бываетъ только невыносимо-скученъ. Натянутость и неестественность въ комическомъ еще несноснѣе, чѣмъ въ трагическомъ... А вотъ сейчасъ явился на сцену и трагическія ходули: на нихъ громоздится, шатаясь и падая безпрестанно, сумасшедшая Кундина — лицо мелодраматическое до смѣшнаго и шутовскаго. Кстати о шутовскомъ: въ романѣ г. Кукольника оно имѣетъ особеннаго представителя въ лицѣ Ларчика, маленькаго урода и шута при дворѣ Ольгерда. Этотъ Ларчикъ не простой шутъ: онъ сгораетъ пламенною, страстію къ Аидонѣ, за что Ольгердъ то-и-дѣло бьетъ его костылемъ...

Но не перечесть всѣхъ героевъ и романѣ г. Кукольника. На обрисовку каждаго изъ нихъ авторъ не пожалѣлъ словъ, и каждое изъ нихъ не ка-

Digitized by Google

нетъ словъ, чтобъ насмучить собою читателю. Въ романѣ, какъ и въ самой дѣйствительности, могутъ быть лица случайныя и незначительныя; но только великіе поэты умѣютъ одною чертою, однимъ словомъ очеркивать ихъ характеры; обыкновенные таланты оставляютъ ихъ такъ, а посредственности заставляютъ ихъ высказывать себя пустымъ многословіемъ, которое дѣлаетъ ихъ еще безличнѣе. Вообще, характеры у г. Кукольника черчены такими общими, безхарактерными чертами, что трудно отличать одно лицо отъ другаго, и читатель невольно запутывается въ чащѣ именъ, словно въ густомъ лѣсу. Характеръ разсказа г. Кукольника аллегорическій: кончивъ главу и прощаешься надолго съ выведенными въ ней лицами и событіями, чтобъ въ слѣдующей познакомиться съ новыми, а когда потомъ опять встрѣтишься съ первыми, то уже и не узнаёшь ихъ. Самъ романъ начинается съ 225-й страницы перваго тома: все предъидущее есть родъ введенія. Слогъ романа соотвѣтствуетъ содержанію и характерамъ дѣйствующихъ лицъ: онъ какъ-то тоскливъ и наводитъ дремоту...

186) **Мать и Дочь.** *Роман въ двухъ частяхъ. Сочиненіе* Михаила Чернявскаго. *Москва. Въ тип. В. Кирилова. 842. Въ 12-ю д. л. Двѣ части. Въ I-й 67, во II-й 867 стр.*

На оборотѣ заглавнаго листа вы читаете: «*Печатать позволяется. Кіевъ*, и проч.». Такая отмѣтка — истинная находка для библіографа! Кіевъ! Такъ отъ тѣхъ родина новаго романа! Тѣсть, это по всей вѣроятности не самый Кіевъ, а вообще Малороссія, — можетъ-быть, Миргородъ, или что-нибудь подобное. Отъ Миргорода до типографіи г. Кирилова разстояніе такое незначительное! Мы, однако, можетъ-быть, и ошиблись: легко могло случиться, что «сочиненіе» г. Михаила Чернявскаго сочинено и не въ Миргородѣ; но главное дѣло не въ томъ: намъ сдается, что оно сочинено совсѣмъ не г-мъ Чернявскимъ, а кѣмъ нибудь изъ людей очень знакомыхъ: — Чернявскій, это только псевдонимъ, подъ которымъ скрыто настоящее, знакомое намъ лицо. И кому же въ тѣхъ краяхъ написать такой романъ, какъ, напримѣръ, не Петру Ивановичу Бобчинскому (извѣстному лицу въ «Ревизорѣ» Гоголя)?.. Пробѣжавъ двѣ-три страницы, вы уже согласитесь, что наша догадка походитъ на правду. Вотъ описаніе красавицы:

«Она имѣла ростъ посредственный, талію самую граціозную, волосы темно-каштановые, тѣло до чрезвычайности бѣлое и нѣжное, глаза, какъ небо голубые, взглядъ пріятный, свѣтлый и всегда полный огня, въ немъ можно было замѣтить и остроуміе, и отблескъ такой души, которая способна воспламеняться въ романическихъ идеяхъ... (стр. 11).

Довольно! дѣло, кажется, ясно. Вслушайтесь особенно въ послѣднюю фразу — «способна воспламеняться въ романическихъ идеяхъ»: кто же могъ сказать такъ, какъ не Петръ Ивановичъ Бобчинскій, онъ, который вездѣ видѣлъ «такую физіономію» и всегда «что-то внушающее»? Но сдѣлаемте два шага впередъ. Начинается мазурка. Красавица, способная воспламеняться въ романическихъ идеяхъ, становится въ паръ съ г-мъ Ивановымъ, который, кажется, также страдаетъ этимъ порокомъ. У нихъ завязывается разговоръ:

«Вы здѣсь, monsieur Ивановъ, еще недавно въ нашихъ мѣстахъ? спросила Софья своего кавалера, окончивъ туръ и садясь на стулъ. — Oui madam! отвѣчалъ Ивановъ, слегка наклонившись, я такъ еще мало имѣю здѣсь знакомыхъ, что съ душевнымъ удовольствіемъ принялъ приглашеніе нашего полковника отрекомендоваться въ вашемъ домѣ и, признаюсь, въ восхищеніи отъ радостнаго пріема вашего. — Благодарю васъ за комплиментъ. — О, нѣтъ, это совершенная истина, вы очаровали меня баломъ, въ которомъ я нахожу такъ много пріятнаго, такъ много увлекательнаго. — Вторично благодарю васъ; но позвольте мнѣ быть увѣренной, что послѣ столичныхъ ба-

Digitized by Google

...ность, вамъ должень казаться очень страннымъ нашъ провинціяльный.—Вы такъ думаете, но мнѣ было бы очень пріятно разувѣрить васъ и доказать вамъ, что столичные слишкомъ этикетные балы совершенно мнѣ не были никогда пріятны; на нихъ я какъ-то бываю сжатъ приличіемъ и неспособною осторожностію въ словахъ и въ изобрѣтеніи пріятныхъ фразъ, ежеминутно боясь, чтобы не сказать лишнее словцо, чтобы не ступить неловко; тамъ все это замѣчается и, Боже упаси, попасть на языки столичныхъ дамъ и франтовъ-кавалеровъ, почтъ-уже (уже?) нашего для мѣстнаго круга... (стр. 22 и 23).

Какъ вы думаете, милостивые государи, а мнѣ ужь не сдается болѣе: нѣтъ, я совершенно увѣренъ въ томъ, что не только этотъ романъ писанъ Петромъ Ивановичемъ Бобчинскимъ, но и самый этотъ г. Ивановъ, который велъ разговоръ, былъ не кто-нибудь иной, какъ самъ же Петръ Ивановичъ, только уже побывавшій въ столицѣ и видѣвшій, по-крайней-мѣрѣ, Ивана-Великаго; а эта Софія не кто другая, какъ сама Марья Антоновна, дочь Сквозника-Дмухановскаго, какъ извѣстно всему свѣту, столько способная воспламеняться въ романическихъ идеяхъ. То же самое пріемы, тотъ же взглядъ на вещи, та же разумная рѣчь! Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы отъ насъ не спрячетесь. Вы, правда, много измѣнились, отпустили французскія словца, которыя слышали раза два отъ проходящихъ по улицѣ, когда были въ столицѣ: и вы, можетъ-быть, произносите ихъ съ большимъ искусствомъ, но какъ вы ихъ пишете, Петръ Ивановичъ!.. Ужь лучше бы вы не стыдили себя или хоть спросили бы у Марьи Антоновны: она бы, можетъ-быть, пріискала это словца во «Французскихъ Разговорахъ», а тогда бы вы могли ихъ списать. Но ouy, madame, или oui, Mes, и прочая, какъ вы ихъ пишете въ другихъ мѣстахъ—на что же это похоже!.. Э, Петръ Ивановичъ, плохой очищалочь; измѣнили вы себѣ, уронили вашу репутацію въ глазахъ по-

...пишите ихъ скорѣе, не спрячетесь, карамель, чтобы васъ не видѣли.

187) *Нищій, драма съ прологомъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1842. Въ 8-ю д. л. 116 стр.*

Къ сожалѣнію же нашему, два большія извѣстія мы относимъ въ слѣдующія слова, напечатанныя на 3-й страницѣ: *«Другу Николаю Захаровичу Шестовалову»*. Не спрашивайте насъ, что это за твореніе, которое господинъ Шестовалъ дарятъ нашей литературѣ: почтенное ли это драма, или не драма, или что-нибудь и того хуже; переводъ ли, или оригинальное произведеніе Ницціе, милостивые государи, не знаемъ, ни другое—это для насъ больше, и меньше, какъ сердечное приношеніе, жертвуемое истинной дружбѣ, то есть Николаю Захаровичу. Надобно только заглянуть въ книгу, чтобы понять, что два православные христіанина, отъ нечего дѣлать, въ сторонѣ книгу, два слова о дружбѣ.

Насъ прічтиваетъ думать, что дружба величайшее благо человѣка, сладкое утѣшеніе въ несчастіи, другіе спорятъ до очень, что дружба сущая гадина, самая скверная вещь. Такъ бываетъ въ тѣхъ, которые знаютъ только книги и не пробовали посмотрѣть на дѣло, и тогда узнаютъ, что вамъ все насъ бываетъ наоборотъ. Хорошо еще, если вашъ другъ будетъ хоть продавецъ пряныхъ кореньевъ: тутъ еще нѣтъ особенной бѣды. Но представьте себѣ, что вы связаны узами дружбы съ «сочинителемъ»: думаете ли вы, что эти узы будутъ походить на розовыя цѣпи?.. До времени—тогда, когда вашъ другъ...вдохновенія, почувствуетъ вдохновеніе, начнетъ писать, писать и...писать—захочетъ еще раздѣлить свои чувства. На кого, думаете вы, падетъ тогда все бремя этого вдохновенія? О, это вопросъ очень важный. Возьмите образецъ хотъ вами въ примѣръ «Николай Захаровичъ». Думаете ли вы, что дру-

Digitized by Google

жа, сравнивающее его талант [illegible] ни узнать съ авторомъ Никиты Шестовыхъ, обходится ему легко. Думаете ли вы, что она доставляетъ ему только одни наслажденія? О, вы ошибаетесь, если держитесь такого мнѣнія на Николая Захаровича! Легкитъ-нибудь братецъ Г. Шестовыхъ дамъ теперь книгу: спрашивается, кто ее будетъ читать съ? Ни вы, ни я, ни никто сколько-нибудь грамотный не станетъ, потому-что грамотные люди имѣютъ обыкновеніе не читать безтолковыхъ книгъ, особенно если онѣ написаны Богъ-знаетъ какими стихами, неспособными ни на какую стать. И такъ для кого же написана эта книга? О, безъ-сомнѣнія, для Николая Захаровича. И какъ же ему, другу Шестова, не читать книги, которая не только для него написана, но еще и напечатана, даже, вообразимъ себѣ, представлена ему въ самомъ богатомъ переплетѣ! Послушаемъ теперь о помѣщеніи бодраго Николая Захаровича: онъ долженъ будетъ читать книгу своего друга, не только читать, но непремѣнно дочитать ее до конца, потому-что другого на другой же день пріѣдетъ къ нему на квартиру и поставитъ его пересказывать все содержаніе книги, потребуетъ отъ него мнѣнія на каждую страницу. И что только не прочтетъ здѣсь Николай Захаровичъ! Онъ прочтетъ и это блестящее сравненіе:

«Поверь, любовь написанный стихъ мадонъ,
Въ игрѣ на марки, а поверка въ деньгахъ,
А кто не рисковался, больно отъ нея...
Такъ и любовь, вся суета къ деньгамъ» (стр. 32).

Развѣ это эстетическій? Прочтетъ и это:

«Прошу, сеньоры, будьте веселы, пусть
Каждый изъ васъ заглушитъ свое сердце
Какою нибудь душою въ обществу» (стр. 34).

Развѣется, Николай Захаровичъ не можетъ такихъ вещей оставить, будетъ читать далѣе. На 35-й стран. онъ опять остановится:

«Часталъ часто любный часъ!
Онъ рѣшитъ мое исполненье, успѣхъ вре-
мени.
Все возмущено, вся кипитъ злобой къ
герцогу,
Онъ разсчитываетъ наслѣдство по кровѣ
къ власти.
Какъ медвѣдь въ лѣсу не видавши лица!

Ему же, бѣдному «Николаю Захаровичу», разгадывать и слѣдующія загадки (стр. 70):

Новыя гуса — хорошо у кого лишняго
хлѣба,
Они разгоняютъ черную слабость свѣта,
Разобличаютъ блескомъ разнообразія ве-
щи,
И человѣкъ становится угадчивѣе прежняго
Достигаетъ по-крайней-мѣрѣ лучшаго
или хуншаго
Перемѣна судьбы сопровождается съ его
жизнію...

Бѣдный «Николай Захаровичъ»! ты совсѣмъ спалъ въ турицъ... Читайте, однако, читайте: другъ вашъ потребуетъ отъ васъ отчета, а еще тогда долеко до конца...

Говорятъ же люди этого, что дружескія связи самыя легкія... Пусть онѣ безтолковыя переводятъ или читаютъ, пусть называютъ нѣкоторые переводы, научатъ правильнѣе смотрѣть на дружбу.

188) Спасо-Андрониковъ (Монастырь?). *Сочиненіе* Н. Иванчина-Писарева. *Москва. Въ тип. А. Семена, 1842. Въ 8. 6. л. 130 стр.*

Почтенный авторъ, любитель древностей русскихъ и въ особенности церковныхъ древностей, любитъ описывать монастыри. Кто же, наконецъ, авторъ не знаетъ? Кто не знаетъ, что въ одно утро онъ (авторъ) былъ въ Новоспасскомъ Монастырѣ, а въ одно утро въ Синодѣ? Точно такъ же, какъ слушалъ, что за другую дерзость же самый авторъ могъ быть и въ

другомъ монастырѣ, на-пр. въ Андроньевѣ, и также описать его въ особенной брошюрѣ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, мы думали, читая заглавіе «Спасо-Андрониковъ», и хотѣли съ помощію этой книги повѣрить то, что мы знаемъ о мѣстоположеніи этого извѣстнаго въ Москвѣ монастыря; но — это было самое жестокое заблужденіе, какъ показала намъ первая же страница: авторъ вовсе не думалъ говорить объ извѣстномъ Андроньевомъ Монастырѣ — онъ хотѣлъ изобразить одну удивительную мѣстность, лежащую, какъ надобно полагать, гдѣ-то неподалеку отъ Каспійскаго Моря, впрочемъ такъ, что съ нея видна и златоглавая Москва. Читатели именно согласятся съ нами, прочитавъ слѣдующія строки, въ которыхъ изображается эта удивительная мѣстность:

«Прибрежный гороскатъ (?) разстилаетъ (?) у ногъ вашихъ и желтѣющія мѣли, и яркозеленые луга, межъ коихъ крадется *смиренная Яуза, какъ бы боясь шумныхъ стремнинъ Волги и зыбей каспійскихъ*. У самыхъ стѣнъ обители *представляется обширный обзоръ* (?, холмовъ, лѣсочковъ, церквей, сельскихъ домиковъ (мы говорили, что это совсѣмъ не въ Москвѣ). Ихъ *кольцеобразное обстояніе* (?) *смыкается бѣлостѣнною*, златоглавою Москвою, которая, заслонивъ западъ своими пятикупольными храмами, своими шпилями, исчезающими въ небосклонѣ, дивитъ смѣсью зодчества и поражаетъ какимъ-то особеннымъ величіемъ.»

Удивительное мѣстоположеніе! Какъ желали бы мы посмотрѣть, что это за чудесный «гороскатъ, который разстилаетъ мѣли и луга»! Какъ желали бы мы взглянуть на такую Яузу, которая «боится зыбей каспійскихъ»! А обширный *обзоръ* холмовъ, лѣсовъ, сельскихъ домиковъ, которые *представляется* съ этого гороската! А это дивное «кольцеобразное обстаніе, которое смыкается бѣлостѣнною (?) Москвою»?... Развѣ все это не чудеса? - Мы надѣемся, что почтенный авторъ не замедлитъ объяснить подробнѣе въ другой брошюрѣ, гдѣ находится эта фантастическая мѣстность.

P. S. Пересматривая «Примѣчанія» къ брошюрѣ, вообще довольно-многорѣчивыя, но часто и очень-основательныя, особенно гдѣ дѣло касается топографіи Москвы, мы съ изумленіемъ встрѣтили въ одномъ изъ нихъ слѣдующую откровенную исповѣдь автора:

«Обращусь минутно (?) къ умѣреннымъ и снисходительнымъ судіямъ. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчаютъ, что я часто прибѣгаю къ реторикѣ, заключивъ въ томъ же отзывѣ, что мои сочиненія полны духа набожности и патріотизма. Послѣднее мнѣніе, столь для меня лестное, ободрило меня сдѣлать самому себѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчали мнѣ и классически (?) и какая то внутренняя, врожденная логика: Что такое набожность?—Чувство.—Что такое патріотизмъ?—Чувство же.—Потомъ я спросилъ у древней и новой учености, у всего, что только умѣло говорить и писать: чѣмъ выражается чувство? Отвѣтомъ было: Реторикой (!!!). И такъ я не могъ обойтись безъ нея» (стр. 54).

Наивно, очень-наивно! Такъ все дѣло въ «реторикѣ»? Такъ это она, волшебница, владѣетъ тайною показывать всѣ вещи на-изнанку и ставить вверхъ-дномъ всѣ человѣческія понятія и представленія о предметахъ? Такъ это она заставляетъ Яузу бояться Каспійскаго Моря, производитъ «гороскаты и кольцеобразныя обстанія» и видитъ бѣлыя стѣны вокругъ города, который не имѣетъ другаго огражденія, кромѣ вала?... Такъ это она, наконецъ, дѣлаетъ изъ Андроньева-Монастыря такую чудесную фантасмагорію что въ ней и узнать ничего нельзя?... Да, это она, старинная фокусница—нельзя не узнать ея; и мы совершенно согласны, что авторъ «Спасо-Андроникова» не могъ лучше подшутить надъ нами, какъ избравъ это довольно-изношенное, но всегда вѣрное средство. Насъ изумляетъ лишь одно обстоятельство: авторъ, по-видимому, очень-добросовѣстно, увѣряетъ, что онъ спрашивалъ у всей новой учености, и она будто-бы единогласно отвѣчала ему, что чувство вы-

Digitized by Google

ражается «реторикой»! Но, почтенный авторъ, если только вы все еще не шутите, гдѣ же вы нашли такую безсмысленную ученость, которая бы вамъ прямо могла бы сказать вамъ, что чувство и реторика одно и то же, и хотя вскользь не замѣтила вамъ, что реторика всегда означаетъ именно отсутствіе чувства? Вы, конечно, ужъ знаете, что реторика никогда не дастъ вамъ чувства, а если оно есть у васъ, это истинное, человѣческое чувство, то вѣрно вы не пойдете просить совѣта у реторики, какъ выразить его по-человѣчески. Но — не скрывается ли и въ этомъ вашемъ оправданіи опять та же реторика? «Вся новая ученость» не значитъ ли — «Реторика Кошанскаго», или другія тому-подобныя великія творенія?...

Скорѣе же мы пріймемъ вотъ этотъ вашъ отзывъ, которымъ вы и начинаете свое обращеніе къ вашимъ «строгимъ судіямъ»:

«Признаюсь мнѣ трудно отстать отъ фразеологіи Карамзина, слишкомъ дѣтской для нашей возмужалости, слишкомъ вялой для нашего энергическаго вѣка; почти также трудно, какъ отстать и отъ сходства съ нимъ въ мысляхъ и сужденіяхъ. Мнѣ бы осталось долго раздумывать, обложась страницами современныхъ нашихъ писателей, чью фразеологію усвоить, набрать себѣ новыхъ типовъ, чтобы замѣнить привычную.» (Стр. 53).

Вы сказали много правды, почтенный авторъ, говоря о фразеологіи Карамзина: это доказываетъ, что у васъ есть очень-много такта для настоящаго разумѣнія вещей... Но вы напрасно приходите къ такое сомнѣніе, предполагая, что, какъ-скоро вы откажетесь отъ реторики, вамъ надобно будетъ вращаться въ какомъ-то хаосѣ разныхъ, одна другой враждебныхъ фразеологій. Совсѣмъ нѣтъ; вамъ вовсе не надобно выбирать нѣкоторыхъ особенныхъ типовъ, чтобъ хорошо писать по-русски: тутъ дѣло совсѣмъ не въ какой-нибудь пустой «фразеологіи», а въ настоящемъ человѣческомъ языкѣ, который выражалъ бы не мечты, а существенныя понятія, изображалъ бы не химеры, а дѣйствительные предметы. Вамъ не нужно даже будетъ, какъ вы говорите далѣе, ни просѣкать себѣ новой тропы, ни творить новаго языка: отсѣкайте только все ложное, неестественное, и вы вѣрно останетесь при своемъ — истинномъ и естественномъ. Мы были бы готовы и болѣе говорить съ вами о «реторикѣ», столько вами любимой; но, право, игра не стоитъ свѣчь...

189) Сочиненія Гете. *Выпускъ 2. Спб. Въ типографіи Ильи Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 133 стр.*

Еще при самомъ объявленіи о выходѣ этого прозаическаго перевода сочиненій Гёте, ходили слухи, что онъ затѣянъ обществомъ молодыхъ людей. Мысль подобнаго *смѣлаго* предпріятія уже сама-по-себѣ оправдывала слухи, а первый выпускъ вполнѣ утвердилъ ихъ достовѣрность. Наконецъ, по случаю втораго выпуска, въ одной газетѣ было объявлено имя г. Бочарова, какъ одного изъ главныхъ переводчиковъ и участниковъ предпріятія. Г. Бочаровъ недавно издалъ книжку довольно-плохихъ стихотвореній — обстоятельство, которое, вмѣстѣ съ молодостью переводчиковъ Гёте, не могло не имѣть вліянія на переводъ! Въ-самомъ-дѣлѣ, безусловное уваженіе къ авторитетамъ — весьма-похвальная черта въ юношахъ, еще неуспѣвшихъ развиться до самостоятельнаго и самобытнаго сужденія о важныхъ предметахъ; но въ то же время, смѣшно и жалко видѣть, когда юноши, изъ своего слѣпаго уваженія къ авторитетамъ, силятся сдѣлать какой-то авторитетъ *для* людей, которые уже давно пережили свою школьную эпоху и пріобрѣли себѣ право смотрѣть на вещи глазами развитаго ума; а не безотчетнаго удивленія къ громкимъ именамъ. Забавно читать ученическія выходки противъ литераторовъ, которые достигли столь высокой точки воззрѣнія на Гёте, что

Digitized by Google

думаютъ о немъ, какъ о поэтѣ, написавшемъ много пустяковъ, считаютъ его пьесу «Закладъ» ничтожною вещью и т. п. Не знаемъ, право, кто такіе эти дерзкіе литераторы; но что касается до насъ, — повторимъ, не въ обиду юнымъ предагателямъ сочиненій Гёте, что великій и геніальный Гёте дѣйствительно написалъ много пустяковъ, въ сравненіи съ которыми даже и сочиненія какого-нибудь Клаурена могутъ показаться чѣмъ-то порядочнымъ; пьесы «Братъ и Сестра», «Закладъ» и «Стелла» именно принадлежатъ къ самымъ пустымъ и вздорнымъ произведеніямъ великаго германскаго поэта. Царь внутренняго міра души, поэтъ по-преимуществу субъективный и лирическій, Гёте вполнѣ выразилъ собою созерцательную, аскетическую сторону національнаго духа Германіи, а вмѣстѣ съ нею необходимо долженъ былъ вполнѣ выразить и всѣ крайности этой стороны. Чуждый всякаго историческаго движенія, всякихъ историческихъ интересовъ, обожатель душевнаго комфорта до безстрастія ко всему, что могло смущать его спокойствіе — даже къ горю своего ближняго. Нѣмецъ вполнѣ, которому вездѣ хорошо и который со всѣмъ въ ладу, «Гёте невыносимо-великъ въ большей части своихъ лирическихъ произведеній, въ своемъ «Фаустѣ» — этой *лирической* поэмѣ въ драматической формѣ, въ своемъ «Прометеѣ», въ которомъ онъ самъ является похитителемъ небеснаго огня, въ своей «Коринѳской Невѣстѣ», и множествѣ другихъ преимущественно-лирическихъ произведеній; но Гете слабъ въ драмѣ (за исключеніемъ перваго и превосходнаго опыта «Гецъ фон Берлихингенъ») вообще сладокъ, приторенъ во многихъ изъ своихъ драмъ. Онъ любилъ дѣлать героями своихъ драмъ характеры слабые, ничтожные, изнѣженные, женоподобные, каковы: Францъ Вейслингенъ (въ «Гецѣ») *Клавиго*, *Фернандо* и проч. Въ лицѣ Эгмонта онъ осуществилъ свой идеалъ «изящной личности», а этотъ идеалъ есть не что иное, какъ идеалъ «изящнаго эгоизма», которому, кромѣ самого-себя, все трынь-трава. Это чисто-субъективное, анти-историческое направленіе необходимо должно было, переходя въ крайность, доводить Гёте до сочиненія такихъ ничтожныхъ, жалкихъ, приторныхъ, сантиментальныхъ пьесъ, каковы — повторяемъ смѣло — «Братъ и Сестра», «Клавиго», «Добрыя Женщины», «Закладъ», «Стелла» и т. п. И какъ жаль, что юные переводчики начали передавать русской публикѣ Гёте именно съ его плохихъ и пустыхъ произведеній! Пока переводчики дойдутъ до истинно-великихъ его созданій, наша публика — чего добраго! — рѣшитъ, что Гёте былъ плохой писака, и предпріятіе, само-по-себѣ полезное и похвальное, пропадетъ такимъ образомъ въ самомъ началѣ своемъ. Второй выпускъ «Сочиненій Гёте» еще болѣе наполненъ пустяками, чѣмъ первый: за исключеніемъ статьи о Шекспирѣ, въ которой есть нѣсколько глубокихъ замѣчаній, все остальное — балластъ. Въ третьемъ выпускѣ, переводчики сулятъ намъ «Вертера», который уже извѣстенъ русской публикѣ по прекрасному переводу Рожалина. Господь! давайте скорѣе «Вильгельма Мейстера», «Wahlverwandschaften», «Гецъ фон Берлихингена», «Эгмонта», «Восточный Диванъ» и т. п.

Забавны слѣдующія строки въ приложенной ко второму выпуску деклараціи къ публикѣ отъ переводчиковъ: «О стихотвореніяхъ (разумѣется, такихъ, которыя не могутъ быть переведены прозою) мы пока не говоримъ ничего (*жаль!*); *отъ публики зависитъ дать намъ возможность представить ей стихотворенія Гёте, переданныя извѣстнѣйшими изъ русскихъ поэтовъ*. Другими словами: мы найдемъ извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтовъ переводить стихами стихотворенія Гёте! Sic! Да гдѣ же эти извѣстнѣйшіе поэты русскіе? И за чѣмъ намъ ваши стихотворные переводы? Вы обѣщали не

ревести всего Гете прозою — такъ и давайте же намъ вашъ прозаическій переводъ всего, что написалъ Гете, разумѣется, сперва лучшее, а потомъ уже слабѣйшее. Переводы въ прозѣ необходимы, ибо если они много теряютъ со стороны поэтическаго выраженія, за то много выигрываютъ со стороны вѣрности.

190. Шекспиръ. *Переводъ съ англійскаго* Н. Кетчера. *Выпускъ девятый.* Ричардъ III-й. *Москва. 1842. Въ тип. Н. Степанова. Въ 12-ю д. л. 155 стр.*

Девятымъ выпускомъ, заключающимъ въ себѣ «Ричарда III-го», начинается третья часть перевода г. Кетчера. Въ ней помѣстятся четыре пьесы: «Ричардъ III-й», Генрихъ VIII», «Комедія Ошибокъ» и «Макбетъ». На долю знаменитаго «Ричарда III-го» выпало у насъ нѣсколько переводовъ. Первый сдѣланъ былъ съ французскаго, еще въ 1787 году, подъ названіемъ: «Жизнь и Смерть Ричарда III-го, короля англійскаго». Другой, сокращенный сообразно условіямъ русской сцены, сдѣланъ, однимъ изъ петербургскихъ театральныхъ артистовъ. Третій, не сокращенный и переведенный съ подлинника, имѣемъ теперь отъ г. Кетчера, который съ любовью и, слѣдственно, усердіемъ продолжаетъ достойный истинной похвалы трудъ свой. «Отечественныя Записки» современемъ дадутъ полный отчетъ о переводѣ г. Кетчера, а теперь мимоходомъ скажемъ нѣсколько словъ о разумныхъ сокращеніяхъ и передѣлкахъ въ Шекспирѣ (такъ-какъ рѣчь уже зашла о бенефисныхъ передѣлкахъ), — припомните: *разумныхъ*, т. е. не тѣхъ, которыя нерѣдко позволяетъ себѣ буйное своеволіе артистовъ и которыя иногда основаны на ложномъ понятіи о драмѣ и сценѣ, а чаще ни на чемъ не основаны. Позволительны ли какія-нибудь передѣлки въ драматическомъ произведеніи, кто бы ни былъ его авторъ, когда это произведеніе ставится на сцену? Быть или не быть сокращеніямъ пьесъ Шекспира, сообразно времени, мѣсту, зрителямъ и другимъ театральнымъ условіямъ? вотъ вопросъ. Послушайте, что говорятъ объ этомъ умные люди:

«Въ историческихъ пьесахъ Шекспира есть многія мѣста, которыя стали для насъ чуждыми, или представляютъ намъ весьма-малый интересъ. Они могутъ нравиться намъ въ чтеніи, но не на сценѣ. Знатоки и записные критики театральнаго искусства возразятъ, безъ-сомнѣнія, что подобныя мѣста должны быть представляемы какъ рѣдкости: они вооружаются, конечно, противъ безвкусія публики, если публика обнаружитъ равнодушіе, даже скуку во время представленія. Но надобно помнить, что твореніе искусства назначается не для ученыхъ и знатоковъ собственно, а для публики, и потому неприлично критикамъ, въ этомъ случаѣ, брать на себя судъ и расправу, смотрѣть на себя высоко: они сами — часть публики, и легко можетъ случиться, что мелочная точность въ описаніи подробностей и для нихъ-самихъ не представитъ истинной занимательности. Вотъ почему Англичане даютъ только лучшія сцены изъ шекспировыхъ пьесъ — тѣ, которыя, при внутреннемъ достоинствѣ, совершенно доступны, понятны настоящему поколѣнію. Это право принадлежитъ не только той націи, которая гордится поэтомъ, какъ своимъ гражданиномъ, но и иноплеменнымъ народамъ: они тоже могутъ сокращать и передѣлывать драматическія произведенія, сообразно требованіямъ своего времени, страны, духу. Правда, истинное прекрасное — прекрасно во всѣ времена и для всѣхъ народовъ; но въ произведеніи искусствъ двѣ стороны, два элемента: вѣчный, негибнущій, и — временной, погибающій. Первый долженъ оставаться неприкосновеннымъ, второй можетъ быть измѣняемъ.»

Едва-ли нужно говорить вамъ, что это сужденіе принадлежитъ Гегелю и выражено въ его «Эстетикѣ».

Digitized by Google

191) Картины Русской Живописи. *Гравюры съ извѣстнѣйшихъ картинъ русской живописи, исполнены Робинсономъ, Гисомъ и другими лучшими лондонскими граверами.* Выпускъ первый. *Гравюра: Благовѣщеніе, съ картины Боровиковскаго. Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 32 стр.* (Цѣна каждому выпуску 50 коп. сер.; при полученіи выпуска вносятся деньги за слѣдующій).

Новое, чрезвычайно-изящное изданіе, которое непремѣнно найдетъ себѣ обширный кругъ читателей между охотниками до книгъ духовно-нравственнаго содержанія. «Картины Русской Живописи» будутъ издаваться выпусками; каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ два печатные листа текста и одну гравюру; въ-теченіе нынѣшняго года издастся 12 такихъ выпусковъ, въ которыхъ, слѣдовательно, вмѣстится 12 гравюръ и 24 печатные листа текста, что вмѣстѣ составитъ томъ, и къ нему, при послѣднемъ выпускѣ, дана будетъ гравированная на стали виньета съ общимъ заглавнымъ листомъ (*). Цѣль изданія состоитъ въ томъ, чтобъ доставить публикѣ отлично-гравированныя копіи съ лучшихъ произведеній русской иконной живописи, или съ картинъ религіознаго содержанія. Такъ, въ объявленіи объ этомъ изданіи, сказано, что уже изготовлены гравюры съ слѣдующихъ картинъ: 1) Благовѣщеніе, съ карт. *Боровиковскаго* (которая приложена къ *первому*, нынѣ-изданному выпуску), 2) Истязаніе Спасителя, съ карт. *Егорова;* 3) Явленіе Христа Магдалинѣ, съ карт. *Иванова;* 4) Причащеніе умирающей, съ карт. *Венеціанова;* 5) Іерусалимъ, съ карт. *Воробьева,* 6) Св. Дѣва съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, съ карт. *Бруни;* 7) Св. Василій Великій, съ карт. *Шебуева,* 8) Взятіе Богоматери на небо, съ карт. *К. Брюллова,* 9) Гробъ Господень, съ карт. *Воробьева;* 10) Пещера, съ карт. его же; 11) Св. Семейство, съ карт. *Егорова;* и 12) Тайная Вечеря, съ карт. *Шебуева.* Такимъ образомъ, издатели заготовили уже всѣ двѣнадцать гравюръ, нужныя для составленія объщаемаго ими тома. Это обстоятельство, равно какъ и имена нѣсколькихъ почтенныхъ лицъ, извѣстныхъ исправностію и изяществомъ своихъ изданій, — имена, хоть и не поставленныя на оберткѣ, но не смотря на то, намъ извѣстныя, — вѣрная и надежная порука въ томъ, что «Картины Русской Живописи» будутъ выдаваться аккуратно, что это изданіе уже вполнѣ, — по-крайней-мѣрѣ по главной и затруднительнѣйшей своей части, — составлено, и слѣдственно, не можетъ подвергаться никакимъ остановкамъ, зависящимъ отъ неисправности гравёровъ, случайностей подписки, и пр. и пр. Всѣ гравюры сдѣланы въ Англіи лучшими художниками, и если всѣ онѣ такъ же хороши, какъ приложенная при первомъ выпускѣ, то русскую публику можно поздравить съ превосходнымъ изданіемъ. Особенно хорошо исполненъ въ этой гравюрѣ ликъ архангела Гавріила, гдѣ соблюдены достоинства лучшей гравировки: вѣрность подлиннику (подлинникъ этой иконы — на царскихъ вратахъ Казанскаго Собора, въ Петербургѣ) и мягкость; — легкость, какая-то прозрачность и свѣтозарность всей фигуры архангела, такъ дивно выраженныя въ картинѣ, совершенно соблюдены и въ гравюрѣ.

Текстъ перваго выпуска состоитъ изъ трехъ статей: 1) Русская Школа Живописи, г. Кукольника, 2) Стихотвореніе г. Бенедиктова и 3) Благовѣщенскій Соборъ въ Москвѣ, автора «Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ». — Статья г-на Кукольника доказываетъ, что онъ довольно-внимательно изучилъ исторію живописи въ Россіи съ ея фактической стороны, но едва ли составилъ о ней себѣ вѣрный взглядъ: онъ видитъ «художество» тамъ, гдѣ не было замѣтно ничего, кромѣ «ремесла». — Стихотвореніе г. Бенедиктова относит-

(*) Желающіе подписаться на всѣ 12 выпусковъ платятъ 5 р. сер.

Digitized by Google

ся къ содержанію гравюры «Благовѣщеніе». — Лучшею статьею показалась намъ «Благовѣщенскій Соборъ въ Москвѣ». Въ ней соединены рѣдко соединяющіяся качества: точность описанія съ изяществомъ одушевленнаго изложенія. Авторъ «Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ» сохранилъ и въ этой статьѣ тотъ священный жаръ, которымъ проникнуты многія мѣста прежнихъ его сочиненій.

Кромѣ статьи г. Кукольника, весь текстъ перваго выпуска «Картинъ» относится прямо къ содержанію приложенной къ выпуску гравюры. Желательно было бы еще, чтобъ издатели давали при гравюрахъ и статьи о подлинникахъ, съ которыхъ онѣ сдѣланы, т. е. о достоинствѣ ихъ, о мѣстѣ, гдѣ онѣ находятся, и хоть біографическія свѣдѣнія о самыхъ художникахъ, которыхъ таланту обязаны мы этими картинами.

Дай Богъ успѣха доброму начинанію! Можетъ-быть, послѣ этого, появятся у насъ такія же изящныя копіи съ произведеній русской живописи и по другимъ частямъ.

192) Начальственныя Распоряженія *по Казанскому Учебному Округу, издаваемыя при Канцеляріи Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа.* Томъ V-й. *1842 годъ. Книжки I и II (январь и февраль). Казань. Въ тип. Университета. 1842. Въ 8-ю д. л. 16, 15, 3, 60 и 9 стр. Съ тремя таблицами.* (Цѣна 15 руб. асс. за годовое изданіе).

Съ 1838 года издаются въ Казани «Начальственныя Распоряженія по Казанскому Учебному Округу», которыя особенно-полезны для служащихъ въ этомъ округѣ и весьма-любопытны для всѣхъ любителей отечественнаго просвѣщенія. Книжки «Начальственныхъ Распоряженій» представляютъ постепенные успѣхи народнаго образованія въ восточномъ краю Европейской Россіи, на этомъ мѣстѣ сліянія Европы съ Азіей. Каждый нумеръ «Начальственныхъ Распоряженій» раздѣляется на нѣсколько отдѣленій: въ первомъ помѣщаются Высочайшія повелѣнія, во второмъ министерскія распоряженія, въ третьемъ распоряженія попечителя, въ четвертомъ оффиціальныя извѣстія о учебныхъ заведеніяхъ, въ пятомъ опредѣленія, увольненія, перемѣщенія, награжденія и проступки чиновниковъ; въ шестомъ, открытія новыхъ училищъ и проч. т. п. Читатели «Отечеств. Записокъ» въ третьей книжкѣ этого журнала на 1842 годъ видѣли извѣстія о состояніи учебной части въ Казанскомъ Округѣ (въ десятой статьѣ «Дорожныхъ Записокъ» г. Мельникова). Тамъ авторъ разсматриваетъ его сравнительно съ учебною частью въ Пермской Губерніи и основываетъ свои результаты на отчетѣ по Казанскому Округу за 1840 годъ. Помѣщаемъ здѣсь извлеченія изъ отчета по этому округу за 1841 годъ.

Въ Казанскомъ Округѣ считается десять гимназій, пять пансіоновъ при учебныхъ заведеніяхъ, семьдесятъ-три уѣздныя училища, сто приходскихъ; частныхъ заведеній — мужскихъ 2, женскихъ 3. Всего 193 заведенія. Въ нихъ чиновниковъ и преподавателей 860, вакантныхъ мѣстъ 96. Лицъ, занимающихся въ Казанскомъ Округѣ частнымъ воспитаніемъ дѣтей 82. Въ 1841 году открыты уѣздныя училища въ городѣ Мокшанѣ, Пензенской Губерніи (13-го мая) и въ городѣ Петровскѣ, Саратовской Губерніи (21 августа); приходскихъ училищъ 3, одинъ приготовительный классъ при уѣздномъ училищѣ и частный женскій пансіонъ въ Симбирскѣ. Сверхъ положенныхъ уставомъ предметовъ, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ введены дополнительные курсы, сообразно требованіямъ мѣстности. Такъ въ Первой Казанской Гимназіи, языки: англійскій, китайскій, арабскій, монгольскій, персидскій и турецко-татарскій; въ Астраханской Гимназіи, языки: персидскій, татарскій и армянскій и законоученіе по правиламъ грегоріанской церкви; въ Саратовской Гимназіи, на-

Digitized by Google

комъ Божіи, по ученію евангелическаго исповѣданія, въ Ставропольскихъ (Симбирской Губерніи) уѣздномъ и приходскомъ училищахъ калмыцкій языкъ и *основоположеніе* (*); въ Екатеринбургскомъ Уѣздномъ Училищѣ горнозаводскія науки, коммерція: бухгалтерія, начала физики и химіи; языки французскій, нѣмецкій и латинскій. Метода Ланкастера введена въ 34 низшихъ училищахъ. Къ 1-му января 1842 года въ этихъ заведеніяхъ округа находилось учащихся мужескаго пола 10,447 и женскаго 104, всего 10,591, изъ числа которыхъ дѣтей дворянъ и чиновниковъ 2,642, купеческихъ и мѣщанскихъ 4,120, разночинцевъ и крестьянъ 3,743. Отношеніе учащихся въ 1840 — 1841 учебномъ году къ числу жителей можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	Число жителей муж. пола.	Число учащихся муж. пола.	Отношеніе учащихся муж. пола къ числу жителей муж. пола.
Въ Астраханской Губерніи	114,900	580	1,198
— Казанской	607,306	2,346	1,959
— Пермской	717,378	2,429	1,295
— Пензенской	472,686	1,525	1,310
— Нижегородской	510,085	1,191	1,429
— Вятской	720,696	1,543	1,467
— Симбирской	600,000	1,268	1,573
— Саратовской	776,000	1,595	1,486
— Оренбургской	683 870	992	1,689
Во всемъ округѣ	5,202,921	13,469	1,386

Изъ учащихся оказали успѣхи въ наукахъ: хорошіе 7,267, посредственные 4,250. Имена отличныхъ учениковъ поименованы въ отчетѣ, это прекрасное средство возбуждать соревнованіе между учащимися и способствовать такимъ образомъ къ большему ихъ прилежанію. Замѣчательно, что изъ отличившихся учениковъ на первомъ мѣстѣ поставленъ Дордши Банзаровъ, *Монголъ*, ученикъ Первой Казанской Гимназіи. И здѣсь видимъ восточный духъ восточнаго края Европейской Россіи: этотъ мальчикъ, почитатель Шакіямуни и Далай-Ламы, вмѣстѣ съ самой (священникомъ) буддійскимъ Галсаномъ, пріѣхалъ, какъ извѣстно намъ, въ Казань учиться «русскимъ наукамъ». Вотъ истинное на-

значеніе учебныхъ заведеній, гдѣ Казани: разливать свѣтъ просвѣщенія въ Азіи, и переливать къ намъ свѣдѣнія объ азіатскихъ народахъ. Вотъ цѣль и значеніе самого Университета Казанскаго. Напрасно къ этой цѣли стремиться, а перекраивать на свой манеръ бѣдную русскую исторію можно и другимъ предоставить... Но къ дѣлу. Изъ распоряженій, относящихся къ улучшенію состоянія учащихся, въ учебномъ отношеніи особенно замѣчательно то, которое сдѣлано по мысли г. министра народнаго просвѣщенія: чтобъ къ испытанію учениковъ по закону Божіемъ приглашаемо было мѣстное почтенное духовенство. Это значительно укрѣпитъ и поддержитъ въ сердцахъ учащихся христіанское благочестіе. Въ библіотекахъ, находящихся при учебныхъ заведеніяхъ Казанскаго Округа, къ 1-му января 1842 года было 22,822 названія, въ 47,788 томахъ; физическихъ орудій 760, ри-

(*) Весьма-утѣшительный фактъ! Этимъ, безъ-сомнѣнія, уменьшится смертность между *Калмыками*, происходящая преимущественно отъ оспы.

Digitized by Google

ихъ учебныхъ пособій 15,675. Значительно пополнилась библіотека Второй Казанской Гимназіи отъ пожертвованія купцомъ Костяковымъ на 1654 руб. сереб. Во всѣхъ библіотекахъ прибыло книгъ 1,569 въ 2 831 томъ и учебныхъ пособій (ландкартъ, физическихъ орудій (*), атласовъ, глобусовъ, географическихъ сѣтей и пр. т. п.), 1,220 названій. При Вятской Гимназіи производились наблюденія надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки. Метеорологическія наблюденія были производимы при учебныхъ заведеніяхъ Нижняго-Новгорода, Астрахани, Саратова, Симбирска, Уфы, Вятки, Балахны, Горбатова, Ардатова (Нижегородской Губерніи), Нижняго-Ломова, Царицына и Оренбурга; всѣ они представляемы были для общаго соображенія въ Казанскій Университетъ; а изъ Нижняго-Новгорода и Саратова, сверхъ того, въ Императорскую Академію Наукъ. Нѣкоторые преподаватели въ гимназіяхъ, занимались въ 1841 году особыми трудами. Изъ всего округа — болѣе всего ученой дѣятельности видно въ Нижнемъ-Новгородѣ, вѣроятно потому-что онъ находится ближе прочихъ городовъ Казанскаго Округа къ центру просвѣщенія русскаго. Вотъ труды нижегородскихъ ученыхъ: переводъ на русскій языкъ «Приложенія Алгебры къ Геометріи» Бурдона (которымъ занимается г. Штейнъ), переводъ сочиненія: «Мухаммедъ, какъ импровизаторъ», «Александръ — Великій Царь-Царей Персидскихъ», «О корчемствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка», «О солнечныхъ затмѣніяхъ, видѣнныхъ на Руси до XVI вѣка» (**), Нижній Новгородъ въ смутное время», «Исторія Суздальско-Владимірскаго Княженія», «Персія при Сассанидахъ», «Нижегородскія Древности», переводъ «Rucopis Kraledworsky»,

(*) Физическія орудія получены изъ-за границы.

(**) Сочиненіе, напечатанное въ этой книжкѣ нашего журнала.

Собраніе нижегородскихъ преданій и повѣрій, Описаніе нѣкоторыхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ славяно-русскихъ, ненаходящихся въ извѣстныхъ каталогахъ и библіотекахъ (все это труды г. Мельникова), «Исторія Нижняго-Новгорода» (г. Сахарова), «Словарь къ Виргиліевымъ сочиненіямъ» (г. Никольскаго). Послѣ Нижняго-Новгорода, труды ученыхъ котораго принадлежатъ по преимуществу къ области исторіи и филологіи, первое мѣсто занимаетъ Саратовъ: въ немъ занимаются исключительно древне-классической филологіей. Г. Альтонскій написалъ сочиненіе: «Виргилій и его Георгики, въ-отношеніи къ своему времени»; г. Синайскій составилъ греческую *метрику* и занимается русско-греческимъ словаремъ; г. Левашевъ занимается составленіемъ латино-русской граматики (?). Изъ прочихъ ученыхъ трудовъ преподавателей Казанскаго Округа, замѣчательны: переводъ извѣстнаго атласа историческаго Крузе г. Модестовымъ въ Вяткѣ; сочиненіе о симметріи г. Габова въ Перми; статистическія свѣдѣнія о Пензенской Губерніи г. Мейера, въ Пензѣ. Ученая дѣятельность совершенно не проявляется — въ Симбирскѣ, весьма мало проявляется въ Казани (здѣсь, очевидно, университетъ не принимается къ соображенію, какъ заведеніе, не входящее въ составъ округа). При учебныхъ заведеніяхъ продано книгъ на 10,127 руб. сер.

Кромѣ отчета въ I-й книжкѣ «Начальственныхъ Распоряженій», замѣчательны: вѣдомость суммамъ, ассигнованнымъ на 1842 годъ, къ отпуску на расходы по Казанскому Университету и Учебному Округу; на управленіе округа: 7,242 р. 55 к. сереб., на университетъ 110,025 р. 13 к. сереб., на прочія учебныя заведенія 179,880 р. 60 к. сер., всего 297,148 р. 28 к. сер. Вотъ фактъ, представляющій неутомимую ревность заботливаго правительства о благѣ народномъ. Изъ другихъ извѣстій, помѣщенныхъ въ этой хо-

Digitized by Google

Digitized by Google

19) Исторія Малой Россіи. *Сочиненіе* Н. Бантышъ-Каменскаго. *Съ портретами, планами и рисунками.* Изданіе третіе. *Москва. Въ тип. И. Степанова. 1842. Въ 8-ю д. л. Три части. Въ I-й—348 и 80, во II-й—202 и 51, въ III-й—259 и 99 стр.*

Читателямъ русскихъ книгъ и въ особенности русскихъ исторій давно уже извѣстно сочиненіе г. Бантышъ-Каменскаго. Теперь оно выходитъ третьимъ изданіемъ. Тѣ, которые посвящали хотя нѣсколько вниманія этой книгѣ, безъ-сомнѣнія знаютъ, что она далеко еще не достигаетъ своей цѣли, какъ исторія народа, богатаго силами нравственными и физическими, имѣющаго свою особенную, національную физіономію и считающаго на своей исторической памяти не одну блестящую эпоху. Многаго, очень-многаго еще не достаетъ этой книгѣ, чтобъ быть вѣрнымъ зеркаломъ того, что мы могли бы назвать историческою жизнію Малороссіи; но при всемъ томъ, книга г. Бантышъ-Каменскаго, какъ матеріалъ, какъ подробнѣйшая лѣтопись цѣлой страны, должна имѣть исключительное достоинство въ глазахъ будущаго историка этого края. Одно уже то обстоятельство, что авторъ имѣлъ подъ руками едва-ли не богатѣйшій запасъ печатныхъ и письменныхъ сочиненій, прямо относящихся къ избранному имъ предмету (см. предисловіе, гдѣ первыхъ, т. е. печатныхъ сочиненій, авторъ насчитываетъ 29, а рукописей 25), даетъ его книгѣ, можетъ-быть, гораздо-болѣе вѣсу, нежели иной, самое блестящее, но поверхностное изложеніе. А мы, сверхъ-того, имѣемъ полное право думать, что авторъ воспользовался своимъ богатымъ запасомъ со всею добросовѣстностію и вниманіемъ, которыя мы привыкли замѣчать во всѣхъ его трудахъ по исторической части. И тѣмъ, если-бъ трудъ г. Бантышъ-Каменскаго и далеко не достигалъ своей цѣли, если-бъ его такъ-называемая «исторія» была даже не болѣе, какъ компиляція фактовъ, — и въ такомъ случаѣ мы не задумались бы воздать ей должное уваженіе и всегда бы, т. е. впредь до «настоящей исторіи», признали ее за лучшее и вѣрнѣйшее пособіе для изученія исторіи малороссійскаго края. Для насъ оно важно и какъ полезный, добросовѣстный, а потомъ особенно какъ вѣрный и, конечно, самый подробный сводъ всѣхъ извѣстій, туземныхъ и иностранныхъ, какія только можно имѣть объ исторической судьбѣ Малороссіи и ея жителей. Въ этомъ отношеніи, предполагаемый нами, будущій историкъ Малороссіи не малою благодарностію будетъ обязанъ автору и за то, что онъ вездѣ съ такимъ неизмѣннымъ постоянствомъ, даже въ изложеніи самыхъ мелкихъ подробностей, цитуетъ писателей и рукописи, изъ которыхъ почерпалъ свои извѣстія. Рѣшителю, говоря о Малороссіи, мы не умѣли бы назвать книги, къ которой можно было бы обратиться съ большею довѣренностью.

Всю исторію Малороссіи авторъ раздѣляетъ на три части, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ періодъ «отъ водворенія Славянъ до поступленія сего края, въ 1654 году, подъ владычество россійскихъ самодержцевъ», а вторая и третья содержатъ въ себѣ — «новую исторію, т. е. отъ присоединенія къ Россіи до уничтоженія гетманства». Согласимся, на-минуту, что раздѣленіе всей исторіи на двѣ половины, т. е. на древнюю и новую, еще имѣетъ нѣкоторое основаніе и можетъ быть сдѣлано именно на томъ пунктѣ, который взялъ авторъ для своего дѣленія; но какое основаніе будетъ для втораго дѣленія?.. Не одно ли то, что вся новая исторія не могла вмѣститься въ одной книгѣ: такъ, стало, надобно отдѣлить отъ нея другую?.. Но какъ было пропустить безъ вниманія (если ужь дѣлать дѣленіе) въ первомъ періодѣ такія рѣзкія грани, какъ нашествіе Монголовъ, первое, разорвавшее тѣсную связь сѣвера и юга Россіи,—или владычество Литвы, которое внесло столько новыхъ элементовъ въ исторію

Digitized by Google

ческую жизнь Малороссіи и, какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ образомъ, имѣло такое огромное вліяніе на будущую судьбу ея?... Но авторъ «Исторіи» такъ сильно былъ занятъ внѣшнею подробностію фактовъ, большею частію добытыхъ имъ прямо изъ источниковъ, что никакъ еще не могъ отдѣлиться отъ этой поверхности и поставить себя въ нѣкоторой отдаленности отъ событій, чтобъ усмотрѣть главные и, такъ-сказать, болѣе-выпуклые факты исторіи, и потому легко просмотрѣлъ многое существенное, очень-нерѣдко со всею подробностію излагая частности. Вообще, о древнемъ періодѣ должно замѣтить, что въ изложеніи его, авторъ слѣдовалъ большею-частію Карамзину и сообщилъ намъ немного новаго. Мы укажемъ здѣсь въ-особенности на мнѣніи автора о происхожденіи днѣпровскихъ казаковъ (ч. I, стр. 96—97). Онъ относитъ начало ихъ къ XV вѣку и полагаетъ, что Запорожцы переселились за Днѣпръ съ Кавказа и принесли съ собою названіе Черкасъ, которое не разъ встрѣчается въ Малороссіи. Конечно, авторъ имѣетъ основаніе думать такимъ образомъ, и мы сами не-прочь отъ мысли объ азіатскомъ, по-крайней-мѣрѣ въ-половину, происхожденіи Запорожцевъ; но, намъ кажется, совсѣмъ нѣтъ нужды ходить такъ далеко, т. е. на вершины Кавказа — развѣ только за именемъ «Черкасы»? Источники могли быть и гораздо-ближе. — Обращаясь опять къ дѣленію, мы должны замѣтить, что каждый періодъ дѣлится еще на главы. Конечно, такое дѣленіе не можетъ имѣть особенной важности тамъ, гдѣ содержаніе не излагается въ порядкѣ системы; однако авторъ согласится съ нами, что дѣленіе тогда только годится къ чему-нибудь, когда оно вытекаетъ изъ самой сущности дѣла, и потому такія произвольныя дробленія на главы, какія мы встрѣчаемъ въ «Исторіи Малой Россіи», едва-ли могутъ быть кому полезны.

Сочиненіе г. Бантышъ-Каменскаго, какъ и слѣдовало быть, написано языкомъ русскимъ, и мы вовсе не подумали бы упоминать объ этомъ обстоятельствѣ, еслибъ насъ не приводили въ недоумѣніе нѣкоторыя мѣста книги, написанныя языкомъ по-крайней-мѣрѣ не совсѣмъ русскимъ. Одно такое мѣсто на стр. 208, части I-й:

«Пушечная пальба утихаетъ; вмѣсто оной раздаются одни радостныя восклицанія: миръ христіанству! Изумленные великодушіемъ своихъ противниковъ, воины Барабаша не внемлютъ болѣе его велѣніямъ и безтрепетно приближаются къ берегу. Тамъ зрятъ они мужа величаваго, изъ среды казацкой дружины на встрѣчу имъ шествующаго, и проч.»

Это, кажется, называется «высокій слогъ»? — Впрочемъ, къ чести автора, мы должны прибавить, что подобный языкъ встрѣчается только при описаніи особенно-важныхъ случаевъ, наприм., битвы, торжества, и т. п.

195) Повѣсти и Преданія Народовъ Славянскаго Племени. *Изданныя* И. Боричевскимъ. *Часть вторая. Спб. 1842. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. Въ 12-ю д. л. 192 стр.*

Любители и почитатели славянской народности должны быть весьма благородны г. Боричевскому за его добросовѣстные и усердные труды на избранномъ имъ поприщѣ. Въ изданной нынѣ второй части «Повѣстей и Преданій» помѣщено 28 весьма-любопытныхъ славянскихъ преданій.

196) Тысяча и Одна Ночь, *арабскія сказки. Спб. Въ типографіи III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9 и 10. Въ 12-ю д. л. Въ VI-ой части 239, въ VII-ой — 240, въ VIII-ой — 239, въ IX-ой — 239, въ X-ой — 238 стр.*

Арабскія сказки суть полнѣйшее выраженіе національнаго духа и общественности важнѣйшаго изъ мухаммеданскихъ народовъ, нѣкогда игравшаго въ мірѣ такую великую роль. Созда-

Digitized by Google

ніе пламенной фантазіи, сердцевинній сокъ всѣхъ прочихъ способностей души; онѣ отличаются сплетеніемъ и перемѣшеніемъ частей и явленій, образующихъ собою какое-то уродливое цѣлое — узорчатую неправильно-свѣтлую фантастическую ткань и какою яркостію своихъ восточныхъ красокъ; онѣ невольно поражаютъ этимъ безсмысленнымъ, произвольнымъ искаженіемъ дѣйствительности, или, лучше сказать, этою дѣйствительностію, построенною на воздухѣ, лишенномъ всѣхъ подпоръ возможности, вопреки здравому смыслу. Это-то самое и придаетъ имъ колоритъ оригинальности, составляющій главную ихъ прелесть. Всѣ восточные народы — страстные охотники до разсказовъ и, такъ-какъ восточная жизнь лишена всякаго движенія и разнообразія, они хотятъ, чтобъ эти разсказы были исполнены чудесъ и небывалыхъ приключеній, которыя составляли бы собою контрастъ съ ихъ однообразною, скучною дѣйствительностью. И какъ понятно, что, не смотря на всю нелѣпость вымысла, эти сказки слушаются бритыми правовѣрными головами съ самымъ добродушнымъ убѣжденіемъ въ непреложной истинѣ каждой черты ихъ! Это не глупость, а младенческое состояніе ума, погруженнаго въ вѣчную дремоту. Вотъ почему для дѣтей чтеніе «Арабскихъ Сказокъ» доставляетъ столько наслажденія: человѣкъ-дитя въ Европѣ сочувствуетъ народу-дитяти въ простодушныхъ откровеніяхъ его фантазіи. Человѣкъ взрослый не можетъ читать вслухъ этихъ сказокъ: ему наскучитъ одно и то же — и чудесныя красавицы, и разумные принцы, и повторенія однихъ и тѣхъ же рѣчей, въ которыхъ ровно ничего нѣтъ. Но такъ-какъ и между взрослыми много дѣтей, то «Арабскія Сказки» всегда будутъ имѣть у себя обширный кругъ читателей и почитателей.

Первыя пять частей этого новаго перевода вышли въ 1829 году; теперь же были отпечатаны 6 и 7-я, вышедшія теперь въ свѣтъ съ четырьмя прочими. Нельзя не желать, чтобъ это полезное было доведено до конца. Изданіе весьма опрятно, переводъ очень хорошъ.

197) Библіотека Романовъ, *повѣстей, путешествій и записокъ, издаваемая* Н. Н. Улитинымъ. *Выпускъ третій. Томы 4, 5, 6 и 7.* (Послѣдніе дни Помпеи, соч. Бульвера. *Переводъ съ французскаго, 4 части.*) *Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1842. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части XX, 265, во II-й — 288, въ III-й — 289, въ IV-й — 272, XX стр.*

Надо же наконецъ сказать когда-нибудь двѣ-три справедливыхъ словъ о «Библіотекѣ Романовъ», издаваемой Н. Н. Улитинымъ. «Семейство Кастальскихъ», «Невѣдомая» (помѣщенныя въ первыхъ двухъ выпускахъ) и «Послѣдніе дни Помпеи» составляютъ семь томовъ третьяго выпуска. Герой повѣсти «Семейство Кастальскихъ» какой-то учитель русской словесности — *набитый* глупецъ, какого свѣтъ едвали производилъ до третьяго выпуска «Библіотеки Романовъ»; прочія лица нельзя назвать набитыми по одной, весьма важной и законной причинѣ: всѣ они — *прелестные* люди. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ себѣ что хочетъ, въ полной увѣренности, что онъ дѣлаетъ хорошо, точно такъ же, какъ и Кастальскій учитель русской словесности, онъ же и глупецъ набитый. О «Невѣдомой» не говоримъ по той же причинѣ, по какой авторъ «Кастальскихъ» скрылъ свое имя — по скромности.

Произведеніе Бульвера, «Послѣдніе дни Помпеи», давнымъ-давно прочтено или въ подлинникѣ или во французскомъ переводѣ. Остается теперь читать его тѣмъ, которые не знаютъ французскаго языка, а такихъ людей, говорятъ, весьма довольно въ Москвѣ, именно за Москвой-рѣкой. Переводъ плохъ; но дѣло въ томъ, что надобно же что-нибудь читать людямъ, незнакомымъ съ французскою грамотою. Лучше, по необходимости, читать дурной переводъ,

Digitized by Google

чемъ не имѣть понятія каждый, по-моему мнѣнію, читавшій его. Повтому г. Ушинскій (такъ мы думаемъ), очевидно хорошо поступилъ, начавъ издавать переводныя вмѣсто доморощенныхъ сочиненій, и поступилъ весьма дурно, издавъ переводъ плохой. Для людей, не умѣющихъ читать на французскомъ діалектѣ, слогъ, языкъ и идеи — дѣло десятое: имъ нужна исторія, сравненія и великолѣпные спектакли. Высказанныхъ нами книжкахъ «Библіотеки для чтенія» помѣщался «Многословочный Паша» (капитана Марріета) и «Парижская Бриссонка» (Поль-де-Кока). Переводы разумѣется, бываютъ плохіе, но это не должно быть для нѣкоторыхъ, по-нашему, достаточной причиной. Что дѣлать, когда не знаешь французскаго языка? А отъ нечего-дѣлать надобно же что-нибудь дѣлать, по извѣстному выраженію г. Кузьмичева.

198) Дагеротипъ. *Изданіе литературно-дагеротипныхъ произведеній, по причинѣ значительнаго накопленія матеріаловъ, и еще ожидаемыхъ значительныхъ, уже обѣщанныхъ статей, состоять будетъ изъ двѣнадцати тетрадей, каждая въ два листа и болѣе. Срокъ выхода каждой тетради не опредѣляется, но всѣ двѣнадцать тетрадей будутъ непремѣнно изданы до 1-го января 1843 года. Тетрадь первая. СПб. 1842. Въ типографіи И. Бородина и К°. Въ 8-ю д. л. 35 стр.*

Мы, какъ говорится, съ дипломатическою точностью выписали странное, многословное, широковѣщательное и духѣ книгопродавческихъ объявленій написанное заглавіе этой странной книжки, состоящей изъ 35-ти страницъ, напечатанныхъ весьма скромно и со множествомъ опечатокъ. Не понимаемъ, что это такое? Маленькое изслѣдованіе на полуторѣ страничкѣ, подъ заглавіемъ «Дагеротипъ»; потомъ извѣстіе отъ типографіи г. Губера, далѣе прошлогодняя статейка о Лессингѣ, какого-то г. Потехина, «Трое, бамбочіады, Шушкольника, Читающая читательница» и наконецъ «литературныя» статейка крайне-пустая по содержанію и весьма-посредственная по изложенію; далѣе — извѣстіе о собраніи оригинальныхъ эскизовъ первѣйшихъ мастеровъ, которымъ владѣлъ въ Москвѣ покойный князь А. И. Долгорукій (это извѣстіе было бы очень любопытно и умѣстно въ газетѣ); за тѣмъ — пустой анекдотъ, подъ названіемъ «Сентъ-Медаръ»; наконецъ — «Астрахацскія Письма» (*письмо первое*). Въ этомъ первомъ письмѣ самая интересная вещь — слѣдующее извѣстіе: «Въ этотъ годъ литература наша представляетъ несравненно болѣе достойныхъ произведеній, нежели предшествовавшіе года. Сенковскій написалъ прекрасный романъ «Идеальная Красавица»: первую часть ты, читалъ въ «Библіотекѣ». Цѣлый, говорятъ, скоро выйдетъ. «Мирошевичъ чѣмъ не хуже прежнихъ романовъ Загоскина. Увлекательная простота разсказа выкупаетъ бѣдность содержанія, потому-что для романа недостаточно небольшаго анекдотца, каковы бы ни было его эпизодическое развитіе. «Два Призрака» романъ фанъ Дима, чудный, *странный* очеркъ *свѣтской жизни* (?!...), исполненный весьма отмѣтливыхъ анатомическихъ разложеній сердца. Наконецъ, на-дняхъ вышелъ романъ Кукольника «Альфъ и Альдона», о которомъ поговорю въ слѣдующемъ письмѣ. Четыре романа (*и притомъ плохихъ — прибавимъ мы отъ себя*) въ четыре мѣсяца, кажется, довольно? Достаточный запасъ на все лѣто? — Ужь, конечно, достаточный, особенно, если читать ихъ отъ первой страницы до послѣдней; этакъ и на годъ станетъ работы: но кто же отважится на нее?

Въ заглавіи нѣтъ ничего лишняго; слѣдовательно, книжка вышла совершенною для печати. Не знаемъ, кто будетъ часто собирать [illegible] плохія статейки.

Digitized by Google

199) Начатки. *Собраніе разнородныхъ статей, сотрудн. А. Т. Спб. Въ типографіи Эдуарда Праца. 1842. Въ 7-ю д. л. 88 стр.*

Въ этихъ «Начаткахъ» нѣтъ никакихъ начатковъ: въ нихъ все начинается ничѣмъ, и оканчивается тѣмъ же. Начатки — слово, само по-себѣ не имѣющее смысла; начатки чего, чему? — нужно другое слово въ родительномъ, или дательномъ падежѣ, чтобъ слово «начатки» получило опредѣленный смыслъ и значеніе. «Начатки» А. Т. состоятъ изъ слѣдующихъ статей: 1) «Роза. Способъ разводить розу отводками и сберегать ее во время зимы» (посвящена «прекрасному полу» и украшена чувствительнымъ эпиграфомъ. «*Всѣхъ цвѣточковъ болѣ Розу я любилъ...*); 2) Сѣнная торговая площадь въ Санктпетербургѣ; 3) Сады на сѣнной площади; 4) Сѣнная, торговая площадь, въ историческомъ отношеніи; 5) Милость Екатерины II-ой къ Яковлеву. Истинное происшествіе, въ 1762 году». Всѣ эти статьи отличаются особенно тѣмъ, что ихъ содержаніе легко уложилось бы, вмѣсто 88-ми страницъ, просто на *восьми* страничкахъ. Впрочемъ, онѣ написаны правильнымъ, пріятнымъ, *романическимъ* слогомъ карамзинскаго періода нашей литературы. Книжка издана красиво, такъ-что и «прекрасному полу», говоря «романическимъ слогомъ», не противно будетъ держать ее въ маленькихъ, бѣленькихъ, пухленькихъ, и т. д. ручкахъ...

200) Купеческая Дочька (дочка?) и Чиновникъ 14-го класса, *комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе* Н. Соколова. Изданіе третіе. *Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1842. Въ 12-ю д. л. 108 стр.*

Изданіе третіе! «Купеческая Дочька и Чиновникъ 14-го класса», то-есть, просто сочиненія г. Соколова, третьимъ изданіемъ!.. Есть отъ-чего замечтаться объ авторской славѣ и не на-шутку задумать, что вы самъ-настоящій писатель, и что у васъ есть не только читатели, но и почитатели... И гдѣ же, скажите, слыхано, чтобъ творенія, подобныя «Купеческой Дочькѣ», не только видѣли свѣтъ (типографскій), но еще доживали до третьяго изданія? Развѣ возможны такія явленія въ литературѣ, въ которой «Ревизоръ», «Горе отъ Ума» выходятъ вторымъ изданіемъ?.. О, почему же и не такъ! Мы сейчасъ вспомнили: не въ одной Москвѣ — въ Петербургѣ также есть книги, выходившія третьимъ и даже четвертымъ изданіемъ, и о которыхъ, однако, ничего болѣе сказать, кромѣ того, что онѣ выходили также и вторымъ и первымъ... Такія книги бываютъ иногда даже въ нѣсколькихъ частяхъ, хотя послѣднія части обыкновенно остаются неразрѣзанными.

201) Еще Купцы 3-й Гильдіи, *оригинальный водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе 1-е.* Женихъ съ Апраксина Двора. *Дѣйствіе 2-е.* Съ чѣмъ пріѣхалъ съ тѣмъ и уѣхалъ. *Соч. актера* Петра Григорьева 2. *Спб. 1842. Въ типографіи А. Сычева.*

Въ этомъ водевилѣ, какъ въ большей части, сколько-нибудь сносныхъ русскихъ драматическихъ произведеній, всѣ дураки и негодяи очень смѣшны, потому-что вѣрно срисованы съ дѣйствительности, а умники и добродѣтельные очень-глупы и приторны, потому-что выдуманы доморощеною фантазіею по идеаламъ старинной классической драмы. На сценѣ этотъ водевиль очень-смѣшонъ, по роли Проходкина, которую превосходно выполняетъ самъ сочинитель водевиля.

202) Русскіе Простонародные Разсказы. *Опытъ изданія для народнаго чтенія. Сочиненіе* Ѳедора Русанова. *Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1842. Въ 12-ю д. л. 105 стр.*

Для пользы любителей народнаго чтенія ничего бы мы такъ не желали, какъ чтобъ имъ всего менѣе попада-

Digitized by Google

лись книжки въ родѣ «Опыта» г. Федора Русанова. Рѣдко еще гдѣ можно встрѣтить такое смѣшеніе разныхъ нелѣпостей и такія прекрасныя понятія о вещахъ, самыхъ обыкновенныхъ: или лучше—здѣсь ровно нѣтъ никакихъ понятій а есть только ребяческія представленія, которыхъ постыдился бы и 15-ти-лѣтній мальчикъ. Вмѣсто того, чтобъ набивать чужія головы такимъ вздоромъ, не лучше ли вамъ, господинъ-сочинитель, позаботиться о томъ, какъ бы очистить ваши собственныя сочиненія отъ вздорныхъ понятій, или, если вы чувствуете, что они и безъ того довольно-пусты, не лучше ли вамъ самимъ позапастись кое-чѣмъ посущественнѣе, да потомъ ужъ и писать для народа? Право, вѣдь это не очень-легко!

203) Солнечный Лучъ. *Происшествіе изъ времень Екатерины II. Романъ въ V частяхъ. Сочиненіе* И. Штевена. *Спб.* 1841—1842. *Въ типографіи полицейскаго стара. Въ* 12-ю д. л. *Въ I-й части* 270, *во II-й—260, въ III-й—288, въ IV-й—278, въ V-й—242 стр.*

204) Сказка о Трефовомъ Королѣ, Фанъ-Фанѣ, о Прекрасной Принцессѣ Факъ-Стакъ, и о Принцессѣ Эфери. *Спб. Въ типографіи А. Сычева.* 1842. *Въ* 12-ю д. л. 54 *стр.*

Первое изъ этихъ произведеній есть не что иное, какъ уголовное слѣдствіе вое дѣло, изложенное въ формѣ романа, со всею занимательностью, какой только можно требовать отъ таланта г. Штевена. Можетъ-быть, нашимъ читателямъ будетъ интересно узнать, какое значеніе имѣетъ въ этомъ романѣ *солнечный лучъ*, т. е. просто ли онъ только освѣщаетъ собою описываемыя въ немъ приключенія и похожденія, или принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе и играетъ роль дѣйствующаго лица? — На такой вопросъ мы не можемъ отвѣчать иначе, какъ выпискою слѣдующаго отрывка изъ начала романа, гдѣ его героя мы видимъ еще дитятею:

«Солнце взошло на самый горизонтъ, отбрасывало яркіе лучи; они перебѣгали, извивались, по прибрежнымъ песчинкамъ и сами на глубокихъ слоистаго песка останавливались; *Людгеръ находился въ дѣйствіи*, вычерчивалъ ихъ (?) палочкою съ настоящаго направленія, покрывалъ досокомъ, и когда они устремлялись снова, то движеніями и словами выражалъ досаду.

«Что ты дѣлаешь? спросилъ Іаковъ изъ окна.

«Играю.

«Гдѣ же твои игрушки?

«А вотъ, солнечные лучи, они мелькаютъ по землѣ, мнѣ хочется ихъ поймать вверхъ; я не люблю ихъ, хочу ловить (*Ч. I. стр.* 97—98).

Изъ этого небольшаго отрывка, проницательный читатель и безъ насъ догадается, что Людгеру и въ концѣ романа не удалось поймать солнечныхъ лучей, а что отъ нихъ-то онъ и былъ несчастенъ... По этому же отрывку читателю легко будетъ сдѣлать заключеніе о занимательности, разсказѣ, слогѣ, языкѣ и талантѣ, которыми отличается романъ г. Штевена... Тутъ наше дѣло сторона!

Что же касается до «Сказки о Трефовомъ Королѣ, и пр.», — это вздоръ, о которомъ совѣстно и говорить: нелѣпое заглавіе и типографія г. Сычова говорятъ сами за себя.

205) Роландъ и Шарлотта, *романъ въ стихахъ. Сочиненіе* И. Ф. До..ча..ва. *Москва. Въ типографіи Степанова.* 1842. *Въ* 12-ю д. л. 18 *стр.*

Вотъ съ такимъ романомъ мы всегда готовы поздравить его читателей: тутъ они, по-крайней-мѣрѣ, относительно времени, никакъ не останутся въ накладѣ; стоитъ только благополучно достигнуть 18-й страницы, и романъ окончанъ. Бѣда можетъ случиться только съ одной стороны: романъ и его стихи—такого рода, что мы даже сомнѣваемся, будетъ ли у него терпѣнія и на восемь страницъ.

206) Галлерея Магазиновъ Дяди Толицына въ Москвѣ, описанная Федотомъ Кузмичевымъ. *Съ прилож.*

Digitized by Google

ніемъ внутренняго вида галлереи. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Восточ. Языковъ. 1842. Въ 16-ю д. л. 60 стр.

Недавно-открытая Галлерея Магазиновъ въ Москвѣ оживила лиру князя Шаликова — и онъ торжественными стихами воспѣлъ это событіе. Совершивъ такой пассажъ, почтенный авторъ чувствительныхъ путешествій и элегическихъ романсовъ замолкъ, какъ человѣкъ, со славою окончившій трудный подвигъ. И кто бы на его мѣстѣ поступилъ иначе?.. Онъ замолкъ — настала очередь говорить г-ну Кузмичеву. Не стихами, сжимающими мысли, а свободной прозой, въ письмѣ къ другу въ Римъ (!?), описываетъ Галлерею Магазиновъ сынъ природы, который, какъ извѣстно, отъ нечего-дѣлать дѣлаетъ много — сочиненій. Увлеченный толпою, онъ вошелъ въ проходъ, или пассажъ, и съ восторгомъ разсказываетъ вамъ о мѣховомъ магазинѣ Чечкиныхъ, о сахарѣ и чаѣ Голубкова, о сукнахъ Епанешникова. Всѣ эти товары, конечно, напомнили автору то золотое время, когда онъ, по своимъ собственнымъ словамъ, отъ нечего-дѣлать желая что-нибудь дѣлать, проторговалъ весь свой товаръ. Воспоминаніе водило перомъ, и вотъ вышла книжка — плодъ бездѣлья... Самая бездѣльная книжка!

Но, что за прелесть на-самомъ-дѣлѣ Галлерея князя М. Н. Голицына, особенно, когда смотришь се, не прочитавъ ни прозаическаго описанія г. Кузмичева, ни стиховъ князя Шаликова! Поѣзжайте, пожалуйста, въ Москву и полюбуйтесь. Бронзы, серебро, золото, хрусталь... Вы и въ Петербургѣ покажете не многое, что стало бы рядомъ съ новымъ прекраснымъ зданіемъ Москвы.

207) Опытъ Библіографическаго Обозрѣнія, *или очеркъ послѣдняго полугодія русской литературы, съ октября 1841 по апрѣль 1842* (Л. Бранта). *Спб. Въ тип. Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. 1842. Въ 8-ю д. л. IV и 72 стр.*

208) Нѣсколько Словъ о Періодическихъ Изданіяхъ Русскихъ. *Спб. Въ тип. Главн. Упр. Путей Сообщ. и Публ. Зданій. Въ 8-ю д. л. XII стр.*

Занятіе «литературою», видно, становится у насъ занятіемъ очень-привлекательнымъ. Страсть къ сочинительству съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Не говоримъ уже о томъ, что почти ежедневно, — и все чаще и чаще, — появляются въ печати на русскомъ языкѣ книжки и книжонки, изумляющія своею пустотою и рецензентовъ, которые обязаны читать ихъ, и тѣхъ горемычныхъ людей, которымъ случайно попадаются онѣ на глаза и которыми читаются «скуки-ради». Кто пишетъ ихъ? кто ихъ издаетъ? для кого издаются онѣ? — Богъ вѣсть! Извѣстно только, что все это дѣйствительно пишется, издается и, можетъ-быть, продается, благодаря ловкости бородатыхъ разносителей просвѣщенія по темнымъ угламъ обширнаго Царства Русскаго. Но еслибъ вы, почтенный читатель мой, знали, сколько еще *не печатается*, изъ того, что пишется: вы ужаснулись бы этой громадной массѣ исписанной бумаги, этого изумительнаго потока бездарности, пошлости и безграмотности! Когда бъ вы знали, сколько, напримѣръ, пишущій эти строки обязанъ, по долгу журналиста, прочесть, въ-теченіе года, стихотвореній большихъ и малыхъ, повѣстей, разсказовъ, драмъ, отрывковъ, такъ-называемыхъ «ученыхъ» статей, и пр. и пр., — вамъ сдѣлалось бы страшно, увѣряю васъ! Но прибавьте еще, что большую часть всего этого должно читать по-пустякамъ, потому что большая часть статей, присылаемыхъ отъ господъ-анонимовъ, псевдонимовъ и другихъ, подписывающихъ свои подлинныя, невыдуманныя имена, остается безъ употребленія и отсылается въ Контору Отечественныхъ Записокъ «для возвращенія». Еслибъ печатать

Digitized by Google

все получаемое редакціею, то въ теченіи года можно было бы издавать три такіе журнала, по объему, какъ «Отечественныя Записки», и каждая книжка этого журнала могла бъ быть втрое толще каждой книжки «Отечественныхъ Записокъ». Ужасъ! Откуда все это берется? что это за имена несслыханныя и невиданныя въ русской литературѣ, которыя пишутъ и присылаютъ эти статьи? гдѣ скрываются они? Отъ Архангельска до Ахалцыха, отъ Варшавы до Иркутска едва-ли есть хоть одна губернія, которая не надѣлила бы редакціи «Отечественныхъ Записокъ» нѣсколькими статьями, переводными и оригинальными, повѣстями, разсказами, стихами, — особенно же стихами... Охъ, ужъ эти стихи! отъ нихъ рѣшительно нѣтъ отбою: они присылаются ежедневно со всѣхъ сторонъ, на разноцвѣтныхъ бумажкахъ, удивительно-красиво переписанные, весьма-часто запечатанные въ конвертахъ, застрахованныхъ на почтѣ. И что за умилительныя письма получаются съ этими статьями! Васъ просятъ такъ униженно, такъ ласково, какъ будто дѣло шло Богъ-знаетъ о какомъ благополучіи: вамъ говорятъ, что хотя статья и не имѣетъ никакого достоинства, но для поощренія юнаго таланта, только-что выступающаго на литературное поприще, вы должны, поправивъ ее и напечатать, тѣмъ безконечно обяжете автора и поощрите его къ дальнѣйшимъ трудамъ (какъ будто журналъ — пансіонская тетрадка, въ которой мальчики пробуютъ свои перья, плохо-очиненныя и не привыкшія еще къ орографіи!); иногда убѣждаютъ васъ несчастными обстоятельствами автора, его безпомощностью, бѣдностью, и проч. — какъ будто журналъ — богадѣльня или лазаретъ для пособія нуждающимся! Еще чаще читаете, что не авторское самолюбіе, но единственно желаніе видѣть статью свою напечатанною въ такомъ превосходномъ журналѣ, какой вы издаете, заставляетъ автора просить васъ о поскорѣйшемъ ее напечатаніи, которую онъ считаетъ совершенно приличною содержанію вашего прекраснаго журнала... Онъ столько могъ бы разсказать вамъ о тѣхъ извергахъ, которые употребляютъ господъ-сочинителей, чтобъ какъ-нибудь попасть въ журналъ съ своею статьею и видѣть подъ нею свое напечатанное имя! Превратно, отвратительно исторію. Когда-нибудь, надѣюсь, я побесѣдую о ней съ вами; но теперь не могу удержаться, чтобъ не упомянуть объ одномъ прекрасномъ письмѣ, недавно полученномъ мною со стихами изъ города Лубны, — письмѣ, которое вѣрно удивитъ васъ не менѣе того, какъ и меня удивило. Вообразите: на стихахъ, — весьма-похожихъ на сварческіе, хотя немножко-безсмысленныхъ, но за то съ рѣчами, — приложено *десять рублей ассигнаціями*, которые авторъ проситъ редакцію *оставить у себя*, если стихи будутъ напечатаны (*). Вотъ до чего доводитъ наконецъ страсть къ сочинительству! Люди, отвергнувшіе искусство писать, не только сочиняютъ писать, не только тратятъ время на написаніе, и деньги на переписываніе своихъ статей, — часто огромныхъ тетрадей in folio, — не только платятъ высокія страховыя на почту, но еще хотятъ платить редакціямъ за то только, чтобъ хоть какъ-нибудь напечататься!!! Жалкая, гибельная страсть, вырочемъ весьма понятная тамъ, гдѣ литература — не искусство, а только забава, гдѣ равнодушіе публики равняется какой-нибудь строгости и невѣжеству литературной, смѣло выступающихъ впередъ и гордо называющихъ себя сочинителями, гдѣ само искусство еще не успѣло

(*) Пользуемся случаемъ, для обнаруженія что эти стихи не будутъ напечатаны, и для просимъ прислвшаго ихъ доставить отъ его адресъ, для возвращенія ему денегъ. Если же въ теченіе *трехъ мѣсяцевъ* адресъ не будетъ полученъ, деньги отдадутся въ пользу инвалидовъ, — а стихи все-таки не будутъ напечатаны.

Digitized by Google

[illegible] внутри [illegible] литературы, а [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] самолюбьице [illegible] маленькихъ человѣчковъ [illegible] видѣть въ себѣ [illegible] обыкновенныхъ, очень пошлыхъ, и [illegible] не требуетъ, чтобъ они пріобрѣли себѣ громкое имя; а какъ громкое имя легче всего пріобрѣтается черезъ [illegible], то они и силятся, во что бы ни стало, попасть въ «сочинители». И это-то движеніе, познанное публикою, примѣтное только для микроскопа журналиста, многіе честятъ именемъ литературы русской, видятъ въ ней живую дѣятельность, партіи, и Богъ знаетъ что еще. Бѣдная литература! бѣдное искусство!

Вотъ недалекій примѣръ: передъ нами лежатъ двѣ брошюры, которыхъ названія выписаны выше. Что это такое? Посмотрите, сдѣлайте милость. Сочинитель ихъ — какой-то господинъ Брантъ, который написалъ, по его собственному увѣренію, какія-то повѣсти и, разобиженный журналами, издалъ еще какую-то брошюру «Петербургскіе Критики и Русскіе Писатели». Повѣстей его, вѣроятно, никто не читалъ; даже и мы позабыли о нихъ, какъ забываемъ обыкновенно весь этотъ печатный хламъ, отдавъ о немъ въ свое время отчетъ публикѣ: брошюры его «Петербургскіе Критики» также не припомнимъ; но отыскавъ рецензію свою о ней въ нашемъ же журналѣ, видимъ, что это былъ — слабенькій голосокъ обиженнаго самолюбьица, желавшаго какъ-нибудь попасть въ извѣстность, силившагося нашумѣть о себѣ какъ можно больше, и жестоко обманувшагося въ своихъ разсчетахъ, потому что шума оно никакого не сдѣлало, а брошюра умерла, только что родившись, и погребена, какъ теперь извѣстно самъ г. Брантъ, въ магазинѣ г. Юнгмейстера: желающіе поклониться праху ея могутъ адресоваться къ этому книгопродавцу. Такимъ образомъ, первая попытка не удалась г. Бранту: читатели не слыхали его имени, не читали его «сочиненій»; надо было выдумывать новое средство, чтобъ какъ-нибудь да попасть въ «сочинители». Какое же средство? Съ повѣстями г. Бранта публика не заблагоразсудила познакомиться; съ брошюрою его тоже: дай попытаться — сдѣлаться критикомъ, или, правильнѣе «критиканомъ»: публика любитъ критики, она съ жадностію читаетъ этотъ отдѣлъ въ журналахъ, многіе ищутъ тутъ предмета для разговоровъ, даже для сплетенъ, — и вотъ г. Брантъ является критиканомъ, собираетъ 70 книгъ, вышедшихъ *съ октября 1841 по апрѣль 1842 года*, и на 72-хъ страничкахъ отдаетъ о нихъ кому-то отчетъ — (мы говоримъ: «кому-то», потому что никто не просилъ объ этомъ г. Бранта, никто не возлагалъ на него этой обязанности, никто не требовалъ у него отчета)... Но тутъ новое затрудненіе: кто же будетъ читать эту брошюру? кому нужно знать, что думаетъ г. Брантъ о той или другой книжкѣ, изъ вышедшихъ съ октября 1841 по апрѣль 1842 года? Г. Брантъ тотчасъ нашелся: онъ вздумалъ разсылать свою брошюру при газетахъ *безденежно*. Теперь ужъ, конечно, вы, поневолѣ, если не прочтете, то хоть увидите ее, и на ней увидите имя его, г. Бранта, — а ему этого только и хочется... Славная выдумка! Немножко убыточна, правда, потому что напечатать нѣсколько тысячъ экземпляровъ чего-нибудь стоитъ денегъ; но вѣдь почему же не потѣшить своего сочинительскаго самолюбія? Это такъ весело, такъ дѣтски-невинно, такъ наполеонски-простодушно! Притомъ и не то еще

приносится въ жертву страсти сочинительствовать... Удивительно только, какъ никто до-сихъ-поръ не воспользуется этимъ для водевилей...

Но возвращаемся къ г. Бранту. Объ брошюры его: и «Опытъ Библіографическаго Обозрѣнія», и «Нѣсколько словъ» суть новые холостые выстрѣлы въ поле. Смѣшно было бы и отыскивать въ нихъ какого-нибудь критическаго кодекса, принадлежащаго ихъ сочинителю: о критеріумѣ не можетъ быть тутъ и помина. Да, впрочемъ, г. Брантъ, какъ видно, и не хлопоталъ объ этомъ, — нѣтъ, онъ весьма-простодушно, хоть и весьма-широковѣщательно, цвѣтисто, съ невыразимыми претензіями на краснорѣчіе, говоритъ, что такая-то книжка очень-хороша, другая только хороша, третья, не болѣе какъ изрядна, не отдавая никакого отчета, почему все это ему кажется такъ, а не иначе, — ибо общихъ мѣстъ, которыя онъ повторяетъ съ-голосу, нахватавъ ихъ оттуда-отсюда по журналамъ, нельзя же назвать основаніями въ дѣлѣ критики: это годно только для критиканства тѣхъ господъ «сочинителей», которые цѣлый вѣкъ свой не тушатся изъ того, чтобъ ихъ называли «сочинителями». Чтобъ видѣть, какъ г. Брантъ мало понимаетъ значеніе критики, довольно взглянуть на заглавіе его «Опыта». Скажите, сдѣлайте милость, на чемъ основывался онъ, начавъ свое обозрѣніе *съ октября 1842 года*? Почему не началъ онъ его прежде, или послѣ этого времени? Вѣдь книга или брошюра должна представлять изъ себя нѣчто цѣлостное; а что цѣлостнаго могутъ доставить книги, выходящія съ октября 1841 по апрѣль 1842 года? Былъ ли этотъ періодъ эпохою въ русской литературѣ? Ознаменовался ли онъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, что могло бы доставить обозрѣнію общій выводъ? Ничего не бывало! Г. Брантъ, принимаясь случайно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ «критиковать въ своей литературѣ» книги и книжонки, прежде основательно изучилъ ихъ, — и — какъ надо быть, сдѣлать справедливость, считать онъ умѣетъ отлично, ибо мартъ, февраль, январь, декабрь, ноябрь, октябрь составляютъ ровно полгода, — то и остановился на октябрѣ, съ котораго начинается это полугодіе, да и, пошелъ-себѣ расписывать тому похвалу, тому сорокъ, тому замѣчаніе... Господи, Боже мой! откуда что берется! Мы, да-скать, и о томъ-то просимъ, и то-то совѣтуемъ, — и все такъ важно, такъ оригинально, все такъ, да такъ — точно редакція какого-нибудь журнала... Дѣтство, литературное-простодушное дѣтство, такъ отлично комментирующее все, что дѣлаютъ взрослые!... Но будемъ надѣяться, это новая неудавшаяся попытка дасть образумить г-на Бранта, и онъ перестанетъ сочинительствовать, для того, чтобъ разсылать свои сочиненія даромъ по газетамъ...

Болѣе нечего сказать объ этихъ брошюркахъ... Однакожь, позвольте, позвольте, что это на послѣдней страницѣ «Опыта»? Боже великій! да это объявленіе... да, да, глаза не обманываютъ насъ, — объявленіе о новой затѣѣ г. Бранта, — о новомъ романѣ въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ ЖИЗНЬ, КАКЪ ОНА (?) ЕСТЬ, съ психологическими интересами, съ историческими лицами, съ д'Абрантесъ и Гёте (*Гёте, изображенный господиномъ Брантомъ*!!!), съ событіями 1814 и 1815 годовъ... Нѣтъ, ужь такое средство втискаться въ сочинители превосходитъ всякую мѣру. Надобно этимъ шутканъ и конецъ знать! Побойтесь Аполлона, г. Брантъ! Мы пропускаемъ безъ вниманія ваши похвалы самому-себѣ, такъ скромно выраженныя въ предисловіи, къ «Опыту», пропускаемъ то мѣсто, гдѣ, говоря о «Нашихъ» и *юридически* ссылаясь къ статьѣ «Армейскій Офицеръ», вы разсказываете своимъ читателямъ, что вы родились и выросли «на бивуакѣ, въ лагеряхъ съ отцомъ-ветераномъ», какъ-будто это нужно знать кому-нибудь; пропу-

Digitized by Google

скаемъ безъ упоминанія вашу непостижимо-отчаянную выходку на стр. VI-й брошюры «Нѣсколько Словъ о періодическихъ изданіяхъ Русскихъ», что будто-бы «большая часть журналовъ нашихъ сильно заговорили (а) о добросовѣстности критики именно съ изданія вашей брошюры *Петербургскіе критики и Русскіе писатели*, которой никто не читалъ и которая, по этому, не могла ищть ни на что и ни на кого никакого вліянія, — выходку, которая вамъ не обошлася бы даромъ, еслибъ намъ не жалко было тратить словъ попустому и доказывать вамъ, что нехуде бы иногда знать и мѣру... Все это мы пропускаемъ; но пощадите же и вы насъ, пощадите самого-себя, бросьте свое несчастное намѣреніе — печатать трехтомный романъ для подваловъ книжныхъ лавокъ, или для подарковъ подписчикамъ разныхъ газетъ. Имѣйте, наконецъ, хоть маленькое состраданіе къ бѣдной русской литературѣ, которая имѣетъ уже у себя гг. Алипановыхъ, Сиговыхъ, Кузмичевыхъ...

209) Балакирева Полное Собраніе Анекдотовъ *шута, бывшаго при дворѣ Петра Великаго. Изданіе четвертое. Въ пяти частяхъ. Москва. Въ типографіи И. Степанова. 1842. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 33, во II-й — 25, въ III-й — 16, въ IV-й — 12, въ V-й — 36 стр.*

Въ четвертый разъ читаемъ мы заглавіе этой дрянной книжонки и досихъ-поръ не можемъ понять: Балакиревъ ли издалъ анекдоты шута, или шутъ издалъ анекдоты Балакирева?... Должно быть, послѣднее.

210) Краткое Извлеченіе изъ Руководства Водопотоваго Леченія (Hydrosudotherapie) *seu Hydrosudopathie или леченіе болѣзней холодною водою, испариною, діэтою и тѣлодвиженіемъ, по методѣ г. Приснитца, изданной докторомъ Бижелемъ въ 1840 году. Переведено съ французскаго академикомъ, докторомъ медицины, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, Физико-Медицинскаго Общества, Медико-Фармацевтическаго Попечительства и другихъ ученыхъ обществъ дѣйствительнымъ членомъ*, Васильемъ Воробьевскимъ. *Москва. Въ типогр. Лазаревыхъ Инстит. Восточ. Языковъ.*

Г. Воробьевскій съ недавняго времени началъ издавать крошечныя книжки, прилагая къ нимъ, для полноты, весь свой огромный титулъ и длинныя предисловія. Онъ пишетъ для бѣдныхъ: но зачѣмъ бѣднымъ нуженъ титулъ издателя? а издателю для чего нужно толковать въ предисловіи о томъ, что онъ пишетъ для бѣдныхъ, а не для богатыхъ? Милостивый государь! по слову евангельскому, творите такъ, чтобъ шуйца ваша не знала о подаяніяхъ десницы. Если же, для врученія милостыни, нужно непремѣнно предисловіе, то напишите его по-крайней-мѣрѣ такъ, чтобъ могъ его прочесть кто-нибудь изъ двухъ: или богатый, или бѣдный...

211) Домашняя Аптека, *или описаніе дѣйствія и употребленія важнѣйшихъ діэтетическихъ и самыхъ простыхъ лекарственныхъ средствъ съ присовокупленіемъ правилъ, относящихся до назначенія больнымъ приличной діэты и употребленія нѣкоторыхъ наружныхъ хирургическихъ пособій — Ручная Книга (?!) для сельскихъ хозяевъ и путешественниковъ (!!!?). Переведена съ нѣмецкаго и дополнена (?)* И. К. *Санктпетербургъ. Въ тип. обер-полиціймейстера. 1842. Въ 8-ю д. л. 84 стр.*

Переводивъ «Домашнюю Аптеку» съ нѣмецкаго и *дополнивъ* ее, г. И. К. думалъ оказать большую услугу своимъ соотечественникамъ. Но если и предположить, что г. К. имѣлъ въ виду эту добрую цѣль, все-таки нельзя не пожалѣть, что онъ tempus et oleum perdidit, ибо что заключается въ *изданной* или *переведенной имъ съ нѣмецкаго и дополненной Домашней Аптекѣ?* Желая услужить *сельскимъ хозяевамъ* и *путеше-*

Digitized by Google

описывая (переводчику [illegible]) въ руководство книгу, которая сколько не будетъ удовлетворять даже самымъ первымъ нуждамъ. После [illegible] медицинскаго и гражданскаго [illegible] и после сравненія, сделаннаго между тѣмъ и другимъ, [illegible] *терапевтическія* средства. Но какимъ образомъ мыло и льняное сѣмя попали въ число предметовъ, употребляемыхъ въ пищу? Это должно было бы отнести къ лекарственнымъ веществамъ, которыхъ изложеніе начинается на стран. 194. Еще должно замѣтить, что кроме недостаточнаго, скуднаго описанія предметовъ, вовсе вопреки нѣмецкой словоохотности, ни діэтетическія, ни врачебныя средства не слѣдуютъ въ алфавитномъ порядкѣ, который необходимъ въ подобныхъ *ручныхъ* (?!) *книгахъ*. Въ описаніи діэтетическихъ средствъ, надобно было сказать о пищѣ и питьѣ, какія приличны для больныхъ, а это у г. И. К. отдѣлено особо. Переводя статью «объ употребительнѣйшихъ хирургическихъ пособіяхъ», г. И. К. видно не зналъ, что піявки приставляются, но не «припускаются» къ больному мѣсту. Словомъ, все это напрасный трудъ, принятый съ какою-то, по-видимому, доброю цѣлью, но неудовлетворяющій ни потребностямъ сельскихъ жителей, ни настоящему состоянію науки. Книга г. И. К. можетъ пріумножить собою библіотеки безполезныхъ лечебниковъ и сборниковъ всякаго врачебнаго снадобья, составленныхъ даже не врачами. Если эта «*Домашняя Аптека*» переведена кѣмъ-либо изъ врачей, то сожалѣніе наше должно быть еще больше, ибо каждому врачу подобало бы знать, что nulla medicina popularis sine noxa.

212) Практическія Замѣчанія вообще о Кори, *и въ особенности о кори, свирѣпствовавшей въ апрѣлѣ и май мѣсяцѣ 1841 года въ городѣ Брестѣ-Литовскомъ. Сочиненіе штабъ-лекаря* П. Шюпа. *Санктпетербургъ. Въ тип. Импер. Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Корь и эпидеміи весьма различны, смотря по мѣстности, странѣ, времени года и индивидуальнымъ условіямъ. Условія всей эпидеміи основываются на спорадическомъ появленіи болѣзненныхъ испареній (effluvium) отъ окружающихъ [illegible], отъ образа жизни, воспитанія и наконецъ отъ состоянія атмосферы.

Касательно мѣстности, городъ Брестъ представлялъ, въ продолженіе бывшей тамъ коревой эпидеміи, значительную разницу въ сравненіи съ другими. Городъ этотъ, теперь обращенный въ крѣпость, обнесенъ валомъ; внутри крѣпости проведены каналы; весь мѣста сырыя и болотистыя. Оставшіеся деревянные домы расположены большею частію около каналовъ, или рѣки Муховца съ нечистою, мутною водою. Тѣсное помѣщеніе многихъ еврейскихъ семействъ въ двухъ или трехъ комнатахъ деревяннаго, низкаго, со всѣми неудобствами дома, обычная неопрятность Евреевъ, [illegible] вредныя испаренія семействъ, помѣщенныхъ — [illegible] недостатокъ во всѣхъ еврейскихъ домовъ, отсутствіе необходимаго при домѣ мѣста, отъ чего дѣти, а иногда и взрослые, исполняютъ требованія природы въ домахъ, а нѣкоторые покрываютъ мѣста или берега каналовъ и рѣки Муховца, по этой причинѣ распространяющее зловоніе въ атмосферѣ; въ тѣсномъ пространствѣ, между домами, рынокъ съ съѣстными припасами; дурной присмотръ за дѣтьми, и величайшая около нихъ неопрятность; испаренія въ продолженіе дня изъ каналовъ и рѣки Муховца, — при всѣхъ этихъ условіяхъ, въ Брестѣ, эпидемія должна была развиться въ высшей степени. Соединенія и послѣдовательныя болѣзни были часты, сильны и опасны. Хотя образъ жизни [illegible] Евреевъ не имѣетъ никакой разницы отъ образа жизни городскихъ обывателей, но мѣстность несравненно способствовала эпидеміи развиться въ сильной степени. Корь вообще простой, благополуч-

Digitized by Google

ный люд; смертность была сильна
жение незначительным и что не это бо
ешнее по этой причине случайных
ли индивидуальных. О свойствах ко
я заметил нижеследующее: 1) Зараза пре
прикасании весьма сильна; 2) она менее
ственные свойства весьма непостоя
о распространяется; 3) внезапно по
жерть не одних и тех же местностях
ьшое число людей, потому что обыч
ение воздуха атмосферы, наполненно
4) прививные заразы, суть ли они
ество больного, сыпь, испарение, от
ыхающие вблизи больных, а также
ть зловредного воздуха. 5) Все
ли заразе восприимчивы в
тельной различной степени, обнаруживается более между 7 и
14 годами, после этих лет она уменьшается. 6) Зараза коревая не поражает
одного и того же лица дважды. Против этого мнения приводятся многие
случаи, что люди болели дважды. Причиною 1) пре
ращение сыпи или ее перемещение на
другой какой-либо орган, отчего
следствие опять показывается корь.
Зарождение: не вообще последова
ение расположения организма к ко
е не совершенно увеличение пер
ональных ходов этой болезни.
Неправильный ход болезни. Вырож
ь бывает также исчезающая или
ливая корь. Многие писатели утверж
ют, что корь может видоизменяться в со
инерии с другими сыпями, как это
ожно сократить и кровопусканием. Есть
примеры, что дети рождаются на
ть от корью. 7) Корь зараза пе
ается другим заразам. Если дитя,
ящееся грудью, заболевает корью, то не
ко молоко, но и молочница
ть заболевает корью, то не
ко молоко, но и молочница
ется, когда проходит корь.
ая эпидемия делается ходом ко
ей, но всего более знакомы
ь. Время бывает корь спорадиче
ое. Во время эпидемий появляется
ественно), она всего менее перено
ется от одного субъекта на другой;
некоторые писатели утверждают, что
корь заразительна уже с первого выступления сыпи (стадии). Местом бо
ни этой болезни служит кожная
ружная ткань. По мнению автора, за
разительное начало кори действует
преимущественно на легкие, деятель
ое горло и слизистую оболочку носа;
что эти органы вообще поражаются
сначала, показывают материальные
предшественники кори. Диатезис кори
ая распространяется на сырые дни
менее, нежели на сухие; сильные и хо
лодные, а первые дни сыпи бывают
слабее. Корь оканчивается 1) выпо
ражением, 2) переходом в другие
болезни, 3) смертию. Лечение кори и
последовательных болезней предо
ставляет прочитать в сочинении;
здесь же скажем, что метода лечения,
употребляемая автором, сама сооб
разная с целью; указание на опыты
прививания кори весьма любопытно.
Практические случаи (числом 4-ри),
из коих видно, что автор заимел
в сущности этой болезни, заслужива
ют внимание врачей. — Корьевая эпи
демия, свирепствовавшая в Бре
сти, была соединена с значитель
ною смертностию, преимущественно
умирали от *астенической*, гнилой
кори и от приобединившейся брюш
ной и иногда двух-недельной кори,
ящею от круп (20), воспаления лег
ких (30), тифа (8) и конвульсий (10).
Последовательная болезнь — продол
жительный кашель, коревая сахотка,
и изнурение также были небольшие.
Большое количество детей умерло от
пьяного возраста, тоже умирали от
запущения болезни, небрежения, нед
остатка жизненных удобств, о
собливо в бедном классе от Книж
ка Шпца составлена тщательно
и с знанием дела, а написана та
ким правильным языком, который
редко встречается в наших меди
цинских книгах.

218). Частная Фармакология, или
наука о лекарствах, составленная до-

Digitized by Google

ктором I. Фр. Зобергейномъ *для академическаго и практическаго употребленія. Съ нѣмецкаго, четвертаго изданія, переводъ и, съ нѣкоторыми дополненіями, издалъ ординаторъ Московскаго Военнаго Госпиталя* Михаилъ Вейсбергъ. *Часть первая. Тетрадь вторая. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Восток. Языковъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 384 стр.*

Тяжкая болѣзнь издателя воспрепятствовала поспѣшному изданію перевода этой полезной книги. Первая тетрадь вышла уже давно; теперь явилась вторая. Переводъ и изданіе хороши; само же руководство очень-полезно для учащихся медицинѣ.

214) Московскій Адресъ-Календарь, *для жителей Москвы, составленъ по оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ* К. Нистремомъ. *Томъ второй.* Лица оффиціальныя. *Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1842. Въ 8-ю д. л. 318 стр.*

Нельзя не похвалить цѣли, которую издатель «Московскаго Адресъ-Календаря» имѣлъ въ виду: цѣль эта такъ понятна, что объяснять ее значитъ говорить о предметѣ, всѣмъ извѣстномъ. Нельзя также не замѣтить, что нынѣ вышедшій Адресъ-Календарь, въ сравненіи съ прежнимъ, года два тому напечатаннымъ, есть большой шагъ къ улучшенію. Но и въ немъ попались намъ многія странныя указанія, на которыя мы обращаемъ вниманіе издателя: или документы и свѣдѣнія, принятыя имъ въ руководство, не оффиціальны, или онъ не воспользовался, какъ слѣдуетъ, оффиціальными документами и свѣдѣніями,—третьяго нѣтъ! *Во-первыхъ*, зачѣмъ одни и тѣ же лица указаны въ разныхъ мѣстахъ, съ повтореніемъ того же мѣста жительства? Гораздо бъ лучше сослаться на одну какую-нибудь страницу, отъ-чего книга вышла бъ тоньше, уютнѣй? *Во-вторыхъ*, какимъ образомъ одни и тѣ же лица, въ одно и то же время, имѣютъ разные чины (стр. 215 и 180)? Этого, кажется, не можетъ быть, въ-слѣдствіе перваго логическаго закона — закона противорѣчія? *Въ третьихъ*, не менѣе удивленія достойно и то, что одни и тѣ же лица живутъ въ разныхъ мѣстахъ, чему не повѣритъ никто, имѣющій понятіе о томъ законѣ, по которому одно и то же тѣло, въ одно и то же время, не можетъ находиться въ разныхъ мѣстахъ. Наконецъ — что всего страннѣе — инспектриса *Александровскаго* Училища показана живущею въ домѣ *Екатерининскаго* Училища?! Да какимъ же образомъ, живучи въ Екатерининскомъ Училищѣ, она можетъ инспектировать надъ воспитанницами Александровскаго Училища?... Вѣдь послѣднее, если это извѣстно г. Нистрему, отдѣлено отъ перваго цѣлой улицей, потомъ Маріинской Больницей! Странно, право, какъ дѣлаются адресъ-календари! По-неволѣ вспомнишь стихъ Хлестовой изъ «Горя отъ Ума»!

215) Атласъ Музеума *Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Томъ I. Тетради 9 и 10. Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамента Государственныхъ Имуществъ. 1842. Въ 8 д. л. 12 стр. Съ портретами.*

Въ этихъ двухъ тетрадяхъ заключаются слѣдующіе предметы:

1) Рѣзка для корнеплодныхъ растеній; 2) приборъ для уничтоженія сырости въ комнатахъ; 3) нагрѣваніе жилыхъ строеній горячею водою; 4) приборъ для перемыванія картофеля; 5) паровое мытье бѣлья; 6) правило съ уровнемъ и отвѣсомъ; 7) машина для измельченія костей; 8) конныя мотыки; 9) ведро съ клапаномъ для доставанія воды изъ глубокихъ колодцевъ, и 10) переносныя ясли.

Этими двумя, столь много интереснаго заключающими въ себѣ, тетрадями, оканчивается I-й томъ. Подписка на II-й, по той же цѣнѣ, 1 р. 50 коп. сер., принимается.

При этихъ книжкахъ приложено объявленіе объ изданіи «Трудовъ Воль-

Digitized by Google

наго Экономическаго Общества», котораго публика ожидаетъ съ живѣйшимъ участіемъ.

216) Практическое Руководство къ Устройству Усовершенствованныхъ Веревчатыхъ Приводовъ (*système funiculaire*), *для передачи движенія на всякомъ разстояніи съ наименьшею потерею дѣйствующей силы. Составилъ инженеръ-механикъ Строительнаго Департамента Морскаго Министерства, членъ Императорскихъ Обществъ Вольнаго Экономическаго и Московскаго Сельскаго Хозяйства*, кавалеръ Р. Риго. Изданіе второе. *Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1842. Въ 8-ю д. л. VIII и 56 стр. Съ чертежами.*

Объ этой полезной книгѣ мы говорили уже въ нашемъ журналѣ при первомъ ея изданіи.

217) Древесная Флора, *или описаніе деревъ и кустарниковъ, въ Россіи Государствѣ растущихъ. Съ таблицами воспитываемыхъ въ Россіи сѣверо-американскихъ деревъ и кустарниковъ и пр. Извлечено изъ нѣмецкаго сочиненія Ивана Цинге* И. Ре..ф..ромъ. *Санктпетербургъ. Въ тип. Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. Въ первой XII и 180, во второй 98 стр.*

Эта книга, на нѣмецкомъ языкѣ, вѣроятно, тщательнѣе обработанная, можетъ быть полезна для жителей Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, досель мало знакомыхъ съ русскимъ языкомъ; но для насъ существуетъ названіе извѣстнаго нашего помолога П. И. Шарпа, какъ-то:

«Новое и Полное Руководство къ Содержанію и Разведенію Лучшихъ Цвѣтныхъ Кустовъ и Растеній», изд. 3, 1837, «Продолженіе къ тому же сочиненію съ рисунками.

«О Разведеніи и Содержаніи Плодовыхъ Садовъ и пр.»; наконецъ,

«Руководство къ Теоретическому и Практическому Садоводству», которое составляетъ у насъ только между русскими, но и между иностранными книгами, едва-ли не лучшій трактатъ о садоводствѣ.

Сколько сведущъ въ садоводствѣ издатель разсматриваемой брошюрки, раздѣленной на двѣ части, можно судить при первомъ на нее взглядѣ, открывъ книгу наудачу; наприм., дикій персикъ (Amygdalus nana) у него называется, между-прочимъ, дикой *перецъ*, и то же названіе дано ему въ отглавленіи; слѣдственно, это не опечатка. Про лиму сказано, что она произрастаетъ и въ сѣверныхъ странахъ Россіи; вмѣсто того, она и въ Вологодской Губерніи уже не ростетъ, занимая одно крошечное мѣстечко южной ея части, по смежности съ Ярославскою Губерніею.

Нельзя, однакожь, не похвалить издателя за увѣщанія его разводить у насъ породы клена, дающія хорошій сахарный сиропъ.

218) Опытъ Учета Работъ *при свеклосахарномъ производствѣ*, Николая Шишкова, *члена Московскаго Комитета о Сахароварахъ. Москва 1842. Въ университет. тип. Въ 8-ю д. л. 65 стр.*

Въ предъидущей книжкѣ журнала мы объявили объ отдѣльномъ изданіи статей, касающихся свеклосахарнаго производства и напечатанныхъ въ «Запискахъ Сахароваровъ». Этотъ трудъ принялъ на себя г. Шишковъ — и вотъ другая брошюра, имъ изданная.

219) Ученая Книга Нѣмецкаго Языка, *составленная по методѣ Зейденштикера. Первый курсъ.* Изданіе второе. *Спб. Въ типографіи Карла Крайя. 1842. Въ 12-ю д. л. 98 стр.*

Очень-порядочный учебникъ нѣмецкаго языка для Русскихъ.

220) Сокращитель Человѣческихъ Знаній (,) *или энциклопедія наукъ, художествъ, искусствъ, промышленности, постановленій (?) и проч.* Михаила Павлова. *Спб. Въ тип. штаба воен-*

Digitized by Google

по-учебнымъ заведеніямъ 1848. Въ 8-ю д. л. 107 стр.

На оборотѣ послѣдней страницы этой книжки напечатаны слѣдующія строки, которыя, по всей справедливости, должны были бы предшествовать книгѣ, потому что въ нихъ объясняется цѣль ея:

«При изданіи сего обширнаго сочиненія, помѣстилъ я въ первой части Космографію (міроописаніе) потому, что первый предметъ, поражающій взоръ человѣка, есть прекрасный и удивительный міръ вообще, съ которымъ мы и должны сперва познакомиться. Въ слѣдующей же части я намѣренъ разсматривать человѣка, въ отношеніи его къ міру и подобныхъ себѣ, въ отношеніи гражданскихъ постановленій и правъ, и въ отношеніи всѣхъ животныхъ и веществъ, сотворенныхъ Рукою Божіею.

«А потомъ, постепенно, излагать всѣ отрасли знаній человѣческихъ, какъ плоды дѣятельности человѣка, предназначеннаго жить въ обществѣ себѣ подобныхъ.—Впрочемъ, каждая часть этого сочиненія будетъ издаваться совершенно отдѣльно одна отъ другой.

«Недостатки и погрѣшности, могущія вкрасться въ моемъ сочиненіи, прошу почтеннѣйшихъ читателей извинить, ибо настоящій мой трудъ, издаваемый однимъ мною, и предпринятый на пользу *бѣдныхъ жителей* нашего отечества, заставляетъ меня какъ можно стѣснять объемъ его, а недостатокъ пособій и время не позволяютъ слѣдить за новѣйшими открытіями.

«Усердный Сочинитель.»

Не споримъ, усердіе очень-похвально, какъ дружба и другія добродѣтели; но извѣстная басня нашего несравненнаго Крылова доказала, что и дружба бываетъ иногда хуже вражды, и что «хватить камнемъ друга въ лобъ» еще не значитъ оказать ему услугу. Космографія г. Павлова, какъ сборникъ общихъ фактическихъ свѣдѣній по этой части, дѣйствительно могла бы принести нѣкоторую пользу «бѣднымъ жителямъ нашего отечества»; но только въ такомъ случаѣ, еслибъ, во-первыхъ, она была написана грамотнымъ языкомъ, и еслибъ, во-вторыхъ, г. сочинитель прямо приступилъ къ дѣлу, не вдаваясь, на 16-ти страницахъ, въ разглагольствованія о философіи, о которой онъ, какъ видно изъ этихъ разглагольствованій, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, и которую излагаетъ какимъ-то вавилонскимъ нарѣчіемъ... Вотъ примѣръ въ доказательство справедливости нашего мнѣнія о книгѣ г. Павлова:

«Склоненіе и прямое восхожденіе звѣздъ *опредѣливъ однажды, то оныя навсегда уже опредѣлены;* напротивъ склоненіе и прямое восхожденіе Солнца, Луны и Планетъ должно опредѣлять на всякій день: ибо всѣ звѣзды движутся по параллельнымъ кругамъ къ экватору, *слѣдовательно* и не удаляются отъ него ни менѣе, ни болѣе, а *слѣдовательно* и склоненіе ихъ не перемѣняется; напротивъ того Солнце, двигаясь по эклиптикѣ, и проходя по оной каждый день почти 1°, ежедневно перемѣняетъ склоненіе и прямое восхожденіе(,) такъ напр.(,) Солнце, вступя на экваторъ въ точку Овна (или справедливѣе, въ точку Рыбъ), будетъ имѣть склоненіе 0° и прямое восхожденіе также 0°, потомъ двигаясь ежедневно(,) склоненіе его и прямое восхожденіе возрастаютъ, придя въ тропикъ Рака(,?) склоненіе его Сѣверное наибольшее, а прямое восхожденіе 90°, далѣе, спускаясь по Эклиптикѣ (,) склоненіе его уменьшается и въ точкѣ осенняго равноденствія будетъ 0°, а прямое восхожденіе 180°, придя въ тропикъ Козерога(,) склоненіе Солнца будетъ Южное наибольшее, а прямое восхожденіе будетъ 270°, а наконецъ (слава Богу — *наконецъ!*) когда придетъ въ первую точку Овна опять, то будемъ имѣть прямое восхожденіе 0° и склоненіе 0°.» *(Стр. 66—67.)*

Каковъ періодъ! на какомъ языкѣ написанъ онъ?!.. И такимъ-то небывалымъ на земномъ шарѣ діалектомъ написана вся книжка г. Павлова! Въ философскихъ своихъ требованіяхъ, которыхъ таинственный смыслъ непроницаемѣе элевзинскихъ таинствъ, г. Павловъ говоритъ между прочимъ:

«Да и невозможно ожидать, по части наукъ превосходныхъ и полезныхъ книгъ дотолѣ, пока не перемѣнится духъ *сенсіонной философіи*, принимающей все то, что льститъ чувству и игрѣ воображенія, чи-

ить, повести и романы, плоды пылкаго воображенія: а книга полезная, глубоко мыслящая, по ея существу (?) и предмету, относящаяся къ наукѣ и драгоцѣннымъ познаніямъ природы, остается въ удѣлъ ученымъ и людямъ, одареннымъ дѣятельнымъ духомъ.» Стр. 13 и 14.

На это замѣтимъ г. Павлову, во-первыхъ, что во Франціи въ ужасномъ году повести и романы, «плоды пылкаго воображенія», но что это не помѣшало тамъ процвѣтанію точныхъ наукъ болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ; во-вторыхъ, что люди, подобные Бюффону, Кювье, Жоффруа-де-Сент-Илеру, Араго, умѣли сдѣлать свой предметъ нисколько не *сухимъ*, а только глубокимъ; въ-третьихъ, что г. Павлову не мѣшало бы позаняться чтеніемъ повѣстей и романовъ, «плодовъ пылкаго воображенія», для того, чтобъ попривыкнуть къ совершенно-неизвѣстному для него русскому языку и научиться грамотно и со смысломъ писать по-русски; въ-четвертыхъ, что не философія предшествуетъ точнымъ наукамъ и вообще всякому практическому вѣдѣнію но точныя науки должны служить предуготовительными знаніями для изученія философіи, и что если «бѣдные жители нашего отечества» не имѣютъ никакого понятія о первыхъ началахъ космографіи, то какъ же имъ понимать философскія разглагольствованія, которыя, къ-тому же, и написаны невообразимо безграмотно, и смыслъ которыхъ, вѣроятно, остался тайною для самого «усердиаго сочинителя»?...

22) Робинзонъ Крузе. *Романъ для дѣтей. Сочиненіе Кампе. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинками, рисован. нѣмецкимъ художникомъ Тишбейномъ, и гравированными на деревѣ въ Англіи подъ наблюденіемъ Нейтельгорстона. Часть первая. Санктпетербургъ. 1838. Въ типографіи С.-Петербургской Городской Полиціи. Въ 12-ю д. л. 175 стр.*

Въ предисловіи, говоря объ извѣстности, которою такъ заслуженно пользуется дѣтская книга «Робинзонъ Крузе», переводчикъ приводитъ мнѣніе Руссо, изъ книги его «Emile ou de l'Education»:

«Какимъ образомъ найдемъ мы книгу, которая могла бы служить для всѣхъ только удовольствіемъ? Это положеніе, конечно, не есть положеніе че-

Digitized by Google

ловѣка общественнаго; натурально, что оно не должно быть и положеніемъ Эмиля; но по этому именно положенію, онъ долженъ цѣнить всѣ другія. Самое вѣрное средство — возвыситься надъ предубѣжденіями и утвердить понятія свои на истинныхъ отношеніяхъ вещей, состоитъ въ томъ, чтобъ поставить себя на мѣсто человѣка, отвединеннаго отъ общества, и судить обо всемъ такъ, какъ долженъ судить самъ онъ, въ отношеніи къ своей собственной пользѣ.

«Романъ этотъ, очищенный отъ всего лишняго, начинающійся кораблекрушеніемъ Робинзона близъ его острова, и оканчивающійся прибытіемъ корабля, который избавляетъ его, въ одно и то же время будетъ, и забавою и учебникомъ Эмиля. Я хочу, чтобъ этотъ романъ вскружилъ ему голову, чтобъ мой Эмиль безпрестанно думалъ о робинзоновомъ жилищѣ, объ его ламахъ, о его плантаціяхъ; чтобъ онъ узналъ въ подробности, не изъ книгъ, но на самомъ дѣлѣ, все, что надобно знать въ подобныхъ обстоятельствахъ; пусть онъ самого себя воображаетъ Робинзономъ, пусть кажется ему, что онъ одѣтъ въ кожи, что на головѣ у него большая шапка, въ рукѣ копье, что у него весь странный костюмъ и всѣ необыкновенныя принадлежности Робинзона, даже до зонтика, хотъ въ немъ не будетъ онъ имѣть никакой нужды. Я хочу, чтобъ онъ тревожился о томъ, какія взять мѣры, если у него случится недостатокъ въ томъ или другомъ: пусть онъ внимательно разбираетъ поступки своего героя; пусть ищетъ онъ, не выпустилъ ли тотъ чего изъ виду, нельзя ли было сдѣлать что-нибудь лучше; пусть онъ со всевозможнымъ вниманіемъ замѣчаетъ его ошибки, и пользуется ими, чтобъ самому при случаѣ не впасть въ такую же ошибку; не думайте, чтобъ у него не родилось желанія *поробинзонить*: въ этомъ именно будетъ заключаться настоящій воздушный замокъ сего счастливаго возраста...

«И эта мечтательность дѣтства — какимъ благимъ средствомъ будетъ служить она для человѣка искуснаго, который умѣлъ возбудить ее въ ребенкѣ, для того, чтобъ обратить въ пользу. Ребенокъ отъ нетерпѣнія — устроить себѣ магазинъ на своемъ островѣ, будетъ съ большимъ жаромъ учиться, нежели наставникъ его учить. Онъ будетъ стараться узнать все, что полезно, и лишь только то, что полезно: вамъ уже не нужно будетъ вести его, дѣти-а разъ удерживать.»

Затѣмъ, переводчикъ, объясняя, что Руссо говоритъ не о «Робинзонѣ» Нѣмца Кампе, а о «Робинзонѣ» Англичанина Даніэля Фоэ, прибавляетъ:

«Но *добрый* Жанъ-Жакъ, говоря о томъ Робинзонѣ, котораго онъ имѣлъ въ виду, не совсѣмъ вѣрно выражается, что будто бы Робинзонъ на своемъ островѣ, «dépourvu des instruments de tous les arts», нѣтъ, Робинзонъ Даніэля Фоэ попадаетъ на островъ не совсѣмъ съ голыми руками: у него есть карманный ножикъ, есть кремень, трутъ, а въ скоромъ времени съ разбитаго корабля онъ добываетъ себѣ многіе инструменты: топоръ, пилу, наконецъ ружья, порохъ и пр. Отъ-этого «Робинзонъ» теряетъ много занимательности для юныхъ читателей, потому-что хотя онъ и уединенъ на островѣ, удаленъ отъ общественной жизни, но не лишенъ многихъ орудій, которыя доставила ему именно жизнь общественная.»

Здѣсь г. переводчикъ гораздо больше «не совсѣмъ вѣрно выражается», чѣмъ *добрый* Жанъ-Жакъ, и ровно дважды грѣшитъ противъ истины. Во-первыхъ, эпитетъ *добраго* (граничащій своимъ значеніемъ съ эпитетомъ «простодушнаго») ни сколько не идетъ къ Руссо, къ имени котораго гораздо больше шелъ бы эпитетъ *геніальнаго* и титло великаго писателя. Руссо не былъ философомъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ ученаго, который занимается философіею, какъ наукою, и для котораго философія имѣетъ чисто-ученый, кабинетный интересъ, внѣ жизни; но Руссо былъ мудрецъ, въ смыслѣ древнихъ, и человѣкъ, котораго вся жизнь была мышленіемъ, котораго мышленіе было любовію, а любовь мышленіемъ... Руссо не создалъ никакой философской системы, но обогатилъ идеями новѣйшую философію, такъ что самъ Гегель ссылается на него, какъ на величайшій авторитетъ.

И Руссо былъ правъ, видя столь важную для воспитанія книгу въ «Ро-

Digitized by Google

бинзонъ» Даніэля Фоэ, и переводчикъ Кампе совсѣмъ не правъ, отдавая преимущество переведенной имъ книгѣ передъ «Робинзономъ» англійскимъ. Правда, англійскій Робинзонъ очутился на островѣ съ ножомъ, трубкою и малымъ количествомъ табаку въ карманѣ, и вскорѣ перевезъ съ корабля все ему нужное; но это обстоятельство нисколько не ослабило основной мысли романа, — мысли человѣка, поставленнаго въ необходимость, для поддержки своего существованія, бороться со всевозможными препятствіями и побѣждать ихъ, развивая въ себѣ спавшую дотолѣ способность изобрѣтательности, и одинъ собою представляя цѣлое общество; ибо всевозможныя орудія работы были бы Робинзону, ничему неучившемуся съ малолѣтства, совершенно безполезны, если бы необходимость и чувство самосохраненія, вмѣсто того, чтобъ убить его энергію, напротивъ не укрѣпили ее и не вызвали на борьбу всѣхъ силъ духа его, самому ему дотолѣ неизвѣстныхъ. Сверхъ того, Робинзонъ Фоэ запасся ружьями, порохомъ, кинжалами, математическими инструментами, зрительными трубами и книгами; но не имѣетъ пилы, долота, заступовъ, иголъ, нитокъ, полотна и многаго другаго. Дѣлая себѣ столъ и стулъ, онъ принужденъ былъ рубить цѣлое дерево и, обрубивъ сучья, тесать его до-тѣхъ-поръ, пока не выходила изъ него доска желаемой толщины. Слѣдовательно, «добрый» Русе былъ правъ, говоря о Робинзонѣ, какъ о человѣкѣ, лишенномъ необходимыхъ инструментовъ.

Вообще, «Робинзонъ» Фоэ несравненно-лучше «Робинзона» Кампе: послѣдній состоитъ, большею частію, изъ пустословныхъ и резонёрскихъ разговоровъ отца, разсказывающаго дѣтямъ исторію Робинзона. Эти разговоры для дѣтей, болѣе способны произвести въ дѣтяхъ скуку и отвращеніе къ морали, чѣмъ быть для нихъ наставительными. «Робинзонъ» Фоэ большею частію наполненъ разсказомъ, котораго интересъ и занимательности для дѣтей ни съ чѣмъ нельзя сравнить; разсужденіями онъ наскучаетъ довольно-рѣдко. Этотъ первоначальный и истинный «Робинзонъ» былъ переведенъ и по-русски (съ французскаго перевода) въ 1814 году подъ заглавіемъ: «Жизнь и приключенія Робинзона Круза природнаго Англичанина. Переведена съ французскаго Яковомъ Трусовымъ.»

Во всякомъ случаѣ, и новый переводъ книги Кампе не лишній въ нашей литературѣ, такъ бѣдной сколько-нибудь-сносными сочиненіями для дѣтей; тѣмъ болѣе не лишній, что онъ сдѣланъ порядочно, со смысломъ, и изданъ опрятно. Что касается до картинокъ, — въ первой части этого новоизданнаго и новопереведеннаго «Робинзона» — ихъ только одна, представляющая грудное изображеніе Робинзона съ бородою и въ какомъ-то колпакѣ; остальныя шесть не что иное, какъ виньетки, и притомъ весьма-посредственныя.

222) Сравнительная Политическая Картина Государствъ Древнихъ, Среднихъ и Новыхъ Вѣковъ, *или Ключъ къ изученію всемірныхъ событій въ современной связи. Тетрадь первая. Сочиненіе* Р. Орлова. *Вмѣстѣ. 10 листовъ.* (Цѣна двумъ тетрадямъ 4 руб. сер.).

Въ предъидущей книжкѣ журнала мы помѣстили извѣстіе о трудѣ, который совершилъ извѣстнымъ преподавателемъ исторіи, г-мъ Орловымъ, и который состоитъ въ составленіи имъ обширныхъ, такъ и сокращенныхъ таблицъ для преподаванія исторіи. Теперь г. Орловъ приступилъ къ изданію своего труда и выпустилъ первую тетрадь таблицъ сокращенныхъ, подъ приведеннымъ выше заглавіемъ. Эти таблицы суть собственно извлеченія изъ большаго сочиненія, или изъ большихъ таблицъ, къ изданію которыхъ будетъ приступлено послѣ; онѣ будутъ называться «Двѣнадцать Періодовъ Исторіи Человѣчества, или Синхрони-

Digitized by Google

стическій Атласъ Исторіи и Сравнительной Географіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ». Въ изданныхъ нынѣ шести сокращенныхъ и раскрашенныхъ таблицахъ, заключается исторія отъ начала человѣческихъ обществъ до конца XI вѣка; въ слѣдующихъ шести таблицахъ, которыя авторъ обѣщаетъ выпустить въ непродолжительномъ времени, будетъ заключаться исторія остальныхъ семи вѣковъ и первой четверти XIX столѣтія. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, по выходѣ второй тетради, мы, вѣроятно, будемъ имѣть случай говорить подробнѣе объ обѣихъ тетрадяхъ «Сравнительной Политической Картины», и тогда же выложимъ мнѣніе свое какъ о методѣ г-на Орлова, такъ и о таблицахъ г-на Языкова, столь прославляемыхъ нѣкоторыми и столь мало удовлетворяющихъ требованіямъ учащихся. Между-тѣмъ, обращаемъ вниманіе наставниковъ и воспитателей на замѣчательный трудъ г. Орлова, и совѣтуемъ имъ ознакомиться съ первою тетрадью таблицъ его.

Изданіе весьма-хорошо: таблицы литографированы и раскрашены чисто и отчетисто.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемый всѣми любителями изящнаго романъ Гоголя «*Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души*» наконецъ вышелъ въ Москвѣ и только-что сейчасъ полученъ въ Петербургѣ. Мы не успѣли еще прочесть его, спѣша окончить эту книжку журнала. Но имѣвшіе случай читать этотъ романъ, или, какъ Гоголь назвалъ его, эту *поэму*, въ рукописи, или слышать изъ нея отрывки, говорятъ, что, въ сравненіи съ этимъ твореніемъ все, доселѣ написанное Гоголемъ, кажется блѣдно и слабо: до такой высоты достигъ вполнѣ созрѣвшій и развившійся талантъ нашего единственнаго поэта-юмориста! Вскорѣ мы отдадимъ нашимъ читателямъ подробный отчетъ о «Мертвыхъ Душахъ», въ отдѣлѣ «Критики». Въ этой статьѣ мы обозримъ всю поэтическую дѣятельность Гоголя и постараемся опредѣлить его настоящее значеніе какъ въ сферѣ творчества, такъ и въ русской литературѣ. Будетъ о чемъ поговорить, будетъ что сказать новаго, чего еще у насъ не было говорено...

—

Важную новость въ современной литературѣ составляютъ появившіяся на дняхъ *Филологическія Наблюденія протоіерея Г. Павскаго надъ составомъ Русскаго Языка*.

Г. Павскій извѣстенъ своею глубокою и обширною ученостью. Даже при поверхностномъ взглядѣ на трудъ его можно видѣть, какой многолѣтней работы стоила ему эта книга, какого громаднаго запаса свѣдѣній требовала она. Самый предметъ ея доступенъ только опытному, уче-

Digitized by Google

ному филологу, какимъ показывается г. Павскій въ этомъ своемъ произведеніи. Теперь изданы пока только три первыя части «Филологическихъ Наблюденій». Вскорѣ мы отдадимъ подробный о нихъ отчетъ нашимъ читателямъ.

. . . . . .

—

. . . . . .

Въ непродолжительномъ времени поступитъ въ печать пятая часть *Повѣстей П. П. Сумарокова*, въ которую, между прочими статьями, войдетъ и повѣсть «Выигрышъ и Кража», напечатанная въ XIX-мъ томѣ «Отечеств. Записокъ» (1841 г.) съ нѣкоторыми сокращеніями. Здѣсь она будетъ гораздо-полнѣе. — Три первыя части «Повѣстей» П. П. Сумарокова можно найдти, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, въ книжномъ магазинѣ г. Смирдина, а IV-ю часть въ Конторѣ Отечественныхъ Записокъ.

. . . . . .

—

. . . . . .

Читатели вѣроятно помнятъ еще, какой шумъ подняла «Сѣверная Пчела» въ прошломъ году, увидѣвъ объявленіе какого-то книгопродавца о томъ, что у него продаются «Отечественныя Записки *1839-го года*» по 20 рублей ассигн. за экземпляръ, — помнятъ, какъ хотѣлось ей увѣрить публику, что можно найдти «Отечественныя Записки» какого-угодно года по этой же уменьшенной цѣнѣ; какъ это полезное для нея намѣреніе не удалось ей, потому-что невозможно было доказать небывальщину, изобрѣтенную только ея досужею фантазіею, — и какъ она скромно отретировалась и замолкла, когда мы потребовали отъ нея дѣйствительныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ. Но вотъ что прочли мы въ «Прибавленіяхъ къ 35-му нумеру Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года (2-го мая), въ третьемъ столбцѣ 526 й страницы:

«Въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ Александра Александрова Кузнецова, состоящей близъ церкви Владимірской Божіей Матери, поступили въ продажу остальные экземпляры Журнала, изданнаго въ С.-Петербургѣ Г. Смирдинымъ подъ названіемъ:

Библіотека для Чтенія.

За прошлые 1835, 1836, 1839 и 1840 годы по 20 руб., а за 1834 годъ 35 руб. асс., каждый годъ въ 12 книжкахъ, цвѣтныхъ бумажныхъ сорочкахъ. Г-да иногородные при своихъ требованіяхъ, сверхъ означенной цѣны, благоволятъ прилагать на почтовую пересылку за 17 фунт.—2».

Мы перепечатали здѣсь это объявленіе съ дипломатическою точностію, не измѣнивъ въ немъ ни одной буквы. Цифра 2, стоящая въ концѣ его, показываетъ, что оно печатается уже во второй разъ: отъ-чего же «Сѣверная Пчела» до-сихъ-поръ не вопіетъ на небо о такомъ важномъ пониженіи цѣны на журналъ «Библіотека для Чтенія»? Или ей дѣло только до «Отечественныхъ Записокъ»?.. Объявленіе о продажѣ «Отечественныхъ Записокъ 1839 года» напечатано отдѣльно. Богъ-знаетъ гдѣ и въ какой типографіи, отъ какого-то книжнаго торговца, котораго имени нѣтъ ни на одной объявленіи ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ; никто не видалъ этого объявленія, кромѣ редакціи «Сѣверной Пчелы», и мы нигдѣ не могли найдти ни одного экземпляра его, кромѣ того, который показывался въ книжной лавкѣ г. Полеваго; притомъ же въ этомъ объявленіи назначалась уменьшенная цѣна одному только году «Отечественныхъ Записокъ» — по причинамъ, которыя мы тогда же объяснили. Но теперь другое дѣло: объявленіе объ уменьшенной цѣнѣ «Библіотеки Для Чтенія» дѣлается отъ извѣстной въ Москвѣ книжной лавки г. Кузнецова, печатается оно два раза въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»,

Digitized by Google

которыхъ расходится, говорятъ, болѣе 10,000 экземпляровъ, и которыя, слѣдовательно, читаетъ вся Россія; въ этомъ объявленіи назначается уменьшенная цѣна не *одному* только году изданія, какъ было, совершенно-случайно, съ «Отечественными Записками», но всѣмъ первымъ *пяти* годамъ изданія, — и «Сѣверная Пчела» молчитъ, какъ-будто это не ея дѣло! Что, еслибъ подобное объявленіе напечатано было объ «Отечественныхъ Запискахъ» (которыхъ, впрочемъ, все-таки «Сѣверная Пчела» нигдѣ не отъищетъ по уменьшенной цѣнѣ ни за 1840, ни за 1841, ни за 1842 годъ), — какой бы крикъ подняла тогда эта благонамѣренная газета! сколько бы фразъ наговорила она о безпристрастіи, добросовѣстности, честности литературной! Говоримъ это не въ упрекъ «Сѣверной Пчелѣ», — что помнить старое! мы давно уже позабыли всѣ ея продѣлки, покончивъ съ нею навсегда свои счеты, — а въ предосторожность ей на будущее время: поменьше говорить о добросовѣстности и поболѣе дѣйствовать добросовѣстно.

Digitized by Google

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Если мы всякую весну съ новымъ удовольствіемъ любуемся оживленною, одѣвающеюся въ новую зелень природою, то еще болѣе утѣшителенъ долженъ быть для насъ видъ дерева, котораго вѣтви уже нѣсколько лѣтъ были сухи и голы, и которое вдругъ въ юныхъ отросткахъ начинаетъ показывать признаки новой жизни. Это побѣда первобытной жизненной силы природы надъ всѣми препятствіями, воздвигаемыми неблаготворнымъ небомъ и безплодною почвою. Подобныя мысли представлялись, конечно, всякому, кто разсуждалъ объ измѣненіяхъ въ умственной дѣятельности народовъ. Въ обыкновенномъ кругу образованнаго міра, между народами, которые признаны представителями нынѣшней европейской образованности, легко можно замѣтить приливъ и отливъ жизненныхъ силъ, подобный тому, который въ физической природѣ есть слѣдствіе различныхъ временъ года. Отдѣльные періоды исторіи литературы, въ-продолженіи которыхъ у той или другой націи древо умственной жизни цвѣло и приносило плоды, весьма вѣрно могутъ быть уподоблены ежегоднымъ измѣненіямъ природы, и только это уподобленіе можетъ вполнѣ объяснить ихъ значеніе. Разсматривая съ этой точки общую образованность Европы, мы однакожь часто замѣчаемъ, что то или другое дерево видимо отстаетъ отъ другихъ. Иная нація, стоявшая прежде въ полномъ цвѣтѣ и приносившая роскошные плоды, теперь едва покрывается листьями и кажется совершенно-исключенною изъ ряда живыхъ. Тѣмъ утѣшительнѣе видѣть, когда подобная нація вдругъ начинаетъ двигаться и принимать участіе въ великомъ дѣлѣ всеобщаго умственнаго образованія. Наблюдательному историку литературы представляютъ въ настоящее время такое зрѣлище многіе народы, которыхъ литературная дѣятельность нѣкогда имѣла весьма великое значеніе, но которые ужь нѣсколько столѣтій какъ сошли съ этого поприща, и предоставили поле битвы

Digitized by Google

достойнѣйшимъ поборникамъ. Италія занимаетъ первое мѣсто между подобными націями.

Здѣсь не мѣсто входить въ ближайшее изслѣдованіе причинъ упадка итальянской литературы; притомъ же, явленіе это было разсмотрѣно столько разъ и съ такихъ разныхъ точекъ, что главный фактъ можно считать неоспоримымъ. Дыханіе весны, оживившее здѣсь давно-дремлющія силы, пробудившее вдругъ къ умственной жизни цѣлую націю, которая ужь нѣсколько вѣковъ находилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи, есть не что иное, какъ пробудившееся чувство народности, этотъ талисманъ, обѣщающій нашему времени всеобщую весну. Кто наблюдалъ за ходомъ итальянской литературы въ послѣдніе годы, кто видѣлъ, какъ она сбрасываетъ съ себя мало-по-малу оковы мертваго, безплоднаго ученаго педантизма, какъ она освобождается отъ рабскаго подражанія и борется съ закоренѣлыми предразсудками и обыкновеніями, какъ нація начинаетъ воспоминать собственную свою исторію, и забываетъ эпоху Рима для среднихъ вѣковъ Италіи,—тотъ, конечно, будетъ удивляться, какъ много въ этомъ отношеніи сдѣлано въ такое время и въ такой странѣ, гдѣ безчисленное множество препятствій и затрудненій умышленно и неумышленно противопоставлены возрожденію національности. По этому, отнюдь не должно удивляться, что отрасль литературы, преимущественно основывающаяся на народномъ сознаніи, является здѣсь почти совсѣмъ-необработанною. Драма, по сущности своей принадлежащая исключительно народу, отъ суда котораго зависитъ совершенно ея достоинство, ибо ей нужно одобреніе слушателей, а не читателей — въ наше время утратила свое первоначальное назначеніе; она уже не то, что была у Грековъ, и что есть до-сихъ-поръ еще въ Италіи, — здѣсь она имѣетъ цѣлію поддерживать любовь къ отечеству, укрѣплять гражданскія и семейныя узы народа. Всякая другая отрасль народной литературы болѣе или менѣе принадлежитъ исключительно одному какому-либо классу народа, извѣстной степени образованности; одна только драма заключаетъ въ себѣ интересъ общій цѣлой націи; и какъ никакое другое произведеніе литературы не можетъ сравниться съ ея могучимъ, глубокимъ и обширнымъ дѣйствіемъ, такъ и она должна болѣе всякой другой отрасли литературы держаться предписанныхъ ей предѣловъ, ибо въ нихъ только она можетъ сохранить свое высокое значеніе. Предѣлы эти суть—національность въ тѣснѣйшемъ значеніи слова. На народъ можно дѣйствовать только тѣмъ, что взято изъ его жизни, или общественной (т. е., изъ его исторіи), или частной (т. е., изъ его семейнаго быта. Этимъ можно объяснить, почему въ новѣйшее время вообще дѣйствіе театра и драматической литературы на духъ народовъ такъ ограниченно. Этимъ также объясняется и то, какимъ образомъ въ Италіи особенный родъ сценическихъ представленій сохранилъ такое вліяніе на его разъединенность и политическое безсиліе, и пріобрѣлъ важность и значеніе, какого нигдѣ не могъ бы имѣть безъ этой причины.

Ужь нѣсколько столѣтій существуютъ во всѣхъ столицахъ Италіи народные театры, которые находятъ себѣ новую пищу въ шуткахъ и въ утрированномъ изображеніи національнаго характера. Это — плодъ сатиры, свойственной однимъ только Итальянцамъ, и исключительно ими обработанной. Въ этихъ веселыхъ, оживленныхъ фигурахъ много высшихъ элементовъ, придающихъ имъ особенное значеніе. Даже подражаніе дѣлается въ этихъ маленькихъ драмахъ оригиналомъ, ибо все чужое принимаетъ въ нихъ совершенно-итальянскій характеръ. Оригинальные типы пульчинелля и другихъ представителей нравовъ итальянскихъ городовъ, со-

Digitized by Google

храняемые во всякой пьесѣ, взятой изъ иностранной литературы, представленія итальянскихъ народныхъ праздниковъ, дѣлаетъ эти пьесы истинными характерными картинами Италіи. Вотъ тайна неувядаемой жизни и вліянія народнаго итальянскаго театра. Но если подобное явленіе стоитъ совершенно одиноко на классической почвѣ минувшей учености и художествъ; если вокругъ его всякое другое движеніе драматическаго духа или подавляется въ зародышѣ, или увядаетъ едва расцвѣтши, то причины этого должно искать въ недостаткѣ причинъ, благопріятствующихъ народному театру. Для высокой драмы, — все равно трагедіи или комедіи, ибо онѣ различаются сюжетомъ, а не исполненіемъ, — необходимо историческое основаніе въ воспоминаніи народа и въ воображеніи поэта, въ которомъ бы они могли глядѣться, какъ въ зеркалѣ, и отражать событія настоящаго. Поэтому, даже въ цвѣтущее время итальянской литературы, въ ней не было настоящей драмы, ибо воспоминаніе народа и поэтовъ или считало истинною исторіею своей страны римскую древность, или блуждало въ преданіяхъ другихъ народовъ. Только нашему времени суждено было оцѣнить историческую важность среднихъ вѣковъ, какъ эпохи дѣйствительной жизни Италіи. Только въ наше время было возможно опредѣлить кругъ дѣйствія странъ, которая, по раздробленности своихъ интересовъ, дѣлаясь безпрестанно добычею завоевателей, давно уже не имѣетъ общаго средоточія. Конечно, до-сихъ-поръ можно назвать еще весьма-немного поэтическихъ дарованій, старающихся ускорить наступленіе новаго періода жизни для ихъ народа, но сѣмена этой новой жизни уже готовы.

Весьма-любопытно видѣть, какъ Италія съ нѣкотораго времени болѣе и болѣе обращается къ своей исторіи, и какъ упорно старинный французскій вкусъ борется съ свободнымъ драматическимъ духомъ, проникающимъ въ нее изъ Германіи и Англіи.

Альфіери былъ послѣдній драматическій поэтъ Италіи, державшійся исключительно такъ-называемой классической школы; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ первый началъ употреблять главнымъ движителемъ драматическихъ эффектовъ — народность, хотя она является у него въ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицахъ еще въ оковахъ классицизма. Его характеры, какимъ бы различнымъ народамъ и временамъ ни принадлежали, носятъ на себѣ отпечатокъ собственныхъ его идей и чувствъ, и сцены, въ которыхъ онъ наиболѣе развивается, раждали въ сердцахъ его соотечественниковъ тѣ же чувства, пробуждали въ нихъ тѣ же возвышенныя идеи. Его почти можно назвать отцомъ новѣйшей эпохи Италіи. Его драмы не представляютъ картинъ; въ нихъ не отражается дѣйствительная жизнь, разнообразная, измѣнчивая, какъ Протей; онъ походитъ на скульптора, который, для выраженія своей идеи, окружилъ главную фигуру весьма-немногими принадлежностями, чтобѣ только помочь воображенію зрителя. Статуи его стоятъ неподвижно, но совершенны передъ глазами зрителя, и во всѣхъ его твореніяхъ легко узнать одну и ту же идею, одно и то же исполненіе, только въ различномъ свѣтѣ, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Свобода и мужественная, непоколебимая твердость, вотъ его постоянныя идеи.

Монти и Фосколо, обогатившіе послѣ Альфіери своими произведеніями итальянскую сцену, суть не болѣе, какъ подражатели и ученики его, далеко не сравнявшіеся съ учителемъ. Между-тѣмъ, міръ пробудился отъ его долгой дремоты; преграды, отдѣлявшія одинъ народъ отъ другаго, рушились; началось новое духовное переселеніе народовъ, и сдѣлало общимъ достояніемъ идеи, бывшія до сего исключительною собственностію одной націи. Поэтическія сокровища Англіи, Испаніи, отдаленной Индіи, героиче-

Digitized by Google

скія преданія Сѣвера и древніе Minnesänger Германіи, заступили мѣсто, которое доселѣ занимали только Гомеръ и Данте. Италія и удивилась Шиллеру и Гёте, Байрону и Вальтеръ Скотту, Ламартину и Виктору Гюго, и не могла не уступить соблазну испытать себя на этомъ новомъ для нея пути.

Манцони первый съ восторженностію предался этому соблазну. Въ своихъ драмахъ «Адельга» и «Карманьйола», онъ заплатилъ дань такъ-называемой романтической школѣ, написавъ двѣ одушевленныя картины прошедшаго, исполненныя намековъ на настоящее. Первая представляетъ разрушеніе Лонгобардскаго Царства Карломъ-Великимъ; содержаніе второй взято изъ исторіи Венеціи. Обѣ драмы были представлены на театрахъ Италіи, и если не нашли того одобренія, котораго заслуживаютъ, то изъ этого нельзя еще вывести такое заключеніе, какое вывели англійскіе критики, т. е., что Италія никогда не можетъ сродниться съ романтизмомъ, противоположнымъ ея натурѣ. Мы въ этомъ явленіи видимъ только, что итальянская публика ѣздитъ смотрѣть трагедіи, такъ же, какъ и оперы, только для разсѣянія, и мало обращаетъ вниманія на представленіе. Притомъ же, должно замѣтить, что эти первые опыты Манцони имѣютъ много недостатковъ, вредящихъ общему эффекту. Не смотря на разнообразные, часто весьма-интересные эпизоды, обѣ драмы рѣшительно лишены всякаго дѣйствія и слѣдовательно не могутъ приковать и усиливать вниманія зрителя до конца. Далѣе, самыя изображенія характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ недовольно одушевлены и согрѣты чувствомъ; въ нихъ совершенно нѣтъ тѣхъ оттѣнковъ, дошедшихъ до насъ по преданіямъ, которыми Шекспиръ умѣлъ придавать столько жизни и индивидуальности своимъ героямъ; если, наконецъ, мы скажемъ еще, что поэту вздумалось ввести въ эти драмы хоры древнихъ, то этого, кажется, будетъ болѣе, нежели достаточно, для объясненія причины холодности, съ которою приняты эти во многихъ отношеніяхъ превосходныя творенія. Впрочемъ, Манцони особенно замѣчателенъ какъ поэтъ лирическій, и въ твореніяхъ его весьма удачны тѣ мѣста, гдѣ могъ выказаться его лирическій талантъ. Это доказываютъ хоры пятаго акта «Карманьйолы», гдѣ благородный кондотьери прощается съ женою, дѣтьми и сподвижниками, жаждетъ солнечнаго свѣта, широкихъ полей, своего браннаго коня и шумнаго военнаго стола; изступленная скорбь Эрменгарды, отверженной супруги Карла-Великаго, въ «Адельги»; монологи Карманьйолы, друга его Марко и многія другія сцены. При этомъ интересно видѣть, какое вліяніе на Манцони имѣло изученіе германской литературы, преимущественно твореній Шиллера. Форма его строфъ, ударніе стиховъ, очевидно устроены по нѣмецкому образцу. Хоръ третьяго акта «Адельги», особенно отличается сходствомъ съ нѣмецкими формами. Карлъ-Великій съ своимъ войскомъ проведенъ сокрытыми путями черезъ Альпы. Паническій страхъ войска Лонгобардовъ и измѣна многихъ значительныхъ вассаловъ ускоряютъ паденіе династіи Альбоина. Оба лонгобардскіе царя, Дезидерій и Адельхасъ, заключаются съ варвыми войсками въ стѣнахъ Павіи и Вероны. Коренные обитатели Сѣверной Италіи, два вѣка страдавшіе подъ игомъ иноплеменныхъ завоевателей, ожидаютъ минуты своего освобожденія. Но хоръ,—голосъ поэта—предсказываетъ несчастнымъ, что, вмѣсто одного господина, они будутъ имѣть теперь двухъ. Хоръ начинается слѣдующими стихами:

Dagli atri muscosi, dai forti cadenti,
Dai boschi, dall'arse facine stridenti,
Dai solchi bagnati di servo sudor,
Un volgo disperso repenti si desta,
Intende l'orecchio, solleva la testa
Percosso da novo crescente romor, etc.

Digitized by Google

До Манцони нельзя встрѣтить подобнаго метра ни у одного итальянскаго поэта; остается только жалѣть, что Манцони, огорченный неуспѣхами своихъ первыхъ драматическихъ твореній, вовсе оставилъ главное поприще, на которомъ онъ, конечно, умѣлъ бы совершенно преобразовать итальянскій театръ; но и теперь даже его можно назвать творцомъ новѣйшей трагедіи. Ибо хоть тѣ, которые самостоятельно пошли по слѣдамъ его и остались свободными отъ чудовищныхъ заблужденій французскихъ романтиковъ, сдѣлали опять одинъ шагъ назадъ, и оставались между Альфіери и Манцони, но они проложили позднѣйшимъ поэтамъ путь къ разрѣшенію задачи.

Между ними, безспорно первое мѣсто принадлежитъ *Сильвіо Пеллико*. Его имя и твореніе, признаваемое Итальянцами до-сихъ-поръ лучшимъ «Francesca da Rimini» — такъ извѣстны, что нѣтъ нужды далѣе останавливаться на нихъ. Вообще, всѣ драмы его, предметъ которыхъ заимствованъ изъ исторіи Италіи, имѣютъ одинъ общій недостатокъ—недостатокъ индивидуальной жизни. Десятилѣтнему заключенію въ крѣпости Шпильбергъ, конечно, должно приписать всю вину этого. Зародышъ мощнаго духа, проявляющійся въ его «Francesca da Rimini», на свободѣ развился бы и принесъ обильные плоды. Теперь же всѣ драмы его, написанныя во время и послѣ заключенія, носятъ на себѣ слѣды сокрушеннаго духа и борьбы поэта съ матеріальностію, борьбы, которой онъ тщетно старается придать драматическую жизнь. Доказательствомъ можетъ служить его «Gismonda da Mandrisio», содержаніе которой взято изъ борьбы ломбардскихъ городовъ противъ императора Фридриха I. Героиня, именемъ которой названа драма, прекрасно изображаетъ характеръ женщины съ возвышенною душою, терзаемой муками отверженной любви и ревности, и жаждущей мщенія; но борьба Милана съ императоромъ слишкомъ-слабо связана съ главнымъ дѣйствіемъ, и потому только мѣшаетъ ему. Въ двухъ другихъ драмахъ, «Leoniero da Dortona» и «Iginia d'Asti» видно то же желаніе представить живую картину политическихъ событій того времени, и также неудачно. Позднѣе, Сильвіо Пеллико сдѣлалъ нѣсколько опытовъ въ драмахъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ священнаго писанія, именно: «Ester d'Engaddi» и «Erodiada». — Послѣдняя имѣетъ удивительное сходство съ «Сауломъ» Альфіери. Обѣ онѣ написаны съ преувеличеніемъ чувствъ и съ энтузіазмомъ, представляющими странную противоположность крѣпости, даже можно сказать слабости, замѣтной въ его же «Prigioni». — Наконецъ, мы должны упомянуть о двухъ драмахъ, написанныхъ имъ въ послѣднее время. Первая, «Tomasso Moro», представляетъ мученичество извѣстнаго канцлера англійскаго короля Генриха VIII — защищеніе римско-католической церкви, безъ малѣйшаго знанія нравовъ, образа жизни и исторіи Англіи того времени, и вторая «Il Colombo», которая, какъ говорятъ, была съ большимъ успѣхомъ представлена на Туринскомъ Театрѣ.

Еще до Пеллико, *Николини* обогатилъ театръ многими трагедіями въ классической формѣ, каковы: «Polissena», «Medea», «Edipo», «Ino e Temisto», — и многія другія. Первое его твореніе, обратившее на себя общее вниманіе, была шуточная драма «Nabucco», вышедшая послѣ паденія Наполеона, и въ исторіи Навуходоносора, представлявшая всѣхъ участниковъ этого достопамятнаго событія. Увлеченный примѣромъ Манцони и Сильвіо Пеллико, онъ въ-послѣдствіи покорился требованіямъ вѣка, и въ этомъ періодѣ своей дѣятельности написалъ твореніе, съ которымъ не сравнилась ни одна изъ его послѣдующихъ драмъ. «Antonio Foscarini», содержаніе котораго есть извѣстное событіе изъ исторіи Венеціи, послужившее Байрону предметомъ драмы, представляетъ любопыт-

Digitized by Google

ную, хотя и преувеличенную картину мрачныхъ временъ среднихъ вѣковъ. Поэтъ умѣлъ придать особенную ужасную прелесть Карелану, который гигантски возвышается надъ другими дѣйствующими лицами драмы. Нѣсколько лѣтъ спустя, вышли его «Giovanni da Procida» и «Rozamonda d'Inghilterra», а теперь друзья поэта обѣщаютъ скорое появленіе его послѣдней трагедіи «Gregorio VII», которая, по ихъ увѣренію, должна затмить всѣ прежнія его творенія. Ждемъ этой новости, но покуда мы видимъ только, что Николини колеблется между своими путеводителями; онъ еще не рѣшился: броситься ли ему въ объятія Альфіери или Манцони, и въ стремленіи занять средину между двумя героями новѣйшей итальянской поэзіи, онъ теряетъ изъ виду истинное назначеніе драмы. Часто встрѣчаются у него сцены, вставленныя для одной какой-нибудь блестящей тирады, и хоть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видны искры генія, но по-большой-части онѣ показываютъ только ораторское дарованіе и вредятъ эффекту удачныхъ частей картины. Впрочемъ, должно сознаться, что въ изображеніи сицилійской вечерни Николини, встрѣчается много превосходныхъ сценъ, вѣрно представляющихъ дикій мстительный характеръ Итальянцевъ, который дѣлаетъ каждаго изъ нихъ опаснымъ врагомъ, не смотря на безсиліе ихъ, какъ народа, и который до-сихъ-поръ составляетъ отличительную черту жителей Калабріи, Сицилія и Корсики. Мы вовсе не будемъ говорить о его драмѣ «Rozamonda», заимствованной изъ жизни англійскаго короля Генриха II, ибо ничего не можемъ сказать въ похвалу ей. Пьеса эта кажется намъ совершенно-неудавшеюся.

Многіе современники этихъ трехъ драматистовъ, иные старѣе, иные моложе, избрали себѣ тотъ же путь. Для вѣрной оцѣнки ихъ, должно различать между ними рабскихъ подражателей отъ самостоятельныхъ служителей искусства. Можетъ-быть, впрочемъ, что этотъ избытокъ реторическихъ украшеній, который мы заняли у Николини, большею частію проистекаетъ изъ свойствъ самого стихотворнаго языка Италіи. Итальянскій поэтъ обязанъ ничего не называть настоящимъ именемъ, но все обозначать иносказательно, и это придаетъ итальянской поэзіи какую - то напыщенность, которая изгоняетъ всякое теплое чувство. Мы полагаемъ, что этимъ отчасти можно извинить непомѣрную надутость произведеній новѣйшихъ драматиковъ, которые, сверхъ того, увлеченные французскимъ новѣйшимъ романтизмомъ, старались подражать ему во всѣхъ его своевольствахъ.

Изъ числа этихъ послѣдователей Николини и приверженцевъ стариннаго стихотворнаго языка, назовемъ Карло Маренко да Чева, котораго «Buondelmonte» и «Corso Donati» нѣсколько лѣтъ сряду занимала первое мѣсто въ репертуарѣ итальянскихъ театровъ. Еще съ большимъ одобреніемъ приняты въ послѣднее время двѣ другія трагедіи того же автора «Berengario Augusto» и «Cecilia di Baone». — Не знаемъ другихъ его твореній, но если судить о нихъ по «Berengario», то въ нихъ должны господствовать тѣ недостатки, о которыхъ мы сейчасъ говорили, т. е. слабость характеристики и реторическая напыщенность, безъ всякаго дѣйствія. Беренгаръ, могучій, смѣлый глава недовольныхъ, такъ долго сопротивлявшійся всѣмъ силамъ Германской Имперіи, представленъ въ этой драмѣ слабымъ, нерѣшительнымъ; онъ расточаетъ звучныя, исполненныя благороднѣйшихъ чувствъ фразы, и наконецъ падаетъ жертвою окружавшей его измѣны, незаслуживъ этой участи ни однимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ.

Другой поэтъ, синьйоръ Бріоно, изъ Турина, сдѣлалъ героемъ трагедіи канцлера Фридриха II, Петра делла Винье, и съ такимъ же малымъ успѣхомъ. То же можно сказать о трагедіи «La fa-

Digitized by Google

migliá Lereari», недавно игранной въ первый разъ въ Генуѣ, и содержаніе которой заимствовано изъ генуэзской исторіи. Она исполнена погрѣшностей противъ исторіи и противъ необходимѣйшихъ условій драмы. Всѣ эти неудачные опыты, кажется, убѣдили многихъ Итальянцевъ, что причина этихъ неудачъ заключается въ надутомъ, лишенномъ всякаго истиннаго чувства, языкѣ. Нѣкоторые молодые драматики пишутъ уже свои трагедіи прозою, и это вѣроятно отчасти придаетъ болѣе естественности и жизни ихъ дѣйствующимъ лицамъ. Впрочемъ, одна эта внѣшняя форма, конечно, не могла бы возвысить итальянскую драму, еслибъ отличныя дарованія писателей не ознаменовали твореній ихъ печатію совершенства. Такимъ образомъ, мы съ большимъ удовольствіемъ прочли драму «Lorenzino dei Medici» — Джузеппа Ровере, представляющую характеристическую картину тревожной, безпечной и развратной жизни Италіи въ XVI столѣтіи, отъ низкихъ классовъ народа до высшаго придворнаго круга. Не менѣе замѣчательно твореніе Гіліони «Duca Alessandro dei Medici», вышедшее вмѣстѣ съ предъидущимъ, хотя оно не можетъ сравниться съ нимъ ни вымысломъ, ни исполненіемъ. Драма Феликса Туротти «Il conte Anguissola», или смерть сына папы Павла III. Пьера Луиджи Фарнезе, котораго преступная и развратная жизнь прекращена была возмущеніемъ дворянства въ Піаченцѣ, подъ предводительствомъ графа Ангвиссолы, его же «Beatrice Tenda» и наконецъ «Luisa Strozzi» Гіацинта Баттали, ясно показываютъ, что, не смотря на политическія и религіозныя преграды, для Италіи наступаетъ новая эпоха. Въ наше время, только въ одной Италіи поэты вдохновляются неключительно предметами, касающимися ихъ отчизны; исторія сдѣлалась любимою наукою замѣчательнѣйшихъ умовъ Италіи, и при отеческихъ попеченіяхъ правительствъ ученіе и образованность болѣе и болѣе распространяются въ низкихъ классахъ народа. Радостно привѣтствуемъ мы возрождающуюся жизнь Италіи, какъ новое доказательство, что въ области духа можно идти только впередъ, а не назадъ.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣкоторыя явленія итальянской литературы.

Луиджи Карреръ, въ Венеціи, самъ извѣстный какъ поэтъ и занятый теперь изданіемъ полнаго собранія твореній знаменитаго Уго Фосколо (автора «Писемъ Джакопо Ортиса»), задумалъ обширное литературное предпріятіе, котораго дальнѣйшее исполненіе должно показать какъ ясно понимаетъ издатель мысль, которую хочетъ осуществить. Подъ названіемъ «Biblioteca classica italiana di scienze, lettre ed arti, disposta ed illustrata da Luigi Carrer» (Venezia), онъ намѣренъ издать историческую энциклопедію, гдѣ бы всѣ науки представлены были въ духѣ собственно-итальянскихъ ученыхъ твореній, которыя помѣстятся здѣсь хронологически, частію вполнѣ, частію въ извлеченіи. Все изданіе будетъ состоять изъ 100 томовъ, и раздѣлится на 12 отдѣленій; въ первомъ будутъ заключаться богословскія сочиненія, во второмъ спекулятивная и практическая философія, въ третьемъ математика, и т. д. Цѣль этого изданія состоитъ не въ томъ, чтобъ показать, какимъ образомъ, на-примѣръ, естествознаніе, законовѣдѣніе, и т. п. въ-теченіи столѣтій развивались въ Италіи, но представить, какъ въ Италіи понимаема была каждая отрасль знанія, и какъ ее должно понимать въ настоящее время. Поэтому, введеніе въ каждое отдѣленіе будутъ заключать въ себѣ преимущественно свѣдѣнія относительно библіографіи и языка. Въ концѣ всего изданія, помѣщена будетъ собственно исторія итальянской литературы. До сего времени вышло уже около 30 томовъ. Такимъ образомъ, эта энциклопедія должна быть не что иное, какъ выборъ твореній, при-

Digitized by Google

знанныхъ флорентинскою Академіею делла Круска классическими въ отношеніи языка (testi di lingua); но въ ней встрѣчаются сочиненія, каковы: Cavalca — Specchio di croce, Pallavicino — Perfecione cristiana, сохранившіяся въ памяти только потому - что нѣкоторые обороты изъ языка приняты въ словарь «della crusca». Явленіе это, по нашему мнѣнію, нисколько не содѣйствуетъ успѣхамъ итальянской литературы.

Гораздо важнѣе и любопытнѣе другой сборникъ, подъ названіемъ: «Epitome de volumi Ercolanensi, del Cavaliére Lorenzo Blanco».

Прошло уже почти цѣлое столѣтіе послѣ того, какъ Помпея и Геркуланумъ, возставъ изъ могилъ, обратили на себя вниманіе знатоковъ и любителей древности. Кто имѣетъ средства предпринять путешествіе въ Италію, чтобъ посмотрѣть на мѣсто, прекрасно сохранившее остатки древности, тому съ избыткомъ вознаградятся трудности и издержки, при видѣ классическихъ мѣстъ, которыя послѣ многихъ столѣтій такъ живо представляютъ намъ нравы, обычаи, художества, пороки и добродѣтели древнихъ, что кажется, будто жители на минуту оставили свои домы и тотчасъ опять возвратятся въ нихъ. Это особенно можно сказать о Помпеѣ: она походитъ на ландшафтъ, который художнику остается только оживить человѣческими фигурами. Еслибъ на ветерановъ, стерегущихъ эти древности, вмѣсто узкихъ мундировъ, надѣть широкія римскія мантіи, вмѣсто ружья дать имъ панцырь, каску и копье, очарованіе было бы совершенно: воображеніе переселило бы васъ во времена Цезаря и Цицерона, Плинія и непобѣдимой республики. Два различныя обстоятельства были причиною, что Помпея и Геркуланумъ не погибли, но сохранились подъ землею. Въ Помпеѣ, засыпанной слоемъ земли, а невулканическими изверженіями Везувія, сохранились зданія, и на стѣнахъ ихъ свѣжая ихъ живопись; въ Геркуланумѣ, напротивъ, пламя совершенно почти разрушило зданія; но изъ пепла ихъ, какъ фениксъ, возникаетъ человѣческая мысль. Разрушительное пламя, обсушивъ растительное и подверженное тлѣнію вещество папируса древнихъ, сохранило его отъ совершеннаго разрушенія. Но издержки неаполитанскаго правительства и труды ученыхъ любителей древности далеко не вознаграждаются успѣхомъ. Находка сама-по-себѣ уже не можетъ быть названа счастливою, ибо до сего времени открыта только частная библіотека эпикурейскаго философа. Поэтому, еслибъ даже была возможность открыть эти свитки безъ поврежденія, и такимъ образомъ исторгнуть у времени хранимую имъ человѣческую мысль, то и тогда ожиданія любителей древности остались бы весьма-мало удовлетворенными. Правительство ежемѣсячно отпускаетъ 6,000 дукатовъ въ институтъ геркуланумскихъ рукописей, но до-сихъ-поръ еще не сдѣлано по этой части ничего достопримѣчательнаго.

Въ 1793 году открыта была рукопись Филодема о дѣйствіи музыки. Авторъ рѣшительно держится мнѣнія эпикурейцевъ, отвергаетъ мнѣніе циника Діогена и въ заключеніе говоритъ, что музыка не можетъ имѣть ни добраго, ни дурнаго вліянія на человѣка, что она не необходимость, но роскошь. Сочиненіе это, написанное на греческомъ языкѣ, состоитъ изъ 28 столбцовъ, или страницъ. Далѣе открыты были: въ 1809 году творенія какого-то Набирія, изъ коего розобрано только восемь отрывковъ, заключающихъ въ себѣ 57 латинскихъ стиховъ эпической поэмы о войнѣ Цезаря Августа съ Маркомъ-Антоніемъ, объ актійскомъ сраженіи и о занятіи Римлянами Египта. Изъ всѣхъ открытыхъ до сего времени рукописей, эта одна на латинскомъ языкѣ. Въ томъ же году найдены II и XI книги Эпикура о природѣ. Изъ нихъ можно видѣть по-

Digitized by Google

нятія древнихъ о метеорахъ и о физикѣ. II книга состоитъ изъ одиннадцати, а XI изъ тринадцати столбцовъ. Въ 1827 году — Филодема: о добродѣтели и противоположныхъ ей порокахъ; эта рукопись содержитъ въ себѣ 24 столбца въ 12 отрывкахъ. Въ томъ же году — Филодема: о порокахъ, 24 полные столбца. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій, авторъ приписываетъ Теофрасту οἰκονομικῶν Аристотеля. Второе разсуждаетъ о гордости, ея началѣ и послѣдствіяхъ, и о различіи ея отъ чувства чести. Оба сочиненія имѣютъ предметомъ сельское хозяйство и домоводство, обращеніе съ женами, дѣтьми и рабами. Въ 1832 году — Полистрата: о незаслуженномъ презрѣніи, честности, о правомъ и неправомъ, или о томъ, что должно дѣлать и чего не дѣлать. Эта рукопись содержитъ въ себѣ 24 столбца въ 12 отрывкахъ. Въ томъ же году — Полидема: о реторикѣ, въ 16 столбцахъ; разсужденіе о краснорѣчіи софистовъ, и о томъ, въ какой мѣрѣ реторика необходима для политики. Въ 1835 году — Филодема: о реторикѣ; 32 столбца въ 5 отрывкахъ; тутъ разсуждается объ особенныхъ свойствахъ оратора, о значеніи глагола πελαγίζω въ реторикѣ и о разговорной манерѣ философовъ и софистовъ. Въ томъ же году — Филодема: о правѣ всякаго, особенно философа, свободно высказывать свои мысли въ разговорѣ. Въ 1838 году — Филодема: объ образѣ жизни боговъ; домашнія и общежительныя обыкновенія боговъ, ихъ любимыя игры, и т. п.; 15 полныхъ столбцовъ. Въ томъ же году, Метродора, о чувствѣ; 21 столбецъ; здѣсь трактуется о мысляхъ, рождаемыхъ чувствами. Вообще весьма-мало интереснаго; болѣе глупой болтовни, нежели здравыхъ мыслей. Academia Ercolanense издала всѣ эти рукописи въ шести фоліантахъ, съ дополненіями и латинскимъ переводомъ греческаго текста. Къ сожалѣнію, не всякій любитель древности въ состояніи пріобрѣсть подобное дорогое изданіе, и сверхъ-того, изученіе этихъ фоліантовъ — трудъ огромный и неблагодарный. Поэтому, любознательная публика, конечно, будетъ весьма благодарна кавалеру Лоренцо Бланко, который въ трехъ небольшихъ томахъ представляетъ ей на итальянскомъ языкѣ содержаніе каждаго papirus in ristretto, нисколько не искажая порядка и мыслей авторовъ. Этотъ молодой человѣкъ съ большими дарованіями занимаетъ при Officina de papiri мѣсто interprete, и очень-хорошо знаетъ свое дѣло. Не корыстолюбіе, но любовь къ древностямъ родила въ немъ мысль сдѣлать геркуланумскія рукописи понятными и не для ученыхъ, такъ что путешественникъ въ короткое время можетъ совершенно ознакомиться съ ними посредствомъ этого извлеченія.

Упомянемъ здѣсь еще объ издаваемыхъ во Флоренціи Карломъ Понтани «Opere architettoniche di Rafaello Sanzio», съ объясненіями и примѣчаніями, показывающими глубокое знаніе исторіи и развитія греческой литературы.

Весьма ученое твореніе, требовавшее тщательныхъ разысканій въ иностранныхъ литературахъ, есть «Storia della Legislazione Italiana di Federico Sclopis (1841)». Вышла только первая часть его, заключающая въ себѣ времена, слѣдовавшія непосредственно за паденіемъ Рима, далѣе собственно итальянскій періодъ въ XIV вѣкѣ, когда народный духъ былъ на высшей точки своего развитія, до Совантароля и Маніонеля. Сочиненіе это вполнѣ заслуживаетъ вниманіе ученыхъ.

Подъ названіемъ «Nuova Enciclopedia Popolare di Gaetano Demarche (Turin, 1842)», будетъ издаваться итальянскій энциклопедическій лексиконъ, по образцу лучшихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ энциклопедій. Все изданіе будетъ заключать въ себѣ 10—12 томовъ, отъ 1000 до 1500 страницъ каждый, 1500 политипажей и 300 гравюръ. Оно выходитъ еженедѣльными выпусками, по полто-

Digitized by Google

ры лиры (рубль ассиг.). Первые четыре выпуска содержатъ въ себѣ весьма любопытныя статьи, и напечатаны очень красиво.

Изъ новѣйшихъ итальянскихъ романовъ достойны замѣчанія «Nicolo de Lapi», соч. маркиза Массимо д'Азелio, зятя Манцони и автора романа «Ettore Ficramosce», перепечатаннаго уже въ Парижѣ книгопродавцемъ Бодри, — и вышедшая въ Миланѣ «Gina novella Italiana», сочиненіе Л. Романи. Романъ этотъ, впрочемъ весьма интересный, замѣчателенъ своею необыкновенною развязкою, ибо всѣ дѣйствующія лица его тонутъ.

Digitized by Google

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Возвращаясь къ англійской литературѣ, мы будемъ продолжать исчисленіе новѣйшихъ явленій въ области этнографіи, путешествій и историческихъ изысканій, составляющихъ настоящее литературное поприще практическаго Англичанина, которому необходимъ твердый фундаментъ, какъ для физическаго его существованія, такъ и для умственной дѣятельности. Передъ нами лежитъ теперь книга, чудная, разнообразная, сказочная, и притомъ исполненная жизни и истины, какъ баснословныя повѣсти Востока:

The Zincali or an Account of the Gypsies of Spain by George Barrow, *late Agent of the British and Foreign Bible Society in Spain. 2 vols. London. 1841.*

Авторъ долгое время жилъ въ Испаніи. Жизнь его представляетъ гораздо-болѣе случаевъ къ разнымъ похожденіямъ и романтическимъ приключеніямъ, нежели прозаическая, ежедневная жизнь нашего времени. Вотъ начало нѣкоторыхъ изъ его разсказовъ: «Въ Фецѣ, я познакомился съ одною молодою Жидовкою. У ней былъ только одинъ, но одушевленный необыкновеннымъ огнемъ, глазъ; однажды я спросилъ ее, какимъ образомъ она лишилась другаго, и она разсказала мнѣ слѣдующую исторію»... Или: «Во время моего пребыванія въ Кордовѣ, я узналъ одного престарѣлаго патера, который за свои политическія мнѣнія находился подъ присмотромъ полиціи, пользуясь впрочемъ совершенною свободою. Ему было уже за 80 лѣтъ; прежде онъ былъ великимъ инквизиторомъ въ Кордовѣ. Однажды сидѣли мы ночью вдвоемъ»... Или: «Вотъ свѣдѣнія о *Дарѣ-Дюни-Фоль* (особомъ классѣ гадателей), сообщенныя мнѣ однимъ Жидомъ изъ Феца, который долго жилъ въ Варварійскихъ Владѣніяхъ». Или: «Если я проживу сто лѣтъ, то и тогда не забуду моей встрѣчи съ старымъ цыганскимъ атаманомъ и его внукомъ, съ которыми я сошелся близъ Новгорода»... Или еще: «Во время пребыванія въ Севильѣ, я познакомился съ однимъ, чрезвычайно-любопытнымъ лицомъ: худая, костлявая фигура, въ наложенной шляпѣ, въ засаленномъ сюртукѣ, и въ еще болѣе засаленномъ исподнемъ платьѣ», и т. п. Кто не почувствуетъ желанія поближе познакомиться со всѣми этими почтенными особами и не позавидуетъ втайнѣ счастію г. Баррова, имѣющаго такихъ друзей? Кто не пожелаетъ вмѣстѣ съ нимъ скитаться по лицу земли и бесѣдовать попеременно съ солдатами, нищими, гадателями, съ Турками, Жидами, Маврами и Цыганами? Что касается до содержанія и цѣли этого сочиненія, замѣчательнаго по непринужденности и естественности слога, то оно представляетъ подробнѣйшія изслѣдованія о происхожде-

Digitized by Google

ніи, языкѣ, нравахъ и обычаяхъ любопытнаго кочующаго народа—Цыганъ, не только въ Испаніи, но и въ другихъ странахъ. По мнѣнію автора, число ихъ въ Испаніи простирается до 40,000 человѣкъ. Послѣ многихъ статистическихъ свѣдѣній объ этой націи барышниковъ, кузнецовъ, воровъ, контрбандистовъ и гадальщицъ, сочинитель предлагаетъ довольно полный словарь цыганскаго языка, который онъ считаетъ весьма близкимъ къ санскритскому и этимъ старается доказать остиндское происхожденіе Цыганъ; за тѣмъ слѣдуютъ образчики ихъ дикихъ балладъ. Впрочемъ, главное содержаніе сочиненія составляютъ собственныя похожденія автора между Цыганами, по случаю попытокъ его обратить ихъ въ христіанскую вѣру,—попытокъ, оставшихся совершенно безуспѣшными, и описаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сценъ изъ жизни испанскихъ Цыганъ, ихъ странныхъ обычаевъ и т. п. Чтобъ дать нашимъ читателямъ понятіе объ этихъ сценахъ, приведемъ здѣсь описаніе цыганской свадьбы, къ которой былъ приглашенъ и нашъ авторъ; зная совершенно ихъ языкъ, онъ жилъ съ ними на дружеской ногѣ и считался между ними своимъ. «Послѣ долгой ѣды и питья въ цыганской хижинѣ, образовалась наконецъ свадебная процессія. Впереди шли женихъ съ невѣстою; за ними ихъ ближайшіе родственники и друзья, а въ заключеніе—цѣлая толпа Цыганъ, сопровождаемая громкими криками, ружейными и пистолетными выстрѣлами, сливавшимися въ одинъ дикій шумъ съ лаемъ деревенскихъ собакъ. По совершеніи свадебнаго обряда, процессія возвратилась въ томъ же порядкѣ или безпорядкѣ. Въ продолженіи всего дня только пѣли и пили, ѣли и плясали; самая же характеристическая черта этого празднества ожидала насъ ночью. Съ довольно-значительными издержками приготовлено было нѣсколько сотъ фунтовъ конфектъ, но совсѣмъ не для того, чтобъ услаждать вкусъ, а для цѣли истинно-цыганской. Всѣ эти сласти разной формы и величины, между коими первое мѣсто занимали *Yémas*, т. е. яичный желтокъ, покрытый сахарною корою, разложены были на полу довольно-обширной комнаты слоемъ, вершка въ три толщиною. По поданному знаку, молодой и молодая вбѣгаютъ въ эту комнату и начинаютъ танцовать *Romalis*. За ними слѣдуетъ вся толпа Хитановъ и Хитанъ, также танцуя. Невозможно дать никакого понятія объ этой сценѣ. Въ нѣсколько минутъ весь слой конфектъ растоптанъ былъ въ порошокъ, или лучше сказать въ тѣсто, танцовщики и танцовщицы по колѣно вязли въ сахарѣ, вареньи и въ яичномъ желткѣ. Съ каждою минутою веселость становилась неистовѣе. Мужчины прыгали высоко отъ земли, крича разными голосами, Хитаны щелкали пальцами громче, нежели кастаньетами, принимали положенія самыя неблагопристойныя, и притомъ произносили слова, которыя я считаю за грѣхъ повторять. Въ одномъ углу комнаты, прыгалъ Sebastianillo и такъ сильно ударялъ въ струны своей гитары, что по временамъ она издавала какіе-то дьявольскіе звуки. Праздникъ этотъ продолжался три дня, и какъ обыкновенно, стоялъ жениху большей части его состоянія. Рассо, одинъ Цыганъ изъ Бадахоза, приписывалъ свою бѣдность единственно безразсудной роскоши своей свадьбы, и многіе другіе сознавались въ томъ же. Они утверждаютъ, что въ продолженіи этихъ трехъ дней, они находятся подъ вліяніемъ какого-то помѣшательства, которое оставляетъ имъ только одну мысль, одно желаніе, какъ можно-скорѣе освободиться отъ своего богатства. Иные даже кидали горстями на улицу деньги. Въ продолженіи трехъ дней, всѣ двери отворены, всякаго посѣтителя принимаютъ съ неограниченнымъ гостепріимствомъ». — Здѣсь по-необходимости мы должны проститься съ авторомъ, въ надеждѣ,

Digitized by Google

впрочемъ, вскорѣ опять увидѣться съ нимъ, ибо онъ обѣщаетъ вести насъ къ Цыганамъ въ горы Венгріи.

Слѣдующая книга, хотя не представляетъ такого занимательнаго чтенія, какъ предъидущее, но тѣмъ важнѣе для исторіи человѣческаго образованія.

Travels in the Burman Empire. By Howard Malcolm. *Edinburg. 1841.*

За исключеніемъ религіи браминовъ въ Индостанѣ, мы до сего времени почти ничего не знали о господствующей на Востокѣ религіи, и это, конечно, было причиною малаго успѣха трудовъ миссіонеровъ. Малькольмъ, въ описаніи своего путешествія по Бирманской Имперіи, устраняетъ этотъ недостатокъ, и предметъ такъ важенъ, что, при разборѣ его во многихъ отношеніяхъ любопытнаго сочиненія, мы ограничимся только тѣмъ, что въ немъ относится до буддизма, Boodhism, религіи Будды, господствующей въ Азіи и имѣющей болѣе послѣдователей, нежели какая-либо другая религія. Постараемся представить здѣсь сокращенно мнѣніе Малькольма.

Весьма вѣроятно, что буддизмъ уже многія столѣтія распространенъ на Востокѣ столько же, какъ и теперь. Нынѣ ему слѣдуетъ половина народонаселенія Китая, Лао, Кохинхины и Цейлона, все народонаселеніе Камбожіи, Сіама, Бурмы, Тибета, Татаріи и Лао-Хоо, и большая часть жителей Японіи и южныхъ острововъ. *Будда* не есть имя особеннаго бога, но общее названіе божества. Въ разныя времена и въ разныхъ мірахъ было безчисленное множество буддъ; но въ нѣкоторыхъ мірахъ не было ни одного, и ни въ одномъ не было болѣе пяти. Въ нашемъ мірѣ существовало уже четыре будды: *Kan-ka-thun*, *Gau-na-gông*, *Ka-tho-pa* и *Gaudama*. Ожидаютъ пятаго, по имени *Aru-ma-day eh*.

Предположеніе, сдѣлавшееся довольно-общимъ, что *буддизмъ* имѣетъ много общаго съ *брамизмомъ* или *индуизмомъ*, совершенно неосновательно. Нельзя отыскать двухъ системъ, которыя были бы болѣе противоположны и очевидно показывали бы, что ни одна изъ нихъ не могла произойдти изъ другой. Въ брамизмѣ есть воплощеніе, котораго нѣтъ въ буддизмѣ, ибо у него нѣтъ безсмертнаго божества: первый имѣетъ множество идоловъ, второй только одного; первый требуетъ кровавыхъ жертвъ, послѣдній воспрещаетъ всякое умерщвленіе. Первый предписываетъ жестокія самоистязанія, послѣдній даже не такъ строгъ, какъ католицизмъ. По законамъ брамизма, ложь, воровство и другіе пороки иногда признаются похвальными качествами, и даже божества его нечужды ихъ; напротивъ, буддизмъ строго различаетъ правое отъ неправаго и не знаетъ никакого извиненія для грѣха. Первый считаетъ величайшимъ благомъ посвященіе жизни своей Богу, а послѣдній — ничтожество. «Что касается до меня» говоритъ Малькольмъ: «то я не нашелъ ни одной сходной черты въ обѣихъ религіяхъ.» Весьма-важное различіе буддизма отъ брамизма состоитъ еще въ томъ, что первому совершенно-чуждо раздѣленіе на касты, и изъ этого уже, не говоря о другихъ основаніяхъ, можно съ вѣроятностію заключить, что буддизмъ, какъ религія, гораздо-древнѣе брамизма. Допустивъ происхожденіе брамизма изъ буддизма, должно предполагать, что первый изъ нихъ, въ концѣ перваго столѣтія послѣ Рождества Христова, сдѣлался уже столь силенъ въ Индостанѣ, что могъ начать преслѣдованія, о которыхъ говорится въ твореніяхъ браминовъ, и что они наконецъ успѣли вытѣснить учителей буддизма далѣе на востокъ, откуда они перешли въ Китай.

Наиболѣе-замѣчательная особенность ученія буддизма состоитъ въ томъ, что оно не принимаетъ существованія вѣчнаго божества. Оно почитаетъ и богатыря, образъ *Гаудамы*, который нѣкогда былъ богомъ, но по-

Digitized by Google

томъ обратился въ ничтожество. Гаудама былъ царскій сынъ и родился около 626 года до Р. Х. Онъ прежде жилъ въ четырехстахъ милліонахъ міровъ, и въ каждомъ изъ нихъ прошелъ безчисленное множество превращеній. Въ нашемъ мірѣ онъ былъ червемъ, птицею, рыбою, и вообще прошелъ всѣ виды животныхъ. Какъ человѣкъ, онъ самъ испыталъ страданія и удовольствія каждаго состоянія. Въ-продолженіи всѣхъ этихъ переходовъ, оказавъ неимовѣрныя заслуги, онъ родился наконецъ сыномъ царскимъ, и тотчасъ по рожденіи сталъ на ноги, распростеръ руки и съ торжествомъ воскликнулъ: «Теперь я благороднѣйшій между людьми; теперь я родился въ послѣдній разъ.» Въ совершенномъ возрастѣ, онъ имѣлъ 15 футовъ вышины. «Его уши были такъ прекрасны и такъ длинны, что висѣли до плечъ; руки его доставали до колѣнъ, пальцы были соразмѣрной длины, а языкомъ онъ могъ доставать до начала носа. Все это несомнѣнныя доказательства его божественности.» Память его сохранила всѣ перемѣны его прежняго существованія, и многія событія разсказывалъ онъ своимъ приближеннымъ. Сохранилось 550 подобныхъ разсказовъ. Первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ его жизнь и приключенія, въ образѣ оленя, второй — въ образѣ обезьяны, третій — въ образѣ слона, четвертый — пѣтуха, и т. д. Все собраніе называется *Дъата* и составляетъ значительную часть священныхъ книгъ. На 35 году, Гуадама сдѣлался буддою и былъ имъ 45 лѣтъ, совершилъ въ-продолженіи этого времени множество полезныхъ дѣлъ, именно: распространилъ вездѣ превосходные законы и наконецъ достигъ «Nicban», т. е. ничтожества, и вмѣстѣ съ нимъ 400 его вѣрныхъ слугъ, жрецовъ. Все это происходило въ Индостанѣ за 2380 лѣтъ предъ симъ. Передъ смертію, онъ приказывалъ, чтобъ законы его были исполняемы, чтобъ прахъ и образъ его были чтимы, и чтобъ въ память ему строили пагоды, до появленія слѣдующаго будды. Онъ изображается всегда одинаково; различія встрѣчаются только въ наружныхъ украшеніяхъ, въ коронѣ, въ повязкахъ на шеѣ и рукѣ и т. п., въ величинѣ изображеній, которая измѣняется отъ полувершка до 75 футовъ, и наконецъ въ веществѣ, ибо они дѣлаются изъ камня, изъ дерева, изъ металловъ, изъ глины и слоновой кости.

Слѣдующій будда долженъ явиться въ-продолженіи семи или восьми тысячь лѣтъ отъ настоящаго времени. Эпоха его появленія не назначена съ точностію, но достовѣрно извѣстно, что онъ будетъ имѣть 80 футъ вышины, что ротъ его будетъ въ пять футъ и волоса бровей такой же длины. Отъ первыхъ трехъ буддъ не осталось ни законовъ, ни изреченій. Законы Гаудамы сохранились преданіями въ-продолженіи 450 лѣтъ отъ его смерти, и тогда только, около 94 года до Р. Х. написаны на островѣ Цейлонѣ. Они составляютъ единственную священную книгу Бирмановъ и всѣ написаны на языкѣ *Пелли*. Они состоятъ изъ трехъ отдѣловъ, изъ которыхъ каждый подраздѣляется на нѣсколько книгъ, и называются Bedagat.

По Бедагату, вся вселенная заключаетъ въ себѣ безчисленное множество міровъ; каждый міръ состоитъ изъ возвышеннаго центральнаго хребта горъ, омываемаго морями, и четырехъ большихъ острововъ, окруженныхъ каждый пятью-стами меньшихъ. Наша земля составляетъ южную группу острововъ, и мы населяемъ наибольшій островъ. Она не шаръ, но выпуклая поверхность, окруженная горами и морями. Подъ верхнею корою находится слой воды, вдвое толще слоя земли, и подъ водою слой воздуха, вдвое толще слоя воды. Далѣе пустота, vacuum. Высшія страны заключаютъ въ себѣ 26 небесъ, одно надъ другимъ, а низшія 8 мѣстъ наказанія перваго разряда, изъ которыхъ каждое имѣетъ 16 меньшихъ заведеній для наказаній. На одномъ небѣ находится

Digitized by Google

пріятное жилище для умершихъ людей, а въ главной резиденціи царя стоитъ огромной величины слонъ. Высота его неизмѣрима; онъ имѣетъ семь головъ, у каждой головы семь зубовъ, на каждомъ зубѣ семь прудовъ; въ каждомъ пруду растетъ семь лилій, на каждой изъ нихъ семь цвѣтковъ, у каждаго цвѣтка семь листковъ, на каждомъ листкѣ семь дворцовъ, въ каждомъ дворцѣ семь нимфъ, женъ царскихъ, каждая съ пятью-стами слугъ и служанокъ. На головѣ другаго слона, имѣющей 30 *узловъ* длины, выѣзжаетъ самъ царь, и на 32 меньшихъ головахъ того же слона 32 царскіе принца. Изъ восьми первоклассныхъ мѣстъ наказанія, четыре наказываютъ посредствомъ жара и четыре посредствомъ холода.

Не только вселенная со всѣми своими мірами, но и души всѣхъ обитающихъ на нихъ живыхъ существъ, звѣрей, людей и святыхъ, существуютъ отъ начала міра. Души переходятъ изъ одного тѣла въ другое, и, смотря по прежнимъ заслугамъ своимъ, онѣ, при каждомъ новомъ рожденіи, возвышаются или понижаются. Это возвышеніе и пониженіе зависитъ не отъ разумнаго судіи, но опредѣлено неизмѣнною судьбою. Сумма страданій, которыя каждая душа должна претерпѣть во время своего странствованія, неисчислима. Белагатъ говоритъ: «слезы, пролитыя отъ начала міра одною душою, такъ обильны, что, въ-сравненіи съ ними, океанъ не болѣе какъ капля». Существовать и страдать — понятія нераздѣльныя, и потому главная цѣль и высшее желаніе человѣка должно состоять въ томъ, чтобъ окончить земное странствіе и обратиться въ ничтожество.»

Ученіе буддизма имѣетъ пять главныхъ положеній: вѣчное существованіе вселенной и всѣхъ живыхъ существъ, переселеніе душъ, Nichan или ничтожество, явленіе черезъ долгіе промежутки времени существъ, которыя достигаютъ божественности и потомъ ничтожества; наконецъ пріобрѣтеніе заслугъ. Первыя четыре положенія намъ уже довольно извѣстны, послѣднее же заслуживаетъ подробнаго изложенія, тѣмъ болѣе, что въ немъ заключается вся мораль буддизма.

Заслуги состоятъ въ избѣганіи грѣховъ и въ слѣдованіи предписаніямъ добродѣтели; высшая степень заслугъ — единственная цѣль буддистовъ. Пороки, которыхъ должно удаляться, описаны въ кодексѣ морали, заключающемъ въ себѣ пять главныхъ законовъ, именно: ты не долженъ никого умерщвлять, ты не долженъ красть, ты не долженъ прелюбодѣйствовать, ты не долженъ лгать, ты не долженъ употреблять никакого питья, омрачающаго разсудокъ. Въ этихъ пяти отдѣлахъ размѣщены всѣ пороки. Такъ-какъ первый законъ воспрещаетъ всякое умерщвленіе, то истинный буддистъ не только не употребляетъ въ пищу никакихъ животныхъ, но даже не убиваетъ вредныхъ гадовъ и считаетъ войну и смертную казнь непозволительными. Всѣ грѣхи раздѣляются на три класса: грѣхи тѣла, напримѣръ, убійство, воровство, и т. п., грѣхи языка, напр., двуличность, клевета, пустословіе, раздоръ, и грѣхи ума, каковы: гордость, сребролюбіе, зависть, мысли, противныя религіи, поклоненіе ложнымъ божествамъ, и т. д. Священныя книги буддистовъ особенно возстаютъ противъ гордости, гнѣва, любостяжанія и сладострастія. Онѣ предписываютъ строгую воздержность въ употребленіи благовонныхъ веществъ, въ смѣхѣ, въ веселостяхъ, въ крѣпкихъ напиткахъ и въ куреніи опіума, воспрещаютъ посѣщать худыя общества, порицаютъ лѣность и праздность. Кто желаетъ достигнуть *ничтожества*, тотъ долженъ удаляться всякаго колдовства, не вѣрить снамъ, не сердиться, когда его порицаютъ, не гордиться, когда хвалятъ, не долженъ льстить своимъ благодѣтелямъ, любить насмѣшки и язвительныя шутки, а всего болѣе долженъ избѣгать быть причиною ссоръ и раздоровъ. Духъ чело-

Digitized by Google

вѣческій можетъ обнаруживаться тремя различными способами: радостію о благахъ, которыми мы обладаемъ, печалію и скорбію о претерпѣнномъ несчастіи, и наконецъ равнодушіемъ къ счастію и къ несчастію. Послѣднее состояніе есть высшее, и кто достигъ его, тотъ уже приближается къ ничтожеству. При этомъ, священныя книги дѣлютъ множество весьма вѣрныхъ сравненій, напр., гоняющійся за грѣшными удовольствіями подобенъ мотыльку, летающему около огня дотѣхъ-поръ, пока не сожжетъ свои крылья, или человѣку, который лижетъ медъ съ ножа и обрѣзываетъ себѣ языкъ.

Заслуги бываютъ трехъ родовъ: *Ѳеда* (Theda), или соблюденіе всѣхъ запрещеній и предписаній священныхъ книгъ и проистекающихъ изъ нихъ обязанностей, каковы: благотворительность, кротость, честность, снисходительность, скромность, уваженіе къ старшимъ, любовь къ ближнему, и т. д.; во вторыхъ, *Дана*, или раздаваніе милостыни и подарковъ; сюда относится также и содержаніе жрецовъ, построеніе *кіуновъ*, *пагодъ* и *цайтатовъ* (*), привѣшиваніе колокольчиковъ къ пагодамъ, проложеніе большихъ дорогъ, устроеніе колодцевъ и водопоевъ, сажаніе деревъ для плодовъ или для тѣни, выставленіе сосудовъ съ свѣжею водою для путешественниковъ, кормленіе преступниковъ и звѣрей, и т. д.; наконецъ, въ третьихъ, *Бавана*, или чтеніе молитвъ и священныхъ книгъ. Дары и подаянія составляютъ большую или меньшую заслугу, смотря по тому, кому они даются, при чемъ принимается слѣдующая постепенность: во-первыхъ, животныя; во-вторыхъ, ремесленники, рыбаки и вообще всѣ занимающіеся ручною работою; въ-третьихъ, купцы и люди высшаго сословія, когда они въ нуждѣ, и въ-четвертыхъ, жрецы. Благотворительность перваго рода награждается долгою жизнію, красотою, мудростію и счастіемъ въ-продолженіи 100 переселеній; благотворительность втораго класса — всѣми этими благами въ-продолженіи 1000, третьяго 10.000 и четвертаго, смотря по святости одареннаго жреца, еще гораздо большаго, хотя неопредѣленнаго числа переселеній.

Сверхъ сего, Бедагатъ содержитъ въ себѣ множество наставленій Гаудамы объ обязанностяхъ дѣтей, родителей, супруговъ, наставниковъ, учениковъ, господъ и рабовъ. Для примѣра приведемъ отрывокъ изъ рѣчи Гаудамы къ одному вельможѣ. Вельможа спросилъ его совѣта, какъ избѣжать въ жизни зла, и Гаудама отвѣчалъ: «Знай, что избѣгать сообщества невѣждъ и обращаться съ мудрыми, уважать заслуживающихъ уваженія, избирать жилище, соотвѣтствующее нашимъ нуждамъ, и вообще благоразуміе во всѣхъ дѣйствіяхъ — суть средства предохранять себя отъ зла. Ясное понятіе о всемъ томъ, что не есть зло, точное познаніе нашихъ обязанностей, скромность, кротость въ словахъ и поступкахъ — четыре вѣрные пути избѣжать несчастій. Мы можемъ оградить себя отъ зла, поддерживая родителя, работая для жены и дѣтей, сохраняя чистоту и честность во всѣхъ поступкахъ, раздавая милостыню, исполняя законъ Божій и помогая родственникамъ. Кто такъ далекъ отъ пороковъ, что даже худшая часть его натуры не оказываетъ склонности къ нимъ, кто не употребляетъ горячихъ напитковъ, постоянно дѣлаетъ добрыя дѣла, кто почтителенъ ко всѣмъ и благодаренъ своимъ благодѣтелямъ, кто, наконецъ, часто слушаетъ проповѣдываніе слова Божія, тому легко предохранить себя отъ зла и порока. Совѣты добрыхъ людей, частое посѣщеніе жрецовъ, умныя бесѣды о законѣ Божіемъ, терпѣніе, воздержность, скромность, ува-

(*) *Кіуны* — зданія, воздвигнутыя съ одною религіозною цѣлію, а *цайты* сверхъ того имѣютъ какую-либо благотворительную цѣль и чаще всего устроиваются для пристанища путешественниковъ.

Digitized by Google

женіе къ словамъ закона, постоянное воспоминаніе четырехъ состояній нашего странствованія послѣ смерти и мысль о счастливомъ покоѣ *ничтожества*, — вотъ вѣрныя защиты отъ зла и грѣха.»

Хотя буддисты собираются въ назначенные дни для молитвъ, но они не имѣютъ общаго богослуженія. Каждый приноситъ свои дары и говоритъ свои молитвы про-себя. Молитвы эти не сопровождаются пѣніемъ и жрецы не принимаютъ въ нихъ никакого участія. Каждый буддистъ, приблизясь на извѣстное разстояніе къ идолу или пагоду, слагаетъ на землю принесенные имъ дары, становится за ними на колѣни; сложивъ руки, прикладываетъ ихъ ко лбу и наклоняется впередъ до земли. Это называется *Шуко* (Shuco). Потомъ онъ тихо говоритъ свои молитвы, творя поклоны, а по окончаніи ихъ несетъ дары ближе къ идолу, или къ пагоду. Если богомолецъ былъ одинъ, то онъ долженъ позвонить нѣсколько разъ въ колокольчикъ. Въ каждомъ мѣсяцѣ назначены четыре дня для молитвы: при наступленіи новолунія и полнолунія и семь дней спустя послѣ этихъ дней, такъ-что субботній день бываетъ иногда седьмой, иногда восьмой.

Жрецы не составляютъ касты, и достоинство ихъ не наслѣдственно. Каждый можетъ сдѣлаться жрецомъ и каждый жрецъ можетъ опять возвратиться къ свѣтской жизни, не подвергаясь ни малѣйшему нареканію. При посвященіи, на жрецовъ надѣваютъ желтую одежду и обязываютъ клятвой къ безбрачной жизни; они должны проповѣдывать, учить и давать религіозные совѣты. Они раздѣляются на нѣсколько степеней и всѣ получаютъ содержаніе отъ народа. О многочисленности ихъ можно судить по тому, что *Ава*, при народонаселеніи въ 200,000, имѣетъ 20,000 жрецовъ.

Относительно *Австраліи*, важнѣйшее сочиненіе въ послѣднее время есть описаніе путешествія нынѣшняго губернатора Южной-Австраліи: *G. Grey; Journals of two expeditions of Discovery in North-West and Western Australia.* Авторъ объѣхалъ въ 1837, 1838 и 1839 годахъ, по порученію англійскаго правительства, континентъ Австраліи между Лебединою-Рѣкою и Капомъ Кювье, въ разныхъ направленіяхъ, и такимъ образомъ вдругъ обозрѣлъ по берегамъ и во внутренности земли гораздо-бо́льшее пространство, нежели всѣ предшествовавшіе путешественники. Это сочиненіе обогащаетъ насъ географическими свѣдѣніями объ этихъ странахъ. Грей открылъ два горные хребта и десять рѣкъ. Впрочемъ, проблема существованія большихъ рѣкъ, посредствомъ которыхъ вся масса водъ Австраліи истекаетъ въ море, остается еще неразрѣшенною. Новооткрытыя рѣки довольно-велики въ сравненіи съ другими рѣками Австраліи, но незначительны въ-сравненіи съ рѣками другихъ частей свѣта. Относительно возможности заселенія внутренности континента, изысканія Грея представляютъ результаты неутѣшительные. Онъ нашелъ только три небольшія пространства, способныя къ земледѣлію; все остальное представляетъ двѣ противоположныя крайности: или непроходимыя болота, или обширныя песчаныя пустыни.

Сверхъ этихъ превосходныхъ описаній путешествій, истинно-обогащающихъ науку, книжная торговля Англіи наводняется безчисленнымъ множествомъ произведеній *литературы туристовъ*, которая, какъ особый родъ красивыхъ плевелъ, заглушаетъ литературу. Въ послѣднее время ихъ явилось такое множество, что мы не беремся даже исчислить однѣ названія всѣхъ этихъ «Runs, Excursions. Residences, Rambles, Incidents, Fragments» и т. п. Каждый Англичанинъ, какого бы состоянія и какихъ бы личныхъ способностей ни былъ, считаетъ себя въ правѣ судить о всѣхъ отношеніяхъ другихъ народовъ, которыхъ даже вовсе не знаетъ. Критику,

Digitized by Google

обязанному наблюдать за малѣйшими движеніями литературной жизни, предстоитъ весьма тяжкій трудъ давать отчетъ даже въ самыхъ ничтожныхъ произведеніяхъ, — и мы рѣшаемся въ краткомъ обозрѣніи упомянуть о нѣкоторыхъ изъ этихъ явленій, стоящихъ большею частію на степени посредственности, а иногда и ниже ея. Для русскаго читателя наиболѣе занимательно будетъ: *A residence on the shores of the Baltic, described in a Series of lettres. 2 vol.*, въ которомъ представляется описаніе Петербурга, названное въ *Quarterly Review* лучшимъ(?) описаніемъ, въ-сравненіи со всѣми до сего времени бывшими,—а далѣе изображеніе Эстляндіи во всѣхъ отношеніяхъ, именно: описаніе страны и главнаго города ея Ревеля, домашней жизни, народныхъ обычаевъ, торговли и т. д. Письма эти, о которыхъ всѣ англійскіе журналы отозвались съ похвалою, принадлежатъ одной путешествующей лэди, которая посѣтила сестру свою, вышедшую замужъ за эстляндскаго дворянина. Сочинительница съ женскою, наивно-милою подробностію, распространяется о мелочахъ домашней жизни, и книга ея въ этомъ отношеніи составляетъ дополненіе къ извѣстнымъ твореніямъ Нѣмца *Колля* о Россіи, о которыхъ мы уже говорили въ нашемъ журналѣ, и которымъ она, впрочемъ, должна уступить въ оригинальности взгляда (о вѣрности этихъ и подобныхъ описаній, не стоитъ даже говорить).

Изъ путешествій по Сѣверной Америкѣ, которыхъ въ Англіи выходитъ нѣсколько каждый годъ, назовемъ: *A run through the United States during the autumn of 1840 by Lieut. Colon.* A. M. Maxwelle. Авторъ принадлежитъ къ числу отъявленныхъ почитателей сѣверо-американскихъ республикъ. «Никогда не видалъ я» восклицаетъ онъ: «страны прекраснѣе и народа нравственнѣе; ни одного пьянаго, ни одного докучливаго нищаго, ни одного фанфарона; на иностранца не смотрятъ, какъ на чудо; васъ никто не подслушаетъ у дверей; всякій занятъ своимъ собственнымъ дѣломъ.» Коротко сказать, по описанію Максвелля (антипода г-жи Троллопъ), Сѣверная Америка есть рай, страна, въ которой рѣками текутъ млеко невинности и медъ блаженства. Даже о военныхъ силахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ говоритъ онъ съ большимъ уваженіемъ, нежели другіе англійскіе путешественники. Онъ отдаетъ полную справедливость дисциплинѣ и хорошей выправкѣ сухопутныхъ войскъ, отличному состоянію арсеналовъ, флота, и т. д. Онъ не позволяетъ себѣ смѣяться даже надъ милиціею, масса которой изумила его и, кажется, поселила въ немъ нѣкоторыя опасенія на случай войны, которой онъ вовсе не желаетъ, хоть и считаетъ ее весьма вѣроятною. По его мнѣнію, война принесетъ обѣимъ сторонамъ только потери и несчастіе; подобное мнѣніе тѣмъ удивительнѣе въ устахъ Максвеля, который во время безпокойствъ на англо-американской границѣ командовалъ англійскими войсками.

Противнаго мнѣнія другое твореніе о Сѣверной Америкѣ, *Combe's Notes on the United States*, авторъ коего въ 1838 — 1840 годахъ посѣщалъ сѣверные и центральные штаты и считаетъ войну между Англіею и Соединенными Штатами совершенно необходимою въ самомъ скоромъ времени. Вслѣдствіе демократическаго духа, господствующаго въ Соеденеенныхъ Штатахъ, замѣчается въ нихъ черезъ небольшіе промежутки времени перевѣсъ юнаго общества надъ старымъ, хотя послѣднее и имѣетъ еще въ настоящее время болѣе вліянія. Теперешнее юношество Сѣверной Америки рѣшительно напитано воинственнымъ духомъ и приходитъ въ энтузіазмъ при воспоминаніи о великой борьбѣ за независимость и о войнѣ 1814 года. Сверхъ того, Американскіе Штаты, по мнѣнію автора, весьма легко рѣшатся на войну уже потому, что имѣютъ гораздо болѣе

Digitized by Google

способовъ вооружить и выставить значительное войско, нежели Англія.

Болѣе мирнымъ предметамъ посвящено сочиненіе подъ названіемъ *Fragments of Italy and the Rhineland. by* J. H. White, капеллана маркиза Девоншира, носящее на себѣ наивный, даже комическій отпечатокъ, не смотря на принужденную важность мыслей и слога. Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что 6-ть картинъ въ дворцѣ Барберини «*really seem to concentre in themselves the very palm of painting*» (!). Лица мадоннъ Рафаэля онъ называетъ *exquisite masks* и предпочитаетъ имъ мурильйовыхъ мадоннъ по причинѣ ихъ *most tender lady — like flesh and blood*. Онъ не чуждъ филологіи, и полагаетъ, между прочимъ, что *O dear* есть искаженіе итальянскаго *O dio*.

Excursion in Normandy by J. Shoberl (*2 vol.*) — довольно-занимательное изображеніе Нормандіи. Приведемъ здѣсь нѣсколько анекдотовъ, вѣрно обрисовывающихъ характеръ жителей этой страны. «Мясной торговецъ изъ *Каена* купилъ въ окрестности у одного торговца скотомъ теленка. Торгъ былъ заключенъ за чаркою водки, и весельчакъ-мясникъ утверждалъ, что можетъ днемъ провести теленка въ городъ контрбандою, т. е. пройдти съ нимъ мимо таможни, не заплативъ ничего. Торговецъ скотомъ объявилъ это рѣшительно невозможнымъ; они держали пари, и мясникъ прибавилъ только одно условіе, чтобъ тотъ далъ ему на полчаса свою собаку. Спрятавъ эту собаку въ большой мѣшокъ, онъ забросилъ его за плеча и отправился въ городъ. На заставѣ онъ объявилъ, что ему не за что платить, ибо у него въ мѣшкѣ собака; таможенные служители не повѣрили ему на-слово и хотѣли видѣть собаку; онъ развязалъ мѣшокъ, собака опрометью бросилась бѣжать и мясникъ за нею, браня таможенныхъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять явился у заставы съ мѣшкомъ на спинѣ. «Порадѣчно заставили вы меня побѣгать» ворчалъ онъ съ досадою, и благополучно пронесъ въ городъ теленка.» — Вотъ еще одинъ анекдотъ: «Одинъ крестьянинъ въ окрестностяхъ *Эврё* при сильномъ дождѣ проработалъ цѣлый день въ полѣ и къ вечеру возвратился домой, усталый и промоченный до костей. Въ дверяхъ встрѣтила его жена съ словами: «Любезный муженёкъ, весь день лилъ такой дождь, что я не могла сходить за водою для супа. Ты уже такъ промокъ, что не будешь мокрѣе, если сходишь и принесешь ведра два воды.» Резонъ былъ такъ убѣдителенъ, что мужъ взялъ ведро и отправился за водою къ довольно отдаленному источнику; возвратившись, онъ нашелъ жену преспокойно сидящею передъ огнемъ. Схвативъ ведро съ водою, онъ окатилъ ее съ головы до ногъ и сказалъ: «Любезная женушка, теперь ты такъ же мокра, какъ и я, и можешь сама сходить за водою; ты не будешь отъ этого мокрѣе.» — Изъ подобныхъ анекдотовъ составилъ авторъ свою книгу, въ которой не должно искать глубокаго взгляда на народный характеръ, на нравы и на всѣ особенности страны.

The Glory and Shame of England (*2 vol*), *by Edward Lester*, представляетъ наконецъ описаніе впечатлѣній, произведенныхъ самою Англіею на путешествующаго Сѣверо-Американца. Многіе англійскіе журналы считаютъ однакоже это мистификаціею и думаютъ, что книга эта есть произведеніе внутренней, и именно ирландской фабрикаціи. Подъ именемъ «Glory» Англіи, авторъ подразумѣваетъ ея матеріальное величіе, ея изумительно-обширную мануфактурную промышленость, огромные вещественные и невещественные капиталы, употребляемые ею на построеніе желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, и т. п., и наконецъ богатство, благосостояніе, «comfort», какъ слѣдствіе этихъ пожертвованій. «Shame» называетъ онъ моральную и метафизическую тьму страны, ея ханжество въ религіи, ея политическое

Digitized by Google

невѣжество (!!), ея низкое поклонничество богатству и знатности, ея слѣпую покорность авторитетамъ, и слѣдствія всѣхъ этихъ недостатковъ: ужасную бѣдность, невѣжество и безнравственность большей части народонаселенія. Въ доказательство, авторъ приводитъ свои разговоры съ лицами низшаго класса народа, въ которыхъ, мимоходомъ сказать, вполнѣ выказывается воображеніе и драматическій талантъ автора. Также весьма любопытны вечернія бесѣды его съ поэтомъ Thomas Campbell и встрѣча его съ Boz (Диккинсомъ). Приведемъ одинъ отрывокъ изъ послѣдняго отдѣленія его книги. «Я былъ увѣренъ, что сердце Чарльза Диккинса еще не охладилось ледяною атмосферою высшаго англійскаго общества, и что онъ пріиметъ меня съ непринужденнымъ радушіемъ. Я послалъ ему въ комнаты свою карточку, написавъ на ней карандашомъ: «Одинъ Американецъ почелъ бы большимъ счастіемъ, еслибъ ему дозволено было видѣть г. Диккинса». Черезъ минуту человѣкъ возвратился и ввелъ меня въ библіотеку. Boz сидѣлъ въ большихъ креслахъ за письменнымъ столомъ; передъ нимъ лежалъ листъ *Master Humphrey's Clock*. Онъ подошелъ ко мнѣ, дружески пожалъ руку и усадилъ въ кресла. Я сказалъ ему, что я Американецъ и прошу извиненія, что представляю себя самъ, и если онъ ничѣмъ не занятъ, то желалъ бы нѣсколько минутъ воспользоваться его бесѣдою. Онъ просилъ меня отложить въ сторону всѣ извиненія и увѣрялъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ видитъ у себя Американцевъ, которые всегда такъ великодушно подавали руку помощи угнетеннымъ въ Англіи, что имѣютъ полное право сами представлять себя каждому Англичанину. Послѣ этихъ словъ, мнѣ стало такъ ловко, какъ дома. Я никогда еще не видалъ такого красиваго мужчины, какъ Диккинсъ! Портретъ, приложенный къ собранію его сочиненій, изданному въ Филадельфіи, довольно-похожъ, но никакой портретъ не въ состояніи передать выраженія его лица, оживленнаго какимъ-нибудь интереснымъ разговоромъ. Особенно въ глазахъ его есть что-то неподражаемое. Ростъ его нѣсколько-выше средняго, но онъ держится непринужденно и благородно и кажется еще выше, нежели каковъ на самомъ-дѣлѣ. Онъ не толстъ; вся наружность его весьма пріятна, особенно же хороша голова. Цвѣтъ лица его очень нѣженъ и обыкновенно блѣденъ, но блѣдность эта уступаетъ мѣсто легкому румянцу, когда онъ оживляется. Кажется, онъ немного щеголяетъ своими волосами, и это нельзя ставить ему въ порокъ, ибо о немъ можно сказать словами *Сиднея:* «его густые, темные длинные волосы еще болѣе возвышаютъ красоту его». Френологъ, конечно, нашелъ бы, что лобъ его показываетъ свѣтскій умъ, въ которомъ преимущественно развиты органы проницательности, веселости, идеальности и сравненія. Я думаю, что носъ его былъ предназначенъ для образцовой римской профили, но остановился на половинѣ пути и принялъ классическую греческую форму.» Судя по всему этому разсказу, можно полагать, что Боз былъ приготовленъ къ свиданію съ восторженнымъ Американцемъ и особенно занялся своимъ туалетомъ, чтобъ сдѣлаться достойнымъ оригиналомъ этого портрета.

The adventures of a Soldier by E. Castello, довольно любопытны, какъ воспоминанія очевидца. Это разсказы стараго рубаки, вѣрное, живое изображеніе солдатской жизни, съ ея забавными и ужасными эпизодами, и ограничивающееся только тѣмъ, что недѣлъ самъ разсказчикъ. Книга его принадлежитъ къ лучшимъ въ своемъ родѣ Противоположности веселой жизни особенно характеризуютъ походъ Англичанъ въ Испанію противъ Наполеона, въ-продолженіи котораго въ войскѣ господствовала какая-то апатія и равнодушіе къ жизни и смерти, къ удовольствіямъ и трудностямъ. Слѣ-

Digitized by Google

ствіемъ этого, вмѣстѣ съ многими забавными сценами, были также явленія дикой жестокости, особливо при осадѣ Бадахоса. Веселая жизнь Костелло оканчивается сраженіемъ при Ватерлоо, въ которомъ онъ также участвовалъ, и возобновляется опять походомъ англійскаго легіона въ службѣ партіи христиносовъ. Во время похода въ Испанію противъ Наполеона, солдаты обѣихъ противныхъ армій были между собою въ довольно-дружескихъ отношеніяхъ, что, впрочемъ, должно было тщательно скрывать, ибо всякое сношеніе между ими было строго воспрещено. Авторъ разсказываетъ между прочимъ: «Въ-продолженіи всего времени, которое мы провели подъ *Торрес-Ведрасъ*, мы часто встрѣчались съ Французами при купаньѣ въ *Рio-Майорѣ*. Тутъ мы пробовали наши силы, боролись съ ними и всегда оставались побѣдителями, что и приписывали ихъ жалкому, стѣсненному положенію. Открытіе это, сдѣланное при нашихъ тайныхъ свиданіяхъ, такъ тронуло насъ, что мы наконецъ дѣлились съ ними раціонами сухарей, которые безпрерывно доставлялись намъ моремъ изъ Англіи. Національная вражда уступила мѣсто самымъ дружескимъ попеченіямъ. Табакъ былъ у нихъ большою рѣдкостію, а мы доставляли имъ его отъ нашихъ маркитантовъ, и въ замѣнъ получали отъ нихъ водку. Подъ *Фуэнтесъ д'Онорѣ* обѣ арміи стояли такъ близко, что сторожевыя линіи отдѣлялись одна отъ другой только однимъ заборомъ. Въ старой мельницѣ, одинъ изъ нашихъ кузнецовъ расположилъ свою походную кузницу, и ковалъ офицерскихъ лошадей. Одинъ французскій часовой перелѣзъ черезъ заборъ, чтобъ закурить свою трубку, и беззаботно остановился поболтать со мною. Вдругъ подошелъ генералъ Кровфордъ узнать, подкована ли его лошадь. Красные эполеты Французовъ обратили на себя его вниманіе, и онъ спросилъ меня съ обыкновенною своею строгостію: «съ кѣмъ ты такъ разговариваешь, чортъ возьми?» Я объяснилъ ему, что это французскій часовой пришелъ закурить свою трубку. «Пусть онъ идетъ къ своему мѣсту,—отвѣчалъ генералъ—онъ неправъ, точно такъ же какъ и мы неправы» (эти послѣднія слова сказалъ онъ тихо своему адъютанту) —Никто, конечно, не соскучится, читая эти записки, исполненныя жизни и истины.

Narrative of the late expedition to Syria by W. P. Hunter, *2 vol.* представляетъ вѣрное изображеніе послѣднихъ событій въ Сиріи; въ немъ заключается прекрасное описаніе штурма Сидона, сраженія при *Кайлорсѣ-Мейданѣ*, бомбардированія и взятія *Сенъ-Жанъ-д'Акры;* далѣе, сирійскаго народонаселенія *Жебада*, *Триполиса* и *Тира*, множество гравюръ и портреты адмирала *Стопфорда* и коммодора *Нэпира*. —Подробное описаніе послѣдней экспедиціи въ Кабулъ и Авганистанъ находимъ мы въ другомъ сочиненіи, подъ названіемъ: *Five Years in India by* H. E. Fane (*2 vol.*), которое сверхъ того заключаетъ въ себѣ описаніе путешествія по Бенгальскому Президентству, поѣздки ко двору нынѣ уже умершаго владѣтеля Лагора, *Руджитъ Сингъ*, путешествіе на Гималайскія Горы, плаваніе по Инду, и многія другія любопытныя и вѣрныя свѣдѣнія объ этихъ замѣчательныхъ странахъ, сообщаемыя очевидцемъ.

Совершенно особую отрасль англійской литературы составляетъ такъ-называемая *Литература Рѣдкостей*. Представителемъ ея должно считать библіофила *д'Израэли*, въ Лондонѣ, котораго Amenities of Literature (3 vol.) и *Curiosities of Literature*, суть истинные кабинеты рѣдкостей, по анекдотической части исторіи англійской литературы. Въ послѣднее время явилось много подобныхъ собраній анекдотовъ, изъ которыхъ мы назовемъ только два, отличающіеся богатствомъ содержанія; первое: *Memoirs of extraordinary popular delusions by* Charles Mackay, автора мно-

Digitized by Google

гихъ подобныхъ твореній. Книга эта заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія статьи: проектъ *Лъва* относительно рѣки *Миссисипи*, проектъ судоходства по Южному Морю, тюльпоманія Голландцевъ, Мапзи, новѣйшія предсказанія, поединки и суды Божіи, страсть къ чудесному, похожденія изъ крестовыхъ походовъ, колдуньи, заколдованные и наполненные привидѣніями домы, и т. п. Книга эта, хотя написана не въ философскомъ духѣ и есть только компиляція, во многихъ мѣстахъ, однакожь, весьма любопытна. Другое: *History of duelling by* Mr. Millingen, автора *Curiosities of medical experience*, есть компиляція изъ французскихъ и англійскихъ записокъ, и представляетъ подробное и послѣдовательное описаніе замѣчательнѣйшихъ поединковъ всѣхъ временъ. Вмѣстѣ съ старымъ и извѣстнымъ, встрѣчается здѣсь много новаго и любопытнаго.

Англичане очень любятъ еще одинъ родъ компиляцій, изображенія замѣчательныхъ лицъ другихъ народовъ, въ формѣ записокъ. Въ послѣднее время вышло много подобныхъ твореній, которыя одинъ современникъ весьма удачно назвалъ «Patchwork» (всякая всячина). Вотъ замѣчательнѣйшее изъ нихъ: *Madame de Sevigné and her Contemporaries*, 2 vol. Подъ этимъ заманчивымъ названіемъ, книга эта заключаетъ въ себѣ характеристическіе очерки лицъ вѣка г-жи Севинье, которыя большею частію имѣли значеніе только въ ея время и въ ея кругѣ. Все сочиненіе наполнено анекдотами, заимствованными изъ французскихъ записокъ, и связанными безъ особеннаго вкуса и остроумія. При всемъ томъ, книга имѣетъ много занимательнаго и можетъ дать мыслящему читателю нѣкоторыя объясненія любопытной эпохи, когда *esprit* блестящаго французскаго общества достигъ своего перигея, когда чувства народности, вкусъ и языкъ Французовъ развились до теперешняго своего совершенства, — эпохи, которая имѣетъ своими представителями *Ришелье*, *кардинала Рец*, *Тюренна*, *Буало*, *Мольера* и вашу героиню. Чтобъ дать понятіе объ этомъ сочиненіи, приведемъ здѣсь сужденіе его о вкусѣ французской аристократіи въ разговорѣ и литературѣ, въ то время, когда дѣвица *Скюдери* писала свои многотомные романы. Въ романѣ дѣвицы *Скюдери* герои древности говорятъ языкомъ отели рамбульеской, т. е. языкомъ напыщенно-педантской учтивости, необходимой принадлежности свѣтскаго разговора того времени. Герои Рима проводятъ время въ отгадываніи остроумныхъ шарадъ и загадокъ, и чертятъ географическія карты нѣжныхъ страстей. Нелѣпости эти, возбуждающія, впрочемъ, большую начитанность, перемѣшанныя съ немногими искрами здраваго ума, составили романы, которые, по причинѣ навыковъ на современныя интриги и любовныя похожденія, чрезвычайно нравились французской публикѣ блистательной эпохи Людовика XIV, и сто лѣтъ спустя перешли въ Англію. Романы эти часто состояли изъ 10, даже 12 томовъ, и прабабушки наши употребляли года два на прочтеніе одного романа. Прочесть *Кира*, или *Клелію*, было важнымъ дѣломъ въ жизни. Леди Руссель писала къ своей дочери: «Сестра твоя скоро окончитъ свое воспитаніе, прочтя *Клелію*, ибо ученые люди увѣряютъ, что это полезнѣйшая книга въ свѣтѣ.» Романы эти, такъ какъ *Клариссa* и *Грандиссонъ*, нравились и гораздо-позднѣе по множеству заключающихся въ нихъ подробностей. Авторъ никогда не вводитъ своего героя, или героиню въ комнату, не сдѣлавъ прежде точнаго инвентарія всѣхъ находящихся въ ней предметовъ: — рѣзкая противоположность съ новѣйшими романами, гдѣ стараются дать только нѣкоторый очеркъ предметовъ, чтобъ не показаться скучными и прозаическими. Тогда подобные безконечные ро-

Digitized by Google

ны не пугали ни читателей, ни слушателей; дамы тогда не пѣли, не играли на фортепьяно, не рисовали, но вышивали иногда цѣлые обои для своей отели или для своего зимка, и, сидя за пальцами, заставляли своихъ Demoiselles de Compagnie читать себѣ *Кира*, *Клелію*, *Ибрагима или Знаменитаго Пашу*, и т. п. — «Общество отели рамбульеской было то жѐ, которое позднѣе собиралось въ домѣ дѣвицы Скюдери, съ тою только разницею, что первое было многочисленнѣе. Оно состояло изъ свѣтскихъ и ученыхъ женщинъ, прелатовъ, гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ. Въ обществѣ всѣ связи (liaisons) считались чистоплатоническими»; въ-самомъ-дѣлѣ, языкъ того времени обратилъ въ бѣгство самого Купидона. Самыя обыкновенныя фразы были: *une chaine spirituelle*—чѣтки, *l'humeur celeste*—вода, *un baillon d'oreiller*—презрительная улыбка, *les braves incommodes*—веры, и т. п. — Языкъ любви былъ приторное любезничанье, языкъ соболѣзнованія и сожалѣнія состоялъ изъ опредѣленныхъ заученныхъ фразъ; наконецъ учтивостями назывались безстыдные комплименты. Мужчины и женщины принимали извѣстныя имена; *M-lle de Rambouillet* называлась «*несравненною Артемидою*» — и имя это сохраняла во всю жизнь, такъ что Флешьѐ не забылъ его даже въ рѣчи, говоренной надъ ея гробомъ; *Mad. Arragonais* называлась «*Принцесса Филоксена*», *Duc de St. Aignan* (котораго г-жа Севинье называла *le palladin par excellence*) носилъ имя *Артабана* и т. п. Чѣмъ болѣе какая-либо дама употребляла въ своемъ разговорѣ троповъ и фигуръ, чѣмъ болѣе языкъ ея былъ напыщенъ и страненъ, тѣмъ большею репутаціею пользовалась она какъ умная женщина. Во всемъ господствовала аффектація; женщины, желавшія подражать героинямъ романовъ, обращались лѣдяно-холодно съ своими скучными поклонниками, и съ презрѣніемъ смотрѣли на мужей или угодниковъ своихъ, которые не могли возвыситься до языка рамбульеской отели. Впрочемъ, не должно забывать, что въ числѣ такъ-называемыхъ *beaux esprits* этого общества, какъ аббатъ Котенъ, были также г-жи *Севинье*, *Буало*, *Менажъ*, *Мольеръ*, что *Буало* и *Мольеръ* передали даже потомству всѣ эти смѣшныя странности. Дамы оставили даже всѣ христіанскія имена, и называли другъ друга *ma chère*, *ma precieuse*, и эти нѣжности подали поводъ Мольеру назвать одну изъ своихъ комедій: *Les Precieuses Ridicules*. Ограниченность мѣста не позволяетъ намъ привести другіе любопытные отрывки изъ этого сочиненія.

Поэтъ Кэмбель, авторъ книги *Pleasures of Hope*, о послѣднемъ твореніи котораго, *Жизнь Петрарки*, мы недавно говорили, издалъ съ своимъ предисловіемъ, сочиненіе неизвѣстнаго писателя, подъ названіемъ: *Frederick the Great and his Times, 2 vol.* Хотя книга эта есть не что иное, какъ компиляція изъ записокъ и историческихъ сочиненій о временахъ Фридриха-Великаго, но по слогу своему, вкусу и искусному выбору предметовъ, она стоитъ значительно выше всѣхъ подобныхъ сборниковъ. Время передъ царствованіемъ Фридриха II, составляетъ весьма важную эпоху въ исторіи, но какое огромное разстояніе отдѣляетъ эту эпоху, послѣ которой не прошло еще столѣтія, отъ нашего времени! «Время это» говоритъ издатель: «было эпохою перехожденія отъ грубости и варварства среднихъ вѣковъ, къ утонченности, еще не чувствъ, но нравовъ, которая, выходя изъ Франціи, какъ изъ центра, распространялась въ отдаленнѣйшіе концы Европы. Эта утонченность, сопровождаемая часто грубою чувственностію и жалкою изнѣженностію, едва только проникла въ государства Германской Имперіи, къ которой принадлежали и владѣнія бранденбургскаго дома. Здѣсь еще болѣе, или менѣе господствовали дикость, эгоизмъ и суевѣріе, соста-

Digitized by Google

вливше отличительный характеръ хваленыхъ временъ рыцарства, презрѣніе къ просвѣщенію, которое обуздываетъ дикія страсти, и смягчаетъ грубые нравы. Здѣсь еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія можно было найдти фельдмаршала или имперскаго князя, который не умѣлъ прочесть письма и подписать своего имени.» — Юность Фридриха была безпрерывное мученіе. Сестра его, Фридерика, бывшая въ-послѣдствіи замужемъ за маркграфомъ байрейтскимъ, говоритъ въ своихъ запискахъ, что всѣ муки ада ничто въ сравненіи съ муками, которыя она съ братомъ претерпѣла. Кто хочетъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ и усиленіемъ Пруссіи, какъ политическаго и моральнаго цѣлаго, тому мы совѣтуемъ читать книгу Кэмбеля. Въ ней найдетъ онъ не только вѣрное изображеніе великаго короля и вліянія его, продолжающагося даже до нашихъ временъ, но и живые портреты его предковъ изъ дому Гогенцоллернъ со множествомъ анекдотовъ о нихъ. Еще невышедшіе два тома будутъ заключать въ себѣ послѣднюю, блистательнѣйшую часть его славной жизни, начиная съ семилѣтней войны. Впрочемъ мы сообщаемъ нѣкоторыя извлеченія изъ этого любопытнаго творенія, въ отдѣленіи «Наукъ» этой же книжки нашего журнала.

Digitized by Google

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

Выходящія въ послѣднее время во Франціи *Записки* (mémoires), безъ всякаго преувеличенія безчисленны, и не смотря на то, что большая часть ихъ стоятъ не выше посредственности, можно сказать, что *Записки* составляютъ одну изъ достойнѣйшихъ и полезнѣйшихъ отраслей французской литературы. Въ нихъ, Французы имѣютъ истинную сокровищницу для своей исторіи, и сверхъ-того замѣчательнѣйшія творенія этого рода, какъ старинныя, такъ и новѣйшія, издаются у нихъ большими красивыми сборниками, что чрезвычайно облегчаетъ какъ пріобрѣтеніе, такъ и изученіе ихъ. Чрезмѣрное множество записокъ во Франціи объясняется національнымъ характеромъ Французовъ. Они всегда любили и обладали тонкою наблюдательностію характеровъ и нравовъ въ домашней и общественной жизни. Чѣмъ болѣе разносился во Франціи духъ интригъ, вмѣстѣ съ утонченіемъ нравовъ, тѣмъ болѣе образовывалась и усовершенствовалась литература «записокъ», которыхъ существенное содержаніе составляетъ историко-психологическій анализъ придворныхъ интригъ. При всемъ томъ, чтеніе этихъ записокъ, особливо XVII и XVIII столѣтій, оставляетъ какое-то непріятное, тягостное впечатлѣніе, ибо вообще онѣ занимаются только сплетнями, и весьма немногія выходятъ изъ этого тѣснаго круга и бросаютъ взглядъ на жизнь націи. Исчисленіе однихъ только именъ авторовъ «записокъ», начиная съ творца этого рода историческихъ сочиненій, несравненнаго *Sire de Joinville*, жившаго въ XIII столѣтіи, составило бы порядочный томъ въ 8-ю долю листа. Но какъ ни велико число старинныхъ записокъ со временъ регентства и Лудовика XV, но оно далеко не равняется числу позднѣйшихъ твореній, относящихся ко временамъ *французской революціи* и *царствованія Наполеона*. Хоть большая часть изъ нихъ суть плоды меркантильныхъ спекуляцій книгопродавцевъ, но съ другой стороны, многія представляютъ весьма важныя объясненія этой замѣчательной эпохи въ исторіи Франціи. Немногіе очевидцы событій, живущіе еще теперь, и сами принимавшіе въ нихъ участіе, чувствуютъ, кажется, необходимость передать потомству свои воспоминанія, чтобъ разсѣять нѣкоторыя заблужденія. Поэтому, нисколько не удивительно, что ежегодно является еще по нѣскольку *воспоминаній* изъ временъ французской революціи и имперіи. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ твореніяхъ послѣдняго времени, замѣчательныхъ тѣмъ болѣе, что авторы ихъ еще живы, и потому въ подлинности ихъ не можетъ быть сомнѣнія.

Dix années d'épreuves pendant la Revolution, par Charles Lacretelle (*Десять лѣтъ опытовъ во время Революціи*, Шарля Лакретелля), *Paris 1842*. Въ этомъ автобіографическомъ отрывкѣ, извѣстный историкъ Франціи разсказываетъ судьбу свою въ-продолженіи первыхъ годовъ французской революціи. Счастливо избѣжавъ нѣкото-

Digitized by Google

рое время преслѣдованій, которымъ подвергались всѣ, обнаружившіе въ чемъ-либо умѣренный образъ мыслей, онъ принужденъ былъ наконецъ вступить въ армію. Его изображеніе тогдашняго французскаго лагеря даетъ вѣрное понятіе о состояніи этихъ массъ, собранныхъ случаемъ и силою. Въ-послѣдствіи Лакретель принималъ живое участіе въ журнальныхъ спорахъ о политическихъ и административныхъ вопросахъ. Разсказъ его вездѣ легокъ и пріятенъ; только воспоминаніе ужасовъ терроризма возбуждаетъ его негодованіе. Особенно въ тѣсныхъ связяхъ находился авторъ во время терроризма съ благороднымъ Ларошфуко-Ліанкуръ. Конецъ этого творенія обѣщаетъ продолженіе, которое будетъ относиться ко временамъ имперіи, и конечно не уступитъ въ занимательности первому тому.

Souvenirs de la terreur de 1788 à 1793. Par M. Georges Duval; *précédés d'une introduction historique par* M. Charles Nodier *(Воспоминанія о терроре 1788—1793, Жоржа Дюваля, съ введеніемъ* Шарля Нодьé, 4 тома, Парижъ 1841—1842). Вѣроятно, авторъ никогда бы не вздумалъ, какъ и самъ онъ говоритъ, собрать и издать въ свѣтъ свои разсѣянныя *воспоминанія*, еслибъ друзья его, въ-особенности *Шарль Нодье*, не принудили его къ этому. Впрочемъ, онъ имѣлъ къ тому и другую, важнѣйшую побудительную причину, которая лучше всего можетъ дать понятіе о цѣли его сочиненія. «Я не могъ» говоритъ Дюваль въ предисловіи: «преодолѣвать долѣе свое негодованіе при чтеніи явившихся въ послѣднее время въ большомъ количествѣ твореній, которыя, подъ обманчивымъ названіемъ *Исторіи Революціи*, заключаютъ въ себѣ апологію ужаснаго времени разрушенія, крови и слезъ. Я хотѣлъ сорвать съ нихъ эту маску, противопоставить лжи истину, оригинальные портреты невѣрнымъ копіямъ, отвратительныя, но вѣрныя истинѣ картины привлекательнымъ вымысламъ воображенія. Однимъ словомъ, я хотѣлъ разбить эти революціонные волшебные фонари, показывающіе пигмеевъ исполинами, и низкихъ злодѣевъ героями», и т. д. Образъ воззрѣнія автора дѣлаетъ его способнымъ дать живое и подробное изображеніе временъ террора, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. До-сихъ-поръ вышло три тома; должно ожидать еще четвертаго.

Souvenirs du Lieutenant-général comte Mathieu Dumas, de 1770 à 1836, publiés par son fils. (Воспоминанія генерала графа Матьё Дюма, *1770—1836, изданныя его сыномъ)*, три тома. Парижъ. 1839—1842.

Военная и политическая жизнь генерала Дюма продолжается 66 лѣтъ, такъ, что начало ея относится еще къ времени прежняго владычества Бурбоновъ, между-тѣмъ, какъ конецъ продолжается далѣе іюльской революціи. Воспоминанія изъ этой долгой жизни любопытны тѣмъ болѣе, что на нее имѣли вліяніе всѣ великія историческія событія, которыхъ авторъ былъ современникомъ и большею частію дѣйствующимъ лицомъ. При началѣ французской революціи, въ 1789 году, авторъ уже 20 лѣтъ находился въ службѣ, и слѣдовательно былъ уже не молодъ. Какъ адъютантъ генерала Рошамбо, онъ участвовалъ въ американской войнѣ за независимость, и находился при осадѣ Іорк-Товна въ 1782 году. Лафайетъ отличалъ его, и Вашингтонъ оказывалъ ему несомнѣнные знаки дружбы. Позднѣе, маршалъ де-Кастри послалъ его въ Левантъ, гдѣ онъ цѣлые два года занятъ былъ труднымъ и сопряженнымъ со многими опасностями изслѣдованіемъ береговъ Архипелага. Два другія, весьма деликатныя порученія, въ Голландіи и Германіи, въ которыхъ онъ показалъ большую осторожность и дальновидность, заслужили ему благосклонность и довѣренность правительства. Въ 1789 году, Дюма былъ уже полковникъ генеральнаго штаба, кавалеръ ордена св. Людовика, членъ великаго совѣта и дирек-

Digitized by Google

торъ главнаго депо. Сверхъ того, онъ былъ женатъ и отецъ семейства, слѣдовательно въ эту эпоху, онъ находился уже въ такомъ положеніи, которое для многихъ есть послѣдняя цѣль трудовой дѣятельности, въ которомъ человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ въ настоящемъ, безъ раскаянія о прошедшемъ и безъ опасеній на счетъ будущности.

Но вотъ разразилась французская революція; Парижане пушечными выстрѣлами разрушаютъ стѣны Бастиліи; Людовикъ XVI переѣзжаетъ изъ Версали въ Тюльери, сопровождаемый недовѣрчивостію вооруженнаго народа; тронъ началъ колебаться въ своихъ основаніяхъ, земля дрожала. Дюма не остался праздными зрителемъ этихъ бѣдственныхъ происшествій; при первыхъ возмущеніяхъ, онъ посвящаетъ всю свою дѣятельность на службу угрожаемому общественному порядку. Лафайетъ назначенъ начальникомъ гражданской гвардіи; Дюма составляетъ планъ ея организаціи и ему принадлежитъ мысль назвать ее національною гвардіею. Въ Руанѣ открывается возмущеніе; онъ спѣшитъ туда, чтобъ усмирить его. Въ Южной Франціи таіно тлѣетъ пламя междоусобія; Бордо, Монтобанъ, Нимъ, Тулуза взялись за оружіе; три провинціи готовы начать междоусобную войну. Дюма является посреди ихъ, и умы тотчасъ успокоиваются; храбрость его обуздываетъ возмутившіеся города, уваженіе къ нему обезоруживаетъ ихъ, его благоразуміе возстановляетъ въ ихъ стѣнахъ миръ и спокойствіе. Въ Парижѣ ожидало его новое порученіе на противоположной границѣ Франціи. Вѣрность Эльзаса поколебалась отъ противореволюціонныхъ интригъ бывшаго страсбургскаго архіепископа. Дюма является здѣсь въ качествѣ королевскаго коммиссара и возстановляетъ спокойствіе, съ опасностію собственной жизни. Наконецъ, когда Людовикъ XVI, униженный, силою привезенъ былъ изъ Варенны въ Парижъ, посреди народной толпы, смотрѣвшей на него съ недоброжелательнымъ любопытствомъ, Дюма съ обнаженною шпагою, верхомъ, ѣхалъ у дверецъ его кареты. Декретомъ національнаго собранія ему поручено было пещись о безопасности особы короля.

Мы не намѣрены дѣлать извлеченіе изъ всей книги, но ограничимся нѣкоторыми отрывками, которые наиболѣе обрисовываютъ характеръ главнаго дѣйствующаго лица. Дюма былъ, кажется, рожденъ для военнаго званія. Къ нему, во всей строгости, можетъ быть примѣнено лафайетово описаніе французской арміи, въ то время, когда внутренность Франціи была терзаема возмущеніями и безначаліемъ. Дюма принадлежалъ къ ней, и отъ всѣхъ своихъ товарищей отличался только тѣмъ, что былъ уже полковникомъ, когда другіе, будущіе генералы, носили еще сумку, и тѣмъ, что былъ отростокъ прежняго французскаго общества, котораго онъ сохранилъ всю утонченность, всю учтивость, и потому почитался образцомъ старинной французской общежительности; онъ сохранилъ эти качества посреди всѣхъ перемѣнъ счастія, посреди низпровергнутыхъ законовъ и бури пламенныхъ страстей и честолюбія. Хорошій тонъ пережилъ въ немъ всѣ развалины прошедшаго времени, и утонченность внѣшнихъ формъ обращенія до такой степени смягчала энергическую откровенность его образа мыслей и характера, что многіе совершенно ошибались въ немъ. При всемъ томъ Дюма съ самаго дѣтства чувствовалъ склонность къ военной службѣ, остался вѣренъ этой склонности въ-продолженіи всей своей жизни, хотя часто имѣлъ случай избрать другое назначеніе. Старый дядя его, архидіаконъ въ Монпелье, тщетно старался уговорить его, еще въ молости, вступить въ духовное званіе, обѣщая богатую епархію. Точно также въ 1809 году, онъ отказался отъ мѣста префекта Департамента Жиронды, которое

Digitized by Google

предлагалъ ему консулъ Лебрёнъ. Даже Наполеонъ не успѣлъ удержать его при своей особѣ въ качествѣ исторіографа своихъ походовъ (въ это время Дюма пріобрѣлъ уже нѣкоторую литературную извѣстность своимъ сочиненіемъ «Précis des événements militaires»). Дюма отклонилъ отъ себя всѣ сіи блестящія предложенія. Война была его стихіею; онъ самъ избралъ себѣ назначеніе — служить отечеству шпагою и никогда не оставлять рядовъ арміи, которой онъ былъ однимъ изъ почетнѣйшихъ генераловъ и къ образованію которой самъ много содѣйствовалъ въ 1792 году. Впрочемъ, въ продолженіи послѣднихъ восьми годовъ прошедшаго столѣтія, обстоятельства заставили его дѣйствовать на другомъ поприщѣ.

10 августа 1792 года, вмѣсто арміи, видимъ мы его въ Законодательномъ Собраніи, низпровергнувшемъ правительство, для защиты котораго оно было созвано. — Въ это страшное время, когда рѣчи демагоговъ еще сильнѣе, нежели пушечные выстрѣлы, громили тронъ Бурбоновъ, Дюма всѣми силами противился этому двоякому нападенію. Въ книгѣ его помѣщено жаркое и благородное возраженіе на рѣчь Мирабо объ опасностяхъ, грозящихъ отечеству; изъ него видно, что хотя Дюма обладалъ краснорѣчіемъ образованнаго ума и благороднаго сердца, но не могъ уподобиться своему противнику, одушевленному рѣдкимъ геніемъ и буйными страстями. Такимъ образомъ, Дюма не могъ спасти престола въ 1792 году. — Дюма сообщаетъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія о Національномъ Собраніи, въ эпоху его закрытія. Оно состояло изъ 230 республиканцевъ, изъ 160 конституціонныхъ роялистовъ и 246 членовъ, которые не имѣли и не объявляли никакого мнѣнія. Такимъ образомъ, многочисленнѣйшую изъ трехъ партій національнаго собранія составляли люди, которые въ минуту сильнѣйшаго волненія умовъ, когда дѣло шло о благѣ цѣлаго государства, когда рѣшались вопросы высочайшей важности, не объявляли никакого рѣшительнаго мнѣнія, не имѣли ни довольно дерзости, чтобъ одобрять буйныя рѣчи Изнара, ни довольно мужества, чтобъ зажать ему ротъ; которые съ непростительнымъ равнодушіемъ колебались между обѣими противоположными партіями и при всемъ томъ, въ дни важныхъ рѣшеній, подавали свои голоса въ пользу постановленій, которыя привели за собою мало-по-малу времена ужаса. Разорвать эту густую и сомкнутую фалангу въ пользу законнаго порядка,—была большая заслуга. Это часто удавалось генералу Дюма, который въ продолженіи долгой осады, выдержанной престоломъ до 10 августа, постоянно стоялъ на брешѣ, защищая его. Даже въ этотъ роковой день, онъ сражался еще за него, и не прежде оставилъ постъ свой, какъ по закрытіи Національнаго Собранія, за коимъ послѣдовало низпроверженіе всякаго общественнаго порядка. Дюма не долго ждалъ награды за свое мужество: онъ изъ первыхъ объявленъ былъ Національнымъ Конвентомъ внѣ покровительства законовъ.

Спустя два года, послѣ неисчисленныхъ страданій, Дюма возвратился во Францію. Тяжки были испытанія, перенесенныя имъ во время изгнанія; но и подъ роднымъ кровомъ нашелъ онъ только бѣдность и нужду. «За первымъ обѣдомъ, разсказываетъ онъ: «меня горестно поразило замѣчаніе г-жи Дюма, обращенное къ дочерямъ: «Mesdemoiselles, говорила она имъ: я безпрестанно должна повторять вамъ одно и то же: вы слишкомъ много ѣдите хлѣба.» — Не изгнаніе и бѣдность не могли поколебать его. Онъ вступилъ вновь на политическое поприще точно такимъ же, какимъ оставилъ его въ 1792 году, и тотчасъ же присоединился къ партіи умѣренныхъ, которыхъ изкогда былъ мужественнымъ предводителемъ. Съ эпохи 18 фрюктидора, начинается для него опять періодъ преслѣдованій. Онъ могъ бы отвратить

Digitized by Google

это, но не хотѣлъ, ибо средства, которыя ему предлагали для достиженія этой цѣли, были противны его праволюбію и совѣсти.

Не имѣя возможности слѣдовать за генераломъ Дюма до конца его поприща, остановимся на катастрофѣ 18-го фрюктидора и послушаемъ его-самого. Къ этому побуждаетъ насъ наиболѣе то обстоятельство, что Дюма могъ бы предупредить эту катастрофу, или дать ей совершенно-другое направленіе, еслибъ его строгая и непоколебимая мораль не возмущалась при мысли купить цѣною крови даже торжество справедливаго дѣла. Сверхъ того, стóитъ послушать самого автора, защищающаго свои правила, и потому самымъ приличнымъ заключеніемъ отзыва о его «Воспоминаніяхъ» будетъ слѣдующій цитатъ, заключающій въ себѣ весьма-любопытныя подробности объ этомъ важномъ происшествіи.

«Пріѣхавъ» разсказываетъ Дюма: «въ Парижъ, за нѣсколько дней до 18 фрюктидора, вечеромъ, я встрѣтилъ Т...., человѣка умнаго, но принадлежащаго къ разряду людей, которые, при благородномъ образѣ мыслей и при здравомъ умѣ, имѣютъ мало характера, и потому всегда уступаютъ обстоятельствамъ, посѣщаютъ всѣ общества и никогда не выходятъ изъ роли зрителя. Я часто прежде встрѣчалъ его въ свѣтѣ. Онъ прежде служилъ въ Министерствѣ Полиціи, былъ коротко знакомъ съ Баррасомъ и еще короче съ нѣкоторыми дамами его круга. — Васъ-то мнѣ и надо, сказалъ онъ мнѣ: — вчерашній вечеръ и часть ночи я провелъ у Барраса. Тамъ серьёзно разсуждали о томъ, должно ли задушить человѣкъ 40 избранныхъ членовъ обоихъ совѣтовъ, или ограничиться только ссылкою васъ въ Кайенну. Многіе настаивали на премудромъ правилѣ, что только мертвые не возвращаются, но кажется, наконецъ большинство голосовъ было въ пользу ссылки. Вы можете быть увѣрены, что все это правда, и потому пріймите свои мѣры. — Я поблагодарилъ его и спѣшилъ въ павильйонъ Марсанъ, гдѣ мои сотоварищи уже собрались, чтобъ сообщить другъ другу слухи и вѣсти, становившіеся съ каждымъ часомъ менѣе утѣшительными, и чтобъ судить о ихъ достовѣрности. Это было 15 фрюктидора; около 10 часовъ вечера швейцаръ доложилъ мнѣ, что меня кто-то спрашиваетъ и проситъ выйдти для весьма важнаго дѣла. Въ передней я встрѣтилъ полковника Р...., командовавшаго батальйономъ національной гвардіи, человѣка пылкаго и совершенно намъ преданнаго. — Я имѣю сообщить вамъ нѣчто весьма важное, сказалъ онъ: — но мы должны быть одни. Довольно ли вы увѣрены во мнѣ, чтобъ рѣшиться выслушать меня наединѣ въ саду? Я пошелъ за нимъ; мы остановились подъ деревьями въ отдаленной части сада, ниже террасы, къ сторонѣ Сены, и спутникъ мой сказалъ: — Не теряйте ни одной минуты. Вы, конечно, не повѣрите мнѣ, если я скажу, что противъ васъ замышляется ужасное злодѣяніе. Предлагаю вамъ въ эту же ночь избавиться отъ двухъ директоровъ. Я увѣренъ въ успѣхѣ, и послѣдствія нисколько не страшатъ меня, если только вы дадите честное слово объявить въ совѣтѣ, что нападеніе это сдѣлано было по вашему приказанію, для спасенія республики. Тогда вы назначите двухъ новыхъ директоровъ, и никто не вздумаетъ противиться. — «Вы предлагаете мнѣ» отвѣчалъ Дюма: «приказать убійство? Вы называете это нападеніемъ? Но, предположивъ, что междоусобная война объявлена, какія имѣете вы средства, чтобъ привесть въ исполненіе этотъ планъ?» — У меня есть, сказалъ онъ: — сто храбрецовъ, готовыхъ на все, такъ же, какъ и я; предпріятіе легко, и мы не подвергаемся большой опасности. Директорія не приняла никакихъ мѣръ предосторожности, кромѣ учрежденія у воротъ Люксамбургскаго-Дворца пикета изъ 25 человѣкъ. Вы знаете, что аркады по правую и лѣвую сторону воротъ совершенно

Digitized by Google

открыты и возвышены надъ мостовою не болѣе четырехъ или пяти футовъ. Мы взойдемъ на аркады, нападемъ съ обѣихъ сторонъ, съ тылу, на пикетъ, который разсѣется по двору и на улицахъ. Въ-продолженіе схватки, нѣкоторые изъ насъ отправятся вправо отъ портика, въ покои Ревбелля, въ нижнемъ этажѣ, и убьютъ его; другіе взбѣгутъ на лѣстницу, влѣво отъ портика, ведущую въ комнаты Барраса въ бельэтажѣ. Я ручаюсь, что Ревбелль и Баррасъ не будутъ уже въ живыхъ, прежде нежели въ Маломъ Люксамбургѣ и въ казармахъ директоріальной гвардіи поднимется тревога. Не такъ легко добраться до Лорвельера, который живетъ въ Маломъ Люксамбургѣ, надъ Карно, ибо оттуда близко казармы. — «Сохрани меня Господи!» отвѣчалъ я: «чтобъ я когда-нибудь одобрилъ или допустилъ убійство, хотя бы величайшаго преступника. Впрочемъ, проектъ вашъ во всякомъ случаѣ безразсуденъ. Развѣ я не знаю, что въ теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ, невозможно собрать достаточное число людей, которые были бы готовы на такое отчаянное предпріятіе.» — Чтобъ убѣдиться въ противномъ, сказалъ онъ: — произнесите только нашъ лозунгъ: «Famille». — Я сдѣлалъ это, и въ одно мгновеніе мы были окружены толпою людей, которые были скрыты за деревьями. Темнота препятствовала мнѣ судить о числѣ ихъ. Всѣ они молчали. «Хорошо» сказалъ я полковнику Р...: «я доволенъ: теперь пойдемте.» На возвратномъ пути къ павильйону, я благодарилъ его за усердіе и всячески старался отклонить его отъ преступнаго предпріятія, не соглашаясь принять отвѣтственность ни на себя, ни на имя друзей моихъ. Я долженъ еще прибавить, что императоръ Наполеонъ, узнавъ какимъ-то образомъ объ этомъ происшествіи, заставилъ меня разсказать всѣ подробности его, и выслушавъ ихъ, сказалъ: «Вы слабая голова и не умѣете управлять трудными дѣлами.»

Вмѣстѣ съ мемуарами распространилась во Франціи въ послѣднее время новая отрасль изящной литературы и, кажется, готова вытѣснить ихъ собою — это путевыя картины (tableaux de voyage). Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, что послѣднія могутъ совершенно занять мѣсто мемуаровъ; эти субъективныя воззрѣнія никогда не будутъ въ состояніи замѣнить намъ оживленныхъ изображеній славныхъ дней французской монархіи, чувственныхъ наслажденій эпохи регентства, ужасовъ революціи, тріумфовъ имперіи и борьбы возстановленія Бурбоновъ. Въ описаніи путешествій, центромъ и главнымъ лицомъ всегда остается самъ путешественникъ; его индивидуальность есть пить, на которую въ безпорядкѣ нанизываются всѣ внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія воззрѣнія, конкретное и абстрактное. Надо сознаться, что цѣль этихъ сочиненій невозвышенна, и даже неопредѣленна; часто они не приносятъ никакой пользы, кромѣ пользы, полученной авторомъ отъ продажи книги. — Французскіе литераторы, занятые только ближайшимъ, ограниченные только своимъ обществомъ, очень поздно почувствовали необходимость странствовать въ чужихъ краяхъ. Воображеніе классиковъ не летало далѣе banlieux столицы; міръ ихъ заключался въ Парижѣ и граничилъ къ востоку вѣтреными мельницами Монмартра, а къ западу стѣною Версальскаго Замка. Шатобріанъ и г-жа Сталь первые почувствовали потребность почерпнуть вдали отъ Франціи новые взгляды, свѣжія, сильныя мысли. Она обратилась къ художествамъ Италіи, онъ къ природѣ Америки. Она оплодотворяла свою поэзію сѣменами германской учености, онъ черпалъ въ исполинскихъ рѣкахъ новаго свѣта живую воду для своихъ твореній. Ламартинъ идетъ по его стопамъ и тѣмъ же путемъ. Муза его — дочь музы Шатобріана, хоть она поетъ и на другой тонъ. Мармье углубляется въ мрачный сѣверъ, допрашиваетъ рунническія надписи въ Исландіи, бродитъ съ оленями и бѣлыми медвѣдя-

Digitized by Google

ми; онъ все, что̀ вамъ угодно, только не поэтъ. Дюма, плодовитѣйшій туристъ и faiseur de tableaux de voyage, описываетъ сегодня Синай, завтра минеральныя воды Германіи, послѣ-завтра берега Средиземнаго Моря, и всегда остается болтливымъ, занимательнымъ пувеллистомъ, между-тѣмъ, какъ геніальная Жоржъ Зандъ повѣряетъ свое одинокое горе и свои мечты то пустынямъ Балеарскихъ Острововъ, то ледникамъ Швейцаріи, то венеціанскимъ лагунамъ, или пробѣгаетъ Францію, надѣвъ на себя блузу работника. Наконецъ, на востокъ, къ бельгійскимъ родвымъ, къ нидерландскимъ сосѣдямъ, къ друзьямъ и недругамъ Германіи, отправляется ежегодно изъ Франціи пѣлый караванъ, начиная отъ ученаго Нодьѣ до чумнаго Бриферо. Послѣдній французскій путешественникъ въ Германіи — опять особый выродокъ странствующаго племени. Извѣстный уже своими романами и повѣстями, приверженецъ дома Бурбоновъ, виконтъ д'Арленкуръ, издалъ въ 1842 году, въ Парижѣ, книгу въ трехъ томахъ, подъ названіемъ *Le Pelèrin*.

Собственныя слова виконта д'Арленкура лучше всего характеризуютъ его самого и его новое твореніе: «Какъ странно» говоритъ онъ: «было мое путешествіе. Блуждая отъ дворца къ дворцу, я прошелъ, подобно древнимъ трубадурамъ, часть Германіи, какъ живой анахронизмъ. Дорогою я разсказывалъ преданія и хроники, пѣлъ войну и любовь, проповѣдывалъ вѣрность къ Богу и къ королю, и вездѣ находилъ отголосокъ своимъ пѣснямъ; при всѣхъ дворахъ я былъ принятъ какъ бардъ временъ прошедшихъ.» Такимъ образомъ, онъ съ самаго начала рѣшительно объявляетъ, что онъ путешествовалъ для людей, а не для ландшафтовъ. Въ легендахъ и хроникахъ, онъ хотѣлъ изобразить прошедшее, въ анекдотахъ и новеллахъ настоящее; онъ хотѣлъ говорить сердцу, а не уму, хотѣлъ быть занимательнымъ и нравиться, а не спорить и не учить. Критика имѣла бы право спросить, не слишкомъ ли серьезно наше время для подобныхъ путешествій и балладъ, для рыцарскаго волокитства, для остротъ въ альбомахъ дамъ. Но можетъ-быть, именно посреди политическихъ споровъ и философскаго скептицизма мирное появленіе безпечнаго трубадура, который хочетъ только видѣть и слышать, болтать и пѣть, а не разсуждать, произведетъ благодѣтельное дѣйствіе. Путешествіе окончено было только въ 1841 году, и девять мѣсяцевъ спустя, памятникъ его лежитъ уже передъ нами; слѣдовательно, тутъ рука дала только то, что̀ было на сердцѣ; и читатель не вправѣ измѣрять труды автора масштабомъ ученой критики, ибо самъ авторъ не думалъ о ней. Д'Арленкуръ отправился черезъ Бельгію въ Ахенъ, оттуда въ Голландію, гдѣ былъ принятъ очень-милостиво королемъ, потомъ поѣхалъ вверхъ по Рейну, далѣе черезъ Швейцарію и Тироль въ Штирію, гдѣ провелъ нѣкоторое время въ *Ишлѣ*, въ кругу высшей аристократіи Австріи, и наконецъ достигъ цѣли своего путешествія, Кирхберга, гдѣ у одра герцога бордосскаго исполнилъ священнѣйшую, какъ онъ полагаетъ, свою обязанность. Послѣ короткаго пребыванія въ Кирхбергѣ, онъ ѣдетъ, черезъ Вѣну, въ Грецъ, къ герцогинѣ беррійской, оттуда черезъ Баварію, Виртембергъ и Баденъ, на Рейнъ, потомъ черезъ Ахенъ и Брюссель въ Парижъ, который онъ видитъ и привѣтствуетъ съ восторгомъ послѣ шестимѣсячнаго отсутствія. Исполненный радостныхъ воспоминаній, онъ обращаетъ взоръ свой къ Голландіи и Германіи; любовь, съ которою онъ былъ вездѣ встрѣченъ, помолодила его, и въ заключеніи своей книги, оканчивающейся лучезарною «*Reconnaissance*», онъ съ трогательною простотою говоритъ: «Нѣтъ, я и въ старости сохраню юность сердца: Пусть до конца своей жизни буду я обманутъ надеждою, но останусь вѣренъ священнымъ чувствамъ счастливыхъ дней. Я гоню отъ себя сомнѣнія

Digitized by Google

и боязнь; хочу жёрть, хочу любить.» Онъ не говоритъ о *надеждѣ*; вѣроятно, онъ чувствуетъ, что звѣзда эта закатилась на его горизонтѣ — по-крайней-мѣрѣ, политическомъ.

Подобный языкъ обезоруживаетъ критику. Какъ не отдать полной справедливости непреложнымъ правиламъ вѣрности, которая сопровождаетъ несчастіе въ изгнаніи и смиреніи, наконецъ убѣжденію, противостоящему разрушительнымъ ударамъ волнъ сомнѣнія. Правда, виконтъ д'Арленкуръ не видитъ почти германскаго народа: дворцы загораживали ему хижины; правда, онъ мало слышалъ въ Германіи, ибо у него болѣе былъ открытъ ротъ, нежели уши; правда, всѣ воспоминанія его относятся къ нему-самому, не составляютъ картины и суть только отраженія въ зеркалѣ. Но не придаетъ ли все это особеннаго характера, особенной прелести его книгѣ? Въ немъ воскресла утончевная ловкость и вѣжливость былаго, минувшаго времени; видя его, полагающаго граціозно вдохновенный куплетъ къ ногамъ герцогини беррійской, всегда въ обществѣ графовъ, князей и великихъ міра сего, не представляетъ ли себѣ васъ воображеніе дней Вергали и Малаго Тріанона? Поэтому, не будемъ осуждать его, когда онъ восхищается почестями, оказанными ему въ Германіи, «богобоязливой странѣ чистой вѣры и прямодушныхъ нравовъ», и часто восхваляетъ ее въ-укоръ новому міру, оставленному имъ въ Парижѣ. Куда онъ ни пріѣзжалъ, въ каждой резиденціи Германіи высшее общество встрѣчало его съ распростертыми объятіями; въ пріемной комнатѣ одной нѣмецкой принцессы, первый предметъ, поразившій его взоръ — его послѣдній романъ; онъ пріѣзжаетъ на воды, и на другой же день дѣлается предметомъ всеобщаго вниманія и предупредительности.

Д'Арленкуръ и Викторъ Гюго, старый виконтъ и дитя новѣйшаго времени, двѣ крайности романтической школы Франціи, при всемъ различіи точекъ, съ которыхъ каждый изъ нихъ смотритъ на Германію, сходятся однакожь въ одномъ пунктѣ, въ своей любви къ готическимъ колокольнямъ и къ изображеніямъ святыхъ, и въ ненависти къ торговлѣ, промышлености и богатству. Мы не будемъ ставить имъ, какъ Французамъ, въ вину, что они оба не знаютъ ни орѳографіи, ни географіи Германіи; но понялъ ли который-либо изъ нихъ Германію, и вообще настоящее время? На этотъ вопросъ мы съ своей стороны дали уже отвѣтъ въ одной изъ послѣднихъ статей нашихъ о д'Арленкуровомъ «*Pelerin*» и «*Le Rhin*» Виктора Гюго.

Изъ новѣйшихъ явленій по другимъ отраслямъ французской литературы, упомянемъ о слѣдующихъ:

А. Базенъ, издавшій въ 1838 году «Исторію Франціи въ царствованіе Людовика XIII» въ 4 томахъ, выдалъ теперь продолженіе ея до смерти кардинала Мазарини, подъ названіемъ: «*Histoire de France sous le ministère du Cardinal Mazarin, 2 vol. 1842*». Она продолжается отъ 1643 — 1661 г. слѣдовательно, вмѣстѣ съ первыми четырьмя томами заключаетъ въ себѣ исторію Франціи отъ смерти Генриха IV (1610 г.), до совершеннолѣтія Людовика XIV. Эти полвѣка составляютъ замѣчательную эпоху въ исторіи Франціи, совершенно-отличную отъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ временъ. Исторія этого промежутка времени, заключающаго въ себѣ два несовершеннолѣтія, въ-продолженіи которыхъ два министра-кардинала, *Ришелье* и *Мазаринъ*, и два временщика-*Кончини* и *Люинь*, управляли неограниченно Франціею, представлены здѣсь весьма-удачно, и авторъ вполнѣ умѣлъ воспользоваться богатствомъ историко-драматическаго предмета.

Извѣстный Мишель Шевалье, котораго *Письма о Сѣверной Америкѣ* дожили уже до 4-го изданія, выдалъ недавно: *Histoire et description des voies de communication aux Etats Unis et*

Digitized by Google

des travaux, qui en dependent, въ четырехъ выпускахъ, съ 25 гравюрами. Авторъ, кажется, хочетъ посвятить себя исключительно этому предмету, ибо незадолго предъ симъ вышли его *Lettres sur l'inauguration du chemin de fer de Strasbourg à Bâle,* и сочиненіе его *Des interêts materiels en France,* преимущественно имѣетъ предметомъ шоссе, каналы и желѣзныя дороги.

Вышло весьма-занимательное сочиненіе, относительно греческой революціи, и въ-особенности управленія графа Каподистріа. Давно уже нѣкоторые изъ государственныхъ людей и литераторовъ составили изъ себя родъ комитета, съ тою цѣлію, чтобъ собрать, привесть въ порядокъ и издать въ свѣтъ оффиціальные акты, относящіеся къ управленію графа Каподистріи, и теперь наконецъ издали въ 4-хъ томахъ богатое собраніе замѣчательнѣйшихъ подлинныхъ актовъ. Переписка Каподистріи, изданная въ Женевѣ, равно какъ и его біографія, сочиненная *Паподопуло*, нынѣ дополняются трудами означеннаго комитета.

Этнографическое Общество въ Парижѣ, издало первый томъ своихъ «Записокъ». Общество это основано въ 1839 году, и безъ всякаго шума занималось до-сихъ-поръ весьма-любопытными изысканіями. Первый томъ, по крайней-мѣрѣ, содержитъ въ себѣ двѣ достойныя вниманія статьи: первая *Бертелота,* о Ганахахъ, обитателяхъ Канарскихъ Острововъ, и вторая *Густава фон-Эйхталя,* объ африканскомъ племени Феллаховъ. Онъ считаетъ ихъ малайскаго происхожденія, что придаетъ еще болѣе занимательности исторіи распространенія этого замѣчательнаго поколѣнія. Доказательства, приводимыя имъ въ подтвержденіе означеннаго мнѣнія, многоразличны и заслуживаютъ, чтобъ ихъ основательно изслѣдовали.

Подъ названіемъ: *Explication de la Carte géologique de France,* французское правительство издало подробное геологическое описаніе Франціи, Элп де Бомона и Дюфренуа. Составленіе геологической карты было предположено еще въ 1816 году; но нѣкоторыя предварительныя работы, отлучки инженеровъ и другія причины препятствовали приступить къ дѣлу ранѣе 1825 года. Съ этого времени, два знаменитые геолога обходили Францію пѣшкомъ, сперва (до 1829 года) каждый особо, а потомъ (1830 до 1834) оба вмѣстѣ и съ такою подробностію, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ болѣе 20.000 миль пѣшкомъ. Наконецъ, карта вышла въ минувшемъ году въ шести большихъ листахъ. Изданное нынѣ описаніе къ ней, состоитъ изъ двухъ толстыхъ томовъ въ 4-ю долю листа, и по основательности труда и по изяществу обработки, есть одно изъ лучшихъ произведеній нашего времени. Оно обогащено множествомъ политипажей, для объясненія текста, и картою въ одинъ листъ, раскрашенною, что необходимо въ каждой геологической картѣ. Трудность обозначить на малой картѣ съ надлежащею точностію всѣ цвѣта большой карты, очень замедляетъ распространеніе этого сочиненія. За каждую карту платится по 15 франковъ, а при всемъ томъ, ихъ изготовляется не болѣе двухъ или трехъ въ недѣлю, и такимъ образомъ, книга эта еще долго не поступитъ въ продажу, ибо изготовляемые теперь экземпляры раздаются равнымъ правительственнымъ лицамъ. Вообще, французское правительство слишкомъ-щедро, даже расточительно раздаетъ книги, издаваемыя на его счетъ; многихъ изданій всѣ экземпляры были раздарены, и разумѣется, людямъ, которые вовсе не будутъ ихъ читать, между-тѣмъ, какъ тѣ, которымъ онѣ нужны, и которые готовы заплатить за нихъ деньги, не могутъ вовсе получить ихъ. Продавая ихъ по цѣнѣ, доступной для всякаго, правительство, конечно, принесло бы гораздо-больше пользы наукамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получило бы средства предпринимать новыя изданія. При

Digitized by Google

этомъ, нельзя не упомянуть объ изданіи Исторіи Арменіи, патріарха Католикоса, переведенной Сен-Мартеномъ и изданной послѣ его смерти Лажардьеромъ на счетъ правительства. Все изданіе было раздарено, между-тѣмъ, какъ цѣль правительства была бы, очевидно, гораздо-лучше достигнута, если-бъ хотя 200 экземпляровъ были пущены въ продажу.

Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ поручила *Мине* издавать ежемѣсячные бюллетени ея занятій, по примѣру *Отчетовъ* (compte-rendu) *Академіи Наукъ*, но нельзя ожидать, чтобъ они были такъ же занимательны, какъ эти отчеты: ибо въ политическихъ наукахъ отдѣльные факты и наблюденія никогда не могутъ быть такъ важны, какъ въ наукахъ математическихъ и естественныхъ, гдѣ каждое положительное наблюденіе имѣетъ свой интересъ и можетъ вести къ новымъ открытіямъ. Въ политическихъ наукахъ, напротивъ, только большія массы собранныхъ фактовъ могутъ служить къ чему-нибудь, но само собою разумѣется, что такія обширныя сочиненія могутъ помѣщаться въ собраніи записокъ Академіи, а не въ бюллетеняхъ.

Базенъ старшій издалъ, подъ названіемъ *Tiraki ou histoire du luth*, переводъ знаменитой китайской драмы. Она была играна въ первый разъ въ 1404 году, и съ-тѣхъ-поръ Китайцы удивляются ей, какъ одному изъ лучшихъ драматическихъ произведеній. Драма эта, такъ же какъ и всѣ подобныя сочиненія, любопытна для Европейцевъ, преимущественно въ томъ отношеніи, что въ ней они видятъ картину домашнихъ нравовъ Китайцевъ, съ которыми не имѣемъ возможности ознакомиться другимъ путемъ. Главный мотивъ драмы есть уваженіе къ родителямъ—добродѣтель, доведенная Китайцами до такой степени утонченности, которая намъ кажется педантизмомъ. Характеры хорошо выдержаны и часто обрисованы съ большимъ искусствомъ въ немногихъ чертахъ, особенно характеры двухъ молодыхъ женщинъ, представляющихъ идеалъ женскаго совершенства въ Китаѣ. Каждый мыслящій читатель найдетъ въ этой книгѣ обильные матеріалы для сравненія европейской и китайской цивилизаціи. Критическое разсужденіе, переведенное изъ предисловія къ одному китайскому изданію этой драмы, составляетъ весьма любопытное приложеніе, и читая его, нельзя не воскликнуть: c'est tout comme chez nous!

К. ДЕЛЬБАРТЪ.

Сентеровыми переводами мышленія [illegible] французская библіотека, [illegible] Ла-Шапеллена обогатилась многими [illegible] новыхъ изданій, которыя [illegible] сколько-нибудь [illegible] вниманія стоютъ и [illegible] Послѣднее [illegible] которомъ [illegible] сопернистовать съ [illegible] Шапеллена, [illegible] для этого нужно [illegible] съ [illegible] изданіемъ [illegible] Шапеллена [illegible] на чистыя деньги, — это послѣднее достоинство [illegible] не обнаруживается [illegible] отдѣльныхъ томовъ [illegible] thèque-Charpentier, ou, Collection [illegible] meilleurs ouvrages français et [illegible] ancien et moderne, publiés [illegible] Charpentier. Извѣстно, что [illegible] скромномъ изданіи, состоящемъ [illegible] перь уже изъ 130 томовъ, [illegible] томъ заключается въ себѣ [illegible] цѣлое — романъ, собраніе [illegible] которыхъ, или собраніе [illegible] ныхъ вмѣстѣ одного автора, — [illegible]

Digitized by Google

ли одно цѣлое твореніе, или однородныя произведенія одного и того же писателя. Такъ напримѣръ, романъ Гюго, «Notre Dame de Paris», напечатанъ здѣсь въ одномъ томѣ, также точно напечатаны и другіе его романы, драмы, и проч. Въ «Bibliothèque Charpentier» уже появились всѣ доселѣ вышедшія сочиненія Гюго, Бальзака, Альфреда де-Виньи, Альфреда Мюссе, Шарля Нодье, Казимира Делавиня, г-жи Сталь, Сен-Бёва; также творенія Ксавье де-Метра, Бенжамена Констана, Гизо, Прево, Эме Мартена, Мильвуа, Топфера, Антуана де-Латура. Подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ появились, кромѣ такъ - называемыхъ французскихъ классиковъ: Расина, Ла-Брюйера, Паскаля, Вольтера, Лесажа, Боссюэта, Лафонтена, Руссо, Рабле, Андре Шенье, — извѣстнѣйшія творенія Шиллера, Гёте, Байрона, Мильтона, Данте, Тасса, Сильвіо Пеллико, Альфьери, Клопштока, Гольдсмита, Фильдинга, Камоэнса, Манцони, Стерна, и др. Сверхъ того, переведены Эвклидъ, Геродотъ, Діогенъ-Лаэрцій, Платонъ, Софоклъ, Аристофанъ, Эсхилъ, Гомеръ, Анакреонъ, и пр. Теперь печатаются творенія Декарта, Лейбница, Бэкона, Мальбранша, Спинозы, Баранта, Капфига, и пр. и пр. Каждый томъ «Библіотеки Шарпантье» продается въ Парижѣ по 3 фр. 50 сант., а г. Исаковъ продаетъ тотъ же томъ въ Петербургѣ по 90 коп. сер. Какъ онъ умѣлъ удешевить это полезное изданіе, Богъ-знаетъ, но только успѣлъ: это очевидно, потому-что всякій можетъ воспользоваться этою важною съ его стороны услугою.

Иллюстрированныхъ изданій, т. е. съ политипажами и гравюрами, получилъ г. Исаковъ множество. Новѣйшее изъ нихъ — это *Petites Misères de la Vie humaine*, собраніе презабавныхъ сатирическихъ статей, окруженныхъ и перерѣзанныхъ прелестнѣйшими карикатурами, въ которыхъ вы видите разныя комическія мелкія непріятности, случающіяся въ жизни: тамъ съ какого-нибудь франта снесло шляпу вѣтромъ, на другаго высыпали соръ изъ окошка, третій, обитый дождемъ, долженъ перепрыгивать черезъ цѣлую рѣку жидкой грязи, и т. д. Сцены расположены чрезвычайно-искусно, физіономіи вѣрны натурѣ какъ-нельзя-больше, и все это выполнено превосходно въ политипажѣ.

Первый томъ прелестнаго и остроумнаго изданія *Scènes de la vie privée et publique des Animaux* конченъ; получено уже 18 тетрадей втораго тома: въ нихъ помѣщены статьи — самаго редактора Сталя: «Encore une révolution!», Леритье: «Pérégrination mémorable du Doyen des Crapauds», «le Fils d'une Cane de la haute volée», «les Tribulations de la Marmotte», «le Lever d'un Phalanstère d'Abeilles», и Поля Мюссе «les Souffrances d'un Scarabée». Все это написано такъ же умно, весело и зло, какъ было и въ первомъ томѣ. Изданіе—роскошное въ высшей степени.

Не меньшимъ изяществомъ отличается и великолѣпный *Jardin des Plantes*,—описаніе парижскаго Ботаническаго Сада; изъ вышедшихъ доселѣ тетрадей составился теперь большой томъ въ 533 страницы, со множествомъ литографированныхъ картинъ и политипажными изображеніями животныхъ. Весь этотъ томъ заключаетъ въ себѣ описаніе и изображеніе животныхъ *млекопитающихъ*. Текстъ не уступаетъ достоинству политипажей и внѣшней красотѣ изданія: онъ составленъ основательно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Изъ этой книги выйдетъ наконецъ превосходный матеріалъ для полной и подробной естественной исторіи.

Альманахъ *Paris-Londres*, издаваемый въ Парижѣ ежегодно съ превосходными англійскими гравюрами, вышелъ и въ нынѣшнемъ году съ 26 картинами, которыя гравированы въ Лондонѣ лучшими художниками.

Digitized by Google

Многія изъ гравюръ—торжество англійской гравировки. При картинахъ, составляющихъ сущность альманаха, находится 61 статья въ стихахъ и прозѣ. Статьи эти принадлежатъ Шатобріану, Сумѣ, Ламартину, Дюмà, Мармьѣ, Лакомбу, Кувену, Гранье де-Кассаньяку, Питр-Швальѣ, Шарлю Дидьѣ, Ансло́, Анаи Сегала́, В. Гюго и пр. Немногія, однакожь, изъ этихъ статей отличаются истиннымъ достоинствомъ.

Подъ именемъ *Mémorial de Shakspere* г. Боргеръ издалъ въ переводѣ «Шекспировы Повѣсти» (Contes Shaksperiens), написанныя на англійскомъ Чарльзомъ Лэмбомъ, съ прекрасными гравюрами. Это тѣ самыя повѣсти, которыя составляютъ содержаніе драмъ Шекспира: «Зимняя Сказка», «Сонъ въ Лѣтнюю Ночь», «Венеціанскій Купецъ», «Два Веронскіе Дворянина», «Хитрость противъ Хитрости», «Какъ вамъ угодно», «Король Лиръ», «Много Шума изъ Пустяковъ», «Макбетъ», «Симбелинъ», «Буря», «Сварливая Женщина, приведенная въ разсудокъ», «Ромео и Джульетта», «У дурнаго начала хорошій конецъ», «Гамлетъ», «Неначалности», «Отелло», «Двѣнадцатая Ночь», «Тимонъ Аѳинскій». Нельзя быть совершенно довольну выборомъ сюжета для нѣкоторыхъ гравюръ, но самыя гравюры всѣ сдѣланы прекрасно.

Необходимою принадлежностью всякой порядочной библіотеки должно быть недавно-вышедшее изданіе извѣстнаго романа Жюля Жанена *l'Ane Mort*, иллюстрированное виньетами и картинками Тонни Жоанно. Все, что только имѣетъ въ себѣ прелестнаго политипажъ, такъ вѣрно передающій созданіе художнической фантазіи Тонни Жоанно, все это соединено въ новомъ изданіи жененова романа — этого первенца романовъ новой школы, начавшаго собою рядъ произведеній, которыя заслужили было литературѣ французской названіе «неистовой литературы», но неповиннаго въ такомъ злоупотребленіи. Напротивъ, въ «l'Ane Mort» много такихъ сценъ, характеровъ и положеній, которыя обличаютъ въ Жененѣ талантъ великій, теперь, правда, исписавшійся, но прежде принадлежавшій къ числу замѣчательнѣйшихъ талантовъ нашего времени. Въ новомъ, иллюстрированномъ изданіи, снова и съ бо́льшимъ удовольствіемъ читается этотъ романъ, который уже былъ читанъ всѣми образованными людьми, двѣнадцать или тринадцать лѣтъ тому назадъ. Каждая виньетка Жоанно въ этомъ изданіи (а ихъ очень-много) полна истинно-художественныхъ достоинствъ...

Есть и еще новости въ лавкѣ г. Исакова, но о нихъ послѣ; притомъ же, вѣроятно, онъ самъ не замедлитъ объявить о нихъ въ особыхъ приложеніяхъ къ нашему журналу.

Digitized by Google

VIII.

СМѢСЬ.

ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ И ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

1.

Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ.

Г. *Брассе* читалъ въ засѣданіи 8-го октября 1841 года продолженіе и окончаніе *Корреспонденціи на греческомъ языкѣ греческихъ царей съ Россіею, въ продолженіе XVII-го вѣка*. Любопытствующіе найдутъ этотъ историческій матеріалъ въ недавно вышедшихъ N 7 и 8 X-го тома журнала Bulletin Scientifique.

— Г. *Струве* читалъ въ засѣданіи 19-го ноября мемуаръ сына своего г. Оттона Струве о *численномъ опредѣленіи постоянной величины возвратнаго движенія равноденственныхъ пунктовъ, принимая въ соображеніе собственное движеніе центра тяжести солнечной системы въ пространствѣ*.

Возвратное движеніе равноденственныхъ пунктовъ, открытое еще Гиппархомъ, было съ его времени предметомъ безпрерывныхъ изысканій для астрономовъ. Послѣ того, какъ теорію этого явленія вполнѣ вывели изъ законовъ тяготѣнія, численная величина возвратнаго движенія была опредѣлена въ разныя времена и наконецъ, въ недавнее время, г. Бесселемъ, котораго труды напечатаны въ Fundamenta astronomiae.

Явленіе, называемое возвратнымъ движеніемъ равноденственныхъ пунктовъ, обнаруживается перемѣною положенія неподвижныхъ звѣздъ, въ отношеніи къ двумъ главнымъ кругамъ небеснаго глобуса, т. е. къ эклиптикѣ и къ экватору, которыхъ пересѣченіе составляетъ общій исходный пунктъ. Древніе астрономы наблюдали непосредственно, при помощи своихъ сферъ, долготы и широты звѣздъ, и такимъ образомъ, сравнивая положенія, замѣченныя въ разныя времена, нашли, что долготы звѣздъ увеличиваются одинаково для всѣхъ ихъ, однимъ градусомъ въ 72 года, между-тѣмъ, какъ ихъ широты остаются однѣ и тѣ же. Оттуда древніе астрономы заключили по справедливости, по-крайней-мѣрѣ сколько позволяли имъ это ихъ несовершенныя средства, что положеніе эклиптики неизмѣнно, что, напротивъ положеніе экватора перемѣняется, и что его измѣняющееся пересѣченіе съ эклиптикою производитъ явленіе возвратнаго движенія равноденственныхъ пунктовъ.

Новѣйшіе астрономы измѣнили спо-

Digitized by Google

собъ наблюденія. Теперь опредѣляютъ мѣста звѣздъ прямо въ-отношеніи къ экватору, посредствомъ того, что называется правое восхожденіе и уклоненіе; и это измѣненіе способа, въ совокупности съ приложеніемъ зрительныхъ стеколъ къ инструментамъ и съ успѣхами практической механики, довело до совершенства точность нынѣшнихъ наблюденій.

Предположимъ теперь, что мѣсто извѣстной звѣзды опредѣлено въ два различныя времени, съ надлежащими исправленіями. Въ этомъ случаѣ, наблюденіе двухъ правыхъ восхожденій и двухъ уклоненій, сравненныхъ между собою, достаточно для того, чтобъ привести насъ къ узнанію возвратнаго движенія, и результатъ будетъ еще точнѣе, если мы сравнимъ наблюденія надъ многими звѣздами между собою, какъ это дѣйствительно и дѣлается. Средняя величина, полученная такимъ образомъ, ведетъ насъ къ дальнѣйшему познанію; какъ-скоро, посредствомъ наблюденія и исчисленія возвратнаго движенія, мы знаемъ положеніе звѣздъ въ извѣстную эпоху, то, основываясь на средней величинѣ этого движенія, можно вычислить положеніе тѣхъ же звѣздъ въ другую, прежнюю эпоху, и сравнить положенія, данныя исчисленіемъ, съ найденными по наблюденію.

Это сравненіе показываетъ, что между положеніями вычисленными и положеніями данными наблюденіемъ часто бываютъ разницы, которыя чрезвычайно превышаютъ возможныя ошибки наблюденій, и тѣмъ показываютъ намъ существованіе новаго явленія, именно собственнаго движенія неподвижныхъ звѣздъ, откуда мы принуждены заключить, что звѣзды, которыя мы называемъ неподвижными, перемѣняютъ свое относительное положеніе въ небесномъ пространствѣ. Первыя звѣзды, которыхъ собственное движеніе было открыто Галлеемъ въ 1713 году, были Сиріусъ, звѣзда Вола и Арктуръ. Галлей нашелъ, что, на-примѣръ, Арктуръ былъ въ его время 33-мя минутами ближе къ экватору, нежели во время Птолемея—пространство, равняющееся діаметру луны. Въ настоящее время, чрезъ наблюденія болѣе точныя, знаютъ, что эта звѣзда ежегодно подвигается на 2″.25, что составляетъ въ 2000 лѣтъ 4500″ или $1\frac{1}{4}^{0}$, — пространство, превышающее двукратный діаметръ луны. Изъ всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ, движеніе 61-й звѣзды Лебедя есть самое значительное; эта звѣзда подвигается каждый годъ на 5″,166, что производитъ въ 700 лѣтъ перемѣщеніе цѣлымъ градусомъ.

Какъ-скоро извѣстно, что звѣзды имѣютъ собственное движеніе, естественно искать причинъ этого явленія. Гершель изъяснялъ его перемѣщеніемъ солнца въ пространствѣ, предполагая это перемѣщеніе однообразнымъ, прямолинейнымъ и направленнымъ почти къ звѣздѣ Геркулеса. Но въ-послѣдствіи, идея Гершеля была почти оставлена астрономами; и наконецъ г. Аргеландеръ, въ Або, рѣшилъ вопросъ положительнымъ образомъ. Изъ его труда видно, что движеніе солнечной системы направлено къ пункту неба, находящемуся на разстояніи трехъ градусовъ отъ звѣзды Геркулеса, указанной Гершелемъ.

Но перемѣщеніе солнечной системы не изъясняетъ вполнѣ собственнаго движенія такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ, которое обнаруживается только излишкомъ движенія въ направленіи, назначенномъ для многихъ сгруппированныхъ звѣздъ. И такъ, мы принуждены расширить предположеніе перемѣщенія солнца и приписать перемѣну мѣста въ пространствѣ звѣздамъ, такъ-же какъ солнцу. Такимъ образомъ, совмѣстное дѣйствіе перемѣщенія солнца и каждой звѣзды въ пространствѣ производитъ то, что астрономы называютъ собственнымъ движеніемъ. Что касается до особеннаго движенія звѣздъ, то оно какъ-бы случайно для насъ, или, лучше, для него доселѣ нельзя положить никакого закона, исключая развѣ то, что вооб-

Digitized by Google

ще звѣзды блестящія имѣютъ движеніе болѣе значительное, нежели звѣзды, сіяющія слабо; это, вѣроятно, дѣйствіе разстоянія отъ солнечной системы, въ которой мы живемъ, потому что безъ этого мы замѣчаемъ во всѣхъ странахъ небеснаго пространства, для различныхъ звѣздъ, особенныя движенія во всѣхъ направленіяхъ. Изъ этого наблюденія слѣдуетъ, что въ изысканіяхъ о возвратномъ движеніи равноденственныхъ пунктовъ и о перемѣщеніи солнечной системы, особенныя движенія звѣздъ дѣйствуютъ совершенно какъ случайныя ошибки въ положеніи и присовокупляются къ ошибкамъ наблюденія.

Для численнаго опредѣленія возвратнаго движенія предпринаты были въ разныя времена астрономическія изысканія Бесселемъ и Аргеландеромъ. Г. Оттонъ Струве присовокупляетъ нынѣ къ нимъ свой трудъ. Мы ограничимся приведеніемъ слѣдствій, которыя авторъ мемуара выводитъ изъ своихъ изысканій; именно: 1) можно полагать, что центръ тяжести солнечной системы протекаетъ ежегодно 30 милльоновъ географическихъ миль; 2) движеніе такъ-называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ въ 24 раза болѣе движенія солнца, откуда слѣдуетъ, что солнце есть одна изъ звѣздъ, имѣющихъ слабое движеніе въ пространствѣ.

— Г. *Муральтъ* представилъ въ засѣданіи 3-го декабря критически имъ обработанное описаніе одной латинской пергаментной рукописи космографіи Птолемея, съ главами ея о нынѣшней Россіи.

По причинѣ рѣдкости греческихъ рукописей Птолемея, необходимо, для возстановленія его текста, сравнивать не только первыя изданія, но и самые ихъ рукописные оригиналы. Къ числу такихъ матеріаловъ принадлежитъ представленная теперь Академіи г. Муральтомъ и разобранная имъ рукопись, которая значится подъ N 26,843 въ Библіотекѣ Императорскаго Главнаго Штаба, въ Санктпетербургѣ. Эта рукопись замѣчательна тѣмъ, что она служила оригиналомъ многихъ древнихъ изданій.

Въ N 7 и 8 X-го тома Bulletin Scientifique помѣщено на латинскомъ языкѣ извлеченное изъ этой рукописи птолемеево географическое описаніе нынѣшней Россіи.

—Въ засѣданіи 10-го декабря 1841, читаны были изысканія г. *Медлера*, профессора Дерптскаго Университета, о среднемъ ходѣ температуры. Полнѣйшее знаніе этого предмета могло бы поставить физиковъ на путь къ изъясненію многихъ мѣстныхъ и годовыхъ особностей, представляемыхъ явленіями температуры; но до такого знанія еще не дойдено. Брандесъ первый сдѣлалъ нѣсколько-подробное сличеніе результатовъ своихъ собственныхъ наблюденій о среднемъ ходѣ температуры десяти европейскихъ пунктовъ. Самый сѣверный изъ этихъ пунктовъ есть Петербургъ, гдѣ Брандесъ дѣлалъ свои наблюденія въ-продолженіи десяти лѣтъ (1783—1786 и 1788—1792). Онъ открылъ замѣчательнѣйшую постоянную аномалію, именно, что въ Петербургѣ холодъ, уменьшившись съ половины января, всегда снова усиливается къ началу марта, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

1— 5	января	8°,86	Реом.
6—10	—	9,83	—
11—15	—	9,05	—
16—20	—	7,72	—
21—25	—	7,72	—
26—30	—	7,13	—
31— 4	февраля	7,10	—
5— 9	—	6,70	—
10—14	—	7,03	—
15—19	—	7,70	—
20—24	—	7,52	—
25— 1	марта	8,43	—
2— 6	—	9,71	—
7—11	—	6,90	—

Взглядъ на эти ряды чиселъ даетъ понятіе о среднемъ ходѣ температуры въ Санктпетербургѣ.

Г. Медлеръ, жившій въ Берлинѣ долгое время, сравнилъ результаты собственныхъ 91-тилѣтнихъ наблю-

Digitized by Google

деній и другихъ, дѣланныхъ на томъ же пунктѣ до него, въ-продолженіи 90 лѣтъ; онъ нашелъ, что въ этомъ городѣ холодъ умѣряется между 9 и 22 января, и что теплота уменьшается между 9 и 13 мая. Оба факта столь рѣзки, что ихъ нельзя изъяснить случайностями нѣкоторыхъ годовъ. Что касается до возврата холода къ началу марта, то въ Берлинѣ не замѣчено никакихъ слѣдовъ подобнаго явленія.

Помощію способа, отличнаго отъ того, который былъ употребленъ Брандесомъ, г. Медлеръ, основываясь на 6552 наблюденіяхъ, сдѣланныхъ отчасти Эйлеромъ, отчасти Вишневскимъ, отчасти имъ самимъ, нашелъ, что температура Петербурга представляетъ объ аномаліи, замѣченныя въ Берлинѣ, но такъ, что въ Петербургѣ сильнѣйшіе холода падаютъ на 14 и на 21 января, между-тѣмъ, какъ въ Берлинѣ они отдѣлены вдвое-болѣе-длиннымъ промежуткомъ времени, а уменьшеніе теплоты въ маѣ бываетъ въ Петербургѣ двумя или тремя днями ранѣе, нежели въ Берлинѣ, но итогъ послѣдней аномаліи тотъ же въ обоихъ городахъ. Возврата же холода къ началу марта г. Медлеръ не нашелъ ни въ Берлинѣ, ни въ Петербургѣ, такъ что онъ считаетъ случайнымъ это явленіе, выведенное о температурѣ Петербурга Брандесомъ.

Но замѣчательно въ Петербургѣ колебаніе температуры въ-продолженіе всего февраля и очевидное уменьшеніе холода въ послѣднемъ десяткѣ дней января. Утренняя и вечерняя температура въ концѣ февраля оказывается здѣсь почти та же, какъ въ началѣ этого мѣсяца, и только полдень нѣсколько умѣреннѣе. Холодъ 23—25 февраля совершенно равенъ холоду 23—25 января, и проходитъ цѣлый мѣсяцъ безъ малѣйшаго пріобрѣтенія; но въ мартѣ тотчасъ оказывается умѣреніе холода, которое, впрочемъ, очень-ощутительно только въ полдень.

Брандесъ полагаетъ, что причина замедленія или отступленія температуры, замѣченнаго въ Петербургѣ, скрывается въ сѣверовосточныхъ областяхъ Россіи. Что касается до уменьшенія теплоты въ маѣ, то г. Медлеръ именно замѣчаетъ, что это явленіе имѣетъ связь со вскрытіемъ сѣверовосточныхъ рѣкъ, и въ особенности Сѣверной-Двины.

Г. Медлеръ проситъ Академію добыть для него наблюденія о времени вскрытія Сѣверной-Двины, позднѣйшія 1817 года; они необходимы ему для продолженія его изысканій.

— Г. Струве читалъ донесеніе о мемуарѣ г. *Петерса*, астронома, состоящаго при Пулковской Обсерваторіи. Предметъ этого мемуара есть опредѣленіе численной величины колебанія земной оси, выведенное изъ правыхъ восхожденій полярной звѣзды, наблюденныхъ съ 1822 до 1838 года на Дерптской Обсерваторіи.

— Въ засѣданіи 21-го января, г. *Гессъ* читалъ продолженіе своихъ термохимическихъ изслѣдованій. Въ этотъ разъ дѣло идетъ объ опредѣленіи количества теплоты, освобождаемой преимущественно сѣрною кислотою при соединеніи ея съ водою и съ цинковою окисью. Изысканія этого рода столь деликатны и подчинены столь многимъ и мелкимъ условіямъ, что г. Гессъ самъ не всегда выдаетъ полученные имъ численные результаты за окончательные, и старается повѣрить свои способы одинъ другимъ. Притомъ, изысканія о количествахъ теплоты, освобождаемыхъ различными веществами въ различныхъ обстоятельствахъ, такъ тѣсно связаны между собою, что одно изъ нихъ необходимо велетъ къ другому, и только сравненіе результатовъ всѣхъ этихъ изысканій можетъ привести къ открытію какихъ-нибудь законовъ.

Самый любопытный фактъ, сообщенный въ настоящій разъ г. Гессомъ, состоитъ въ томъ, что третій атомъ кислорода, содержимаго въ сѣрной кислотѣ, освобождаетъ менѣе теплоты, нежели каждый изъ двухъ первыхъ его атомовъ.

—Въ засѣданіи 4-го февраля, г. Ш.

Digitized by Google

бинъ, горный инженеръ, представилъ свои изысканія объ атомическомъ вѣсѣ лантана. Извлекши окись этого простаго тѣла изъ недавно открытаго г. Генрихомъ Розе минерала, по имени цевкинита, г. Шубинъ нашелъ, что, будучи предварительно растворена въ кислотахъ, окись лантана осаждается тѣми же реактивами, какъ и всѣ щелоки. Чтобъ опредѣлить потомъ атомическій вѣсъ лантана, онъ превратилъ лантановую окись въ хлористый лантанъ, и обыкновеннымъ способомъ получилъ для выраженія этого вѣса число 451,914. Что касается до химическаго состава лантановой окиси, то количество кислорода, заключающагося въ ней, оказалось то же, какъ въ поташѣ, то-есть, суди по анализу сѣрнокислаго лантана, оно будетъ треть количества кислорода, заключающагося въ сѣрной кислотѣ, такъ, что формула окиси лантана вѣроятно будетъ Ł и О.

— Г. Ленцъ читалъ донесеніе объ опытахъ помощника при физическомъ кабинетѣ Академіи, г. *Ичельникова*, касательно проводимости человѣческаго тѣла въ-отношеніи къ гальваническимъ токамъ. Изъ этихъ опытовъ, сдѣланныхъ надъ многими лицами, видно, что 1) противостояніе человѣческаго тѣла провожденію гальваническихъ токовъ почти обратно пропорціонально поверхности тѣла, опущенной въ жидкость, и оно особенно значительно въ пальцахъ; 2) это противостояніе тѣмъ слабѣе, чѣмъ крѣпче употребленная кислота: откуда слѣдуетъ, что сильнѣйшее противостояніе бываетъ при переходѣ тока изъ жидкости въ тѣло и обратно, и что причина этого находится въ кожѣ; 3) ртуть менѣе кислотъ способствуетъ провожденію тока въ человѣческое тѣло, потому, вѣроятно, что она хуже омочаетъ кожу, нежели кислота; 4) противостояніе значительно сильнѣе въ молодыхъ людяхъ, нежели въ старыхъ; но это различіе можетъ незамѣтно, когда испытуемые опускаютъ всю руку въ жидкость; 5) правая рука менѣе способна производить токъ, нежели лѣвая; 6) различіе въ силѣ потрясеній, испытываемыхъ различными лицами, подъ вліяніемъ гальваническаго тока, зависитъ не отъ большаго или меньшаго противостоянія ихъ тѣла, а отъ болѣе или менѣе живѣйшей раздражительности ихъ нервной системы; наконецъ, 7) чувствительность къ гальванизму живѣе въ томъ мѣстѣ, чрезъ которое токъ входитъ въ тѣло, слѣдовательно, гдѣ онъ направленъ противъ развѣтвленія нервовъ, и слабѣе въ той части, чрезъ которую токъ выходитъ, слѣдовательно, гдѣ онъ развѣтвляется съ нервами.

II.

Императорское Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Въ засѣданіи 21 февраля читаны были: 1) разсужденіе о походѣ Руссовъ на Сурожъ, присланное отъ неизвѣстнаго на имя секретаря Общества, въ которомъ сообщается извѣстіе о древнемъ воинскомъ предпріятіи Руссовъ, извлекаемое изъ житія св. Стефана Сурожскаго. 2) Извѣстіе г. *Муханова* о признакахъ древняго, можетъ-быть, славянскаго кладбища, открытаго около города Ахена, и рядѣ кургановъ, на немъ видимыхъ; причемъ приложенъ рисунокъ горшковъ, въ нихъ открытыхъ, которые содержали золу и кости, и служили, повидимому, погребальными урнами. Сверхъ-того, г. Мухановъ представилъ секретарю общества арабскія карты къ эдризіеву географическому сочиненію. Эти карты будутъ препровождены на разсмотрѣніе къ г. Френу.—Г. *Дубенскій*, для помѣщенія въ русскихъ достопамятностяхъ, издаваемыхъ имъ по порученію Общества, представилъ 3-ю статью: «Узаконенія Константиновы» съ коментаріями.—По предложенію г. секретаря, разсуждаемо было о напечатаніи рукописи Посошкова: «О состояніи Россіи временъ Петра-Великаго», приготовленной имъ къ изданію.

Digitized by Google

Общество опредѣлило издать это сочиненіе на своемъ иждивеніи. Притомъ, г. членъ Строевъ предложилъ воспользоваться у него находящимся спискомъ для сличенія.

III.

Парижская Академія Наукъ.

Прежде, нежели приступимъ къ отчету о засѣданіяхъ Парижской Академіи съ 7-го февраля, мы должны передать читателямъ два любопытныя извѣстія, сообщенныя ей Гумбольдтомъ нѣсколько ранѣе этого времени. Знаменитый ученый обратилъ вниманіе Академіи на мѣсто одного нѣмецкаго журнала, въ которомъ извѣстный астрономъ Бессель говоритъ о явленіи свѣта, замѣченномъ 1-го января 1842. Въ этотъ день, вечеромъ, былъ пожаръ, котораго блескъ отразился на небѣ. Замѣчательно, что предѣлы протяженія этого явленія совершенно обозначались, такъ что можно было бы принять его за комету, видимую сквозь туманъ. Г. Бессель замѣтилъ это явленіе съ Кёнигсбергской Обсерваторіи; г. Шлютеръ, состоящій при той же обсерваторіи, имѣлъ случай наблюдать его лучше. Находясь близъ самаго пожара, онъ пробовалъ оборачиваться въ разныя стороны и видѣлъ, что явленіе свѣта на небѣ перемѣняло свое мѣсто вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ перемѣнялъ свое. Для изъясненія этой странности, г. Бессель предполагаетъ, что облака въ то время были въ замерзшемъ состояніи, и что отраженіе пожарнаго свѣта происходило на сторонахъ ихъ маленькихъ кристалловъ. Жаль, что не разыскали, былъ ли отраженный свѣтъ поляризованъ или нѣтъ; извѣстно, что этимъ способомъ нѣкогда опредѣлили свойства свѣтлыхъ круговъ, образующихся иногда около солнца или луны, и извѣстныхъ подъ именемъ *гало*.

Другое извѣстіе, сообщенное Гумбольдтомъ Парижской Академіи, относится къ геологическому положенію Палестины. Г. Руссингеръ, путешествуя въ этой странѣ, доказалъ, что поверхность ея еще ниже поверхности странъ, прилежащихъ Каспійскому Морю. Этотъ фактъ, который многіе геологи утверждали и прежде, теперь подкрѣпляется подробными наблюденіями Руссингера. Изъ нихъ видно, что Мертвое Море ниже Средиземнаго 223 туазами, а городъ Іерихонъ ниже того же моря 119 туазами.

— Въ засѣданіи 7-го февраля, г. Депрѐ представилъ объясненіе положенія, доказаннаго имъ въ 1827 году, о сжимаемости газовъ, именно: что всѣ газы, исключая кислородъ, азотъ и водородъ, подъ тѣмъ же давленіемъ сжимаются болѣе нежели атмосферный воздухъ. Часто повторяютъ, что эта аномалія представляется только близъ точки обращенія газовъ въ жидкое состояніе отъ сильнаго давленія; противъ этого-то толкованія возстаетъ г. Депрѐ, и утверждаетъ, что означенная аномалія представляется при всякой степени сжатія. «Можетъ-быть» говоритъ г. Депре, оканчивая свое чтеніе: «способы науки будутъ нѣкогда такъ совершенны, что покажутъ, что ни одинъ газъ не слѣдуетъ закону Маріотта; но воздухъ и три упомянутые газа представятъ лишь весьма малыя уклоненія.» Эта мысль становится предметомъ преній между гг. Депрѐ и Арагò.

— Г. Папа д'Опуло представилъ проектъ кирассъ изъ валяной льняной ткани, могущихъ противостоять дѣйствію сабли и даже ружейныхъ пуль.

— Въ засѣданіи 21-го февраля происходило жаркое преніе между двумя физіологами о строеніи костей и о развитіи ихъ. Не всякій пойметъ, какъ можно горячиться за предметъ столь сухой, и какъ остроуміе, чувство и краснорѣчіе могутъ найдти мѣсто въ спорѣ объ устройствѣ известковыхъ частицъ, составляющихъ основу нашего остова. Но ученые помнятъ знаменитое преніе между Кювье и Жоффруа-Сенть-Илеромъ о маленькой язычной

Digitized by Google

кости, которое имѣло отголосокъ даже въ гостиныхъ.

—Съ давняго времени, г. Флюранъ занимается изъисканіями о развитіи костей, повторяя и видоизмѣняя опыты крашенія ихъ мареною. Извѣстно, что если примѣшать извѣстное количество марены къ пищѣ животнаго, то это красильное вещество, будучи разносимо кровію по всѣмъ частямъ тѣла, останавливается преимущественно въ костяхъ и окрашиваетъ ихъ пріятнымъ краснымъ цвѣтомъ. Пріостанавливая по временамъ этотъ образъ питанія, г. Флюранъ увидѣлъ, что кости животнаго покрывались слоями красными и бѣлыми попеременно, и такимъ образомъ онъ могъ слѣдить за образованіемъ частицъ костей. Изъ этихъ опытовъ, онъ вывелъ теорію, которая, хотя уже была принята нѣкоторыми физіологами, но еще не была доказана достаточно; по этой теоріи, вещество костей находится въ безпрерывномъ круговращеніи; оно безпрестанно возобновляется чрезъ наложеніе новыхъ слоевъ на ея поверхность и чрезъ поглощеніе старыхъ во внутрь; окрашенное мареною, оно не теряетъ своей краски, какъ думали нѣкоторые, и бѣлизна костей у животныхъ, которымъ давали марену, происходитъ единственно отъ наложенія на поверхность новаго слоя, который покрываетъ старые, окрашенные слои. Это расположеніе слоевъ становится очевидно, если распилить кость перпендикулярно къ ея длинѣ.

Обновленіе вещества костей совершается повидимому довольно быстро, особенно въ юныхъ лѣтахъ; въ-самомъ-дѣлѣ, г. Флюранъ видѣлъ, что у молодыхъ животныхъ, питаемыхъ мареною, кости покрываются красными слоями въ небольшое число дней. Впрочемъ, г. Флюранъ изучилъ этотъ предметъ только въ физіологическомъ отношеніи, и не имѣлъ въ виду изъяснить родъ соединенія марены съ веществомъ костей; онъ оставилъ химическій вопросъ въ сторонѣ.

Съ другой стороны, г. Серръ, съ давняго времени занимающійся изъисканіями о строеніи органовъ и объ образѣ ихъ развитія, замѣтилъ въ мемуарахъ г. Флюрана результаты противоположные своимъ собственнымъ идеямъ. Итакъ, онъ повторилъ опыты крашенія костей мареною, пріобщивъ къ себѣ молодаго физіолога, г. Дуайера, который самъ занимался изслѣдованіями организаціи. Эти двое ученыхъ предположили себѣ прежде всего опредѣлить свойство составнаго вещества, происходящаго отъ дѣйствія марены на кости; и теперь они представили Академіи результатъ своихъ изъисканій объ этомъ предметѣ.

По мнѣнію гг. Серра и Дуайера, окрашеніе костей мареною отнюдь не есть дѣйствіе жизненной силы, которая бы проявлялась особеннымъ образомъ въ костяхъ; это окрашеніе зависитъ просто отъ сродства известковой части костей съ красильнымъ веществомъ; и если въ продолженіе употребленія марены животнымъ окрашиваются однѣ кости, а другіе органы, какъ напримѣръ хрящъ, сухія жилы, и пр., не участвуютъ въ окрашеніи, то это происходитъ не отъ-того, чтобъ марена не приходила въ соприкосновеніе съ ними, не проникала ихъ, а отъ-того, что они не содержатъ въ себѣ элемента, необходимаго для образованія химическаго соединенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, однѣ кости заключаютъ въ себѣ фосфорнокислую известь, которая, входя въ соединеніе съ красильнымъ веществомъ марены, производитъ составъ прочный и рѣшительный. Гг. Серръ и Дуайеръ доказываютъ существованіе марены въ крови и во всѣхъ органахъ животныхъ, которыхъ заставляютъ принимать ее въ пищѣ, и доказываютъ это какъ прямымъ анализомъ этихъ частей, такъ и вложеніемъ костяныхъ обломковъ во внутрь плоти животнаго, подвергаемаго опыту; обломки посторонніхъ костей скоро окрашиваются такъ же хорошо чрезъ простое соприкосновеніе съ мускулами, напитанными мареною, среди которыхъ они погружены, какъ кости соб-

Digitized by Google

ственнаго скелета животнаго, и чтобъ доказать, что это чисто-химическое, а не жизненное явленіе, авторы представили скелеты, окрашенные чрезъ погруженіе ихъ въ маренную ванну, и чрезъ впрыскиваніе марены въ сосуды животнаго по смерти; въ томъ и въ другомъ случаѣ кости окрашиваются какъ при употребленіи марены во время жизни.

Въ этой новой теоріи, исходною точкою для гг. Серра и Дуайера было наблюденіе посредствомъ микроскопа; оно показало имъ, что краска не проникаетъ въ глубину вещества костей, а просто ложится около маленькихъ сосудистыхъ каналовъ, гдѣ кровь, въ своемъ теченіи, оставляла ее въ этихъ органахъ, по мѣрѣ того какъ она встрѣчала известковое вещество, способное войдти въ соединеніе съ красильнымъ началомъ. Авторы показываютъ Академіи многочисленныя изображенія, представляющія видъ костей, разсматриваемыхъ при помощи микроскоповъ различной увеличительной силы; красильное вещество, въ-самомъ-дѣлѣ, представляется подъ видомъ точекъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ въ строеніи костей и въ окружностяхъ сосудистыхъ отверстій, которыми кость проколота какъ губка, и оно не соединено тѣснымъ образомъ съ веществомъ костей. Оттуда гг. Серръ и Дуайеръ выводятъ заключеніе, что окрашеніе костей не обозначаетъ осадка новыхъ костяныхъ частицъ, какъ думали другіе физіологи, и что изъ него нельзя также выводить необходимаго и постояннаго возобновленія собственнаго вещества костей, приносимаго съ одной стороны сосудами питательными и уносимаго съ другой сосудами поглощающими; однимъ словомъ, въ этомъ явленіи окрашенія костей нѣтъ ничего кромѣ чисто-химическаго дѣйствія, происходящаго отъ соединенія красильнаго вещества, разносимаго кровью, съ образовавшимися уже костяными частицами, которыя оно встрѣчаетъ, и которыя способны войдти въ химическое соединеніе съ нимъ. Дѣлая дальнѣйшій выводъ, естественно вытекающій изъ этой теоріи, авторы равномѣрно отвергаютъ правильное и постоянное возобновленіе составныхъ частей всѣхъ другихъ органовъ тѣла, отвергаютъ этотъ родъ вихря органической матеріи, который, по мнѣнію другихъ физіологовъ, безпрерывно совершаетъ кругъ, входя съ одного пункта въ составъ нашихъ органовъ, оставаясь тамъ въ-продолженіе болѣе или менѣе долгаго времени, и выходя черезъ другой, чтобъ отдѣлиться отъ тѣла. Теорія, по которой одна форма органическихъ существъ постоянна, а сама матерія находится въ безпрестанномъ движеніи возобновленія, и которая составляетъ основаніе нынѣшней физіологіи, опирается, по мнѣнію гг. Серра и Дуайера, на фактахъ неправильно-понимаемыхъ.

Мы не думаемъ однакожъ, чтобъ авторы имѣли притязаніе отвергнуть совершенно и во всѣхъ случаяхъ идею возможнаго вытѣсненія органическихъ частицъ. Эта идея очень-хорошо подтверждается множествомъ ежедневныхъ фактовъ, которые происходятъ передъ нашими глазами, и которые всякій знаетъ, не прибѣгая къ ученымъ опытамъ. Вещь слишкомъ-очевидная, что наши органы способны возрастать и убывать, что наши мускулы усиливаются отъ питанія и упражненія, а тощаютъ отъ недѣятельности и недостаточности пищи, и что самыя кости дѣлаются болѣе или менѣе плотными, болѣе или менѣе содержащими въ себѣ извѣстныя составныя начала, смотря по лѣтамъ, по здоровью, или по другимъ случайнымъ обстоятельствамъ; что, однимъ словомъ, всѣ органы имѣютъ другой составъ въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости, нежели въ младенчествѣ, и другой въ здоровомъ состояніи, нежели въ больномъ, и пр. Физіологи, которые опираются на этотъ основной фактъ, и въ особенности г. Флюранъ, могутъ не опасаться быть опровергнутыми. Могущество формы и ея важность въ природѣ доказываются болѣе и болѣе со-дня-на-день; многочисленные яв-

Digitized by Google

ты химическіе, физическіе и физіологическіе дѣлаютъ постоянство формы однимъ изъ главныхъ законовъ міра. Вліяніе наслѣдства, сходство дѣтей съ ихъ родителями,—зависятъ не отъ чего другаго. И такъ, форма беретъ верхъ надъ основою въ явленіяхъ организма, и никогда матерія не остается въ совершенномъ покоѣ.

Единственное разногласіе между гг. Серромъ и Дуайеромъ съ одной стороны, и г. Флюраномъ съ другой, состоитъ въ томъ, что, по мнѣнію однихъ, движеніе и возобновленіе органическихъ составныхъ частей ни столь необходимо, ни столь безпрерывно, ни столь быстро въ живущихъ тѣлахъ, какъ предполагаютъ другіе: Дюгамель, Галлеръ и г. Флюранъ, ихъ послѣдователь. Можно спорить только о предѣлахъ этого движенія, о его непрерывности, необходимости и правильности, а не о самомъ движеніи; и вѣроятно, физіологамъ очень-трудно будетъ сойдтись касательно этого пункта, потому-что самые усердные приверженцы возобновленія органическихъ началъ вовсе не думаютъ, чтобъ это движеніе не было подвержено пріостановкамъ и неправильностямъ; они поставляютъ его необходимымъ закономъ организма, но со всѣми видоизмѣненіями, которыя влечетъ за собою подвижность жизненныхъ явленій, и на этомъ-то именно пунктѣ они основываются въ изъясненіи аномалій, представляемыхъ разными опытами, подобными тѣмъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Г. Флюранъ, противъ мнѣній котораго очевидно былъ направленъ мемуаръ гг. Серра и Дуайера, хоть имя его и не было произнесено, тотчасъ отвѣчалъ на нѣкоторыя возраженія, и сообщилъ новые факты въ подтвержденіе своего ученія. Онъ отдѣлилъ, въ окрашеніи костей, вопросъ физіологическій отъ химическаго, который онъ предоставляетъ химикамъ. Что касается до постоянства этой краски у животныхъ, которыя употребляли марену съ промежутками времени, и до заключенія, которое хотятъ оттуда вывесть о стойкости образовавшагося вещества костей, то онъ противопоставилъ многочисленные и различные результаты своихъ собственныхъ опытовъ, напоминая притомъ разности и пріостановки въ явленіяхъ развитія органовъ.

Г. Серръ защищалъ свое мнѣніе съ неменьшимъ жаромъ.

— Г. Дюма читалъ письмо г. Матеччи, въ которомъ этотъ физикъ утверждаетъ существованіе электричества во всѣхъ животныхъ, даже въ животныхъ съ холодною кровью. Извѣстіе объ этомъ открытіи заслуживаетъ всеобщее вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ органическихъ тѣлахъ, въ животныхъ и въ растеніяхъ, происходятъ электрическія явленія, потому-что всякое химическое дѣйствіе развиваетъ извѣстное количество электричества: а въ органическихъ тѣлахъ совершается множество соединеній и разложеній. Довольно, если двѣ разнородныя частицы будутъ между собою въ соприкосновеніи, для того, чтобъ электричество обнаружилось; и въ этомъ смыслѣ, наши органы суть обильные источники электричества. Легко доказать это помощію гальванометра; стрѣлка инструмента идетъ направо или налѣво, смотря по тому, въ тотъ или другой органъ вы погружаете его полюсы. Но не въ томъ состоитъ вопросъ: надобно знать, есть ли какой-нибудь органъ, который бы, будучи лучшимъ проводникомъ электричества, нежели другіе органы, собиралъ электричество, развитое химическими процессами пищеваренія, отдѣленія влагъ или простымъ противоположеніемъ разнородныхъ органовъ, и провождалъ его въ какое-нибудь мѣсто, чтобъ произвесть тамъ извѣстное дѣйствіе? Это должно быть необходимымъ условіемъ для того, чтобъ электричество, происходящее отъ движенія нашихъ органовъ, могло быть считаемо дѣятелемъ въ явленіяхъ жизни; но этого и не доказано доселѣ, а напротивъ всѣ влажные органы имѣютъ, кажется, въ одинакой степени способность проводить электричество, такъ что по-

Digitized by Google

слѣднее не бываетъ принуждено протекать скорѣе черезъ одинъ пунктъ, нежели черезъ другой, черезъ нервъ скорѣе, нежели черезъ мускулъ, и пр.

Г. Матёччи говоритъ, что, погружая попеременно нервъ и мускулъ лягушки въ чашечки, наполненныя водою, такъ, чтобъ изъ этого вышелъ родъ гальваническаго столба, онъ успѣлъ получить токъ, очевидно произведенный, по его мнѣнію, животнымъ электричествомъ; но не есть ли это результатъ простаго химическаго дѣйствія воды, обнаруживающагося иначе на вещество нервовъ, нежели на вещество мускуловъ, а не слѣдствіе животнаго электричества? Всѣ извѣстные факты согласны съ этимъ толкованіемъ.

Г. Матёччи говоритъ потомъ, что приводя первъ въ соприкосновеніе съ мускуломъ, онъ произвелъ въ мускулѣ корчи; но причина здѣсь та же, какъ въ предъидущемъ опытѣ, то-есть химическое дѣйствіе. Притомъ, эти опыты были сдѣланы уже давно; еще при жизни Вольты ихъ противопоставляли теоріи этого великаго физика, для того, чтобъ защитить идеи Гальвани; но всѣ усилія были напрасны, и ученіе Гальвани не болѣе будетъ имѣть успѣха теперь, какъ имѣло и въ то время. И такъ, нельзя надѣяться, чтобъ новыя изысканія г. Матёччи подвинули впередъ вопросъ о животномъ электричествѣ.

—Гг. Геренъ и Бувье продолжали свое преніе о разсѣченіи спинныхъ мускуловъ для исправленія неправильностей таліи. Приговоръ особой комиссіи положитъ ему конецъ.

—Г. Исидоръ Жоффруа-Сент-Илеръ сообщилъ нѣкоторыя извѣстія о безголовомъ ягненкѣ, родившемся недавно въ Jardin des Plantes. По этому поводу, авторъ снова дѣлаетъ замѣчаніе о правильности существъ, называемыхъ ненормальными, которыя были предметомъ его большаго тератологическаго сочиненія.

—Г. Дюма сообщилъ письмо г. Шаттенмана о роли, которую аммоніакъ играетъ въ произрастаніи. Еще въ 1835 году, г. Шаттенманъ доказалъ, что азотъ, заключающійся въ растеніяхъ, происходитъ отъ поглощеннаго ими аммоніака; теперь онъ совѣтуетъ извлекать больше пользы изъ навоза, удерживая въ немъ аммоніакъ чрезъ прибавленіе сѣрной кислоты, или сѣрнокислаго желѣза, или наконецъ сѣрнокислой извести. Доселѣ, опыты г. Шаттенмана — единственные, которые доказываютъ вліяніе аммоніака на произрастаніе.

—Прекрасное приложеніе гальванической методы, сдѣланное недавно къ покрытію металловъ одними другими и принадлежащее гг. Рюользу и Элкингтону, побудило г. Сорела приписывать себѣ первенство этого изобрѣтенія. Г. Сорель подтверждаетъ свое требованіе привилегіею, взятою имъ 8-го декабря 1840 года въ пользу общества гальванизаціи желѣза посредствомъ цинка. Г. Рюользъ противопоставляетъ этому требованію самый успѣхъ своего способа; никто до него не достигъ этого успѣха, который, впрочемъ, зависитъ не отъ столба, употребленнаго, правда, и прежде его, а отъ свойства раствора, имъ придуманнаго; но никто не можетъ приписывать себѣ первенства употребленія этого раствора, потому-что онъ, г. Рюользъ, еще не обнародовалъ ничего о своемъ изобрѣтеніи.

—Г. Бленвиль читалъ мемуаръ, извлеченный изъ его большаго сочиненія о сравнительной остеографіи, и имѣющій предметомъ родъ плотоядныхъ млекопитающихъ, называемый у Линнея *mustela* (родъ куницы), потому-что онъ заключаетъ въ себѣ видъ, называвшійся у древнихъ этимъ именемъ, и извѣстное число другихъ видовъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ нашей куницѣ.

Г. Бленвиль описываетъ въ подробности остовъ и зубы этого рода куницы; потомъ сравниваетъ съ обыкновенною куницею, взятою имъ за типъ, сосѣдніе виды, и изыскиваетъ слѣды, оставленные животными этого рода въ исторіи людей и въ нѣдрахъ

Digitized by Google

земли, чтобъ опредѣлить древность послѣднихъ. Вотъ общее заключеніе этого труда: «Такимъ образомъ мы доходимъ, говоритъ г. Бленвиль, до общаго заключенія, подобнаго тому, которое оканчиваетъ большую часть нашихъ предъидущихъ мемуаровъ, то-есть, что въ родѣ куницъ есть ископаемые виды, которые находятся въ нептуническихъ породахъ, и нисколько не отличаются отъ куницъ, живущихъ въ настоящее время; но что есть другіе, находящіеся въ породахъ болѣе древнихъ, которые, кажется, исчезли изъ живой природы, и которые восполняютъ промежутокъ, замѣтный теперь въ ряду плотоядныхъ животныхъ, не составляя, впрочемъ, никакого новаго отдѣла. Впрочемъ, эти исчезнувшіе виды, если они дѣйствительно исчезли, существовали, какъ нынѣ, вмѣстѣ съ животными различныхъ родовъ и классовъ.»

Засѣданія 21-го и 28-го февраля, 7 и 14 марта представляютъ болѣе разнообразія, нежели предъидущее, которое почти исключительно было посвящено предметамъ, болѣе или менѣе относящимся къ зоологіи. Г. Арагò сообщилъ Академіи наблюденіе г. Ложье надъ кометою Энке, которую этотъ молодой астрономъ успѣлъ усмотрѣть въ томъ пунктѣ неба, гдѣ надобно было ожидать ее по послѣднимъ указаніямъ берлинскаго астронома Галля. Затѣмъ, г. Арагò читалъ письмо г. Дюсиса, въ которомъ авторъ излагаетъ мнѣніе, противное предположенію Пуассона, о жидкомъ состояніи воздуха въ верхнихъ предѣлахъ земной атмосферы. Письмо г. Дюсиса, конечно, не обратило бы на себя вниманія Академіи, еслибъ не подало повода къ любопытнымъ замѣчаніямъ со стороны г. Біо. Этотъ ученый утверждаетъ, что теорія Пуассона, по которой атмосфера, на верхнемъ своемъ предѣлѣ, оканчивается жидкимъ слоемъ, не должна быть принимаема въ вульгарномъ смыслѣ, приписываемомъ слову *жидкій;* это значитъ не то, чтобъ воздухъ наконецъ сдѣлался подобнымъ водѣ, но что онъ становится тамъ газомъ, лишеннымъ всякой силы расширенія; а это, по-ученому, и есть жидкое состояніе. Такой взглядъ на вещи дѣйствительно вѣренъ, потому-что еслибы воздухъ сохранялъ неопредѣленно свою силу расширенія, то онъ не имѣлъ бы предѣла и наполнилъ бы пространство неба.

По поводу этого предмета возникло преніе между г. Біо и г. Арагò; г. Арагò защищаетъ теорію Волластона, по которой воздухъ подобенъ пару ртути, поднимающемуся надъ этою жидкостію до извѣстнаго пункта и не далѣе, и которую, думаетъ онъ, г. Біо не совсѣмъ понялъ; г. Біо отдаетъ полную справедливость Волластону, котораго однако ставитъ гораздо ниже Пуассона въ отношеніи къ силѣ соображенія.

—Г. Дютрошѐ посвящаетъ Академіи сочиненіе, содержащее въ себѣ собраніе его изысканій о томъ, какъ жидкости являютъ себя въ соприкосновеніи съ твердыми тѣлами. Здѣсь говорится о движеніи частичекъ камфоры, положенныхъ на поверхность воды, и о явленіяхъ, представляемыхъ разными жидкостями, которыя то омочаютъ твердыя тѣла и распространяются по ихъ поверхности, какъ масло на мраморѣ, то испытываютъ родъ отталкиванія и собираются въ капли, не омочая ихъ, какъ вода на жирныхъ тѣлахъ. Г. Дютрошѐ соединяетъ эти разныя явленія въ одну группу, и причину ихъ поставляетъ новую силу, которую онъ называетъ *эпиполическою* силою. Сомнѣваемся, чтобъ это нововведеніе было дѣйствительно пріобрѣтеніемъ для науки, и чтобъ оно научило насъ чему-нибудь болѣе того, что мы уже знаемъ о явленіяхъ этого рода, давно изученныхъ и извѣстныхъ въ физикѣ подъ именемъ волосныхъ явленій твердыхъ тѣлъ и испаренія жидкихъ. Сила *эпиполическая* не есть ли только новое слово, служащее паспортомъ для изысканій замысловатыхъ, но не имѣющихъ истинно-ученаго основанія?

— Г. Дюма сообщилъ результатъ

Digitized by Google

новаго анализа, сдѣланнаго надъ воздухомъ, по его методѣ и въ опредѣленное время, двумя изъ его учениковъ, въ Женевѣ и въ Копенгагенѣ. Среднее число, доставляемое каждымъ изъ анализовъ, представляетъ подобный составъ воздуха въ этихъ двухъ мѣстахъ; но замѣчательно, что воздухъ, взятый на открытомъ морѣ г. Леви, въ Копенгагенѣ, оказался содержащимъ въ себѣ менѣе кислорода.

—Г. Бротѐ извѣстилъ Академію о замысловатомъ изобрѣтеніи одного смышленаго садовника, по имени Расина, который, кажется, одаренъ удивительною способностью къ механикѣ и къ приложеніямъ точныхъ инструментовъ. Изобрѣтеніе состоитъ въ способѣ повѣрять гладкость зеркалъ посредствомъ маленькаго уровня съ воздушнымъ пузырькомъ; этотъ инструментъ, скользя по поверхности зеркалъ, тотчасъ показываетъ ихъ неровности. Изъ наблюденій садовника Расина оказывается, что зеркала, дѣлаемыя за дорогую цѣну въ Мюнхенѣ, гораздо-ниже тѣхъ, которыя дѣлаются дешевле въ Парижѣ, по способу г. Радигѐ.

—Г. Мейсіа читалъ мемуаръ о стояніи животныхъ. «Мемуаръ, представляемый мною на судъ Академіи» говоритъ онъ: «имѣетъ предметомъ физическую теорію стоянія человѣка и животныхъ. Если вникнуть внимательно въ то, какъ разные авторы изъясняютъ стояніе животныхъ, и въ особенности стояніе человѣка, то можно видѣть, что этотъ предметъ не изслѣданъ въ совершенствѣ. Оставляя въ сторонѣ мелкія возраженія, я укажу лишь на двѣ главныя трудности: 1) предполагаютъ сжатіе мускуловъ непрерывающимся, но если бы дѣйствительно было такъ, то стоячее положеніе не долѣе могло бы быть выдерживаемо, какъ положеніе съ протянутою рукою; а ежеминутный опытъ доказываетъ противное; 2) всѣ физіологи утверждаютъ, что естественное положеніе человѣка во время стоянія—держаться на двухъ ногахъ; но живописцы и ваятели очень-хорошо замѣтили (и Леонардъ да-Винчи настаивалъ на этомъ), что естественное положеніе человѣка — держаться *на одной* ногѣ. Стояніе на одну сторону мы видимъ не только въ человѣкѣ, но и во многихъ животныхъ, способныхъ принять прямую позу; слѣдовательно, это естественное положеніе. Въ моемъ сочиненіи, я доказываю, что допущенный доселѣ способъ понимать стояніе человѣка, прикладывается только къ животнымъ, временно принимающимъ позу прямаго стоянія на двухъ ногахъ, которая имъ не естественна; но что человѣкъ, для этой прямой позы, одаренъ особымъ механизмомъ, очень изящнымъ, который позволяетъ ему сохранить, въ извѣстныхъ положеніяхъ, прочное равновѣсіе, такъ что онъ не имѣетъ нужды въ непрестанномъ напряженіи какого-нибудь мускула.»

—Вопросъ о предохранительной бумагѣ еще не рѣшенъ окончательно; но если эта задача, столь важная для безопасности сдѣлокъ, еще не совершенно очищена, то она значительно прояснена, и послѣ множества попытокъ, изыскатели подошли очень-близко къ цѣли. Правда, желанія правительства не совсѣмъ удовлетворены; образчики, представленные на открытый имъ конкурсъ, не выполняютъ, по его мнѣнію, всѣхъ условій программы и оно не только не изъявляетъ своего одобренія ни на одинъ изъ представленныхъ разными лицами способовъ, но даже отказывается дать награду, обѣщанную тому, кто достигнетъ предложенной цѣли лучше другихъ.

Нынѣче поддѣлки частныхъ и общественныхъ бумагъ распространяются во Франціи тѣмъ болѣе, что ничто ихъ не останавливаетъ; стереть въ письмѣ какое угодно слово, замѣнить его другимъ, уничтожить часть написаннаго или все, что написано, сохранивъ подпись неприкосновенною, смыть штемпель съ старой бумаги: все это теперь игра для поддѣльщиковъ; особенно послѣдній родъ поддѣлки дѣлается такъ искусно и часто, что онъ

Digitized by Google

составляетъ особенную промышленость въ большомъ размѣрѣ, отъ которой казна много терпитъ.

Чтобъ положить конецъ столь вредному и опасному злоупотребленію, которое очень занимаетъ правительство и ученыхъ во Франціи уже около десяти лѣтъ, придумано много средствъ, представлено много способовъ, и это одинъ изъ предметовъ, которымъ отдѣленіе химіи въ Парижской Академіи Наукъ посвятило наиболѣе времени и труда. Выставивъ на видъ всѣ трудности задачи, химики наконецъ положили, что есть только два способа, могущихъ рѣшить ее. Первый, предложенный самою коммиссіею Академіи, состоитъ въ употребленіи чернилъ, истинно-неизгладимыхъ, какъ тѣ, которыхъ основаніе уголь (тушь); они противостоятъ дѣйствію всѣхъ химическихъ веществъ. Этотъ способъ, могущій быть приложенъ ко всякому роду бумаги, былъ бы, конечно, самымъ простымъ и самымъ лучшимъ изъ всѣхъ, еслибъ онъ не представлялъ въ практикѣ невыгодъ, которыхъ фабриканты бумаги не могутъ предотвратить, и которыя оставляютъ безопасность актовъ въ зависимости отъ большаго или меньшаго старанія тѣхъ, которые ихъ пишутъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, употребленіе чернилъ этого рода требуетъ предосторожности, которую очень-легко предписать, но исполненіе которой ничѣмъ не обезпечивается. Доброта и надежность этихъ чернилъ зависитъ частію отъ того, что уголь, какъ вещество нерастворимое ни въ какой жидкости, не иначе можетъ быть сведенъ съ бумаги, на которую положенъ, и въ которую вошелъ, какъ только посредствомъ скобленія, котораго слѣды всегда замѣтны; химическіе же реактивы не въ состояніи ни растворить его, ни лишить чернаго цвѣта. Но изъ этого самаго свойства угля, составляющаго красильное начало неизгладимыхъ чернилъ, слѣдуетъ, что, находясь въ нерастворенномъ состояніи, онъ ложится на дно чернилицы въ спокойномъ состояніи, и что передъ употребленіемъ чернилъ надобно ихъ взболтать, чтобъ разсѣять во всей массѣ жидкости черное вещество, собравшееся внизу. Притомъ, для надежности предохранительныхъ чернилъ, требуется не прибавлять къ нимъ воды, какъ дѣлается часто при высыханіи ихъ въ чернилицѣ; и наконецъ, составъ ихъ долженъ быть приспособленъ къ металлическимъ перьямъ, которыя теперь въ такомъ употребленіи, и которыя не терпятъ, чтобъ въ чернилахъ была какая-нибудь кислота.

Понятно, что подобныя условія, необходимыя въ употребленіи предохранительныхъ чернилъ, оставили бы, какъ мы уже сказали, безопасность актовъ въ зависимости отъ тѣхъ, которые будутъ писать ихъ. Эта безопасность зависѣла бы отъ большаго или меньшаго старанія, или смышлености каждаго, а этого именно должно избѣжать прежде всего. Притомъ же, какъ акты пишутся большею частію не тѣми лицами, которыя ихъ подписываютъ, то обезопасеніе, происходящее отъ свойства чернилъ, недостаточно для охраненія частныхъ интересовъ.

Во второмъ способѣ, сама бумага должна представлять ручательство противъ поддѣлокъ. Первая мысль, представившаяся изъискателямъ, была наложить на бумаги, назначенныя для общественныхъ и частныхъ актовъ, неизгладимую печать; сперва думали употребить штемпель, потомъ нашли выгоднѣйшимъ покрыть поверхность бумаги микроскопическими виньетками, но скоро увидѣли, что эти неизгладимыя виньетки были прямо противны предположенной цѣли, потому-что можно было бы свесть письмо, не касаясь виньетки.

Послѣ этого стали предлагать различныя замысловатыя химическія средства, различныя препараціи, вводимыя въ самое вещество бумаги, и дѣйствующія извѣстнымъ образомъ подъ вліяніемъ различныхъ жидкостей, употребляемыхъ для сведенія письма. Такъ кислоты, щелочи, хлоръ, которыя обы-

Digitized by Google

кновенно употребляются для сведенія письма, обнаружили бы поддѣлку, производя особенную краску на химически приготовленной бумагѣ; но искусство поддѣльщиковъ разстроивало всѣ эти предосторожности, и сверхъ-того бумаги, приготовленныя такимъ образомъ, имѣютъ ту большую невыгоду, что онѣ чрезвычайно-легко горятъ.

Принимая въ соображеніе всѣ эти неудачныя попытки и многія другія, которыхъ исчисленіе было бы слишкомъ-длинно, и также слѣдуя совѣтамъ ученыхъ, правительство начертало условія, которыя могутъ если не сдѣлать вовсе и навсегда невозможнымъ всякій родъ поддѣлки, то по-крайней-мѣрѣ сдѣлать ее болѣе-трудною и болѣе-рѣдкою; это единственный результатъ, котораго можно искать въ подобномъ дѣлѣ, потому-что никогда нельзя назначать впередъ предѣлы искусства поддѣльщиковъ и воспретить имъ новыя средства фальши, которыя они могутъ почерпнуть въ самыхъ успѣхахъ науки.

Вотъ главныя условія, которыя, по требованію коммиссіи, должна представлять неподдѣлываемая бумага, долженствующая замѣнить бумагу, употребляемую въ настоящее время:

Она должна имѣть двѣ виньетки, изъ которыхъ одна, представляющая микроскопическій правильный рисунокъ, покрываетъ всю поверхность листа и напечатана чернилами столь же доступными для поддѣлки, какъ обыкновенныя чернила; другая, на сторонѣ, должна представлять изображеніе, могущее дать бумагѣ характеръ публичной законности, и напечатана неизгладимыми чернилами. Эти двѣ виньетки, строго говоря, составляютъ одну, потому-что два рисунка связаны между собою механическимъ способомъ, такъ что они представляютъ точки повѣрки, которыя замѣтить весьма легко

Очевидно, что въ этомъ способѣ невозможно свесть часть письма, не сводя той части микроскопической виньетки, на которую падаетъ сводимая часть письма. Невозможно также, свести часть микроскопической виньетки, возстановить ее, по причинѣ трудности связать эту часть съ тою, которая осталась неприкосновенною. Если бы поддѣльщикъ свелъ всю виньетку, то онъ послѣ того не могъ бы возстановить ее во всей ея цѣлости, потому-что невозможно связать ее на бумагѣ съ художественною виньеткою, напечатанною неизгладимыми чернилами, такъ какъ она была связана съ нею на гравюрѣ.

Наконецъ, если бы поддѣльщикъ вздумалъ поддѣлать всю бумагу и обратить ее въ бумагу обыкновенную, отрѣзавъ неизгладимую художественную виньетку, и сводя микроскопическую сгладимую виньетку, то остался бы въ самой внутренности бумаги неизгладимый филигранъ, требуемый программою, и обнаружилъ бы фальшу.

Конкурсъ, установленный на этихъ основаніяхъ, былъ открытъ, и образчики долженствовали быть представлены 1-го октября 1839 года.

Два конкуррента были допущены: гг. Зюберъ и Кнехтъ; третій конкуррентъ, г. де-Бёржъ, попросилъ позволенія доставить 500 стопъ бумаги наудачу.

Коммиссія, не нашедши ни въ одномъ изъ образчиковъ, представленныхъ на ея судъ, качествъ, которыхъ она имѣла право требовать не только по условіямъ программы, но и по свѣдѣніямъ, которыя извлекла съ-тѣхъ-поръ изъ самыхъ успѣховъ искусства поддѣльщиковъ, отказала принять способъ того или другаго соискателя и присудить премію 36,000 франковъ, которую она обѣщала дать въ видѣ награды. Правда, одна изъ бумагъ довольно-хорошо отвѣчала условіямъ программы, но она была клеена крахмаломъ; другая, клеенная желатиною и лучше первой въ этомъ отношеніи, имѣла виньетку изъ жирныхъ чернилъ, которыя свесть труднѣе, нежели обыкновенныя чернила.

Что не приняли бумагъ, неудовлетворяющихъ требованіямъ программы, это понятно; но что отказыва-

Digitized by Google

ютъ въ вознагражденіи фабрикантамъ, которые посвятили время и труды, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, рѣшенію задачи столь трудной и столь важной, которые сдѣлали для этого большія пожертвованія, и которыхъ усилія содѣйствовали если не совершенному рѣшенію вопроса, то по-крайней-мѣрѣ значительному прояснѣнію его, — въ этомъ, можетъ-быть, нѣтъ полной и совершенной справедливости.

Впрочемъ, со времени закрытія конкурса, этотъ вопросъ сдѣлалъ новые успѣхи. Гг. Зюберъ и Кнехтъ, соединивъ свои усилія и начавъ трудиться вмѣстѣ, успѣли приготовить бумагу, клееную желатиною, и притомъ такую, что на ней напечатана обыкновенными чернилами виньетка, стираемая и связывающаяся съ неизгладимою виньеткою именно такъ, какъ требуетъ программа. Теперь эти два сотрудника представили Академіи результатъ своихъ опытовъ, и отдѣленію химіи поручено разсмотрѣть эти любопытныя произведенія. Можно надѣяться, что наконецъ, послѣ десяти-лѣтнихъ изысканій и попытокъ, общество воспользуется плодами столькихъ усилій, и что акты не будутъ всегда жертвою фальши пошлыхъ поддѣльщиковъ. Но остается еще желать кое-чего для совершенства способовъ, найденныхъ для предотвращенія всякаго рода подѣлки Истинно-умная система не должна осуждать себя на неподвижность и терпѣливо выносить всѣ невыгоды существующаго порядка вещей, не дѣлая ничего, чтобъ умепьшить ихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя предотвратить всѣхъ невыгодъ. Уменьшить зло — значитъ сдѣлать уже большое добро; люди ничего не могутъ сдѣлать болѣе въ этомъ мірѣ. Ничего не должно дѣлать на-скоро; но благоразуміе, простертое далѣе надлежащихъ предѣловъ, часто служитъ предлогомъ равнодушію и невнимательности.

— Г. Дюфренуа представилъ благопріятное донесеніе о мемуарѣ г. Пальета, который имѣетъ предметомъ историческое и геологическое изученіе металлическихъ рудниковъ Калабріи и Сѣверной Сициліи. «Въ-самомъ-дѣлѣ» говоритъ докладчикъ, оканчивая свое чтеніе: «изъ этого мемуара можно узнать общій составъ страны, заключающей въ своихъ нѣдрахъ столь важные металлическіе рудники; онъ представляетъ драгоцѣнную статистику расположенія мѣсторожденій рудъ, ихъ состава и ихъ богатства. Итакъ, этотъ трудъ будетъ вѣрнымъ руководителемъ для людей, которые вздумаютъ предпринять изысканія въ металлическихъ россыпяхъ Италіи».

— Г Франкёръ читалъ мемуаръ объ ареометріи и стоградусномъ ареометрѣ своего изобрѣтенія. Ареометры, какъ извѣстно, суть инструменты, служащіе для узнанія плотности жидкостей. «Стоградусный ареометръ» говоритъ авторъ: «изъятъ отъ несовершенствъ ареометра Боме, и онъ, по строгости, можетъ показывать относительный вѣсъ всякой жидкости; стоградусное раздѣленіе раціонально и однообразно въ-отношеніи ко всѣмъ жидкостямъ; для сдѣланія этого ареометра, нужны только вѣсы и вода; всякій физикъ можетъ самъ повѣрить правильность раздѣленія своего инструмента; ошибки, которыя могутъ быть сдѣланы въ опредѣленіи уровней воды, вмѣсто того, чтобъ прибавляться одна къ другой, когда дѣло идетъ о градусахъ, отдаленныхъ отъ 0°, будутъ уменьшаться отъ раздѣленія діаметра столба на сто частей, потому-что одинъ этотъ діаметръ немного измѣнится отъ ошибки въ уровнѣ; наконецъ, при этомъ ареометрѣ, никогда не можетъ случиться, чтобъ таблицы вышли несогласны между собою въ опредѣленіи числа, выражающаго относительные вѣсы, соотвѣтствующіе градусамъ ареометра, ибо эти вѣсы и эти градусы даются не опытами, а исчисленіемъ.

— Г. Сорель представилъ Академіи модель новаго вольтаическаго прибора, служащаго для цинкованія желѣза; этотъ приборъ годится, по словамъ изобрѣтателя, для гальванопластики, и

Digitized by Google

также для гальваническихъ способовъ позолоты, посеребренія, и пр.

— Г. Ларе читалъ мемуаръ о своемъ способѣ леченія аневризма сердца, который удался на четырехъ больныхъ.

— Г. Араго сообщилъ новыя наблюденія г. Ванбека надъ приписываемымъ маслу свойствомъ утишать волны моря. Авторъ увѣрился, что масло въ самомъ-дѣлѣ имѣетъ это замѣчательное дѣйствіе, но не на большія волны, а на второстепенныя, которыя называются *гребнемъ волнъ*, и отъ которыхъ суда столько терпятъ. Г. Араго и г. адмиралъ Руссенъ подтверждаютъ это наблюденіе.

— Г. Лоншанъ читалъ мемуаръ о кристаллизаціи солей. Авторъ утверждаетъ, вопреки мнѣнію химиковъ, что тѣла вообще расширяются, переходя изъ жидкаго состоянія въ твердое.

— Г. Эли де-Бомонъ читалъ пространное и весьма благопріятное донесеніе о мемуарѣ г. Дюрошѐ, имѣющемъ заглавіе: *Наблюденіе надъ потопнымъ явленіемъ на Сѣверѣ Европы.*

Наблюденія и мѣстныя освѣдомленія, которыя составляютъ основаніе этого труда, были собраны г. Дюрошѐ въ 1839 и въ первыхъ мѣсяцахъ 1840 года, когда онъ путешествовалъ въ качествѣ члена ученой экспедиціи, отправленной на сѣверъ Европы. Ни одно изъ мѣстъ, бывшихъ поприщемъ этого путешествія, продолжавшагося болѣе года, не было безполезно г-ну Дюрошѐ для его мемуара, и немногіе наблюдатели имѣли случай изучать на такомъ значительномъ пространствѣ, какъ онъ, явленія взрытія и переноса, которыхъ слѣды сохранились на сѣверѣ Европы. Г. Дюрошѐ проѣхалъ почти всѣ страны, которыя нѣкогда были театромъ этихъ явленій, и тщательно разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства, могущія имѣть отношеніе къ нимъ.

Совокупность явленій взрытія и переноса, которыя г. Дюрошѐ описываетъ въ своемъ мемуарѣ, часто была обозначаема названіемъ *сѣвернаго потопа* или *скандинавскаго потопа*, и она есть одинъ изъ предметовъ, которые въ настоящее время наиболѣе занимаютъ геологовъ. Къ собранію трудовъ по этой части, уже очень обширному, г. Дюрошѐ прибавляетъ свой трудъ; онъ сдѣлалъ свои наблюденія на пространствѣ отъ береговъ Ледовитаго Моря до Южной Финляндіи, и отъ береговъ Ботническаго Залива до Ладожскаго Озера.

Чтобъ начать съ самаго заглавія мемуара г. Дюрошѐ, скажемъ, что названіе потопнаго явленія даютъ очень замѣчательному факту, усмотрѣнному на большомъ числѣ горныхъ породъ, которыя представляютъ сторону выглаженную, исчерченную въ извѣстномъ направленіи, и которыя тѣмъ свидѣтельствуютъ о дѣйствіи сильнаго и продолжительнаго тренія, испытаннаго нѣкогда ихъ поверхностью. Какое вещество истерло тѣла столь твердыя? Какая сила занесла эти массы горныхъ породъ далеко отъ мѣста, которое онѣ занимали нѣкогда, и осадила тамъ, гдѣ ихъ находятъ въ настоящее время?

Теорія этихъ явленій составляетъ еще предметъ спора между учеными: одни приписываютъ ихъ дѣйствію волъ, другіе перенесенію гранитныхъ глыбъ, сдѣланному движеніемъ льдовъ, подобно тому, какъ это происходитъ предъ нашими глазами на ледникахъ горъ.

Но какое бы ни было дѣйствіе, приписываемое водамъ и льдамъ спокойнаго моря въ образованіи заносной породы (породы, заключающей въ себѣ выглаженные камни, о которыхъ идетъ рѣчь), это дѣйствіе всегда будетъ состоять, говоритъ г. Эли де-Бомонъ, въ переработкѣ и въ перемѣщеніи матеріаловъ породы, въ огромномъ истиранія, которое обратило гранитныя массы сѣвера въ глыбы, могущія быть перенесены, и взрыло самое дно моря, на которое заносный осадокъ потомъ легъ слоями; но этотъ переворотъ, испытанный поверхностью одной половины Европы, всегда долженъ будетъ изъяснять какою-нибудь при-

Digitized by Google

вою. Главный пунктъ, который разъяснитъ нынѣшнихъ геологовъ въ-отношеніи къ заносному явленію на сѣверѣ, состоитъ въ вопросѣ: какая причина произвела этотъ переносъ и это взрытіе, сдѣлала глубокія черты на камняхъ, и взволновала почву равнинъ Сѣверной Германіи? Былъ ли это огромный движущійся ледникъ, или быстрый потокъ воды, обремененной пескомъ и камнями?

Г. Дюроше, по примѣру Буоса, Броньяра, Лефструана и большой части геологовъ, занимавшихся изученіемъ Сѣверной Европы, принимаетъ предположеніе потоковъ. Но онъ полагаетъ, что переворотъ, взрывшій эти страны, начался съ Сѣверной Скандинавіи, можетъ-быть даже далѣе Шпицбергена и сосѣднихъ острововъ, къ предѣламъ полюса. Отдавая такимъ образомъ исходный пунктъ переворота, авторъ еще болѣе расширяетъ понятіе, которое мы должны составить себѣ о могуществѣ причины этого переворота. Что же касается до самой причины, то она остается для г. Дюроше предметомъ догадокъ, и, какъ сказалъ краснорѣчиво Плиній о другомъ явленіи, причина это еще сокрыта въ величіи природы.

Достовѣрно только то, что какой-то необыкновенный переворотъ взрылъ сѣверныя страны Европы прежде появленія человѣка на землѣ, и что этотъ переворотъ былъ огроменъ; можетъ-быть даже онъ обнялъ полтораста болѣе обширное, нежели то, которое мы сейчасъ протекли, потому-что слѣды явленія, во всемъ подобнаго европейскому, видны на почвѣ Канады и большой части Соединенныхъ Штатовъ, направляясь отъ сѣвера къ югу, и слѣдовательно начинаясь съ странъ, прилежащихъ сѣверному полюсу, именно такъ, какъ это усматривается и на сѣверѣ Европы.

Относительно же того, какимъ образомъ движеніе, начавшееся однажды, произвело усмотренныя дѣйствія, г. Дюроше полагаетъ, что большая масса водъ, вышедшая изъ полярныхъ странъ и вѣроятно сопровождаемая льдами, наводнила сѣверныя страны, начиная съ Гренландіи до цѣпи Уральскихъ Горъ; потокъ устремился отъ сѣвера къ югу, покрывая Норвегію, Швецію и Финляндію, разрушая горы и скалы, встрѣчавшіяся ему на пути, выглаживая ихъ поверхность и проводя на нихъ борозды и полосы посредствомъ отрывовъ, которые онъ уносилъ съ собою. Въ коротихъ словахъ, г. Дюроше объясняетъ, что заносное явленіе сѣвера есть результатъ двухъ послѣдовательныхъ дѣйствій: первое—дѣйствіе великаго потока, вышедшаго изъ полярныхъ странъ; второе—дѣйствіе моря, подверженнаго зимѣ болѣе суровой, нежели наша, и произведшаго въ большомъ размѣрѣ перемѣщеніе каменныхъ глыбъ посредствомъ движенія льдовъ. Это двойное предположеніе имѣетъ ту выгоду, что оно объемлетъ всѣ извѣстные доселѣ факты.

«Мы предложили бы академіи, говоритъ г. Эли де-Бомонъ, оканчивая свое прекрасное донесеніе, напечатать мемуаръ г. Дюроше въ Recueil des Savans étrangers, если бы мы не были увѣрены, что этотъ молодой геологъ, который такъ хорошо оправдалъ свое призваніе къ участвованію въ сѣверной ученой экспедиціи, будетъ приглашенъ къ содѣйствію въ изложеніи трудовъ ея.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, мемуаръ г. Дюроше, вмѣстѣ съ трудами другихъ членовъ экспедиціи, уже объявленъ къ напечатанію.

—Г. Доне представилъ мемуаръ о шарикахъ крови. Извѣстно, что кровь состоитъ изъ маленькихъ частицъ, плавающихъ въ жидкости, которая содержитъ въ растворѣ всѣ матеріалы, могущіе войдти въ составъ разныхъ частей тѣла. Происхожденіе этихъ частицъ, называемыхъ шариками крови, ихъ составъ и назначеніе, доселѣ мало извѣстны. Вотъ въ немногихъ словахъ содержаніе мемуара г. Доне:

Въ крови существуютъ три рода частицъ: 1) шарики красные или кровяные собственно-такъ-называемые; 2) бѣ-

Digitized by Google

лые шарики, которые открыты лишь въ недавнее время; 3) шарики желудочнаго сока, непрестанно производимые пищевареніемъ и уходящіе въ кровь. Красные шарики плоски во всѣхъ родахъ крови; они круглы въ крови человѣка и млекопитающихъ, и овальны въ крови птицъ, рыбъ и пресмыкающихся. Эти шарики состоятъ изъ пузырька, заключающаго въ себѣ вещество твердое, когда они овальны, и вещество жидкое, когда круглы. Бѣлые шарики безцвѣтны, сферообразны; они имѣютъ видъ зернистый, существуютъ въ крови всѣхъ животныхъ, и можно видѣть, какъ они кружатся съ кровью внутри сосудовъ; число ихъ гораздо-значительнѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ, хотя оно меньше числа красныхъ шариковъ. Шарики желудочнаго сока суть очень-мелкія зерна, имѣющія не болѣе $^1/_{500}$ миллиметра въ діаметрѣ; они суть произведеніе желудочнаго сока, непрестанно посылаемое въ органы кровообращенія. Эти шарики соединяются по три или по четыре, и покрываются слоемъ клейкаго вещества, кружась въ крови; такимъ образомъ изъ нихъ выходятъ бѣлые шарики. Бѣлые же шарики, только-что образовавшись, измѣняются мало-по-малу въ своей формѣ, сплющиваются, окрашиваются, и превращаются постепенно въ совершенные кровяные шарики. Эти послѣдніе сами имѣютъ лишь временное существованіе; черезъ нѣсколько времени они растворяются въ крови и составляютъ такимъ образомъ собственно-такъ-называемую кровяную жидкость, которая есть питающее начало организма.

Нѣкоторыя вещества имѣютъ способность превращаться въ кровяные шарики чрезъ прямое смѣшеніе съ кровью. Молоко, которое, по своему органическому составу, по состоянію главныхъ своихъ составныхъ частей и по своимъ физіономическимъ свойствамъ, имѣетъ большое сходство съ кровью, особенно доказываетъ дѣйствительность этого превращенія.

Если ввесть въ извѣстномъ количествѣ молоко въ вены (жилы) животнаго, то съ нимъ не будетъ никакого припадка, и свойство шариковъ этой жидкости позволитъ слѣдить за ними и отличать ихъ вездѣ. Но наблюденіе доказываетъ, что молочные шарики, будучи вприснуты въ сосуды животныхъ, превращаются прямо въ кровяные шарики силою того же механизма, который обращаетъ шарики желудочнаго сока въ бѣлые шарики, и эти послѣдніе въ красные.

Такое превращеніе совершается, кажется, преимущественно въ селезенкѣ; по-крайней-мѣрѣ въ этомъ органѣ находятъ наибольшее число бѣлыхъ шариковъ, во всѣхъ степеняхъ ихъ образованія.

Результатъ опытовъ надъ питаніемъ молодыхъ животныхъ согласенъ съ органическимъ составомъ молока и съ его физіологическими свойствами, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Молодыя животныя изъ класса млекопитающихъ, которыхъ слишкомъ-рано начинаютъ питать другими веществами, а не молокомъ, растутъ и развиваются гораздо-хуже, нежели тѣ, которымъ даютъ въ пищу молоко; и вредное вліяніе питанія, неприспособленнаго къ возрасту молодыхъ животныхъ, можетъ простираться до того, что форма и видъ шариковъ ихъ крови ощутительно измѣнятся.

— Важнѣйшій предметъ, занимавшій Академію въ засѣданіи 21-го марта, былъ отчетъ г. Плюза о мемуарѣ г. Леруа д'Этіоля касательно химическаго леченія отъ камешковъ, образующихся иногда въ мочевомъ пузырѣ. Много сдѣлано было покушеній растворить химическими средствами эти камни; попытки были возобновляемы въ разныя времена, оставлялись и снова начинаемы, по мѣрѣ того, какъ открытія химіи и точнѣйшее изслѣдованіе свойства камешковъ мочеваго пузыря подавали надежду найдти какое-нибудь вещество, способное растворить ихъ, не повреждая самого органа, который заключаетъ ихъ внутри тебя. Но

Digitized by Google

самомъ-дѣлѣ, это было бы торжество искусства и медицины, и камнетреніе, составляющее драгоцѣнное открытіе новѣйшей хирургіи, было бы побѣждено химическою операціею, подобно тому, какъ оно само нѣкогда уронило камнеразсѣченіе.

Много разъ думали, что уже достигнута эта цѣль, или, по-крайней-мѣрѣ, если вѣрить объявленіямъ многихъ изобрѣтателей и успѣхамъ, которые они провозглашали, то вопросъ долженъ былъ давно рѣшенъ; къ несчастію, наши знія съ пресловутаго стефенсова лекарства, купленнаго, тому назадъ около ста лѣтъ, англійскимъ парламентомъ за 100,000 франковъ, и которое было не что иное, какъ пережженая яичная скорлупа, до двууглекислой соды и до вишиской воды, потребляемыхъ и прославляемыхъ въ наше время, нѣтъ ни одного средства, которое бы оправдывало свою репутацію и выдержало испытаніе актовъ; даже, кажется, доказано, что которыя изъ этихъ веществъ успѣли произвесть камешки у лицъ, которыя ихъ прежде не имѣли.

Надобно было снова взяться за этотъ предметъ, изслѣдовать его въ совершенствѣ, разобрать факты, и отдать себѣ точный отчетъ въ степени дѣйствительности средствъ и пособій, которыя еще ослѣпляютъ иногда публику. Это самое сдѣлалъ г. Леруа Этіоль въ мемуарѣ, представленномъ парижской Академіи, тому два года, отданномъ на разсмотрѣніе г. Плюве. И такъ, медицинская и химическая стороны вопроса долженствовали быть тщательно разсмотрѣны, и надобно надѣяться, что очень-положительныя заключенія, до которыхъ дошли медикъ и химикъ, послужатъ основаніемъ и укажутъ направленіе изысканіямъ, которыхъ не должно оставлять по причинѣ маловажности успѣха, полученнаго ими доселѣ, но изъ которыхъ также не должно спѣшить выводить заключенія, могущія покоивать больныхъ ложною надеждою и заставлять ихъ терять драгоцѣнное время, тогда какъ ихъ болѣзнь усиливается и становится менѣе доступною для единственныхъ положительныхъ средствъ, состоящихъ пока въ распоряженіи науки.

Чтобъ понять начало химическаго леченія отъ камешковъ, должно знать, что въ мочевомъ пузырѣ образуются камешки разныхъ свойствъ, растворимые въ цѣтныхъ химическихъ жидкостяхъ и особенно въ кислотахъ и щелочахъ. И такъ, теоретически, понятно, что, давая больнымъ принимать эти жидкости, и вводя такимъ образомъ въ мочевой пузырь вещества, могущія растворить находящіеся тамъ камешки, можно излечить одну изъ самыхъ жестокихъ болѣзней, поражающихъ человѣка, не прибѣгая къ кровавымъ операціямъ хирургіи или къ механическому способу камнетренія. Растворяющія вещества могутъ быть введены чрезъ пищеварительный каналъ, откуда, по смѣшеніи съ кровью, они переходятъ въ мочевой пузырь, или вносятся прямо въ самый пузырь.

Очевидно, что для леченія этимъ способомъ требуется предварительное знаніе свойства камешка, потому-что извѣстныя вещества, могущія растворить такіе-то роды камешковъ, не имѣютъ дѣйствія на другіе. До открытія камнетренія, искали указаній для леченія отъ камешковъ въ составѣ урины; но съ того времени, какъ нашли возможность схватить самые образчики камешка механическимъ способомъ, начали думать, что можно соединить леченіе химическое съ камнетреніемъ, приступая къ растворенію камешковъ не прежде, какъ узнавши ихъ составъ по образчикамъ, извлеченнымъ заранѣе. Правда, химическое леченіе въ этой методѣ теряетъ почти всю свою важность, потому-что какъ-скоро операція камнетренія начата, и камешекъ схваченъ, то гораздо-проще истереть его тотчасъ и окончить такимъ-образомъ леченіе.

Кромѣ трудности, происходящей отъ незнанія, какого рода камешекъ,

Digitized by Google

съ которымъ надобно имѣть дѣло, есть еще другая, зависящая отъ разнороднаго состава различныхъ слоевъ камешка. Въ-самомъ-дѣлѣ, множество химическихъ анализовъ доказываютъ, что одинъ и тотъ же камешекъ часто бываетъ составленъ изъ различныхъ веществъ, такъ-что ядро его не того же свойства, какъ внѣшніе слои, и эти послѣдніе перемѣняются до пяти или шести разъ въ своемъ составѣ.

Это еще не все. Степень твердости камешковъ мочеваго пузыря измѣняется столько же, какъ и ихъ химическій составъ; одни изъ нихъ мягки и ломки, другіе, напротивъ, тверды какъ кремень. Отъ-того случается, что растворяющія вещества имѣютъ гораздо менѣе дѣйствія на послѣдніе, нежели на первые, и что ихъ сила должна быть соразмѣрена съ твердостію камешка. Еще послѣ этого остается особенное вещество, связывающее частицы камешка какъ цементъ; этотъ цементъ есть не что иное, какъ слизь, отдѣленная мочевымъ пузыремъ, и она играетъ важную роль въ образованіи камешковъ.

За этими трудностями, зависящими отъ обстоятельствъ, которыя нелегко опредѣлить, слѣдуютъ другія, происходящія отъ употребленія химическихъ веществъ, могущихъ дѣйствовать на камешки. Если вводить эти вещества въ мочевой пузырь чрезъ пищеварительный каналъ, то надобно, чтобъ этотъ послѣдній органъ могъ принять ихъ не терпя ничего самъ; сверхъ-того, не всѣ вещества, введенныя этимъ путемъ, доходятъ одинаково-хорошо въ мочевой пузырь; щелочи доходятъ туда съ большею легкостію, но доселѣ нельзя было достигнуть такого же успѣха съ кислотами; часто бываетъ достаточно одной бутылки вишиской воды, чтобъ сдѣлать урину щелочною, хотя въ обыкновенномъ своемъ состояніи она кисла; но обратно не бываетъ, и продолженное употребленіе кислыхъ напитковъ не усиливаетъ, кажется, степени кислоты урины. Итакъ, остается прямой и непосредственный путь для химическаго леченія, чтобъ привести растворяющія вещества въ соприкосновеніе съ камешкомъ; но легко понять всѣ невыгоды и всю утомительность этого способа для органа, подвергаемаго такимъ образомъ орошенію раздражающихъ жидкостей, которыя онъ не создавъ переносить. Правда, нѣкоторые больные могутъ быть нечувствительны къ дѣйствію этихъ жидкостей; но другіе будутъ принуждены отказаться отъ химическаго способа леченія.

Таковы главныя трудности, встрѣчаемыя въ химическомъ леченіи камешковъ мочеваго пузыря. Но изъ мемуара г. Леруа д'Этіоля и изъ изысканій докладчика, г. Плюза, который подтвердилъ всѣ его выводы, слѣдуетъ нѣчто еще болѣе затруднительное,—именно, химическія вещества, которымъ приписана способность растворять камешки, вовсе неспособны производить это дѣйствіе такъ, чтобъ они были истинно полезны для больныхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, будете ли вы дѣлать опыты въ лабораторіи и подвергать камешки растворяющему дѣйствію щелочей, углекислыхъ щелочей, кислотъ достаточно-разведенныхъ, или подставите ихъ подъ теченіе вишиской воды въ самыхъ источникахъ, или, наконецъ, будете наблюдать то, что происходитъ съ больными, которыхъ пользуютъ впрыскиваніями, приспособленными къ свойству ихъ камешковъ,—вы получите результаты совершенно незначительные, и камешки ничуть не будутъ разрушены. Безъ сомнѣнія, жидкость всегда уноситъ извѣстную часть ихъ вещества, и особенно она размягчаетъ слизь, которая служитъ цементомъ слѣпившимся частямъ; но растореніе дѣлается въ такой малой пропорціи даже послѣ многихъ мѣсяцевъ соприкосновенія съ жидкостію или мытія ею, то-есть, послѣ употребленія двухъ или трехъ сотъ литровъ разводящей жидкости, влитой въ мочевой пузырь больнаго, что нѣтъ никакой выгоды въ этомъ продолжительномъ и трудномъ пользованіи.

Даже это пользованіе не всегда без-

Digitized by Google

вредно. Гг. Леруа д'Этіоль и Плюзъ приводятъ случаи, въ которыхъ употребленіе щелочныхъ водъ произвело осадокъ солей нерастворимыхъ въ мочевомъ пузырѣ, что привело наконецъ образованіе камешковъ, которые потомъ надлежало разбить механическими способами камнетренія. Такъ, подъ вліяніемъ двууглекислой соды и вишиской воды, фосфорнокислая известь, естественно находящаяся и растворенная въ уринѣ, можетъ превратиться въ твердую фосфорнокислую аммоніакомагнезію; и даже замѣчено, что отъ употребленія щелочныхъ напитковъ уринная кислота образуется въ изобилія. Изъ примѣчательныхъ случаевъ этого рода, въ точности которыхъ г. Плюзъ увѣрился на многихъ больныхъ, мы приведемъ лишь слѣдующій: Одинъ больной, который, помощію камнетренія, освободился отъ камешка, состоявшаго изъ одной только уринной кислоты, возъимѣлъ несчастную мысль поѣхать, по совѣтамъ нѣкоторыхъ своихъ друзей, для окончательнаго излеченія въ Вишы; менѣе нежели черезъ двѣ недѣли послѣ употребленія тамошней воды, у него образовался новый камешекъ изъ фосфорнокислой аммоніакомагнезіи, извлеченіе котораго было потомъ гораздо-менѣе удачно, нежели первое. Итакъ, въ болѣзняхъ этого рода не иначе должно прибѣгать къ употребленію минеральныхъ водъ, какъ съ большою осмотрительностію, хотя, впрочемъ, эти воды могутъ быть чрезвычайно-полезны во многихъ другихъ обстоятельствахъ.

Не значитъ ли это, чтобъ должно было отказаться отъ надежды дойдти нѣкогда до возможности растворить химически камешки мочеваго пузыря? Конечно, нѣтъ, и не таково мнѣніе самого г. Плюза, внимательно слѣдившаго въ-продолженіи двухъ лѣтъ за больными, которыхъ г. Леруа д'Этіоль представилъ его наблюденію, и изучившаго химическую часть вопроса со всѣмъ своимъ талантомъ и ученостью. Но хорошо было знать наконецъ самымъ положительнымъ образомъ, что должно думать о силѣ предложенныхъ доселѣ средствъ, и донесеніе г. Плюза весьма-опредѣленно показываетъ настоящее состояніе науки въ этомъ отношеніи. Ученый трудъ этотъ есть истинная услуга, оказанная медицинѣ и человѣчеству, и эта услуга равно принадлежитъ какъ докладчику, такъ и искусному изобрѣтателю инструментовъ камнетренія.

Можно было бы желать, чтобъ, показавъ съ такою основательностію недостаточность химическаго пользованія страждущихъ камешками въ мочевомъ пузырѣ, авторъ мемуара и докладчикъ обратили свое вниманіе на одинъ пунктъ вопроса, очень темный, забываемый въ подобныхъ изысканіяхъ, но еще болѣе важный нежели самое раствореніе камешковъ; мы разумѣемъ происхожденіе и образованіе этихъ камешковъ. Соединенныя усилія химіи и физіологіи еще не изъяснили совершенно, откуда и какъ они происходятъ; а это-то и составляетъ существенный пунктъ вопроса. Именно на происхожденіе и на способъ образованія камешковъ должно обратить преимущественно изысканія, чтобъ открыть условія, которыя благопріятствуютъ составленію ихъ, и слѣдовательно, по противоположности, условія, которыя могли бы препятствовать образованію камешковъ. Объ этомъ предметѣ не знаютъ еще ничего положительнаго, и доколѣ будутъ оставаться въ этомъ незнаніи, невозможно будетъ начертать гигіеническихъ правилъ для предостереженія себя отъ страданія камешками. Все, что говорили доселѣ о дѣйствіяхъ солей, находящихся въ излишествѣ въ уринѣ, которыя осаждаются въ мочевомъ пузырѣ и соединяются въ твердую массу при помощи слизи, недостаточно для изысканія процесса образованія камешковъ. Почему эти соли осаждаются у однихъ и не осаждаются у другихъ? и особенно, почему онѣ соединяются въ массы болѣе или менѣе крупныя у такихъ-то лицъ и остаются въ состояніи порошка и песка у другихъ? Различіе этихъ явленій зависитъ ли

Digitized by Google

единственно отъ большей или меньшей пропорціи солей въ урипѣ? Это нисколько не доказано и даже невѣроятно. Часто случается, что урина, содержащая въ изобиліи разныя соли, даетъ значительный отсѣдъ, и не производитъ ни малѣйшаго камешка. Скорѣе можно думать, что слизь, служащая цементомъ составнымъ частямъ камешковъ, играетъ большую роль въ образованіи ихъ; въ-самомъ-дѣлѣ, отсѣдъ урины не представляетъ никакой способности сцѣпленія въ своихъ частяхъ, какъ-скоро посредствомъ процѣживанія отдѣлится слизь отъ урины. Но всякая урина содержитъ въ себѣ слизь, и урина самая способная образовать камешки не та, которая заключаетъ въ себѣ наиболѣе слизи. Какая же это причина, которая въ извѣстныхъ случаяхъ даетъ слизи способность связывать частицы солей? и какое обстоятельство производитъ осадокъ и отвердѣніе первой частицы, отдѣляющейся въ мочевомъ пузырѣ? Вотъ чего вовсе не знаютъ; и доколѣ мы останемся въ этомъ незнаніи, невозможно будетъ противопоставить препятствія этой особенной склонности органовъ у нѣкоторыхъ лицъ производить отвердѣлые куски; словомъ, дотолѣ не возможно будетъ предотвратить образованіе камешковъ. Мы видѣли, что должно думать о предохранительной дѣйствительности щелочныхъ водъ, которыя, не смотря на свое свойство растворять слизь и вещество нѣкоторыхъ камешковъ, производятъ иногда дѣйствіе прямо-противоположное тому, котораго отъ нихъ ожидаютъ. Это прекрасный предметъ изысканія для физіологической химіи, и гг. Леруа д'Этіоль и Плюзъ сдѣлаютъ очень-хорошо, если за него возьмутся. Только подобные совокупные труды ученыхъ въ состояніи рѣшить вопросы, столь важные для человѣчества.

По предложенію г. Плюза, Академія объявила свое одобреніе г. Леруа д'Этіолю за его трудъ.

— Г. Сегье читалъ благопріятное донесеніе о новой системѣ вѣтреныхъ мельницъ, которыя располагаются сами-собою по силѣ вѣтра. Это изобрѣтеніе сдѣлано г. Дюраномъ.

— Г. Гюаръ читалъ мемуаръ о снарядѣ, посредствомъ котораго можно узнать составъ газовъ въ рудникахъ, и предотвращать несчастія, тамъ иногда случающіяся. Авторъ даетъ своему снаряду названіе *саноскопа*.

— Г. Кинѐ напомнилъ Академіи объ образчикахъ предохранительной бумаги, которые онъ представилъ ей прежде, и которые желаетъ подвергнуть суду коммиссіи. Г. Дюма сообщаетъ нѣкоторыя подробности о составѣ этой бумаги, и полагаетъ, что она можетъ быть отослана только на разсмотрѣніе академической коммиссіи, а административная коммиссія въ настоящее время должна лишь объявить свое рѣшеніе противъ трехъ способовъ, предложенныхъ тремя конкуррентами, допущенными къ конкурсу. Одинъ изъ этихъ способовъ принадлежитъ гг. Кесту и Зюберу, соединившимъ, какъ замѣчено выше, свои труды; другой г. де-Бёржу, и этотъ послѣдній способъ состоитъ во внутренней сглаживаемой виньеткѣ, содержимой между двумя листами очень тонкими и составляющими по окончаніи обработки одинъ листъ. Вздумали-было упрекать этотъ замысловатый способъ въ томъ, что онъ позволяетъ раздвоять листы; но г. Арагò утверждаетъ, что это раздвоеніе невозможно послѣ новаго усовершенствованія, которое г. де-Бёржъ сдѣлалъ въ приготовленіи своей бумаги.

— Г. Шоссá представилъ мемуаръ объ образованіи и развитіи костей, которыя онъ изучалъ не при помощи крашенія мареною, какъ это дѣлали до него, а подвергая животныхъ изнеможенію отъ голода, и особенно лишая ихъ углекислой извести, въ которой они имѣютъ нужду для поддержанія нормальнаго состава своего остова. Авторъ увѣрился, что голуби, питаемые зернами, отобранными одно по одному и совершенно очищенными отъ всѣхъ каменистыхъ частицъ, ко-

Digitized by Google

торыя были съ ними смѣшаны, скоро испытываютъ глубокое измѣненіе въ своихъ костяхъ въ-слѣдствіе поглощенія известковой ихъ части. Изъ этого явленія г. Шосса заключаетъ, что кости животныхъ дѣйствительно испытываютъ безпрерывное возобновленіе своего вещества.

— Г. Шарьеръ представилъ Академіи разные хирургическіе инструменты, какъ-то: бистуреи, ланцеты, ножницы, и пр., совершенно вызолоченные гальваническимъ способомъ г. Рюольза. Это очень-удачное приложеніе новаго рода искусства, которое предохранитъ инструменты отъ порчи и отъ ржавчины.

IV.

Парижская Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ.

По поводу одного сообщенія, сдѣланнаго Академіи г-мъ Блонде въ одномъ изъ предъидущихъ ея засѣданій, г. Ноде, основываясь на историческихъ документахъ, старался опредѣлить различіе, которое существовало у Римлянъ между властію отеческою и властію мужнею, между matrona и materfamilias, между justae nuptiae и legitimae nuptiae, между этими двумя актами гражданской жизни, которые, по видимому, такъ мало различны, но между-тѣмъ столь противоположны въ своихъ результатахъ. Вооруженный своею обширною ученостію, и опираясь попеременно на философовъ, на историковъ и на поэтовъ, г. Ноде постановилъ многія различія, которыя его рѣчь сдѣлала очень занимательными. Ног. Тролонъ, начавшій говорить послѣ него, перенесъ предметъ на такую почву, гдѣ воображеніе теряло всѣ свои выгоды, гдѣ слова, будучи принуждены принять свою настоящую силу, могли выражать лишь одну мысль. Г. Тролонъ показалъ, что было супружество у Римлянъ, что они разумѣли подъ «правымъ бракомъ», и отъ-чего зависѣла его правота. Потомъ, извлекая сущность изъ всего своего изслѣдованія, онъ положилъ вопросъ въ такихъ словахъ: «Было ли у Римлянъ законное супружество, влекущее за собою отеческую власть безъ мужней власти?» Эти немногія слова, которыя могли бы служить текстомъ толстому in-8°, заключаютъ въ себѣ важную задачу юридическую, историческую и даже политическую. Чтобъ рѣшить ее, г. Тролонъ хотѣлъ разобрать законодательство во всѣ эпохи, начиная съ императоровъ до установленія закона двѣнадцати таблицъ; онъ уже началъ этотъ ученый разборъ, какъ президентъ Академіи объявилъ, что собраніе сейчасъ обратится въ секретный комитетъ. Это увѣдомленіе положило конецъ изслѣдованію въ ту самую минуту, какъ одно замѣчаніе г. Блонде и нѣкоторыя слова г. Дюпена, долженствовали сдѣлать его еще болѣе-занимательнымъ.

— Г. Бартелеми Сент-Илеръ продолжалъ, чрезъ нѣсколько времени, свое чтеніе, начатое въ прошломъ засѣданіи, о разныхъ родахъ доказательствъ. Онъ отдаетъ предпочтеніе всеобщему доказательству передъ частнымъ, и отрицательному передъ утвердительнымъ. Потомъ, авторъ перешелъ къ разнымъ родамъ наукъ, къ классификаціи ихъ, къ тожеству, существующему между многими изъ нихъ, и къ различенію, которое должно быть сдѣлано между наукою и мнѣніями. Излагая общую теорію Аристотеля, составляющую предметъ его аналитики, г. Бартелеми Сент-Илеръ представилъ съ ясностію ученіе греческаго философа.

—Г. Бланки продолжалъ сообщеніе своихъ извѣстій о состояніи народовъ, населяющихъ Европейскую Турцію. Въ нынѣшній разъ, онъ говорилъ о турецкой администраціи съ большими подробностями. Эти подробности, хотя большею частію извѣстныя, имѣютъ печать оригинальности и откровенности, которыя сообщаютъ имъ часть интереса, возбуждаемаго новостію. Всѣ знаютъ, на-примѣръ, что совершен-

Digitized by Google

ное равенство господствуетъ между мусульманами, которые сберегаютъ для однихъ себя монополію должностныхъ мѣстъ; что ихъ администрація отличается замѣчательною пустотою и не имѣетъ этой многосложности, которая во Франціи бываетъ иногда камнемъ преткновенія для нѣкоторыхъ людей, неимѣющихъ другихъ достоинствъ, кромѣ честности, и не всегда обезопасиваетъ противъ тѣхъ, которые прежде всего ловки. Множество другихъ путешественниковъ, прежде г. Бланки, писали, что только въ Турціи можно искать министерской отвѣтственности, хотя она не значится тамъ ни въ какой хартіи, и хотя эта отвѣтственность кажется въ Турціи тѣмъ болѣе не умѣстна, что все тамъ продается и покупается. Однако, какъ ни извѣстны эти подробности, онѣ усѣяны такими фактами, еще неописанными, касательно отношеній между христіанами и Турками, касательно положенія принятаго на Востокѣ этою частію народонаселенія, которая находится въ рабствѣ съ давнихъ временъ, и которая скоро, можетъ-быть, будетъ свободною, особенно касательно муниципальнаго устройства, составляющаго истинную силу этого народонаселенія,—что нельзя не считать труда г. Бланки имѣющимъ высокое значеніе и особенно практическую пользу. Не менѣе важно то, что̀ сказалъ г. Бланки о юстиціи, о публичныхъ заведеніяхъ и въ-особенности о тюрьмахъ въ Турціи.

—Въ засѣданіи 12-го января, г. Люка̀ читалъ свои наблюденія о фактахъ и о перемѣнахъ, происшедшихъ въ системѣ тюремнаго наказанія во Франціи.

Извѣстно, что двѣ системы раздѣляютъ людей, занимающихся реформою тюремъ. Первая состоитъ въ томъ, чтобъ заключенные были отдѣлены одинъ отъ другаго въ-продолженіе ночи и работали вмѣстѣ въ-продолженіе дня; вторая, въ томъ, чтобъ каждый изъ нихъ оставался въ совершенномъ уединеніи. Серьёзныя мѣры французскаго правительства по этой части начали быть принимаемы съ 10-го мая 1839 года. Г. Люка̀, который по своему оффиціальному положенію имѣетъ сильный авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, исчислилъ улучшенія, которыми обязаны во Франціи принятой тамъ системѣ совершеннаго молчанія и общей работы. Нигдѣ, сказалъ онъ, ни въ Англіи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ, нельзя найдти женской половины, могущей сравниться съ тою, которая находится въ Фонтевро или въ Монпелье. Мужская половина, хотя менѣе удовлетворительна, однако она значительно улучшилась отъ нравственнаго вліянія тюремныхъ священниковъ, убѣдившаго заключенныхъ въ необходимости общей работы. Эта охота къ работѣ позволяетъ многимъ изъ нихъ посылать пособія своимъ семействамъ и поправлять отчасти то зло, которое они навели обществу. Съ другой стороны, наблюденіе молчанія повлекло за собою чтеніе нравственныхъ книгъ, которыя, безъ малѣйшаго усилія, удвоили важность и власть тюремныхъ священниковъ.

Передъ такими фактами должно согласиться съ г. Люка̀, что для достиженія всего возможнаго совершенства въ реформѣ тюремъ, достаточно, можетъ-быть, было бы замѣнить стражей *сестрами* или *братьями христіанскаго ученія*, и составить себѣ такимъ образомъ хорошихъ второстепенныхъ содѣйствователей. Еслибъ люди слишкомъ-предубѣжденные, противопоставили этой мѣрѣ возраженія противъ духа корпорацій (сословій съ особою организаціею), то можно было бы отвѣчать имъ, что, дѣйствительно, какъ ни опасны эти сословія въ гражданскомъ порядкѣ, должно однакожь молчать передъ опытомъ и признать, видя плоды, полученные съ 1840 года, что реформа тюремъ можетъ совершиться только силою религіи. Въ другихъ государствахъ, гдѣ только введена была тюремная реформа, она была чисто-матеріальная, говоритъ г. Люка̀, и отъ-того не получила тамъ никакихъ результатовъ; во Франціи,

Digitized by Google

приняли реформу нравственную, и результаты были чрезвычайные. Слѣдовательно, присовокупляетъ г. Люкá, во Франціи дельза и не должно перемѣнять систему.

Женевская тюрьма, въ которой заключенные заняты общею работою, и нѣкоторые опыты, сдѣланные уже во многихъ кантонахъ Швейцаріи, доставили г-ну Люкá доказательства въ пользу французской системы.

Филадельфійская тюрьма, которая есть полнѣйшее выраженіе пенсильванской системы, то-есть совершеннаго уединенія заключенныхъ, еще лучше выказываетъ выгоды французской системы. Г. Люкá доказываетъ цифрами, что въ Филадельфіи произведенія работы заключенныхъ уменьшались по мѣрѣ того, какъ во Франціи они увеличивались, и что смертные случаи и сумасшествія были гораздо-обыкновеннѣе въ первой, нежели въ послѣдней.

Опытъ, который дѣлается во Франціи года съ два, не смотря на свои удовлетворительные результаты, не долженъ быть неблагоразумно подвергаемъ новымъ измѣненіямъ. Хотѣть, наприм., взять изъ пенсильванской системы то, что она заключаетъ въ себѣ хорошаго, и замѣнить то, что въ ней есть дурнаго, обществомъ честнымъ, нарочно составленнымъ для заключенныхъ,— это не болѣе, какъ мечта. Въ-самомъ-дѣлѣ, надобно знать членовъ человѣколюбивыхъ конторъ, или дамъ-покровительницъ только по гостинымъ, чтобъ не быть убѣжденну въ недѣйствительности этихъ коммиссій, которыя очень можно составить на бумагѣ, но еще доселѣ нельзя собрать на дѣлѣ.

Приверженцы системы, которою думаютъ замѣнить систему, находящуюся теперь въ дѣйствіи во Франціи, приводятъ въ примѣръ Рокетскій Домъ Молодыхъ Заключенниковъ и Общество Покровительства Освобожденныхъ Преступниковъ Сенскаго Департамента. Но, не говоря о томъ, что результаты, полученные въ этихъ двухъ заведеніяхъ, еще не рѣшительны, успѣхъ въ нихъ не болѣе, какъ въ пропорціи 100 къ 2000.

Къ этимъ соображеніямъ, совершенно практическимъ, г. Люкá присоединилъ другія, взятыя изъ круга болѣе высокаго. По его мнѣнію, раздѣленіе наказаній на степени, которое иные желали бы ввести въ новую систему тюремной реформы, имѣло бы послѣдствіемъ разрушеніе французскаго законодательства и правъ, пріобрѣтенныхъ въ новыя времена, не представляя другаго вознагражденія, кромѣ затрудненій временной системы.

Г. Токвиль, отвѣчая на слова г. Люкá, сказалъ, что трудъ его почтеннаго сотоварища имѣетъ цѣлью—критиковать донесеніе, которое ему, г. Токвилю, поручено было сдѣлать Палатѣ Депутатовъ по случаю проекта закона о тюрьмахъ; что побужденія приличія заставляютъ его молчать до времени, и что покамѣстъ онъ лишь утверждаетъ возможность опровергнуть или изъяснить всѣ факты, выставленные на видъ г-мъ Люкá.

Г. Люкá, защищая приведенные имъ факты, отвѣчалъ, что г. Токвиль невѣрно понялъ его намѣренія; г. Люкá хотѣлъ только подтвердить этотъ фактъ, важный въ его глазахъ, что, видя результаты, полученные въ тюремномъ заведеніи Филадельфіи, замѣнили пенсильванскую систему другою, которая имѣетъ всѣ ея невыгоды.

За тѣмъ возникло преніе между г. Кузеномъ и г. Бланки о времени, въ которое г. Люкá долженъ былъ сдѣлать Академіи свое сообщеніе. Г. Кузенъ, между-прочимъ, сказалъ, что Академіи говорятъ не публикѣ, а академики говорятъ другъ-съ-другомъ. Этотъ разговоръ былъ заключенъ г-мъ Дюпеномъ, который утверждалъ, что полезно было бы, чтобъ ученыя общества разсуждали о системахъ и о великихъ вопросахъ, которые въ-послѣдствіи должны быть рѣшены окончательно законодательною властію, лишь бы только эти общества соблюдали приличія, которыя запрещаютъ имъ

Digitized by Google

всякій намекъ на то, что могло быть сказано внѣ ихъ заведеній. Въ частности, Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ имѣетъ ту же цѣль въ-отношеніи къ общественной наукѣ, какую Французская Академія въ-отношеніи къ литературѣ; она не болѣе можетъ дѣлать секретъ изъ своихъ изслѣдованій, какъ Французская Академія молчать объ именахъ авторовъ, которыхъ сочиненія она увѣнчиваетъ съ давняго времени, или скрывать отъ авторовъ свои грамматическія рѣшенія, которыя она помѣщаетъ въ своемъ лексиконѣ.

V.

Парижское Общество Поощренія.

Въ засѣданіи 15-го декабря 1841 года, г. Оливьé представилъ, отъ имени комитета механическихъ искусствъ, благопріятное донесеніе о новой машинѣ для рисованія плановъ, представляющей разныя выгоды; можно, помощію ея, узнать съ приблизительною точностію протяженіе поверхности земель, раздѣлить поверхность въ данныхъ отношеніяхъ, и пр. Эта машина будетъ нарисована въ бюллетенѣ.

—Г. Пайенъ читалъ донесеніе о способахъ, употребляемыхъ г. Прешé для предохраненія построекъ отъ дѣйствія сырости. Общество Поощренія уже подвергло испытанію одинъ изъ этихъ способовъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобъ напитать ископаемою смолою кирпичъ, употребляемый для постройки, который для этого долженъ быть болѣе или менѣе скважистъ и притомъ предварительно нагрѣтъ. Стоитъ только погрузить кирпичъ, слегка нагрѣтый, въ котелъ, до половины наполненный смолою, происходящею отъ каменнаго угля, которая есть вещество весьма дешевое. Тысяча кирпичей, совершенно напитанныхъ этою смолою, поглощаетъ 21 пудъ смолы, полагая на убыль, на испаренія и на случайныя потери по большой мѣрѣ 3 пуда, все количество смолы будетъ 24 пуда; это составитъ, по самой высокой цѣнѣ, издержку 28 рублей; тысяча кирпичей стоитъ 28 руб.; на издержки отопленія и работы надобно положить 6 р.; слѣдовательно, тысяча кирпичей, напитанныхъ угольною смолою, будетъ стоять 62 р.

Кирпичъ, напитанный такимъ образомъ, имѣетъ большую твердость; онъ лучше противится удару и давленію, почти не промокаетъ и можетъ сдѣлаться вовсе недоступнымъ для внѣшней сырости, если его выкласть камнемъ, тщательно сплоченнымъ и связаннымъ смоляною мастикою

Въ-заключеніе своего донесенія, г. Пайенъ говоритъ, что изъ всѣхъ способовъ, предложенныхъ доселѣ для предотвращенія сырости въ домахъ, ни одинъ такъ не дешевъ и не надеженъ, какъ способъ г. Прешé. Докладчикъ предлагалъ Обществу наградить изобрѣтателя медалью.

— Общество Поощренія назначило слѣдующія преміи на 1842 годъ: 1) за построеніе насоса, доставляющаго воду въ котлы паровыхъ машинъ, 1500 фр.; 2) за открытіе предохранительныхъ средствъ противъ взрывовъ паровыхъ машинъ и испарительныхъ котловъ, двѣ преміи, въ 12,000 фр. каждая; 3) за усовершенствованіе обугливанія дерева, первая премія 3000 фр., вторая 1500 фр.; 4) за усовершенствованіе выдѣлки высокаго и твердаго фаянса и чистаго фарфора, четыре преміи, составляющія вмѣстѣ 13,000 фр.; 5) за усовершенствованіе производства сахара и декстрины, 3000 фр.; 6) за анализъ свекловицы въ разныя времена ея созрѣванія, 3000 фр.; 7) за изобрѣтеніе средствъ предотвратить, или остановливать дѣйствія сырости въ постройкахъ, четыре преміи, составляющія вмѣстѣ 4500 фр.; 8) за разведеніе пивоковъ, двѣ премія, составляющія вмѣстѣ 4000 фр.; 9) за введеніе во Францію и за воздѣлываніе растеній, полезныхъ для земледѣлія и для промышленности, первая премія 2000 фр., вторая 1000 фр.; 10) за мемуаръ о соединеніи нѣмецкихъ тамо-

Digitized by Google

жень, 2000 фр.; 11) за самое полезное для усовершенствованія французской промышленности открытіе, 12,000 фр.

Эти преміи будутъ раздаваться во второй половинѣ 1842 года.

*

Шпильбергъ.—Французское правительство, въ исходѣ 1838 года, поручило Французу, г. Ремаклю, обозрѣть тюрьмы въ Германіи. Послѣдствія этого обозрѣнія г. Ремакль собралъ въ отчетѣ, представленномъ министру внутреннихъ дѣлъ и напечатанномъ въ 1839 году на иждивеніи правительства. Сверхъ-того, Ремакль обозрѣвалъ внутреннее устройство знаменитой австрійской государственной тюрьмы на Шпильбергѣ, въ Моравіи, и сообщилъ свои наблюденія ученому обществу въ Нимѣ, къ которому онъ принадлежитъ въ качествѣ члена; общество напечатало ихъ въ послѣднемъ томѣ своихъ записокъ: «Mémoires de l'Académie royale du Gard» (Нимъ 1840). Вѣроятно, никто не сталъ бы искать въ нихъ этой статьи, и потому мы сообщимъ нашимъ читателямъ любопытнѣйшее изъ нея.

Шпильбергъ стоитъ близъ города Брюнна въ Моравіи и имѣетъ въ вышину 259 метровъ 87 сантиметровъ. На вершинѣ его построена крѣпость, считавшаяся прежде недоступною, но славшаяся въ 1809 году французскому корпусу, осаждавшему ее. Въ этой ужасной крѣпости, въ прошломъ столѣтіи, былъ заключенъ знаменитый предводитель Пандуровъ, баронъ Трекъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, та же тюрьма еще болѣе прославилась страданіями Сильвіо Пеллико, Марончелли, Оробони и Милли. Наружныя укрѣпленія исчезли по-большей-части, но стѣны стоятъ еще. Всходя на Шпильбергъ со стороны города, шагахъ въ полутораста передъ первыми воротами, встрѣчаете караульный домъ, доставляющій часовыхъ для окружности горы. Первое укрѣпленіе состоитъ изъ палисадника, устроеннаго на фундаментѣ старой стѣны. Подлѣ воротъ, открытыхъ днемъ, находится второй военный постъ. Оттуда дорога заворачиваетъ влѣво и по довольно-крутой отлогости ведетъ къ лѣстницѣ изъ 30—40 ступеней, устроенной въ стѣнѣ древней башни. На верху и внизу лѣстницы находятся ворота. Взошедъ на верхъ, на право опять встрѣчаете караульню и недалеко оттуда отдѣльно-стоящій домъ, въ которомъ живетъ директоръ; противъ входа—тюрьма. Авторъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей, сопровождавшимъ его, и молодымъ человѣкомъ, служившимъ при французскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, вошелъ въ отпертыя для него ворота; кромѣ маршала Мармона и герцога Рагузскаго, кажется, ни одинъ Французъ не посѣщалъ еще этой тюрьмы. Къ-несчастію, въ ней томилось много Французовъ въ заключеніи. Трехъ путешественниковъ провели къ директору, г. Байеру, котораго авторъ описываетъ какъ «человѣка преклонныхъ лѣтъ, высокаго, сухощаваго, и «котораго строгій видъ какъ-нельзя-«лучше соотвѣтствуетъ возложеннымъ «на него обязанностямъ.» Этотъ строгій стражъ заключенныхъ не могъ скрыть нѣкотораго удивленія на счетъ позволенія Французу обозрѣвать тюрьму. Но Вѣнская Придворная Канцелярія приказала, губернаторъ провинціи подтвердилъ предписаніе — и Байеръ поклонился, приказавъ все показать посѣтителямъ. Заключеніе на Шпильбергѣ—послѣдняя степень лишенія свободы; въ этомъ отношеніи, оно похоже на тюрьмы каторжниковъ (bagnes) во Франціи. Сюда приводятъ всѣхъ преступниковъ изъ Эрцгерцогства Австрійскаго, Моравіи и Богеміи, присужденныхъ къ болѣе нежели десятилѣтнему заключенію въ цѣпяхъ. Въ концѣ 1838 года, когда г. Ремакль посѣтилъ тюрьму, въ ней было 315 преступниковъ, и между ними 43 женщины. Темница состоитъ изъ шести отдѣленій, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ двухъ дворовъ не-

Digitized by Google

одинакой величины. Одна изъ этихъ частей—сѣверная, была пуста, что авторъ приписываетъ обнародованному въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ манифесту. Тѣ квартиры, которыя онъ осматривалъ, состояли каждая изъ десяти темницъ, выходящихъ на одинъ корридоръ; девять изъ нихъ могутъ содержать въ себѣ по пяти преступниковъ, а десятая пятнадцать, такъ что въ каждой квартирѣ можетъ помѣститься 60 человѣкъ. Прочія части ея суть больница, мастерскія и кладовыя. Посреди большаго двора стоитъ столбъ съ изображеніемъ Троицы; на маленькомъ дворѣ замѣтилъ г. Ремакль колесо, приводимое въ движеніе хожденіемъ, на которомъ шесть заключенныхъ должны работать четверть часа, чтобъ вытащить ведро съ водою изъ колодца, глубиною въ 136 метровъ. Сѣверная терраса назначена для женщинъ и закрыта валомъ; другая болѣе высокая терраса простирается по западной и южной сторонѣ; оттуда представляется прекрасный видъ. Часовня не велика, но украшена пышно, какъ всѣ католическія церкви въ Австріи.

Путешественники не безъ содроганія вступили въ кельи преступниковъ. Меньшая имѣетъ не болѣе 4 футовъ 50 дюймовъ въ ширину и 6 футовъ 50 дюймовъ въ глубину; въ такой кельѣ долженъ былъ жить Сильвіо Пеллико до соединенія его съ Марончелли. Походная кровать съ небольшимъ тюфякомъ, набитымъ соломой, и шерстяное одѣяло для каждаго заключеннаго, занимаютъ большую часть пространства. Окно начинается въ шести футахъ отъ пола, и имѣетъ отверстіе въ два фута. Всѣ тюрьмы въ продолженіе семи мѣсяцевъ въ году отапливаются. Темницы въ нижнемъ этажѣ имѣютъ ту особенность, что къ стѣнѣ прикрѣпленъ желѣзный брусъ съ цѣпью въ три фута длиною. До императорскаго повелѣнія въ февралѣ 1832 года, уничтожившаго carcer durissimus, присужденные къ нему несчастливцы по вечерамъ примыкались посредствомъ желѣзнаго пояса къ этой цѣпи, такъ что едва могли растянуться на жесткомъ ложѣ своемъ, а если такое мученіе заставляло ихъ сильно кричать, то имъ вкладывали въ ротъ «грушу», т. е. продырявленное и наполненное перцомъ пустое желѣзное ядро, еще болѣе увеличивавшее ихъ страданія. Въ 1838 году, на Шпильбергѣ находились еще двое, выдержавшіе carcer durissimus; и при томъ одинъ въ-продолженіе 18, другой 20 лѣтъ. Первый былъ силенъ и здоровъ, но второй не могъ свободно двигаться ни однимъ членомъ. Нынѣче наказаніе для всѣхъ одинаково, т. е. такъ называемый carcer durus. Съ-тѣхъ-поръ, наказаніе нѣсколько смягчено. Заключеннымъ не отказываютъ уже въ горсти соломы; имъ даютъ полуфунтомъ хлѣба болѣе; по воскресеньямъ они получаютъ немного мяса, а въ будни мучную пищу. Г. Ремакль думаетъ, что этими улучшеніями обязаны благороднымъ, но въ то же время энергическимъ жалобамъ знаменитаго Итальянца. «Отъ-чего» прибавляетъ онъ: «эти человѣколюбивыя улучшенія не «распространены на всѣ темницы имперіи? Въ большей части австрійскихъ тюремъ видѣли мы преступниковъ, умиравшихъ отъ недостатка «въ необходимѣйшей пищѣ. Мы возвышали голосъ свой въ ихъ пользу, «и блаженъ будетъ для насъ тотъ день, «когда узнаемъ, что голосу нашему вняли.»

Содержащіеся на Шпильбергѣ должны вставать лѣтомъ въ половинѣ пятаго, зимой въ шесть часовъ. Послѣ молитвы, приступаютъ къ осмотру цѣпей и потомъ преступниковъ ведутъ въ мастерскія, гдѣ еще разъ осматриваютъ ихъ. На день дается каждому $1\frac{1}{2}$ фунта хлѣба. Въ половинѣ одиннадцатаго принимаются за единственный обѣдъ; онъ состоитъ изъ двухъ порцій супа и двухъ порцій овощей для каждаго, послѣ чего они могутъ отдыхать часъ на дворахъ. Работа назначается каждому по силамъ; если онъ не сдѣлаетъ ее, то наказы-

Digitized by Google

вается. По воскреснымъ днямъ преступники не работаютъ, но за то и не пускаютъ ихъ на дворъ, а по окончаніи богослуженія заключенные остаются въ своихъ темницахъ. За поведеніемъ ихъ присматриваютъ весьма строго; тѣхъ, которые внушаютъ довѣріе, дѣлаютъ такъ-называемыми отцами и матерями темницъ. Школы нѣтъ, хотя, во время посѣщенія Шпильберга Ремакленъ, тамъ содержалось болѣе 20 юношей, недостигшихъ еще 20 лѣтъ. Изъ всего этого видно, что Шпильбергъ не строжайшая тюрьма для преступниковъ, какъ другія подобныя учрежденія. Только для людей образованныхъ, обвиненныхъ въ политическомъ преступленіи, для какого-нибудь Сильвіо Пеллико, Маронцелли и т. д., это мѣсто ужасно. Но подъ темницами, описанными Сильвіо Пеллико, есть другія, ужаснѣйшія, оставшіяся неизвѣстными; а подъ ними есть еще другія, о которыхъ нельзя помыслить безъ содраганія. Въ первыя достигаютъ посредствомъ подземнаго хода; тамъ всего четыре келліи; въ каждой изъ нихъ могутъ помѣститься 15—20 человѣкъ; вмѣстѣ, онѣ могутъ заключать въ себѣ до 200. До послѣдняго времени, сюда запирали разбойниковъ и убійцъ; но лѣтъ пять назадъ, стали запирать преступниковъ только случайно, для необыкновеннаго наказанія, и то на короткое время. Нерѣдко преступники подрывались здѣсь глубоко подъ строеніе, чтобъ убѣжать, но изъ 30—40 попытокъ удались только три; одинъ изъ убѣжавшихъ былъ схваченъ, не достигнувъ еще подошвы горы. Такая же участь постигла и Француза Друэ изъ Варенна, члена Національнаго Конвента, который въ 1794 содержался на Шпильбергѣ и сдѣлалъ изъ занавѣски своей кровати веревку, или, какъ говоритъ Ремакль, зонтикъ. Но, упавъ, онъ сломилъ себѣ ногу, былъ пойманъ и приведенъ назадъ въ ту же тюрьму. Два года спустя онъ освободился, бывъ размѣненъ на дочь Людовика XVI, вышедшую герцогиню Ангулемскую. Эти темницы называются «Темницами Франца I». Тотъ же подземный ходъ ведетъ чрезъ крутой скатъ къ ужаснѣйшей части Шпильберга, т. е. къ какому-то роду клѣтокъ, находящихся въ 60 футахъ подъ землею и называющихся по имени Маріи Терезіи, потому, можетъ-быть, какъ замѣчаетъ г. Ремакль, что эта императрица была послѣдняя, позволявшая употреблять ихъ, т. е. допускавшая такое безчеловѣчіе. Темницъ или клѣтокъ было 34. Теперь осталась только одна, какъ бы въ память безчеловѣчія тогдашняго времени. Это тѣсная коморка, сколоченная изъ бревенъ, съ небольшимъ отверстіемъ для пропусканія пищи; внизу находится отверстіе побольше: въ него вводили преступника; несчастный стоялъ или сидѣлъ въ этой клѣткѣ, прикованный еще, сверхъ того, цѣпью, и жилъ посреди сырости и темноты. Три раза въ недѣлю являлся тюремщикъ, принося ему хлѣба и воды. Осужденные на эти муки проживали рѣдко болѣе 6-ти мѣсяцевъ.

Г. Ремакль дѣлаетъ объ этомъ слѣдующія замѣчанія: «Франція еще въ «XVI столѣтіи уничтожила эти темницы, въ устройствѣ которыхъ подражала Итальянцемъ и Англичанамъ. «Германія удержала ихъ до половины «XVIII вѣка. Въ послѣдніе 50 лѣтъ, «уголовные законы Франціи смягчены до того, что почти потеряли «часть своей силы; въ Австріи еще «пять лѣтъ тому назадъ существовали подобныя темницы и сатсет durissimus». Сильвіо Пеллико самъ испыталъ мученія въ шпильбергскихъ темницахъ; онъ разсказываетъ о нихъ въ книгѣ, написанной съ благородствомъ и тономъ негодованія, чтобъ убѣдить наконецъ правительство обходиться человѣколюбивѣе съ заключенными. Авторъ доказываетъ изъ списковъ объ умершихъ, сообщенныхъ ему, что Шпильбергъ нисколько не вреднѣе другихъ австрійскихъ тюремъ, но еще напротивъ, здоровѣе. По этимъ таблицамъ, въ 1837 году въ

Digitized by Google

линицской тюрьмѣ умиралъ 1 преступникъ изъ 10, въ вѣнской 1 изъ 18, въ брюнской провинціальной тюрьмѣ 1 изъ 6, въ прагской среднее число умершихъ по десятилѣтней сложности составляло 1 къ 8; на Шпильбергѣ же обыкновенная смертность относится какъ 1 къ 24.

Книга Сильвіо Пеллико обратила вниманіе цѣлаго свѣта на это мѣсто, и читатели по всѣмъ, что случилось съ заключенными и что они чувствовали, принимали живое участіе. Поэтому Ремаркль считаетъ обязанностью увѣдомить публику о судьбѣ лицъ, о которыхъ Сильвіо Пеллико говоритъ съ такимъ чувствомъ и съ которыми былъ въ сношеніяхъ въ-продолженіи своего мучительнаго заключенія. Четыре младенца, которыхъ умирающая мать завѣщала памяти Итальянца, сдѣлались взрослыми, сильными парнями; благочестивыя молитвы матери были услышаны Всевышнимъ; отецъ ихъ, Шмерехаттъ, управляетъ теперь большимъ брюнскимъ госпиталемъ. «Мы долго бесѣдовали «съ нимъ» говоритъ г. Ремаркль: «онъ «хранитъ въ воспоминаніи имена «заключенныхъ.» Вергроттъ, помощникъ директора, сопровождавшій полицейскаго префекта, привезшаго съ объявленіемъ о помилованіи, переведенъ въ Вѣну. Что же касается до Кроля, читавшаго Клопштока, Виланда, Гёте и Шиллера, и—что всего лучше — хорошо обходившагося съ итальянскими заключенными, то онъ давно уже оставилъ тюремную службу, возвратился въ свою деревню въ Богеміи, отыскалъ тамъ свою вѣрную Ганну и сдѣлался счастливымъ мужемъ.

ШПІОНЪ. *Эпизодъ изъ исторіи послѣдней испанской войны.* — Какъ ни велики опасности, которымъ подвергается шпіонъ, проникающій въ лагерь непріятельскій, все однакожъ не могутъ онѣ сравниться съ тѣми, которыя угрожаютъ ему во время междоусобной войны. Страхъ быть узнаннымъ или отъ родственника, или отъ какого-нибудь прежняго пріятеля; чрезвычайная трудность обманывать людей одной съ нимъ націи, имѣющихъ одинакіе съ нимъ обычаи, привычки, языкъ, и, слѣдовательно, готовыхъ видѣть въ малѣйшей неосторожности при разговорѣ, въ малѣйшемъ движеніи его причину къ подозрѣнію, — все это увеличиваетъ ужасъ его положенія. Со всѣмъ тѣмъ, однакожъ, нѣтъ ни одной арміи, гдѣ не было бы людей, которые изъ корыстолюбія, а иногда и изъ пламеннаго энтузіазма къ своей партіи отваживаются на все, чтобъ только пріобрѣтать и сообщать свѣдѣнія. Въ-продолженіи вступленной войны между карлистами и христиносами, произошло множество приключеній, которыхъ главною причиною было чрезмѣрное распространеніе системы шпіонства, со стороны обѣихъ враждебныхъ партій, но особенно приверженцами дона-Карлоса, если не во всей Испаніи, то по-крайней-мѣрѣ въ провинціяхъ баскскихъ, потому-что тамошніе поселяне безденежно брали на себя роль шпіоновъ и даже носили ввѣренныя имъ депеши черезъ области, занятыя непріятелемъ. Кто-нибудь изъ нихъ пускался бѣжать, какъ-будто для забавы; пробѣгалъ нѣсколько миль безъ отдыха, что, между-прочимъ, для этихъ быстроногихъ Горцевъ легче, нежели для жителя долины пройдти одну милю обыкновеннымъ шагомъ. Потомъ, если уставалъ, передавалъ депешу свою, или даже простое словесное порученіе, первому попавшемуся на встрѣчу расторопному крестьянину, и такимъ образомъ, порученіе, переходя изъ рукъ въ руки, достигало наконецъ своего назначенія. На случай встрѣчи съ непріятелемъ употребляли они разныя ухищренія и часто странныя средства. То подобно старику, осуждаемому Санчо-Пансою, который клалъ деньги свои въ пустую трость, они прятали письма въ палки, нарочно для того сдѣ-

Digitized by Google

ланныя; то, полагая, что кусокъ хлѣба, въ карманѣ поселянина, не могъ возбудить подозрѣній, запекали иногда въ этомъ хлѣбѣ такой лоскутъ бумаги, за который заплатили бъ жизнію, если бъ по несчастію онъ былъ найденъ. Однажды, пикетъ христиносской кавалеріи, ѣхавъ конно патрулемъ по большой наварской дорогѣ, остановилъ крестьянина, и послѣ многихъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ удовлетворительно, сталъ его строго обыскивать. За шерстянымъ кушакомъ крестьянина было запрятано съ полдюжины долларовъ, которые онъ униженно предлагалъ унтер-офицеру. No somos Ladrones, «мы не разбойники!» возразилъ сердито унтер-офицеръ: возьми свои деньги назадъ и убирайся. Крестьянинъ продолжалъ путь, и черезъ три часа послѣ того подалъ генералу карлистской партіи крошечный лоскутокъ бумаги, запрятанный въ одну изъ тѣхъ монетъ, отъ которыхъ отказался христиносъ.

Но люди, отправлявшіе ремесло лазутчиковъ, были однакожъ не всегда крестьяне или погонщики муловъ. Очень-часто солдаты, вынужденные, какъ они говорили, разными непріятностями отстать отъ своей партіи и бѣжать къ непріятелю, проводили съ новыми товарищами своими нѣсколько дней, или недѣль, и потомъ, возвращаясь подъ прежнія знамена свои, уносили съ собою всѣ свѣдѣнія, которыя имъ удалось собрать. Не рѣдко также съ цѣлой линіи или колонны, бывшей на маршу, пристава вдругъ нищая, иногда съ ребенкомъ на рукахъ: — она шла нѣсколько часовъ, болтая съ солдатами, и между-тѣмъ подслушивая разговоры ихъ; потомъ, при переправѣ черезъ какой-нибудь ручей или оврагъ, мгновенно исчезала, но никто не могъ сказать куда она дѣвалась, и даже тогда, когда они наконецъ видѣли, что непріятель, на котораго они шли, вдругъ скрывался или нападалъ на нихъ въ расплохъ, то и въ этомъ случаѣ едва-ли одному человѣку изъ цѣлаго отряда пришло бы въ голову, что неудача ихъ была слѣдствіемъ извѣстія, даннаго непріятелю тою женщиною въ рубищѣ, которая такъ долго шла съ ними вмѣстѣ.

Около второй половины 183.. года, въ прекрасное осеннее утро, въ разстояніи на ружейный выстрѣлъ отъ одной деревеньки Сѣверной Алавы, произошла на открытомъ полѣ драматическая и въ нѣкоторомъ отношеніи очень-занимательная сцена. Нѣсколько ротъ пѣхоты и эскадроновъ кавалеріи стояли въ строю; всѣ они, какъ солдаты, такъ и офицеры, носили береты и отличались нѣкоторыми особенностями одежды, доказывавшими, что они принадлежали къ партіи дон-Карлоса. Впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фронта, кавалерійскій офицеръ, въ которомъ, по шитымъ обшлагамъ и воротнику не мудрено было узнать начальника, — разговаривалъ съ подчиненными офицерами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой группы, стоялъ окруженный конвоемъ какой-то молодой человѣкъ въ офицерскомъ кавалерійскомъ мундирѣ, а далѣе и такъ-сказать на заднемъ планѣ картины, тѣснилось нѣсколько любопытныхъ женщинъ и мужчинъ въ городской и деревенской одеждѣ.

— Валентинъ Рохасъ! закричалъ генералъ.

Въ эту минуту конвой, окружавшій арестанта, раздвинулся; молодой офицеръ выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ и потомъ по командѣ генерала остановился.

— Валентинъ Рохасъ! вы пренебрегли своею должностью и по вашему нерадѣнію, пикетъ вашъ былъ вчера взятъ непріятелемъ. За это военный судъ приговорилъ васъ къ смерти; но въ уваженіе храбрости вашей, неутомимой ревности къ нашей партіи и заслугъ отца вашего, убитаго возлѣ безсмертнаго Зумалакареги, даруетъ вамъ жизнь, — только съ условіемъ, которое я, по повелѣнію его величества, долженъ предложить вамъ.

Тутъ генералъ сдѣлалъ знакъ аре-

Digitized by Google

стану, чтобъ онъ подошелъ ближе и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Сильное негодованіе изобразилось на прекрасномъ лицѣ молодаго воина.

— Ваше превосходительство говорите объ отцѣ моемъ и его славной смерти. Но позвольте мнѣ сказать, что я сдѣлалъ бы очень мало чести его имени, еслибъ согласился принять жизнь на условія, которое вы мнѣ предлагаете.

— Служить государю своему какимъ бы-то ни было образомъ никогда и ни для кого не безчестно, отвѣчалъ строго генералъ. — Выбирайте, жизнь или смерть.

— Выбираю смерть, отвѣчалъ съ твердостію молодой офицеръ.

— Велите собраться батальйону стрѣлковъ, сказалъ генералъ одному изъ адьютантовъ своихъ печальнымъ и отрывистымъ голосомъ.

Въ ту самую минуту, въ группѣ зрителей раздался пронзительный крикъ; какая-то молодая и прекрасная дѣвушка съ растрепанными по плечамъ волосами вырвалась отъ тѣхъ, которые старались удержать ее, и, бросясь къ арестанту, упала безъ чувствъ въ его объятія.

— Todaviu estiempo, сказалъ генералъ, обратясь къ Рохасу. — Бѣдная Долороза! — продолжалъ онъ, бросивъ на безчувственную дѣвушку взоръ, исполненный состраданія.

Рохасъ страшно поблѣднѣлъ; всѣ мускулы лица его были въ сильномъ движеніи. Онъ смотрѣлъ неподвижными глазами на молодую дѣвушку, около которой суетились теперь женщины, стараясь привести ее въ чувство. Наконецъ она открыла глаза и слабымъ голосомъ произнесла «Валентинъ!»

— Я согласенъ! вскричалъ арестантъ.

Черезъ десять минутъ послѣ того, войско было уже по квартирамъ, и Рохасъ сидѣлъ наединѣ съ генераломъ, командовавшимъ арміею карлистовъ, въ Алавѣ.

Монастырь Santa Domingo, находящійся въ Викторіи, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ воротъ Вильбоя, былъ въ военное время, такъ какъ и большая часть этого рода зданій въ Сѣверной Испаніи, обращенъ въ казармы. Однажды въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ самую жаркую эпоху карлистской войны, огромный портикъ монастыря озарился вдругъ яркимъ свѣтомъ, распространившимся частію по земляному полу длиннаго корридора, ведущаго во внутренность зданія, котораго сырыя и покрытыя плѣсенью стѣны сіяли при огнѣ ослѣпительнымъ блескомъ. Заря тогда не была еще пробита и кромѣ часовыхъ, множество солдатъ королевской партіи сидѣли вкругъ огня и, въ ожиданіи обычнаго сигнала, чтобъ идти и лечь каждому на свой соломенный тюфякъ, пили, разговаривали, свистали и смѣялись, — отъ-чего происходилъ смѣсь голосовъ, совершенно напоминавшая собою вавилонское столпотвореніе. Во время этого минутнаго отдохновенія, маленькій промежутокъ, остававшійся въ кругу ихъ, былъ занятъ какимъ-то человѣкомъ, который, сжавшись сколько могъ, проворно скользнулъ въ него и протянулъ руки къ огню, на который устремилъ блуждающій и разсѣянный взоръ свой. Казалось, онъ или не заботился, что былъ тутъ лишнимъ, или не замѣчалъ присутствія другихъ солдатъ; съ виду ему можно было дать лѣтъ двадцать; лицо необыкновенно смуглое, открытый ротъ и растрепанные волосы, нависшіе на лобъ и на глаза, давали ему видъ совершеннаго дурака; сверхъ-того, темная куртка и шаровары изъ толстаго сукна, которое ткутъ алавезскіе крестьяне изъ шерсти овецъ своихъ, сѣрая шляпа съ широкими полями, надѣтая почти на самомъ затылкѣ, еще болѣе усиливали выраженіе глупости и безсмыслія.

— Caremba! вскричалъ одинъ веселый капралъ, который, судя по простодушному смѣху, съ которымъ товарищи принимали его самыя глупыя шутки, слылъ, казалось, между ними великимъ остракомъ.

— Que hay aqui? — Кто это такой?

Digitized by Google

откуда онъ пришелъ? Вѣрно это алгалъ изъ какого-нибудь бискайскаго города; взгляните, братцы, на его премудрое чело и важность, съ которою носитъ онъ свое сомбреро.

За этою насмѣшкою градомъ посыпались насмѣшки другихъ солдатъ, которые, бывъ по-большой-части Кастильянцами, питали должное презрѣніе къ Баскамъ.

— Vacuos Camarado, сказалъ одинъ изъ нихъ, видя, что незнакомецъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на шутки, которыхъ былъ предметомъ.— Ты сѣлъ къ нашему огню — съ твоего собственнаго позволенія; но за это долженъ, по-крайней мѣрѣ, сказать намъ, кто ты такой.

Крестьянинъ не отвѣчалъ, и вопроситель, разсердясь на такое упорное молчаніе, вознамѣрился вывести его изъ этого остолбенѣнія, средствомъ болѣе дѣйствительнымъ, и потому, вынувъ изъ ноженъ штыкъ свой, воткнулъ конецъ его въ швы его куртки; но лишь только орудіе успѣло прорвать сукно, какъ Бискаецъ проворно повернулся, и въ ту же минуту обезоруживъ повергъ противника къ ногамъ своимъ. Солдаты бросились на помощь товарищу; но незнакомецъ, бросивъ штыкъ на полъ, принялся кричать тѣмъ страннымъ и дикимъ голосомъ, которымъ глухонѣмые изъясняютъ обыкновенно гнѣвъ или другія сильныя страсти свои.

— Es mudo! да онъ нѣмой! вскричали солдаты, удерживая товарища, который, вставъ на ноги и поднявъ съ полу штыкъ, готовился отмстить за обиду.

Потомъ всѣ они принялись разговаривать съ нѣмымъ знаками и жестами, которые онъ, однакожь, казалось, не совсѣмъ понималъ, и наконецъ всѣ удостовѣрились, что несчастный былъ совершенный идіотъ.

Скоро послышался барабанный бой, къ которому примѣшивались рѣзкіе, но пріятные звуки охотничьихъ роговъ. Всѣ солдаты поспѣшно разошлись по камерамъ и каждый караульный расположился какъ-можно-покойнѣе, чтобъ имѣть возможность немного вздремнуть, пока прійдетъ очередь его стоять на часахъ. Нѣмой, оставшись у огня, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на уголья, потомъ отошелъ, вѣроятно, чтобъ сыскать для себя гдѣ-нибудь постель помягче той, которую предлагали ему гранитные уступы монастырскаго портика.

На слѣдующее утро онъ опять явился въ монастырь и продолжалъ ходить туда нѣсколько дней сряду, и притомъ каждый разъ оставался тамъ очень-долго. Солдаты забавлялись странными жестами его, говорили съ нимъ знаками и наконецъ такъ привыкли къ нему, что онъ раздѣлялъ дружбу ихъ съ любимою полковою собакою по имени Грану, которая слыла чудомъ понятливости, потому-что бросалась на всякаго, защищая права королевы и ворчала въ знакъ вражды своей къ дону Карлосу, но которая, къ несчастію, сдѣлалась жертвою своего усердія, бывъ ранена пулею во время недавней стычки.

Но посѣщенія нѣмаго, казалось, не ограничивались однимъ монастыремъ, хотя, по-видимому, онъ избралъ его главною своею квартирою. Цѣлые дни бродилъ онъ изъ одной камеры въ другую, стараясь забавлять солдатъ, которые съ жадностью ловили все, что хоть нѣсколько разнообразило скучную жизнь ихъ; наконецъ el mudo di santa Domingo сдѣлался извѣстенъ не только цѣлому гарнизону, но и самому губернатору города.

Наступилъ декабрь мѣсяцъ, чрезвычайно холодный и вѣтреный; выключая случайной рекогносцировки фуражировъ, всѣ военныя дѣйствія были на время прекращены. Впрочемъ, однажды ночью, войско, стоявшее въ Сан-Доминго, получило повелѣніе выступить на слѣдующее утро въ походъ, причемъ разнесся слухъ, что надлежало аттаковать какой-то непріятельскій конвой или постъ. Вскорѣ за тѣмъ, многіе офицеры, пришедъ въ казармы, чтобъ осмотрѣть все ли было въ готовности къ выступленію, о-

Digitized by Google

становились на нѣсколько минутъ, чтобъ закурить на огнѣ свои сигары.

— Часовъ черезъ двѣнадцать у васъ будетъ больше огня, чтобъ согрѣться, сказалъ одинъ молодой поручикъ, топая озябшими ногами своими, которымъ недостаточна была теплота зеленыхъ вѣтвей, дымящихся на очагѣ.

— Кстати, возразилъ другой: — какъ далеко отсюда до этой пороховой мельницы? Я что-то не помню, чтобъ видѣлъ ее въ нашихъ фуражирныхъ рекогносцировкахъ.

— Она не на большой дорогѣ, а въ сторону и не больше, какъ въ пяти или шести миляхъ отъ Витторіи. Дорога, благодаря морозу, хороша, и если мы выступимъ рано, то можемъ прійдти, овладѣть мельницею, и возвратиться сюда въ часъ по полудни.

— Тише! сказалъ одинъ старый капитанъ, съ густыми посѣдѣвшими усами. — Вѣдь насъ кто-нибудь можетъ подслушать, и хоть ворота заперты, однакожь, говорятъ, что въ Витторіи есть карлисты, которые сообщаются съ непріятелемъ посредствомъ свѣчь и другихъ сигналовъ.

— Какой вздоръ! вскричалъ тотъ молодой офицеръ, который заговорилъ первый. — Вы вѣчно всего боитесь, капитанъ. Здѣсь нѣтъ никого, кромѣ часовыхъ и этого несчастнаго глухо-нѣмаго.

— И у стѣнъ есть уши, любезный другъ, возразилъ капитанъ. — Доказательствомъ тому, продолжалъ онъ: — служитъ неудача секретной экспедиціи, предпринятой нами въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Однако ужъ поздно; buenos noches, senores.

Buenos noches! buenos noches! и всѣ офицеры пошли на свои квартиры.

Лишь только шаги ихъ замерли въ отдаленіи, чья-то голова приподнялась изъ массы солдатъ, въ безпорядкѣ лежавшихъ около очага, и черные глаза нѣмаго быстро осмотрѣли вокругъ, блистая изъ-подъ густыхъ и черныхъ волосъ, закрывавшихъ ихъ до половины. Часовой стоялъ къ нему спиной, облокотясь на ружье и, по видимому, нетерпѣливо ожидая смѣны съ караула, который стужа дѣлала для него вдвойнѣ непріятнымъ. Пользуясь всѣми этими обстоятельствами, нѣмой осторожно всталъ, прошелъ тихо подъ тѣнію стѣною монастыря и направился къ валу, который въ это время былъ весь разоренъ. Темнота ночи дала ему возможность пройдти неприметно мимо многихъ карауловъ, разставленныхъ на частыхъ дистаціяхъ и достичь мѣста, гдѣ небольшая земляная стѣна представляла глубокую разсѣлину и, слѣдовательно, легкій проходъ со стороны города. Нѣмой проворно спрыгнулъ въ безводный каналъ, ее окружавшій, и, вскарабкавшись на противоположную сторону, исчезъ во мракѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, отрядъ войска выступилъ изъ воротъ Бильбао. Утро было ясное, но чрезвычайно холодное, и солдаты, особенно тѣ, которые родились на югѣ и не привыкли къ жестокости сѣвернаго климата, казалось, были очень недовольны морозомъ, отъ котораго на усахъ ихъ висѣли ледяныя сосульки и земля звучала какъ желѣзо подъ ихъ мѣрнымъ шагомъ. Эта суровость погоды не дозволяла никому лѣниться и отставать, и потому, когда совершенно разсвѣло, отрядъ былъ уже только въ одной милѣ отъ мѣста своего назначенія. Скоро свернули они съ большой дороги и пошли черезъ густую и необработанную долину, покрытую частію дрокомъ, частію терновникомъ, и пересѣкаемую рвами и глубокими каналами, съ береговъ которыхъ поднимались безчисленныя стаи бекасовъ и водяныхъ куръ, разлетавшихся при приближеніи колонны въ разныя стороны.

Наконецъ, грунтъ началъ мало-помалу возвышаться, и отрядъ кавалеріи, составлявшей авангардъ, прошедъ нѣкоторое пространство въ гору, по отлогости чрезвычайно-покойной, остановился на вершинѣ одного изъ холмовъ, образовавшихъ собою довольно-длинную цѣпь, которая съ каждой

Digitized by Google

стороны простиралась на милю разстоянія. На противоположной сторонѣ этой цѣпи, грунтъ постепенно опускался и наконецъ обращался въ равнину, которая, простираясь до подошвы горъ, возвышавшихся оттуда въ трехъ или четырехъ миляхъ, казалась менѣе дикою и гораздо лучше обработанною, нежели та, по которой проходила колонна.

Въ полмили оттуда, за густою рощею, возвышалось довольно-красивое зданіе, вблизи котораго разсѣяно было нѣсколько хижинъ. Вокругъ его сдѣлано множество земляныхъ парапетовъ, находившихся въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго и расположенныхъ косвенною линіею, такъ-что два послѣдніе касались почти задняхъ угловъ строенія и наиболѣе-выдавшіеся находились въ нѣкоторомъ разстояніи вправо и влѣво отъ тѣхъ же самыхъ пунктовъ. Тамъ карлисты приготовляли въ великомъ множествѣ порохъ свой, пули и картечи, доставая для этого свинецъ изъ сосѣднихъ рудниковъ и отсылая готовыя картечи въ магазины претендента. Военное начальство Виттории долго старалось объ истребленіи этого заведенія, и узнавъ черезъ шпіоновъ своихъ, что карлисты не имѣли тамъ большаго гарнизона, послали туда небольшой отрядъ, за которымъ мы слѣдовали, давъ повелѣніе офицеру немедленно истребить, разорить и сжечь все, что бы тамъ ни попалось, и потомъ тотчасъ возвратиться въ гарнизонъ свой.

Но въ мельницѣ и въ окружавшихъ ее хижинахъ, повидимому, не было никакого движенія. Двери и окна зданія были закрыты ставнями и все казалось такъ тихо и спокойно, какъ бы никто не жилъ тамъ. Это обстоятельство поразило христиносскаго полковника, ѣхавшаго передъ эскадрономъ, составлявшимъ всю его конницу; онъ велѣлъ охотѣ слѣдовать за собой со всевозможною скоростію, поскакалъ впередъ и, объѣхавъ до пороховой мельницы, послалъ половину своего эскадрона окружить селеніе, смотрѣть, чтобъ никто не могъ выбѣжать изъ него и произвести тревогу. Потомъ онъ дождался прихода пѣхотнаго отряда, который пришелъ почти въ ту же минуту, задыхаясь отъ усталости и нѣсколько въ безпорядкѣ, потому что быстрый переходъ ихъ по полямъ, покрытымъ льдомъ, былъ довольно трудепъ и утомителенъ. Едва послышалась команда: «стой!» какъ изнутри строенія раздался ружейный залпъ столь сильный, что, казалось, потрясъ собою небо и землю. Удивленные христиносы посмотрѣли вокругъ себя, и скоро увидѣли, что происходило. Въ ту минуту можно было полумать, что земля, опять насѣянная змѣицыми костями, производила на каждомъ шагу вооруженныхъ воиновъ, потому-что на каждомъ изъ шести парапетовъ, о которыхъ мы прежде говорили, стояло по два или по три батальйона карлистовъ, которые всѣ вмѣстѣ превосходили числомъ христиносовъ. Всѣ они лежали притаясь во рвахъ, сдѣланныхъ, по обыкновенію, позади каждаго парапета, для большей безопасности защищавшаго ихъ войска, и пользуясь утреннимъ туманомъ, висѣвшимъ надъ землею, скрывались тамъ до-тѣхъ-поръ, пока ружейный залпъ не возвѣстилъ ихъ о приближеніи непріятеля. Тогда всѣ они вдругъ поднялись изъ земли и стали въ боевомъ порядкѣ на параметы; изъ оконъ сосѣдняго строенія также началась сильная стрѣльба въ христиносовъ, и отрядъ наваррскихъ улановъ, предводительствуемый Реалемъ, однимъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ генераловъ дона Карлоса, спрятанный въ рощѣ, внезапно напалъ на стоявшихъ вокругъ домовъ гусаръ, которые, не смотря на расплохъ и удивленіе свое, сражались, однакожь, храбро и не щади саблей своихъ и карабиновъ.

Полковникъ христиносской арміи, который по самонадѣянности и нерадѣнію своему не довольно высмотрѣлъ мѣсто, и потому подвергъ какъ самого себя такъ и вѣренное ему войско величайшей опасности, оказалъ одна-

Digitized by Google

кожь въ этомъ случаѣ удивительное хладнокровіе и присутствіе духа. Не теряя ни одной минуты, онъ, собравъ пѣхоту свою въ одну густую колонну, повелъ ее къ парапетамъ, надѣясь занять ихъ и пробраться въ открытое поле прежде, нежели карлисты успѣли бы собрать разсѣянные батальйоны свои и воспротивиться его отступленію. Оставя пѣхоту капитану, онъ принялъ команду надъ горстью кавалеріи своей и напалъ на непріятельскихъ уланъ съ такою силою и неустрашимостію, что, не смотря на число ихъ, заставилъ отступить съ значительнымъ урономъ. Но въ то время, когда подъ сильнымъ огнемъ возвращался онъ къ главному корпусу, пуля пролетѣла ему сквозь грудь. Храбрый, но несчастный офицеръ пошатнулся на сѣдлѣ своемъ, сдѣлалъ тщетное усиліе, чтобъ удержаться, и упалъ мертвый на землю. Смерть его была сигналомъ общаго и совершеннаго пораженія; хотя христиносы достигли уже парапетовъ, но много претерпѣли отъ непріятельскаго огня, и увидя, что непріятель выстроился въ двѣ густыя колонны, которыя быстро шли на нихъ, они вдругъ потеряли всю бодрость свою и начали ретироваться. Тогда сдѣлалась ужасная сумятица и безпорядокъ. Побѣжденные и преслѣдователи ихъ бѣжали по вспаханнымъ полямъ, кочкамъ, терніямъ, болотамъ, скользя и проваливаясь сквозь ледъ, падая въ каналы и рвы, увязая въ тинѣ, плескаясь въ мутной водѣ; пощады не было почти никому и никто не просилъ ея, потому-что въ эту эпоху остервенѣніе между обѣими партіями достигло величайшей степени; многіе несчастные, слыша шаги приближающагося кровожаднаго непріятеля и воображая, что они чувствуютъ уже дыханіе его, прекращали мучительное недоумѣніе свое разрѣшеніемъ роковаго вопроса, который человѣкъ, спасающій жизнь свою бѣгствомъ, дѣлаетъ самъ себѣ: — успѣю я уйдти или нѣтъ? — и видя невозможность спасенія, спокойно ложились на землю и терпѣливо ожидали удара штыка, долженствовавшаго прекратить ихъ страданія.

Наконецъ, ярость преслѣдователей уменьшилась, многіе изъ непріятелей падали съ раненыхъ лошадей своихъ и оставались на мѣстѣ. Другіе, имѣя лошадей здоровыхъ и можетъ-быть алкавшіе крови человѣческой болѣе, нежели товарищи ихъ, скакали за бѣжавшими и схватывали ихъ за платья, между-тѣмъ, какъ несчастные бѣжали скорѣе изъ пустаго страха, нежели отъ истинной опасности. Въ это самое время, молодой карлистскій офицеръ, имѣвшій подъ собою прекрасную андалузскую лошадь, скакалъ далеко впереди эскадрона своего и отличался необыкновеннымъ варварствомъ. Переломивъ два копья, онъ выхватилъ саблю, и не слушая ни стоновъ, ни просьбъ о пощадѣ, рубилъ ею всѣхъ, кто ему попадался, сопровождая каждый ударъ свой ужаснымъ проклятіемъ. Продолжая кровавый путь свой, онъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пяти или шести христиносовъ, какъ вдругъ они обернулись, и выстрѣлили въ него изъ ружей. Внезапный залпъ, испугавшій лошадь, заставилъ ее броситься впередъ и благородное животное пало вмѣсто всадника; однакожь прежде, нежели карлистъ успѣлъ встать на ноги, онъ былъ уже въ рукахъ солдатъ; въ борьбѣ съ ними и въ тщетныхъ стараніяхъ вырваться отъ нихъ, съ головы плѣннаго спала его бомна,—и тогда длинные черные волосы, мокрые отъ пота, повисли ему на лобъ. Солдаты посмотрѣли на него пристально, потомъ взглянули съ удивленіемъ другъ на друга, потомъ опять на плѣннаго, и наконецъ одинъ изъ нихъ вскричалъ съ такимъ восторгомъ, какъ-будто разрушилось наконецъ колдовство этого человѣка:

— Lo es! это онъ!

— El Mudo! повторили всѣ въ одинъ голосъ.

Digitized by Google

Карлистскій офицеръ горько улыбнулся.

По другую сторону прекраснаго сквера Витторіи, который окруженъ прелестными домами однообразной архитектуры и каменною колоннадою, и называется теперь Новой Площадью, Plazza Nueva, а прежде назывался Plazza de la Constitucion, находится открытое пространство или Plazza viaja (старая площадь), хотя она и не можетъ равняться красивостью съ сосѣдкою своей, на которой собираются для вечерней прогулки всѣ городскіе фешёнебли; хотя она дурно вымощена и бываетъ почти всегда чрезвычайно-грязна, однакожь представляетъ собою картину довольно-занимательную, особливо для иностранца. Фонтанъ, бьющій въ концѣ этой площади и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ главной гауптвахты, привлекаетъ каждое утро несчетныя толпы Criados, то-есть, служанокъ и другихъ молодыхъ дѣвушекъ изъ простолюдинокъ, которыя, наполня водою ведра свои и кувшины, отдыхаютъ сидя на камняхъ около водоема, смѣясь и разговаривая между собою. Тутъ можете вы изучить національные нравы, обычаи и костюмъ низшихъ классовъ провинціи. Сюда пріѣзжаютъ крестьяне съ сосѣднихъ горъ съ возами дровъ и каменнаго уголья, располагаются вокругъ фонтана и расточаютъ грубую любезность свою молодымъ и веселымъ горожанкамъ, которыхъ красныя и жолтыя юбки, маленькія ножки чисто обутыя, узкіе корсеты и густые черные волосы, лоснящіеся отъ помады, какъ стекло, составляютъ для продавцовъ каменнаго угля nec plus ultra очарованія. Праздношатающійся солдатъ, проѣзжій мулетиръ, ремесленникъ, идущій на работу, всѣ имѣютъ сказать что нибудь хорошенькимъ mogas (молодымъ дѣвушкамъ), которыя, собравъ съ нихъ должную дань удивленія и привѣтствій, тихимъ и жеманнымъ шагомъ возвращаются домой съ кувшинами acqua fresca на головахъ своихъ и оставляютъ фонтанъ новымъ красавицамъ.

Но Plazza viaja бываетъ, однакожь, иногда театромъ другихъ сценъ, совсѣмъ незабавныхъ, хотя нѣкоторымъ образомъ также привлекательныхъ въ своемъ родѣ: здѣсь казнятъ обыкновенно преступниковъ, приговоренныхъ къ гароту — казни соотвѣтствующей висѣлицѣ.

На слѣдующій день послѣ того, который былъ свидѣтелемъ бѣдственной экспедиціи на пороховую мельницу, работники, вставъ съ разсвѣтомъ, спѣшили достроить эшафотъ, и скоро разнеслось въ народѣ, что на немъ долженъ былъ умереть шпіонъ карлистовъ, бывшій причиною разбитія христиносскаго войска. Около площади разставленъ былъ весь гарнизонъ и толпился народъ, собравшійся, чтобъ видѣть экзекуцію. На эшафотѣ (образовавшемъ собою маленькую четвероугольную платформу) былъ крѣпко утвержденъ высокій деревянный шестъ, къ которому прибита была скамейка; надъ нею въ вышину на 3 или 4 фута находилась желѣзная полоса, согнутая почти дугою, и могшая посредствомъ винта охватить собою толстый деревянный столбъ, съ такою силою, что раздавляла въ дребезги все, что попадалось между ею и столбомъ. Два палача, сохранившіе древнюю испанскую одежду, отличавшую ихъ, то-есть черный кафтанъ, короткую епанчу и огромную нахлобученную шляпу съ широкими полями, стояли возлѣ орудія смерти, ожидая роковой минуты для приведенія его въ дѣйствіе.

Наконецъ явился преступникъ въ сопровожденіи конвоя солдатъ и словласаго священника. Онъ шелъ опустя голову на грудь и, казалось, слушая со вниманіемъ увѣщанія духовника. Но силы его были тверды, даже и тогда, когда онъ всходилъ на эшафотъ. Обнявъ каявшагося преступника, священникъ отошелъ въ сторону, отвративъ взоръ свой отъ ужаснаго зрѣ-

Digitized by Google

лица, которое должно было за тѣмъ слѣдовать. Тогда арестантъ спустилъ съ себя плащъ, которымъ до этой минуты закрывалъ лицо свое, и остался въ короткой зеленой куртке съ краснымъ воротникомъ и абшлагами, составлявшей мундиръ карлистской кавалеріи. Потомъ, вытянувшись во весь ростъ, сдернулъ съ головы своей боину и голосомъ чистымъ и внятнымъ, какъ-будто бы командовалъ въ открытомъ полѣ эскадрономъ, закричалъ:

— Viva Carlos quinto, mueren los negross. Да здравствуетъ Карлъ V да погибнутъ *негры*! (то есть либералисты).

Когда зрители увидѣли въ лицо преступника, въ ту же минуту въ войскѣ раздался глухой ропотъ. El mudo, el mudo! шептали солдаты; но прежде, нежели этотъ шумъ былъ совершенно заглушенъ офицерами, арестантъ спокойно сѣлъ самъ на роковую скамейку. Послѣ того надѣли ему на шею желѣзный ошейникъ, и по поданному знаку одинъ изъ палачей сильно повернулъ винтъ. Тихій трескъ, едва достигшій слуха человѣка, стоявшаго ближе всѣхъ къ эшафоту, заставилъ его догадаться, что шейная кость страшальца переломилась о деревянный столбъ и что нѣмой Сан-Доминго заплатилъ жизнію за свое преступленіе.

Тѣло казненнаго, оставленное по обыкновенію на нѣсколько часовъ на эшафотѣ, для удовлетворенія любопытства зрителей, было въ тотъ же день погребено за городомъ. Но на слѣдующее утро нашли что могила была разрыта и тѣло изъ нея унесено.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Витторіи, на сельскомъ кладбищѣ, лежитъ уединенная плита изъ дикаго камня, которая большую часть года бываетъ совершенно закрыта кустами бѣлыхъ и алыхъ розъ, посаженныхъ вокругъ ея сельскими молодыми дѣвушками. Но когда осенью эта цвѣтущая стѣна обнажится, тогда вы можете прочесть на гробницѣ слѣдующія слова:

Валентинъ 17 декабря.
Долороза 23 декабря.
Poco le sobrevivia.
(Она не *долго* пережила его.)

*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—

18-го марта Шеллингъ кончилъ свои лекціи о философіи откровенія; вечеромъ того дня слушатели почтили его блестящею процессію факеловъ. Сѣдовласый профессоръ выразилъ свою благодарность слѣдующими словами. «Съ восторгомъ и благодарностію принимаю это публичное свидѣтельство того, что вы признали мои усилія. Четыре мѣсяца находились мы съ вами въ глубокомъ и тѣсномъ взаимодѣйствіи! Мнѣ выпало счастіе быть познану вами, за то вы, еще пять мѣсяцевъ назадъ мнѣ чуждые, стали для меня дорогими, милыми друзьями. Спрошу ли, что снискало мнѣ вашу благосклонность, вашу довѣренность, вашу любовь? Правда, мм. гг., я старался сообщить вамъ нѣчто такое, что продолжительнѣе и прочнѣе скоро-преходящаго отношенія между преподавателемъ и слушателями, старался въ особенности дать вамъ философію, которой бы не страшенъ былъ свѣжій воздухъ жизни, которая могла бы предстать открыто, а не держаться только въ четырехъ стѣнахъ тѣсной школы, или въ ограниченномъ кругу учениковъ. Но не однимъ лишь *содержаніемъ* привлекаютъ сердца! Что же привлекло васъ лично ко мнѣ? Конечно, то, что предметы высшіе я представлялъ вамъ во всей ихъ *истинѣ* и *подлинности;* что вмѣсто хлѣба, котораго вы требовали, я не предлагалъ вамъ

Digitized by Google

камня, увѣряя, *будто* это хлѣбъ; что я не скрывалъ отвращенія ко всякому ученію, которое было бы только наставленіемъ во лжи, не скрывалъ негодованія на внутреннюю, моральную и духовную кривизну, которая предначертаннымъ искаженіемъ — съ извѣстною цѣлію — употребляется противъ юности, коей лучшія украшенія суть добросовѣстность, прямота и неподдѣльное убѣжденіе. Да, мм. гг., эту-то откровенность, это прямодушіе, эту любовь къ истинѣ, выше всего цѣнимыя въ вашемъ возрастѣ, нашли вы во мнѣ теперь, найдете ихъ во мнѣ и всегда. Духовное общеніе, бывшее между нами эту зиму, не прекратится; зародышъ, который я положилъ въ васъ — знаю по многимъ опытамъ — не заглохнетъ: онъ собственною силою станетъ расти и выситься и самъ разорветъ всѣ оковы, которыми старались бы остановить ростъ его. — Такова моя увѣренность; на ней основываю я надежду, что, когда меня не будетъ съ вами, вы скажете: онъ не вотще приходилъ къ намъ! Я же съ своей стороны скажу: гдѣ я ни училъ, юноши питали ко мнѣ довѣренность и любовь, но послѣдніе стали въ моемъ сердцѣ первыми; замѣчено, что дѣти, рожденныя въ позднѣйшихъ лѣтахъ, бываютъ любимѣйшими дѣтьми у родителей. Пріймите еще разъ искреннюю благодарность за это публичное доказательство вашей благосклонности и любви, еще разъ сердечное «прощайте» за это зимнее полугодіе!»

— Мы надѣемся сообщить читателямъ обстоятельнѣйшее извѣстіе о духѣ и содержаніи лекцій Шеллинга, обѣщанное намъ нашимъ берлинскимъ корреспондентомъ, постоянно посѣщавшимъ эти лекціи въ-продолженіе всего семестра.

— Изъ имѣнія, оставшагося послѣ извѣстнаго въ лондонскихъ литературныхъ обществахъ антикварія Стюарта, продавалось недавно съ аукціона собраніе рѣдкихъ рукописей, оригинальныхъ писемъ и другихъ рѣдкостей, изъ которыхъ къ нашимъ Стюартъ прибавилъ «антикварныя замѣтки». Такъ на оберткѣ оригинальнаго кромвелева письма къ версальскому двору написано: «Въ давно-забытой, слишкомъ восемдесятъ лѣтъ назадъ изданной книжкѣ анекдотовъ ганноверскаго дома, разсказывается, что внучка Оливера Кромвелля, по-имени Россель (Rossel), находилась въ свитѣ принцессы Амаліи, дочери Георга II. 30 января — въ годовщину казни Карла I-го, она одѣвала принцессу, въ то время, какъ братъ принцессы, принцъ валлійскій, вошелъ въ комнату и шутя сказалъ: «Э, не стыдно ли вамъ, миссъ Россель; почему вы не въ церкви, гдѣ вамъ надобно въ пеплѣ и рубищѣ унижаться за страшный грѣхъ, сдѣланный нынѣшній день вашимъ дѣдушкою?» — «Потому-что для внуки Кромвелля, отвѣчала миссъ Россель, довольно униженія прикалывать плейфъ вашей сестрицѣ.» — Настоящій отростокъ стараго дерева! Я нигдѣ больше не встрѣчалъ этого анекдота.» — На связкѣ собственноручныхъ писемъ кардинала Мазарини, Стюартъ замѣтилъ слѣдующее: «Всякій знаетъ, что графиня Суассонъ, извѣстная отравительница и мать принца Евгенія, была племянница Мазарини. Но не всякій знаетъ происшедшаго между безнымъ епископомъ Бюрнэ и Евгеніемъ, потому, кажется, что біографы Бюрнэ пропустили это. Когда принцъ пріѣхалъ въ Англію, Бюрнэ очень любопытствовалъ его видѣть, и чтобъ удовлетворить этому любопытству, герцогъ Марльборо пригласилъ ихъ обоихъ къ столу, прибавивъ къ приглашенію епископа необходимую по разсѣянности почтеннаго прелата просьбу быть осторожнѣе, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что могло бы оскорбить чувства вспыльчиваго воина, принца и чужестранца. Помня о предостереженіи, епископъ рѣшился во все время разговора молчать, сохраняя инкогнито, и остался бы вѣренъ своему намѣренію, если бы принцъ Евгеній, узнавъ въ немъ по одеждѣ знатную духовную особу, не спросилъ о немъ, и,

Digitized by Google

какъ скоро услышалъ хорошо ему извѣстное имя доктора Бюрэ, не завелъ съ нимъ разговора и не спросилъ между прочимъ, когда онъ послѣдній разъ былъ въ Парижѣ. Польщенный вниманіемъ принца и вслѣдствіе того забывшись на минуту, онъ поспѣшно отвѣчалъ: «не могу припомнить года, но это было около того времени, какъ казнили графиню Суассонъ». Едва онъ сказалъ это, какъ встрѣтилъ взглядъ герцога и, замѣтивъ свой неисправимый промахъ, потерялъ послѣднее присутствіе духа и довершилъ ошибку, начавъ извиняться передъ его высочествомъ. Смущенный, въ мучительномъ замѣшательствѣ смотря на гостей, онъ поспѣшно всталъ и въ чрезвычайномъ разстройствѣ вышелъ изъ залы». — На билетѣ, приклеенномъ къ одной герцогской шапкѣ, Стюартъ написалъ: «Эта герцогская шапка напоминаетъ мнѣ анекдотъ, касающійся ея перваго владѣтеля. Я пріобрѣлъ эту вещь въ 1814 году въ Венеціи на публичномъ аукціонѣ картинъ и мебелей Контарини — clarum et memorabile nomen. Они были послѣдними представителями древнѣйшей венеціанской крови. Фамилія Контарини впродолженіе своего существованія дала республикѣ восемь дожей; никакая другая фамилія не насчитываетъ ихъ болѣе пяти, и эта парчевая шапка съ золотыми верхушками и красною шолковою подкладкою украшала нѣкогда чело Доменико, седьмаго дожа изъ этой фамиліи. Онъ родился въ 1616 году и еще въ очень-молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ отечествѣ своемъ на дипломатическое поприще. Родъ и богатство ручались ему за быстрое возвышеніе. Онъ былъ венеціанскимъ посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ. Однажды, на аудіенціи у императора, возникъ между государемъ и посланникомъ какой-то споръ, вызвавшій выраженія болѣе сильныя, нежели сколько позволялъ этикетъ. Императоръ, опровергая Контарини, воскликнулъ въ порывѣ увлеченія:—«Если ваше превосходительство не вѣрите моимъ словамъ, по-крайней-мѣрѣ должны бы уважить мою знатность и замолчать! — Знатность! повторилъ венеціанскій посолъ и выпрямился во весь ростъ; оскорбленная пятнадцати-вѣковая кровь бросилась ему въ лицо: — Знатность! Контарини говорятъ о знатности! Съ позволенія вашего величества скажу вамъ, что моя фамилія дала вашему отечеству пять государей.—Съ этими словами онъ удалился, разумѣется, чтобъ никогда не возвращаться. Гордости древней республики онъ такъ угодилъ этимъ, что спустя нѣсколько лѣтъ выбравъ дожемъ. Въ-теченіи 15 лѣтъ славы и бѣдствій Доменико предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ своего отечества: это былъ величественный, но обложенный тучами закатъ блистательнаго поприща. Не смотря на усилія своего великаго героя Морозини, республика потеряла въ это время Кандію, послѣднюю изъ коронъ венеціанскихъ.»

— Въ послѣднее время отзывы путешественниковъ, въ особенности нѣмецкихъ, объ Италіи, весьма противорѣчащи: одни превозносятъ ее, другіе слишкомъ порицаютъ. То и другое очень естественно и понятно. Одни хорошо знаютъ, чего должно искать въ ней; другіе, кажется, не знакомы съ общимъ правиломъ для путешественниковъ, что для уразумѣнія иноземнаго надо непремѣнно на то время сдѣлаться иноземцемъ. Впрочемъ, достойно замѣчанія, что разсказы путешественниковъ объ однихъ и тѣхъ же извѣстныхъ предметахъ, напр. объ отношеніяхъ ученыхъ къ библіотекамъ, равно несходны между собою. Это замѣтно въ особенности изъ свѣдѣній, какія имѣются на счетъ дозволенія пользоваться ватиканскимъ книгохранилищемъ. Для убѣжденія, сличите только писавшихъ объ этомъ: Блюме, Грейта, Герлаха. А чтобъ согласить эти противорѣчія, надо вспомнить, что въ управленіи каждымъ заведеніемъ, тѣмъ болѣе библіотекой, различныя обстоятельства требуютъ

Digitized by Google

различнаго примѣненія. По завѣщаніямъ основателей, ватиканская библіотека должна быть главнымъ складочнымъ мѣстомъ важнѣйшихъ грамматъ и другихъ письменныхъ сокровищъ, относящихся къ католической церкви. На этомъ простомъ основаніи, библіотека увеличилась, и ея репозиторіи наполнились соборными трактатами, завѣщаніями, грамматами, кодексами всѣхъ родовъ и проч. Для предварительнаго сохраненія этого учрежденія была особая канцелярія. Потомъ весь этотъ книжный хаосъ приводился въ порядокъ и поступалъ въ архивъ и библіотеку Ватикана. Натурально, обладатели такихъ сокровищъ неохотно позволяли иностраннымъ ученымъ пользоваться ими неограниченно. — Правда, по смыслу ея основателей, библіотека Ватикана должна была быть открытою для всѣхъ; но точныхъ и оффиціальныхъ на этотъ счетъ постановленій не было. Завѣдывавшіе ею по своему произволу допускали посѣтителей пользоваться ею, или запирали, когда хотѣли. Изъ ученыхъ спутниковъ шведской королевы Христины, Майболіусъ и Н. Гейнзіусъ жаловались на затрудненія, какія встрѣтили, когда хотѣли заниматься въ библіотекѣ по два часа въ-теченіи дня; а Монфоконъ и Мабильйонъ напротивъ воздаютъ похвалы за то, что имъ позволили это! Вскорѣ, небрежное управленіе библіотекой было причиной, что папа Климентъ XIII строго запретилъ пользоваться ея рукописями всякому иностранцу, пока онъ не представитъ позволенія на то прямо отъ папы. Равнымъ образомъ, безъ такого же позволенія, запрещалось принимать иностранныхъ ученыхъ въ разныя должности при библіотекѣ. Такое постановленіе, конечно, не могло сдѣлаться дѣйствительнымъ; иначе, библіотека должна была бы закрыться. Послѣ парижскаго мира, свободное управленіе библіотекой снова возбудило надежды публики, что сокровища ея сдѣлаются доступными всѣмъ, безъ различія націй. Управленіе префекта Балди отличалось особенною снисходительностію; но ему діаметрально противоположно было управленіе ученаго Мая, котораго Герлахъ въ Базелѣ осуждалъ такъ жестоко и не безъ основаній. Послѣдовавшее затѣмъ благодѣтельное управленіе Меццофанти привело опять все на прежній ладъ. Ему наслѣдовалъ Лавреани, идиллическій поэтъ, котораго Academia degli Arcadi сдѣлала своимъ президентомъ. Онъ призналъ за благо ввести прежнюю строгость относительно рукописей, которыми пользовались иностранцы. Такимъ образомъ, опять вошло въ обычай, что всякій иностранный ученый, если только онъ не имѣлъ отличныхъ рекомендацій, или громкой литературной извѣстности, долженъ былъ получать, опредѣленнымъ путемъ, позволеніе на занятія въ библіотекѣ. Даже каталога рукописей не позволялось давать никому съ цѣлію — выписывать изъ него о неизчислимомъ богатствѣ литературныхъ сокровищъ Ватикана. Это правило распространено было даже на тѣхъ иностранныхъ ученыхъ, которые долгое время жили въ Римѣ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ находились въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ управляющими библіотекой. Очень рѣдко, и то по особенной милости, доводилось имъ иногда видѣть то-тамъ то-самъ расположеніе этихъ каталоговъ. Г. Гейзе и докторъ Дрессель, извѣстные нѣмецкіе ученые, жаждущіе познаній, кажется, въ этомъ отношеніи воспользовались лучше другихъ, потому-что употребили въ свою пользу знаніе мѣстныхъ отношеній и покровительство многихъ лицъ. Въ особенности достойно сожалѣнія, что по смыслу настоящаго управленія Ватиканомъ, занятія въ библіотекѣ въ-теченіе цѣлаго года ограничиваются 90 днями, каждый въ 3 часа (отъ 9 до 12 утра); слѣдовательно, въ годъ менѣе 300 часовъ, не считая разныхъ исключеній, которыя бываютъ довольно-часто.

Digitized by Google

— Между новѣйшими открытіями въ Помпеѣ, замѣчательна Улица Фортуны, которая идетъ въ прямомъ направленіи отъ Храма Фортуны къ Порта ди-Нола, такъ что изъ теплицъ и дома трагическаго поэта видны нолавскія ворота, что производитъ особенно-величественный видъ. Въ-продолженіе двухъ лѣтъ отрывалась эта улица, и въ зданіяхъ ея мало найдено живописи; но въ послѣднее время открыты отличныя бронзовыя вещи и терракоты. Недавно приступили къ открытію мѣста позади дома Кастора и Поллукса, возлѣ Лабиринта. Въ Лабиринтѣ найдена превосходная картина—Парисъ и Елена, также другія замѣчательныя вещи по части архитектуры и перспективы. При выходѣ изъ Неаполя, у воротъ дель Греко, недалеко отъ недавно-разрытаго аббатства, найдены многія замѣчательныя древности, между которыми бронзовый канделябръ и маленькая мраморная статуйка болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе. Архитекторъ Баярдъ передалъ эти предметы въ королевскій музеумъ. У воротъ дель-Аннунціата, во владѣніи г. Сковамаліо, были открыты многія древнія строенія, украшенныя прекрасною живописью, между которою замѣчательны: жертвоприношеніе, нѣсколько вакханокъ и множество другихъ. Главнѣйшія изъ картинъ, на счетъ издержекъ правительства перевезены также въ королевскій музеумъ. Эти древнія строенія находятся въ связи съ тѣми, которыя открыты при учрежденіи генерал-ингиціатомъ минеральныхъ водъ; также должны они, кажется, соединиться съ строеніями, откопанными за годъ до сего профессоромъ Цаномъ, который чрезъ это самое открылъ городъ Теглану. Изъ всѣхъ этихъ открытій видно, что городъ, лежащій ниже воротъ дель-Аннунціата, долженъ быть столько же обширенъ, какъ и Помпея. Въ Павзилиппѣ, почти возлѣ самаго того мѣста, гдѣ за годъ, въ виллѣ кавалера Бески, найдена прекрасная мраморная Нереида, можетъ-быть работы Скопаса, недавно опять открыта новая мраморная статуя. Нереида составляетъ теперь лучшее украшеніе королевскаго музеума.

— Въ Германіи издается всего 1461 газета и журналъ, изъ коихъ 500 занимаются политикою и политическою полемикою; т. е. молотятъ пустую солому. Но этого нельзя сказать на счетъ ученыхъ и литературныхъ журналовъ, которые много способствуютъ успѣхамъ науки и образованію народа.

—Римскій докторъ Конія, еще молодой человѣкъ, родившійся въ 1812 году, сдѣлалъ весьма важное изобрѣтеніе: онъ превращаетъ всѣ органическія существа въ короткое время *въ камень*; при этомъ превращеніи, напримѣръ, тѣло человѣка, рыбы, цвѣты и пр. сохраняютъ на всегда свой натуральный цвѣтъ.

— Одинъ изъ парижскихъ ученыхъ, г-нъ Рокамиръ де-Латорръ, написалъ разсужденіе объ основномъ колоритѣ картинъ у разныхъ живописцевъ, который онъ вообще приписываетъ какъ строенію, такъ и цвѣту глазъ художника. Этотъ вопросъ разрѣшаетъ онъ физически и психически, приводя слѣдующія доказательства: Съ отсвѣтомъ (reflexe) перемѣняется всегда тонъ красокъ; это общій законъ природы, которому также подверженъ и глазъ художника, изображающаго свой предметъ такими колерами и оттѣнками, которые его глазу свойственны и признаются имъ за натуральные. Вслѣдствіе этого, главный тонъ колорита переходитъ въ сѣро-блѣдноватый, если глаза художника сѣрые, что доказывается картинами знаменитаго Давида и Грёза. Зеленый глазъ, какъ у Роберта и Жироде, давалъ ихъ картинамъ всегда общій зеленоватый тонъ.—Живописецъ съ свѣтлокарими глазами впадаетъ всегда въ красноватый тонъ колорита, что мы находимъ у Рубенса и другихъ живописцевъ, имѣв-

Digitized by Google

шихъ свѣтлокаріе глаза. — Если у художника глаза каріе, какъ напримѣръ у Пуссена, Гувене и другихъ, тонъ картинъ ихъ переходитъ всегда въ желтоватый, оловянный и жесткій. Темнокаріе или черные глаза, какъ у Караваджіо, Валента, Риберы, сообщаетъ ихъ картинамъ всегда темный, жесткій, непріятный для глазъ зрителя колоритъ.

— Какой-то опытный статистикъ сдѣлалъ слѣдующее исчисленіе смертности въ литературѣ разныхъ европейскихъ народовъ. Изъ 1000 печатныхъ книгъ 600 не покрываютъ издержекъ на ихъ изданіе, 200 едва-едва выручаютъ расходы, 100 доставляютъ незначительную выгоду издателямъ, а 100 порядочный барышъ. Изъ 1000 книгъ, 650 забываются совершенно публикою въ-теченіе года, 150 забываются по прошествіи трехъ лѣтъ; 50 живутъ лѣтъ около семи, и только 10—живутъ въ народѣ 20 лѣтъ.—Въ XVII столѣтіи вышло въ свѣтъ 50,000 разныхъ сочиненій, изъ которыхъ только 50 не утонули въ пучинѣ забвенія, не потеряли своей славы по сіе время, и достойны новыхъ изданій.—Въ XVIII столѣтіи вышло въ свѣтъ 80,000 книгъ, которыя имѣли такую же участь, какъ и предыдущія. Уже около трехъ тысячъ лѣтъ пишутся книги на бѣломъ свѣтѣ, но сочинители ихъ всѣ забыты, извѣстность и слава ихъ скончалась на вѣки, кромѣ, можетъ-быть, именъ *пяти сотъ человѣкъ*, которые непоглощены широкою рѣкою забвенія.

—

— Въ Одессѣ общее вниманіе обращаетъ на себя съ нѣкотораго времени опытъ освѣщенія газомъ, производимый механикомъ Фалькомъ, у входа въ его заведеніе, на Итальянской Улицѣ. Болѣе мѣсяца уже, каждый вечеръ зажигается тамъ газовый фонарь о 5 огняхъ, котораго свѣтъ чрезвычайно бѣлъ и яркъ. Г. Фалькъ приготовляетъ газъ свой изъ сала, и это обходится, по его разсчету, гораздо дешевле, нежели изъ каменнаго угля: 1 куб. футъ сальнаго газа горитъ столько же, сколько $3^1/_2$ фута каменноугольнаго газа. Сальный газъ, кромѣ того, гораздо менѣе вреденъ, нежели каменноугольный, не содержа въ себѣ никакихъ сѣрныхъ частицъ; въ теченіи мѣсячнаго горѣнія, газопроводныя трубы остались совершенно чисты и безъ всякой копоти или осадка. Мѣстное начальство, въ видахъ поощренія къ введенію этого удобнаго и пріятнаго способа освѣщенія, заказало механику Фальку устроить четыре газовыхъ фонаря при зданіи одесской городской полиціи.

—На главномъ фасадѣ Политехническаго Института въ Лондонѣ поставлены большіе часы, которые ходятъ посредствомъ вольтова электричества; циферблатъ ихъ освѣщается ночью. Чтобъ множество подобныхъ часовъ привесть въ совершенно вѣрный и точный ходъ, изобрѣтатель предлагаетъ поставить на приличномъ мѣстѣ въ срединѣ города одинъ главный регуляторъ, отъ котораго на всю систему городскихъ часовъ слѣдуетъ пустить электрическій токъ для общаго ихъ соединенія: тогда они съ главнымъ регуляторомъ будутъ ходить вѣрно минута-въ-минуту.

— Араго, въ засѣданіи Парижской Академіи читалъ разсужденіе о желѣзныхъ дорогахъ англійскаго инженера Насмита, который между-прочимъ говоритъ, что рельсы никогда не ржавѣютъ, если вагоны ходятъ по нимъ только въ одну сторону; но если пароходы со всѣмъ поѣздомъ идутъ по одинакимъ рельсамъ взадъ-и-впередъ, то они подвергаются сильной ржавчинѣ, что всегда бываетъ на дорогахъ, не имѣющихъ двойныхъ рельсовъ.

— Одинъ Полякъ въ Тулонѣ дѣлалъ недавно весьма-удовлетвори-

Digitized by Google

тельные опыты надъ большою лодкою, на которой ѣздилъ по водѣ не съ помощію веселъ, но посредствомъ *воздухосжимательной машины*, которая совершенно можетъ замѣнять паровыя. Англичане хотѣли купить секретъ этого изобрѣтенія, но изобрѣтатель не согласился, и хочетъ, чтобъ его выдумкою воспользовалась Франція.

— Берлинскій столяръ Шобъ вмѣсто замазки или алебастра для зимнихъ оконныхъ рамъ, употребляетъ пробочное дерево. По наружнымъ краямъ окошницы онъ выстругиваетъ жолобокъ въ полдюйма глубиною, вставляя въ него полосу изъ пробочнаго дерева, непропускающаго въ комнаты сырости, и непроизводящаго ни малѣйшаго сквознаго вѣтра. Щели въ дверяхъ онъ также задѣлываетъ пробкою. Этотъ способъ закупориванія зимнихъ рамъ принятъ уже въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

— Нѣкто Эллисъ (сказано въ газетѣ Athenæum) издалъ въ Лондонѣ брошюру объ усмиреніи бѣшеныхъ лошадей. Онъ говоритъ между прочимъ, что Индійцы, занимающіеся ловлею дикихъ буйволовъ, дѣлаютъ молодыхъ буйволятъ ручными весьма простымъ способомъ: они закрываютъ рукою глаза животному и сильно дуютъ ему въ ноздри. Послѣ этой операціи, буйволъ, какъ послушная собака, пойдетъ за своимъ ловцомъ куда ему угодно. Такимъ же образомъ укрощаютъ и самыхъ бѣшеныхъ лошадей. Индіецъ, поймавъ арканомъ дикую степную лошадь, перевязываетъ ей переднія ноги, и кладетъ ее на бокъ, потомъ, подошедъ къ животному, закрываетъ ему глаза рукою, и сильно дуетъ въ ноздри. Самый неукротимый конь дѣлается послѣ того послушнымъ и смирнымъ. Г. Эллисъ дѣлалъ такіе опыты съ лошадьми въ Іоркшейрѣ, и эти опыты удались совершенно.

— Вмѣстѣ съ модою на готическія мебели вошла нынѣ во всеобщее употребленіе политипажная рѣзьба на деревѣ. Англичанинъ Брайтустъ, для произведенія недорогихъ деревянныхъ политипажей, употребляетъ накаленныя желѣзныя формы, которыми прессуетъ дерево, и обугливаетъ во всѣхъ точкахъ прикосновенія. Это прессованіе дѣлается нѣсколько разъ; уголь, образуемый отъ того на деревѣ, снимается, и въ короткое время выходитъ на деревѣ требуемый рисунокъ, въ видѣ выпуклаго рельефа. Чтобъ дерево не загорѣлось отъ накаленной желѣзной формы, оно немного смачивается.

—

— Въ американской газетѣ «New-York-American» описана аудіенція, данная папою одному лютеранину съ его семействомъ. «Американскій консулъ сообщилъ кардиналу-статс-секретарю о желаніи нашемъ представиться его святѣйшеству. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, консулъ получилъ отвѣтъ, что просьба наша не отвергнута, назначенъ день аудіенціи, причемъ дано намъ знать, чтобъ дамы непремѣнно одѣты были въ черное платье и лицо покрыли вуалемъ, мужчинамъ предписано явиться также въ черномъ костюмѣ и въ башмакахъ. Около 2-хъ часовъ пополудни, отправились мы въ Ватиканъ. У главнаго входа, встрѣтилъ насъ папскій швейцаръ со шпагою и алебардою, въ старинномъ мундирѣ папскихъ тѣлохранителей, полосатомъ красно-желтомъ, которому рисунокъ сочинилъ знаменитый ваятель Микель-Анджело. Черезъ полчаса лакей ввелъ насъ въ залу, гдѣ мы увидѣли самого папу, стоявшаго подлѣ стола, на который онъ оперся лѣвою рукою. Его святѣйшество былъ одѣтъ въ рясу и короткую тюнику изъ бѣлаго казимира, то-есть въ платье ордена камальдуленскихъ монаховъ, къ которому онъ принадлежалъ до восшествія своего на престолъ. Подрясникъ безъ

Digitized by Google

всякихъ украшеній, застегнутый сверху до низу; на головѣ шапочка, или скуфья изъ той же матеріи. Онъ встрѣтилъ насъ очень-привѣтливо; ласковый его пріемъ ободрилъ насъ и прогналъ нашу застѣнчивость. Мы сказали сперва наши фамиліи, и откуда родомъ, дожидаясь почтительно его вопроса. Онъ началъ говорить объ Америкѣ и о нашей конституціи съ большимъ знаніемъ дѣла, о распряхъ между правительствами американскимъ и англійскимъ, предполагая, что, можетъ-быть, скоро послѣдуетъ совершенный разрывъ сношеній между этими двумя народами. Потомъ его святѣйшество разспрашивалъ о нашемъ путешествіи въ Европу, хочемъ ли мы посмотрѣть Этну и Везувій, и пожелалъ намъ провесть пріятно время въ Римѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ намъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ о послѣднемъ римскомъ карнавалѣ и упомянулъ объ австрійскомъ эрц-герцогѣ, котораго на Корсо закидали маски свѣжными комьями, а онъ употребилъ противъ нихъ то же оружіе и ловко отдѣлался отъ нападавшей на него толпы (Извѣстно, что въ Римѣ въ послѣдній карнавалъ былъ снѣгъ на улицѣ). — Разговоръ нашъ продолжался около получаса; папа поклонился намъ, что и было знакомъ окончанія аудіенціи. Мы также отвѣсили нѣсколько низкихъ поклоновъ главѣ католической церкви, и вышли изъ Ватикана. Если папа говорилъ съ нами о предметахъ, которые его очень интересовали, то лицо его оживлялось легкою улыбкою. Вообще же физіономія его, при другихъ случаяхъ, казалась намъ строгою, важною и печальною. Въ Сикстинской Капеллѣ, мы даже примѣтили, какъ текли слезы по ланитамъ этого величаваго старца, какая-то глубокая дума и тоска удручала тогда духъ его. Однажды мы видѣли, какъ онъ гулялъ пѣшкомъ въ отдаленной части города, въ сопровожденіи одного слуги; экипажъ его слѣдовалъ за нимъ. Св. отецъ былъ очень блѣденъ и казался хворымъ. Онъ узналъ насъ, и ласково привѣтствовалъ. Еще разъ мы видѣли его въ церемоніи въ день Св. Пасхи; онъ служилъ обѣдню. Голосъ папы былъ твердъ и звученъ, поступь его тверда и величественна.»

— Извѣстно, что обыкновеніе употреблять въ пищу красныя куриныя яйца въ праздникъ св. Пасхи относится къ глубочайшей древности. Оно происходитъ изъ Азіи, колыбели человѣческаго рода, ибо у древнихъ народовъ было обыкновеніе ѣсть въ первый весенній праздникъ красныя яйца, какъ символъ снова возродившейся природы, потому-что красный цвѣтъ означаетъ дружбу и любовь, и что всякое живое созданіе рождается изъ яйца. Также въ Восточной Индіи есть родъ подобнаго праздника. Тамъ красный цвѣтъ посвященъ Брамѣ, ибо индійскія легенды повѣствуетъ, что творецъ вселенной сотворилъ сперва воду, въ которую вложилъ зародышъ оплодотворенія. Это сѣмя превратилось въ яйцо, блестящее какъ золото, и какъ свѣтъ солнца, сіявшее тысячами ослѣпительныхъ огней. Изъ этого яйца родился превѣчный въ образѣ Брамы; слѣдовательно у Индійцевъ яйцо почитается началомъ всѣхъ живыхъ существъ на свѣтѣ.

— «The Epicurés Almanac for 1842»—необходимая книга для гастрономовъ, заключаетъ въ себѣ между прочимъ исторію пунша на римскій манеръ. Этотъ деликатный пуншъ слишкомъ сто лѣтъ употребляется римскими папами, какъ прохладительное питье въ лѣтніе мѣсяцы. Папскіе кандитеры подъ присягою обязывались никому не открывать тайны состава этого пунша, въ противномъ случаѣ они подвергались суду инквизиціи. Побѣды Наполеона въ Италіи уничтожили тайну приготовленія пунша à la Romaine. Одинъ молодой человѣкъ, по имени Моласъ, сынъ славнаго кандитера папы Пія VI, убѣжалъ отъ своего отца, и поступилъ въ рады

Digitized by Google

французской арміи, оставя на произволъ судьбы всѣ сладкіе пироги и торты Ватикана. Онъ сдѣлался послѣ того любимымъ кандитеромъ императрицы Жозефины, а по смерти ея перешелъ на кухню одного богатаго русскаго князя, жившаго въ Лондонѣ. Моласъ на кухнѣ князя приготовлялъ всякія сласти, употребляемыя въ Ватиканѣ. Принцъ-регентъ, доставъ отъ Моласа рецептъ составленія помянутаго пунша, сообщилъ этотъ секретъ всѣмъ своимъ пріятелямъ. Съ того времени римскій пуншъ не былъ уже тайною для европейскихъ гастрономовъ. Одна Француженка, выпивъ стаканъ этой амврозіи, сказала въ восторгѣ: «Какъ жаль, что это питье не грѣхъ.»

— У *Шатобріана* есть особая манія прикидываться самымъ дряхлымъ старичишкой; хоть ему отъ роду только 66 лѣтъ, но онъ воображаетъ себя какимъ-то Мавусаиломъ. Во всѣхъ письмахъ его играетъ главную роль смерть; онъ какъ-будто-бы всѣхъ сзываетъ на свои похороны. Ужь нѣсколько лѣтъ лежатъ готовыя къ печати его записки «Memoires d'outre-tombe», изъ которыхъ онъ заживо сообщилъ многое публикѣ.—*Беранже* очень любитъ заниматься столярнымъ ремесломъ, и токарничать; не рѣдко точитъ онъ попеременно стишки и балясы, или стругаетъ доски: — пила, молотокъ, долото и рубанокъ всегда у него подъ рукою. Беранже самъ дѣлаетъ столы, скамейки и стулья для своего домашняго обихода.—Философъ *Балланшъ* не можетъ ничего выдумать путнаго, не положивъ предварительно въ ротъ конфетку; перо и бонбоньерка съ разными сладостями не выходятъ изъ его рукъ. На лекціяхъ онъ утѣшаетъ своихъ слушателей не только философскими идеями, но шоколадными и марципанными лепешечками.—*Ламартинъ* страстный охотникъ до собакъ; онъ развелъ у себя многочисленное племя лягавыхъ псовъ, которыхъ вредокъ принадлежалъ бразильскому императору Дону Педро I. Ламартинъ тщательно воспитываетъ эту породу и даритъ своихъ собакъ многимъ аристократамъ.—*Жюль Жаненъ* послѣ своей миленькой жены болѣе всего на свѣтѣ любитъ спальные колпаки. Эта некрасивая, прозаическая покрышка головы, благодаря Жанену вошла теперь въ моду во Франціи, особенно между плѣшивыми холостяками. У Жюль Жанена колпакъ всегда на головѣ; онъ не церемонится даже въ этомъ комфортабельномъ нарядѣ принимать у себя визиты знаменитыхъ актрисъ и примадоннъ. Иногда поднесенный ему кстати шелковый колпакъ или бархатная ермолка были причиною успѣха на сценѣ какой-нибудь посредственной актриссы или пѣвицы безъ голоса.—*Эженъ Сю* можетъ только работать въ-потемкахъ, окны его кабинета всегда закрыты ставнями, кромѣ одного окошечка, въ которое полусвѣтъ проходитъ чрезъ цвѣтное стекло. У Эжена Сю идетъ все наизворотъ: ночь превращается въ день, а день въ ночь; онъ встаетъ съ постели тогда, когда добрые люди въ Парижѣ обѣдаютъ, и ложится спать тогда, когда другіе встаютъ утромъ. Онъ терпѣть не можетъ дневнаго свѣта.—*Бальзакъ* любитъ одѣваться, какъ парижскій мѣщанинъ или лавочникъ; его grande tenue состоитъ изъ широкаго сюртука, толстой трости съ золотымъ набалдашникомъ и длинной часовой цѣпочки съ шестью печатями. Бальзакъ въ своемъ костюмѣ похожъ болѣе на деревенскаго священника, а видя его, никто не повѣритъ, чтобы это былъ авторъ многихъ соблазнительныхъ романовъ.

— Знаменитый композиторъ Керубини имѣлъ особенныя привычки, которыя однакоже никому не вредили, но для него въ жизни были необходимы. На примѣръ, онъ не терпѣлъ никакихъ благоуханій, и выходилъ изъ себя, при малѣйшемъ запахѣ отъ косметическихъ снадобій. Онъ любилъ порядокъ до педантства, какъ въ своемъ

Digitized by Google

искусствѣ, такъ и въ жизни. Каждая вещь его туалета была перенумерована, и даже въ день своей смерти, онъ ни на шагъ не хотѣлъ отступить отъ принятаго порядка. Умирая, онъ спросилъ носовый платокъ. Взглянувъ на кончикъ платка, онъ сказалъ служителю: ты подалъ мнѣ *№* 8, а у меня еще не было нумера 7-го.- Я это нарочно сдѣлалъ, отвѣчалъ камердинеръ, потому-что на платокъ подъ *№* 7 попала капля о-де колона, а я знаю, что вы не терпите духовъ. -Ахъ конечно; но во всемъ долженъ быть порядокъ.—Керубини взялъ платокъ *№* 7, вытеръ имъ носъ съ ужасною гримасою, и бросилъ его въ уголъ.- Ну, теперь подай мнѣ слѣдующій нумеръ. Это былъ послѣдній платокъ, въ который умиравшій композиторъ высморкался передъ своею кончиною.

— Въ 1779 году при очисткѣ одной площади на Монмартрѣ, въ Парижѣ, работники подъ старыми кирпичами и щебнемъ нашли камень съ слѣдующею надписью:

J. C.
I.
L
E
C. H.
E. M.
I. N.
D. E.
S. A. N. E. S.

Эта лаконическая и по-видимому древняя надпись была передана, для прочтенія, Академіи Надписей, которая тотчасъ нарядила ученую коммиссію, составленную изъ знаменитѣйшихъ археологовъ, чтобы растолковать публикѣ загадку. Ученые не только Парижа, но всей Франціи напрасно ломали себѣ голову, думали нѣсколько мѣсяцевъ, но надписи не прочитали. Меръ Монмартра, услышавъ объ этой интересной находкѣ, и подстрекаемый любопытствомъ, пошелъ въ Академію, чтобы посмотрѣть надпись. Лишь только онъ взглянулъ на памятникъ, какъ въ ту же минуту объяснилъ загадку. Означенный камень стоялъ прежде на углу одного дома и улицы Монмартра, которая вела въ каменоломни. Домъ за ветхостію былъ сломанъ, и камень съ надписью попалъ въ мусоръ. Въ монмартрскую каменоломню вели двѣ дороги: по одной проѣзжали на телегахъ, а по другой могли ходить только вьючные ослы съ камнемъ. Буквы приведенныя нами выше, значили не что иное какъ: *Ici le chemin des Anes* (здѣсь дорога для ословъ).

— Между шотландскими войсками давно введено въ обычай держать при каждомъ полку какого нибудь обученаго звѣря—всеобщую собственность солдатъ, который гордо выступаетъ въ головѣ полка передъ музыкантами на всѣхъ парадахъ, смотрахъ и даже въ походахъ. Напримѣръ, въ одномъ полку есть ученый медвѣдь, въ другомъ большая обезьяна, въ третьемъ слонъ. Эти звѣри всегда маршируютъ впереди полка, на ученьяхъ, парадахъ, на трудныхъ переходахъ, не смотря ни на какую погоду; лишь только заиграетъ военная музыка — четвероногій воинъ становится въ рядъ съ тамбур-мажоромъ. Газета «Spectator» разсказываетъ, что стоящій въ Манчестерѣ 78 шотландскій карабинерный полкъ получилъ недавно новаго предводителя въ такомъ родѣ. Англійскій консулъ Кампбель, пребывающій въ Тангерѣ, родомъ Шотландецъ, послалъ недавно въ подарокъ означенному полку прекраснаго статнаго страуса. Сначала надобно было этого неукротимаго сына африканскихъ степей пріучить учтивѣе обходиться съ музыкантами, ибо онъ проглатывалъ нерѣдко цѣлыя кипы нотъ, схвативъ ихъ съ пупитра; за такой проступокъ страусъ долженъ былъ носить нѣсколько времени на своемъ клевѣ узду. Теперь онъ совершенно обученъ, гордо маршируетъ впереди полка, и служитъ забавою для уличныхъ мальчишекъ.

— Во Франціи никто не можетъ вступить на дипломатическое поприще,

Digitized by Google

не имѣя по малой мѣрѣ 2000 франковъ дохода. Такое министерство юстиціи и финансовъ не опредѣляетъ къ себѣ ни одного чиновника безъ означеннаго условія. Слѣдовательно, теперь образовывается во Франціи денежная аристократія, которая хочетъ заступить мѣсто аристократіи дворянъ. Одинъ журналъ высчиталъ всѣ служебныя мѣста, на которыя правительство можетъ опредѣлять своихъ поклонниковъ: такихъ мѣстъ считается во Франціи 55,297.

— Въ Ульмѣ богатое собраніе разнаго рода древняго и новаго оружія, принадлежавшее покойному герцогу Гейнриху Виртембергскому, назначено нынѣ къ продажѣ съ аукціона. Все собраніе оцѣнено въ 200,000 гульденовъ и почитается въ Европѣ значительнѣйшимъ; между многимъ великолѣпнымъ оружіемъ, имѣющимъ историческій интересъ, особенно замѣчательны ружья, принадлежавшія Наполеону, украшенныя богатою рѣзьбою и брильянтами. Одно изъ такихъ ружей стоитъ 9000 гульденовъ.

— Въ Мюнхенѣ полиція строго наблюдаетъ, чтобы на площадяхъ и публичныхъ гуляньяхъ не бѣгали собаки, также запрещено впускать собакъ въ трактиры и другія публичныя заведенія. Каждый гуляющій по улицамъ или на площадяхъ и бульварахъ съ собакою, обязанъ вести ее на привязи. Прочія же городскія собаки непремѣнно должны быть въ проволочныхъ намордникахъ. Это благодѣтельное постановленіе особенно въ жаркое время года строго наблюдается и въ другихъ городахъ Германіи.

— Въ Парижскомъ Mont de pitié въ прошедшемъ году заложено было 1,220,692 разныхъ вещей на сумму 18,576,029 франковъ. Чиновникамъ этого заведенія строго запрещено принимать подъ залогъ перины и матрацы, чтобъ сберечь мѣсто для другихъ вещей въ огромныхъ магазинахъ заведенія, въ которыхъ уже и безъ того лежитъ въ закладѣ до 15,000 перинъ.

— Извѣстно, что въ Германіи уже полстолѣтія спорятъ ученые и литераторы о томъ, кто былъ выше: Шиллеръ, или Гёте. Одинъ туристъ, узнавъ объ этомъ безконечномъ спорѣ, вздумалъ собрать свѣдѣнія на мѣстѣ объ этихъ геніяхъ германской литературы,—отправился изъ Англіи на твердую землю, посѣтилъ Веймаръ и Штутгардъ и рѣшилъ споръ коротко и ясно: Шиллеръ былъ выше Гёте $5^1/_2$ дюймами.

— Крошечные пластыри-мушки для лица выдуманы были во время царствованія Эдуарда VI, какою-то знатною кокеткою, которая прикрывала этими мушками нѣсколько появившіяся на лицѣ ея морщины. Огромные парики были изобрѣтены французскимъ парикмахеромъ Дювиньё, который прикрывалъ этимъ средствомъ слишкомъ высокія плечи дофина. — Карлъ VII, король французскій, носилъ длинополый кафтанъ, чтобъ скрыть подъ нимъ свои кривыя ноги. Мода на длинные башмаки въ два фута, обязана своимъ происхожденіемъ Гейнриху Плантагенету, герцогу анжуйскому, у котораго былъ наростъ на одной ногѣ. —Когда Францискъ I-й, по причинѣ раны на головѣ, долженъ былъ коротко остричь свои волосы, тогда вошла въ моду между придворными прическа à la Titus.

— Англійская газета «The Courtier» описываетъ нѣсколько особъ, которыя, посредствомъ адвокатства и законовѣдѣнія, изъ низкаго класса народа вышли на блестящую дорогу почестей, и сдѣлались важными государственными сановниками. На-примѣръ, королевскій адвокатъ (Attorney-General) сэръ Ф. Поллокъ, былъ сынъ сѣдельника; сэръ Вилльямсъ, президентъ высшаго суда королевы (of the Queens Bench) сынъ лошадинаго барышника;

Digitized by Google

канцлеръ Ирландіи, Согденъ (Sugden) сынъ цирюльника; Плеттъ, членъ тайнаго королевскаго совѣта, сынъ простаго писаря; мать барона Горнъ торговала на рынкѣ политическими брошюрами; умершій лордъ Кеніонъ, который былъ attorny general, master of the rolls и наконецъ министръ юстиціи, въ молодости своей переписывалъ бумаги у адвоката; лордъ Гардункъ, на 34 году достигшій званія генерал-прокурора, былъ сынъ простаго адвоката, который за поддѣлку подписей былъ повѣшенъ; лордъ Эльдонъ былъ сынъ угольщика; отецъ лорда Тендердена былъ цирюльникъ; лордъ Кэмпбель и сержантъ нижней палаты Спанки были носильщиками мелкихъ извѣстій въ газету «Morning Chronicle», Марксонъ, первый адвокатъ и ревордеръ Фавенсгама, былъ простымъ писцомъ, а генералъ-прокуроръ Бодкинъ аукціонистомъ. Мы могли бы еще привесть множество именъ (говоритъ Courrier), которыя единственно прилежаніемъ, расторопностію, терпѣніемъ и трудомъ достигли важныхъ государственныхъ должностей.

— Извѣстно, что осла нельзя принудить бѣжать въ галопъ ни кнутомъ, ни палкою; есть однакожь средство, чтобъ это лѣнивое животное пустилось бѣжать какъ серна; когда тронешь ключомъ или хоть иголкою четвертый суставъ его позвоночной кости. Оселъ тогда покажетъ всю свою прыть и потягается съ любою лошадью.

— Въ Гарлемѣ есть древній обычай, который очень достоинъ подражанія и въ другихъ городахъ Европы. Если тамъ родитъ женщина, то на наружныхъ дверяхъ ея квартиры или дома прибивается большая бѣлая кокарда, изъ полотна, или изъ другой матеріи. Это служитъ знакомъ, что въ домъ ея не можетъ войдти никто изъ полицейскихъ служителей, никакой изъ присяжныхъ судовъ, чтобъ внезапнымъ появленіемъ своимъ не испугать родильницы. Мужъ ея въ-теченіи шести недѣль не можетъ быть арестованъ ни за какіе долги и претензіи. Голландскій писатель Фанъ-Свитенъ очень хвалитъ этотъ полезный обычай, говоря: «наша земля имѣетъ большое уваженіе къ каждой роженицѣ, ибо она даритъ государству гражданина, или будущую мать семейства».

—Въ журналѣ «la Renommée» говорятъ, что нигдѣ такъ драматическіе артисты не уважаются и не поставлены такъ высоко въ обществѣ, какъ въ Копенгагенѣ. Тамъ есть нѣсколько актёровъ, украшенныхъ орденомъ Данеброга, и много зажиточныхъ помѣщиковъ, даже есть профессоры и ученые, которые изъ чистой любви къ драматическому искусству поступили съ каѳедры на сцену. На аффишахъ печатаются имена актрисъ съ прибавкою: Frau или Jungfer. Публика, встрѣчая иногда на гуляньѣ отлично-игравшую на канунѣ актриссу, привѣтствуетъ ее слѣдующею фразою: «благодаримъ за вчерашнее удовольствіе!»

— Въ Парижѣ недавно умерла мамзель Гобли, очень посредственная фигурантка Большой Оперы. Наслѣдники между движимымъ ея имѣніемъ нашли слѣдующія вещи: 83 турецкія шали, 113 кашемировыхъ платковъ, 38 персидскихъ, 18,000 паръ перчатокъ, 3,486 флаконовъ и коробочекъ съ духами, разнымъ мыломъ, румянами и пр.; 3 дюжины бутылокъ съ разными химическими притираньями, 6,000 паръ шолковыхъ башмаковъ, 874 платья шелковыя и изъ другихъ матерій, 10 клоковъ и манто, 1040 разныхъ причесокъ, фальшивыхъ буклей, косъ и т. п., 280 браслетовъ, 540 золотыхъ перстней, колецъ и пр.; 36 паръ брильянтовыхъ серегъ, 16 жемчужныхъ ожерельевъ, и столько же брильянтовыхъ, 5 паръ чулокъ, 6 рубашекъ, 609 носовыхъ платковъ, обшитыхъ кружевомъ, 1 наволочка, 2 очень-подержаныя простыни, и библіотека, состоящая изъ 4000 томовъ книгъ, большею частію безнравственнаго, соблазнительнаго содержанія.

Digitized by Google

— Извѣстный своими шалостями въ Англіи и Ирландіи пресловутый маркизъ Уатерфордъ имѣетъ намѣреніе жениться и, разумѣется, какъ подобаетъ благоразумному супругу, остепениться. Англійскій народъ къ титулу знаменитаго маркиза Уатерфорда и Бредшейна и пэра соединенныхъ королевствъ прибавилъ замысловатое прозвище, которое очень характеризуетъ этого повѣсу: его прозвали страшилищемъ всѣхъ будочниковъ, грозою полицейскихъ констеблей, Атиллою уличныхъ фонарей. Одна лондонская газета замѣчаетъ, что благородный маркизъ, вступая въ бракъ, продаетъ свой музей, который женатому человѣку имѣть неумѣстно и даже неприлично; на-примѣръ, 20 дюжинъ звонковъ отъ разныхъ воротъ и домовъ (ночные трофеи), 15 дюжинъ замочныхъ скобъ и ручекъ, также отъ дверей и воротъ, 12 дюжинъ желѣзокъ для обтиранія ногъ; 1 дюжина желѣзныхъ коромыселъ отъ колодцевъ, 10 трактирныхъ вывѣсокъ, собранныхъ маркизомъ по ночамъ въ разныхъ городахъ Англіи, суконная куртка, подбитая ватою, употребляемая маркизомъ для ночлега въ караульныхъ домахъ и полицейскихъ будкахъ, пальто, подбитое медвѣжьимъ мѣхомъ, для защиты отъ палокъ сторожей и дворовыхъ собакъ; носилки, на которыхъ маркизъ отправлялся домой въ полночь, или утромъ изъ гостинницъ, игорныхъ домовъ или отъ жрицъ Венеры.

—Въ Кассель, колбасникъ Арнольдъ Гулль объявилъ въ газетахъ, что продаетъ *безсмертные* вестфальскіе окорока, и расхвалилъ свой товаръ слѣдующимъ образомъ: «Что это за окорока, настоящее чудо! могутъ пролежать цѣлое столѣтіе и нимало не испортятся; окорока, которые никогда не провоняютъ; окорока, немного испеченые, такъ же вкусны, какъ ананасъ; окорока, которые могутъ объѣхать три раза вокругъ свѣта, и останутся свѣжими, мягкими, сочными; окорока, укрѣпляющіе мускулы мужчинъ и придающіе свѣжій видъ женщинамъ; окорока, которые безъ вреда здоровью можетъ ѣсть младенецъ во чревѣ матери, родильницы, кормилицы и дѣвицы самаго нѣжнаго сложенія; окорока, которые обезсмертили имя ихъ мастера Арнольда Гулля; короче сказать, такіе окорока, которые онъ продаетъ по полугульдену!»

— Въ Константинополѣ случилась недавно слѣдующая любовная исторія, имѣвшая трагическій конецъ. Молодой бимбашъ, Измаилъ Сега, женился на прелестной Черкешенкѣ Исмѣ. Нѣсколько времени, молодые супруги жили счастливо и согласно; но вдругъ Измаилъ примѣтилъ ужасную перемѣну въ сердечныхъ чувствахъ своей жены. Исма сдѣлалась холодною и равнодушною къ пылкой страсти своего мужа. Она даже во-сиѣ нерѣдко стонала, испуская жалобные вопли и таинственные вздохи. Просьбы и угрозы мужа не могли вырвать у красавицы тайну ея глубокой печали. Измаилъ напрасно ломалъ себѣ голову, отыскивая причину необыкновенной ея грусти. Не преступила ли она законъ супружеской вѣрности? Но Исма никогда не выходила изъ дома безъ провожатаго; она жила совершенно-отдѣльно отъ своихъ сосѣдей, ни съ кѣмъ не зналась, никого къ себѣ не принимала въ гости, кромѣ одной молодой Гречанки, которая часто посѣщала свою подругу, когда мужъ ея былъ въ карауль въ дворцѣ султана. Можетъ-быть, эта подозрительная подруга была колдунья, и разстроила счастіе молодой четы? По нѣкоторомъ размышленіи, бимбашъ объявилъ женѣ, что онъ рѣшительно запрещаетъ ей продолжать знакомство съ подозрительною Гречанкою. Исма бросилась на колѣни передъ мужемъ и со слезами умоляла его не разрывать тѣсной ихъ дружбы. Просьбы и слезы жены еще болѣе расшевелили подозрѣніе и ревность въ сердцѣ Измаила. Между-тѣмъ, таинственная Гречанка не переставала посѣщать свою задушевную подругу. Измаилъ

Digitized by Google

терялся въ догадкахъ и опасеніяхъ, наконецъ рѣшился тайно подслушать, что говорятъ между собою эти неразрывныя подруги. Однажды онъ сказалъ женѣ, что будто бы идетъ въ караулъ, но въ-самомъ-дѣлѣ скрылся въ сосѣднемъ домѣ, и дождался визита Гречанки. Она не замедлила явиться въ домъ бимбаша, а ревнивый мужъ въ ту же минуту прокрался по пятамъ ея и спрятался въ своемъ кабинетѣ, который отдѣленъ былъ отъ спальни жены его только перегородкою. Тутъ онъ былъ свидѣтелемъ самаго страстнаго разговора, взлоховъ, поцалуевъ и прочаго. Взбѣшенный такою сценою, Измаилъ бросился съ кинжаломъ на любовниковъ, но Гречанка ловко и быстро шмыгнула вонъ изъ комнаты. Однакожь, на улицѣ схватилъ бѣгущую пріятель Измаила и узналъ въ ней переодѣтаго молодаго Грека. Измаилъ представилъ любовника своей жены въ судъ, гдѣ разбираютъ любовныя интриги райевъ съ мухаммеданками. Молодой Грекъ Кисжаки Сагасъ увидѣлъ въ первый разъ на гуляньѣ обворожительную Исму и объяснился съ нею въ любви цвѣтами и знаками. Черкешенка привѣтливо отвѣчала на предложеніе Грека, и пригласила его къ себѣ въ гости, но переодѣтымъ въ женское платье. Съ того времени началась между ими интрига, которой наконецъ сдѣлалъ развязку бимбашъ. Турецкіе суды производятъ такія дѣла весьма-скоро:. Кисжаки Сагаса на другой же день послѣ ареста повѣсили передъ домомъ Измаила, а вечеромъ послѣ его казни, полицейскіе служители вынесли изъ дома бимбаша большой кожаный мѣшокъ, въ которомъ что-то шевелилось и стонало... Мѣшокъ бросили въ волны Босфора.—Вотъ сюжетъ для романа въ турецкомъ вкусѣ.

— Парижскіе мужья въ настоящее время не столь терпѣливы и снисходительны, какъ были прежде. Нынче каждую недѣлю происходятъ тамъ то разводы, то дуэли, и всему причиною жены-кокетки. На дняхъ случилась въ Парижѣ супружеская комедія, которая очень интересуетъ всю публику. Есть въ Парижѣ банкиръ столь же богатый, какъ и ревнивый, настоящая синяя борода по послѣдей модѣ. Супругу удалось врасплохъ застать Вержи у своей Маріи, въ ту минуту, когда они клялись другъ другу въ вѣчной любви и вѣрности. Свирѣпый мужъ велѣлъ связать любовниковъ, сложивъ ихъ спинами, и потомъ заперъ въ комнатѣ, на двое сутокъ — безъ питья и пищи. Въ это время мужъ занялся приготовленіемъ къ балу и созвалъ къ себѣ гостей. Въ назначенный часъ, среди бала, онъ велѣлъ играть оркестру арію изъ Ричарда: «Quand les boeufs vont deux-à-deux, le labourage en va mieux». Въ эту минуту растворились двери большой гостиной, и удивленные гости увидѣли бѣдныхъ любовниковъ связанныхъ, блѣдныхъ, дрожащихъ отъ голода и холода — въ самомъ жалкомъ положеніи. Можно себѣ представить какой эффектъ произвела эта сцена. Разумѣется, такая супружеская комедія будетъ имѣть развязку въ судѣ присяжныхъ. По этому случаю завязался тройной процессъ: мужъ подалъ жалобу на любовниковъ, жена на мужа, посадившаго ее подъ арестъ безъ пищи, въ противность законамъ; а любовникъ жалуется на мужа за то, что тотъ посягнулъ на его личную свободу.

— Въ «Альтонской» Газетѣ помѣщено слѣдующее объявленіе: «Я нижеподписавшаяся, вдова 43 лѣтъ,—да это еще не бѣда, ибо я вдовою только три года. Мое занятіе можетъ легко прокормить какого-угодно мужа, притомъ же я очень-недурна собою. Въ театрѣ недавно одинъ кавалеръ назвалъ меня даже дѣвицею! На моей фабрикѣ дѣлается пергаментъ разныхъ добротъ и сортовъ. Въ Голландію отправляю я пергаменты №№ 7 и 9, въ Бельгію №№ 1 и 4, въ Данію одинъ только № 2. Мнѣ желательно выйдти замужъ за швейцарскаго уроженца. На-

Digitized by Google

личнаго капитала считается у меня 1500 талеровъ. У меня есть сынъ 27 лѣтъ, но онъ живетъ не на моихъ хлѣбахъ и опредѣленъ на гамбургскій театръ переставлять кулисы и зажигать лампы. Фелиса Кригельманъ, пергаментная и барабанная мастерица. Альтона, Шлосгофъ, № 73.»

— Въ той же газетѣ одинъ купецъ объявилъ о счастливомъ разрѣшеніи своей жены здоровымъ мальчикомъ и подписалъ: «Іоганъ-Августъ Кнустъ и компанія»... Вотъ откровенные-то люди!

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ О БАРОНѢ ЕГОРѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ ВРАНГЕЛѢ.

(Сообщено).

Изъ людей, дѣйствующихъ на поприщѣ наукъ и искусствъ, одни знаменуютъ жизнь свою многотрудными изслѣдованіями, новыми открытіями и глубокомысленными твореніями; другіе, ограничиваясь основательнымъ познаніемъ какой-либо отрасли человѣческихъ свѣдѣній, въ той степени развитія, на которой она находится въ ихъ время, трудами и усиліями своими стремятся только къ распространенію ея между своими соотчичами. Блистательныя качества, геніальныя способности, сила творчества, суть необходимыя принадлежности первыхъ; умъ твердый и ясный, основательность и прочность знанія свойственны послѣднимъ и проявляются какъ въ семейной, такъ и въ гражданской ихъ жизни; они-то по преимуществу и суть представители и поборники истиннаго образованія въ народѣ. Основное начало ихъ дѣятельности— усвоить себѣ какую-нибудь сторону умственной жизни человѣка и передать свои познанія другимъ, для общей пользы, по самому существу своему и цѣли даетъ нравственное направленіе всей ихъ жизни и проливаетъ нравственный свѣтъ на ихъ бытіе, и теплая вѣра и сердечная, глубокая привязанность къ изучаемому предмету, прямыя слѣдствія истиннаго познанія, защищаютъ ихъ отъ бурь житейскихъ и треволненій міра, ставятъ ихъ въ состояніе нравственной независимости и внутренняго самодовольствія. При такомъ направленіи всей жизни этого достопочтеннаго класса людей, всякое отдѣльное проявленіе ея: дѣятельность служебная, бытъ семейный, жизнь въ обществѣ, должны быть проникнуты тѣмъ же нравственнымъ чувствомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы нигдѣ не встрѣтимъ столько примѣровъ христіанскаго смиренія, кротости, терпѣнія, благочестія, благотворительности, словомъ, всѣхъ семейныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, какъ въ описаніяхъ жизни и дѣятельности истинныхъ тружениковъ науки; самый даже общій недостатокъ ученыхъ, въ которомъ столь часто многіе упрекаютъ ихъ, — односторонность, происходитъ отъ глубокаго нравственнаго сознанія необходимости и общественной пользы предмета, которому они посвятили жизнь свою.

Къ числу такихъ истинно-благородныхъ и полезныхъ людей принадлежитъ въ полной мѣрѣ баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель, котораго внезапную кончину мы оплакиваемъ теперь. Жизнь тружениковъ науки не обильна внѣшними фактами, и жизнеописаніе ихъ, если только они не выходили изъ круга своей дѣятельности, должно преимущественно ограничиваться начертаніемъ хода умственнаго ихъ развитія, т. е. изображеніемъ тѣхъ внутреннихъ перемѣнъ и переворотовъ духа, посредствомъ коихъ они достигли познанія. Нѣтъ ничего поучительнѣе и любопытнѣе такого жизнеописанія; но откуда почерпнуть содержаніе его?.. Сочиненія ученыхъ, представляя конечный результатъ ихъ умственной дѣятельности, не указываютъ тѣхъ путей, которыми они достигли до него. Часто даже нѣтъ и этого скуднаго источника, — именно, когда дѣятельность ученаго, какъ и въ настоящемъ случаѣ, ограничивается словеснымъ преподаваніемъ, сочиненіями, непредавшими печати, наставленіями и собственнымъ примѣромъ. Въ такомъ случаѣ, для человѣка, которому память объ ученомъ, кончившемъ свое земное поприще, по какимъ бы то ни было причинамъ драгоцѣнна, и который мысли свои и чувства желаетъ передать письму, для такого человѣка остается, примѣняясь къ нраву, отношеніямъ и личности усопшаго, заключать по внѣшнимъ событіямъ жизни о его внутреннемъ развитіи; при описаніи же внѣшнихъ событій жизни, онъ долженъ руководствоваться собственными воспоминаніями,

Digitized by Google

разсказами другихъ, и наконецъ, оффиціальными свѣдѣніями.

Баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель скончался, послѣ кратковременной болѣзни, 15-го іюня 1841 года въ 9-мъ часу пополудни, на 57-мъ году отъ рожденія, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ званіи заслуженнаго экс-профессора Царскосельскаго Лицея, занимая должность инспектора классовъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія и каѳедры россійскаго права въ томъ же училищѣ, Санктпетербургскомъ Университетѣ и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. — Баронъ Врангель, происходя изъ весьма древней и во многихъ отношеніяхъ замѣчательной лифляндской фамиліи, по примѣру большей части лифляндскихъ молодыхъ дворянъ своего времени, получилъ образованіе въ Германіи; тамъ слушалъ онъ лекціи философіи и правовѣдѣнія въ Университетахъ Іенскомъ, Вюрцбургскомъ и Виртембергскомъ. Слѣдствіемъ его учебныхъ и теоретическихъ занятій въ Германіи было ясное сознаніе немногихъ, но самыхъ необходимыхъ, общихъ философскихъ началъ и основаній гражданскаго устройства, сообразное съ успѣхами философіи въ тогдашнее время, основательное познаніе политической экономіи и исторіи, и твердое, нѣсколько односторонее убѣжденіе, что единственное, истинное основаніе права есть исторія, а слѣдовательно и изученіе права должно быть исключительно основано на историческихъ изслѣдованіяхъ. — Въ продолженіи своего ученаго поприща, до конца жизни, баронъ Врангель пребылъ вѣренъ этому исключительно историческому взгляду на правовѣдѣніе: вся ученая его дѣятельность, его изустныя лекціи, оставленныя имъ записки объ исторіи русскаго права, о государственномъ гражданскомъ и уголовномъ правахъ, служатъ тому самымъ вѣрнымъ и сильнымъ доказательствомъ: философская часть его лекцій ограничивается весьма немногими, но ясными и опредѣлительными понятіями объ основаніяхъ гражданскаго устройства. Вообще, баронъ Врангель принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ послѣдователей историко-юридической школы въ Россіи. — По возвращеніи на родину, онъ вступилъ въ 1804-мъ году въ дѣйствительную службу секретаремъ Ревизіонной Коммиссіи Лифляндской Губерніи Дерптскаго Уѣзда; каковы были занятія его на этомъ новомъ поприщѣ практической дѣятельности юриста послѣ теоретическихъ трудовъ въ Германіи, неизвѣстно; но благородный характеръ и способности его заставляютъ предполагать, что онъ и этотъ путь прошелъ съ честью: попытка, быть практическимъ юристомъ была первою и послѣднею въ его жизни. — Со времени упраздненія Дерптской Ревизіонной Коммиссіи, съ 1806 г. до конца своей жизни, онъ постоянно дѣйствовалъ въ области теоретическаго изученія права, то какъ чиновникъ Коммиссіи Составленія Законовъ, то какъ профессоръ политическихъ и нравственныхъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вступивъ въ Коммиссію Составленія Законовъ коллегіи юнкеромъ, баронъ Врангель оставался въ ней до перваго преобразованія ея, т. е. до 1809 года; въ концѣ же года онъ является, въ первый разъ на чисто-ученомъ поприщѣ, на которомъ остается до конца своей жизни въ званіи адъюнкт-профессора россійскаго права въ Казанскомъ Университетѣ. Съ 16-го декабря 1809 года по 30-е іюня 1819-го въ-продолженіи болѣе 9-ти лѣтъ, баронъ Врангель читалъ курсъ политической экономіи и, если не ошибаюсь, первый въ Россіи началъ теоретически излагать основанія россійскаго права. Составленный имъ въ то время курсъ гражданскаго и уголовнаго правъ и судопроизводства стоилъ ему многихъ трудовъ и усилій по причинѣ разнородности и сбивчивости источниковъ отечественнаго права въ то время, но послужилъ основаніемъ записокъ его о русскомъ правѣ, которыми онъ руководствовалъ

Digitized by Google

на лекціяхъ своихъ въ послѣдніе годы жизни. Кромѣ обязанности профессора, баронъ Врангель, по выбору своихъ сослуживцевъ, прочихъ членовъ Казанскаго Университета, исполнялъ ученыя должности секретаря совѣта Казанской Губернской Гимназіи (съ 17 августа 1810 года), члена экзаменнаго комитета (1811 и 1815), секретаря университетскаго совѣта и синдика (съ 26 марта 1814), члена училищнаго комитета (съ 22 мая 1816). Во время пребыванія своего въ Казани, баронъ Врангель, кромѣ того, получилъ, 23 марта 1811 года, ученую степень экстра-ординарнаго профессора, а 27 марта 1815, произведенъ въ ординарные профессоры. Вступивъ въ бракъ съ дочерью почтеннаго своего сослуживца, заслуженнаго профессора Казанскаго Университета Яковкина, онъ думалъ въ ученыхъ занятіяхъ, наслаждаясь семейнымъ счастіемъ, провести жизнь мирно и безмятежно; но судьба и люди рѣшили иначе: зависть, клевета и неблагодарность заставили этого почтеннаго, добраго человѣка, послѣ девяти лѣтъ неусыпной дѣятельности и тяжкихъ трудовъ, оставить, противъ воли, Казань, и переселиться въ 1819-мъ году съ семействомъ въ Петербургъ. Вскорѣ по прибытіи сюда, баронъ Врангель, 27 іюня 1820 года, по Высочайшему соизволенію, опредѣленъ профессоромъ нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ и Благородномъ при немъ Пансіонѣ; въ томъ же году онъ причисленъ вновь къ Коммиссіи составленія Законовъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ и въ этомъ званіи пробылъ до послѣдняго преобразованія Коммиссіи въ 1826-мъ году. Наиболѣе подробная оцѣнка дѣйствій и произведеній этой Коммиссіи, десятой по счету и послѣдней, сдѣлана въ извѣстномъ «Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ» (стр 14—41). Баронъ Врангель дѣйствовалъ въ ней сначала (съ 1805 по 1809-й годъ), какъ подчиненный; а потомъ (съ 1820 по 1826 годъ) въ качествѣ ученаго и почетнаго члена, имѣя возможности, по своимъ профессорскимъ занятіямъ, быть дѣятельнымъ чиновникомъ, а потому никогда не оказывалъ большаго вліянія на дѣла ея. Для произведенія чего-либо, сообразнаго съ цѣлью этого государственнаго учрежденія, при тогдашнемъ состояніи законовѣдѣнія, надобно было имѣть могучій геній человѣка, дѣятельности котораго наше отечество обязано, въ настоящее время, составленіемъ Свода Законовъ; во всякомъ случаѣ, историческое направленіе работъ Коммиссіи Законовъ могло способствовать къ большему утвержденію въ баронѣ Врангелѣ историческаго взгляда на право и правовѣдѣніе. Къ чести его должно замѣтить, что службою своею въ коммиссіи онъ пріобрѣлъ вниманіе и благосклонность незабвеннаго графа М. М. Сперанскаго, который, въ послѣдніе годы своей жизни, оказывалъ лестные знаки своего къ нему вниманія и удостоивалъ его даже своими посѣщеніями.

Со времени опредѣленія профессоромъ Царскосельскаго Лицея, баронъ Врангель избралъ Царское-Село постояннымъ своимъ мѣстопребываніемъ. Пользуясь благосклонностью начальства, уваженіемъ сослуживцевъ и любовью слушателей своихъ, онъ кромѣ того богатъ былъ счастьемъ семьянина: ему досталась завидная участь покоить и лелѣять глубокую старость родителей, которые жили у него въ домѣ; а сердечныя заботы о воспитаніи нѣжно-любимыхъ дѣтей, пріятнымъ образомъ смѣняли и разнообразили служебныя и ученыя его занятія: кто не зналъ это семейство, не могъ налюбоваться господствовавшими въ немъ христіанскими добродѣтелями, патріархальною простотою нравовъ, добродушіемъ и гостепріимствомъ. Вскорѣ дѣятельность барона Врангеля увеличилась; онъ снова вступилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Начальство Главнаго Педагогическаго Института, этого разсадника истинно-ученыхъ и полезныхъ педагоговъ, об-

Digitized by Google

ратило на него свое вниманіе и, съ согласія начальства Лицея, съ сохраненіемъ занимаемой барономъ Врангелемъ должности, опредѣлило его, 11 февраля 1832 года, ординарнымъ профессоромъ при институтѣ; въ томъ же году и на тѣхъ же основаніяхъ, онъ занялъ каѳедру россійскаго права въ здѣшнемъ университетѣ. Такова была дѣятельность барона Врангеля до конца 1835 года. Въ это время, подъ высокимъ покровительствомъ и начальствомъ его свѣтлости, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, послѣдовало основаніе Императорскаго Училища Правовѣдѣнія. Баронъ Врангель 22-го ноября того же года опредѣленъ инспекторомъ классовъ въ этомъ заведеніи. Проникнутый сознаніемъ высокой важности и государственной пользы сего училища, баронъ Врангель со всѣмъ рвеніемъ благородной души занялся исполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей. Исполняя всякое дѣло съ теплымъ чувствомъ, онъ имѣлъ сильное нравственное вліяніе на воспитанниковъ училища: мы всѣ любили и уважали его; необыкновенная снисходительность, кротость и добродушіе,—словомъ, вся личность его, располагали насъ открывать предъ нимъ душу, не таить отъ него нашихъ мыслей и желаній; онъ душевно радовался каждому даже малѣйшему успѣху, не могъ безъ улыбки удовольствія слушать доброй вѣсти о всякомъ изъ насъ. Зная нравъ барона Врангеля, нельзя было не стараться угождать ему; а это такъ легко было сдѣлать: стоило только прочесть ему свое сочиненіе, подѣлиться задуманнымъ планомъ новой работы, разсказать свои юношескія надежды,—и онъ былъ вполнѣ счастливъ; часто при такихъ бесѣдахъ, слеза радости отъ полноты чувствъ катилась по его доброму, почтенному лицу... Какъ послѣ этого было не любить его? Въ Училищѣ Правовѣдѣнія,—какъ онъ самъ сознавался въ дружескомъ разговорѣ, незадолго до своей смерти, — баронъ Врангель провелъ пріятнѣйшіе годы жизни; но это время было послѣднимъ временемъ его земнаго поприща. Занятія его по исправленію должности инспектора классовъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія не препятствовали ему продолжать прежнюю ученую дѣятельность: 4 февраля 1836 года онъ сдѣланъ былъ деканомъ юридическаго факультета въ здѣшнемъ университетѣ, а 9-го октября 1836 года удостоился высокой чести преподавать, вмѣстѣ съ графомъ М. М. Сперанскимъ и по представленію его, юридическія науки Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю Наслѣднику Престола. На этотъ знакъ монаршаго довѣрія баронъ Врангель смотрѣлъ, какъ на лучшую награду трудовъ всей своей жизни.

Со времени опредѣленія своего въ Училище Правовѣдѣнія, баронъ Врангель долженъ былъ переѣхать изъ Царскаго-Села въ Петербургъ: отдаленность Царскаго-Села и новыя занятія заставили его просить увольненія изъ Лицея, которое и послѣдовало 23 іюня 1837 года, а 1-го ноября того же года за ревностную, слишкомъ 25-тилѣтнюю службу, начальствомъ Лицея засвидѣтельствованную, онъ получилъ пансіонъ полнаго оклада жалованья съ почетнымъ званіемъ заслуженнаго профессора. Въ замѣнъ прежней своей дѣятельности по преподаванію лекцій въ Лицеѣ, баронъ Врангель принялъ на себя, съ 15-го іюня 1837 года, преподаваніе исторіи русскаго права, русскаго гражданскаго и уголовнаго правъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія.—Содѣйствіемъ къ первымъ двумъ выпускамъ изъ Училища Правовѣдѣнія, оканчивается дѣятельность, а вмѣстѣ и жизнь барона Врангеля: онъ умеръ, къ общей горести семейства, друзей и всѣхъ знавшихъ его, 15-іюня 1841 года, на другой день послѣ втораго выпускнаго акта Училища. Тѣло его покоится на Волковомъ Кладбищѣ; погребеніе происходило 23 іюня.

Послѣ надгробнаго слова, въ которомъ проповѣдникъ краснорѣчиво изобразилъ христіанскія и семейныя добродѣтели и гражданскія заслуги усоп-

Digitized by Google

шаго, послѣ трогательнаго прощанія семейства, родныхъ и знакомыхъ съ гробомъ, послѣ ужасной минуты, когда столѣтній отецъ барона Врангеля, съ воплемъ печали, по обычаю христіанскому, бросилъ горсть земли въ могилу сына, — послѣ всѣхъ раздирающихъ сценъ отчаянія и горести, возвратясь въ свой укромный уголокъ, я передалъ на бумагу чувства мои къ усопшему и мысли о жизни и трудахъ его, которыя теперь передаю во всеобщее извѣстіе. Можетъ-быть, взглядъ мой на значеніе и дѣятельность барона Врангеля недостаточенъ, ошибоченъ; во всякомъ случаѣ я изобразилъ жизнь его такъ, какъ я ее понялъ, и пусть эти строки будутъ знакомъ моего глубокаго уваженія и искренней признательности къ памяти этого истинно-добраго, почтеннаго и полезнаго человѣка.

Б—ій.

СЛОВО ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА. — Кто былъ Даніилъ Заточникъ? Вопросъ безотвѣтный. Лѣтописи молчатъ о немъ. Извѣстно только, что онъ былъ сосланъ въ заточеніе на Озеро Лаче (въ Олонецкой-Губерніи); объ этомъ онъ самъ упоминаетъ въ «Словѣ», говоря: «Кому *Лачь озеро*, а мнѣ, *на немъ сѣдя*, плачъ горки». Сверхъ-того, и въ лѣтописяхъ (въ Троицкой харатейной, Никоновской, и др.) по случаю ссылки одного священника въ 1378 г. на Лаче Озеро, прибавлено: «идѣже бѣ Даніило заточеникъ». Когда онъ жилъ? На этотъ вопросъ можно отвѣчать съ утвердительностію: прежде XIV вѣка. Впрочемъ, Калайдовичъ, изъ словъ самого автора, основательно заключаетъ, что онъ обращается къ современному князю, и именно Георгію Долгорукому, слѣд., Даніилъ жилъ въ XII вѣкѣ.

Слово даніилово было напечатано уже три раза:—въ первый разъ Карамзинымъ, въ прибавленіяхъ къ VIII т. «Ист. Гос. Рос.», изд. 2, съ нѣкоторыми выпусками; вторично Калайдовичемъ, въ «Памятникахъ Русской Словесности XII вѣка», вполнѣ, съ варіянтами, и ученымъ образомъ; и наконецъ, въ третій разъ И. П. Сахаровымъ, въ I томѣ его «Сказаній Русскаго Народа», по списку, сообщенному ему И. П. Морозовымъ.

Нынѣ предлагаемый отрывокъ, заимствованъ изъ принадлежащаго мнѣ сборника, писаннаго въ четвертку скорописью первой половины XVII вѣка. Онъ нисколько не походитъ на текстъ «Слова», доселѣ извѣстный, и любопытенъ *по духу современныхъ измѣненій*, произведенныхъ въ немъ переписчиками. Въ немъ нѣтъ начала, ни конца; но они не утрачены. Переписчикъ такъ получилъ его и удовольствовался тѣмъ, что имѣлъ. Встрѣчаются повторенія, несуществующія въ «Словѣ» изданномъ. Языкъ изъ древняго передѣланъ въ современный переписчику; но встрѣчаются слѣды его первобытности, какъ, напр., *власть* вмѣсто *родина*, *капля* вмѣсто *капля*, *зогзица* вмѣсто *кукушка*.

Измѣненія, о коихъ упомянулъ я выше, и прибавки относятся прямо къ нравамъ XVII вѣка. Авторъ, жившій во время удѣловъ, вездѣ обращается къ нагнавшему его князю, обвиняетъ его совѣтниковъ, вооружается противъ женщинъ, вѣроятно, бывшихъ причиною его несчастій, довольно-неделикатно. Переписчикъ, незнакомый съ владѣтельными князьями, благоговѣлъ предъ государемъ и все сваливаетъ на бояръ. У него совѣтники вводятъ въ напасть не князя, а человѣка; у него «лучши нога въ лыченицѣ на своей волѣ, нежели въ червленомъ сапозѣ, въ боярскомъ дворѣ». Онъ также вооружается противъ женщинъ, но учтивѣе, нежели самъ авторъ. Словомъ, разница не только въ буквахъ и передѣлкахъ, но и въ самомъ духѣ сочиненія. Это сочиненіе XVII вѣка, реставрированное понятіями XVII-го.

Гр. Д. Т—й.

10 сентября 1841.
Нижній-Новгородъ.

Digitized by Google

«Данила Заточеника.

«Полетая аки пчела и падая по многимъ цвѣтомъ и сбирая медвеную сладость, тако аки доброразумный мужъ избирая мудрость словесную отъ многихъ писаній къ разумнымъ и смысленнымъ на бо̀льшую мудрость, а безумнымъ, аще бы и всея вселенныя мудрости преписалъ, а умнымъ не бывати имъ. Яко же рече Господь: не сыплите бисера предъ свиньями, да не попрутъ его ногами своими. Во истину ненадобѣ свиніи бисеръ, ни злато: тако же безумному премудрыхъ словеса; ни мертвеца разсмѣшити, ни безумнаго научити; ни желѣза въ водѣ разварити, ни блуднаго наказати. Мудраго пославъ вмалѣ ему скажи, а безумнаго пославъ, не лѣнися и самъ за нимъ поди. Безумнаго аще кнутомъ бьешь, а не отымешь отъ него безумія. Мужъ мудръ смысленнымъ другъ, а несмысленнымъ недругъ. Очи мудраго желаютъ благихъ, а безумнаго очи въ дому пировнѣ. Луче слушати прещенія мудрыхъ, нежели наказанія безумныхъ. Не наказуй злыхъ, да не возненавидятъ тебе; обличай премудра и возлюбитъ тя: дай премудрому вину и премудрѣе будетъ. Не сѣй жита на браздахъ, ниже мудрости въ сердцѣ безумныхъ. Когда синица орла пожретъ, и камень изъ дна моря вспловетъ, а быстрая рѣка вспять потечетъ, а хмѣль на водѣ потонетъ,—тогда безумный мудрости научится.

«Солнце убо всю землю преходитъ и весь міръ лучами своими и вселенныя концы просвѣщаетъ, тако же и ты, господине, многи человѣки милостію своею грѣеши: токмо азъ во тьмѣ ходя единъ, уединяяся лишенъ твоего жалованья. Аки трава блещаема, въ застѣньи растущи, на ню же ни солнце сіяетъ, ни дождевныя кранели съ небеси идутъ, ни утреняя роса падетъ: и быхъ яко древо, стояще при пути. И вси мимоходящіи путемъ тѣмъ древа того утинаютъ: овъ вѣтвь, а инъ отрасль. Тако же и азъ, отъ мнозѣ обидимъ; но аки левъ, огражденъ великимъ оплотомъ—смиренною кротостію моею—и аки высокопарный орелъ, старостію одержимъ и слѣпотою объятъ, и яко кречатъ бѣлъ во опутѣхъ сѣдя. Но когда убо обновится яко орлу юность моя, или кречату разрѣшатся опутыни? Орелъ убо, егда состарѣется и отягчатся очи ему, и бываетъ слѣпъ, и возлетитъ на воздухъ и обрѣтетъ источникъ воды чисты и погрузится въ немъ трикраты: тогда оставитъ слѣпоту свою во источницѣ томъ; тогда юнъ бываетъ орелъ, высоко летая, яко царь надъ птицами. А кречату егда пута разрѣшатся, тогда онъ напущается на стада лебединыя, и побиваетъ утята, летая по тихимъ за̀водямъ. Богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть, и на чужемъ градѣ—отчина ему, и мнози друзи у себя имѣетъ; а убогъ мужъ и во своей власти (*) ненавидимъ есть. Занеже риза его не свѣтла и рѣчь его не чиста. Богатъ мужъ возглаголетъ, и вси умолкнутъ, и умна его сотворятъ, и слово его до облакъ вознесутъ: а убогъ мужъ возглаголетъ, и вси людіе начнутъ глаголати ему: что вѣщаеши безумне? Богату мужу лице цвѣтетъ, понеже веселіе всегда въ дому его, а убогу мужу лице дряхло, понеже печаль есть всегда въ дому его.

«Образъ твой свѣтелъ въ красотѣ, и гласъ твой сладокъ, и устна твоя источаютъ сладость медвеную. Глаголы твоя, аки Богомъ насажденный эдемскій рай; плодомъ руцѣ твои исполнены, отъ злата аравійска, и ланитѣ твои яко сосудъ исполненъ водъ ароматныхъ. Гортань твоя аки кринъ сельный добровонный, искапая благовонное мѵро милости твоей. Очи твои яко кладязи животныхъ водъ, напаяя многихъ. Чрево твое яко стогъ пшеничный питая многихъ, а глава твоя, аки красная невѣста монисты, украшена славою, а умъ во главѣ, аки женихъ въ чертозѣ. Не возри на мя, аки волкъ на агня, но яко мати на младенца. Буди рука твоя ва взятье согбена, а простерта неимущимъ на подаяніе. Не

(*) Родина, волость, wlast, богем.

Digitized by Google

возненавижду мудраго нища, ни возношу же до облакъ богата несмысленa: нищь бо мудръ, аки зерно злато въ калѣ свѣтится, а богатъ несмысленъ, аки наволочиное зголовье соломы натъкано. Премудрость поможетъ мудрому паче десяти обладающихъ во градѣ. Не море топитъ корабли, но сильные вѣтры; не огнь творитъ разженіе желѣзу, но дмевіе мешечное: тако и человѣкъ не самъ впадаетъ въ напасть, но водитъ его думцы. Азъ бо не во Аѳинѣхъ родился, ниже отъ философъ учихся, но быхъ умомъ летая аки пчела, и падая по многимъ цвѣтомъ, и сбирая сладость медвеную, яко же неводъ, не держитъ воды, но множество рыбъ собираетъ. Весна украшена теплотою и красотою солнечною, и добропѣсненныхъ птицъ глашеніемъ, и кудрявыхъ древесъ шумѣніемъ, а земля украшена плоды сельными и благоуханными цвѣты: тако и ты украшенъ красотою лица и различными добродѣтельми твоими. Солнце убо лучами своими весь міръ грѣетъ, и просвѣщаетъ конца вселенныя, а ты красотою лица своего многи человѣки удивляеши и возвеселяеши знаемые други различными добротами своими. Яко немощно нездравыма очима ясно зрѣти солнца, тако же и моему уму, помраченному страстями, божественныхъ и великихъ касатися судебъ. Лучши нога моя въ лыченицѣ на своей волѣ, нежели въ червленомъ сапозѣ въ боярскомъ дворѣ; лучше въ вѣтчанѣ портищѣ и во издранныхъ сапозѣхъ на своей волѣ, нежели въ багряницѣ въ работѣ. Неудобь есть свиньѣ серегъ златыхъ въ ноздрѣхъ носити, ниже холопу добрые порты. Аще котлу кольца златыя во ушахъ, но дну его не избыти отъ женія огненнаго, ни черности; тако и боярскій холопъ, аще бы и паче мѣры боринъ и гордился, но узоры ему своей не избыти: всякъ молвитъ:—боярскій холопъ. Лучши вода пити на своей волѣ, неже медъ въ работѣ. Луче единъ воробышекъ въ своихъ рукахъ, нежели лебедь изъ чужихъ рукъ. Добру господину служа, дослужится свободы, а злу господину служа дослужится большія работы. Да плачуся яко Адамъ лишенъ райскія доброты. Яко же олово, часто разливаемо, погибаетъ, тако и человѣкъ, аще многія бѣды и печали пріемлетъ, скоро погибнетъ. Всякъ человѣкъ о чужой бѣдѣ хитръ и мудръ, а о своей не можетъ смыслити, понеже человѣку печаль умъ отражаетъ, и никто же можетъ что себе пользовати, ниже въ печали смыслити добра. Не мудръ есмь азъ, ни смышленъ, но мудраго ризу облачахъ, а смысленыхъ сапогъ носилъ есми; постави убо сердечный свой сосудъ подъ потокъ языка моего, да покапаетъ ти сладость словесъ, яко ароматныхъ водъ, слаждши меда, и сахара, и семидальна хлѣба. Послушествуетъ ми премудрый Соломонъ глаголя: словеса добра—сладость души и тѣлу здравіе: уста сладки покрываютъ сердце печально. Никто же бо можетъ не оперивъ стрѣлы стрѣлити, ни въ лѣности чести добыти; и никто же можетъ звѣзды дострѣлити, ниже въ печали смыслити добра. Или сына женити у богата, а поняти урода. Лучше трясцею болѣти, неже съ нелюбовною женою жити; трясавица потрясши, покинетъ, а зла жена до вѣка сушитъ. Она бо въ день трясетъ, а въ ночь упокой даетъ, а со злою женою жити и не съ любовною, ни въ день отрады, ни въ ночь упокоя. Жена бо злообразна уподобися немогребенному мертвецу: ни живетъ, ни умретъ. Лучше бо злой звѣрь на дворѣ, неже въ дому жена злообразна. Уподоблюся жерновамъ, иже многимъ насыщаютъ, а сами не насыщаются никогда же. Уподоблюся зогзицѣ (*), иже единy поетъ пѣснь, того ради ненавидима бываетъ. Аще бы безумный премудрыя словеса глаголалъ, то могли бы сему и мертвіи подивитися. Не видалъ есми отъ козла масла, отъ вола млека, ниже отъ безумнаго мудрости.»

(*) Кукушкѣ.

Digitized by Google

ВЗГЛЯДЪ НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА СЪ БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. — (*Изъ письма въ Петербургъ*). — Не доѣзжая десяти верстъ до Симферополя, вы замѣтите, что таврическая степь кончается Салгиромъ, который показывается здѣсь въ первый разъ. Я очень обрадовался этой прекрасной горной рѣчкѣ, думаю, болѣе потому, что съ самыхъ русскихъ губерній не удалось мнѣ видѣть и слышать ручейка: вездѣ однообразіе степей, иногда только прерываемое большими рѣками. Съ Салгира начинаются изрѣдка обработанныя поля, болѣе садовъ и деревьевъ; берега этой рѣчки ни на шагъ не остаются праздны: гдѣ только можно, мельницы, и вездѣ что-нибудь посѣяно или посажено.

Въ Симферополѣ нашли мы гостиницу, и довольно-покойную и не очень-дорогую; городъ что-называется растетъ не по годамъ, а по днямъ; благодаря заботливости мѣстнаго начальства, оно и нѣсколько дѣльныхъ и просвѣщенныхъ людей въ нѣсколько лѣтъ далеко подвинутъ Симферополь съ его окрестностями: въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Сады здѣсь золотое дно: нѣкто Ривиліотти посадилъ съ небольшимъ десять лѣтъ садъ, очень-мало на него издержалъ, и получаетъ въ иной годъ до 35,000 рублей дохода! Въ Симферополѣ видѣлъ я мастерскую вологодскаго крестьянина, гдѣ онъ выдѣлываетъ, съ товарищами, изъ окреснаго мрамора и порфира, прелестныя и дорогія вещи. Не удивляюсь: смышлёнъ и дѣленъ нашъ русскій народъ; я видѣлъ, какъ въ Дагестанѣ учитъ онъ Татаръ добывать рыбу, какъ въ Остзейскихъ Губерніяхъ садитъ онъ нѣмецкіе огороды, какъ извощики наши ѣздятъ за тридевять земель и въ 1814 году добрались даже до Парижа... Здѣсь разсталися мы съ верблюдами, которыхъ безпрестанно обгоняли по всей Таврической Губерніи; Татары не вьючатъ ихъ, а закладываютъ въ двухколесныя арбы. За городомъ, до первой станціи Мамут-Султанъ, продолжается такъ-называемая Салгирская Долина; картина та же, что и отъ Салгира до Симферополя; только еще болѣе жизни, садовъ, домовъ; мѣстоположеніе гористѣе и вблизи самыя горы.

Отъ Мамут-Султана, долина становится уже; по обѣимъ сторонамъ начинаются горы; наконецъ образуется ущелье между двухъ горныхъ хребтовъ. Когда мы были еще верстъ за семь до второй станціи, Таушанъ-Базаръ, совсѣмъ смерклось; я пріѣхалъ на ночлегъ ночью и, слѣдовательно, не могъ видѣть подробностей, но чувствовалъ, что мы уже подымаемся. Вотъ начинаетъ свѣтать; я вскочилъ съ дивана, торопливо вышелъ на улицу — и ахнулъ отъ удивленія и удовольствія: передо мною стоялъ великанъ Чатырдагъ, окруженный горами, какъ столѣтній дубъ мелкимъ кустарникомъ. Для меня, жителя равнинъ, эта встрѣча съ гигантомъ Крыма долго будетъ памятна. Мы привыкли къ бѣдной и прозаической нашей природѣ; но здѣсь, гдѣ она величественна, недосягаема и часто необозрима, впечатлѣнія тѣмъ болѣе и глубже врѣзываются.

Отъ самаго почтоваго дома начали мы взбираться на Чатырдагъ и слишкомъ три версты все подымались; день былъ прелестный; по обѣимъ сторонамъ дороги глубокіе овраги, часто настоящія пропасти; заглянешь — голова кружится; все это усѣяно кудрявыми дубами и другими мощными произрастеніями полудня; мѣстами пропасти расширяются и образуютъ небольшія долины; тамъ пестрѣютъ домики съ виноградниками и садами; далѣе, на горизонтѣ, со всѣхъ сторонъ громады горъ; вотъ панорама, которая свидѣтельствуетъ вамъ, что вы на рубежѣ полуденнаго берега. Наконецъ, мы на вершинѣ Чатырдага, — не самой горы: она вправѣ и доступна только самому упорному и досужему пѣшеходу, — для насъ вершиною было то мѣсто, гдѣ перестали мы подыматься; здѣсь, на лѣвой сторонѣ дороги, поставленъ красивый обелискъ. Проѣхавъ сотню саженъ, мы начали спускаться. Вообразите: цѣлыя семь верстъ объ тормозы по-

Digitized by Google

чти всегда были необходимы: такъ крута покатость; потомъ гора еще продолжается версты три, но гораздо-отложе. Можно сказать, что мы скатились на южный берегъ изъ-подъ небесъ; и подлинно: здѣсь мы впервые увидѣли, какъ облака гуляютъ то по поверхности горъ, то опоясываютъ сѣредину бѣлымъ поясомъ. На четвертой верстѣ, по скату горы, видите вы, подъ сѣнію маститыхъ дубовъ, фонтанъ изъ гранита съ слѣдующею надписью: «Близь сего мѣ«ста раненъ въ глазъ генералъ-маіоръ «Кутузовъ, въ послѣдствіи бывшій «фельдмаршаломъ и княземъ Смолен«скимъ». Чудный случай! Рана должна быть смертельна, но судьба, видно, хотѣла сберечь Кутузова для двѣнадцатаго года!... На вершинѣ Чатырдага ожидала насъ еще прелестная картина: отсюда увидѣли мы Черное Море, и лучи восходящаго солнца отражались въ волнахъ его; рамою были: безоблачное небо и съ трехъ сторонъ амфитеатры горъ.

Окрестности Алушты и самое мѣстечко на берегу моря воздѣланы, гдѣ только доступны горы; вездѣ строенія, много красивыхъ; вездѣ сады, иногда вины, и все это живописно разсѣяно; вправо развалины башень, построенныхъ въ шестомъ вѣкѣ греческимъ императоромъ Юстиніаномъ; красивая въ готическомъ вкусѣ церковь, огромные кусты цвѣтущихъ розановъ, вездѣ зелень, и наконецъ 1-го ноября 18 градусовъ тепла въ тѣни, — все это вмѣстѣ тѣшитъ глаза и воображеніе: невольно чему-то радуешься; я по-крайней-мѣрѣ былъ веселъ; надежда, что здѣсь возвратится здоровье М...., согрѣло мнѣ душу, и я съ умиленіемъ привѣтствовалъ благословенную русскую Италію!

Перемѣнивъ лошадей въ Алуштѣ, мы пустились, поворотивъ вправо, вдоль моря, по горной дорогѣ; тамъ, гдѣ десять лѣтъ тому съ опасностію ѣздили верхомъ, ѣхалъ я въ тяжелой четвероместной каретѣ, четыре лошади въ рядъ, такъ покойно, какъ отъ Москвы до Петербурга. Здѣшнее шоссе высѣчено въ горахъ, все въ зигзакахъ, избавляющихъ ужасной крутизны; почти всегда съ одной стороны гора стѣною, съ другой оврагъ въ сотню и гораздо-болѣе саженъ глубины; но не пугайтесь: съ опасной стороны повсюду стѣнка такая, что вы можете безнаказанно смѣяться надъ пропастями. Шоссе проведено отъ Таушан-Базара далеко за Алупку, то-есть, верстъ на восемьдесятъ, и стоило менѣе милльона! Вездѣ рука человѣка боролась съ кремнистою, могучею природою, и вездѣ побѣдила. Хвала молодцу, который придумалъ и исполнилъ это великое и благодѣтельное дѣло!... Всю эту станцію вертѣлись мы около Кастеля, огромной горы-утеса, и дивились ей, потому-что не видали Аюдага (Медвѣжьей-Горы).

Отъ станціи Буют-Ламбать, природа становится суровѣе, зелень только вдали, исчезла и земля; одни голыя скалы: онѣ передъ глазами вашими, смѣняютъ одна другую, стоятъ какъ угрюмые часовые, стерегущіе крымскихъ гесперидъ. Влѣво является Аюдагъ—одинокій, величественный, недоступный; облака вѣнчаютъ голую вершину великана, и съ двухъ сторонъ волны морскія омываютъ широкую пяту его; тамъ, гдѣ нѣтъ моря, у подножія горы, мѣстами обработанныя долины, лѣса, селенія. Какъ съ горной дороги все это кажется мало противъ Аюдага; мало, какъ всѣ, что дѣло рукъ человѣческихъ противъ творенія Бога.

Проѣхавъ верстъ семь между скалъ, пропастей, ревущихъ потоковъ, вы видите, что природа какъ-будто смягчается; вы все въ горахъ, но онѣ опять доступны воздѣлыванію, вездѣ плантаціи, усадьбы, сады и татарскія сакли съ крышами-террассами; здѣсь орешникъ, часто приносящій многія тысячи плодовъ; тамъ лавровыя, оливковыя, миндальныя и фиговыя деревья; далѣе, всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ розаны, огромныя клумбы тѣхъ растеній, которыхъ вѣточки за рѣдкость сохраняются въ теплицахъ сѣвера; въ лѣсахъ де-

Digitized by Google

ревья переплетены дикимъ виноградомъ и какъ-будто облиты всегда зеленѣющимъ плющомъ; чѣмъ далѣе подаешься, тѣмъ болѣе прелести; вправо, горы и глушь, влѣво, на покатости къ морю, передъ вами скользитъ: имѣніе г. Бороздина, Артекъ—Потемкина, Никити съ ботаническимъ садомъ, Магарачъ (общее названіе нѣсколькихъ прекрасныхъ дачъ), Масандра съ ея обширнымъ паркомъ, плантаціями и древесною школою, Учъ-имъ—г-жи Исленьевой, и городъ Ялта, гдѣ пристаютъ пароходы. — Отсюда дорога съ полверсты идетъ у самого моря; вправо между горъ красивая долина съ разбросанными домами греческой деревни; потомъ восемь верстъ все въ гору; налѣво Ливадія — графа Потоцкаго, далѣе Оріанда — дача Государыни Императрицы; мѣстоположеніе и паркъ Оріанды считаются одними изъ прелестнѣйшихъ въ здѣшнемъ краю; скалы и утесы съ стадами дикихъ козъ, каскады, пещеры и башни съ видами на сто верстъ по берегу моря, — словомъ, есть на что полюбоваться. Вотъ два утеса: на одномъ Государыня повелѣла поставить крестъ, на другомъ сама посадила оливковое дерево. Крестъ тверезъ на своемъ основаніи, оливъ цвѣтетъ — вѣра и миръ; оба они напоминаютъ послѣднее, важнѣйшее событіе Крыма: много столѣтій волновалась и бѣдствовала мусульманская Таврида, но знаменіе истинной вѣры осѣнило тверлынею ея, и она узнала наконецъ миръ и благодѣтствіе.— Далѣе, другая Оріанда —дача Государыни Великой Княгини Елены Павловны. Еще далѣе, надъ самымъ моремъ, на мысѣ Айтодоръ, маякъ; направо, ничего не видно за горой; но вотъ вы ее обогнули, и передъ вами вдругъ развертывается чудная картина: вправо цѣпи горъ; ихъ вѣнчаетъ огромный, зубчатый утесъ Айпетри, изъ семьи здѣшнихъ великановъ; совсѣмъ влѣво море; между ними амфитеатръ версты три ширины и верстъ десять длины: я здѣсь ничего прелестнѣе не видалъ! Кромѣ красотъ общихъ южному берегу, тутъ видны дачи княгини Мещерской, Берггеймъ, Гаспри—князя А. Н. Голицына, Мизоръ — г-жи Нарышкиной, съ лѣсомъ изъ лавровыхъ деревьевъ, Алупка—графа Воронцова съ феодальнымъ замкомъ изъ цѣльныхъ кусковъ гранитейна и съ разными чудесами, которыхъ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; ихъ должно непремѣнно видѣть, и тогда только удостовѣришься, что изящный вкусъ, желѣзная воля, чудная природа и много денегъ, сдѣлали изъ Алупки нѣчто обворожительное. — За мысомъ Айтодоръ шоссе идетъ подъ гору; спустясь четыре версты, поворотъ съ большой дороги влѣво; вы ѣдете версты три все парками и садами Мизгора и Алупки, и наконецъ передъ вами величественное зданіе изъ громадъ зеленаго мрамора съ башнями, куполами и террассами; въ садахъ водопады, кипарисы временъ Потемкина, оливы, современники Генуезца, платаны, чинары, гранаты, рощи изъ лавровъ, и высокія стѣны изъ розановъ... И вотъ, точно кратеръ погасшаго вулкана: вы видите нѣсколько горъ изъ огромныхъ каменныхъ обломковъ, лежащихъ одинъ на другомъ, въ разныхъ видахъ и направленіяхъ, самымъ страннымъ и чудеснымъ образомъ между собою перемѣшанныхъ; это настоящій хаосъ— и прелестно и ужасно!... Но теперь не до описанія; надо прежде насладиться цѣлымъ и подробностями, и тогда, если станетъ умѣнья, пріймусь описывать Алупку.

ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ И ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

I.

Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ.

Въ засѣданіи 4-го февраля, сообщены были Академіи изысканія г. *Гельмерсена*, объ относительной древно-

Digitized by Google

сти и свойствахъ мѣстонахожденій каменнаго угля въ Тульской и Калужской Губерніяхъ.

Каменистые прорѣзы на берегахъ рѣчки Прикши, впадающей въ Мсту, показали, что выходящіе тамъ наружу и перемежающіеся съ сѣрою глиною слои каменнаго угля лежатъ непосредственно на древнемъ красномъ песчаникѣ, и покрыты известнякомъ. Эти мѣстонахожденія содержатъ въ себѣ остатки растеній угольнаго періода, и, слѣдовательно, должны быть отнесены къ известняку и притомъ къ самому глубокому его отдѣлу. Въ описаніи этого расположенія, помѣщенномъ въ «Bulletin Scientifique» (томъ VII, стр. 73) г. Гельмерсенъ упоминалъ о многихъ раковинахъ, которыя отличаютъ известнякъ Новгородской Губерніи; между ними находится producius gigas. Теперь авторъ нашелъ, что эта раковина находится также въ известнякѣ, который сопровождаетъ мѣстонахожденія каменнаго угля въ Тульской Губерніи, и на этомъ основаніи онъ думаетъ, что тульскіе слои угля образовались въ ту же эпоху, какъ новгородскіе, и именно они лежатъ подъ известнякомъ. И такъ какъ г. Гельмерсенъ простеръ свои изысканія до верхней Волги и до восточныхъ границъ Лифляндіи, то онъ заключаетъ, что на всемъ этомъ пространствѣ не встрѣчается никакой особенной формаціи каменнаго угля.

На берегахъ верхней Волги, близъ Старицы и Ржева, г. Гельмерсенъ нашелъ, что находящійся тамъ известнякъ отличается присутствіемъ Spirifer Mosquensis и Cidaris.

Изъ Старицы къ Москвѣ, не видно уже слоевъ известняка, а видна только рыхлая щебеневая почва. Но на югъ отъ Москвы, къ Подольску и Мячкову, эти слои появляются снова. При Серпуховѣ, на Окѣ, ихъ опять не видно; здѣсь выходятъ наружу глина и плотный известнякъ, который, по своему внѣшнему виду и по заключающимся въ немъ остаткамъ органическихъ существъ, совершенно отличается отъ подольскаго камня. Но нѣкоторымъ причинамъ можно допустить, что серпуховскіе слои древнѣе подольскихъ и моложе калужской извести, содержащей въ себѣ уголь. Эти причины сдѣлались бы ясны только тогда, когда бы изыскатели опредѣлили положеніе собственнаго округа каменнаго угля. Близъ самой Тулы, еще не найдено угля,—и только близъ деревни Слободки, въ разстояніи 35 верстъ на юго-западъ отъ Тулы, изысканія были простерты довольно далеко, и тамъ нашли слѣдующіе слои: желтый песокъ, синеватую глину, сѣрый известнякъ, опять синеватую глину, желтый рухлякъ, песокъ, сѣрую и черную глину съ углемъ. Очень-подобный рядъ слоевъ выходитъ наружу въ одной сосѣдней лощинѣ, и сѣрый известнякъ содержитъ здѣсь producius gigas и hemisphaericus. Въ рыхломъ камнѣ этой лощины находится множество хорошо-сохранившихся остатковъ органическихъ существъ, которые всѣ принадлежатъ известняку. Обстоятельства, замѣченныя близъ Слободы и въ этой лощинѣ, очень напоминали о томъ, что было найдено при Боровичахъ, въ Новгородской Губерніи, и на берегахъ Прикши, а это заставляло предполагать, что въ первыхъ двухъ мѣстностяхъ, глубже, есть слои известняка.

На берегахъ Оки, въ Орлѣ, находятся огромные слои известняка и рухляка; объ эти породы составляютъ верхнюю покатость долины и покрываютъ желтый и красный песчаникъ, который содержитъ holoptychus nobilissimus, ясно доказывающій ихъ древность. И прочія части обнаженнаго здѣсь ряда слоевъ содержатъ въ себѣ остатки рыбъ. На сѣверовостокъ отъ Орла встрѣчаются извѣстные уже слои, найденные при Ильменскомъ Озерѣ, именно, известнякъ съ Spirifer trapezoidalis и Spirifer speciosus, micropterus, изъ которыхъ одинъ первый уже былъ бы достаточенъ для того, чтобъ сдѣлать несомнѣннымъ присутствіе тамъ древняго краснаго песчаника.

Digitized by Google

Эти открытія доказываютъ, что на направленіи отъ Мсты и Прикши, въ Новгородской Губерніи, къ Орлу, одинъ и тотъ же рядъ слоевъ попадается два раза; путешественникъ, ѣдущій отъ сѣвера къ югу, встрѣчаетъ его въ восходящемъ порядкѣ. И такъ, известнякъ этихъ странъ лежитъ въ большомъ бассейнѣ, котораго закраины на сѣверѣ и на югѣ образованы изъ древняго краснаго песчаника. Эти отношенія совершенно согласуются съ топографіею земли. Идя отъ сѣвера, она возвышается въ Валдайскихъ Горахъ, составляющихъ сѣверную закраину бассейна, до 1,000 парижскихъ футовъ надъ Балтійскимъ Моремъ; потомъ понижается до Москвы и до середины теченія Волги 400-ми и 300-ми парижскихъ футовъ; наконецъ она снова возвышается, въ Тульской и Калужской Губерніяхъ, 800-ми и болѣе футовъ надъ уровнемъ моря.

Соображая всѣ эти факты, должно сознаться, что многія изъ мнѣній, которыхъ держатся доселѣ, невѣрны. Мы укажемъ лишь на то, что тульскіе и калужскіе слои береговъ Мсты и Прикши, суть глубочайшіе, покрытые известнякомъ, и слѣдовательно они не суть части собственно-называемой угольной формаціи.

Должно замѣтить еще, что каждый изъ двухъ главныхъ отдѣловъ нашего известняка отличается особенными, ему свойственными раковинами, которыя никогда не встрѣчаются вмѣстѣ въ одномъ и томъ же слоѣ. Доселѣ не удалось найдти различные отдѣлы известняка вмѣстѣ на одномъ и томъ же пунктѣ. Въ среднихъ частяхъ бассейна, о которомъ мы говорили выше, усматриваются всегда только верхніе слои, а къ закраинамъ видны только нижніе, содержащіе въ себѣ уголь.

Угольный известнякъ береговъ Мсты и Прикши не содержитъ въ себѣ никакихъ остатковъ органическихъ веществъ.

Что касается до свойствъ и годности угля, находящагося въ упомянутыхъ выше мѣстностяхъ, г. Гельмерсенъ говоритъ слѣдующее: «Слои этого угля бываютъ толщиною до пяти или шести футовъ, но скоро раскалываются. Угольныя мѣсторожденія средней части Россіи хотя очень-древни сравнительно, но доброта ихъ угля невелика. Это сдѣлается понятнымъ, если мы подумаемъ, что условій для образованія хорошаго угля въ этихъ мѣстахъ не доставало. Напротивъ, въ донскомъ бассейнѣ ощутительно вліяніе плутоническое, и отъ-того тамошній уголь лучше; даже тамъ есть превосходный антрацитъ, котораго напрасно стали бы искать въ Тульской и Калужской Губерніяхъ. Не смотря на все, что говорятъ о богатствѣ угля въ этихъ губерніяхъ, такъ-называемыя угольныя мѣсторожденія ихъ состоятъ изъ черной глины и горной смолы, и только немногія изъ нихъ дѣйствительно заключаютъ въ себѣ уголь».

Уголь, находимый въ Россіи, очень-различенъ по виду и добротѣ. Тотъ, который находится при Велинѣ, въ 30 верстахъ отъ Одоева, есть самый лучшій для горѣнія и могъ бы быть употребленъ во многихъ родахъ промышлености. Не столь хорошъ, но годенъ для употребленія, уголь соленинскій, находящійся въ трехъ верстахъ отъ города Лихвина. Но ни въ одной изъ этихъ и другихъ (о которыхъ мы не упоминаемъ) мѣстностей Россіи не находятъ чернаго блестящаго угля; и въ-самомъ-дѣлѣ, послѣдній обыкновенно встрѣчается только въ древнихъ формаціяхъ.

— Въ засѣданіи 11-го марта, г. *Дорнъ* сообщилъ Академіи свои изысканія о первоначальномъ и правильномъ писаніи нѣкоторыхъ аѳганскихъ названій.

II.

Одесское Общество Исторіи и Древностей.

14-го апрѣля Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣло торжественное засѣданіе. Въ этомъ засѣданіи читанъ былъ отчетъ о дѣйстви

Digitized by Google

Общества съ 1-го января до 14-го ноября 1841 года. Извлекаемъ главнѣйшее.

Наличное число членовъ общества къ 14-му ноября 1841 года было: дѣйствительныхъ, въ Россіи 55; за границею 3. Почетныхъ, въ Россіи 6, за границею 2. Соревнователей 1, въ Россіи. Корреспондентовъ, въ Россіи 20, за границею 3.

По разсмотрѣніи дѣйствительнымъ членомъ Общества В. В. Григорьевымъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ 1839 году въ Рязанской Губерніи, въ селѣ Бѣломъ-Омутѣ, лежащемъ на берегу рѣки Окн, противъ мѣста, гдѣ и донынѣ замѣтны еще остатки древняго города Перевитеска, и принесенныхъ въ даръ Обществу г. президентомъ, оказалось, что всѣ онѣ принадлежатъ къ X вѣку и заключаютъ въ себѣ монеты аббасидскія, самандскія, зіяридскія, бувейгидскія и волжскихъ Булгаръ. Общество, находя, что подробное описаніе и обнародованіе этой находки можетъ принести пользу, исполненіе сего поручило ему же, г. Григорьеву. Сочиненіе его, обогащенное примѣчаніями, въ настоящее время перваго нумисмата въ Европѣ, г. академика Френа, издано на иждивеніи Общества, подъ названіемъ: «Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской Губерніи, въ 1839 году».

Какъ это сочиненіе, такъ и изданное въ прошедшемъ году отъ Общества: Descriptio Musei publici Odessani, pars I, поднесены были, чрезъ г. почетнаго президента, графа М. С. Воронцова, высокому покровителю Общества, Государю Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Александру Николаевичу и удостоялись благосклоннаго принятія, съ изъявленіемъ Обществу благодарности.

Въ продолженіе времени, за которое представленъ нынѣ отчетъ, Общество имѣло три обыкновенныя засѣданія: 31-го января, 7-го апрѣля и 18-го сентября, и одно торжественное 27-го апрѣля.

Въ обыкновенныя засѣданія Общества были представлены и читаны слѣдующія статьи:

1) Описаніе куфическихъ монетъ, найденныхъ въ Рязанской Губерніи (о которомъ говорено выше), дѣйствительнаго члена Григорьева; 2) Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи: «Казацко-Польскія войны 1649 и 1650 годовъ», доставленный дѣйствительнымъ членомъ высокопреосвященнымъ Гавріиломъ, архіепископомъ рязанскимъ и зарайскимъ; 3) Изслѣдованіе о двухъ древнихъ надписяхъ на мраморѣ, найденныхъ Одесскаго Уѣзда, въ селеніи Троицкомъ, и подаренныхъ Обществу помѣщикомъ А. Ѳ. Кобле,—члена-основателя Мурзакевича. 4) Записка о нѣкоторыхъ христіанскихъ древностяхъ Крымскаго Полуострова, дѣйствительнаго члена высокопреосвященнаго Гавріила, архіепископа херсонскаго и таврическаго; 5) Записка о находящемся въ Николаевскомъ Зарайскомъ Соборѣ древнемъ потирѣ съ нѣмецкою надписью, занесенномъ туда въ 1224 году изъ Корсуня (древняго Херсона), — корреспондента Андреевскаго; 6) О Екатерининской церкви, находящейся въ херсонской крѣпости, и объ особахъ при ней погребенныхъ, корреспондента Лиликова, и 7) О нѣсколькихъ древнихъ памятникахъ Подольской Губерніи, имѣющихъ связь съ исторіею Новороссійскаго Края, — корреспондента Линовскаго.

Въ торжественномъ засѣданіи, кромѣ рѣчи г. вице-президента и краткаго отчета о дѣйствіяхъ и положеніи Общества, было прочтено сочиненіе дѣйствительнаго члена преосвященнаго Іакова, епископа саратовскаго и царицынскаго: «О мѣстоположеніи Сарая, столицы Кипчакской или Золотой Орды».

На основаніи предначертаннаго плана дѣйствій своихъ, Общество, имѣя постоянно въ виду собраніе сколь возможно большаго числа матеріаловъ, которые бы служили основаніемъ для будущихъ его занятій, продолжало съ

Digitized by Google

равною прежней попечительностію о немъ заботиться. Такъ

1) Узнавъ, что въ упраздненной Крѣпости св. Елисаветы находится архивъ старыхъ лѣтъ, и надѣясь найдти въ немъ свѣдѣнія, относительно присоединенія къ Россіи и первоначальнаго заселенія здѣшняго края, Общество, чрезъ г. почетнаго президента своего испрашивало у г. военнаго министра дозволенія на порученіе разбора означеннаго архива одному изъ членовъ Общества. По полученіи на то разрѣшенія, Общество возложило исполненіе на дѣйствительнаго члена Соколова, отъ котораго и ожидаетъ окончательныхъ донесеній.

2) Островъ Фидониси, на которомъ находился въ древности храмъ Ахилла, продолжалъ обращать на себя вниманіе Общества по археологической своей важности. По сему оно дало порученіе секретарю своему, г. Мурзакевичу, отправиться на мѣсто и сдѣлать этому острову и всему, что на немъ найдено и замѣчено будетъ, подробное описаніе. Предпріятіе это, при ревностномъ содѣйствіи дѣйствительнаго члена Общества, П. И. Ѳедорова, совершено прошедшимъ лѣтомъ. Богатая добыча этой поѣздки, состоящая изъ болѣе чѣмъ 120 эллинскихъ и римскихъ монетъ, нѣсколько древнихъ геммъ, и разныхъ мелкихъ вещицъ, относящихся къ домашнему быту древнихъ, представлено уже Обществу. Описаніе приводится къ окончанію.

3) Находя нужнымъ имѣть полное и подробное свѣдѣніе о всѣхъ археографическихъ находкахъ, въ Новороссійскомъ Краѣ дѣлаемыхъ, Общество, сверхъ прежнихъ распоряженій своихъ по сему предмету, признало нужнымъ войдти къ г. почетному президенту своему съ представленіемъ: а) объ исходатайствованіи у г. министра императорскаго двора доставленія Обществу рисунковъ со всѣхъ древнихъ вещей, отправленныхъ изъ вырытыхъ въ окрестностяхъ Керчи, въ Эрмитажъ, съ приложеніемъ при оныхъ краткихъ объясненій, какія вещи, когда и гдѣ найдены; б) о распоряженіи, чтобъ со всѣхъ находящихся въ керченскомъ музеумѣ древностей сняты были рисунки и доставлены Обществу съ подобными упомянутымъ описаніями, в) чтобъ и впредь при дѣлаемыхъ открытіяхъ такіе рисунки и свѣдѣнія были доставляемы Обществу. На сіе получено отъ его сіятельства графа М. С. Воронцова увѣдомленіе, что по пунктамъ 2-му и 3-му даны имъ, кому слѣдуетъ, надлежащія предписанія; что же касается до 1-го, то г. министръ императорскаго двора увѣдомилъ, что описаніе находящихся въ Эрмитажѣ древнихъ вещей, найденныхъ въ окрестностяхъ Керчи, предполагается издать съ литографированными рисунками, и что тогда экземпляръ онаго доставленъ будетъ въ Общество.

Сверхъ-того, здѣсь слѣдуетъ упомянуть о попеченіи Общества относительно устройства помѣщенія, для его засѣданій и храненія принадлежащихъ ему коллекцій и ученыхъ пособій; на этотъ конецъ г. почетный президентъ предоставилъ въ его собственность находящуюся при биржевомъ зданіи галлерею, а Общество чрезъ его же посредство исходатайствовало изъ Государственнаго Заемнаго Банка ссуду суммы, потребной на перестройку и расширеніе означенной галлереи. Дальнѣйшія распоряженія по этому предмету выходятъ изъ предѣловъ объема времени представленнаго отчета.

Въ-продолженіе времени, съ 1-го января по 14-е ноября прошедшаго года, графу М. С. Воронцову угодно было возлагать на общество слѣдующія порученія: а) Составленіе правилъ для храненія древностей въ музеумѣ Новороссійскаго Края. б) Составленіе инструкцій для разрытія кургановъ и способа открываемыхъ въ нихъ древностей. Какъ то, такъ и другое возложено обществомъ на гг. членовъ-основателей Фабра и Мурзакевича, отъ которыхъ и ожидается представленіе проектовъ. в) Составле-

Digitized by Google

ніе герба для города Бердянска. Изготовленный по сему предмету секретаремъ общества проектъ предоставленъ его сіятельству.

Сверхъ сказаннаго уже выше, нѣкоторые изъ гг. членовъ исполняли порученія отъ Общества, какъ то: дѣйствительный членъ Надеждинъ продолжалъ путешествіе во южно-славянскимъ землямъ съ особенною цѣлію наблюдать въ нихъ все, что можетъ быть любопытно и полезно для Общества. Дѣйствительный членъ Френъ занимался разсмотрѣніемъ посылаемыхъ къ нему монетъ, описаній ихъ и разныхъ древнихъ восточныхъ надписей. Дѣйствительный членъ Негри разсматривалъ доставленные въ Общество крымско-ханскіе ярлыки. Членъ-основатель Мурзакевичъ занимался приведеніемъ въ порядокъ нумп-кабинета Общества. Дѣйствительный членъ Григорьевъ продолжалъ заниматься разборомъ восточныхъ монетъ.

Изъ прочихъ частныхъ занятій Общества упомянемъ здѣсь о тѣхъ только, которыя имѣютъ ближее отношеніе къ его цѣли. Таковы были занятія дѣйствительнаго члена Скальковскаго, который написалъ и издалъ «Исторію Новой Сѣчи, или послѣдняго коша запорожскаго», и дѣйствительныхъ членовъ Аминка и Карейши, продолжавшихъ разрытія керченскихъ кургановъ и описаніе находимыхъ въ нихъ древностей.

Въ числѣ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Обществомъ, важнѣйшее составляютъ рукописи. Обществу посчастливилось: а) пріобрѣсти чрезъ дѣйствительнаго члена Тетбуде-Маринни бумаги и рисунки покойнаго Павла дю-Брюкса, который, вооружась археологическимъ изслѣдованіемъ, первый началъ дѣлать поиски на Крымскомъ Полуостровѣ. Они содержатъ въ себѣ веденныя имъ записки, разныя замѣтки, снимки съ надписей и памятниковъ, и изслѣдованія о мѣстахъ, гдѣ находились въ Тавридѣ нѣкоторые изъ древнихъ эллинскихъ поселеній. б) Получить въ даръ отъ наслѣдниковъ покойнаго Ивана Павловича Бларамберга бумаги этого пользующагося заслуженною извѣстностью археолога Новороссійскаго Края, съ предоставленіемъ Обществу права распоряжаться ими по его усмотрѣнію. Въ этихъ бумагахъ находятся нѣкоторыя не изданныя доныне сочиненія, отрывки, записки, снимки монетъ, памятниковъ, надписей. в) Получить равнымъ образомъ отъ таврическаго муфтія отысканные имъ два султанскіе фирмана, три ханскіе ярлыка и г) отъ корреспондента Линовскаго рукопись 1744 года: «Извѣстіе о началѣ и состояніи оренбургской комиссіи во время учрежденія ею губерніи», in-folio.

Библіотека и музей Общества обогатились слѣдующими приношеніями: I) Книгами и брошюрами 13 названій въ 20 томахъ. Приносителями были: Императорская Академія Наукъ, Рижское Общество Древностей, дѣйствительные члены: преосвященный Іаковъ, епископъ саратовскій и царицынскій, архимандритъ Аѳанасій, Кеппенъ и корреспондентъ Линовскій; также полковница Семякина. II. Изъ вещей, кромѣ упомянутыхъ уже, отысканныхъ на островѣ Фидониси, поступили: двѣ эллинскія надписи, найденныя Одесскаго Уѣзда въ селѣ Троицкомъ, портретъ генералъ-майора Ивана Егоровича Шевича, выѣхавшаго изъ Венгріи въ 1752 году и положившаго основаніе славено-сербскому поселенію при рѣкѣ Донцѣ; мѣдная сербская печать, 4 рисунка керченскихъ древностей, рисунки древнихъ статуй, извѣстныхъ подъ именемъ «бабъ», — отъ помѣщика А. Ѳ. Кобле, генералъ-майора И. И. Шевича, штабе-капитана Никшича, гг. Яворскаго, Апостолова и корреспондента Шпитца. III. Монетъ принесено въ даръ: золотыхъ 2 копеечки царей: одна Ѳеодора Алексіевича, а другая Іоанна и Петра Алексіевичей и царевны Софіи, серебряныхъ и мѣдныхъ 407, въ томъ числѣ одинъ древній русскій серебряный рубль. Жертвователями были: его сія-

Digitized by Google

тельство почетный членъ графъ Е. Ф. Канкринъ, таврическій муфтій, таганрогскій негоціантъ А. Зино, дѣйствительные члены: архимандритъ Аѳанасій, Мурзакевичъ, Аппенковъ и корреспондентъ Соловьевъ.

За этими дополненіями настоящее положеніе библіотеки и музея Общества есть слѣдующее:

I. Въ библіотекѣ считается книгъ и брошюръ 275 названій въ 407 томахъ. Чертежей и картинъ 15, рисунковъ 42.

II. Въ музеѣ разныхъ древнихъ вещей, всего 103 нумера; въ томъ числѣ надписей: эллинскихъ 12, римскихъ 1; статуй 10, барельефовъ 5, амфоръ и сосудовъ 23, лампъ 8, небольшихъ статуекъ 11, найденныхъ, какъ уже сказано, на островѣ Фидониси, геммъ 5, разныхъ вещей 26.

III. Въ собраніи слѣпковъ съ древнихъ и новыхъ драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камней состоитъ болѣе 3,000 нумеровъ.

IV. Въ монет-кабинетѣ считается всего 1,995 золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ и медалей эллинскихъ, римскихъ, византійскихъ, восточныхъ (въ томъ числѣ крымскихъ) и новѣйшихъ европейскихъ державъ.

Въ кассѣ Общества къ 14-му ноября числилось билетами Коммерческаго Банка 4,910 р. 88 к., наличными 744 руб. 27$^{7}/_{7}$ и того 5,655 руб. 15$^{7}/_{7}$ к., въ томъ числѣ 3,910 р. серебромъ, занятыхъ изъ Государственнаго Заемнаго Банка на устройство помѣщенія для Общества.

Въ заключеніе должно присовокупить, что издательный комитетъ Общества приступилъ уже къ составленію первой части «Записокъ» Общества, которая въ-теченіе нынѣшняго года и будетъ напечатана.

III.

Парижская Академія Наукъ.

Значительное число любопытныхъ новостей по разнымъ отраслямъ наукъ не могло войдти въ составъ предъидущей книжки «Отеч. Записокъ». Мы восполняемъ это невольное опущеніе въ настоящій разъ.

— Г. Пушé сообщилъ статью о нравахъ летучихъ мышей. Въ подземельяхъ одного стариннаго аббатства, авторъ нашелъ, что своды ихъ были покрыты большимъ числомъ этихъ животныхъ, и именно изъ рода vespertilio ferrum equinum. Будучи испуганы приходомъ посѣтителя, эти легіоны летучихъ мышей устремились съ своихъ мѣстъ, чтобъ улетѣть, и на лету уронили такое множество своихъ дѣтенышей, что эти послѣдніе покрыли полъ пещеры на всемъ его пространствѣ.

Наблюденіе г. Пушé доказываетъ, что летучія мыши носятъ своихъ дѣтенышей съ собою, во время летанія. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, авторъ усмотрѣлъ, какимъ образомъ совершается это вошеніе. Онъ взялъ четырехъ матерей такихъ, что ихъ дѣтеныши были еще прилѣплены къ ихъ тѣлу; каждая самка носила только одного дѣтеныша, и этотъ дѣтенышъ крѣпко приставалъ къ своей матери, въ опрокинутомъ положеніи, помощію заднихъ лапъ, изъ которыхъ каждая была прицѣплена къ боковой части, ниже пахъ, такъ что брюхо молодаго животнаго было въ соприкосновеніи съ животомъ самки, которая его носила. Маленькія летучія мыши такъ крѣпко прилипали къ своей матери, что самыя сильныя потрясенія не могли ихъ оторвать; поэтому понятно, что мать, нося своихъ дѣтенышей, можетъ летать безъ затрудненія, и искать себѣ пищи.

Когда же летучія мыши остаются въ покоѣ, то дѣтенышъ, вѣроятно, находится въ положеніи разнящемъ и безъ сомнѣнія обратномъ, чтобъ голова его была въ соприкосновеніи съ сосцами матери.

— Г. Баралъ прислалъ статью о никотинѣ или о щелочи табака. Изъ анализа, которому авторъ подвергъ это вещество, выходитъ, что никотина есть щелочь сильная и особенно замѣчательная тѣмъ, что она жидка, не заключа-

Digitized by Google

етъ въ себѣ кислорода, имѣетъ очень слабый атомическій вѣсъ и слѣдовательно, сильную способность насыщенія сравнительно съ другими растительными щелочами. Кромѣ того, никотина, даже въ небольшомъ количествѣ, есть очень-сильный ядъ; она убиваетъ почти мгновенно.

— Г. Довъ представилъ изысканія о токахъ наведенія, возбуждаемыхъ намагничиваніемъ желѣза посредствомъ обыкновеннаго электричества. Эти изысканія клонятся къ измѣненію принятыхъ въ послѣднее время теорій въ физикѣ.

Масса желѣза, будучи подвергнута вліянію кратковременнаго электрическаго тока, разряжающаго батарею, принимаетъ мгновенно магнитное состояніе, которое, впрочемъ, невозможно было бы доказать, не замедляя тока, и чрезъ то дѣлается способнымъ возбудить токи наведенія въ сосѣднемъ провождающемъ кругѣ. Эти токи отличаются многими замѣчательными особенностями отъ тѣхъ, которые происходятъ отъ намагничиванія желѣза посредствомъ гальваническихъ и термоэлектрическихъ снарядовъ. Опыты г. Дова клонятся преимущественно къ прояснѣнію этого различія. Общій результатъ ихъ состоитъ въ томъ, что въ желѣзѣ, подвергнутомъ дѣйствію электрическихъ токовъ всякаго рода, представляются два явленія очень-различныя, именно: электрическіе токи и магнитная полярность. Во всѣхъ изысканіяхъ, сдѣланныхъ доселѣ касательно этого предмета, появленіе электрическихъ токовъ оказывалось болѣе или менѣе стѣсняемымъ отъ противоположнаго дѣйствія магнитной полярности, которая возбуждалась въ то же время и пересиливала дѣйствіе токовъ; напротивъ, въ опытахъ г. Дова, производимыхъ почти въ тѣхъ же условіяхъ, явленія совершенно превращаются, то-есть, электрическіе токи могутъ уравновѣшивать дѣйствіе магнетизма и даже взять надъ нимъ верхъ. Но важно замѣтить, что это превращеніе происходитъ не въ одно и то же время въ-отношеніи къ физіологическимъ, теплотворнымъ и магнитнымъ дѣйствіямъ вторичныхъ токовъ, такъ, что расположеніе опыта, направленное къ усиленію одного изъ этихъ дѣйствій, значительно ослабляетъ другое. Послѣ этого очевидно, что всѣ изъясненія одного котораго-нибудь изъ этихъ явленій, взятаго отдѣльно, и его многочисленныхъ видоизмѣненій, необходимо приводили физиковъ къ ложнымъ теоріямъ. Притомъ, непрерывный электрическій токъ возбуждаетъ въ сосѣднемъ провождающемъ кругѣ вторичные токи только въ ту минуту, когда онъ начинается или оканчивается, а не во все продолженіе времени, которое онъ длится; и къ тому же вторичные токи суть лишь мгновенные. Напротивъ, если разсматривать вліяніе первоначальнаго тока на возбужденіе магнетизма въ желѣзѣ, то во все время, какъ этотъ токъ длится, онъ возбуждаетъ въ массѣ желѣза, подвергнутой его дѣйствію, магнетизмъ, который достигаетъ своего maximum только по истеченіи очень-примѣтнаго времени. И такъ, очевидно, что электрическіе токи, допущенные Ампером для изслѣдованія магнетизма, и которые, по его теоріи, кружатся около каждой частицы желѣза, отличаются отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ токовъ тѣмъ, что они появляются въ-продолженіе того времени, какъ длится первоначальный токъ, то-есть, въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ другіе токи никогда не образуются. Кромѣ того, изъ опытовъ г. Дова видно, что электрическіе токи, которыхъ присутствіе можетъ быть доказано во время намагничиванія желѣза посредствомъ первоначальнаго тока, не только не причина магнитныхъ явленій, которыя онъ представляетъ, но еще они производятъ совершенно-противное дѣйствіе, уравновѣшивая и даже пересиливая магнетизмъ. Изъ этихъ фактовъ, авторъ заключаетъ, что необходимо признавать электричество и магнетизмъ двумя силами, отличными одна отъ другой.

Digitized by Google

— Г. Розе представилъ мемуаръ о нѣкоторыхъ неправильностяхъ строенія земнаго шара.

На нѣкоторыхъ пунктахъ геодезическихъ линій, проведенныхъ для составленія большой карты Франціи, сдѣланы были астрономическія наблюденія, которыхъ результаты оказались не совсѣмъ несогласными съ результатами геодезіи. Въ первомъ своемъ мемуарѣ, г. Розе доказалъ, что это различіе должно быть приписано неправильностямъ строенія земли, и особенно существованію цѣпей горъ. Въ настоящемъ, онъ доказываетъ, помощію вычисленія, что подъ горами плотность земли значительнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, и что, слѣдовательно, подъ горами не только нѣтъ обширныхъ пустотъ, какъ обыкновенно думаютъ, но еще матерія находится тамъ въ избыткѣ. Точки стеченія вертикальныхъ линій, подъ горами, значительно повышены, между-тѣмъ, какъ онѣ чувствительно понижены въ промежуткахъ, отдѣляющихъ цѣпи горъ одинъ отъ другихъ. Слѣдовательно, оси земнаго сфероида повышены надъ осью вращенія по направленію цѣпей горъ, и понижены подъ тою же осью въ промежуткахъ, отдѣляющихъ первыя. Такъ какъ постоянная ось вращенія земли должна занимать положеніе среднее между всѣми этими повышенными и пониженными осями, то, по законамъ, доказаннымъ Лапласомъ, слѣдуетъ, что при всякомъ образованіи цѣпей горъ ось нашей планеты должна была перемѣщаться небольшимъ количествомъ, что влечетъ недостатокъ въ формѣ. Оттуда произошло множество геологическихъ явленій, изъясненіе которыхъ очень затруднило геологовъ, особенно въ послѣднее время, когда много спорили *за* и *противъ* такъ-называемыхъ поднятій (soulèvements) горъ. Измѣненія формы земнаго шара дѣлаютъ понятнымъ великое столпленіе животныхъ жаркаго пояса въ южныхъ странахъ, и занесеніе на югъ огромнаго количества ихъ остатковъ. Это простое и естественное слѣдствіе постепеннаго охлажденія земли.

Переходя потомъ къ вліянію, которое неравенства строенія земли должны имѣть на атмосферу, авторъ думаетъ, что верхняя поверхность атмосферной массы непараллельна нижнему ея слою, находящемуся въ соприкосновеніи съ земнымъ шаромъ. Оттуда происходятъ всѣ вліянія, которыя замѣчаются въ средней высотѣ барометрическаго столба, отнесеннаго къ уровню моря.

Земля, какъ тѣло твердое, измѣнила свою форму; но атмосфера, оставшаяся жидкою, сохранила форму почти эллипсоида.

— По поводу дополненія коммиссіи, составленной для рѣшенія вопроса о температурѣ животныхъ съ холодною кровью, г. Флюранъ сообщилъ результаты опытовъ, сдѣланныхъ имъ вмѣстѣ съ г. Бекрелемъ, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ. Температура животныхъ была взята помощію термоэлектрическаго снаряда г. Бекреля. Самый общій результатъ этихъ опытовъ состоитъ въ томъ, что такъ-называемыя животныя съ холодною кровью имѣютъ собственную температуру, которая превышаетъ внѣшнюю, такъ что въ дѣйствительности они суть животныя съ теплою кровью, только въ меньшей степени, нежели животныя, извѣстныя подъ этимъ названіемъ.

Температура ящерицъ выше температуры лягушекъ, наприм.; даже есть различіе въ температурѣ одного и того же животнаго, смотря по части тѣла.

— Г. Дюмортье представилъ Академіи литографическіе оттиски предметовъ антропологической коллекціи, привезенной экспедиціею судовъ *Astrolabe* и *Zélée*. Эти оттиски были сдѣланы помощію дагерротипныхъ изображеній, снятыхъ съ тѣхъ же предметовъ и руководившихъ рисовальщика въ его работѣ. Представленные оттиски доказываютъ, что этимъ способомъ можно получить въ полунатуральной величинѣ совершенную точность въ

Digitized by Google

очертаніяхъ, въ подробностяхъ, въ модели, и что всѣ эти выгоды, которыя, вероятно, невозможно бы было получить во всей чистотѣ обыкновенными способами, даже въ натуральной величинѣ, могутъ быть осуществлены въ меньшихъ пропорціяхъ, такъ что можно умножать число фигуръ, не умножая числа досокъ.

Эти результаты доказываютъ, что дагерротипныя изображенія суть наилучшій руководитель для артиста.

— Г. Габильйо представилъ нѣкоторыя наблюденія о крашеніи костей мареною. По мнѣнію автора, это явленіе чисто-химическое. По этому поводу г. Флюранъ показалъ различіе между опытами г. Габильйо и своими. Въ опытахъ г Габильйо, кости, погруженныя въ воду, напитанную мареною, окрашиваются со-внѣ во-внутрь; и потомъ, когда онѣ окрашены такимъ образомъ, если опустить ихъ въ сосудъ съ водою, кислою или щелочною, то онѣ теряютъ свою краску въ томъ же порядкѣ, то есть со-внѣ во-внутрь. Въ опытахъ г. Флюрана, естественные слои накладываются со-внѣ; старые же, и слѣдовательно неокрасившіеся слои поглощаются во-внутрь. И такъ, ходъ этихъ двухъ родовъ опытовъ — обратный.

Во-вторыхъ, говоритъ г. Флюранъ, если бы въ моихъ опытахъ явленіе было чисто-физическое, то время окрашенія и потери краски было бы одно и то же для молодаго, какъ для взрослаго животнаго. Но совсѣмъ не то на дѣлѣ; явленіе окрашенія совершается очень-быстро въ молодомъ животномъ и очень-медленно во взрослом. Самое явленіе состоитъ не въ томъ, чтобъ кости окрашивались и теряли краску послѣдовательно, а въ томъ, что снаружи кости образуются слои окрашенные, которые чрезъ нѣсколько времени послѣ того, становятся внутренними и поглощаются.

— Г. Бутель прислалъ Академіи копію своихъ наблюденій касательно физіологіи растеній. Эти наблюденія клонятся къ тому, чтобъ доказать существованіе и пользу половъ въ тайнобрачныхъ растеніяхъ.

— По поводу доставленія г-мъ Брюлѐ 2-й и 3-й части его мемуара о классификаціи животныхъ параллельными рядами, г. Исидоръ Жоффруа Сент-Илеръ замѣтилъ, что различные труды по части классификаціи, сдѣланные имъ съ давнихъ лѣтъ, совершенно согласны, въ своихъ началахъ и въ своихъ общихъ результатахъ, съ тѣми, которыми г. Брюлѐ занимается въ настоящее время. Послѣ нѣкоторыхъ частныхъ опытовъ, г. Исидоръ Жоффруа обнаружилъ съ 1832 года свои мнѣнія о возможности привести разные виды рода, разные роды фамиліи, разныя фамиліи порядка, разные порядки класса, къ извѣстному числу рядовъ, параллельныхъ между собою. Съ-тѣхъ-поръ, г. Исидоръ Жоффруа старался провести до самыхъ отдаленныхъ послѣдствій эти идеи, и подвергъ ихъ пробѣ строгаго приложенія не только къ нормальнымъ видамъ, но и къ ненормальнымъ. «Въ-самомъ-дѣлѣ, говоритъ онъ, изъ изысканій, которыя я сдѣлалъ надъ четырьмя классами, слѣдуетъ, что всѣ эти разные отдѣлы животныхъ почти всегда составляютъ ряды видимо-параллельные между собою: потому-что каждый рядъ заключаетъ въ себѣ существа, очень подобныя существамъ другихъ рядовъ, но которыя, будучи разсматриваемы въ цѣлой своей организаціи, ниже существъ, содержащихся въ рядахъ предшествующихъ, и выше тѣхъ, которыя заключаются въ рядахъ послѣдующихъ. Высшій и низшій ряды имѣютъ, если можно занять это выраженіе у математическаго языка, много общихъ членовъ; но первые члены высшаго ряда не имѣютъ соотвѣтствующихъ себѣ въ низшемъ, и послѣдніе члены низшаго ряда также не имѣютъ соотвѣтствующихъ себѣ въ высшемъ; такъ что не смотря на параллельность рядовъ, надобно указать имъ неравныя мѣста; потому-что каждый рядъ возвышается менѣе, и понижается болѣе, нежели его предъидущій.

Digitized by Google

— Въ мемуарѣ о показателяхъ преломленія, представленномъ на судъ Академіи, авторъ, г. Девиль, утверждаетъ, что показатель преломленія тѣлъ должно считать физическимъ признакомъ, котораго не надобно пренебрегать, особенно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, сдѣлавшихся нынѣ довольно-частыми въ-слѣдствіе открытія изомеріи. Г. Девиль изслѣдываетъ потомъ вопросъ о степени приближенія, съ которымъ можно опредѣлять показателя преломленія, какъ отличительный признакъ тѣла; онъ думаетъ, что третья десятичная цифра есть послѣдняя, которую физическія и химическія условія опытовъ позволяютъ находить почти одну и ту же, когда производятся эти опыты въ различныхъ обстоятельствахъ и на различныхъ образчикахъ.

Г. Девиль наблюдалъ показателя преломленія разныхъ смѣсей воды и алкоголя, постепенно и правильно оскудѣвающихъ въ алкоголѣ. Онъ замѣтилъ, что начиная съ показателя чистаго алкоголя, который болѣе показателя воды, показатели смѣсей начинаютъ расти вмѣстѣ съ пропорціею воды до величины maximum, соотвѣтствующей ощутительно составу одного атома воды и одного атома алкоголя. Чрезъ дальнѣйшее прибавленіе воды, показатели преломленія уменьшаются, проходя чрезъ величину, соотвѣтствующую чистому алкоголю, и которая тогда принадлежитъ алкоголю съ 3-мя атомами воды; наконецъ, эти показатели болѣе-и-болѣе приближаются къ показателю чистой воды.

Подобныя наблюденія г. Девиль сдѣлалъ надъ древеснымъ спиртомъ.

— Вотъ описаніе гальваническаго снаряда, изобрѣтеннаго г. Сорелемъ для цинкованія желѣза.

Онъ состоитъ просто изъ мѣднаго сосуда, похожаго на кастрюлю, посреди котораго поставленъ на отдѣляющемъ подножіи изъ дерева или изъ стекла, маленькій цинковый цилиндръ, химически-соединенный на своей поверхности съ ртутью. Должно, чтобъ мѣдный элементъ на сторонѣ, обращенной къ цинку, имѣлъ поверхность по-крайней-мѣрѣ въ десять разъ большую поверхности цинка; даже есть выгода въ томъ, чтобъ увеличить мѣдный сосудъ въ большей пропорціи, потому-что, будучи болѣе, онъ будетъ содержать большее количество провождающей жидкости, а отъ этого снарядъ будетъ дѣйствовать болѣе съ постоянною силою. Провождающая жидкость, которая оказалась наиболѣе-годною для этого снаряда, есть вода, подкисленная сѣрною кислотою въ 3 или 4 градуса ареометра; эта жидкость имѣетъ ту выгоду, что она мало грязнитъ цинкъ; отъ-того происходитъ, что снарядъ дѣйствуетъ долго, не имѣя нужды въ чищеніи этого металла.

Главная причина постоянной силы описаннаго снаряда состоитъ въ томъ, что цинкъ, оскудѣвая въ ртути отъ дѣйствія кислоты, становится болѣе-и-болѣе доступнымъ для этой послѣдней, — что вознаграждаетъ ослабленіе подкисленной воды.

Помощію этого снаряда г. Сорель осаждаетъ цинкъ мгновенно и въ состояніи блестящаго металла на желѣзо, а не медленно и не въ состояніи окиси. Соли, доставляющія цинкъ, суть сѣрнокислый цинкъ и хлористый цинкъ, которые очень-дешевы.

— Г. Шульцъ прислалъ Академіи свое сочиненіе подъ заглавіемъ *О кругвращеніи жизненнаго сока въ растеніяхъ*. Изъ изысканій автора слѣдуетъ, что соки растеній становятся болѣе-и-болѣе молочными, по мѣрѣ того, какъ количество и малость шариковъ увеличивается, и что они становятся прозрачнѣе, по мѣрѣ того, какъ шарики дѣлаются крупнѣе и въ меньшемъ количествѣ. Иные шарики растеній могутъ быть, по своей величинѣ, поставлены въ сравненіе съ шариками крови лягушекъ.

Шарики растеній содержатъ въ себѣ жирное вещество, которое г. Шульцъ называетъ Saftfett. Это вещество, будучи смѣшано съ другими составными частями, которыя не были хорошо от-

Digitized by Google

дѣлены, особенно съ органическимъ веществомъ истощенныхъ шариковъ, составляетъ то, что называется воскомъ, галактиною и резиною.

Шарики плаваютъ въ жидкости пластической, способной сгущаться, прозрачной въ себѣ, которая содержитъ резину (caoutchouc), гумми, сахаръ и соли. Резина образуется чрезъ сгущеніе молочка растеній, и ея образованіе зависитъ отъ-того, что во время сгущенія значительная часть шариковъ отдѣляется отъ сока чрезъ поглощеніе нѣкотораго скважистаго вещества. Не смотря на то, резина, находящаяся въ торговлѣ, содержитъ въ себѣ еще много шариковъ, которые можно видѣть въ тонкой пластинкѣ, положенной подъ микроскопъ. Резина фиговаго дерева никуда не годится, потому-что отдѣленіе шариковъ въ немъ дѣлается несовершенно, такъ, что ихъ остается большое число въ смѣшеніи съ резиною; отъ-этого резина бываетъ жесткá, вязкá, и мало тягуча.

Переходя къ вопросу о превращеніи сока растеній въ молочко, г. Шульцъ утверждаетъ, что въ началѣ сокъ содержитъ гумми, который въ-послѣдствіи превращается въ виноградный сахаръ, и что послѣдній становится наконецъ тростниковымъ сахаромъ. Есть растенія, въ которыхъ гумми мало превращается и всегда преобладаетъ, какъ напримѣръ въ виноградной лозѣ; въ другихъ, превращеніе не простирается далѣе образованія винограднаго сахара, какъ въ березѣ; въ третьихъ, наибольшая часть гумми скоро дѣлается тростниковымъ сахаромъ, какъ въ кленѣ. Но въ сокѣ клена находится сперва большое количество гумми, котораго много осенью и мало весною; отъ этого, съ тростниковымъ сахаромъ тамъ всегда есть часть виноградnаго.

Гумми и сахаръ остаются въ молочкѣ, и ихъ растворъ составляетъ основную жидкость, называемую у г. Шульца plasma, въ которой образуются шарики чрезъ дыханіе сока. Около времени появленія почекъ, сокъ имѣетъ сильное стремленіе къ образованію шариковъ. Гумми молочка растеній, какъ гумми сока, подобно гумми крахмала; а сахаръ молочка есть всегда виноградный сахаръ.

Что касается до сосудовъ, содержащихъ въ себѣ молочко, то въ тѣхъ растеніяхъ, которыхъ кислота (а она находится въ молочкѣ всякаго растенія) есть кислота чернильная, можно различать безъ всякой препараціи расположеніе этихъ сосудовъ, погружая какую-нибудь живую часть листа въ растворъ извѣстной желѣзной соли, которая, проникнувъ ткань растенія до самаго молочка, дѣлаетъ чернымъ слѣдъ сосудовъ, содержащихъ его.

Въ-отношеніи къ развитію млеконосныхъ сосудовъ въ слояхъ коры растеній, авторъ показываетъ, что нѣкоторыя деревья пріобрѣтаютъ много слоевъ въ лѣто; другія въ много лѣтъ прирастаютъ лишь однимъ слоемъ, который постепенно увеличивается въ толщину; третьи каждый годъ покрываются новымъ слоемъ коры.

Есть большое различіе между образованіемъ деревянистыхъ слоевъ и слоевъ коры.

— Г. Бреге-сынъ сообщилъ свои изысканія о расширеніи, которое онъ наблюдалъ на температурѣ извѣстной подъ названіемъ термометра Бреге.

Съ давняго времени извѣстно, что расширеніе тѣлъ отъ дѣйствія теплоты идетъ не однообразно, а скачками. Г. Бреге теперь показываетъ это съ очевидностію для простаго зрѣнія. Сдѣлавъ нѣсколько термометрическихъ спиральныхъ оборотовъ (составленныхъ, какъ извѣстно, изъ трехъ металловъ: золота, серебра и платины, спаянныхъ между собою), онъ захотѣлъ испытать ихъ въ-отношеніи къ одному и тому же гальваническому току, происходящему отъ маленькой пары цинка и мѣди. Каждый спиральный оборотъ былъ расположенъ отдѣльно. Въ ту минуту, какъ кругъ былъ составленъ, теплота, произведенная въ спиральномъ оборотѣ прохо-

Digitized by Google

домъ тока, живо бросила стрѣлку термометра, которая описала дугу большаго числа градусовъ, остановилась, потомъ пробѣжала дугу нѣсколькоменьшую первой, снова остановилась, и потомъ описала новую дугу менѣе второй. Наконецъ, она достигла своего maximum уклоненія послѣ нѣсколькихъ качаній, становившихся постепенно менѣе и менѣе. Если разорвать кругъ, то стрѣлка возвращается къ своей исходной точкѣ послѣ подобныхъ же качаній, но въ противную сторону.

Г. Бреге нашелъ, что всѣ дуги проходятся стрѣлкою въ равныя времена.

Вотъ изъясненіе этихъ явленій, предлагаемое авторомъ. Качанія могутъ происходить отъ тягучести спиральной нити; температура, произведенная токомъ, дѣйствующимъ вдругъ на всѣ частицы спиральной нити, сообщаетъ ей движеніе крученія; отъ этого нить, чрезъ дѣйствіе пріобрѣтеннаго движенія, заходитъ нѣсколько далѣе, нежели сколько требуетъ температура, полученная ею въ ту минуту. И такъ нить силится возвратиться назадъ; но такъ-какъ возмущающая сила всегда дѣйствуетъ возвышая температуру, то выходитъ весьма краткій моментъ равновѣсія между силою расширенія и силою возвращенія спиральной нити; это мгновеніе покоя; нить идетъ снова, и тѣ же явленія повторяются до той минуты, когда температура достигаетъ своего maximum.

— Всѣ извѣстные доселѣ кристаллы могутъ быть отнесены къ шести типамъ или системамъ, которые суть: кубъ, ромбоэдръ и четыре призмы прямыя или наклонныя. Сочетавая оси всѣми возможными образами, измѣняя ихъ относительную длину и ихъ наклоненіе, мы всегда попадемъ на одинъ изъ этихъ шести типовъ, исключая случая, когда три оси неравны, неравно наклонены, и только двѣ изъ нихъ перпендикулярны между собою.

Г. Лоранъ недавно открылъ новое тѣло, изатосѣрнистый поташъ, котораго кристаллы не подходятъ ни подъ одну изъ извѣстныхъ системъ, и именно представляютъ исключительный случай, о которомъ мы сейчасъ упомянули. Онъ прислалъ Академіи образчикъ и рисунокъ этого страннаго кристалла.

— Переходимъ къ засѣданіямъ 28 марта, 4 и 11 апрѣля.

Г. Годенъ объявилъ, что онъ дошелъ до возможности получать мгновенные фотографическіе оттиски безъ помощи іода, подвергая полированную доску дѣйствію одного состава, уже заключающаго въ себѣ іодъ. Разные изыскатели получили нѣкоторый результатъ, употребляя одинъ хлористый іодъ, и въ Германіи, говорятъ, употребляютъ его съ успѣхомъ. Но нынѣ г. Годенъ увѣряетъ, что онъ дѣлаетъ фотографическій оттискъ такъ же удачно и скоро съ новымъ составомъ, какъ прежде онъ дѣлалъ съ іодомъ и съ бромистымъ іодомъ; и это не удивительно, потому-что составъ, о которомъ говорится, есть просто бромистый іодъ, болѣе богатый іодомъ, нежели предъидущій.

Приготовленіе новаго бромистаго іода очень-просто; нужно лишь прибавлять къ бромистому іоду *съ излишкомъ брома*, алкогольный растворъ іода, до-тѣхъ-поръ, пока начнетъ образовываться осадокъ, имѣющій видъ іода. Происходящая изъ этого жидкость, будучи процѣжена сквозь хлопчатую бумагу, есть бромистый іодъ, о которомъ идетъ дѣло. Чтобъ употреблять этотъ іодъ, разводятъ его водою, и доска способна принять напечатлѣніе камер-обскуры, какъ-скоро ея поверхность представляетъ розовый цвѣтъ.

Подвергая сѣрнистый іодъ дѣйствію брома, получаютъ жидкость, имѣющую подобныя свойства, и съ этимъ-то составомъ г. Годенъ получилъ въ первый разъ мгновенные оттиски безъ помощи предварительнаго употребленія іода.

Послѣдовательное употребленіе іода и ускоряющихъ веществъ почти всегда давало изображенія, усѣянныя пятнами; при новомъ же составѣ, этихъ пятенъ

Digitized by Google

почти совсѣмъ нѣтъ. И такъ, можно сказать, что коробочка съ іодомъ теперь есть вещь лишняя въ дагерротипѣ.

— Г. Моренъ представилъ результатъ своихъ опытныхъ изысканій о нагрузкѣ повозокъ разныхъ размѣровъ, съ условіемъ, чтобъ перевозъ одного и того же вѣса производилъ одни и тѣ же поврежденія на дорогахъ, мощеныхъ камнемъ.

— Г. Лоранъ прислалъ ноту объ атомическомъ вѣсѣ хлора. Три опыта, сдѣланные этимъ химикомъ, совершенно согласуются съ вѣсомъ Берцеліуса.

—Г. Бутель сообщилъ извѣстіе, что сѣдомая трюфель существуетъ въ довольно-большомъ изобиліи на маломъ разстояніи отъ Парижа, въ лѣсу окрестностей мѣстечка Маньи. Растительная почва имѣетъ тамъ очень-мало толщины и лежитъ поверхъ ломкаго и грубаго известняка. Всѣ трюфели находятся тамъ на глубинѣ 2-хъ или 3-хъ сантиметровъ. Кажется, что маленькія норы, которыя часто встрѣчаются въ этомъ лѣсу и служатъ жилищемъ полевымъ мышамъ, почти всегда обозначаютъ присутствіе трюфелей въ сосѣдствѣ, потому-что эти маленькія животныя очень-лакомы до нихъ.

— Гг. Ложье и Мовé извѣстили, что 12 марта, при совершенно-чистомъ состояніи неба, они усмотрѣли и наблюдали комету Энке. Она была малопримѣтна; впрочемъ, въ центрѣ ея можно было видѣть сгущеніе свѣта. Діаметръ кометы найденъ былъ отъ 2′ до 3′.

Г. Араго́ присовокупилъ, что комета Энке могла быть наблюдаема въ Парижѣ только пять разъ, именно: 12, 15, 16, 19 и 21 марта. Послѣднія четыре наблюденія были сдѣланы въ то время, когда луна была еще на горизонтѣ; ея свѣтъ освѣщалъ нити микрометра, но за то чувствительно ослаблялъ блескъ кометы. Время, въ-продолженіе котораго наблюденіе было возможно каждый разъ, не превышало двадцати-пяти минутъ. Но всѣ измѣренія діаметра кометы сомнительны, по причинѣ присутствія луны и паровъ на горизонтѣ. 24 марта, за два дня до полнолунія, комета представлялась пунктомъ столь неяснымъ, что всякое измѣреніе ея діаметра было невозможно. Что касается до будущихъ наблюденій, то можно надѣяться, что они будутъ точнѣе, потому-что луна еще не взойдетъ въ то время, когда должно будетъ наблюдать.

— Г. Бусенго́ представилъ нѣкоторыя наблюденія, клонящіяся къ рѣшенію вопроса: предохраняетъ ли снѣгъ засѣянную землю отъ охлажденія. Оказалось, что подъ снѣгомъ всегда бываетъ холоднѣе, нежели на поверхности снѣга, и еще холоднѣе, нежели въ воздухѣ. Этотъ выводъ важенъ для земледѣлія.

— Г. Абріа прислалъ мемуаръ о явленіяхъ наведенія. Помощію гальванометра можно измѣрять все количество наведеннаго электричества; такимъ образомъ находятъ, что оно прямо пропорціонально числу элементовъ наводящей системы и количеству ихъ электричества. Въ этомъ отношеніи, и въ отношеніи къ вліянію разстоянія, результаты, полученные г-мъ Абріа, совершенно согласуются съ тѣми, которые выводятся изъ способа намагничиванія.

Количество наведеннаго электричества также пропорціонально сѣченію наведенной нити и измѣняется въ обратномъ отношеніи длины округа, протекаемаго электричествомъ. Тогда не замѣчается реакціи между разными частями наведенной системы, какъ это бываетъ, когда изучаютъ тѣ же явленія помощію степени возбужденнаго магнетизма, или помощію потрясеній.

Когда гальваническій токъ разорванъ, то онъ производитъ наведеніе на свой собственный проводникъ. Помощію очень простаго снаряда, г. Абріа могъ собрать, подъ видомъ тока, наведенное электричество; и онъ замѣтилъ, что дѣйствіе наведенія первоначальнаго тока на сосѣдній проводникъ

Digitized by Google

уменьшается, когда можетъ образоваться наведенный токъ въ его собственномъ проводникѣ; напряженіе наведеннаго тока въ проводникѣ, черезъ который протекаетъ токъ гальваническій, не зависитъ отъ вторичной нити, будетъ ли эта послѣдняя сомкнута или нѣтъ. Этотъ фактъ, равно какъ и тѣ, которые авторъ сообщилъ въ предъидущемъ своемъ мемуарѣ о реакціи многихъ наведенныхъ спиралей, изъясняется легко, если приписать явленія наведенія сотрясательному движенію, проистекающему отъ проводящей нити. Но кажется, очень трудно понять ихъ въ томъ предположеніи, по которому силы, исходящія отъ нити, зависятъ единственно отъ разстоянія.

— Г. Мерсьѐ, извѣстный уже своими изысканіями о каменной болѣзни, представилъ мемуаръ о новомъ инструментѣ своего изобрѣтенія, назначаемомъ для операціи камнетренія въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь происходитъ отъ задержанія урины. Этотъ инструментъ, который авторъ называетъ sonde évacuatrice à double courant, очень-годенъ для своей цѣли и достоинъ всего вниманія практиковъ. Г. Мерсьѐ употреблялъ его самъ съ успѣхомъ.

— Г. Льювиль читалъ мемуаръ объ одномъ частномъ случаѣ *задачи трехъ тѣлъ*.

Хотя математики еще далеко не рѣшили полнымъ и общимъ образомъ задачу трехъ тѣлъ, однако они дошли до нѣкоторыхъ частныхъ рѣшеній, изъ которыхъ можно дѣлать употребленіе, когда координаты и скорости выполняютъ извѣстныя условія. Лапласъ и Лагранжъ дали на то разные примѣры. Вотъ одинъ изъ нихъ, достойный замѣчанія. Разсматривая три массы, расположенныя въ прямой линіи, Лапласъ доказываетъ, что если, поставивъ между этими массами и разстояніями, которыя ихъ отдѣляютъ, приличное отношеніе, сообщить двумъ изъ нихъ вокругъ центра третьей скорости параллельныя между собою и пропорціональныя ихъ разстояніямъ отъ центра, то три массы подъ вліяніемъ ихъ взаимныхъ дѣйствій останутся постоянно въ прямой линіи, разумѣя прямую, которая ихъ содержитъ, подвижною. Скорости и разстоянія могутъ измѣниться со временемъ, но отношеніе скоростей и отношеніе разстояній останутся равны и неизмѣнны; впрочемъ, законъ движенія каждой массы будетъ тотъ же, какъ въ отношеніи къ матеріальному пункту, притягиваемому къ неподвижному центру.

Извѣстно, что въ нашей системѣ, планеты, которыхъ разстояніе отъ солнца есть наибольшое, движутся также наимедленнѣе, и что квадраты временъ обращеній увеличиваются почти какъ кубы большихъ осей орбитъ. Въ особенной системѣ, о которой мы говорили выше, вещи происходили бы иначе. Въ-самомъ-дѣлѣ, которую бы изъ нашихъ трехъ массъ мы ни взяли за центръ движенія, двѣ другія, которыя должны остаться въ прямой линіи съ нею, по необходимости совершатъ свои обращенія въ равныя времена, не смотря на неравенство разстояній. Это безъ сомнѣнія очень-замѣчательная теорема; но не должно забывать, что она требуетъ извѣстныхъ особенныхъ условій, и преимущественно приличнаго отношенія между массами и разстояніями. Впрочемъ, какъ скоро даны какія-нибудь три массы, всегда возможно ввести между ними это отношеніе. Предположимъ, напримѣръ, что три массы суть солнце, земля и луна; мы узнаемъ съ Лапласомъ, что отношеніе, о которомъ идетъ дѣло, будетъ удовлетворено, если помѣстить луну на продолженіи прямой, соединяющей центръ солнца съ центромъ земли, на разстояніи отъ этой послѣдней планеты равномъ почти сотой части разстоянія земли отъ солнца; легкое измѣненіе въ величинѣ массы земли сдѣлало бы приведенное сейчасъ число строго-точнымъ. Послѣ этого, Лапласъ заключаетъ, что еслибъ въ произвольную эпоху, взятую за начало, луна нашлась въ противоположеніи съ солнцемъ, на разстояніи отъ

Digitized by Google

этого небеснаго тѣла, представляемомъ числомъ 101, тогда-какъ разстояніе земли отъ того же тѣла представляется числомъ 100, и еслибъ относительныя скорости земли и луны, обращающихся около солнца, были въ ту же эпоху параллельны и въ-отношеніи 100 къ 101, то луна, находясь всегда въ противоположеніи съ солнцемъ, описывала бы около него эллипсисъ, подобный тому, который описываетъ земля; эти два небесныя тѣла смѣняли бы другъ друга на горизонтѣ; и такъ какъ на этомъ разстояніи луна никогда не была бы затмѣваема, то ея свѣтъ конечно замѣнилъ бы свѣтъ солнца, и всегда освѣщалъ бы землю въ-продолженіе ночей.

Для совершенной точности этого положенія, надобно, какъ замѣчаетъ г. Льювиль, чтобъ, въ началѣ временъ, отношеніе между массами и разстояніями, равно пропорціональность этихъ послѣднихъ скоростямъ, были строго повѣрены; надобно, кромѣ того, чтобъ никакая посторонняя причина не возмущала движенія, чего нельзя предположить. Правда, если система, которую мы разсматриваемъ, есть постоянная, которая противится возмущающимъ вліяніямъ и стремится сама собою возвратиться въ свое правильное состояніе движенія, то наше замѣчаніе не будетъ имѣть большой важности. Напротивъ, если состояніе движенія не есть неизмѣнимое (а это и есть на дѣлѣ), то должно будетъ признать, что этотъ родъ движенія не можетъ существовать постояннымъ образомъ въ природѣ. Истинный вопросъ состоитъ въ постоянствѣ.

Задача, которую надлежало рѣшить, и которая составляетъ предметъ мемуара г. Льювиля, есть слѣдующая: Предположивъ, что даны три массы, поставленныя—не строго, а почти—въ условія, указанныя Лапласомъ, узнать, поддержитъ ли взаимное дѣйствіе массъ систему въ этомъ особенномъ состояніи движенія, или оно будетъ стремиться удалить ее отъ этого состоянія болѣе и болѣе. Г. Льювиль вывелъ, что дѣйствіе возмущающихъ причинъ не только не уравновѣшивается, но напротивъ еще быстро усиливается отъ взаимныхъ дѣйствій трехъ массъ. Это заключеніе остается во всей своей силѣ, каковы бы ни были отношенія величины массъ. Если бы, въ началѣ, луна занимала особенное положеніе, указываемое Лапласомъ, то она могла бы удержаться въ немъ лишь въ-продолженіи очень-краткаго времени.

— Г. Шеврёль читалъ донесеніе о мемуарѣ г. Эбельмена: *Изслѣдованія состава и употребленія газа горновъ.*

«Съ того времени, говоритъ г. Шеврёль, какъ г. Обертѐ придумалъ построенія, которыя можно нагрѣвать потерянными пламенемъ горновъ, и особенно съ 1814 года, когда г. Бертье обратилъ вниманіе публики на послѣдствія, которыя можетъ имѣть употребленіе источника теплоты, пренебреженнаго дотолѣ, надобно удивляться медленности, съ которою пользовались трудами практики и видами ученаго, оцѣнившаго съ самаго начала всю важность этого нововведенія, особенно для Франціи, имѣющей такую нужду сберегать топливо въ выдѣлкѣ желѣза. Лишь немного лѣтъ тому, французская промышленость стала по-видимому чувствовать выгоды открытія, которое родилось среди нея, и которое французскіе инженеры постоянно старались развить. Но если еще оставалось мѣсто сомнѣнію, если нужны были новыя доказательства въ пользу этого открытія, то изысканія молодаго профессора Парижскаго Горнаго Училища, г. Эбельмена, о составѣ и употребленіи газа горновъ, разсѣятъ всѣ недоумѣнія, которыя препятствуютъ осуществленію послѣдствій труда г. Обертѐ.

«Изысканія г. Эбельмена имѣютъ предметомъ три главные пункта: 1) Узнать прямымъ опытомъ химическій составъ восходящаго столба газа; 2) постановить теорію горновъ помощію сближенія фактовъ вновь-

Digitized by Google

опредѣленныхъ съ тѣми, которые уже извѣстны, касательно нисходящаго столба, составленнаго изъ веществъ въ жидкомъ состояніи; 3) изложить нѣкоторые результаты опытовъ касательно употребленія горючихъ газовъ восходящаго столба, и нѣкоторые виды касательно средствъ извлечь пользу, для выдѣлки желѣза, изъ какого бы то ни было топлива, содержащаго въ себѣ углеродъ и водородъ.»

Описавъ способъ изслѣдованія, принятый авторомъ, и показавъ результаты, до которыхъ онъ дошелъ, г. Шеврёль присовокупляетъ: Благодаря этимъ изысканіямъ, мы теперь имѣемъ вѣрное понятіе о томъ, что такое дѣйствительно горнъ; мы знаемъ, что высокая температура низшей половины горна обнаруживается только въ-слѣдствіе большаго пониженія температуры, происходящаго отъ превращенія угольной кислоты, перваго произведенія горѣнія, въ угольную окись; кромѣ того, мы знаемъ, что, въ-замѣнъ, эта газовая окись можетъ разложить четыре пятыхъ доли руды; наконецъ, мы увѣряемся, что въ горнахъ съ пользою употребляется менѣе трети производимой тамъ теплоты, и чрезъ то понимаемъ всѣ выгоды послѣдствія счастливой идеи г. Обертё—извлечь пользу изъ потерянаго пламени горновъ».

— Въ подтвержденіе извѣстій, присланныхъ недавно Академіи г-мъ Бальи о различіяхъ въ истеченіи воды изъ артезіанскаго колодезя, находящагося при военной гошпиталѣ Лилля, которыя авторъ приписывалъ дѣйствію морскихъ приливовъ и отливовъ, г. Роберъ привелъ явленія того же рода во многихъ источникахъ и водоемахъ Исландіи. Такъ, въ этой странѣ, близъ Будира, на западномъ берегу, существуютъ источники, въ которыхъ вода поднимается и упадаетъ, смотря по приливу или отливу моря. Въ округѣ Стора-Фіордура той же страны, по свидѣтельству Олафсена и Паульсена, есть теплые источники, которыхъ отверстія бываютъ всегда сухи во время самыхъ сильныхъ отливовъ моря. Наконецъ, есть колодези и озера на восточномъ берегу Исландіи, въ которыхъ вода поднимается и упадаетъ точно съ приливомъ и отливомъ моря; увѣряютъ даже, что между самыми высокими горами внутренней части Исландіи есть подобныя озера.

— По случаю сообщенія, сдѣланнаго Академіи г-мъ Бабинё касательно средства извлечь изъ формулы Брестера приложеніе къ случаю двухъ полюсовъ пониженія температуры, имѣющихъ различныя степени напряженія, г. Дюперё замѣтилъ слѣдующее: Обращая вниманіе на то, какъ теплота распредѣлена вдоль каждаго земнаго меридіана между экваторомъ и полярными странами, можно видѣть, что невозможно открыть единственный законъ, который бы могъ удовлетворять исканію температуры на какомъ-нибудь пунктѣ этихъ меридіановъ, особенно на какомъ-нибудь пунктѣ полярныхъ странъ, гдѣ отъ движенія льдовъ происходитъ величайшій безпорядокъ. Достаточно бросить взглядъ на карту термальныхъ линій сѣвернаго полушарія, изданную въ 1838 году Берггаузомъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ и въ то же время увѣриться, что два полюса температуры, которые показаны на картѣ, нисколько не оправдываются термальными линіями, которыя большое число наблюденій позволило начертать съ точностію. Ежели въ кривой, представляющей —5° температуры, мы хотимъ окончить начертаніе кривыхъ представляющихъ —10° и —15°, которыхъ намъ извѣстны лишь части, заключающіяся въ Сѣверной Америкѣ и въ Азіи, то дойдемъ, помощію раціональнаго наполненія промежутковъ (интерполяціи), не до круговъ, обнимающихъ два отличные полюса (чего впрочемъ не хотѣлъ показать и самъ Берггаузъ), а до овальныхъ кривыхъ, имѣющихъ малую ось въ направленіи отъ Берингова Пролива къ Шпицбергу, большую же ось въ направленіи перпендикулярномъ къ первой. Именно на нѣкоторомъ пунк-

Digitized by Google

тѣ этой большой оси, и къ Америкѣ, должна находиться самая низкая температура сѣвернаго полушарія. Обширный ледовитый водоемъ, обнимающій полюсъ этого полушарія, не имѣетъ другаго сообщенія съ морями умѣренныхъ странъ, какъ только чрезъ Беринговъ Проливъ и чрезъ каналъ, проходящій между Норвегіею и Шпицбергомъ. Изъ разсказовъ путешественниковъ извѣстно, что на меридіанахъ этихъ двухъ проходовъ бываетъ таянье снѣга каждый годъ, тогда-какъ на меридіанахъ Сѣверной Сибири и Сѣверной Америки господствуетъ постоянная зима. Слѣдовательно, на этихъ послѣднихъ меридіанахъ существуетъ естественная причина чрезмѣрнаго холода, которой не находятъ, въ томъже разстояніи отъ полюса, на меридіанахъ Берингова Пролива, и еще менѣе на меридіанахъ Европы, которой климатъ, кажется, зависитъ, между прочимъ, отъ высокой температуры пустынь Африки; но Сибирь принадлежитъ къ материку болѣе-обширному и особенно болѣе-протяженному подъ тропиками, нежели Сѣверная Америка. И такъ, очевидно, кажется, что сильный холодъ, который господствуетъ на всемъ протяженіи полярныхъ странъ, доходитъ до самой высшей степени напряженія на сѣверѣ этого послѣдняго материка.

Къ этимъ причинамъ присоединяется вліяніе движенія водъ на поверхности морей. Но, при настоящемъ состояніи науки, невозможно опредѣлить температуру и географическое положеніе самыхъ холодныхъ пунктовъ земнаго шара.

*

ВЕЛИКАЯ-СТѢНА, ОТДѢЛЯЮЩАЯ КИТАЙ ОТЪ МОНГОЛІИ.— Въ Европѣ вообще полагаютъ, что нынѣшняя Великая-Стѣна, простирающаяся отъ Корейскаго-Залива на западъ до крѣпости Цзя-юй-гуань, вся каменная, и отъ самаго ея построенія донынѣ—въ-продолженіе болѣе двадцати вѣковъ—ни малаго поврежденія отъ времени не потерпѣла. Китайская исторія противорѣчитъ и тому и другому мнѣнію.

Великая-Стѣна, отдѣляющая Китай отъ Монголіи, на китайскомъ языкѣ называется Долгою-Стѣною, *Чанъ-чэнъ*, стѣною въ 10,000 ли, *Вань-ли-чанъ-чэнъ*, и Пограничною-Стѣною, *Бянь-чэнъ*.

Мысль ограждать предѣлы своихъ владѣній пограничными стѣнами, родилась въ Китаѣ въ исходѣ IV столѣтія предъ Р. Х., когда семь сильныхъ удѣльныхъ князей, объявившіе себя независимыми государями, вели между собою жестокія войны за первенство въ имперіи. Въ губерніи Чжи-ли, въ области Шунь-тяхянь-фу, существуютъ признаки древней великой стѣны, простиравшейся на югъ на нѣсколько сотъ ли. По преданіямъ вообще говорятъ, что сія стѣна составляла пограничную межу между царствами Чжао и Янь. Около сего же времени три царства: Янь, Чжао и Цинь (*) построили пограничную великую стѣну, отдѣлявшую владѣнія ихъ отъ Монголовъ. Мѣстоположеніе сей стѣны въ царствахъ Янь и Цинь неизвѣстно; а стѣна, построенная въ царствѣ Чжао, по древнимъ географамъ Китая, простиралась отъ Хухэхота на западъ по южной подошвѣ хребта Инь-шань, и построена государемъ Вулинъ-ванъ, который вступилъ на престолъ въ 325 году до Р. Х. Въ губерніи Шань-дунъ и нынѣ примѣтны развалины великой стѣны, которую построилъ Минь-ванъ, владѣтель царства Ци (**), въ 315 году до Р. Х., для прикрытія своихъ владѣній отъ властолюбивыхъ видовъ цар-

(*) Царство *Янь* заключало въ себѣ губернію Чжи-ли и страну *Ляо-дунъ*; царство *Чжао* губернію Сань-си, царство *Цинь*—губернію Шань-си.

(**) Царство *Ци* заключало въ себѣ южную половину губерніи Шань-дунъ.

Digitized by Google

ства Чу (*). Сія стѣна простиралась отъ города Цзи-чжеу на востокъ чрезъ гору Тхайшань до мыса Ланъ-шань, и содержала до 1000 ли протяженія. Древній историкъ Гуаньцзы (**) упоминаетъ объ этой стѣнѣ слишкомъ за пять столѣтій до Р. Х., но его исторія поздно показалась въ свѣтѣ.

Великая-Стѣна, построенная государемъ Шы-хуанъ въ 214 году до Р. Х., простиралась отъ крѣпости Шаньхай-гуань при Корейскомъ-Заливѣ на западъ до Желтой-Рѣки, въ области Нинъ-шо-фу, а отселѣ шла прямо на югозападъ до города Минь-чжеу, что показываютъ развалины ея, и нынѣ примѣтныя въ областяхъ Пьхинъ-лянъ-фу, Чинъ-янъ-фу и Янь-ань-фу. Земли нынѣшней губерніи Гань-су въ то время еще находились подъ владѣніемъ разныхъ поколѣній племени монгольскаго, турецкаго и тангутскаго, и завоеваны Китаемъ уже по прошествіи цѣлаго столѣтія отъ построенія Великой-Стѣны.

Великая-Стѣна, простирающаяся отъ Корейскаго-Залива до Ордоса, съ востока идетъ чрезъ области Юнъ-пьхинъ-фу и Шунь-тьхянь-фу на сѣверовостокъ; отъ кр. Ду-ши-кхэу въ области Сюань-хуа-фу постепенно склоняется на югозападъ до города Шо-пьхинъ-фу. Сіе длинное звено содержитъ въ себѣ 3000 ли. Нѣтъ сомнѣнія, что оно, послѣ перваго построенія, нѣсколько разъ было возобновляемо. Но въ исторіи нигдѣ не упоминается о возобновленіи; а очень-вѣроятно, что, въ продолженіе шести столѣтій отъ построенія – время разрушило сію стѣну до основанія; потому-что возобновленіе оной въ V столѣтіи названо въ исторіи не поправленіемъ, а построеніемъ. Въ 423 году, т. е. чрезъ 637 лѣтъ отъ Домъ Вэй, для остановленія жужаньскихъ набѣговъ на сѣверные предѣлы его, построилъ великую стѣну, простиравшуюся отъ города Чи-ченъ на западъ до Ву-юань на 2000 ли (*). Въ 552 году сѣверный домъ Ци построилъ великую стѣну отъ горы Хуанъ-лу-линъ на сѣверъ до караула Ше-пьхинъ-сюй. Въ 555 году тотъ же домъ Ци построилъ великую стѣну отъ Ся-кхэу въ Ючжеу на западъ до Хынъ-чжеу на 900 ли; для производства работъ выслано было 1,800,000 крестьянъ—по 2000 работниковъ на одну ли. Въ 556 году тотъ же домъ Ци построилъ великую стѣну отъ караула Цзунъ-цинь-сюй въ Си-хэ на востокъ до моря. Въ послѣднюю постройку входитъ внутренняя или вторая великая стѣна, идущая съ юга на сѣверъ по хребту Тхай-ханъ. Это видно изъ того, что сія стѣна начинается въ Си-хэ, что нынѣ область Фынь-чжеу-фу.— Симъ образомъ восточная великая стѣна, простирающаяся отъ Желтой Рѣки на востокъ до Корейскаго Залива на 3000 ли, въ продолженіи 423—556 вся была вновь построена, а по выраженію китайской исторіи сбита изъ земли.

О великой стѣнѣ, простирающейся отъ Шо-пьхинъ-фу по южной границѣ Ордоса и даже на западъ, въ древней исторіи Китая вотъ что сказано: «въ пятое лѣто правленія Кхай-хуанъ (585, для остановленія дулгаскихъ набѣговъ построили великую стѣну отъ Желтой Рѣки на западъ до Суй-чжеу (**) на протяженіи 700 ли. Далѣе до XV столѣтія нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ ней.

(*) Царство *Чу* заключало въ себѣ земли отъ Желтой Рѣки на югъ до рѣки Цзянъ.

(**) Китайскіе критики находятъ, что исторія, приписываемая ученому Гуаньцзы, появилась спустя долгое время послѣ его кончины.

(*) *Чи-ченъ*. Городъ Ву-юакъ лежалъ въ Монголіи въ 80 ли отъ Хухэ-хота на востокъ.

(**) Нынѣ городъ и округъ Суй-дэчжеу.

Digitized by Google

Въ половинѣ XV вѣка, Монголы изъ Чахара и Ордоса начали сильно обезпокоивать сѣверные предѣлы Китая: почему китайское правительство снова обратило вниманіе на возобновленіе пограничной великой стѣны. Въ 1485 году построено звено великой стѣны отъ Да-тхунъ-фу на зэпадъ до Бянь-тхэу-гуань, длиною на 600 ли; въ 1546 году еще построено звено слишкомъ на 300 ли, но мѣстоположеніе сего звена неизвѣстно. Въ слѣдующемъ году, построили великую стѣну въ области Да-тхунъ-фу. Хотя въ исторіи не сказано о продолженіи сей стѣны до Корейскаго Залива: но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что нынѣшняя великая стѣна отъ Шань-хай-гуань до Шо-пьхинъ-фу, въ Чжили, одѣтая кирпичемъ и камнемъ, вновь сооружена въ царствованіе династіи Минъ; ибо земляной валъ, сбитый въ концѣ VI вѣка, не могъ въ цѣлости простоять до XV вѣка.

Великая-Стѣна отъ Шо-пьхинъ фу на западъ содержитъ длины 3950 ли, построена въ XV и XVI столѣтіяхъ. Звено сей стѣны, простирающееся отъ Шо-пьхинъ-фу на югозападъ и потомъ на сѣверовостокъ до озера Хуа-ма-чи на 1770 ли, построено было въ 1472 году. Но какъ большая часть военно-поселянъ, охраняющихъ границу, имѣла землепашество по сѣверную сторону сей стѣны, то въ 1504 году построена нынѣшняя стѣна, а прежняя осталась внутри, подъ названіемъ второй стѣны. Звено, простирающееся отъ Хуа ма-чи на сѣверозападъ и потомъ на югозападъ до военно-поселенія Со-цяо-пху, длиною на 930 ли, построено въ разныя времена. Половина сего звена, простирающаяся отъ Хуа-ма-чи до города Нинъ-са-фу на 520 ли, построена въ 1530 году вмѣсто старой стѣны, и называется—въ отношеніи къ западной половинѣ — восточною стѣною. Прежде-бывшая стѣна, оставшаяся внутри, простиралась на сѣверозападъ на 360 ли и построена была въ 1470-хъ годахъ. Далѣе на югозападъ по Желтой Рѣкѣ на 130 ли нѣтъ стѣны. Вторая половина звена, простирающаяся отъ Нинъ-ся-фу до Со-цяо-пху содержитъ 410 ли, и называется западною стѣною. Далѣе, на сѣверозападъ, великая стѣна простирается до Тху-мынь-пху на 410, отъ Тху-мынь-пху до Сань-ча-хэ на 120, отъ Сань-ча-хэ до Чжень-фань-сянь на 150 ли, отселѣ до Шань-дань-сянь на 180 ли. Звено отъ Хуа-ма-чи до Шань-дань-сянь, объемлющее 850 ли, построено въ 1590-хъ годахъ и названо новою великою стѣною — въ томъ значеніи, что прежде въ сей странѣ не было великой стѣны.

Въ области Лян-чжеу-фу находится внутренняя стѣна, которая отъ Со-цяо-пху идетъ на югъ по западному берегу Желтой Рѣки до военнопоселенія Пьхинъ-фань-пху, потомъ идетъ на сѣверозападъ до города Пьхинъ-фань-сянь и оканчивается не подалеку отъ вершины рѣки Гу-ланъ-хэ. Сія стѣна называется второю пограничною стѣною *Чунъ-бянь-чень*, содержитъ 1400 ли, и построена въ 1582 году, послѣ вышеупомянутой новой стѣны.

Отъ Шань-дань-сянь до города Гань-чжеу-фу звено великой стѣны содержитъ 100 ли. На семъ пространствѣ находится четверо воротъ и нѣсколько десятковъ заставъ, укрѣпленныхъ водяными и сухими рвами. Отъ Гань-чжеу-фу далѣе на сѣверозападъ цѣпь горъ служитъ естественнымъ оплотомъ на 75 ли. Отъ сихъ горъ на сѣверозападъ великая стѣна простирается до рѣки Эцзинэй на 170 ли. Отъ Эцзинэй на западъ до рѣки Тхаолай-хэ опять нѣтъ стѣны, а горы служатъ оградою со стороны степей. Отъ Тхао-лай-хэ великая стѣна идетъ на югозападъ и оканчивается по южную сторону крѣпости Цзя-юй-гуань.

Великая стѣна, простирающаяся отъ Шань-хай-гуань до Желтой Рѣки въ Шо-пьхинъ-фу по вершинамъ высокихъ горъ, первоначально составляла земляной валъ, который по свой-

Digitized by Google

ству своему не могъ существовать. Строеніе крѣпостныхъ и городскихъ стѣнъ изъ кирпича и гранита введено при династіи Минъ уже въ XV столѣтіи; и такъ восточная половина великой стѣны, простиравшаяся по сѣверной границѣ въ губерніяхъ Чжили и Сань-си, по свидѣтельству Жербильйона, мѣстами построенная изъ кирпича и камня, есть произведеніе XV и XVI столѣтій. Но какъ съ того времени донынѣ прошло около трехъ столѣтій, и во все это продолженіе стѣна не была поддерживаема починками, то не удивительно, что она во многихъ мѣстахъ, особенно по горамъ около Калгана, разрушилась до основанія, и нынѣ видна только по одному внутреннему ея остову, представляющему длинный, довольно-возвышенный земляный валъ. Что касается до великой стѣны отъ Шопьхинъ-фу до Цзя-юй-гуань, построенной въ продолженіи XV и XVI столѣтій, она сбита изъ земли и по свидѣтельству Жербильйона, видѣвшаго ее въ 1697 году (*), даже и въ его время совершенно почти разсыпалась.

Вышеизложенныя свѣдѣнія о великой-стѣнѣ,—въ продолженіе двадцати вѣковъ ея существованія — почерпнуты изъ китайской исторіи. Католическій вѣропроповѣдникъ Реги, полагавшій сѣверную границу Китая на карту, имѣлъ случай видѣть Великую-Стѣну на всемъ ея протяженіи отъ Корейскаго Залива на западъ до крѣпости Цзя-юй гуань. Вотъ въ какомъ состояніи онъ нашелъ Великую-Стѣну въ то время.

Великая-Стѣна въ губерніи Чжи-ли состоитъ изъ земляного вала, одѣтаго кирпичемъ. Высота ея простирается отъ 20 до 25 футовъ. Выходы чрезъ великую-стѣну въ Монголію, внутри снабжены крѣпостцами, которыя суть: Шань-хай-гуань, Си-фынь кхэу, Ду-ши-кхэу, Гу-бэй-кхэу и Чжанъ-цзя-кхэу. Всѣ помянутыя крѣпостцы обнесены земляными валами, одѣтыми кирпичемъ.

Отъ западной межи губерніи Чжили далѣе на западъ чрезъ губернію Сань-Си, великая стѣна сбита изъ глины, безъ зубцовъ и безъ обмазки, не очень широка, и не выше пяти футовъ. Далѣе по межѣ, отдѣляющей губернію Сань-си отъ Шань-си, вмѣсто великой стѣны служитъ Желтая Рѣка, укрѣпленная береговыми военными постами.

На западъ чрезъ губернію Шань-си и далѣе великая-стѣна взведена изъ земли, низка, узка, на песчаныхъ равнинахъ насыпана пескомъ, а въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ разсыпалась. Только въ Су-чжеу, по близости къ крѣпости Цзя-юй-гуань содержится въ лучшемъ противъ прежнихъ мѣстъ состояніи. Даже стѣны крѣпости Цзя-юй-гуань сдѣланы не изъ кирпича, т. е. сбиты изъ земли. Отселѣ на югъ до Си-нинъ-фу нѣтъ стѣны, а только вдоль горъ проведенъ посредственный ровъ, исключая перешейковъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укрѣплены земляными валами (*) (см. «Описаніе Кит. Имперіи», Дюгальда. Ч. I. стр. 65, и слѣд., перев. Игнатья Де-Тенльса).

Есть еще *внутренняя великая стѣна*, лежащая отъ Пекина на сѣверозападъ по вершинамъ хребта Тхай-ханъ. О сей стѣнѣ, въ исторіи восточнаго дома Вэй, сказано: «Въ первое лѣто правленія Ву-динъ (542), князь Сянь-ву построилъ великую стѣну по горамъ, отъ Сы-чжеу на сѣверъ, до Ма-линъ-сюй, на востокѣ

(*) См. Описаніе Кит. Имперіи Дюгальда т. 1 стр. 47 изд. 1786 года, въ Гагѣ, въ четв.

(*) Одинъ изъ членовъ англійскаго посольства, бывшаго въ Пекинѣ въ 1790 году, по измѣреніи крѣпостной стѣны въ Гу-бэй-кхэу, вычислилъ, что великая-стѣна — отъ Корейскаго Залива на западъ, до крѣпости Цзя-юй-гуань—содержитъ въ себѣ камня и кирпича гораздо болѣе, нежели всѣ каменныя зданія въ трехъ королевствахъ Великобританіи.

Digitized by Google

до Тху-дынъ. Это есть звено внутренней великой стѣны, простирающейся въ губернію Сань си съ запада на юговостокъ. По исторіи династіи Суй, въ 16 е лѣто правленія Да-ѣ, построена великая стѣна отъ города Хэ-хэ-сянь на сѣверъ; на востокъ она простиралась чрезъ Ю-чжеу на 1,000 ли (*). Это есть звено внутренней великой стѣны, простирающейся съ юга на сѣверъ до пограничной великой стѣны. Оба сіи звена первоначально были сбиты изъ земли и представляли обнаженный земляной валъ, который уже въ XVI столѣтіи былъ одѣтъ кирпичомъ и гранитомъ. Внутренняя стѣна болѣе уцѣлѣла отъ разрушенія, нежели внѣшняя, отдѣляющая Китай отъ Монголіи.

О. Реги вотъ что написалъ о внутренней великой стѣнѣ: «Императоры прежняго дома т. е. династіи Минъ, въ намѣреніи сдѣлать мѣсто своего пребыванія неприступнымъ, построили другую стѣну, которая и донынѣ въ цѣлости стоитъ въ 76 ли отъ Пекина на сѣверъ. Сія стѣна, называемая внутреннею, соединяется съ другою на сѣверѣ отъ Пекина подлѣ Сюань-хуа-фу, т. е. съ пограничною великою стѣною.» И такъ время оставить общую въ Европѣ мысль, что великая стѣна болѣе двадцати двухъ вѣковъ существуетъ въ неизмѣнномъ первобытномъ видѣ. Подобныя мечты мистики называютъ *прелестію ума*.

Іакинѳъ.

(*) *Сы-чжеу*, нынѣ въ Сань-си городъ Дай-чжеу. *Ма-линь-сюй*, нынѣ крѣпость Ма-линъ-гуань, лежитъ въ Тхай-юань-фу отъ города Тхай-гу-сянь на юговостокъ. *Хэ-хэ-сянь* есть нынѣшній уѣздъ и городъ Синъ-сянь, лежащій въ 410 ли отъ города Тхай-юань-фу на сѣверозападъ. *Тху-дынъ* нынѣ крѣпостца, лежащая въ Дай-чжеу отъ города Шунь-сянь на сѣверозападъ. *Ю-чжеу*, есть нынѣшняя область Шунь-тьхянь-фу.

ДВѢ ЧЕРТЫ ИЗЪ ОЧЕРКОВЪ ВОСТОЧНОЙ ИНДІИ. *(Изъ записокъ Англичанина.)*

I. Фанатикъ.— Почти каждый Англичанинъ, пріѣхавшій на службу въ Индію, долгомъ поставляетъ выбрать себѣ любовницу изъ туземокъ; такія связи не только опасны въ нравственномъ отношеніи, но и препятствуютъ служебной карьерѣ молодыхъ людей.

Господинъ А***, холостой, молодой Англичанинъ, взялъ къ себѣ также, по примѣру своихъ товарищей, прекрасную шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, которая, не смотря на коричневый цвѣтъ своего тѣла, была сложена такъ же чудесно, какъ Венера Медицейская. Молодой человѣкъ въ три года прижилъ съ нею двухъ дѣтей, которыхъ держалъ при себѣ, какъ нѣжный и чадолюбивый отецъ.

Поведеніе его въ этомъ случаѣ было довольно-предосудительно; но былъ очень извинителенъ поступокъ индійской дѣвушки, которая не могла и думать о законномъ бракѣ съ джентльменомъ. Даже родители ея гордились оказанною имъ честію. Таковъ обычай во всѣхъ индійскихъ владѣніяхъ Англіи. Айя (такъ называлась дѣвушка) пошла однажды въ ванну съ обоими своими дѣтьми, которыя, прижавшись къ груди матери, никакъ не хотѣли идти въ воду. Братъ Айи жилъ въ одномъ домѣ съ своею сестрою, а отецъ ихъ исправлялъ должность привратника. Первый былъ религіозный фанатикъ, энтузіастъ, изъ котораго брамины сдѣлали отчаяннаго злодѣя. Онъ вздумалъ всѣ прежніе свои грѣхи загладить однимъ ужаснымъ злодѣйствомъ, которое, по ученію браминовъ, могло доставить ему вѣчное блаженство. Извѣстно, что, по мнѣнію благочестивыхъ Малайцевъ, одна только дорога ведетъ прямо въ небо. Онъ избралъ для своего спасенія эту дорогу и, совершивъ умовеніе, помолился и приступилъ къ дѣлу. Надобно знать, что индійскій фанатикъ, рѣшившійся искупить всѣ свои прежніе грѣ-

Digitized by Google

хи, обыкновенно клянется, во-первыхъ, принести Богу въ жертву каждое живое существо, которое встрѣтится ему на пути, не смотря на полъ особы и родственныя съ нею связи; въ-слѣдствіе чего онъ убиваетъ всѣхъ, кто попадется ему подъ-руку, пока самъ наконецъ не умретъ отъ пули, или кинжала мстителя. Сперва такой изступленный намазываетъ себѣ все тѣло деревяннымъ масломъ и бреетъ догола голову, чтобъ трудно было схватать или остановить его на дорогѣ. Чѣмъ болѣе онъ убьетъ людей, тѣмъ скорѣе найдетъ путь къ вѣчному блаженству. На основаніи этого, братъ Айи принялъ нѣсколько грановъ opium'a, взялъ въ каждую руку по кинжалу, и какъ тигръ началъ сторожать свою добычу. Айя только-что вышла изъ ванны, держа на рукахъ двухъ своихъ дѣтей; сестра и служанка слѣдовали за нею. Онѣ шутили и смѣялись, нимало не предчувствуя несчастія. Проходя узкимъ корридоромъ дома, Айя услышала позади себя шорохъ—обернулась, и въ ту же минуту пала мертвою отъ руки брата, котораго она страстно любила. Однимъ махомъ ножа онъ отдѣлилъ голову отъ туловища несчастной. Всѣ закричали отъ ужаса; но фанатикъ, радуясь своей побѣдѣ, побѣжалъ далѣе, и встрѣтилъ стараго носильщика, которому въ одну секунду разрубилъ пополамъ черепъ, — кровь полилась ручьемъ по лицу бѣднаго старика. Другая сестра изступленнаго, побѣжала вслѣдъ за своимъ братомъ и хотѣла удержать его руку. Онъ вдругъ остановился, для того только, чтобъ вѣрнѣе поразить и вторую сестру свою, вонзилъ ей кинжалъ прямо въ сердце, захохоталъ, и побѣжалъ далѣе. Тутъ сдѣлалась тревога въ домѣ и у сосѣдей; полиція поспѣшила на мѣсто преступленія и велѣла запереть ворота. Отецъ фанатика, видя бѣшенство своего сына, отгадалъ его намѣреніе. Злодѣй бросился прямо на отца, но старикъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, прицѣлился изъ ружья, и застрѣлилъ преступника на мѣстѣ. Религіозный сумасбродъ умеръ у ногъ отца своего, и въ самыхъ даже предсмертныхъ конвульсіяхъ силился подняться на ноги, чтобъ отмстить кровью за ударъ.

. . . . . .

II. Пари.—Англичане въ Индостанѣ такіе же охотники биться объ закладъ, какъ и земляки ихъ въ Европѣ. Пари—душа и жизнь индо-англійскихъ обществъ. Все, что подается на столъ къ обѣду, равно какъ и каждый прохожій на улицѣ, могутъ служить имъ предметами для разныхъ закладовъ. Сколько миндалю положено на тарелку? къ какому полу принадлежитъ тотъ, кто первый пройдетъ мимо дома? и пр. и пр. Эти важные вопросы бываютъ предметомъ закладовъ въ 100, 200, или даже въ 10,000 гиней. Иногда ставка пари доходитъ до одного лака рупій, и въ этомъ случаѣ богатые люди проигрываютъ огромныя суммы какому-нибудь обманщику. Полковникъ англійской службы, Чарлзъ Макоули, принадлежитъ къ числу этихъ проворныхъ хитрецовъ, которые, получивъ предварительное свѣдѣніе, бьются объ закладъ на большія суммы, въ полной увѣренности, что они ихъ выиграютъ. Этотъ хитрецъ познакомился съ однимъ англійскимъ чиновникомъ, Джемсомъ Гордономъ, который также любилъ биться объ закладъ, но по неопытности своей проигрывалъ немаловажныя суммы полковнику Макоули. Однажды Макоули узналъ, что пріятель его Гордонъ получилъ прибыльное мѣсто въ Калькуттѣ, и что намѣренъ дать большой обѣдъ на кругломъ столѣ краснаго дерева, полученномъ изъ Англіи. Полковникъ сѣлъ въ паланкинъ и велѣлъ нести себя въ домъ Гордона.

— Дома ли господинъ? спросилъ Макоули Араба-служителя, и получивъ утвердительный отвѣтъ, вошелъ въ столовую залу, богато убранную.

— Гордонъ-сагибъ бреется, и сейчасъ выйдетъ, сказалъ любимый сердаръ-Арабъ хозяина.

— Хорошо, я подожду, сказалъ пол-

Digitized by Google

ковникъ, и началъ, посвистывая, ходить по комнатѣ. Арабъ вышелъ изъ столовой, посреди которой стоялъ большой круглый столъ.

Макоули пристально осмотрѣлся въ комнатѣ, и увѣрясь, что за нимъ никто не приглядываетъ, вынулъ изъ кармана складной аршинъ, поспѣшно смѣрилъ круглый столъ, и записалъ мѣру его на бумажкѣ. Онъ полагалъ, что никто не примѣчалъ за нимъ, — и ошибся. Джемсъ Гордонъ, бреясь въ другой комнатѣ, двери которой худо были притворены, видѣлъ всѣ его движенія. Гордонъ воспользовался этимъ случаемъ, и вздумалъ отплатить хитрецу за его обманы тою же монетою.

—А, здравствуй, любезнѣйшій! Ну, какъ ты поживаешь? сказалъ Гордонъ, и пожалъ своему гостю ту руку, которая мѣряла аршиномъ столъ его.—Да гдѣ ты такъ долго путешествовалъ?

— Во внутреннихъ провинціяхъ. отвѣчалъ Макоули.— Намъ было много работы, сражались нѣсколько разъ съ непріятелемъ. Нашъ полкъ лишился одного гальвида и четырехъ сипаевъ, не считая бѣднаго Джаксова, который игралъ отлично въ вистъ. Онъ былъ раненъ опасно въ руку при штурмѣ одного укрѣпленія. Бѣднякъ выпилъ стаканъ водки и умеръ. Этотъ случай стоялъ мнѣ 10 000 рупій. Я побился объ закладъ съ раненымъ, что онъ проживетъ три дня, но онъ умеръ, ранѣе двумя часами назначеннаго мною времени; я выигралъ бы у него 1,000 рупій, еслибъ покойникъ прожилъ до слѣдующаго дня: онъ утверждалъ, что въ слѣдующій день будетъ хорошая погода, и. держалъ со мною пари; а на самомъ дѣлѣ вышло, что цѣлый день шолъ дождь.

— Какъ жаль, что ты проигрался! сказалъ Гордонъ.

— Что же дѣлать, но сегодня можетъ-быть поправится мои финансы, и я поспѣшилъ къ тебѣ, любезный другъ, сказалъ полковникъ.

— Когда ты пріѣхалъ въ Калькутту?

— Вчера вечеромъ, и тотчасъ по пріѣздѣ сдѣлалъ визитъ пріятелю своему Тейлору, которому въ минуту проигралъ одинъ лакъ рупій.

— Обѣдай у меня сегодня въ 7 часовъ — сказалъ Гордонъ.

— Да я приглашенъ уже на обѣдъ къ Тейлору, но постараюсь отъ него отдѣлаться, чтобъ быть у тебя. Теперь отправлюсь за дѣлами въ крѣпость. И такъ, въ 7 часовъ; прощай. — Полковникъ ушелъ.

Джемсъ Гордонъ приказалъ своему слугѣ отказывать всѣмъ посѣтителямъ, которые къ нему пріѣдутъ съ визитами поутру, а самъ принялся за работу, о которой скажу ниже.

Въ 7 часовъ поданъ былъ самый гастрономическій, роскошный обѣдъ. Гости кушали съ большимъ аппетитомъ; за десертомъ закурили трубки, и гука распространилъ ароматическій запахъ въ столовой. За бокалами шампанскаго гости начали разговаривать о разныхъ разностяхъ и хвастали своими подвигами на охотѣ и по закладамъ.

Подковникъ Макоули, какъ искусный тактикъ, вскорѣ навелъ разговоръ на столъ, присланный хозяину дома изъ Лондона. Каждый хвалилъ прекрасный столъ Джемса Гордона.

— Это самое лучшее красное дерево, которое мнѣ случалось когда-либо видѣть, замѣтилъ майоръ Брикаръ.

— Столъ такъ сдѣланъ красиво и пропорціонально, что лучше и желать невозможно, прибавилъ Клейвортъ.

— Да жаль, что онъ немного высокъ, сказалъ разсѣянно Макоули, и лучше, если бы былъ нѣсколько пониже; не правдали, Гордонъ?

— Напротивъ, я нахожу, что этотъ столъ ниже обыкновеннаго, возразилъ Гордонъ.

— Ошибаешься, любезный Джемсъ; у меня глазомѣръ вѣренъ математически. Столъ долженъ быть не выше двухъ футовъ шести дюймовъ, а у

Digitized by Google

этого цѣлый дюймъ лишній, замѣтилъ полковникъ.

— Не правда, онъ только два фута съ половиною вышиною.

— Не спорь напрасно, не бейся объ закладъ; я знаю, что говорю: мой глазъ никогда не ошибется въ такомъ дѣлѣ.

—Какъ мнѣ не биться объ закладъ? вѣдь это мой столъ; я знаю мѣру своихъ вещей. Не угодно ли держать пари въ одинъ лакъ рупій?—Я утверждаю, что столъ не выше 30 дюймовъ.

—О, если такъ, вскричалъ Макоули,— то я согласенъ биться съ тобой, Джемсъ; но прошу припомнить тг. что я сказалъ прежде. — Я увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, и утверждаю во всеуслышаніе, что этотъ столъ вышиною въ 31 дюймъ.

— Ну, такъ по рукамъ, отвѣчалъ Гордонъ: мы бьемся объ одномъ лакѣ рупій.

— Согласенъ, возразилъ Макоули.

Тутъ принесли закладную книгу, въ которую одинъ изъ гостей вписалъ условленную сумму пари. Потомъ Гордонъ приказалъ слугѣ принести аршинъ.

Макоули началъ хохотать, и сказалъ съ увѣренностію своему противнику: — Не трудись напрасно! я уже сказалъ, что увѣренъ въ своемъ дѣлѣ. Не правда ли, Гордонъ, ты не отступишься отъ заклада?

— Разумѣется.

— Ну, если такъ, то заплати скорѣе проигранную сумму. Я сегодня утромъ смѣрилъ твой столъ, когда ты брился, и записалъ мѣру въ бумажникъ; вотъ она: 31 дюймъ.

Полковникъ смѣючись показалъ всѣмъ гостямъ памятную книжку.

— Знаю, возразилъ Гордонъ: — я видѣлъ въ зеркало, какъ ты мѣрилъ мой столъ, и когда ты ушелъ, я укоротилъ столъ на цѣлый дюймъ, подпилокъ всѣ его ножки.

На другой день полковникъ Макоули уѣхалъ изъ Калькутты, облегчивъ свой портфѣль 70,000 талеровъ, потерянныхъ имъ въ закладѣ съ Гордономъ.

ВЕРЕЗЫ. *(Разсказъ.)*—Книга жизни была всегда неисчерпаемымъ источникомъ для литературы всѣхъ народовъ. Мысль человѣческая останавливалась на каждой страницѣ ея, озаряла ее своимъ свѣтомъ, проникала въ тайный смыслъ каждаго слова, каждой буквы; но, не смотря на это, многія страницы изъ этой великой книги остались и останутся навсегда неизвѣстными.

Я люблю устремлять взоры на эти таинственные гіероглифы! Ключъ отъ нихъ не существуетъ для человѣка, но тѣмъ не менѣе они полны смысла; и неодолимое, хотя всегда тщетное желаніе проникнуть въ этотъ сокровенный смыслъ, распаляетъ мое воображеніе и заставляетъ биться сердце.

На одномъ изъ такихъ гіероглифовъ хочу я остановить мои воспоминанія.

Деревня, въ которой я родился и достигъ первой юности, находилась въ одной изъ степныхъ губерній Россіи. Близкихъ сосѣдей у насъ было немного, и тѣ, которые были, рѣдко посѣщали насъ, исключая, впрочемъ, одной молодой вдовы, жившей отъ насъ верстахъ въ четырехъ. Потерявъ мужа, котораго страстно любила, она заперлась въ деревнѣ съ пятилѣтнимъ сыномъ, и оставила всѣхъ знакомыхъ, кромѣ моей матери, съ которою тѣсная дружба связывала ее съ самаго дѣтства.

Въ то время, какъ я началъ помнить ее, ей было съ-небольшимъ лѣтъ тридцать. Добрая, тихая, всегда нѣсколько задумчивая, она казалась созданною для того, чтобъ любить и внушать любовь и уваженіе. Хоть я не могъ судить тогда о качествахъ этой женщины, я всегда вспоминаю о ней какъ о самомъ чистомъ существѣ, которое случалось мнѣ встрѣтить въ жизни.

Мы, дѣти, всѣ чрезвычайно любили ее; для насъ не было сильнѣе наказа-

Digitized by Google

нія, какъ угрозы, что насъ не возьмутъ въ Берёзовку (такъ называлась деревня нашей сосѣдки), гдѣ ожидали насъ игрушки, лакомства и самыя нѣжныя ласки.

Если она такъ много любила и ласкала насъ, то что̀ сказать о любви ея къ сыну? Эта любовь доведена была до возможно-высшей степени и нерѣдко переходила, можетъ-быть, въ ослѣпленіе, въ баловство. Она старалась предупреждать малѣйшія желанія своего маленькаго Саши, извиняла въ немъ всякую шалость и изобрѣтала для него ласки, которыя только мать можетъ изобрѣсти и понять.

Такая любовь могла бы сдѣлать всякаго другаго ребенка капризнымъ, несноснымъ. Но Саша былъ странный ребенокъ! Онъ понималъ, какую власть онъ имѣетъ надъ матерью, но никогда не хотѣлъ пользоваться этою властью; онъ даже скрывалъ отъ матери свои дѣтскія желанія; шалости его были рѣдки; онъ никогда не бѣгалъ, не любилъ играть... Рожденный съ чрезвычайно-нѣжнымъ сложеніемъ, онъ росъ, какъ юный цвѣтокъ, подъ теплымъ дыханіемъ матери и, казалось, малѣйшій холодъ, малѣйшее дуновеніе вѣтерка, должно сгубить его!

Кромѣ меня и сестры, у насъ въ домѣ воспитывалось нѣсколько посторонних дѣтей; я былъ старше всѣхъ, и, слѣдовательно, серьёзнѣе; можетъ-быть, это было причиною, что Саша полюбилъ меня болѣе другихъ дѣтей, не смотря на то, что я былъ пятью годами старше его. Когда мы пріѣзжали въ Берёзовку, Саша молча отдавалъ свои игрушки шумной толпѣ, отводилъ меня въ сторону и звалъ гулять.

Цѣль его прогулокъ была всегда одна и та же: *двѣ берёзы*.

Деревня матери Саши находилась въ совершенной степи. Домъ стоялъ на небольшой возвышенности, вокругъ которой, на всѣ стороны, разстилались поля и степи. Взоры печально искали на чемъ бы остановиться, и ничего не находили, кромѣ горизонта и двухъ берёзъ, которыя одиноко стояли въ полѣ, шагахъ въ двухъ стахъ отъ дома.

Съ этими берёзами связано было странное преданіе. Старики разсказывали, что въ-старину на этомъ мѣстѣ была небольшая берёзовая роща; но что всякій разъ, передъ тѣмъ, какъ долженъ былъ умереть одинъ изъ владѣтелей деревни,—одна изъ берёзъ погибала. Какъ-будто въ подтвержденіе этого предразсудка, за нѣсколько дней передъ смертью сашинова отца (случившейся совершенно-неожиданно), сильная буря сломила берёзу. Теперь оставалось только два дерева; народъ опредѣлилъ, что одно изъ нихъ жизнь ихъ доброй барыни, другое—жизнь маленькаго барина; и отъ-того берёзы эти пользовались какимъ-то священнымъ уваженіемъ, не только жителей деревни, но и всѣхъ окрестностей.

Какъ глубоко врѣзались въ моей памяти эти два таинственныя дерева! Бывало, съ которой стороны ни ѣдешь въ Берёзовку, далеко-далеко, и прежде всякаго другаго предмета, являются двѣ берёзы; а вечеромъ съ своими толстыми бѣлыми днями, онѣ представлялись воображенію, какъ два призрака, которые, закутавшись въ саваны, грустно и одиноко стояли среди поля.

Признаюсь, я не охотно сопутствовалъ моему маленькому другу въ этой прогулкѣ; но онъ всегда просилъ меня такъ убѣдительно, что я не умѣлъ отказать ему.

Когда мы приближались къ берёзамъ, мною овладѣвало какое-то странное чувство: мнѣ не было страшно, но какъ-то неизъяснимо грустно, такъ что я каждую минуту готовъ былъ заплакать. Разговоръ нашъ, сначала довольно-живой, постепенно прекращался; мы подходили молча; печальный, однообразный шумъ листьевъ слышался издалека и располагалъ насъ еще болѣе къ задумчивости. Потомъ, когда мы были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берёзъ, съ одной изъ нихъ слетала какая-то огромная птица, и пронзительный, унылый крикъ ея приводилъ меня всякій разъ въ дрожь.

Digitized by Google

— Не пугайся, говорилъ мнѣ маленькій Саша:—это моя птица!

Съ наивностію, полною убѣжденія, разсказалъ онъ мнѣ преданіе объ этихъ берёзахъ; показывалъ недавносломленное и уже засохшее дерево, говоря:

— Вотъ это была берёза моего папеньки! Посмотри, какая была прекрасная берёза!

И обращаясь къ старушкѣ нянѣ, спрашивалъ ее:

— Которая же моя берёза?

— Которая помоложе, потоньше, та и твоя, батюшка, отвѣчала старуха.

— Вотъ моя берёза! говорилъ Саша, обнимая ручонками самое тонкое дерево: — я люблю мою берёзу! У тебя нѣтъ такой?

Потомъ, прислушиваясь къ шуму ея листьевъ, онъ прибавлялъ:

— Послушай! моя берёза разговариваетъ со мной! Какъ бы я желалъ знать, что говоритъ она!

— Она говоритъ, замѣчала няня: — Саша, будь уменъ, слушайся маменьку, слушайся няню; будешь жить долго, долго!

— Нѣтъ, няня! ты не знаешь, что она говоритъ! прерывалъ ее Саша съ нѣкоторой досадой.

Съ трудомъ, бывало, можно было отвести Сашу отъ его берёзы; онъ цаловалъ ее, прощался съ нею, давалъ ей самыя нѣжныя названія, какъ будто живому существу.

Странный ребенокъ! Я почти не помню его веселымъ. Когда, вечеромъ, мы возвращались съ гулянья,—вмѣсто того, чтобъ пристать къ веселой толпѣ дѣтей, онъ подводилъ меня къ окну, ждалъ, когда упадетъ звѣздочка, или показывалъ мнѣ на мѣсяцъ, который то прятался за облаками, то вдругъ выплывалъ изъ-за нихъ.

Саша былъ обыкновенно молчаливъ и серьёзенъ; но иногда у него рождались самые оригинальные вопросы, самыя странныя замѣчанія, совершенно-несообразныя съ его возрастомъ. И всегда въ этихъ вопросахъ, въ этихъ замѣчаніяхъ было что-то грустное. Я любилъ моего маленькаго друга въ эти минуты, и готовъ былъ проводить съ нимъ у окна цѣлые вечера и глядѣть на луну, на звѣздочки...

Не смотря на близость разстоянія, мы часто ночевали въ Берёзовкѣ. Бывало, длинными, осенними вечерами, когда старшая сестра моя, или M-lle le Blanc, моя гувернантка, садутъ за фортепьяно,— Саша вдругъ исчезнетъ. Мать, замѣтивъ отсутствіе своего Саши, бросится искать его, и навѣрно, бывало, найдетъ, что онъ лежитъ на диванѣ, въ одной изъ переднихъ комнатъ, которыя почти никогда не освѣщались.

—Что съ тобою, Саша? спрашивала его заботливая мать.

— Ничего, маменька! Оставьте меня.

— Какъ можно лежать одному, въ темной комнатѣ; ты вѣрно болѣнъ? Что у тебя болитъ?

— Нѣтъ, я не болѣнъ; право, не болѣнъ! Мнѣ здѣсь хорошо.

— У тебя гости; ступай съ ними играть, или поди въ дѣтскую спать.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу спать! говорилъ онъ съ какимъ-то страхомъ. — Я пойду играть!

И онъ выходилъ изъ своего уединенія, принималъ участіе въ нашихъ играхъ, но такъ неохотно, такъ вяло, что видѣть Сашу играющимъ было грустнѣе, чѣмъ видѣть его молчаливымъ и задумчивымъ.

Когда наставалъ часъ ложиться спать и мы, дѣти, начинали прощаться, Саша, повѣсивъ голову, оставался неподвижнымъ.

—Что же ты не прощаешься? спрашивала у него мать.

— Я не хочу спать, говорилъ онъ съ глазами полными слезъ.

Его убѣждали разными ласками, иногда даже маленькими угрозами, и онъ молча шелъ за нами въ дѣтскую; раздѣвшись, садился на постель и снова повторялъ:

— Я не хочу спать! Нынче я всю ночь не хочу спать!

— Отъ-чего же? спрашивали его.

Digitized by Google

— Мнѣ не даетъ спать попъ! Онъ всякую ночь пугаетъ меня; онъ такой страшный!

Напрасно смѣялись надъ нимъ, уговаривали его... Иногда, утомленный усталостью и будучи не въ силахъ преодолѣть естественной потребности, онъ засыпалъ самъ собою; но чаще соглашался заснуть съ условіемъ, что я лягу вмѣстѣ съ нимъ, или, что няня будетъ держать его за руку.

Ночью, онъ вдругъ просыпался съ крикомъ и слезами, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, звалъ няню...

— Что съ тобою, родимый мой? спрашивала старуха, крести его.

— Няня, меня увидитъ попъ! Не давай меня, милая няня! говорилъ Саша рыдая.

— И! Богъ съ тобою, какой попъ? Перекрестись и ляг на другой бочокъ!

Но Саша не соглашался, и всхлипывая, разсказывалъ свой сонъ. Онъ видѣлъ, что лежитъ въ какой-то комнатѣ, которая не похожа на его дѣтскую; вдругъ, вдали слышались тяжолые шаги и печальныя пѣсни; тяжолые шаги медленно, медленно, приближались къ его комнатѣ; дверь отворялась, входилъ страшный попъ; за нимъ нѣсколько человѣкъ съ пѣснями и со свѣчами несли гробъ; попъ подходилъ къ Сашѣ; Саша хотѣлъ кричать, но не могъ; попъ бралъ его за руку и увлекалъ за собою, и долго, долго ходили они по темнымъ, огромнымъ комнатамъ..... И отъ руки этого попа Сашѣ было такъ холодно, такъ холодно!..

— Нѣтъ, няня, милая няня, не клади меня спать! продолжалъ Саша: — онъ прійдетъ опять, я услышу опять какъ онъ ходитъ... Какъ сапоги его страшно стучатъ, няня!

— И, полно, полно, родимый мой! успокойся. Положи головку во мнѣ на колѣни; онъ не прійдетъ, я никому не дамъ мое милое дитя!

И успокоенный ласками и обѣщаніями няни, Саша засыпалъ на ея колѣнихъ.

Одинъ и тотъ же сонъ повторялся почти всякую ночь; на другой день, ребенокъ былъ блѣденъ, задумчивъ. Мать безпокоилась, и не безъ причины: недостатокъ сна и частыя, для его лѣтъ слишкомъ-сильныя волненія, примѣтно разстроивали здоровье Саши, и безъ того слабое. Онъ часто бывалъ болѣнъ, но всегда старался скрыть свои страданія и переносилъ ихъ съ ангельскимъ терпѣньемъ. Когда болѣзнь дѣлалась слишкомъ-явною, его клали въ постель, онъ покорялся, молча принималъ лекарства, и никогда ни одного вздоха, ни одной жалобы не вырывалось изъ его дѣтской груди.

Я разстался съ моимъ маленькимъ другомъ, когда ему минуло уже десять лѣтъ. Меня отдали въ университетъ, а Саша остался при матери, которая пугалась даже мысли, что когда-нибудь должна будетъ разстаться съ нимъ. Она не хотѣла обременять его ученьемъ, опасаясь повредить его слабому здоровью; но Саша рано выучился читать и съ жадностью бросился на романы, которые попадались ему подъ руку.

Надо удивляться, какъ мать, столь сильно его любившая, не обращала болѣе-строгаго вниманія на выборъ его чтенія и не замѣчала, какое гибельное вліяніе должны были имѣть романы на ея сына. Воображеніе его, и, безъ того довольно-пылкое, разыгрывалось сильнѣе и сильнѣе; врожденная наклонность къ меланхоліи превращалась въ болѣе опредѣленную мечтательность. Совершенно-женское и безъ сомнѣнія, слишкомъ-нѣжное воспитаніе, уединеніе, въ которомъ онъ жилъ съ дѣтства, окруженный безпрерывной любовью и какой-то таинственностью, и наконецъ, раннее и неумѣренное чтеніе романовъ, все способствовало къ развитію въ немъ слишкомъ-рано и слишкомъ-сильно сердца и воображенія, въ то время, когда уму его не давали достаточно пищи. Онъ привыкъ жить въ какомъ-то мечтательномъ мірѣ, привыкъ все понимать чувствомъ, и не трудно было предвидѣть, что для такого человѣка тяжело будетъ сбы-

Digitized by Google

кнуться съ міромъ дѣйствительнымъ, что жизнь его протянется, можетъ-быть, безпрерывною цѣпью безотчетныхъ страданій.

Наканунѣ моего отъѣзда, Саша повелъ меня къ своей берёзѣ.

— Когда ты возвратишься, можетъ-быть этой березы не будетъ!.. И меня не будетъ! сказалъ онъ сквозь слезы.

Мы обнялись крѣпко и разстались, обѣщая другъ другу вѣчную дружбу.

Но сношенія наши скоро прекратились. Мать моя скончалась, сестры вышли замужъ, братъ умеръ за границей, я продалъ деревню, и Т—ая Губернія сдѣлалась для меня совершенно-чужою. Въ послѣднюю мою поѣздку туда, я узналъ, что мать Саши рѣшилась наконецъ отвезти его въ Дерптъ.

Прошло тринадцать лѣтъ. Я жилъ въ Москвѣ, и, къ стыду своему, признаюсь, рѣдко вспоминалъ о Сашѣ, полагая, что и онъ съ своей стороны давно забылъ меня.

Однажды, лѣтомъ, совершенно-неожиданно, онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату. Не смотря на долгую разлуку, мы тотчасъ узнали другъ друга. Его голосъ, его лицо въ одну минуту пробудили во мнѣ всѣ воспоминанія прошедшаго, и я обнялъ его какъ друга дѣтства, который скоро долженъ былъ сдѣлаться моимъ истиннымъ другомъ.

Послѣ первыхъ отрывистыхъ вопросовъ и отвѣтовъ, Александръ сказалъ мнѣ, что онъ возвращается изъ деревни, гдѣ схоронилъ свою добрую мать и провелъ около года, чтобъ привести дѣла въ порядокъ.

— А что берёзы? спросилъ я его.

— На этотъ разъ преданіе не совсѣмъ оправдалось.

— И обѣ берёзы цвѣтутъ по-прежнему?

— Нѣтъ, погибель берёзы не предсказала смерти, но послѣдовала за нею. Мать моя скончалась въ концѣ прошлой осени; обѣ берёзы стояли безъ листьевъ, но казались здоровыми; весной, одна изъ нихъ снова одѣлась зеленью, а другая засохла совершенно.

— Странно!

—Нисколько! Вы, жители столицъ, не чувствовали, какую зиму имѣли мы: съ жестокими холодами и почти совершенно безъ снѣга. Во всѣхъ садахъ, болѣе половины деревъ погибло отъ мороза; что же мудренаго, что и берёза подверглась той же участи?

— Ну, а что твой сонъ? по-прежнему ли тревожитъ тебя?

— Иногда; но очень, очень-рѣдко. Вообрази однако, что я до-сихъ-поръ не могу преодолѣть себя; когда я вижу этотъ глупый сонъ, я вскакиваю, какъ бывало въ дѣтствѣ, съ тою разницею, что тогда я плакалъ, а теперь смѣюсь самъ надъ собою.

Мы посвятили первое свиданіе воспоминаніямъ нашего дѣтства, разсказамъ о томъ, что случилось съ нами въ эти тринадцать лѣтъ, и съ этого дня мы сдѣлались почти неразлучными.

Александръ, развившись физически и умственно, сохранилъ главныя черты своего дѣтскаго характера. Тихая, деревенская жизнь, среди которой онъ провелъ первые годы своей юности, способствовала увеличенію его расположенія къ мечтательности, уединенію и какой-то безотчетной грусти. По прежнему былъ онъ молчаливъ и задумчивъ; чувствительность его доходила до женственности; по-прежнему былъ онъ скрытенъ; даже мнѣ рѣдко сообщалъ онъ свои впечатлѣнія. Я иногда упрекалъ его за это.

— Душа моя открыта для каждаго, кто хочетъ заглянуть въ нее, говорилъ онъ: — но самъ я не умѣю обнажать ее. Ты жалуешься, что я не сообщаю тебѣ моихъ впечатлѣній... Какъ? когда я читаю прекрасную поэму или смотрю на великую картину природы, я чувствую, что это хорошо, что душа моя расцвѣтаетъ и блаженствуетъ; почему это хорошо и какъ это производитъ на меня такое-то дѣйствіе, я не могу и не хочу дать себѣ отчета. Что же ты хочешь, чтобъ я сказалъ

Digitized by Google

тебѣ? Прекрасно!.. Ты отвѣтишь мнѣ такимъ же восклицаніемъ, и разговоръ нашъ прекратится. Если же ты вздумаешь объяснять мнѣ, какъ и почему это прекрасно,—ты надоѣшь мнѣ, ты подольешь воды въ огонь моего чувства... А потому, я предпочитаю молчать и чувствовать.

Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ весь жилъ внутреннею жизнію чувствованій. Образованіе его осталось поверхностнымъ; онъ учился многому, но направленіе, которое получилъ онъ съ самаго дѣтства, эти безпрерывныя внутреннія волненія, эта неодолимая потребность все обнимать душою и сердцемъ, не давали свободы его уму углубиться въ науку и мышленіе. Онъ чувствовалъ этотъ недостатокъ и часто запирался въ своей комнатѣ, окружалъ себя книгами и бумагами; но его внутреннее безпокойство проявлялось и въ его занятіяхъ. Онъ никогда не могъ опредѣлить своихъ занятій, никогда не могъ сосредоточить все свое вниманіе на одномъ какомъ-нибудь предметѣ. Отъ исторіи онъ бросался на философію, и оставлялъ философію, чтобъ заняться естественными науками; не кончивъ повѣсти, писалъ стихи, и бросалъ стихи, чтобъ начать какую-нибудь статью о политической экономіи. Ему хотѣлось все обнять, все сдѣлать, и не доставало ни воли, ни силы, чтобъ исполнить что-нибудь. Привыкнувъ къ быстротѣ чувства, онъ неспособенъ былъ къ строгой, логической послѣдовательности, и медлительность мысли казалась для него непонятною и невыразимою. Обыкновенно, кончалось тѣмъ, что до половины разрѣзанныя книги покрывались пылью,—ибо онъ начиналъ видѣть въ нихъ только мертвыя буквы, а перо его засыхало въ чернильницѣ, — ибо онъ убѣждался въ своемъ безсиліи.

И грусть его становилась сильнѣе; она переходила въ какое-то уныніе, близкое къ отчаянію. Онъ не могъ опредѣлить своихъ потребностей, онъ не зналъ, что дѣлать съ своею жизнію!

— Какъ я ничтоженъ! говорилъ онъ со слезами на глазахъ.—Я силюсь вырваться изъ бездны противорѣчій, и безпрестанно вовлекаюсь въ нее болѣе и болѣе! Не-уже-ли вся жизнь пройдетъ такъ?.. Гдѣ же эта сила сознанія? Гдѣ человѣческое достоинство?

Иногда, онъ хотѣлъ броситься въ жизнь внѣшнюю, ловить всякаго рода наслажденія и жить совершенно эксцентрично; но это такъ противорѣчило его натурѣ, что онъ не могъ сдѣлать ни шагу впередъ въ этомъ направленіи. Напрасно я уговаривалъ его посѣщать болѣе общество, надѣясь, что это развлечетъ его.

— Чувствую, что я чужой среди этихъ людей, отвѣчалъ онъ:—имъ скучно со мною, мнѣ вдвое скучнѣе съ ними; зачѣмъ же мы будемъ надоѣдать другъ другу?

— Больная натура! больной ребенокъ! говорилъ я ему съ невольной досадой, истощивъ всѣ средства извлечь его изъ душной сферы грусти и безпѣйствія.

Онъ улыбался, жалъ мою руку и не возражалъ.

Изъ немногихъ общихъ знакомыхъ, мы бывали чаще всего у одной моей дальной родственницы. Хозяйка, умная, веселая женщина, умѣла какъ-то расшевелить Александра. Мы всегда находили тамъ небольшой, но тѣсный и пріятный кружокъ; и разговоръ, иногда легкій и веселый, иногда и серьёзный, бывало, не прекращался ни на минуту.

Не знаю какъ, преодолѣвъ свою застѣнчивость, Александръ познакомился даже съ дочерью хозяйки дома, доброй, милой дѣвушкой, и нерѣдко проводилъ съ нею цѣлые часы въ дружескихъ разговорахъ. Я видѣлъ, что молодые люди были неравнодушны другъ къ другу, и отъ души радовался этому, ибо былъ убѣжденъ, что только сильная, глубокая любовь можетъ излечить моего бѣднаго друга.

Но безпокойная, болѣзненная натура Александра умѣла затруднить и этотъ путь спасенія.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ я началъ по-

Digitized by Google

мнить себя, говорилъ онъ иногда: — одна потребность сильнѣе другихъ обняла душу мою: потребность любить! И не смотря на это, я никогда не любилъ женщины. Мнѣ какъ-то страшно довѣриться любви этой. Я смотрю на женщину, какъ на существо святое, способное глубоко любить; но женщина часто не понимаетъ самой-себя; то, что мужчина переживаетъ жизнію и дѣйствительными ощущеніями, она, большею частію, переживаетъ воображеніемъ. Потребность любить въ женщинѣ сильнѣе, нежели въ мужчинѣ, и увлеченное этою потребностью, воображеніе ея часто создаетъ любовь, и не желая обманывать, можетъ обмануть и обмануться.

— Но если эта любовь освящена временемъ, доказательствами? возражалъ я.

— Пока цѣль далека, воображеніе напрягаетъ всѣ свои силы, чтобъ достигнуть ея; но, однажды у цѣли, оно опускаетъ крылья и неудовлетворенная любовь превращается въ раскаяніе.

— Признаюсь, продолжалъ онъ задумываясь:—съ этой стороны, я самъ нѣсколько женщина и боюсь довѣрить самому-себѣ!

Но эти парадоксы не пугали меня. Я видѣлъ, что въ Александрѣ происходитъ борьба, и слишкомъ-хорошо зналъ его, чтобъ не быть увѣреннымъ, что истинное чувство возьметъ верхъ надъ ложными сомнѣніями.

Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ казался спокойнѣе, чаще посѣщалъ мою милую родственницу... Драма приближалась къ счастливой развязкѣ.

Такъ прошла зима. Весною, я поѣхалъ на Кавказъ и оставилъ моего друга, съ твердою увѣренностію по возвращеніи найдти его женатымъ и пересозданнымъ любовью.

Черезъ два мѣсяца, я получилъ отъ него письмо. Передаю его безъ малѣйшаго измѣненія.

«20-го іюля, *Березовка*.

«Уже три недѣли, какъ я въ деревнѣ; завтра ѣду въ Петербургъ, и черезъ нѣсколько дней пароходъ перенесетъ меня за границу.

«Ты удивляешься этому и думаешь, что любовь, которой ты видѣлъ рожденіе, была минутной прихотью, созданіемъ раздраженнаго воображенія... Нѣтъ! я убѣдился, что люблю истинно, люблю всею силою души, и потому именно, я бѣгу отъ *нея* и хочу, чтобъ она забыла меня. О, какъ я виноватъ передъ нею, если мое необдуманное поведеніе нарушило хотя на краткое время ея спокойствіе! Каждая слеза ея будетъ жгучимъ упрекомъ на всю жизнь мою!.. Но счастіе ея жизни *для* меня слишкомъ дорого, и я готовъ лучше перенести тысячу другихъ упрековъ, чѣмъ повергнуть его опасности.

«Знаю, я никогда не могу сдѣлать счастіе женщины. Это внутреннее безпокойство, которое преслѣдуетъ меня всегда и во всемъ, эта жажда чего-то недостижимаго, проявляется и въ любви моей. Любовь женщины не удовлетворитъ меня; и чѣмъ сильнѣе она будетъ любить меня, тѣмъ больше я буду мучить ее. Не зная самъ чего хочу, я буду самъ мученикомъ и вмѣстѣ мучителемъ этой женщины, и сердце мое разорвется на части отъ такого страданія.

«Тихое, мирное счастье семейства *для* меня невозможно!

«Я не виню жизни; жизнь давала мнѣ болѣе счастливыхъ минутъ, нежели я ждалъ отъ нея; но я никогда не умѣлъ помириться съ нею; напротивъ, всякое столкновеніе съ жизнію вовлекаетъ меня въ тысячу противорѣчій, изъ которыхъ я не въ силахъ вырваться... И голова моя кружится, и душа наполняется тоской неодолимой! Я смиряюсь передъ необходимостью,—и живу; но связать съ такою жизнію жизнь другаго существа было бы преступленіемъ, отвратительнымъ эгоизмомъ!

«Я ѣду за границу безъ всякой цѣли и не жду *для* себя обновленія. Состояніе души моей помѣшаетъ мнѣ дышать Европой, какъ бы хотѣлось;

Digitized by Google

но, можетъ-быть, вырвется нѣсколько свѣтлыхъ мгновеній, и я благословлю за нихъ небо!

«Какія печальныя три недѣли провелъ я въ деревнѣ! Этотъ заросшій травою дворъ, заглохшій садъ, обвалившіяся строенія, опустѣлой домъ навели на меня невыразимое уныніе! Часто вспоминалъ я о нашемъ дѣтствѣ, о моей доброй матери... Недавно, сидя въ ея комнатѣ, я думалъ: не-уже-ль душа, столь сильно меня *любившая* въ этомъ мірѣ, въ *томъ* мірѣ не сочувствуетъ любви моей и никогда не дастъ мнѣ почувствовать этого сочувствія?.. Въ эту минуту, вѣтеръ съ унылымъ воплемъ ворвался въ разбитое окно, распахнулъ двери... Мнѣ показалось, что я чувствую присутствіе чего-то сверхъестественнаго; дрожь пробѣжала по тѣлу, слезы брызнули изъ глазъ и не помню, какъ я выбѣжалъ изъ комнаты.

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, небо не прояснивалось ни на минуту. Третьяго-дня была жестокая гроза; молнія два раза зажигала деревню и наконецъ спалила и раздробила *мою березу!* Ты знаешь, что я давно разстался съ предразсудками; но признаюсь, когда, вчера утромъ, я взглянулъ въ поле, гдѣ привыкъ видѣть зеленѣющую березу и когда глаза мои встрѣтили ее въ такомъ жалкомъ положеніи, я какъ-то невольно вдругъ повѣрилъ древнему преданію, и цѣлый день не могъ освободиться отъ этой мысли; а ночью безпрерывно тревожилъ меня мой несносный сонъ, отъ котораго я было началъ отвыкать.

«Прощай! дождикъ крупными каплями стучитъ въ окна; вѣтеръ печально завываетъ по пустымъ комнатамъ; издали несутся звуки колокола нашей сосѣдней церкви; густыя, сѣдыя облака бѣгутъ такъ быстро, такъ быстро... О, какъ грустно мнѣ, какъ невыносимо грустно!..»

Грустно было и мнѣ читать письмо это. Я не зналъ, куда писать къ Александру, и что могъ я сказать ему? Какія утѣшенія, какія убѣжденія подѣйствуютъ на человѣка, который привыкъ безпрестанно раздирать свое сердце и находить въ этомъ какое-то болѣзненное наслажденіе?

Я возвратился въ Москву, короче узналъ мою молодую родственницу и увидѣлъ, что она истинно любитъ Александра, и что ея чистая, глубокая душа готова на всякаго рода самоотверженія. Она плакала, страдала; но я не смѣлъ утѣшать ее. Сердце любящей женщины такъ чувствительно, такъ свято, что страшно коснуться его даже утѣшеніемъ!

Скоро обстоятельства позволили и мнѣ ѣхать за границу. Я нетерпѣливо хотѣлъ видѣть Александра и напередъ обѣщалъ себѣ не щадить его и жестоко браниться съ нимъ.

Осенью я пріѣхалъ въ Г—ъ, и первою мыслію моей было навѣстить могилу брата, такъ странно заброшеннаго судьбою въ землю для него совершенно чуждую. Я пошелъ на кладбище, расположенное въ прекрасномъ саду. Это множество могилъ и памятниковъ, осѣненныхъ купами деревъ и окруженныхъ самыми богатыми, самыми разнообразными цвѣтниками, эта тишина смерти, соединенная съ роскошью жизни, производятъ странное впечатлѣніе: мнѣ было вмѣстѣ и грустно и какъ-то неизъяснимо-хорошо!

Особый уголокъ назначенъ для иностранцевъ,—люди и на кладбищѣ перенесли свои мелкія различія! Недалеко отъ могилы брата, проводникъ указалъ мнѣ на другую могилу, еще почти свѣжую.

— Здѣсь также схороненъ Русскій, сказалъ онъ:—но я не помню его имени.

На могилѣ не было ни памятника, ни даже простаго деревяннаго креста; земля, разбросанная около нея, начинала покрываться зеленью; видно было, что никто не подходилъ къ этой могилѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ она заняла здѣсь мѣсто; ни одна рука не бросила на нее даже цвѣтковъ, съ такою роскошью разсыпанныхъ по всему кладбищу!

Digitized by Google

— Онъ умеръ здѣсь одинъ, думалъ я:—далеко отъ всего, что̀ ему было дорого. Напрасно искалъ онъ роднаго плеча, на которое бы могъ склонить свою слабѣющую голову; напрасно искалъ руки друга, которой бы могъ передать свое послѣднее пожатіе!.. О, эти минуты одиночества вѣрно были для него тяжеле самой смерти!

На другой день, я былъ у нашего консула. Я вспомнилъ объ одинокой могилѣ, и спросилъ у него, кто изъ Русскихъ недавно умеръ въ Г—ѣ.

Онъ назвалъ мнѣ фамилію Александра.

Долго не могъ я прійдти въ себя отъ нежданнаго извѣстія; мнѣ не хотѣлось вѣрить ему...

— Вы знали его? спросилъ у меня консулъ, видя впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня.

Я отвѣчалъ утвердительно. Добрый старикъ извинялся, что извѣстилъ меня такъ неосторожно. Я просилъ его разсказать подробнѣе о смерти Александра.

— Вашъ пріятель, началъ онъ: — простудился, кажется, на пароходѣ, и прибылъ сюда уже больной. Черезъ нѣсколько двей, хозяинъ гостинницы, въ которой онъ остановился, пришелъ объявить мнѣ, что у него умираетъ Русскій. Я поспѣшилъ къ больному, и нашелъ его на рукахъ довольно-плохаго медика, въ опасности, но въ полной памяти. Я предложилъ ему сдѣлать консультацію.

— Напрасно! отвѣчалъ онъ: — я знаю, что я долженъ умереть; они не спасутъ меня!

Я старался его утѣшить.

— Я знаю! повторилъ онъ утвердительно и на нѣсколько минутъ впалъ въ забывчивость.

Но вдругъ онъ пробудился, взялъ меня за руку и сказалъ съ необыкновенною живостью:

— Да, да! скорѣе! позовите докторовъ; пусть они употребятъ всѣ средства, чтобъ спасти меня! Я хочу жить... О, какъ сильно я хочу жить!

— Еще одна просьба, прибавилъ онъ слабѣющимъ голосомъ:—переведите меня въ другую комнату; мнѣ страшно въ этой комнатѣ!

Я не могъ себѣ объяснить этой послѣдней просьбы: больной занималъ прекрасную комнату; но, не желая ему противорѣчить, я позвалъ хозяина и просилъ его очистить другой нумеръ.

Хозяинъ объявилъ, что всѣ нумера теперь заняты, но что онъ прійдетъ сказать, какъ только будетъ свободный.

Это извѣстіе, казалось, огорчило больнаго.

— Не-уже-ли я умру въ этой комнатѣ? говорилъ онъ, какъ будто самъ съ собою:—не-уже-ли *все* сбудется?

Между-тѣмъ, собрались медики; больной трогательно умолялъ ихъ спасти его; они утѣшали его, но мнѣ объявили, что не имѣютъ почти никакой надежды.

Однако, на другой день, признаки опасности значительно уменьшились и казалось, что лекарство производитъ желанное дѣйствіе.

— Когда же перенесутъ меня изъ этой комнаты? Мнѣ душно, мнѣ страшно здѣсь! сказалъ онъ, увидавъ меня.

Хозяинъ просилъ подождать до вечера, или не далѣе какъ до завтрашняго утра.

Одинъ изъ сосѣднихъ нумеровъ былъ занятъ двумя путешественницами. Онѣ часто играли на фортепьяно. Полагая, что звуки тревожатъ больнаго, я попросилъ ихъ прекратить на время музыку.

— Отъ-чего я не слышу музыки? спросилъ онъ меня. — О, попросите ихъ, чтобъ онѣ играли; мнѣ такъ хорошо, когда онѣ играютъ!

Его желанія исполнили. Во все время больной былъ чрезвычайно тихъ; онъ молчалъ, прислушивался къ музыкѣ, часто закрывалъ глаза, но ни на минуту не терялъ памяти.

Въ этотъ день изъ Петербурга проѣзжалъ русскій священникъ, назначенный для нашей миссіи въ Б—ъ.

Узнавъ отъ меня, что русскій путе-

Digitized by Google

шественникъ находится въ опасности, онъ хотѣлъ навѣстить его.

Я пошелъ предупредить больнаго.

— Зачѣмъ?.. зачѣмъ онъ прійдетъ ко мнѣ?.. спросилъ онъ, какъ-бы испугавшись моего предложенія.

— Какъ Русскій и какъ пастырь, онъ хочетъ навѣстить и утѣшить страждущаго соотечественника.

Больной погрузился къ задумчивость. Черезъ нѣсколько минутъ, я повторилъ мое предложеніе.

— Пусть прійдетъ! сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Священникъ вошелъ. Больной взглянулъ на него; потомъ, приподнявъ голову и вперивъ въ него мутные глаза, казалось, хотѣлъ узнать его.

— Это онъ! это онъ! закричалъ онъ вдругъ пронзительнымъ голосомъ.

Священникъ, на минуту остановленный этимъ восклицаніемъ, подошелъ къ больному и хотѣлъ взять его руку.

— О, не бери меня! оставь меня! кричалъ больной въ какомъ-то безуміи, силясь освободить свою руку и спрятаться въ постели.

Удивленный священникъ увѣрялъ меня, что онъ никогда не зналъ и даже не видалъ этого молодаго человѣка.

Мы стояли оба въ недоумѣніи; но скоро, добрый пастырь долженъ былъ удалиться, ибо всякій разъ, какъ больной открывалъ глаза и видѣлъ его передъ собою, онъ снова впадалъ въ безуміе и начиналъ кричать: «Онъ! онъ! опять онъ!.. Оставь, оставь меня!.. Я хочу жить!»

Съ этой минуты, онъ впалъ въ безпрерывное безпамятство. Всѣ усилія медиковъ успокоить его остались тщетными. Онъ кричалъ, метался, произносилъ какія-то несвязныя слова, какое-то имя, котораго, признаюсь вамъ, теперь не помню, говорилъ, что онъ не можетъ умереть; что ему надо жить, надо любить!.. Бѣдный юноша! На слѣдующее утро, я уже не засталъ его живаго!

— Я не видалъ умирающаго, продолжалъ консулъ:—который бы тяжелѣе разставался съ жизнію! И что мудренаго? Онъ былъ такъ молодъ, вѣроятно такъ счастливъ!.. Въ его вещахъ я нашелъ эту засохшую вѣтку берёзы; онъ берегъ ее, можетъ-быть, какъ воспоминаніе первой любви, перваго поцалуя...

Я грустно улыбнулся на догадки добраго старика и безъ труда уговорилъ его уступить мнѣ засохшую вѣтку.

Я берегу ее, какъ память моего друга и какъ послѣдній остатокъ таинственныхъ *берёзъ*.

Н. Сатинъ.

Неаполь 1842, $^{23}/_{11}$ марта.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо X (*).

Парижъ, 18 *мая* 1842.

Я выѣзжаю изъ Парижа на Рейнъ черезъ Бельгію и Голландію, собственно для того, чтобъ въ первой посмотрѣть гробницу Карла-Великаго, да купить двѣ-три книжки французскія за треть цѣны, а въ послѣдней поклониться въ Сардамѣ великому русскому имени. Когда я здѣсь говорю, что ѣду на Рейнъ, мнѣ отвѣчаютъ: «А! это туда, гдѣ на насъ написали стихи» (народная пѣсня Беккера: Sie werden ihn (Рейнъ) nicht haben), а кто съ Рейна ѣдетъ въ Парижъ, такъ тамъ, слышно, восклицаютъ: «А! сходите же къ Виктору Гюго, который хочетъ у насъ Кёльнъ взять («Рейнъ», Гюго), и скажите ему, что мы отнимемъ у него Страсбургъ!» Только и толковъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, что о рѣкѣ: увижу я ее наконецъ и вмѣстѣ съ З...., который ждетъ меня въ Кёльнѣ.—К....въ пишетъ, что собирается въ Россію: хотѣлось бы видѣть его, да врядъ ли!

Я видѣлъ, мѣсяца два тому назадъ, въ палатѣ, Ламартина за работой: онъ ткалъ, въ виду всѣхъ насъ, великолѣп-

(*) Девятое письмо напечатано въ XXI томѣ «Отеч. Записокъ».

Digitized by Google

ное одѣяніе изъ золота, парчи, воздуха и вечерней зари своимъ мыслямъ о братствѣ народовъ, о подчиненіи всѣхъ интересовъ дѣлу всеобщей цивилизаціи, —мыслямъ, для которыхъ изобрѣлъ и названіе *политики соціальной* (*sociale*). Когда прерывали его, онъ складывалъ руки на груди, и благородная, аристократическая его фигура прекрасно рисовалась за мраморомъ трибуны. Этотъ уже Рейнъ ни-по-чемъ ставитъ. Гдѣ Рейнъ? Рейна нѣтъ, а есть человѣчество. Ну, вотъ я разберу на мѣстѣ и этотъ вопросъ.—Нѣкотораго рода смѣшеніе царствуетъ и по другимъ статьямъ,—хоть, напримѣръ, по статьѣ о взаимномъ осмотрѣ кораблей, для прекращенія торговли Неграми. Прекратить торговлю — пожалуй; но согласиться на дѣйствительнѣйшую мѣру къ прекращенію ея — нѣтъ. Отъ-этого чуть-чуть не въ одинъ день палата отказывала въ своемъ участіи Англіи, а изъ Англіи пріѣзжали ученые и филантропы на обѣдъ къ герцогу Брольи, для принятія мѣръ къ скрѣпленію общества противъ торговли. А чтобъ ни одной ноты въ этомъ аккордѣ не не доставало, человѣкъ-софизмъ Гранье-Кассаньякъ, очень-хорошо понявшій, что въ наше время всеобщаго движенія впередъ самое лучшее средство отличиться—это пятиться какъ-можно-болѣе назадъ, издатель *le Globe*, удивившій Францію своей книгой происхожденіи дворанства и кастъ, —крѣпко возсталъ *въ пользу* порабощенія Негровъ. Самое великое смѣшеніе, однакожь, представляется въ Академіи: тутъ Токевилю приходится говорить похвальное слово Сезаку,— не знаю, что онъ былъ такое, префектъ наполеоновскій, конюшій ли, Господь его знаетъ; Балланшу съ его палингенезіей и несовершенно-уясненными на исторію и человѣчество взглядами разсуждать о Дювалѣ, авторѣ *Влюбленнаго Шекспира*, который такъ хорошо играется на домашнихъ театрахъ; тутъ, наконецъ, принимаютъ въ Академію Пакье, не написавшаго *ни одной строчки*,—мимо С. Бёва,—и *господина-Патена*, мимо Альфреда де-Виньи. Въ этихъ пріемахъ, Академія хлопаетъ, въ-продолженіи года, тремъ-четыремъ самымъ противорѣчащимъ мнѣніямъ, какъ остроумно вывелъ Филаретъ Шаль: то ей нравится, что Наполеонъ есть остановка въ прогрессѣ, то соглашается, что Наполеонъ—хорошій человѣкъ, то похвалитъ нашъ вѣкъ, то говоритъ: не мѣшало бы чего-нибудь по-существеннѣе. Пріемъ Балланша породилъ умилительную сцену. Вмѣсто больнаго Балланша, его рѣчь читалъ Минье и въ концѣ ея, обратясь въ одну сторону, въ уголъ, къ самой двери, гдѣ сидѣлъ старикъ съ продолговатымъ лицомъ, орлинымъ носомъ, блестящими глазами и клоками сѣдыхъ волосъ на открытомъ лбѣ, благодарилъ его, отъ имени Балланша, разумѣется, за дружбу, напомнивъ, что они оба отшельники въ семъ мірѣ, хотя одинъ изъ нихъ открылъ настоящій вѣкъ религіозною пѣснью, а другой, можетъ-быть, вниманію того перваго обязанъ нѣкоторою извѣстностію. Громъ рукоплесканій раздался со всѣхъ скамеекъ, со всѣхъ галлерей, сверху, съ боковъ и снизу. Шатобріанъ закрылъ лицо руками и заплакалъ. Съ умиленіемъ смотрѣлъ я на почтеннаго старика, который пережилъ свое политическое вліяніе, которому скоро-скоро откажутъ и въ титлѣ генія (ужь и начинается!), но который оставитъ по себѣ память благороднѣйшей души, чистѣйшаго характера. Въ одной изъ галлерей, сидѣла пріятельница его, старушка Рекамьé съ своимъ обществомъ и также хлопала. Я былъ у Рекамьé на концертѣ (все это Александръ Ивановичъ Тургеневъ хранительно напутствуетъ мнѣ). Благородно-просты комнаты ея. Изъ передней маленькая пріемная съ знаменитымъ горельефомъ Тенерани; изъ пріемной небольшая бѣлая зала съ огромной, но манерной картиной Жерарда, изображающей г-жу Сталь въ видѣ вдохновенной Коринны съ арфой въ рукахъ. Въ этой залѣ пѣла Полина Гарсіа и Рашель-Федра декламировала страстные моно-

Digitized by Google

логи. Какъ-то странны были въ этой милой комнатѣ и при этомъ обществѣ чинныхъ дамъ и дѣвицъ, ея сладострастные вскрики и полныя жара описанія... Кромѣ Гизо, Баранта, Шатобріана, тутъ былъ и Сен-Бевъ, издавшій вторую часть своего *Port-Royal*, такъ хорошо обличающаго болѣзненное воображеніе Сен-Бева, который, начавъ съ *Volupté*, кончаетъ теперь глубокимъ суровымъ мистицизмомъ янсенистовъ. Тутъ былъ и Амперъ, такъ добросовѣстно и остроумно развивавшій намъ въ нынѣшній курсъ Монтеня, Паскаля и Декарта; тутъ были еще Ленорманъ, Форіуль, Сен-При и пр., и пр. Турецкій посланникъ въ красной своей фескѣ и съ благородной, задумчивой физіономіей, свойственной всѣмъ Туркамъ *хорошей крови*, тихо помавалъ головой, слушая Рашель и думая, вѣроятно, о другихъ сильныхъ страстяхъ, на другомъ концѣ Европы. Но изъ всѣхъ лицъ, наполнявшихъ залу, примѣчательнѣйшее лицо для меня было—сама хозяйка. Есть имена, съ которыми соединено всегда понятіе о юности, красотѣ, граціи: Юлія, Офелія, Марія Стуартъ, Рекамьé. Противъ всѣхъ правилъ эстетики послѣдняя жива до-сихъ-поръ, имѣетъ большой чепецъ на головѣ, морщины на лицѣ, неопредѣленную талію—и я подумалъ: нужна смерть для красоты!

Упомянулъ я за восемь строкъ нѣсколько профессорскихъ именъ; долженъ прибавить, что нынѣшнюю зиму аудиторіи двухъ изъ нихъ были особенно полны: Сен-Маркъ Жерардена; аббата Дюпанлу. Жирарденъ, профессоръ французской поэзіи, прійдетъ, сядетъ, и начнетъ веселый разговоръ съ студентами Сорбонны: остроты, намеки, каламбуры даже образуютъ электрическую струю, которая постоянно возбуждаетъ хохотъ слушателей, и та Сорбонна, въ которой слушалъ лекціи Данте, которая волновалась отъ вопросовъ Абельяровъ, Сен-Сиріяновъ, Декартовъ—хохочетъ нынѣче!.. Какъ бы порадовался г. К..ъ, который, кажется, сказалъ, что гордится способностію хохотать и цѣнитъ ее выше всего. Нынѣшній курсъ взялъ онъ тему, которая такъ близка къ обществу, что почти походитъ на политическую: это о страстяхъ, составляющихъ драму, гдѣ современныхъ драматическихъ писателей онъ уничтожаетъ, ставя ихъ лицомъ-къ-лицу съ старыми классическими писателями, а потомъ съ греческими образцами. Оно, конечно, смѣло передъ молодѣжью, которая имѣетъ *право свистка* на лекціяхъ и которая воспользовалась этимъ безчестнымъ правомъ, сперва на лекціи Ленормана за сравненіе французской и англійской конституціи и предпочтеніе послѣдней, а потомъ на лекціи Мишлé—за хаотическія, несвязныя его мысли о философіи исторіи, гдѣ видно было только страшное желаніе сказать нѣчто близкое къ высокому, *sublime*, не высказавшееся однако,—конечно смѣло, говорю, объявить этой молодежи, что любимые ея писатели разработываютъ въ драмѣ одно плотское страданіе, одну физическую боль; но это въ Жирарденѣ, какъ вообще у всѣхъ сотрудниковъ журнала *Des Debats*, Шаля, Шевалье и самого Жанена, происходитъ не отъ сильно возмущеннаго эстетическаго чувства, а отъ политическихъ причинъ, да еще отъ свойственной всѣмъ имъ женоподобности, изнѣженности, какого-то жалкаго моральнаго разслабленія, печать коего носятъ они даже на лицѣ и въ головѣ и манерахъ. По всей справедливости, господа эти съ ужасомъ отвращаются отъ безумнаго воя новѣйшей драмы; но они съ такимъ же ужасомъ отвратятся и отъ всякаго энергическаго душевнаго порыва.

Аббатъ Дюпанлу и проповѣдникъ Равиньянъ составляютъ первыя звенья той религіозной реакціи, которая обнаружилась въ послѣднее время въ Парижѣ. Надо вамъ сказать, что обстоятельства приготовили и очистили ей дорогу, такъ что появленіе ея ни кого не удивило. Всякій, кто пожилъ въ Парижѣ мѣсяцевъ 6 или 7, какъ я,

Digitized by Google

скажетъ вамъ о необычайномъ равнодушіи общества ко всему, что дѣлается передъ глазами его, о потерѣ имъ послѣдней вѣры въ свои собственныя идеи, въ дѣло рукъ своихъ, о изнеможеніи и апатіи его. Нѣкоторыя происшествія, вамъ извѣстныя и которыя никогда не могли бы случиться въ другое время, ясно подтверждаютъ мою мысль. Присматриваясь ближе, я замѣтилъ или показалось мнѣ, что даже волненіе и протестаціи враговъ настоящаго порядка вещей не искренни, энергія ихъ насильственна и подложна: да! они ни къ чему не готовы, ничего не опредѣлили и слабы, не имѣя никакого разумнаго будущаго. И вдругъ раздается голосъ стараго католицизма, который никакъ не можетъ отстать отъ Западной Европы, имъ вскормленной и является къ дѣтищу тотчасъ, какъ задумалось оно послѣ тревоги широкаго пира. Если принять въ соображеніе, что теперь идетъ дѣло не о семинаріи, не о десятинѣ какой-нибудь, а о введеніи католицизма въ нравы и о принятіи имъ подъ покровъ свой всѣхъ вопросовъ вѣка, то нынѣшняя религіозная реакція можетъ имѣть важныя послѣдствія для Франціи. А можетъ-быть и ничего не будетъ; она явится и разлетится какъ міражъ: ужъ ихъ столько было!.. Дюпанлу занимаетъ каѳедру духовнаго краснорѣчія въ Сорбоннѣ. Нынѣшнюю зиму тэма его была: объ отношеніяхъ *генія* къ церкви... Дюпанлу лирикъ до излишества: часто случается, что самая мысль теряется въ безчисленномъ количествѣ образовъ и картинъ, которыми онъ обставляетъ ее; лекціи его походили на непрерывную перемѣну декорацій; но за то огромная аудиторія, вмѣщающая въ себѣ до 3000 человѣкъ, была недостаточна для всѣхъ жаждущихъ насладиться его импровизаціей, но за то мертвая тишина царствовала во все время, какъ текла его рѣчь, но за то оглушительныя рукоплесканія раздавались при всякомъ перерывѣ ея, при всякой остановкѣ профессора. — Проповѣдникъ Равиньянъ совершенно въ другомъ родѣ. Съ высшихъ ступеней общества сошелъ онъ въ ряды монашествующаго ордена, и рѣчь его отзывается непреклонностію глубокаго убѣжденія, энергіей, скажу даже нѣкоторымъ родомъ деспотическаго убѣжденія... «Проповѣдники посланы къ вамъ, сказалъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей удивленнымъ Парижанамъ, не для того, чтобъ добиваться вашихъ похвалъ и прислушиваться къ вашимъ толкамъ: они посланы учить васъ и требовать покорности...» Широкій лобъ его, впалые глаза и сухощавое лицо доказываютъ лучше всего, что онъ, какъ шелковичной червь, по выраженію Гёте, плететъ нить изъ самого-себя, изъ собственной внутренности; старанія его, въ нынѣшнюю страстную недѣлю собрать *многозначительную* толпу подъ хоругвь религіи, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ день пасхи 2000 человѣкъ явились къ причастію!—Я былъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ поученій, происходившихъ въ 7 часовъ вечера въ Notre Dame de Paris. Старая церковь, плохо освѣщенная нѣсколькими лампами, составляла чудную раму энергическому проповѣднику, и покуда говорилъ онъ о нарушеніи грѣхомъ всеобщей, міровой гармоніи, о разъединеніи души и божества, которое составитъ посмертное мученіе первой, какъ составляетъ ея страданіе здѣсь на землѣ,—я украдкой смотрѣлъ на своды, висѣвшіе изъ темноты надъ головой моей, на переходы церкви, залитые мракомъ, изъ котораго выходили только колонны, стремившіяся вверхъ, да бѣлыя статуи алтарей.—Аббатъ Ботенъ, бывшій профессоръ Страсбургскаго Университета, представляетъ третье лицо этой религіозной пропаганды и блестящей своей рѣчью, свободой и чистотой французской фразы своей сдѣлался исключительнымъ проповѣдникомъ аристократическаго женскаго общества, съ принцессой Клементиной, дочерью короля, во главѣ... А между-тѣмъ, вы уже предчувствуете, что вѣрно въ какомъ-нибудь концѣ Парижа есть нѣчто

Digitized by Google

діаметрально-противоположное всему этому; это почти такъ же необходимо здѣсь, какъ въ симметрической архитектурѣ второе отверстіе по случаю существованія перваго. Есть, есть! Какъ не быть! Вотъ новый проповѣдникъ г. Шатель, который воспѣваетъ хвалы даже автору «Орлеанской Дѣвственницы» — я вспомнилъ о процессѣ, бывшемъ мѣсяцъ тому назадъ въ исправительной полиціи. Я думалъ, что поколѣніе отвратительныхъ книжонокъ, порожденныхъ концемъ XVIII-го столѣтія, и которыми наполнены провинціальныя библіотеки помѣщиковъ, уже прекратилось во Франціи. Нѣтъ, недавно захватили книжонку г. Бонала *les Lamentations Sociales*, при самомъ выходѣ ея изъ типографіи, и судьи — французскіе судьи! видѣли и слышали они многое! не легко привести ихъ въ краску!—эти судьи потребовали тайнаго засѣданія, à huit clos, изъ опасенія оскорбить разборомъ этой книжки общественное приличіе, публичную нравственность. Напрасно хотѣлъ я потомъ взглянуть на это чудище — ни въ одной лавкѣ нѣтъ, и *матери дочерей* вонъ высылали, когда я спрашивалъ о ней.

Съ появленіемъ спаржи, молодыхъ артишоковъ и зеленаго горошка у ресторатёра, начинается весна въ Парижѣ. Конечно, можно сказать, что и позеленѣвшія аллеи Champs-Elysées и Тюльери доказываютъ ея наступленіе—но не столько. А что ужь безъ всякаго возраженія свидѣтельствуетъ справедливость показаній календаря, не смотря на противорѣчащій ему сырой вѣтеръ — такъ это закрытіе выставокъ художественной, севрской, гобленовой и проч. Я вамъ не писалъ о конкурсѣ на сооруженіе памятника Наполеону. Проекты, представленные по этому случаю художниками, могли бы составить поучительнѣйшую статью для эстетики. Представьте себѣ сотню головъ, занятыхъ мыслію произвести что-нибудь великое, неслыханное, необъятное, какъ самъ человѣкъ, которому надобенъ, по мнѣнію Франціи, памятникъ... Что изъ этого могло выйдти? — вы догадываетесь: чудовищности невѣроятныя. И дѣйствительно: одинъ хочетъ повѣсить гробъ его подъ куполомъ церкви Инвалидовъ; другой создать огромный кристальный шаръ, освѣщенный газомъ и вращающійся на своей оси, съ драгоцѣннымъ прахомъ внутри; третій предлагаетъ нѣчто въ родѣ гигантскаго фокуса-покуса, т. е. машины, которая будетъ выставлять круглый годъ, въ тотъ самый день, какъ были выиграны баталіи, изображенія ихъ. Благоразумнѣйшіе изъ художниковъ ограничились только гиперболическими аллегоріями: шаръ земной, раскалывающійся подъ стопой великаго, всѣ столицы Европы, прикрытыя щитомъ его, и проч. и проч. Были и такіе, какъ графъ Батаръ, напримѣръ, которые хотѣли напомнить нѣкоторыя частности изъ жизни императора. Огромный кусокъ гранита, обведенный великолѣпной золотой рѣшеткой, доказывалъ бы, по его мнѣнію, простоту одѣянія и привычекъ Наполеона, а вмѣстѣ роскошь туалета и блескъ окружавшей его свиты. Вотъ истинно-художническая идея! Удивительно, какъ никто не подумалъ изобразить въ видѣ прекрасныхъ женщинъ, летящихъ геніевъ, роговъ изобилія и трубъ, надуваемыхъ славою — обыкновенія Наполеона складывать руки на груди, выставлять ногу впередъ, щипать себя за ухо...

Но надо сказать и то: лишь-только Французъ начинаетъ задумывать серьёзное — *oeuvre capitale*, какъ говорятъ здѣсь—въ художествахъ или литературѣ, все равно—первая мысль, поражающая его мозгъ есть: «что бы *доказать* такое?» Вамъ извѣстно, что всѣ Лукреціи Борджіи, Маріи Тюдоръ и Маріоны Делормъ В. Гюго — доказывали различныя идеи. Я нарочно привелъ примѣры изъ драматической литературы, потому-что въ ней всего виднѣе это направленіе. Вся нынѣшняя зима была преисполнена подобныхъ сценическихъ доказательствъ; не говорю о

Digitized by Google

бульварныхъ театрахъ Ambigu, Gaité, Folies, которые, на-зло своимъ титуламъ, были притонами страшныхъ мелодрамъ, основанныхъ единственно на разныхъ невозможныхъ происшествіяхъ (это-то именно и составляетъ ихъ прелесть для народа съ живымъ и нѣсколько испорченнымъ воображеніемъ), но о театрахъ, имѣющихъ притязаніе на литературность, каковы Одеонъ и Porte St.-Martin. Одеонъ доказывалъ, напримѣръ, слѣдующія положенія, признанныя и обсужденныя потомъ всѣми критическими листками: *горе народу, выдающему защитниковъ своихъ* (драма — «Палермскій Трибунъ»), *почести портятъ сердце* («Кедрикъ-Норвежецъ», драма); *геній рѣдко признанъ бываетъ современниками* («Плутни Киноли»—комедія) и пр. Эта послѣдняя вещь принадлежитъ Бальзаку. Вѣроятно, вы уже знаете, что никогда, au grand jamais, не разрождался въ страшномъ, неестественномъ своемъ напряженіи мозгъ человѣческій чѣмъ-нибудь близкимъ къ этой нелѣпости. И произошла она не отъ порочнаго устройства умственныхъ способностей въ авторѣ, а отъ непомѣрныхъ притязаній его, отъ желанія подняться до облака ходячаго. Тутъ же еще и Шекспиръ вмѣшался... Истинно сказать, что съ тѣхъ-поръ, какъ Франція открыла Шекспира,—потеряла Франція сонъ, аппетитъ и веселость. А сказать правду, такъ въ цѣлой Европѣ всякое литературное преступленіе производится во имя Шекспира. Круглый годъ идетъ двухъ пьесъ въ нашей части свѣта, которыя произошли бы отъ наблюденія человѣка и жизни, и которымъ не повредило бы желаніе автора поздороваться и подать руку Шекспиру. Что это за вредный «сочинитель»! Да когда же выдадутъ законъ противъ него? Широкій юморъ его, его кокетти, игра словъ его, породили въ «Плутняхъ Киноли» (Ressources de Quinola) самыя чудовищныя вещи, и между прочимъ эту реплику: *«му (Киноль) болѣе извѣстна любовь къ механикѣ, чѣмъ механика любви»*, а можетъ-быть и на оборотъ—навѣрное не знаю. Знаю только, что когда пьеса приближается къ этому мѣсту, такъ напоминающему безхитростныхъ актёровъ вильямова балагана, партеръ великолѣпнаго Одеона, доселѣ буйный и непокорный, вдругъ притихаетъ; лицедѣй, произносящій знаменитую фразу, приближается къ лампамъ, и при мертвой тишинѣ произноситъ ее съ разстановкою. Минуту за тѣмъ царствуетъ невообразимый шумъ, хохотъ, крикъ, вскорѣ покрываемый, однакожъ, ярыми: *bis! bis!* Снова наступаетъ торжественная тишина, и актёръ снова подходитъ къ лампамъ съ несчастной фразой *во устахъ*. Только послѣ третьяго и четвертаго раза, вволю насытившись величіемъ и глубиной ея, публика утихаетъ, т. е. покрывается и уходитъ. Но возвратимся къ пьесамъ на тэмы. Есть изъ нихъ такія, основная идея которыхъ даже въ одну строчку и не упишется, а требуетъ долгаго и нѣсколько-сложнаго развитія. Такъ «Жарвисъ», драма Дюма и еще другаго господина, игравшаяся на театрѣ Porte St. Martin, по единогласному свидѣтельству всѣхъ критиковъ, написана для того, чтобъ доказать, *какъ предосудительно принимать на себя званіе редактора-отвѣтчика по литературному журнала изъ видовъ корысти, и какъ всѣ низости и всѣ преступленія, совершаемыя наемными издателями, упадаютъ на редактора и покрываютъ его всеобщимъ презрѣніемъ, хотя бы самъ онъ не имѣлъ на душѣ ни одной печатной строки, или хотя бы какая-нибудь благородная цѣль понудила его дать свое имя на-прокатъ зависти, лести и злобѣ*... вотъ! Представьте себѣ, какъ пріятно смотрѣть пьесу, когда знаешь напередъ маршрутъ, разсказъ и мѣсто слѣдованія всѣхъ ея страстей, перипетій и катастрофъ. Въ одномъ только случаѣ позволяется хорошему писателю для сцены ничего не доказывать, именно, когда взлупится сыт

Digitized by Google

представить лакея, Цыгана, бродягу—благодѣтелемъ могущественнаго герцога, спасителемъ знаменитой принцессы, человѣкомъ, который держитъ въ своихъ рукахъ честь какой-нибудь важной фамиліи, или даже судьбу цѣлаго княжества (итальянскаго, обыкновенно). Тэма эта здѣсь въ большой модѣ. Вотъ и нынѣ на театрѣ Porte St.-Martin съ успѣхомъ играютъ драму *Цыганъ Парисъ*, который устрояетъ благополучіе Милана такъ ловко, какъ будто дѣло шло о кражѣ лошади или обманѣ Хохла. Фредерикъ Леметръ появляется въ пяти или шести разныхъ видахъ, и очень хорошо представляетъ сперва комедіанта, потомъ Жида, потомъ раба, умирающаго въ судорогахъ; но странная вещь - по окончаніи спектакля какъ-будто онъ ничего не представлялъ: все сгладилось, пропало, забылось, словно васъ добрый параличъ хватилъ при выходѣ. Точно то же направленіе и въ художествахъ: аллегорія и какая-то изнѣженная, разсѣянная граціозность...

Впрочемъ, достаточно о важныхъ пьесахъ; la specialité, какъ говорится, Парижа — это пьесы *незначительныя*; а такъ, какъ каждый изъ театровъ имѣетъ свой опредѣленный характеръ, то вставъ по утру и посовѣтовавшись съ собственной совѣстью, можете безъ афишки назначить себѣ зрѣлище на вечеръ. Расположены ли вы смотрѣть граціозный цинизмъ—ступайте въ Пале-Рояль: тамъ играютъ г-жа Дежазе и гг. Ашаръ и Туссе; предпочитаете ли видѣть комедію *talon rouge*, т. е. любовныхъ интригъ времени Лудовика XV,—ступайте въ Variété: тамъ играютъ г-жа Соважъ и гг. Лафонъ и Левассоръ; намѣреваетесь ли посмѣяться надъ современностію, — ступайте въ Vaudeville: тамъ играютъ г-жа Доше и гг. Аршаль и Лепентръ; наконецъ, желаете ли теплаго впечатлѣнія отъ *семейной* драмы,—ступайте въ Gymnase (благороднѣйшій изъ всѣхъ театровъ): тамъ играютъ г-жа Вольни и безподобный Буффе. Если прискучили вамъ всѣ обстоятельства, въ которыхъ можетъ находиться человѣкъ,—ступайте къ Франкони смотрѣть на лошадей: обучены весьма основательно... Не нравятся вамъ лошади,—ступайте въ Rue Vivienne на каждодневные концерты Мюзара по 1 франку за входъ. Если увертюры, квартуоры и септуоры причиняютъ вамъ разстройство въ нервахъ,—ступайте въ Rue Lepelletier на курсъ магнетизма съ опытами. Если сомнамбулка не разберетъ посредствомъ брюха любаго русскаго романа, —махните рукой и ступайте въ Rue St. Jacques на курсъ френологіи съ опытами. Устрашитесь ли вы всезнанія френолога,—бѣгите вонъ, закрывая черепъ шляпою, нанимайте фіакръ и ступайте на одинъ изъ публичныхъ баловъ Прадо, Salle St. George, la grande Chaumière, гдѣ можно свести весьма *пріятныя* знакомства. Нелюдимъ вы и на дружество неподатливы,—ступайте въ одинъ изъ кабинетовъ чтенія—совѣтую въ Rue Richelieu, къ Гальяни, усаживайтесь въ покойныя кресла подъ лампой и читайте какъ сгорѣлъ Гамбургъ до тла, какъ подкупаетъ выборы министерство, какіе процессы разбирались вчера въ Palais de Justice, и пр. и пр. Но, можетъ статься, у васъ глаза плохи, при газовомъ освѣщеніи дѣлается воспаленіе, такъ ужь ступайте по направленію къ Place de la Bourse и въ одной изъ улицъ, прилегающихъ къ этой площади, увидите вы домá съ маленькими бѣленькими дверями, чистенькими, узенькими лѣсенками изъ сѣней. Войдите по первой лѣсенкѣ, какую выберете, отворите дверь и—вы очутитесь въ новомъ пріятномъ обществѣ.

Случилось страшное происшествіе на версальской желѣзной дорогѣ. 100 человѣкъ мужчинъ, дѣтей и женщинъ сгорѣли живьемъ въ 4 вагонахъ, запертыхъ на ключъ, облитые кипяткомъ опрокинувшейся и лопнувшей машины. Въ числѣ жертвъ находится Дюмонъ-д'Юрвиль, сгорѣвшій съ женою и 14-ти-лѣтнимъ сыномъ!

А—въ.

Digitized by Google

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Вслѣдъ за литературными комарами знаменитаго «сочинителя» г. Булгарина, прилетѣли, почуявъ весну, и настоящіе комары, а за ними, по тому же закону родства, появились и бенефисные комары — множество драмъ, водевилей и прочаго вздору; шумятъ, жужжатъ, пищатъ; посѣтители Александринскаго театра хлопаютъ, вызываютъ; любители изящнаго, попавшіеся въ театръ по случаю, или по неволѣ, зѣваютъ, дремлютъ, проклинаютъ досужую фантазію драматическихъ бумагомарателей, трутней сценическаго улья... Боже мой, сколько мелкихъ водевильныхъ страстей волнуется, сколько крошечныхъ авторскихъ самолюбій напряжено, налуто, раздуто—истинная буря въ стаканѣ воды!.. Тутъ свой міръ, свои нравы и обычаи, свои извѣстности и славы... Подлинно, премудро устроенъ Божій міръ: естествоиспытатель, посредствомъ микроскопа, открываетъ цѣлую вселенную въ каплѣ болотной воды; театральный рецензентъ, посредствомъ простой зрительной трубки, или лорнета, открываетъ въ каплѣ русской литературы отдѣльную литературу — литературу сценическую, или драматическую... И въ этой пародіи на драматическую поэзію, и въ этомъ крохотномъ, микроскопическомъ уголкѣ словеснаго міра есть свои авторитеты и авторитетики, свои геніи и таланты, словомъ, свои аристократы и плебеи... Чудотворная сила солнца, животительнымъ лучомъ весеннимъ воззывающая къ жизни мириады инфузорій въ каплѣ болотной воды, и десятки драмъ и водевилей въ бенефисной литературѣ русской!.. Начнемъ же съ геніевъ и кончимъ талантами.

17) Христина, Королева Шведская. *Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго* П. Г. Ободовскимъ.

18) Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, *или* Семейная Ненависть. *Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ въ стихахъ, соч.* П. Г. Ободовскаго.

Г. Ободовскій перевелъ, передѣлалъ и сочинилъ драмъ около сотни. Разумѣется, на это потребно было не мало времени; но г. Ободовскій и подвизается на этомъ поприщѣ уже не малое время, лѣтъ десятка полтора, по крайней-мѣрѣ, сколько мы помнимъ. Не смотря на то, онъ началъ входить въ сильную извѣстность между бенефиціантами, записною публикою Александринскаго Театра и подписчиками «Репертуара» г. Песоцкаго, очень недавно, года два, не больше. Но это сдѣлалось не случайно. Чего добраго! можетъ-быть, скоро г. Ободовскій попадетъ въ число корифеевъ русской драматической литературы... Помните ли вы въ «Горѣ отъ Ума» простодушный отвѣтъ Скалозуба Фамусову, на похвалу послѣдняго за его хорошую службу:

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ.
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты?

Ранніе и неожиданные горестные утраты, которыя недавно понесла осиротѣлая русская литература въ лицѣ своихъ истинныхъ представителей; апатическое молчаніе, которое упорно хранитъ, или слишкомъ-рѣдко, какъ бы не хотя, прерываютъ оставшіеся даровитые люди,—все это выдвинуло впередъ такихъ сочинителей, которымъ, безъ того, вѣкъ бы свой пришлось ограничиться извѣстностью только между своими пріятелями.. Посмотрите, въ-самомъ-дѣлѣ, даже плодовитый сочинитель, г Булгаринъ, принужденъ ограничиться только комарьимъ жужжаньемъ про свою прошлую и сочи-

Digitized by Google

нительскую» славу; но толикихъ почтенныхъ и похвальныхъ трудахъ, онъ, нашъ Несторъ-романистъ, тщетно хватился-было за драму: коварная «Шкуна» потопила его, — и, сидя за плитою своего «Эконома»,

Онъ никнетъ въ тишинѣ
Главой лавровою.....

Sic transit... и пр. Но утѣшимся: былъ бы прудъ, рыба будетъ... Теперь на первомъ планѣ рисуется всеобъемлющій г. Кукольникъ; за нимъ, на почтительной дистанціи, блистаетъ вѣчно-юный талантъ, г. Полевой; за нимъ, на третьемъ планѣ, съ приличною истинному таланту скромностью, раскланивается публикѣ за снисходительные вызовы, — прилежное и усердное дарованіе г. Ободовскаго... Вообще, талантъ г. Ободовскаго удивительно-приличенъ, удобенъ и соотвѣтственъ настоящему положенію русской литературы: онъ не можетъ оскорбить своимъ превосходствомъ ничьего самолюбія, хотя и дѣйствительно превосходитъ многихъ драматистовъ нашихъ... Драмы г. Ободовскаго, и переводныя, и передѣланныя, и оригинальныя, отличаются тою общею имъ характеристическою чертою, что онѣ не то, чтобъ хороши, да и не то, чтобъ слишкомъ-дурны (ибо на Александринскомъ Театрѣ играютъ еще и худшія, а сочинители ихъ тѣмъ не менѣе награждаются вызовами), такъ-себѣ — серёдка на половинѣ... Счастливый талантъ! Враговъ нѣтъ, а славы много, и славы безъ терній, безъ огорченій...

Хотя «Христина» и передѣланная, а «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» оригинальная драмы г. Ободовскаго; но обѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ кровной родственности, и обѣ кажутся оригинальными произведеніями одного и того же сочинителя.. Посмотримъ на нихъ поближе, и начнемъ съ первой, т. е. съ «Христины». Дѣло давно уже извѣстное, что г. Ободовскій не совсѣмъ счастливъ въ выборѣ иностранныхъ пьесъ для своихъ переводовъ и передѣлокъ: и въ «Христинѣ» онъ не избѣжалъ этого несчастія, такъ давно и такъ постоянно его преслѣдующаго. Это пьеса вялая и сонная по дѣйствію, но тѣмъ усладительнѣйшая для нѣмецкихъ бюргеровъ, которыхъ жизнь прозябаетъ подъ девизомъ: «bete und arbeite», тѣмъ эффектнѣйшая для чувствительныхъ добрыхъ нѣмецкихъ филистеровъ, которые и въ драмѣ любятъ созерцать безжизненность и вялость своего домашняго существованія. Видя эту драму на сценѣ, безъ помощи аффиши, даже и въ третьемъ актѣ не привыкнешь отличать одно лицо отъ другаго, — чему, кромѣ отчаянной безхарактерности и безличности героевъ, много способствуетъ магнетическое и сонливое дѣйствіе, производимое драмою на зрителя.

Вотъ содержаніе новой передѣлки нашего неутомимаго передѣлывателя. Молодой графъ Штейнбергъ, Шведъ и племянникъ шведскаго патріота, воспитанный въ Германіи и влюбившійся тамъ въ молодую графиню Спарре, теперь наперсницу королевы Христины, возвращается на родину къ старому дядѣ; какимъ-то счастливымъ случаемъ, онъ спасаетъ отъ потопленія королеву, которая, узнавъ своего избавителя, жалуетъ его въ каммер-юнкеры своего двора, и хочетъ пожаловать еще и въ свои любовники. Первое званіе молодой человѣкъ принялъ, другаго не принимаетъ ни подъ какимъ видомъ: онъ-дескать, мечтаетъ о той, которой имя во дворцѣ и произнесть не смѣетъ. Христина при каждомъ удобномъ случаѣ открыто вѣшается ему на шею, клянется погубить «милую воровку его покоя», и — о, Боже! — узнаетъ въ соперницѣ свою любимицу. Но давъ слово погубить, она хочетъ сдержать его и готова отослать чету голубковъ въ рудники. Между-тѣмъ, у королевы былъ любовникъ, графъ де-ла-Гарди, былъ и другой, возвышенный первымъ и погубившій его клеветою, маркизъ Сантино, хитрецъ, клеветникъ и поэтъ, чѣмъ особенно и плѣнилъ «покровительницу наукъ и искусствъ».

Digitized by Google

Первый любовникъ свергнутъ съ своего величія, второй также, потому-что оказался обманщикомъ; молодой графъ не хочетъ быть даже мужемъ королевы, которая готова бы, пожалуй, и на это,—благо онъ, видите, происходитъ отъ старинной королевской крови. Что дѣлать? Христина вызываетъ цвейбрюккенскаго принца, за котораго хотѣла-было выйдти замужъ, да расчувствовалась о величіи своей роли въ Европѣ и Швеціи и объявила его просто наслѣдникомъ. Чувствовать—такъ ужъ чувствовать! Любовники прощены и обняты королевою. Сантиментально-величественныя фразы въ бюргерскомъ вкусѣ—и драма кончается, не уступая въ заключеніи любой добродѣтельной драмѣ слезогонителя нѣмецкаго, Коцебу. Ни Христина драмы, ни Христина сцены, разумѣется, не носятъ и тѣни сходства съ историческою Христиною.

«Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» есть явное подражаніе «Скопину-Шуйскому» г. Кукольника. Подлинно, вещи познаются и оцѣняются по сравненію: «Скопинъ-Шуйскій» самъ-по-себѣ есть не больше, какъ довольно-сносное произведеніе человѣка не безъ дарованія; но въ-сравненіи съ «Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ» это просто—шекспировское произведеніе... За то, съ своей стороны, «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» есть довольно-несносное произведеніе человѣка работящаго; но въ-сравненіи, напримѣръ, съ «Александромъ Македонскимъ» г. Маркова,—это великое, колоссальное произведеніе... Вездѣ безконечная лѣствица твореній — и въ русской литературѣ!.. Пять дѣйствій и еще прологъ—страшно! Словно тяжелый сонъ послѣ сытнаго ужина, представляются намъ эти пять дѣйствій и одинъ прологъ, да еще два водевиля послѣ нихъ... И врагу лютому нельзя пожелать такого сна... Снилось намъ, будто какой-то молодой человѣкъ, въ военномъ костюмѣ древней Руси, говорилъ что-то свысока, размахивалъ руками, а потомъ подписалъ сдачу Кексгольма. «Это прологъ кончился», сказали намъ, когда мы проснулись отъ рукоплесканій восторженной публики. И вотъ снова тяжелый сонъ смежилъ своими «свинцовыми перстами» усталыя наши вѣжды, и снилось намъ, что царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ овладѣлъ братъ его, Димитрій, которымъ владѣетъ жена его, Екатерина, урожденная Малюта-Скуратова; что Василій Іоанновичъ, изъ историческаго Шуйскаго, хитраго, пронырливаго интригана, превратился въ слабаго, добраго старичка, который все охаетъ да стонетъ, говоря, что людямъ вѣрить нельзя. Димитрій дѣйствуетъ изъ-за жены, которая чуть не бьетъ его на сценѣ, при публикѣ Александринскаго Театра; однако онъ ловко, вопреки природной тупости, единственно изъ угожденія г. сочинителю, успѣшно поселяетъ недовѣрчивость къ Скопину въ душѣ безхарактернаго Василія. Скопинъ въ опалѣ; Василій съ горя идетъ бесѣдовать съ тѣнями предковъ на гробахъ; Скопинъ, по тому же побужденію, очутился тамъ прежде (то-то молодыя-то ноги!) и засталъ тамъ бояръ, которыхъ Прокопій Ляпуновъ уговариваетъ, свергнувъ Василія, объявить царемъ Скопина-Шуйскаго!.. Скопинъ, слышалось намъ сквозь сонъ, понесъ такую заоблачную рацею, что Ляпуновъ, не зная, что и дѣлать, заткнулъ себѣ уши; вдругъ входитъ царь, обнимаетъ Скопина за вѣрность, страшаетъ бояръ, но изъ презрѣнія къ нимъ не хочетъ ихъ ни казнить, ни вѣшать; а Ляпунова называетъ только горячею головою, которая, изъ любви къ родинѣ, готова напроказить и Богъ-знаетъ что... Какой добрый этотъ Василій Іоанновичъ Шуйскій! Какъ жаль, что онъ таковъ не въ исторіи, а только во снѣ... или въ драмѣ г. Ободовскаго!.. Потомъ, или прежде этого, не помнимъ хорошенько, — снилось намъ, что за кулисами шумъ и крики, что Екатерина на сценѣ съ 14-ти-лѣтнимъ сыномъ своимъ, Георгіемъ, который очень любитъ Скопина и котораго Ско

Digitized by Google

пинъ тоже любитъ. Входитъ какой-то Нѣмецъ; Екатерина даетъ ему денегъ и велитъ метить въ «черное сердце»; Нѣмецъ выбѣжалъ; за кулисами выстрѣлъ; за тѣмъ вбѣгаетъ на сцену мужиковъ пять-шесть, съ длинными ножами и ружьями — хотятъ убить отродье Малюты-Скуратова; Екатерину съ сыномъ, но не подходятъ къ ней близко: они знаютъ, что сейчасъ долженъ войдти царь и спасти ихъ жертвы; вотъ они издалека и машутъ ножами и руками, а Екатерина кричитъ (прикинулась, что и вправду боится); входитъ Василій, мужики попадали наземь; Екатерина съ сыномъ къ ногамъ царя; занавѣсъ опускается, публика хлопаетъ...

Потомъ снилось намъ, что у Димитрія Шуйскаго пиръ, на которомъ онъ напился дотого, что еле на ногахъ держался. Входитъ Скопинъ; Екатерина подноситъ ему кубокъ вина съ ядомъ; «въ винѣ ядъ» говоритъ Скопинъ въ видѣ моральной сентенціи, а Екатерина испугалась, что онъ угадалъ ея злое намѣреніе; эффектъ! Скопинъ отпиваетъ половину, а Екатерина уходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, не заглянувши въ кубокъ. Входитъ Георгій; Скопинъ проситъ его выпить за свое здоровье; Георгій пьетъ, Гости разошлись; эффектная сцена смерти Георгія, кривлянія и завыванія Екатерины; занавѣсъ опускается—мы опять проснулись отъ рукоплесканій...

Когда мы снова погрузились въ нашъ магнетическій сонъ, то думали увидѣть на сценѣ трупъ Скопина, выставленный для вящшаго эффекта, какъ вдругъ ничего не бывало—покойникъ идетъ себѣ здоровёхонекъ на площадь, а на площади Василій и народъ, т. е. человѣкъ съ десятокъ мужиковъ и бабъ. Царь назначаетъ Скопина воеводою надъ войскомъ противъ Сигизмунда, и называетъ Скопина «Отцомъ Отечества»: видно, это римское обыкновеніе было также и въ русскихъ нравахъ... Еще прежде этого снилось намъ, что одинъ бояринъ, укоряя другаго въ злоязычіи, сказалъ два извѣстные стиха сатирика Милонова:

Для остраго словца
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца.

Не шутите Милоновымъ: хоть онъ родился въ 1792, а умеръ въ 1821 году, но его стихи знали наизусть еще при царѣ Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ... Вотъ, когда царь и Скопинъ все переговорили, послѣдній, видя, что больше уже нечего дѣлать, началъ кончаться... Для большаго эффекта вбѣжала Екатерина и въ реторическомъ бреду мелодраматическаго отчаянія разболтала тайну своего преступленія. Василій бросаетъ скипетръ и самъ упадаетъ на полъ... Когда мы проснулись отъ рукоплесканій и вызывовъ публики, восторженной симъ изящнымъ произведеніемъ, занавѣсъ былъ уже опущенъ...

19) Святославъ. *Драматическое представленіе въ четырехъ картинахъ, въ стихахъ.*

Эта драма составляетъ переходъ отъ драмъ г. Ободовскаго къ «Александру Македонскому» г. Маркова: она значительно похуже первыхъ и значительно получше послѣдней. Имени автора не выставлено, но видно, что это или очень молодой, или весьма старый человѣкъ, ибо только въ этихъ двухъ крайностяхъ человѣческаго возраста можно выбрать героемъ драмы такое полуисторическое, а потому и не драматическое лицо. Подобныя драмы въ наше время то же самое, что нѣкогда были эпическія поэмы и классическія трагедіи: о содержаніи не хлопотали, гнались только за «сюжетомъ», и сколько навязывали каждому лицу одни и тѣ же чувства, страсти, слова и рѣчи, хотя бы это лицо было — хазарскій, печенежскій, калмыцкій князь, или византійскій императоръ, или рыцарь среднихъ вѣковъ. Да оно вѣдь и легче не требуетъ ни знанія людей и жизни, ни историческаго изученія, ни таланта творчества. Всѣ посредственности нашего времени строго слѣдуютъ этому

Digitized by Google

преданію псевдо-классической старины: это романтики только въ мужицкихъ поговоркахъ. Истинная драма нашего времени угадана только Французами: эта драма современнаго общества, образчиками которой могутъ служить пьесы въ родѣ «La famille de Riquebourg», «Une Faute», «La Lectrice», Une Chaine» и т. п. Драма историческая требуетъ огромнаго творческаго таланта, и должна быть достояніемъ только геніальныхъ поэтовъ. Къ тому же, она совсѣмъ не для сцены, ибо для такой драмы нѣтъ театровъ не только у насъ, даже въ Европѣ: чтобъ разъигрывать подобныя драмы, необходима труппа по-крайней мѣрѣ изъ 500 человѣкъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ бы талантъ, развитый эстетически, знакомый съ исторіею. Въ числѣ этой огромной труппы должны быть и такіе артисты, изъ которыхъ каждый годится только для одной роли, и хотя бы ему случалось только разъ въ годъ съиграть, но онъ долженъ получать хорошій окладъ. Тогда можно бъ было ставить на сцену даже и шекспировскія драмы, которыя только тогда и доставляли бы публикѣ глубочайшее и возвышеннѣйшее нравственное (не говоримъ: только эстетическое) наслажденіе; а до-тѣхъ-поръ, драмы Шекспира будутъ только усыплять насъ въ театрѣ и оскорблять наше чувство уродливымъ и безсмысленнымъ выполненіемъ. Въ самомъ-дѣлѣ, что за радость видѣть одну или двѣ роли не только порядочно и со смысломъ, но даже и превосходно выполненныя, а на всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ смотрѣть какъ на маріонетокъ, приводимыхъ въ движеніе нитками и пальцами?... Французская драма современнаго общества, о которой мы говорили выше, не требуетъ, по своей немногосложности, ни большихъ труппъ, ни особеннаго множества превосходныхъ талантовъ: напротивъ, есть две три замѣчательныя таланта — и довольно; остальные артисты могутъ быть только людьми способными, умными, привыкшими къ сценѣ. Каждому легче примкнуться на сценѣ бариномъ, купцомъ, чиновникомъ, артистомъ, крестьяниномъ, образцы которыхъ онъ безпрестанно видитъ вокругъ себя въ дѣйствительности, нежели Грекомъ, Римляниномъ, Вандаломъ, Германцемъ историческихъ временъ, идеалы которыхъ онъ долженъ самъ создавать своимъ воображеніемъ. Отъ-чего же наши доморощенные драматурги все лѣзутъ въ шекспировскую драму, а не хотятъ заняться драмою современнаго общества? Мы думаемъ, отъ-того, что не нужно для первой, какъ они ее понимаютъ, того, что нужно для второй — ума, знанія общества, людей, человѣческаго сердца, вдохновенія и таланта... Вѣдь такіе люди, какъ какой-нибудь Скрибъ, не десятками родятся, а, что всего грустнѣе, родятся только во Франціи — странѣ общественности и соціальности, слѣдовательно, въ странѣ, уже по духу своему драматической.

«Святославъ» можетъ служить образчикомъ мнимо-романтическихъ и псевдо-классическихъ трагедій на ходуляхъ. Герой — риторъ и говоритъ, вопреки своему историческому характеру, многословно и напыщенно; ничего не дѣлаетъ и только говоритъ. Завязка — верхъ нелѣпости: Святослава любитъ печенежская княжна, которая, переодѣвшись въ мужское платье, служитъ Святославу оруженосцемъ. Потомъ, въ Святослава влюбляется болгарская царевна, — и галиматья кончается тѣмъ, что печенежская княжна зарѣзываетъ и болгарскую царевну, и Святослава, и нелѣпую драму, о которой ничего нельзя сказать, но по поводу которой можно вспомнить эти два стиха старика Кантемира:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки!

20) Брюзга, или Максимъ Петровичъ Недоволинъ. *Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго* П. Каратыгинымъ.

Digitized by Google

Г. П. Каратыгинъ пишетъ иногда очень умные и милые водевили: «Брюгге» одинъ изъ такихъ его водевилей. Впрочемъ, содержанія его разсказать невозможно: оно очень просто и основано на характерахъ, или по-крайней-мѣрѣ, на чемъ-то похожемъ на характеры. Въ представленіи этотъ водевиль очень живъ и забавенъ, чѣмъ онъ отчасти обязанъ игрѣ гг. Мартынова и автора водевиля.

21) Три Звѣздочки, или Урокъ въ Любви и въ Астрономіи. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго* П. Каратыгина.

Чтобъ оцѣнить этотъ водевиль, надо его или прочесть, или увидѣть въ водевилѣ на французскомъ театрѣ: извѣстно, что нѣкоторые изъ нашихъ артистовъ бываютъ не въ своей тарелкѣ, когда играютъ не-передѣланныя на русскіе нравы французскія пьесы. Впрочемъ, просидѣвъ *пять* дѣйствій и *одинъ* прологъ драмы г. Ободовскаго, потомъ водевиль «Брюгге» (*второе* дѣло), мы уже не имѣли терпѣнія досмотрѣть «Трехъ Звѣздочекъ»... «Хорошаго по немногу» говоритъ русская пословица, а тутъ еще вмѣсто хорошаго *пять* дѣйствій и одинъ прологъ: чего же терпѣнія станетъ на это?..

22) Помѣшанный, *драма въ одномъ дѣйствіи, въ вольныхъ стихахъ, соч.* Тимона Бурмицкаго.

Не въ добрый часъ посѣтителей театра часъ завелись въ его репертуарѣ драмы съ художниками, которые всѣ больше или меньше помѣшаны отъ ревнія и отъ любви къ знатнымъ дамамъ, всѣ больше или меньше напоминаютъ зрителю своимъ геніемъ и любовью, всѣ говорятъ больше или меньше громкія и избитыя фразы безъ содержанія, а иногда, по волѣ авторовъ, и безъ грамматики. Вотъ они больше и больше плодятся, эти художники, и продолжаютъ надоѣдать собою зрителямъ. Новое драматическое дарованіе г. Тимона Бурмицкаго дебютируетъ такимъ же избитымъ, монотоннымъ и пошлымъ лицомъ. Впрочемъ, произведеніе новаго драматиста отнюдь не оригинальное, а заимствованное изъ либретто одной французской оперы, хотя нашъ сочинитель почему-то взялъ весь грѣхъ такого изобрѣтенія на себя. Дѣло, помните, вотъ въ чемъ: Альбертъ Мюллеръ, геніальный музыкантъ-композиторъ, къ прискорбію своего генія, ни съ того ни съ сего, вдругъ влюбился въ замужнюю графиню Кольдицъ и поспѣшилъ упасть передъ ней на колѣни среди собранія, которое слушало его симфонію. По примѣру Тасса, влюбившагося нѣкогда въ сестру своего государя, Альбертъ Мюллеръ долженъ быть посаженъ за такую дерзость въ тюрьму, гдѣ, по тому же примѣру, долженъ сойдти съ ума, чтобъ положеніемъ своимъ возбудить интересъ въ зрителяхъ. Все это, какъ видите, очень-натурально и въ нравахъ нашего времени. Выпущенный изъ тюрьмы помѣшаннымъ, онъ съ одной стороны поступаетъ на мѣсто *учителя музыки при Лейпцигскомъ Университетѣ*, а съ другой подъ опеку и надзоръ кузины своей Луизы, которая держитъ его подлѣ себя въ гостинницѣ, гдѣ живетъ, и которую онъ, помѣшанный, принимаетъ за графиню, что и подаетъ поводъ къ высокопарнымъ, мертвымъ фразамъ. Но помощію хозяина гостинницы, которому отдана на сохраненіе знаменитая симфонія, посаженная въ тюрьму композитора, эта симфонія украдена студентами, сбирающимися сдѣлать сюрпризъ учителю, разыграть ее подъ окнами. Между-тѣмъ, графиня, разумѣется, по уши влюбившаяся въ артиста, теряетъ мужа и отыскиваетъ композитора, котораго находитъ у сестры его, своей пріятельницы. Альбертъ не узнаётъ ея, сердце вдовы-графини растерзано новыми эффектами и новыми фразами! Сбираясь жениться на графинѣ, за которую все принимаетъ свою кузину, онъ хватается за симфонію — симфонію нѣтъ! Опять новый и прекрасный эффектъ. Онъ въ отчаяніи; сумасшедшій больше прежняго, хвата-

Digitized by Google

етъ онъ за горло содержателя гостиницы, который, по обычаю всѣхъ содержателей гостинницъ, трусъ, хвастунъ и фарсёръ. Чудо! заглядывае! Извѣстная часть публики хлопаетъ неутомимо въ ладоши... Но подъ окнами раздается симфонія, Альбертъ вдругъ припоминаетъ все прошлое, избавляется отъ своего сумасшествія и избавляетъ зрителей отъ дальнѣйшей скуки; подписывается брачный контрактъ съ графинею, а Луиза выходитъ за особеннаго жениха,—самое скромное и пострадательности своей наименѣе надоѣдающее лицо драмы. Бракъ, поздравленіе студентовъ, остальной залпъ пустозвонныхъ фразъ — и конецъ!

Вольные стихи г. Тимона Бурмицкаго, не смотря на свою вольность, довольно-гладки, и, при лучшемъ выборѣ перевода, авторъ могъ бы оказать нѣкоторую услугу сценѣ, и безъ того-наводняемой плохими переводами и плохими оригинальными твореніями разныхъ господъ-сочинителей.

23) Похожденія Петра Степановича, сына Столбикова, *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ куплетами*, соч. гг. Григорьева 1-го, Федорова и Перепольскаго.

Эта комедія, *съ куплетами* и съ подлѣчскимъ заглавіемъ, заимствована изъ романа г. Основьяненка, вышедшаго въ концѣ прошлаго года. Читателямъ извѣстно наше мнѣніе объ этомъ романѣ, впрочемъ весьма-почтенномъ писателя, равно какъ и самый романъ. Комедія — какъ надо быть комедіи, выкроенной изъ неудавшагося юмористическаго романа нашими доморощенными водевилистами: тутъ и преувеличенные противъ образца фарсы, и потребное количество [illegible], и куплеты — главное куплеты, — въ которыхъ остроумію составителей, обыкновенно бываетъ полный просторъ. Столбиковъ комедіи не похожъ на Столбикова романа: у г. Основьяненка онъ — то несбыточный пошлый идіотъ, то очень умный и нравственный человѣкъ, которому авторъ сильно сочувствуетъ; въ комедіи онъ грубо-смѣшной и грустный дуракъ, который, при такой не нестестественности, по крайней мѣрѣ оправданъ.

24) Баронъ Стрекозинъ и Компанія, *Сцены изъ одной дѣйствіи, передѣланной съ французскаго* Ам. Ленскимъ.

Г. Ленскій, какъ извѣстно, иногда весьма-удачно передѣлываетъ на русскій ладъ парижскіе водевили, разумѣется сколько позволяетъ ему самый бытъ русскій сохранять французскую игривость; но эта передѣлка не изъ самыхъ удачныхъ, по отсутствію всякой естественности въ русскомъ быту. Водевиль вертится вотъ на чемъ: какой-то, видите, помѣщикъ, большой охотникъ до хорошенькихъ молодыхъ крестьянокъ, женатъ на какой, которая воспитана въ столицѣ, играть не можетъ такого деревенскаго, а положительно, какъ ему не царь. Она-то и есть барская сельчанка. У бывшей дѣвицы есть родственница, съ которымъ она когда-то коллегіянка, молодой человѣкъ, уѣхавшій за границу, теперь долженъ пріѣхать изъ Парижа. Въ числѣ крестьянокъ у барина-охотника есть красавица Анюта, за которую сватается молодой парень изъ деревни, живущій въ Москвѣ въ трактирѣ, и тамъ развившій вполнѣ способность свою плутовать, быть себѣ-на-умѣ. Баринъ очень-ласково обращается съ Анютою. Она, по какому-то случаю хотя просится у него замужъ, какъ вдругъ является приказчикъ, который, убѣгая барскаго гнѣва, помѣшалъ бѣсится, мужикъ, отъ него отказался. Барыню въ этотъ день это-то спасаетъ бѣшеной лошади, на которой она прокатилась. Какъ получено извѣстіе о возвратѣ Матильды, то она увѣрена, что избавителя ея отъ несчастія и благодѣтеля пишетъ къ ему предписаніе письмо.

Digitized by Google

Является пріѣзжій, и она не узнаетъ его: такъ онъ перемѣнился! Нелѣпая карикатура юноши, испорченнаго Парижемъ: онъ и трусъ и эгоистъ, и въ чахоткѣ отъ распутства, и хвастунъ, и наглецъ, и что̀ угодно. Основываясь на письмѣ, онъ домогается короткости отъ своей родственницы; баринъ продолжаетъ ухаживать за анютиными глазками; а барыня, разочаровавшись рѣшительно въ Мотыльковѣ, отъ скуки посматриваетъ на анютина жениха такъ, что тотъ понялъ дѣло слишкомъ по-своему. — Вообще, ни интрига, ни случайности въ этомъ водевилѣ ни мало не похожи на правду.

25) Настинька. *Провинціальныя сцены съ куплетами, въ трехъ картинахъ, соч.* г. Коровкина.

Есть дарованія (нельзя же и ихъ не назвать дарованіями), которыя не только не могутъ сдѣлать что-нибудь свое, оригинальное, но даже и старымъ-то, готовымъ, могутъ воспользоваться не иначе, какъ когда оно опрощено и избито до пошлости. Эти-то дарованія собственно составляютъ литературную толпу, завидную золотую посредственность. Напримѣръ, послѣ Пушкина и другихъ мастеровъ, стало ни-по-чемъ писать бойкіе русскіе стихи, — и сколько появилось поэтовъ, увы, не-читаемыхъ! Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ изображеній провинціальной нашей жизни и нравовъ, появилась тьма-тьмущая книжекъ и книжонокъ, водевилей и водевильчиковъ на ту же тэму. Самое искусство поставлять водевили для русской сцены опростилось до чрезвычайности. Не говоря уже о водевиляхъ гг. Каратыгина въ Петербургѣ и Ленскаго въ Москвѣ, ихъ пишутъ и г. Григорьевъ въ Петербугѣ и г. Соколовъ въ Москвѣ. Не есть еще имена въ литературѣ, особенно въ литературѣ сценической, какъ наиболѣе лестной и легкой для такихъ господъ, — это имена дарованьицъ-любителей, къ какимъ безъ сомнѣнія принадлежитъ и г. Коровкинъ. Сочинители этого разряда пробиваются и щеголяютъ уже тѣми крохами, которыя остаются отъ первыхъ потребителей. Еслибъ вы захотѣли живѣе представить себѣ сказанное нами — посмотрите новое произведеніе г. Коровкина «Настиньку». Въ такихъ сценическихъ произведеніяхъ судьба артистовъ нашихъ (даровитыхъ, разумѣется) *трижды* и *четырежды* горестна, какъ сказалъ бы Гомеръ. — Не будемъ надоѣдать вамъ изложеніемъ содержанія этого водевиля, въ которомъ главное по плану автора лицо идеально-мило, потому-что сочинитель старается сдѣлать его «таковымъ», и идеально-пошло, какъ оказалось на дѣлѣ, вопреки стараніямъ господина-сочинителя.

26) Фонарь. *Оригинальный водевиль въ трехъ декораціяхъ, соч.* ***

Несравненный и, увы! неизвѣстный виновникъ этого несравненнаго и, увы! уже окончательно-забытаго водевиля превзошелъ въ своихъ «трехъ декораціяхъ» все, что̀ можно еще превзойдти въ пошлости водевильныхъ эффектовъ. За то ему «по-дѣло̀мъ была и честь». Мы помнимъ, какъ во время бенефиса г-жи Дюръ, звонкій и радушный смѣхъ съ самыхъ верхнихъ возвышенностей театральной залы привѣтствовалъ замысловатыя остроты полицейскаго фонарщика, главнаго лица въ водевилѣ по близости его къ фонарю, на которомъ вяжется все дѣло...

*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Съ того времени, какъ во Франціи запрещено выдавать въ свѣтъ политическія каррикатуры, парижскіе рисовальщики каррикатуръ кинулись на литераторовъ и хлещутъ ихъ би-

Digitized by Google

чомъ сатиры безъ милосердія. Недавно вышла изъ печати въ Парижѣ огромная карикатура, представляющая поѣздъ французскихъ литераторовъ въ храмъ славы и безсмертія. Она называется *le Grand Chemin de Postérité*. Церемоніальное шествіе начинаетъ Викторъ Гюго, ѣдущій верхомъ на гиппогрифѣ; передняя лука сѣдла его украшена мертвою головою Адама. Гюго сидитъ съ толедскимъ мечомъ въ одной рукѣ, а въ другой держитъ хоругвь Notre Dame de Paris. На знамени надпись: «Le laid c'est le beau». За хвостъ гиппогрифа держатся ученики школы Гюго: Теофилъ Готье, съ недавно-пожалованнымъ ему орденомъ, Гранье де Кассаньякъ съ портфелью подъ-мышкой, и пр. Надъ этою группою парятъ въ облакахъ, въ положеніи молящагося, поэтъ Ламартинъ, съ своими «поэтическими-религіозными-католическими медитаціями»; стремленіе его, впрочемъ, направлено прямо къ мѣшку съ золотомъ, испещренному приличными надписями; потомъ Эженъ Сю, въ матросской куртки, лѣзетъ на мачту; внизу написано: «кровь и вода»; Александръ Дюма, съ кипою книгъ на спинѣ, широко разставилъ ноги, между которыми протекаетъ Средиземное Море. Надъ головою его написано: «Дюма Кукъ Средиземнаго Моря». Далѣе дьяволъ ведетъ Фредерика Сулье на гору. Бальзакъ; Альфредъ де-Виньи, оба Делавиня нарисованы также въ карикатурѣ; на головѣ Альфонса Карра сидитъ большая оса, и т. д. Первую часть процессіи заключаетъ собою брачная чета г-на и г-жи Ансло.—Вторымъ поѣздомъ предводительствуетъ Скрибъ, который, какъ драматическій фабрикантъ, стоитъ на паровозѣ въ 50 лошадиныхъ силъ — въ дыму, выходящемъ изъ трубы паровоза, видны слова: «водевили, комедіи, балеты, оперы, драмы, мелодрамы». Надъ паровозомъ надпись: — «злато все мечта, пустое». На вагонѣ сидитъ сотрудникъ Скриба, который топитъ машину, вмѣсто угля, водевилями. — Наконецъ, за длинною веренницею водевилистовъ идетъ царь фельетона и глава литературныхъ судей Жюль Жаненъ въ почтовомъ колпакѣ и съ длиннымъ бичомъ, которымъ машетъ надъ головами драматическихъ писателей. Одного только лица нѣтъ здѣсь, именно Жоржа Занда. Неизвѣстно, что было причиной этого: уваженіе къ прекрасному ли полу, или къ огромному таланту этой геніальной женщины.

— Викентъ д'Арленкуръ, котораго нѣкогда называли у насъ Викентьемъ Дарлинкуромъ, издалъ, какъ мы говорили уже, книгу подъ названіемъ «Пилигримъ». Вотъ отрывокъ изъ нея о Маріи-Луизѣ, супругѣ Наполеона:

«Чрезъ день моего пріѣзда въ Ишель, былъ я представленъ эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ графомъ Бомбелемъ, гофмаршаломъ. Ея величество, эрцгерцогиню я видѣлъ и прежде въ Парижѣ, когда она была императрицею. Эрцгерцогиня Пармская приняла меня очень-ласково, въ присутствіи своихъ фрейлинъ. Она находила большой интересъ въ моихъ разсказахъ о Франціи, и особенно о французской литературѣ, съ которою очень-знакома. Марія-Луиза, во время разговора, держала въ рукѣ книгу, недавно мною изданную. Видно было, что эрцгерцогиня близко принимаетъ къ сердцу все, что касается нашей прекрасной Франціи. Она съ такимъ жаркимъ участіемъ вспоминала о нѣкоторыхъ происшествіяхъ, случившихся съ нею во Франціи, что разсказъ ея глубоко меня тронулъ. Въ рѣчахъ ея столько доброты, во взорахъ кротости, достоинства и величія въ ея пріемахъ и тѣлодвиженіяхъ, что я не могъ противиться тому волшебному вліянію, которое эрцгерцогиня распространяетъ на всю ее окружающую свиту. Жители Ишеля почти боготворятъ Марію-Луизу за ея добродѣтели, великодушіе и помощь, которую она оказываетъ всѣмъ бѣднымъ. Въ Вѣнѣ

Digitized by Google

имя ея столь же священно, а Парижцы считаютъ себя счастливыми полъ управленіемъ столь благодѣтельной особы. Разсказывая о Франціи, я упомянулъ о нѣсколькихъ прекрасныхъ памятникахъ, ражѣянныхъ на этой землѣ. — Я бы также могла ихъ видѣть, сказала Марія съ улыбкой:— потому-что искрестила всѣ дороги Франціи. Но когда я была императрицею, меня безпрестано мучили торжественными рѣчами, комплиментами, представленіями разныхъ особъ, такъ что я поневолѣ въ поѣздкахъ своихъ видѣла только лица департаментскихъ мэровъ и ихъ помощниковъ...»

— Въ Парижѣ появилось объявленіе о новомъ журналѣ: *Les Coulisses*, въ которомъ будутъ помѣщаемы маленькія городскія извѣстія, приключенія фешёнебльнаго свѣта, мистеріи модныхъ будуаровъ и кабинетовъ, со всею возможною откровенностію. Короче, этотъ журналъ будетъ chronique scandaleuse въ благородномъ значеніи слова. Редакторъ особенно указываетъ въ своей программѣ на фёльетонъ, подъ названіемъ: *Indiscrétion*. Это предпріятіе, конечно, будетъ имѣть много подписчиковъ, потому-что за подписную годовую плату, 24 франка, издатели обѣщаютъ давать *даромъ* каждый мѣсяцъ новый романъ, альбомъ карикатуръ, и собраніе новѣйшихъ драматическихъ пьесъ. На эту лакомую приманку, конечно, не пойдетъ только самый осторожный и разсчетливый читатель.

— Графъ Кастеллавъ учреждаетъ въ Парижѣ академію единственно для женщинъ-писательницъ. Членами или членшами могутъ быть женщины ранѣе тридцати-лѣтняго возраста.

— Лордъ Маконъ представилъ англійскому парламенту билль о литературной собственности; онъ предполагаетъ продлить ее на 25 лѣтъ послѣ смерти автора. 6-го марта депутатъ Макоулей предложилъ палатѣ перемѣну въ этомъ биллѣ, на 42 года литературной собственности, но если авторъ проживетъ болѣе, то этотъ терминъ продолжить до его смерти. Предложеніе лорда Макоулея было принято съ нѣкоторою перемѣною, представленною Робертомъ Пилемъ, — чтобъ по смерти автора наслѣдники его пользовались 7 лѣтъ правомъ литературной собственности. При этомъ случаѣ было сказано, что сочиненія Вальтера Скотта принесли ему и его наслѣдникамъ 1,750,000 талеровъ.

— Недавно-умершій испанскій банкиръ Аргадо оставилъ послѣ себя имѣніе въ 3 милльона франковъ дохода. Картинная его галлерея цѣнится въ 10 милльоновъ франковъ; онъ завѣщалъ парижской церкви Notre Dame de Loretto превосходное произведеніе Канова — мраморную статую «кающуюся Магдалину», которую пріобрѣлъ за большія деньги отъ наслѣдника маркиза Соммариве.

— Французскіе живописцы совѣтуютъ для миніатюрныхъ портретовъ употреблять, вмѣсто слоновой кости, тонко-распиленныя мраморныя дощечки, которыхъ задняя сторона наклеивается на папку для прочности. Мраморъ весьма-хорошо принимаетъ въ себя краски, которыя твердо на немъ держатся и не линяютъ отъ погоды, огня или сырости. Слоновая же кость отъ времени желтѣетъ, трескается, коробится и притомъ приготовляется для миніатюръ въ маломъ размѣрѣ; до тонкія дощечки мрамора можно имѣть какой-угодно величины. Можно распилить мраморъ въ $^3/_{16}$ долю дюйма толщины, въ вышину 12 дюйм., а въ ширину 10. Для картинъ большаго размѣра, художники давно употребляли мраморныя доски, но для миніатюръ еще никогда не употребляли.

— Въ аристократическомъ кругу Парижа, у графини Мерлесъ, появилось новое музыкальное чудо: шестилѣтняя пьянистка Бедла, у которой крошечные пальчики едва могутъ хватать октавы, но со всѣмъ тѣмъ она возбудила своею игрою величайшій энтузі-

Digitized by Google

азмъ въ публикѣ. Этотъ ребенокъ переходилъ изъ рукъ въ руки у гостей, которые чуть не удушили его поцалуями и ласками. Герцогиня Орлеанская пригласила къ себѣ Беллу играть на фортепьяно, въ сопровожденіи ея учителя.—Парижскіе журнальные застрѣльщики говорятъ, что учитель Беллы приготовляетъ для дилетантовъ еще другаго девяти-лѣтняго ребенка, который подаетъ большія надежды въ игрѣ на фортепьяно и будетъ названъ Листъ II-й.

— Въ газетѣ «l'Echo de la Provence» извѣщаютъ, что гг. Буту и Ассена сдѣлали совершенную перемѣну въ механизмѣ дагерротипа, и что въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ они могутъ фотографически произвесть рельефно портретъ съ кого-угодно на кораллѣ, раковинахъ или на металлахъ, ручаясь за совершенное сходство портрета съ подлинникомъ. Два художника, живущіе въ Э, еще болѣе усовершенствовали это искусство. Они производятъ посредствомъ дагерротипа круглыя фигуры (en ronde-bosse) такимъ образомъ, что посредствомъ этого инструмента въ большомъ размѣрѣ, достаточно одной секунды, чтобъ снять совершенно-похожую копію на-примѣръ съ мраморной статуи короля Рене.

— Извѣстная Лафаржъ воспламенила воображеніе по-крайней-мѣрѣ 30 живописцевъ, которые, выбравъ разные сюжеты изъ ея жизни, написали болѣе тридцати картинъ и послали ихъ на послѣднюю парижскую выставку. Всѣ эти картины были забракованы присяжными по неприличію сюжетовъ въ-отношеніи нравственности.

— Знаменитый ваятель Шванталеръ окончилъ мраморную группу для фронтона Валгаллы, состоящую изъ 15 колоссальныхъ фигуръ, представляющихъ *сраженіе Германа*. Поле фронтона 72 фута въ длину и 12 футовъ вышиною посрединѣ.

— Купецъ Вагенъ, торгующій эстампами въ Мюнхенѣ, заплатилъ славному баварскому живописцу Кауль-баху 14,000 флориновъ за позволеніе сдѣлать гравированный эстампъ съ его картины «Разореніе Іерусалима», которую онъ написалъ для короля баварскаго.

— Въ Парижѣ было недавно ежегодное собраніе комитета драматическихъ писателей. Казначей собранія, въ отчетѣ, показалъ, что театры Парижа и прочей Франціи заплатили за право представленія ихъ пьесъ (droits d'auteurs) въ-теченіе послѣднихъ 5-ти лѣтъ слѣдующія суммы.

Въ 1837 году:	712,722	франка
— 1838 —	769,032	—
— 1839 —	758,348	—
— 1840 —	885,454	—
— 1841 —	842,394	—

—

—Плиній говоритъ, что въ лавровое дерево, въ орла и въ тюленя никогда не бьетъ молнія. Родогинусъ увѣрялъ также, что и фиговое дерево совершенно-безопасно отъ грозы. Императоръ Тиверій, во время сильной грозы, надѣвалъ всегда на голову лавровый вѣнокъ. По той же причинѣ императоръ Августъ одѣвался, во время грома въ тюленью шкуру, а Сиверъ, чтобъ не быть убитымъ грозою, приказывалъ себя носить въ носилкахъ, завѣшанныхъ вокругъ тюленьими кожами.

—Послѣднее изверженіе Везувія образовало въ кратерѣ его еще провалъ, въ видѣ огромной воронки, изъ которой, уже съ годъ, выходитъ густой бѣлый дымъ. Недавно этотъ дымъ принялъ багровый цвѣтъ, что подаетъ поводъ ожидать скораго изверженія лавы. На сѣверной сторонѣ воронки образовалась также широкая трещина, изъ которой выходитъ густой сѣрный паръ.

— Естествоиспытатели утверждаютъ, что самая крошечная птичка колибри — самая капризная и злая изъ всего пернатаго царства. Всѣ цвѣточки, въ которыхъ колибри не находитъ меду, расщипываетъ она по ли-

Digitized by Google

стякамъ, какъ злая женщина щиплетъ несносный и скучный романъ. Колибри даже не боится вступать въ отчаянный бой съ большими птицами и остается нерѣдко - побѣдительницею. Она съ своимъ острымъ какъ игла носикомъ, бросается всегда въ глаза врагу, и выклёвываетъ ихъ.

—Убіеніе англійскаго посланника, сэра Мак-Нэтена, въ Кабулѣ, случилось на чистомъ полѣ. Акбаръ-Ханъ, прогуливаясь верхомъ съ посланникомъ, потребовалъ, чтобъ онъ призналъ его владѣтелемъ Кабула. На это сэръ Мак-Нэтенъ, разумѣется, не согласился. Раздраженный ханъ схватилъ пистолетъ, и выстрѣлилъ въ лѣвую грудь посланнику. Раненный однакоже не свалился съ лошади; ханъ повторилъ выстрѣлъ, и несчастный упалъ на землю, но дышалъ еще свободно. Въ эту минуту одинъ Афганецъ подскочилъ къ посланнику, выстрѣлилъ изъ ружья ему въ голову, и прекратилъ тѣмъ страданія. Голова Мак-Нэтена была воткнута на пику, и съ торжествомъ носима по кабульскимъ улицамъ. Леди Мак-Нэтенъ купила у Афганцевъ обезглавленное тѣло своего мужа за 6,000 рупій и приказала схоронить его съ надлежащею почестью.

— Такъ какъ пожаромъ Гамбурга интересуется теперь вся Европа, то не излишне припомнить въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого знаменитаго города древней Ганзы. —Первое основаніе Гамбурга положилъ Карлъ Великій. —При проѣздѣ по землямъ онываемымъ Эльбою и Альстеромъ, онъ заложилъ тамъ первую деревянную церковь и редутъ для охраненія этого мѣста отъ набѣговъ язычниковъ, живущихъ въ сосѣдствѣ. Саксонскіе колонисты вскорѣ воспользовались счастливымъ положеніемъ Гамбурга и поселились въ этомъ городѣ. — Въ X-мъ вѣкѣ, Гамбургъ служилъ мѣстомъ ссылки для многихъ папъ. Бенедиктъ V-й умеръ тамъ въ 965 году. —Въ 1072 году, Датчанинъ Карлъ Крако превратилъ въ пепелъ почти весь городъ. — Въ XII столѣтіи владѣлъ городомъ графъ Гольштинскій, который выхлопоталъ у германскихъ императоровъ для Гамбурга собственное судопроизводство, портофранко и пр. Торговля Гамбурга начала подыматься съ того времени, какъ большую часть Гельголанда постигло наводненіе. — Въ 1223 году, Канутъ VI, король датскій, завоевалъ Гамбургъ, который откупился отъ покорителя, заплативъ ему 1,500 марокъ серебромъ. Вмѣсто поставленнаго прежде для управленія Гамбургомъ рейхсфогта, у гражданъ былъ правительственной совѣтъ, и городъ объявленъ *вольнымъ*. Торговля Гамбурга начала процвѣтать еще болѣе со времени заключеннаго имъ торговаго союза съ Любекомъ въ 1241 году. — До того времени вольный Гамбургъ не могъ однакоже совершенно освободиться отъ притѣсненій Датчанъ, но Максимиліанъ I-й принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему полную свободу. — Тридцатилѣтняя война пощадила Гамбургъ. — Въ 1713 и 1736 году городъ былъ нѣсколько разъ осаждаемъ Датчанами, но откупался деньгами отъ блокады. — Благотостояніе Гамбурга упало при заключеніи вестфальскаго мира, но поднялось опять, особенно во время семилѣтней войны. Послѣ помянутой войны, торговля Гамбурга сдѣлалась всесвѣтною, и съ того времени богатства со всѣхъ морей стекались въ этотъ городъ. — Въ 1801 году, Гамбургъ былъ занятъ Датчанами, но освобожденъ отъ нихъ побѣдою Нельсона при Копенгагенѣ. —Въ 1803 и 1804 году, Французы, занявъ Ганноверъ, принудили гамбургскихъ купцовъ дать Ганноверцамъ милліонъ талеровъ вспоможенія. Въ 1810 году, 13 декабря, Гамбургъ былъ присоединенъ къ Французской Имперіи. — Морская торговля Гамбурга совершенно была уничтожена, но въ 1813 году спасъ ее Тетенборнъ, выгнавъ изъ города Французовъ, и давъ ему прежнее правленіе. — Чрезъ 16 дней послѣ ретирады Тетенборна, Гамбургъ заняли Датчане въ качествѣ союзниковъ Фран-

Digitized by Google

ціи.— Даву и Виндомъ вошли въ него 31 мая, преобразовали городъ въ огромное укрѣпленіе и защищали Гамбургъ противъ генерала Бенингсона. Гамбургъ заплатилъ тогда контрибуціи 40,000,000 франковъ. — Въ 1813 году маршалъ Даву забралъ изъ гамбургскаго банка 7,506,956 марокъ, а въ 1818 году французское правительство дало городу вознагражденіе, состоящее изъ $^1/_2$ милліона франковъ дохода. Въ 1814 году Гамбургъ получилъ снова свою самостоятельность, какъ вольный городъ. — По милости Французовъ, онъ лишился всего-на-все 89,000,000 талеровъ.

— Португальцы просятъ весь христіанскій міръ помогать имъ пить портвейнъ, ибо не знаютъ куда дѣвать его. Въ Опорто и Лондонѣ хранится огромный запасъ этого вина, состоящій изъ 273 088 пипъ (пипа содержитъ въ себѣ 25 кубическихъ футовъ жидкости). Къ такому огромному количеству прибавляется ежегодно до 80,000 пипъ портвейна. Слѣдовательно, въ означенныхъ городахъ теперь имѣется на-лицо 6,250,000 кубическихъ футовъ портвейна, которымъ можно наполнить такое озеро, гдѣ могутъ плавать свободно всѣ европейскіе военные флоты. Въ одномъ вестиндскомъ докѣ Лондона (самый огромный винный погребъ въ свѣтѣ) лежатъ 23 000 пипы портвейна.

— Французское правительство позволило одному артиллерійскому офицеру построить въ Шербургѣ корабль или, лучше, брандеръ особой конструкціи, который въ состояніи уничтожить цѣлую непріятельскую эскадру. Если эта адская водяная машина въ-самомъ-дѣлѣ окажетъ на практикѣ то, что обѣщается изобрѣтатель въ теоріи, тогда никакая эскадра не устоитъ противъ разрушительнаго ея дѣйствія.

— На желѣзной дорогѣ между Бристолемъ и Эчестеромъ случилось недавно, что паровозъ убѣжалъ безъ машиниста, подобно бѣшеной лошади, вырвавшейся изъ рукъ кучера. Цѣлый поѣздъ прибылъ на станцію Гетонъ, гдѣ отцѣплены были отъ паровоза всѣ вагоны, для того, чтобъ помѣстить за первымъ вагономъ большую фуру съ товарами. Въ эту минуту ушелъ куда-то машинистъ, а другіе работники зазѣвались. Паровозъ, испуская изъ себя густые клубы пара, стрѣлой полетѣлъ по дорогѣ безъ проводника. Можно себѣ вообразить удивленіе и страхъ всѣхъ сигнальныхъ сторожей по дорогѣ, когда они замѣтили, что паровозъ, какъ бѣшеный конь, стремглавъ летитъ по шинамъ безъ всякаго управленія. Но, къ-счастію, паръ у него скоро весь вышелъ, и онъ самъ собою остановился на станціи бриджуатерской.

— Недавно новый американскій пароходъ: «Медора», назначенный для плаванія между Балтиморомъ и Норфолькомъ, долженъ былъ сдѣлать пробную поѣздку. Множество любопытныхъ пассажировъ собралось на новый пароходъ, чтобъ участвовать на первой пробѣ. Всего было 150 человѣкъ. Лишь только началось дѣйствіе колесъ, какъ съ ужаснымъ трескомъ лопнулъ котелъ машины, труба, весь снарядъ и самый пароходъ, разорванный какъ отъ взрыва пороховой камеры. Несчастные пассажиры раскинуты были во всѣ стороны. Нѣсколько труповъ взброшены на 100 футовъ вышиною. Одни утонули въ рѣкѣ, другіе очутились изуродованными на берегу. Это, кажется, уже двѣнадцатый взрывъ на американскихъ пароходахъ.

— Во многихъ городахъ Англіи фабричные работники почти умираютъ съ голода: такъ мала и незначительна тамъ плата за трудъ. Въ Стратфордѣ тысяча человѣкъ занимается дѣланіемъ женскихъ корсетовъ, работаетъ въ сутки двѣнадцать часовъ и получаетъ за этотъ тяжкій трудъ только $2^1/_2$ пенса (20 коп. мѣдью).

— Въ Америкѣ множество обществъ воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ, но теперь это воздержаніе распространяется и на табакъ. Подъ эгидою г-на Уаткотъ-Шопса основано обще-

Digitized by Google

ство, которому строгими статутами запрещено курить, жевать и нюхать табакъ. Множество балтиморскихъ дамъ поступили уже въ члены этого общества.

— Въ Сѣверной-Америкѣ врачи и продавцы водки, джина и рома, заключили между собою оборонительный союзъ противъ всѣхъ обществъ воздержанія. Врачи утверждаютъ: что съ тѣхъ-поръ, какъ люди перестали пить крѣпкіе напитки, появились у нихъ тяжкія эпидемическія болѣзни, поносъ, гастрическія лихорадки, и общее разслабленіе тѣла. Эти недуги большею частію смертельны, что прежде не такъ часто случалось въ народѣ, который подкрѣплялъ себя послѣ работы чаркою водки, или стаканомъ грога.

— Лондонская таможня узнала недавно чрезъ особыхъ шпіоновъ, что прибывшій въ Лондонъ изъ Роттердама корабль нагруженъ только для вида копченымъ мясомъ, и что въ немъ скрывается контрабанда. Досмотрщики немедленно отправились на корабль и нашли, что только три бочки наполнены были копченымъ мясомъ, а прочія заключали въ себѣ нюхальный табакъ, прикрытый слоемъ соломины. А такъ какъ кажется, бочка имѣла въ себѣ $3^1/_2$ центнера вѣсу, то за привезенный табакъ слѣдовало заплатить пошлины 5000 фунт. стерл. Весь грузъ этого корабля былъ конфискованъ.

— Новый тарифъ Бельгіи составленъ такъ неудачно, что таможенные чиновники во многихъ случаяхъ не знаютъ, какъ и съ кого брать пошлину. Въ «Journal du Commerce d'Anvers» вотъ что сказано: «На дняхъ какой-то крестьянинъ явился на станцію желѣзной дороги съ собакою, привязанною на своркѣ. — Заплатилъ ли ты пошлину за собаку? спросилъ мужика таможенный досмотрщикъ. «Какъ? за собаку?» — Да, разумѣется. — «А много ли надобно заплатить?» — Да такъ, бездѣлицу, пять франковъ. — «Подожди немного, дружище, возразилъ крестьянинъ, вынулъ мѣшокъ, и, высыпавъ туда свою собаку, крѣпко завязалъ его. — «Мѣшки не осматриваютъ» сказалъ крестьянинъ. — Конечно, въ слѣдствіе данной вамъ инструкціи — отвѣчалъ досмотрщикъ. — Крестьянинъ сѣлъ съ своимъ мѣшкомъ въ вагонъ, ничего не заплативъ за собаку.»

— Въ Блуа жители собираютъ подписку на сооруженіе памятника Денису Папену (Denis Papin), который, по увѣренію знаменитаго Араго, былъ первымъ изобрѣтателемъ паровыхъ машинъ. — Денисъ Папенъ родился въ Блуа, въ 1647 году.

— Ученые англійскіе садовники примѣтили, что стекла синяго и фіолетоваго цвѣтовъ весьма благопріятствуютъ всякаго рода оранжерейнымъ растеніямъ, и что, напротивъ, желтое и красное стекло останавливаютъ растительность, а бѣлое не имѣетъ на нее никакого вліянія. Нынѣче, въ Англіи для оранжерейныхъ оконъ по-большой-части употребляется синее стекло; отъ него ожидаютъ величайшей пользы для всего растительнаго царства.

— Лучшая и отличнѣйшая порода арабскихъ лошадей называется Неджъ; ихъ кормятъ верблюжьимъ молокомъ, говяжьимъ отваромъ, мукою, финиками и даже мясомъ. Во весь годъ, эти лошади ѣдятъ только сѣно въ-продолженіи сорока дней. Аравитяне говорятъ, что трава, употребляемая какъ главный кормъ, вредна для лошади, ибо размягчаетъ ея кости. Такъ какъ туземцы имѣютъ большія стада верблюдовъ и овецъ, то они кормятъ своихъ коней мясомъ молодыхъ верблюдовъ, также и бараньимъ; вареное мясо, изрѣзанное въ куски, кладется на большую доску, около которой ставятся лошади для корма. Въ верблюжье молоко примѣшиваются финики. Если лошади очень устали отъ продолжительнаго бѣга, то мясная пища скоро возстановляетъ ихъ бодрость и силу. Порода Неджъ отличается прекраснымъ сложеніемъ тѣла и особенною понятливостію; она никогда не смѣшивается съ другими породами

Digitized by Google

арабскихъ лошадей и ведетъ свою генеалогію отъ временъ самого Мухаммеда. Эти превосходные кони сохраняютъ всю свою силу и быстроту бѣга до 25-лѣтняго возраста и живутъ, среднимъ числомъ, отъ 35 до 40 лѣтъ и гораздо-болѣе. Они могутъ бѣжать сряду два и даже три дня безъ корма, если при отправленіи съ мѣста напоятъ ихъ порядочно верблюжьимъ молокомъ. Вотъ лошади, которыя достойны названія настоящихъ чистокровныхъ арабскихъ.

— Въ «Gardeners Magazin» говорятъ, что для удаленія птицъ съ пашни, на которой посѣяны свѣжія сѣмена, нужно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея поставить обыкновенныя бутылки зеленаго стекла, наполненныя водою. Птицы такъ же боятся бутылокъ, какъ и члены общества воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ.

— Сардинское правительство намѣрено прокопать Гору Сенійскую (Mont Cenis) и сдѣлать въ ней тюнель, для проѣзда почтъ и путешественниковъ, ибо дорога черезъ гору бываетъ весьма затруднительна и даже опасна зимою. Для этой гигантской постройки вызванъ изъ Лондона въ Туринъ знаменитый инженеръ Брюнель.

— Подъ именемъ *гидростата*, французскій гальванистъ г. Вьенъ изобрѣлъ особаго рода машину, *для поднимания* со дна морскаго утонувшихъ кораблей. Она состоитъ изъ большаго ящика съ двумя отдушинами (клапанами). Если открыть нижній клапанъ, то вода войдетъ въ ящикъ и выгонитъ воздухъ на верхъ; ящикъ погружается въ глубину воды и водолазы прикрѣпляютъ его къ остову потонувшаго корабля. Послѣ этой операціи, открываютъ верхній клапанъ ящика, и наполняютъ углекислымъ газомъ, какъ воздушный шаръ. Ящикъ отъ-того быстро всплываетъ на поверхность воды и вытаскиваетъ съ собою потонувшій корабль. (?!)

— Во Франціи, ежегодно добывается среднимъ числомъ 294 милліона талеровъ виноградного вина, изъ котораго 88-я часть идетъ за-границу.

— Изъ новыхъ статистическихъ свѣдѣній видно, что Франція имѣетъ 43,849,162 овцы, которыя цѣнятся въ 1,869,790,346 франковъ. Франція отъ своей плодородной почвы выручаетъ въ годъ 6,000 милліоновъ франковъ.

— Нѣкто Ферстеръ, изъ Кесселя, представилъ брюссельскому Совѣту Общественнаго Здравія пробы торфа, превращеннаго въ крѣпкую каменную массу, которая можетъ замѣнять собою асфальтъ, но въ десять разъ дешевле его. Совѣтъ нашелъ, что это важное изобрѣтеніе достойно изслѣдованія особой комиссіи. Онъ по сему случаю нарядилъ особый комитетъ, составленный изъ искусныхъ архитекторовъ и химиковъ.

— Вблизи англійскихъ береговъ у Стратфорда недавно загорѣлся отъ воды корабль, который получилъ отъ подводнаго нашия пробоину. Корабль былъ нагруженъ негашеною известью, которая, загорѣвшись отъ воды, разорвала судно, взорвавшее какъ-будто отъ взрыва пороха.

— Пошлина съ доходовъ, которую сэръ Робертъ Пиль предложилъ парламенту, для покрытія огромнаго дефицита въ государственномъ казначействѣ Англіи, составляетъ трехпроцентный сборъ съ доходовъ большихъ помѣстій, съ десятиннаго сбора духовенства, и изъ жалованья всѣхъ служащихъ государству. Такъ какъ всѣ лица, получающія не больше 300 фун. стерл. дохода, освобождаются отъ помянутаго налога, то онъ рѣшительно падаетъ на богатыхъ или зажиточныхъ людей. Извѣстно, что 500 или 600 фамилій владѣютъ съ незапамятныхъ временъ всѣми землями соединенныхъ королевствъ Великобританіи. Англійское духовенство отъ десятиннаго сбора имѣетъ дохода 60 милліоновъ талеровъ; 612 перовъ, которыхъ одна часть засѣдаетъ въ парламентѣ, а другая не засѣдаетъ, получаютъ изъ государственной казны 21

Digitized by Google

милльона талеровъ. Въ графствахъ Варвикскомъ и Стаффордскомъ считается 183 фамиліи, у которыхъ въ помѣстьяхъ заключается капиталъ въ два милльярда талеровъ. Чтобы имѣть еще болѣе понятія читателямъ объ огромныхъ богатствахъ англійской аристократіи, можно привести въ примѣръ имѣніе умершаго герцога Девонширскаго. Онъ оставилъ своему сыну, наслѣднику его званія, ежегодный доходъ въ 500,000 талеровъ, лорду Пуллету отказалъ болѣе 3 милльоновъ талеровъ, лорду Гарри 2½ мил. талеровъ, а своему племяннику 1 милльонъ. Герцогъ оставилъ своей супругѣ знатительныя помѣстья въ Іоркширѣ, огромный домъ въ Лондонѣ и капиталъ въ 7½ милліоновъ талеровъ. Умершій за три года предъ симъ герцогъ Бедфордъ оставилъ послѣ себя наслѣдство въ 45 милліоновъ талеровъ. Не менѣе этого оставилъ лордъ Джонъ Ромсей. Герцогъ Нортумберландскій получаетъ 1 милльонъ талеровъ дохода, а герцогъ имѣющихъ отъ 300,000 до 800,000 талеровъ дохода считается въ Англіи нѣсколько десятковъ.

— Изъ послѣдняго переписи объ обложеніи недвижимыхъ имѣній въ Великобританіи редакція газеты «Morning Chronicle» получила слѣдующее извѣстіе: «М. Г. Ельо во всей Англіи считаетъ 5,464,000 домовъ, со всѣми ихъ пристройками, дворами и заведеніями 12,732,000 печей; изъ нихъ въ 1,800,000 домахъ держатъ рядовыхъ собакъ. Кошки, безъ всякаго сомнѣнія, привлекаютъ также къ налогу; ибо онѣ защищаютъ отъ мышей, а слѣдовательно, по праву справедливости должны быть также обложены подушнымъ налогомъ. Если бы каждому кошкодержателю положить 8 шиллинговъ, то въ государственную казну прибавится 1,087,000 талеровъ. Съ поданными подобныхъ свѣдѣній есть быть всегда готовымъ ожидать

— Вотъ что говоритъ Викторъ Гюго устами «Рейна». «Я живу въ Кёльнѣ, какъ истый Германецъ. За обѣдомъ мнѣ подаютъ салфетку большую, какъ хорошая плащъ, и на коѣ попрыгаютъ мои кровать, простыню, не болѣе салфетки; къ жареной телятинѣ подаютъ вмѣсто салата вишни, а къ зайцу черносливъ. — За столомъ пью прекрасный рейнвейнъ и лозельвейнъ, превосходное вино, которое одинъ Француз, случайно обѣдавшій со мною, назвалъ *vin des demoiselles* (vin de Moselle). Этотъ же остракъ, выпивъ стаканъ рейнской воды, сказалъ: «L'eau du Rhin ne vaut pas le vin du Rhin!» — Въ гостинницахъ хозяинъ, хозяйка и ихъ прислуга говорятъ только по-нѣмецки, между тѣмъ у нихъ есть всегда въ запасѣ слуга, garçon, который знаетъ и по-французски, но *какъ* — въ томъ-то и сила! Вчера спросилъ мой товарищъ за обѣдомъ, показывая на блюдо: «Qu'est-ce que cela?» и слуга отвѣчалъ съ улыбкою: c'est des bichons! т. е. голуби. Тщетно старался я съ моимъ товарищемъ, непонимающимъ, подобно мнѣ, ни слова по нѣмецки, вступить въ разговоръ съ главнымъ слугою, котораго тамъ зовутъ «premier garçon», но кёльнскій Французъ не могъ вести никакого другаго разговора, кромѣ того, который напечатанъ въ «Quide des voyageurs.» Этотъ premier garçon только говоритъ по-французски, но знаетъ все тотъ же Нѣмецъ *съ* которымъ [illegible]

— Въ Нью-Йоркѣ городское правленіе дало великолѣпный обѣдъ въ честь романиста Диккенса. Послѣ многихъ [illegible] отвѣтъ, заключавшій [illegible] слѣдующее: «За здравіе прекраснаго пола — этой прочной аристократіи, которая завоевываетъ, не имѣя нужды въ законахъ, судитъ безъ суда прощаетъ, рѣшаетъ дѣла безъ адвокатовъ, словомъ, господа, выпьемъ за здоровье дамъ, которыхъ царство безконечно.

Digitized by Google

— Какой-то деревенскій скрыпачъ въ Галиціи возвращался рано утромъ домой съ приходскаго праздника. Проходя поле, онъ увидѣлъ, что на встрѣчу къ нему бѣжитъ бѣшеный быкъ съ страшнымъ ревомъ, взрывая рогами землю. Испуганный музыкантъ хотѣлъ-было влѣзть на дерево, но силы ему измѣнили. Въ эту отчаянную минуту, видя смерть на носу, онъ машинально схватилъ скрипку и началъ на ней пилить смычкомъ изо всей мочи. При первомъ аккордѣ быкъ остановился, бѣшенство его смягчилось, и онъ, какъ послушная собака, легъ у ногъ скрипача, который продолжалъ играть свою адскую симфонію. Музыкантъ хотѣлъ воспользоваться счастливою минутою и бѣжать въ сторону, но быкъ снова всталъ на ноги, зарычалъ и грозилъ всадить рога свои въ новаго Орфея. Музыкантъ началъ опять играть до поту лица, и этотъ концертъ долго-бы продолжался, если бы не пришло на помощь музыканту нѣсколько пастуховъ, которые дубинами прогнали въ лѣсъ рогатаго дилеттанта.

— Кто-то вычислилъ, что Италія, со времени возрожденія наукъ и искусствъ, столько употребила денегъ на постройку своихъ дворцовъ, храмовъ и на украшеніе ихъ, что на такую сумму можно было бы купить всѣ земли и угодья земнаго шара. И такъ неудивительно, что Италія въ теченіе трехъ столѣтій была классическою землею искусствъ.

— Новорожденный португальскій принцъ, у котораго папа былъ крестнымъ отцомъ, получилъ при крещеніи 15 именъ, послѣднее его прозвище: Саксенъ—Кобургъ—Гота.

— Въ Англіи возникла новая секта подъ именемъ *бѣлыхъ квакеровъ*.— Учредитель ея, нѣкто Якобъ, равно, какъ и его приверженцы, ходятъ совершенно въ бѣломъ платьѣ, даже не исключая сапоговъ и башмаковъ, также ѣздятъ въ бѣлыхъ экипажахъ. Толпа такихъ квакеровъ съ своими женами похожи на кучу бѣлыхъ привидѣній, или мельниковъ, осыпанныхъ съ головы до ногъ мучною пылью.

— Въ Лондонѣ, какой-то купецъ искалъ себѣ черезъ газеты прикащика, который бы не былъ гуляка и велъ самую скромную, затворническую жизнь. Къ нему явился такой кандидатъ съ аттестатомъ, въ которомъ было сказано, что N. N. въ-теченіе семи лѣтъ жилъ совершенно-уединенно, велъ себя очень скромно и добропорядочно; ибо все помянутое время сидѣлъ въ тюрьмѣ.

— Съ 1837 года поставлены слѣдующіе памятники (монументы) въ Германіи и сосѣднихъ съ нею государствахъ: Гутенбергу въ Майнцѣ, Фердинанду фон-Шилю недалеко отъ Брауншвейга, королю Вильгельму IV въ Гётингенѣ, шведскому королю Густаву-Адольфу у Люцена, фельдмаршалу князю Шварценбергу въ Мейсдорфѣ подъ Лейпцигомъ, Шиллеру въ Шуттгартѣ, курфирсту Максимиліану 1-му въ Мюнхенѣ, Гёте въ городской франкфуртской библіотекѣ, Альбрехту Дюреру въ Нюрмбергѣ.— Въ томъ же году положенъ первый камень въ Берлинѣ для монумента Фридриху-Великому, въ Страсбургѣ открыта статуя Клебера и Гутенберга, Жакара въ Ліонѣ, Фенелона тамъ же, Рубенса въ Антверпенѣ. Въ 1841 году, открыты монументы: фельдмаршалу графу Гнейзенау у Магдебурга, Фридриху-Вильгельму III у Калиша, ему же въ Теплицѣ, императору Францу 1-му въ Грацѣ, адмиралу Рюйтеру въ Флисингенѣ, Жанъ-Полю въ Байрейтѣ, и положенъ первый камень монументу предводителя Херусковъ, Герману.

— Городской писарь Лондона получаетъ въ годъ 2,000 фунт. стерл. дохода (50,000 рублей ас.). Одинъ изъ лондонскихъ аннигопродавцевъ предложилъ магистрату, что онъ согласенъ исправлять эту должность за 500 ф. ст., а другой патріотъ спустилъ еще ниже цѣну, и предлагалъ быть городскимъ писаремъ за 200 фунт. въ годъ и за винную порцію каж-

Digitized by Google

дый день. Газета «Morning Herald» замѣтила по этому случаю, что патріотизмъ двухъ означенныхъ кандидатовъ въ городскіе писаря ничего въ сравненіи съ извѣстнымъ Уильямомъ Коббетомъ, который сдѣлалъ предложеніе Георгу II, что бъ дать ему мѣсто перваго министра, безъ жалованья, а вмѣсто столовыхъ денегъ, назначить ежедневную порцію изъ хлѣба, сыра и кружки портера.

— Два Англичанина хорошихъ фамилій отправились на кораблѣ изъ Лондона въ Остиндію. Для развлеченія на столь продолжительномъ пути, они взяли съ собою только двѣ книги, которыя читали и перечитывали по нѣскольку разъ. Наконецъ въ океанѣ сдѣлался убійственный штиль; до Калькутты было еще очень-далеко, и наши туристы выдумали слѣдующее средство, чтобъ какъ-нибудь убить скуку. Отсчитавъ нѣсколько страницъ въ своихъ книгахъ, держали они пари, у кого изъ нихъ болѣе найдется гласныхъ или согласныхъ буквъ, мѣстоименій, глаголовъ, существительныхъ или прилагательныхъ именъ и пр. Послѣдствіемъ этихъ ребяческихъ закладовъ было то, что одинъ изъ туристовъ, по имени Пультонъ, проигралъ своему товарищу Титлифу все свое имѣніе, и пріѣхалъ въ Калькутту безъ гроша. Титлифъ, какъ счастливый игрокъ, началъ жить въ Калькуттѣ пышно, роскошно, предался всѣмъ чувственнымъ наслажденіямъ, заболѣлъ и вскорѣ послѣ того умеръ, но при смерти вспомнилъ въ своемъ завѣщаніи о бѣдномъ пріятелѣ и отказалъ ему все. Между - тѣмъ Пультонъ служилъ лакеемъ у одного богатаго брамина, чтобы скопить кое-какъ нужную сумму для обратнаго путешествія въ Англію. Пультонъ, разсказывая самъ этотъ случай въ одной англійской газетѣ, прибавляетъ, что это путешествіе послужило ему полезнымъ урокомъ въ жизни, что онъ, бывъ совершеннымъ тунеядцомъ въ Европѣ, научился въ Остиндіи служить лакеемъ и въ потѣ лица зарабатывать трудовую копейку.

— Въ Южной Африкѣ браки у гернгутеровъ заключаются по жребію, — родъ лоттереи. Главное гернгутерское общество, находящееся въ Германіи, высылаетъ отъ-времени-до-времени, корабль съ полнымъ грузомъ дѣвицъ въ Африку, гдѣ онѣ выходятъ замужъ за своихъ единовѣрцевъ по жребію. Хотя случай часто не благопріятствуетъ инымъ невѣстамъ въ этой лоттереѣ, но онѣ всегда съ охотою отправляются къ своимъ антиподамъ въ Африку, какъ будто къ ближнимъ сосѣдамъ въ Германію. — Одинъ англійскій туристъ встрѣтилъ на пароходѣ, плывшемъ къ Мысу-Доброй-Надежды дѣвушку, которая ѣхала изъ Германіи къ своему жениху антиподу, не зная вовсе ни физическихъ, ни нравственныхъ его достоинствъ, ни даже какихъ онъ былъ лѣтъ, уменъ или глупъ. Дѣвушка была очень-весела и шутила на̀ъ своею супружескою участью. Туристъ не могъ понять, зачѣмъ выбрала она себѣ африканскаго колониста, котораго вовсе не знаетъ. «Такъ водится въ нашей общинѣ» отвѣчала дѣвушка: «мы повинуемся безпрекословно приказу старшинъ, и ни одна еще изъ нашихъ гернгутерскихъ сестеръ не сдѣлалась отъ-того несчастною.»

— Нѣкто Белль въ Альбани, объявилъ въ газетахъ, что онъ даетъ на прокатъ собакъ своихъ (бульдоговъ), которыя обучены ловить бѣглыхъ Негровъ, и отыскивать ихъ по слѣду въ самыхъ непроходимыхъ лѣсахъ. — Въ одной французской колоніи на Гваделупѣ, содержатель плантацій Боннейль ходилъ на охоту за бѣглыми Неграми. Онъ травилъ эту черную дичь собаками и самъ застрѣлилъ изъ ружья трехъ Негровъ. Боннейль былъ позванъ за это въ уголовный судъ, но выигралъ процесъ, потому - что судьи были также владѣтелями плантацій. На другой день, въ награду за такой разбой, Боннейль самъ былъ выбранъ въ члены означеннаго суда.

Digitized by Google

— Въ Парижѣ разсказываютъ слѣдующій анекдотъ про недавно-умершаго маршала Клозеля. Въ концѣ 1798 года, главнокомандующій генералъ Жоберъ далъ порученіе генералъ-адъютанту Клозелю принять отреченіе отъ престола короля сардинскаго, Карла Эмануэля IV. Клозель такъ деликатно исполнилъ это щекотливое порученіе, что король, въ знакъ своего благоволенія, подарилъ учтивому дипломату знаменитую картину Жерарда Доу: «женщину, лежащую въ водяной болѣзни». Извѣстно, что эту картину нельзя купить ни за какія деньги.—Въ 1798 году, декабря 11-го, Клозель пожертвовалъ эту драгоцѣнную рѣдкость Директоріи для національнаго Парижскаго Музеума.—Эта картина находится теперь въ Луврѣ.

— Послѣ кончины маршаловъ Монсе и Клозеля во французской арміи остается только семь человѣкъ, которые стоятъ на высшей степени военныхъ почестей, именно: Сультъ 72 лѣтъ; Удино 71; Молиторъ 71; Жераръ 70; Груши 76; Валé 69; и Себастьяни 68 лѣтъ.

—Маршалъ Сультъ пережилъ уже девять царствованій и служитъ уже восьмому правительству. Онъ видѣлъ Людовика XV, Людовика XVI, пережилъ всѣ катастрофы революціи, служилъ при консулахъ при императорѣ, при первомъ Возстановленіи, во время ста дней, при второмъ Возстановленіи, и продолжаетъ службу при Людовикѣ-Филиппѣ.—Сультъ носитъ свой фельдмаршальскій жезлъ уже 38 лѣтъ.

— Извѣстная берлинская актриса Шарлотта фон-Гагнъ обидѣла недавно одного театральнаго служителя во время исправленія его должности. За такой поступокъ судъ присудилъ знаменитую артистку къ 14-ти-дневному заключенію въ тюрьму. Если исполненъ будетъ приговоръ суда, то г-жа Гагнъ намѣрена въ такомъ случаѣ вовсе оставить сцену и удалиться изъ Берлина.

— Содержаніе лондонской полиціи, кромѣ части города, называемой Сити, обходится ежегодно Лондону въ 800,000 фунт. стерл. (20 мил. ас. рублей), что составляетъ поголовную подать съ каждаго жителя города по 3 шилинга 8 пенсовъ. Лондонская полиція не только исправляетъ лежащее на ней дѣло, но и исполняетъ должность жандармовъ и ночныхъ сторожей. Она состоитъ изъ 17 обер-комиссаровъ, 10 комиссаровъ, 342 сержантовъ и 2977 констаблей.

— Многіе не вѣрятъ френологіи знаменитаго Галля; но были случаи, въ которыхъ это знаніе оказало существенную пользу. Примѣромъ тому служитъ знаменитый виртуозъ и недавній гость нашъ—Листъ. Когда ему было 15 лѣтъ отъ-роду, его привели въ Лондонѣ, къ знаменитому френологу Девиллю и представили, какъ глупаго, безталаннаго мальчика ни къ чему негоднаго. Девилль, ощупавъ внимательно голову Листа, спросилъ: «не пробовали ли вы его учить музыкѣ?» и рѣшительно совѣтую ему взяться за это искусство». Родители Листа послѣдовали этому совѣту и, кажется, не ошиблись.

— А вотъ, напримѣръ, въ Сѣверныхъ Американскихъ Штатахъ френологія рѣшительно не въ ходу. Въ Бостонѣ профессоръ черепословія, докторъ Робинсонъ, былъ недавно приговоренъ къ заключенію въ тюрьму за кражу въ одной гостинницѣ простынь, двухъ наволочекъ и полотенца. Бѣдный профессоръ тщетно старался оправдать себя передъ судьями тѣмъ, что у него на головѣ большая шишка, органъ воровства, которую онъ приглашалъ присутствующихъ ощупать. Онъ доказывалъ, что по закону совершенно невиненъ, ибо непреодолимую страсть къ кражѣ получилъ отъ самой природы. Судъ, не смотря на краснорѣчіе френолога, отправилъ его въ рабочій домъ на четыре мѣсяца.

— Въ парижскомъ воспитательномъ домѣ кормилицы нерѣдко подмѣниваютъ умершихъ своихъ питом-

Digitized by Google

цевъ собственными дѣтьми, или дѣтьми посторонних родителей, чтобъ получать отъ казны порцію и деньги, которыя имъ не слѣдуютъ. Для обнаруженія этого обмана, на шею каждаго ребенка надѣвали снурокъ съ печатью, привѣшивая къ нему марку, означающую имя дитяти. Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ, вмѣсто снурка, вдѣвать младенцамъ серьги; эти серьги нельзя вынуть изъ ушей не сломавъ серегъ, которыя носятъ дѣти до 6-ти лѣтняго возраста.

— Въ газетѣ «The Sun» исчисляется доходъ, который получила въ теченіе 1841 года англійская королевская фамилія: герцогъ Суссексъ 525,000 франк., Кембриджъ 675,000 фр., принцесса Марія, герцогиня глочестерская 398,950, принцесса Софія 398,950, принцесса Августа 280,400, принцесса Софія глочестерская 175,000 фр., вдовствующая королева Аделанда 2.500,000 франк., герцогиня Кентская 750,000 франковъ, Леопольдъ, король бельгійскій 1,250,000 франк., герцогъ Кумберлендъ, нынѣшній король ганноверскій, 525,000 франк.—Прислуга короля Георга III, королевы Шарлотты и Каролины получила въ прошедшемъ году 351,625 фр.—Всего, для содержанія королевской фамиліи, выключая королевы Викторіи и принца Альберта — 7,829,925 франковъ.

—Въ Лондонѣ, въ-теченіе прошедшаго года, арестовано за пьянство и за кражу 68,961 человѣкъ, между которыми было 22,603 женщины, и 15,000 разнаго рода мошенниковъ и плутовъ.

— Во французской деревнѣ Арнѣле-Дюкъ (деп. Кот-д'Орскій) женщина родила настоящаго циклопа. У новорожденнаго одинъ только глазъ на срединѣ лба, а мѣста, гдѣ должны быть два глаза, означены легкими морщинами. Этотъ уродецъ живетъ уже шестой мѣсяцъ, и совершенно здоровъ.

— У знаменитой артистки Рашель пропала въ Парижѣ болонка. Какой-то Англичанинъ нашелъ эту собачку, и узнавъ, что она принадлежитъ г-жѣ Рашель, принесъ свою находку къ хозяйкѣ, ожидая отъ нея награды по-крайней-мѣрѣ въ 25 франковъ. Но, вмѣсто награды, хозяйка приказала полиціи арестовать Англичанина, утверждая, что онъ укралъ собаку. Бѣдный Англичанинъ просидѣлъ полдня подъ арестомъ и выпущенъ былъ на свободу по протекціи нѣкоторыхъ своихъ земляковъ. Рашель, въ бытность свою въ Лондонѣ, собрала по-крайней мѣрѣ отъ своихъ представленій 3000 фунтовъ стерл. и пожалѣла дать означенному Англичанину награду за найденную собачку! Онъ теперь хочетъ завести процессъ съ актрисою за противозаконный его арестъ.

— Недавно одинъ Англичанинъ, пріѣхавъ въ Браубахъ, остановился въ гостинницѣ, поужиналъ, и легъ спать. Въ полночь сдѣлался пожаръ; слуги и пріѣзжіе всѣ переполошились, и большая часть изъ нихъ выскочили въ неглиже на улицу; но Англичанинъ спалъ какъ убитый. Слуга началъ будить его, сказавъ, что огонь скоро дойдетъ и до его комнаты. — «Чортъ возьми! закричалъ разгнѣванный Британецъ: «да мнѣ-то что за дѣло до вашего пожара; стоитъ толковать о такихъ пустякахъ! Не мѣшай мнѣ спать, я усталъ и хоть бы весь свѣтъ горѣлъ, не сойду съ постели... Не ужь-то вы думаете, что я выскочу въ рубашкѣ изъ своего нумера, и переселюсь на бивуакъ въ полѣ? Я непремѣнно долженъ проспать семь или восемь часовъ сряду. Гасите пожаръ, какъ сами знаете, только меня не безпокойте». Англичанинъ повернулся на другой бокъ и захрапѣлъ снова. Всѣ жители выбѣжали изъ горящей гостинницы, а упрямаго Британца заперли въ комнатѣ, оставивъ его на произволъ судьбы. Наконецъ къ утру пожарнымъ служителямъ удалось погасить огонь, послѣ усиленной ра-

Digitized by Google

боты. Очищая корридоры гостинницы отъ полусгорѣвшихъ балокъ и разнаго хламу, пожарные разломали дверь, за которою спалъ упрямецъ. Туристъ, проснувшись отъ чрезвычайнаго стука, спросилъ у вошедшаго къ нему пожарнаго служителя: «А что, братецъ, есть ли у васъ крючки для сапогъ?» Потомъ преспокойно всталъ съ постели, какъ-будто ничего не случилось, позавтракалъ и поѣхалъ дальше.

— Въ майской книжкѣ «Осъ» Альфонса Карра разсказывается слѣдующій анекдотъ. Недавно два пристойно-одѣтые молодые человѣка пришли къ г-ну Верро, извѣстному натуралисту, живущему въ Парижѣ на Итальянскомъ Бульварѣ.—«Вы господинъ Верро?» спросили незнакомцы.—Точно такъ, что вамъ угодно? отвѣчалъ ученый.—«Ваши обезьяны чрезвычайно-интересны!»—О, помилуйте, много чести.—«Мы слышали, что вы продаете разныя рѣдкости, по части естественной исторіи».—Точно такъ.—«И покупаете подобныя вещи?»—Безъ сомнѣнія.—«Обстоятельства, которыя долго будетъ вамъ разсказывать, заставили насъ рѣшиться на продажу одной чрезвычайной рѣдкости въ природѣ, весьма-хорошо сбереженной».—Позвольте посмотрѣть, я страстный охотникъ до подобныхъ вещей.—«Мы принесли ее съ собою».—Тѣмъ лучше; прошу садиться.—Одинъ изъ посѣтителей вынулъ изъ кармана пакетъ, въ пакетѣ былъ ящичекъ, а въ ящикѣ лежала, завернутая въ бумагу, копченая селедка.

— Въ той же книжкѣ напечатано, что будто какой-то провинціалъ, разсказывая о томъ и о семъ, что видѣлъ на парижскихъ улицахъ, примолвилъ: «Кстати, я былъ вчера въ Théâtre Français»—Что же вы тамъ видѣли?—«Прекрасную пьесу, которая продолжалась часа три».—Какая это пьеса?—«Очень-хорошая, очень-интересная, но имени ея не помню. Все, что могу сказать, такъ это только, что въ ней играла г-жа Рашель».—Что же по-крайней-мѣрѣ говорятъ въ этой пьесѣ?»—Хоть убейте, ни слова не помню. Знаю только, что какому-то старику даютъ тамъ оплеуху».—А! это Сидъ!—«Можетъ-быть.... Какъ вы его называете?»—Сидъ.—Пожалуйте мнѣ кусочекъ бумажки, я запишу это имя... С—и—д, Сидъ. Такъ точно».

— Во Франціи теперь въ модѣ четыре стиля: среднихъ вѣковъ, возрожденія (Renaissance), рококо и помпадуръ. Первый не требуетъ объясненія, второй происходитъ отъ Франциска I-го, который для возрожденія искусствъ во Франціи вызвалъ изъ Италіи разныхъ художниковъ, они построили для короля знаменитые въ исторіи замки Шамборъ, Фонтенбло и Луврскій Дворецъ. Этотъ стиль владычествовалъ во Франціи отъ Франциска I-го до прекращенія династіи Валуа (1515 — 1589).—Имя рококо (гососо) получило названіе отъ гос, rocaille, и относилось къ извѣстному гроту, украшенному раковинами въ версальскомъ саду при Лудовикѣ XIV. Подъ именемъ помпадуръ извѣстенъ фривольный стиль, на который мода была въ царствованіе Лудовика XV и XVI.

— Въ Парижѣ вошло недавно въ моду украшать мраморъ арабесками и рисунками разнаго рода. Посредствомъ кислотъ втравливаютъ въ мраморъ подготовленныя на смолистой мастикѣ разные узоры и арабески.—Если кислота довольно-глубоко вытравила мраморъ, то углубленія его наполняются крѣпкимъ красныхъ воскомъ, который принимаетъ такую же политуру, какъ и мраморъ. Эти узоры и арабески, сдѣланные краснымъ воскомъ на черномъ мраморѣ въ этрусскомъ и египетскомъ стилѣ, употребляются въ Парижѣ для покрытія столовъ, печей и стѣнъ въ комнатахъ.

— Въ одной нью-йоркской газетѣ напечатано слѣдующее: «Полковникъ Л. и капитанъ Г. выходятъ се-

Digitized by Google

годия на поединокъ. Просимъ полицію не мѣшаться въ дѣло. Если эти храбрые офицеры пристрѣлятъ другъ другу черепа, тѣмъ лучше: они сдѣлаютъ черезъ то большое благодѣяніе для общества нашего города».

— По увѣренію одной лейпцигской газеты, знаменитый скороходъ Мензенъ Эрнстъ пришелъ изъ Венгріи пѣшкомъ въ Москву, и оттуда 1-го мая с. г. отправился также пѣшкомъ въ Іерусалимъ, куда надѣется прійдти непремѣнно черезъ 30 дней(?).

— Въ Нью-Йоркѣ, одинъ денди встрѣтивъ на публичномъ гуляньѣ трагическую актрису миссъ Клифтонъ, почти у самаго ея носа глядѣлъ на нее въ зрительную трубу. Эта дерзость не понравилась артисткѣ, и она такъ ударила денди бичомъ своимъ, что у него выпала изъ рукъ трубка. Толпа народа апплодировала этой сценѣ, и пристыженный денди долженъ былъ удалиться съ гулянья.

— Въ главномъ городѣ западной части Сѣверной Америки, Шикаго, только 11,000 жителей; между ими 2500 холостыхъ мужчинъ отъ 20 до 30 лѣтъ и только 1200 дѣвицъ совершеннолѣтнихъ, выключая тѣхъ, которымъ минуло уже тридцать и сорокъ лѣтъ. Слѣдовательно, на 1,200 мужчинъ приходится только 600 молоденькихъ дѣвицъ. По случаю этого обстоятельства, газета «Chicago American» вызываетъ оптомъ изъ другихъ штатовъ тысячу невѣстъ, которыя немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Шикаго могутъ выйдти замужъ за молодыхъ людей этого города.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ-ВТОРАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

НА 1842 ГОДЪ.

I. Словесность.

a) Стихотворенія:

	Стр.
Два Великана. М. Ю. Лермонтова	1
Изба. Н. П. Огарева	2
Маска. Я. Полонскаго	31
Изъ Гейне. А. Я. Кульчицкаго	32
Вечера и Ночи. А. Ф.	183
Отрывки изъ поэмы, въ двухъ частяхъ. М. Ю. Лермонтова.	187
Пробужденіе (изъ Уланда). Н. А. Струговщикова	370
Полночь. Magnolia	—
Изъ Гейне. А. Ф.	371
«Счастливецъ ты!» А. Струговщикова	—
«Дитя! мои пѣсни далеко...» (изъ Гейне). А. Ф.	372

b) Проза:

	Стр.
Янщикъ, или Шалость Гусарскаго Офицера. Драматическая картина въ одномъ дѣйствіи. Графа В. А. Соллогуба.	3
Бэрнеби Роджъ. Новый романъ Чарльза Диккинса (Boz), въ восьми частяхъ. Часть III-я IV, V и VI	33 и 202

II. Науки и Художества.

	Стр.
Гёте. Статья четвертая и послѣдняя. Гёте въ Веймарѣ съ 1796 по 1832 годъ. Смерть Шиллера. Женитьба Гёте. Послѣдніе годы его жизни. К. Л.	1
Фридрихъ-Великій и Прусская Монархія	27
Солнечныя Затмѣнія, видѣнныя въ Россіи до XVI-го столѣтія. П. И. Мельникова	47
О Художникѣ. (Изъ «Эстетики» Гегеля)	72

III. Современная Хроника Россіи.

	Стр.
Обзоръ современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за *мартъ* и *апрѣль* 1842 года	1 и 11
Событія въ отечествѣ за *мартъ* и *апрѣль* мѣсяцы 1842 года.	5 и 15

Digitized by Google

	Р. К.
des familles et des pensionnats, par Jules Mülhauser, 1 série. 1 vol. in 12. Paris .	80
DICTIONNAIRE DE MÉDECINE ou repertoire général des sciences médicales par M. M. Adelon, Beclard, etc. tome 24, Paris	1 85
URANOGRAPHIE DE LA JEUNESSE, ou leçons de sphère et d'Astronomie, démontrées sans le secours des mathématiques, par M. Perrault Maynand. 1 vol. in 12. Paris. .	1 15
РОМАНЫ и ПУТЕШЕСТВІЯ.	
Le Chevalier, par Jacob. 1 vol.	80
Le Rhin, Lettres à un ami, par M. Victor Hugo. 2 vol. in 18. Bruxelles. 1842 . . .	1 60
Le Chevalier d'Harmental, par A. Dumas. 3 vol. in 18. Brux. 1842	2 40
L'Innocente ed un forçat, par C. de Bernard. 1 vol. in 18. .	80
Le Balafré, par J. Brisset. 2 vol. in 18	1 60
La Marquise de Contades. 1 vol.	80
Excursions, sur les bords du Rhin, par A. Dumas. 3 vol. in 18	2 40

На дняхъ вышелъ изъ печати 11-й выпускъ роскошнаго русскаго изданія

НАШИ,

содержащій въ себѣ окончаніе статьи: **ГРОБОВОЙ МАСТЕРЪ.** Слѣдующій затѣмъ № 12 будетъ содержать въ себѣ статью Няня, соч. г-жи ***, и поступитъ въ продажу 10-го или 15-го сего мѣсяца. Для отвращенія слуховъ, распространяемыхъ нѣкоторыми комиссіонерами, называющими себя печатно исправными, будто бы изданіе *Наши* прекращается. Долгомъ считаю объявить гг. подписчикамъ, что эти слухи несправедливы и распространяются съ цѣлію не совсѣмъ честною. Изданіе это постоянно пріобрѣтаетъ новыхъ подписчиковъ и заслуживаетъ болѣе и болѣе довѣрія; всякій можетъ замѣтить, что послѣдніе выпуски увеличились числомъ страницъ и виньетокъ. Будущая статья украшена будетъ 24 рисунками, и выйдетъ спѣшно, какъ и послѣдующія за нею: этимъ устранится непріятность получать статьи отрывками.

Санктпетербургскій книгопродавецъ

Я. Исаковъ.

Въ Гостинномъ Дворѣ, № 22.

Печатать позволяется. Старшій цензоръ Очкинъ.

Digitized by Google

P. K.

ABRÉGÉ du dictionnaire classique des noms propres de l'antiquité sacrée et profane etc. par Bouillet. 4 édition, 1 gros vol. in 18. Paris. . 1 45

HYPOCHONDRIE-SPLEEN ou nevroses trisp'anchiques, observations relatives aux maladies, et leur traitement radical, par Montallegry. 1 vol. in 8. Paris. 1 60

HISTOIRE académique du magnétisme animal, accompagnée de notes et de remarques critiques sur toutes les observations et expériences faites jusqu'à ce jour, par Burdin et Dubois. 1 vol. in 8. Paris. 2 45

ESSAI d'un traité d'artillerie, principes de construction des bouches à feu, par Timmerhans. tome 2. Paris . . . 3 75

VOYAGE AU POLE SUD et dans l'Océanie sur les corvettes l'Astrolabe et la Zélée, exécuté pendant les années 1837—38—39 et 40, par M. Dumont d'Urville, tome 1, in 8. Paris. 1

MANUEL de l'administrateur militaire à l'usage des commandans de compagnie et de sous-officiers comptables d'infanterie, par P. A. F. Blat. 1 vol. in 18. Paris 80

VOYAGE DE LA TRAPPE A ROME par le révérend père de Geramb. 1 vol. in 12. Paris 1

HISTOIRE DE LA CONQUÊTE et de la fondation de l'empire anglais dans l'Inde, par le baron Barchou de Penhoën. 6 vol. in 8. Paris 13 85

P. C.

COURS THÉORIQUE et pratique de la taille des arbres fruitiers, par d'Albret, 4 édition. 1 vol. in 8. Paris. 1842 . . 1 60

TRAITÉ PRATIQUE DES MALADIES des enfants, depuis la naissance jusqu'à la puberté, par Berton. 1 gros vol. in 8. Paris. 1842. . . 2 75

LE BUDGET, par M. d'Audiffret. 1 vol. in 8. Paris . . 1 75

ESSAI DE STATIQUE-CHIMIQUE des êtres organisés, par M. Dumas, 2 édit. Paris. 1842. 85

LA RELIGION dans les limites de la raison, par E. Kant, trad. de l'allemand, par Trullard. 1 vol. in 8. Paris . . 2 30

DE L'ART EN ALLEMAGNE, par Hyppolite Fortoul, 2 gros vol. in 8. Paris. 1842 . . 4 60

DE L'ÉLECTRICITÉ dans ses rapports avec la lumière, la chaleur et la constitution des corps, par Nougarède de Fayet. 1 vol. in Paris . . 80

SYSTÈME DE L'UNIVERS, ou études sur l'astronomie, par Mutel, 2 partie, complement du cours de cosmographie, par Mutel. 1 vol. in 8. Paris. 1 60

PRINCIPES DE STRATÉGIE et de topographie. 1 vol. in 8. Paris. 1 30

DE LA TRAITE DES ESCLAVES en Afrique, et des moyens d'y remédier, par sir T. Fowill Buxton Bart, trad. de l'anglais par Pucaud. 1 gros vol. in 8. Paris. 2 75

RÉPERTOIRE DRAMATIQUE

Digitized by Google

IV. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленость вообще.

Стр.

Записки Пензенскаго Земледѣльца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства. Часть II-я. *Практическая часть сельскаго хозяйства.* §§ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13. И. В. Сабурова . . . . . 1 и 19

V. Критика.

Часы Выздоровленія. *Александра Полежаева.* — Стихотворенія *Александра Полежаева.* — Кальянъ. Стихотворенія *Александра Полежаева.* — Арфа. Стихотворенія *Александра Полежаева* 1

Кесари. Сочиненіе *Ф. де-Шампаньи* 25

VI. Библіографическая Хроника.

1) *Русскія книги, вышедшія въ апрѣлѣ и маѣ 1842 года:*

Комары. Всякая всячина. Ѳаддея Булгарина. Рой первый . . 1

Картинки Русскихъ Нравовъ . . . —

Сказка о Славномъ Витязѣ и Могучемъ Богатырѣ Иванѣ Трофимовичѣ Лягушкинѣ . . . . . —

Мужъ въ Бѣдѣ. И. Соколова . . 9

Найденышъ. Н. Г. 10

Рококо. А. Волкова, Изд. 2. . . 11

Библіотека Романовъ. И. Н. Улитина. Томы I, II, III и IV, V, VI и VII . . . . . 11 и 43

Повѣсти въ Стихахъ Елисаветы Шаховой 12

Ѳеофилъ. Е Алипанова. Изд. 2. . —

Военныя Пѣсни. Е. Алипанова. —

Досуги для Дѣтей. Е. Алипанова. Изд. 2. . . . . —

Мечта. Разсказъ въ стихахъ . . —

Стр.

Гайдамаки. Ноэма. Т. Шевченка. —

Кесари. Ф. де-Шампаньи . . . 13

Часы Выздоровленія. Александра Полежаева. 14

Карманный Пѣсенникъ. Изд. 2. —

Метрика Греческаго Языка, состав. Иваномъ Синайскимъ. . 15

Историческій Бытъ Россіи. Михайла Максимова 16

Юридическая Библіотека. Ѳедора Наливкина. Тетрадь 7-я. . —

Ученіе о Язвахъ. И. П. Руста . —

Дополненіе къ Объясненіямъ Аптекарскихъ Сигнатуръ. Василья Воробьевскаго . . . . . —

Описаніе Упрощеннаго Ленчика. 17

Трое Сутокъ въ Новѣгородѣ. И. Н—ва. . . . . —

Описаніе С. Петербургской Губерніи. Часть 4. Ивана Пушкарева. . . . . —

Списокъ Высшимъ Чинамъ Государственнаго, Губернскаго и Епархіальнаго Управленія . —

Обозрѣніе Свеклосахарнаго Производства. Отд. I. . . . . —

Описаніе Усовершенствованнаго Способа горячей вымочки свекловицы. Н. Шишкова. . . . —

Игра въ Преферансъ 18

Фортуна. . . . . —

О Косметическихъ Средствахъ. Соч. Г. . . . . —

Книга для Чтенія 19

Хрестоматія, извлеченная изъ лучшихъ франц. писателей. Втор. изд. Н. Нувеля . . . . —

Семейныя Бесѣды . . . . . —

Уроки Русской Грамматики. А. Охотина . . . . . —

Ариѳметика, изд. Петромъ Куминскимъ. . . . . —

Краткое Начертаніе Всеобщей Исторіи. Ивана Кайданова. . —

Альфъ и Альдона. Соч. Н. Кукольника 25

Digitized by Google

Стр.
Мать и Дочь, соч. М. Чернявскаго 29
Нищій, драма. 30
Спасо-Андрониковъ, соч. Н. Иванчина-Писарева. 31
Сочиненія Гете, выпускъ 2 33
Шекспиръ, перев. Кетчера. Ричардъ III 35
Картины Русской Живописи. Выпускъ I 36
Начальств. Распоряженія по Казанскому Округу, 1842 годъ. 37
Рѣчь о Критикѣ, соч. А. Никитенко 40
Исторія Малой Россіи, соч. Н. Бантышъ-Каменскаго, изд. 3. 41
Повѣсти и Преданія Народовъ Слав. Племени, изд. Боричевскимъ, ч. II. 42
Тысяча и Одна Ночь, части 6, 7, 8, 9 и 10. . . . . —
Дагеротипъ, тетрадь I. 44
Начатки, соч. А. Т. 45
Купеческая Дочка и Чиновникъ 14-го класса, соч. Соколова . . . . . —
Еще Купцы 3-й Гильдіи, вод., соч. Григорьева 2 . . . . . —
Русскіе Простонародные Разсказы, соч. Ѳ. Русанова . . . . . —
Солнечный Лучъ, романъ И. Штевена 46
Сказка о Трефовомъ Королѣ Фанъ-Фанѣ. . . . . —
Роландъ и Шарлотта, соч. Н. Ф. Д...на...ва. . . . . —
Галлерея Магазиновъ Князя Голицына въ Москвѣ, Ѳ. Кузмичева. . . . . —
Опытъ Библіограф. Обозрѣнія, соч. Л. Бранта 47
Нѣсколько Словъ о Періодическихъ Изданіяхъ Русскихъ, Л. Бранта . . . . . —
Балакирева Собраніе Анекдотовъ, изд. 4 51

Стр.
Краткое Извлеченіе изъ Руководства Водопотоваго Леченія. 51
Домашняя Аптека, пер. И. К. . . —
Практическія Замѣчанія о Кори, соч. П. Шюца. 52
Частная Фармакологія, соч. J. Зобергеймомъ. 53
Московскій Адрес-Календарь, сост. К. Нистремомъ, т. II. 54
Атласъ Музеума Вольн. Экон. Общества, тетр. 9 и 10. . . . . —
Практическое Руководство къ устройству веревчатыхъ приводовъ. Р. Дито 55
Древесная Флора . . . . . —
Опытъ учета работъ при свеклосахарномъ производствѣ. Н. Шишкова. . . . . —
Учебная Книга Нѣмецкаго Языка, по методѣ Зейденштикера. —
Созерцатель Человѣческихъ Знаній, соч. М. Павлова . . . . . —
Робинзонъ Крузе, соч. Кампе 57
Сравнительная Политич. Картина Государствъ, соч. Р. Орлова, тетр. I. 59
2) *Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:*
Geographie des Russischen Reichs. 20
Kleine Deutsche Grammatik . . . . . —
Fragen . . . . . —
Библіографическія и Журнальныя Извѣстія. . . . . 21 и 60

VII. Иностранная Литература.

Итальянская Литература. К. Ѳ. Липперта. 1
Англійская Литература. Его же. 11
Французская Литература. Его же. 25

VIII. Смѣсь.

Засѣданія ученыхъ обществъ въ Россіи и чужихъ краяхъ.

Digitized by Google

	P. K.
Grandville, abon. pour 50 livr. (paru 14).	4 30
LES CONTES DE LA BONNE MAMAN ou la morale en images par M. M. l'abbé de Savigny, etc. et Mad. Eugenie Foa. 1 beau vol. orné de 40 lithographies. Paris . . .	3 50
LES CONTES DU GRAND-PAPA, par M. M. l'abbé de Savigny, Léon Guérin etc. et Mad. Eugenie Foa, 1 vol. gr. in 8 orné de 40 lithographies. Paris. 1842.	3 50
FABLES DE LAFONTAINE, édition bijou, illustrée par I. David, M. Iohannot, V. Adam etc. 2 charmants vol. in 12. Paris. 1842.	2 85
VOYAGE EN ITALIE par M. Jules Janin, nouvelle édition, ornée de 26 belles gravures anglaises. 1 vol. in 8. Paris. 1842.	3
LA PLEIADE, livraisons 9 — 10 (fin du volume) contenant: Madame Acker par Cavarni, Lais des deux amants, par Marie de France, La reconciliation, par Ludwig Tieck. prix du volume complet. .	3 60

ИСТОРІЯ и НАУКИ.

CHARLEMAGNE, par Capefigue, 2 vol. in 8. Paris. 1842. .	4 30
LE BON JARDINIER pour 1842 très gros volume, in 12 avec 16 figures gravées dans le texte, un atlas separé. Paris.	4
GÉOGPAPHIE physique, historique et militaire, par théophile Levallée. 1 vol. in 8. Paris. 1841.	2
ASSISES du Royaume de Jerusalem (textes français et italien). publiées par Victor Foucher, tome 1-r en 2 parties, contenant Assises des Bourgeris Le Pledéant, le Playdoie, règles de la bataille pour meurtre et ordenement de la court dou vesconte. Paris.	6
ETUDE sur la philosophie dans le moyen-age par Xavier Rousselot. 2 vol. in 8. Paris.	4
HISTOIRE DU MOYEN-AGE, par L. Gaillardin, docteur ès-lettres. 3 vol. in 8. Paris. .	5 75
HISTOIRE ROMAINE, par Ed. Dumond, professeur au collège royal de St. Louis. 3 vol. in 8. Paris.	5 75
RÉSUMÉ DES LEÇONS DE MÉCANIQUE, données à l'école polythechnique, par M. Navier. 1 vol. in 8. Paris . .	2 75
ESSAI SUR LA TACTIQUE des trois armes isolées et réunies, par Henri de Giustiniani. 1 vol. in 8. Paris. .	3 15
TRAITÉ élémentaire de mécanique, appliquée aux sciences physiques et aux arts, par Bresson. Mecanique des corps solides. 1 grav. vol. in 4. Paris. 1842.	8
ESQUISSE historique du service de Santé militaire en général et spécialement du service chirurgical depuis l'établissement des hopitaux militaires en France par I. P. Gama. 1 vol. gr. in 8. Paris.	2 45

Digitized by Google

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя *съ открытіемъ навигаціи* въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

—

	Р.	К.
ИЗДАНІЯ РОСКОШНЫЯ.		
LE MÉMORIAL DE SHAKSPEARE. Contes Shakspeariens trad. de l'anglais par M. Borghers, avec introduction par M. Philarète-Chasles. Un beau vol. grand. in 8, orné de 22 magnifiques gravures sur acier. Paris. 1842.	4	20
THE KEEPSAKE, for 1842 edited by the Countess of Blessington; magnifique volume orné de 18 gravures et relié en soie. Londres. 1842	8	
BOOK OF BEAUTY for 1842, edited by the Countess of Blessington, 1 vol. orné de 18 portraits relié en soie.	8	
ILLUSTRATION des romans de W. Scott. 2 vol. ornés de 108 grav. reliure anglaise.	15	
THE JUVENILE ALBUM, or tales from far and near by Mrs Lee, in-4 relié	4	
FLOWERS of Loveliness; twerle groups of female figures, emblematic of flowers etc., in-folio, manifiquement relié	8	
THE BOOK OF THE BOUDOIR or the court of queen Victoria in-folio richement relié et orné de 18 potraits superieurement gravés. Londres. 1842.	16	
THE PICTURESQUE ANNUAL for 1842. Paris by Mrs Gore. 1 vol. reliure anglaise.	8	
ALMANACH DE GOTHA pour l'année 1842, 1 vol. in 18, joliment cartonné.	1	75
L'ANE MORT par M. Iules Janin, édition illustrée par Tony Johannot. 1 vol. gr. in-8.	3	
SCÈNES DE LA VIE PRIVÉE et publique des animaux; illustrées par Grandville. Abonnement pour le tome 2-d, composé de 50 livr. et 100 figures, paru 21 livraisons	4	30
LE JARDIN DES PLANTES, description et moeurs des mammifères de la ménagerie et du muséum d'histoire naturelle, par Boitard, 1 volume illustré d'un grand nombre de dessins gravés sur bois et de 4 planches coloriées. Paris. 1842.	4	60
OEUVRES DU CHANOINE SCHMIDT, illustrées par Gavarni, traduction de M. Cerfberr Medelsheim, publiée sous les auspcies de Mad. la Duchesse d'Orléan, 19 livr. parues, prix pour 50 livr.	7	15
PETITES MISÈRES de la vie humaine, par Old Nick et		

Digitized by Google

	Стр.
1) Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ.	1 и 62
2) Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ.	5
3) Парижская Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ	6 и 68
4) Одесское Общество Исторіи и Древностей	64
Шпильбергъ (изъ записокъ французскаго путешественника . .	27
Шпіонъ, эпизодъ изъ исторіи послѣдней испанской войны .	30
Воспоминаніе о баронѣ Е. В. Врангелѣ. Б—го.	53
Слово Даніила Заточника. Гр. Д. Н. Т—го.	57
Взглядъ на южный берегъ Крыма съ большой дороги	60
Великая Стѣна, отдѣляющая Китай отъ Монголіи. О. Іакинѳа	79
Двѣ черты изъ очерковъ Восточной Индіи	83
Березы. Разсказъ Н. Сатина .	86
Письма изъ-за границы. (Письмо X).—*Парижъ:* Ламартинъ. —Пріемъ новыхъ членовъ во Французскую Академію. — Шатобріанъ и г-жа Рекамьѣ. — Лекціи Жирардена.—Проповѣдники: Дюпанлу, Равиньянъ и Ботенъ. — Проекты памятника Наполеону. — Новѣйшія театральныя пьесы. А—ва.	95

Театральная Лѣтопись:

Русскій Театръ въ Санктпетербургѣ:

Христина, королева шведская, драма, перев. съ нѣмец. Г. Ободовскимъ	102
Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, драмат. представл., соч. г. Ободовскаго	—
Святославъ, драмат. предст. . .	105
Брюзга, комед.-вод., перед. съ франц. г. Каратыгинымъ . .	106
Три Звѣздочки, вод., перев. съ франц. г. Каратыгинымъ. . .	107
Помѣшанный, драма, соч. Тимона Бурминскаго.	—
Похожденія Петра Степанова сына Столбикова, ком., соч. гг. Григорьева, Ѳедорова и Перепельскаго	108
Барская Спѣсь и Анютины Глазки, вод., перед. съ франц. г. Ленскимъ.	—
Настинька, провинц. сцены, соч. г. Коровкина.	109
Фонарь, водевиль, соч. *** . . .	—
Разныя Извѣстія, всего—109 статей.	38 и 109

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА.

	Ассигнаціями. Р.	К.
ШКОЛЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.		
Черни. Лучшій фортепьянный учитель, или наставленіе, какъ выучиться въ короткое время играть на семъ инструментѣ правильно и ловко	7	
Крамера. Полная школа, новый переводъ	10	
Его же, небольшая школа	5	
Гюнтена, фортепьянная школа, переводъ съ нѣмецкаго, 1-ая часть	14	
ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.		
М. Бернарда, варіація на пѣснь русскихъ: Боже Царя Храни	2	60
Его же, варіація на цыганскую пѣсню: Ты не повѣришь, какъ ты мила	3	
Его же, варіація на пѣсню: Лучина лучинушка	2	
Его же, варіація на пѣсню: Красный сарафанъ	3	
Его же, варіація, для дѣтей, на пѣсню: Вотъ мчится тройка удалая	2	
Его же, сто русскихъ народныхъ пѣсенъ, аранжированныхъ для одного фортепьяно	10	50
—Тѣ же сто русскихъ пѣсенъ для одной скрипки	7	
Его же, собраніе 30-ти русскихъ народныхъ пѣсенъ для фортепьяно, съ варіаціями, въ семи тетрадяхъ, каждая по	2	
Его же, выборъ лучшихъ любимыхъ романсовъ и пѣсенъ, для фортепьяно, въ пяти тетрадяхъ, каждая по	2	
Döhler. Grand caprice sur l'op: Guido di Genevra, op 37	8	
Duvernoy. Rondo galop sur la favorite, op 106	8	
Fesca. La mélancolie, pièce caractéristique, op 15	3	
Heller quatre Rondos sur la favorite, op 23, cah. 1—2, chaque à	5	
Henselt Tableau musical sur deux mélodies de Schubert, op 115	7	
H. Herz. Gr. fantaisie à la militaire sur deux mélodies de Schubert, op 115	5	
Fr. Hünten. Mélodies célestes, 3 airs variés, op. 113, № 1, 2, 3, chaque à	4	50
Kalkbrenner. Rondo brill: sur la favorite, op. 150	4	50
Liszt. Galop de bal, avec portrait	1	40
Liszt. *Соловей* d'Alabieff transcrit pour le piano	3	
Thalberg. Romance variée	2	
Daïa. Ballet arrangé pour le piano	5	
ДУЭТЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО СО СКРИПКОЮ.		
Berist et Labarre. Fantaisie sur la Muette de Portici	4	
Les mêmes, fantaisie sur le Comte Ory	4	
Jansa. Variations sur trois thèmes, op. 49, 3 cahiers, chaque	3	
Lanner, collection de valses pour violon et piano, chaque	3	
Lipinsky, fantaisie et var. sur des thèmes des Huguenots, pour le violon avec acc: de piano, op. 26	6	
A. Lvoff. Trois mélodies pour voix, violon et piano № 1. Barcarole de Schubert	5	

Digitized by Google

	Ассигнаціями. Р.	К.
№ 2. Barcarole de Spontini	3	50
№ 3. Mélodies de Kreutzer	5	50
Mayseder. Rondo de concert, pour le violon avec acc: de piano, op. 56	6	
Prume. La mélancolie, pour le violon avec piano	6	

ДЛЯ ПѢНІЯ РУССКАГО.

М. Бернарда, *двѣнадцать лучшихъ народныхъ пѣсень, для одного голоса съ акомп. фортепьяно*	5	
А. Бокса, *Лучина лучинушка, съ варіаціями для одного голоса, съ фортепьяно*	2	
Ц. Ромберга, романсъ: Тучи черныя, *для голоса, віолончели и фортепьяно, слова гр. Растопчиной*	3	
Романуса, романсъ: Дайте крылья мнѣ	1	40
Рейсигера, романсъ: Мостикъ	1	40
В. Осипова. Пѣснь разбойника	1	40
Его же, Пламенныя очи	1	40
Его же, Заведи мня, пташечка	1	40
Театральный *альбомъ* водевильныхъ куплетовъ *для* 1842 года	7	

ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

Ланнера любимые вальсы, какъ-то:

1. Liebes—Träume.
2. Die Romantiker.
3. Hoffnungs—Strahlen.
4. Aurora.
5. Die Osmanen.
6. Marien—Walzer.
7. Die Pétersbourger.
8. Die Kosenden.
9. Die Aelpler.
10. Mille fleurs.
11. Die Neapolitaner.
12. Die Werber.
13. Pesther—Walzer.
14. Paradies—Walzer.

Каждый изъ сихъ вальсовъ продается по 2 руб. 62 коп.

Страуса: Caecilien—Walzer.
— Myrthen—Walzer.
— Alexandra—Walzer.
— Apollo—Walzer.

Лабицкаго: Tremolo—Walzer.
— Lilien—Walzer.
— Woronzoff—Walzer.

Каждый изъ сихъ вальсовъ продается по 2 руб. 62 коп.

НОВЫЯ МАЗУРКИ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

Леандра любимая мазурка: Le bouquet de bal	1	
Мазурка изъ оперы: Аскольдова Могила	1	
Подобѣдова, три новѣйшія мазурки	1	75
Мазурка à la Taglioni	1	
Собраніе 13-ти варшавскихъ мазурокъ	2	

Въ этомъ же магазинѣ принимается подписка на музыкальный журналъ: *Нувелистъ*, музыкальное обозрѣніе *для* фортепьяно. Цѣна журналу 10 руб. сер. за годъ, съ пересылкою 12 р.

Выписывающіе нотъ на 50 руб. асс. не платятъ за пересылку.

Digitized by Google

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжной лавкѣ Я. А. Исакова, въ Санктпетербургѣ.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

—

	P.	K.
SCENES DE LA VIE PRIVÉE ET PUBLIQUE DES ANIMAUX, tome 2. Livrais 1 à 18, prix pour 50 livrais.	4	30
HISTOIRE DES DUCS DE BOURGOGNE, par *M. de Barante*, nouv. édition, illustrée; livrais. 1 à 34, pour l'ouvrage complet (100 livrais) . . .	14	30
HISTOIRE DES CROISADES, par *Michaud*, nouv. édition, ornée de gravures sur acier. 6 vol. 8.	10	
HISTOIRE DES REPUBLIQUES ITALIENNES, par *Sismondi*, nouv. édition, ornée de gravures sur acier 10 vol. 8. .	14	30
TRAITÉ DE L'ART DE LA CHARPENTERIE, par *Emy*. Bruxelles t. 1, et atlas in-folio. .	9	
PARIS - LONDRES, Almanach pour l'année 1842. Un vol. in 8, orné de 26 gravures, sur acier	3	72
HISTOIRE DE LA CAMPAGNE DE 1815 pour faire suite à l'histoire des guerres des temps modernes, par *Damitz*, trad. de l'allemand. 1 partie, in8.	1	86
CLINIQUE CHIRURGICALE DE LA PITIÉ, par *Lisfranc*. Bruxelles, in 8, tome 1 . .	1	30
HISTOIRE DE JERUSALEM, par *Poujoulat*. 3 vol. 18. .	2	30
EXCURSIONS SUR LES BORDS DU RHIN, par *Dumas*. 3 vol. 18.	2	30
CE MONSIEUR, par *Paul de Kock*. 2 vol. 18	1	43
L'INNOCENCE D'UN FORÇAT, par *Ch. Bernard*. Un vol. 18.		80
LA PLUS HEUREUSE FEMME DU MONDE, par *Ch. de Sor*. Un vol. 18		80
URSULE MIROUËT, par *de Balzac*. 2 vol. 18	1	43
LE DOCTEUR HERBEAU, par *Sandeau*. 2 vol. 18. . . .	1	43
LE CHEVALIER DE CHAVILLE, par *Jacob*. Un vol. 18. . .		80

Digitized by Google

	P. K.
LE TASSE ET LA PRINCESSE ELEONORE D'EST, par *M-me Gottis*. 2 vol. 18.	1 60
EMMERANCE, par *M-me Ancelot*. 2 vol. 18	1 43
MEMOIRES DE DEUX JEUNES MARIÉES, par *de Balzac*. 2 vol. 18.	1 43
MARGUERITE, par *F. Soulié*. 2 vol. 18.	1 43

Печатать позволяется. Старшій цензоръ Рочфортъ.

Digitized by Google

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА.

	Ассигнаціями. Р.	К.
ДЛЯ ВСѢГО ОРКЕСТРА.		
Donizetti. Ouverture et Choeur des Martyrs	22	
Kalliwoda. Ouvert. Pastorale op. 108	14	
Strauss. Palmenzweige-Walzer op. 122	12	
——— Amors-Pfeile-Walzer op. 123.	10	
Lanner. Alpen-Rosen-Walzer op. 162.	12	
——— Contredanses Françaises op. 164.	8	
Labitzky. 3 Mazurkas et une Polonaise op. 63.	9	
——— Immergrün-Galop op. 65.	9	
ДЛЯ СКРИПКИ СЪ АКОМПАНЬЕМАНОМЪ ФОРТЕПЬЯНО.		
Artôt. Scène de tombeaux de Lucia di Lammermoor, fantaisie. op. 5.	6	
Beriot. Andante et Rondo Russe op. 32.	8	
David. Variations sur un thème original op. 13	7	
Ernst. Deux morceaux de Salon op. 13, chaque.	6	
Jansa. Le jeune amateur d'Opéras № 1—8 à	3	
Kalliwoda. Introduction, Romance et Rondo op. 107	6	50
Louis. 12 morceaux de salon op. 88 № 1—12 chaque.	4	
ДЛЯ ОДНОГО ВІОЛОНЧЕЛЯ СЪ АККОМПАНЬЕМАНОМЪ ФОРТЕПЬЯНО.		
Batta. Fantaisie sur Lucia di Lammermoor	6	75
Dotzauer. Variations brillantes op. 156	7	
Ernst. Romance op. 15	3	
Kummer. 10 Etudes mélodiques op. 57	5	
Lvoff et Taubert. Divertissement op. 4	5	
ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПЬЯНО.		
Adam. Six petits airs du ballet Giselle	3	50
Burgmüller. Carline, galop brill: en forme de Rondo	3	25
Czerny. (Ch.) Var. brill. sur la dernière pensée de Weber op. 608.	3	
Döhler. Divertissement sur l'op. Guitarrero op. 35.	6	
Duvernoy. Fantaisie sur un motif de Donizetti, op. 105	3	50
Fesca (A.). Scène de bal, morceau de Salon, op. 14	5	
Henselt. *Бывало*, Romance favorite du Cte Wielhorsky, transcrite pour le Piano	3	50
Le même. La Gondole	3	
Herz (H). Gr. fantaisie et finale à la militaire sur deux mélodies de Schubert op. 115.	5	
Hünten. Petites fleurs de Salon, 4 Rondinos, op. 112	3	50

Digitized by Google

	Ассигнаціями. Р.	К.
Kalkbrenner. 3 fantaisies de Salon op. 146 № 1, 2, 3, chaque à .	4	
Liszt. Grand Galop chromatique	3	
Mayer. (Ch.). Troisième Impromptu.	3	
Le même. Capriccio op. 62	3	
Mendelssohn. 6 Lieder sans paroles, op. 53, 4-me Cah	6	
Moscheles. Pensées fugitives	3	
Osborne. Le Castillan, Bolero op. 38	4	
Rosellen. 2 Morceaux de Salon op. 30, chaque à	3	
Rosenhain. 2 Nocturnes	3	25
Schumann. 3 Romances, op. 28	6	
Taubert. Andante de Concert, op. 18	4	50
Thalberg. Gr. Fantaisie sur la Sérénade et le Menuet de Don Juan, op. 42	8	
Wolf. (E.) Marche héroïque pour les funérailles de Napoléon. . .	3	50
Le même, Gr. Allegro de Concért op. 30	9	

ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ.

Bertini. Duo brill. sur les Martyrs. op. 129	6	75
Burgmüller. Souvenir de Ratisbonne, gr. Valse brill. op. 67 . . .	4	
Chopin. 6 Gr. Etudes op. 10	6	
Czerny (Ch.). Pas redoublé, op. 515	3	
Le même 6 Etudes op. 2	7	
Herz. (H.) Gr. Fantaisie brill. sur. l'Elisire d'amore	8	
Liszt. Gr. Galop chromatique	4	50
Louis (N.). Les contrastes, 3 Caprices faciles, op. 94 à	2	50
Thalberg. Airs Russes variés. op. 15	8	

Тутъ же находятся всѣ возможныя увертюры для фортепьяно въ четыре руки и въ двѣ руки.

НОВЫЕ ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

М. Бернарда. «Радостный день», франц. кадриль	2
Его же, фр. кадриль изъ оперы: «Аскольдова Могила»	2
А. Лядова. Новая кадриль, посвященная гг. воспитанникамъ Лицея .	2
Ф. Леандра. «Колокольчикъ», кадриль	2
И. Подобѣдова. «Букетъ цвѣтовъ», кадриль	2
Волшебный вальсъ Деблера	1
М. Бернарда. Вальсъ: «Радостный день»	1
Послѣдняя мысль Паганини, вальсъ меланхолическій	1
А. Лядова. Воспоминаніе Екатерингофа, любимая мазурка и галопъ .	2
П. Левицкаго. La corbeille de fleurs, собраніе новыхъ мазурокъ .	2

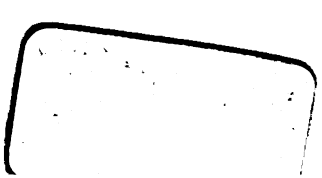
Тутъ же находятся лучшія французскія кадрили, вальсы и мазурки для не большаго бальнаго оркестра.

Всѣ сіи ноты продаются въ С. Петербургѣ у М. Бернарда, музыкальнаго продавца Двора Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны. На Невскомъ Проспектѣ въ домѣ Чичлина подъ № 10.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google